

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Stanford University Libraries

3 6105 210 175 472

STANFORD LIBRARIES

33

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks

MAR 16 1981

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. ПОЛЬ. 1882 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
I. Торжество правосудія. Романъ. (Главы I—XIII). <i>Д. И. Стахъева</i>	3	IX. Изъ Ирландскихъ пѣсенъ Сотера Ломана. Стих. <i>С. А. Бердлева</i>	203
II. Чарльзъ Робертъ Дарвинъ. (Очеркъ его ученія: дарвинизмъ, его предшественники и послѣдователи; его значеніе и односторонность). <i>Д. К. Потова</i>	68	Современное обозрѣніе.	
III. Дурочка. Стихотвореніе <i>П. Нижальскаго</i>	103	X. Культурно - промышленный парадъ. (Письмо съ московской всероссійской выставки). <i>Скептическаго россиянина</i>	206
IV. Весна. Стихотвореніе <i>Ф. Андреева</i>	104	Въ куревъ диопрамбовъ «празднику российской промышленности». — Ядъ сомнѣнія на концѣ пера г. <i>Баткова</i> . — Грандіозная фраза. — Декорацин и сторона закулисная. — Пробѣды, недостатки и симптомы «хищенія». — Видъ аданій выставки и ихъ архитектура. — Прогулка въ безконечномъ кольцѣ. — Обзоръ выставки по группамъ и по ихъ топографическому распредѣленію. — Общій характеръ и направленіе нашей промышленности. — У статуй «Россіи». — Заключительныя замѣтки.	
V. Дипломатія и любовь. Романъ <i>Йоганна фонъ-Девалля</i> . (Переводъ съ нѣмецкаго)	105	XI. Наши внутреннія дѣла.	223
VI. Исповѣдь влюбленнаго. (Изъ Ришпена). Стих. <i>А. Тамбовцева</i>	160	Перемена въ управленіи министерства. (См. на оборотѣ).	
VII. О значеніи разработки архивовъ для успѣховъ кодификаціи. <i>И. Е. Андреевскаго</i>	161		
VIII. Братья Рамулты. Современная повѣсть. <i>І. Крашевскаго</i> . (Съ польскаго)	170		

Стр.	Стр.
<p>ствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Недо- разумнѣе прискорбнаго свойства.— 1880 годъ.—Нарожденіе «національ- ной, или народной русской полити- ки».—Что значить—«все для наро- да; ничего для интеллигенціи»?— Связь между народомъ и интелли- генціею; причины и значеніе этой связи.—Значеніе принятыхъ пра- вительствомъ мѣръ въ интересахъ крестьянъ и отношеніе къ нимъ общества.—Причины недовольства ретроградовъ дѣятельностью гр. Игнатъева.—Значеніе общественна- го мнѣнія.—Печать столичная и провинціальная.—Одиночество «Мо- сковскихъ Вѣдомостей».</p> <p>XII. Политическая хроника . 243</p> <p>Смерть Гарibaldi.—Двойствен- ность Бисмарка.—Бисмаркъ, какъ политикъ, и Бисмаркъ, какъ эконо- мистъ и социалистъ.—Объедине- ніе Германіи.—Внутренняя поли- тика Бисмарка.—Культурная борь-</p>	<p>ба.—Соціально-экономическіе про- екты, таможенная система, табач- ная монополія, законы противъ со- ціалистовъ, законопроектъ о за- страхованіи рабочихъ отъ болѣз- ней и несчастныхъ случаевъ.—За- ключеніе.</p> <p>XIII. Балванскія письма. I. (27 апрѣля 1881—27 мая 1882 года). С. С. 264</p> <p>XIV. О переходѣ въ вѣдѣніе Думы больницъ Попечительнаго Совѣта. А. С. <i>Виреніуса</i> . . 281</p> <p>XV. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): Благодушныя пѣсни <i>Ефима Скорпионова</i>. Книга вторая. I—IX. 304</p> <p>XVI. Содержаніе книгъ «На- блюдателя» за январь — іюль 1882 г. 309</p> <p>XVII. Объявленія 316</p>

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По соглашенію съ издателемъ прекратившейся (на 5-й книгѣ) «Русской Рѣчи», всѣ платные подписчики послѣдней удовлетворены экзemplарами нашего журнала, и притомъ начиная съ 1-го №, въ виду разницы подписной цѣны. При этомъ редакція «Наблюдателя» считаетъ нужнымъ присовокупить, что ни къ какому иному способу удовлетворенія подписчиковъ «Русской Рѣчи» она не обязывалась. Гг. подписчики «Русской Рѣчи», пользующіеся разсрочкой подписныхъ денегъ, благоволятъ высылать слѣдующіе взносы въ редакцію нашего журнала.

Подписчикамъ «Наблюдателя», не доставшимъ свои взносы до полной подписной цѣны, *высылка журнала прекращена* впредь до полученія остальной суммы.

Гг. подписчики, мѣняющіе свои адреса, благоволятъ высылать марками 21 коп., безъ чего не будетъ сдѣлана перепечатка адреса.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ:

Стихотворенія, присланныя: изъ Новочеркасска (г. И. П. П—ва); Базани (И. И. Зн—аго, К. Г. К—на и Ф. М. М—аго); Василь-Сурска (Н. И. Кор—на) не будутъ напечатаны. Статьи, присланныя изъ Самары (Ю. А. Ф—вой): «Бесѣды о русск. слов.», и Вязьмы (А. А. С—ой): «Идеалистъ» (повѣсть)—не будутъ напечатаны.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 7-й. І Ю Л Ъ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., № 5.

Типографія д-ра М. А. Хана. Поварской пер., № 2.

82 605T2 53 005 XL

2059 202

STANFORD LIBRARIES

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно съ 1-го января 1882 г., безъ предварительной цензуры, по программѣ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки 7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ 7 р. 50 к
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи. 8 р.
Съ пересылкою за границу.	16 р.	Съ пересылкою за границу . . . 9 р.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка при посредствѣ назначеєвъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Павсарской переулочъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ известнѣхъ книжныхъ и газетныхъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только перешедшимъ изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журналъ

Въ Главной Конторѣ «Наблюдателя» имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія редакціи:

1) Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изд. по редакцію А. П. Пятковскаго, съ портретомъ автора, факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862 г. 3-е изд. (Осталось небольшое количество). Ц. 1 р. 25 к.; перес. за 1 ф.

2) Князь В. О. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ связи съ личными воспоминаніями. А. П. Пятковскаго. С 1880 г. (Печатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ). Ц. 75 вѣ. 1 ф.

Иногородные подписчики «Наблюдателя», приславшіе по ошибкѣ за годовой экземпляръ 16 р. вмѣсто 14-ти, получаютъ, вмѣстѣ излишне-высланныхъ денегъ, объ поименованныя книги, причѣмъ пересылку редакція принимаетъ на свой счетъ.

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСУДІЯ.

РОМАНЪ.

I.

— Если ты не хочешь слушать добрыхъ словъ, то я тебѣ на-
конецъ приказываю! Слышишь, приказываю! Ты не имѣешь права
не исполнить приказанія отца!.. Слышишь, Яковъ?

Такъ поучалъ своего роднаго сына Петръ Ивановичъ Лачужни-
ковъ, поспѣшно шагая изъ угла въ уголокъ по комнатѣ и сильно
размахивая руками. Средняго роста, съдой, съ лысной во всю го-
лову, онъ былъ теперь красенъ и его бойкіе черные глаза свер-
кали гнѣвомъ. Однако же, не смотря на такое явно - гнѣвное со-
стояніе духа Петра Ивановича, сынъ его, Яковъ Петровичъ, оста-
вался невозмутимо - спокойнымъ и продолжалъ пощипывать свою
темно-русую бородку, сдержанно и едва замѣтно улыбаясь.

— Не серди меня, Яковъ, слышишь? грозилъ Петръ Ивано-
вичъ. — не серди, поѣдемъ, говорю...

— Я не поѣду, лѣниво отвѣтилъ сынъ.

— Ты долженъ ѣхать!

— Нѣтъ!

— Хорошо. Благодарю покорно.

Съ этими словами Петръ Ивановичъ торопливо ушелъ въ свою
комнату и плотно прихлопнулъ за собою дверь. Сынъ посмотрѣлъ
ему вслѣдъ и принялся крутить свою папироску, да такъ при этомъ
задумчиво нахмурился, точно Богъ вѣсть въ какія соображенія
углубился.

Оба они, и отецъ и сынъ, были старинные друзья и больше

одного раза въ сутки не ссорились. Рѣдко, рѣдко когда два раза въ одинъ и тотъ же день пошумятъ. Вѣрнѣе говоря, это были даже не ссоры, а только вспышки одного Петра Ивановича, зато самъ же онъ потомъ и извинялся передъ сыномъ. Жили они вдвоемъ. Петръ Ивановичъ былъ вдовъ, лѣтъ тридцать служилъ въ какомъ-то ученомъ архивѣ и застылъ въ чинѣ статскаго совѣтника. Его товарищи давнымъ давно дослужились до тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ, увѣшались орденами и обзавелись казенными квартирами съ шеститысячными жалованьями, а онъ занималъ все одну и ту же должность, какъ будто ему, по какому-то особому тайному повелѣнію, запрещено было давать жалованье выше ста рублей въ мѣсяцъ. Яковъ Петровичъ, какъ видно, тоже обѣщалъ застыть въ медико-хирургической академіи, о чемъ можно было предположить изъ того, что, окончивъ курсъ съ званіемъ доктора медицины, онъ не искалъ частной практики и проводилъ цѣлые дни въ академической препаровочной, копаясь въ трупахъ. Его товарищи точно такъ же, какъ и товарищи его отца, спѣшили дѣлать карьеру, высматривали и пронюхивали гдѣ бы лучше пристроиться; они ухаживали за академическими тузами, кланялись имъ съ заискивающими улыбочками и унижались до того, что застегивали пышные полости саней какого-нибудь Z, когда онъ, надвинувъ на уши собою шапку, пыхтя и сопя, усаживался въ сани, отправляясь домой послѣ лекціи. Яковъ Петровичъ долго не замѣчалъ, какъ извиваются передъ крупнымъ медицинскимъ тузомъ разные мелкіе пройдохи, и пренаивно считалъ этого туза безкорыстнымъ рыцаремъ, готовымъ положить за науку свою жизнь, ничуть не подозрѣвая, что безкорыстный рыцарь давно уже залѣзъ въ большіе чины и владѣетъ грудами процентныхъ бумагъ. Бывало, въ первые годы знакомства съ медицинскимъ міромъ, онъ съ увлеченіемъ заявлялъ отцу о необыкновенныхъ нравственныхъ достоинствахъ какого-нибудь NN; но Петръ Ивановичъ, въ отвѣтъ на его горячія заявленія, молча покашливалъ и сопѣлъ носомъ. Потомъ пришло такое время, когда и самъ Яковъ Петровичъ сталъ покашливать и сопѣть въ носъ при разговорѣ о «человѣческихъ доблестяхъ». Жили они на Выборгской, гдѣ-то въ глухомъ переулкѣ, имѣли общую

квартиру во дворѣ, всего въ три комнаты, довольно впрочемъ просторныя, еслибы только можно было привести ихъ въ порядокъ и освободить отъ книгъ, разложенныхъ не только по шкафамъ и столамъ, но и по стульямъ, и даже на полу. Въ кабинетъ Петра Ивановича было нѣсколько старинныхъ гравюръ съ картинъ Рафаэля и Борреджіо; нѣсколько изящныхъ вещицъ на письменномъ столѣ, — пресъ-папье, напримѣръ, въ видѣ ангела славы съ широко размахнутыми крыльями; хрустальная чернильница въ видѣ куба, поддерживаемая тремя мускулистыми арабами. Въ комнатѣ Якова Петровича не было ничего подобнаго: на столѣ, занятомъ книгами и анатомическими атласами, лежало два-три черепа съ оскаленными зубами и черными впадинами вмѣсто глазъ и носовъ. На окнахъ связки съ препаратами въ спирту; на полкахъ, на стульяхъ и на полу — книги.

Въ описываемый день, — праздничный, именно воскресный, — оба, отецъ и сынъ, съ утра никуда не выходили и могли спорить сколько угодно, для чего въ другіе дни не всегда представлялось свободное время, такъ какъ оба уходили изъ квартиры послѣ утренняго чая и иногда не возвращались до поздняго вечера. Предметомъ спора въ настоящемъ случаѣ была поѣздка къ дядѣ — родному брату Петра Ивановича, — куда Яковъ Петровичъ ѣздилъ всегда съ неудовольствіемъ, и теперь отказывался отъ поѣздки, вызывая своимъ упорствомъ сердитые упреки отца. Петръ Ивановичъ все еще, какъ видно, не терялъ надежды уговорить сына ѣхать къ дядѣ. Онъ, черезъ нѣсколько времени послѣ описанной размолвки, снова вышелъ изъ своего уединенія, на этотъ разъ уже не гнѣвный, а кроткій и извиняющійся.

— Ты, братъ Яковъ, не сердись, заговорилъ онъ, я дѣйствительно, братъ, горячъ и не скрываю этого.

— Знаю.

— Поѣдемъ, братъ, пожалуйста. Ей Богу, вѣдь необходимо.

— Опять за то же! улыбнулся сынъ.

— Ну, какъ же не сердиться на тебя, когда ты такой глупый! Подумай самъ: родной дядя, больной человекъ, зоветъ и дозваться не можетъ!

— Да зачѣмъ? Пора бы ему, кажется, знать, что у него туберкулёзъ въ послѣдней степени. Какая же теперь возможна помощь? Пусть лучше готовится завѣщаніе. Будетъ съ него, пожилъ. Да и что за бѣда такая: ну, умереть завтра, послѣ завтра, черезъ мѣсяцъ наконецъ—не все-ли равно? Человѣкъ для того и рождается, чтобы умереть.

— Дуракъ ты, я тебѣ скажу, вотъ что! гнѣвно перебилъ Петръ Ивановичъ;—вспомни-жа, когда ты былъ у него?

— Я и вспоминать не хочу, очень нужно! Хотя бы сто лѣтъ не былъ, не все-ли равно? Между нами ничего нѣтъ общаго: онъ богатый баринъ, въ нѣкоторомъ родѣ вельможа, и притомъ дѣлецъ, финансистъ, а я, какъ знаете, соприкасаюсь только съ царствомъ мертвыхъ, и для меня онъ можетъ представлять интересъ лишь какъ будущій трупъ, не болѣе.

— Чортъ знаетъ, что ты городишь! перебилъ Петръ Ивановичъ.

— Да вы-то съ чего такъ часто и такъ настойчиво стали послѣднее время приглашать меня къ дядѣ? Ужь не корыстолюбіе-ли вами овладѣваетъ, родитель? Не рассчитываете-ли вы, въ виду предстоящей смерти братца, получить какую либо маду отъ его щедротъ, ха, ха?

— Ты, братъ, знай край, да не падай,—хмурясь, возразилъ Петръ Ивановичъ;—я, братъ, такихъ шутокъ не люблю, вотъ что, да! Ты думаешь, что я простъ и на дружеской съ тобой ногѣ, такъ мнѣ можно чортъ знаетъ что говорить? Нѣтъ, ошибаешься!

— Ну, извините, родитель, мало-ли что скажется въ шутку.

— Хорошо, хорошо, довольно.

Яковъ Петровичъ видѣлъ, что отецъ сердится и сталъ мало-по-малу сдаваться. Онъ согласился наконецъ съѣздить еще разъ къ дядѣ (это ужь, конечно, въ послѣдній, мысленно рѣшилъ онъ) и просидѣть тамъ болѣе или менѣе приличное время.

Они вышли въ маленькую темную переднюю. Старушка низенькая и тощая, съ значительнымъ обиліемъ морщинъ на желтомъ лицѣ, но еще довольно бодрая, заслыша ихъ шаги, растворила

дверь изъ кухни, и свѣтъ отъ маленькой жестиной лампочки, висѣвшей тамъ на стѣнѣ, упалъ блестящей полосой въ переднюю.

— Чай пить развѣ не будете? изумленно спросила она, выходя къ нимъ съ чулкомъ.

— Не будемъ, мать, не будемъ. Распивай чай одна. Ъдемъ, мать, далеко,—весело отвѣчала Петръ Ивановичъ, низко наклонившись надъ глубокими войлочными калошами.

Сынъ накинулъ на плечи ватное пальто и сверхъ него пледъ, а Петръ Ивановичъ что-то долго копался, надѣвая енотовую шубу, застегивался, поправлялъ воротникъ, ощупывалъ, въ карманѣ-ли платокъ, вообще медлилъ.

— Эхъ, какъ вы копаются! насмѣшливо замѣтилъ сынъ.

— Каково, а, Матвѣвна, слышишь-ли, что говорить? обратился Петръ Ивановичъ къ старухѣ,—хорошо? Отцу-то?

— Охъ, ужъ и не говорите, такой зубастый сталъ. Давно-ли, кажись, въ гимназію бѣгалъ клошъ, не выше травы; а теперь рукой не достанешь.

— Давно-ли! весело перебилъ Яковъ Петровичъ:—десять лѣтъ почти прошло, а она—давно-ли, ха, ха! Память, старушка, ослабѣла, да! Долго зажила, пора бы старымъ костямъ на покой.

— У, у, безстыдникъ! перебила Матвѣвна, грозя спицами и добродушно улыбаясь:—тебѣ слово, а ты десять. Ишь, шапку-то какъ надвинулъ!

Яковъ Петровичъ, смѣясь, отстранился отъ ея угрозы. Смѣялся и Петръ Ивановичъ, довольный всего болѣе тѣмъ, что уломалъ сына ѣхать къ большому дядѣ. Матвѣвна заперла за ними двери на крючокъ и, работая спицами своего вязанья, побрела на кухню; но та добродушная улыбка, съ какою она провожала Лачужниковыхъ изъ дому, вдругъ исчезла съ ея морщинистаго лица, и глаза заискрились гнѣвомъ.

— Тьфу ты, пропасть какая, съ досадой заворчала она,—вѣдь опять забыла спросить объ ужинѣ: за окномъ ни колбасы, ни ветчины. Ахъ ты память, память старая!

STANFORD LIBRARIES

— Когда же это вы поумнѣли? Не тогда-ли, когда вашъ братецъ сдѣлался предсѣдателемъ въ пяти обществахъ и сталъ получать въ каждомъ по шести тысячъ годового жалованья.

— Да, вотъ тогда и поумнѣлъ, сердито перебилъ Петръ Ивановичъ, — тогда и понялъ, что ни тебѣ, ни мнѣ до него не дорости.

— Ишь-ты! съ усмѣшкой замѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Да, вотъ ухмыляйся себѣ подъ носъ, а все-таки онъ не намъ чета!

— Ну, конечно, куда намъ за нимъ! Однако вы тогда не пошли къ нему на поклонъ, когда онъ по сорока тысячъ сталъ въ годъ заграбастывать. Вы не промѣняли своей доли на другую, съ окладомъ эдакъ тыщенокъ въ пять, шесть. Вѣдь можно было: братецъ помогъ-бы.

Петръ Ивановичъ ничего не отвѣтилъ.

— А потомъ, припомните-ка, продолжалъ Яковъ Петровичъ, — потомъ, когда вашъ братецъ забрался на директорское мѣсто въ десятиллионномъ банкѣ, вы что-то тоже не очень за нимъ ухаживали. Отчего вы тогда не похлопотали о себѣ, если, какъ изволите говорить, поумнѣли къ тому времени?.. Нѣтъ, родитель, что-то, должно быть, васъ отворачивало отъ той дороги, по которой шелъ братецъ. Претило вѣрно что-то. Мнѣ помнится, вы когда-то, еще при покойной матери, говаривали, что жадность у вашего братца къ деньгамъ непомерная и ко всему суетному стремленіе великое.

— Это вовсе не порокъ!

— Однако же и не добродѣтель, возразилъ сынъ.

— Однако же и не подлость; перебилъ отецъ, возвышая голосъ, — очень ужъ вы молодые святы всѣ. Чуть человекъ мало, мальски обзавелся имуществомъ и извѣстность получилъ, — ужъ онъ по вашему и жадный-то, и тщеславный-то, и всѣ пороки въ немъ.

— Ну, братецъ-то вашъ обзавелся не маленькимъ имуществомъ, едва-ли полмилліончика у него нѣтъ! Это ужъ не чуть-чуть... Тутъ, я думаю, всякой нравственной ломки было и пере-

было съ три короба. Не даромъ у него глаза въ глубь ушли, подъ брови спрятались, и лицо все исполосовалось морщинами.

— Эхъ ты, младенецъ! Ты думаешь, что если человѣкъ богатъ, такъ непременно благодаря нравственной ломкѣ? Да ты знаешь-ли, какими гениальными соображеніями отличается твой дядя, Валерьянъ Ивановичъ? Знаешь-ли ты, что онъ не только не богатѣлъ на чужой счетъ, а, напротивъ, другихъ обогатилъ и самъ сдѣлался богатъ. Вотъ, напримѣръ, когда дѣла березовской желѣзной дороги были въ разстройствѣ и акціи потеряли цѣну, онъ ихъ скупилъ и дорогу выхлопоталъ въ свое управленіе, да въ два—три какихъ-нибудь года поправилъ ея дѣла такъ, что акціи поднялись до номинальной цѣны. Вотъ какими путями онъ шелъ къ богатству, а не мошенничествомъ и не нравственной ломкой.

— Та-акъ-съ! Понимаю! Дядюшка скупилъ акціи, когда онѣ подешевѣли! Дескать, погоди, я сначала оберу всѣхъ акціонеровъ-то, а потомъ, когда дѣла поправятся, имъ же акціи-то и сбуду...

— Какой ты вадоръ несешь, Яковъ, это удивительно. Ты подумай, что еслибы Валерьянъ Ивановичъ не вступился въ дѣло, вѣдь оно бы совсѣмъ рухнуло, и акціонеры потеряли бы еще больше.

— Очень хорошо понимаю: купилъ дешево, продалъ дорого и святъ! Грамота немудреная, только напрасно вы меня пугаете. Какъ бы вы горячо ни защищали Валерьяна Ивановича, я останусь при своемъ мнѣніи. Никогда я къ нему никакого влеченія не имѣлъ, и еслибъ не вы, такъ никогда бы его и въ глаза не видывалъ. Я и теперь-то къ нему ѣду только чтобъ васъ не огорчить.

— Убирайся ты съ своими огорченіями. Очень мнѣ нужно. Не хочешь ѣхать—не ѣзди, я и одинъ доѣду. Что, въ самомъ дѣлѣ, за графъ такой выискался. Ну, выльзай что-ли!

— Совсе я не хочу выльзать; я, напротивъ, хочу сдѣлать по вашему и, какъ видите, дѣлаю.

— Отстань! Не буду съ тобой говорить.

— Это, родитель, потому, что вамъ нечего больше сказать, я васъ къ стѣнѣ прижалъ.

Петръ Ивановичъ еще больше заволновался, и оба они заго

ворили въ одно и то же время. Петръ Ивановичъ былъ красенъ и тревожно повертывался то лицомъ къ сыну, то въ противоположную отъ него сторону. Яковъ Петровичъ тоже потерялъ терпѣніе, и его рѣчь изъ шутливаго тона перешла уже въ серьезный, за которымъ неминуемо должно было послѣдовать со стороны Петра Ивановича какое нибудь рѣзкое заявленіе его неудовольствія на сына. Будь они въ описываемую минуту дома, Петръ Ивановичъ непременно-бы убѣждалъ въ свою комнату на цѣлыхъ полчаса; но теперь, сидя въ саняхъ, онъ рѣшительно не имѣлъ возможности куда либо скрыться отъ непріятнаго собесѣдника и тревожно вертѣлся на своемъ мѣстѣ, заставляя этимъ сына быть на-сторожѣ и вѣрно держаться за спинку саней. Разговоръ ихъ далеко уклонился отъ первоначальной своей темы и перешелъ уже въ заоблачныя сферы.

— Да ты что мнѣ вздоръ городишь, горячился Петръ Ивановичъ, — ты мнѣ хочешь доказать, что нѣтъ вѣчнаго духа, а только одна матерія, а я тебя и слушать не хочу. Я тебѣ тысячу разъ говорилъ, что въ этомъ случаѣ ты жестоко заблуждаешься...

— Все нѣтъ, оправдывался Яковъ Петровичъ, въ то время, какъ Петръ Ивановичъ продолжалъ говорить — все нѣтъ; о духѣ, какъ о самостоятельномъ существѣ, я ничего не знаю, дѣятельности его, какъ самостоятельнаго существа, нигдѣ и ни въ чемъ не вижу, а потому о немъ, какъ о такомъ, ничего не говорю. Я только хотѣлъ вамъ доказать, что рѣзкая противоположность въ направленіи дѣятельности вашей и брата вашего Валерьяна Ивановича можетъ быть легко объяснима...

— Я слышать не хочу никакихъ твоихъ объясненій, горячо прервалъ Петръ Ивановичъ, уловивъ его послѣднія слова, — я съ достовѣрностью знаю, я вполне убѣжденъ, что есть безсмертіе, что есть загробная жизнь, что я лично, именно я самъ, сохранию послѣ земной жизни полную свою индивидуальность...

Они были уже далеко и ѣхали по Невскому. Жалкія санитки ихъ извозчика и его костлявая лошаденка терялись въ массѣ обгонявшихъ и встрѣчавшихся имъ экипажей. Выѣхали они наконецъ въ Конюшенную улицу и, продолжая горячо разговаривать, не замѣтили, какъ миновали домъ Валерьяна Ивановича.

— Куда ѣхать-то! заворчалъ извощникъ,—нанимали въ Конюшенную на уголъ Невскаго, а наконецъ того, эво-на куда проперли, въ самому мосту...

— А? Куда? Какъ? Стой! спохватился Петръ Ивановичъ,—заворачивай назадъ!

Они вернулись къ дому Валерьяна Ивановича и остановились у параднаго подъѣзда. Яковъ Петровичъ бойко выскочилъ изъ саней и, поправивъ на плечахъ пледъ, ждалъ у подъѣзда, пока отецъ покончитъ расчеты съ извощикомъ, который на что-то жаловался.

— Ну, хорошо, изволь! Я тебѣ такъ и быть прибавлю, только не ной,—успокоивалъ его Петръ Ивановичъ и долго рылся въ своемъ кошелькѣ, высматривая нужную для прибавки монету.

— Отъѣзжай, отъѣзжай? Чего ты тутъ еще прохлаждаешься! гнѣвно закричалъ швейцаръ, не замѣтивъ Петра Ивановича, стоявшаго къ нему спиной.

Петръ Ивановичъ быстро къ нему повернулся и самъ закричалъ на него.

— Что это у васъ за скверная манера командовать! Ну, что онъ съѣстъ что-ли твой подъѣздъ. Другое дѣло, еслибъ въ это время подъѣзжалъ экипажъ!

— Виноватъ, ваше превосходительство! омущенно заговорилъ швейцаръ, сдернувъ фуражку и подобострастно кланяясь.

Петръ Ивановичъ еще больше рассердился.

— Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что я не превосходительство, и не смѣй ты меня такъ называть.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Яковъ Петровичъ при этомъ отвѣтѣ громко захохоталъ, а разгнѣванный родитель его быстро отвернулся отъ швейцара и пошелъ къ дверямъ сѣней, которыя швейцаръ успѣлъ услужливо распахнуть и продолжалъ кланяться въ спину Петра Ивановича, въ трепетномъ сознаніи его ближайшаго родства съ «могущественнымъ» Валерьяномъ Ивановичемъ Лачужниковымъ.

III.

Валерьянъ Ивановичъ жилъ уже почти полгода въ совершенномъ уединеніи, уклонившись вслѣдствіе болѣзни отъ всякихъ почетныхъ и доходныхъ должностей, отъ всякихъ заманчивыхъ финансовыхъ операций, поглощавшихъ когда-то всѣ его духовныя силы. Онъ страдалъ вдвойнѣ: и потому что былъ боленъ, и потому, что это было невыгодно для его финансовыхъ операций. Два раза въ послѣдніе два года онъ ѣздилъ за границу, ища такого доктора, который бы его скорѣе «починилъ», и оба раза спѣшилъ оттуда въ Петербургъ, потому что былъ, какъ говорится, по горло заваленъ дѣлами. Однакоже, какъ ни заманчивы были эти дѣла, пришлось въ концѣ концовъ ихъ оставить и засѣсть дома. Вотъ уже три мѣсяца, какъ онъ не выходилъ изъ своего кабинета. Проводя большую часть времени въ полулежачемъ положеніи около каминна и хватаясь желтыми исхудалыми руками за грудь въ припадкѣ кашля, онъ жаловался на свою судьбу. Она преслѣдовала его въ то время, когда ему было всего приличнѣе—какъ онъ думалъ—«быть на виду», «стоять во главѣ» и «ковать деньги».

Но помимо жажды къ жизни и тщеславныхъ стремленій въ погонѣ за ея суетой, въ немъ все-таки, какъ видно, было чувство подозрѣнія насчетъ возможности печальной и, пожалуй, даже скорой развязки съ болѣзью—и вотъ, подъ вліяніемъ этого чувства, онъ нашелъ нужнымъ поприбрать къ рукамъ свои капиталы и приобрѣлъ въ собственность большой доходный домъ, въ которомъ и поселился.

Квартира его, какъ тому и быть слѣдовало, судя по его средствамъ, была громадная. Залъ въ семь оконъ съ зеркалами во всѣхъ простѣнкахъ отъ полу до потолка; кабинетъ, окутанный тяжелыми портьерами и устланный коврами съ фигурной мебелью, съ оттоманами и кушетками и письменнымъ столомъ четырехаршиннаго размѣра; а тамъ дальше—гостиныя, угольныя, будуары и т. д.—комнатъ двѣнадцать; вездѣ роскошная мебель, масса

ни на что не нужныхъ цѣнныхъ вещей, и вездѣ пусто и уныло по той простой причинѣ, что жить въ двѣнадцати комнатахъ было некому. Самъ Валерьянъ Ивановичъ жался около камина въ кабинетъ и погашивалъ. Жена его, Викторія Александровна, и сынъ, Сергѣй Валерьяновичъ, тоже жались по своимъ угламъ, въ печальномъ сознаніи приближающейся развязки въ болѣзни Валерьяна Ивановича, и вздыхали, недовольные тѣмъ, что дни проходятъ скучно и однообразно, и такая большая, удобная для веселыхъ собраний квартира такъ давно уже не исполняетъ своего назначенія. Тихая и однообразная жизнь послѣдняго времени тѣмъ болѣе была тяжела для сына и матери, что какъ онъ, такъ и она въ одинаковой степени любили повеселиться. Она, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, была живой румяной блондинкой, съ веселыми свѣтлыми глазами и безъ признака морщинъ на лицѣ, а онъ, двадцатидвухлѣтній юноша, съ черненькими усиками, ловкій и статный франтъ, любилъ и покутить, и въ картишки поиграть, и зналъ, гдѣ и какъ достать денегъ, когда нельзя за ними обратиться къ отцу.

Когда въ дальнихъ комнатахъ квартиры послышался электрическій звонокъ, и лакей во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, точно женихъ, собравшійся къ вѣнцу, пошелъ отпирать двери, осторожно ступая на концы пальцевъ, Викторія Александровна тоже отправилась въ залъ, любопытствуя узнать, кто пришелъ. Увидѣвъ входящихъ Петра Ивановича съ сыномъ, она пошла къ нимъ на встрѣчу.

— Здравствуйте! шепотомъ сказала она.

— Здравствуйте! шепотомъ-же отвѣчалъ и Петръ Ивановичъ, — ну что, какъ сегодня?

— Все то же. Онъ спитъ теперь. Пойдемте туда, ко мнѣ.

Она взглянула на Якова Петровича и кивнула головой, давая этимъ знать, что и его тоже приглашаетъ идти за собой.

— А гдѣ Сережа? спросилъ Петръ Ивановичъ, когда они вошли въ комнату Викторіи Александровны.

— Онъ скоро будетъ... Вы такъ рѣдко у насъ бываете, обратилась она къ Якову Петровичу, — Валерьянъ, конечно, обрадуется.

STANFORD LIBRARIES

Яковъ Петровичъ молча кивнулъ головой и нахмурился.

— Представьте, заговорила она, садясь рядомъ съ Петромъ Ивановичемъ,—Валерьянъ опять отказывается отъ побѣдки въ Италію. Уговорите вы его, пожалуйста. Онъ васъ навѣрное послушаетъ, Яковъ Петровичъ!

— Гм... гм... покашлялъ Яковъ Петровичъ и вопросительно посмотрѣлъ на отца, ожидая, что онъ скажетъ.

— Не опасно-ли? зима! сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, послушайте, продолжала Викторія Александровна, смотря то на отца, то на сына,—какъ же можно оставаться въ такомъ положеніи въ Петербургѣ? Вѣдь это ужасно!.. Я очень рада, что вы, Яковъ Петровичъ, наконецъ пріѣхали; скажите ему пожалуйста...

— Что же ему сказать?

— Вообще... что его положеніе... что здѣсь ему опасно... Вы, какъ докторъ и близкій родственникъ, можете оказать на него большее вліяніе, чѣмъ другіе.

— Смѣю думать, что вы къ дядѣ ближе, чѣмъ я.

— Но я не имѣю... то есть, я хочу сказать, что... смущенно возразила Викторія Александровна,—словомъ, я не докторъ.

Послѣднія слова она добавила торопливо, видимо поймавъ счастливо подвернувшіяся на память слова.

— Я знаю, что вы не докторъ, и искренно одобряю васъ за это, отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Еъ чему же одобреніе? изумилась Викторія Александровна.

— Какъ же не одобрять того, кто знаетъ свое мѣсто и не лѣзетъ куда не слѣдуетъ.

— Ахъ, позвольте, мнѣ вовсе не до шутокъ. Я, и вообще мы всѣ, продолжала она, обратившись къ Петру Ивановичу,—мы все озабочены положеніемъ Валерьяна. Маман говоритъ, что непременно, непременно намъ нужно его увезти, и дядя Павелъ и вобще всѣ, всѣ... Наконецъ я сама вижу, какъ ему здѣсь дурно. Онъ здѣсь просто гаснетъ съ каждымъ днемъ.

Петръ Ивановичъ сидѣлъ съ поникшей головой и не прерывала ея рѣчи ни замѣчаніями, ни вопросами. По движенію его нахъ

ренных бровей казалось, что онъ какъ будто обдумываетъ каждое ея слово, въ дѣйствительности же онъ ее слушалъ только вскользь и думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе уйти въ комнату большого брата.

— Теперь вы сами можете видѣть, продолжала Викторія Александровна, есть-ли хоть какая нибудь малѣйшая возможность оставить его здѣсь даже на одну недѣлю. Матап говоритъ, что не слѣдовало бы медлить ни одного дня. Я думаю, Петръ Ивановичъ, что и вы такого же мнѣнія. Наконецъ Яковъ Петровичъ навѣрное согласится съ этимъ, въ особенности, если вы, Петръ Ивановичъ, этого пожелаете, добавила она, взглянувъ съ улыбкой на молодого Лачужникова.

— Ну, еще бы! вяло протянулъ Яковъ Петровичъ, родительская власть имѣетъ обширные размѣры; только вотъ я сомнѣваюсь на счетъ зимы: она, кажется, не подчиняется никакой власти.

— Зима! Ну что такое зима? волнуясь, перебила Викторія Александровна, — можно отдѣльный вагонъ... и приспособить все.

Яковъ Петровичъ задумчиво посмотрѣлъ на ея оживленное лицо, потомъ оглянулъ модный ея чепецъ яркаго цвѣта, надѣтый въ видѣ колпачка на затылокъ, и разрѣзные рукава платья, обильно увѣшаннаго какими-то болтавшимися бахромками и бирюльками, и вдругъ прервалъ ее на половинѣ слова.

— Можно покурить?

Отъ такого неожиданнаго вопроса Викторію Александровну немножко передернуло; но она ловко овладѣла собой и поспѣшно отвѣтила:

— Ахъ, пожалуйста... Вы знаете, я сама курю...

Яковъ Петровичъ, кажется, не замѣтилъ, съ какою поддѣльной готовностью она предложила ему спички, и закурилъ папироску, утѣшаясь тѣмъ, что авось теперь ему будетъ легче слушать «барыню».

— Онъ преспокойно дождетъ и не испытаетъ никакихъ неудобствъ, продолжала Викторія Александровна, — мы, конечно, будемъ при немъ неотлучно: я и Сережа; кромѣ того, можно пригласить съ собой сидѣлку, двухъ наконецъ. Это все такъ легко.

— То есть, сидѣлокъ-то взять? угрюмо спросилъ Яковъ Петровичъ, смотря въ полъ.

— Да... Вообще... не однихъ сидѣлокъ, но и въ отношеніи расходовъ, запинаясь, отвѣтила Викторія Александровна.

— Гм... гм... Изволите видѣть, сидѣлки тамъ, вагоны, расходы и такъ далѣе—это одно, а положеніе больного — это ужъ нѣчто другое. Вести его умирать въ Италію—пожалуй! Противъ этого я ничего не скажу... Но довезете-ли?

Она немного вспыхнула.

Во время этого разговора Петръ Ивановичъ былъ точно на угольяхъ. Глаза его бѣгали, останавливаясь поочередно то на лицѣ сына, то на лицѣ Викторіи Александровны. Онъ боялся, чтобы Яковъ Петровичъ какъ нибудь, между шутокъ, не бухнулъ вдругъ на счетъ истинныхъ отношеній къ больному всѣхъ его дальнихъ и ближнихъ родственниковъ. Такія опасенія были вовсе не напрасны, и затянись разговоръ между Викторіей Александровной и Яковомъ Петровичемъ еще минуты на двѣ, онъ, пожалуй, и сказалъ бы что-нибудь рѣзкое; но Викторія Александровна вдругъ привстала съ кресла, озабоченно прислушиваясь къ глухо донесшемуся изъ дальнихъ комнатъ звуку электрическаго звонка.

— Это навѣрное тамап! Я просила ее пріѣхать вмѣстѣ съ Сережей, сказала она и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Не успѣлъ еще шлейфъ ея платья скрыться за дверями, какъ между Петромъ Ивановичемъ и Яковомъ Петровичемъ произошелъ рѣзкій, хотя совершенно безмолвный разговоръ, вызванный послѣдними словами Викторіи Александровны о пріѣздѣ ея матери. Яковъ Петровичъ сердито подошелъ почти къ самому лицу отца и развелъ руками, какъ бы говоря такимъ жестомъ: «ну, вотъ вамъ и задача—разрѣшайте теперь ее сами, какъ хотите». Въ отвѣтъ на это, Петръ Ивановичъ тоже развелъ руками, повидимому, въ чемъ-то оправдываясь, и пожалъ плечами, оглядываясь назадъ. Весь этотъ безмолвный разговоръ, продолжавшійся какихъ нибудь пять-шесть секундъ, сразу обрисовалъ отношенія обомъ Лачужниковыхъ къ матери Викторіи Александровны, которую они оба терпѣть не могли.

— Ну ее къ чорту, надо просто идти въ кабинетъ къ дядѣ. Что намъ съ ней тутъ торчать? рѣшительно сказалъ Яковъ Петровичъ.

— Неловко, пойми! Все - таки приличіе требуетъ, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ и, наконецъ, въ кабинетъ неловко... Можно разбудить.

Яковъ Петровичъ досадливо отмахнулся отъ словъ отца и сѣлъ на близъ стоявшій стулъ, мрачно сложивъ руки на груди и закинувъ ногу на ногу, а Петръ Ивановичъ, слышавъ приближавшіяся изъ сосѣдней комнаты шаги, отошелъ отъ дверей къ окну.

IV.

Въ комнату вошла маманъ Викторіи Александровны, Елена Модестовна, высокая костлявая старуха съ смугло-темнымъ цвѣтомъ лица, одѣтая въ черное, въ черномъ чепцѣ и съ сѣдыми бублями на вискахъ. Она шла медленной поступью, нѣсколько откинувъ голову назадъ, подобно тому, какъ ходятъ на сценѣ актрисы-королевы, и, войдя въ комнату, тихо опустилась въ кресло, кивнувъ головой въ отвѣтъ на поклонъ Петра Ивановича.

— Маман! обратилась къ ней Викторія Александровна, услужливо и даже съ нѣкоторою озабоченностью указывая рукой на Якова Петровича. — Маман, вы, вѣроятно, помните; встрѣчались: Яковъ Петровичъ, сынъ Петра Ивановича, докторъ.

Елена Модестовна, прищурясь, посмотрѣла на Якова Петровича, недоумѣвая, почему онъ не подходитъ къ креслу и не расшаркивается; а Яковъ Петровичъ едва привсталъ съ мѣста, мотнулъ ей головой какъ-то порывисто, почти съ досадой, и опять сѣлъ, мрачно насупясь. Она медленно отвела отъ него взглядъ и, слегка улыбувшись, сказала дочери.

— Представь! Я не могла дожидаться князя Павла.

— Чтожъ онъ, маман?

— Все съ дѣлами. Прислалъ отвѣтъ, что непремѣнно черезъ полчаса будетъ. Однакожъ я поручила Сережѣ ѣхать къ нему, ждать.

— Прекрасно, маман, отвѣтила Викторія Александровна и обратилась къ Петру Ивановичу, — вотъ дядя, Павелъ Модестовичъ, тоже говоритъ, что непременно и какъ можно скорѣе Валерьяну нужно убраться изъ нашего прекраснаго климата.

— Ахъ, Викторія! возразила съ оттѣнкомъ неудовольствія Елена Модестовна, — что за авторитетъ такой дядя Павелъ? Если уже свѣтила медицинскои науки высказали, что положеніе Валерьяна внушаетъ серьезныя опасенія, то, само собой разумѣется, нечего медлить.

— Гм... гм... кашлянулъ Яковъ Петровичъ, рѣзко повернувшись на стулѣ.

Елена Модестовна изумленно взглянула на него и потомъ вопросительно посмотрѣла на дочь, какъ бы спрашивая этимъ взглядомъ, что за странная манера у сына Петра Ивановича такъ рѣзко кашлять, но Викторію Александровну избавилъ отъ отвѣта Петръ Ивановичъ, присѣвшій около Елены Модестовны, видимо для того, чтобы отвлечь ея вниманіе отъ сына.

— Столько времени я не имѣлъ удовольствія встрѣчать ваше сіятельство, почтительно сказалъ онъ.

— Да, давно уже...

Петръ Ивановичъ спросилъ ее о здоровьѣ. Въ отвѣтъ на это, княгиня сказала что-то въ родѣ того, что «плетусь кой-какъ, день за день», и потомъ, печально покачавъ головой, заговорила:

— А Валерьянъ - то нашъ! Представьте, а! Изумительно! Я никакъ, никакъ не предполагала, чтобы онъ могъ такъ упорно вредить самому себѣ.

Петръ Ивановичъ тоже покачалъ головой, сохраняя на лицѣ скорбное выраженіе въ знакъ того, что раздѣляетъ взгляды княгини на Валерьяна Ивановича.

— Изумительно! повторила со вздохомъ княгиня, — и замѣчательно — никого не слушаетъ! Хоть бы вы, батюшка мой, его вразумили. Это невозможное заблужденіе.

— Трудненько-съ, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, погладивъ свою лысину и задумчиво смотря въ полъ, — я, признаюсь, настаивалъ нѣсколько разъ, особенно осенью; но, какъ вамъ извѣстно, всѣ

настоянія наши относительно поѣздки его за границу не достигли своей цѣли. Теперь-же, то есть принимая во вниманіе положеніе его болѣзни, едва-ли будетъ не поздно... То есть, я хочу сказать, что зимніе холода, пожалуй, могутъ ускорить развязку.

— О, зачѣмъ же такъ думать! Нужно вѣрить. Неужели же такъ и сидѣть сложа руки. Это грѣшно! Это было бы просто преступленіе.

Сказавъ послѣднюю фразу, она покосилась въ сторону, и взгляды ея, пытливый и недовольный, не ускользнулъ отъ вниманія дочери. Она, видимо подъ его влияніемъ, тотчасъ же вступилась въ разговоръ матери съ Петромъ Ивановичемъ. Во время этого разговора, вертѣвшагося все на той же темѣ, что «необходимо», что «нельзя откладывать» и т. под., Яковъ Петровичъ такъ кашлянулъ, что Петръ Ивановичъ тревожно повернулся на крестѣ и поспѣшно погляделъ свою лысину, что дѣлалъ обыкновенно въ трудныя минуты раздумья и житейскихъ неприятностей. Княгиня и дочь, обѣ одновременно взглянули въ сторону, гдѣ сидѣлъ Яковъ Петровичъ, пасмурный и надутый. Въ эту минуту, въ дверяхъ показалась безмолвная фигура лакея.

— Что? мгновенно оживляясь, спросила Викторія Александровна.

— Извоили проснуться.

— Зоветъ, да?

— Просятъ Петра Ивановича.

Петръ Ивановичъ поднялся со стула и, взглядомъ на сына, пригласилъ было его идти за собой.

— Ахъ, погодите, поспѣшно сказала Викторія Александровна, — а сейчасъ. Я сначала сама найду.

Она быстро вышла изъ комнаты, мелькнувъ шлейфомъ платья при поворотѣ изъ дверей. Яковъ Петровичъ нѣсколько оживился и уже безъ всякой враждебности смотрѣлъ на отца, продолжавшаго разговоръ съ Еленой Модестовной. Въ его воображеніи уже обрисовывалась, хотя еще и въ неясномъ туманѣ, та счастливая минута, когда онъ наконецъ вырвется изъ квартиры дяди и уѣдетъ къ себѣ на Выборгскую.

Разговоръ Петра Ивановича съ княгиней скоро прервался, такъ

какъ въ комнатѣ появилась Викторія Александровна. Она вошла не прежнимъ торопливымъ шагомъ, а медленнымъ и съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Идите, Петръ Ивановичъ; онъ васъ зоветъ, и васъ,—сухо добавила она, бѣгло взглянувъ на Якова Петровича.

И только что отецъ и сынъ вышли въ другую комнату, она опустила на стулъ около матери и порывисто прошептала:

— Ахъ, маман, вы правы: они рѣшительно имъ овладѣли.

Елена Модестовна высокомерно оглядѣла ее и прошипѣла:

— Чего-же ты еще ждешь? Что-же ты не принимаешь энергическихъ мѣръ? Вертушка!.. вертушка!

У.

Елена Модестовна сердито отвернулась отъ дочери и не дала ей своей руки, которую Викторія Александровна хотѣла почти-тельно поцѣловать.

— Маман, что же я могу, когда онъ такой... Вы очень хорошо знаете, насколько можно имъ управлять.

— Еще бы! презрительно отвѣтила старушка и вдругъ, повернувшись лицомъ къ дочери, сердито зашептала:—Что же, по-твоему, сидѣть сложа руки и ахать, а въ это время почтенный братецъ твоего мужа съ своимъ грубымъ сыномъ будутъ втираться въ милость къ Валерьяну? Не говорила я развѣ объ этомъ тебѣ? не внушала развѣ, что они люди самые опасные?

— Что же мнѣ дѣлать, маман? Что мнѣ дѣлать?

— Стараться быть ближе къ мужу. Если ты не могла этого сдѣлать въ долгіе годы твоего замужства, то сумѣй теперь. Я думаю, есть какая нибудь разница между твоимъ положеніемъ этихъ... родственниковъ, поповичей, разночинцевъ! Они бываютъ здѣсь часъ—два въ день, а ты можешь быть при мужѣ постоянно и не оставлять его ни на минуту. Ну, зачѣмъ они теперь тамъ у него одни, съ глазу на глазъ? Зачѣмъ? волнуясь, усилила свой шепотъ старушка, слегка потрясая дрожащими руками.

— Но, маман, онъ такъ жемаетъ... Я не могу. Онъ раздражается отъ всякаго противорѣчія.

— Ахъ, мой Богъ! Тысячу разъ я тебѣ говорила и каждый день твержу,—нельзя сидѣть сложа руки! Нельзя! Онъ раздражается! Чтожъ изъ этого? Ты умѣй преодолѣть все! Да! Ты умѣй придать всѣмъ твоимъ поступкамъ, словамъ, взглядамъ, каждому движенію, каждому выдоху такое значеніе, чтобъ онъ не раздражался, а таялъ, таялъ отъ удовольствія, отъ благодарности за твое вниманіе и любовь.

Произнося слова: «таялъ, таялъ», Елена Модестовна приложила свои костлявыя руки къ груди, раскрыла ротъ, обнаруживъ прекрасныя вставныя зубы, и нѣсколько прищурила глаза, а потомъ вдругъ нахмурилась и стала упрекать дочь за то, что она не умѣетъ, не умѣла и никогда не будетъ умѣть управлять своимъ мужемъ.

— Еслибы ты не была такъ легкомысленна, продолжала она,—ты бы знала не только то, что кругомъ тебя дѣлается, но и что думаютъ окружающіе тебя. Ты бы не оставляла мужа ни на одну секунду, а въ особенности съ этими подозрительными родственниками. Еслибы даже мужъ искалъ случая удалить тебя изъ кабинета подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, ты и тогда съумѣла бы войти къ нему, и тоже бы нашла благовидный предлогъ спросить о чемъ нибудь, предложить какую нибудь услугу, питье перемѣнить, то, другое, тысячи есть поводовъ,—а сама въ это время прислушивалась бы къ каждому слову и, скользнувъ взглядомъ, видѣла бы все.

— Ахъ, маман, я не могу такъ, въ безсиліи прошептала Викторія Александровна.

— Ну вотъ, потому-то онъ и не такъ близокъ къ тебѣ! отвѣтила Елена Модестовна.

— Напротивъ, маман, Валерьянъ вчера былъ очень милъ со мною и съ Сережей. Вечеромъ, послѣ того, какъ вы уѣхали, онъ позвалъ насъ и очень, очень долго удерживалъ у себя. Правда, онъ дѣйствительно упрекалъ Сережу,—ну, знаете, за преж-

нее... Но говорилъ такъ тихо и грустно, съ такой, даже можно сказать, лаской...

— Ну, вотъ бы и пользовалась минутой и просила, чтобы скорѣй за границу ѣхалъ, — внушительно замѣтила Елена Модестовна.

— Невозможно, татап, онъ разсердился бы; я знаю, татап, и потому промолчала... Я подумала было, не сказать-ли ему о долгахъ... знаете объ этихъ, что у Сережи... Но и то не рѣшилась.

— Боже тебя сохрани! прервала мать, поднявъ трагически руки.—Этого невозможно говорить.

— Но, татап, вы знаете, его кредиторъ грозитъ, прислалъ третьяго дня письмо, что во взысканію... Нужно же что-нибудь дѣлать. Вы припомните, сколько времени Валерьянъ не выдаетъ ему ни гроша и домовая контора тоже затрудняется выдавать. Какъ-же быть?

— Нужно молчать, до самой крайности нужно молчать. Ахъ, какіе вы оба несносные!

— Но кредиторъ проситъ вексель вмѣсто трехъ тысячъ на шесть, и всего только на три мѣсяца отсрочиваетъ.

— На шесть, на шестнадцать тысячъ хотя! Это все равно, — волнуясь, продолжала Елена Модестовна, — ужели, Викторія, ты такая несообразительная, что не можешь понять, какъ безтактно говорить теперь объ этомъ мужу.

— Ахъ, я рѣшительно теряю голову. Мнѣ самой надоѣдаютъ со счетами изъ магазиновъ. Прежде, бывало, когда Валерьянъ не такъ раздражался, расчеты съ магазинами всегда благополучно оканчивались. Ну, посердится, бывало, минутъ десять, пятнадцать и только, а теперь!.. Да я теперь и заикнуться не смѣю.

Елена Модестовна при этихъ словахъ дочери презрительно улынулась.

— Какая ты странная! возразила она. — Счеты изъ магазиновъ! Что такое счета изъ магазиновъ—вздоръ, глупости! Могутъ подождать полгода—годъ—не все-ли равно? Есть у тебя теперь заботы поважнѣе, и слѣдовало бы на нихъ сосредоточить вс

вниманіе, а ты думаешь о разныхъ пустякахъ... Ты подумай о томъ, что нужно дѣлать теперь, когда, можетъ быть, бѣда виситъ надъ головой. Иди лучше въ кабинетъ, узнай, прислушайся, по крайней мѣрѣ, о чемъ тамъ говорить эти... родственники...

Викторія Александровна оглянула себя въ зеркало, видимо съ рѣшительнымъ намѣреніемъ послѣдовать совѣту матери, и вышла потомъ изъ комнаты, направившись къ кабинету мужа.

Оставшись наединѣ сама съ собою, Елена Модестовна задумалась. Не того она когда-то ждала и не такъ представляла себѣ то будущее, которое теперь, черезъ два десятилѣтія послѣ брака ея дочери съ Валерьяномъ Ивановичемъ, стояло предъ ней во всей своей неприглядности. Тогда, отдавая дочь замужъ, она мечтала о томъ, какъ Валерьянъ Ивановичъ поддержитъ ихъ старинный княжескій родъ, выкупитъ изъ залога ихъ имѣніе; а въ дѣйствительности случилось, что онъ, погруженный въ свои выгодныя операціи, рѣшительно уклонился отъ всякаго участія въ княжескихъ дѣлахъ и заботился только о томъ, какъ бы самому побольше захватить богатствъ. — Зачѣмъ же былъ допущенъ этотъ неровный бракъ съ выскочкой, съ поповичемъ? тоскливо думала не разъ Елена Модестовна, въ особенности въ то время, когда ей приходилось путаться съ разстроенными дѣлами своего покойнаго мужа. И теперь, подъ вліяніемъ разговора съ дочерью, она снова и съ раскаяніемъ вспомнила, какъ разбились всѣ ея надежды, которыми она себя утѣшала, соглашаясь на бракъ дочери съ Валерьяномъ Ивановичемъ. Оказывалось, что онъ въ продолженіе двадцати лѣтъ только самъ себѣ извлекалъ пользу отъ родства съ ними, и что высокое положеніе ея покойнаго мужа, отца Викторіи Александровны, всегда эксплуатировалось имъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. И она, и покойный мужъ ея, и князь Павелъ только издали смотрѣли, какъ онъ отлично устраиваетъ свои денежные дѣла и съ каждымъ годомъ богатѣетъ; но поближе подобраться къ нему никакъ не могли. — Эгонствъ! злобно думала о немъ Елена Модестовна, и въ тысячу первый разъ досадовала, что всѣ ея неисчислимыя женскіе таланты, при помощи которыхъ она надѣялась овладѣть

его расположеніемъ, до сихъ поръ не оказали ей въ этомъ никакой помощи.

VI.

Думы ея оборвались приходомъ новыхъ лицъ. Вошелъ ея братъ, Павелъ Модестовичъ Верхотуровъ, и съ нимъ сынъ Валерьяна Ивановича, Сережа. Князь, подобно сестрѣ, держался тоже съ полнымъ сознаниемъ собственнаго достоинства, но головы назадъ не откидывалъ, а напротивъ, горбился и придавалъ себѣ видъ человѣка, удрученнаго годами и согбеннаго тяжестью лежащихъ на немъ заботъ, дѣлъ и служебныхъ обязанностей. Средняго роста, довольно пухлый и сутуловатый, онъ имѣлъ большіе, точно оловянные глаза и, брѣя усы, носилъ на подбородкѣ влокъ сѣдыхъ волосъ, сильно смахивая, благодаря имъ, на козла, достигшаго преклонныхъ лѣтъ. Волосы онъ носилъ остриженными подъ гребенку, и, по замѣчательной своей густотѣ, они всегда топорщились кверху, какъ щетина. Войдя въ комнату и поздоровавшись съ сестрой, онъ тотчасъ же посмотрѣлъ на карманные часы и озабоченно сказалъ:

— Я на минуту.

— Вѣчно съ дѣлами! холодно отвѣтила Елена Модестовна и обратилась къ Сережѣ, который въ это время поцѣловалъ ея руку съ такимъ безучастнымъ видомъ, съ какимъ исполняютъ самыя обыденныя обязанности.

— Скажи Сережа, чтобъ дали чай, вяло проговорила она.

Сережа молча кивнулъ головой и, покрутивъ черненькіе усики, вышелъ изъ комнаты хотя и тихими, едва слышными шагами, но при этомъ мысленно напѣвалъ себѣ какой-то веселый мотивъ и помахивалъ ему въ тактъ пальцами правой руки, не замѣчая, что его, пристальнымъ взглядомъ, провожаетъ бабушка.

— Наслѣдникъ! съ улыбкой проговорилъ князь Павелъ, тоже замѣтившій движеніе пальцевъ Сережи.

— Можетъ быть, и не наслѣдникъ, гнѣвно замѣтила Елена Модестовна.

— Этого предполагать нѣтъ основанія, дѣловымъ тономъ отвѣтилъ князь и, снова взглянувъ на часы, поднялся съ кресла.

— Гдѣ Викторія? Я рѣшительно на одну минуту. У меня сегодня засѣданіе.

Онъ взялъ съ окна шляпу, куда поставилъ ее при входѣ въ комнату.

— Ахъ, сядь пожалуйста, нетерпѣливо возразила сестра,—ты совсѣмъ ничего не видишь.

— Чтожъ, развѣ очень плохъ Валерьянъ? Мнѣ Сергѣй ничего не сказалъ.

— Не то, совсѣмъ не то. Садись. Ты не видишь, какъ Валерьяна обходятъ со всѣхъ сторонъ, подбираются къ нему наследники. Ты только объ одномъ думаешь, какъ бы удрать въ какое-то тамъ засѣданіе, въ которомъ, я увѣрена, кромѣ вздорной болтовни, ничего нѣтъ.

— Что такое? Что такое? изумленно зашепталъ князь, опускаясь въ кресло и ставя себѣ шляпу на колѣни. О какихъ наследникахъ вы говорите? Наследниковъ двое—Викторія и Сергѣй. Кто же еще можетъ быть, кромѣ нихъ?

Елена Модестовна съ упрекомъ покачала головой.

— И вы не догадываетесь? О, философъ! А братъ его, а племянникъ?

Павель Модестовичъ откинулся къ спинкѣ кресла, вытянулъ ноги во всю ихъ длину и, придерживавъ при этомъ шляпу обѣими руками, съ улыбкой отвѣтилъ:

— Подозрѣнія! Одни лишь подозрѣнія, основанныя на нѣкоторыхъ исключительныхъ свойствахъ вашего характера, уважаемая Елена Модестовна.

Елена Модестовна съ неудовольствіемъ пожала плечами.

— Валерьянъ Ивановичъ всегда былъ прекраснымъ мужемъ, продолжалъ князь Павель,—всегда былъ примѣрнымъ отцомъ, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы онъ передалъ свое богатство или нѣкоторую, болѣе или менѣе значительную его часть своему брату и племяннику. Зачѣмъ? Съ какой стати?—Согласитесь сами! Семь—восемь тысячъ, десять, пятнадцать наконецъ,—это я понимаю. Выдача наследства въ такой части по моему не подлежитъ сомнѣнію; но чтобы весь капиталъ или даже сто ты-

саять—это невѣроятно, не можетъ быть. Кромѣ того, я долженъ вамъ замѣтить, достопочтенная сестрица Елена Модестовна, что какъ Петръ Ивановичъ, такъ равно и его достоуважаемый сыночекъ, Яковъ Петровичъ, суть птицы небесныя и на тлѣнные блага міра сего имѣютъ крайне своеобразный взглядъ. О, пожалуйста, на этотъ счетъ будьте спокойны! Я даже смѣю думать болѣе, а именно, что еслибъ Валерьянъ оставилъ имъ значительный капиталъ (чего никакъ предполагать нельзя), то они, достопочтенные представители науки, оба въ равной степени способны отнестись въ нему съ пренебреженіемъ и отказаться.

— Какъ вы дальновидны, князь! Замѣчательно дальновидны! съ презрительной улыбкой отвѣтила Елена Модестовна,—я думаю, что, благодаря этой вашей дальновидности, вы такъ прекрасно устроили свои дѣла. Всегда по горло заняты, всегда въ заботахъ и за все это въ награду—одни долги. Всѣ ваши проекты и ходатайства, какъ видно, не очень-то васъ вознаграждаютъ.

— Я не понимаю, къ чему такой разговоръ, серьезно отвѣтилъ князь, надувъ губы,—и я бы могъ вамъ точно также много сказать непріятнаго о положеніи вашихъ собственныхъ дѣлъ, но какой же въ концѣ концовъ можетъ получиться изъ такого разговора результатъ?

Не смотря на то, что Павелъ Модестовичъ говорилъ очень сдержанно и даже съ большой медленностью произносилъ одно слово за другимъ, Елена Модестовна все-таки не выдержала и, поднявшись съ кресла, гнѣвно зашептала, указывая трясущимися руками въ ту сторону, гдѣ находился кабинетъ Валерьяна Ивановича.

— Вотъ ваша дальновидность, князь, вотъ она какова! Въ то время, когда намъ нужны обоюдныя и вовсе не легкія усилія, для того чтобы противостоять проискамъ коварныхъ родственниковъ, «небесныхъ птицъ», по вашему легкомысленному заключенію, вы вдаетесь въ колкости, въ несправедливыя упреки... Стыдно вамъ!

— Но позвольте... Къ чему волненіе!.. Я никакъ не ожидаю этого... Никакъ!.. Я рѣшительно не имѣлъ намѣренія оскорбить... прервалъ князь Павелъ.

Однако же успокоить Елену Модестовну было не легко: она продолжала волноваться и упрекать брата.

— Стыдно, стыдно, шептала она, — ты всегда был такой, холодный и невнимательный. Ты всегда был безучастен къ нашимъ семейнымъ интересамъ и думалъ только о томъ, какъ бы гдѣ нибудь вашумѣть о себѣ, рѣчь сказать, заявить о своемъ консерватизмѣ, чтобы въ газетахъ о тебѣ кричали...

— Ахъ, прости ради Бога... Къ чему это все!.. продолжалъ упововать братъ, уже стоя на ногахъ около разгнѣванной сестры и уговаривая ее снова сѣсть въ кресло.

— Вы оглянитесь, Павелъ Модестовичъ, оглянитесь, гнѣвно сверкая черными глазами, шептала она, — эти небесныя птицы, которыми вы считаете родственниковъ Валерьяна, — коршуны они — да! Отъ нихъ нужно беречь больнаго.

— Не понимаю! Рѣшительно ничего не понимаю, — безсвязно проговорилъ князь Павелъ, пожимая плечами и въ смущеніи не зная, что дѣлать съ своей шляпой.

Въ это время, въ комнату вернулась Викторія Александровна, веселая и улыбающаяся; ея появленіе сразу прервало пререканія брата и сестры.

— Матап, что съ вами? Ахъ, дядя! Здравствуйте! И вы!.. Что это съ вами? съ изумленіемъ обратилась она къ нимъ. — Что случилось, матап?

— Станный вопросъ! строго отвѣтила Елена Модестовна, — что же могло случиться? Всего скорѣе такой вопросъ можно сдѣлать тебѣ: ты такъ не кстати весела...

— Ахъ, матап, представьте, этотъ Петръ Ивановичъ, онъ првеселый и этотъ докторъ, Яковъ Петровичъ, сынъ Иетра Ивановича, онъ преоригинальный. Представьте, онъ конфузится, и покраснѣлъ, ха, ха, ха!

И она засмѣялась тихимъ серебрястымъ смѣхомъ. Въ отвѣтъ на этотъ смѣхъ, Елена Модестовна нахмурилась, а князь Павелъ съ торжествующимъ видомъ взглянулъ на нее и сдѣлалъ многозначительный знакъ рукой, какъ бы говоря: «видите, моя правда!» Сдѣлавъ этотъ знакъ, онъ самодовольно развалился въ кре-

слѣ, въ полномъ сознаніи своей непогрѣшимости. Но потомъ вдругъ и съ озабоченною поспѣшностью схватился за часы, вспомнивъ, что ему нужно ѣхать въ какое-то засѣданіе.

— Я не могу болѣе оставаться. Передай мой привѣтъ мужу, Викторія. Скажи, что некогда, спѣшу очень, прошепталъ онъ и, наклонившись къ ея уху, добавилъ: главное—не тревожься: все идетъ къ лучшему и, увѣряю, ташапъ совершенно напрасно тебя смущаетъ. Я позволяю себѣ повторить вамъ... обратился онъ къ Еленѣ Модестовнѣ, намѣреваясь сказать ей что-то поучительное.

— Ахъ, пожалуйста, оставь! брезгливо отвѣтила она, и съ видимымъ неудовольствіемъ дала ему на прощанье лѣвую руку.

Вскорѣ послѣ ухода Павла Модестовича, вернулся къ матери и бабушкѣ Сергѣй Валерьяновичъ. Елена Модестовна указала ему на стулъ около себя.

— Былъ у отца? спросила она, снисходительно улыбувшись.

— Да, былъ.

— Чтожъ тамъ говорятъ? Тотъ, братъ его?..

— Я не теперь былъ. Я давеча, какъ къ вамъ ѣхать.

— Отчего же теперь не зашепъ? Пойди.

— Я потомъ, послѣ...

— Ахъ, Сережа! Ты долженъ быть какъ можно ближе къ отцу и какъ можно чаще видѣться съ нимъ, тѣмъ болѣе теперь когда его болѣзнь внушаетъ серьезныя опасенія.

— Папа не любитъ этого. Онъ недоволенъ, когда часто безпечнѣе, отвѣтилъ Сергѣй Валерьяновичъ, задумчиво слѣдя за безмолвными движеніями слуги, вошедшаго въ это время въ комнату съ чайнымъ сервизомъ.

— Викторія! обратилась Елена Модестовна къ дочери, когда слуга, разставивъ посуду на столѣ, неслышными шагами удалился изъ комнаты,—отчего ты ему не внушаешь этого?

— Странное дѣло! обиженно возразилъ за мать Сережа, точно я дитя и мною непремѣнно нужно руководить! Я, кажетъ ужъ десять разъ вамъ говорилъ, что папа не хочетъ, чтобы безпечнѣе. Въ послѣдній разъ онъ даже разсердился. Что-же въ дѣлать, нельзя же насильно? Я знаю, онъ противъ меня разд

женъ; съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ этого... и потомъ изъ того... Ну, вообще за то, что я не кончилъ курса. Теперь, разумѣется, не поправить, сколько ни сердись. Я и безъ него очень хорошо понимаю самъ, что поступалъ дурно, увлекался глупостями, когда нужно было учиться.

— Ты бы рассказалъ ему все это, другъ мой, ласково посоветовала бабушка,—объяснился бы откровенно, поплакалъ бы.

— Это лишнее, хмуро отвѣтилъ ввукъ,—не очень-то онъ поддастся слезамъ. Знаю я его! Заговори только о себѣ, онъ сейчасъ же упрекать,—всю душу выворотить, и сейчасъ сравненія: я, да я, да какой я былъ въ твои годы, какими дѣлами управлялъ, а ты ничего не дѣлаешь. Странный взглядъ! Копить деньги что-ли?...

Бабушка покачала головой, не сказавъ ни слова. Сергѣй Валерьяновичъ, какъ бы ободренный ея молчаніемъ, продолжалъ:

— Онъ самъ во всемъ виноватъ и никто другой. Зачѣмъ-же онъ не даетъ мнѣ возможности вести жизнь прилично нашему состоянію и общественному положенію?

— Позволь, мой другъ, нельзя такъ говорить.

— Какъ нельзя? Почему это, бабушка? Правду всегда можно говорить. А развѣ не правда, что я не могу прилично содержать себя на какіе-то жалкіе двѣсти рублей въ мѣсяцъ? Развѣ это не правда? А онъ однако же больше этой суммы не даетъ.

— Но, Сергѣй, ты забываешься, ты позволяешь себѣ такой тонъ, какого я не могу допустить...

— Виноватъ, виноватъ, бабушка, вдругъ переходя на шепотъ, заговорилъ Сережа,—я только хочу вамъ сказать, что онъ, какъ отецъ, обязанъ давать не только приличныя средства, но и вообще оказывать мнѣ во всемъ содѣйствіе: у него огромныя связи и главнымъ образомъ деньги,—благодаря имъ, конечно, и связи!.. Ну, я не кончилъ курса наукъ—не всѣмъ же быть учеными. Зачѣмъ же изъ-за этого огорчаться: стоило только замолвить гдѣ нужно, заплатить наконецъ, устроить меня гдѣ нибудь въ дирекціи—и только. При его средствахъ, это все доступно. Такъ вѣтъ, види-

те-ли, онъ этого не желаетъ! Ну, и пусть обвиняетъ самъ себя теперь, что я нахожусь въ неопредѣленномъ положеніи.

— Ахъ, мамаша! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ правду говоритъ, оживляясь, подсказала Викторія Александровна.

— Ахъ, Викторія, это только легко сказать, печально возразила Елена Модестовна и, обратившись къ внуку, продолжала:—нельзя же обвинять только другихъ. Ужели ты никакой вины за собой не признаешь?

— Я? Никакой! Ровно никакой! Рѣшительно вамъ говорю, бабушка: заплати теперь за меня отецъ долги и дай мнѣ шесть тысячъ въ годъ, посмотрите, какъ прекрасно я буду жить, и на службѣ буду виднымъ человѣкомъ и у себя съумѣю принять.

— Ахъ, ахъ, ахъ, скорбно прошептала Елена Модестовна, и даже закрыла лицо руками, какъ бы предугадывая, что такое положеніе дѣлъ въ семьѣ ея дочери не предвѣщаетъ въ будущемъ ничего хорошаго, и что, можетъ быть, даже теперь, пока она тратитъ время на бесполезные разговоры съ дочерью и внукомъ, въ кабинетѣ зятя рѣшается ихъ судьба.

VII.

Княгиня возвращалась отъ дочери, обуреваемая мрачными думами и подозрѣніями. Спрятавшись въ глубь кареты и, уткнувшись носомъ въ мѣхъ своей ротонды, она гнѣвно косилась на уличные фонари, точно и они были такими-же коварными и опасными ея врагами, какими считала она Петра Ивановича и его сына, и даже самого Валерьяна Ивановича. Этого послѣдняго она считала врагомъ, разумѣется, за то, что его богатство такъ долго не попадаетъ въ руки ея дочери и внука. Гнѣвъ и досада, и сознание невозможности направить по своему ходъ событій, наконецъ самолюбіе, чуть не ежедневно оскорбляемое небрежнымъ и даже гнѣвнымъ къ ней отношеніемъ большаго зятя—все это мучило и сердило ее.

Но однако-же, возвратившись въ свою квартиру на Сергіевской, она съ такимъ гордымъ видомъ сбросила съ плечъ ротонду

на руки лавая, точно къ ея ногамъ за минуту предъ тѣмъ пали всѣ ея враги въ полномъ сознаніи своего безсилія.

На встрѣчу ей вышла, съ книгою въ рукахъ! стройная средняго роста брюнетка, дочь ея умершаго брата—Надежда Петровна, или Nadine, какъ обыкновенно звали ее родные.

— Какъ вы, тетя, поздно,—грустно сказала она.

— Что-жь дѣлать, другъ мой! сдержанно отвѣтила Елена Модестовна, стараясь сохранить на своемъ мрачномъ лицѣ выраженіе нѣжности,—ты скучала, да? продолжала она, дружески обнявъ племянницу и идя съ нею въ свою комнату.

— Ничуть.

— И прекрасно.

— Но въ такой поздній часъ, тетя, вы никогда не возвращались. Уже одиннадцать. Я стала думать, не случилось-ли что.

— Что тамъ можетъ случиться? съ нескрываемымъ пренебреженіемъ отвѣчала Елена Модестовна, опускаясь въ кресло,—все тоже, также тянется день за днемъ.

— Когда же онъ уѣзжаетъ?

— Кто? Валерьянъ? угрюмо спросила Елена Модестовна, но тотчасъ же овладѣла собой и послѣ глубокаго вздоха отвѣтила:

— Ахъ, Nadine, я уже совсѣмъ отказываюсь понимать, что онъ хочетъ дѣлать. Я дожидалась, добавила она, мѣняя пренебрежительный тонъ на печальный,—хотѣла у него посидѣть, но не дождалась: у него сидѣлъ братъ, а мнѣ, признаюсь, онъ непріятенъ... Такъ жаль!

— Что же, тетя, надежды нѣтъ на выздоровленіе?

— Не знаю!

— Навѣрное онъ страдаетъ очень?

— Да, кажется... Вѣроятно...

— Бѣдный! прошептала Nadine.

— Братъ его почти цѣлые дни тамъ сидитъ, помолчавъ, заговорила Елена Модестовна,—онъ пренесносный, а сынъ его, этотъ докторъ, знаешь?—Онъ еще хуже. Представь: огромная голова, волосы растрепаны и кашляетъ на всю комнату.

Елена Модестовна придавила пуговицу электрическаго звонка

и, когда въ комнату вошла горничная въ темномъ платьѣ и бѣломъ передничкѣ, она при ея помощи стала раздѣваться, продолжая разговоръ съ племянницей. По временамъ задумчивый взглядъ ея останавливался на грустномъ лицѣ молодой дѣвушки, въ особенности въ то время, когда она случайно или умышленно отвѣчала односложными словами на ея вопросы. Когда въ помощи горничной уже не было никакой надобности, Елена Модестовна холодно сказала:

— Можешь спать; больше мнѣ ничего не нужно.

Горничная молча поклонилась и неслышными шагами вышла изъ комнаты, осторожно притворивъ за собой дверь. Поцѣловавъ затѣмъ племянницу въ лобъ, Елена Модестовна, минуту спустя, осталась въ комнатѣ одна, склонилась предъ образомъ на колѣни и стала что-то шептать, горячо прикладывая по временамъ руки къ груди.

Но молитва ея и самая горячность этой молитвы вызывалась не столько душевною потребностью уединенія, потребностью забыть злобу дня и отдаться возвышеннымъ чувствамъ; — нѣтъ, ея молитва вызывалась именно этою злобою дня. Чѣмъ больше было у нея непріятностей и запутанныхъ обстоятельствъ, тѣмъ горячѣе она молилась и тѣмъ настойчивѣе просила помощи свыше. «Помоги мнѣ, не дай имъ надо мною восторжествовать, пусть они смиряются, Господи!» шептала она—и Богъ знаетъ, какъ далеко была душа ея отъ того чувства, подъ вліяніемъ котораго человѣкъ подавленный нуждой и скорбями, шепчетъ: «да будетъ воля Твоя».

У княгини были сильно запутанныя дѣла, такъ что отдавая себя на волю Божію, пожалуй, что и не представлялось никакой возможности: то кредиторы приставали съ требованіемъ уплаты долгамъ, то адвокаты лѣзли съ разными объявленіями рѣшенъ заявленій, жалобъ, встрѣчныхъ исковъ и т. под.; то, наконецъ тревожили заботы о племянницѣ, которая все-таки была дороднаго брата и нужно же было заботиться о ея судьбѣ. Племянница (какъ казалось княгинѣ) будто нарочно, наперекоръ заглядывается на кого-то и тяготится не только свучною жизнью одинокой княгиней, но даже и самымъ ея покровительствомъ

Между тѣмъ княгиня такъ усердно заботилась о ней и старалась устроить ея положеніе. Она уже присмотрѣла ей выгодную партію въ лицѣ какого-то чиновника-туза, недавно овдовѣвшаго. Устройство этой партіи было, по соображеніямъ Елены Модестовны, весьма полезно какъ для племянницы, оставшейся послѣ смерти своихъ родителей безъ средствъ, такъ и для самой княгини, дальновидно соображавшей о томъ, что будущее вообще темно и нужно всегда быть на-сторожѣ.

На-сторожѣ нужно было ей держаться по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, она бесплатно жила въ казенной квартирѣ, на пользованіе которой не имѣла никакихъ правъ, а благоденствовала въ ней, благодаря только протекціи и умѣнью устраивать свои житейскія дѣла; во-вторыхъ, на имѣніи ея, единственномъ оставшемся отъ прежнихъ пяти имѣній, которыми когда-то владѣлъ ея покойный мужъ,—на этомъ имѣніи было значительное казенное взысканіе, и Елена Модестовна надѣялась какъ нибудь выхлопотать сложеніе этого взысканія въ видѣ особой монаршей милости за заслуги мужа; въ-третьихъ... Но и въ-третьихъ, и въ-четвертыхъ и такъ далѣе—вездѣ оказывалось, по соображеніямъ Елены Модестовны, выгодно пристроить племянницу за чиновнаго туза: тамъ, молъ, что-то еще будетъ отъ дочери и внука, а здѣсь все же не мѣшаетъ созидать зданіе. Отдавая себя молитвѣ, подъ вліяніемъ такихъ сложныхъ заботъ и соображеній, княгиня иногда вдругъ прерывала самую молитву, садилась въ кресло и начинала соображать: «а если вдругъ случится такъ? а если вотъ опять такъ?» и долго иной разъ она рассказывала потомъ по комнатѣ, обураваемая своими заботами и опасеніями. Иногда казалось, что племянница смотритъ какъ-то странно, отвѣчаетъ односложными словами, жалуется на скуку; поневолѣ заподозришь, ужъ не забрались-ли ей въ голову какія либо опасныя мысли. А потомъ, вслѣдъ за этими подозрѣніями, лѣзутъ одно за другимъ новыя подозрѣнія о судьбѣ Викторіи Александровны и ея сына, а главное, о судьбѣ богатствъ больного Валерьяна Ивановича, которымъ, по ея мнѣнію, угрожала страшная опасность.

VIII

Прошло нѣсколько дней безъ перемѣны въ положеніи дѣлъ. Княгиня по вечерамъ ѣздила къ дочери, но въ кабинетъ ея большаго мужа проникнуть не могла, такъ какъ Валерьянъ Ивановичъ этого не желалъ и упорно отказывался отъ свиданія съ нею.

Однажды утромъ, рано, рано, совсѣмъ даже въ невозможный для визитовъ часъ, а именно часовъ въ девять, вдругъ раздался сильный звонокъ въ передней княжеской квартиры. Княгиня только что за минуту предъ тѣмъ вышла въ столовую къ утреннему кофе и, конечно, изумилась такому неожиданному звонку.

Вошелъ князь Павелъ Модестовичъ. Появленіе его въ такой необычный часъ утромъ, когда лица, подобныя ему, мирно сидятъ себѣ въ халатахъ за чашкою кофе, не могло, конечно, не изумить Елену Модестовну; но она увидѣла его въ такомъ встревоженномъ состояніи, что невольно поднялась съ кресла и пошла къ нему на встрѣчу, не сводя пытливаго взгляда съ его сѣрыхъ, сильно выпуклыхъ глазъ.

— Pardon!.. Я немножко не во-время,—тревожно заговорилъ князь, протягивая руку сестрѣ. Но ты очень хорошо знаешь, что обстоятельства иногда такъ слагаются... Ахъ, Nad ne, извини, дружокъ... Bon matin, улыбнулся онъ, кивая Надеждѣ Петровнѣ и милостиво протянувъ ей лѣвую руку.

— Но что съ тобой? Скажи же наконецъ, что такое необыкновенное случилось, ты такъ встревоженъ! спросила Елена Модестовна.

Князь Павелъ пожалъ плечами, оглядывая столы и подоконники, не зная, на который изъ нихъ поставить свою шляпу думая въ то же время о другомъ.

— Я, видишь-ли, началъ, онъ снимая судорожно съ рукъ перчатки, я считаю необходимымъ, чтобы ты сама отправилась туда... къ ней. И, пожалуйста, не медли.

— Куда? Къ Викторіи? Говори же яснѣй,—говори же, что такое тамъ случилось?

— Видишь-ли, нельзя такъ сразу,—путаясь, отвѣтилъ князь Павелъ и вдругъ замолчалъ.

Елена Модестовна поняла причину его смущенія.

— Nadine! Оставь насъ, коротко сказала она Надеждѣ Петровнѣ, тоже съ немалымъ изумленіемъ смотрѣвшей на встревоженнаго князя.

— Ну вотъ, это другое дѣло, заговорилъ князь Павелъ, когда она вышла изъ комнаты;—нельзя же при ней,—прошепталъ онъ, торопливо опускаясь въ кресло и приглашая сестру сѣсть рядомъ.

— Ну, что такое? Что случилось?

— Вотъ что: немедленно нужно принять самыя энергическія и послѣднія мѣры. Немедленно? По моему необходимо,—зашепталъ онъ, оглянувшись на дверь,—необходимо сейчасъ же ѣхать и прямо настаивать энергически и рѣшительно.

— Да въ чемъ дѣло? Ахъ, Богъ мой, какой ты несносный человекъ! скоробно прервала его Елена Модестовна,—ну, что ты плетешь, что ты плетешь! Мѣры энергическія и настойчивыя!.. Да въ чемъ, куда, противъ кого?

— Ахъ, да, pardon, pardon! засуетился князь, хватаясь за свой елокъ волосъ на подбородкѣ,—я, признаюсь, думалъ, что уже сказалъ. Ну, вотъ въ чемъ дѣло—вотъ! Представь, вдругъ началъ онъ совершенно другимъ тономъ и медленнѣе,—представь: все то, что ты такъ дальновидно предусматривала, о чемъ ты такъ часто мнѣ, съ замѣчательной настойчивостью, напоминала—все это теперь вдругъ выступаетъ, такъ сказать, на арену дѣятельности...

— Ахъ, пожалуйста, поменьше словъ.

— Да, да, извини, другъ мой,—привычка, торопливо отвѣтилъ онъ и продолжалъ.—Твои подозрѣнія, насчетъ этихъ поповичей, оправдываются.

— Ну, чтожь дальше? мрачно и почти съ презрѣніемъ возразила Елена Модестовна.

Князь Павелъ многозначительно приподнял сѣрыя брови и зашепталъ, оглянувшись на дверь.

— Вчера, послѣ твоего отъѣзда, очень поздно, такъ, вѣроятно, уже около часа, былъ разговоръ у Валерьяна съ братомъ его о завѣщаніи. Сережа самъ слышалъ. Онъ случайно былъ въ сосѣдней

комнатъ и все слышалъ. Я, признаюсь, никакъ не ожидалъ, чтобы Валерьянъ могъ быть такимъ суровымъ. Разумѣется, говорить теперь о томъ, что этотъ человѣкъ, по своему рожденію и нравственному складу, никогда и ни въ какомъ случаѣ не былъ достоинъ общенія съ нашей средой и втерся въ нее, можно сказать, почти насильно...

— Ты невыносимъ! Ты просто невыносимъ! трагически прошептала Елена Модестовна, — къ чему мнѣ твои разсужденія, — скажи, ради Бога, короче, что тамъ такое было? Ну, говорили о завѣщаніи, — чтожъ говорили? Согласись, что это самое важное.

Князь тревожно повернулся въ креслѣ и задергалъ свою бородку, хмурясь отъ неожиданнаго возраженія сестры.

— Нельзя же, *chère amie*, такъ рѣзко прерывать, — обиженно возразилъ онъ, — я не могу отрывисто... И вообще сама ты очень хорошо знаешь, что о предметѣ такой важности невозможно говорить какъ нибудь, съ пятого на десятое.

Елена Модестовна безмолвно понурила голову и сложила руки на колѣняхъ, явно выражая этимъ свою рѣшимость покорно подчиниться волѣ Провидѣнія и молчать, пока братъ не выскажется до конца. Павелъ Модестовичъ, къ чести его сказать, не злоупотреблялъ предоставленной ему свободой слова и, избѣгая вводныхъ разсужденій, сталъ разсказывать сестрѣ, въ чемъ заключалась сущность разговора Валерьяна Ивановича съ братомъ о духовномъ завѣщаніи.

Изъ разсказа его выяснилось, что Валерьянъ Ивановичъ не намѣренъ оставлять никакого наслѣдства ни женѣ, ни сыну, въ виду, будто-бы, несомнѣнной и хорошо ему извѣстной ихъ расточительности, и что онъ просилъ брата принять ихъ на свое попеченіе съ полнымъ и безконтрольнымъ распоряженіемъ всѣмъ движимымъ и недвижимымъ его имуществомъ. Братъ, однакоже, отъ такого предложенія отказывался, ссылаясь на то, что попечительство надъ такими бойкими и любящими повеселиться лицами, какими онъ считалъ Викторію Александровну и Сергѣя Валерьяновича — что такое попечительство будетъ для него не по силамъ. Кромѣ того, онъ указывалъ на то, что подобнаго рода завѣщаніе возстановитъ

ихъ противъ него и возбудить потомъ тысячи непріятностей, упрековъ, жалобъ, слезъ и т. далѣе. вмѣсто такого завѣщанія, Петръ Ивановичъ уговаривалъ брата составить другое, просилъ его распорядиться при жизни своимъ богатствомъ, назначить сумму, какую онъ признаетъ нужнымъ на содержаніе своей семьи, а затѣмъ все остальное, подробно и съ обстоятельною точностью, распредѣлить на пожертвованія, куда именно и сколько. Въ такомъ случаѣ Петръ Ивановичъ соглашается принять попечительство надъ его женой и сыномъ, указывая на то, что при такомъ завѣщаніи, во-первыхъ, не будетъ дано имъ никакого повода упрекать его въ какихъ-либо своекорыстныхъ цѣляхъ, въ захватъ имущества и т. под., а во-вторыхъ—при пунктуальной точности завѣщанія—они будутъ знать размѣры своихъ денежныхъ средствъ и невольно должны будутъ сократить свои порывы къ безумной тратѣ богатствъ, не ихъ трудами приобрѣтенныхъ. Изъ долгаго разговора братьевъ оказывалось между прочимъ, что наличнаго капитала у Валерьяна Ивановича почти нѣтъ, а находится онъ весь въ недвижимомъ имуществѣ, именно въ каменномъ пятиэтажномъ домѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ онъ живетъ. Такимъ образомъ, изъ предложеній Петра Ивановича, въ какомъ бы смыслѣ ихъ ни принимать, являлся самъ собою выводъ, такой именно, что прекрасный домъ Валерьяна Ивановича, приносящій до сорока тысячъ годоваго дохода, будетъ проданъ, все движимое имущество—тоже. И всю эту хитрую механику, по заключенію князя Павла Модестовича, Петръ Ивановичъ устраивалъ съ какими-то непонятными туманными цѣлями, и хотя вопросъ о томъ, искренни или коварны эти цѣли, еще не былъ княземъ Павломъ окончательно рѣшенъ, но зато совершенно уже ясно было видно ему будущее положеніе Викторіи Александровны и Сережи, которыхъ Валерьянъ Ивановичъ, очевидно, находясь подъ вліяніемъ брата, намѣренъ оставить съ самымъ незначительнымъ обезпеченіемъ.

По словамъ князя Павла, братья разговаривали о духовномъ завѣщаніи по меньшей мѣрѣ часа два, и что едва-ли даже,—какъ сообщилъ ему Сергѣй Валерьяновичъ, ночью же кинувшійся къ нему на квартиру,—едва-ли даже этотъ разговоръ не повліялъ

вредно на здоровье Валерьяна Ивановича, такъ какъ онъ много въ эту ночь говорилъ и сильно кашлялъ.

— И вотъ въ виду всего этого, другъ мой, заключилъ свое сообщеніе князь Павелъ, — необходимо немедленно же принять самыя энергическія мѣры.

— Мѣры! угрюмо возразила Елена Модестовна, еще ниже склонившая голову, и теперь уже не столько подъ вліяніемъ многолѣтняго брата, сколько подъ тяжестью мрачныхъ думъ, сразу на нее нахлынувшихъ. — Мѣры! повторила она, — но какія же мѣры принимать противъ этого жестокаго человѣка, когда такъ ясно видно его озлобленіе и даже ненависть къ семьѣ.

И вдругъ, точно сбрасывая съ себя тяжесть мрачныхъ думъ, она порывисто и съ видимой рѣшительностью поднялась съ кресла.

— Какое безкорыстіе! Какое замѣчательное безкорыстіе! заговорила она съ злобной улыбкой, — братецъ-безсребренникъ, вотъ удивительное явленіе, ха, ха! А Валерьянъ и уши развѣсилъ, — вѣрить. О, какъ они обошли его, какъ обошли! Чтò, князь, не говорила я объ этомъ раньше, не предугадывала ихъ коварныхъ подходовъ?...

— Но я позволяю себѣ тѣмъ не менѣе замѣтить, смущенно началъ князь, — я думаю... по крайней мѣрѣ, мнѣ до сихъ поръ такъ казалось, что Петръ Ивановичъ былъ... вообще...

— Безкорыстный по вашему, да? прервала его Елена Модестовна, — птица небесная, да? О, простота!

Она подавила пуговку звонка и коротко сказала вошедшему слугѣ, чтобы подавали карету.

— Ъдемъ, князь! Ъдемъ!

IX

Но и на этотъ разъ они не могли попасть въ кабинетъ Валерьяна Ивановича и только напрасно потеряли время въ надеждѣ на свиданіе съ нимъ. Вечеромъ они, однако же, снова заявили. Незвѣстность, подозрѣнія и опасенія увеличивались съ каждымъ часомъ, и не могли, разумѣется, не увеличиваться, такъ какъ для

княжеской родни было ясно, что «поповичи» опутывают больного и, может быть, уже совсѣм опутали.

Между тѣмъ, въ то самое время, когда княгиня злобно шипѣла на дочь и простирала свои костлявыя руки по направленію къ кабинету, пророча дочери бездну горя и скорбей въ будущемъ, въ кабинетѣ въ это время никто никого не опутывалъ, ничья судьба не рѣшалась, и разговоръ о завѣщаніи болѣе не возобновлялся. Петръ Ивановичъ находилъ неудобнымъ вновь заводить рѣчь о томъ, о чемъ уже было сказано, а Яковъ Петровичъ, опять таки попавшій по просьбѣ отца въ кабинетъ дяди, только косился на нихъ обоихъ и никакого участія въ ихъ разговорѣ не принималъ. Онъ задумчиво рассказывалъ медленными и тихими шагами по коврамъ кабинета, въ то время, какъ Петръ Ивановичъ, сидя около больного, слушалъ его жалобы.

Кабинетъ раздѣлялся двумя арками на три почти равныя части; въ одной помѣщались шкафы съ книгами, письменный столъ, этажерки съ бумагами; въ другой—мягкая мебель съ кушетками и оттоманами, а въ третьей—кровать Валерьяна Ивановича со множествомъ баночекъ и скляночекъ на столахъ и подоконникахъ. Темныя портьеры, прихваченныя съ боковъ толстыми шелковыми шнурами, отдѣляли части кабинета одну отъ другой. Самъ Валерьянъ Ивановичъ, желтый и сухой, съ глубоко впалыми глазами и обострившимся отъ болѣзни горбатымъ носомъ, полулежалъ въ креслѣ въ третьей части кабинета и по временамъ поднимался повыше для того, чтобы взять слабой рукой со стола, стоявшаго около кресла, стаканъ съ какимъ-то питьемъ, и, глотнувъ разъ-другой, снова опускался на подушки. На столѣ горѣла лампа подъ густымъ темнымъ абажуромъ, и свѣтъ отъ нея яркимъ пятномъ падалъ только на столъ, оставляя все остальное въ тѣни. Въ тѣни была и сосѣдняя часть кабинета, и только въ первой его части, около двери, идущей изъ передней, свѣтился въ углу шаръ матоваго свѣта, одинъ изъ трехъ, составлявшихъ канделябръ съ фигурой бронзоваго рыцаря двухъ-аршинной величины.

— Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? досадливо думалъ Яковъ Петро-

вичъ, слушая, какъ отецъ «занимаетъ» дядю разговорами, и желалъ бы удрать поскорѣе.

— Фу, какъ надоѣло мнѣ это питье! брезгливо сказалъ Валерьянъ Ивановичъ, отодвигая подальше отъ себя стаканъ, и сѣлъ, приподнявшись съ подушекъ.

— Можно переменить, я думаю,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ,

— Яковъ! какъ ты полагаешь? обратился онъ въ сторону:— чтобы такое другое назначить?

Яковъ Петровичъ подошелъ къ столу, тѣмъ же ровнымъ шагомъ, какимъ расхаживалъ въ отдаленной части кабинета, прихлебнулъ отодвинутое Валерьяномъ Ивановичемъ питье и задумчиво спросилъ:

— Не нравится?

— Опротивѣло.

— Гм... гм... помычалъ онъ, и потомъ молча отошелъ отъ стола, не сказавъ ни слова.

— Такъ какъ же, что же пить? спросилъ Петръ Ивановичъ, съ безпокойствомъ смотря на него.

— Гм... да, отвѣтилъ Яковъ Петровичъ,—переменить можно, да докторъ вашъ, пожалуй, еще обидится...

— Есть о чемъ думать! возразилъ слабымъ голосомъ Валерьянъ Ивановичъ и вдругъ схватился обѣими руками за грудь въ припадкѣ наступившаго кашля. Я ему,—продолжалъ онъ, когда кашель утихъ,—по пятидесяти рублей плачу, сколько денегъ потратилъ, а пользы все не вижу.

Яковъ Петровичъ ничего на это не отвѣтилъ. Петръ Ивановичъ тоже промолчалъ, а Валерьянъ Ивановичъ, изподлобья оглянувъ ихъ обоихъ, съ неудовольствіемъ опустился опять на подушки.

— Вотъ такъ и валяюсь день-за-день, безъ дѣла! помолчавъ заропталъ онъ.—Расходы огромные, а толку нѣтъ...

— А ты не волнуйся, братъ. Это еще хуже разстроиваетъ замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Не волнуйся! Легко сказать! обиженно продолжалъ больной.—Не видишь развѣ, до какого положенія довели меня эти доктора? Теперь вотъ сиди тутъ въ четырехъ стѣнахъ—ни туда, е сюда... Пожалуй, до весны такъ проваляешься. Вотъ у меня что

то ноги неладно, понизивъ голосъ, обратился онъ къ Якову Петровичу,—кашель легче, значительно легче, а вотъ ноги... Ты бы нѣ, я думаю, лучше помогъ, чѣмъ эти...

— Все равно, дядя, нехотя отвѣтилъ Яковъ Петровичъ,—болѣзнь такая: сразу нельзя. Самое важное, вы не тревожьтесь—и кашель будетъ рѣже и меньше.

— Что ты меня учишь? Знаю самъ, сердито возразилъ Валерьянъ Ивановичъ и, закашлявшись, не могъ продолжать разговора.

Пока онъ кашлялъ, Яковъ Петровичъ посмотрѣлъ на часы и вопросительно взглянулъ на отца, показавъ глазами на дверь; тотъ покачалъ головой, какъ бы говоря: «нельзя, нельзя, подожди немного», и эти ихъ молчаливые переговоры замѣтилъ Валерьянъ Ивановичъ, успокоившись отъ кашля.

— Что? Скучно съ больнымъ здоровому? грустно спросилъ онъ уже безъ всякаго гнѣва.

— Нѣтъ, мнѣ пора, рѣшительно заявилъ наконецъ Яковъ Петровичъ,—завтра рано нужно въ академію. Тебѣ, отецъ, я думаю, можно бы и остаться? съ улыбкой обратился онъ къ Петру Ивановичу,—у васъ въ архивѣ все равно никогда нѣтъ дѣла.

— Ну, ну, толкуй! шутливо отвѣтилъ отецъ.— Убирайся, пока цѣль.

Яковъ Петровичъ протянулъ руку больному, и тотъ, подавъ ему свою, долго съ улыбкой смотрѣлъ на него, не опуская его руки.

— Заѣзжай, голубчикъ! Не важничай... Ты тамъ въ академію, можешь, и на большомъ счету, а все-таки не важничай, заѣзжай,—почти молитвенно просилъ онъ,—дядя я тебѣ, не чужой... Самъ увидишь: пригожусь, не оставлю...

— Вотъ еще вдоръ, полноте,—вдругъ нахмурился Яковъ Петровичъ,—какъ не стыдно!

— Яковъ! озабоченно прервалъ отецъ.

— Что приважете, родитель? съ улыбкой спросилъ сынъ.

— Не говори глупостей.

— Это не я, это вотъ дядя говорить.

Дядя улыбался, не догадываясь, что на его покровительствен-

ное «не оставлю» племянникъ отвѣчаетъ снисходительнымъ сожалѣніемъ.

— Ну-съ, мое почтенье пока, сказалъ Яковъ Петровичъ; а самъ думалъ въ это время: однако какой у него жаръ! Торопится онъ что-то!.. И пульсъ какой... Ишь, какъ закатывается! Гм... гм... Пожалуй, того и гляди, отправится.—До свиданія, отецъ!—сказалъ онъ, оставляя руку больнаго, и, мотнувъ головою отцу, вышелъ изъ кабинета.

— Славный, братъ, онъ у тебя, —грустно похвалилъ Валерьянъ Ивановичъ, когда затворилась за Яковымъ Петровичемъ дверь кабинета.—Вотъ это сынъ, настоящій человѣкъ, не моему дураку чета.

Онъ замолчалъ, блуждая грустнымъ взоромъ по складкамъ портьеръ и всматриваясь въ давно прискучившую ему лѣпную работу на потолокъ, на которую падалъ круглымъ пятномъ свѣтъ отъ абажура лампы.

— Холодно на дворѣ? спросилъ онъ, взглянувъ на спущенную штору у окна.

— Нѣтъ, не очень. Снѣжокъ давеча моросилъ.

— Снѣжокъ? Хорошо, когда снѣжокъ, значить тепло...

Онъ глубоко вдохнулъ и грустно потомъ добавилъ:

— Да, тяжело!

Черезъ нѣсколько времени, дверь изъ сосѣдней комнаты осторожно пріотворилась.

— Кто тамъ? слабо спросилъ Валерьянъ Ивановичъ.

— Можно къ тебѣ, Валерьянъ, вкрадчиво проговорила Викторія Александровна, стоя въ дверяхъ, Матап желала бы... Она собирается домой...

Валерьянъ Ивановичъ молчалъ.

— Дядя Павелъ тебѣ кланяется, продолжала Викторія Александровна.—Онъ былъ на минутку. Спѣшитъ въ засѣданіе.

— Болтунъ! хмуро замѣтилъ Валерьянъ Ивановичъ.

— Такъ можно, Валерьянъ?

— А гдѣ Сергѣй?

— Дома... Онъ тамъ у себя... Ты хочешь его видѣть?

— Не нужно... Иди!

— А шатап какъ же? почти испуганно спросила Викторія Александровна.

— Не могу... Тяжело очень.

— Но ты же мнѣ вчера обѣщала... Ахъ, Боже мой, она обидется!

— Иди-же, повторилъ онъ, волнуясь, — что вы меня тревожите? Увидится еще, успѣть! Авось не умру до завтра.

И когда жена вышла, онъ ворчливо проговорилъ:

— Эта старая княгиня двадцать лѣтъ мнѣ жизнь отравляетъ. Того и гляди, что выѣшится въ глаза... Вотъ только бы мнѣ поправиться, тогда я разъ навсегда прерву всякія съ ней отношенія.

X.

Но отношенія эти прервались сами собой. Въ болѣзни Валерьяна Ивановича вдругъ произошла рѣзкая перемена, сдѣлавшая немалый переполохъ во всемъ домѣ.

Перемена эта произошла рано утромъ, когда только что начала разсѣиваться ночная мгла и, сквозь бѣлую штору окна, сталъ проникать въ комнату слабый, едва замѣтный свѣтъ суричного зимняго дня. Въ сосѣдней комнатѣ дремали двое слугъ и фельдшеръ, дежурившій по ночамъ около кабинета Валерьяна Ивановича, куда дверь на всю ночь растворялась, чтобы они яснѣе могли слышать его слабый голосъ или звонъ колокольчика. Передъ разсвѣтомъ всѣ они трое одновременно вскочили со стульевъ, испуганные его тревожнымъ звонкомъ, и бросились въ кабинетъ, гдѣ въ лампѣ, подъ темнымъ абажуромъ, едва мелькалъ огонь, догорая послѣдними неровными вспышками. Въ первый моментъ имъ представилось, что тревожный звонокъ больного именно тѣмъ и вызванъ, что лампа потухаетъ. Но когда фельдшеръ приблизился къ нему, то сейчасъ же увидѣлъ, что причина тревоги больного совсѣмъ другая: у него хлынула кровь горломъ, и отъ потери ея онъ впалъ въ обморокъ. Такимъ образомъ оказывалось, что вмѣстѣ съ угасавшей лампой угасала жизнь самого Валерья-

на Ивановича. Еще недавно, полчаса тому назадъ, онъ, подкрѣпленный сномъ, лежалъ, закинувъ руки за подушку, и спокойно размышлялъ о бывшемъ разговорѣ съ братомъ по поводу духовнаго завѣщанія, и по временамъ тонкая улыбка скользила по его исхудалому лицу при мысли о той послѣдственности, съ какою братъ относился къ составленію завѣщанія. «Зачѣмъ спѣшить, куда? Успѣю еще; можетъ быть, Богъ дастъ, я и на ноги стану, и въ Италію съѣзжу, поправлюсь». И вдругъ теперь, когда послѣ глубокаго обморока, онъ пришелъ въ сознаніе, сразу оборвались всѣ его мечты о поѣздѣ, о возможности выздоровѣть, и безъ всякой борьбы, безъ всякой даже тѣни надежды, уступили мѣсто страху. Чувствуя необычайную слабость, онъ дрожащимъ, едва слышнымъ голосомъ сталъ просить:

— Священника!.. Ради Бога, священника, отца Макарія... Пошлите за братомъ... Гдѣ сынъ? Викторія?... Ахъ, позовите...

Поднялась какая-то странная суета, тихая, почти безмолвная, прерывавшаяся только изрѣдка короткими отрывистыми словами испуганныхъ слугъ.

— Бѣгите за барыней. Заправьте лампу... Скажите Сергѣю Валерьяновичу...

Одинъ изъ слугъ, замѣтивъ потухающій огонь въ кабинетной лампѣ, кинулся второпяхъ въ коридоръ, снялъ тамъ со стѣны жестяную лампочку и, принеся въ комнату больного, поставилъ ее на столъ, рядомъ съ той роскошной лампой, въ которой догоралъ огонь. Больной закрылъ глаза и слабо застоналъ, отстраняясь дрожащими руками отъ безпокойшаго его свѣта.

— Уберите! прошепталъ фельдшеръ, заслоняя собою рѣзкій свѣтъ лампы, и сталъ успокаивать больного:—главная причина, не тревожьтесь, говорилъ онъ,—и у здоровыхъ бываетъ, даже въ великомъ множествѣ кровь эта самая идетъ...

— Бываетъ? Да? робко и упавшимъ голосомъ спросилъ больной, и лучъ надежды слабымъ, едва замѣтнымъ отблескомъ отразился въ его впалыхъ глазахъ; но тотчасъ же угасъ и уступилъ мѣсто тревожнымъ стонамъ.

Слуги между тѣмъ метались по квартирѣ, не зная, гдѣ най-

ти Сергѣя Валерьяновича, такъ какъ его не было въ занимаемыхъ имъ комнатахъ. Одинъ кинулся по коридору, чтобы разбудить горничную Викторію Александровны, но наткнувшись въ темнотѣ на уголъ какого-то шкафа, болѣзненно заохалъ, схватившись за голову. Только что онъ поборолъ чувство боли и пошелъ ощупью впередъ, какъ изъ дверей комнаты, выходившей въ коридоръ, выбѣжала служанка со свѣчей въ рукахъ. Съ недоумѣніемъ смотря на него и пряча выбивавшіеся волосы подъ платокъ, второпяхъ накинутый на голову, она спросила испуганнымъ голосомъ:

— Господи, что вы здѣсь такъ стучите.

— Баринъ умираетъ. Разбудите барыню... Гдѣ Сергѣй Валерьяновичъ?.. Отходить уже!..

— Ахъ, ахъ, ахъ! засуетилась горничная, кинувшись по направленію къ комнатѣ Викторіи Александровны.

Въ кабинетѣ въ это время установился порядокъ; отъ лампы падалъ мягкій полусвѣтъ, больной спокойно лежалъ на спинѣ и не стоналъ, хотя тонкій носъ его еще болѣе обострился и лицо стало значительно блѣднѣе. Фельдшеръ тоже приободрился и говорилъ ровнѣе и спокойнѣе, чѣмъ въ первыя минуты тревоги, во время обморока больного, когда голосъ его замѣтно дрожалъ и руки тряслись. Теперь онъ сидѣлъ около его кровати, и тономъ, не лишеннымъ сознанія собственнаго достоинства, — утѣшалъ.

— Вотъ-съ теперь и сами изволите чувствовать, говорилъ онъ, что кровь—это не суть важное и бываетъ, можно такъ сказать, даже на пользу, а не то, чтобы имѣть отъ этого какое опасеніе. Ну, только не извольте тревожиться, покорнѣйше васъ объ этомъ прошу, потому ежели у васъ сдѣлается вторичное кровоизліяніе, то мнѣ отъ господина доктора за это можетъ быть порядочная нахлобучка.

— Такъ ничего, что много крови вышло? Это ничего, да? дрожащимъ голосомъ прервалъ больной и слезливо занылъ: Господи, неужели, неужели мой часъ насталъ? Ахъ, хотя бы еще недѣльку... Какая слабость! Какая страшная слабость! И такъ вдругъ!.. А я то думаю: поправлюсь... и за границу... Царю небесный, отецъ щедротъ!.. Хотя бы еще денька два...

— Что съ нимъ случилось, что? тревожно разспрашивала въ это время Викторія Александровна горничную, на-скоро одѣваясь въ ночную блузу.

— Отходятъ они, сударыня... Зовутъ васъ къ себѣ... Иванъ убѣжалъ за священникомъ... Къ нашему управляющему я сама забѣгу сейчасъ же, если угодно... Ну, только Сергѣя Валерьяновича вѣдь нѣтъ дома. Вотъ грѣхъ-то!

— Ахъ Боже мой, волновалась Викторія Александровна—надо поскорѣе за Сережей, ахъ!.. Что это какъ вдругъ... Неужели?..

Губы у нея дрожали, плечи нервно вздрагивали. Спѣша застегнуть на ходу пуговицы блузы, она не попадала дрожащими пальцами на петли и едва справилась съ ними. Потомъ, когда, сдерживая торопливые шаги, она вошла въ кабинетъ и увидѣла мужа съ блѣднымъ, сильно осунувшимся лицомъ и потухающимъ взглядомъ,—всякая рѣшимость казаться спокойной ее оставила. Она не въ силахъ была владѣть собой и глухо зарыдала, закрывъ лицо руками.

— Не извольте, сударыня, беспокоиться, шепотомъ успокоивалъ фельдшеръ, опасности можно сказать нѣтъ-съ никакой.

— Не плачь, Викторія... Сережа, гдѣ Сережа? слабо заговорилъ больной, прося опять послать поскорѣе за братомъ и за священникомъ.

Викторія Александровна вдругъ и сразу овладѣла собой. Одного вопроса о сынѣ оказалось достаточно для того, чтобы она моментально сознала всю непростительность его поведенія, его крайнюю оплошность исчезнуть изъ дому въ такое время, когда онъ ни на шагъ не долженъ былъ отходить отъ комнаты больного. Охваченная заботами о сынѣ, она скользнула на минуту въ сосѣднюю комнату и отдала одному изъ толпившихся тамъ слугъ приказаніе немедленно ѣхать къ князю Павлу Модестовичу, куда, она надѣялась, могъ отправиться въ гости и остаться тамъ ночевать Сергѣй Валерьяновичъ. Слуга, не разсуждая, поѣхалъ по указанному адресу, нисколько впрочемъ не сомнѣваясь въ томъ, что Сергѣя Валерьяновича тамъ не найдетъ. Усомнилась зато, черезъ двѣ—три минуты послѣ его ухода, сама Викторія Александровна и,

снова выйдя изъ комнаты больного, послала за ушедшимъ слугой въ догонку другого, съ порученіемъ непремѣнно просить князя Павла Модестовича какъ можно скорѣе отправиться къ Еленѣ Модестовнѣ и затѣмъ, вмѣстѣ съ нею, спѣшить къ больному. Всѣ эти распоряженія отдавались второпяхъ, на-скоро, выслушивались тоже на-скоро и смутно понимались тѣми, кто ихъ долженъ былъ выполнить. Но при этомъ нужно однако замѣтить, что при всей своей растерянности и нервномъ возбужденіи, Викторія Александровна настолько не растерялась, чтобы не сознавать, что въ такія минуты въ комнатѣ ея больного мужа могутъ быть совершенно лишними лицами родной братъ его Петръ Ивановичъ съ своимъ сыномъ. Не смотря на то, что ей кто-то изъ прислуги даже напомнилъ, что слѣдовало бы и къ Петру Ивановичу послать, она все-таки не послала за нимъ и только коротко отмахнулась отъ нехотати услужливаго совѣтника и плаксиво отвѣтила:

— Ахъ, послано, ко всѣмъ послано.

Утренній сумракъ между тѣмъ незамѣтно разсѣлся, и громады городскихъ зданій обрисовались на темно-сѣромъ сводѣ зимняго неба своими уродливыми трубами и крышами.

Вѣтеръ гудѣлъ въ трубѣ камина, въ кабинетѣ Валерьяна Ивановича, какъ бы давая знать больному, что на дворѣ стоитъ скверная погода, вовсе неудобная для того, чтобы справлять въ такое время пышныя похороны. На улицѣ дѣйствительно завывала мятель, и отецъ Макарій, вошедшій въ квартиру Лачужникова по черной лѣстницѣ (такъ какъ ему былъ ближе путь по ней, чрезъ ворота, съ переулка прямо во дворъ), отряхивался нѣкоторое время отъ снѣга въ передней, прежде чѣмъ идти въ комнаты. Онъ былъ росту выше средняго; жиденькій и тонкій, имѣлъ крайне скудные свѣтло-русые волосы и маленькую, тоже свѣтло-русую бородку. Лакей однако же провелъ его не прямо къ больному, а сначала въ залъ, гдѣ встрѣтила его Викторія Александровна съ заплаканными глазами, и пошла вмѣстѣ съ нимъ въ кабинетъ мужа. Задержувъ портьеру, отдѣлявшую одну часть кабинета отъ другой, Викторія Александровна зашептала.

— Представьте, какое ужасное положеніе! Онъ очень, очень слабъ, а Сережи нѣтъ дома. Я не знаю, что мнѣ дѣлать...

О. Макарій держалъ въ рукѣ ящичекъ съ запасными дарами, завернутый въ епитрахиль, и скорбно смотрѣлъ на нее, не понимая, зачѣмъ она объ этомъ рассказываетъ.

— И мамыши нѣтъ, продолжала Викторія Александровна, — и князя Павла.

— Но, позвольте, ваше превосходительство, замѣтите, — тихо возразилъ наконецъ о. Макарій, — надлежало бы, какъ я предполагаю, озаботиться главнѣйшимъ образомъ о напутствованіи больного.

— Ахъ, да! пугливо спохватилась она, — и, отдернувъ занавѣску, пошла впередъ въ ту часть кабинета, гдѣ лежалъ больной.

О. Макарій слѣдовалъ за ней, склонивъ голову нѣсколько набокъ.

Увидѣвъ его, Валерьянъ Ивановичъ слабо приподнялъ правую руку, намѣреваясь протянуть ее о. Макарію, но она бессильно опустилась на прежнее мѣсто. О. Макарій поставилъ ларецъ съ запасными дарами на столъ и сѣлъ около кровати больного, осторожно подобравъ полы рясы.

— Благословите... Ахъ, я не жилецъ... тяжело мнѣ... едва слышно началъ Валерьянъ Ивановичъ.

— Желаете приступить немедленно? заботливо спросилъ о. Макарій, благословивъ его, и, не дожидаясь отвѣта, тотчасъ поднялся отъ кровати и сталъ надѣвать епитрахиль. — Выйдите! тихо добавилъ онъ, кинувъ скорбный взглядъ на Викторію Александровну и фельдшера.

Они молча вышли и притворили за собой дверь.

— Я бы желалъ... слабо началъ Валерьянъ Ивановичъ, когда о. Макарій снова сѣлъ у его изголовья, — я не ждалъ, что вдругъ случится... Чувствую, что умру...

— Что дѣлать, не скорбите, заговорилъ о. Макарій, — еще живемъ, Господеви живемъ, еще умираемъ — Господеви умираемъ. И кромѣ того, не могу вамъ не замѣтить, что въ мірѣ духовномъ, въ царствѣ благодати, явленія совершаются не по законамъ міра

видимаго, вещественнаго, и при безнадежномъ состояніи болѣзни возможно полное выздоровленіе.

О. Макарій вздохнулъ и, помолчавъ, приступилъ къ исповѣди.

— Возобновите въ памяти прошлое вашей жизни, тихо началъ онъ; но Валерьянъ Ивановичъ прервалъ его на первыхъ же словахъ:

— Я бы желалъ составить завѣщаніе...

ХІ.

Спустя нѣсколько времени, въ квартиру купца Григорія Геннадіевича Кожевникова, жившаго этажемъ выше и имѣвшаго въ этомъ же домѣ большой колоніальный магазинъ, позвонилъ управляющій домомъ Валерьяна Ивановича, Федоръ Прохоровичъ Стуловъ.

— Господи! что это какъ громко! съ упрекомъ встрѣтила его хозяйка квартиры, жена Григорія Геннадіевича.

Стуловъ, живой и бойкій старикъ небольшого роста, съ густой темной бородой, покрывавшей его щеки почти до глазъ, стоялъ передъ ней безъ фуражки съ растрепанными волосами и тяжело дышалъ. Онъ вбѣжалъ по лѣстницѣ, шагая черезъ двѣ ступеньки на третью, и едва въ состояніи былъ говорить.

— Сударыня, скорѣй, ради Бога, скорѣй, Григорія Геннадіевича нужно, просилъ онъ, размахивая руками и сился проникнуть тревожнымъ взглядомъ впередъ, черезъ переднюю, прямо въ кабинетъ самого Григорія Геннадіевича,—нужно, очень нужно! Нашъ-то Валерьянъ Ивановичъ очень слабъ... Былъ сильный припадокъ... Завѣщаніе пишетъ... Просить въ свидѣтели, пожалуйста!

Жена Григорія Геннадіевича, женщина полная и рыхлая, при первомъ взглядѣ на Стулова, пока еще онъ не произносилъ ни одного слова, испугалась до того, что покачнулася всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ на дверной косякъ и поблѣднѣла.

— Ахъ, батюшка ты мой! А вѣдь я думала пожаръ! прошептала она, едва справляясь съ своимъ испугомъ.

— Поскорѣе, поскорѣе; очень онъ ослабѣлъ.

— Сейчас. Григорій Геннадіевичъ, Григорій Геннадіевичъ! Гдѣ ты тамъ? визгливо закричала она, торопливо уходя въ комнаты.

— Что такое? Какая экстренность? сердито прервалъ было ее Григорій Геннадіевичъ; но тотчасъ-же, при первомъ ея словѣ, измѣнилъ тонъ рѣчи и, захвативъ въ кулакъ бороду, вдругъ какъ-то сгорбился и зашагалъ въ переднюю, гдѣ стоялъ Стуловъ.

— Ослабѣлъ, да?

— Очень ослабѣлъ... Убѣдительно васъ просить.

— Ахъ, оказія!

Григорій Геннадіевичъ тронулъ себя по волосамъ всѣми пятью пальцами правой руки, желая придать имъ болѣе благообразный видъ, и оглянулъ на себѣ потертый и засаленный сюртукъ, замѣтивъ, что надо бы надѣть другой; но Стуловъ горячѣе прежняго сталъ уговаривать идти, не переодеваясь—и оба они спустились внизъ по лѣстницѣ къ дверямъ квартиры Валерьяна Ивановича.

— Господа, позвольте! Сдѣлайте вашу божескую милость,— зашепталъ вдругъ, загоразивая имъ дорогу какой-то неизвѣстный человѣкъ въ выцвѣтшемъ пальто и въ блинообразной фуражкѣ.

— Что вамъ нужно? Посторонитесь!

— Позвольте... Мы слышаны, здѣсь покойникъ. Предоставьте намъ; сдѣлаемъ все, повѣрьте, по чести и недорого, и въ лучшемъ видѣ... У нашего хозяина ей-ей превосходное заведеніе.

— Эй, швейцаръ! крикнулъ Стуловъ, глянувъ внизъ по лѣстницѣ,—убери его!.. Подите вы вонъ! заволновался онъ, грозя кулаками передъ лицомъ растерявшагося человѣка, и вспыхнулъ до ушей.

— Господи помилуй! вздохнулъ Григорій Геннадіевичъ, тоже недовольный, что услужливые промышленники готовы за-живо положить въ гробъ Валерьяна Ивановича.

Въ то время, когда они оба со Стуловымъ, осторожно ступая на концы пальцевъ, прошли въ кабинетъ Валерьяна Ивановича,—внизу лѣстницы, на площадкѣ швейцаръ распевалъ неизвѣстнаго человѣка за то, что онъ сунулся кверху по парадной лѣстницѣ, тогда какъ, по его соображеніямъ, слѣдовало нѣсколько времени ему подождать внизу.

— Ты долженъ понимать, авторитетно поучаль онъ, — что ежели я сказалъ, что предоставлю — и, значить, предоставлю; а нельзя такъ съ бухты-барахты бросаться. Онъ умеръ, дѣйствительно, что ужь умеръ, потому мнѣ давеча сказалъ лакей, что скончался, — ну, только надо подождать. А ты, между прочимъ, лѣзешь... Во всякомъ разѣ однако помни, что я меньше красненькой не возьму, потому что меньше взять нельзя.

— Да извольте, что тутъ торговаться. Неужли-же мы изъ-за этого расходиться будемъ.

Торгуясь, они не замѣтили, какъ у подъѣзда остановилась карета и Елена Модестовна, поддерживаемая лакеемъ, вышла изъ нея. Швейцаръ спохватился только тогда, когда, оглянувшись вдругъ на разслышанные за своей спиной шаги, онъ увидѣлъ прямо передъ собой величественную фигуру Елены Модестовны и отшатнулся отъ нея въ сторону, точно ошпаренный кипяткомъ.

— Что тамъ, какъ? спросила она, остановившись и надменно взглянувъ на него сверху внизъ.

Но швейцаръ сдернулъ съ головы фуражку съ блестящимъ околышемъ и растерялся, не зная, что отвѣчать, какъ человѣкъ, пойманнй на мѣстѣ преступленія. Неизвѣстный его собесѣдникъ, видя, что швейцаръ стоитъ передъ княгиней въ такомъ благоговѣйномъ трепетѣ, тоже стащилъ съ головы фуражку.

— Ваше сіятельство, имѣю честь доложить, — запинаясь, отвѣчалъ швейцаръ, что его превосходительство Валерьянъ Ивановичъ приказали вашему сіятельству долго жить.

Княгиня вздрогнула, выпрямилась, еще величественнѣе откинувъ голову; хотѣла видимо еще что-то спросить, но вдругъ, утративъ всякіе признаки величія, торопливо зашагала вверхъ по лѣстницѣ, поддерживая рукой шлейфъ своего темнаго платья, только тогда вновь обратилась къ швейцару, когда уже поднялась на первую площадку лѣстницы.

— Когда онъ умеръ, въ которомъ часу? крикнула она, глянувъ внизъ.

— Не могу знать, ваше сіятельство, давеча передъ разсвѣтомъ, въ девятомъ часу, лакей пробѣгалъ мимо, говорилъ... громко

отвѣчалъ швейцарь, продолжая стоять безъ фуражки и вытянувъ руки по швамъ.

Громкій его отвѣтъ, рѣзко раздаваясь по лѣстницѣ, донесся до слуха княгини какимъ-то общимъ гуломъ; не понявъ его, она только нахмурилась и покачала головой, поспѣшно шагая по лѣстницѣ. Дверь въ квартиру Валерьяна Ивановича однако же была заперта и когда растворилась на звонокъ Елены Модестовны, она, не снимая ротонды, хотѣла пройти прямо изъ передней въ кабинетъ, но слуга коротко отвѣтилъ:

— Дверь заперта изнутри.

— Почему такъ?

— Не могу знать.

— Когда, въ которомъ часу? задыхаясь, спросила княгиня, все еще стоя въ ротондѣ.

— То есть... о чемъ изволите спрашивать? смутился лакей.

— Ахъ, какой ты! Я спрашиваю, въ которомъ часу скончался Валерьянъ Ивановичъ?

— Они еще не скончались... Дѣйствительно-съ, часа два тому назадъ, былъ сильный припадокъ и даже омокъ... Ну, только кажется, теперь опасность миновала.

Елена Модестовна нахмурилась и въ недоумѣніи остановилась передъ смущеннымъ лакеемъ.

— Отчего же мнѣ не дали знать давеча? волнуясь, спросила она.

— Посланный къ вамъ отправился.

Она пожала плечами и, спустя нѣсколько секундъ, уже шагала черезъ залъ въ дальнія комнаты дома, сбросивъ съ плечь ротонду на полъ, такъ какъ изумленный лакей не успѣлъ ее во время подхватить.

Викторія Александровна встрѣтила мать въ слезахъ и кинулась ей на шею.

— Ахъ, погоди! недовольнымъ тономъ замѣтила ей Елена Модестовна, освобождаясь изъ ея объятій:—что съ нимъ? что случилось?

— Развѣ вамъ князь Павелъ не говорилъ? Я послала къ нему

двоихъ и приказала, чтобы передали все... У васъ же, навѣрное, былъ князь Павелъ?

— Странно! протянула княгиня, — онъ былъ, но ничего не сказалъ... Вѣроятно, посланный съ нимъ развѣхался... Но что же, что же? Обморокъ, говорятъ, да? И прошло уже.

— Ахъ, тамап!... Онъ уже причастился, онъ очень, очень ослабѣлъ... Тамъ теперь у него въ кабинетѣ священникъ, о. Макарий, знаете? и этотъ купецъ, что надъ нами живетъ... и нашъ управляющій домомъ, Стуловъ.

— Это еще что такое?

— Они завѣщаніе пишутъ.

— Ахъ! простонала Елена Модестовна, охваченная тысячью подозрѣній, и въ безсиліи опустилась въ кресло.

Но какъ ни немощно было ея тѣло — духъ продолжалъ бодрствовать, и не прошло минуты, какъ она уже снова была на ногахъ и осаждала дочь настойчивыми вопросами.

— Но отчего же ты не тамъ, а? Сережа тамъ, разумѣется, да?

— Ахъ, его нѣтъ. Я не знаю, я рѣшительно не знаю, что съ нимъ дѣлать...

— Какъ нѣтъ? какъ, что дѣлать? Сейчасъ же, не медля ни одной минуты, пусть идетъ туда, заволновалась Елена Модестовна.

— Но, тамап, его дома нѣтъ...

Княгиня схватилась дрожащими руками за плечи дочери и затрясла ее.

— Гдѣ же онъ, гдѣ же? трагически и слезливымъ голосомъ зашептала она, — какъ это могло случиться? Гдѣ ты его потеряла? ахъ, ахъ!

И вслѣдъ затѣмъ, оттолкнувъ отъ себя дочь и испуганно оглянувшись, она торопливо спросила:

— А братъ его, Петръ Ивановичъ, тамъ онъ?

— Его нѣтъ, тамап.

— И племянника тоже, да?

— Нѣтъ тоже. Я, признаюсь, за ними не посылала, хотя Валерьянъ просилъ...

Елена Модестовна глубоко вздохнула, какъ бы освобождаяся отъ нѣкоторой доли тяжести, лежавшей на ея плечахъ; но потомъ, вдругъ вспомнивъ опять, какая странная оплошность со стороны Сергѣя пропадать изъ дома въ такое нужное время, она взмахнула руками и закачала головой, укоризненно смотря на плачущую дочь.

— О, какія вы съ нимъ оба дѣти! упрекала она, — но гдѣ же князь Павелъ?... Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ты сама не идешь туда? Ахъ, Боже мой!.. Тамъ, можетъ быть, не вѣсть что напишутъ... Иди-же туда, иди! повелительно зашептала Елена Модестовна, — иди немедленно. Пойдемъ наконецъ вмѣстѣ со мной.

ХII.

Онѣ пошли въ тѣмъ дверямъ кабинета, которыя выходили не въ прихожую, а въ сосѣдную комнату, гдѣ обыкновенно дежурили слуги и фельдшеръ. На встрѣчу имъ вышелъ изъ комнаты больного управляющій Стуловъ, красный, съ крупными каплями пота на лбу, и, неловко поклонившись имъ, хотѣлъ пройти мимо, но Викторія Александровна остановила его вопросомъ:

— Скажите пожалуйста, что тамъ, какъ?

— Ничего-съ... Валерьянъ Ивановичъ какъ-будто успокоились нѣсколько... Очень-бы хорошо, еслибы они уснули хотя немного, но волнуются, жалуются, что нѣтъ до сихъ поръ ни Петра Ивановича, ни доктора... Я спѣшу самъ за ними.

— Ахъ, Боже мой, да послано-же наконецъ! плачевно возразила Викторія Александровна и потомъ торопливо зашептала: — прошу васъ, пожалуйста, Сережу... Ради Бога, не увидите-ли его... Торопите, чтобы сейчасъ, какъ можно скорѣй. Скажите, Валерьянъ его спрашивалъ еще?

Но княгиня, сознавая бесполезность такихъ вопросовъ, прервала дочь хмурымъ взглядомъ, брошеннымъ на нее какъ-то сбоку, и обратилась къ Стулову съ улыбкой, мгновенно появившейся на ея лицѣ и имѣвшей почти заискивающее выраженіе.

— Скажите, прошептала она, — мнѣ очень жаль, что я васъ

отвлекаю, но скажите ради Бога, что тамъ, какъ... Завѣщаніе уже написано, да?

Стуловъ вдругъ съежился, нахмурился и сталъ оглядываться по сторонамъ, очевидно придумывая тотъ благовидный предлогъ, на который можно было-бы сослаться или отдѣлаться общими мѣстами отъ настойчивыхъ вопросовъ. Пока княгиня и Викторія Александровна осаждали Стулова разспросами, желая узнать истину, прежде чѣмъ увидятъ самого Валерьяна Ивановича, и узнать, конечно, для того, чтобы быть готовымъ для разговора съ нимъ,—у него въ кабинетѣ, въ это время, тихо переговаривались между собою о. Макарій и Григорій Геннадіевичъ. Они не знали, куда положить завѣщаніе, только что подписанное Валерьяномъ Ивановичемъ и скрѣпленное ими со Стуловымъ, въ качествѣ свидѣтелей, и въ то же время не рѣшались беспокоить разспросами объ этомъ больного.

— Надлежало-бы, я такъ предполагаю,—прошептала о. Макарій, приложивъ свою правую руку ладонью къ груди,—надлежало бы пригласить сюда супругу Валерьяна Ивановича, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Валерьяновичемъ, и передать имъ завѣщаніе на храненіе впредь до востребованія.

— Это неосновательно, о. Макарій, совсѣмъ неосновательно, тоже шепотомъ отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ, разводя обѣими руками,—это, по моему, невозможное вовсе дѣло. Сами знаете, что завѣщатель, къ примѣру, ихъ подчиняетъ во всемъ своему родному брату и, можно сказать, ставитъ его замѣсто себя, а наконецъ того... мы эту самую бумагу имъ въ руки. Какой резонъ?

О. Макарій вздохнулъ, запахнулъ рясу и, кинувъ робкій взглядъ въ ту сторону, гдѣ стояла кровать больного, какъ бы желая удостовѣриться, не тревожить-ли его ихъ разговоръ,—тише прежняго зашептала:

— Признаюсь вамъ, я не имѣю основаній думать, чтобы со стороны наслѣдниковъ, хотя бы даже и подчиненныхъ во всемъ брату завѣщателя, возможны были какія либо дѣйствія, противорѣчащія завѣщанію.

— Какіе же они теперича наслѣдники, когда Валерьянъ Ива-

STANFORD LIBRARIES

новичъ завѣщаетъ все въ полное, безконтрольное распоряженіе Петру Ивановичу, движимое и недвижимое. Значить, какъ ему угодно, безъ отчета, куда хотеть и въ какомъ количествѣ. Какіе-же они послѣ этого наслѣдники?

— Но они могутъ наслѣдовать отъ Петра Ивановича, и притомъ, сами изволите знать, что на ихъ содержаніе Валерьянъ Ивановичъ назначаетъ довольно почтенную сумму.

— Почтенную сумму! Что вы! Шесть-то тысячъ въ годъ, да этого имъ и на одинъ зубъ мало!..

— Неужели? смутился о. Макарій,—а я предполагалъ, что это для нихъ прекрасное обезпеченіе...

— Да, какъ же! У нихъ, батюшка, аппетитъ не нашему чета. И кромѣ того, извольте имѣть въ виду, что вѣдь въ завѣщаніи сказано, какая, напримѣръ, полная власть предоставляется Петру Ивановичу: онъ даже можетъ лишить ихъ и этого содержанія, если они не будутъ жить въ добромъ съ нимъ согласіи...

— Но я предполагаю, Григорій Геннадіевичъ, перебилъ о. Макарій, что объ этомъ написалъ въ завѣщаніи Валерьянъ Ивановичъ только такъ, для острастки Сергѣю Валерьяновичу. Конечно, молодой человѣкъ...

— Ну, это статья другая... А ежели завѣщаніе въ ихъ рукахъ—опять другой расчетъ: вы этого, напримѣръ, и допустить не можете, а оно такъ, правильно, потому—грѣха вездѣ много, не оберешься...

— Признаюсь, смущенно отвѣтилъ о. Макарій, я недостаточно знакомъ съ членами семьи Валерьяна Ивановича, съ направленіемъ ихъ идей, и не могу вамъ ничего возразить, не знаю.

Больной лежалъ, закрывъ глаза и, казалось, дремалъ, а когда онъ открывалъ ихъ, Григорій Геннадіевичъ поспѣшно опускался предъ его подушкой на колѣни, чтобы удобнѣе слышать, что именно онъ хотеть сказать; но слышалъ только одно и то же.

— Они нарочно отстраняютъ, слабо проговорилъ больной,—нарочно... брата Петра... Гдѣ Стуловъ? Уѣхалъ-ли за нимъ?

— Уѣхалъ, сейчасъ будетъ. А завѣщаніе куда положить? повторилъ свой вопросъ Григорій Геннадіевичъ.

На этотъ разъ Валерьянъ Ивановичъ ясно понялъ, о чемъ спрашиваютъ и ясно отвѣтилъ.

— Сохраните пока... Брату Петру... Поправлюсь если... возьму самъ.

— О. Макарій возьмите къ себѣ пока, прошепталъ Григорій Геннадіевичъ.

— Но почему же съ мнѣ, конфузливо отвѣтилъ о. Макарій, — такая значительная по своему содержанію бумага — и вдругъ мнѣ! Благопріятнѣе было бы, Григорій Геннадіевичъ, вамъ...

— Да къ чему торговаться! улыбнувшись, отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ, — вамъ-ли, мнѣ-ли — какая же въ этомъ, напримѣръ, разница?

Онъ молча сложилъ вчетверо листъ духовнаго завѣщанія и запряталъ его въ боковой карманъ. Но при этомъ, почему-то, вдругъ оглянулся на двери сосѣдней комнаты, бросивъ пытливый взглядъ на кровать больного и даже нѣсколько сторбился, низко понуривъ голову. Замѣтивъ потомъ, что и о. Макарій тоже оглянулся на дверь, и съ недоумѣніемъ смотритъ на него, Григорій Геннадіевичъ оправился, пригладилъ бороду правой рукой, и какъ человѣкъ, сознающій свое собственное достоинство, авторитетно замѣтилъ:

— Требуется большая осторожность.

— То есть, если не ошибаюсь, вы предполагаете ея необходимость по отношенію къ родственникамъ.

— Да, и къ родственникамъ, и такъ вообще...

Григорій Геннадіевичъ смотрѣлъ уже не пытливо и ничуть не горбился; напротивъ, старался держать голову высоко, только глаза ему нѣсколько измѣняли и, какъ будто противъ его воли, косились въ ту сторону, гдѣ лежалъ, закрывъ глаза, Валерьянъ Ивановичъ.

— А какъ ваше мнѣніе, о. Макарій? шепнулъ онъ священнику, взявъ его за локоть руки и намѣреваясь уйти съ нимъ въ другую часть кабинета.

— Какъ по вашему? Плохъ, да? Пожалуй, того и гляди, отдастъ Богу душу?

— Это отъ насъ сокрыто: воля Божія.

STANFORD LIBRARIES

— Да, да, это справедливо. Всѣ помремъ, всѣ, только не въ одно время, вздохнулъ Григорій Геннадіевичъ, но опять, какъ будто противъ своей воли, ошупалъ рукой боковой карманъ, въ который положилъ завѣщаніе Валерьяна Ивановича, и покосился на его кровать.

Двери въ это время тихо отворились, и Викторія Александровна съ Еленою Модестовной, едва слышно ступая по мягкому ковру, вошли въ комнату больного. О. Макарій взялъ въ руки ларецъ, уже завернутый въ епитрахиль, и хотѣлъ уходить.

— Ахъ, побудьте, батюшка! шепотомъ попросила Викторія Александровна, едва удерживаясь отъ слезъ и пугливо взглянувъ на Валерьяна Ивановича, лежавшаго съ закрытыми глазами.

— Но насколько могу судить, шепотомъ-же отвѣчалъ о. Макарій, отходя отъ кровати въ дальнюю часть кабинета, — можно бы, кажется, оставить больного въ покоѣ, ибо ничто не подрѣпляетъ силъ такъ, какъ сонъ.

Викторія Александровна, послѣшно отеревъ глаза платкомъ, вопросительно взглянула на мать, и когда та молчаливымъ наклоненіемъ головы выразила свое согласіе съ мнѣніемъ о. Макарія, то не стала его больше удерживать и пошла съ нимъ въ тѣмъ дверямъ кабинета, около которыхъ стоялъ канделябръ съ бронзовымъ рыцаремъ. О. Макарій чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи, сознавая, что нельзя молча раскланяться съ хозяйкой и что надо-же на прощанье сказать нѣсколько словъ о чемъ нибудь, а о чемъ сказать — не зналъ.

— Прекрасная у васъ обстановка, сказалъ онъ наконецъ, когда она открыла ему дверь изъ кабинета, и покраснѣлъ, вдругъ понявъ, какъ не встаети сказана имъ эта фраза. Простите, ради Бога, самъ не знаю, что говорю, добавилъ онъ, желая поправиться. Конечно, въ настоящемъ положеніи вамъ не до квартиры.

— Ахъ, я ужъ и представить себѣ не могу, чѣмъ все это кончится.

— Нужно просить помощи Божіей, ваше превосходительство. Онъ утѣшитель скорбящихъ. Помните, сказано: близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ...

И о. Макарій, довольный тѣмъ, что разговоръ можно окончить на этомъ текстѣ, приличествующемъ душевному состоянію Викторіи Александровны, торопливо раскланялся, добавивъ:

— Никайше кланяюсь, ваше превосходительство.

— Пора и мнѣ, заявилъ въ свою очередь Григорій Геннадіевичъ, тоже раскланяваясь.

Но его не такъ скоро отпустили. Княгиня, милостиво улыбаясь, пошла съ нимъ рядомъ въ переднюю и завела разговоръ о больномъ. Викторія Александровна осталась около дверей кабинета, и старалась прислушаться къ разговору матери съ Григоріемъ Геннадіевичемъ.

— Скажите, ради Бога, спросила Елена Модестовна, оглянувъ прихожую и удостоверившись, что никто не слышитъ ея разговора, — скажите, пожалуйста, составилъ завѣщаніе Валерьянъ Ивановичъ?

Григорій Геннадіевичъ забралъ свою бороду въ кулакъ и изподлобья оглянулъ княгиню.

— Надо полагать такъ, что составили.

— То есть, что это значитъ, надо полагать, съ изумленіемъ спросила Елена Модестовна. Развѣ вы навѣрно не знаете?

— Какъ сказать, уклончиво отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ, — пожалуй, что и не знаю...

— Да вы же были тамъ? И онъ диктовалъ при васъ и, вѣроятно, вы подписывали? нетерпѣливо возразила Елена Модестовна.

— Оно дѣйствительно такъ-съ, спокойно отвѣчалъ Григорій Геннадіевичъ, — ну, только думаю еще, что не окончательно, потому все въ волѣ Божіей, и ежели поживетъ Валерьянъ Ивановичъ, тысячу разъ еще перепишетъ.

— Но вы мнѣ только скажите, что именно диктовалъ онъ теперь, въ какомъ смыслѣ?..

— То есть, что это? задумчиво спросилъ Григорій Геннадіевичъ, — мнѣ признаться, не вдомекъ.

— Ахъ, какой вы уклончивый! Ну, что вамъ стоитъ сказать, не все-ли равно... Не теперь, послѣ; не сегодня, завтра...

— Это, ваше сіятельство, справедливо, совершенная, къ при-

мѣру, истина, и рано-ли, поздно-ли, все обозначится. Ш мѣшкѣ, вѣдь, никакъ ужь не скроешь. Ну, только, ей е самъ не знаю, что и какъ, потому... признаться, мнѣ тепь когда: дѣловъ-то тоже куча!

ХІІІ.

Викторія Александровна, хотя и была еще окомо дверей ней, но уже не вслушивалась болѣе въ разговоръ матери горіемъ Геннадіевичемъ и стояла къ нимъ спиной, утѣв лицомъ въ платокъ. Она рыдала, охваченная вновь мыслью стоящей смерти мужа, и лишь для того отнимала плато глазъ, чтобы, взглянувъ вдаль комнаты, гдѣ за портьерами въ постели мужъ, снова утѣнуться въ платокъ.

— Кто тамъ, а? вдругъ донеслось оттуда. И встрепену стараясь овладѣть собой, она пошла на зовъ больнаго; е только подошла къ его кровати, лишилась самообладанія.

— Не плачь, Викторія, мнѣ лучше, значительно лучше говорилъ больной.

Она опустилась у его кровати и бессильно склонила ему на колѣни.

— Не плачь, утѣшалъ онъ, и погладилъ ослабѣвшей ея плечо,—я поправлюсь. А гдѣ же Сережа?

— Ахъ, Валерьянъ! поспѣшно отвѣтила Викторія Александровна, овладѣвъ собой,—ахъ, онъ ушибся, очень ушибся: давеча утромъ повредилъ, когда тебѣ сдѣлалось дурно,

Валерьянъ Ивановичъ помолчалъ.

— Пройдетъ, сказалъ онъ потомъ, послѣ глубокаго вздоха. Но что же братъ такъ долго? плачевно спросилъ онъ потьмившись, вдругъ нахмурился, взглянувъ на лицо, появившееся въ эю изъ за портьеры.

Изъ-за портьеры выступила безмолвная фигура княгини Модестовны. Пылливый взглядъ ея глубокихъ черныхъ глазъ шенный изподлобья на Валерьяна Ивановича, и хотя въ т моментъ отведенный въ сторону, не ускользнулъ однако вниманія. При ея приближеніи, онъ болѣзненно простоналъ:

когда потомъ вслѣдъ за нею показался изъ-за портьеры сгорбленный, съ торчащими на головѣ въ видѣ щетины волосами, князь Павелъ, тоже направившій пытливый взглядъ на лицо больного, больной тревожно заметался на подушкахъ: ему вдругъ представилось, что родня жены, къ которой онъ никогда не чувствовал расположенія, намѣренно препятствуетъ Петру Ивановичу увидаться съ нимъ, а сама, непрощенная, безцеремонно лѣзетъ прямо къ его кровати.

— Ахъ, дайте мнѣ покой, я очень утомленъ, простоналъ онъ.—Викторія, уйдите пока.

Викторія Александровна смущенно посмотрѣла на мать и дядю, и отодвинулась нѣсколько въ сторону отъ кровати, уступивъ мѣсто дядѣ Павлу. Онъ, не смотря на хмурые взгляды больного, все-таки желалъ подойти къ нему поближе. Два три слова, шепотомъ брошенные ему въ дверяхъ Еленой Модестовной о томъ, что завѣщаніе уже составлено и несомнѣнно не въ пользу наследниковъ (какъ заключила Елена Модестовна изъ уклончивыхъ отвѣтовъ Григорія Геннадіевича) возбудили въ князѣ Павлѣ ревностное желаніе доказать больному, на сколько онъ заблуждается, и направить его на настоящую дорогу.

— Здравствуйте, другъ мой! ласково обратился онъ къ Валерьяну Ивановичу.

— Да-а... здравствуйте... Но я хотѣлъ-бы... мнѣ тяжело...

— Я слышалъ... мужайтесь, другъ мой... не робѣйте—Богъ дастъ, поправитесь...

— Прошу васъ, дайте мнѣ покой, сказалъ Валерьянъ Ивановичъ и закрылъ глаза.

— Mon oncle, пойдете пока, прошептала Викторія Александровна.

Павелъ Модестовичъ пожалъ плечами, но однакожь отодвинулся отъ кровати, вопросительно взглянувъ на сестру. Елена Модестовна стояла въ ногахъ кровати съ грустно-пониженной головой и, сжавъ руки одну въ другой, не сводила глазъ съ больного, видимо желая обратить его вниманіе на свою скорбь.

STANFORD LIBRARIES

— Матап, пойдите! прошептала и ей Викторія Александровна.

Елена Модестовна вздохнула настолько глубоко и звучно, насколько это нужно для того, чтобы больной мог почувствовать всю тяжесть скорби, давящей ея сердце; но онъ однако ничѣмъ не отозвался на ея глубокий вздохъ. Молча приложивъ платокъ къ глазамъ, она отошла къ окну, имѣя все-таки тайную цѣль обратить его вниманіе на свои слезы, скрытыя будто-бы подъ платкомъ. Викторія Александровна, вообразивъ, что мать дѣйствительно плачетъ, взяла ее за руку и съ глазами, полными настоящихъ слезъ, прошептала:

— Успокойтесь, матап... Пойдите лучше туда.

— Ахъ, оставь меня, другъ мой... Я буду здѣсь пока, плаксиво отвѣтила княгиня.

Князь Павелъ стоялъ въ дверяхъ сосѣдней комнаты и мрачно смотрѣлъ въ полъ, обиженный тѣмъ, что больной не желаетъ его выслушать. Но когда княгиня выразила дочери свое желаніе остаться въ комнатѣ больного, онъ нашелъ, что это «хорошая идея», и торопливо шепнулъ Викторіи Александровнѣ на ухо:

— Пойдемъ, другъ мой.

— Дверь за нимъ и за Викторіей Александровной тихо затворилась, а Елена Модестовна осталась въ комнатѣ больного. Не отнимая платка отъ глазъ, она продолжала стоять у окна, какъ разъ противъ кровати. Валерьянъ Ивановичъ слышалъ и сознавалъ все, что происходило около него, и лежалъ съ закрытыми глазами, тщетно надѣясь, что авось княгиня уйдетъ; но она продолжала оставаться въ комнатѣ, тоже надѣясь, что авось ей удастся добиться своего. Валерьяна Ивановича сердило и волновало ея присутствіе, и онъ наконецъ не выдержалъ.

— Я просилъ бы васъ, княгиня, оставить меня пока... мнѣ очень тяжело, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, причѣмъ губы его нервно задержались.

— Не могу-ли я вамъ чѣмъ-нибудь помочь? услужливо предложила она, подходя къ кровати.

— Нѣтъ.

— Не могу-ли наконецъ просить васъ о примиреніи со мной. Мнѣ такъ больно... Я желала бы забыть всё наши прежнія размовки...

Валерьянъ Ивановичъ молчалъ.

— Простите меня, другъ мой, грустно продолжала она, опускаясь на стулъ около кровати. Я во многомъ виновата... Я часто была къ вамъ несправедлива. Я теперь только сознала свои ошибки, только теперь я ясно вижу, какой громадной нравственной поддержки мы можемъ лишиться вмѣстѣ съ вами. Клянусь вамъ, другъ мой, что когда вы, Богъ дастъ, поправитесь, тогда увидите сами, насколько я умѣю васъ цѣнить.

Она закрыла опять лицо платкомъ. Валерьянъ Ивановичъ однако же не расчувствовался отъ ея искренности и долго не отвѣчалъ ей ни слова.

— Простите-же, плачевно повторила она.

— Меня простите, односторонно отвѣтилъ Валерьянъ Ивановичъ и слабо повернулъ голову на подушкѣ въ противоположную отъ княгини сторону.

Она помолчала, ожидая, не будетъ-ли онъ что говорить; но потомъ, видимо убѣдившись, что молчаніемъ его не вызовешь на разговоръ, вкрадчивѣе прежняго заговорила:

— Я хотѣла-бы, другъ мой, напомнить... если не будетъ только это вамъ непріятно,—конечно, на все есть воля Божія... я увѣрена, что вы поправитесь, но все-таки на всякій случай, знаете, слѣдовало-бы...

— Я пить хочу. Позовите кого-нибудь, прервалъ онъ ея вступительную рѣчь.

— Ахъ, я вамъ сейчасъ сама, услужливо предложила она, кинувшись къ столу.

Валерьянъ Ивановичъ глотнулъ разъ-другой изъ стакана, при чемъ голову его княгиня нѣсколько приподняла на подушкѣ, чтобы ему удобнѣе было глотать, и потомъ медленно, съ замѣчательной осторожностью, опустила ее на прежнее мѣсто. Такая услужливость не могла, конечно, не смягчить сердца Валерьяна Ивановича, но не надолго, и когда она, начавъ вновь говорить, ска-

зада наконецъ, что слышала уже о завѣщаніи, онъ заволновался, захрипѣлъ и отъ волненія не могъ выговорить ни слова, только руку слабо приподнялъ, сляясь показать ею княгинѣ на дверь.

— Братъ, братъ! Вы его ко мнѣ нарочно не пускаете, застоналъ онъ, — гдѣ братъ... Ахъ!..

— Ахъ, Валерьянъ, какія обидныя предположенія! Это ужасно оскорбительно.

— Оставьте меня, говорю вамъ, волнуюсь, продолжалъ онъ, вы думаете, я не понимаю вашихъ тайныхъ цѣлей...

— Зачѣмъ такъ волноваться, другъ мой, не лучше-ли озаботиться о семьѣ, по христіански забыть все прежнее и не оставить послѣ себя несправедливо обиженныхъ и недовольныхъ.

— Уйдете-ли вы наконецъ, Боже мой! захрипѣлъ онъ едва слышно, и на этотъ разъ не только губы, но и все лицо его какъ-то задергалось, и у него вновь хлынула изъ горла кровь.

Съ параднаго крыльца въ это время раздался сильный звонокъ и вслѣдъ затѣмъ одновременно вошли въ кабинетъ Валерьяна Ивановича лѣчившій его докторъ, Петръ Ивановичъ, а за ними и Стуловъ; но Валерьянъ Ивановичъ вновь впалъ въ обморокъ, и имъ не пришлось слышать продолженія его разговора съ Еленой Модестовной. Спустя десять—пятнадцать минутъ тѣло его стало холодѣть. Докторъ, хмуро наблюдавшій за нимъ, низко наклонившись надъ его грудью, приподнялъ наконецъ голову, поправилъ очки и коротко сказалъ:

— Умеръ.

Всѣ, растерянно толпившіеся около кровати, невольно разступились, давъ возможность отойти доктору, и Викторія Александровна съ рыданіями кинулась на трупъ мужа.

Докторъ вынулъ часы, задумчиво посмотрѣлъ на циферблатъ и, молча положивъ ихъ въ боковой карманъ, пошелъ въ переднюю.

— Ну что, батюшка мой, какъ онъ теперь? спросилъ его, показавшійся въ это время въ дверяхъ передней, Григорій Геннадіевичъ.

— Да что, батенька, отвѣтилъ докторъ, впадая въ его тонъ, домъ опустѣлъ: жилецъ переѣхалъ на другую квартиру.

Григорій Геннадіевичъ набожно перекрестился. Остановившись у дверей квартиры Лачужникова, онъ былъ въ явной нерѣшимости: идти-ли туда, въ комнату умершаго Валерьяна Ивановича, или вверхъ по лѣстницѣ въ свою квартиру. Докторъ, не обративъ на него вниманія, пошелъ внизъ, задумчиво поправляя очки и сопя себѣ подъ носъ. Онъ уже былъ на послѣдней площадкѣ лѣстницы, въ то время, какъ Григорій Геннадіевичъ вышелъ изъ задумчивости и спохватился, что забылъ его спросить о чемъ-то.

— Докторъ! докторъ! шипящимъ голосомъ прервалъ было онъ, склонившись на перильца лѣстницы, но докторъ уже низко нахлобучилъ на лобъ свою богатую бобровую шапку, и вся его упитанная мясистая фигура скрылась отъ глазъ Григорія Геннадіевича.

Все это—и колебаніе насчетъ посѣщенія квартиры Валерьяна Ивановича, и призывъ шипящимъ голосомъ доктора, и дальнѣйшія сомнѣнія на счетъ того, дѣйствительно-ли правду онъ сказалъ о смерти Валерьяна Ивановича—все это взяло времени какихъ-нибудь семь—восемь секундъ, но простетвіи которыхъ Григорій Геннадіевичъ, подозрительно оглянувъ стѣны и убѣдившись, что свидѣтелей его колебаній не было и нѣтъ, выпрямился во весь свой огромный ростъ, погладилъ бороду и зашагалъ наверхъ къ дверямъ своей квартиры, рѣшивъ, что «присутствовать при семейномъ горѣ ему, какъ постороннему человѣку, нѣтъ никакого резону».

Въ это время Сергѣй Валерьяновичъ возвратился отъ пріятеля, къ которому ночью зашелъ отъ дяди и «нечаянно» запоздалъ до утра. Онъ столкнулся въ дверяхъ передней со Стуловымъ, озабоченно спѣшившимъ куда-то съ заплаканными глазами.

— Что съ вами, куда это вы?.. спросилъ онъ нѣсколько заплетающимся языкомъ, но не успѣлъ еще договорить своего вопроса, какъ поблѣднѣлъ, и, пошатнувшись, прислонился плечомъ къ стѣнѣ, пораженный извѣстіемъ о смерти отца.

Д. Стахѣевъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЧАРЛЬЗЪ-РОБЕРТЪ ДАРВИНЪ*).

(Очеркъ его ученія: дарвинизмъ, его предшественники и послѣдователи; его значеніе и односторонность).

I.

Весь образованный міръ уже знаетъ, какую тяжкую потерю понесла недавно наука, въ лицѣ своего гениальнѣйшаго представителя—Чарльза Дарвина,—умершаго 19-го апрѣля по новому стилю.

Чарльзъ Дарвинъ—величайшій біологъ нашего времени, основатель ученія о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора,—родился 12-го февраля 1809 г. въ одномъ изъ древнѣйшихъ англійскихъ городовъ—Шревсбѣри (Shrewsbury), на рѣкѣ Севернѣ. Отцомъ его былъ д-ръ Робертъ Дарвинъ; его дѣдомъ, по мужской линіи, былъ Эразмъ Дарвинъ, знаменитый въ свое время поэтъ-натуралистъ и философъ, а по женской—Джосія Веджвудъ, извѣстный своими улучшеніями въ производствѣ глиняныхъ издѣлій. Первоначальное образованіе Чарльзъ Дарвинъ получилъ на родинѣ, въ общественной школѣ, находившейся подъ вѣдѣніемъ д-ра Бютлера, а затѣмъ Бишопа. Въ 1825 г., шестнадцатилѣтнимъ юношей, Чарльзъ Дарвинъ поступилъ въ Единбургскій университетъ, откуда черезъ два года перешелъ въ Кембриджскую коллегію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1831 г., получивъ, по обычаю англійскихъ университетовъ, степень бакалавра искусствъ (Baccalaureus artium). Счастливая случайность вскорѣ доставила ему возможность развить свои университетскія знанія и примѣнить ихъ

*) Статья эта была уже приготовлена авторомъ къ июньской книгѣ «Наблюдателя», но, по недостатку мѣста, отложена до настоящаго номера.
Ред.

въ самыхъ широкихъ размѣрахъ къ изученію малоизслѣдованной, дѣвственной природы заатлантическаго міра. Въ томъ же 1831 г., англійское правительство отправляло корабль «Бигль» (Biagle—Ищейка), подъ начальствомъ капитана Фитроя, къ берегамъ Южной Америки, съ порученіемъ произвести тщательную съемку этихъ береговъ, опредѣлить положеніе нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана и произвести рядъ другихъ научныхъ изслѣдованій. Узнавъ, что Фитрой желаетъ взять съ собою хорошо-подготовленнаго естествоиспытателя, Чарльзъ Дарвинъ предложилъ свои услуги, былъ принятъ, утвержденъ лордами адмиралтейства, благодаря рекомендаціи гидрографа экспедиціи—Бьюфорта, и 27-го декабря 1831 г., отправился на корабль «Бигль» въ кругосвѣтное плаваніе.—Плаваніе это продолжалось пять лѣтъ. Въ 1836 г., 2-го октября, Чарльзъ Дарвинъ возвратился въ Англію. Спустя два года, онъ женился на своей кузинѣ Эммѣ Веджвуть, и въ 1842 году, оставивъ шумный Лондонъ, поселился въ своемъ прекрасномъ имѣніи—«Доунъ», близъ Бромли, въ кентскомъ графствѣ, на разстояніи часовой ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Лондона.

Это удаленіе отъ тревожной сутолоки столичной жизни должно было, конечно, значительно благопріятствовать научнымъ работамъ Ч. Дарвина. Вдали отъ житейской суеты, не развлекаемый мелкими интересами будничной жизни, онъ могъ спокойно и всецѣло посвятить свою дѣятельность изученію величайшей задачи, которую начерталъ себѣ этотъ гениальный человѣкъ во время своего кругосвѣтнаго плаванія. Не говоря уже о многотомномъ трудѣ, въ зоологическомъ и геологическомъ отдѣлѣ котораго принималъ участіе Дарвинъ, трудѣ, составлявшемъ результатъ пятилѣтняго плаванія на корабль «Бигль»—это плаваніе оказало глубокое вліяніе и на міровоззрѣніе Ч. Дарвина. Изученіе своеобразной флоры и фауны южно-американской природы, сравненіе угасшихъ растительныхъ и животныхъ формъ этого материка съ живущими видами, обнаруживали передъ проницательнымъ взоромъ Дарвина рядъ такихъ фактовъ, которые не только не подтверждали общераспространеннаго тогда ученія о постоянствѣ, неизмѣняемости видовъ, объ отдѣльномъ твореніи каждаго вида, а, напротивъ, свидѣтельствовали въ пользу преемственной, генеалогической связи различныхъ живот-

ныхъ и растительныхъ формъ, «пропвали нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ». Въ своемъ интересномъ дневникѣ, посвященномъ описанію кругосвѣтнаго плаванія на кораблѣ «Бигль» *)—Ч. Дарвинъ очень часто обращаетъ вниманіе на факты, идущіе въ разрѣзъ съ общепринятою въ то время классификаціей животныхъ и растительныхъ формъ. Тамъ, гдѣ классификація проводила демаркаціонную линію между различными видами, тамъ живая природа развертывала передъ взоромъ наблюдателя картину такихъ сложныхъ и постепенныхъ переходовъ отъ одной органической формы къ другой, которыя вовсе не укладывались въ тѣсныя рамки искусственныхъ разграниченій и подраздѣленій. Классификація требовала существенныхъ измѣненій; приуроченная къ ученію о постоянствѣ видовъ, она вовсе не согласовалась съ фактами дѣйствительности.

Какое, по истинѣ, глубокое вліяніе на идеи Дарвина оказало изслѣдованіе южно-американской флоры и фауны, и въ какой степени знакомство съ этимъ своеобразнымъ міромъ содѣйствовало возникновенію основной мысли его—ученія, это легко видѣть изъ слѣдующаго отрывка его письма къ Эрнсту Геккелю отъ 8-го октября 1864 г.: «Въ южной Америкѣ три группы явлений произвели на меня особенно-сильное впечатлѣніе. Во-первыхъ,—способъ и характеръ послѣдовательнаго распредѣленія близкихъ между собою видовъ, по направленію отъ сѣвера къ югу. Во-вторыхъ—близкое родство между видами прибрежныхъ острововъ южной Америки и обитателями самаго континента; это крайне удивило меня, въ особенности же разнообразность видовъ, живущихъ на близлежащихъ островахъ Галапагосскаго архипелага. Въ-третьихъ—тѣсная связь нынѣ существующихъ неполнозубыхъ млекопитающихъ (Edentata) и грызуновъ (Rodentia) съ вымершими видами. Я никогда не забуду моего изумленія, когда я выкопалъ кусокъ панциря гигантскаго броненосца, совершенно сходный съ панциремъ нынѣ живущаго».

«Размышляя объ этихъ фактахъ и сопоставляя ихъ съ нѣкоторыми другими подобными же явленіями, мнѣ казалось въ-

*) Имѣется русскій переводъ подъ редакціей А. Бекетова: «Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль».

роятнымъ предположить, что близкородственные виды происходятъ отъ одной и той же, общей, коренной формы. Однако, въ продолженіе многихъ лѣтъ, я не могъ понять, какимъ образомъ та или другая форма могла приспособиться къ столь характернымъ условіямъ жизни. Съ цѣлью выяснитъ этотъ вопросъ, я приступилъ къ систематическому изученію домашнихъ животныхъ и культурныхъ растений, и спустя нѣкоторое время убѣдился, что самымъ существеннымъ измѣняющимъ факторомъ служить подборъ человекомъ наиболѣе полезныхъ для него формъ. Такъ какъ я изучалъ много разъ образъ жизни и нравы животныхъ, то былъ уже достаточно подготовленъ къ надлежащей оцѣнкѣ борьбы за существованіе; а мои геологическія работы помогли мнѣ составить точное представленіе о крайней продолжительности истекшаго времени. Когда я затѣмъ, по счастливой случайности, ознакомился съ книгой Мальтуса «О народонаселеніи», у меня возникла мысль о естественномъ подборѣ^{*)}. Прошло однако много времени, прежде чѣмъ Чарльзъ Дарвинъ опубликовалъ свое ученіе. Въ продолженіе болѣе нежели 20-ти лѣтъ онъ воздерживался отъ изложенія своей теоріи, не смотря на то, что въ общихъ, основныхъ своихъ чертахъ она была разработана имъ еще въ 1844 году, но онъ продолжалъ тщательно собирать и обдумывать факты, и непрерывно, въ теченіе 18-ти лѣтъ, продолжалъ заниматься тѣмъ же многосложнымъ вопросомъ, пока наконецъ не былъ вынужденъ нарушить свое молчаніе изслѣдованіями англійскаго ученаго путешественника Уэллеса. Альфредъ Руссель Уэллесъ, подробно изучившій замѣчательную, по своему богатству и разнообразію, флору и фауну Малайскаго архипелага, пришелъ почти къ тѣмъ же общимъ заключеніямъ относительно происхожденія видовъ, какъ и Дарвинъ. Свои выводы Уэллесъ изложилъ въ статьѣ, которую въ 1858 году прислалъ Дарвину для передачи Ляйэлю, съ тѣмъ чтобы послѣдній помѣстилъ этотъ трудъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ. Тогда Ляйэль и Гукеръ, близко знакомые съ воззрѣніями Дарвина, уговорили его изложить ихъ вкратцѣ, для одновременнаго напечатанія со статьєю Уэллеса. Въ августѣ

^{*)} См. Ernst Haeckel: „Natürliche Schöpfungsgeschichte“. 7 издание, 1879; стр. 119.

1858 года объ эти статьи были опубликованы въ журналѣ Линнеевскаго Общества (Journal of the Linnean Society).

Наконецъ, въ ноябрѣ 1859 года, появилось знаменитое сочиненіе Дарвина: «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора». Въ этомъ капитальномъ трудѣ, составившемъ эпоху въ наукѣ, Дарвинъ доказывалъ, рядомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ фактовъ, что «безчисленные виды, роды и семейства организмовъ, населяющихъ міръ, произошли, каждый въ предѣлахъ своего класса или группы, отъ общихъ родичей и видоизмѣнились въ теченіе поколѣній». Вмѣстѣ съ тѣмъ Дарвинъ подробно изслѣдуетъ условія этихъ измѣненій и указываетъ на причины происхожденія видовъ. Однако самъ Дарвинъ смотрѣлъ на свою книгу, какъ на введеніе къ болѣе обширному труду, долженствовавшему многочисленными опытными доказательствами еще подробнѣе и обстоятельнѣе подтвердить его ученіе. Первая часть этого труда появилась въ 1868 г. подъ именемъ: «Измѣненія животныхъ и растений вслѣдствіе прирученія». Въ этомъ обширномъ сочиненіи Дарвинъ приводитъ массу въ высокой степени убѣдительныхъ фактовъ, неопровержимо доказывающихъ, какія глубокія измѣненія могутъ испытывать органическія формы, благодаря воздѣлыванію и искусственному подбору. Спустя 2 года, именно въ 1871 году, Дарвинъ издалъ новое весьма интересное изслѣдованіе: «Происхожденіе челоуѣка и половой подборъ», посвященное одному изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, именно вопросу о генеалогическомъ родствѣ челоуѣка съ другими млекопитающими. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ, въ высокой степени замѣчательныхъ трудовъ этого столь же великаго генія, сколько и неутомимаго работника. Сюда, между прочимъ, относятся: «О выраженіи ощущеній у челоуѣка и животныхъ»; «Насѣкомоядныя растенія»; «Движенія и образъ жизни вьющихся растеній»; «Дѣйствія перекрестнаго оплодотворенія и самооплодотворенія въ растительномъ царствѣ»; «Различныя формы цвѣтковъ въ растеніяхъ того же вида». Наконецъ въ послѣднее время Дарвинъ издалъ два новыхъ сочиненія: «О способности движенія растеній» и «Объ образованіи пахотной земли червями». Этотъ сухой перечень работъ, не говоря уже о другихъ капитальныхъ трудахъ по геологическимъ и зоологическимъ вопросамъ, свидѣтельствуетъ о такой колоссальной ученой дѣятельности, по-

дробная характеристика которой не можетъ составлять предмета небольшого журнальнаго очерка. Поэтому мы ограничимся общимъ обзоромъ основныхъ воззрѣній Ч. Дарвина, его ученія о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, о значеніи этого ученія для біологіи, о теоріяхъ его предшественниковъ и послѣдователей, причемъ постараемся также указать какъ на тѣ крайнія увлеченія, которыя порождены этимъ ученіемъ, такъ и на нѣкоторыя существенныя односторонности послѣдняго.

Въ своихъ существенныхъ чертахъ ученіе Дарвина состоитъ въ слѣдующемъ. Общераспространенное мнѣніе о постоянствѣ органическихъ формъ, о томъ, что растительные и животные виды совершенно независимы другъ отъ друга и созданы такими, какими они существуютъ нынѣ—это общераспространенное мнѣніе ошибочно и противорѣчитъ наблюдаемымъ фактамъ. Общія черты въ строеніи организациі растительныхъ и животныхъ формъ сами по себѣ уже свидѣтельствуютъ объ ихъ органическомъ родствѣ, объ ихъ потомственной, генетической связи. Въ свою очередь, многочисленные палеонтологическіе факты, сравненія нынѣ существующихъ животныхъ и растительныхъ видовъ съ вымершими формами также говорятъ въ пользу этой связи, также подтверждаютъ тѣсную зависимость органическихъ видовъ другъ отъ друга,—зависимость, истинный смыслъ которой становится понятнымъ только тогда, когда мы признаемъ, что все организмы, населяющіе нынѣ землю и населявшіе ее прежде, происходятъ отъ немногихъ или даже отъ одной простѣйшей основной органической формы, изъ которой они развились рядомъ постепенныхъ измѣненій и преобразованій, рядомъ постепенныхъ усложненій и усовершенствованій.

Обстоятельное и подробное изученіе прирученныхъ животныхъ и воздѣланныхъ растений, самымъ положительнымъ образомъ, свидѣтельствуетъ о такихъ разнообразныхъ и глубокихъ измѣненіяхъ, улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ одомашенныхъ породъ подъ вліяніемъ воспитанія, которыя были бы невозможны, еслибы органическіе виды отличались постоянствомъ, еслибы происхожденіе одного вида отъ другаго не согласовалось

съ дѣйствительностью. Но то же изученіе прирученныхъ животныхъ и воздѣланныхъ растений проливаетъ свѣтъ на условія, опредѣляющія собою измѣненія и усовершенствованія органическихъ формъ вообще. Это изученіе показываетъ, что главнымъ измѣняющимъ факторомъ организмовъ, порабощенныхъ человекомъ, служитъ производимый послѣднимъ подборъ полезныхъ для него индивидуумовъ, назначенныхъ для размноженія вида; другими словами, изъ различныхъ индивидуумовъ данной породы человекъ избираетъ для размноженія тѣхъ, которые отличаются наиболѣе полезными для него уклоненіями и особенностями. Постепенно накапливаясь дѣйствіемъ такого искусственнаго подбора родичей, эти полезные уклоненія и особенности выступаютъ наконецъ до такой степени рѣзко, что даютъ начало новой породѣ. Точно такимъ же путемъ, подъ вліяніемъ также подбора возникаютъ новыя разновидности и новыя органическіе виды въ природѣ. То, что производитъ человекъ искусственнымъ подборомъ, то происходитъ во всей органической природѣ благодаря борьбѣ за существованіе, борьбѣ, прямо вытекающей изъ того основнаго положенія, что «рождается гораздо больше особей каждаго вида, чѣмъ сколько можетъ ихъ выжить». Необходимымъ слѣдствіемъ такого непропорціональнаго отношенія между рожденіемъ и условіями существованія является конкуренція. «Всякій организмъ, производящій въ теченіе своей жизни много яицъ или сѣмянъ, долженъ подвергаться истребленію въ извѣстные возрасты или въ извѣстные времена года; въ противномъ случаѣ число его потомковъ быстро возросло бы такъ безмѣрно, что никакая страна въ мірѣ не была бы въ силахъ ихъ пропитать. Слѣдовательно, такъ какъ рождается болѣе особей, чѣмъ сколько можетъ ихъ выжить, то во всякомъ случаѣ должна происходить борьба за существованіе либо съ особями того же вида, либо съ особями другаго вида, либо съ физическими условіями жизни» (Ч. Дарвинъ).

И эта постоянная, беспощадная борьба обнаруживается на всѣхъ ступеняхъ развитія растительнаго и животнаго царства. Каждый организмъ, начиная съ простѣйшаго, однокѣточного существа и заканчивая высшей и наиболѣе сложной формой, борется съ другими, себѣ подобными; борется за пищу, за воздухъ, за каждый клочекъ земли, имъ занимаемой, словомъ за право

бытія. Благодаря такой именно борьбѣ, всякое ничтожное измѣненіе, всякое малѣйшее уклоненіе, если оно выгодно организму, при его сложныхъ соотношеніяхъ съ окружающими конкурентами и съ внѣшними условіями, — всякое такое измѣненіе или уклоненіе будетъ содѣйствовать сохраненію особи и передастся потомству. Такимъ образомъ, особи, пользующіяся надъ прочими индивидами тѣмъ или другимъ преимуществомъ, отличающіяся тѣми или другими измѣненіями, обеспечивающими побѣду, берутъ перевѣсъ, «имѣютъ больше шансовъ на жизнь, на потомство». Напротивъ, всякое уклоненіе, наименѣе полезное при данныхъ условіяхъ существованія, подвергается пресѣченію, такъ какъ особи, отличающіяся подобными уклоненіями, не могутъ разсчитывать на побѣду и скорѣе другихъ вымрутъ, не оставивъ послѣ себя потомства. Вотъ этимъ именно путемъ, т. е. силою борьбы за существованіе, происходитъ выборка особей: сохраняются, переживаютъ и оставляютъ потомство только тѣ индивиды, которые отличаются особенностями, наиболѣе соотвѣтствующими даннымъ условіямъ существованія; которые тѣмъ самымъ становятся естественно-подобранными къ этимъ условіямъ. Въ данномъ случаѣ природа поступаетъ такъ, какъ человѣкъ: подобно тому, какъ послѣдній, путемъ подбора родичей, измѣняетъ организмы сообразно своей пользѣ, такъ и природа подбираетъ именно то, что полезно охраняемому ею организму. «Всякій подобранный ею признакъ тотчасъ находитъ приложеніе, и организмъ приспособляется еще болѣе къ жизненнымъ условіямъ», или, говоря другими словами: природа производитъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій и уклоненій; естественный подборъ слагаетъ ихъ въ направленія, наиболѣе полезныхъ для организма въ его борьбѣ за жизнь, наиболѣе отвѣчающихъ даннымъ условіямъ существованія.

Дѣйствуя лишь на пользу и въ силу пользы каждаго организма, «естественный подборъ ежедневно, ежечасно изслѣдуетъ по всему міру всякое уклоненіе, даже самое ничтожное, отбрасывая все дурное, сохраняя и накапливая все хорошее, неслышно и незамѣтно работаетъ, гдѣ бы и когда бы ни представился на то случай, надъ усовершенствованіемъ всякаго организма от-

STANFORD LIBRARIES

носителю органических и неорганических условий его жизни. Отъ насъ скрытъ медленный ходъ этого процесса; лишь по прошествіи долгихъ временъ, насъ поражаютъ его результаты; и наши свѣдѣнія о давно прошедшихъ геологическихъ вѣгахъ такъ скудны, что мы видимъ лишь различіе между прежними и современными намъ формами жизни» (Ч. Дарвинъ).

Такова, по Дарвину, главная, основная причина тѣхъ многосложныхъ измѣненій и разнообразій, которыя наблюдаются среди растительнаго и животнаго царства. Та цѣлесообразность, которая обнаруживается въ строеніи и отправленіяхъ организмовъ и въ которой видѣли обыкновенно преднамѣренное участіе особой созидающей силы, составляетъ въ сущности прямой результатъ естественнаго подбора. Такъ какъ въ борьбѣ за существованіе выживаютъ и оставляютъ по себѣ потомство особи, наиболѣе приспособленныя къ даннымъ условіямъ среды, а не отвѣчающія имъ условіямъ гибнуть, то, въ концѣ концовъ, удерживаются и наследуются тѣ именно признаки въ строеніи организаціи, тѣ именно отправленія, которыя соответствуютъ требованіямъ окружающаго, которыя гармонируютъ съ этимъ окружающимъ. Цѣлесообразность не можетъ не быть тамъ, гдѣ избирающимъ факторомъ являются условія, среди которыхъ происходитъ борьба. Но тотъ же естественный подборъ не только опредѣляетъ собою переживаніе особей наиболѣе приспособленныхъ, но служитъ также главною причиною расхожденія признаковъ. Дѣло въ томъ, что чѣмъ разнообразнѣ организація данной группы животныхъ или растений, чѣмъ однороднѣ ихъ требованія, тѣмъ рѣзче выступаетъ конкуренція между такими особями, тѣмъ труднѣе и упорнѣе борьба за существованіе. И наоборотъ: чѣмъ значительнѣе, чѣмъ совершеннѣе разнообразіе животныхъ и растений, чѣмъ менѣе они отличаются однимъ и тѣмъ же образомъ жизни, тѣмъ большее количество особей найдетъ возможность существовать рядомъ. Отсюда несомнѣнная выгода разнообразія между жителями одной и той же мѣстности. Поэтому, во время видоизмѣненій потомства какого либо вида, чѣмъ болѣе будутъ разнообразиться потомки, тѣмъ болѣе они пріобрѣтутъ шансовъ на успешную борьбу за существованіе. Такимъ образомъ расхожденіе признаковъ, какъ одно изъ полезнѣйшихъ и весьма существенныхъ «орудій» въ борьбѣ за жизнь,

должно было поддерживаться естественнымъ подборомъ и возрастать подъ вліяніемъ послѣдняго. Мелкія, едва уловимыя отличія, постепенно накопляясь, складывались въ болѣе значительныя особенности, характеризующія разновидности одного и того же вида,—особенности, изъ которыхъ, путемъ дальнѣйшаго расхожденія признаковъ, возрастали еще болѣе значительныя различія, существующія между видами одного и того же рода, или даже между отдѣльными родами. Содѣйствуя расхожденію признаковъ и обуславливая тѣмъ самымъ ихъ спеціализацію, естественный подборъ необходимо ведетъ къ вымиранію среднихъ жизненныхъ формъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти среднія формы, какъ выдерживающія одновременно конкуренцію двухъ крайнихъ группъ, менѣе послѣднихъ имѣютъ шансы на побѣду и скорѣе всякой обособившейся формы рискуютъ быть стертыми съ лица земли. Вотъ это-то двойное слѣдствіе естественнаго подбора—расхожденіе признаковъ и вымираніе среднихъ жизненныхъ формъ—и служитъ причиною того безчисленнаго разнообразія, какимъ отличаются организмы, населяющіе нашу планету. Это разнообразіе существуетъ потому, что оно полезно, и существуетъ по столько, по сколько оно полезно. Но естественный подборъ не только влечетъ за собою разнообразіе формъ, онъ также служитъ и причиною ихъ прогрессивнаго развитія, ихъ совершенствованія. Такъ какъ наиболѣе полное спеціализированіе органовъ и болѣе совершенное раздѣленіе между ними фізіологическаго труда вышаетъ ихъ функціональную дѣятельность, а, стало быть, и всего выгоднѣе организму въ его борьбѣ за существованіе, то, очевидно, естественный подборъ будетъ содѣйствовать накопленію условій, ведущихъ къ такой спеціализаціи органовъ, къ такому раздѣленію между ними фізіологическаго труда. Но степень раздѣленія фізіологическаго труда служитъ мѣриломъ развитія организаціи. Такимъ образомъ, окончательнымъ результатомъ дѣйствій естественнаго подбора, въ данномъ случаѣ, будетъ постепенное усовершенствованіе жизненныхъ формъ, усовершенствованіе, которое «неминуемо поведетъ къ постепенному прогрессу въ организаціи ббльшей части живыхъ существъ на землѣ». Было бы, однако, ошибочно думать, что совершенствованіе, прогрессивное развитіе организаціи, составляетъ необходимое слѣдствіе естественнаго подбора. Напротивъ, это совер-

шенствование, это прогрессивное развитие обнаруживается только тогда и тамъ, гдѣ и когда оно представляетъ несомнѣнную выгоду въ борьбѣ за существованіе. Въ случаѣ же, если условія этой борьбы таковы, что усовершенствование организаціи не только не обезпечиваетъ побѣду, а, напротивъ, уменьшаетъ шансы на переживаніе, то тотъ же естественный подборъ обусловитъ собою постепенное упрощеніе органической формы, другими словами, обусловитъ собою рядъ регрессивныхъ явленій.

Итакъ, естественный подборъ безразлично влечетъ за собою прогрессъ или регрессъ, усовершенствование или упрощеніе организаціи, смотря по тому, которое изъ этихъ двухъ измѣненій наиболее полезно организму при данныхъ условіяхъ его существованія. Если же, не смотря на то, въ цѣломъ замѣтно несомнѣнное повышеніе органическихъ формъ съ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ и до настоящаго времени, такъ это только потому, что, говоря вообще, усовершенствование организаціи представляетъ болѣе всесторонніе шансы на побѣду, нежели упрощеніе организаціи.

Таково въ общихъ, существенныхъ чертахъ основное ученіе Ч. Дарвина объ условіяхъ происхожденія видовъ, о причинѣ возникновенія многочисленныхъ органическихъ формъ, которыми изобилуетъ растительное и животное царство. Борьба за существованіе побуждаетъ организмы, путемъ естественнаго подбора, приспособляться къ окружающимъ условіямъ, и силою такого приспособленія измѣняетъ ихъ организацію соотвѣтственно требованіямъ данныхъ условій. Отсюда та цѣлесообразность, которой отличаются жизненныя явленія. Если строеніе организаціи, какъ въ цѣломъ, такъ и въ своихъ частяхъ, вполне гармонируетъ съ условіями существованія, если тотъ или другой органъ соотвѣтствуетъ своему специальному назначенію, то это именно потому, что изъ многообразныхъ измѣненій удерживаются и накопляются естественнымъ подборомъ только полезныя уклоненія. Суммируясь, эти уклоненія постепенно разрастаются въ болѣе рѣзко выдающіяся отличительныя особенности, что прямо уже ведетъ къ расхожденію признаковъ. При этомъ, формы, наименѣе обнаруживающія подобныя уклоненія отъ первоначальнаго типа, занимающія средину между обособившимися группами, уступаютъ въ борьбѣ за существованіе послѣднимъ и посте-

ленно вымирають. Здѣсь именно и слѣдуетъ искать, по Дарвину, причину не только безчисленнаго разнообразія органическихъ формъ, но и того общаго факта, что между особами одной и той же растительной или животной группы болѣе сходства, нежели между особами различныхъ, хотя бы и соподчиненныхъ группъ. Такое рѣзкое разобщеніе группъ было бы невозможно, еслибы естественный подборъ не велъ къ вымиранию среднихъ, промежуточныхъ формъ. Стало бытъ, отсутствіе послѣднихъ между существующими представителями растительнаго и животнаго царства вовсе еще не говоритъ въ пользу отдѣльнаго созданія видовъ; оно только свидѣтельствуетъ, что эти промежуточные формы слѣдуетъ искать среди остатковъ вымершихъ животныхъ и растений,—въ нѣдрахъ земли, а не на ея поверхности.

Палеонтологическія данныя вполне подтверждаютъ такое заключеніе, подтверждаютъ, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку возможно извлечь положительныя свѣдѣнія изъ того разрозненнаго, отрывочнаго матеріала, которымъ располагаетъ палеонтологія. Сравненіе многочисленныхъ ископаемыхъ остатковъ, между собою и съ нынѣ существующими органическими формами, приводитъ къ заключенію, что между современными и вымершими формами существуетъ связь тѣмъ болѣе тѣсная, чѣмъ ближе къ намъ по времени усопшія формы; и, наоборотъ, самыя древнѣйшія ископаемыя разнятся отъ формъ, нынѣ существующихъ. Это положеніе какъ нельзя болѣе согласуется съ указанной выше причиной расхожденія признаковъ, ибо само собою разумѣется, чѣмъ новѣе какая либо форма, чѣмъ большій періодъ отдѣляетъ ее отъ отдаленныхъ геологическихъ временъ, тѣмъ больше времени она имѣла для того, чтобы уклониться въ ту или другую сторону отъ своего древняго предка. Далѣе, въ виду того же стремленія къ расхожденію признаковъ, стремленія, обусловливаемаго естественнымъ подборомъ, необходимо допустить, что древнѣйшія формы отличаются большимъ разнообразіемъ, и что богатство и разнохарактерность органическаго міра возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ новѣйшимъ временамъ, достигая наибольшей высоты среди существующихъ формъ. Такое предположеніе вполне подтверждается палеонтологическими данными. Такимъ же образомъ, «по теоріи естественнаго под-

бора, новѣйшія формы должны подвигаться въ совершенствѣ относительно своихъ родичей; ибо всякій новый видъ слагается въ силу того, что приобрѣлъ какія либо преимущества въ борьбѣ за существованіе надъ другими предшествовавшими формами». Другими словами, это, значить, что, по теоріи естественнаго подбора, новѣйшія формы должны стоять выше древнихъ, и, опять таки,—тѣмъ выше, чѣмъ болѣе онѣ удалены отъ своего древняго предка. Въ общемъ, настоящее предположеніе въ свою очередь подтверждается палеонтологическими свидѣтельствами, согласно которымъ наиболѣе простыя растительныя и животныя формы встрѣчаются въ самыхъ древнихъ геологическихъ періодахъ, тогда какъ, по мѣрѣ перехода къ болѣе позднимъ формациямъ, т. е. по мѣрѣ приближенія къ современному порядку вещей, растительный и животный міръ возрастаетъ не только въ отношеніи разнообразія формъ, но и въ отношеніи усложненія, совершенствованія своей организаціи.

Какъ бы то ни было, но подобное, подтверждаемое фактами, соотношеніе между современными и вымершими фактами различныхъ геологическихъ періодовъ свидѣтельствуесть о такой преемственной ихъ связи, которая вовсе не говоритъ въ пользу отдѣльнаго созданія видовъ и, напротивъ, становится вполне понятной съ точки зрѣнія, что всѣ эти формы произошли путемъ постепеннаго развитія отъ одного и того же древняго предка. Та же общность происхожденія служитъ причиною того сходства между существующими организмами, которое позволяетъ классифицировать ихъ въ опредѣленныя группы, связанные между собою несомнѣнными признаками сродства, унаследованными отъ общаго родича. Съ этой точки зрѣнія, «всякая истинная классификація имѣетъ характеръ родословной». Задача такой классификаціи состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы устанавливать демаркаціонныя линіи, а въ томъ, чтобы сгруппировать и распредѣлить органическія формы въ порядкѣ ихъ увлоненія отъ общаго родича. Итакъ, тождественность въ строеніи обнаруживаетъ тождественность происхожденія. Въ виду этого основнаго закона теоріи развитія, глубокое значеніе приобретаетъ тотъ фактъ, что зародыши различныхъ животныхъ одного и того же класса обнаруживаютъ замѣчательное сходство въ своемъ строеніи. Это сходство зарод-

дышей свидѣтельствуетъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что данныя животныя произошли отъ одного и того же предка, а различіе послѣднихъ свидѣтельствуетъ о степени тѣхъ уклоненій, которыя испытала ихъ организація со времени, отдѣляющаго этихъ животныхъ отъ ихъ общаго родича. Съ другой стороны, такъ какъ «зародышъ есть животное въ состояніи, менѣе видоизмѣненномъ, и поэтому указываетъ намъ на строеніе своихъ прародителей», то отсюда уже становится понятнымъ, почему, — какъ утверждаетъ Агассисъ, — вымершія животныя формы до нѣкоторой степени походятъ на зародыши нынѣ существующихъ животныхъ тѣхъ же классовъ. Это послѣднее обстоятельство служить вторично указаніемъ въ пользу геологической послѣдовательности угасшихъ формъ и ихъ столь же несомнѣнной органической связи съ современными формами, какая существуетъ между этими послѣдними и ихъ зародышами. Но подобно тому, какъ «тождественность остоновъ человѣческой руки, крыла летучей мыши, плавника моржа и лошадиной ноги, равенство числа позвонковъ, составляющихъ шею жирафа и слона, и безчисленные другіе подобные факты» свидѣтельствуютъ объ общности происхожденія этихъ организмовъ, такъ точно и тотъ фактъ, что всѣ высшія растенія и животныя состоятъ изъ болѣе или менѣе однородныхъ гистологическихъ элементовъ — клеточекъ — и что всѣ они въ начальномъ зародышевомъ состояніи напоминаютъ простую клетку и стало быть тождественны между собою, приводить, въ концѣ концовъ, къ заключенію, что растенія и животныя, живущія или когда либо жившія на землѣ, произошли отъ одной простѣйшей первичной формы. Итакъ, «изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, которое мы можемъ себѣ представить, а именно возникновеніе низшихъ формъ жизни».

Мы изложили здѣсь главные положенія Дарвиновой теоріи, отличающейся въ настоящее время такой всеобщей извѣстностью. Мы видимъ, что согласно этой теоріи всѣ органическія существа связаны между собою общностью происхожденія, что всѣ они возникли, путемъ послѣдовательныхъ измѣненій и усовершенствованій организаціи, изъ одной и той же простѣйшей формы, и что причиною такого преемственнаго измѣненія, такого развитія служитъ естественный подборъ, опре-

дѣляемый борьбою за существованіе. Вотъ это ученіе о подборѣ и составляетъ то, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ дарвинизмъ и что, по справедливому замѣчанію Геккеля, не должно быть отождествляемо съ теоріей развитія. Первое представляетъ собою попытку выяснитъ естественныя причины развитія организмовъ, и она всецѣло принадлежитъ Дарвину, что же касается до самой теоріи развитія, теоріи преемственности видовъ, то въ этомъ отношеніи Дарвинъ имѣлъ много предшественниковъ какъ во Франціи, такъ точно въ Германіи и Англій.

II.

Однимъ изъ главныхъ предшественниковъ принято обыкновенно считать извѣстнаго французскаго философа Жана Ламарка, который уже въ 1801 году весьма опредѣленно высказался въ пользу преемственнаго происхожденія растений и животныхъ отъ общихъ простѣйшихъ органическихъ формъ, и затѣмъ подробно изложилъ свою теорію развитія организмовъ въ 1809 году, въ знаменитой *Philosophie Zoologique*. Уже тогда Ламаркъ училъ, что «систематическія подраздѣленія, классы, отряды, семейства, роды и виды, а также ихъ названія—чисто искусственная выдумка человѣка. Не всѣ виды одинаковой древности: они произошли одинъ отъ другаго и отличаются только относительнымъ, временнымъ постоянствомъ; изъ разновидностей происходятъ виды. Различіе жизненныхъ условій дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ на организацію, на общую форму и на отдѣльныя части животнаго; то же слѣдуетъ сказать относительно употребленія и неупотребленія органовъ. Прежде всего произошли простѣйшія и самыя низшія растения и животныя, а затѣмъ — отличающіяся болѣе сложной организаціей. Развитие земли и ея органическихъ населеній отличалось непрерывностью и никогда не прерывалось геологическими катастрофами. Жизнь есть чисто физическое явленіе. Всѣ жизненныя явленія зависятъ отъ механическихъ, физическихъ и химическихъ причинъ, кроющихся въ свойствахъ самой органической матеріи. Простѣйшія животныя и простѣйшія растения, занимающія низшую ступень органической лѣстницы, произошли и продолжаютъ происходить путемъ самозарожденія. Всѣ живыя тѣла, или организмы,

подчинены тѣмъ же законамъ природы, какъ и тѣла безжизненныя, или неорганическія. Идеи и другія проявленія ума суть результаты движенія центральной нервной системы. Воля въ дѣйствительности никогда не бываетъ свободной».

Эти общія положенія, какъ бы ни казались смѣлыми, а нѣкоторыя изъ нихъ и совсѣмъ неправдоподобными, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ глубокаго вниманія, представляютъ весьма важное значеніе для теоріи развитія. Мы видимъ, что Ламаркъ не только признавалъ преемственность видовъ, но и считалъ происхожденіе ихъ необходимымъ слѣдствіемъ естественныхъ законовъ. Такъ, онъ указываетъ на условія приспособленія, какъ на одну изъ причинъ непрерывныхъ измѣненій органическихъ формъ, причемъ, однако, главную роль онъ приписывалъ употребленію или неупотребленію органовъ.

Замѣтимъ, однако, что еще ранѣе Ламарка, Бюффонъ говорилъ въ пользу непостоянства видовъ, въ пользу ихъ способности измѣняться. «Сравнивая, говоритъ онъ, животныхъ между собою и распредѣляя ихъ по родамъ, мы найдемъ, что 200 видовъ, описанныхъ нами, могутъ быть сведены къ достаточно ограниченному числу семействъ, или первоначальныхъ племенъ, отъ которыхъ, весьма возможно, произошли всѣ остальные формы» ¹⁾. Другой французскій ученый XVIII-го столѣтія, Де-Майле еще въ 1743 году высказывалъ предположеніе, что всѣ наземныя растенія и животныя произошли отъ простѣйшихъ морскихъ формъ, путемъ медленныхъ измѣненій ²⁾.

Знаменитый современникъ и ровесникъ Ламарка, Этьенъ Жофруа-Сентъ-Илеръ, въ свою очередь принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся первыхъ сторонниковъ теоріи развитія, защитникомъ которой онъ выступилъ въ 1828 году ³⁾. Но, въ противоположность Ламарку, онъ полагалъ, что главные причины измѣненій животныхъ и растительныхъ формъ зависятъ не отъ собственной дѣятельности организма (употребленіе

¹⁾ P. Flourens: «Histoire des travaux et des idées de Buffon». Seconde édition. Paris. 1850; p. 83.

²⁾ Ernst Krause: „Erasmus Darwin und seine Stellungen der Geschichte der Descendenz-Theorie“. Leipzig, 1880; S. 108.

³⁾ Ernst Haeckel: «Natürliche Schöpfungsgeschichte» Siebente Auflage. Berlin, 1879. S. 104.

и неупотребленіе органовъ), а отъ такихъ вѣшнихъ условій, какъ измѣненія количества и качества атмосферы въ различныхъ геологическихъ эпохи. Такъ, напримѣръ, Жофруа думаль, что отъ одного только измѣненія атмосферы, по причинѣ уменьшенія углекислоты, изъ ящерицъ произошли птицы.

Изъ другихъ французскихъ естествоиспытателей можно указать на ботаника Нодена и на Лекюка, высказавшихся—первый въ 1852, а второй въ 1854 г.—въ пользу измѣняемости и непостоянства видовъ.

Въ Англіи однимъ изъ главныхъ и первымъ поборникомъ развитія былъ дѣдъ Ч. Дарвина—Эразмъ Дарвинъ. Еще въ 1794 г., стало быть значительно раньше Ламарка, Эразмъ Дарвинъ выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе «Zoonomia», въ которомъ онъ весьма опредѣленно говоритъ объ измѣняемости видовъ и о постепенномъ развитіи органическихъ формъ. Эразмъ Дарвинъ, говоритъ Эрнстъ Краузе *), первый съ послѣдовательной ясностью сдѣлалъ попытку установленія болѣе или менѣе законченной теоріи развитія органическаго міра. Поэтому, скорѣе Э. Дарвина, нежели Ламарка, можно считать основателемъ теоріи преемственности видовъ. По мнѣнію Э. Дарвина, главною причиною преобразованія животныхъ и растительныхъ видовъ служатъ не вѣшнія условія, а внутренняя дѣятельная способность; и хотя онъ также допускалъ приспособленіе организмовъ къ окружающей средѣ, но, по его мнѣнію, основнымъ факторомъ развитія служитъ стремленіе къ совершенствованію, какъ индивидуальная потребность живаго существа.

Изъ другихъ англійскихъ ученыхъ, прежде всего, слѣдуетъ упомянуть В. Герберта, который въ 1822 году высказалъ уже предположеніе, что животные и растительные виды «представляютъ собою высшій и болѣе постоянный разрядъ разновидностей»; причемъ онъ полагалъ, что «отдѣльные виды каждаго рода были созданы въ состояніи, въ высшей степени пластическомъ, и что они черезъ скрещиваніе и уклоненіе произвели всѣ нынѣ существующіе виды». Позднѣе, именно въ 1826 году, Грантъ; затѣмъ въ 1841 году—Фрэкъ;—въ 1843 г. Гольдеманъ;—въ 1852 и въ 1858 г. Гербертъ Спенсеръ; наконецъ въ 1859 г. Гексли и Гу-

*) „Erasmus Darwin“ и т. д. стр. 176.

зеръ—всѣ эти ученые, каждый съ болѣе или менѣе опредѣленностью, говорили объ измѣняемости видовъ, о развитіи органическихъ формъ рядомъ послѣдовательныхъ преемственныхъ измѣненій.

Въ Германіи, въ числу первыхъ вѣстниковъ идеи развитія относятся Гёте, Тревиранусъ и Окенъ. Въ своихъ знаменитыхъ «Метаморфозахъ растеній», вышедшихъ въ свѣтъ въ 1790 году, Гёте весьма ясно уже проводитъ основную идею теоріи развитія, которую затѣмъ въ 1796 и въ 1807 гг. онъ выражаетъ еще опредѣленнѣе и придаетъ ей еще болѣе широкое значеніе. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Если разсматривать растенія и животныя, занимающія низшее мѣсто въ ряду органическихъ существъ, то ихъ едва можно отличить другъ отъ друга. Въ виду этого мы можемъ признать, что существа, находившіяся вначалѣ въ родственной связи и почти не отличавшіяся другъ отъ друга, мало-по-малу развились въ растенія и животныя, и, совершенствуясь въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, превратились: одни—въ твердое неподвижное дерево, другіе въ человѣка, представляющаго высшую степень подвижности и свободы».

Едва-ли слѣдуетъ говорить, что въ этомъ отрывкѣ весьма ясно выражена мысль о генетической связи между растительнымъ и животнымъ міромъ и о происхожденіи ихъ отъ одного общаго корня *). Ту же мысль объ общемъ происхожденіи органическихъ существъ высказывалъ Окенъ, извѣстный натурфилософъ своего времени. Въ своихъ сочиненіяхъ, изданныхъ въ періодъ 1802—1811 г. и посвященныхъ философіи природы, Окенъ училъ, что всѣ организмы произошли отъ «первичной слизистой субстанціи», простѣйшаго жизненнаго вещества, зародившагося въ морѣ во время развитія планеты. По мнѣнію Окена, первыми организмами, возникшими изъ этой первобытной слизи, были органическіе пузырьки, облеченные твердой оболочкой и снабженные жидкимъ содержимымъ; таковы именно всѣ инфузорія. Изъ этихъ простѣйшихъ существъ, путемъ сочетанія ихъ между собою, возникли всѣ сложные организмы. Такимъ

*) Ernst Haeckel: „Nat. Schöpfungsgeschichte“; стр. 83; а также: S. Kalischer: „Goethes Verhältnisz zur Naturwissenschaft“; Berlin. 1878.

образомъ, каждое существо высшаго порядка, всякое болѣе совершенное животное и растеніе представляетъ собою агрегацию этихъ первичныхъ пузырьковъ, и то или другое различіе, обнаруживаемое строеніемъ высшей организаци, всецѣло опредѣляется характеромъ взаимныхъ соединеній данныхъ пузырьковъ. При этомъ Окенъ весьма опредѣленно высказывается о спеціализаци органовъ, какъ необходимомъ условіи развитія органическихъ формъ. Еслибы, говоритъ онъ, всѣ органы животного, всѣ его составныя части (первичныя пузырьки) отличались одинаковой дѣятельностью, то между животными не было бы никакого различія, всѣ они походили бы другъ на друга, если не по размѣрамъ, то по формѣ *). Но еще болѣе точныя и опредѣленныя возрѣвія относительно единства природы и генетической связи органическихъ видовъ были изложены Тревиранусомъ въ его «Біологіи, или философіи органической природы», вышедшей въ свѣтъ въ 1802—1805 гг., стало быть, за нѣсколько лѣтъ до появленія «Зоологической философіи» Ламарка. Въ своемъ трудѣ Тревиранусъ весьма опредѣленно говоритъ о томъ, что всякая живая форма произведена посредствомъ физическихъ силъ; что всякому живому существу присуща способность приспособляться къ происходящимъ во внѣшнемъ мірѣ перемѣнамъ, и что благодаря именно такой способности, простѣйшіе организмы допотопнаго міра—животнорастенія (zoophitae) достигли постепенно высшихъ ступеней организаци и внесли въ живую природу безчисленное разнообразіе. вмѣстѣ съ тѣмъ, Тревиранусъ считалъ невозможнымъ допустить, чтобы причиною вымиранія животныхъ формъ служили геологическіе перевороты; по его мнѣнію, если допотопныя животныя и исчезли съ лица земли, такъ это только потому, что ихъ виды, «совершивъ теченіе своего существованія, мало - по - малу слились съ другими». Насколько, по истинѣ, ясны были представленія Тревирануса о взаимной зависимости органическихъ существъ, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Живая особь зависитъ отъ вида, видъ зависитъ отъ рода, родъ—отъ всей живой природы, а эта послѣдняя—отъ организма земли. И хотя индивидуумъ живетъ собственной жизнью

*) Oken und Kieser: «Beiträge zur vergleichenden Zoologie, Anatomie und Physiologie». Bamberg u. Würzburg, 1806. S. 103—106.

и въ этомъ отношеніи составляетъ отдѣльный міръ, но, по причинѣ ограниченности его жизни, онъ составляетъ также органъ въ общемъ организмѣ. Каждое живое тѣло существуетъ черезъ посредство вселенной, но и обратно, вселенная существуетъ также посредствомъ этого живаго тѣла. Указанное здѣсь взаимодѣйствіе и служить, по мнѣнію Тревирануса, необходимымъ условіемъ развитія и преобразования органическихъ формъ.

Изъ числа многихъ другихъ нѣмецкихъ ученыхъ первой половины настоящаго столѣтія, высказывавшихся съ большей или меньшей опредѣленностью, можно, между прочимъ, указать на знаменитаго эмбриолога Карла-Эрнста фонъ-Бера, Шлейдена—одного изъ основателей клеточной теоріи, ботаника Ф. Унгера, антрополога Шафгаузена, Виктора Каруса, Кайзерлинга, Александра Брауна и др. Такъ, еще въ 1834 году Карлъ - Эрнстъ фонъ-Беръ говорилъ *), что только съ дѣтской точки зрѣнія можно разсматривать органическіе виды, какъ постоянные неизмѣнные типы, и что въ дѣйствительности они развились путемъ преобразованій изъ общей коренной формы. Ему, болѣе чѣмъ кому либо, обязана теорія развитія выработкою тѣхъ основныхъ положеній эмбриологіи (ученіе о зародышевомъ развитіи организмовъ), которыя представляютъ столь важное значеніе для этой теоріи. Такъ, онъ именно показалъ, что въ первомъ періодѣ зародышеваго состоянія всѣ животныя даннаго класса отличаются одинаковымъ строеніемъ, и что тѣ или другія различія выступаютъ постепенно, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія индивидуума. Но мы видѣли уже выше, какое громадное значеніе для теоріи преемственнаго происхожденія видовъ представляетъ указанный фактъ—сходство зародышей различныхъ животныхъ: это сходство позволяло заключить о единствѣ происхожденія данныхъ животныхъ. Самъ Карлъ Беръ какъ нельзя болѣе понималъ глубокой смыслъ такого тождества организмовъ въ періодѣ ихъ эмбриональнаго состоянія. Чѣмъ болѣе, говоритъ онъ, мы приближаемся къ раннему періоду развитія различныхъ животныхъ, тѣмъ болѣе они подходятъ другъ къ другу по строенію, а такъ какъ зародышъ есть, въ сущности, ничто иное, какъ про-

*) С. К. R. Hartmann: „Darwinismus und Thierproduktion“. München. 1879. S. 55.

стѣйшее несовершенное животное, то отсюда можно заключить, что элементарная форма послѣдняго составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ общую основную форму, изъ которой развились всѣ животныя ¹⁾.

Что касается другихъ, названныхъ выше нѣмецкихъ ученыхъ, мы ограничимся указаніемъ на ученіе ботаника Брауна, какъ на одного изъ болѣе выдающихся предшественниковъ Ч. Дарвина. Въ своихъ трудахъ, изданныхъ въ 1842—1850 гг., Александръ Браунъ устанавливаетъ очень опредѣленную точку зрѣнія по вопросу о постоянствѣ видовъ; онъ не только не признаетъ такого постоянства, а напротивъ, считаетъ необходимымъ допустить общую зависимость ихъ въ смыслѣ генетической преемственности. По его мнѣнію, подобно тому, какъ каждый индивидуумъ есть членъ вида, такимъ же образомъ каждый видъ есть членъ рода, каждый родъ есть членъ семейства, порядка, класса, всего органическаго царства. Такимъ образомъ, всѣ эти члены составляютъ неразрывную цѣпь послѣдовательнаго развитія органической жизни, всѣ они выражаютъ собою непрерывный рядъ преемственныхъ измѣненій, по отношенію къ которымъ каждый видъ является лишь переходящимъ моментомъ, неразрывно связаннымъ съ предшествующими состояніями.

Согласно этой общей точкѣ зрѣнія на природу животнаго и растительнаго міра, Браунъ считалъ необходимымъ признать родственную связь между нынѣ существующими и вымершими формами различныхъ геологическихъ періодовъ. Всѣ эти формы, по Брауну, связаны между собою неразрывно ихъ общей исторіей развитія, всѣ онѣ представляютъ собою одно цѣлое и не одну изъ нихъ нельзя разсматривать, какъ отдѣльное созданіе. Что же касается условій, опредѣляющихъ собою явленія развитія въ органическомъ мірѣ, то, по Брауну, ихъ никоимъ образомъ нельзя ограничивать одними в н ѣ ш н и м и причинами. Помимо внѣшнихъ причинъ, здѣсь играютъ роль в н у т р е н н і я способности, внутреннія стремленія, которыя именно и опредѣляютъ собою цѣлесообразность развитія, которыя, такъ сказать, регулируютъ измѣненія, вызываемыя внѣшними условіями, и направляютъ ихъ къ опредѣленной цѣли ²⁾.

¹⁾ K. E. von Baer: «Ueber Entwicklungsgeschichte der Thiere» I; S. 223—224.

²⁾ Henry Potonié: „Alexander Braun's Stellung zur Descendenz-Theorie“⁴. Kosmos, 1879, III, S. 366—370.

III.

Мы могли бы указать и на другихъ предшественниковъ Ч. Дарвина, помимо предъидущихъ; могли бы указать на Рафинкса, на Омалеуса д'Аллоа, Вельса, Дойера, неизвестнаго автора «Естественной исторіи мірозданія», и нѣкоторыхъ другихъ; но полагаемъ, что и вышеприведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы не считать Дарвина основателемъ теоріи развитія. Эта теорія, какъ мы видѣли, установлена много ранѣ появленія въ свѣтъ знаменитаго сочиненія—«Происхожденіе видовъ». Но если Дарвина нельзя считать основателемъ ученія о развитіи, тѣмъ не менѣ онъ именно возвелъ это ученіе на ту высоту, на которой оно нынѣ находится, онъ первый разработалъ его съ подобающей полнотой и всесторонне оцѣнилъ важное значеніе теоріи преемственности видовъ. То, что прежде предполагалось меньшинствомъ, то Ч. Дарвинъ доказалъ для большинства. Силою неотразимой аргументаціи, рядомъ строго - научнаго сопоставленія фактовъ, прежде разрозненныхъ, этотъ великій мыслитель сумѣлъ убѣдить большинство въ томъ, во что вѣрило только меньшинство и противъ чего возставалъ весь свиклихъ научнаго міра, прикрываясь авторитетами такихъ ученыхъ, какъ Линней и Кювье. Необходимо было уничтожить этотъ авторитетъ, необходимо было вывести ученіе о развитіи изъ узкой колеи гадательныхъ предположеній на широкую дорогу точнаго знанія. И это сдѣлалъ Чарльзъ Дарвинъ, и въ этомъ его величайшая заслуга. Но для надлежащей оцѣнки великихъ заслугъ Дарвина, намъ необходимо обратить вниманіе на слѣдующее весьма важное обстоятельство. Теорія развитія органическаго міра необходимо предполагаетъ ученіе о развитіи нашей планеты. Едва-ли возможно сомнѣваться въ томъ, что одной изъ главныхъ помѣхъ для принятія теоріи преемственности видовъ служило общераспространенное ученіе о геологическихъ катастрофахъ, или такъ называемыхъ катаклизмахъ, ученіе, поддерживаемое авторитетомъ Кювье. Согласно этому ученію, какъ извѣстно, каждая геологическая эпоха отдѣлялась отъ другой рядомъ «величественныхъ переворотовъ», рядомъ

STANFORD LIBRARIES

«разрушительныхъ катастрофъ», послѣ которыхъ «ходъ природы измѣнялся, нить жизни прерывалась»; растенія и животныя данной эпохи стирались съ лица земли; наступала новая эпоха, создавались новыя растительныя и животныя формы. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, въ особенности рѣзко выраженной Агассисомъ, органическій міръ каждой отдѣльной эпохи представляетъ собою совершенно самостоятельное, законченное цѣлое, и не имѣетъ никакой генетической связи съ растительными и животными формами другихъ геологическихъ періодовъ. Едва-ли слѣдуетъ пояснять, какимъ тормозомъ служило подобное ученіе для теоріи преемственнаго происхожденія видовъ. Если органическія формы каждой геологической эпохи совершенно независимы другъ отъ друга по происхожденію; если «обыкновенный ходъ природы», какъ въ органическомъ, такъ и въ неорганическомъ мірѣ, прерывался разрушительными катастрофами и каждая новая эпоха предполагала вмѣшательство творческой силы, — то какія же тогда существуютъ основанія для принятія теоріи развитія, теоріи послѣдовательнаго возникновенія и измѣненія всѣхъ живыхъ существъ отъ общей коренной формы? Очевидно, для того, чтобы признать эту теорію, слѣдовало предварительно выяснитъ всю несостоятельность ученія о катаклизмахъ, слѣдовало доказать, что предполагаемыя катастрофы въ дѣйствительности никогда не существовали, что ходъ природы никогда не прерывался «величественными переворотами», а, напротивъ, всегда слѣдовалъ рядомъ непрерывныхъ, постепенныхъ измѣненій. Эту именно великую задачу выполнилъ Лайѣль въ своихъ достопамятныхъ «Principles of Geology» (Основныя начала геологіи), вышедшихъ въ свѣтъ въ 1830—1833 гг. Со времени Лайѣля, геологическое ученіе Кювье и его приверженцевъ совершенно потеряло свой кредитъ; стало извѣстнымъ, что съ самаго начала существованія земли въ природѣ дѣйствовали тѣ же силы, которыя обнаруживаются и въ настоящее время, что и прежде, какъ теперь, геологическія явленія обуславливались медленными, постепенно нарастающими измѣненіями, и что настоящее состояніе земли обязано своимъ происхожденіемъ продолжительности времени, въ теченіе котораго изъ обыкновенныхъ и понынѣ наблюдаемыхъ измѣненій суммировались величественные результаты». Это ученіе о единообразіи

геологическихъ явленій (униформитаріанизмъ), о непрерывности и послѣдовательности измѣненій, о постепенности преобразованій въ общемъ порядкѣ вещей, въ общемъ «ходѣ природы», проливало уже совершенно иной свѣтъ и на явленія органическаго міра. Оно уже не только не противорѣчило теоріи родственнаго происхожденія видовъ, но, напротивъ, всецѣло подтверждало эту теорію, составляло прямое, такъ сказать, введене къ этой послѣдней. «Для біологіи, говоритъ Гексли *), теорія развитія составляетъ необходимое слѣдствіе логическаго примѣненія основныхъ началъ униформитаріанизма къ явленіямъ жизни».

Мы поймемъ теперь, почему тотъ же Гексли называетъ Дарвина естественнымъ преемникомъ («the natural successor») Ляйэля, а «Происхожденіе видовъ» — естественнымъ продолженіемъ («the natural sequence») «Основныхъ началъ геологіи». Мы поймемъ теперь также, почему Дарвинъ могъ сдѣлать для теоріи развитія то, чего не сдѣлалъ для нея ни одинъ изъ послѣдователей этой теоріи. Пока не доставало прочныхъ геологическихъ основъ, ученіе о преемственности видовъ по логической необходимости должно было оставаться проблематичнымъ; но когда Ляйэль разъяснилъ всю несостоятельность теоріи катаклизмовъ, тогда настало время для болѣе широкаго и всесторонняго примѣненія идеи развитія къ жизненнымъ явленіямъ. И достойно вниманія, что время, когда Ч. Дарвинъ впервые задается этой великой задачей, вполне совпадаетъ съ тою великою эпохою, какую составили для геологіи труды Ляйэля. Эти труды, — какъ было уже замѣчено, — впервые опубликованы въ 1830—1833 гг; въ 1831 году Дарвинъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе, въ 1836 г. онъ возвратился на родину, т. е. какъ разъ въ то время, когда ученіе Кювье о переворотахъ было опровергнуто Ляйэлемъ; тогда настала чередъ опровергнуть и его ученіе о постоянствѣ видовъ, настала чередъ «примѣнить основныя начала униформитаріанизма къ явленіямъ жизни. Выполнить эту трудную задачу взялъ на себя Ч. Дарвинъ и онъ выполнилъ ее самымъ блестящимъ образомъ. На прочномъ фундаментѣ, заложенномъ Ляйэлемъ, Ч. Дарвинъ

*) Г. Н. Huxley: «The coming of age, the origin of species (Nature May 6, 1880).

воздвигнулъ колоссальное зданіе, намѣченное въ общихъ чертахъ его предшественниками. Съ этого времени идея развитія составляетъ исходное начало для біологіи, входитъ въ плоть и кровь науки объ органическомъ мірѣ. Многочисленные, до того совершенно разрозненные, явленія этого міра связываются въ одно цѣлое; различные отдѣлы біологіи сливаются въ одну науку, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, изучаютъ явленія по одному и тому же методу. Всѣ они идутъ уже рука объ руку, содѣйствуя и пополняя другъ друга, и благодаря такой совмѣстной, гармонической работѣ, благодаря такой солидарности, такой ассоціаціи труда въ борьбѣ за истину—они дѣлаютъ громадный успѣхъ, и, въ сравнительно короткое время, достигаютъ такого развитія, какое до появленія великой книги Дарвина было совершенно невозможно. Эта книга побудила многихъ обратить вниманіе на изученіе явленій, которыя прежде или игнорировались, или не замѣчались вовсе, но изученіе которыхъ представляло громадную цѣну для теоріи развитія. Достаточно уже указать на палеонтологическія изслѣдованія. Ученіе о происхожденіи видовъ пролило свѣтъ на эти изслѣдованія и расширило ихъ задачу, указавъ на ихъ истинный смыслъ, на ихъ истинное значеніе. Это вызвало цѣлый рядъ въ высокой степени замѣчательныхъ палеонтологическихъ изысканій, увѣнчавшихся блестящими результатами: были найдены многочисленные переходныя формы, связывающія одну группу современнаго органическаго міра съ другою. Открытія подобныхъ переходныхъ формъ, предполагаемыхъ теоріей развитія, еще болѣе подтверждали истинность послѣдней. Такъ, напримѣръ, въ 1862 году была сдѣлана замѣчательная находка: найдены ископаемые останки до того совершенно неизвѣстнаго животнаго археоптерикса, или первокрыла, который, своимъ опереніемъ и нѣкоторыми другими частями организаціи, походилъ на птицу, по строенію же хвоста приближался въ пресмыкающемуся,—словомъ, настоящая переходная форма между этими двумя классами позвоночныхъ.

Можно представить, какое глубокое впечатлѣніе должно было произвести на ученый міръ открытіе подобной промежуточной, смежной формы, существованіе которой Дарвинъ предполагалъ, исходя изъ основныхъ положеній теоріи развитія: если эта теорія истинна, говорилъ Дарвинъ, то среди вымершаго

органическаго міра должны были существовать формы, нѣкогда соединившія одну группу позвоночныхъ животныхъ,—напримѣръ, птицъ,—съ другою. Открытіе въ 1875 г. ископаемыхъ птицъ съ зубами послужило дальнѣйшимъ подтвержденіемъ этого взгляда. Словомъ, со времени выхода въ свѣтъ книги Дарвина, сравнительное изученіе животнаго міра дѣлаетъ громадныя успѣхи; то же слѣдуетъ сказать и о ботаникѣ:—сравнительное изслѣдованіе существующихъ и ископаемыхъ растительныхъ формъ отърываетъ цѣлый рядъ смежныхъ связывающихъ звеньевъ, и до того разобщенныя формы сливаются переходными группами въ одно общее цѣлое, единое по происхожденію. Такимъ же образомъ, съ 1859 года начинаютъ расширяться и свѣдѣнія о простѣйшихъ органическихъ формахъ, истинное и важное значеніе которыхъ, для пониманія жизненныхъ явленій, стало выясняться только послѣ того, какъ во всей своей полнотѣ выступилъ вопросъ общности происхожденія органическаго міра. Появляются многочисленныя изслѣдованія простѣйшихъ формъ, приведшія къ открытію первичныхъ организмовъ (моверъ), стоящихъ на рубежѣ растительнаго и животнаго царствъ, организмовъ, отъ которыхъ растенія и животныя ведутъ свою родословную. Словомъ, съ 1859 года біологическія изысканія, направленные могучею рукою Дарвина къ одной общей цѣли, шагъ за шагомъ сломали тѣ многочисленныя преграды, которыми прежде міровозрѣніе устанавливало рѣзкую грань между явленіями жизни. Не признавать, въ виду фактовъ, обнаруженныхъ этими изысканіями, существованія промежуточныхъ переходныхъ формъ было невозможно, а признаніе такихъ переходовъ, по справедливому замѣчанію Гексли, составляло первый шагъ къ признанію теоріи развитія. Но извѣстно, что первый шагъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самый трудный шагъ.

Вотъ почему, со времени выхода въ свѣтъ книги Дарвина, теорія развитія дѣлаетъ такіе громадныя успѣхи и находитъ себя приверженцевъ тамъ, гдѣ прежде встрѣчала одно лишь недовѣріе; вотъ почему большинство стало «сжигать то, чему поклонялась и поклоняться тому, чтò сжигало». Само собою разумѣется, этотъ рѣзкій поворотъ въ направленіи естественно-исторической мысли, не могъ не вызвать крайнихъ увлеченій, поспѣшныхъ и одностороннихъ выводовъ. Было бы трудно,

да и совершенно излишне, перечислять здѣсь всѣ эти увлеченія; достаточно указать на одинъ наиболѣе выдающійся примѣръ, именно на вопросъ о происхожденіи человѣка. Едва-ли какой другой вопросъ служилъ причиною столькихъ многочисленныхъ недоразумѣній и нареканій, частью справедливыхъ, частью совершенно напрасныхъ. Само собою понятно, что съ вопросомъ о происхожденіи органическихъ существъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, выступить на очередь вопросъ о происхожденіи человѣка, о мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ ряду животныхъ, и о его отношеніи къ послѣднимъ. И дѣйствительно, послѣ выхода въ свѣтъ книги Дарвина, многіе выдающіеся ученые—Гексли, Ляйель, Фохтъ и другіе — посвятили этому вопросу цѣлый рядъ въ высокой степени интересныхъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, однако, изъ этихъ изслѣдованій, нѣкоторые восторженные приверженцы дарвинизма поспѣшили сдѣлать крайне поверхностныя заключенія, чѣмъ весьма ловко воспользовались противники Дарвина, чтобы обрушиться какъ на его ученіе, такъ и на теорію развитія вообще, въ сущности, вовсе неповинную въ этихъ поспѣшныхъ заключеніяхъ. Такъ, на примѣръ, положеніе Гексли *), будто «анатомическія различія, отдѣляющія человѣка отъ гориллы и шимпанзе, не такъ еще велики, какъ тѣ, которыя отдѣляютъ гориллу отъ низшихъ обезьянъ»,—нѣкоторые ученые поспѣшили возвести въ законъ, а другіе, еще болѣе поспѣшные, прямо вывели отсюда заключеніе, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны. И пошло гулять по бѣлому свѣту это, якобы, «ученіе» Дарвина. А между тѣмъ Дарвинъ никогда не говорилъ ничего подобнаго. Какъ труды только что названныхъ ученыхъ, такъ и изданная Дарвиномъ въ 1871 году книга «О происхожденіи человѣка», доказывали, исходя изъ общихъ принциповъ теоріи развитія и сравнительнаго изслѣдованія организаціи высшихъ позвоночныхъ животныхъ, что, по своимъ морфологическимъ и физиологическимъ признакамъ, человѣкъ вовсе не составляетъ обособленнаго существа, а, напротивъ, подобно всѣмъ остальнымъ высшимъ позвоночнымъ, ведетъ свою родословную отъ одной изъ низшихъ усопшихъ формъ. Пред-

*) Гексли: «О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ» (русскій переводъ Бекетова. 1864, стр. 117).

полагать же, что это была обезьяна, ни теорія развитія, ни всѣ относящіеся сюда факты не давали никакого права, доказывая, напротивъ, полнѣйшую несостоятельность подобнаго совершенно ненаучнаго предположенія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Гексли и говоритъ о несущественныхъ анатомическихъ различіяхъ, отдѣляющихъ человѣка отъ человѣкообразныхъ (антропоморфныхъ) обезьянъ, но дальнѣйшія изысканія показали, однако, что изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, будто первый происходитъ отъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи, въ особенности заслуживаютъ глубокаго вниманія замѣчательныя сравнительныя изслѣдованія франкфуртскаго анатома Люца (Lucae) *) надъ строеніемъ черепа человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ. Согласно этимъ изслѣдованіямъ, антропоморфныя обезьяны, по строенію черепа, болѣе приближаются къ человѣческому типу въ раннемъ періодѣ своего индивидуальнаго развитія, нежели въ позднемъ; другими словами—индивидуальное развитіе этихъ двухъ типовъ слѣдуетъ по совершенно противоположному, расходящемуся направленію.

Такъ, у человѣка, съ возрастомъ, объемъ черепа постепенно увеличивается и, достигнувъ полнаго развитія, пріобрѣтаетъ вдвое большіе размѣры, нежели у новорожденнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ лицевыя части становятся все менѣе и менѣе выдающимися, лицевой уголъ постепенно, все болѣе и болѣе, приближается отъ остраго къ прямому. Совершенно обратныя измѣненія обнаруживаетъ развитіе черепа антропоморфныхъ обезьянъ: объемъ черепа съ возрастомъ почти вовсе не увеличивается, тогда какъ лицевыя части (челюсти) все болѣе и болѣе выступаютъ впередъ, основаніе черепа вытягивается и челюсти достигаютъ чрезмѣрнаго развитія на счетъ остальныхъ частей черепа.

Однимъ словомъ, у человѣка развитіе черепа идетъ путемъ постепеннаго увеличенія мозговаго вмѣстилища надъ лицевыми частями, стало быть, отъ менѣе совершеннаго, звѣроподобнаго типа постепенно приближается къ болѣе совершенному человѣческому; у антропоморфныхъ обезьянъ развитіе черепа характе-

*) I. C. Lucae: «Affen-und-Menschenschädel in Bau und Wachstum verglichen». (Ar. f. anthropol. VI, 1873. S. 13—38).

ризуется постепенно возрастающим преобладанием челюстей надъ остальными его частями, стало быть—отъ болѣе человѣкообразнаго типа приближается къ звѣрскому. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою примѣръ прогрессивнаго развитія, во второмъ—регрессивнаго. Этотъ фактъ хотя и не доказываетъ, какъ полагаетъ Люца, что между человѣкомъ и обезьяною не существуетъ никакой генетической связи, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что эта связь—косвенная, крайне отдаленная, и что человѣческій черепъ, по справедливому замѣчанію Д. Н. Анучина ¹⁾, «отнюдь не могъ явиться продуктомъ черепа современныхъ антропоморфныхъ обезьянъ».

Мало того, то обстоятельство, что, въ отношеніи развитія черепа, антропоморфныя обезьяны съ возрастомъ удаляются отъ человѣческаго типа и постепенно приближаются къ звѣрскому, свидѣтельствуетъ о происхожденіи нынѣшнихъ антропоморфныхъ обезьянъ отъ болѣе совершенной, болѣе человѣкоподобной формы, а никакъ не наоборотъ. Стало быть, здѣсь и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы разсматривать этихъ обезьянъ, какъ «прародителей» человѣка. Это до такой степени несомнѣнно, что, по справедливому замѣчанію Гартмана ²⁾, въ настоящее время ни одинъ изъ самыхъ фанатическихъ дарвинистовъ не станеть производить человѣка отъ современныхъ антропоморфныхъ. Такъ же мало основанія «производить» человѣка отъ какой нибудь другой, нынѣ известной породы обезьянъ. Словомъ, ни факты, ни теорія развитія не даютъ права дѣлать янаго заключенія помимо того, что человѣкъ генетически связанъ съ другими позвоночными, что эту связь слѣдуетъ искать среди вымершихъ, а не среди существующихъ формъ, что такою формою должно было быть существо со всѣми признаками безсловеснаго животнаго, но тѣмъ не менѣе превосходящее по развитію антропоморфныхъ обезьянъ ³⁾. Въ одну

¹⁾ „Антропоморфныя обезьяны и низшіе типы человѣчества“. (Спб., Природа“. 1875, кн. 4-я; стр. 119-я).

²⁾ С. Е. В. Hartmann: «Darwinismus», etc. p. 127.

³⁾ Сравни., между прочимъ, у А. Hovelaeque: «Notre ancêtre, recherches d'anatomie et d'ethnologie sur le précurseur de l'homme». Paris, 1878, 2 ed.

сторону отъ этой формы, рядомъ регрессивныхъ измѣненій, могли произойти антропоморфныя обезьяны, въ другую, путемъ прогрессивныхъ измѣненій — первобытный прародитель человека. Это именно раздвоение примитивной формы и объясняетъ, почему индивидуальное развитіе человека характеризуется постепеннымъ переходомъ отъ менѣ совершеннаго, звѣроподобнаго типа къ болѣе совершенному, человѣческому, а у антропоморфныхъ обратно, — отъ человѣкообразнаго къ звѣриному. Вотъ все, что даетъ право утверждать теорія развитія. И если, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые и понынѣ продолжаютъ еще обрушиваться на ученіе Дарвина, которое, якобы, производитъ человека отъ обезьяны, а многіе легкомысленные люди не могутъ вспомнить даже имени Дарвина безъ того, чтобы не прогуляться на счетъ «обезьяны», то это доказываетъ только, что идея развитія усвоена большинствомъ весьма плохо, поверхностно, и что это большинство, хотя и мнитъ себя «знакомымъ» съ эволюціонизмомъ и ученіемъ Дарвина, въ дѣйствительности же оно знакомо только со словами. «Развитіе», «борьба за существованіе», «естественный подборъ», «приспособленіе» — кто не знаетъ этихъ словъ, кто не употребляетъ ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ? Но кому же, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизвѣстно, что словами легко злоупотреблять, злоупотреблять даже произвольно, разъ истинный смыслъ ихъ не выясненъ, не понять. Винить за это — самое ученіе, обрушиваться на теорію за то, что изъ нея дѣлаютъ выводы, на которые она не только не даетъ права, но которые идутъ въ разрѣзъ съ ея основнымъ принципомъ, извращаютъ истинный смыслъ всего ученія, — это, по меньшей мѣрѣ, комично.

IV.

Но если обвиненія дарвинизма, по вопросу о происхожденіи человека и по многимъ другимъ подобнымъ же вопросамъ, не выдерживаютъ критики и должны быть отнесены къ числу недоразумѣній, нельзя, къ сожалѣнію, сказать того же самаго о тѣхъ весьма серьезныхъ возраженіяхъ, которыя дѣлались и продолжаютъ дѣлаться многими учеными относительно универсальнаго значенія теоріи естественнаго подбора. Мы не станемъ здѣсь

говорить о тѣхъ натяжкахъ, той крайней односторонности, какія были обнаружены многочисленными, хотя и совершенно неудачными попытками примѣнить теорію подбора, въ условіяхъ приспособленія къ окружающему, къ явленіямъ социальной жизни. Нельзя однако не замѣтить, что эти попытки принесли свою пользу и притомъ весьма существенную пользу.

Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ крайняя односторонность данной теоріи не обнаруживается съ такой очевидностью, какъ въ случаѣ приложенія ея къ объясненію прогрессивныхъ явленій общественной и индивидуальной человѣческой жизни. И дѣйствительно, ученіе, согласно которому «жесточенная, безжалостная борьба всѣхъ противъ всѣхъ», «усиліе истребить ближайшаго сосѣда» являются «главными двигателями жизни» (Ер. Геккель),—такое ученіе, пригодное только для объясненія низшей, звѣрской стороны жизни и совершенно упускающее изъ виду высшую, человѣческую сторону, не можетъ претендовать на почетное мѣсто въ наукѣ объ общественной или индивидуальной дѣятельности человѣка, какъ человѣка. Это ученіе гораздо скорѣе могло бы объяснить превращеніе человѣка въ звѣря, нежели обратно. Не удивительно, поэтому, если нѣкоторые философы-соціалисты такъ сурово относятся къ дарвинизму, если, на примѣръ, Дюрингъ, говоря словами А. А. Козлова, считаетъ не только ложнымъ, но даже «безстыднымъ» то положеніе дарвинизма, что будто путемъ борьбы за существованіе реализуется совершенствованіе и прогрессъ живыхъ существъ. «Борьба за существованіе, по мнѣнію Дюринга, рѣшительно неспособна, особенно на ступени человѣческой и притомъ культурной, дать преобладаніе благороднѣйшимъ типамъ, которые вообще суть рѣдкое явленіе на сценѣ жизни. Гдѣ господствуетъ неустанная борьба, тамъ, напротивъ, нужно ожидать расширенія грубой силы, безстыдной хитрости и явной жестокости, ибо эти свойства суть естественныя орудія борьбы» *). Какъ бы ни казался суровымъ подобный приговоръ, но въ дѣйствительности нельзя не согласиться, что теорія, усматривающая причину совершенствованія въ приспособленіи

*) А. А. Козловъ: «Философія дѣйствительности. Изложеніе философіи Дюринга съ приложеніемъ критическаго обзора». Кіевъ, 1878, стр. 33.

къ окружающему, даетъ совершенно ложное толкованіе условіямъ прогрессивнаго развитія человѣческой жизни; повседневные примѣры наглядно свидѣтельствуютъ, что искать благороднѣйшихъ типовъ человѣчества среди приспособившихся—напрасный трудъ; что приспособленіе не только не расширяетъ, а, напротивъ, суживаетъ формулу жизни, и что поэтому легче приспособиться натурѣ мелкой и дюжинной, нежели сильной и требующей всесторонняго развитія.

Было бы, однако, крайне ошибочно думать, что теорія подбора оказывается односторонней только въ своемъ приложеніи къ прогрессивнымъ явленіямъ человѣческой жизни. Напротивъ, разъ такая односторонность существуетъ, нѣтъ уже ровно никакого основанія отрицать ее и по отношенію болѣе простѣйшихъ явленій, по отношенію явленій прогресса вообще. Дѣйствительно, какъ было уже замѣчено нами выше, теорія подбора не можетъ имѣть того универсальнаго значенія, которое придаютъ ей дарвинисты; она допускаетъ весьма серьезныя возраженія и отличается одной весьма существенной односторонностью, которая была указана такими извѣстными учеными, какъ Келлигеръ, Негели, Браунъ и др.

Прежде всего, нельзя не обратить вниманія на неполноту теоріи подбора относительно вопроса о цѣлесообразности жизненныхъ явленій. Во - п е р в ы хъ, согласно этой теоріи, каждый органъ существуетъ и развивается постольку, поскольку онъ полезенъ организму. Но степень таковой полезности опредѣляется функціональной дѣятельностью органа и, прежде чѣмъ обозначится полезность этой дѣятельности, долженъ возникнуть самый органъ. Какимъ же образомъ объяснить, съ точки зрѣнія подбора, возникновеніе этого органа, разъ стимулъ къ такому возникновенію отсутствуетъ? Вѣдь для того, чтобы полезность совместной работы клѣточекъ обнаружилась, имъ необходимо предварительно сгруппироваться между собою въ опредѣленномъ порядкѣ, а гдѣ же искать побудительную къ тому причину? Во - в т о р ы хъ, самая роль естественнаго подбора, по условіямъ его проявленія, крайне ограничена. Строго говоря, естественный подборъ ничего не создаетъ новаго, а только избираетъ изъ того, что уже существуетъ. Такимъ образомъ, если изъ данныхъ измѣненій подборъ удерживаетъ на-

болѣе полезныя для организма, то отсюда очень еще далеко до объясненія цѣлесообразности. Сказать, что въ борьбѣ за существованіе, изъ двухъ измѣненій, удерживается болѣе полезное, значить сказать, что одно изъ этихъ измѣненій цѣлесообразнѣе другаго. Другими словами, это значить, что естественный подборъ не только не объясняетъ цѣлесообразности жизненныхъ явленій, какъ полагаютъ дарвинисты, а, напротивъ, предполагаетъ ее, и характеръ избирательной дѣятельности этого подбора всецѣло зависитъ отъ условій цѣлесообразности ¹⁾).

Но помимо указанной здѣсь односторонности, существуетъ еще другая, болѣе важная, болѣе крупная. Сюда именно относится то чрезмѣрно преобладающее значеніе, которое теорія подбора придаетъ внѣшнимъ условіямъ въ явленіяхъ развитія органической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этой теоріи, главную роль въ указанныхъ явленіяхъ играетъ среда. Вотъ что объ этомъ совершенно справедливо говоритъ Ф. Роле: «любопытно сравнить ученіе Ламарка и Дарвина. Ламаркъ приписывалъ измѣненія и усовершенствованія животной формы непосредственной дѣятельности самого животного и его борьбѣ съ внѣшними обстоятельствами; Дарвинъ, напротивъ, взвѣсивъ оба момента, признаетъ за внѣшними вліяніями, которыя угрожаютъ животной жизни, болѣе значенія, и смотритъ на животное, прежде всего, только какъ на часть страдательную ²⁾).

Такимъ же образомъ Потонье ³⁾, говоря объ отношеніи Александра Брауна къ теоріи развитія, замѣчаетъ: «по Дарвину, жизненные формы суть необходимыя явленія внѣшнихъ условій природы. Съ этой точки зрѣнія, внѣшнія условія играютъ не только преобладающую, но и опредѣляющую роль въ явленіяхъ развитія, самый же организмъ относится совершенно безразлично къ этимъ явленіямъ, и если тѣмъ не менѣе послѣднія всегда складываются въ опредѣленномъ порядкѣ, измѣняются опредѣленными путями и образуютъ

¹⁾ Сравни. Roux: «Der Kampf der Theile im Organismus». 1881.

²⁾ Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ. (Русск. пер. 1855 г. 312 стр.)

³⁾ Kossov 1079, III. S. 370.

опредѣленные ряды, такъ это только потому, что формы, болѣе способныя къ жизни, вытѣсняють другія въ борьбѣ за существованіе. Словомъ, по теоріи подбора, какъ прогрессивныя, такъ и регрессивныя измѣненія органическихъ формъ суть результатъ среды и не выражаютъ собою опредѣленнаго стремленія самой природы органическихъ существъ. Но вотъ здѣсь именно и заключается существенная односторонность теоріи подбора, такъ какъ она не даетъ никакой возможности понять, почему индивидуальныя измѣненія стремятся не неопредѣленно во всѣ стороны, а преимущественно и съ опредѣленностью къ болѣе сложной организаціи. По теоріи подбора, фактъ усовершенствованія объясняется тѣмъ, что, говоря вообще, оно болѣе обезпечиваетъ успѣшную борьбу за существованіе; — но для того, чтобы болѣе совершенная форма могла взять перевѣсъ надъ другой, менѣе совершенной, необходимо существованіе обихъ независимо отъ подбора; и тутъ опять таки подборъ не объясняетъ, а только предполагаетъ данное явленіе. Въ виду такихъ именно и многихъ другихъ соотвѣтствующихъ фактовъ, названные выше ученые: Негели, Келликеръ, Браунъ, а также Аскенази, Вигандъ, Бюнкони, Гееръ и друг. не считаютъ возможнымъ признать универсальное значеніе за теоріей подбора и считать эту теорію вполнѣ достаточной для объясненія явленій развитія въ органическомъ мірѣ. Такъ, по мнѣнію Негели ¹⁾, кромѣ теоріи подбора, необходимо признать и теорію усовершенствованія, согласно которой развитіе органическихъ рядовъ не идетъ ощупью безъ всякаго плана, руководствуясь одной только способностью къ существованію, но что оно повируется опредѣленнымъ законамъ, опредѣленнымъ стремленіямъ самой природы индивидуальности, обусловливаются не внѣшними, а внутренними причинами, и которыя составляютъ результатъ активной дѣятельности самой жизни. То же самое говоритъ Аскенази и др. изъ названныхъ выше ученыхъ. Такъ напримѣръ, Келликеръ ²⁾ прямо указываетъ на невозможность

¹⁾ „Происхожденіе естественнаго историческаго вида и понятіе о немъ“. (Русск. перев. 1866; стр. 34).

²⁾ Kölliker: „Morphologie u. Entwicklungsgeschichte des Pennatolidenstammes nebst allgemeinen Betrachtungen zur Descendenzlehre“, 1872.

объясненія явленій развитія виѣшними условіями, какъ на существенный недостатокъ теоріи подбора. По Келликеру, помимо виѣшнихъ причинъ, необходимо также принять во вниманіе внутреннія причины, которыя играютъ именно опредѣляющую роль и обусловливаютъ собою стремленіе къ совершенствованію. Независимо отъ такихъ внутреннихъ причинъ, говоритъ Келликеръ, невозможно никакое прогрессивное явленіе.

Какъ бы мы ни объясняли эти внутреннія причины, но необходимость ихъ признанія, необходимость, все болѣе и болѣе возрастающая въ ученіи о жизни, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о недостаточности теоріи подбора; о томъ, что дарвинизмъ, приписывая важное значеніе способности организмовъ измѣняться подъ влияніемъ среды, совершенно упустилъ изъ виду противоположную способность—способность организмовъ измѣнять среду согласно требованіямъ своего индивидуальнаго развитія. Въ виду всего вышеуказаннаго, совершенно неосновательно усматривать въ теоріи подбора существенную заслугу, оказанную Дарвиномъ наукѣ о жизни. Величіе заслугъ этого геніальнаго ученаго слѣдуетъ искать въ томъ громадномъ влияніи, какое онъ оказалъ на всеобщее признаніе и распространеніе идеи развитія. Онъ первый не только широко примѣнилъ эту идею къ явленіямъ жизни, но сдѣлалъ ее доступной для большинства; онъ сумѣлъ убѣдить это большинство въ томъ, во что до него вѣрило лишь меньшинство, сумѣлъ заставить весь ученый міръ преклониться предъ идеей развитія и признать ее единственной руководящей нитью для истиннаго пониманія явленій органическаго и неорганическаго міра; сумѣлъ вдохнуть въ различныя отрасли знанія одно и то же объединяющее начало и тѣмъ соединить ихъ въ одно неразрывное цѣлое, которому именно онъ обязаны своимъ громаднымъ успѣхомъ за послѣднія 20 лѣтъ. Вотъ, именно, въ чемъ заключается величіе заслугъ Дарвина и что навсегда увѣковѣчиваетъ его память въ исторіи научно-философской мысли.

Л. Поповъ.

Дурочка.

Одну я знаю дурочку —
Такъ всё зовутъ ее —
И точно, много признаковъ
Безумья у нея:
Она съ пеленокъ обществомъ
Была окружена, —
Но общества, какъ дикая,
Чуждалася она.
Бывало гости, музыка,
Огнями домъ залить, —
Она-же, какъ убитая,
Въ углу молчить-молчить.
Зато, чуть все покроется
Завѣсой черной сна, —
Какъ тѣнь, она прокрадется,
Какъ лучъ, скользнетъ она.
И будетъ громъ-ли, молнія,
Ручьями-ль дождь польетъ —
Измокшая, продрогшая,
А все ко мнѣ придетъ.
Съ какой-то страстью дикою
Прильнетъ къ груди моей, —
И рѣчь ея безумная
Полетѣтъ, какъ ручей.
«Вѣдь дышетъ все любовью...
«Вѣдь все живить она...
«Зачѣмъ-же злобной зависти
«Людская жизньъ полна?
«Простерла къ намъ вселенная
«Объятія свои...
«Затѣмъ же въ людяхъ ненависть

«Кипитъ взаимнѣ любви?..
 «Зачѣмъ есть зло, насиліе,
 «Война и грабежи?..
 «Вѣдь всѣ должны быть братьями.
 «Вѣдь всѣ? Скажи! скажи!...»
 И рѣчи тѣ горячія
 Пылали на устахъ,
 Звучали слезы въ голосъ,
 Горѣлъ огонь въ очахъ.
 И станъ ея трепещущій
 Любовію манилъ.
 — О, милая! О, дурочка!
 Невольно я грустилъ.

П. Нималъскій.

Весна.

Скоро садъ уберется цвѣтами,
 Зашумитъ серебристый ручей,
 И съ веселыми майскими днями
 Встрепенется въ саду соловей;
 Оживятся вечернія встрѣчи
 Подъ журчаніе смутное струй,
 И безумныя, тихія рѣчи
 Заключитъ роковой поцѣлуй;
 Затуманятся страстные очи
 Отъ избытка восторговъ и грезъ,
 И потянутся чудныя ночи,
 Ночи, полныя счастья и слезъ...
 Чье-то счастье въ слезахъ захлебнется,
 И, блаженствомъ упившись не въ мочь,
 Чье-то сердце въ груди разобьется
 Въ эту чудную майскую ночь!

Ф. Андреевъ.

ДИПЛОМАТІЯ И ЛЮБОВЬ.

Романъ Іоганна фонъ-Девала.

I.

Резиденцію X. можно назвать однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ германской имперіи. Некрасивый, съ узкими неправильными улицами, густо-населенный Старый городъ окруженъ новыми кварталами, поднимающимися къ сѣверу на нѣкоторое возвышеніе, съ котораго видны окрестности, далеко кругомъ, и которое спускается къ желѣзнодорожной станціи и къ недавно появившимся фабрикамъ. Тамъ, наверху, царствуетъ аристократическій покой, красуются парки съ желѣзными рѣшетками, красивыя дачи съ прелестными садами, а внизу, у полотна желѣзной дороги, лежатъ груды угля, дворы полны бочекъ, желѣзныхъ полосъ и разныхъ матеріаловъ, прокопченныхъ дымомъ, и жизнь кипитъ ключемъ. Звонъ фабричныхъ колоколовъ и свистъ машинъ смѣняютъ другъ друга, повсюду снуютъ рабочіе съ засученными рукавами и въ кожаныхъ фартукахъ; женщины, съ ребятишками на рукахъ, приносятъ въ полдень въ жестяныхъ судкахъ обѣдъ своимъ мужьямъ, а тачки и таратайки ѣздятъ тамъ цѣлый день. Отъ станціи желѣзной дороги ведетъ въ городъ дорога, обсаженная деревьями, въ родѣ бульвара, подъ названіемъ «Новой Променады», и обходитъ кругомъ Старый городъ, отдѣляя его отъ предмѣстій.

Резиденція эта прежде была просто укрѣпленнымъ замкомъ, выстроеннымъ при одномъ изъ предковъ нынѣ царствующаго дома. Онъ былъ выстроенъ въ красивой мѣстности у рѣки, для того

STANFORD LIBRARIES

чтобы этот предокъ могъ изъ него править своимъ крошечнымъ владѣніемъ и удовлетворять своей главной страсти: любви къ охотѣ.

Какъ постройки между Старымъ и Новымъ городомъ не имѣли между собою ничего общаго, такъ и жители обѣихъ частей представляли сильный контрастъ: около замка съ паркомъ, театра и собора съ громадной площадью, около дворца принца и арсенала стояли дома старыхъ дворянскихъ фамилій и высшей бюрократіи, большая часть которой, впрочемъ, жила въ наемныхъ квартирахъ. Около же рынка и ратуши жили мелкіе торговцы, и вообще промышленный и рабочій народъ. Въ этой части города никто не думалъ о томъ, что происходило въ замкѣ и около него.

Разсказъ нашъ начинается въ новый 1866-й годъ.

— Вы, конечно, слышали, что произошло въ замкѣ? спросилъ владѣлецъ одного изъ крупнѣйшихъ чугунно-литейныхъ заводовъ своего сосѣда, хозяина химической фабрики.

— Акціи отъ появленія тѣни принцессы Мехтильды не упадутъ. Я, впрочемъ, не знаю хорошенько этой легенды, отвѣчалъ химикъ.

— Тѣнь принцессы, какъ говорятъ, должна являться передъ какой нибудь перемѣной въ нашемъ царствующемъ домѣ, которая можетъ произвести и паденіе курса. Госпожа Мехтильда, впрочемъ, вела себя очень прилично. Кажется, она показала въ послѣдній разъ въ тридцатыхъ годахъ?

— Да, во времена хорошенькой Агнесы фонъ - Бишофгеймъ. Тогда умеръ, если я не ошибаюсь, маленькій принцъ Эмиль?

— Да, онъ умеръ отъ жабы, продолжалъ чугунно-литейный заводчикъ:—но тогда Мехтильда могла бы, пожалуй, и не появляться. Шила въ мѣшекъ не утаишь, не правда-ли?

— Совершенно вѣрно. Не мѣшало бы такія привидѣнія хорошенько оттрепать.

— Ахъ вы старый демагогъ! смѣясь, замѣтилъ заводчикъ.— Впрочемъ, нельзя не признаться, что особа эта лакомый кусочекъ, достойный короля.

— Молчите, старый ловеласъ, сказалъ химикъ.—Еще, пожалуй, услышитъ ваша жена.

Жена моя еще болѣе меня восхищается баронессой. Не будь она такъ чертовски тщеславна, она давно подцѣпила бы себѣ хорошаго мужа.

— И тогда ей не пришлось бы являться привидѣніемъ или, по крайней мѣрѣ, навлекать на себя подозрѣніе, что она можетъ являться имъ... Впрочемъ, я самъ не дѣлаю никакихъ предположеній; я передаю только то, что говорятъ, а у насъ злыхъ языковъ и безъ меня довольно. Очень можетъ быть, что гордая Валерія, подобно Маріи Стюартъ, гораздо лучше своей репутаціи.

II.

Почти неслышно катились по мягкому снѣгу одна карета вслѣдъ за другой и исчезали за высокими воротами замка. Ъхали и старинныя тяжелыя кареты:—желтая карета графини Феличиты фонъ-Вольфскеленъ, изъ Вибельсбаха, возвышалась еще, напри- мѣрѣ, на круглыхъ рессорахъ, съ высокими козлами, обитыми широкой бахромой, съ ливрейными лакеями на запяткахъ,—Ѣхали четверней и парой, и хотя такія кареты двигались тихо, но внушали необыкновенное почтеніе толпѣ. Между ними стрѣлой проносились модныя блестящія кареты съ зеркальными стеклами и фонарями, съ лакеями, одѣтыми егерями съ развѣвающимися султанами и съ серебряными перевязями, и шмыгали большіе ландо и дрожки.

На дворѣ, въ прихожей и по широкой лѣстницѣ была масса военныхъ, спѣшившихъ въ герцогскіе покои поздравить герцога съ новымъ годомъ. Внизу на дворѣ красовались на коняхъ жандармы, не столько для порядка, сколько для парада. По лѣстницѣ, устланной пунцовымъ сукномъ и съ вызолоченными перилами, стояли въ извѣстномъ разстояніи гвардейцы въ величественныхъ медвѣжьихъ шапкахъ и въ мундирахъ, вышитыхъ галунами; стояли старые сѣдые инвалиды, никогда однако же не нюхавшіе пороха. Они держали ружья на караулъ, какъ куклы, не моргая даже глазами. Между такой живой изгородью шла толпа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Между военными и безобразными гражданскими мундирами мелькали дипломаты въ своихъ

національныхъ костюмахъ. Графъ Зальцка-Гондремаркъ, австрійскій посланникъ, въ богатомъ нарядѣ венгерскихъ магнатовъ, въ усѣянномъ драгоценными камнями поясѣ и съ кривой турецкой саблей, обращалъ на себя всеобщее вниманіе и служилъ предметомъ непріятно бросающагося въ глаза низкопоклонства. Старые и сѣдые генералы и министры наперерывъ слѣшили поклониться юному дипломату и пожать ему руку.

Молодому французскому посланнику, маркизу де-Балабрегу, одѣтому въ простой изящный фракъ, съ маленькой поярковой шляпой, украшенной бѣлымъ плюмажемъ, подъ мышкой, присутствующіе кланялись тоже съ нѣкоторой поспѣшностью; и въ залахъ безпрестанно раздавалась фраза: «je souhaite une bonne année à votre excellence!»

За посланниками тянулась надушенная и расфранченная толпа *attachés*, въ лакированныхъ сапожкахъ и вышитыхъ жабо. За дипломатическимъ корпусомъ стоялъ ректоръ университета и бургомистръ, съ депутаціей отъ города. Большая часть присутствующихъ выражала озабоченность и, пожимая другъ другу руки, поздравляла съ новымъ годомъ не такъ весело, какъ бывало обыкновенно. На всѣхъ лицахъ можно было прочесть вопросъ: «Вы, конечно, слышали! Какъ это подѣйствовало на его высочество? Появилась сѣрая принцесса Мехтильда, да и къ тому же на новый годъ».

— Господа! герцогиня изволила выразить желаніе, чтобы никто не упоминалъ о сегодняшнемъ роковомъ ночномъ событіи! проговорилъ гофмаршалъ фонъ-Гесницъ, при входѣ въ залъ.

Это заявленіе разнеслось съ быстротою молніи между всѣми присутствующими, какъ разнеслось и извѣстіе, что старый герцогъ узналъ о появленіи привидѣнія, при видѣ котораго бѣжалъ караулъ, отъ неосторожнаго своего цырюльнича.

Въ новый годъ вся семья герцога собиралась вмѣстѣ. Принцъ Александръ, младшій братъ и наслѣдникъ герцога, у котораго были только двѣ дочери, находился тоже въ замкѣ.

Если сѣрая прародительница явилась на этотъ разъ предвѣстницей чьей нибудь кончины, то, конечно, старику естественнѣе было

умереть, чѣмъ молодому. Въ силу такихъ соображеній, мало любимый въ герцогствѣ принцъ Александръ приобрѣлъ вдругъ большое значеніе.

Присутствующіе, перешептываясь, становились въ порядкѣ въ парадныхъ залахъ и въ галереяхъ. Сначала размѣстился дипломатическій корпусъ, затѣмъ генералитетъ и министры, потомъ офицеры и такъ далѣе до фрачниковъ, городскихъ депутатовъ. Взоры всѣхъ были устремлены на двери, въ которыхъ должно было показаться солнце и у которыхъ стоялъ гофмаршалъ въ красномъ шитомъ мундирѣ, съ золотымъ жезломъ въ рукахъ.

Послѣ троекратнаго стука жезломъ по полу, всѣ спины согнулись и головы наклонились. Въ дверяхъ появился старый герцогъ подъ руку съ своей супругой. Приѣмъ начался.

Герцогъ поклонился и проговорилъ тихимъ, но яснымъ голосомъ:

— Поздравляю съ новымъ годомъ и съ новымъ счастьемъ васъ, господа члены дипломатическаго корпуса; васъ генералы и министры; васъ, моихъ чиновниковъ, офицеровъ и всѣхъ присутствующихъ представителей моего добраго города и арміи, служителей церкви и все мое государство!

Всѣ спины снова согнулись, и въ залѣ еще сильнѣе распространился запахъ камфары и мускуса отъ мундировъ, доставаемыхъ изъ сундуковъ только два раза въ годъ. Его высочество подошелъ сначала къ дипломатическому корпусу и милостиво поговорилъ съ каждымъ изъ членовъ. Герцогиня же особенно была любезна съ графомъ Зальцка-Гондремаркомъ, маркизомъ де-Балабрегомъ и посланниками сосѣднихъ державъ. Герцогъ долго говорилъ съ новымъ прусскимъ посланникомъ, тайнымъ совѣтникомъ докторомъ фонъ-Бессингомъ, къ которому очень холодно относились герцогиня, ея старшая дочь Агнеса, и въ особенности графиня Вольфскеленъ.

Графиня Вольфскеленъ, не имѣвшая никакого опредѣленнаго положенія при дворѣ и находившаяся въ свитѣ герцога въ качествѣ близкой подруги герцогини, закрывъ вѣеромъ свое толстое некрасивое лицо, обернулась къ обершталмейстеру, и, съ насмѣш-

живо-ядовитой улыбкой, довольно громко прошептала: «Настоящій проходимецъ!»!

— Пожалуйста, не такъ громко, дорогая графиня, съ испугомъ проговорилъ обершталмейстеръ, въ то время, какъ окружающіе злорадно засмѣялись.

Герцогъ затѣмъ подошелъ къ генераламъ и министрамъ, и подалъ обѣ руки своему любимцу генералу Зандревскому; искусственное спокойствіе его исчезло, и онъ ослабѣлъ. Въ его глазахъ армія была олицетворена въ лицѣ этого одного человѣка, а армія была его конькомъ, предметомъ его нѣжнѣйшихъ и постоянныхъ заботъ. Если привидѣніе явилось за нимъ, то вѣдь, слѣдовательно, ему придется разстаться и съ арміей, и со всѣми присутствующими. Минута была тяжелая.

— Мой милѣйшій генераль! проговорилъ герцогъ съ нескрываемымъ волненіемъ. Генераль наклонился къ рукѣ своего государя и губами прикоснулся къ ней.

— Ваше высочество, желаю вамъ счастья и благополучія... побѣды и славы! проговорилъ генераль, выпрямляясь со свойственной ему военной осанкой и, раздувая ноздри, отбросилъ назадъ голову.—Желаю вамъ еще много, много лѣтъ жизни для блага страны и арміи!

Эти послѣднія слова были съ восторгомъ повторены всѣми, около стоявшими. «Для блага страны и арміи... еще много, много лѣтъ жизни!» пронеслось со всѣхъ концовъ, надъ головами лицъ, стоявшихъ въ сосѣднихъ залахъ, на пыпочкахъ, и вытягивавшихъ шеи.

Герцогиня, хорошо знавшая своего мужа и боявшаяся, что онъ можетъ растрогаться до смѣшнаго, энергически увлекла его дагѣе, какъ-то особенно назвавъ его по имени.

Герцогъ выпрямился, надѣлъ маску приличія и прошелъ дальше. Блестящій дворъ особенно немилостиво прошелъ мимо городской депутаціи, съ которой герцогъ былъ не въ ладу, и только принцъ Александръ,—на сурово-холодномъ лицѣ котораго не было замѣтно ни тѣни торжества, хотя въ этотъ день всѣ были особенно къ нему внимательны, — остановился и поговорилъ

любезно съ нѣкоторыми изъ депутатовъ, въ особенности съ бургомистромъ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ, по давнишнему обычаю, герцогъ вышелъ на балконъ, чтобы выслушать привѣтствіе собравшихся на площади войскъ. Вдругъ онъ пошатнулся и, отступивъ на шагъ, поблѣднѣлъ; какъ мертвецъ. Съ крыши дворцовой церкви поднялась цѣлая стая воронъ, каркая, закружилась надъ балкономъ и цѣлой черной тучей полетѣла за замокъ.

Всѣ видѣли это дурное предзнаменованіе, и со страхомъ, инстинктивно, взглянули на балконъ. Привѣтствіе войска въ эту минуту смолкло и слышалось только карканье воронъ, отъ котораго герцогъ зашатался.

Капельмейстеръ, чтобы поскорѣе прекратить эту тяжелую сцену, взмахнулъ жезломъ; оркестръ грянулъ и заглушилъ воронъ.

Въ эту минуту, по странной случайности, выглянуло солнце и ярко освѣтило балконъ и стоявшаго на немъ герцога. Этотъ солнечный свѣтъ, какъ электричество, подѣйствовалъ на всѣхъ, и по площади пронесся радостный крикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ залы стали пустѣть. Кареты загремѣли и начали выѣзжать изъ всѣхъ воротъ замка; толпа, глязѣвшая на пріѣзжихъ, начала по маленьку расходиться.

Въ это время, съ лѣстницы замка спускался ректоръ университета, въ странной бархатной шапочкѣ на маленькой круглой головкѣ и въ форменномъ плащѣ, который онъ надѣвалъ только въ самые торжественные дни и который былъ сшитъ въ прошломъ столѣтіи. Плащъ этотъ былъ изъ чернаго бархата и подбитъ краснымъ сукномъ, какъ плащъ палача, а изъ подъ него выглядывали: двѣ тоненькія ножки въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, и кончикъ безобразной неуклюжей шпаги. Ректоръ въ большихъ черепаховыхъ очкахъ и въ своей уродливой шапочкѣ походилъ на жука, а когда вѣтеръ раздувалъ его плащъ, то на дьявола. Подлѣ него шелъ камерратъ Вердеръ, тоже въ форменномъ коричневомъ фракѣ съ вышитыми воротникомъ, обшлагами и карманами, со шпагой и въ трехъугольной шляпѣ.

Этотъ форменный мундиръ пережилъ, вѣроятно, много поколѣ-

ній, потому что острыя фалды, въ видѣ ножницъ, были въ модѣ лѣтъ сто тому назадъ, какъ были въ модѣ и короткая талья, и узкіе рукава. Шитье уже мѣстами повеленѣло, а сукно, не смотря на сильный запахъ камфары, было съѣдено молью. Шпага висѣла съ боку. Въ такомъ костюмѣ, самый красивый мужчина лишился всякой привлекательности.

— Очень радъ, что наконецъ нашелъ васъ, дорогой другъ, проговорилъ маленькій, веселый ректоръ, отводя каммеррата къ окну. Я васъ не выпущу, пока вы мнѣ не скажете, что вы намѣрены дѣлать съ деньгами, предназначенными на ремонтъ храма науки? Вы постыдитесь! Вѣдь у меня всѣ студенты скоро разбѣгутся, такъ какъ потолки обваливаются, а печи всѣ дымятъ.

Каммерратъ многозначительно пожалъ плечами.

— Я желаю, отвѣчалъ онъ,—чтобы для новаго года это было единственнымъ для васъ разочарованіемъ.

— Что вы! что вы! вскричалъ ректоръ, драпируясь въ свой плащъ, какъ римлянинъ въ тогу. Необходимость ремонта очевидна, и ландтагъ изъявилъ согласіе...

— Деньги эти уже упрятаны въ доброе мѣстечко.

Ректоръ отпрыгнулъ назадъ.

— Вы шутите! вскричалъ онъ.

— Тихе! тихе! вы не забывайте, гдѣ мы. Идите; я вамъ расскажу дорогой.

Ректоръ, не переставая горячиться и волноваться, вышелъ изъ зѣмка.

— Вотъ куда уехали денежки, двадцать одну тысячу, продолжалъ каммерратъ, указывая на арсеналь.

— Да это никакъ, подло! кричалъ ректоръ.

— Не горячитесь такъ! Неужели вы до сихъ поръ не выкли къ нашимъ порядкамъ? Точно вы не знаете, что у насъ за конституція... и все другое? что у насъ всѣмъ распоряжаются Зандревскіе, Барденштейны, Гесницы и Феличиты... Потерпимъ и подождемъ лучшихъ временъ...

— Потерпимъ! Долго-ли еще мы будемъ терпѣть? Нѣтъ,

чортъ возьми, я прибѣгну къ общественному суду и обо всемъ напишу въ газетахъ.

— Бросьте это, сказалъ камерратъ.— Оно принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы.

— Господи! университетскихъ двадцать одну тысячу упекли на пушки! двадцать одну тысячу! Подѣломъ имъ, горячился ректоръ,—я очень радъ, что явилась сѣрая принцесса!

— Что вы! что вы! можно-ли говорить такимъ образомъ на улицѣ?

— Не прикажете-ли мнѣ молчать? Неужели это государственное преступленіе?..

— Не горячитесь! Идемте выпить и закусить къ Боцци.

Въ это самое время, по Новой Променадѣ шла юная чета: франтовато одѣтый молодой человекъ и нарядная дама. Это были Фрицъ Санновъ и его невѣста Эрнестина Вердеръ.

Фрицъ Санновъ былъ извѣстный уже ученый и племянникъ ректора, а невѣста его—дочь Вердера, который въ эту минуту закусывалъ съ ректоромъ у Боцци.

III.

Одинъ изъ древнѣйшихъ домовъ резиденціи назывался «Рыцаремъ» и стоялъ въ углу дворцовой площади. Внизу, въ первомъ этажѣ этого дома помѣщался архивъ, въ среднемъ этажѣ находились городская бібліотека и музей, а верхній этажъ былъ раздѣленъ на квартиры, которыя отдавались въ наемъ.

Бромъ того, по угламъ «Рыцаря» шли пристройки, въ видѣ флигелей, выдававшіяся впередъ на площадь и состоявшія изъ различныхъ башенъ, террасы и отдѣльнаго подъѣзда. Въ такой-то пристройкѣ жила съ начала предшествовавшей зимы вдова гофмаршала барона фонъ-Боденштейнъ-Трахенбургъ, урожденная графиня Боле, съ своей дочерью Валеріей. Мужъ вдовы служилъ прежде у герцога и пользовался въ герцогствѣ большимъ значеніемъ. Вслѣдствіе мелкихъ придворныхъ интригъ, онъ, въ пятидесятихъ годахъ, подалъ въ отставку, которую и получилъ. Покойный гоф-

маршалъ хотя былъ и консерваторомъ, но недостаточно влерикаленъ; онъ, какъ человекъ благородный и честный, былъ точно бѣльмою на глазу у графини Фелициты, мѣшая ей сплетничать и интриговать, и потому она подставила ему ножку, увѣривъ герцога, что баронъ фонъ-Боденштейнъ влонится въ Пруссію, и что у него большія связи въ Берлинѣ. Этого было достаточно, чтобы спихнуть заслуженнаго человека. Когда же отставной гофмаршалъ переѣхалъ въ Берлинъ, то вина его не подлежала сомнѣнію.

Онъ умеръ въ Берлинѣ, оставивъ семью свою далеко не въ блестящемъ положеніи. Вдова его оставалась въ Берлинѣ до тѣхъ поръ, пока, съ годъ тому назадъ, туда не пріѣхалъ принцъ Александръ—въ сущности только для того, чтобы побѣсить своего брата, для виду же, подъ предлогомъ изученія нѣкоторыхъ военныхъ нововведеній; онъ и уговорилъ гофмаршалшу переѣхать въ резиденцію.

Въ душѣ очень добрый и легко увлекающійся герцогъ былъ глубоко тронутъ свиданіемъ со вдовой, вспоминалъ старыя, давно прошедшія времена, простилъ ея покойному мужу всѣ предполагаемыя вины, ради его прежней службы, и обѣщалъ ей пенсію изъ своихъ собственныхъ средствъ. Все это сдѣлалось безъ вѣдома случайно отсутствовавшей Фелициты. Принцъ Александръ устроилъ все такъ, что злой духъ узналъ объ этомъ уже слишкомъ поздно; но, тѣмъ не менѣе, подъ ея вліяніемъ пенсія оказалась гораздо меньше, чѣмъ ожидали, а дарованное, въ видѣ милости, право жить безвозмездно въ казенномъ домѣ «Рыцарь»,—не могло уже быть отнято.

Мать съ дочерью переѣхали во флигель «Рыцаря», были милостиво приняты герцогиней и стали съ тѣхъ поръ придворными дамами, но правомъ своимъ являться ко двору онѣ почти не пользовались, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья гофмаршалши, почти никогда не выѣзжавшей со двора. Не являясь ко двору, онѣ поступали весьма благоразумно: всѣмъ было извѣстно, что мать съ дочерью переѣхали изъ Берлина въ Х. по желанію принца Александра, точно такъ же, какъ ни для кого не было тайной, что онѣ находились подъ его высочайшимъ покровительствомъ. На-

слѣдникъ престола часто бывалъ у нихъ въ домѣ, хотя вообще онъ былъ нелюдимъ и человѣкъ не свѣтскій. Сначала и его прелестная супруга сошлась съ Валеріей. Такое близкое знакомство съ принцемъ весьма естественно поставило мать и дочь въ оппозиціонный лагерь и породило множество враговъ.

Дворъ раздѣлялся на двѣ враждебныя партіи, какъ и вся страна раздѣлялась на два лагеря. Всѣхъ принадлежавшихъ ко двору называли сервиллистами, а все остальное населеніе называлось демократами.

Лѣтомъ гофмаршальша отправилась на воды въ Швальбахъ, куда уѣхалъ и принцъ, и послѣ этого всѣмъ стало извѣстно, что отношенія между Валеріей и принцессой стали замѣтно холоднѣе. Злые языки начали вслухъ поговаривать, что прелестная, гордая Валерія, такъ сильно задирившая носъ передъ жителями Х., тайная любовница принца. Весь свѣтъ зналъ, какой принцъ былъ развратникъ, и несчастная его жена, принцесса Генріета, стала еще несчастнѣе, чѣмъ была прежде.

Съ этой поѣздки на воды, дѣло считалось рѣшеннымъ, и подробности и доказательства передавались изъ устъ въ уста. Гофмаршальша хотѣла, вслѣдствіе этихъ толковъ и подпускаемыхъ ей шпилекъ, переѣхать обратно въ Берлинъ, но не переѣхала только для того, чтобы не задѣть гордости Валеріи и принца.

— Не уѣзжайте, говорилъ принцъ:—я доставлю вамъ удовлетвореніе; графиню и ея партію надо побить ихъ же оружіемъ. Открытое вмѣшательство только повредитъ вамъ. Вы знаете эту несчастную слабость моего брата, изъ-за которой онъ вступилъ въ разладъ съ своими подданными. Когда нибудь, я расчищу все это желѣзной метлой.

— Ваше высочество, для насъ это будетъ уже слишкомъ поздно, рѣшилась замѣтить гофмаршальша.

— Конечно, слишкомъ поздно, чтобы вырвать у этой кошки добычу и залѣчить раны, нанесенныя ею странѣ, но не поздно, чтобы съ позоромъ выгнать ее за границу.

Лицо принца Александра пылало, и глаза злобно сверкали, въ то время, какъ гофмаршальша сидѣла въ уголку дивана и съ тре-

вогой смотрѣла на принца. Нѣжныя, худыя руки свои она согрѣвала около собачки, лежавшей у нея на когтяхъ.

Валерія фонъ-Боденштейнъ сидѣла на стулѣ съ высокой спинкой, сильно нахмутивъ свои тонкія, изящныя брови. Принцъ нетерпѣливо взглянулъ сначала на мать, потомъ на дочь, и продолжалъ:

— Вамъ слѣдуетъ отдаться въ мои руки, потому что я одинъ только знаю эту своеобразную и неровную почву, на которой мы ходимъ. Я могу вамъ сказать только, чтобы вы успокоились, что эти злые языки умолкнутъ, что госпожа Феличита будетъ дрожать и со всей своей кликой спрячется въ дыру. Кто сидитъ самъ подъ стекляннымъ колпакомъ, тому нечего бросать камнями.

Блѣдное лицо гофмаршалши покрылось нѣжной краской.

— Ваше высочество! съ оскорбленнымъ достоинствомъ прошептала она.

Валерія серьезно и обиженно подняла свои черные глаза на принца.

— Вы меня извините, я не краснорѣчивъ, и въ дипломаты не гожусь, возразилъ тотъ съ смущеніемъ и досадой. — Меня называютъ рѣзкимъ... но я, по крайней мѣрѣ, искрененъ... и вы знаете, что я хочу сказать. Позвольте мнѣ не распространяться въ объясненіяхъ, и довѣрьтесь въ этомъ дѣлѣ мнѣ. Главная сущность въ томъ, что я вамъ гарантирую полный покой, и доставлю вамъ возможность свободно дышать здѣсь. Если насъ не любятъ, такъ пусть же, по крайней мѣрѣ, боятся. Мнѣ ужасно больно думать, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — что вы можете раскаться, что перебрались сюда, послушавшись моего совѣта, и обидно, что друзей моихъ оскорбляютъ.

— Ваше высочество очень милостивы, прошептала гофмаршалша, въ то время, какъ дочь ея молча устремила умные глаза свои на принца.

Принцъ всталъ, раскраснѣвшись отъ досады и своихъ рѣчей, и распрощался. Что онъ намѣревался предпринять, не знали ни мать, ни дочь, и узнали только спустя нѣкоторое время, когда бичъ началъ безжалостно хлестать придворныхъ сплетниковъ.

IV.

Въ одной изъ самыхъ распространенныхъ беллетристическихъ газетъ, до сихъ поръ безъ всякой цензуры присылавшейся изъ-за границы, появился рассказъ, озаглавленный: «Злая фея». Редакція этого листка никакъ не подозрѣвала, что въ живомъ забавномъ рассказѣ заключался болѣе глубокий смыслъ, и что онъ произведетъ такую бурю въ стаканѣ воды.

Повидимому невинный рассказъ былъ образцовымъ памфлетомъ, наполненнымъ самыхъ ядовитыхъ разоблаченій, преимущественно касающихся Феи-Личиты. Старья, давно забытыя исторіи, юношескія слабости и самыя отвратительныя интриги,—какъ эта фея, напримѣръ, обращалась съ своей матерью, какъ оттягала отцовское наслѣдство отъ своихъ братьевъ и сестеръ,—все всплыло наверхъ. Принцъ Самаркандъ, котораго злая фея водила за носъ, всѣ паразиты, облѣпившіе его, и вся грязь были описаны въ нѣсколькихъ штрихахъ, ядовитымъ и мстительнымъ перомъ, но описаны такъ, что ихъ легко было узнать. Очевидно, что авторъ до тонкости зналъ всю подноготную, а угрозы были понятны только тѣмъ, къ кому онѣ относились.

Впечатлѣніе и волненіе, произведенныя этимъ рассказомъ въ X. и во всемъ герцогствѣ, были необыкновенныя и безкончныя. Кто приходилъ въ негодованіе и ужасъ, а кто хохоталъ и злобно подтрунивалъ. Газету вырывали изъ рукъ, всѣ бросились въ кондитерскія и въ публичныя мѣста, гдѣ листокъ этотъ получался. Люди знающіе объясняли все незнающимъ и называли всѣхъ по фамиліямъ. Однимъ словомъ, рассказъ этотъ имѣлъ баснословный успѣхъ: мертвые возстали изъ гробовъ, а съ живыхъ были сорваны маски. Тріумвиратъ, извѣстный при дворѣ, пришелъ въ неопisanную ярость. Онъ кричалъ, что это государственное преступленіе, и требовалъ мести, въ то время, какъ всѣ ненавидѣвшіе графиню Вольфскеленъ втихомолку подсмѣивались.

Это была месть, обѣщанная принцемъ Александромъ. Конечно, ее нельзя было назвать благородной и достойной высокопостав-

леннаго лица, что въ особенности почувствовала Валерія фонъ-Боденштейнъ, и потому не поблагодарила за нее своего покровителя.

Этотъ рассказъ попалъ въ самую цѣль, и дѣйствіе его усилилось еще болѣе поведеніемъ лицъ, противъ которыхъ онъ былъ направленъ. Въстѣсто того, чтобы молчать, какъ въ свое время молчалъ принцъ Александръ, они кричали и требовали удовлетворенія. Оскорблена святыня, величіе низвергнуто въ прахъ, взывали они: этотъ принцъ Самаркандъ—неслыханно наглая насмѣшка надъ самимъ герцогомъ!

Графиня Вольфскеленъ пріѣхала въ замокъ въ своей желтой каретѣ, съ напудренными лакеями, со всей подобающей ей пышностью и съ двумя орденами на жирномъ плечѣ, и поднесла преступный памфлетъ.

Перепуганный герцогъ позвалъ своего генерала Зандревскаго, который забылся до того, что въ присутствіи своего государя произнесъ страшное ругательство. Весь дворъ настаивалъ на томъ, чтобы было назначено строжайшее слѣдствіе, произносились различныя фамиліи, высказывались подозрѣнія и предлагались мѣры.

Фактотумъ двора во всѣхъ щекотливыхъ вопросахъ, совѣтникъ Фоглеръ, былъ тайнымъ образомъ посланъ въ Л., чтобы переговорить съ редакціей газеты, и постараться найти автора.

Къ немалому ужасу всѣхъ, редакція, не подозрѣвая ничего, дала отвѣты на всѣ вопросы совѣтника, и вручила ему даже письма и рукопись. Нагруженный такой добычей, фактотумъ вернулся въ резиденцію и, не смотря на поздній часъ, былъ принятъ герцогомъ. Близкіе придворные всѣ были въ замкѣ, и съ тревогой выжидали результатовъ.

Къ рукописи было приложено письмо изъ «Х. отъ 14 іюля», въ которомъ редакціи сообщалось, что прилагаемый рассказъ написанъ одной высокопоставленной дамой, что это ея первое произведеніе, и что она будетъ очень рада, увидавъ его на столбцахъ уважаемой газеты. Гонорара, конечно, не требовалось. Письмо было подписано: «камергеромъ фонъ-Вальвицемъ».

Все собраніе въ одинъ голосъ крикнуло: Ахъ!

Господинъ фонъ-Вальвицъ былъ камергеръ герцогини, фор-

наисть, съ душой безобидной, какъ душа ребенка. Ясно, что это была насмѣшка!

— Позовите мнѣ сюда Вальвица! сердито закричалъ герцогъ, забывъ совершенно обратиться къ женѣ за позволеніемъ.

— Ah!.. le traître! шипѣла Феличита, выпучивая свои наглые черные глаза и сжимая кулаки.

Взоры всѣхъ съ нетерпѣніемъ обратились къ двери. Наконецъ вошелъ камергеръ, смущенный, удивленный и очевидно встревоженный. Его подняли съ постели. «Нечистая совѣсть!» думали присутствующіе, и взорами своими пронизывали грудь пришедшаго.

— Ваше высочество изволили приказать, началъ камергеръ, низко кланаясь.

— Страхъ написанъ у него на лицѣ, прошепталъ гофмаршалъ фонъ-Гесницъ графинѣ Вольфскеленъ, такъ безсовѣстно громко, что слова эти услышалъ г. фонъ-Вальвицъ. Онъ вдругъ прервалъ свой низкій поклонъ и вопросительно взглянулъ на говорившаго. Что тутъ происходило? зачѣмъ его призвали? Неужели эти оскорбительныя слова относились къ нему?

Добродушный герцогъ чувствовалъ себя въ высшей степени неловко. Еслибы зависѣло отъ него, то онъ жилъ бы со всѣми въ мирѣ, но въ настоящемъ важномъ случаѣ онъ былъ принужденъ дѣйствовать.

— Я приказалъ васъ позвать, господинъ фонъ-Вальвицъ... то есть жена моя, и я... Гей! (онъ взялъ письмо), чтобы спросить васъ, началъ герцогъ.

Господинъ фонъ-Вальвицъ поклонился, сильно покраснѣвъ; очевидно, только уваженіе къ герцогу не допускало его потребовать объясненія у гофмаршала.

— Вашей-ли рукой написано это письмо?

Камергеръ взялъ письмо, пробѣжалъ его и еще сильнѣе покраснѣлъ; онъ понялъ, что его приплетаютъ къ этой исторіи, и невольно съ упрекомъ взглянулъ сначала на герцога, потомъ на герцогиню, и затѣмъ на всѣхъ присутствующихъ. Послѣ этого онъ выпрямился и просто, но убѣдительно сказалъ:

— Тутъ есть какая-то мистификація, письма этого я не пи-

саль. Не угодно-ли вашему высочеству внимательноѣе посмотреть на этотъ почеркъ... это рука не моя... а подписано подъ мою руку.

На этотъ разъ покраснѣли герцогъ и герцогиня. Дѣйствительно они поторопились: ребенокъ могъ увидѣть, что рука была другая. Лица придворныхъ выражали удивленіе и недовѣріе.

Господинъ фонъ-Вальвицъ оказался вовсе не такимъ безобиднымъ, какимъ его считали: онъ потребовалъ назначенія слѣдствія, и обратился къ гофмаршалу за удовлетвореніемъ съ такою настойчивостью, что чуть не лишился своего мѣста.

Всѣ юмористическіе листки Германіи стали потѣшаться надъ отношеніями и личностями резиденціи X.

Такъ какъ автора открыть никакъ не могли, то подозрѣніямъ не было конца. Конечно, подозрѣніе прежде всего пало на вдову гофмаршала фонъ-Боденштейна, а затѣмъ на всѣхъ враговъ гофмаршала фонъ-Гесница, генерала Зандревскаго и графини Феличиты, а враговъ этихъ было не мало.

Вообще же исторія эта принесла ту пользу, что толки объ отношеніяхъ Валеріи къ принцу Александру на нѣкоторое время смолкли, хотя отношенія принца къ его женѣ все болѣе ухудшались.

V.

У высокихъ стеклянныхъ дверей, на полу, обитомъ толстымъ ковромъ, стояла Валерія фонъ-Боденштейнъ и задумчиво смотрѣла на дворцовую площадь.

Мягкіе ковры, тяжелыя драпировки лиловаго бархата, и съ такой же обивкой богатая рѣзная мебель, все кокетливое и вмѣстѣ съ тѣмъ строгое убранство комнаты—вполнѣ гармонировало со стройной блонкурой дѣвушкой, напоминавшей придворную даму пятнадцатаго столѣтія. Облокотившись на высокую спинку стула, съ нѣкоторой досадой и нетерпѣніемъ смотрѣла она на опустѣвшую площадь между «Рыцаремъ» и замкомъ.

Нѣсколько картинъ масляными красками, копій съ извѣстныхъ мастеровъ, висѣли по стѣнамъ въ золотыхъ рамахъ, а около

высокаго окна стоялъ мольбертъ съ начатою картиною, подлѣ котораго, на низенькій табуретъ, были положены кисти и палитра, точно обитательница этой комнаты только что оставила работу. У другаго табурета, съ вызолоченными ножками, стояла прислоненной великолѣпная Эрардовская арфа. Эти орудія искусства придавали комнатѣ необыкновенно пріютный видъ, еще болѣе увеличившійся огонькомъ, трещавшимъ въ каминѣ. На столѣ лежала цѣлая масса визитныхъ карточекъ, говорившихъ безъ всякихъ словъ. Кто считалъ своей обязанностью «сдѣлать визитъ», на новый годъ вдовѣ и ея дочери, кого привлекали дружескія чувства, кого приличія.

Множество лицъ пріѣзжало и не было принято; на карточкахъ красовались знатныя фамиліи и короны, а на столикѣ, сбоку, стоялъ въ вазѣ роскошный букетъ. Въ это утро онъ былъ принесенъ лакеемъ принца. Человѣкъ, знакомый съ мѣстными обстоятельствами, вывелъ бы изъ этихъ карточекъ и изъ букета самое положительное заключеніе, покачалъ бы головой и, наконецъ, воскликнулъ: «Ахъ ты Мехтилда! Мехтилда! Все это надѣлала ты!.. Чуткіе носы пронюхали, куда можетъ повернуть вѣтеръ, и скорѣе сами поворачиваются съ нимъ!»

То же самое пришло въ голову и вспыхнувшей Валеріи, когда утромъ къ подъѣзду ихъ стала подъѣзжать карета за каретой, и сердце матери ея замерло отъ удовлетвореннаго тщеславія и отъ странной боязни. Старуха сама не смѣла себѣ признаться, на что она рассчитывала, но сегодня она убѣдилась, что и другіе не считали этого несбыточнымъ, хотя для этого надо было совершить страшную несправедливость.

Сердце матери не знаетъ препятствій, въ особенности такой честолюбивой и влюбленной въ свою дочь матери, какъ гофмаршалша. Всѣмъ было извѣстно, въ какихъ дурныхъ отношеніяхъ принцъ жилъ съ своей женой; разрывъ былъ неизбеженъ, и мать втихомолку мечтала, что мѣсто принцессы Генріеты займетъ ея дочь и раздавить всѣхъ, желавшихъ ей зла.

Нѣчто подобное волновало и сердце ея дочери, унаслѣдовавшей отъ своей матери гордость и честолюбіе. Чувства эти служили ей

побудительной причиной во всѣхъ ея дѣйствіяхъ; они заставляли ее учиться, избѣгать удовольствій и вести уединенную жизнь, и не сталкиваться съ людьми не одинаковаго рожденія. Панцырь этотъ она твердо носила, хотя онъ до крови ранилъ ее.

Она не сняла его даже и тогда, когда послѣ смерти отца увидала нужду, не сняла его, когда девятнадцатилѣтнее сердце ее сгарало отъ любви. Она осталась вѣрна своимъ принципамъ, работала съ ранняго утра до поздней ночи у своего мольберта, и, лишенная таланта, терпѣніемъ и прилежаніемъ добивалась своего, чтобы потихоньку зарабатывать деньги и имѣть возможность хоть по внѣшности жить согласно своему положенію; осталась вѣрна себѣ, и отдалила человѣка, для котораго билось ея гордое сердце, о которомъ она плакала цѣлыми ночами,—только потому, что его имя, происхожденіе и средства не могли удовлетворить ея честолюбія, и отдалила такъ, что великое слово любви не было и произнесено.

Эта-то дѣвушка смотрѣла теперь въ дверь, выходящую на узенькій балкончикъ, черезъ которую была видна вся площадь. Она стояла неподвижно въ продолженіе четверти часа, и до такой степени задумалась, что не замѣчала, какъ летѣло время.

Ея благородное небольшое личико, съ тонкимъ нѣсколько горбоватымъ носикомъ, съ предестнымъ умнымъ ротикомъ, съ густыми пепельнаго цвѣта волосами, которые мелкими кольцами падали на лобъ и густыми массаами спускались на плечи и на грудь, съ темно-синими, почти черными глазами, окаймленными густыми рѣсницами, точно окаменѣло, и только платье ея волновалось на груди отъ сильнаго бѣненія сердца, да бѣлая тонкая ручка, которой могла бы гордиться королева, и которая лежала на спинкѣ стула, вздрагивала по временамъ. Вниманіе ея было устремлено на площадь. Тамъ стояла желтая карета графини Вольфскеленъ; четверка тяжелыхъ лошадей, казалось, дремала, не смотря на холодъ, а рядомъ съ этой каретой стояла открытая коляска, нетерпѣливые кони которой такъ и фыркали. Эта-то коляска и интересовала дѣвушку.

Еслибы въ свое время Валерія послушалась голоса сердца, а не разсчета, то мѣсто по правую сторону въ этой коляскѣ теперь

принадлежало бы ей, и она была бы женою прусскаго посланника, госпожею фонъ-Бессингъ. Она думала, что никогда болѣе не увидитъ его, а между тѣмъ судьба привела его въ ея старую родину.

Не спуская глазъ съ горячившихся лошадей, Валерія мысленно перебрала все свое прошедшее, затѣмъ рукою провела по глазамъ и по лбу, точно хотѣла прогнать тяжелыя мысли, и опустившись на стулъ за драпировкой, склонила голову на правую руку и снова стала смотрѣть. Тяжело было на душѣ у Валеріи.

— Какъ онъ долго не выходитъ! прошептала она.

Она съ презрѣніемъ посмотрѣла на карточки. Сколько народу пріѣзжало, а его все-таки не было! Пріѣзжали лица, вѣрившія въ ея позоръ и разсчитывавшія, какую пользу могутъ они изъ него извлечь, и эти лица сегодня безъ усталы звонили у ихъ подъѣзда. Тотъ же, кого она ждала, кого страстно желала видѣть, какъ гордость ея ни возмущалась противъ сердца, тотъ не явился: Гуго фонъ-Бессингъ не пріѣхалъ поздравить ее съ новымъ годомъ. «Онъ еще пріѣдетъ, коляска его еще у дворца», утѣшала она себя, точно съ мольбой поднимая глаза къ небу.

Сегодня она страшно страдала, сегодня сердце и женщина взяли перевѣсъ въ ея груди: Валерія чувствовала раскаяніе.

Три года тому назадъ, она познакомилась въ Берлинѣ съ сестрой Бессинга. Онѣ учились живописи у одного профессора, мольберты ихъ стояли рядомъ, и талантливая Марія нерѣдко являлась къ ней на выручку, когда она безпомощно стояла передъ полотномъ и не знала, чѣмъ ей дѣлать.

Зимою Бессинги давали вечера, на одинъ изъ которыхъ была приглашена и Валерія. Желаніе потанцовать преодолѣло на этотъ разъ другія соображенія, и она приняла приглашеніе. Такимъ образомъ она увидала молодаго совѣтника въ первый разъ въ домѣ его родителей. Валерія произвела на него сильное и глубокое впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ въ жизни не видывалъ дѣвушки пріятельнѣе Валеріи, и съ перваго же взгляда онъ полюбилъ ее. Она инстинктивно поняла, что нравилась ему, а сердце билось сильнѣе при его приближеніи.

Гуго фонъ-Бессингу было тогда около тридцати лѣтъ; онъ былъ

красивый мужчина, съ хорошимъ состояніемъ и большими надеждами на будущее. Полюбивъ Валерію съ перваго же взгляда, онъ сталъ добиваться ея взаимности. Съ удовольствіемъ замѣтилъ онъ, что она тоже равнодушна къ нему, и уже мечталъ о счастіи обладать ею. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что дѣвушка стала къ нему холоднѣе, перестала бывать въ домѣ его родителей, и прекратила дружескія отношенія къ Маріи. Даже уроки живописи не стала она брать и перешла къ другому профессору. Глубоко оскорбленный въ своей любви и въ своей гордости, Гуго отошелъ, съ сердцемъ, постоянно болѣвшимъ отъ полученной раны.

Собственно упрекать Викторію ему было не въ чемъ: онъ ухаживалъ за нею... а она отошла отъ него. Оба они были правы. Но тѣмъ не менѣе образъ дѣйствій Валеріи задѣлъ не только Гуго, но и родственниковъ его. Всѣ замѣтили, что молодой человекъ нравится Валеріи, слѣдовательно причиной ея отдаленія было что-то непонятное. Сестра Гуго предположила, что существуетъ какое нибудь недоразумѣніе, и потому написала Валеріи письмо, но затѣмъ убѣдилась, что недоразумѣнія нѣтъ никакого, а что Валерія не желаетъ продолжать знакомства.

Ни Бессингамъ, ни самому Гуго никакъ въ голову не приходило, чтобы гордой своимъ происхожденіемъ, честолюбивой матери и ею воспитанной дочери казался не парой совѣтникъ, отецъ котораго получилъ дворянство только при Фридрихѣ Вильгельмѣ, — человекъ, съ хорошимъ состояніемъ и достойный уваженія.

Гофмаршалша мѣтила гораздо выше, и такимъ образомъ дѣйствовала на свою дочь.

— Дитя мое! не бросайся очертя голову! Подумай, какая будущность тебѣ предстоитъ! Внучка Болъе будетъ женою человека, дѣдъ котораго ходилъ съ котомкой за плечами!

Последнее заявленіе было ложью, потому что прадѣдъ Гуго былъ лѣсничимъ и никогда съ котомкой не ходилъ, а ходилъ съ ружьемъ и ягташемъ. Валерія тоже стала мечтать о болѣе высокомъ положеніи, не смотря на то, что сердце ея возставало противъ этихъ мечтаній.

Между герцогомъ и его братомъ отношенія стали натянутыми,

потому что принцесса Генріета заявила о своемъ намѣреніи развестись съ мужемъ. Впослѣдствіи мы вернемся въ этому вопросу, и увидимъ, какъ принцесса была права, рѣшаясь на такой смѣлый шагъ.

Принцъ Александръ уѣхалъ тогда въ Берлинъ, и избавился такимъ образомъ отъ упрековъ и надутыхъ лицъ. Только для того, чтобы уколоть своего брата и тетку, въ рукахъ которой онъ находился, сдѣлалъ онъ визитъ вдовѣ подпавшаго подъ немилость гофмаршала..

Но гордая блѣкоурая красавица Валерія произвела такое впечатлѣніе на вообще холоднаго принца, что онъ остался довольно долго въ Берлинѣ—во враждебномъ лагерѣ, какъ говорили придворные въ Х., и бывалъ у вдовы и дочери ея гораздо чаще, чѣмъ предполагалъ прежде. Знакомство это кончилось тѣмъ, что гофмаршальша, уступая желаніямъ принца, пріѣхала въ Х. Остальное намъ извѣстно, и извѣстно также, что о Валеріи и принцѣ ходило очень много толковъ. Даже появленіе призрака Мехтильды объясняли преступной связью Валеріи съ принцемъ, увѣряя, что отъ «Рыцаря» шелъ подземный ходъ въ замокъ, въ сѣверный флигель, гдѣ находится канцелярія и отдѣльное помѣщеніе принца, въ которое онъ переселялся послѣ каждой домашней сцены.

VI.

По странному стеченію обстоятельствъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переѣзда гофмаршальши, Гуго былъ назначенъ прусскимъ посланникомъ въ Х.

Назначеніе совершилось весною. Въ Х. юный дипломатъ долженъ былъ впервые испробовать свои силы. Дворъ и всѣ бывшіе при дворѣ были противниками Пруссіи, только одинъ принцъ Александръ составлялъ исключеніе. Но зато вся образованная часть населенія стремилась въ Пруссіи и желала ближе сойтись съ сѣверной державой. Новому посланнику пришлось быть очень осторожнымъ, и поэтому онъ сдѣлалъ только самые необходимые визиты.

Валерія изъ газетъ узнала о назначеніи своего, когда-то от-

вергнутого, поклонника. Первымъ впечатлѣніемъ, по прочтеніи этого извѣстія, было—грустное удивленіе; въ Берлинѣ можно было не встрѣчаться, но въ маленькомъ Х. придется непременно столкнуться.

Когда мать съ дочерью вернулись осенью изъ Швальбаха, онѣ встрѣтились съ Бессингомъ въ дворцовомъ паркѣ. Холодная дѣвушка невольно покраснѣла, встрѣтившись вдругъ съ молодымъ человекомъ, и сердце ея сильно забилося при видѣ его красиваго, умнаго лица; какъ мать, такъ и дочь были одинаково задѣты, когда тоже покраснѣвшій посланникъ только вѣжливо снялъ шляпу и прошелъ мимо, ни слова не сказавъ имъ.

— Молодой человекъ, кажется, возгордился, насмѣшливо сказала гофмаршалша, на что Валерія молча кивнула головой.

Будь она менѣе горда, теперь она могла бы вернуться въ рай, изъ котораго когда-то была изгнана, и вернуться въ качествѣ уважаемой и любимой жены красиваго и всѣми почитаемаго мужа. Эта мысль пришла и матери, и дочери, только онѣ не высказали ее. Въ душѣ Валеріи эта мысль подняла цѣлую бурю, и внутренній голосъ шепталъ ей, что тогда ее не называли бы любовницей принца Александра и никто не указывалъ бы на нее пальцами.

Мать была очень недовольна, что посланникъ не сдѣлалъ имъ визита, и называла его невѣжей. Огонь не разгарается въ плотно запертомъ мѣстѣ, но стоитъ только допустить струю воздуха. и тотчасъ же покажется пламя. Такъ было и съ Викторіей: она гордостью заглушила свое сердце, но теперь, увидавъ холодность Бессинга, она не могла болѣе сдержать его порывовъ.

Встрѣчаясь съ молодымъ человекомъ, она зорко слѣдила за нимъ, думая, не мститъ-ли онъ ей напускной холодностью, но съ каждымъ разомъ убѣждалась, что человеку съ такимъ благороднымъ и честнымъ лицомъ подобная месть не доступна, и что онъ просто не замѣчаетъ ее.

У вдовы и дочери ея было мѣсто въ ложѣ перваго яруса, и онѣ ходили въ театръ поочередно. Это было ихъ единственнымъ развлеченіемъ и, кромѣ того, онѣ считали своей обязанностью посѣщать театръ.

Однажды вечеромъ Валерія вернулась домой въ страшномъ вол-

неніи. Случай столкнулъ ее съ Генрихомъ: подлѣ нея сидѣла ка-кая-то пожилая дама, по произношенію пруссачка; въ антрактѣ къ ней пришелъ посланникъ. Въ ложѣ было три мѣста въ первомъ ряду; пожилая дама сидѣла въ одномъ углу, а Валерія—въ другомъ; мужчина, сидѣвшій между ними, всталъ и уступилъ мѣсто Бессингу. Валерія замѣтила его только тогда, когда онъ уже сѣлъ подлѣ нея.

На этотъ разъ Бессингу невозможно было не поклониться и не заговорить съ нею. Она замѣтила, какъ онъ былъ сконфуженъ, или, лучше сказать, взволнованъ, несмотря на свое умѣніе владѣть собою; они обмѣнялись нѣсколькими вѣжливыми словами, причемъ онъ избѣгалъ встрѣчаться съ нею глазами. Но противъ воли онъ по прежнему сталъ ощущать очарованіе, и потому взоры его встрѣтились со взорами дѣвушки, и нѣсколько секундъ не могли оторваться отъ нея. Когда вѣки его опустились, Валерія покраснѣла.

Какъ можно было сравнить съ принцемъ Александромъ или вообще съ знакомыми ей мужчинами высокаго, статнаго челоуѣка, съ благородной, красивой головой, съ благороднымъ челоуѣмъ, съ серьезными, умными, нѣсколько глубоко лежащими глазами, съ красивой бородой и шелковистыми бѣлокурыми волосами? Тогда онъ былъ низокъ для нея по своему положенію, теперь же онъ является восходящей звѣздой, прусскимъ посланникомъ, представителемъ короля.

Она оскорбила его, оказавъ ему пренебреженіе; теперь же, при видѣ его волненія, сердце у нея затрепетало отъ радости; она инстинктивно поняла, что онъ еще любитъ ее!

— Такъ вы еще не совсѣмъ забыли вашихъ старыхъ знакомыхъ, господинъ фонъ-Бессингъ? сказала она съ бдльшей задушевностью, чѣмъ говорила обыкновенно.

Молодой дипломатъ не нашелъ, что отвѣтить, но она ловко явилась къ нему на помощь.

— Здорова-ли ваша сестра Марія, и какъ поживаетъ ваша матушка? съ участіемъ спросила она.

Такимъ образомъ начался разговоръ, во время котораго взоры

ея были устремлены на его лицо и въ нихъ читалось: «Будемте друзьями, и забудемъ прошедшее».

Разговоръ былъ коротокъ и натянутъ. Бессингъ скоро поборолъ свое первое волненіе, и былъ сдержанъ. Онъ обернулся къ пожилой дамѣ и, уходя, только раскланялся. Музыка заглушила его последнее привѣтствіе, а поклонъ его былъ церемонный. Онъ не протянулъ Валеріи руки и не представилъ ее своимъ знакомымъ, которые потомъ съ ней заговорили сами, и упомянули даже ея фамилію. Валерія была разсѣяна, и вслѣдствіе этого врядъ-ли произвела благопріятное впечатлѣніе на своихъ сосѣдей. Идя изъ театра домой, въ сопровожденіи своего лакея, она вдругъ остановилась и слабо вскрикнула. Лицо ея вспыхнуло и изъ глазъ брызнули даже слезы.

— Несчастливая! въ душѣ проговорила она:—человѣкъ, которымъ я пренебрегла и принесла когда-то въ жертву своей гордости... человѣкъ этотъ презираетъ меня!.. До него дошли слухи, распускаемые моими врагами, о моихъ отношеніяхъ къ принцу, и онъ повѣрилъ имъ!

Она заплакала отъ острой боли, и передъ нею ясно представилась картина, заставившая ее задрожать. Эта ночь была самой тяжелой ночью въ ея жизни: она лежала, не смѣя пошевелиться, чтобы не разбудить мать, и подушкою заглушала свои рыданія.

— Бессингъ презираетъ меня... онъ нарочно отдаляется!.. я компрометирую его! въ душѣ повторяла она, чувствуя, что кора на ея сердцѣ проломлена и что пламя любви разгорается. Съ этой ночи она страстно любила Бессинга, и мысль о немъ ни на минуту не покидала ее.

Мать, замѣтивъ то, что Валерія скрывала отъ нея, тотчасъ же начала искать средствъ сойтись съ посланникомъ. Сближеніемъ съ Бессингомъ тщеславная мать хотѣла заставить вѣчно колеблющагося принца дѣйствовать рѣшительнѣе; она была твердо убѣждена, что дочери ея стоило только шевельнуть пальцемъ, чтобы посланникъ былъ у ея ногъ. Пока Валерія раздумывала, что ей дѣлать, гофмаршалша уже съ своей стороны, черезъ знакомыхъ, послала Бессингу приглашеніе, отъ котораго отказаться ему было невозможно,

и потому-то Валерія, въ утро новаго года, ждала его съ такимъ нетерпѣніемъ.

VII.

Валерія быстрымъ движеніемъ вдругъ откинулась отъ окна и задернула занавѣску, чтобы не быть замѣченной. На подъѣздѣ замка показались двое мужчинъ и остановились, чтобы поговорить. Это былъ принцъ Александръ, находившій особенное удовольствіе бѣсить людей этимъ открытымъ вниманіемъ, и Бессингъ, прусскій посланникъ.

Сухой, узкоплечій принцъ, съ некрасивымъ краснымъ лицомъ, овайленнымъ рыжеватою общипанною бородою, казался еще неулыжѣе передъ высокимъ статнымъ посланникомъ, спокойныя манеры котораго казались гораздо изящнѣе манеръ принца.

Бровь прилипла къ сердцу Валеріи, она не могла не замѣтить, что Бессинга и сравнивать нельзя съ принцемъ. Ей сдѣлалось грустно, обидно за себя, и раскаяніе такъ и загло ея сердце.

— Какое ребячество! думала она, — съ какой стати онъ задерживаетъ Бессинга, только чтобы позлить своихъ противниковъ?

Разговаривающіе снова вошли на крыльцо, и только спустя нѣкоторое время, появился Бессингъ одинъ; быстро пошелъ къ своей коляскѣ, предшествуемый бѣжавшимъ лакеемъ, который затѣмъ вскочилъ на козла, и нетерпѣливыя лошади понесли по направленію къ «Рыцарю».

Сердце Валеріи радостно забилося, наконецъ-то онъ пріѣхалъ! Она быстрымъ взоромъ окинула комнату, услыхавъ звонокъ, и сказала появившемуся лакею: «Просите»!

Сегодня, теперь же она съумѣетъ оправдаться передъ нимъ, она съумѣетъ навести на разговоръ и все объяснить ему.

Тяжелыя драпировки поднялись, Валерія чуть не упала отъ волненія: вмѣсто страстно ожидаемаго посланника, въ комнату вошелъ старый баронъ фонъ-Гримменштейнъ; за нимъ лиловыя драпировки закрылись.

— Рагблеу, прелестная фрейленъ! тихимъ, мягкимъ голосомъ проговорилъ старикъ, съ испугомъ глядя на побѣднѣвшую

Валерію. Неужели и вы тоже. И у васъ разстроены нервы? И вы такая развитая, передовая дѣвушка тоже вѣрите въ привидѣнія?

Валерія преодолѣла себя и оправилась, но ей было такъ тяжело обмануться въ ожиданіи, что изъ глазъ ея выкатилась горячая слеза, и она едва прикоснулась къ протянутой ей рукѣ. Разговоръ сейчасъ же начался о принцессѣ Мехтильдѣ.

Баронъ фонъ-Гримменштейнъ былъ уроженцемъ южной Германіи и могъ служить образцомъ вельможъ прошлаго столѣтія. Онъ поселился въ X. только для того, чтобы не разлучаться съ своей единственной дочерью, вышедшей замужъ за графа Билау, служившаго у герцога.

Баронъ страстно любилъ театръ и очень любилъ общество, которое съ своей стороны тоже платило ему любовью. Но только въ настоящую минуту онъ не былъ пріятнымъ гостемъ.

— Вижу, что явился слишкомъ поздно! вскричалъ баронъ Гримменштейнъ, указывая на массу лежавшихъ визитныхъ карточекъ, которыя онъ сталъ разсматривать, надѣвъ свой золотой пенснэ.

На губахъ Валеріи появилась принужденная улыбка.

— Да, сегодня къ намъ были очень любезны, и многіе пріѣхали поздравить насъ съ новымъ годомъ.

— Ого! даже тайный совѣтникъ Фоглеръ пріѣзжалъ, насмѣшливо прибавилъ старикъ, прямо взглянувъ на дѣвушку.

Валерія поняла насмѣшку, но проглотила ее, зная, что баронъ былъ другомъ ея отца, и дѣйствительно желалъ ей добра.

— Да, онъ очень рѣдко бываетъ у насъ, отвѣчала она, пожимая плечами.

— Сегодня всѣ летаютъ, даже вороны, весело продолжалъ старикъ, снова взглянувъ на дѣвушку.

— Я видѣла, проговорила Валерія. — А вы тоже были въ замкѣ?

— Какъ же! былъ и все видѣлъ, и трепеталъ вмѣстѣ съ другими. Я только-что оттуда. Меня удержалъ мой зять, и онъ-то виноватъ въ томъ, что я пріѣхалъ такъ поздно. Но все-таки я

могу сообщить вамъ кое-какія новости. Генераль Зандревскій сегодня самъ своей персоной стоитъ на караулѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорила Валерія.

— Легенда вамъ, конечно, извѣстна? А событіе произошло въ длинномъ коридорѣ, во-второмъ этажѣ замка, гдѣ находятся повар и канцелярія принца Александра. Ночью коридоръ этотъ слабо освѣщается, и на караулѣ тамъ стоятъ обыкновенно два солдата. Прошлою ночью, на караулѣ стояли два лейбъ-гренадера. Одинъ караульный стоитъ обыкновенно у главной, или парадной лѣстницы, а другой—у черной. Понимаете теперь распределение мѣстности?

Валерія молча кивнула головой.

— Ну, такъ я продолжаю: въ часъ пополуночи, когда городской шумъ совершенно утихъ, гренадеръ, стоявшій у черной лѣстницы, увидѣлъ двигавшуюся женскую фигуру въ длинномъ одѣяніи, съ блѣдно-желтымъ лицомъ, безъ глазъ и съ руками, скрещенными на груди. Фигура эта появилась въ полумракѣ и прямо шла на него. На головѣ юнаго война волосы поднялись дыбомъ, онъ отскочилъ отъ привидѣнія, но потомъ, вспомнивъ, какой подвергается опасности, онъ снова выступилъ и крикнулъ: кто идетъ? Караульный у парадной лѣстницы тоже увидѣлъ это явленіе и бросился на помощь къ своему товарищу. Оба они повторили овлигъ, но привидѣніе все болѣе и болѣе приближалось къ нимъ, и когда оно было шаговъ за пятьдесятъ, второй караульный прицѣлился и выстрѣлилъ. Онъ увѣряетъ, что цѣлился хорошо, но пуля прошла насквозь и ударилась въ стѣну. Послѣ этого солдатики растерялись, скатились съ лѣстницы, бросили ружья и съ крикомъ прибѣжали на гауптвахту.

— Бѣдняги! я слышала, что за это они будутъ строго наказаны.

— Да, за побѣгъ съ поста солдатъ наказывается пятнадцатилѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ; но при настоящихъ смягчающихъ обстоятельствахъ, они будутъ помилованы и отдѣляются арестомъ на нѣсколько недѣль. Въ этой исторіи есть, однако же, для меня непонятная вещь.

Валерія взглянула на него.

— Вы, конечно, понимаете, баронесса, что выстрѣлъ не могъ остаться незамѣченнымъ, и поэтому произошли нѣкоторыя вещи, совершенно неожиданныя. Прелестная фрейленъ фонъ-Рошъ, придворная дама принцессы Агнесы, напримѣръ...

— Знаю, знаю! замахавъ руками, вскричала Валерія, и въ первый разъ улыбнулась.

— И знаете про караульнаго офицера?

— Знаю.

— Слѣдовательно знаете, что господинъ фонъ-Рейхертъ спасъ ее отъ простуды и провелъ въ ея комнаты. Это все понятно, но непонятенъ феноменъ, подмѣченный однимъ изъ служителей.

Старикъ потерялъ руки и смахнулъ табакъ съ своего изящнаго жабо.

— Вы возбуждаете мое любопытство, баронъ.

— Этотъ служитель—человѣкъ далеко не трусливый: услыхавъ выстрѣлъ, онъ тотчасъ же выскочилъ въ коридоръ и слышалъ еще шаги убѣгавшихъ солдатъ. Не подозрѣвая о случившемся, онъ бросился къ лѣстницѣ и клянется, и божится, что привидѣніе было не сѣрое, а бѣлое, и что оно едва убѣждало отъ него.

Валерія съ удивленіемъ взглянула на барона.

— Какъ видите, дѣло выходитъ житейское, а не сверхъестественное, хитро улыбаясь, продолжалъ старикъ.

— Вы полагаете? спросила Валерія.—А пуля-то?

— Ну, что значитъ пуля, посланная впопыхахъ? Вы знаете, что изъ шестисотъ-восьмисотъ пуль попадаетъ только одна.

— Удивительно! сказала Валерія, не замѣчая, какъ старикъ пристально смотрѣлъ на нее.— Такъ вы дѣйствительно полагаете, что тутъ скрывается простая любовная интрига?

— Я скептикъ, въ привидѣнія не вѣрю, а въ силу любви—вѣрю. Впрочемъ слѣдствіе раскроетъ все, хотя теперь весь городъ встревоженъ.

Валерія слушала его внимательно.

— Да кто же живетъ тамъ наверху, и на кого падаетъ по-

дозрѣніе? Такая штука мнѣ кажется ужь чрезчуръ смѣлою, проговорила она, точно сама съ собою.

— Тамъ наверху находится канцелярія командира арміи, плацмайора и интенданта, затѣмъ нѣсколько помѣщеній, и между прочимъ помѣщеніе принца Александра.

Валерія невольно покраснѣла при имени принца Александра.

— Этотъ коридоръ, пересѣченный легкими рѣшетками, идетъ кругомъ всего замка, и лѣстницами соединяется съ другими этажами, — прежде всего, съ покоемъ принцессы и ихъ фрейлинь, а затѣмъ съ другими. Вслѣдствіе выстрѣла, ихъ высочества были сегодня очень перепуганы, и принцесса Агнеса, несмотря на бѣлила и румяна, сегодня казалась очень разстроенной.

— А вороны? проговорила Валерія.

— Да ужь все къ одному. Надо сказать, что вороны вообще начинаютъ покривать въ Германіи. Я говорю не о нашихъ безобидныхъ воронахъ, живущихъ на крышахъ церквей, а о Пруссіи, которой становится тѣсно... А, вотъ и ваша матушка.

Баронъ всталъ и почти съ юношескою живостью подошелъ къ гофмаршалшѣ. Онъ поцѣловалъ у нея руку и пожелалъ ей счастья на новый годъ.

— Вы явились какъ разъ кстати, чтобы прекратить чрезчуръ скучный разговоръ.

— Вѣрно говорили о принцессѣ Мехтильдѣ, какъ и всѣ сегодня, сказала гофмаршалша, предлагая сѣсть.

— Нѣтъ, мы говорили о высшей политикѣ.

— Вы хотите сказать, что говорили о томъ, что его высочество — чего Боже упаси — можетъ покинуть насъ, и что принцъ вступитъ на престолъ? опутивъ глаза, сказала гофмаршалша.

— Нѣтъ, мы говорили не о бурѣ въ стаканѣ воды, а говорили о распрѣ, могущей возникнуть между Пруссіей и Австріей.

Гофмаршалша прикусила языкъ.

Баронъ распрощался, и мать съ дочерью, проводивъ его, сами поѣхали сдѣлать кое-какіе визиты. Черезъ полчаса визиты ихъ были кончены, и онѣ снова вернулись домой. Валерія поспѣшно вѣзла наверхъ по лѣстницѣ, въ надеждѣ, что найдетъ, по край-

ней мѣрѣ, карточку Бессинга. Съ досадою узнала она, что посланника не было, но что принцъ Александръ прислалъ прелестную вазу съ фруктами и записочку, въ которой увѣдомлялъ, что будетъ вечеромъ. Съ досадою бросила Валерія записку въ каминъ, куда съ удовольствіемъ побросала бы и фрукты. Затѣмъ она удалилась къ себѣ въ комнату, и съ заплаканными глазами вышла къ обѣду.

— Побольше сдержанности, дитя мое, побольше сдержанности! сказала ей мать. Чѣмъ ты становишься старше, тѣмъ лучше надо тебѣ умѣть владѣть собою. Господинъ посланникъ изволить чваниться, ну что же, ему надо извинить, онъ намъ отплачиваетъ.

Валерія сѣла за столъ, блѣдная и безмолвная.

VIII.

Во второмъ часу, улицы резиденціи опустѣли, такъ какъ по патриархальному обычаю городъ въ это время обѣдалъ. Пользуясь этой пустотой, начальство препроводило въ замокъ двухъ арестованныхъ гренадеръ, такъ какъ герцогъ самъ на мѣстѣ хотѣлъ произвести слѣдствіе.

Въ длинномъ сѣверномъ коридорѣ втораго этажа съ массою глубокихъ дверей и нишъ, и днемъ весьма слабо освѣщенномъ, стояли блѣдные и сковфуженные арестанты, не скованные, но въ арестантской одеждѣ. Передъ ними стояла высокая, но уже нѣсколько сгорбленная фигура герцога. Подлѣ герцога стоялъ генералъ Зандревскій, за нимъ плацмайоръ и, такъ далѣе, разные офицеры. Кромѣ того, тутъ же стоялъ начальникъ гренадеръ, офицеръ, бывший въ караулѣ, поручикъ фонъ-Рейхертъ, и тотъ служитель, который видѣлъ бѣлое привидѣніе.

— Ну, сынъ мой... расскажи мнѣ теперь, что ты видѣлъ сегодня ночью... что съ тобою случилось? не бойся! говорилъ герцогъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ, пристально глядя на солдата.

— Говори, не бойся! приказалъ генералъ.

— Какъ прикажете, ваше высочество, началъ гренадеръ и

разказалъ то, что баронъ сообщилъ Валеріи. Вслѣдъ за нимъ разказалъ и тотъ солдатъ, который сдѣлалъ выстрѣлъ.

Въ коридорѣ резонансъ былъ такъ силенъ, что всякій возгласъ басистаго генерала повторялся во всѣхъ концахъ, и невольно всѣмъ становилось страшно. Во время допроса поручикъ Рейхертъ безпрестанно отходилъ и не могъ скрыть улыбки, съ которой часто посматривалъ на плацмайора.

— Ну, ребята, теперь идите, покажите мнѣ то мѣсто, гдѣ прежде всего вамъ явилось привидѣніе, сказалъ герцогъ.

— Слушаю, ваше высочество, сказалъ первый солдатъ, и пошелъ вдоль коридора.

Шаги гренадера громко раздавались по коридору.

— Еслибы это былъ обманъ, то слышны были бы шаги, милѣйшій генералъ, слышите, какъ они отдаются, съ серьезнымъ лицомъ обратился къ своему любимцу его высочество.

— Можно вѣдъ ходить и въ чулкахъ, или въ чемъ-нибудь такомъ, возразилъ генералъ, непремѣнно желавшій доказать, что тутъ ничего сверхъестественнаго нѣтъ.

Гофмаршалъ позволилъ себѣ замѣтить:

— Да въ этомъ коридорѣ и днемъ можетъ почудиться.

Генералу и гофмаршалу очень хотѣлось запутать въ это дѣло принца Александра.

— Дѣйствительно... дѣйствительно, милѣйшій гофмаршалъ, замѣтилъ герцогъ:—и, кромѣ того, тутъ особенно непріятно.

Онъ потеръ себѣ руки и съ дѣтской улыбкой посмотрѣлъ на своихъ приближенныхъ.

— Я думаю, здѣсь не мѣшало бы перегородить коридоръ почаще рѣшетками, такъ и тѣни не стали бы появляться, заискивающимъ голосомъ сказалъ гофмаршалъ.

Капитанъ фонъ-Ротвейль насторожился и внимательно посмотрѣлъ на говорившаго.

— Но для этого надо перевести канцелярію и помѣщеніе принца Александра, замѣтилъ генералъ.

— Да, вѣдъ у брата тутъ канцелярія!

— Вотъ здѣсь! вдругъ раздался громкій голосъ солдата такъ неожиданно и громко, что его высочество замѣтно вздрогнулъ.

— Поручикъ фонъ-Рейхертъ! кривнулъ генераль, предварительно испросивъ позволеніе у герцога.

Поручикъ былъ статный молодой человекъ, въ мундирѣ, который сидѣлъ на немъ, какъ вылитый.

— Милѣйшій мой Рейхертъ, обратился герцогъ отеческимъ тономъ къ красивому офицеру: — пойдите туда и посмотрите, чьи комнаты, гдѣ стоятъ солдаты.

— Я самъ пойду, съ готовностью вскричалъ генераль, точно не желая передать комунибудь другому такой опасный постъ, — но герцогъ удержалъ его.

— Нѣтъ, не ходите, милѣйшій генераль. Оставайтесь со мною. Поручикъ доложилъ, что направо комната № 5, а налево № 8.

— Кто можетъ объяснить? осматриваясь, спросилъ герцогъ.

— Я, ваше высочество. Моя канцелярія находится тутъ, и потому я знакомъ съ мѣстностью.

— Отлично, отлично!

— № 5 занятъ подъ интендантство, тамъ лежатъ документы прошлаго столѣтія, а подъ № 8 двѣ комнаты канцеляріи его высочества принца Александра, занимаемыя днемъ, а ночью пустыя.

— Гм! гм! проговорилъ герцогъ, качая головою: — какъ вы думаете, генераль Зандревскій, не вышелъ-ли оттуда ктонибудь?

— Рѣшить это трудно, ваше высочество, и сначала надо узнать, какія комнаты примыкаютъ къ этимъ №№; вѣдь солдаты могъ и ошибиться, глубокомысленно замѣтилъ генераль.

— Ну, конечно, конечно, отвѣчалъ герцогъ. — А вы что скажете на это Ротвейль?

— Ваше высочество, отвѣчалъ фонъ-Ротвейль; — я не вѣрю въ привидѣнія.

— Какъ? вскричалъ герцогъ, отступая. — Развѣ вы отрицаете?

— Ваше высочество изволите милостиво спрашивать меня, и потому я откровенно отвѣчаю, что считаю басней появленіе сѣрой принцессы. Священное писаніе тоже запрещаетъ вѣрить въ появленіе духовъ.

— Милѣйшій генераль! вскричалъ герцогъ. — Слышите, Ротвейль отрицаетъ.

— И я, ваше высочество, тоже отрицаю, лукаво улыбаясь, отвѣчалъ генераль.

— Съ вашего высочайшаго позволенія, продолжалъ фонъ-Ротвейль:— полагаю, что появленіе привидѣнія приврывало или любовную интригу, или же тенденціозную наглость.

— Вотъ какъ! проговорилъ герцогъ.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ генераль.

— Я прошу позволенія продежурить сегодня ночью здѣсь одному, заявилъ Ротвейль.

Поручикъ какъ-то особенно насмѣшливо посмотрѣлъ на говорившаго.

— Вы серьезно такъ полагаете? спросилъ герцогъ, частью образованный, но частью все еще вѣрившій въ семейное преданіе:— въ такомъ случаѣ, господа, тутъ совершенно преступленіе.

— Позвольте ваше высочество, продолжать тайное изслѣдованіе, съ низкимъ поклономъ сказалъ плацмайоръ.

IX.

Герцогъ тихо спустился съ лѣстницы, въ сопровожденіи генерала и гофмаршала, которыхъ милостиво отпустилъ около покоевъ принцессы, своихъ дочерей.

Старикъ шелъ, сильно задумавшись, и ошибся дверью. Въмѣсто того, чтобы отворить двери въ покои своей старшей дочери Агнесы, онъ попалъ въ комнату придворной фрейлины, прелестной Елены фонъ-Рошъ.

Дѣвушка лежала на диванѣ и читала какой-то романъ. Увидавъ герцога, она вскочила, выровнивъ книгу, и въ страшномъ испугѣ смотрѣла на старика.

— Ваше высочество! шептала она.

— Извините, тысячу разъ извините! ошибся дверью, сказалъ герцогъ, уходя.

— Вот что значить имѣть нечистую совѣсть: всего пугаешься! прошептала дѣвушка по уходѣ герцога.

Она подошла къ окну и увидала проходившаго поручика фонъ-Рейхерта, который, приложивъ палецъ къ губамъ и не глядя на нее, исчезъ между деревьями парка.

Между тѣмъ герцогъ пришелъ къ своей старшей дочери.

Принцессѣ Агнесѣ было лѣтъ подѣ тридцать, но лицо ея сохранило юношескую свѣжесть. Она была высокою статной блондинкой, не красавицей, но хорошенькой и стройной. Глаза ея могли считаться опасными для мужчинъ. Принцесса, кромѣ того, была особа начитанная и музыкантша, и будь она простою смертною, то была бы счастливой женой хорошаго мужа и положительно счастливѣе, чѣмъ теперь, будучи дочерью мелкаго герцога, съ небольшимъ состояніемъ, огромными претензіями и родовыми предразсудками.

Въ качествѣ чистокровной дочери царствующаго принца, она, изъ честолюбія и гордости, отказалась отъ нѣсколькихъ партій и ждала, но напрасно, что ей предложитъ руку, корону и престолъ ктонибудь изъ королей, а въ ожиданіи этого сдѣлалась старой дѣвой. Ея неудовлетворенное сердце однажды взбунтовалось, отомстило за себя, и женщина взяла верхъ надъ принцессой:—принцесса Агнеса влюбилась въ гвардейскаго офицера. Любовь началась на льду, во время катанья на конькахъ; двадцати-двухъ-лѣтняя дѣвушка до такой степени влюбилась въ смѣлаго офицера, что, отбросивъ въ сторону всякую осторожность, не только переписывалась съ нимъ и вызывала на свиданія, но непременно хотѣла выйти за него замужъ. Влюбленные встрѣчались потихоньку по вечерамъ въ замкѣ, въ длинныхъ темныхъ коридорахъ или на нѣсколько минутъ въ паркѣ... Поцѣлуй, пожатіе руки, слово или какойнибудь знакъ, и влюбленная чета боязливо разбѣгалась. У офицера лошадь стояла въ конюшнѣ не разсѣданной, и когда принцесса выѣзжала верхомъ съ берейторомъ въ одни ворота, офицеръ выѣзжалъ тотчасъ же въ другія, берейторъ отсылался, и влюбленные уходили въ лѣсъ.

Эти золотые дни шли такимъ образомъ, пока наконецъ пре-

ступленіе не было открыто. Проболтался объ этомъ какой-то лѣсничій, неслыханная вещь дошла до свѣдѣнія герцога: влюбленный офицеръ былъ изгнанъ изъ страны, принцесса Агнеса получила отъ руки возбѣшеннаго папаши двѣ самыя обыкновенныя пощечины, была посажена на двѣ недѣли у себя въ комнату, и три мѣсяца караулъ не отдавалъ ей чести.

Бѣдная принцесса и плакала, и горевала, слегла въ постель, не хотѣла вставать, и говорила, что отказывается отъ всего и выдетъ замужъ за своего поручика; но затѣмъ успокоилась, съѣздила въ Италію и вернулась прежней принцессой. Она отказала еще нѣсколькимъ женихамъ, находя, что они ей не пара, читала, занималась музыкой и прозябала.

Герцогъ наклонился къ своей любимицѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ. Онъ сталъ утѣшать ее, позволилъ ей не являться къ обѣду и общалъ произвести строжайшее слѣдствіе и раскрыть, кто такъ сильно напугалъ его любимицу. При этомъ онъ разсказалъ, что попалъ къ Еленѣ фонъ-Ропъ и что генералъ и плацмайоръ не вѣрятъ въ привидѣніе.

На слѣдующій день мигрень принцессы прошелъ, гренадеры были освобождены изъ подъ ареста, мѣсто въ стѣнѣ, куда попала пуля, заново замазано и закрашено, и члены герцогской фамиліи перестали говорить о привидѣніи. Только въ городѣ еще толковали о немъ.

X.

Неподалеку отъ площади, въ старинномъ, но заново отдѣланномъ домѣ, съ высокими зеркальными окнами, жилъ въ первомъ этажѣ тайный совѣтникъ фонъ-Бессингъ, прусскій посланникъ.

Къ вечеру 1-го января, когда весь городъ былъ взволнованъ сенсационными происшествіями, въ уютной красивой комнатѣ этого дома сидѣли около камина Бессингъ и Санновъ.

Санновъ и Бессингъ были старыми пріятелями, и нерѣдко бесѣдовали за чашкой кофе и сигарой.

— Моя брошюра, продолжалъ Бессингъ:—о положеніи политическихъ партій въ Германіи обратила на меня вниманіе графа

Бисмарка. Онъ послалъ меня сюда съ тѣмъ, чтобы я только наблюдалъ, что тутъ дѣлается; но сколько ни наблюдаю, я многого понять не могъ. Герцогъ, имѣя подъ бокомъ палату, содержитъ свой личный полкъ; онъ бѣденъ и разоряется еще болѣе; онъ протестантъ, а между тѣмъ католической церкви предоставляетъ большую свободу, чѣмъ протестантской, самъ никогда не охотится, а платитъ за содержаніе охоты безумныя суммы, и разоряетъ ради этого крестьянъ.

— И такъ далѣе, со вздохомъ заключилъ Санновъ: — понять это можетъ только тотъ, кто здѣсь выросъ. Ты очень ошибаешься, если думаешь, что страну здѣсь управляетъ герцогъ. Ничуть не бывало! всѣмъ управляетъ Феличита, злая фея Личита. Сюда ко двору она пріѣхала въ пятидесятихъ годахъ и не привезла съ собою и дюжины рубашекъ. Она говорила чистымъ вѣнскимъ нарѣчіемъ и потому произвела глубокое впечатлѣніе на герцога и его дворъ. Герцогъ всегда былъ расположенъ къ Австріи, а потому особенно расположенъ и къ сторонницѣ ея. Дѣло безъ ревности, конечно, не обошлось, но герцогинѣ сумѣли доказать, что ревность ея не имѣетъ основанія. Спустя нѣкоторое время, Феличита выписала себѣ изъ Вѣны кузена фонъ-Барденштейна, постоянно катавшася верхомъ съ герцогиней и дорого обходившася странѣ, а потомъ выписала втораго кузена фонъ-Гесница, весь багажъ котораго былъ завернуть въ носовомъ платкѣ. Сама Феличита испугалась его крайней бѣдности, и постаралась принарядить кузена и пересадить его поближе къ герцогу, гдѣ новое растеніе тотчасъ же пустило корни и начало процвѣтать. Феличита—природная интриганка, суетъ носъ свой во всѣ горшки, и не пренебрегаетъ никакими средствами. Тогда былъ оставленъ достойный гофмаршалъ фонъ-Боденштейнъ и многіе другіе. Пріѣзжіе австрійцы забрали въ руки всѣ бразды правленія и прямо стали высказываться противъ Пруссіи.

— Князь Бисмаркъ, отправляя меня сюда, сказалъ, чтобы я больше обращалъ вниманія на настроеніе народа, чѣмъ на толки при дворѣ, замѣтилъ Бессингъ.

— А народъ расположенъ къ Пруссіи и ненавидитъ все

австрійское. Я вполне сочувствую народу въ его любви къ Пруссіи, хотя мнѣ нерѣдко приходится терпѣть отъ этого.

— Ты съ какой-то грустью говоришь объ этомъ, Фрицъ, сказалъ Бессингъ:

— Еще бы, семейство моей невѣсты—приверженцы герцогскаго двора, и мнѣ приходится слушать много нелѣпостей.

— Противъ этого я знаю только одно средство: женись скорѣе и вырви свою невѣсту изъ консерваторскаго гнѣзда.

Разговоръ о невѣстѣ Фрица заставилъ Гуго задуматься. Онъ задумался о Валеріи. Онъ не забылъ еще прелестной, гордой дѣвушки, свиданіе съ которой было для него вещью въ высшей степени тягостной, такъ какъ въ немъ вспыхнули все старыя чувства и старая обида. Она пренебрегла имъ изъ какихъ-то узкихъ предразсудковъ, и жила теперь здѣсь, возбуждая презрѣніе и боязнь, какъ любовница принца Александра, для него на вѣки потерянная!

Бессингу легче было бы, еслибы она изъ любви предпочла ему когонибудь другаго. Но онъ не могъ не замѣтить, какъ она покраснѣла при видѣ его, какъ она взволновалась, когда онъ заговаривалъ съ нею. Его душевная рана снова открылась. Она отвергла его, не смотря на то, что любила, и это казалось ему непонятнымъ. Но всего болѣе убивала его мысль, что Валерія предпочла блестящій позоръ тихому счастью.

Онъ нашелъ Валерію очаровательнѣе, чѣмъ когда либо, и сердце его замирало при видѣ ея. Неужели она могла предпочесть грубаго и къ тому же женатаго человека только потому, что онъ принцъ крови?

Бессингъ сильно сталъ мѣшать щипцами въ каминѣ, точно на невинныхъ угляхъ хотѣлъ выместить свою досаду.

Санновъ, не замѣчая задумчивости Бессинга, продолжалъ между тѣмъ:

— Что это за комедія съ сегодняшнимъ появленіемъ сѣрой принцессы и воронъ! Вѣдь вся Германія расхохочется надъ нами. Повѣришь-ли, что при дворѣ вѣрятъ въ эти предсказанія? Тотчасъ же послѣ приѣма, во дворцѣ производилось слѣдствіе, и одинъ

изъ придворныхъ лакеевъ прямо сказалъ, что это было не привидѣнiе, а кто-то въ бѣломъ платьѣ сбѣжалъ съ лѣстницы. Моя будущая теща говоритъ, что такое заявленiе—настоящая профанациа.

— Что же можетъ быть проще такого объясненiя, замѣтилъ Бессингъ.

— Конечно, но я все-таки не вѣрю тому, что говорятъ въ городѣ, что это бѣлое привидѣнiе была прелестная Валерiя, приходившая на свиданiе къ принцу Александру.

Щипцы вывалились изъ рукъ Бессинга и кровь бросилась ему въ лицо.

— Какая отвратительная клевета! вскричавъ, крикнулъ онъ.

Санновъ никакъ не подоврѣвалъ, какую бурю подняли слова его въ груди друга, такъ какъ онъ не зналъ о склонности его къ Валерiи фонъ-Боденштейнъ. Не замѣчая его страшнаго волненiя, онъ продолжалъ:

— Принцъ Александръ имѣетъ обыкновенiе, послѣ домашнихъ сценъ между имъ и его жалкой женой, переселяться на нѣкоторое время въ другое помѣщенiе. Съ этимъ обыкновенiемъ и соединяютъ ночное явленiе. Но я справлялся и узналъ, что принцъ въ послѣднее время, то есть, вчера вечеромъ, не выходилъ изъ своего замка.

— Жалкая сволочь, съ отчаянiемъ проговорилъ посланникъ, подходя къ окну и прислоняясь горячей головой къ холодному стеклу. Валерiя точно живая представилась ему такой, какой онъ видѣлъ ее у сестры на балѣ, скромной, застѣнчивой... Неужели въ нѣсколько лѣтъ она дошла до этого?... Неужели онъ обманывался въ ней? Сердце его подсказывало ему, что она невинна, и онъ готовъ былъ уничтожить всякаго, кто осмѣливался оскорблять даму его сердца.

— Я знаю, кто распускаетъ такую клевету, продолжалъ Санновъ:—и всѣ это знаютъ, но тѣмъ не менѣе находятъ удовольствiе грязнить дѣвушку. Хотя, надо сказать правду, она сама подаетъ поводъ къ толкамъ, и всѣ, кто зналъ покойнаго гофмаршала, жалѣютъ объ этомъ. Тебѣ, какъ посланнику, не мѣ-

шало бы интересоваться Валеріей, такъ какъ многіе считаютъ ее будущей второй женой принца Александра. Принцъ до такой степени дурно обходится съ своей женой, что принцесса Генріета помялась, что, при первомъ же благоприятномъ случаѣ, она потребуетъ развода. Тебѣ не мѣшало бы сойтись съ будущей герцогиней, тѣмъ болѣе, что принцъ изъ чувства противорѣчія клонится въ Пруссію.

— Я уже слышалъ объ этомъ, сквозь зубы проговорилъ Беснянгъ, не отходя отъ окна.—Я тебѣ никогда не говорилъ, медленно продолжалъ онъ,—что я знакомъ съ фрейленъ фонъ-Боденштейнъ, и видѣлся съ ней нерѣдко въ Берлинѣ.

— Въ первый разъ слышу, отвѣчалъ Санновъ.

— Я встрѣчался съ нею на балахъ три года тому назадъ; тогда она была совсѣмъ еще молоденькой дѣвушкой. Я слышалъ о томъ, что про нее говорятъ... поведеніе ея во всякомъ случаѣ странно. Ей бы слѣдовало прекратить частыя посѣщенія принца, это слѣдовало бы сдѣлать въ особенности матерн... Между нами будь сказано, я не возобновилъ здѣсь знакомства только вслѣдствіе этихъ странныхъ толковъ. Но въ одномъ только будь увѣренъ: Валерія не могла упасть такъ низко.

— Говорятъ, что она очень умная дѣвушка и очень развитая... и, кромѣ того, она хороша собою... Жаль, если это такъ.

— Тогда она была еще только распускавшимся цвѣткомъ... Но у нея честолюбивая мать... Будемъ надѣяться, что обѣ такъ поступаютъ только по необдуманности.

Онъ отошелъ отъ окна и, снова сѣвъ къ камину, сталъ мѣшать угли.

— Миѣ иногда страстно хочется вернуться въ Берлинъ. Миѣ душно здѣсь. Князь Бисмаркъ совершенно вѣрно называетъ это герцогство «маленькимъ Китаемъ».

— Это правда, что здѣсь душно, и что, кромѣ оперы, ничего нѣтъ хорошаго.

Въ это время лакей доложилъ, что карета готова.

— Ты ѣдешь въ оперу? спросилъ Санновъ.

— Да.

— Вотъ что я хотѣлъ еще спросить у тебя. Познакомился-ли ты съ придворнымъ парикмахеромъ, фаворитомъ герцога? Если нѣтъ, то непременно познакомься; тебѣ, какъ посланнику, это необходимо. Мосье Бюкопфъ можетъ оказать тебѣ необыкновенныя услуги, если ты съумѣешь взяться за него.

— Да, я уже слышалъ о немъ.

— Вамъ, господамъ дипломатамъ, нельзя всегда ходить прямымъ путемъ, и не мѣшаетъ приглашать иногда придворнаго парикмахера для того, чтобы онъ вырѣзалъ тебѣ мозоли и въ это время рассказывалъ что нибудь.

— Ель сожалѣнію, у меня нѣтъ мозолей.

— Во всякомъ случаѣ сведи съ нимъ знакомство, то есть съ отцомъ и съ дочерью Сеппи, за которой постарайся ухаживать, и въ особенности не жалѣй денегъ.

— Благодарю тебя, и непременно исполню твой совѣтъ.

Они пожали другъ другу руки и вышли на улицу. Въ ту минуту, какъ Бессингъ садился въ карету, мимо прошелъ плацмайоръ, закутанный въ плащъ.

— Вотъ идетъ настоящій-то мазурикъ, проговорилъ Санновъ настолько громко, что можно было слышать. — Онъ ужъ и въ школѣ-то никуда не годился.

Дверца захлопнулась и карета понеслась по ярко освѣщеннымъ улицамъ.

XI.

Герцогъ былъ страстный любитель театра, и потому въ Х. былъ дѣйствительно хорошенькій театръ. Субсидія на него шла изъ личныхъ суммъ герцога, и потому герцогъ не пропускалъ ни единого представленія. Вслѣдствіе этого, при дворѣ считалось неприличнымъ не имѣть ложи или мѣста въ театрѣ.

Цѣна мѣстамъ была баснословно низкая, но зато герцогъ требовалъ, чтобы въ театрѣ являлись въ парадныхъ туалетахъ, чтобы не смѣли апплодировать, пока онъ не подастъ знака, и никогда не смѣли бы шикать или свистать.

Когда прусскій посланникъ вошелъ къ себѣ въ ложу, театръ

уже былъ полонъ. Онъ подошелъ къ эстрадѣ, сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ, которые тщательно были замѣчены, и сѣлъ на свое мѣсто.

Замѣтивъ свою милую Валерію, онъ не могъ не вспомнить о словахъ Саннова, и сердце у него заняло. Ему очень хотѣлось еще разъ посмотреть на дѣвушку, но зная, что каждое движеніе его здѣсь подмѣчается, онъ не взглянулъ, а только въ душѣ далъ себѣ слово завтра же побывать у оскорбленной дѣвушки и хотъ вниманіемъ своимъ доставить ей удовлетвореніе. Сегодня онъ не хотѣлъ быть у гофмаршалши, потому что визитъ посланника, въ первый день новаго года, всегда носить на себѣ официальный характеръ, и потому неблагоразумно было бы подвергать Валерію еще бѣльшимъ толкамъ, при ея и безъ того неловкомъ положеніи.

Когда поднялся занавѣсъ и началось уже представленіе, въ одну изъ ложъ шумно вошли австрійскій посланникъ, графъ Зальца, и обершталмейстеръ фонъ-Барденштейнъ. Они явились сюда прямо съ обѣда.

— А принцеса Агнеса вѣрно еще не оправилась послѣ своего испуга, проговорилъ австрійскій посланникъ, увидавъ въ герцогской ложѣ вмѣсто нея графиню Вольфскеленъ, въ сильно декольтированномъ платьѣ. — Ну, эту Феличиту никакъ нельзя назвать красавицей.

— Но зато маленькая принцесса Гильда будетъ скоро такъ же хороша, какъ была хороша ея мать-герцогиня. Кто бы сказалъ это прежде, замѣтилъ фонъ-Барденштейнъ.

— Взгляните-ка, дорогой графъ, насмѣшливо проговорилъ гофмаршалъ: — нѣсколько повыше, тамъ тоже сидитъ красавица.

— Дѣйствительно, Сеппи красивѣйшая женщина изъ всего X..! съ жаромъ возразилъ Зальца. — Но что вамъ до нея за дѣло?

Фонъ-Гесницъ толкнулъ обершталмейстера подъ бокъ и какъ-то странно улыбнулся.

Наверху, въ ложѣ, сидѣла Жозефина Кюкопфъ, дочь знаменитаго придворнаго парикмахера. Всѣмъ было извѣстно, что графъ Зальца сильно строилъ ей куры. Многіе даже говорили, что онъ и господинъ фонъ-Ротвейль, плацмайоръ, оба сильно влюблены въ эту красавицу, не обращавшую на нихъ вниманія.

Въ маленькомъ городишкѣ съ его сплетнями рассказывались всевозможныя исторіи объ этомъ графскомъ увлеченіи.

— Какой красивый мужчина этотъ фонъ-Бессингъ, замѣтила герцогиня, взглянувъ на ложу посланника.

— Потсдамскій гвардеецъ, грубымъ, почти мужскимъ голосомъ возразила Феличита:—настоящій выскочка.

Нѣсколько поодаль, въ углу ложи, сидѣла принцесса Гильда. Младшая дочь герцога Франца была прелестная дѣвушка, довольно высокая, стройная, свѣженькая, съ прелестными темными волосами и темными глазами.

Когда графиня произнесла свое замѣчаніе, она взглянула на нее, и ясно увидала, что принцесса несогласна съ ея замѣчаніемъ.

— Во всякомъ случаѣ, мы должны быть благодарны князю Бисмарку, задорно продолжала графиня,— что онъ прислалъ къ намъ такое красивое ничтожество... большой пустой футляръ... настоящаго статиста.

Затѣмъ она взглянула на другую ложу и многозначительно прибавила:

— А вотъ и его высочество, принцъ! и одинъ.

— Посмотрите, какъ онъ глядитъ на нее, прошептала герцогиня.

— Да, да, онъ пожираетъ ее глазами, злобно сказала графиня, глядя на принца Александра, дѣйствительно не спускавшаго глазъ съ Валеріи.— А принцесса Генріета опять нездорова?

— Она, говорятъ, послала за докторомъ.

Въ верхнемъ ярусѣ рыжая Сеппи непременно хотѣла показать графу Зальцка, что она не обращаетъ на него вниманія, и не сводила своего бинокля съ прусскаго посланника, не подозрѣвавшего даже, что онъ обратилъ на себя вниманіе рыжей красавицы въ черномъ вырѣзномъ платкѣ, съ короткими рукавами и съ зеленой лентой на рыжихъ волосахъ.

Во время втораго акта, въ ложѣ прусскаго посланника появился синій фракъ барона фонъ Гримменштейна и до конца спектакля оставался тамъ.

— Посмотри-ка наверхъ, сказалъ Бессингу Санновъ, тоже сидѣвшій у него въ ложѣ: — тамъ сидитъ рыжая Сеппи.

— Та, о которой ты мнѣ говорилъ сегодня?

— Она и есть. Дочь парикмахера. Вишь, плутовка, она замѣтила, что мы говоримъ о ней. Не мудрено, что она такъ опытна: весь свѣтъ ухаживаетъ за ней; твой colega, графъ Зальца, говорятъ, сильно вздыхаетъ, только тщетно.

— Какое оригинальное лицо! отвѣчалъ Бессингъ, посмотрѣвъ въ бивокль на Сеппи.

— Поздравляю тебя, возразилъ ему на это пріятель, — ты положительно произвелъ на нее впечатлѣніе.

ХІІ.

На слѣдующее утро прусскій посланникъ явился къ принцессѣ Генріетѣ, и на этотъ разъ былъ принятъ ею.

Бессингъ почувствовалъ глубокое сожалѣніе при видѣ блѣдной и разстроенной принцессы. Всѣмъ были извѣстны ея отношенія къ мужу, который, вовсе не стѣсняясь, отвратительно обращался съ нею.

Принцесса выразила сожалѣніе, что вчера не могла, по нездоровью, принять посланника.

— Новый годъ начался скверно, продолжала она: — кажется, со всѣхъ сторонъ скопляются тучи и начинается гремять громъ.

Дипломатъ прямо посмотрѣлъ въ лицо принцессы.

— Громъ точно начинается гремять, возразилъ онъ; — но будьте увѣрены, ваше высочество, что со стороны моего короля все будетъ сдѣлано для сохраненія мира, все, что можетъ быть сдѣлано, не оскорбляя чести Пруссіи.

— Я охотно вѣрю вамъ, отвѣчала принцесса Генріета: — я увѣрена въ добрыхъ намѣреніяхъ короля Вильгельма, но у васъ въ странѣ есть врагъ, а именно оппозиція. Всѣ думаютъ, что Пруссія слаба, такъ какъ у нея открытыя внутреннія распри.

Не успѣлъ Бессингъ отвѣтить на это, какъ отворилась дверь и вошелъ принцъ въ панталонахъ, обшитыхъ внизу кожей и замазанныхъ грязью, съ хлыстомъ въ рукахъ.

Его худое, некрасивое лицо, мало украшаемое рѣдкой бородой, было сегодня краснѣе обыкновеннаго, а глаза казались еще свѣтлѣе, чѣмъ всегда. Бессингъ всталъ и низко поклонился, принцесса Генриета бросила на мужа быстрый взоръ, невольно сверкнувшій ненавистью. Она, зная этого человѣка лучше другихъ, не могла не презирать и не ненавидѣть его. Нѣсколько сторбившись и согнувъ колѣни, но гордо закинувъ голову назадъ, подошелъ онъ къ посланнику, подозрительно глядя на него.

— Ахъ! это вы, тайный совѣтникъ! а я думалъ, что кто нибудь изъ скучныхъ гостей... Вы... это дѣло другое.

Онъ говорилъ отрывисто и картавя.

— Садитесь... не беспокойтесь!.. Вотъ тебѣ письма... поздравленія съ новымъ годомъ. Все глупости!

Онъ досталъ изъ задняго кармана своего зеленого, сильно поношеннаго, сюртука кучу бумажекъ и конвертовъ, и положилъ ихъ на столъ около жены.

Съ изумленіемъ замѣтилъ Бессингъ, что большая часть писемъ была распечатана.

— Благодарю, отвѣчала принцесса, и переложила письма на диванъ.

— Ну, что новенькаго? продолжалъ принцъ Александръ, безъ церемоніи развалился въ креслѣ. — Прошу извинить за мой костюмъ, но грязь такая, что и сказать нельзя... Гдѣ же дѣти?

— У себя въ комнатѣ. Графиня Дингельштетъ можетъ привести ихъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же. Ну что же, еще ничего не слышали, что думаютъ о знаменитомъ привидѣніи въ Берлинѣ?.. Diable, вздумало прогуливаться около моихъ комнатъ. Вотъ я ему покажу! Узнать меня... Въ будущую субботу навѣрное попадемъ всѣ въ Влadderадачъ!.. А графъ Бисмаркъ... Что надо?

— Баронъ фонъ-Гримменштейнъ покорнѣйше проситъ позволенія освѣдомиться о высочайшемъ здоровьѣ принцессы, доложилъ лакей.

— Просите сюда барона, поспѣшно сказала принцесса, прежде чѣмъ мужъ ея успѣлъ отвѣтить.

Съ свойственной ему непріятной манерой, откинулъ принцъ назадъ голову и грозно взглянулъ на жену. Онъ долженъ былъ сдержаться въ присутствіи посланника, но быстро всталъ.

— Скучный старый болтунъ!.. Извините... je me sauve.

Онъ милостиво протянулъ посланнику два пальца, кивнулъ женѣ и вышелъ въ дверь въ ту самую минуту, какъ въ другую входилъ баронъ.

У Бессинга точно камень свалился съ души, когда вышелъ противный мужъ такой очаровательной жены. Принцесса тоже перевела духъ и пошла на встрѣчу старому барону.

Бессингъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отеланяться. Принцесса осталась вдвоемъ съ Гримменштейномъ.

Старикъ поцѣловалъ руку принцессы, и съ искреннимъ чувствомъ посмотрѣлъ на прелестную женщину.

— Позвольте, ваше высочество, поздравить васъ съ новымъ годомъ, проговорилъ онъ,—и пожелать вамъ новаго счастья.

— Счастья? съ горечью повторила молодая женщина.

Старикъ носилъ принцессу на рукахъ, онъ зналъ ее съ дѣтства, и теперь не могъ безъ волненія смотрѣть на ея лицо, по которому потекли слезы.

— Ваше высочество! вскричалъ онъ.—У васъ здоровья, прелестныя дѣти, сами вы пользуетесь здоровьемъ, уваженіемъ; со вѣсть у васъ спокойна... вы уважаете себя.

— Позвольте... замолчите!.. вы сами не знаете, что вы говорите... Уважаю себя... уважаю! вскричала принцесса, зарыдавъ.

— Ваше высочество! ваше высочество! шепталъ растерявшійся старикъ.

— Уважаю себя!.. да вѣдь это насмѣшка, баронъ Гримменштейнъ. Будь я женщиной, такъ я знала бы, что дѣлать.

Не успѣлъ растерявшійся баронъ отвѣтить что либо, какъ принцессы уже не стало въ комнатѣ, и вмѣсто нея на порогѣ появилась графиня Дингельштеть.

— Ради Бога, графиня, сказалъ онъ, быстро подходя къ ней:— что я надѣлалъ, что тутъ происходитъ?

Графиня пристально посмотрѣла на него, и точно колебалась, но наконецъ рѣшительно сказала:

— Можетъ быть, вы можете посовѣтовать что нибудь, баронъ.

— Приказывайте, графиня, я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ онъ отъ души.—Я зналъ ея мать, принцессу Марію, былъ молодъ вмѣстѣ съ ея бабушкой... Присутствовалъ на ея крестинахъ, не разъ носилъ ее на рукахъ! За счастье ея я готовъ пролить кровь свою. Говорите же... чѣмъ могу я помочь?

Графиня перестала колебаться и позвала барона въ смежную комнату.

— Слушайте, сказала она:—и судите сами.

— Слушаю, графиня!

Они сѣли и графиня начала вполголоса.

— Это было третьяго дня, во время обѣда. Принцъ былъ страшно не въ духѣ... можетъ быть, онъ поссорился съ фрейленъ фонъ-Боденштейнъ.

Фонъ-Гримменштейнъ хотѣлъ что-то возразить, но откашлялся и замолчалъ.

— Онъ приказалъ, чтобы дѣти были приведены къ столу, и началъ браниться, зачѣмъ маленькая принцесса не захотѣла говядины... при этомъ, конечно, посылалъ шильки своей женѣ. Такъ какъ принцесса молчала, то онъ сердился все болѣе и болѣе. За десертомъ маленькій принцъ употребилъ какое-то самое вульгарное выраженіе, вѣроятно услышанное имъ у прислуги... Принцъ заявилъ, что ребенокъ могъ выучиться такому выраженію только у матери, которая, какъ извѣстно, выросла безъ всякаго призора.

— Ужасно! невѣроятно! вскричалъ старикъ.

— На это принцесса Генріета отвѣтила только: «Не теряйте своего достоинства, ваше высочество». Тутъ онъ вышелъ изъ себя!... Мы увели поскорѣе дѣтей, а онъ прибилъ ее! Мы съ гофмаршаломъ слышали, какъ онъ билъ, и затѣмъ, красный отъ злости, выбѣжалъ вонъ.

— А принцесса Генріета? едва слышно отъ волненія проговорилъ старикъ.

— Когда я вошла, она сидѣла блѣдная у камина и смотрѣла

на огонь. Она не плакала и ни слова не говорила, только не велѣла мнѣ уходить.

— Надо положить этому конецъ! сказалъ баронъ:—это вѣдь ужь слишкомъ.

— Конецъ... да... Но какимъ же образомъ? Она молчитъ, но я вижу, что она рѣшилась на что-то.

— Надо положить конецъ... Въ бракѣ всего священнѣе дѣти... невинныя маленькія созданія... Необдуманный поступокъ можетъ отозваться на будущемъ поколѣніи. Разрыва допускать не слѣдуетъ...

— Молчите... Принцесса идетъ...

Оба бесѣдующіе встали и подошли къ окну.

— Надо помогать, что нынче будетъ плодородный годъ, заговорилъ баронъ.

Въ это время въ комнату вошла принцесса.

ХІІІ.

— Баронъ Гримменштейнъ.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, ваше высочество.

Старикъ ушелъ вслѣдъ за принцессой, а графиня Дингельштеть сѣла у окна и стала смотрѣть на улицу. Звукъ голосовъ чуть-чуть доносился до нея. Въ сосѣдней комнатѣ стоялъ старый баронъ передъ принцессой, сидѣвшей въ креслѣ. Онъ видѣлъ, какъ блѣдной принцессѣ трудно было рѣшиться говорить съ нимъ.

— Баронъ фонъ-Гримменштейнъ!

— Ваше высочество?

Она повернулась и посмотрѣла на него; глаза ея были полны слезъ.

— Вы были другомъ моего покойнаго отца,—едва слышно начала она.

— Да, я горжусь тѣмъ, что былъ его другомъ,—сказалъ старикъ.

— Хотите быть и моимъ другомъ, хотите?

Она взяла его за руку.

— Хочу, ваше высочество, я готовъ отдать жизнь свою, толь-

ко бы вы были счастливы, проговорилъ глубоко тронутый старикъ.

— Баронъ! у васъ есть дочь... Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ... Помогите мнѣ... Скажите, что мнѣ дѣлать?... Клянусь вамъ Богомъ, такъ жестоко наказующимъ меня, что несчастіе меня нѣтъ на свѣтѣ женщины! Я не могу болѣе выносить такой жизни!

Послѣднія слова точно неволью вырвались у нея изъ груди, которая стала высоко подниматься.

— Не волнуйтесь такъ... не говорите болѣе, я все знаю. Если бы вы были моею дочерью, я по чистой совѣсти спросилъ бы васъ: все-ли вы дѣлали, что можно было сдѣлать, чтобы улучшить ваше положеніе?

— Все... все!... съ отчаяніемъ вскричала принцесса Генриета.

— Ну, такъ вотъ что я скажу вамъ, ваше высочество, продолжалъ онъ:—чѣмъ выше человекъ стоитъ въ жизни, тѣмъ болѣе обязанностей несетъ онъ на себѣ; стоя на возвышеніи, человекъ виденъ со всѣхъ сторонъ. Все будущее, спокойствіе цѣлой жизни, счастье дѣтей зависитъ отъ сознанія своей невинности... отъ терпѣнія...

Принцесса подняла руки съ жаромъ проговорила:

— Я терпѣла долго, но далѣе терпѣть не могу.

— Ваше высочество! не волнуйтесь. Вы, конечно, терпѣли, прощали, но противодѣйствовали-ли вы?

— Я не понимаю васъ. Я обращалась къ своему деверю, герцогу; я, не теряя женскаго достоинства, объяснилась съ мужемъ, но повѣрьте мнѣ, что тигръ не можетъ быть такъ жестокъ, какъ принцъ.

— Но вѣдь у васъ дѣти, ваше высочество!

— Бѣдныя, бѣдныя дѣти! несчастныя созданья! рыдая, говорила принцесса.

— Ну, такъ вотъ видите: ради этихъ дѣтей, вы не должны и помышлять о разводѣ до тѣхъ поръ, пока не испробуете всѣхъ средствъ жить хорошо и безъ него. Вы подумайте о ихъ будущемъ... о вашемъ будущемъ, объ уваженіи...

— И это... это вашъ совѣтъ, баронъ Гримменштейнъ? закричала несчастная женщина, вѣв себя отъ горя и гнѣва.—Какъ,

баронъ Гримменштейнъ, вы совѣтуете мнѣ, какъ посовѣтовали бы своей дочери, остаться съ такимъ мужемъ, послѣ всего того, что здѣсь случилось? Нѣтъ, никогда! И будь я послѣдняя женщина...

— Прошу васъ, ваше высочество, успокойтесь, почти съ испугомъ проговорилъ старикъ.

— Такъ вы не знаете всего, что я терплю!

— Знаю, ваше высочество, знаю все. Но повторяю, что бѣжать отъ мужа еще рано. Правило прощать обиды—не всегда удобисполнимое правило. Отчего вы не дѣйствуете, когда жизнь становится вамъ уже невыносимой?

— Что же мнѣ дѣлать?

— Не забывайте, ваше высочество, что теперь я говорю съ своей дочерью. Вы сильнѣе своего мужа.

Молодая женщина въ недоумѣніи посмотрѣла на старика.

— Вы совѣтуете мнѣ не уступать? прошептала она.

— Ни въ чемъ. Я знаю, что вы сильнѣе его.

Черезъ нѣсколько минутъ принцесса осталась одна и въ изнеможеніи опустилась на кресло.

XIV.

— Тайный совѣтникъ фонъ-Бессингъ!

Валерія, сидѣвшая у своего мольберта и до такой степени углубившаяся въ свою работу, что не слыхала, какъ вошелъ лакей, обернулась къ нему, и, услыжавъ его слова, быстро встала съ табурета. Пріятно удивленная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и испуганная, взглянула она на него, положила палитру и кисть, и бросилась къ зеркалу. Изъ устъ ея вырвалось едва слышное: «наконецъ-то!» Она быстро поправила волосы, еще болѣе испугалась, увидавъ, какъ блѣдна, и, стараясь заглушить бѣненіе своего сердца, проговорила:

— Просите тайнаго совѣтника и доложите о немъ гофмаршалшѣ.

Съ этими словами она ушла въ сосѣднюю комнату, чтобы хоть немного оправиться. Комната была пуста, когда Бессингъ вошелъ въ нее и, остановившись, съ удивленіемъ осмотрѣлся.

Онъ исполнилъ свое рѣшеніе сдѣлать визитъ, но желая придать ему частный характеръ, онъ пришелъ пѣшкомъ. У него тоже страшно билось сердце, вслѣдствіе двойной причины; а именно: чѣмъ дольше смотрѣлъ онъ на богатое убранство комнатъ, тѣмъ мрачнѣе становился.

Онъ никогда не переставалъ любить ее, и теперь эта роскошь огорчала его. Валерія развязно вышла къ своему бывшему поклоннику; она успѣла только снять передникъ и почистить свое простое, черное рабочее платье, которое очень шло къ ней, въ особенности теперь, когда она была такъ блѣдна и взволнована. Бессингъ поклонился съ извиненіемъ, что явился только сегодня, но что раньше онъ не могъ, такъ какъ слишкомъ былъ занятъ по службѣ.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда, отвѣчала Валерія, стараясь принять веселый, беззаботный тонъ.—Прошу садиться, мать моя сейчасъ выйдетъ.

Бессингъ опустился на указанный ему стулъ противъ свѣта, въ то время, какъ Валерія сѣла въ тѣни.

— А я то думала, что посланнику при здѣшнемъ дворѣ совсѣмъ ужъ нечего дѣлать, улыбаясь, продолжала она:—видите, какъ можно иногда ошибаться.

Она замѣтила, что онъ смущенъ и мѣняется въ лицѣ.

— Какъ ни ничтоженъ мой постъ, но дѣла мнѣ все-таки довольно, въ особенности, если серьезно смотрѣть на свою обязанность, отвѣчалъ онъ, ставя шляпу около себя на коверъ. Взоръ его упалъ на роскошный букетъ въ вазѣ, стоявшей на столикѣ какъ разъ противъ него. На этотъ разъ покраснѣла Валерія.

— Прошу извинить меня, что я принимаю васъ въ такомъ простомъ рабочемъ туалетѣ, торопливо продолжала она:—не смотря на то, что мы такъ давно ждемъ васъ, вы все-таки застали меня врасплохъ.

— Вы очень любезны, фрейленъ, отвѣчалъ Бессингъ, не переставая пристально смотрѣть на букетъ.

— Я сидѣла за своимъ ежедневнымъ занятіемъ, и сняла

только свой фартукъ, чтобы достойнымъ образомъ принять васъ; поэтому-то я невольно и заставила васъ ждать.

— Вамъ не слѣдовало церемониться со мною.

— Когда въ слѣдующій разъ вы сдѣлаете намъ честь и пожалуете къ намъ, то обещаю вамъ болѣе не церемониться.

— Вы рисуете цвѣты? спросилъ Бессингъ и въ смущеніи разсматривалъ свои перчатки.

— Ахъ, нѣтъ! Я не думала, чтобы вы до такой степени забыли художественныя попытки дѣвочки, которую удостоивали когда-то вашимъ вниманіемъ. Впрочемъ, это было уже такъ давно.

— Позвольте, покраснѣвъ, проговорилъ Бессингъ.—Тогда вы еще учились... и, кромѣ того, говоря откровенно, я только одинъ разъ видѣлъ ваше произведеніе...

— Ахъ, знаю, знаю... вы видѣли ту ужасную картину, что я подарила Маріи къ праздникамъ, копію пастуха изъ Кампаніи. Ахъ, пожалуйста, не говорите объ этомъ, а скажите мнѣ лучше, нравится-ли вамъ здѣсь?

Бессингъ отвѣчалъ какъ-то сухо, холодно. Богъ знаетъ отчего, дипломату никакъ не удавалось говорить свободно и весело, какъ говорила Валерія, которая снова навела разговоръ на изящныя искусства и наконецъ на живопись.

— Этотъ букетъ, сказала она, присланъ къ новому году; если бы я была въ состояніи воспроизвести его во всей красѣ, то могла бы считать себя великой художницей. Но я, къ сожалѣнію, простая копировщица.

Говоря это, она взглянула на него не только серьезно, но даже печально; въ ея взорѣ и голосѣ послышался даже какой-то упрекъ.

— Такъ какъ я, послѣ того пастуха, не видѣлъ вашихъ произведеній, то...

— То вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ... Вы думаете, что я черезъ чуръ скромна.

— Нѣтъ, нѣтъ, только я лишень возможности судить.

— Ну, такъ потрудитесь взглянуть, отвѣчала она, вставая и приглашая его за собой.

Бессингъ подошелъ къ мольберту... Валерія не спускала съ него

глазъ. На мольбертѣ стояла большая, почти оконченная картина, копія съ прелестной венеціанки Джіованни Савольдо, изъ берлинскаго музея.

— Дѣйствительно, вскричалъ Бессингъ, съ удивленіемъ глядя на картину:—вы несправедливы къ себѣ, вы, фрейленъ, настоящая художница!

Въ его возгласѣ слышалась радость и искренность; Валерія была такъ довольна, что покраснѣла. Юная улыбка озарила ея лицо, тотчасъ же принявшее снова серьезное выраженіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не художница, герръ фонъ-Бессингъ. Рисуя по столикъ разъ одно и то же, варисуешь наконецъ и хорошо.

Онъ посмотрѣлъ на нее, не понимая ни тона ея голоса, ни словъ.

— Вы смѣтрите вопросительно... и точно удивлены? Я не стану скрываться отъ васъ. Я думаю, вы отъ сестры своей слышали, какъ плохи наши обстоятельства. Тогда, конечно, я была еще ребенкомъ... слишкомъ гордымъ, чтобы сознаться въ этомъ, такъ вавъ бѣдность казалась мнѣ позоромъ и конфузила меня... или, лучше сказать, она заставляла меня заноситься... но съ годами я убѣдилась, что трудиться не позорно.

Говоря такимъ образомъ, Валерія прямо и осмысленно глядѣла на покраснѣвшаго посланника, страшно взволнованнаго и ловко обойденнаго ею. Она очень хорошо видѣла и въ душѣ радовалась, что двусмысленныя слова, объясняющія ея прежнюю холодность, прямо проникли ему въ душу.

— Хотите, я покажу вамъ свою мастерскую? улыбаясь, продолжала она.

— Я дѣйствительно не совсѣмъ понимаю, фрейленъ. Тогда я, конечно, слышала нѣчто въ этомъ родѣ... но теперь, когда герцогъ милостиво принимаетъ вашу матушку ко двору... проговорилъ Бессингъ, съ холоднымъ потомъ на лбу.

— Ну, эта милость намъ только въ тягость, рѣзко возразила Валерія, принимая шуточный тонъ:—надѣяться на себя гораздо спокойнѣе.

Она пошла впередъ, взоромъ приглашая его слѣдовать за собою, и вошла въ смежную комнату.

— Вотъ, можете увидѣть сами, сказала она, указывая рукой.

— Бессингъ нерѣшительно заглянулъ и остановился, какъ прикованный на порогѣ.

— Да... въ самомъ дѣлѣ! невольно проговорилъ онъ.

По стѣнамъ почти пустой, и только однимъ узкимъ окномъ освѣщенной комнаты, стояло отъ шести до восьми еще не совершенно оконченныхъ венеціанокъ; а двѣ оконченныя были уже въ рамахъ. Бессингъ совершенно смутился при видѣ этой галлерей, или мастерской; то, что онъ ощущалъ, было ясно видно на его лицѣ.

— Живопись кажется мнѣ привлекательнѣе другихъ женскихъ работъ, привлекательнѣе, интереснѣе и выгоднѣе. Не смотря на то, что въ настоящемъ случаѣ она является ремесломъ, я все-таки занимаюсь ею съ наслажденіемъ и, кромѣ того, могу не сидѣть сложа руки.

Все это Валерія говорила тихо, ласково и довѣрчиво, а Бессингъ то смотрѣлъ на нее, то на картины, и не находилъ словъ, чтобы отвѣтить.

— Для дѣвушки, воспитанной въ такомъ баловствѣ, въ какомъ была воспитана я, трудно лишать себя извѣстнаго, весьма дорогаго комфорта—хорошей уютной комнаты, на примѣръ, прислуги, мѣста въ театрѣ, продолжала она:— и на все на это я имѣю съ своихъ картинъ... Да... мнѣ вѣдь платять недурно... я получаю отъ тридцати до пятидесяти талеровъ за одну головку, а въ мѣсяцъ я пишу двѣ, иногда и три головки.

— Да можетъ-ли это быть? сказалъ наконецъ Бессингъ и еще болѣе сконфузился.

— Очень просто, отвѣчала Валерія, нарочно не желавшая его понять. Когда я ходила въ Берлинъ къ своему профессору, то черезъ одну изъ ученицъ я узнала, что «Подъ Липами» есть купецъ, покупающій этюды начинающихъ художниковъ. Такимъ образомъ можно было, по крайней мѣрѣ, окупать полотно и краски. Потомъ онъ начиналъ платять подороже; по мѣрѣ того, какъ художникъ совершенствовался. Эти картины идутъ сотнями въ Россію и Аме-

Исповѣдь влюбленнаго.

(Изъ Ришпена).

Какъ много я плакалъ, какъ долго страдалъ!
Меня обмануль ты, о, мой идеаль.
Любви и терзаній довольно съ меня—
И стану гулякой я съ этого дня.

То-ль дѣло за сытнымъ обѣдомъ сидѣть,
Графинь опоражнивать, весело пѣть?!
Въ здоровомъ, вѣдь, тѣлѣ здоровый и духъ;
Животнымъ я стану—признаюся вслухъ.

Погибнуть нелѣпо съ любовной тоски—
Такъ гибнуть лишь въ мірѣ одни дураки.
Нѣтъ, лучше ужь выпить... синица въ рукахъ
Пріятнѣй, чѣмъ дальній журавль въ небесахъ.

Братъ, надо-жь пожить намъ... Ну, лей черезъ край!
Хочу въ этой жизни извѣдать я рай.
Скорѣ намъ мяса, скорѣй ветчины
Румяной, какъ щечки прелестной княжны...

Да женщинъ зовите—не тѣхъ, что людей
Не любятъ, а губятъ—долой этихъ змѣй!—
Намъ женщинъ попроче; намъ женщинъ такихъ,
Которымъ понравился-бъ вольный нашъ стихъ.

Заснувши спокойно на нѣжной груди,
Проснемся мы весело... жизнь впереди...
Сегодня, какъ завтра... Забудемъ мораль,
Что нагло бормочетъ подкупленный враль.

А. Тамбовцевъ.

О значеніи разработки архивовъ для успѣховъ кодификаціи.

Хорошая кодификація представляетъ для законодателей много плѣнительнаго и увлекательнаго, но еще болѣе даетъ и затрудненій. Искусившіеся въ составленіи кодексовъ не могутъ останавливаться на первыхъ попыткахъ; напротивъ, естественно стремятся къ улучшеніямъ. Но не всегда новые кодексы, называемые усовершенствованными уложеніями, дѣйствительно превосходятъ своими совершенствами замѣняемые ими старые своды. Бываетъ и такъ, что новыя кодификаціонныя работы выходятъ хуже прежнихъ, и своими искусственными усовершенствованіями и логическими перестройками еще далѣе, чѣмъ первичныя кодификаціи, отходятъ отъ настоящаго права, въ которомъ нуждается страна. Какъ ни различествуютъ мнѣнія о пользѣ и вредѣ кодификаціи вообще, но въ томъ они сходятся, что кодификація нуждается въ точной критикѣ. Критика кодификаціонныхъ работъ составляетъ одинъ изъ залоговъ дальнѣйшихъ успѣховъ и дальнѣйшаго развитія кодификаціи. Въ этой критикѣ существенное, видное мѣсто занимаетъ критика историческая, подвергающая изслѣдованію и изученію вопросъ:— то, что въ данной кодификаціи сведено подъ именемъ права, дѣйствительно-ли было правомъ? и во-вторыхъ: что изъ дѣйствовавшаго права не попало въ кодексъ? Каждая кодификаціонная работа, какъ бы отлично, повидимому, ни была обставлена, основывается на примѣненіи раздѣленія труда, значительно мѣшающаго единству работы; и, кромѣ того, кодификаціонной работѣ присуща извѣстная поспѣшность. При поспѣшности, многое можно упустить, а разъ упущенное трудно вставить, вмѣстѣ въ болѣе или менѣе искусственно созданныя рамки: иногда упущенное—такого свойства, что заставило бы создать совсѣмъ иныя рамки, иную систему. Бываетъ, что кодифика-

торы, замѣтивъ, при окончаніи возводимого зданія кодификаціи, упущенное ими, и не находя удобнымъ перекладывать вновь все ими воздвигнутое, говорятъ: «теперь поздно; некуда выключить». Это похоже на картинку изъ старыхъ приемовъ и обычаевъ войны. Одинъ очевидецъ рассказываетъ изъ дѣлъ турецкой войны 1829 г.: по окончаніи сраженія, русскіе солдаты вырыли огромную яму, чтобы сложить трупы убитыхъ турокъ; навалили яму трупами до верху и начинаютъ закапывать; вдругъ изъ груди закапываемыхъ труповъ раздается стонъ, потомъ крикъ. «Ладно, теперь поздно, чего не кричалъ раньше; закапывай, братцы». Офицеръ, услышавшій крикъ, подошелъ и приказалъ вырыть раненаго, принятаго за трупъ и опоздавшего заявить о своей жизни. Но для кодификаторовъ, не находящихъ удобства откапывать еще живой законъ, рѣдко находится такой благодѣтель-офицеръ, могущій вразумить, что не поздно извлечь забытое, но существующее право и воскресить его въ кодексъ.

Но гораздо чаще кодификаторы расправляются подобнымъ методомъ съ существующими законами потому, что не въ состояніи ихъ обозрѣть и сопоставить вслѣдствіе громадности матеріала. Эта громадность собраннаго кодификаторами матеріала требуетъ для обозрѣнія его значительнаго раздѣленія труда, который дѣлается совершенно механическимъ и нуждается въ составленіи указателя собраннаго. Что не попадетъ въ указатель, не попадетъ и въ кодексъ. А кому приходилось составлять указатели, тотъ знаетъ, какъ легко сдѣлать упущенія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что кодификаціонныя работы Россіи тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія составляютъ нѣчто величественное, весьма видное въ исторіи кодификаціи цѣлаго міра. Справедливо стяжавшій себѣ громкое историческое имя, графъ Сперанскій совершилъ видный подвигъ—особенно послѣ столѣтнихъ неудачъ въ дѣлѣ кодификаціи—быстрымъ составленіемъ «Полнаго Собранія Законовъ» и извлеченіемъ изъ него «Свода Законовъ», одинаково поражающаго какъ громадностью содержанія, такъ и быстротою составленія. Но эта величественная работа, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая либо кодификація въ мірѣ, и представляетъ доказательства всей трудности этого дѣла. Сопоставляя «Сводъ» съ «Полнымъ Собраніемъ Законовъ», изъ котораго онъ извлеченъ, оказывается, напр., что мно-

гое, что имѣется въ «Полномъ Собраніи Законовъ», и что, по толкованію самого кодификатора, должно быть признаваемо за законъ, подлежащій внесенію въ «Сводъ», не попало туда только потому, что упущено въ алфавитномъ указателѣ. Напр., составители указателя, въ важной статьѣ межеванія не помѣстили дополненій къ межевой инструкціи, имѣющейся въ «Полномъ Собраніи (за № 18625),—и 35 весьма важныхъ статей этой инструкціи, только по этой причинѣ, вовсе въ «Сводъ» не попали.

Далѣе, многое изъ дѣйствовавшаго тогда права не попало, вѣроятно, за поспѣшностью работы, и въ «Полное Собраніе Законовъ». Указаній о непопавшемъ уже довольно много. Для примѣра возьмемъ ту же область межеваго права, которой особенно не посчастливилось. Когда пришлось примѣнять десятый томъ «Свода Законовъ», въ которомъ помѣщены были межевые законы, то наши суды и межевой департаментъ правит. сената поставлены были въ затруднительное положеніе: много законовъ, уже нормировавшихъ опредѣленно человѣческія отношенія, вслѣдствіе кодификаціи, совершенно пропало. Что говорить—и безъ кодификаціи у насъ бывали пропажи въ правѣ. Извѣстно, что послѣ Петра I у насъ пропали прокуроры, и въ теченіе цѣлаго промежутка времени о нихъ ничего не было въ законѣ. Но прокуроры—живыя существа, и живучи и энергичны, а потому всѣмъ прокурорамъ заразъ пропасть никакъ не возможно. Тутъ же пропала законовъ, и весьма существенныхъ, произошла только отъ кодификаціи. Долго бился правительствующій сенатъ, и только въ 1847 г., т. е. черезъ пять лѣтъ послѣ втораго изданія «Свода Законовъ», отпечаталъ, изъ архива межеваго департамента, «Сборникъ правилъ и узаконеній, не вошедшихъ въ Сводъ Законовъ» и относящихся до межеванія земель въ Новороссійскомъ краѣ, Крымскомъ полуостровѣ, западныхъ губерніяхъ и области Бессарабской, а также изданныхъ, въ дополненіе къ межевой инструкціи, на Симбирскую, Саратовскую, Оренбургскую, Вятскую и Астраханскую губерніи.

Не думаю разбирать здѣсь и всей скромности этого названія—«Сборника законовъ, не вошедшихъ въ Сводъ Законовъ»; замѣчу только, что этотъ сборникъ, хотя и не распубликованный, но выведшій межевой департаментъ изъ серьезныхъ

затрудненій, составляет большой томъ въ 48 печатныхъ листовъ.

Такиѣ, хотя и весьма важные пропуски, возможные при каждой, самой старательной работѣ, не даютъ такихъ горькихъ послѣдствій, какъ неточность выборки или искаженіе, вслѣдствіе самаго метода выборки, существа закона. Судить объ этомъ, имѣть возможность исторической критики—это получается только отъ вскрытія архивовъ изданія, хранящихся въ нихъ актовъ, и разработки изданнаго. Оттого нельзя не привѣтствовать начавшихся у насъ, въ недавнее правда время, разборки нашихъ архивовъ и изданія уже нѣкоторыхъ томовъ въ свѣтъ. Если остановиться на важнѣйшихъ изъ такихъ изданій—предпринятыхъ неутомимымъ К а л а ч о в ы мъ—«Архива Государственнаго Совѣта» (2 тома), «Архива Министерства Юстиціи» (1 кн.), протоколовъ и докладовъ сената (2 т. за 1711 и 1712 гг.), равно изданныхъ особою комиссіею, дѣйствующею для разбора архива св. сѣнода, 5-ти томовъ собранія постановленій и 4-хъ томовъ описанія документовъ и дѣлъ архива св. сѣнода, и десятковъ томовъ, уже изданныхъ русскимъ историческимъ обществомъ; работъ г. В е с е л а г о по архиву морскаго министерства и пр. и пр., то и въ этой серіи изданныхъ томовъ архивнаго матеріала—уже немалый залогъ обезпеченія исторической критики. Только разработка этого архивнаго матеріала и можетъ привести къ критическому анализу двухъ положеній, важнѣйшихъ для обезпеченія успѣховъ кодификаціи: 1) Какія нормы права, дѣйствительно существовавшія, а, можетъ быть, и теперьознаваемые народомъ, какъ дѣйствительное право, пропущены кодификаторами, пропали въ юридическомъ смыслѣ. Это—то именно положеніе, и даетъ исторіи права великое значеніе не только для разясненія всей совокупности остальныхъ юридическихъ наукъ, но и для государственной практики судовъ и администраціи, такъ какъ открываетъ путь для вѣрнаго конструирования законовъ. 2) Другое положеніе не менѣе важно: разработка архивнаго матеріала можетъ показать, какіе изъ законовъ явились въ кодексъ только вслѣдствіе недоразумѣнія, вслѣдствіе того, что частное, отдѣльное, принято за общее, непремѣнное;—можетъ привести, такъ сказать, къ вынутію подлежащей пробы закона. При поспѣшности совокупленія зако-

новъ, въ разные времена издававшихся, составителямъ легко увлечься формою: что по формѣ похоже на законъ, то и сгребать все въ одну совокупность законовъ; ближайшее же разсмотрѣніе этого историческаго матеріала способно показать, что не все то, что принято за законъ, было дѣйствительно закономъ.

Раскроемъ для примѣра томъ I-й изданныхъ К а л а ч о в ы м ъ докладовъ и приговоровъ правительствующаго сената за 1711 г., чтобы посмотрѣть, насколько этотъ архивный матеріалъ въ состояніи пополнить и разъяснить «Полное Собраніе Законовъ». Остановимся на вопросѣ о сыскѣ воровъ и разбойниковъ,—вопросѣ, имѣющемъ не только историческое, но, въ сожалѣнію, и догматическое значеніе. Открываемъ въ «Полномъ Собраніи Законовъ», подъ № 2403, любопытный сенатскій указъ, столько же изумляющій точностію нормирования судопроизводства, сколько и возбуждающій недоумѣній о порядкѣ сыска воровъ и разбойниковъ. Указъ говоритъ: «поручику Тихону Гѣву изъ патриаршей Карашской волости выѣхать вонъ; а колодниковъ и дѣла, которые у него нынѣ есть, отдать въ Ростовъ коменданту; также и впредь воровъ и разбойниковъ, провѣдывая, сыскивать, и для того ему ѣздить по дорогамъ вездѣ не престанно, а сыскавъ, отдавать ему же, Ростовскому коменданту, а у себя ихъ не разспрашивать и розыску никакого не чинить, и на одномъ мѣстѣ ему, поручику, съ драгуны нигдѣ не жить, чтобъ въ томъ его стояній какія кому обиды и разоренія не было, а изъ Московской губерніи для розыску воровъ и разбойниковъ дьяка не посылать, а разыскивать Ростовскому коменданту по указамъ, и тому своему розыску статейные списки присылать ему въ Московскую губернію».

Вотъ лаконическій указъ, въ смыслѣ закона помѣщенный въ «Полномъ Собраніи Законовъ». Руководствуясь этимъ указомъ, можно дѣлать самые многообразные выводы о порядкѣ сыска воровъ и разбойниковъ, и, конечно, выводы все будутъ получаться субъективные, какъ бы ни подставляли подъ этотъ указъ извѣстные данныя о порядкѣ сыска и розыска, унаслѣдованномъ Петровскимъ временемъ отъ XVII стол. Между тѣмъ матеріалы, помѣщенные въ I томѣ «Докладовъ и приговоровъ сената», даютъ полное разъясненіе этому обстоятельству. Дѣло въ томъ, что въ «Полное Собраніе» помѣстили только самый приговоръ, не

помѣстивъ дѣла, и, кромѣ того, самое дѣло возникло вслѣдствіе предъидущаго сенатскаго указа, все это разъясняющаго, но въ «Полное Собраніе» не попавшаго. Именно, въ маѣ 1711 г., повелѣно было поручику Тихону Гѣеву взять драгунъ и вѣхать по переяславской дорогѣ, до Переяславля Залѣскаго и въ другіе города Московской губерніи, для облавы—«для сыску и поимки воровъ, татеевъ и разбойниковъ, и смертныхъ убойцовъ, и становщиковъ», и бѣглыхъ драгунъ, и солдатъ и матросовъ. И пошелъ храбрый поручикъ бить, хватать, сыскивать и пытаться; напыталъ и заколодилъ многое множество, и что дѣлать ему далѣе съ колодниками, и какъ кормить драгунъ и драгунскихъ лошадей, представляетъ сенату: «что тѣ лошади ходятъ въ поляхъ Переяславля Залѣскаго, гдѣ пасется скотина, и тѣ поля вытравлены, и лошадямъ весьма голодно, а въ близости тѣхъ полей луга разныхъ монастырей, и въ тѣ луга безъ указу лошадей пускать онъ не смѣетъ». И вотъ на это представленіе и послѣдовалъ сенатскій указъ 14 іюня 1711 г., пропущенный въ «Полномъ Собраніи Законовъ». Этотъ указъ, предписывая драгунскихъ лошадей кормить по лѣсамъ, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайныя полномочія поручику Гѣеву для конечнаго искорененія въ тѣхъ мѣстахъ воровства и разбоя, именно повелѣваетъ, для розыска, т. е. для суда надъ пойманными ворами, прислать къ нему изъ земскаго приказа дьяка, и ему, поручику Гѣеву, судить по уложенію и новоуказаннымъ статьямъ и приводить въ исполненіе свои приговоры: «и которые изъ воровъ подлежатъ казни и тѣхъ вѣшать въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ будутъ пойманы и воровали, и станы держали, и тому розыску присылать стейные списки въ земскій приказъ». (Докл. и приг., т. I, № 139, стр. 136).

И началъ поручикъ судить и вѣшать народъ. Сознавалъ, конечно, народъ, что это не поручикова ума дѣло, но долженъ былъ нести эту тяготу, какъ несъ и другія. Къ счастью для народа, храбрый поручикъ выбралъ стоянкою для себя патріаршую волость, а въ то время патріаршія и монастырскія вотчины имѣли еще своихъ юристовъ—дьяковъ и стряпчихъ, которые, зная судебныя ходы, не давали въ обиду народъ. И тутъ патріаршій стряпчій Лука Владыкинъ ударилъ челомъ правит. сенату, «что поручикъ Гѣевъ, пріѣхавъ изъ Ростов-

скаго уѣзда въ патриаршу Карашскую волость съ 60 драгунами, учинилъ станцію въ селѣ Карашѣ и съ розыску посылаетъ по язычнымъ молвкамъ въ разныя вотчины, села и деревни, и собираетъ въ Карашѣ колодниковъ, и Карашской волости крестьяне означенныхъ 60 драгунъ кормить, а колодниковъ, опальныхъ и драгунскихъ лошадей стерегутъ и пасутъ по крестьянскимъ тяглымъ лугамъ; а которые были въ Карашской волости дѣла прошлыхъ лѣтъ, то и по таковымъ онъ, Гѣевъ, разыскиваетъ же, для чего и держитъ бурмистровъ и старость прошлыхъ лѣтъ,—по всему этому Карашская волость разорилась и многіе правые врестьяне, отъ безсилія кормить драгунъ, разбѣжались; и за такимъ многимъ расходомъ въ корму, въ сторожѣ колодниковъ и опальныхъ лошадей въ Карашской волости учинилась многая пустота, а въ сборѣ податей остановка». (Доклады и приговоры, I, № 206, стр. 178) Вотъ вслѣдствіе этого донесенія патриаршаго стряпчаго и состоялся тотъ приговоръ или указъ правит. сената, который помѣщенъ въ «Полномъ Собраніи Законовъ». Легко видѣть, что безъ этого матеріала, извлеченнаго изъ сенатскаго архива и теперь напечатаннаго, вовсе нельзя понять этого указа, или можно понимать его всячески и дѣлать изъ него какіе угодно выводы, только далекіе отъ требованій для законодательной дѣятельности.

Для примѣра точно также раскроемъ другой томъ—«Архивъ Государств. Совѣта», въ которомъ, между прочимъ, отпечатаны бумаги Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ, дѣйствовавшаго при императорѣ Петрѣ III, а при императрицѣ Екатеринѣ II почти ограничившагося дѣлами внѣшней политики. Тутъ мы находимъ чрезвычайно любопытный актъ по вопросу, представившему для кодификаторовъ очень скудный матеріалъ: о бракѣ лицъ православныхъ русскихъ подданныхъ съ иностранцами неправославнаго исповѣданія. Знаменитый нашъ историкъ, собравшій исторію россійскихъ гражданскихъ законовъ, покойный Неволинъ, очевидно, былъ въ затрудненіи дать надлежащее конструированіе. (Ср. его «Ист. Росс. Гр. Зак.» т. I, § 121, въ П. С. его сочинен., и т. III, стр. 266. Въ такомъ же затрудненіи находился и кодификаторъ, имѣя въ рукахъ одно только посланіе св. синода 1721 г., вызванное требованіемъ Петра I разрѣшить плѣннымъ шведамъ вступать въ бракъ съ русскими. Есте-

ственно, посланія св. синода не составляли того источника, изъ котораго можно было бы черпать юридическіе аргументы. Извѣстно, что въ 1832 г., въ моментъ составленія свода, вслѣдствіе многихъ прошеній, подававшихся на высочайшее имя, въ которыхъ указывалось, что нѣтъ никакого точнаго закона относительно этого вопроса, высочайше повелѣно было синоду разсмотрѣть это дѣло. Синодъ собственно не далъ никакого юридическаго толкованія, а сослался на законъ 1721 г., объяснивъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отступленія зависѣли отъ одной высочайшей власти, чего держаться должно и на будущее время. (2-е П. С. З., № 6406). Собственно съ церковной точки зрѣнія, св. синодъ былъ совершенно правъ: это дѣло не его, а свѣтскаго законодательства. Кодификаторамъ и было бы важно, для возможности проведенія вѣрной законодательной нормы, собрать и сопоставить тѣ данныя, которыя являются въ разрѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ высочайшею властію: сопоставивъ основанія, по которымъ дѣлались отказы или давались разрѣшенія, можно, конечно, прійти къ юридическимъ основамъ, имѣющимся въ государствѣ для разрѣшенія этого законодательнаго вопроса. Въ этомъ отношеніи только разработка архивнаго матеріала можетъ явиться на выручку кодификаторамъ. И вотъ, въ этомъ дѣлѣ Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ, помѣщенномъ въ I т. «Архива Госуд. Совѣта», имѣется немалое законодательное значеніе. Именно, изъ дѣла видно, что императрица Екатерина II, получивъ отъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ (1 марта 1792 г.) извѣщеніе о состоявшемся въ Парижѣ бракосочетаніи княжны Елисаветы Шаховской съ княземъ Арембергскимъ, изволила прислать въ Совѣтъ (при Высоч. Дворѣ) записку такого содержанія: «объявить Совѣту, что усмотря изъ сегодняшней почты, что княгиня Варвара Шаховская, давно уже живущая въ Парижѣ, выдала дочь свою за князя Аремберга безъ вѣдома императрицы, и что она съ нимъ и съ дочерью выѣхала изъ Парижа, и, вѣроятно, ѣдутъ въ Россію, то дать приказаніе, чтобы князь Арембергъ пропущенъ на границѣ не былъ, обѣимъ же княгинямъ не запрещать возвратиться въ отечество. Причина та, что князь Арембергъ былъ уже участникомъ двухъ бунтовъ—французскаго и брабантскаго, гдѣ едва-ли и нынѣ еще показаться смѣетъ, да

и въ Парижѣ былъ всегда въ тѣсной связи съ Орлеаномъ и его сволочью». Объ имѣніи княгини Шаховской императрица повелѣваетъ сдѣлать распоряженіе, сходственное съ закономъ и благомъ имперіи, для огражденія и сохраненія спокойствія впредь въ нѣдрахъ ея:—ибо множество браковъ дворянскихъ дочерей и женъ съ иновѣрными заставляеть опасаться, «ежели дѣти тѣхъ браковъ не будутъ воспитаны въ господствующей вѣрѣ и въ Россіи, то послѣдовать можетъ современно вредное замѣшательство, пресѣкая единообразіе мысли и вводя вмѣсто того совершенное недоразумѣніе между владѣтелями и подданныхъ; князю же Арембергу и его потомству, ежели оно не будетъ воспитано въ Россіи и въ вѣрѣ православной, здравая политика не дозволяетъ ни подъ какимъ видомъ коснуться до владѣнія имѣніемъ, состоящимъ слишкомъ въ 13,000 душахъ въ Перми, и вселить въ нихъ, отъ чего Боже сохрани, развратъ и колебаніе». Какъ видно изъ дѣла, Совѣтъ открылъ пренія, которыя привели его къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что полезно и нужно князя Арембергскаго, какъ такого человѣка, который уже былъ замѣшанъ въ двухъ бунтахъ, и, слѣдовательно, долженъ быть развратнаго и опаснаго образа мыслей и поведенія,—въ предѣлы Россіи не пускать; 2) что необходимо поставить такіе законы, чтобы дѣти таковыхъ воспитывались въ православной вѣрѣ и чтобы управленіе ихъ имѣніями такъ было обставлено, чтобы иностранцы не дѣлались властелинами русскихъ недвижимыхъ имѣній; 3) составить проектъ сенатскаго указа, въ которомъ прямо выразить, что какъ мать, княгиня Шаховская, такъ и дочь ея, кн. Арембергъ, могутъ пользоваться только доходами съ имѣнія. Дѣти же ея, ежели они прежде пятилѣтняго возраста въ Россію привезены и въ православной вѣрѣ воспитаны будутъ, должны сохранять право на оное наслѣдство: въ противномъ случаѣ имѣніе сіе должно обратиться въ родъ, кому по законамъ слѣдуетъ. («Арх. Госуд. Совѣта», I, стр. 383).

Понятно, что эти разсужденія, эти мотивы имѣютъ немалое значеніе для кодификатора, составившаго статью о бракѣ лицъ православныхъ съ иновѣрными, и точно такое же—для исторической критики самаго достоинства и вѣрности кодификаціи.

И. Андреевскій.

БРАТЯ РАМУЛТЫ.

СОВРЕМЕННАЯ ПОВѢСТЬ. I. КРАШЕВСКАГО.

I.

— Въ этомъ заразительномъ воздухѣ положительно нельзя дышать, сказалъ Сильванъ.— Позвони; пусть подадутъ чаю и счетъ. Можно побезпокоить хозяина и ночью, когда подобные ужины обходятся дорого.

Съ этими словами онъ открылъ окно, чтобъ освѣжить комнату утреннимъ воздухомъ. Второй товарищъ, подойдя къ зеркалу, поправилъ волосы и, застегивая жилетъ, глубоко вздохнулъ.

— Фу! какое измятое лицо! воскликнулъ онъ: — измученный, истерзанный, невыспавшійся!.. Ужасно!.. Однако мы порядкомъ кутнули... отъ 9-ти часовъ вечера и вплоть до 4-хъ утра!.. Шампанскаго-то, шампанскаго сколько выпили... и... все это—Roederer saute blanche...

Сильванъ стоялъ лицомъ къ окну, какъ бы не слушая товарища.

— Однако очень похвально съ твоей стороны, братъ, что ты отыскалъ меня здѣсь, продолжалъ тотъ:—но... напрасно... не вырвать тебѣ эту погибшую душу изъ рукъ самого сатаны... ужь вѣрно меня возьмутъ черти...

— Не вижу въ томъ необходимости, отозвался Сильванъ и, какъ бы избѣгая разговора, прибавилъ:—Идемъ.

— Идемъ, но идемъ къ тебѣ... Ты приготовишь мнѣ чаю, а я тѣмъ временемъ полежу на диванѣ.

Съ этими словами Германъ началъ искать свою шляпу и пальто; но не находя ихъ, взялъ чужія и, надѣвъ на голову измятую шляпу и пальто громаднѣйшаго размѣра, сказалъ, обращаясь къ Сильвану:

— Посмотри, какимъ франтомъ я выйду отсюда. Дѣлать нечего—придется прибавить къ счету ужина новое пальто и шляпу.

Сильванъ быстро повернулся лицомъ къ Герману.

— Никто не обратитъ вниманія въ такую пору. Придешь ко мнѣ, пошлемъ за другими.—Сташка живо принесетъ.

— Конечно! Волей-неволей надо покориться послѣдствіямъ нынѣшняго ужина. Идемъ.

Сильвану хотѣлось скорѣе выбраться изъ этой душной атмосферы; онъ быстрыми шагами направился къ дверямъ. Германъ остановилъ его и, указавъ пальцемъ на беспорядокъ, сказалъ:

— Посмотри на эти бранные останки нашего веселья и свободы; все это сдѣлалось въ нѣсколько часовъ... Рюмки, изъ которыхъ пили нектаръ веселья, теперь отравлены ядомъ, пышность и великолѣпіе превратились въ помойную яму, въ содомъ и гомору!.. брр!.. Эхъ, жизнь!..

Сильванъ кивнулъ головою въ знакъ согласія, и оба вышли изъ залы. Во второй и третьей комнатѣ ни души не было видно; въ послѣдней комнатѣ они застали спящаго кельнера, въ креслѣ, съ открытымъ ртомъ и салфеткою въ рукахъ. Германъ не могъ уйти, не напроказивъ. На конторкѣ стояли чернила, въ которыхъ онъ опустилъ палецъ и вымазалъ кельнеру усы. Спящій отмахнулся рукой, какъ бы защищаясь отъ мухъ, и опять заснулъ. Не смотря на грозный взглядъ Сильвана, Германъ окончилъ свою проѣзду и вышелъ на улицу... Городъ начиналъ просыпаться. По мостовымъ стучали колеса, по тротуарамъ шли работники, работницы и полусонная прислуга, тихо направляясь къ открывавшимся булочнымъ и къ возамъ съ молокомъ; кое-гдѣ открывались ставни и подметались тротуары. Все начинало принимать видъ обыденной жизни. Сильванъ съ удовольствіемъ всматривался въ нее; Германъ, позѣвывая, шелъ съ засунутыми въ карманъ руками, иногда останавливаясь и посматривая по сторонамъ улицы, какъ бы ожидая конца своей утренней прогулки. Наконецъ, достигнувъ угла одной изъ многихъ улицъ, они свернули въ переулокъ и вскорѣ остановились у садовой калитки, которую открылъ Сильванъ и впустилъ Германа въ свой укромный уголокъ. Маленькій домикъ, похожій больше на бесѣдку, стоялъ между зеленою деревьевъ и душистыхъ цвѣтовъ, содержимыхъ въ строгой опрятности и величайшей чистотѣ. Трудно было бы найти лучшее убѣжище отъ палящихъ солнечныхъ дней во время лѣтняго зноя: здѣсь были и яблони, и березы, и вѣтвистыя темныя липы, и зеленый самородный коверъ, прихотливо испещренный цвѣтами, и

главное—тишина и спокойствіе. Домикъ состоялъ изъ одной залы, спальни и маленькой комнаты для слуги.

Не смотря на множество оконъ, въ залѣ было очень темно, такъ какъ вѣтвистыя деревья, упиравшіяся въ самую стѣну и почти выросшія вѣтвями въ окно, не пропускали туда свѣта. Меблировка домика была далеко не комфортабельная: софа, стулья, фортепіано, шкафчикъ съ книгами, столъ съ разбросанными на немъ бумагами,—все это указывало на жилище холостаго, рабочаго и спокойнаго человѣка.

Пройдя черезъ залу, Сильванъ открылъ дверь своей спальни и, введя въ нее зѣвавшаго Германа, указалъ ему на чисто постланную постель. Германъ не заставилъ себя просить; сбросивъ съ себя одежду, онъ схватилъ халатъ и завалился на постель.

— Разбудить тебя въ чаю? спросилъ Сильванъ.

— Какой наивный вопросъ! Неужели ты думаешь, что я буду спать? Мнѣ хочется отдохнуть только; голова моя полна мыслей и впечатлѣній... никакой сонъ не въ силахъ будетъ побороть мои чувства. Прикажи приготовить чаю, а самъ приходи ко мнѣ.

— Хорошо. Сейчасъ вернусь, сказалъ, уходя, Сильванъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и сѣлъ у кровати, на которой лежалъ братъ съ открытыми глазами и блѣднымъ, измученнымъ лицомъ. Къ его физической усталости примѣшивалась и нравственная. Сильванъ взялъ его за руку. Въ этомъ братскомъ пожатіи рукъ рельефно выдавались двѣ разныя природы; не сравнивая даже ихъ лицъ, можно было бы угадать, что эти два лица рождены подъ двумя различными планетами. Рука Германа отличалась свѣжестью и бѣлизною; по ней развѣтвлились голубыя жилки, повидимому, никогда не знавшія никакихъ физическихъ трудовъ; рука же Сильвана была совершенно противоположнаго цвѣта: рабочая, мускулистая, не боявшаяся физическихъ трудовъ. Хотя ихъ соединялъ узелъ братской крови и привязанности, но между ними была громадная разница; не смотря на то, что въ чертахъ лица было кровное сходство, характеры ихъ разнились наравнѣ съ руками. Германъ былъ недуренъ собою, съ блѣдноватымъ лицомъ, выхоленнымъ и выбѣленнымъ салонною жизнью; на губахъ его играла добрая, но вмѣстѣ съ тѣмъ саркастическая улыбка; въ глазахъ виднѣлось скептическое разочарованіе и пренебреженіе къ окружающему, а съ тѣмъ вмѣстѣ—утомленіе и скука, раздражительность и высокомеріе. Сильванъ имѣлъ поразительное сходство съ чертами брата, но отличался своею обходительною ласковостью и покорностью, — быть можетъ переработанной изъ

такой же высокомерной гордости, но во всякомъ случаѣ не ссорившейся со свѣтомъ и спокойно смотрѣвшей на него, безъ сожалѣнія. Сильванъ былъ старше Германа нѣсколькими годами, у Германа же проглядывала вѣтрость со всѣми признаками молодой распушенности.

II.

— О чемъ думаешь, братъ? шепнулъ Сильванъ, выжидая минуту, чтобы братъ заговорилъ первымъ: — о чемъ задыхаешь? Вчерашняя пирушка, повидимому, не развлекала тебя, а наоборотъ, ты сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ гнилаго яблока... Страхни же съ себя гнетущія мысли и расскажи мнѣ все, что отягощаетъ твое спокойствіе.

— Нѣтъ, братецъ, это не поможетъ, началъ лежавшій. — Жизнь, со всѣми ея атрибутами, ненавистна мнѣ... верчусь, мечусь и все-таки не могу попасть на тотъ путь, по которому я могъ бы идти свободно; — видно судьба-капризница приведетъ меня къ какой нибудь невѣдомой цѣли наобумъ. Какъ видишь, братъ, я откровененъ съ тобою. Другому я ни за что не сознался бы.

— Говори, говори, спокойно замѣтилъ Сильванъ. — Продолжай, я слушаю; исповѣдь облегчитъ тебя.

— Эхъ, братецъ! недоволенъ я ни свѣтомъ, ни собою, продолжалъ онъ. Впрочемъ, сказать правду, я самъ не знаю, чего хочу, куда стремлюсь и что дѣлаю. Что потомъ?.. на что все это нужно, когда каждая моя экспедиція за «золотымъ руномъ» оканчивается всегда въ родѣ вчерашняго ужина... Напоилъ, накормилъ друзей, для того чтобы узнать только, что они — погибшія созданія!.. Опротивѣли они мнѣ, какъ и вино, которое я пилъ съ ними... Всегда, вездѣ и во всемъ встрѣчаю одно лишь разочарованіе... Таки оно, впрочемъ, и должно быть *in secula seculorum*.

Сильванъ молчалъ и, закуривъ сигару, слушалъ его съ важностью профессора на кафедрѣ.

— Говори, говори, что дальше? ворчалъ онъ съвозъ сигару.

— А вдобавокъ ко всему я влюбился, и глупо, бѣшено влюбился воскликнулъ, вдругъ оживившись, Германъ.

— Ты думаешь, что ты влюбленъ? спросилъ Сильванъ.

— До безумія влюбленъ!..

— Въ который разъ? холодно продолжалъ братъ. Оба посмотрѣли другъ на друга; Германъ улыбнулся.

— Развѣ можно считать любовью юношескую вѣтрость!..

Тогда было дѣло совершенно другое, а теперь... теперь адскій огонь жжетъ мое сердце... Восхитительное созданье!..

— Кто же это восхитительное созданье? Не дочь-ли президента, Иза?

— Фи!.. Это накрахмаленная кукла, дѣло рукъ гувернантки, которая создала ее по своему образцу!.. Неужели ты такого мнѣнія обо мнѣ?

— Было однако время, что ты восхищался ею до обожанія.

— До тѣхъ поръ, пока не заговорилъ съ нею—съ презрѣншемъ отвѣтилъ Германъ.

— Ну-съ, и такъ, кто же эта? Къ кому эта новая любовь?

— Я хотѣлъ бы, чтобъ ты самъ угадаешь, — избавилъ меня, по крайней мѣрѣ, отъ щекотливаго объясненія, потому что эта особа... особа...

— Неужели замужня? воскликнулъ раздражительно Сильванъ.

— О! нѣтъ, нѣтъ, нетерпѣливо отвѣтилъ Германъ, ударяя кулакомъ по кровати.—Неужели ты не можешь догадаться?

— Не имѣю этой способности, усмѣхнулся Сильванъ,—тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о любви такого непостояннаго юноши, который, что ни день, то новому божеству поклоняется.

— Увы!.. что жъ дѣлать?.. Но теперешняя любовь серьезная.

— Серьезная! Въ такомъ случаѣ очень интересно... я слушаю тебя.

— Ты видѣлъ въ театрѣ Виолу въ роляхъ наивныхъ дѣвочекъ?

Сильванъ покраснѣлъ, но этого не замѣтилъ братъ. Онъ поднялъ голову и, чтобы не выдать себя, произнесъ:

— Да, да.

— Въ первый разъ, когда я увидѣлъ ее, она казалась мнѣ обыкновенной дѣвочкой, молоденькой, свѣженькой, но присмотрѣвшись попристальнѣе къ ея личику, губамъ и глазкамъ, я не могъ удержаться и побѣжалъ къ Юзкѣ, чтобъ онъ свелъ меня за кулисы и представилъ ей.—«Что тебѣ въ ней?» спросилъ онъ меня.—«Если ты принимаешь Виолу за обыкновенную дѣвушку, съ которой ты могъ бы поиграть да и бросить—напрасные труды»...— Да, что она, княжна какая, что-ли? спросилъ я, смѣясь.—«Не княжна, но очень мудрое созданіе... нелегко къ ней подступиться—она остра и страшно обидчива»...

Не смотря на такую рекомендацію, я настоялъ на своемъ; онъ свелъ меня за кулисы. Мы встрѣтили Виолу въ томъ же костюмѣ, въ которомъ она изображала деревенскую дѣвушку на сценѣ. Юзъка представилъ меня. Взглянувъ на меня и кивнувъ

головкой, она хотѣла скрыться, но мы преградили ей путь, чтобы заставить ее поболтать съ нами; она нисколько не растерялась, и очень весело и остроумно разговаривала съ нами; она смѣялась, но смѣхъ ея былъ слишкомъ язвительнъ. Я рассыпался въ комплиментахъ, чтобы обворожить ее... Она отвѣчала безъ всякаго кокетства, и такъ очаровала меня, что я положительно рехнулся. Рѣдная изъ нашихъ салонныхъ дѣвушекъ сумѣла бы такъ скромно держать себя, какъ Виола. Уходя отъ нея, я сразу почувствовалъ себя влюбленнымъ. Послѣ этого, я нѣсколько разъ встрѣчался съ нею, и она окончательно побѣдила меня. Но мнѣ кажется, что она не имѣетъ ни малѣйшаго желанія видѣться со мною, и обходится, какъ съ какимъ нибудь ребенкомъ... ни одного слова я не слыхалъ отъ нея, что польстило бы моему самолюбію... А мила, ужасно мила!

Сильванъ разсмѣялся какъ-то сухо, Германъ посмотрѣлъ на него.

— Надъ чѣмъ ты смѣешься?

— Надъ твоей сумасбродной любовью, которая окончится вмѣстѣ съ закрытіемъ нашего театра.

— Ты знакомъ съ Виолой?

— Видѣлъ ее сколько разъ, отвѣтилъ Сильванъ, садясь.

Я какъ-то нечаянно узналъ ея біографію, которую расскажу тебѣ, чтобы ты скромнѣе относился къ ней и не рассчитывалъ на этотъ запрещенный плодъ.

Германъ вздохнулъ.

— Отецъ Виолы былъ извѣстнымъ артистомъ и творилъ чудеса своимъ несравненнымъ талантомъ. Но имѣя необузданный характеръ, онъ былъ большимъ почитателемъ Бахуса и все время своей жизни проводилъ въ кабакахъ и трактирахъ,—жилъ, какъ говорится, со дня на день и, не смотря на добрѣйшее сердце, до конца жизни былъ старымъ испорченнымъ ребенкомъ, влача за собою по свѣту неповинныя жертвы. Этими жертвами были жена и дочь. Жена была тоже артисткой и самой несчастной женщиной въ мірѣ, вынужденной бороться за свое и своей дочери существованіе; дитя, едва только начинало вырастать отъ земли, какъ уже должно было претерпѣвать всякія лишения. Отецъ, по причинѣ своей безобразной жизни, съ каждымъ днемъ падалъ, и въ концѣ концовъ едва могъ заработать черствый кусокъ хлѣба въ самыхъ плохенькихъ трупкахъ. Въ дни спектаклей его сажали подъ замокъ. Мать умерла съ отчаянія, когда Виолѣ было около восьми лѣтъ, и вмѣсто того, чтобы поручить ее попеченію отца, она умоляла дочь заботиться о немъ.—Посуди самъ, какое могло

быть ея воспитаніе! Нужда, бродяжническая и безшабашная жизнь отца способствовали ея преждевременному возмужанію; сиротство же заставило ее научиться всему. Она не знала тѣхъ свѣтлыхъ дней, которые составляютъ счастье ребенка; дѣтство ея прошло въ трудахъ и лишеніяхъ, въ борьбѣ за существованіе не только свое, но и отца; это невинное созданіе, играющее теперь роли наивныхъ дѣвочекъ, сама не могла быть такимъ же наивнымъ ребенкомъ. Жизнь преждевременно открыла передъ нею свою грязную сторону, не давъ ей подумать объ идеалахъ. Талантъ этотъ развился среди нужды и лишеній... Отецъ ея умеръ; она осталась круглою сиротою въ средѣ людей, не понимающихъ, что такое нравственность молодой дѣвушки. Она вынуждена была противостоять искушеніямъ и оградить себя отъ нахальства искателей привлеченій, не убоясь ни голода, ни холода, и вышла побѣдительницей изъ этого омута несчастій и соблазна. Поэтому-то и надлежитъ благоговѣть передъ ея беззащитностью... Низко было бы съ твоей стороны соблазнять дѣвушку, имѣющую заступникомъ одно свое сердце... это было бы преступленіемъ...

— Все это великолѣпно сказано твоими устами, разсмѣялся Германъ; но позволю и мнѣ въ свою очередь сказать—*audiatur et altera pars*.—Я вижу прекрасную розовенькую вишенку, покрытую пушкомъ молодости, уже созрѣвшую на вѣткѣ. Преклоняясь предъ ея прелестью, я не чувствую силъ сорвать и проглотить ее; вдругъ является какой нибудь общипанный воробей и на моихъ глазахъ срываетъ и уноситъ ее.—Вотъ это и есть нравученіе къ исторіи Віолы, предъ которой я долженъ поклоняться и благоговѣть ради ея несчастій, а какой нибудь смѣлый вертопрахъ подвернется и унесетъ ее изъ подъ моего носа.

— Можетъ быть, отвѣтилъ спокойно Сильванъ;—но ручаюсь, что такая вишня не дастся какому нибудь общипанному воробью. Напрасны будутъ твои усилія... Что ты называешь своею любовью, то я считаю твоей фантазіей. Ты не умѣешь любить, да сомнѣваюсь, чтобы выучился когда нибудь...

— Почему?

— Потому что нынѣшняя молодежь не умѣетъ сдерживать свои страсти и не уважаетъ женщины. Она будетъ для тебя приманкою красоты, плѣнительности, тою вишнею для съденія, но никакъ не златокрылымъ ангеломъ, въ сердце котораго ты бы вѣрилъ и желалъ раздѣлить съ нимъ жизнь. Віола—достоинѣйшая изъ дѣвушекъ, которую ты не сумѣешь оцѣнить.

— Допустимъ, что такъ. Но откуда ты знаешь ея прошлое,

ея добродѣтель, сердце, идеально - золотыя крылья? воскликнулъ Германъ.

— Я? спросилъ Сильванъ.— Не буду запрягаться, что я люблю театръ и знакомъ съ нѣкоторыми изъ артистовъ, въ обществѣ которыхъ познакомился съ нею и, конечно, безъ малѣйшей претензіи на опутываніе ея и себя... и — опустивъ голову, прибавилъ Сильванъ— я узналъ ее очень близко, что возбудило во мнѣ уваженіе къ ней...

Германъ разсмѣялся.

— Ты, право, съ своей скромною важностью очень забавенъ! Но и мнѣ рассказывали о ней.— Эта черномазенькая вовсе не такъ наивна, какъ ты себя воображаешь!

— Если ты знаешь ее лучше меня, въ такомъ случаѣ мнѣ нечего болѣе прибавить; но мнѣ кажется, что ты ошибаешься, и все, что ты говоришь, успокоиваетъ меня. Зная эту «черномазенькую» съ хорошей стороны, нѣтъ никакой опасности влюбиться въ нее... но фантазія эта улетучится такъ же, какъ и всѣ другія, при первомъ взглядѣ на другую, не «черномазенькую»...

— Между тѣмъ она не позволяетъ подступиться къ себѣ, отозвался Германъ.— Слушай, дорогой братъ, вѣдь ты любишь меня? ты знакомъ со всѣми артистами и имѣешь къ нимъ доступъ— спаси же меня!

— Богъ съ тобой! Неужели ты думаешь, что я стану помогать тебѣ опутывать дѣвушку!.. Ты, кажется, знаешь меня...

Мальчикъ, вносившій самоваръ, прервалъ ихъ разговоръ. Сильванъ подошелъ къ самовару приготовить чай; Германъ углубился въ мысли и часто вздыхалъ. Въ комнатѣ воцарилось глубокое молчаніе, нарушаемое лишь звономъ стакановъ и чайныхъ ложечекъ. Солнце поднялось уже высоко: городъ проснулся, колокола созывали къ утренней молитвѣ, народъ ходилъ и ѣздилъ, издали доносились веселый смѣхъ и разговоръ крестьянъ, идущихъ на базаръ.

— Мнѣ нужно было бы пойти домой, отозвался Германъ, выпивъ стаканъ чаю;— но въ этомъ пальто и шляпѣ—немыслимо...

— Возьми чтонибудь изъ моего платья.

— У тебя такія патріархальныя облаченія, что никакъ невозможно натянуть ихъ на себя—разсмѣялся Германъ. — Лучше было бы послать когонибудь къ моему Сташкѣ. Но кого?

— Другими словами, ты хочешь, чтобы я сходилъ,—сказалъ Сильванъ.— Хорошо, согласенъ; но съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Если кто будетъ звониться въ садовую калитку — не отпирай никому.

— Отчего?

— Это мое желаніе, и кончено.

— Если это непременно нужно — повинуюсь и, въ доказательство, сейчасъ же ложусь на кровать и почиваю.

Сильванъ надѣлъ свою сѣрую шляпу и, затворивъ дверь спальни, тихонько удалился.

Германъ дѣйствительно легъ въ постель и началъ дремать. Не прошло и четверти часа, какъ вдругъ раздался сильный звонокъ. Германъ открылъ глаза и подумалъ: «Интересно знать, отчего онъ не хотѣлъ, чтобы я открылъ калитку. А если это кто-нибудь по дѣлу пришелъ къ нему, онъ могъ бы тогда пообождать немного; вѣдь Сильванъ вернется сейчасъ».

Звонокъ раздавался во второй разъ, но уже съ меньшей смѣлостью... Германъ вскочилъ и, оправившись, вышелъ изъ комнаты. Приблизясь къ калиткѣ, онъ услышалъ за стѣной разговоръ... и поторопился открыть ее... На порогѣ появились двѣ особы: сѣденькій, сгорбленный старикашка и молодая дѣвушка подѣ вуалью. Увидѣвъ предъ собою Германа, старичекъ пришелъ въ замѣшательство, а дѣвушка попятилась назадъ и быстро отвернулась отъ него.

— Развѣ господина Рамулта нѣтъ дома? спросилъ старикъ.

— Нѣтъ. Но онъ сію минуту вернется. — Не пожелаете-ли пока пройти по саду и подождать минуту.

Старичокъ повернулся къ дамѣ, какъ бы спрашивая ея совѣта. Последняя дала отрицательный знакъ и отошла отъ калитки. Старичокъ поклонился и последовалъ за нею. Германъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся и готовъ былъ держать пари, что видѣлъ этого старикашку за кулисами; а барышня подѣ вуалью?.. по фигурѣ и манерамъ, она напоминала ему Віолу.

Онъ готовъ былъ бѣжать за ними, еслибъ не удержало его данное слово; проводивъ ихъ глазами до угла дома, за которымъ они скрылись, и закрывъ калитку, онъ возвратился въ раздумьѣ въ комнату.

— А! понимаю, почему Сильванъ просилъ меня не открывать калитки и почему съ такимъ восторгомъ отзывался объ этой идеальной дѣвушкѣ. Чортъ возьми, однако: эта идеальная дѣвушка, въ сопровожденіи стараго суфлера, дѣлаетъ ему утренніе визиты. Хорошъ братецъ! Педантъ, пуританинъ, святоша, а какъ ловко выѣз-

жаетъ на конькѣ нравственности,—какъ лучшій берейторъ! А между тѣмъ принимаетъ у себя дѣвушекъ чуть-ли не до зари!

Быстрые шаги къ калиткѣ прервали его размышленія... Дверь открылась; на порогѣ появился Сильванъ съ недовольнымъ лицомъ и бросилъ на брата укорительный взглядъ; за нимъ вошелъ красивый, бойкій мальчикъ, въ парадной ливреѣ, съ оживленнымъ личикомъ. Мальчикъ держалъ въ рукахъ черную шляпу и пальто. Взглянувъ на Германа, онъ улыбнулся и, закусивъ губу, сказалъ:

— Графиня ужъ изволила спрашивать васъ сегодня; я сказалъ, что вы въ деревнѣ и къ восьми часамъ возвратитесь... Я былъ въ ресторанѣ; кельнеръ сказалъ мнѣ, что вы передъ утромъ ушли; онъ былъ раздосадованъ и со злобью отвѣтилъ на мой вопросъ, натирая себѣ лимономъ усы. Кто-то подшутилъ надъ нимъ и вымазалъ ихъ чернилами, да такъ крѣпко, что и отъ лимона не отстаютъ.

Сташка разсмѣялся и прибавилъ:

— Готовъ побожиться, что это вы сдѣлали...

Германъ надѣвалъ пальто, поглядывая на брата, который стоялъ молча и, повидимому, раздосадованный. Выславъ мальчика впередъ, онъ подошелъ къ Сильвану.

— Что съ тобой, братъ? ты какъ будто недоволенъ чѣмъ?

— Ты сдѣлалъ непростительную глупость, отозвался съ упрекомъ Сильванъ.—Вѣдь просилъ же я тебя не открывать калитку...

— Ну, стоитъ-ли изъ-за этого сердиться. Я думалъ, что звонится ктонибудь по дѣлу къ тебѣ.

— Достаточно, что я просилъ тебя не открывать; могъ бы ты, хотя одинъ разъ, послушаться меня. Я повѣрилъ тебѣ, а ты на зло мнѣ сдѣлалъ неприятность!

— Я рассказываю въ этомъ,—отвѣтилъ Германъ;—но могъ-ли я надѣяться видѣть у тебя,—такого отшельника,—въ восьмомъ часу утра пріемъ молодыхъ дѣвушекъ!

— Пожалуйста, безъ шутокъ; я вѣрю тебѣ... Ты, конечно, узналъ въ этой дѣвушкѣ Віолу. Увидѣвъ тебя здѣсь, она растерялась и ушла со слезами на глазахъ, боясь, чтобъ эта невинная прогулка не обратилась въ насмѣшку... Прошу тебя, Германъ, позабудь, пожалуйста, что ты видѣлъ ее здѣсь, и не говори никому изъ своихъ...

— А эта утренняя прогулка у тебя въ саду, что означаетъ? шутилъ Германъ.

— Это, именно, я и хотѣлъ сказать тебѣ. Докторъ прописалъ ей

пить эмскую воду, которая, какъ извѣстно, требуетъ прогулки... Во избѣжаніе навязчивости и нахальнаго шпионства молодежи, я предложилъ ей мой садикъ, ручаясь за ея безопасность. Она повѣрила моему слову и приходила сюда ежедневно въ сопровожденіи суфлера, а я видѣлся съ нею, только открывая калитку. Даю въ томъ мое честное слово.

— Вѣрю и простому слову, замѣтилъ Германъ съ ироніей, — и заключаю отсюда, что ты уже очень близокъ съ этой несравненной Віолой. Ты ревнуешь меня, и въ такомъ случаѣ мнѣ остается только ретироваться передъ старшимъ братомъ.

Съ этими словами Германъ сдѣлалъ кислую гримасу и, прощаясь, прибавилъ:

— Вѣрь мнѣ, братъ, что никому не скажу, ни даже ей, что узналъ ее. Честное слово!..

— Посмотримъ, умѣешь-ли ты держать честное слово.

— О, моралистъ, моралистъ! ворчалъ про себя уходящій Германъ.

Сильванъ смотрѣлъ вслѣдъ Герману, раздумывая, какъ неблагодарно оплатилъ ему братъ.

III.

Дѣло происходило въ только что нанятомъ домѣ, и хозяинъ квартиры приводилъ ее въ порядокъ, работая до поту лица.

Взглянувъ на него, каждый могъ бы узнать въ немъ деревенскаго обывателя изъ «конгрессовки», имѣвшаго сходство съ маленькими царьками, которые нѣсколько сотъ лѣтъ владѣли краемъ. Такой обыватель — не взирая на политику, которою цивилизаторы и реформаторы съ усердіемъ стараются стереть съ него наслоенія ветхой пыли, всегда какъ-то выдается впередъ. Долгіе годы сформировали этотъ типъ съ его движеніями, разговоромъ и обычаями... Въ немъ есть что-то среднее между фраккомъ и рыцарскими латами, между барствомъ и грязью. Лицо, взглядъ, голосъ измѣняются ему, хотя и видно, что онъ властвовалъ не очень давно. Въ польскомъ шляхтичѣ осталась еще та старая спѣсь, которая смягчилась лишь подъ вліяніемъ сибаритства. Маленькій, толстенькій, румяненекій, не смотря на свой 50-тилѣтній возрастъ, одѣтый всегда элегантно, Александръ Юноша бѣгалъ, суетился по комнатамъ и, подходя частенько къ зеркалу, охорашивался, вертѣлся передъ нимъ и поправлялъ свои волосы. Онъ, видимо, былъ взволнованъ, какъ бы въ ожиданіи кого-то. Въ сущности же онъ казался свѣжимъ, бодрымъ мужчиной, хотя и усталъ порядкомъ; онъ ходилъ

по молодости и, еслибы не сутуловатость, его можно было бы принять издали за 30-ти лѣтняго кавалера. Онъ былъ вдовецъ, а метрическая выписка свидѣтельствовала о его злополучномъ приближеніи въ 50-ти годахъ. Вокругъ глазъ обрисовывались глубокія морщины; частый смѣхъ оставилъ свои слѣды, образовавъ вокругъ подбородка глубокія борозды со скрещивающимися морщинами по лицу. Но все это скрашивалъ румянецъ; серебрившіеся усики были закручены вверхъ, какъ у молодаго человека. Этотъ вѣчно-юношескій видъ и пріятельскій характеръ были причиною того, что его звали уменьшительнымъ именемъ, и онъ изъ Александра Юноши преобразился въ Олеса (Сашу).—Это имя сдѣлалось популярнымъ названіемъ, которымъ его величали какъ знакомые, такъ и незнакомые. Олеса любили всѣ, потому что онъ былъ добрымъ товарищемъ и далеко не подантомъ; конечно, его называли этимъ характернымъ именемъ въ шутку. Юноша былъ состоятельнымъ человекомъ и, женившись на старостянкѣ, увеличилъ свое состояніе, а теперь, со смертію своей тещи, пани старостины М., надѣялся увеличить состояніе своей дочери до колоссальныхъ размѣровъ. Единственной дочери его, Ганнѣ, было уже около 20-ти лѣтъ; она была хорошо воспитана, умна и очень недурна собою, хотя (какъ отзывалась молодежь) держала себя слишкомъ гордо и важно, такъ что многіе боялись ее, но любили на почтительномъ разстояніи. Знавшіе ее близко были отъ нея въ восторгѣ. Заботливая бабушка Ганны, пани старостина, подъ предлогомъ болѣзни, выѣхала съ нею за границу, гдѣ и устраивалась теперь на два—три мѣсяца, пользуясь услугами своего Олеса, который дѣлалъ лишь то, что не затрудняло его.

Услужливый Олесъ далеко не былъ способенъ къ вынужденнымъ услугамъ. Это для него было величайшей скукой... Веселый бржжокъ, вкусныя блюда, рюмка хорошаго вина, старая сигара, *dolce far niente* на мягкой софѣ были самымъ излюбленнымъ его занятіемъ. Литературы онъ не любилъ, книгъ не читалъ, утверждая, что этимъ знаніемъ можетъ позаниматься у другихъ; газеты читывалъ очень рѣдко и то лишь въ послѣобѣденное время, ради самаго занимательнаго въ нихъ отдѣла «объявленій», откуда онъ почерпалъ нужныя ему свѣдѣнія.

Въ данную минуту онъ ожидалъ одного изъ своихъ пріятелей, который могъ избавить его отъ многихъ хлопотъ по устройству квартиры. Ожидаемый пріятель былъ другомъ не одного только Юноши, но и всей достаточной шляхты, къ которой и самъ принадлежалъ; своимъ знаніемъ и услугами онъ былъ для всѣхъ по-

ловнымъ человѣкомъ. Пана Доленгу считали самымъ пріятнѣйшимъ изъ друзей. Устраивать торжественные балы и пикники, быть секундантомъ на дуэляхъ, посредничать въ покупкѣ и продажѣ, мирить поссорившихся, женить и разводить супруговъ онъ былъ большой мастеръ. Всезнающій и вездѣсущій Доленга всегда игралъ первую роль. Со времени потери своей деревеньки, еще въ молодыхъ лѣтахъ, существованіе его было загадочнымъ дѣломъ. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, онъ не потерялся. *Help youg self* не существовало еще; гениальный Доленга отгадалъ его. Какимъ образомъ достигъ онъ этого—было его тайной; но вѣрно лишь то, что, не занимаясь ничѣмъ, онъ одѣвался по барски, имѣлъ всегда деньги, жилъ въ роскошнѣйшихъ отеляхъ, ѣлъ роскошныя блюда, и съ графами и князьями былъ на «ты». Нужно сказать, что образъ его мыслей и нравственныя правила вполне оправдывали репутацію, которою онъ пользовался; онъ былъ ультраконсерваторомъ, страстнымъ любителемъ «строгаго порядка» и юристомъ... говорилъ прекрасно по-французски, въ «завиральныхъ идеяхъ» замѣченъ не былъ. Власть почиталъ и гораздо прежде, чѣмъ нажилъ себѣ состояніе, онъ угадалъ ту аксіому, что «сила—выше всякаго права». Жизнь его протекала въ радостяхъ и весельѣ; въ лучшихъ кружкахъ его принимали съ открытыми объятіями и, считая честнѣйшимъ человѣкомъ, не колебались довѣряться въ самыхъ щекотливыхъ дѣлахъ. И старики и молодые, и мужчины и женщины равно любили его. Онъ танцевалъ съ молодыми, игралъ въ карты со стариками, съ набожными—ходилъ въ церковь, съ ненабожными—въ театръ, помогалъ заводить пріятныя знакомства, словомъ, это былъ *homme à tout faire*. Для Олеса, съ которымъ его соединяла давняя застольная дружба, Доленга имѣлъ ту цѣну, что всегда зналъ, гдѣ и что можно достать лучшаго собственно по съѣстной части. Доленга смотрѣлъ еще молодымъ человѣкомъ, хотя ему ужь давно стукнуло сорокъ лѣтъ: волосы, не взирая на всѣ втиранія, замѣтно сѣдѣли; лицо было красное, глаза, какъ бы отъ усиленныхъ трудовъ—тоже; ротъ широкій, но добродушный, всегда смѣющийся. Хорошее расположеніе духа, беззаботная веселость и милое невѣжество всегда сопутствовали ему. Здоровый, плечистый и рослый мужчина, съ сильно развитою грудью, выдавшеюся впередъ, Доленга никогда не возбуждалъ страсти въ увядшихъ барышняхъ, но имѣлъ между ними много хорошихъ пріятельницъ, и никто не упрекалъ его въ томъ, чтобы онъ скомпрометировалъ когонибудь своею дружбой. Двѣ—

три дуэли восстановили окончательно его репутацию, и онъ прославился человѣкомъ отважнымъ, защищающимъ свой «гѳноръ».

Заслышавъ шаги своего пріятеля, Олесъ бросился къ нему навстрѣчу и, дружески пожавъ руку, облобызавъ его.

— Ну, какъ чувствуешь себя послѣ вчерашняго? спросилъ Доленга, подразумевая подъ этимъ вчерашній ужинъ у Германа.

— Очень хорошо, отвѣтилъ Олесъ. Лишняго не перехватилъ, кушанья ѣли здоровыя, вино пили прекрасное... погуляли на славу! отчего же чувствовать себя худо?..

— А все это потому, душа моя, что я распорядился, — разсмѣялся Доленга. — Ты вѣдь знаешь... гдѣ я распоряджаюсь, тамъ не можетъ быть худо.

— Ты у насъ на это единственный человѣкъ!.. Честь и слава тебѣ!.. пожимая руку, сказалъ Олесъ. Прошу садиться; вотъ и сигары; я имѣю кое-что сообщить тебѣ.

— Къ твоимъ услугамъ, сказалъ Доленга, садясь и протягивая ноги.

— Вчера, въ ресторанѣ, началъ Олесъ съ улыбкою, — вы меня формально конфисковали. Я, какъ тебѣ извѣстно, не зналъ Германа Рамулта и, только по случаю своего заповѣненія, я волей-неволей долженъ былъ сдаться на капитуляцію, но теперь, когда мнѣ надлежитъ отплатить ему визитомъ... когда онъ отвѣтитъ мнѣ тѣмъ же... Молодой онъ человѣкъ... у меня дочь, и я хотѣлъ бы знать, что онъ такое? Фамилія его мнѣ какъ будто знакома...

— Помилуй! воскликнулъ Доленга: — какъ не знать эту фамилію! Отецъ Рамулта жилъ съ вами по сосѣдству.

— По сосѣдству? переспросилъ Олесъ, ударивъ себя рукою по лбу. — Да, да, да! помню! Былъ у насъ Рамултъ, но этотъ-ли?.. Нашего Рамулта звали Войтѣхомъ и женатъ онъ былъ на Павенской, у него были дочь и сынъ. Я зналъ ихъ очень хорошо. Жена его умерла, а съ нимъ не знаю, что случилось. Вскорѣ послѣ смерти ея, онъ уѣхалъ и пропалъ безъ вѣсти. Дѣти его воспитывались при сестрѣ... и...

— Остальное я доскажу, закуривая сигару, произнесъ Доленга: — Этотъ самый Войтѣхъ Рамултъ съ отчаянія по своей женѣ уѣхалъ въ Галицію, на воды, и тамъ познакомился съ богатой вдовой, графиней Боржеховской, жеңился на ней, и вотъ отъ нея-то и родился этотъ Германъ. Самъ же онъ умеръ. Графиня выхлопотала для него титулъ графа.

— А! въ такомъ случаѣ онъ сводный братъ...

— Леліи Матуской, урожденной Рамуцъ, и Сильвана Рамуцта— досказалъ Доленга.

— Странное стеченіе обстоятельствъ! воскликнулъ Юноша.— Нужно сказать тебѣ... но, впрочемъ, объ этомъ поговоримъ въ другой разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Говори теперь, я хочу знать обо всемъ.

— Впрочемъ, отъ тебя я ничего не утаиваю; знаю, что ты скромный человѣкъ, началъ Олесъ какъ-то грустно.— Этихъ Рамуцтовъ, рожденных отъ Павензкой, я имѣлъ всегда въ виду. Лелія, которая была замужемъ за Матускимъ, осталась вдовой... прекрасная женщина... Знаешь ее?

— Еще бы не знать! Да, она очень миленькая, отвѣтилъ Доленга.— Но не смотря на это, она до сихъ поръ еще вдова.

— Признаться, — я питаю къ ней маленькую слабость, разсмѣялся Олесъ.— Она таитъ въ себѣ какую-то магическую силу... умная, живая...

— А ты, старый волокита, ужъ и растаялъ!..

— Тсс... молчи! Избави Богъ, если кто подслушаетъ: бѣда! Лучше оставимъ это до болѣе удобнаго случая; не въ ней дѣло...

— А въ комъ же?!

— Въ братѣ ея... здѣсь камень преткновенія. Этотъ Сильванъ почти вмѣстѣ выросъ съ моей Ганной. Такое близкое со- сѣдство... всего около четверти мили отъ насъ... Дѣти были постоянно вмѣстѣ; мы бывали у нихъ и они у насъ почти ежедневно... Самъ понимаешь; въ деревнѣ рѣдко увидишь свѣжаго человѣка... Видишь-ли, — Олесъ понизилъ голосъ до шепота: — я боюсь, что бы моя Ганна не увлеклась имъ, а Сильванъ, какъ мнѣ кажется, влюбленъ въ нее давно. Хоть я предупредилъ его заранѣе, намекнувъ ему, что напрасны всѣ его вздохи, однако... Моя Ганна, какъ тебѣ извѣстно, единственная наслѣдница бабушки... а этотъ чтò такое?... и къ тому же съ такими воззрѣніями и воспитаніемъ... словомъ: либераль... демократъ. Представь себѣ: я узналъ, что онъ поселился здѣсь съ 64 года и занимаетъ мѣсто инженера при какихъ-то фабрикахъ или заводахъ... Ну, а какъ они между собою, эти сводные-то братья? Вчера, сколько помнится, онъ не былъ на ужинѣ.

Доленга все время качалъ головою.

— Въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ; они очень дружны между собою и твой демократъ состоитъ менторомъ у графа Рамуцта, вопреки желанію графини; но, какъ я слышалъ, Сильванъ рѣдко бываетъ у него. Что же касается любви его къ Ганнѣ, мнѣ

кажется, что онъ самъ давно позабылъ о ней; а, во-вторыхъ, они не могутъ встрѣтиться опять, потому что Сильванъ не бываетъ въ нашемъ обществѣ. Онъ, по большей части, вращается между «интеллигентными мѣщанами», какъ они тамъ называютъ себя, т. е. въ кружкахъ, намъ невѣдомыхъ. Следовательно, на этотъ счетъ ты можешь быть спокойнымъ, только бы Лелія, которая теперь здѣсь...

— Какъ! Лелія здѣсь? всплеснувъ руками, воскликнулъ Олесь. — Она здѣсь!.. Вотъ такъ сюрпризъ!.. Да вѣдь она подруга моей Ганны... любимица бабушки... и моя... пріятельница.

— Это скверно, очень скверно, произнесъ Доленга.— Ты чувствуешь къ ней слабость... что если она вдругъ станетъ интриговать съ братомъ?..

Юноша схватился за голову.

— Тсс! тсс!.. Да, нехорошо, очень нехорошо... Нужно подумать, какъ предотвратить интриги... Вотъ что: пойдемъ-ка завтракать;—тамъ будетъ свободнѣе поговорить о томъ, что надо предпринять. Здѣсь могутъ подслушать насъ...

Доленга всталъ.

— Я сведу тебя въ такое мѣстечко, гдѣ найдемъ закуску... *vous vous en lécherez les doigts!* шепнулъ ему Доленга.— Пойдемъ, я найду успокоеніе твоему отцовскому сердцу... О, о! не такіа дѣла обдѣлывали.

Взявшись за руки, они тихонько вышли изъ залы.

IV.

Зала, изъ которой только что ушли Доленга съ Юношей, оставалась пустою нѣсколько минутъ; изъ боковой двери вошла сѣдовласая старушка довольно пріятной наружности, въ черномъ платьѣ, съ претензіей на шегольство. За нею шла статная, красивая молодая дѣвушка, одѣтая со вкусомъ. На лицѣ молодой дѣвушки изображалась тайная грусть и внутренняя борьба; на розовенькихъ губкахъ играла улыбка, изображавшая скорѣй сожалѣніе, чѣмъ веселье и радость. Меланхолическіе черные глазки свѣтились, какъ два уголька, изъ подъ длинныхъ рѣсницъ. Фигура и преждевременная серьезность дѣлали ее немного старше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Не смотря на это, дѣтская простота и наивность проглядывала сквозь меланхолическую оболочку. Эти два существа: благородная старость и величественная молодость составляли группу, достойную рѣзца художника. Молодое веселье

въ лицѣ старушки и важность молодой дѣвушки, на которыхъ остановился бы художникъ, были очень симпатичны. Это были: бабушка со внучкою Ганною, дочерью Александра Юноши. Старушка, пани старостина, входя въ залъ, надѣялась застать гостя, но, не видя никого, она съ неудовольствіемъ замѣтила:

— Опять исчезъ! Вотъ только что слышала его голосъ и... нѣтъ. И куда ушелъ?... Сегодня вернулся домой почти передъ утромъ... теперь опять нѣтъ. Вѣрно кто нибудь подхватилъ его. Право, несносный какой...

Старушка сѣла.

— Не сердись, бабушка—отговалась дѣвушка: --У отца столько хлопотъ теперь... Я видѣла, когда входилъ къ нему Доленга; вѣроятно, они вмѣстѣ ушли за покупками.

— Я не сержусь, дитя мое. Развѣ можно сердиться на него; но онъ бы нуженъ былъ мнѣ теперь, да и пана Доленгу тоже хотѣлось бы видѣть... это добрѣйшая душа, а услужливый какой; въ городѣ безъ него положительно нельзя обойтись... и вдругъ оба исчезли...

— Они, вѣроятно, скоро вернутся.

Старушка опустила голову; Ганна ходила по комнатѣ и разсматривала разложенныя вещи. Слуга доложилъ о пріѣздѣ какой-то дамы, которая не хотѣла назвать себя.

— Кто такая? спросила быстро старушка: — не нищая ли опять?

— Нѣтъ, не похожа на нищую, въ коляскѣ пріѣхала, разсѣялся слуга.

Ганна дала знакъ головою, чтобы просить. Въ ту же минуту вбѣжала въ комнату молодая, стройная, красивая дамочка и прямо бросилась на колѣни передъ старушкой.

— Бабушка! дорогая бабушка здѣсь! восклицала она:—какое счастье! какая радость! продолжала она, цѣлуя руки и колѣни у бабушки.

Растормошивъ старушку, она бросилась на шею къ Ганнѣ, сжимала ее въ своихъ объятіяхъ и прыгала, какъ ребенокъ, вокругъ нея.

Не смотря на ея вѣтрость, она была вовсе не молоденькая дѣвушка, а дама, которой любой знатокъ женщинъ могъ бы дать больше 20 лѣтъ, не говоря уже о метрикѣ, въ которой значилось 30 съ хвостикомъ. Какъ и большая часть блондинокъ, она сохранила свѣжесть лица, движенія и вообще наружность первой молодости, и лишь только полнота формъ измѣняла ей немного. Даже

самое выраженіе округленнаго личика, небснаго цвѣта глазъ, розовыя губки напоминали въ ней мисеологическаго ангела. Это была Лелія Матуская, сестра Сильвана Рамута.

— Что бабушка здѣсь, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; она больна, и пріѣхала сюда посоветоваться съ врачами и полѣчиться; но что ты здѣсь,—это удивляетъ меня, моя милая Лелія, это чудо! сказала старушка, посматривая на Матускую.

— Я? дорогая бабушка? Я тоже имѣю здѣсь кое-кого, и ищу пользы для жизни и здоровья—вздохнула Матуская.

— Кого же, кого? Не намѣрена-ли ужь во второй разъ связать себя брачными узами...

— О, нѣтъ, нѣтъ! смѣясь, отвѣтила она.—Боже сохрани. Развѣ пани старостина не угадываетъ, о комъ я говорю?

Матуская украдкой взглянула на Ганну, у которой пробѣжалъ румянецъ по лицу и исчезъ, какъ молнія.

— Какъ же я могу угадать? возразила старушка.

— Мой братъ ужь нѣсколько лѣтъ живетъ здѣсь, произнесла Лелія тихо:—намъ удалось выхлопотать разрѣшеніе... онъ имѣетъ тутъ занятія, и я пріѣхала повидаться съ нимъ.

Старостина нахмурилась и, взглянувъ на Ганну, опустила глаза, ворча себѣ подъ носъ.

— Прошу садиться, произнесла она послѣ минутной паузы.

Матуская сѣла рядомъ съ Ганной и, взявъ ее за руку, посматривала въ глаза.

— Ты нисколько не измѣнилась, замѣтила Матуская Ганнѣ:—все хорошеешь; только, мнѣ кажется, сдѣлалась немного грустнѣе.

— А ты съ виду все такая же вѣтряница, какъ и была, отвѣтила Ганна. Кто не знаетъ тебя, могъ бы подумать, что ты счастливѣйшая изъ женщинъ.

— Ни весела, ни грустна и ни счастлива, возразила Матуская.—Сама знаешь, милая, что я только предъ людьми выставляю эту фальшивую вывѣску, чтобы скрыть подъ нею контрабанду и не дать злымъ языкамъ пищи для сплетней. Зачѣмъ знать постороннимъ, что лежитъ на сердцѣ? Не говоря уже о моемъ одиночествѣ, ни о лѣтахъ, которые летятъ съ быстротою молніи, шелеста крыльями нетопыря надъ моей головою, предвѣщая скорую, скучную старость съ картами въ рукахъ и собаченкой на колѣняхъ, не говоря объ этомъ, достаточно было бы подумать только о судьбѣ брата, которая повергаетъ меня въ глубокое уныніе.

При воспоминаніи о братѣ, старушка сдѣлала озабоченное лицо. Ганна зарумянилась опять и, чтобы скрыть свою краску, начала

поправлять волосы. Обѣ умоляли. Послѣ нѣкотораго молчанія, старушка спросила Лелію:

— Чѣмъ же занимается Сильванъ?

— Трудится. Противъ этого ни я, ни онъ не можемъ ничего возразить, еслибъ не постоянныя интриги этихъ нѣмцевъ, которые не любятъ пришлыхъ людей, а черезъ эти интриги, каждый день угрожаетъ ему новымъ свитальчествомъ... Работа его со дня на день можетъ прекратиться, а тамъ и думай опять.

Матуская опустила голову и, вдругъ оживляясь, прибавила:

— Что удивительнѣе всего, такъ это встрѣча его здѣсь со своимъ своднымъ братомъ... excusez du peu, графомъ Германомъ Рамултомъ.

Она сдѣлала удареніе на словѣ: «графомъ».

— А-а! протянула старушка; — ну, а съ этими родственниками, которые раньше чуждались васъ, какъ вы съ ними теперь?..

— Братъ между собою въ хорошихъ отношеніяхъ, они друзья; что же касается матери, графини, та слишкомъ ужъ игнорируетъ Сильвана. Германъ, съ виду, кажется хорошимъ малымъ, но испорченной нравственности. Не мудрено, впрочемъ; единственный сынъ у графини, нѣженка... едва минуло 20 лѣтъ, а ужъ успѣлъ соскучиться жизнью, жалокъ до смѣшнаго... Вѣроятно, графъ представится вамъ, продолжала Матуская:—Сильванъ говорить, что г. Юноша вчера познакомился съ нимъ и ужиналъ въ обществѣ его друзей, которые взяли его приступомъ въ плѣнъ; кутили, говорить, вплоть до утра.

— Да! отозвалась старушка. Олесь слабъ на этотъ счетъ; всегда позволить втянуть себя въ холостую компанію...

— Такъ это у него былъ отецъ?! произнесла Ганна, опускающая голову.

— Съ графиней вы тоже познакомитесь—продолжала она;— что касается меня, я вовсе не намѣрена бывать у нихъ: если она не жалуется Сильвана, слѣдовательно и меня... Конечно, я вовсе не имѣю охоты осуждать графиню, но она такъ смѣшна, что невольно заставляетъ говорить о себѣ. Эта тщеславная аристократка съ плохимъ воспитаніемъ горда до-нельзя и больше похожа на французскую кокетку, чѣмъ на польку, словомъ, самая несносная баба подъ луною. Она, не смотря на свои 50 лѣтъ и на свою штукатурку, съ удовольствіемъ вышла бы замужъ, еслибы только нашелся претендентъ. Щеголиха, величайшая кокетка, играющая по вечерамъ въ карты, и умѣющая лишь нѣжничать съ сыномъ...

Старушка погрозила ей пальцемъ.

— Какая-жъ ты злая, моя дорогая Леля! ты несправедлива къ ней; ей можно многое простить, хотя бы за любовь къ сыну...

— И за порчу его,—прибавила Матуская.

— Что-жъ дѣлать, когда она въ сущности такая... такая баба.

Ганна улыбнулась.

— Но très comme il faut?

— Въ совершенствѣ comme il faut; звѣзда большаго свѣта, свѣтящая при дворѣ! разсмѣялась Лелія.—Говорить обо всемъ, о чемъ принято говорить въ салонахъ, и молчить съ большимъ талантомъ, изъ боязни сболтнуть невпопадъ... знаетъ только то, чтó знаютъ всѣ, и почерпаетъ свое знаніе, какъ супъ, изъ поданной миски къ обѣду; этимъ только и дышетъ.

— Ахъ, Леля, какая ты злая, повторила бабушка, смѣясь.— Фи! Ты должна будешь сказать это на духу...

— Какая польза, когда послѣ исповѣди нужно будетъ опять смѣяться. Я никакъ не могу удержаться, чтобъ не пошутить надъ ней, воскликнула Матуская, смѣясь.

— Ну, Богъ съ тобой, а я ужъ не желаю грѣшить вмѣстѣ, сказала старушка, поднимаясь съ кресла.—Пойду молиться, чтобы Господь простилъ тебя. Вы давно не видѣлись съ Ганной, болтайте себѣ здѣсь сколько угодно.

Старушка поцѣловала Матускую въ голову и прибавила:

— Ты, смотри, не испорти только мою Ганну.

— Сомнѣваюсь, дорогая бабушка, чтобы ее можно было испортить; скорѣе она исправитъ меня, возразила Лелія, цѣлуя руку бабушки.

Послѣ ухода старушки, подружки бросились въ объятія. Матуская долго смотрѣла на Ганну, какъ бы желая вычитать что нибудь новое на ея лицѣ; послѣ нѣкотораго молчанія, Матуская начала:

— Ты, Ганна, очень похорошѣла, только ужъ не по лѣтамъ важничаетъ, точно старуха какая; неприлично такъ держать себя.

— Я чувствую себя такой—вздохнула Ганна:—бываютъ минуты, что хочется быть еще старше, чтобы освободиться отъ докучливыхъ обязанностей молодости.

— Да что съ тобой, Ганна! Я право не понимаю тебя. Ты должна объяснить мнѣ, чтó значитъ докучливая обязанность молодости.

— Ты такая понятливая, что можешь и сама догадаться, раз-

смѣялась Ганна.—Нужно наряжаться, выставлять себя на показъ; веселиться, когда грустно, танцовать, когда нѣтъ охоты, и смѣяться, когда вовсе не до смѣха,—развѣ это не докучливая обязанность? Въ деревнѣ отъ этого легче набѣгнуть, но въ городѣ?..

— Вы надомго пріѣхали сюда?

— Не знаю; бабушка ничего объ этомъ не говоритъ: она окружила себя теперь какою-то таинственностью... жадуетса на свою болѣзнь, говоритъ, что здѣсь ея старый докторъ... между тѣмъ...

Она понизила голосъ и многозначительно посмотрѣла на Матускую.

— А, понимаю, сказала подруга:—бабушка имѣетъ виды въ отношеніи тебя и ждетъ предложенія...

— Быть можетъ, я въ тягость отцу и бабушкѣ; они рады были-бы сбыть меня съ рукъ скорѣе. Конечно, у нихъ есть желаніе сдѣлать меня счастливой... но я не понимаю, какинъ образомъ они хотятъ на перепутьѣ найти это счастье.

Анна и Матуская начали ходить молча по залѣ.

— Ты долго разсчитываешь остаться здѣсь? спросила Ганна.

— Я вѣдь говорила, что пріѣхала сюда ради брата... побуду съ нимъ, пока не натѣшусь. Къ тому же я должна обезпечить за нимъ оставшееся состояніе, которое мнѣ удалось сберечь для него, и какъ долго продлится это, право не могу сказать тебѣ... Хотѣлось бы мнѣ остаться, пока вы здѣсь.

Разговоръ не вязался, часто прерываясь долгими промежутками. Ганна была разсѣяна; вопросы застывали на ея губахъ. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, они сѣли въ уголъ, на диванѣ, убѣдясь предварительно, что ихъ никто не подслушаетъ, и начали шептаться; они такъ оживились, что не замѣтили, какъ вошелъ Юндша и остановился передъ ними.

Увидѣвъ передъ собою человѣка, выросшаго какъ изъ земли, Матуская вскрикнула. Плѣшивый Адонисъ успѣлъ ужъ схватить ея бѣлую руку и покрыть мокрыми поцѣлуями, прижимая крѣпко къ своимъ мягкимъ румянымъ губамъ; глаза и щеки его разгорѣлись отъ радости. Побѣжденный очаровательнымъ взглядомъ своей несравненной Леліи, къ которой имѣлъ неудержимую слабость, онъ позабылъ о томъ страхѣ, въ которомъ исповѣдывался передъ Доленгой. Его лицо, послѣ сытнаго завтрака и подъ вліяніемъ магнетическихъ глазокъ Матуской и хорошаго вина, приняло видъ древняго сатира, оставшагося съ нимфой въ купальнѣ. Не

обращая вниманія на присутствіе зардѣвшейся Ганны, онъ съ восторгомъ восклицалъ:

— Богиня моя!.. какъ я радъ, что вижу васъ здѣсь!.. Фея моя!.. Прелесть моя!.. Какая свѣжесть!.. какой огонь въ глазахъ!..

Матуская, надрываясь отъ смѣха, хотѣла обратить въ шутку восклицанія Юноши.

— Вы знаете, продолжалъ онъ восторгаться, — что я вашъ всегдашній обожатель, и буду имъ до конца жизни...

— Ничего не знала объ этомъ, возразила Лелія, смѣясь;—но сегодня я внесу васъ въ число своихъ обожателей и зачислю въ свой полкъ... Только предупреждаю, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, я возложу на васъ и большую обязанность...

Покуда Юноша расточалъ свои комплименты, вошла старушка и, остановясь въ дверяхъ, воскликнула:

— Те, те, те! Никакъ ужь Олесъ объясняется въ любви передъ Лелей!.. Ахъ ты плутъ этакій, ахъ ты волокита! Ты, какъ видно, несправимъ!

Юноша отскочилъ, какъ ошпаренный, и бросился къ рукѣ бабушки, которая звонко хлопнула его по лысинѣ.

— Фи, какой безсовѣстный! ночью кутишь, утромъ пропадаешь, а теперь рассыпаешься въ любезностяхъ передъ молодой вдовушкой. Слѣдовало бы наказать тебя, ну, да ужь Богъ съ тобой. Говори, гдѣ былъ?

— Я, дорогая бабушка, началъ оправдываться Юноша, — вчера нечаянно познакомился съ г. Рамултомъ, онъ такой добрый малый, и былъ буквально арестованъ имъ. Едва только я вошелъ, какъ всѣ двери были заперты на ключъ.

Старушка качала головой.

— А тебѣ это въ масть, произнесла она.

— Сегодня же я ходилъ съ Доленгой за покупками... что же касается комплиментовъ нашей давней сосѣдкѣ, я въ этомъ не нахожу ничего предосудительнаго...

Юноша все еще оправдывался передъ бабушкой, когда слуга доложилъ о приѣздѣ графа Рамулта. Послышавъ имя графа, Матуская и Ганна хотѣли уйти изъ залы, но старушка остановила ихъ. Юноша подошелъ къ дверямъ встрѣчать гостя, поправляя свои растрепанные волосы.

— Ты знакома съ нимъ? спросила Ганна Матускую.

— Видѣла издали; хотя онъ мой братъ, но я не нахожу удовольствія знакомиться съ нимъ близко... Онъ графъ, а я и Сильванъ—простые смертные.

Въ это время вошелъ щегольски одѣтый молодой человекъ, въ палевыхъ перчаткахъ, завитой, и въ лакированныхъ ботинкахъ, съ гордо-величественнымъ, но вѣжливымъ видомъ.

Юноша поздоровался съ нимъ, какъ со старымъ пріятелемъ, сердечнымъ пожатіемъ руки. Послѣшивъ представить графа бабушкѣ и дочери, онъ растерялся, представляя его Матуской, и только пробормоталъ:

— Графъ... вѣроятно знакомъ...

Матуская быстро отвернулась. Германъ растерялся и, чтобы скорѣе выйти изъ неловкаго положенія, произнесъ:

— Если не ошибаюсь, имѣю честь видѣть сестру Сильвана... а слѣдовательно... и мою...

Матуская молчала.

— Очень радъ, что удостоился чести быть вамъ представленнымъ...

Послѣ быстрой, но неловкой интермедіи, Германъ началъ разговаривать со старушкой, не спуская, между прочимъ, глазъ со своей сводной сестры. Ганна почти не обращала вниманія на присутствіе молодого человекъ и даже не взглянула на него.

Нѣсколько минутъ онъ провелъ въ разговорѣ со старостиной; обращаясь въ сторону молодыхъ барынь, онъ, видимо, хотѣлъ заговорить съ ними, но деликатно-вѣжливый Юноша не допускалъ, толкуя съ нимъ о разныхъ постороннихъ предметахъ. Такъ какъ для перваго визита неловко было оставаться долго, Германъ всталъ и, сказавъ нѣсколько любезныхъ словъ Ганнѣ, началъ откланиваться.

— Смѣю надѣяться, что пани старостина позволитъ моей матери сдѣлать визитъ; это ея горячее желаніе.

Старушка кивнула головою въ знакъ согласія.

Еще нѣсколько общихъ фразъ, и церемонія перваго визита была окончена. Юноша проводилъ графа въ переднюю, откуда доносился ихъ громкій смѣхъ.

— Очень милый мальчикъ, отозвалась старушка.— Не правда-ли?

— Еще бы! Кукла безъ жизни и румянца—возразила Матуская... жаль мнѣ этого братца... глаза его что-то ужъ слишкомъ мутны, хотя не лишены пріятности...

— Э! вы посмотрѣли бы на него въ компаніи товарищей, прервалъ Юноша, вошедшій при послѣднихъ словахъ Матуской,— это самый любезный и оживленный собесѣдникъ, какого только можно себѣ вообразить.

Но это достоинство, обыкновенно мало цѣнимое женщинами, нисколько не возвысило Германа въ ихъ глазахъ; онѣ посмотрѣли другъ на друга и замолкли.

V.

Были такіе люди, которые клеветали на Віолу—эту любимицу публики, буквально забрасываемую букетами, едва только она появлялась на сценѣ:—что она жила на чердакѣ вслѣдствіе своей недоступной гордости. Близко знакомые съ нею говорили, что ей не хватало средствъ для найма лучшаго помѣщенія и обстановки.

Извѣстные столичные артисты утопаютъ не только въ золотой роскоши, но и во всемъ, что можетъ представить смѣлое воображеніе. Эти испорченные дѣти славы, пресыщаясь роскошною жизнью, чтобы не умереть со скуки, нерѣдко прибѣгаютъ къ эксцентрическимъ развлеченіямъ. Избранники прихотливой судьбы, возвышенные своими талантами, оцѣниваются едва-ли не на вѣсь золота. Провинціальныя же артисты далеко не пользуются такою роскошью, какъ столичные; если имъ и блеснетъ иногда счастливая звѣздочка, то сколько они должны перенести нужды и лишеній въ ожиданіи такого блеска! Гигантскій талантъ какого нибудь артиста едва можетъ удовлетворить его насущнымъ потребностямъ. Провинціальная публика любитъ новинку, но не требуетъ артистическаго исполненія; для нея достаточно одной фабулы; она увлекается не кистью художника, но пестротою красокъ, выдающимися движеніями и рѣзкостью слова. Ее не занимаетъ передаваемая игрой загадочная таинственность характера Гамлета... Желаніе этой публики—видѣть сегодня какого нибудь Гамлета, завтра Ромео, послѣ завтра «Разбойниковъ» Шиллера, и наконецъ Марію Стюартъ... Провинціальная публика не разборчива, она не можетъ оцѣнить каждаго движенія и восхищаться смысломъ словъ:—это голодный партеръ, который хлопаетъ выразительнымъ движеніямъ, смѣется грубымъ жестамъ и находитъ удовольствіе въ сальностяхяхъ. Она рада видѣть все, но—главное—подешевле, и чтобы занять ее въ театрѣ, нужны красныя, саженыя афиши, громкія названія и едва-ли не бой барабана у дверей... Ей не нравятся комедія, въ которой двѣ персоны, сидя за столомъ, разыгрываютъ сердечную драму на словахъ. Она вѣваетъ и требуетъ дѣйствій, но дѣйствій оцутительныхъ, въ родѣ колотушекъ по спинѣ. Отъ артистовъ же требуетъ короткихъ платьевъ, меньше стыда и больше цинизма. Въ провинціи театрѣ—это нужда, бѣд-

ность, о которых писалъ еще Скларронъ, а актеръ—это клоунъ, который сегодня умираетъ въ трагедіи, а завтра ломаетъ арлекина.

Если въ такую цыганскую труппу, собранную изъ разныхъ проходимцевъ, попадется какъ нибудь живая душа съ чувствомъ и талантомъ,—о, сколько она должна выстрадать!..

Такова была судьба Віолы. Горе заставило ее вступить на театральныя подмостки и совершенствоваться въ искусствѣ; бѣдность не позволяла ей переступить тотъ порогъ, за которымъ она могла бы найти цѣнителей своего таланта и получить достойную награду за свои труды. Вынужденная раздѣлять судьбу своихъ сотоварищей, она играла на-скоро импровизированныя роли при столь же импровизированной публикѣ, и получала вознагражденія настолько, чтобы не умереть съ голоду. Не умѣя, потерю цѣломудрія, снискивать себѣ облегченіе въ матеріальной сторонѣ жизни, она вела чисто трагическую жизнь, какую только можно вообразить. Играя на сценѣ съ самого дѣтства, она вращалась между нравственно-испорченными людьми, которые были такого мнѣнія о цѣломудріи: что предметъ, долженствующій подвергнуться порчѣ раньше или позже, не слѣдуетъ и беречь. Однако, среди такихъ извращенныхъ понятій о честности, въ которыхъ проглядывали нахальство и цинизмъ, Віола сумѣла поставить себя выше всего окружающаго и, благодаря той же опротивѣвшей жизни, которая дала ей почувствовать себя, она осталась непоколебимо-честной дѣвушкой. Грубо насмѣхались товарищи надъ ея цѣломудріемъ, которое называли расчетомъ, но она не обращала никакого вниманія на всѣ наносимыя ей обиды, и въ то же время не привыкла отвѣчать на всѣ сладко-приторныя слова любви.

Одинокая, какъ персть, она трудилась, чувствуя инстинктомъ, что идетъ тѣмъ путемъ, съ котораго никогда не должна сбиваться. Молодая, красивая дѣвушка и несравненная артистка на сценѣ, она подвергалась постояннымъ нападкамъ со стороны обожателей изъ публики и своихъ сотоварищей по сценѣ, осаждавшихъ ее своими пошлыми любезностями, на которыя она отвѣчала холодною и равнодушіемъ.

Такое обхожденіе ея съ сотоварищами и, частію, съ публикой влекло за собою лишеніе жалкаго куска хлѣба, такъ какъ между сослуживцами-артистами она имѣла завязанныхъ враговъ; но съ удаленіемъ ея со сцены, театръ могъ бы утратить самую существенную поддержку: она одна была незамѣнимою, даровитою артисткою въ этой жалкой труппѣ. Самые ярые враги ея должны были признать за нею первенство и ту божью искру, которой ни-

кто не могъ найти въ себѣ. Она обращала одинаковое вниманіе на роли, какъ старухъ, такъ и наивныхъ дѣвочекъ, и исполняла ихъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Чудный инстинктъ ея позволялъ ей угадывать малѣйшее движеніе, мимику, со всѣми оттѣнками и характеромъ изображаемой личности, вызывая у самыхъ равнодушныхъ зрителей громкіе аплодисменты. Не смотря на фуроръ, производимый артисткой, жалкій содержатель труппы не могъ ей платитъ хорошаго гонорара, чтобы дать возможность свободно заняться искусствомъ; подарковъ же Віола ни отъ кого не принимала, почему и жизнь ея была хуже простой работницы. Къ довершенію всего, ей приходилось бороться съ навязчивыми любовными предложеніями молодежи. Золотая аристократическая молодежь не понимала и не хотѣла вѣрить, чтобы артистка могла быть такъ недоступной и безжалостно отвергать самые пламенные взгляды и вздохи.

Для огражденія себя отъ нахаловъ, Віола пріютила у себя старичка-суфлера съ женой, — людей столь-же бѣдныхъ, какъ и она, но испытанной честности, которые и служили ей единственными защитниками въ ея одиночествѣ. Суфлеръ, — когда-то стоявшій на подмосткахъ варшавской сцены, о чемъ любилъ часто упоминать въ разговорѣ, — рассказывалъ о своемъ бывшемъ благоденствіи и интригахъ товарищей, которые воспрепятствовали его дальнѣйшимъ успѣхамъ; — нюхалъ табакъ, любилъ выпить при случаѣ стаканчикъ вина — рюмками не любилъ пить — и былъ очень сноснымъ защитникомъ для молодой артистки, которую боготворилъ и пѣвилъ по достоинству. Жена его, въ просторѣчи, пани Павлова-Шершень была тихая женщина и ходила на цыпочкахъ передъ артисткой. Вынужденная, ради своей безопасности, содержать два лишнихъ рта, Віола едва добывала средствъ для скуднаго содержанія ихъ и себя; съ визитами, во время бенефисовъ, она никогда не ѣздила, какъ это дѣлали прочіе артисты, а потому и не получала столько, сколько получали другіе. Навязывать себя публикѣ — она считала дѣломъ унижительнымъ.

Вмѣстѣ съ Шершенями, Віола занимала три небольшихъ комнатки въ верхнемъ этажѣ, подъ крышей. Комнатки были очень чистенькія, съ окнами, выходящими въ садъ; бѣлые тополи достигали своими верхушками оконъ квартиры, изъ которыхъ виднѣлись развалины старыхъ строеній, сорванные крыши и слезуты церковныхъ башенъ. Съ этой стороны, квартира защищена была не только отъ городского шума, но и отъ вѣтра; щебетаніе

ласточекъ, которыя вили свои гнѣзда въ углахъ оконъ, оживляло пейзажъ, взятый какъ бы изъ жизни заключенныхъ.

Виола не могла идти по слѣдамъ элегантнои аристократіи и роскошничать не по своимъ средствамъ. Необходимая домашняя утварь, бѣлыя занавѣски, вымытый полъ, нѣсколько цвѣточныхъ горшковъ составляли всю роскошь ея квартиры. Старый театраль- ный капельмейстеръ выучилъ ее немного играть на фортепіано. Она очень любила музыку, и лихой «фортоплясикъ» служилъ ей развлеченіемъ въ горькія минуты; на немъ она разыгрывала излюбленные пьески Моцарта и Гайдна, оставленные ей на память учителемъ. На новыя ноты не было средствъ, а на усовершенство- ваніе въ музыкѣ—не хватало времени. На полкѣ лежало нѣсколько книгъ, а все пустое мѣсто занимали разбросанныя руко- дѣлія. Необходимое платье, для ношенія и для сцены, дорого стоило бы отдавать швеѣ, а потому Виола вынуждена была, съ помощью жены суфлера, штопать, кроить, шить и передѣлывать сама, чтобы не отстать отъ другихъ артистокъ, гордившихся, благодаря обожателямъ, своими нарядами, которыми старались затмить блескъ и красоту ея черныхъ глазокъ. Виола одѣвалась очень скромно, даже съ преднамѣренною простотой, которая шла къ ея лицу, чего артистки не могли ей простить.

День проходилъ незамѣтно въ разныхъ трудахъ и занятіяхъ, а въ заключеніе нужно было переписать роль и заучить ее... Едва- ли когда оставалось нѣсколько свободныхъ минутъ для прочтенія какой нибудь книжки... Отъ тяжкихъ трудовъ, хлопотъ и лишеній, съ годъ тому назадъ, она почувствовала себя больною и начала по- кашливать; докторъ прописалъ ей эмскую воду и прогулку. Для этой цѣли, Сильванъ предложилъ свой садикъ къ ея услугамъ, и она, каждое утро, ходила туда въ сопровожденіи суфлера. Оказывая ей эту незначительную услугу, Сильванъ держалъ себя на почтительномъ разстояніи; сочувствуя разстроенному здоровью молодой дѣвушки, онъ далеко былъ отъ мысли преслѣдовать ее оскорбительными взглядами и вздохами, какъ это дѣлали десятки другихъ, и благоговѣлъ передъ нею и ея прошлымъ.

Встрѣтивъ въ это утро Германа, котораго она ненавидѣла и боялась, Виола рѣшительно отказалась отъ эмской воды и прогу- локъ по саду. Возвратясь очень грустной къ себѣ, она скорѣе упа- ла, чѣмъ сѣла на диванъ, и, опустивъ голову на руку, погру- зилась въ глубокую думу.

— Богъ съ вами, барышня! произнесъ съ участіемъ суфлеръ, записывая въ носдрю большую щепоть табаку и переваливаясь съ

ноги на ногу, какъ курица, слетѣвшая съ шестнн.— Стоитъ-ли каждую глупость принимать близко къ сердцу? Вѣдь ничего особеннаго не случилось; а воду, все-таки, можно по прежнему пить и гулять по саду.

— Ахъ, Павелъ, что люди скажутъ? Вѣдь ты знаешь ихъ! воскликнула съ горечью Віола.

— Еще-бы не знать! усмѣхнулся Шершень, запуская пальцы въ табакерку. Я сужу о нихъ вмѣстѣ съ нашими безсмертными Шекспиромъ, мосци добродѣю, который говоритъ,— вотъ только не помню въ какомъ мѣстѣ,— что человекъ— самое скверное животное. Именно, поэтому-то и не слѣдуетъ обращать вниманія, мосци добродѣю. По крайней мѣрѣ, я всегда такъ дѣлаю.

Віола улыбнулась.

— Дѣло, собственно, не въ нихъ, но въ своемъ спокойствіи.

Въ дверь комнаты постучались, и затѣмъ вошелъ разстроенный Сильванъ. Спровадивъ брата, онъ прибѣжалъ извиниться за него и оправдать себя.

— Простите меня, панна Віола! произнесъ онъ:— случилось то, чего я никакъ не могъ предвидѣть; если же и предвидѣлъ, то заручился словомъ брата не открывать калитки; но любопытный не сдержалъ слова и въ то время, какъ я бѣгалъ для него же за платьемъ, онъ...

Сильванъ говорилъ это съ такимъ сожалѣніемъ и искреннимъ раскаяніемъ, что Віола должна была прибѣгнуть къ успокоенію его; протягивая ему руку, она съ жаромъ воскликнула:

— Я вовсе и не думала обвинять васъ и, вѣрьте мнѣ, никогда не позволила бы себѣ заподозрить васъ въ измѣнѣ! Это ничто иное, какъ судьба моя хотѣла подшутить надо мною. Конечно, послѣ этого, мнѣ нѣтъ никакой охоты подвергать себя насмѣшкамъ и давать пищу злымъ языкамъ...

— Злые языки, вернулъ слово суфлеръ,— какъ говорить незабвенный Шекспиръ,— не раздавать алмаза.

Сильванъ и Віола разсмѣялись отъ этой цитаты. Суфлеръ отправилъ опять щепотъ табаку въ носъ и громко щелкнулъ пальцами.

— Я пришелъ оправдаться передъ вами, Віола, хотя и не знаю, какъ приступить къ этому... Мнѣ хотѣлось бы поправить дѣло и предпринять что нибудь новое относительно васъ... вамъ непремѣнно нужно продолжать пить воду, чтобы не кашлять... мое искреннее желаніе видѣть васъ здоровою...

— Я могу пить воду въ комнатѣ, сказала, вздыхая, Віола...

а вы приготовьтесь теперь выслушать клевету стоустой молвы о нашем романѣ,—молвы, которая, конечно, воспользуется случаемъ почесать языки на нашъ счетъ... Впрочемъ, прибавила она,—это нисколько не обезпечитъ меня и не оскорбитъ моего самолюбія, но мнѣ жаль васъ!..

— Мнѣ еще менѣе можетъ повредить то, чѣмъ я былъ бы вправѣ гордиться, возразилъ Сильванъ;—но, главное, меня беспокоитъ ваше здоровье.

— Пустяки! стоитъ-ли о томъ беспокоиться! разсмѣялась Віола.—Благодарю васъ за участіе; вы добрый, очень добрый человекъ, и я отъ души благодарна вамъ. Жаль, очень жаль, что я должна проститься съ вашимъ прекраснымъ садикомъ,—гдѣ было мнѣ такъ отрадно гулять, а старичку моему дремать,—и вернуться въ свою бѣдную лачужку. А вы, все-таки, повторяю, приготовьтесь терпѣть за вашъ благородный поступокъ.

Сильвану оставалось только покориться ея настоящему желанію. Положивъ на столигъ принесенныя имъ книги, онъ, чтобы не мѣшать ея занятіямъ и не показаться нахальнымъ, вѣжливо поклонился и хотѣлъ ретироваться изъ комнаты. Мрачная, но никому незамѣтная тучка пробѣжала по лицу молодой дѣвушки; ей, видимо, не хотѣлось такъ скоро разстаться съ нимъ.

— Куда же вы торопитесь? Посидите, пожалуйста, отдохните, отозвалась послѣ нѣкотораго молчанія Віола, бросая на него робкій, умоляющій взглядъ.—Я хотѣла бы посоветоваться съ вами относительно моей роли... Мнѣ вѣжется, что въ ней слѣдуетъ избѣгать преувеличеній и напыщенности; эта роль сама за себя говорить такъ понятно, что всякое отступленіе отъ указаній автора могло бы изуродовать ее.

— Вы совершенно правы; но согласна-ли роль эта съ вашими силами и характеромъ? спросилъ Сильванъ.

— Мнѣ приказываютъ, и я должна по-невожѣ играть, отвѣтила артистка.—За недостаткомъ персонала, мнѣ нерѣдко приходилось играть роли комическихъ старушекъ.

Сильванъ пожалъ плечами.

— Въ «Обѣтахъ дѣвицъ» мнѣ случалось одновременно играть разныхъ роли; теперь остается только заставить меня играть когонибудь изъ гусарь... Что-жъ дѣлать? Такъ у насъ живется!

Віола взглянула на Сильвана горячимъ взоромъ своей невинной, открытой души, но средство это, которымъ она рассчитывала вызвать сочувствіе и привлечь его къ себѣ, оказалось слабымъ. Взглядъ этотъ поразилъ Сильвана. Онъ привязанъ былъ къ ней

братскимъ и едва-ли не отцовскимъ чувствомъ; сердце же его не принадлежало ему; онъ не могъ распоряжаться имъ; мысли его витали совершенно въ другомъ мірѣ. Теперь только онъ замѣтилъ въ первый разъ, что своимъ дружескимъ, братскимъ обращеніемъ съ ней онъ расшевелилъ чувства, больше чѣмъ благодарности.

Такъ оно и было въ сущности.

Виола не могла до этого времени полюбить никого изъ нарядныхъ аристократическихъ куколъ мужскаго пола, надобдавшихъ ей своими пошлыми комплиментами и добивавшихся ея любви; этотъ же человѣкъ былъ всегда сдержанъ настолько, что не подавалъ даже никакого вида о своемъ расположеніи къ ней, не говоря уже о вздохахъ, которыми наполняли молодые обожатели артистки завуалисый эдемы. Онъ помогалъ ей скрытно своими совѣтами, избѣгая за это даже простой благодарности. Этимъ онъ успѣлъ, однако, разбудить до сихъ поръ дремавшее въ ней чувство. Такого тихаго, скромнаго, умнаго человѣка она давно создала въ своемъ воображеніи. Найдя этотъ воображаемый идеалъ въ Сильванѣ, сердце ея забилось для него и сказала себѣ: «быть его или ничьей!..»

Молодость, одиночество, условія жизни, въ которыхъ она находилась, все это возбуждало въ ней молодыя чувства и настоятельно требовало любви... Нельзя угадать, что еслибы она не нашла этого человѣка, она не сдѣлала бы худшаго выбора. Выросши и воспитавшись въ средѣ свободно-мыслящихъ людей, съ своими особенными принципами, къ которымъ присмотрѣлась съ дѣтства, она не видѣла ничего предосудительнаго въ томъ, что, не оглядываясь на свое прошлое, бросила бы сердце, безъ расчета, избранному. Мысленно она давно принадлежала ему. Холодность и равнодушіе Сильвана раздували въ ней пламя любви: она страдала, но и самое это страданіе было для нея блаженствомъ. «Не желая, по добротѣ своей, отравлять мое будущее, — думала она, — онъ притворяется равнодушнымъ, но онъ долженъ полюбить меня... Я принесу себя въ жертву ему и заставлю принять ее... Гибнуть же многія изъ расчета, отъ голода, холода, отъ нечего дѣлать, не отдавая своего сердца; — отчего бы не погибнуть мнѣ по любви?»

Виола находила все это весьма естественнымъ, натуральнымъ, и создавала уже въ умѣ драму своей судьбы... Сильванъ до этого времени не могъ подозрѣвать, чтобы сердце Виолы забилось для него; но дрожаніе рукъ, подернутые слезою глаза, дрожавшій голосъ, смущенный видъ выдавали ея чувства и заставляли его быть насторожѣ. Всѣ признаки любви несомнѣнно обнаруживали то, во

что онъ боялся вѣрить. Это очарованіе не мирилось съ прежней дружеской привязанностью, которая уступала мѣсто болѣе высокимъ чувствамъ. Онъ боялся влюбиться и, почувствовавъ свою слабость, рѣшилъ избѣгать Віолы.

Они остались вдвоемъ въ комнатѣ, такъ какъ Шершень, переминаясь съ ноги на ногу, потихоньку, незамѣтно перевалился черезъ порогъ. Віола усмѣхнулась ему вслѣдъ, съ наивностью ребенка, не знающаго опасностей. Сильванъ смотрѣлъ на нее съ минуту, не зная, какъ продолжать разговоръ...

— Такъ какъ-же? произнесъ онъ, — будете пить воду?

— Если это ваше желаніе—буду; я скорѣе соглашусь послушать васъ, чѣмъ доктора... Но вотъ вопросъ: гдѣ пить ее?.. въ саду у васъ—нельзя, потому что меня будутъ преслѣдовать и шпионить... слѣдовательно, остается только у меня въ комнатѣ... Но тогда я не буду имѣть удовольствія видѣть васъ, прибавила она тихо и опуская глаза. Въ театрѣ?—тамъ столько народа, что трудно было бы отвѣтить даже на вашъ поклонъ, хотя бы вы и поклонились мнѣ издали, а въ садикѣ... тамъ мы не можемъ видѣться больше... Къ себѣ же... я не смѣю просить васъ...

— Напротивъ! вскричалъ Сильванъ, тронутый ея простотою и откровенностью:—если я могу быть чѣмъ нибудь полезнымъ, въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ иногда навѣщать васъ; я буду приносить книги... Вы всегда найдете во мнѣ преданнаго... брата, но никакъ не нахальнаго... обожателя!..

Віола зардѣлась, какъ макъ цвѣтъ.

— Вы не знаете, какъ всѣ о нѣ и противны мнѣ! Вы были до сихъ поръ моимъ другомъ... не оставляйте-же и теперь сироту...

Она безсознательно сказала эти слова и сконфузилась; не зная, какъ выйти изъ неловкаго положенія, она протянула къ нему обѣ руки, которыя Сильванъ поцѣловалъ на прощанье, и бросилась на диванъ. Слезы наполнили ея глаза; Сильванъ, быть можетъ, не замѣтилъ ихъ, но тѣмъ не менѣе ушелъ отъ нея, растроганный до глубины сердца.

Просидѣвъ довольно долго на диванѣ, въ томъ же положеніи, она не замѣчала, что супруги Шершени посматривали на нее и качали головами, дѣлая при этомъ разныя предположенія надъ ея задумчивостью и слезами; быстро вскочивъ съ дивана и кликнувъ старушку, она съ энергіей принялась за передѣлку платья къ вечернему спектаклю. Шершень сѣлъ у столика въ передней и началъ прочитывать пьесу, которую долженъ былъ суфлировать въ этотъ же вечеръ.

Не прошло и получаса времени, какъ на лѣстницѣ слышались чьи-то быстрые шаги и замерли у самой входной двери, которая въ ту же минуту распахнулась настежь. На порогъ квартиры показался, съ букетомъ въ рукахъ, Германъ Рамултъ.

Не въ первый разъ появлялись здѣсь подобнаго рода субъекты, но Шершень былъ неумолимъ и никакая жертва со стороны заискивателей не могла подкупить старика;—онъ ловко умѣлъ спроваживать ихъ, не позволяя даже переступить порога. Но на этотъ разъ старикъ оплошалъ: приступъ былъ такъ же неожиданъ, какъ и нахаленъ, и такъ стратегически рассчитанъ, что Шершень не успѣлъ предотвратить натиска, и Германъ уже былъ у дверей комнаты Віолы. Напрасно старикашка силился поймать его за полы. Ловкій юноша, не обращая на него вниманія, штурмомъ взялъ дверь прежде, нежели суфлеръ успѣлъ захлопнуть ее.

Віола, вмѣстѣ со старушкой, трудилась надъ платьемъ... Слышавъ въ передней шумъ, она подняла глаза на дверь... Германъ, въ смиренной позѣ, улыбаясь, стоялъ съ протянутой въ ней рукою, въ которой красовался букетъ.

— Позвольте, прелестная Віола, повергнуть къ ногамъ вашимъ незначительную жертву... произнесъ онъ.

Віола приняла сурово-насмѣшливый видъ и холодно отвѣтила ему:

— Нѣтъ, милостивый государь, не позволю, и въ свою очередь спрошу васъ: на какомъ основаніи вы изволите врываться въ квартиру молодой дѣвушки и нарушать ея спокойствіе?.. Хотя я бѣдна и ничего не значу въ вашихъ глазахъ, но имѣю право, какъ и другія, требовать отъ васъ уваженія къ себѣ и къ моему бѣдному крову; я здѣсь госпожа, а потому не угодно-ли будетъ потрудиться...

Она указала на дверь. Германъ покраснѣлъ отъ злобы.

— Вы, сударыня, какъ мнѣ извѣстно, очень гостепріимны, но только, повидимому, для избранныхъ...

— Быть можетъ. Никто не имѣетъ права требовать отъ меня отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: принимаю, кого считаю достойнымъ и кто мнѣ нравится. .

— А я не могу удостоиться этой чести?..

— Нѣтъ, холодно возразила она.

— Почему?

— Съ какою стати я должна объяснять вамъ?

— Хотя бы потому, что видѣлъ васъ утромъ и... имѣю право рассказать всѣмъ... къ кому вы изволите быть... расположены.

Виола оставила работу и, выпрямась, съ нахмуренными бровями и величественно-грозною осанкой, подошла къ нему.

— Вы, милостивый государь, можете говорить кому вамъ угодно! воскликнула она:—Я не стыжусь своихъ поступковъ и не намѣрена оправдываться передъ вами. Ваша глупая угроза достаточно доказываетъ вашу честность, и вы нисколько не должны удивляться, если я скажу, что вы заслуживаете моего презрѣнiя... За кого вы принимаете меня, милостивый государь? возвысила голосъ Виола, наступая на него:—за женщину, которая, отдавъ свое сердце одному, дѣлается доступною всѣмъ!... Вонъ! вонъ!..

Она грозно указала ему на дверь. Лицо ея исказилось отъ гнѣва, такъ что Германъ попятился къ двери и пожалѣлъ о своемъ легкомыслии... Но любовь нерѣдко приводитъ къ сумашествiю.

Виола опомнилась, руки ея опустились, и она, рыдая, отошла къ окну.

— И это называютъ любовью!!... воскликнула она.

Сконфуженный Германъ долженъ былъ ретироваться за дверь, которую Шершень послѣшилъ запереть на ключъ.

(Продолженiе будетъ).

Изъ „Ирландскихъ пѣсенъ“ Сотера Ломана.

Край, обиженный Богомъ, унылый,
Гдѣ томится несчастный народъ,
Съ нетерпѣньемъ пѣвца себѣ ждетъ;
Да! ирландецъ, подавленный, хилый—
Жертва жгучихъ и грозныхъ тревогъ—
Отъ деревни до шумной столицы,
Истощенный, больной, желтолицый,
Дать-бы тебѣ богатыя могъ!
Съ Музой родину мы изучали!..
Стоны дѣтокъ голодныхъ слышали,
Все волнуясь тревожной душой,—
Въ этомъ сумрачномъ царствѣ печали,
Въ этомъ царствѣ нужды роковой!
Посвятить свою гнѣвную лиру
На служеніе жалкому міру
Нищеты—я съ восторгомъ готовъ,
Озлобленный поэтъ земляковъ.
Ихъ ужасная жизнь мнѣ знакома,
Я въ изнывшей Ирландіи—дома!
Приучился глядѣть я на муки
Обойденныхъ судьбою людей,
Съ дикимъ воплемъ ломающихся руки:—
Не смутятъ меня грубые звуки
Дикой брани во мракѣ ночей.

О, соотчичи, милыя дѣти!
Какъ заботливый, нѣжный отецъ,
Для измученныхъ вашихъ сердець,
Право, сдѣлать я радъ все на свѣтъ—
И жемаль-бы вамъ страстно помочь,
Отогнавши всѣ недуги прочь!
Ты велико, святое призванье,
Но сулишь мнѣ гоненье, страданье;—
Ты опасно: за сына-раба
Съ Альбіономъ,—врагомъ «просвѣщеннымъ»,
Въ золотаго кумира влюбленнымъ»,—
Неизбѣжною станетъ борьба!
Только бодрая Муза готова
Встрѣтить смѣло тирана тупаго
Гимномъ волѣ и мести: она
Каждый разъ вдохновенья полна,—
Какъ, съ проклятьемъ идя намъ на встрѣчу,
Непріятель бросается въ сѣчу!
Онъ не властенъ надъ мыслью нетлѣнной
И надъ грезой крылатой: всегда—
Гордымъ мощью своей неизмѣнной—
Имъ найдется пріютъ безъ труда!
Устремивъ свое вѣщее око,
Мы и въ дальнемъ грядущемъ, порой,
Много скрытыхъ глубоко-глубоко,
Видимъ дивныхъ картинъ предъ собой!..
То не сны, а дѣйствительность! нынѣ
Трудно вѣрить, конечно, въ нее:—
Но и странникъ въ суровой пустынѣ
Можетъ вдругъ набрести на жилище;—
Чуть влачась по жарѣ нестерпимой,
Безпощадною жаждой томимый,
Подъ древесною тѣнью въ пути
Можетъ чистый ручей онъ найти!
Такъ и ты, о, сторона родная,

Ни доволства, ни мира не зная,
Жгучимъ горемъ объята, живешь,
Но покой даже ты обрѣтешь,
И твои унесутся невзгоды
Въ свѣтлый праздникъ желанной свободы!
Подъ ея золотыми лучами
Будеть въ цѣлой Ирландіи пиръ,
Славный гимнъ запоютъ на весь міръ
Люди съ полными вѣры сердцами.
Жаль, что я тамъ не буду, — въ могилѣ
Вѣковѣчнымъ окутанный сномъ, —
Но пока я не умеръ и въ силѣ,
Угнетенной отчизны пѣвцомъ
Заявить себя всюду съумѣю
Съ непокорною Музой моею!..

С. Бердяевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Культурно-промышленный парадъ.

(Письмо съ московской всероссійской выставки.)

Въ куревъ диеирамбовъ «празднику Россійской промышленности».—Ядъ сомнѣнія на концѣ пера г. Баткова.—Грандіозная фраза.—Декораціи и сторона закулисная.—Пробѣлы, недостатки и симптомы «хищенія».—Видъ зданій выставки и ихъ архитектура.—Прогулка въ безконечномъ кольцѣ.—Обзоръ выставки по группамъ и по ихъ топографическому распредѣленію.—Общій характеръ и направленіе нашей промышленности.—У статуи «Россія».—Заключительныя замѣтки.

«Да благословитъ Богъ жатву русскаго народа! Да будетъ открывшаяся сегодня всероссійская выставка залогомъ и знаменіемъ ясныхъ дней для нашего отечества! Земля наша велика и обильна, и порядокъ въ ней будетъ, лишь-бы разсѣялся надъ нею туманъ лживыхъ идеаловъ, лишь-бы поменьше было у нея благодѣтелей и благопопечителей»...

Въ такихъ выраженіяхъ, среди шумнаго риторическаго концерта печати, привѣтствовали открытіе выставки краснорѣчивыя «Московскія Вѣдомости», исполняющія обыкновенно въ такихъ случаяхъ роль перваго баса и, по своему официальному тембру, дающія тонъ всему хору. Потому-то мы и остановились на ихъ обоюдоостромъ диеирамбѣ, оставляя въ сторонѣ голоса другихъ солистовъ и подпѣвалъ, болѣе или менѣе повторявшихъ и варьировавшихъ однѣ и тѣ же избитыя высокаторжественныя фразы.

Диеирамбъ «Московскихъ Вѣдомостей» весьма характеристиченъ:—снаружи громко, благожелательно и цвѣтисто, слышится

дрожаніе сочувственной слезы въ этихъ патетическихъ вослицательныхъ знакахъ, но слеза эта, по мѣрѣ стеканія, неопутительно пропитывается сомнѣніемъ и отрицаніемъ, и падаетъ вамъ на сердце горькой отравой... Вообще г. Катковъ искусился нынѣ въ коварномъ искусствѣ привѣтствовать и славословить съ такой гримасой, что отъ его похвалъ и риторическихъ реверансовъ никому не поздоровится. Г. Катковъ, можно сказать, заранее предвкусилъ наслажденіе дать выставкѣ въ концѣ концовъ неодобрительную отиѣтку, ибо онъ предъявляетъ ей едва-ли осуществимыя и отчасти несообразныя требованія. Если въ нашей «великой и обильной» землѣ нѣтъ, по его мнѣнію, «порядка», то, конечно, выставка намъ его не дастъ, тѣмъ болѣе, что и на ней-то самой порядокъ весьма сомнителенъ. Если насъ одолѣваютъ «живые идеалы», то есть много вѣроятій, что выставка не только ихъ не разсѣетъ, но значительно приумножитъ, такъ какъ сама она представляетъ собой отчасти ничто иное, какъ продуктъ такихъ именно «идеаловъ» — только не тѣхъ, которые подразумеваются «Москов. Вѣдомостями». Если, наконецъ, у насъ имѣются основанія жаловаться на неспособность и недобросовѣстность благожелателей и попечителей, то — непонятно, какимъ образомъ они могутъ убавиться съ открытіемъ выставки, гдѣ отъ нихъ нѣтъ проходу и гдѣ они «игурируютъ во всей своей красѣ, съ апломбомъ своей непогрѣшимости и авторитетности...

Впрочемъ, мы не станемъ слишкомъ вдаваться въ анализъ славословія г. Каткова, желающаго, по своеобразному направленію болѣзненной мысли, превратить «праздникъ нашей промышленности» въ какую-то полицейскую, жарко-натопленную «баню пакибытія» для выпариванія изъ насъ «живыхъ идеаловъ» и выпариванія лишнихъ «благожелателей и благопопечителей». Что разумѣетъ г. Катковъ подъ «живыми идеалами» и кого хотѣлъ-бы онъ изъять съ лица русской земли — это ясно безъ объясненій для каждаго знакомаго съ «трезвенными мыслями» оракула Страшнаго бульвара и съ его терминологіей. Для насъ интересно только то, что въ «словахъ лукавствія», высказанныхъ «Московскими Вѣдомостями» съ такой торжественностью, признано, во-первыхъ, отсутствіе въ настоящую минуту у насъ «порядка», во-вторыхъ, господство «живыхъ

идеаловъ» и, въ-третьихъ, избытокъ и бездарность «благодѣтелей и благопопечителей». Въ этомъ случаѣ г. Катковъ положительно является выразителемъ общественнаго мнѣнія, съ тою только разницею, что слова его были бы отосланы совсѣмъ по иному адресу въ устахъ большинства благомыслящихъ русскихъ людей...

Несомнѣнно одно, что нынѣшняя выставка, являющаяся, по смыслу привѣтствія «Московскихъ Вѣдомостей», какъ-бы продуктомъ и выраженіемъ нашего внутренняго разстройства и уклоненія отъ истинныхъ идеаловъ, никого почти не удовлетворила, если не говорить о личныхъ своекорыстныхъ интересахъ. Недоволенъ ею г. Катковъ, недовольна либеральная печать, недовольно именитое купечество, недовольны заводчики и фабриканты, недовольна Москва, и только одни московскіе извозчики и трактирщики находятъ ее отнѣнно прибыльной для себя и полезной. Рабочіе, народъ, о ней очень мало знаютъ и еще меньше интересуются ею. Мнѣ случилось побывать въ большомъ, богатомъ селѣ, въ полтораста верстахъ отъ Москвы, вскорѣ послѣ открытія выставки; оказалось, что тамъ о ней почти ничего не слыхали и—самая мысль сѣздить на выставку до того чужда крестьянину, что объ этомъ даже говорить было-бы странно. Въ нашу бытность, огромныя зданія выставки были пустыны; въ первые дни по открытіи, число посѣтителей въ ней не превышало шести тысячъ ежедневно. Таковую до жалости ничтожную цифру объясняли высокою цѣною (рубль съ каждаго лица) и ожидали, что съ удешевленіемъ послѣдней, число посѣтителей увеличится; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, надежды эти мало оправдаются, такъ какъ тутъ вопросъ вовсе не во входной цѣнѣ, а въ томъ, что никто не позаботился придать этому параду всероссійской промышленности общій, народный интересъ, и что самая выставка у насъ есть ничто иное, какъ роскошь, пока совершенно чуждая сознанію массы, очень мало развитой для смакованія такихъ высокихъ кунштюковъ европейской культуры.

Сообразивъ все это и осмотрѣвшись, выносишь изъ выставки впечатлѣніе огромной, красивой, «протяженно - удлиненной» фразы, на сооруженіе которой среди широкаго Ходынскаго поля потрачены милліоны, пошли усилія тысячъ рукъ, вмѣщены ты-

сичи тщеславныхъ амбицій и алчныхъ къ наживѣ аппетитавъ, изъ которыхъ многіе и многіе разбиты прахомъ тутъ-же на ея пороги, хотя многіе и удовлетворены, паче мѣры... Въ этомъ сугубальномъ смыслѣ выставка, если хотите, не лишена даже нѣкоторой назидательности. Это, въ своемъ родѣ, знаменіе нашего времени, воспитаннаго, какъ извѣстно, въ искусствѣ условиваться на громкихъ, широкораспространенныхъ и внушительныхъ фразахъ, для того чтобы подъ ихъ музыку не слышать досадливаго скрипа и треска нескладной, распатанной житейской машины.

Фраза, погоня за декоративностью и сценическими эффектами бьетъ на выставкѣ во всемъ, отличаетъ всѣ моменты ея бытія, начиная съ открытія, которое было вспелено и повито, по обыкновенію, такую-же звонкой, надутой и канцелярски-официальной фразой, съ оттисками которой въ многочисленныхъ редакціяхъ читатель, безъ сомнѣнія, хорошо знакомъ по газетамъ. Эта характеристическая, господствующая черта лежитъ на самомъ зданіи выставки, на его стилѣ и внутреннемъ устройствѣ. Даже дорога, ведущая къ этому храму промышленности и культуры, носитъ отпечатокъ такой-же вѣшной декоративности, рядомъ съ пренебреженіемъ цѣлями утилитарными. Вдоль фаса выставки сооруженъ новый бульваръ, а между тѣмъ часть примыкающаго къ ея входамъ Ходынского поля вовсе не вымощена, даже не утрамбована, и во время сырой погоды представляетъ непроходимую грязь, тогда какъ въ сухую пору на ней поднимаются столбы пыли отъ вѣтра и отъ экипажей. Вообще, сообщеніе города съ выставкой вовсе не организовано, въ видахъ привлеченія къ ней посѣтителей изъ недостаточныхъ классовъ; приходится пользоваться дрянными московскими извозчиками за непомерно высокую цѣну, недоступную для бѣдныхъ людей. Да и во всемъ остальномъ потребности и удобства средняго массоваго посѣтителя пренебрежены на выставкѣ, начиная съ буфета и кончая системой указаній. Буфеты, съ питьями и яствами, кіоски съ прохладительными напитками, съ лакомствами, съ продажей газетъ и пр.,—все это монополизировано нѣсколькими, по московскому выраженію, «заслужившими» у господъ распорядителей, промышленниками, которые рвутъ и на дурномъ качествѣ продуктовъ, и на ихъ высокихъ цѣнахъ.

Особенно сильное и общее недовольство возбуждагь рестораторъ выставки Лопашевъ, монополизировавшій продажу питей и яствъ за четыре тысячи рублей въ пользу казны, и уже отъ себя передавшій одно только право продажи пива мѣстному плочому Трехгорному заводу, какъ говорили, за двадцать тысячъ рублей... Правда, злоязычная молва повѣствуетъ, что самъ Лопашевъ къ четырехтысячной казенной арендѣ за свою богатую монополію приложилъ, въ видѣ благодарности кому-то, восемьдесятъ тысячъ рублей; но молва здѣсь никого почти изъ ближайшихъ дѣятелей выставки не щадитъ и разноситъ чудовищныя сказанія о размѣрѣ тайныхъ «хищеній», производившихся, будто-бы, при сооруженіи выставки, при распредѣленіи мѣстъ для экспонентовъ и тому подобныхъ оказійхъ.

Относительно указаній и руководствъ, новый малосвѣдущій посѣтитель выставки совершенно безпомощенъ, и даже люди, знающіе толкъ въ этомъ дѣлѣ, должны здѣсь не мало употребить времени и труда, чтобы какъ нибудь ориентироваться въ этихъ, одна на другую нагроможденныхъ, дебряхъ мануфактуры, промышленности, науки и искусства. Штатъ при выставкѣ громадный; по ней снуютъ всюду какіе-то важные, декорированныя особыми знаками, чиновники и цѣлая толпа наряженныхъ въ своеобразные костюмы праздныхъ, скучающихъ и совершенно невѣжественныхъ артельщиковъ; но никому нѣтъ дѣла участливо отнестись къ посѣтителю, дать ему указанія, справки и поясненія, руководить имъ; и даже, при обращеніи, получаютъ отъ всего этого «начальства» сухіе, нетерпѣливые, съ неохотой и досадой даваемые отвѣты. Печатный указатель, правда, изданъ, но опять таки на началахъ монополіи, поэтому онъ и дорогъ сравнительно (75 коп. за экземпляръ), и составленъ очень казенно, безъ старанія придумать и примѣнить къ нему наиболѣе упрощенную и совершенную систему каталогизаціи, да, ко всему этому, исполненъ грубѣйшихъ типографскихъ промаховъ и опечатокъ.

Самая распланировка выставки придумана какъ-бы нарочно такъ, что посѣтитель вновь рѣшительно теряется въ ней и бродитъ по ея хоромамъ, точно въ лабиринтѣ. Но здѣсь будетъ кстати остановиться на самомъ зданіи выставки въ архитектурномъ отношеніи. Мы свазали выше, что и въ этомъ отно-

шеніи, какъ во многихъ другихъ, описываемый храмъ отечественной культуры олицетворяетъ собою фразу, бьющую на эффектъ, а не дѣло, практически задуманное и вытекающее изъ живыхъ органическихъ требованій. Такъ оно и на самомъ дѣлѣ.

Подъѣзжая къ зданію выставки, поражаешься его огромными размѣрами, его грандіозностью, *) но, при этомъ, испытываешь и нѣсколько недоумѣній. Во-первыхъ, громадному протяженію фасада зданія вовсе не соответствуетъ его незначительная высота, вслѣдствіе чего оно кажется приземистымъ, лишено величавости и просто напоминаетъ большой сарай; во-вторыхъ, зданіе не имѣетъ главнаго входа, портика, въ смыслѣ архитектурномъ, и, чтобъ найти его, надо обращаться за указаніями къ «свѣдущимъ людямъ», поэтому все оно представляется какъ-бы безголовымъ. Дѣло въ томъ, что главный корпусъ построенъ въ видѣ огромнаго круга, составленнаго изъ восьми большихъ, равной величины и одинаковой конструкціи, четырехъугольных павильоновъ, расположенныхъ симметрически, въ равномъ отстояніи отъ другаго разстояніи, и соединенныхъ между собою широкими переходами. Въ практическомъ отношеніи такой планъ зданія имѣетъ свои выгоды, но, со стороны эстетической, казенное однообразіе внѣшняго вида павильоновъ и отсутствіе среди нихъ—центрального, который-бы сосредоточивалъ на себѣ глазъ и служилъ для него точкой отправленія, портятъ общее впечатлѣніе и утомляютъ зрѣніе. Это тѣмъ болѣе, что даже на орнаменты внѣшнихъ фасовъ павильоновъ у строителя не хватило, повидимому, ни фантазіи, ни вкуса. Въ общемъ,—прямолинейно, казенно и однотонно; нѣтъ ни оригинальности, ни характера, ни стиля, а если онъ есть, то—какой-то пакгаузный. Но войдемъ во внутрь нашего храма. Оговоримся только, что мы не станемъ утомлять читателей подробностями, такъ какъ, безъ сомнѣнія, они раньше прочитали ихъ въ газетахъ.

Центральное, кольцеобразное зданіе, построенное изъ половатаннаго желѣза, дерева и стекла, составлено, какъ мы сказали выше, изъ восьми павильоновъ, которые, вмѣстѣ съ переходами, образуютъ одну безконечную галерею. Къ этой галереѣ

*) Площадь, занимаемая зданіемъ выставки, вмѣщаетъ 48,080 кв. сажень и имѣетъ въ каждой сторонѣ 220 сажень.

примыкаютъ съ двухъ сторонъ два большіе корпуса: въ одномъ помѣщены научный и художественный отдѣлы (группы I-я и II-я), въ другомъ—машинный (группа IX-я). Вся выставка классифицирована на четырнадцать группъ *), изъ которыхъ десять помѣщены въ главномъ зданіи и его боковыхъ пристройкахъ, а остальные четыре (садоводство и огородничество, домашнія животныя, часть кустарной промышленности и предметы поданія помощи страждущимъ) въ отдѣльныхъ баракахъ и павильонахъ.

Посѣтители впускаются съ боковаго входа, ведущаго прямо въ художественный и научный отдѣлы, гдѣ они встрѣчаются прежде всего со старыми знакомыми—корифеями русской живописи, скульптуры и архитектуры, выставившими въ сложности до 900 номеровъ своихъ произведеній, изъ которыхъ большинство давно знакомо любителямъ искусства по послѣднимъ академическимъ выставкамъ. Этотъ отдѣлъ особенно богатъ и блистателенъ. Отдѣлъ научный или, точнѣе сказать, учебно-педагогическій не менѣе роскошенъ и въ немъ особенно подавляетъ зрителя г. Ильинъ, декорировавшій огромную стѣну своими картографическими произведеніями. Учебныхъ пособій и классныхъ работъ учениковъ разныхъ школъ—множество, причемъ нѣкоторые особенно усердные экспоненты выставили не только эти, вѣдаемые ими, предметы педагогич., но и самихъ себя изобразили на фотографическихъ портретахъ—неизвѣстно для какой цѣли, если только ихъ не вдохновляло невинное честолюбіе Бобчинскаго, жаждавшаго, чтобъ о существованіи его узнали и въ столицахъ... Учебное вѣдомство не преминуло съ своей стороны воспользоваться удобной оказіей для удостовѣренія пользы и спасительности классической системы, выставивъ, въ пику противникамъ этой системы, «графическія таблицы, изображающія различныя свѣдѣнія относительно успѣховъ гимназій» с.-петербургскаго учебнаго округа. Таблицы составлены, можетъ быть, весьма

*) Группы эти: I. Художественная. II. Научная. III. Сельско-хозяйственная. IV. Горнозаводская. V. Волокнистыя вещества. VI. Металлическая фабрично-ремесленная. VII. Заводская обработка. VIII. Ремесленная по предметамъ утвари, одежды и пр., IX. Машины и строительные аппараты. X. Садоводство и огородничество. XI. Домашнія животныя. XII. Кустарная промышленность. XIII. Военный и Морской отдѣлы. XIV. Предметы поданія помощи больнымъ, раненымъ, утопающимъ и т. д.

краснорѣчиво и убѣдительно; но, къ сожалѣнію, ихъ никто не читаетъ.

Въ научномъ отдѣлѣ весьма интересны многочисленныя приборы и аппараты приложенія промышленности и ея средствъ къ наукѣ и художеству, и—обратно. Не смотри, впрочемъ, на грузность этой группы, въ ней многого нѣтъ, но зато есть предметы, имѣющіе весьма спорное отношеніе къ художеству и наукѣ, какъ на примѣръ: «Новѣйшій методъ кройки дамскаго платья».

Изъ предѣловъ науки и искусства вы попадаете, по прямому пути, въ огромный и роскошный отдѣлъ заводской обработки (VII-я группа) и нѣкоторое время испытываете такую иллюзію, какъ еслибъ очутились въ какомъ нибудь античномъ агрополисѣ, среди величественныхъ колоннадъ, обелисковъ, пирамидъ, храмовъ, пагодъ, статуй и тому подобныхъ созданій изысканнаго зодчества. Но вотъ вы вглядываетесь въ этотъ грандіозный бѣломраморный мавзолей, достойный ознаменовать собой поле какого нибудь славнаго мамаева побойща, и—оказывается, что весь онъ скомпонованъ изъ стеариновыхъ свѣчей, которыя такъ тверды нынче въ горѣніи... Зато какой благодарный матеріалъ представляютъ онъ для величавыхъ монументовъ! Вотъ сгруппированы бюсты знаменитыхъ мужей, оказывающихся, по справкамъ, сахарными... Далѣе — передъ вами открываются грандіозныя триумфальныя ворота, увитыя побѣдными лаврами и вѣнками... Входите подъ ихъ чудесный архитравъ безъ колебаній: триумфаторъ, въѣхавшій чрезъ эти ворота на выставку, мужъ гостепріимный и снисходительный. Это — заводчикъ Штриттеръ, одинъ изъ популярнѣйшихъ дѣятелей въ Петербургѣ, прославившійся добротностью и радикальностью своихъ водокъ и настоекъ. Его триумфальныя ворота, составленныя изъ тысячъ бутылокъ, сверкающихъ кристаллическимъ самоцвѣтнымъ содержаніемъ,—весьма недурная аллегорія и иллюстрація къ лѣтописному тексту о томъ, что «Руси есть веселіе пити — не можемъ безъ того быти»... Не знаемъ, проходила-ли чрезъ эти ворота торжественная процессія, состоявшаяся при открытіи выставки, но убѣждены, что пройти чрезъ нихъ она долженствовала-бы, въ ознаменованіе того историческаго факта, что спиртъ и кабакъ искони служили

у насъ первыми и надежнѣйшими пионерами цивилизаціи, а еще болѣе — деморализаціи. Поэтому — то, быть можетъ, отдѣлъ крепкихъ напитковъ представленъ на выставкѣ едва-ли не избытнѣе и не роскошнѣе всѣхъ остальныхъ, и — что ни экспонентъ, то — художественное произведение! Изобрѣтательность фантазіи и изысканность вкуса водочныхъ заводчиковъ въ композиціи витринъ и выставокъ, въ разнообразнѣйшихъ видахъ, формахъ и уподобленіяхъ, при посредствѣ штофовъ и бутылокъ, положительно не имѣютъ себѣ равныхъ. Безспорно, что это искусство придаетъ внѣшній блескъ выставкѣ, но приче́мъ тутъ цѣли чисто промышленныя, — объ этомъ ужъ пусть рѣшитъ мудрый Эдипъ, мастеръ разгадывать загадки.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что подобная роскошь мебелировки и погоня за декоративностью составляютъ отличительную черту почти всей выставки. Потрачено на этотъ «блестирь» для глазъ пропасть силъ и денегъ, и есть много экспонентовъ, у которыхъ мебель и обстановка несравненно дороже стоятъ и несравненно болѣе заслуживаютъ восхищенія, чѣмъ выставленные предметы ихъ производства. Поверхностный и неопытный зритель, поражаясь этимъ блескомъ и богатствомъ декоративной стороны, кончаетъ тѣмъ, что, въ результатѣ осмотра, въ головѣ его остается воспоминаніе о прекрасныхъ шкафахъ, витринахъ, кіоскахъ, пышныхъ драпировкахъ, ярко раскрашенныхъ и вызолоченныхъ орнаментахъ, и — вся эта столлярно-обойная рухлядь пестрымъ калейдоскопомъ проносится въ памяти, совершенно загромождая собою самую сущность выставки... Ненужное, лишнее, вымученное тщеславіемъ и жаждой крикливой рекламы, въ значительной долѣ безвкусное, аляповатое и недѣльное, — все это бьетъ въ глаза на каждомъ шагу въ убранствѣ выставленныхъ предметовъ и составляетъ какую-то чудовищную шелуху для обмана зрѣнія и отвода его отъ мизернаго содержанія экспонируемыхъ произведеній. Можно съ увѣренностью сказать, что въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ группахъ такая ненужная мебелировка занимаетъ огромную часть мѣста и подавляетъ собой ихъ содержаніе. Кому это нужно, кого хотятъ тутъ обмануть — не знаемъ? — Скорѣе всего нужно предположить, что просто одолѣла фраза — платоническая, хлестаковская фраза, которая, обманывая другихъ, сама себя обманыва-

еть и самоуслаждается своей красивой игрой и фигурностью, мало заботясь о томъ, какую дрянь и пустоту она подъ собой скрываетъ! Фигурность и вычурность, порожденныя погоней за блескомъ европейской индустриі, составляютъ въ особенности рельефную принадлежность мѣстной московской промышленности, которая создала, напр., такую диковинку, какъ «французскій сахарный квасъ», оказывающійся испорченными кислотами... Нигдѣ и никогда такого холопства, такого «лакейства передъ Европой», въ дурномъ смыслѣ этихъ словъ, вы не встрѣчали и не встрѣтите, какъ на нынѣшней всероссійской выставкѣ, поражающей, именно, отсутствіемъ всякой почти самобытности и національности. Это лучше всего подтверждаетъ слѣдующій, по порядку нашего обзора, отдѣлъ ремесленныхъ издѣлій, составляющій VIII-ю группу, смежную съ сейчасъ пройденною нами—VII-й.

Восьмая группа образуется изъ обширной отрасли предметовъ одежды, обуви, домашней утвари и проч. Она не представляетъ никакого почти интереса, потому что хорошо знакома намъ изъ ежедневнаго горькаго опыта, неотразимо убѣждающаго въ томъ, что наши Тришки, хотя и пишутся «пріѣзжими изъ Парижа» и выдаютъ свои издѣлія за «нѣмецкую работу» изъ «французскихъ матерій», но, на самомъ дѣлѣ, остаются закоренѣлыми «самобытниками» и патриотами своего отечества, что касается прочности работы и доброкачественности матеріала. Но это-бы еще не бѣда; горько и характеристично то на нынѣшней выставкѣ, что вся она почти ушла въ предметы роскоши и потребленія однихъ лишь богачей и людей достаточныхъ, не говоря уже о томъ, что предметы эти, въ большинствѣ, — плохое подражаніе европейскимъ. Какъ въ группѣ одежды и утвари, такъ и въ другихъ группахъ, мужикъ и, вообще, малодостаточный потребитель съ его нуждами—совсѣмъ забыты. Изъ предметовъ народнаго потребленія, если не считать роскошнаго выбора напитковъ для спиртнаго отравленія, подъ золотописными этикетами, едва-ли не одни лишь березовые вѣники да лыковые лапти нашли себѣ здѣсь почетное мѣсто и болтаются въ уединеніи на гвоздикахъ, въ своей первобытной красѣ, какимъ-то олицетвореннымъ жесто-

кимъ сарказмомъ надъ всѣмъ этимъ парадомъ россійскаго просвѣщенія и прогресса.

Должно оговориться, что мы здѣсь разумѣемъ нашу культурную, обьевропейшующую промышленность, и ей одной ставимъ въ упрекъ это забвеніе нуждъ народныхъ, это отсутствіе заботы усовершенствовать крестьянское жилище, одежду мужика и дать ему что-нибудь, болѣе человѣчное, чѣмъ, напр., традиціонный и ни съ чѣмъ несообразный лапотъ. На дѣлѣ оказывается, что промышленность—барыня, съ аристократическими, дурнаго тона претензіями на вѣйшее франтовство и фанфаронство, въ ущербъ опрятности, благосостоянію и порядочности у себя дома, на «черной» половинѣ. Такой промышленности, которая гонится за спекулятивнымъ блескомъ, натуживается подражать въ изысканности и роскоши заграничнымъ издѣліямъ, въ угоду однихъ сытыхъ и богатыхъ сибаритовъ, похвальнаго листа мы не дали-бы. Въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, промышленность по преимуществу должна быть демократическая и, будучи прогрессивной, она должна-бы не только идти на встрѣчу нуждъ и потребностей массы, но постепенно развивать ихъ, создавать и возвышать ихъ общій уровень. Но такъ какъ этого нѣтъ у насъ, то нынѣшняя выставка изображаетъ собой чрезвычайно курьезное и весьма поучительное зрѣлище: она состоитъ какъ-бы изъ двухъ половинъ—одной, усовершенствованной, европейской, «господской», занявшей собою порядочные хоромы, и—другой, мужичьей, приткнувшейся гдѣ-то на задворкѣ, въ особомъ элигелькѣ, и своимъ содержаніемъ возвращающей насъ къ блаженнымъ временамъ Гостомысла и житья нашихъ предковъ чуть не «звѣриньскимъ образомъ». Говоримъ о группѣ кустарной крестьянской промышленности, касающейся одежды, обуви и утвари нашихъ святорусскихъ пейзазовъ. Контрастъ выходитъ поразительный, почти смѣхотворный!

Сравните, напр., съ одной стороны, эти дамскія накидки, платья, шали, изъ тончайшей шерсти и шелка, на тканья и шитья которыхъ ослѣпilo сотни глазъ и истомились сотни искусныхъ рукъ, а съ другой — эти грубыя самодѣльные «панёвы», «плахты», сарафаны изъ допотопной крашенины и т. под. Въдъ это два конечные полюса человѣческой культуры, между которыми улеглись цѣлыя тысячелѣтія труда и развитія! Тамъ—по-

сладшее слово европейскаго прогресса, здѣсь—продукты чуть не каменнаго періода и существованія пещернаго человѣка, только что изобрѣвшаго тнанъ для прикрытія своей срамной наготы... Этимъ подавляющимъ противорѣчіемъ благодущный россиянинъ нисколько, впрочемъ, не поражается и съ одинаковой невозмутимостью любитъ: и лыковыми лаптями изъ Нижегородской губерніи, и щегольскими игрушками — сапожками изъ лайковой кожи варшавской работы, и удивительнымъ письменнымъ столомъ «въ русскомъ стилѣ» нѣкоего Егорова, въ 9,000 рублей, и — первобытнымъ крестьянскимъ стуломъ, выдолбленнымъ изъ древеснаго пня цѣною въ два алтына, и чудесами шелкоткацкаго искусства, производящаго по новѣйшей системѣ, на нашихъ глазахъ, портреты государей, и патриархальными, ручнаго издѣлія, ялуторовскими поясами, съ такими напр. оригинальными эпиграфами: «Сей поясъ дозволяется носить крестьянину Семену Баранову», или — «Я въ пустыню удаляюсь», или — «Не помню свое рожденіе и не слышу, какъ расту», или наконецъ: — «Ты бѣги, мой конь, торопись!»

Изъ восьмой группы мы переходимъ въ девятую, занимающую обширное пространство какъ въ центральномъ зданіи, такъ и въ примыкающей къ нему пристройкѣ. Здѣсь помѣщены машины, аппараты, строительные матеріалы и работы. Все здѣсь блеститъ полированнымъ металломъ и пестритъ массой колесъ, шестерней, рычаговъ, въ хаосъ которыхъ трудно разобраться неспециалисту. Мы ищемъ изобрѣтеній русскаго генія, продуктовъ отечественной «самобытности» въ области механики и техники, и — увы! — не находимъ по этой части ничего или очень мало. Странная, притомъ, особенность нашихъ самородныхъ Стеенсоновъ и Фультоновъ! Они, по большей части, ищутъ послѣдняго слова человѣческаго генія, стремятся изобрѣсть непременно *regretium mobile* и — на меньшемъ не мирятся. Такою претензіей удручены, между прочимъ: Давидъ Беренштейнъ, представившій «не прерывно дѣйствующій аппаратъ для винокуренія», Иванъ Хайновскій, изобрѣвшій «горизонтальный вѣтряной двигатель», Матвѣй Ивановъ, похваляющійся какой-то удивительной машинкой для чесанія шерсти, подъ названіемъ «русскій секретъ», и др. Судить объ остроуміи и пригодности этихъ «русскихъ секретовъ» мы не беремся.

Въ машинномъ отдѣленіи пріятно изумляетъ зрителя необыкновенная производительность московскаго императорскаго технического училища, выставившаго цѣлую группу разнообразныхъ механизмовъ, отличающихся солидностью и тщательностью работы. Не менѣе тщательны, изящны и роскошны произведенія московскаго каретнаго производства, но ничего оригинальнаго и «самобытнаго» здѣсь нѣтъ и слѣда. Слѣдующій, затѣмъ, отдѣлъ строительныхъ матеріаловъ весьма бѣденъ и—опять таки поражаетъ своимъ аристократизмомъ и отсутствіемъ широкихъ утилитарныхъ цѣлей, въ интересъ общаго блага народнаго. А гдѣ-бы, казалось, какъ не въ Россіи, ежегодно выгорающей на добрую четверть, строители и зодчіе должны-бы порадовать объ изобрѣтеніи такихъ построекъ и такихъ для нихъ матеріаловъ, которые при общедоступной цѣнѣ, отличались-бы и огнеупорными свойствами? Но на выставкѣ вы видите, по этой отрасли, почти исключительно однѣ принадлежности богатыхъ хорошъ и палаццо: вычурные орнаменты съ позолотой, поддѣльные граниты и мраморы, фигурные изразцы баснословной дороговизны, удивительные паркеты, даже надгробные монументы; а какой-то цементный заводъ воздвигъ изъ предмета своего производства цѣлый храмъ въ античномъ вкусѣ, съ глиняными богами и орнаментами.

Повернувъ влѣво изъ машиннаго отдѣленія, мы попадаемъ въ какую-то Голконду, сверкающую золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Это—группа фабричныхъ и ремесленныхъ издѣлій изъ металловъ, гдѣ царствуютъ пріобрѣвшіе всесвѣтную извѣстность наши искусники: Сазиковы, Хлѣбниковы, Овчинниковы, Постниковы и другіе производители серебряныхъ издѣлій, отдѣлка которыхъ, какъ извѣстно, доведена у насъ до изумительнаго, неподражаемаго совершенства. Не менѣе роскошны здѣсь бронзы Шопена, рѣзные камни, грандіозныя вазы и инкрустация императорскаго завода, ювелирныя издѣлія и брилліанты разныхъ мастеровъ, хотя, кажется, брилліанты—вовсе не отечественное произведеніе, да и отдѣлка ихъ производится за-границей. Отдѣлъ драгоценныхъ металловъ, вообще, очень хорошъ, можно сказать—ослѣпительнъ; но никакой утѣшительной морали изъ него не выжмешь, по отношенію къ успѣхамъ російской промышленности. Что намъ за дѣло до этихъ изумп-

тельныхъ по своему искусству, доведенныхъ до послѣдней степени совершенства, драгоценныхъ бездѣлушекъ, когда рядомъ, передъ нашими глазами, виситъ, во всей своей нетронутой первобытной красѣ, неуклюжій русскій лапотъ, въ которомъ, вотъ уже тысячелѣтіе, топчется на одномъ мѣстѣ православная сермяжная Русь, не дѣлая почти ни шагу въ прогрессъ своего домашняго быта, своей одежды, обуви и пр.?

Издѣлія изъ желѣза, стали и другихъ дешевыхъ металловъ, помѣщенные въ одной группѣ съ издѣліями изъ «благородныхъ» металловъ, отличаются обиліемъ и разнообразіемъ. Здѣсь блистаетъ російскій Шеффилдъ своими ножами, Тула своими самоварами, Варшава своимъ поддѣльнымъ серебромъ и гнущейся желѣзной мебелью, бросающейся въ глаза своей легкостью и изяществомъ. Вообще, Варшава и Царство Польское, рядомъ съ Финляндіей представленныя въ центральномъ зданіи, вслѣдъ за шестой группой, производятъ весьма выгодное впечатлѣніе богатствомъ, солидностью и практичностью своихъ издѣлій. Польскія шерстяныя издѣлія, экипажи, земледѣльческія орудія и пр. успѣшно конкурируютъ даже съ заграничными. Финляндія, съ своей стороны, выдается простотой, прочностью, дешевизной и тщательностью своихъ издѣлій, между которыми останавливаютъ наибольшее вниманіе прекрасныя пеньковыя и льняныя ткани, кружева, стальные издѣлія, писчая бумага и пр.

Пройдя финляндскій отдѣлъ, мы вступаемъ въ III-ю группу, составленную изъ сельско-хозяйственныхъ произведеній и съѣстныхъ припасовъ. Группа эта весьма обширна; тутъ даже пристрастный и компетентный любитель агрикультуры потеряется въ нескончаемомъ множествѣ образцовъ разныхъ хлѣбныхъ злаковъ—всѣхъ этихъ озимыхъ и яровыхъ пшеницъ, гирокъ, гарновокъ, «сандомірокъ», «красноколосокъ», «пробштейнскихъ овсовъ», «двурядныхъ» ячменей и т. п. Разумѣется, наше сельское хозяйство является здѣсь въ полной парадной формѣ, какъ на инспекторскій смотръ, и щеголяетъ необыкновеннымъ изобиліемъ и добротностью своихъ продуктовъ... Можно подумать, съ перваго взгляда, что здѣсь представленъ текущій млекомъ и медомъ, обѣтованный Ханаанъ, и—ни слова, ни намека, напр., о лебедѣ, о сосновой корѣ и другихъ питательныхъ суррогатахъ хлѣба, которыми добрую половину жизни кормится едва-ли не

половина русских мужичковъ хлѣбопашцевъ! Парадъ соблюденъ въ совершенствѣ — комаръ носа не подточить...

Впечатлѣніе такого-же блистательнаго парада производитъ и горнозаводскій отдѣлъ... Посмотрите на эту колоссальную золотую пирамиду, изображающую собой кубическое содержаніе золота, добытаго въ богатыхъ розсыпяхъ Сибири! Шапка валится съ головы, когда поднимаешь голову, чтобъ обозрѣть всю ея ошеломляющую величину; но, вспомнивъ, что это только дешевый картонъ и что эта пирамида изображаетъ лишь размѣръ дани, уплаченной нами Европѣ за нашу неумѣлость, невѣжество и бѣдность, за наше экономическое и торговое рабство, и что золотая монета въ настоящее время составляетъ чуть не диковинку на российскомъ денежномъ рынкѣ, вы невольно смиритесь духомъ... Фраза, фраза безъ содержанія, картонная и пустозвонная, прозвучитъ въ вашихъ ушахъ изъ этого оклееннаго сусальнымъ золотомъ обелиска, какъ она звучитъ и изъ множества другихъ кунштюковъ выставки!

Горнозаводскій отдѣлъ изобилуетъ образцами желѣза и каменнаго угля, изъ которыхъ экспоненты ухитрились создать массу разнообразныхъ скульптурно-зодческихъ сооружений и затѣй... Все это очень красиво и художественно, но въ какой степени матеріалъ, послужившій для этихъ изящныхъ произведеній, доброчаственъ самъ по себѣ—это ужъ рѣшить компетентная экспертиза.

Внушительное, потрясающее впечатлѣніе производятъ военный и морской отдѣлы—особенно послѣдній, выставившій группу чудовищныхъ пушекъ, одинъ видъ которыхъ долженъ-бы устрашить враговъ отечества. Образцы оружія, снаряженія судовъ, военного довольствія, солдатской одежды—многочисленны и, на видъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Все это—новенькое, съ иглочки—тѣшитъ глазъ и гонитъ прочь прискорбныя воспоминанія о ружьяхъ, которыя не стрѣляютъ, когда нужно, о гниломъ сукиѣ и дырявыхъ подошвахъ, въ которыхъ русский чудо-богатырь издавна ходилъ «подъ турку» и одерживалъ побѣды...

Покончивъ обзоръ всѣхъ описанныхъ сокровищъ российской промышленности, мы возвращаемся въ предѣлы ранѣе осмотрѣнной нами седьмой группы и, такимъ образомъ, заключаемъ наше круговое шествіе по кольцеобразному главному зданію выставки.

Чтобы отдохнуть и освѣжиться на вольномъ воздухѣ, мы выходимъ на внутренній дворъ описаннаго зданія, превращенный въ улыбающійся зелеными лужайками и тощими кустиками скверъ, посреди котораго возвышаются четыре фонтана и крытая эстрада для музыки. Здѣсь-же возвышается и статуя Россіи, воздвигнутая мѣстнымъ, московскимъ скульпторомъ, въ видѣ какой-то приземистой, толстомясой и полногрудой кормилицы, облеченной въ странный фантастическій костюмъ... Статуя плоха, но не лишена юмористической аллегоріи, если принять во вниманіе, что Россія и по наши дни служитъ безропотной, неоскудѣвающей млекою кормилицей для цѣлаго легіона титулованныхъ и нетитулованныхъ хищниковъ. Образъ кормилицы, мамки, обладающей пространными, наливными сосцами, — настоящая и самая меткая ея эмблема...

Отдохнувъ во внутреннемъ скверѣ и полюбовавшись фигурой Россіи, наводящей нашу мысль на вышеприведенныя, отчасти, гражданскія, отчасти эстетическія соображенія, мы переходимъ, чрезъ одинъ изъ входовъ центральнаго зданія, на примыкающую сзади его, огромную загороженную площадь, на которой размѣстился вольный городъ кіосковъ, павильоновъ, бараконъ и домовъ. Здѣсь помѣщены, между прочимъ, группы: садоводства и огородничества, кустарной промышленности, домашнихъ животныхъ и предметовъ помощи страждущимъ. За исключеніемъ хорошо подобранной кустарной промышленности, о которой мы выше сказали мелькомъ и основательное описаніе которой потребовало бы особой статьи, здѣсь нѣтъ ничего общеприятнаго. Розы всякихъ сортовъ, кактусы и пальмы садоваго отдѣла, жирные бараны и чудовищные быки животнаго отдѣла—безспорно любопытны, но развѣ для специалистовъ, ибо не представляютъ собою явленія общаго, знаменующаго успѣхи нашего садоводства и скотоводства вообще... Чтò отраднаго и занимательнаго увидѣть какого нибудь выколѣннаго, породистаго минотавра, въ сто пудовъ вѣсомъ,—предметъ гордости и любви своего хозяина,—когда мы очень хорошо знаемъ, что въ Россіи скотоводство вынче падаетъ и качественно, и количественно!

Во время прогулки по этой части выставки, посѣтители слушаютъ «малиновый» звонъ нѣсколькихъ прекрасныхъ колоколовъ московскихъ литейщиковъ, кушаютъ сладкіе пирожки и

конфекты въ затѣшливомъ, кондитерскаго стили, кіоскъ извѣстнаго фабриканта Абрикосова, тутъ же запиваютъ ихъ шипучими фруктовыми водами въ павильонѣ Ланина, дагѣ останавливаются передъ нѣсколькими кіосками, продающими произведенія печати, и, наконецъ, вступаютъ подъ гостепріимную сѣнь ресторана Лопашова, чтобы опочить отъ труда утомительнаго обзора и подкрѣпить свои силы далеко не блестящими произведеніями его кухни.

Конечно, за одинъ и даже за нѣсколько разъ обозрѣть всю выставку въ подробности—физически невозможно. На ней, вѣдь, собрано болѣе 5,000 экспонентовъ, выставившихъ слишкомъ пятьдесятъ тысячъ номеровъ своихъ произведеній. Такой массы не одолѣть и въ мѣсяцъ самому внимательному обозрѣвателю! Интересно упомянуть, къ слову, о распредѣленіи экспонентовъ по мѣстностямъ. Оказывается, что на выставку долженствовало, по первоначальному заявленію, явиться 6,500 лицъ, въ томъ числѣ: 4,200 изъ великороссійскихъ губерній, 700 изъ Малороссіи, 300 изъ Новороссіи, остальные изъ Царства Польскаго, Финляндіи, Сибири, Кавказа и Туркестана. Но болѣе 1,500 лицъ опоздало или раздумало явиться на выставку со своими произведеніями. Не смотря на это, она все-таки вышла весьма обширной и, по величинѣ, еще не имѣвшей себѣ подобной въ Россіи, чѣмъ особенно и гордятся сангвиническіе патріоты.

Тѣ же патріоты ждуть отъ этого «праздника» Россійской промышленности какихъ-то необычайно—благодѣтельныхъ результатовъ для ея развитія и, вообще, для подъема нашей внутренней культуры и нашего народнаго богатства. Не хотимъ быть дурными пророками и не станемъ разочаровывать сангвиниковъ въ ихъ розовыхъ надеждахъ; но уже и теперь ясно, что выставка не будетъ имѣть успѣха и пройдетъ, почти незамѣченная массою, народомъ. Если это и въ самомъ дѣлѣ—«праздникъ», то развѣ лишь праздникъ плутократіи и спекуляціи, по преимуществу. Передъ вами парадируетъ, въ обстановкѣ моды, роскоши и сибаритства, сытое буржуазное брюхо, похваляясь чужимъ трудомъ и потомъ, потраченными въ огромномъ большинствѣ случаевъ на пустыки, на прихоти и забавы немногихъ баловней фортуны, въ то время, какъ тѣ, кто произвелъ всѣ эти блески и кунштюки индустріи, топчатыся въ лыковыхъ лап-

тахъ, ходятъ въ рваныхъ сермягахъ, питаются всякой дрянью и живутъ въ курныхъ избахъ...

Это-ли «праздникъ» народной промышленности, знаменующій, что наша земля велика, богата и обильна?!..

Скептическій россиянинъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Недоразумѣніе прискорбнаго свойства.—1880 годъ.—Нарожденіе «національной, или народной русской политики».—Что значитъ—«все для народа; ничего для интеллигенціи»?—Связь между народомъ и интеллигенціею; причины и значеніе этой связи.—Значеніе принятыхъ правительствомъ мѣръ въ интересахъ крестьянъ и отношеніе къ нимъ общества.—Причины недовольства ретроградовъ дѣятельностью гр. Игнатъева.—Значеніе общественнаго мнѣнія.—Печать столичная и провинціальная.—Одиночество «Московскихъ Вѣдомостей».

Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ личныя воззрѣнія и желанія министра не имѣютъ такого рѣшительнаго вліянія на ходъ данной отрасли государственной дѣятельности, какъ въ Россіи. Съ 31-го мая, вмѣсто графа Н. П. Игнатъева, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ графъ Д. А. Толстой, президентъ академіи наукъ, занимавшій, два года тому назадъ, постъ министра народнаго просвѣщенія, на которомъ онъ пробылъ въ теченіе 14-ти лѣтъ минувшаго царствованія. Понятно, какое значеніе можетъ имѣть такая перемѣна въ ходѣ дѣлъ нашей внутренней политики.

Не намъ быть панегиристами дѣятельности сошедшаго со сцены министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатъева. Въ теченіе полугода, мы не переставали протестовать противъ «фальшивыхъ» сторонъ такъ-называемой «народной политики», получившей при графѣ Игнатъевѣ довольно осозательное развитіе. Да и не въ панегирикѣ дѣло. Графъ Игнатъевъ слишкомъ годъ управлялъ важнѣйшею отраслью государственной дѣятельности. Въ этотъ промежутокъ времени что-нибудь дѣлалось, что-нибудь предполагалось, намѣчалось. Въ этомъ «что-нибудь» обязательно дать себѣ ясный отчетъ, чтобы ориентироваться въ дальнѣйшемъ ходѣ управленія нашими внутренними дѣлами.

Въ моментъ страшнаго потрясенія Россіи катастрофою 1-го марта, вступилъ графъ Игнатъевъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Темная реакціонная сила неслась уже на всѣхъ парахъ, со страницъ ретроградныхъ газетъ: одни про-

возглашали «правдѣ» и «спасительное значеніе народнаго самосуда», т. е. по просту—кулачную расправу толпы; другіе кричали: «назадъ!» «домой!» третьи доказывали, что «реакція есть жизненный процессъ», и, во имя этой «жизненности реакціи», кликали «властную руку», которая съ одного взмаха задушила бы все, что есть политически-осмысленнаго, сознательнаго въ русскомъ обществѣ. Какъ это ни странно, но шкваль 1-го марта придавилъ ту именно часть русскаго общества, которая горячо и искренно сочувствовала реформамъ прошлаго царствованія, честно трудилась въ дѣлѣ практическаго ихъ примѣненія и употребляла всѣ усилія, чтобы оградить ихъ отъ разрушительнаго вліянія реакціонной силы, энергически подкапывавшейся подъ эти реформы съ самаго момента ихъ зарожденія, и особенно со второй половины 60-хъ годовъ. Шкваль былъ направленъ въ эту сторону рукою ретроградной печати. Катастрофа 1-го марта дала поводъ разнуздаться низменнымъ инстинктамъ до крайней степени. Забывъ совѣсть и стыдъ, ретроградная печать объединяла съ анархистами поголовно всѣхъ, сочувствовавшихъ реформамъ прошлаго царствованія; все, что носить въ себѣ задатки улучшенія и дальнѣйшаго развитія, приравнивалось ими къ революціоннымъ стремленіямъ, къ неиспроверженію существующаго порядка и ставилось заурядъ съ государственными преступленіями.

Были особенныя причины для проявленія злобныхъ страстей въ реакціонномъ лагерѣ. Ужасной катастрофѣ 1-го марта предшествовалъ годъ управленія, представляющій свѣтлую полосу въ русской жизни за послѣднія 15 лѣтъ. Въ нашу жизнь была впущена струя свѣжаго воздуха и свѣта. Реакціонеры, за это время, обезличились и ступали такъ же, какъ это было уже съ ними прежде, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, когда такъ свободно дышалось русскому обществу, когда наша жизнь переполнена была радужными надеждами, и каждый мыслящій русскій чувствовалъ себя въ положеніи человека, который несетя къ лучшему, свѣтлomu будущему на обаятельной Гоголевской тройкѣ...

Здѣсь необходимо разяснить недоразумѣніе крайне прискорбнаго политическаго свойства. То, что у насъ называютъ консервативною партіею, представляетъ собою въ сущности партію реакціонную. Наоборотъ, такъ-называемая либеральная партія представляется партіею консервативною въ европейскомъ смыслѣ слова. Утративъ юридически права крѣпостничества, рабовладѣльчества, ретрограды, во чтобы то ни стало, стараются удержать за собою эти права въ какой бы то ни было формѣ. Поэтому вся дѣятельность, всѣ усилія этой якобы консервативной партіи употреблялись всегда на то имен-

но, чтобы затормозить реформы, направленные къ искорененію рабства въ Россіи и къ развитію у насъ гражданскаго самосознанія,—чтобы павратить практическое примѣненіе реформъ, во имя сохраненія остатковъ рабства, въ замаскированномъ, разумѣется, видѣ, но такъ однако, чтобы безпрепятственно и безнаказанно можно было утилизировать его для своихъ личныхъ, узко-эгонистическихъ цѣлей. Подъ вліяніемъ усилій реакціонеровъ, реформы прошлаго царствованія утратили въ значительной степени свое животворное значеніе, и остались какъ-бы недоуѣланными; ослабѣло вліяніе закона въ жизни; развилась чрезвычайно сложная система всевозможныхъ злоупотребленій; общественная деморализація сковала русскую жизнь и держитъ ее въ какомъ-то неподвижномъ, апатическомъ состояніи. Каждый сколько-нибудь развитый и мыслящій человекъ понимаетъ, что никакая внутренняя созидательная работа не мыслима при господствѣ реакціонной партіи. Какъ отжившій политическій элементъ, ретрограды вносятъ во внутреннюю жизнь застой и омертвленіе. Силясь попятить народную жизнь ко временамъ чуть ли не Тохтамыша, они подкапываются подо все, что способствуетъ мирному развитію, что выводитъ народныя и общественыя силы на широкій путь законоуѣрнаго, правильнаго прогресса. Въ этомъ дѣятельность реакціонеровъ, если и не совпадаетъ, то весьма существенно соприкасается съ дѣятельностью такъ осуждаемыхъ ими анархистовъ. Правда, у тѣхъ и другихъ разные цѣли и средства дѣятельности, но сущность ея одна и та же—работа не созидательная, а разрушительная. Обѣ эти партіи, діаметрально противоположны по цѣли и направленію, но одержимыя одною и тою же болѣзью—стремленіемъ къ разрушенію, весьма дѣятельно помогаютъ другъ другу, безъ всякой открытой солидарности между собою. Двѣ крайности всегда сходятся, и во французскомъ, напр., парламентѣ бонапартисты и клерикалы нерѣдко вопрекутъ съ «непримиримыми».

Словомъ, тѣ, которыхъ называютъ консерваторами, не только ничего не охраняютъ, но положительно вносятъ въ жизнь заразу разрушенія и представляютъ собою реакціонную силу весьма мрачнаго и опаснаго политическаго свойства. Наоборотъ, такъ-называемая либеральная партія всегда стояла и теперь стоитъ на сторонѣ мирныхъ реформъ, строго придерживаясь того направленія, которое точно, положительно выражено въ начертаніяхъ реформъ законодательною властію и исполненіе котораго священо и обязательно для каждаго, въ комъ есть настоящая, а не мнимая и самозванная гражданская доблесть. Эта партія всегда была самымъ энергическимъ пособникомъ верховной власти въ дѣлѣ реформъ. Ея усиліями реформы проводи-

лись въ жизнь; она оберегала чистые принципы ихъ отъ грубаго прикосновенія вандальскихъ рукъ. Такимъ образомъ, тѣ, которыхъ называютъ либералами, оказываются, по своему положенію и характеру внутренней политической дѣятельности, консерваторами въ чистѣйшемъ европейскомъ смыслѣ этого слова. Они то именно и защищали реформы отъ тлетворнаго вліянія ретроградной партіи. Неудовлетворительно у насъ примѣненіе реформъ, не согласуется оно съ законодательнымъ предназначеніемъ ихъ; но оно было бы несравненно хуже, еслибы это дѣло всецѣло досталось въ руки ретроградовъ, какъ они домогались этого, еслибы такъ-называемая либеральная партія не досматривала за реформами, не вела изъ-за этого, съ огромнымъ рискомъ для себя, отчаянную борьбу съ ретроградами. Вся внутренняя созидательная работа по части обновленія нашего государственнаго и общественнаго строя—дѣло рукъ той именно партіи, которую, какъ бы въ поруганіе, называютъ либеральною. По существу же дѣла, партія эта была либеральна настолько, насколько было либерально само правительство въ своей реформаторской задачѣ; а въ практической внутренней государственной дѣятельности она представляла всегда то именно, что на европейскомъ языкѣ называется консервативнымъ политическимъ элементомъ; потому что она стояла всегда на почвѣ закона, стремилась только къ тому, чтобы реформы выполнялись во всей полнотѣ и неприкосновенности законодательнаго ихъ предназначенія—словомъ, охраняла святость и неприкосновенность закона, авторитетъ верховной власти, что и составляетъ консервативное государственное начало въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Великое благодѣяніе оказалъ русской жизни просвѣтъ 1880 года. За цѣлый пятнадцатилѣтній промежутокъ времени, русское общество впервые спокойно, сосредоточенно вдумалось въ свое положеніе, заботливо осматрѣлось вокругъ и уразумѣло горькую истину, что народная жизнь сильно пострадала отъ непослѣдовательности реформаторской дѣятельности. Тамъ хищенія; здѣсь подлоги; въ другомъ мѣстѣ голодовки и полное обнищаніе населенія и т. д. Факты эти ни для кого не были новостью. И прежде эти прорѣхи чувствовались и сознавались на каждомъ шагу жизни, но сознаніе это оставалось неяснымъ, туманнымъ, неоформленнымъ. До 1880 года, ретрограды, стоявшіе въ роли же - охранителей, выхлопотавшіе себѣ привилегію на благонамѣренность и патріотизмъ, заботились единственно о томъ, чтобы печать только «славословила» и «ликовала», но отнюдь не касалась народныхъ нуждъ. Если же кто-либо изъ неосторожныхъ переходилъ этотъ рубиконъ благонамѣренности и патріотизма, касался народныхъ нуждъ, позволялъ себѣ высказать сомнѣніе, что въ дѣйствительности едва-ли все обстоитъ благопо-

лучно, какъ объ этомъ словословятъ ретроградствующіе quasi—охранители, — ретрограды немедленно били тревогу, указывали на «неосторожнаго», какъ на опаснѣйшаго изъ крамольниковъ, и зывали о карахъ. Въ 1880 году, въ лже-охранителяхъ не оказалось болѣе никакой надобности, и они остались за штатомъ; «пѣснопѣніе», «славословіе» и «ликованіе» замѣнилось гласнымъ, спокойнымъ, добросовѣстнымъ анализомъ жизни и ея дѣйствительныхъ нуждъ. Пробудилось вновь общественное сознаніе, началась работа общественной мысли. Черезъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, впервые сознаны были и оффиціально установлены факты малоземелья, крестьянскаго обѣдненія и чрезмѣрной податной тягости. Выясненіе народныхъ нуждъ не только никого не раздражало, но явно успокоивало общество. Надъ выясненіемъ работали земство и печать. По мѣрѣ того, какъ выяснялись нужды, вырабатывались и мѣры. Такимъ образомъ на очередь были поставлены вопросы: о переселеніи крестьянъ; о необходимости помощи малоземельнымъ и обезлѣсеннымъ, за счетъ казенныхъ земель и лѣсовъ; о крестьянскомъ поземельномъ кредитѣ; о податной реформѣ, т. е. о замѣнѣ подушной подати подоходнымъ налогомъ; о необходимости земскихъ съѣздовъ для обсужденія вопросовъ, имѣющихъ не мѣстный только, но и общій характеръ; о необходимости переустройства крестьянскаго управленія и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ связи со всею вообще системою мѣстнаго управленія, начиная съ сельской общины и кончая генералъ-губернаторствами. Общество видѣло, что по мѣрѣ того, какъ выясняются въ печати и земствѣ тѣ или другія нужды, разрабатывается такая или иная мѣра, эта общественная работа немедленно отражается въ начинаніяхъ правительственной дѣятельности. Вотъ это-то именно ободряло и оживляло общество. Какъ ни велики были постепенно выясняющіяся народныя нужды, но общество вѣрило въ свои силы, вѣрило въ возможность исправленія зла, каковы-бы ни были его размѣры. Въ обществѣ болѣе и болѣе просыпалась надежда на лучшее будущее, а вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнула энергія, пробуждались силы и готовность помогать правительству въ его добрыхъ начинаніяхъ.

Въ этотъ годъ легко дышалось всей мыслящей части русскаго общества. Она не заподозривалась. Ея готовность работать на пользу общую не приравнивалась къ государственному преступленію и «потрясенію основъ». Правда, огромному большинству образованнаго класса оставалась закрытой дорога къ общественной дѣятельности; но, тѣмъ не менѣе, оно работало на пользу общую путемъ печати, — и работа велась весьма энергично и успѣшно. Печать, оставаясь несвободною юридически, фактически была свободна болѣе, чѣмъ когда-бы то ни было.

Ссылаясь на свидѣтельство главнаго управленія по дѣламъ печати, мы утверждаемъ, какъ положительный фактъ, что никогда русская печать не отличалась такою безупречною во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ этотъ именно годъ. Цензурное управленіе почти вовсе не вмѣшивалось въ дѣла печати. Роль цензора перешла къ редактору, и это былъ разумнѣйшій изъ цензоровъ, когда-либо существовавшихъ въ Россіи. Тонъ и содержаніе печати были серьезны, дѣловиты, и воздѣйствовали на общество наилучшимъ, благогроживающимъ образомъ. Всѣ тѣ вопросы, которые перечислены нами выше, возбуждены были печатью, ею же разработаны и поставлены на очередь съ помощью земства.

На порогъ этой великой государственной работы застигла русское общество потрясающая катастрофа 1-го марта. Въ самой сущности этой работы, которая велась не ретроgrадами, а людьми, стоявшими на высотѣ своей задачи, искренно сочувствовавшими идеямъ реформы, заключалось полное отрицаніе самой возможности какого-бы то ни было вліянія ретроgrадовъ на поступательное движеніе русской жизни, или, что то же, смертный приговоръ имъ, въ смыслъ полнѣйшей бесплодности ихъ во внутренней политической дѣятельности, какъ это было въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. Поэтому-то ретроgrадная печать, пользуясь потрясеніемъ русской жизни мартовскою катастрофою, собрала послѣднія усилія, чтобы затормозить поступательное движеніе русской жизни, или даже попятить ее назадъ. Само собою разумѣется, что этимъ нравственнымъ пигмеямъ не удалось парализовать тотъ спасительный гигантскій толчекъ, который получила русская жизнь въ 1880 году, хотя, съ другой стороны, усилія ихъ не прошли совершенно безслѣдно.

Указанные выше вопросы, поставленные на очередь въ 1880 году, получили дальнѣйшее развитіе во время управленія гр. Н. П. Игнатьева министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Крестьянамъ предоставлено льготное пользованіе казенными землями и лѣсами; состоялось пониженіе выкупныхъ платежей, къ сожалѣнію, весьма незначительное; приступлено къ преобразованію податной системы; опубликовано уже «Положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ»; вмѣсто проэктированныхъ земскихъ съѣздовъ по округамъ, созывались земскіе свѣдущіе люди въ столицѣ; наконецъ, въ настоящее время разрѣшаются вопросы — переселенческой и о переустройствѣ всѣхъ мѣстныхъ учреждений, начиная съ сельской общины и низшихъ инстанцій полиціи исполнительнои, и кончая уѣздными и губернскими управленіями и генераль-губернаторствами. Иное дѣло, насколько практично и цѣлесообразно разрѣшены эти вопросы; но фактъ тотъ, что энергическая общественная работа 1880 года не прошла безслѣдно, — и то, что начато прежде, при содѣйствіи общества, продолжаетъ

практически осуществляться правительствомъ. Высоко цѣнятся печать и общество этотъ фактъ и съ величайшею симпатіею относятся, напр., къ заботливости правительства о нуждахъ крестьянъ, составляющихъ болѣе 80% всего государственнаго населенія.

Но ближе всмотритесь и вдумайтесь въ современную жизнь. Почему тогда, когда впервые возбуждались и разрабатывались въ печати тѣ самые вопросы, которые разрѣшаются теперь или уже отчасти разрѣшены, общество было такъ полно энергіи и жизни, а теперь, напротивъ, вездѣ и во всемъ, чувствуется не только упадокъ силъ, но что-то такое невыразимо-удручающее и мертвенное? Какъ это объяснить? Вотъ тутъ-то мы и становимся лицомъ къ лицу съ варварскими усиліями нравственныхъ пигмеевъ, стремившихся затормозить ходъ русской жизни. Разъяснимъ это обстоятельство, столько же прискорбное, сколько и поучительное,

Ретрограды, упорно отрицавшіе существованіе у насъ народныхъ затрудненій, безумно заподозрившіе, въ теченіе 15-ти лѣтъ, всякую заботливость о нуждахъ крестьянъ съ чьей бы то ни было стороны, убѣдившись, наконецъ, въ невозможности парализовать дѣятельность правительства, направленную въ эту сторону, быстро перемѣнили фронтъ: изъ вчерашнихъ враговъ крестьянъ, говорившихъ о нихъ печатно не иначе, какъ о дѣтияхъ, пьяницахъ и ворахъ, они обратились въ друзей, и начали превозносить заботы правительства о нуждахъ крестьянъ. Но умыселъ другой тутъ былъ. Крестьянство и его нужды понадобились ретроgrдамъ только для того, чтобы замаскировать перемѣну фронта безъ измѣненія позиціи. Они повернули дѣло такъ, что нужды крестьянства—новѣйшее открытіе; что о нихъ, будто бы, никто ничего не зналъ и знать не хотѣлъ. Заботы же объ удовлетвореніи этихъ нуждъ, по понятіямъ ретроgrдовъ, это—не выполненіе первѣйшаго долга передъ государствомъ и обществомъ, а нѣчто въ родѣ милости, благодѣянія, и притомъ благодѣянія, специфически свойственнаго нашей широкой натурѣ. Замутивши въ достаточной мѣрѣ общественное сознание этими измышленіями, ретроgrды приступили къ созиданію цѣлой теоріи «самобытности» и «единенія съ народомъ». Въ чемъ заключается сущность этой теоріи,—до сихъ поръ остается непроницаемою тайною ея авторовъ. Не смотря на усиленные просьбы печати раскрыть тайны «самобытности» и «единенія», авторы этой теоріи упорно молчатъ или отвѣчаютъ на просьбы бранью. Наконецъ, когда русское ухо привыкло къ этимъ словечкамъ, ничего, въ сущности, не выражающимъ, началась стряпня новой теоріи,—такъ называемой «національной», или народной русской политики въ

дѣлахъ внутренняго управленія». Тутъ уже нельзя было удержать секрета. Эта новая теорія, о которой до сихъ поръ ничего не извѣстно было самымъ тонкимъ знатокамъ политической науки, очень заинтересовала всѣхъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы и разспросы. Авторы теоріи, припертые къ стѣнѣ, должны были, хоть приблизительно, формулировать свое новое политическое ученіе въ такомъ видѣ: «все для народа; ничего для интеллигенціи». Этимъ ретроградъ головой выдали свою злокозненность.

Интеллигенціи хорошо живется только тогда, когда хорошо живется народу, массѣ населенія. Поэтому-то именно, во все минувшее 25-тилѣтіе, русская интеллигенція, съ огромнымъ даже рискомъ для себя, наперекоръ крайне неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, не переставала заботиться о народѣ и его потребностяхъ, и на первый планъ выставляла всегда не нужды интеллигентнаго класса, а нужды массы населенія, народныхъ нужды. И наоборотъ, для того, чтобы хорошо жилось народу, необходимо, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы хорошо жилось и интеллигенціи,—свободно, привольно дышалось ей. Тогда свѣтъ чельческаго разума и знанія будетъ свободно ниспадать въ темную массу населенія и проникать до самыхъ сокровенныхъ ея угловъ; она будетъ просвѣтляться, облагораживаться, совершенствоваться въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи; нравственное довольство и экономическій достатокъ будутъ явственно увеличиваться, и общее благосостояніе государства будетъ возвышаться и возвышаться. Между народомъ и интеллигенціею есть родственная, органическая связь,—связь неразрывная въ нравственномъ отношеніи. Оторвать интеллигенцію отъ народа, поставить между ними искусственную преграду,—это значитъ подрѣзать у интеллигенціи самые главные жизненные нервы и артеріи, искалѣчить ее въ нравственномъ отношеніи. Точно также отнять у народа связь съ интеллигенціею—значитъ обречь ее на жизнь, подобную жизни животныхъ, чуждую самообразованія, самоусовершенствованія, стремленія къ лучшему. При этомъ условіи, и народъ, и интеллигенція становятся какъ бы бременемъ для государства. Народъ является инертною, беспомощною массою, которую необходимо непрерывно снабжать ссудами на обѣщаніе и продовольствіе, и эта масса, какъ гидра многоглавая, безвозвратно поглощаетъ всѣ такія ссуды, требуя, съ каждымъ годомъ, новыхъ и болѣшихъ. Затѣмъ, эту же массу приходится опекать по части пожаровъ, градобитій, эпидемій, эпизоотій, пьянства, наводненій, засухъ и т. д. и т. д.,—словомъ, опекать и опекать на каждомъ шагѣ, съ огромнымъ ущербомъ какъ для государства, такъ и для самихъ опекаемыхъ. Даже лучшія, гуманнѣйшія мѣры, предпри-

нимаемая къ поднятію народнаго благосостоянія, оказываются непроницаемыми, потому что онѣ не опираются на сознание массы населенія, на безостановочную работу общественнаго ума. Между тѣмъ, именно эта работа общественнаго ума, чувства и совѣсти проводить всѣ мѣры въ практическую жизнь, оживляетъ ихъ здѣсь, заставляетъ приростать къ народной почвѣ и культивироваться сообразно мѣстнымъ особенностямъ; подъ влияніемъ этой же великой и животворящей общественной «работы» оформливается, зрѣетъ и крѣпнетъ сознание массы населенія. Съ другой стороны, силы интеллигентнаго класса гибнутъ безъ практическаго ихъ примѣненія, безъ утилизаціи на пользу общую; огромный капиталъ, затрачиваемый государствомъ на образованіе интеллигентнаго класса, остается невозвращеннымъ въ общую народную экономію. Въ результатѣ оказываются только затраты со стороны государства, да обременительная и даже разорительная въ матеріальномъ отношеніи описка надъ массою населенія.

Но есть слой населенія, которому чужды или даже и ненавистны интересы народной массы. Это—с о с у н ы н а р о д н о й массы, ретрограды и ихъ неизмѣнные сподвижники и пособники—классъ буржуазный, что, въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ: крѣпостники, кабатчики, трактирщики, ростовщики,—словомъ, всѣ тѣ, которые извѣстны подъ именемъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Сказать—«все для народа; ничего для интеллигенціи»,—это означаетъ иначе: н и ч е г о д л я н а р о д а и все для ретроградствующихъ крѣпостниковъ и ихъ сподвижниковъ и пособниковъ—Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, высасывающихъ изъ народа послѣдніе соки.

Какъ бы то ни было, но при разрѣшеніи тѣхъ именно вопросовъ, которые вызваны на свѣтъ Божій, подготовлены и поставлены на очередь усилиями общества, при дружномъ содѣйствіи лучшей части русской печати, интеллигентная часть общества осталась не у дѣлъ, какъ бы за штатомъ. Гдѣ-то тамъ, въ канцелярской дали и тиши, разработывались вопросы, почти даже вовсе не отражаясь въ печати, если не считать лапаческихъ сообщеній, что та кой - т о проэктъ изготовляется, а та кой - т о — предполагается изготовить, да перепечатки готовыхъ уже «положеній». А тутъ, на виду у всѣхъ, бушуетъ шеваль ретроградской печати, какая-то безумная вакханалія, болѣе года уже не дающая покоя всей мыслящей части русскаго общества. Дошло уже до того, что отставной сыщикъ г. Баталинъ самъ себя произвелъ въ столпы отечества и съ воздревскою развязностью сталъ тоже предлагать какія-то мѣры для спасенія Россіи, завидуя лаврамъ г. Каткова. Новаго въ этомъ ретроградномъ пиршествѣ нѣтъ ничего. То же измыва-

тельство надъ реформами и поднапываніе подъ наиболее жизненные ихъ принципы; то же заподозриваніе поголовно всего образованнаго слоя общества и особенно той его части, которая, два года тому назадъ, наиболее дѣятельно работала надъ вопросами, разрѣшаемыми теперь правительствомъ. Сегодня, напротивъ, независимость суда выставляется ретроградомъ опасною для государства, превозносятся благодѣянія, оказанныя Россіи жандармскимъ управленіемъ, съ приснопамятнымъ «шефомъ жандармовъ» во главѣ, и, въ видахъ огражденія общественной нравственности, высказывается требованіе объ изыятіи изъ вѣдѣнія суда всѣхъ семейныхъ дѣлъ, въ особенности дѣлъ объ истязаніи родителями дѣтей, и объ отдачѣ этого рода дѣлъ въ вѣдѣніе жандармовъ, для непосредственнаго разрѣшенія ихъ по усмотрѣнію административной власти. Вчера автономія университетовъ выставилась величайшею язвою государства и проповѣдывалось благодѣтельное вліяніе обращенія университетовъ въ обыкновенное «служилое мѣсто», подъ опекою и контролемъ администраціи. И такъ изо дня въ день; травля и измывательство, измывательство и травля. Ново не то, что говоритъ ретроградная печать, а какъ она говоритъ. Діапазонъ этой печати поднялся такъ высоко, какъ никогда. Какъ глупая баба въ пушкинской сказкѣ, она уже требуетъ себѣ въ полонъ все наше царство, причемъ административная власть должна только исполнять ея велѣнія. Съ другой стороны, та часть печати, успіями которой подготовлялись всѣ разрѣшаемыя теперь правительствомъ мѣры, была обречена на молчаніе; мало того: въ глазахъ общества, она находится даже въ положеніи какъ бы обвиняемаго, потому что принуждена молчать, въ виду дерзкаго переимчиванія блага съ чернымъ, ежедневно производимаго въ ретроградской печати,—лишена возможности отпарировать, какъ слѣдуетъ, инсинуаціи и клеветы ретроградовъ, не имѣющія ни смысла, ни оправданія, и оскорбительныя для человѣческаго и гражданскаго достоинства тѣхъ лицъ, на которыхъ онѣ беззастѣнчиво устремляются.

Да, явленіе по истинѣ необычайное. Велико значеніе тѣхъ государственныхъ мѣръ, которыя частью уже разрѣшены, частью ждутъ еще разрѣшенія и разрѣшаются теперь. При другихъ условіяхъ, рѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ поземельный и податной, не говоря уже о переустройствѣ всего мѣстнаго управленія, вызвало бы величайшее оживленіе общества, большее даже, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ и введеніи земскихъ учрежденій. И понятно. Тогда оживленіе общества обусловливалось только величіемъ идеи; а теперь оно обусловливалось бы сугубымъ величіемъ—и идеи, и практическаго дѣла. Одно проявленіе этого общественнаго оживленія въ данный мо-

ментъ было бы такой чудодѣйственной силой, которая моментально излѣчила бы всѣ наши внутреннія язвы, до безобразно низкаго курса включительно. Между тѣмъ, не только нѣтъ признаковъ хотя бы малѣйшаго оживленія, но замѣчается полное равнодушіе къ тѣмъ капитальнѣйшимъ внутреннимъ государственнымъ вопросамъ, которые разрѣшались въ прошломъ году и рѣшаются теперь. Общество какъ бы вовсе не знаетъ о существованіи и разрѣшеніи этихъ вопросовъ и держитъ себя такъ, словно эти вопросы совершенно не касаются его, хотя такіе специально-крестьянскіе вопросы, какъ, напримѣръ, пониженіе выкупныхъ платежей, мелкій поземельный кредитъ и переселеніе, а тѣмъ болѣе общегосударственные вопросы: податной и переустройство мѣстнаго управленія — затрогиваютъ самымъ кореннымъ и непосредственнымъ образомъ интересы всѣхъ и каждаго. Это тѣ именно вопросы, съ помощью которыхъ можно переформировать весь складъ и строй русской общественной и государственной жизни. Особенно поразительна безучастность общества къ вопросу о переустройствѣ мѣстнаго управленія—этому крупному государственному вопросу, захватывающему собою не только весь общественный строй, но и двѣ трети, по крайней мѣрѣ, государственнаго строя. Сюда входятъ, помимо мѣстнаго административно-хозяйственнаго управленія, и вопросы сословные, и податная система, и децентрализація, т. е. расширеніе разрѣшающей власти на мѣстѣ. Комиссія по переустройству мѣстнаго управленія, сознавая потребность согласовать свою работу съ нуждами и взглядами общества, печатно заявила, что она нуждается въ мнѣніяхъ отдѣльныхъ кружковъ, партій и лицъ, т. е., говоря прямо, нуждается въ содѣйствіи печати. И не смотря даже на это специальное заявленіе комиссія,—полное молчаніе, повальное равнодушіе общества, какъ будто нѣтъ даже и самаго вопроса о переустройствѣ мѣстнаго управленія. Что это означаетъ? Какъ это понять и объяснить?

Явленіе это совершенно понятно. Не можетъ проявиться оживленія въ обществѣ, когда безлична печать, когда она вынуждена молчать. Разрѣшаемые вопросы такого свойства, что о нихъ требуется говорить ясно и опредѣлительно со всею полнотою принципиальнаго обсужденія, съ точки зрѣнія внутренней государственной политики. А это-то и невозможно. Не успѣешь рта разинуть, какъ разсвирѣпѣвшая, разнузданная клика ретроградовъ налетитъ на тебя, съ двухъ словъ перерветъ тебѣ горло, обдастъ тебя съ ногъ до головы помоями, оскорбитъ самымъ кровнымъ образомъ, оклеветаетъ, заподозритъ въ политической неблагонадежности,—непремѣнно заподозритъ, потому что, по теоріи ретроградовъ, самое желаніе улучшеній, самое намѣреніе

говорить объ этомъ—уже есть прямое доказательство неблагонадежности.

Вотъ гдѣ кроется одна изъ главнѣйшихъ причинъ того подавленно-скорбнаго состоянія всей благомыслящей части русскаго общества, при которомъ прошло годичное слишкомъ управленіе гр. Игнатъева министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Это нравственно-удрученное состояніе образованной части русскаго общества не давало ей возможности сосредоточиться на полезныхъ начинаніяхъ нынѣшняго царствованія, представляющихъ логическое продолженіе реформъ прошлаго царствованія и углубленіе ихъ въ ту именно среду, въ интересахъ которой, какъ преобладающей массы населенія, и были направлены эти реформы. Время управленія графа Игнатъева было временемъ вынужденнаго, подневольнаго молчанія той части русской печати, которая всегда была самымъ энергическимъ и дѣятельнымъ пособникомъ правительства во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ, какъ это доказалъ, между прочимъ, и 1880 годъ. Въ этомъ заключается серьезнѣйшая ошибка графа Игнатъева. Въ то время, какъ одна за другою ставились на очередь и разрабатывались въ высшей степени важныя правительственныя мѣры, вакханалія ретроградной печати распространяла нравственное удрученіе, въ которомъ положительно задохнулась образованная часть русскаго общества, не находя выхода своей жизненной энергіи и силамъ.

Перечисляя вопросы, возбужденные въ 1880 году, мы не назвали вопроса о печати, поставленнаго на очередь, какъ извѣстно, по почину самого правительства. Два года тому назадъ, считался предрѣшеннымъ, если даже не окончательно рѣшеннымъ въ принципѣ, вопросъ объ освобожденіи печати отъ административной опеки и о подчиненіи ея суду на общихъ основаніяхъ. Въ виду того страшнаго потрясенія, которое причинила катастрофа 1-го марта, графъ Игнатъевъ долженъ былъ начать свою дѣятельность, прежде всего, съ разрѣшенія вопроса о печати въ томъ направленіи, какъ онъ былъ предрѣшенъ въ 1880 году. Тогда немислима была бы вакханалія ретроградной печати; мирно улеглись бы взбудораженные страсти и мрачныя инстинкты; вся энергія общества ушла бы на внутренню созидательную работу, поглотилась бы ею, и теперь, подъ вліяніемъ правительственныхъ начинаній и поставленныхъ на очередь вопросовъ первостепенной государственной важности, бойко шли бы наши внутреннія дѣла, и мы успѣшно подвигались бы впередъ по пути мирнаго развитія и усовершенствованія; всѣ смуты и внутреннія передраги отошли бы въ область воспоминаній, и ничѣмъ не нарушалось бы естественное теченіе дѣлъ. Вспомните, какою широкой, непрерывной волной неслось со страницъ ретро-

градной печати натравливаніе однихъ классовъ населенія противъ другихъ. Это натравливаніе не могло пройти безслѣдно въ жизни, и не прошло. Сначала московскіе «охотнорядцы» и «женихи изъ ножевой линіи» начали мять бока прохожимъ или даже избивать ихъ до полусмерти, да писать въ петербургскія редакціи угрожающія письма, что вотъ, молъ, «развесемъ и васъ». Затѣмъ откликнулись петербургскіе торговцы Сънной площади печатнымъ заявленіемъ, что они, дескать, совсѣмъ уже приготовились къ драгвѣ и не прочь приняться за это дѣло «со всѣмъ удовольствіемъ». Далѣе, крестьяне Весьегонскаго уѣзда, Тверской губерніи, и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ, учинили жестокою кулачную расправу надъ людьми, ни въ чемъ неповинными. Наконецъ, волна неопредѣленнаго, бессознательнаго народнаго недовольства докатилась до юга Россіи, нашла въками подготовленную почву вражды и розни, (о которой уже говорилось въ нашемъ журналѣ, въ статьѣ г. Леонтовича)—и понеслась неудержимымъ, сокрушительнымъ потокомъ, разрушая хутора, мѣстечки и даже цѣлые города.

Понятно, такимъ образомъ, что никто другой, а именно ретроградная печать сдѣлала первый вызовъ къ кулачной расправѣ. Та внутренняя смута, та еословная вражда и рознь, которую, въ теченіе года слишкомъ, такъ щедро постѣвала ретроградная печать, дала свои всходы не на одной только почвѣ ненависти къ евреямъ. По мѣрѣ того, какъ поднималась волна народнаго неудовольствія, принимая болѣе и болѣе широкіе размѣры, ретрограды, называвшіе прежде кулачную расправу толпы «проявленіемъ здраваго народнаго смысла» (!!) видя опасный характеръ этой волны, по обыкновенію, поторопились умыть руки. Они обрушились на графа Игнатъева, какъ на министра внутреннихъ дѣлъ, съ упреками и обвиненіями по поводу погромовъ. Но что могъ сдѣлать онъ, при существующихъ условіяхъ, для предотвращенія погромовъ? Гдѣ тѣ сильное, силовое во всѣхъ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, мѣстное управленіе, на которое онъ могъ бы положиться въ дѣлѣ прекращенія погромовъ? Гдѣ тѣ общественное мнѣніе, на которое онъ могъ бы опереться въ этомъ отношеніи?...

Дѣятельность графа Игнатъева не удовлетворяла мыслящую часть русскаго общества. Онъ словно забылъ о существованіи нѣсколькихъ милліоновъ образованнаго русскаго общества, почти даже игнорировалъ ихъ потребности, и въ этомъ одна изъ капиталѣйшихъ ошибокъ его управленія. Но эта дѣятельность не удовлетворила также и ретроградовъ. Положимъ, они пировали «до сыта, до отвала», во все время управленія графа Игнатъева. Но не одно только это было имъ нужно. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на дѣятельность графа Игнатъева, несомнѣнно, что въ

его управленіи замѣчалось, хотя въ слабой степени, можетъ быть, по силѣ инерціи, продолженіе работы 1880 года. Вотъ этого-то именно ретрограды и не могутъ простить графу Игнатьеву. Та злоба, съ которою ретроградная печать проводила сходящаго со сцены графа Игнатьева, — насмѣшливо пожелавъ ему «поправиться въ здоровьѣ» за время отставки, — примиряетъ отчасти съ вольными и невольными ошибками въ его дѣятельности и выдвигаетъ на первый планъ несомнѣнную его заслугу — заботливость о нуждахъ крестьянства. Къ сожалѣнію, заботливость эта, какъ разъяснено выше, была поставлена недостаточно полно, и самыя нужды разсматривались подъ узкимъ угломъ зрѣнія. Но уже тотъ фактъ, что нужды крестьянства не были совершенно забыты, составляетъ заслугу. Не иное что, а именно заботливость о нуждахъ крестьянства мутитъ и раздражаетъ нашихъ ретроградовъ. Не будемъ голословны. Вотъ что, напримѣръ, говорятъ «Московскія Вѣдомости» въ № 153, отъ 4 іюня, т. е. спустя три дня послѣ отставки графа Игнатьева:

«Каждая изъ мѣръ, принятыхъ до сихъ поръ въ интересахъ крестьянъ, сама по себѣ хороша. Но, къ сожалѣнію, замѣчается недостатокъ подготовки условій, при которыхъ эти мѣры могли бы принести всю ожидаемую отъ нихъ пользу, такъ что дѣло представляется какъ бы начатымъ съ конца, а не съ начала. Видна какая-то суетливость, спѣшная забота о томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать что-нибудь для крестьянъ (эка бѣда, подумаешь, «спѣшно позаботиться» о крестьянахъ?!), не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, дѣлается ли именно то, что нужно, и въ той-ли постепенности, въ какой требуется интересами тѣхъ, кого хотятъ облагодѣтельствовать. Такъ и нынѣ няньки стараются утѣшить и успокоить раскапризничавшаго ребенка (это народъ-то нашъ «капризничаетъ», что на немъ лежитъ много податей и сборовъ?!), подсовывая ему первыя попавшіяся подъ руку игрушки и лакомства, не заботясь о томъ, какъ мало сообразно это съ разумными воспитательными цѣлями. Но наши крестьяне ни въ какомъ отношеніи не напоминаютъ собою капризнаго ребенка, котораго нужно было бы утѣшать и успокаивать, и руководствоваться подобнымъ приемомъ по отношенію къ нимъ было бы большою ошибкой. Ихъ интересы, наравнѣ съ интересами всѣхъ прочихъ классовъ населенія, несомнѣнно заслуживаютъ полнаго вниманія (спасибо кака-кая!) Сдѣлать все возможное съ цѣлью поднять общій уровень народнаго благосостоянія, улучшить существующія условія быта и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи, есть задача первостепенной государственной важности. Но эта задача не одно и то же, что удовлетвореніе мнимыхъ народнымъ нуждъ (?), заявляемыхъ такъ-называемымъ либеральнымъ лагеремъ, и для рѣшенія ея нужно не то, что предлагается въ пзвѣстныхъ либеральныхъ рецептахъ. Слѣдуя этимъ рецептамъ, мы не дадимъ странѣ того, что ей въ данную минуту всего нужнѣе, но мо-

жемъ, вмѣсто того, придать правительственнымъ мѣрамъ несвойственную имъ тенденціозную окраску (?) и вредную односторонность, можемъ поселить въ умахъ ошибочное мнѣніе, будто правительство не ко всѣмъ подданнымъ государства относится одинаково, будто оно дорожитъ выгодами только извѣстной части населенія страны и готово приносить имъ въ жертву другіе равноправные интересы. Это можетъ быть на руку только извѣстной партіи, которая желала бы, чтобы правительство стремилось не къ укрѣпленію государственнаго организма, а къ его ослабленію».

Итакъ заботиться о нуждахъ четырехъ-пятыхъ населенія государства, по мнѣнію ретроградовъ, значитъ «не укрѣплять государственный организмъ, а ослаблять его». Оберегая чьи-то умы отъ ошибочныхъ мнѣній, ретрограды вовсе не думаютъ о томъ, какъ охранить государственную жизнь отъ внутреннихъ невзгодъ и затрудненій. Признавая, что «мѣры, принятія до сихъ поръ въ интересахъ крестьянства, сами по себѣ хороши», они, тѣмъ не менѣе, протестуютъ противъ этихъ мѣръ, какъ бы изъ боязни, чтобы кому-то не вздумалось придать правительственнымъ мѣрамъ какую-то «тенденціозную окраску». Но они не боятся иной «тенденціозной окраски»: что крестьянство, какъ это официально доказано и признано, бѣдствуетъ отъ малоземелья; что невозможно оставлять болѣе 80% населенія безъ кредита; что крестьянское управленіе, какъ и вси вообще система мѣстнаго управленія, рѣшительно не удовлетворяетъ современнымъ потребностямъ жизни. Можно-ли, въ виду этихъ фактовъ, говорить, что крестьянскіе интересы должны быть поставлены «наравнѣ съ интересами всѣхъ прочихъ классовъ населенія»? Какъ же поставить «наравнѣ», не принявъ предварительно мѣръ, чтобы сравнить интересы крестьянъ съ интересами другихъ классовъ населенія? А сравнять предварительно интересы—это и значитъ начать съ «начала», а не съ «конца». И до тѣхъ поръ, пока крестьянское дѣло не будетъ обязательно поставлено во главу правительственной и общественной заботливости, никакъ нельзя будетъ «сдѣлать все возможное съ цѣлю поднять общій уровень народнаго благосостоянія, улучшить существующія условія быта и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи». Какія бы ни предпринимались въ этомъ отношеніи частныя мѣры, онѣ будутъ походить на «игрушки и лакомства», до тѣхъ поръ, пока интересы крестьянъ не будутъ приподняты до уровня интересовъ всѣхъ другихъ сословій и классовъ. И если мы не поторопимся теперь же приподнять эти интересы, то русскую народную жизнь источитъ «тенденція» крѣпостничества и рабства;—мы ослабѣемъ матеріально и нравственно до такой степени, что не въ состояніи уже будемъ приподнять эти интересы.

По этому образчику ретрограднаго недовольства «мѣрами, принятыми до сихъ поръ въ интересахъ крестьянъ», каждый можетъ судить, на сколько неискренны были ретрограды, проповѣдая новое ученіе о «народной русской политикѣ». Такъ недавно еще, дружнымъ ретрограднымъ хоромъ проповѣдывалась на разные лады и варианты новая формула лже-ученія: «все для народа; ничего для интеллигенціи». Такъ недавно еще выставлялось верхомъ государственной мудрости заботиться о народѣ, только объ одномъ народѣ, и совершенно отрѣшиться отъ заботы о нуждахъ образованныхъ классовъ. И вдругъ оказывается, что эта «любвеобильная», будто бы, проповѣдь о народѣ произносилась съ камнемъ за пазухой, чтобы поразить дѣйствительную заботливость о нуждахъ народныхъ, буде таковая проявится. Теперь, когда заботливость о нуждахъ народныхъ успѣла нѣсколько ооорчиться, ретроградствующіе опекуны народа раздражены ѣкою заботливостью, дуются, ворчатъ, запугиваютъ какою-то «тенденціозною окраскою». Вся эта «тенденціозная окраска» ничто иное, какъ невиннѣйшее «положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ», по поводу котораго «Московскія Вѣдомости» и издали свою желчь. Вопреки ретроградно-охранительнымъ усмотрѣніямъ «Вѣдомостей», вдругъ оказалось, что, по положенію о крестьянскомъ банкѣ, «признается полезнымъ, чтобы помѣщичья поземельная собственность сокращалась, а крестьянская возрастала на ея счетъ». Не выдержала крѣпостническая жила, прорвалась ретроградная плотина...

«Этотъ исключительно сословный характеръ новаго банка—грустить «Московскія Вѣдомости»—тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что положеніе о немъ состоялось въ одинъ день съ изданіемъ указа объ отмѣнѣ подушныхъ сборовъ, которая должна устранить всякое различіе между такъ-называемыми податными и неподатными классами. Заботиться объ уравненіи правъ всѣхъ сословіи и въ то же время создавать новое неравенство между ними, мѣрять имъ не одной мѣрой—значитъ грѣшить противъ закона послѣдовательности. Для правительства равно важны интересы всѣхъ, безъ исключенія, классовъ всего населенія страны; у него не можетъ быть любимыхъ и нелюбимыхъ дѣтей; оно не можетъ принимать къ сердцу предпочтительно интересы только одного какого-нибудь сословія». — Вы слышите, какая задушевная грусть звучитъ въ этихъ треляхъ о «любимыхъ и нелюбимыхъ дѣтяхъ». Чуть только дѣло коснулось пустопорожнихъ помѣщичьихъ земель,—сейчасъ притча о «нелюбимыхъ дѣтяхъ», о «равной важности интересовъ всѣхъ, безъ исключенія, классовъ». Но если чему и можетъ способствовать поземельный крестьянскій банкъ, такъ именно «уравненію» помѣщичьихъ и

крестьянскихъ интересовъ, и ослабленію остатковъ крѣпостничества, въ видѣ земельной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Съ этими-то «остатками крѣпостничества» и не хочется разстаться «Московскимъ Вѣдомостямъ». Это—самый завѣтный уголокъ ихъ маленькаго, обветшавшаго и покосившагося на бокъ нравственнаго мірка. Защищая «остатки крѣпостничества», ретрограды вопіють объ «уравненіи пранами всѣхъ сословіи», а проповѣдая, въ теченіе 18-ти лѣтъ, угнетеніе науки, литературы и всѣхъ вообще потребностей образованныхъ классовъ, они забываютъ о «равной важности интересовъ всѣхъ, безъ исключенія, классовъ всего населенія страны»!..

Очеркъ дѣятельности бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатьева, даетъ вполне опредѣленное понятіе о томъ, что удовлетворительно или неудовлетворительно въ ходѣ внутренней нашей государственной политики, и какихъ путей необходимо держаться, чтобы вывести русскую жизнь на торный путь общественнаго почина и самодѣтельности, впустить въ русскую жизнь струю свѣжаго воздуха и свѣта, и вызвать общественное оживленіе, составляющее первое и главнѣйшее условіе для сколько-нибудь производительной государственной работы.

Жизнь общества, націи, государства подчиняется тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и жизнь отдѣльнаго лица. Нельзя сказать отдѣльному лицу: не мысли, не чувствуй, не сознавай, не ищи общенія съ подобными тебѣ, не стремись къ достиженію сознанныхъ тобою идеаловъ, — короче: стой и не двигайся! То же и въ общественной жизни. Какъ бы ни были велики невзгоды и затрудненія отдѣльнаго лица, но если только нравственный міръ его не угнетенъ, — оно не потеряется въ бѣдѣ и непремѣнно найдетъ выходъ къ лучшему. То же самое происходитъ и въ обществѣ. Разница лишь въ томъ, что общество представляетъ очень сложный организмъ, и условія для правильнаго его функционированія требуютъ особенно заботливаго съ собой обращенія. Въ обществѣ, какъ живомъ, мыслящемъ и чувствующемъ организмѣ, непрерывно бродятъ самые разнообразные взгляды, потребности, идеалы и т. д. Для того, чтобы сохранить свободу нравственнаго міра общества, необходимо, чтобы всѣ бродящія въ общественной средѣ воззрѣнія и идеалы свободно сталкивались между собою, приходили во взаимное прикосновеніе и постепенно перерабатывались. Тогда, какъ бы ни были разнообразны или даже противоположны различныя идеи, воззрѣнія и стремленія, бродящія въ обществѣ, они будутъ взаимно уравновѣшиваться. Сообразно настроенію мыслящаго большинства, будетъ опредѣляться среднее пропорціональное направленіе, которое и представитъ равнодѣйствующую всѣхъ силъ, проявляющихся въ обществѣ въ данное время. Эта

«равнодѣйствующая» всѣхъ общественныхъ силъ и есть то, что называется общественнымъ мнѣніемъ, направле- ніемъ политически-развитаго и мыслящаго большинства. Идти объ руку съ этимъ мнѣніемъ, держаться этого направленія— значитъ идти туда именно, куда ведетъ сознаніе и стремленіе большинства; заблудиться при этомъ условіи, взять ложное направленіе—нѣтъ возможности; наоборотъ же, не зная общественнаго мнѣнія, непременно будешь путаться и блуждать, случайно попадая на торную дорогу, но различныя общественныя теченія будутъ относить попеременно то въ ту, то въ другую сторону. Можно устать въ борьбѣ съ противоположными теченіями, упасть и даже погибнуть только отъ неумѣнья опредѣлить главное русло общественнаго движенія.

Для взрослога установившагося человѣка не опасны никакія теоріи и ученія. У него есть извѣстный запасъ знаній; по нимъ онъ ориентируется во всемъ новомъ и воспринимаетъ лишь то, что согласно съ общимъ его міровоззрѣніемъ и направле- ніемъ. Тѣмъ менѣе опасны новыя теоріи и идеи для общества, которое представляетъ въ цѣломъ наиболѣе совершенный и установившійся организмъ. У него есть опредѣлен- ное направленіе, опредѣленные принципы, поддерживаемые боль- шинствомъ. Нужно только, чтобы свободно сталкивались, пере- рабатывались разнообразныя теоріи, воззрѣнія, идеи — и тогда никакое «новшество» въ воззрѣніяхъ и теоріяхъ не въ состояніи будетъ вызвать замѣшательство въ обществѣ; изъ каждаго но- ваго воззрѣнія будетъ постепенно, систематически заимство- ваться то, что есть въ немъ наиболѣе полезнаго и разумнаго. Никакая новая теорія не получитъ права гражданства, пока не сдѣлается достояніемъ большинства.

Стоить-ли распространяться о томъ, до какой степени важно для правительства, въ каждый данный моментъ, опредѣленно видѣть и знать мнѣніе и направленіе большинства, чтобы по нему ориентироваться въ своей дѣятельности. Въ сферѣ практической дѣятельности, вообще, нѣтъ абсолютныхъ истинъ; тѣмъ болѣе ихъ нѣтъ и быть не можетъ въ политической дѣятельности. Общество постепенно растетъ, зрѣетъ и видоизмѣняется въ своихъ воззрѣніяхъ, стремленіяхъ, идеалахъ. Въ примѣненіи къ данной націи, данному государству, та именно политическая теорія есть наилучшая, которая отвѣчаетъ потребностямъ большин- ства, нравственно удовлетворяетъ общество, т. е. согласуется съ общественнымъ мнѣніемъ и направленіемъ большинства. Предрѣшать это направленіе въ какую бы то ни было сторону, либеральную или консервативную, невозможно: оно должно опредѣляться свободно, естественно, само собою. Средство для этого—печатъ, но непременно печатъ свободная, независимая

отъ административныхъ «усмотрѣній», такъ чтобы въ ней могли безпрепятственно отражаться всѣ воззрѣнія и стремленія, живущія въ данный моментъ въ обществѣ, чтобы тѣ или другія теоріи и воззрѣнія зарождались не тамъ, въ мрачномъ подпольѣ, гдѣ одинъ мракъ уже дѣлаетъ ихъ раздражительно-болѣзненными, а здѣсь, на виду у всѣхъ, и подвергалось бы открытой, гласной переработкѣ. Тотъ миражъ, который называется «нигилистическимъ ученіемъ» и выставляется обыкновенно, какъ самое страшное пугало, моментально разсѣялся бы или принялъ совсѣмъ другія формы, при первыхъ проявленіяхъ свободной печати, еслибы его не поддерживала и не оживотворяла реакціонная пресса своимъ терроризмомъ и попираніемъ самой идеи законности. Нравственный свѣтъ, который внесла бы съ собою въ жизнь свободная печать, окончательно парализовала бы такъ называемыя «революціонно-анархическія проявленія». Говоря о свободной печати, мы имѣемъ въ виду свободу не одной только столичной, но и провинціальной прессы. Одна столичная печать не можетъ удовлетворить потребностямъ русской жизни; но свободная столичная и провинціальная пресса охватываетъ пѣликомъ всю русскую жизнь, до самыхъ глухихъ и отдаленныхъ угловъ,—отразить и освѣтить ее такою, какою она есть въ дѣйствительности, со всѣми ея хорошими и отталкивающими сторонами. Тогда некуда будетъ укрыться съ хищниками и злоупотребленіями; ясны будутъ причины апатіи, бездѣятельности, недосмотровъ, упущеній, народнаго обѣдненія и обнищанія; значить: ясны будутъ и мѣры, которыя необходимо приниматьъ противъ этихъ золъ. Никому не нужно будетъ таиться и закутываться съ своими воззрѣніями, стремленіями и идеями, показывать ихъ «изъ-подъ полы», какъ острять наши реакціонеры, имѣющіе храбрость выступать публично въ костюмѣ Адама—«какъ мать родила», со всѣми прирожденными болячками и благопріобрѣтенными язвами. Для всѣхъ будетъ ясно различіе между чернымъ и бѣлымъ, полезнымъ и вреднымъ, хорошимъ и худымъ, добрымъ и злымъ. Переищивать эти понятія сдѣлается невозможнымъ. Все получить должную цѣну, мѣсто и соответствующее имя. Общественный умъ, чувство, совѣсть будутъ нормально функционировать. Нравственный міръ общества будетъ свободенъ. А при этомъ условіи непременно явятся общественный починъ и самодѣятельность, которые выведутъ нашу русскую жизнь на широкую дорогу предприимчивости всякаго рода, создадутъ нравственное довольство и экономическое благосостояніе государства.

Къ тому, что сказано выше, мы считаемъ излишнимъ прибавлять что-либо, въ виду происшедшей перемѣны въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Щадя время и бумагу,

мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе ретроградныхъ «усмотрѣній» по поводу этой перемены. Да и разсматривать нечего, — рѣшительно нечего. Выдохся, окончательно исчахъ скудный ретроградный запасецъ. Всегда бѣдная въ идейномъ отношеніи ретроградная печать никогда, однако, не блистала такимъ убожествомъ, съ какимъ выступила она по поводу перемены въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. И это вполне понятно. Нужно сказать что-нибудь опредѣленное, положительное, а сказать нечего. Начинается, по обыкновенію, перебирание афоризмовъ «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма», но кому же это интересно? гдѣ найти охотниковъ слушать ихъ и тѣмъ болѣе вторить имъ?... На этотъ разъ, разсужденія г. Каткова о спасительномъ значеніи «властной руки» и «сильной бюрократіи», о необходимости «твердой власти» только ради твердости, о земской, судебной и университетской «конституціяхъ», подлежащихъ упраздненію, о преимуществѣ «обязанностей» передъ «правами», вызвали дружное порицаніе во всей печати, не исключая и якобы консервативной, которая признала въ измышленіяхъ г. Каткова «ультра-охранительный» характеръ и приписала это «страстно-бульварному усердію не по разуму». «Русь» же немедленно исключила «Московскія Вѣдомости» изъ числа «представителей истинно-народнаго, русско-національнаго духа» и признала за ними только «казенно полицейскій духъ».

Такимъ образомъ, за «репрессивныя мѣры» и «казенно-полицейскій духъ», какъ необходимую, будто бы, принадлежность «сильной власти», высказались однѣ только «Московскія Вѣдомости». Разумѣется, такая нехитрая программа возобновленія арапчеевщины обязательна только для одного г. Каткова, если онъ вообще признаетъ для себя что-нибудь обязательнымъ. Мы твердо увѣрены, что ни одинъ уважающій себя и просвѣщенный государственный человѣкъ не возьметъ на свой страхъ и рискъ, не свяжетъ со своимъ именемъ обязательное выполненіе такой чудовищной программы, и не забудетъ мудраго политическаго правила Екатерины II-й, высказаннаго ею Даламберу, что одно дѣло — писать проекты на бумагѣ, а другое — писать ихъ на кожѣ человѣческой. «Московскія Вѣдомости» просчитались немного: онѣ ошиблись чуть не на цѣлое столѣтіе, и еще носятъ, по старой памяти, съ Ушаковыми, Шешковскими и Аракчеевыми, какъ съ лучшими представителями «твердой власти». Онѣ забыли все двадцатипятилѣтнее царствованіе покойнаго государя, когда на Руси выросло цѣлое поколѣніе народа, не знавшее надъ собой крѣпостной зависимости, воспитавшееся въ духѣ просвѣщенія и закономѣрнаго развитія; были и твердо рѣшимость вышшняго правительства, вы

женную въ депешѣ статсъ-секретаря Гирса отъ 4-го марта 1881 года,—идти впередъ, а не назадъ, по пути, намѣченному великими реформами прошлаго царствованія. Но если г. Катковъ запомнилъ все это, то русскій народъ не забылъ и не забудетъ того славнаго прошлаго, которое открыло ему дверь въ великому будущему и за которое онъ, всѣмъ міромъ, ставитъ неизблемый памятникъ Царю-Освободителю. Что жъ дѣлать,—

Забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья!

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Смерть Гарibaldi.—Двойственность Бисмарка.—Бисмаркъ, какъ политикъ, и Бисмаркъ, какъ экономистъ и социалистъ.—Объединеніе Германіи.—Внутренняя политика Бисмарка.—Культурная борьба.—Соціально-экономическіе проекты, таможенная система, табачная монополія, законы противъ социалстовъ, законопроектъ о застрахованіи рабочихъ отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ.—Заключеніе.

Вся Италия въ глубокомъ траурѣ. 21-го мая, въ 7-мъ часу вечера, на островѣ Капрерѣ, скончался излюбленный герой итальянскаго народа и популярнѣйшая личность не только по ту сторону Альповъ, но, можно сказать, во всемъ мірѣ,—Джузеппе Гарibaldi, истинный создатель единой Италіи. Не одна его родина, но вся Европа оплакиваетъ смерть челоѣка, въ которомъ чудеснымъ образомъ воплощены были всѣ самыя свѣтлыя и прекрасныя черты челоѣчества. Въ сущности, ничего спеціально «великаго» (какъ привыкли понимать этотъ терминъ), никакихъ особенно выдающихся талантовъ въ немъ не было. Онъ не былъ ни тонкимъ дипломатомъ, ни гениальнымъ государственнымъ дѣятелемъ, ни даже великимъ полководцемъ, потому что гораздо чаще отступалъ и терпѣлъ пораженія, чѣмъ побѣждалъ. Но онъ былъ постояннымъ, горячимъ заступникомъ всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ народовъ, всегда шелъ на защиту попранной свободы и челоѣческихъ правъ. Для себя лично онъ никогда ничего не желалъ и ничего не домогался, но беззавѣтно жертвовалъ собой во имя идеи. Во имя ея обогатилъ онъ родину своею кровью, во имя ея ратовалъ и за грековъ, и за датчанъ, когда послѣднихъ тѣснили австро-прусскія войска; во имя ея дрался и въ Америкѣ, и во Франціи, оборонялъ, послѣ Седанскаго погрома, французскую республику

отъ нѣмецкаго нашествія. Недаромъ итальянскій народъ прозвалъ его Христомъ свободы. Въ нашъ прозаическій вѣкъ, въ вѣкъ всеобщей лихорадочной погони за личной наживой и успѣхомъ, это была личность положительно необычайная, въ которой строгое величіе мужей античнаго міра совмѣщалось съ наивно-дѣтской простотой и съ романическими чертами средневѣковаго рыцарства. Но самая глубокая, основная черта его натуры—была безграничная любовь къ родинѣ. Она-то и руководила всѣми его помыслами и подвигами. Ею также объясняются и нѣкоторыя кажущіяся противорѣчія въ его жизни: такъ, республиканецъ въ душѣ, Гарибальди былъ искренно преданъ Савойскому дому, casa di Savoia, потому что вѣрилъ въ силу его—довершить дѣло объединенія Италіи и охранить ее отъ происковъ папы и клерикаловъ. Послѣднихъ онъ ненавидѣлъ всею силою своего пылкаго сердца, ненавидѣлъ, пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ деспотовъ и угнетателей свободы. Эта ненависть побудила его даже на время бросить мечъ и вооружиться перомъ, чтобы въ романахъ своихъ: «Клелія, или царство монаховъ» и «Кантони, доброволецъ», написать злую сатиру на римскую церковь и поповъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, Гарибальди, зачастую прикованный болѣзнью къ постели, почти не покидалъ Капреры и не принималъ непосредственнаго участія въ жизни своего народа. Только чуть не наканунѣ своей смерти онъ въ послѣдній разъ появился передъ нимъ, по случаю празднованія годовщины сицилійскихъ вечерей въ Палермо, гдѣ ему устроена была необыкновенно торжественная и восторженная овація. Нѣсколько дней спустя, герой скончался. Прахъ его погребенъ на отнынѣ знаменитой Капрерской скалѣ, но память о немъ никогда не умретъ въ итальянскомъ народѣ.—

Вотъ ужъ около четверти столѣтія, какъ знаменитый германскій канцлеръ, прежде простой прусскій графъ, а нынѣ имперскій князь, править судьбами не только своего отечества, но и всей Европы. Личность эта, безспорно, феноменальная. Явившись въ самый разцвѣтъ своей дѣятельности, какъ дипломатъ и государственный человѣкъ, въ послѣднее время онъ сталъ главнымъ образомъ проявлять себя на поприщѣ социальна-экономическомъ. Продолжая оставаться канцлеромъ, т. е. верховнымъ руководителемъ дѣлъ имперіи, и министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ мало-по-малу сталъ захватывать въ свое непосредственное вѣдѣніе и министерство внутреннихъ дѣлъ, и министерство финансовъ, и министерство торговли, а подъ конецъ взялъ на себя даже роль пропагандиста социальныхъ идей. Но какъ бы ни была богата натура это-

го необыкновеннаго человѣка, его все таки не могло хватить на такую разнообразную дѣятельность. Современная жизнь слишкомъ богата, чтобы можно было ее обнять одному человѣку, какъ-бы всеобъемлющи ни были его способности. Хотя всѣ многообразные виды дѣятельности Бисмарка и проникнуты одной общей идеей, хотя духъ его одинаково сквозитъ во всемъ: и въ области таможенныхъ реформъ, и въ заботахъ его объ участи рабочаго, и въ гоненіяхъ на социалистовъ, но въ результатѣ Бисмаркъ-соціаль-экономистъ далеко не та мощная фигура, какой представляется намъ Бисмаркъ-политикъ и государственный дѣятель.

Какъ политикъ—это человѣкъ, дѣлающій эпоху. У него ясно сознательная и опредѣленно намѣченная цѣль, необыкновенная послѣдовательность и выдержка, и при этомъ рѣдкая прозорливость въ выборѣ средствъ; ни одного напраснаго шага, ни одного уклоненія въ сторону. Отсюда полная удача. Умѣло пользуясь обстоятельствами, онъ какъ-бы самъ воспроизводитъ событія и руководитъ ими. Свободный отъ узкаго міровоззрѣнія заурядныхъ дипломатовъ, хватающихся лишь за указанія минуты, онъ весь, до мозга костей своихъ, преданъ одной идеѣ—объединенію Германіи и созданію изъ нея сильной и могущественной державы.

Быть единымъ, сильнымъ народомъ, не идти больше на буксирѣ за Россіей или Австріей, а занять самостоятельное, видное мѣсто въ ряду первоклассныхъ государствъ,—было давнишней, завѣтной мечтой нѣмцевъ, но только мечтой, почти недосыгаемой и едва-ли осуществимой, и вдругъ, въ рукахъ Бисмарка, мечта эта воплощается въ дѣйствительность. Этимъ объясняется его громадная популярность и то обаяніе, какимъ, не смотря на его несимпатическія стороны, имя Бисмарка пользуется въ Германіи. И дѣйствительно, онъ сослужилъ великую службу своему народу. Какими путями достигъ онъ завѣтной цѣли—другой вопросъ; но совершенное имъ такъ значительно, оно такъ отвѣчало всѣмъ, давно наболѣвшимъ желаніямъ нѣмцевъ, что Бисмарку простятся всѣ его послѣдующіе грѣхи въ дѣлѣ внутренняго устройства, забудется въ немъ и юнкеръ-консерваторъ, и поборникъ монархическаго абсолютизма, забудется и его высокомеріе, и презрительное отношеніе въ позволненіямъ нѣмцевъ на личную самостоятельность; въ памяти-же народной останется лишь образъ Бисмарка—создателя единой Германіи.

Объединеніе совершилось, положимъ, не такъ, какъ мечтали нѣмцы, во дни народнаго движенія начала нынѣшняго столѣтія и 40—50-хъ годовъ. Всѣ мечты о братскомъ сляніи, о добровольныхъ отреченіяхъ отъ личныхъ и частныхъ интересовъ ради блага общей родины, объ

обширной и въ то же время свободной Германіи, — вся эта прекрасная иллюзія разсѣялась, какъ дымъ. Пришлось пережить и переживать много тяжелаго, много оскорбительнаго для человѣческаго достоинства, пришлось испытать массу разочарованій, пройти школу желѣза и крови, и, въ концѣ концовъ, получить результатъ далеко не въ той формѣ, какая рисовалась воображенію. Да иначе и быть не могло. Дѣйствительная жизнь не идетъ по правоучительнымъ прописямъ да по доктринерскимъ шаблонамъ. Всякій глубокій переворотъ въ жизни народной вызываетъ ожесточенную борьбу всѣхъ общественныхъ факторовъ, приводитъ въ столкновеніе массу взаимно противорѣчивыхъ интересовъ, причемъ торжествуютъ не тѣ, которые лучше и чище, а тѣ, которые посильнѣе и болѣе отвѣчаютъ потребностямъ минуты. Бисмаркъ это понималъ. По самой натурѣ своей, онъ былъ далеко отъ всякаго доктринерства. Проникнутый одной идеей, осуществленіе которой стало потребностью всей его жизни, онъ шелъ прямо и твердо впередъ, метко оцѣнивая попадавшіяся подъ руку средства и обсуждая ихъ не съ высшихъ, нравственныхъ или принципиальныхъ точекъ зрѣнія, а по-просту, съ точки зрѣнія ихъ практической, непосредственной пригодности. Убѣжденія и интересы партій для него не существовали. Консерваторъ съ головы до ногъ, онъ, при случаѣ, безъ труда отстранялся отъ своихъ единомышленниковъ и бралъ сторону либераловъ; и это не изъ мелкой хитрости, какъ заурядный дипломатъ, съ задней мыслью — провести и одурачить, а искренно, потому что, при данныхъ условіяхъ, либеральная точка зрѣнія вѣрнѣе вела къ цѣли.

Если взглянуть на весь пройденный имъ путь, то нельзя не изумляться тому мастерству, съ какимъ исполнено имъ было дѣло объединенія. Прежде всего, Бисмаркъ постарался подготовить въ нему Пруссію, хорошо оцѣнивъ ея историческое значеніе и предвидя въ ней связующій центръ будущей имперіи. И, дѣйствительно, въ его рукахъ она блистательно выполнила свою миссію. На нашихъ глазахъ прусское королевство сыграло относительно Германіи ту-же роль, что въ свое время московское великое княжество относительно Россіи. Какъ и Москва, Пруссія не пользовалась симпатіей. Привлекательнаго въ ней было мало, но зато былъ практической смыслъ, административный порядокъ и строжайшая дисциплина. Этими данными и воспользовался Бисмаркъ, справедливо разсудивъ, что дѣло объединенія Германіи можно свершить только силой и обаяніемъ власти. Власть-же только тогда сильна, когда опирается на хорошо организованную и многочисленную армію. Задатки къ

этому уже имѣлись, — не даромъ потрудились надъ воспитаніемъ солдатскаго духа въ народѣ всѣ бывшіе, со времени Фридриха II, короли Пруссіи; надо было только ихъ развить и приурочить къ современнымъ требованіямъ военной практики и военной науки. И вотъ въ Пруссіи начинается возникать тотъ милитаризмъ, который впоследствии заполонитъ всю Германію, а затѣмъ проникнетъ и во всю остальную Европу. Организовавъ армію, надо было на дѣлѣ испробовать ея силы. Для этого, подъ пустымъ предлогомъ, затѣвается война съ Даніей, война ненужная и глубоко несправедливая; но она дала возможность Пруссіи и ея арміи оцѣнить свои силы и, кромѣ того, бросила первое зерно броженія въ остальную Германію. На счастье Пруссіи, тогдашнія европейскія правительства не сумѣли понять значенія этой войны, иначе они едва ли бы допустили до нея. Теперь, увѣрившись въ своей силѣ, можно было Бисмарку приступить и къ дѣлу объединенія. Предстояло, прежде всего, устранить главнаго противника прусской гегемоніи — Австрію. Это дѣло выполнено блистательно. Послѣ небывалой еще по быстротѣ и успѣшности войны, Австрія перестала быть германскою державой, и началось самое объединеніе. Оно совершено было, какъ и предполагалъ Бисмаркъ, главнымъ образомъ, силою оружія и путемъ насильственнаго введенія прусскихъ порядковъ; наиболѣе строптивыя изъ германскихъ государствъ были безъ дальнѣйшихъ переговоровъ присоединены къ Пруссіи, а остальные, войдя якобы на равныхъ правахъ съ Пруссіей въ составъ единой Германіи, заплатились своей самостоятельностью. Но этимъ дѣло объединенія далеко еще не было окончено: надо было освятить его въ глазахъ народа какимъ либо общимъ дѣломъ, которое возбудило-бы патриотизмъ всѣхъ нѣмцевъ и дало бы имъ возможность осязательно почувствовать свое единеніе. Виѣстѣ съ тѣмъ, необходимо было оградить нарождающую имперію отъ слишкомъ сильныхъ и опасныхъ сосѣдей. На первыхъ порахъ, предстояло справиться съ Франціей, какъ съ наиболѣе опасной сосѣдкой, война съ которой была бы наиболѣе популярна. Немедленно послѣ окончанія австро-прусской войны начинается та ловкая игра съ Франціей, которая еще въ памяти у всѣхъ. Франціи наносятся мелкія, но чувствительныя оскорбленія, возбуждается ея шовинизмъ, подстрекается честолюбіе обезумѣвшаго отъ власти и утратившаго всякое пониманіе вещей Наполеона III. Послѣдній попадаетъ на удочку и объявляетъ войну. Результатъ ея — императорская корона, поднесенная на поляхъ Франціи прусскому королю Вильгельму III. Бисмаркъ сумѣлъ мастерски обставить войну съ Франціей

и съ внѣшней стороны: изъ всѣхъ державъ, одна только Россія могла не допустить до расправы съ Франціей, но она-то именно и оказалась наиболѣе солидной пособницей Пруссіи. Правда, русское общество инстинктивно было на сторонѣ французскаго народа, но, какъ извѣстно, русское общество въ счетъ не принимается.

Впрочемъ Россія не замедлила поплатиться за сдѣланную ошибку. Очевидно, Бисмаркъ, смиривъ Францію, считалъ свое дѣло оконченнымъ только на половину: предстояло еще расправиться съ Россіей. Расправа эта уже началась, а насколько удачно, доказываетъ Берлинскій конгрессъ и австро-германское соглашеніе. Этимъ Бисмаркъ изолировалъ русское государство среди другихъ европейскихъ державъ и умалилъ его политическое значеніе. Дойдетъ-ли дѣло до вооруженнаго русско-германскаго столкновенія—другой вопросъ, вопросъ времени, какъ убѣждены въ Германіи; но, во всякомъ случаѣ, нынѣ Россія уже не столь опасна для вновь рожденной имперіи, какъ была прежде. Изолируя Россію, Бисмаркъ не упускалъ изъ виду и третью, опасную для его цѣли державу,—Англію. Противъ нея онъ уже началъ тайный походъ и, своей новой восточной политикой, готовится нанести чувствительный ударъ ея политическимъ и торговымъ интересамъ.

Въ результатѣ, Бисмаркъ блистательно достигъ давно задуманной цѣли: единая и могущественная германская имперія — совершившійся фактъ. Оставалось только довершить дѣло прочной внутренней организаціей; закрѣпить имперію внутри, сплотить во-едино ея разнородныя и все еще готовые къ отпаденію части. Но съ этого момента и начинается меркнуть звезда желѣзнаго канцлера. Дѣло внутреннихъ распоряжковъ оказалось ему не по плечу. Великій человекъ въ сферѣ внѣшней политики и обще-государственной организаціи является если не зауряднымъ—этого никогда нельзя сказать про такихъ людей, какъ Бисмаркъ, — то крайне неподходящимъ министромъ. Привыкнувъ имѣть дѣло съ крупными факторами, онъ ту же мѣрку прикидываетъ и къ мелкимъ, повседневнымъ явленіямъ общественной жизни; но прежнія средства, разумѣется, оказываются уже малопригодными. Въмѣстѣ съ тѣмъ, при постоянныхъ мелкихъ столкновеніяхъ съ представителями общественныхъ интересовъ, снова всплыли на поверхность и всѣ не-симпатическія черты его индивидуальности, выросшей среди консервативной сферы и узкихъ юнкерскихъ интересовъ. Въ итогѣ, Бисмаркъ, совладавшій съ государствами и народами и перестроившій карту Европы, является безсильнымъ передъ нѣмецкими бюргерами, передъ ла-

вечниками и попами. Онъ по прежнему идетъ напрямикъ, ломая все на своемъ пути; но рушатся передъ нимъ лишь крупныя преграды, мелкія же все растутъ и все сильнѣе и сильнѣе опутываютъ его. Отсюда его постоянныя неудачи и постепенное паденіе его популярности. Въ началѣ престижъ его былъ настолько великъ, что легко проходили даже самыя странныя социальна-экономическія и административныя фантазіи. Тогда народъ еще вѣрилъ въ духовное единеніе съ своимъ канцлеромъ и ждалъ спасенія только отъ него одного, а національ-либералы, составлявшіе тогда большинство, ради имперской идеи, шли за своимъ вождемъ. Но впоследствии вѣра въ непогрѣшимость творца Германіи пошатнулась, и ему стало все труднѣе и труднѣе проводить свои идеи. Теперь же всѣ начинанія его, даже безусловно полезныя, ни къ чему не ведутъ, и всѣ его планы и проекты отвергаются огуломъ. Въ глазахъ народа, Бисмаркъ уже не верховный руководитель его судьбы, а помѣха его политической свободѣ и матеріальному благосостоянію.

Но прослѣдимъ въ общихъ чертахъ внутреннюю политическую дѣятельность князя Бисмарка и тѣ побужденія, которыя руководили его экономическими и социальными преобразованіями.

Всѣ помыслы и дѣйствія его истекали изъ одной главной идеи—единства имперіи. Справившись со внѣшними врагами, надо было обезопасить ее отъ внутреннихъ и, главнымъ образомъ, отъ приверженцевъ прежней обособленности. Наиболѣе сильнаго и опаснаго врага видѣлъ канцлеръ въ лицѣ католицизма. Римская церковь, однако, явилась опасной не съ религіозной точки зрѣнія,—до этого ему мало было дѣла, и вопросы религіи его не интересовали,—но какъ политическая сила и главный оплотъ сепаратизма, такъ какъ населенію католическихъ областей Германіи, прирейнскихъ, Баваріи, Вюртемберга и др., болѣе по сердцу были интересы церкви, чѣмъ выгоды имперіи. Сломить политическую силу католицизма и было главной задачей борьбы, начатой Бисмаркомъ противъ римской церкви, борьбы, окрещенной громкимъ именемъ культурной (Culturkampf). Въ ней нагляднѣе всего оказалось несоотвѣтствіе мѣръ со зломъ, противъ котораго онъ направлялись. Рѣшившись, во что-бы то ни стало, умалить значеніе церкви въ предѣлахъ имперіи, онъ не только задумалъ поставить ее въ подчиненное отношеніе къ государству, что было-бы лишь вполне законно, но регламентировать свободу совѣсти; этимъ онъ съ самаго начала подрывалъ успѣхъ своего дѣла, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, скомпроме-

тировалъ и авторитетъ государства. Проведенные имъ 8 лѣтъ тому назадъ, пресловутые майскіе законы только усугубили борьбу и доказали бессиліе власти, исключительно опирающейся на силу полиціи, какъ бы послѣдняя ни была прекрасно организована. Какъ и слѣдовало ожидать, борьба кончилась полнымъ поражениемъ Бисмарка: онъ долженъ былъ сложить оружіе и отменить майскіе законы; при этомъ вклевывали не слѣдали ни малѣйшей уступки и снова вернули то, что было у нихъ отнято.

Но кромѣ церкви, у объединенной Германіи были и другіе враги—это нѣмецкіе партикуляристы. Они не образовывали такой сплоченной и хорошо организованной партіи, какъ вклевывали, но все-же были многочисленнѣе, чѣмъ можно было предполагать, и представляли собой силу, пренебрегать которой было нельзя. Какъ-бы искренны ни были всеобщее воодушевленіе и общегерманскій патріотизмъ, порожденные упоеніемъ славы и побѣдъ, какъ бы привлекательна ни была въ теоріи идея возрожденія въ прежнемъ могуществѣ германской имперіи, но духъ партикуляризма, воспитанный вѣками, не могъ исчезнуть внезапно, по мановенію канцлерскаго пера. Возгласъ «нашъ императоръ!» ласкаетъ слухъ каждаго истиннаго нѣмца; но этому нѣмцу все-же остались дороги интересы и привычки его прежней, обособленной жизни. Безспорно, жизнь эта въ узкой, ограниченной государственной сферѣ лишала нѣмцевъ серьезнаго политическаго значенія, мѣшала имъ играть видную роль среди другихъ народовъ; но зато она являла собой богатую культурную почву, на которой лучше, чѣмъ гдѣ либо, могли процвѣтать науки и искусства. Гёте, Бетховенъ, Кантъ, Гумбольдтъ могли родиться лишь среди народа высокоразвитаго, но чуждаго всепоглощающихъ политическихъ тревогъ. Нѣмецъ, по всей справедливости, гордится своей культурой и ревниво охраняетъ ее, особенно теперь, такъ какъ хорошо чувствуетъ, что прусская дисциплина и всеуравнивающій казарменный духъ—вовсе не та атмосфера, въ которой могутъ свободно процвѣтать высшія стороны человѣческой дѣятельности. Въ Германіи, особенно въ южной, и прежде косо смотрѣли на Пруссію; теперь же, когда пришлось вкушать отъ не особенно сладкихъ плодовъ объединенія, совершеннаго прусскими солдатами и заквѣпляемаго усердіемъ прусскихъ чиновниковъ, всеобщее недобѣріе въ ней возросло въ довольно значительной степени. Когда первые восторги стали проходить, а вмѣсто нихъ стали все чувствительнѣе и чувствительнѣе сказываться тягости, сопряженные съ содержаніемъ об-

ширной военной имперіи, началъ все сильнѣе и сильнѣе проявляться и духъ партикуляризма.

Чтобы спасти имперію отъ разложенія, надобно было, во чтобы то ни стало, искоренить въ нѣмецкомъ народѣ эту страсть къ обособленности и приучить его смиренно сносить неудобства своего объединенія въ одну великую державу. Но Бисмарку лучше всякаго другаго извѣстно, что прусскіе порядки далеко не пользуются симпатіей въ Германіи и что сама Пруссія не имѣетъ въ себѣ такихъ привлекательныхъ чертъ, которыя влекли бы къ ней всѣ нѣмціи сердца. Она создала имперію, или, вѣрнѣе, сама превратилась въ нее, только благодаря ловкости и необыкновенной выдержкѣ своихъ правителей, благодаря преданіямъ Гогенцоллернскаго дома, а главное, благодаря силѣ своего оружія. Сила эта устроила нѣмецкое объединеніе, она же и организуетъ его и останется на первомъ планѣ до тѣхъ поръ, пока не утратится въ нѣмцахъ воспоминаніе о прежнемъ Германскомъ Союзѣ. Къ тому же, военная сила нужна и для поддержанія государства въ его новомъ положеніи великой европейской державы, и для внушенія страха врагамъ, которыхъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, у него, конечно, не мало.

И вотъ милитаризмъ, положившій начало имперіи, становится главнымъ ея оплотомъ и развивается еще пышнѣе прежняго. Всѣ помыслы, всѣ попеченія государства влоняются къ тому, чтобы добыть побольше солдатъ, чтобы развить духъ воинственности въ мирныхъ и вообще, кромѣ пруссаковъ, не войнолюбивыхъ нѣмцахъ. Но содержаніе громаднаго войска требуетъ и громадныхъ денежныхъ средствъ, а нѣмцы — народъ далеко не богатый. Полученные съ Франціи 5 миллиардовъ давно ушли на нужды военного министерства, платежныя силы народа доведены до крайней степени напряженія: по сдѣланнымъ расчетамъ, вмѣсто 930 милліоновъ марокъ, которыя платились нѣмцами въ 1865 г., нынѣ выплачивается ими 2,100 милліоновъ; а между тѣмъ и этихъ средствъ не хватаетъ. Къ тому же, культъ милитаризма, установленный Пруссіей, естественнымъ образомъ вызвалъ соревнованіе со стороны другихъ великихъ державъ, бороться съ которыми Германіи не под силу. Россія имѣетъ вдвое большее населеніе; она велика и, говорятъ, обильна, а русскій народъ привыченъ; Франція же, не взирая на поражение и громадную контрибуцію, несравненно богаче, — за нею не угнаться. Откуда же взять средства на все увеличивающіяся военные нужды? Всѣ имѣющіеся источники доходовъ уже давно въ эксплуатаціи и готовы изсякнуть. Доводить же народъ до разоренія — значитъ, ли-

шиться и имѣющихся средствъ. Слѣдовательно, чтобъ увеличить доходность существующихъ источниковъ и открыть новые, необходимо, прежде всего, усилить общее благосостояніе народа. Но какъ выйти изъ этой неразрѣшимой дилеммы?

Разрѣшить ее взялся Бисмаркъ. Для этого онъ самъ дѣлается финансистомъ и экономистомъ. Недолго думая, онъ берется за дѣло со свойственной ему смѣлостью и рѣшимостью. Безспорно, Бисмаркъ—человѣкъ высокоталантливый, способности его многообразны, но одной смѣлости,—которая, въ сферѣ внѣшней политики, города беретъ,—еще далеко недостаточно для правильного устройства внутренняго хозяйства и восстановления равновѣсія въ бюджетѣ. Для этого необходимы и серьезная теоретическая подготовка, и громадная опытность, а у Бисмарка ни того, ни другаго не было. Его неподготовленность явствуетъ уже изъ одного того, что онъ взялся за задачу, неразрѣшимую для всякаго другаго, не столь смѣлаго, но зато болѣе свѣдущаго человѣка, — сочетать постепенное развитіе народнаго благосостоянія съ постепеннымъ-же усиленіемъ непроизводительныхъ расходовъ. Неразрѣшимость этой задачи однако нимало не утратила канцлера. Если ему удалось видоизмѣнить законы политическіе и международные, то отчего-жъ ему по своему не направить и законы экономическіе? Первой заботой его было найти не лучшіе источники доходовъ, а тѣ, которые давали-бы доходъ наибольшій и немедленный, хотя бы и кратковременный, причемъ онъ разсуждалъ, что впоследствии, когда эти источники изсякнутъ, найдутся другіе. Разумѣется, указаній на такую странную хозяйственную систему онъ не могъ найти ни въ современной европейской финансовой практикѣ, ни въ послѣднихъ данныхъ науки. И вотъ Бисмаркъ хватается за устарѣлыя, давно всѣми брошенныя, теоріи и политико-экономическіе рецепты допотопныхъ учебниковъ, и выдаетъ ихъ за нѣчто новое и незбылемое. Изъ этихъ же устарѣлыхъ учебниковъ научается онъ премудрости брать деньги у народа, не причиняя ему тѣмъ слишкомъ большой несправедливости и не затрагивая осязательно его кармана. Премудрость, какъ видите, не хитрая, но она была какъ разъ на руку Бисмарку. Онъ правильно разсудилъ, что надбавка прямыхъ податей, когда и безъ того народъ съ трудомъ отдаетъ свои гроши въ государственную казну,—дѣло немислимое. Поэтому прямые подати слѣдуетъ оставить въ сторонѣ, а все вниманіе обратить на елико возможное увеличеніе налоговъ косвенныхъ, яко бы нечувствительныхъ для кармана плательщиковъ; мало того, Бисмаркъ обѣщаетъ, что со временемъ, по мѣрѣ увеличенія

доходовъ казны съ усиленныхъ тарифовъ, акцизовъ и иныхъ косвенныхъ пошлинъ, можно будетъ уменьшить платежи, непосредственно взимаемые съ народа.

Бисмаркъ, прибѣгая къ такимъ примитивнымъ приемамъ, конечно, не могъ не знать, что отягченіе косвенныхъ пошлинъ не замедлитъ сказаться на вздорожаніи всѣхъ предметовъ и отразится гораздо чувствительнѣе на карманахъ обывателей, чѣмъ даже самые высокіе налоги, собираемые чрезъ посредство сборщиковъ податей; но сознаться въ этомъ ему было не желательно.

И вотъ начинается длинный рядъ экспериментовъ, одинъ другаго страннѣе, одинъ другаго неудачнѣе. Задавшись мыслью о необыкновенныхъ преимуществахъ системы косвенныхъ налоговъ передъ всякою другою, Бисмаркъ открылъ ожесточенный походъ противъ всѣхъ, оспаривающихъ цѣлесообразность его экономическихъ теорій, и, въ особенности, противъ такъ называемыхъ манчестеріанцевъ, т. е. приверженцевъ свободной торговли. Онъ принялся нещадно громить ихъ и въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, и въ безчисленныхъ статьяхъ преданныхъ ему офиціозныхъ газетъ, чуть не приравнивая несчастныхъ фритредеровъ къ измѣнникамъ и врагамъ отечества, ибо тотъ прямой врагъ своего народа, кто не старается оградить его промышленные и торговые интересы отъ иностранной конкуренціи рядомъ высокихъ таможенныхъ тарифовъ. Съ этой цѣлью, Бисмаркъ проводитъ одинъ за другимъ крайне стѣснительные таможенные законы, постоянно мотивируя ихъ неотложностью патриотизмъ и необходимостью оказать покровительство туземному производству. Мотивы эти въ устахъ канцлера оказывались однако недостаточно убѣдительными, ибо всякому было ясно, что государству первымъ дѣломъ нужны деньги, которыхъ больше взять было не откуда, и что деньги эти нужны, главнымъ образомъ, на военные нужды. Несостоятельность заботъ канцлера о благосостояніи нѣмецкихъ фабрикантовъ, торговцевъ и рабочаго люда сказывалась уже въ томъ, что высокой тарифной системѣ подвергались всѣ безъ разбора предметы ввоза: и сырой матеріалъ, и продукты фабричнаго производства, не исключая и тѣхъ, которые вовсе не изготовлялись дома, и даже предметы первой необходимости, какъ хлѣбъ, напримѣръ. Пошлины на послѣдній были въ особенности тяжелы. Они, положимъ, были выгодны для сравнительно немногочисленнаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ, но массѣ населенія отъ этого было не легче. Не смотря на очевидный вредъ такого неразборчиваго примѣненія покровительственной системы, Бисмарку

удавалось въ началѣ проводить безъ особеннаго труда всѣ измышляемые имъ таможенные законы; до того еще были сильны въ народѣ обаяніе его личности и вѣра въ его всеобъемлющій геній. Къ тому - же, вновь была и его система давленія, путемъ официальныхъ органовъ печати, на общественное мнѣніе и приравниванія всѣхъ, несогласныхъ съ личнымъ мнѣніемъ канцлера, къ сонму враговъ отечества и ненавистниковъ излюбленнаго императора. Пошлый приемъ этотъ, понскасавшійся впоследствии отъ частаго его употребленія не по разуму ретивыми офиціозами, тогда еще не могъ не производить нѣкотораго впечатлѣнія на темную народную массу. Благодаря этому, всѣ первые законы Бисмарка о таможенныхъ тарифахъ вводились довольно благополучно; но не прошло и трехъ лѣтъ съ установленія новой таможенной политики, какъ ощутительно стала сказываться вся ея несостоятельность. Послабленій въ податяхъ никакихъ, между тѣмъ дороговизна начала быстро увеличиваться, а съ нею и всеобщее обѣдненіе. Народъ сталъ сотнями тысячъ эмигрировать въ Америку, спасаясь отъ податныхъ тягостей, рекрутчины и отсутствія заработковъ. Обиднѣе всего было для Бисмарка то обстоятельство, что выселялись не бездомные пролетаріи, а люди съ извѣстными достаткомъ, который они желали уберечь отъ крушенія, и притомъ люди молодые, здоровые, къ явному ущербу германской арміи. Одновременно съ этимъ стало зарождаться въ народѣ и невѣріе въ благія начинанія желѣзнаго канцлера. Онъ началъ понимать, что нѣтъ большой хитрости въ томъ, чтобы увеличивать доходы казны взиманіемъ все новыхъ и новыхъ налоговъ, не отмѣняя притомъ старыхъ. По мѣрѣ того, какъ покровительственная система, въ силу разъ даннаго ей направленія, захватывала все большую и большую область промышленности, вызывая тѣмъ самымъ серьезныя опасенія таможенныхъ репрессій со стороны сосѣднихъ государствъ,—росло въ народѣ и невѣріе къ Бисмарку. Последнему, съ каждымъ шагомъ, становилось все труднѣе проводить свои замыслы, и вотъ, наконецъ, оппозиція окрѣпла настолько, что въ послѣднюю (майскую) сессію рейхстага ему наносится первое пораженіе на поприщѣ экономическихъ нововведеній. Какъ всегда бываетъ въ подобнаго рода обстоятельствахъ, оппозиція пользуется первымъ удобнымъ случаемъ, какъ бы ни былъ малозначителенъ, самъ по себѣ, этотъ случай. На этотъ разъ, камнемъ преткновенія для Бисмарка оказались такіе второстепенные въ народномъ хозяйствѣ продукты. какъ свиное сало, медъ и шифферъ, пошлины на которые онъ собирался значительно повысить. Противъ сдѣланныхъ имъ предложеній, против-

ники его заявили, что, напримѣръ, значительное повышение тарифа на ввозный медъ причинить большой вредъ безъ всякой пользы для домашняго пчеловодства, такъ какъ медъ внутренняго производства идетъ совершенно на нныя цѣли, чѣмъ медъ привозный; приблизительно такіе же возраженія были сдѣланы и противъ увеличенія пошлинъ на сало и шпифель. Доводы эти не новы; подобные имъ не разъ приводились и прежде, но тогда времена были другія. Разумѣется, въ 1879 году, когда канцлеромъ были положены первыя основы его таможенной политики, предложенные имъ нынѣ тарифы прошли бы безъ особыхъ хлопотъ; но съ того времени не мало воды утекло, и успѣли достаточно назрѣть плоды покровительственной политики. Положимъ, оппозиціи лишь съ большимъ трудомъ удалось одержать побѣду: законопроекты, въ общемъ, отвергнуты были большинствомъ всего 10 голосовъ изъ 215; однако важно то, что первый шагъ сдѣланъ. За нимъ не замедлятъ послѣдовать и другіе. Оттого-то Бисмарку такъ и чувствительно испытанное имъ поражение, которымъ предвѣщалось неизбежное распаденіе всей измышленной имъ торгово-финансовой системы.

Однако, одними доходами съ увеличенныхъ таможенныхъ сборовъ нелегко было покрыть издержки на имперскія нужды и содержаніе громадной арміи. Необходимо было найти такой источникъ доходовъ, который, безъ особеннаго отягченія народа, прямо давалъ бы крупную цифру, а вмѣстѣ съ тѣмъ, захватывая собой всю Германію, служилъ бы и объединительнымъ цѣлямъ. Не слѣдуетъ забывать, что, помимо всего остальнаго, послѣднія все-таки являлись альфой и омегой всей дѣятельности Бисмарка. Подходящимъ универсальнымъ источникомъ могъ быть только какой нибудь общераспространенный продуктъ, табакъ, напримѣръ, если фабрикацію и продажу его сдѣлать государственной монополіей. Канцлеръ ухватился обѣими руками за эту счастливую мысль и, послѣ продолжительныхъ и усидчивыхъ трудовъ, внесъ въ рейхстагъ выработанный имъ законопроектъ о табачной монополіи. Въ немъ Бисмаркъ видитъ завершеніе всей своей не только экономической, но и политической системы; и не одинъ Бисмаркъ,—такъ смотрять на дѣло и всѣ вообще въ Германіи, такъ какъ отъ участи законопроекта будетъ зависѣть судьба всей правительственной финансово-экономической политики, а, пожалуй, и самого канцлера. Вотъ почему эта скучная для иностранцевъ матерія, о которой почти годъ безостановочно идутъ въ печати и парламентѣ скучнѣйшіе и безконечные разговоры, является жизненнымъ вопросомъ для нѣмцевъ. Какъ смотрять на дѣло самъ Бис-

маркъ, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ, сказанныхъ передъ окончательнымъ рѣшеніемъ поднятаго вопроса:

«Въ первый разъ, говорилъ онъ, табачная монополія официально предложена была въ императорскомъ посланіи ^{3/15} ноября 1881 г., и предложена не какъ цѣль, а только какъ средство для облегченія податныхъ тягостей. Повидимому, послѣднее упускаютъ изъ виду, выставляя монополію цѣлью для самой себя; мы же всегда смотрѣли на нее, какъ на зло, но такое, которое изъ всѣхъ остальныхъ золъ казалось намъ наименьшимъ... Однимъ изъ поводовъ, побудившихъ императора прибѣгнуть къ этому средству, чтобы вывести народъ изъ нужды,—была настоятельная надобность отмѣнить подать, сохранившуюся еще со времени феодализма и до сихъ поръ существующую въ Пруссіи; подать эта—классный налогъ или, иначе, личный налогъ, налогъ на жизнь, налогъ на право дышать и существовать. Насколько мнѣ извѣстно, такое варварское учрежденіе, за исключеніемъ Пруссіи и нѣкоторыхъ сѣверо-германскихъ государствъ, существуетъ только въ Россіи и Турціи, къ тому-же въ послѣдней лишь для покоренныхъ народовъ. Что же касается Россіи, то и тамъ эта подать, извѣстная подъ названіемъ подушнаго оклада, уже отжила свой вѣкъ и теперь, какъ вы, конечно, читали въ газетахъ, отмѣняется. Классный налогъ, который изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ уцѣлѣлъ только у насъ, въ самомъ себѣ заключаетъ невозможность правильного распредѣленія государственныхъ повинностей, что такъ удобно съ косвенными налогами». Приведа въ доказательство рядъ болѣе или менѣе убѣдительныхъ цифръ, Бисмаркъ заговорилъ о вредныхъ послѣдствіяхъ прямыхъ податей и связаннаго съ ними вымогательства недоимокъ, которыя доводятъ людей до отчаянія и даже до самоубійства. «Рабочимъ кажется непонятнымъ, почему государственная казна, столь богатая по ихъ мнѣнію, гонитъ и разоряетъ ихъ изъ-за пустячныхъ, копѣчныхъ сборовъ? И вотъ они или пополняютъ собой ряды недовольныхъ, или бѣгутъ туда, гдѣ нѣтъ класснаго налога и гдѣ трудъ ихъ находитъ покровительство и охрану отъ иностранной конкуренціи. Покровительственная таможенная система американцевъ и прусскій классный налогъ—вотъ главныя причины эмиграціи. Зачѣмъ-же намъ удерживать то, чего давно нѣтъ ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ?»... «Но вы имѣете право спросить меня, продолжаетъ Бисмаркъ, дѣйствительно-ли табачная монополія есть исковое средство для достиженія цѣли? Извѣстный экономистъ, и въ то же время приверженецъ свободной торговли, Леруа-Болье, признаётъ, что

монополія, даже съ точки зрѣнія качества издѣлій, не только не представляетъ никакихъ неудобствъ, но и гарантируетъ отъ фальсификаціи, если только принять за норму достаточно высокой акцизъ. Доходность табачной монополіи можно видѣть на примѣрѣ другихъ государствъ. Но представленные у насъ доводы противъ нея протекаютъ изъ побужденій совершенно иного порядка. Вы опасаетесь, что монополія еще сильнѣе упрочитъ имперію. Что же касается рабочихъ, которые со введеніемъ казенной монополіи останутся безъ мѣста, то въ казенныхъ табачныхъ заведеніяхъ всѣмъ имъ найдется работа... Въ эпоху введенія желѣзныхъ дорогъ, думали-ли о печальной участи извозчиковъ, трактирщиковъ и т. п.? А между тѣмъ желѣзно-дорожная монополія, уже по одному тому, что она частная, что ею отдавалось производство цѣлыхъ провинцій въ руки одной какой-либо акціонерной компаніи, куда несправедливѣе любой государственной»...

Въ словахъ этихъ много неоспоримой правды, которая, разумѣется, сознается и противниками канцлера; но, тѣмъ не менѣе, они не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія. Участъ табачной монополіи была заранѣе рѣшена. Въ народѣ она была крайне непопулярна и вызвала всеобщій ропотъ. Куреніе табаку до того распространено среди нѣмцевъ, до того стало ихъ насущнѣйшей потребностью, что малѣйшее вздорожаніе копѣчныхъ сигаръ и дешеваго кнастера, легко могло-бы повести къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ. Однако не эти опасенія руководили оппозиціей, а скорѣе, какъ выразился Бисмаркъ, «побужденія совершенно иного порядка», именно, страхъ передъ чрезмѣрной консолидаціей имперіи. Быть можетъ, еслибы законопроектъ о табачной монополіи былъ предъявленъ лѣтъ 10 тому назадъ, то, изъ-за этихъ самыхъ побужденій, успѣхъ его былъ-бы навѣрное обезпеченъ; но теперь, послѣ всего пережитаго, консолидація имперіи стала отождествляться въ представленіи нѣмцевъ съ консолидаціей правительственной власти. Нынѣ ихъ смущаютъ опасенія, что установленіе государственной табачной монополіи только усугубитъ число чиновниковъ, черезъ которыхъ правительству еще удобнѣе будетъ вліять на выборы; кромѣ того, обезпечивъ себя ежегоднымъ солиднымъ доходомъ, оно поставитъ себя въ полнѣйшую независимость отъ рейхстага. Въ итогъ, какъ выражается одна изъ либеральныхъ газетъ, при помощи монополіи осуществится государственный идеалъ имперскаго канцлера: установится на строгихъ бюрократическихъ началахъ всеобъемлющее и всемогущее правительство, при которомъ будетъ состоять, въ полномъ у него подчиненіи, конституціонный аппаратъ,

лишенный всякой самостоятельности и значенія. Вотъ эти-то соображенія и взяли верхъ при обсужденіи въ печати и рейхстагѣ табачной монополіи. Что они не лишены нѣкотораго основанія, въ томъ свидѣлствуютъ характеръ и направленіе всей внутренней политики Бисмарка и его всегда презрительное отношеніе къ правамъ и требованіямъ народныхъ представителей, хотя, нельзя не сознаться, своей беспомощностью и безтактностью, они сами, до извѣстной степени, подавали поводъ къ такому оскорбительному ихъ третированію. Чувство неостомщенной обиды придало особенно ожесточенный характеръ парламентскимъ преніямъ. Оппозиція рѣшила, воспользовавшись ненавистной народу табачной монополіей, съ нею вмѣстѣ провалить и всю бисмарковскую систему. Это явствуетъ изъ принятой въ комиссіи резолюціи, внесенной членомъ центра Лингенгомъ и поддержанной большею частью либераловъ. Курьезная эта резолюція гласитъ: «Послѣ повышенія акциза на табакъ, введеннаго въ 1879 году, дальнѣйшее обложеніе табачнаго производства признается неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что, при соотвѣтственной бережливости, существующихъ государственныхъ сборовъ вполне достаточно для удовлетворенія всѣмъ общественнымъ потребностямъ и для пополненія пробѣловъ въ нынѣ дѣйствующемъ податномъ и таможенномъ законодательствѣ». Иными словами, большинство комиссіи рѣшило не отпускать правительству больше ни гроша, хотя-бы и ради податной реформы. Послѣдняя, разумѣется, возможна только подъ условіемъ, если на проведеніе ея даются извѣстныя средства; когда-же въ нихъ отказываютъ, а намѣсто того предлагаютъ соблюдать бережливость, то ясно, что не желательна и самая реформа. Рейхстагъ только подтвердилъ смертный приговоръ, произнесенный комиссіей надъ проектомъ табачной монополіи: послѣдній былъ отвергнутъ, и отвергнутъ весьма значительнымъ большинствомъ — 276 голосами противъ 43. Такого пораженія Бисмарку еще не доводилось испытывать. Съ паденіемъ монополіи должна неизбѣжно пасть и вся его финансово-экономическая система.

Та же участь ожидаетъ и остальные, поставленные на очередь канцлеромъ законопроекты, только ужъ не изъ сферы экономической, а социальной, но именно потому и особенно ненавистные, какъ консерваторамъ всѣхъ оттѣнковъ, такъ и либеральному доктринерству.

Охраняя цѣлость и прочность имперіи, Бисмаркъ, конечно, не могъ упустить изъ виду своихъ всегдашнихъ и ни на какія сдѣлки не шедшихъ противниковъ, — социаль-демократовъ и народниковъ (т. е. социаль-демократовъ южной Германіи), а заодно и членовъ такъ называемой социально-

революціонной партіи, которыхъ онъ намѣренно отождествилъ съ первыми. Онъ видѣлъ въ нихъ не только враговъ имперіи по преимуществу, но и враговъ всякаго государственнаго порядка вообще и династическихъ интересовъ—въ особенности. Этимъ они были противны всей его натурѣ. Крайніе радикалы и социалисты всѣхъ наименованій казались ему тѣмъ опаснѣе, что близко стояли къ народу и понимали его интересы, а постепенно усиливающіяся тягости повинностей, благодаря экономическимъ предпріятіямъ канцлера, и всевозрастающій милитаризмъ представляли имъ удобную почву для успѣшной агитаціи. Поэтому, чтобъ подавить, выражаясь оффиціознымъ языкомъ, гидру революціи, онъ обрушивается на социалистовъ всю тяжестью своей почти неограниченной власти, прихвативъ къ той-же категоріи и вообще всѣхъ тѣхъ, которые особенно противились его нововведеніямъ. Сгоряча, Бисмаркъ хватается за обычныя въ такихъ случаяхъ средства—за полицейскія репрессіи, средства, такъ сказать патентованныя, хотя горькій опытъ давно кажется, долженъ былъ научить, что они никогда ни отъ какихъ общественныхъ гидръ не спасали. Воспользовавшись паникой, охватившей населеніе послѣ ряда покушеній, какъ въ сосѣдней Россіи, такъ и въ самомъ Берлинѣ, Бисмаркъ проводитъ цѣлый рядъ карательныхъ, предупредительныхъ и иныхъ чрезвычайныхъ мѣропріятій, ставшихъ извѣстными подъ названіемъ законовъ противъ социалистовъ. Въ силу ихъ вводится осадное положеніе во многихъ нѣмецкихъ городахъ, изгоняются заподозрѣнные, причемъ не спасало отъ высылки и званіе члена парламента; закрываются газеты, конфискуются книги и брошюры, запрещаются всякія сборища, узаконяются полицейскіе обыски и произвольныя аресты и т. п.

Однако Бисмаркъ—далеко не заурядный представитель власти. Онъ не могъ не сознавать, что полицейскія мѣропріятія представляютъ въ себѣ смѣшномъ мало убѣдительнаго, что ими не только нельзя искоренить вредныхъ въ глазахъ власти ученій, а, напротивъ того, скорѣе вызывается въ обществѣ сочувствіе къ гонимымъ и пострадавшимъ за свои убѣжденія и за принципъ свободы.

Къ тому же, канцлеру на дѣлѣ пришлось убѣдиться, что, не взирая на суровые законы, силы ненавистныхъ ему партій нисколько не умалились; онѣ стали только опаснѣе, такъ какъ дѣйствія ихъ изъ явныхъ превратились въ тайныя. Мало того, самъ Бисмаркъ вовсе не отрицалъ, подобно другимъ, болѣе близорукимъ правителямъ, историческаго значенія и *raison d'être* за социализмомъ; онъ чужалъ въ немъ общественную

силу, съ которой нельзя не считаться. Безусловно противны ему были только такіе социалисты, которые, по его понятіямъ, намѣренно пользуются социальнымъ ученіемъ во вредъ установленнымъ порядкамъ. Но чтобы съ успѣхомъ бороться съ ними, однихъ репрессивныхъ мѣръ недостаточно; для этого надо стать въ равныя съ ними условія, такъ сказать, обратить противъ нихъ ихъ же собственное оружіе. Необходимо привлечь на свою сторону рабочихъ и вообще весь необезпеченный людъ и на дѣлѣ доказать ему, что государство съ материнскою заботливостью печется объ его участи и принимаетъ его дѣло ближе къ сердцу, чѣмъ его самозванные защитники, социалисты и революціонеры. Словомъ, необходимо взять социализмъ подъ свою опеку и прежняго врага сдѣлать пособникомъ государства. Мысль смѣлая и вполне достойная такого необыкновеннаго человѣка, какъ Бисмаркъ.

Полумѣры не свойственны его натурѣ. Разъ онъ берется за какой нибудь вопросъ, онъ ставитъ его ребромъ, нисколько не страшась ни крайнихъ выводовъ, ни возможныхъ противорѣчій. Такъ и на этотъ разъ: въ основу своихъ будущихъ плановъ онъ ставитъ ни больше, ни меньше, какъ идею государственнаго социализма Лассала, самую радикальную изъ всѣхъ, а потому, разумѣется, болѣе другихъ ненавистную какъ охранителямъ собственности, такъ и доктринерамъ социализма. Такъ какъ хозяева добровольно никогда не поступятся преимуществами, закрѣпленными за ними обладаніемъ капитала, а рабочіе одними своими средствами никогда не добьются самостоятельности и обезпеченнаго положенія, то освободить ихъ изъ подъ гнета капитала обязано государство,—вотъ принципъ, который усвоилъ себѣ Бисмаркъ. Какое толкованіе придаетъ онъ этому принципу и какіе дѣлаетъ изъ него выводы—другой вопросъ. Подъкладка его социальнаго ученія—чисто политическая; онъ ухватился за Лассала только затѣмъ, что надѣялся съ его помощью сильнѣе упрочить государственную власть. Далѣе, онъ не только предлагаетъ помощь государства для рѣшенія рабочаго вопроса, но хочетъ и регламентировать его исключительно государственнымъ путемъ; наконецъ, онъ, очевидно, смѣшиваетъ понятіе о государствѣ съ представленіемъ о правительствѣ. Какъ бы тамъ ни было, но заслуга Бисмарка въ томъ, что онъ не побоялся поставить на очередь социальный вопросъ, показавъ тѣмъ, что стоитъ на высотѣ времени, во всякомъ случаѣ, выше нѣмецкихъ либераловъ, которые до сихъ поръ еще не могутъ переварить слова «социализмъ». Чтобы положить начало своей социальной реформѣ, онъ вноситъ на первый разъ знаменитый законопро-

зеть о застрахованіи рабочихъ, при содѣйствіи государства, отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Судьба этого законопроекта пока еще не рѣшена и, кажется, не рѣшится никогда, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, какая предложена была Бисмаркомъ, такъ какъ рейхстагъ, если и не отвергнетъ его окончательно, то постарается сущность его свести на нѣтъ. Да и самъ канцлеръ, послѣ испытанныхъ имъ неудачъ, едва-ли вѣрить въ успѣхъ своего дѣла. И дѣйствительно, законопроектъ о застрахованіи рабочихъ встрѣчаетъ, пожалуй, еще меньше сочувствія, чѣмъ даже табачная монополія. Отказъ со стороны консерваторовъ вполне естественъ: они видятъ въ немъ нарушеніе священнаго принципа собственности, да къ тому-же, на каждое измѣненіе существующихъ общественныхъ порядковъ смотрятъ, какъ на поруганіе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Не менѣе естественно нерасположеніе къ законопроекту и со стороны социаль-демократовъ и социалистовъ вообще: они просто - на-просто не признаютъ изобрѣтеннаго Бисмаркомъ социализма, подкладкой котораго служитъ усиленіе милитаризма и произвола правительственной власти, въ ущербъ свободы личности и свободы совѣсти; не вѣрятъ и въ искренность его сочувствія къ рабочимъ, по его же милости отягченнымъ повинностями всякаго рода. Совѣмъ иное отношеніе къ законопроекту у либеральныхъ партій. Съ одной стороны, по своему общественному положенію, онѣ обязаны интересоваться рабочимъ вопросомъ, такъ какъ это входитъ въ либеральную программу; съ другой же—интересы кармана имъ не менѣе дороги, чѣмъ и консерваторамъ, только неприкосновенность своихъ интересовъ они прикрываютъ разными громкими фразами либерального пошиба, въ родѣ самостоятельности личности, свободы труда и заработковъ и пр. Националь-либералами, напр., руководятъ въ данномъ случаѣ побужденія и чисто эгоистическаго свойства: они опасаются, что государство, взявъ на себя взносъ страхового капитала, тѣмъ самымъ привлечетъ къ уплатѣ и все населеніе, а значитъ и тѣхъ, матеріальные интересы которыхъ нисколько не связаны съ положеніемъ рабочихъ. Съ точки зрѣнія нажившихся на счетъ народа лавочниковъ - либераловъ, они находятъ это высшей несправедливостью. Сознаться въ такихъ эгоистическихъ побужденіяхъ несовѣмъ ловко, и вотъ, какъ за якорь спасенія, они хватаются за свой излюбленный тезисъ, составляющій краеугольный камень либеральнаго доктринерства,—за неприкосновенность и свободу частной инициативы. Въ силу этого тезиса, всякое постороннее вмѣшательство убиваетъ индивидуальную энергію, а потому безусловно вредно для самаго дѣла.

Фальшь этой доктрины, въ примѣненіи къ рабочему вопросу, бьетъ въ глаза; но она мила сердцу нѣмецкихъ либераловъ. И вотъ, вооружившись ею, они категорически заявляютъ Бисмарку, что примутъ его законопроектъ о застрахованіи рабочихъ лишь подъ условіемъ исключенія всякой денежной помощи со стороны государства; иными словами, они соглашаются принять предложеніе, отвергнувъ при этомъ основной принципъ его. Тѣмъ не менѣе правительство уступило; оно согласилось, чтобы издержки по страхованію были раздѣлены между государствомъ и фабрикантами, т. е., чтобы только часть страховой платы вносилась первымъ, а остальная была возложена на послѣднихъ. Однако и эта уступка не помогла. Либераламъ, очевидно, законопроектъ былъ не по душѣ. Не касаясь принципиальныхъ вопросовъ, они вдалились въ разборъ мелочей, съ явнымъ намѣреніемъ затянуть дѣло. Начались длинные сужденія о томъ, что считать болѣзнью и что несчастнымъ случаемъ; затѣмъ, о необходимости отдѣлать вопросъ о страхованіи отъ болѣзней отъ вопроса о страхованіи отъ случайныхъ поврежденій, и, наконецъ, свернули все дѣло на благотворительность, заявивъ, что въ городахъ имѣются въ достаточномъ числѣ содержимыя на общественный счетъ богоугодныя заведенія и больницы, куда и можно помѣщать пострадавшихъ и заболѣвшихъ рабочихъ, причѣмъ уплату издержекъ, пожалуй, могутъ взять на себя частію фабриканты, а частію рабочіе. Въ концѣ концовъ, законопроектъ оставленъ нерѣшеннымъ и нынѣ отложенъ въ дальній ящикъ, такъ какъ засѣданія рейхстага отсрочены до 30 ноября. Положимъ, правительствомъ было предложено, чтобы за этотъ промежутокъ времени парламентскія комиссіи взяли на себя обсужденіе особенно неотложныхъ дѣлъ; только сомнительно, чтобы предложеніе это было принято.

Итакъ, Бисмаркъ потерпѣлъ поражение на всѣхъ пунктахъ. Представители нѣмецкаго народа, которые еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почти безъ разсужденій, шли за своимъ желѣзнымъ канцлеромъ, теперь отвернулись отъ него и шиканируютъ его на каждомъ шагѣ. Какъ-бы ни была несимпатична его политика, сколько-бы ни шла она въ разрѣзъ съ духомъ времени и съ дѣйствительными потребностями современной жизни, но у Бисмарка есть, по крайней мѣрѣ, строгая система, частности которой отличаются и серьезнымъ содержаніемъ, и шириною мысли. Ничего подобнаго у его противниковъ найти нельзя. Они не выставили ни единого толковаго проекта взамѣнъ тѣхъ, которые дюжинами зарождались въ головѣ канцлера; не высказали ни одной самостоятельной мысли. За все послѣднее время, въ рейхстагѣ царилъ сплош-

ная ищанская посредственность. Сами иѣмцы жалуются на полное отсутствіе у нихъ программы; особенно страдаетъ этимъ лагерь либераловъ. Прогрессисты такъ прямо и заявляютъ, что имъ никакой самостоятельной программы не нужно, и что вся ихъ программа заключается въ противодѣйствіи Бисмарку всегда и во всемъ. Главная забота оппозиціи обогреть до нельзя столкновеніе правительства съ представительнымъ собраніемъ и вызвать канцлерскій кризисъ.

Иѣмцамъ стало, наконецъ, не въ могоу—быть постоянно на помочахъ у правительства и безпрекословно потакать деспотическимъ замашкамъ Бисмарка. Имъ желательно, подобно другимъ народамъ, пользующимся конституціоннымъ режимомъ, по собственному разумѣнію распоряжаться своими дѣлами и на собственный страхъ устроить свое благополучіе. Все это какъ нельзя болѣе естественно; но весь трагикомизмъ положенія иѣмецкой оппозиціи въ томъ и заключается, что она никакъ не можетъ найти для себя незыблемой точки опоры. Если князь Бисмаркъ будетъ свергнутъ, невольно спрашиваютъ иѣмцы, то кто же займетъ его мѣсто? Вопросъ немислимый ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ; но въ Германіи, созданной руками Бисмарка и привыкшей къ его опеке, онъ имѣетъ весьма серьезный смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли представить себѣ германскій парламентъ безъ Бисмарка или безъ лица, которое, обладая подходящими качествами, могло-бы руководить имъ? Кто будетъ связующимъ звеномъ безчисленныхъ и взаимно враждебныхъ партій? «Мы имѣемъ противъ себя, говорилъ канцлеръ въ послѣдней своей рѣчи, партикуляризмъ фракцій, спекулирующихъ на новые выборы и на новый составъ правительства. Но вѣдь въ Германіи не найдется ни одной партіи настолько сильной, чтобъ стать во главѣ управленія; скорѣе можно ожидать, что дробность фракцій загубитъ самый конституціонный принципъ... Если теперешніе государственные люди захватятъ власть въ свои руки, то они ни за что не смогутъ сбросить съ себя балластъ, наложенный на нихъ узкими интересами фракцій, чтобъ замѣнить его практическимъ государственнымъ грузомъ... Имѣ приписываютъ выраженіе: «сила прежде права», но имѣ представляется, что девизъ нашъ скорѣе: «фракція прежде всего...» Характеристика эта довольно вѣрна.

Какъ-бы тамъ ни было, но при настоящемъ положеніи дѣла возможны только два исхода: или Бисмаркъ будетъ продолжать распоряжаться помимо партій и наперекоръ имъ, или въ угоду имъ выйдетъ въ отставку, что, пожалуй, будетъ равносильно распаденію имперіи. Пер-

спектива такого печального исхода, конечно, одинаково страшитъ всѣхъ нѣмцевъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ завзятыхъ партикуляристовъ; и вотъ почему, намъ кажется, нѣмцы не доведутъ своей размоленн съ Бисмаркомъ до канцлерскаго кризиса, хотя прогрессисты и начали праздновать побѣду. Они уже теперь, такъ сказать, предвкушаютъ свободную Германію, управляемую правительствомъ, избраннымъ большинствомъ, забывая, что, при данныхъ условіяхъ, оно инымъ быть не можетъ, какъ только клерикально-юнкерскимъ. Этимъ сладкимъ упованіямъ, однако, едва-ли суждено сбыться. Національ-либералы, вѣрные своей всегдашней неустойчивости, уже поворотили оглобли и, повидимому, собираются оказать поддержку Бисмарку, въ которой онъ теперь такъ сильно нуждается. Да, наконецъ, императоръ Вильгельмъ никогда не даль-бы своего согласія на отставку такого вѣрнаго слуги, какъ имперскій канцлеръ, князь Бисмаркъ.

БАЛКАНСКІЯ ПИСЬМА.

I. (27 апрѣля 1881—27 мая 1882).

Пятый годъ живетъ политическою жизнью княжество, созданное русскою кровью пять же лѣтъ тому назадъ, и эта жизнь извѣстна менѣе всего въ той именно странѣ, которая пожертвовала огромными силами и средствами, чтобъ вызвать къ жизни часть томившагося подъ тяжелымъ игомъ народа, чтобъ создать это молодое княжество—Болгарію. Это прискорбно, странно; тѣмъ не менѣе, это—фактъ, который признаютъ и сами русскіе. Русскій читатель можетъ найти въ своей политическо-научной литературѣ нѣсколько характеристикъ Болгаріи и ея населенія, но онъ напрасно станетъ искать сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній объ ея текущихъ дѣлахъ. Излишнимъ трудомъ будетъ, конечно, доказывать, что и въ этомъ отношеніи западно-европейская періодическая литература опередила русскую.

Недостаточное знакомство русскихъ съ болгарскими дѣлами имѣло, между тѣмъ, послѣдствія, которыхъ никакимъ образомъ нельзя назвать желательными. Дѣло ухудшается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что русскія газеты передаютъ своимъ читателямъ извѣстія изъ Болгаріи, пользуясь для этого почти исключительно иностранными источниками и преимущественно вѣнскими газетами. Не провѣривъ подлинности фактовъ, не разобравъ, съ какою цѣлью вѣнскіе публицисты извращаютъ ихъ или

просто сочиняють, многіе изъ органовъ русской печати спророждаютъ подобныя «факты» соответственными комментаріями, конечно, оказывающими свою долю воздѣйствія на русское общество. Мало того: нѣкоторые изъ русскихъ газетъ (къ счастью, меньшинство) прямо искажаютъ дѣйствительность, которая, какъ по всему видно, колеть имъ глаза.

Слабое стремленіе русскихъ къ ознакомленію съ освобожденною ими страной и возможность распространенія искаженныхъ понятій о Болгаріи и ея дѣлахъ обусловливается, конечно, существующими обстоятельствами и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что русскимъ теперь не до вопросовъ виѣшней политики: все вниманіе мыслящихъ людей Россіи сосредоточено теперь на внутреннихъ вопросахъ, на уврачеваніи ея органическихъ недуговъ. Это обстоятельство, конечно, весьма уважительно и серьезно. Но едва-ли отсюда слѣдуетъ, что русскіе должны отрѣшиться отъ всего остальнаго:—не говоря уже о невозможности подобнаго отрѣшенія, достаточно напомнить, что жизнь не ждетъ, и горе тому, кто не слѣдуетъ за нею, ибо не дастъ она ему завтра того, что могла дать сегодня. Русскіе, конечно, понимаютъ все это; болгары, у которыхъ внутреннія дѣла тоже не Богъ вѣсть въ какомъ блестящемъ положеніи, также понимаютъ, но роль послѣднихъ въ этомъ отношеніи нѣсколько иная.

Руководствуясь изложенными соображеніями и пользуясь благосклоннымъ гостепріимствомъ «Наблюдателя» (название журнала, кстати сказать, какъ нельзя болѣе соответствуетъ данному случаю) я и буду стараться въ своихъ письмахъ, на сколько позволятъ зависящія и независящія отъ меня обстоятельства, доставлять читателямъ отчеты о ходѣ нашихъ дѣлъ и, вообще, о всемъ томъ въ жизни Болгаріи, что можетъ интересовать просвѣщеннаго русскаго,—отчеты, составленные *sine ira et studio*, по возможности объективно, а не съ точки зрѣнія той или иной политической партіи.

Чтобы слѣдить съ болѣшею пользою за дальнѣйшимъ ходомъ болгарскихъ дѣлъ, необходимо, разумѣется, знать ихъ положеніе въ данное время и уяснить, чѣмъ вызвано это положеніе. Предполагая, что многіе изъ читателей не имѣли возможности сдѣлать это, я и постараюсь въ краткихъ словахъ представить настоящее политическое состояніе Болгарскаго княжества въ связи съ событіемъ печальной памяти перваго іюля. Прошу читателя быть снисходительнымъ къ приемамъ изложенія. Трактовать о данномъ событіи съ полной свободой, при данныхъ обстоятельствахъ, весьма неудобно, а извѣстная форма сужденія всегда удерживаетъ въ должныхъ границахъ.

Читателямъ, конечно, извѣстно, что около года тому назадъ въ Болгаріи произошелъ государственный переворотъ.

Событіе это является самым крупным историческим фактомъ для Болгаріи послѣ ея освобожденія и отправнымъ пунктомъ для всей ея будущей политической жизни; этотъ фактъ, главнымъ образомъ, вызвалъ и ея теперешнее положеніе. Въ виду такого своего значенія, событіе 1-го іюля должно служить исходною точкою при изложеніи текущихъ дѣлъ Болгаріи. Для нашей цѣли достаточно разсмотрѣть его съ точки зрѣнія простой цѣлесообразности, предоставляя исторіи разработать всесторонне и оцѣнить по достоинству самое событіе. Каковы были цѣли переворота и достигнуты-ли онѣ; что въ дѣйствительности достигнуто и почему?—вотъ нашъ вопросъ.

Не будемъ допытываться, имѣлъ-ли этотъ переворотъ свои особыя цѣли, по той или другой причинѣ, неповѣданныя міру, и какія это были цѣли: мы должны составить себѣ понятіе объ его успѣшности и пользѣ, принимая во вниманіе только тѣ цѣли, которыя, официально и въ оправданіе чрезвычайной мѣры, выставлены, какъ таковыя.

27-го апрѣля 1881 года, князь болгарскій обратился къ своему народу съ воззваніемъ, въ которомъ, между прочимъ, мы читаемъ слѣдующее: «Въ продолженіе двухъ лѣтъ, я допускалъ всѣ возможные опыты для устройства и правильнаго развитія княжества, но, къ несчастію, надежды мои не осуществились. Въ настоящее время, наше отечество дискредитировано извнѣ, дезорганизовано внутри. Это пошатнуло въ народѣ вѣру въ правду и внушаетъ ему страхъ за будущее. Для пользы и блага княжества, я, поэтому, считаю своимъ священнымъ долгомъ объявить самымъ торжественнымъ образомъ предъ своимъ народомъ, что нынѣшнее положеніе дѣлъ въ княжествѣ дѣлаетъ невозможнымъ выполненіе моей задачи».

Вотъ точный переводъ, изъ оффиціального изданія, той части манифеста, которая насъ можетъ теперь интересовать. Конечно, мы не станемъ искать болѣе авторитетнаго изложенія причинъ, вызвавшихъ переворотъ. Итакъ, устраненіе двухъ причинъ тяжелаго положенія—«внѣшняго дискредитированія» и «внутренней дезорганизациі» вмѣстѣ съ устраненіемъ ихъ послѣдствій: «утраты вѣры въ правду» и «страха за будущее»—является цѣлью совершившагося переворота, обуславливающею и самую возможность выполненія княземъ своей задачи. Посмотримъ же, насколько цѣль была достигнута.

Замѣтимъ, прежде всего, что перевороты сами по себѣ никакимъ образомъ не могутъ служить для упроченія довѣрія другихъ державъ къ тому государству, гдѣ они совершаются и, притомъ,—въ такой рѣзкой формѣ. Конечно, есть перевороты, которые, являясь вопіющею необходимостью, производятъ самое благопріятное впечатлѣніе на сосѣдей и служатъ къ вышшему

упроченію міжнароднаго положенія страны. Но нашъ переворотъ не былъ такимъ. Болгары, послѣ пятилѣтняго рабства, не могли сразу выказать политической зрѣлости англичанъ. Да и самые-то опыты продолжались всего два года, такъ что по нимъ нельзя было прійти къ заключенію о полной политической неспособности населенія княжества. У насъ, правда, случались факты нежелательные и нехорошіе; но гдѣ этого не бываетъ? Мы видимъ, что народы, богатые политическимъ опытомъ и преданіями, совершаютъ дѣла, многимъ превосходящія, по нежелательности и безтактности, все то, что болгары сдѣлали подобнаго во время своей двухлѣтней свободной политической жизни, и однако народы эти продолжаютъ пользоваться своей свободой и правами. Да и самая форма переворота болгарскаго—отнятіе власти у народа и сосредоточеніе ея въ однихъ рукахъ—не способствовала-ли болѣе всего дискредитированію этого народа въ глазахъ Европы? Какое довѣріе можно имѣть къ странѣ и народу, который авторитетно признается неспособнымъ управляться самому? Нельзя было хуже дискредитировать болгаръ, по крайней мѣрѣ, болгаръ княжества.—Вспомнимъ еще ту извѣстную истину, что довѣріе международное, питаемое къ одному государству, обуславливается, прежде всего, положеніемъ его внутреннихъ дѣлъ и прочностью его правительства, его главы. Прочность престола зависитъ, главнымъ образомъ, отъ благопріятнаго внутренняго состоянія страны; дальше мы увидимъ, каково это состояніе. Конечно, престолъ держится и на извѣстныхъ нравственныхъ основаніяхъ и историческихъ традиціяхъ. Но ясно само собою, что у насъ, въ Болгаріи, о традиціяхъ и говорить нельзя; что же касается нравственныхъ основаній, то они, конечно, не могли пока прочно сложиться; переворотъ только пошатнулъ ихъ зачаточныя основанія.

Въ чемъ же выражалась внутренняя дезорганизация Болгаріи 10 27-го апрѣля прошлаго года? Манифестъ въ этомъ отношеніи ничего не опредѣляетъ въ частности; но мы можемъ обратиться къ консервативнымъ газетамъ этого періода, можемъ вспомнить и жалобы, раздававшіяся съ той или другой стороны на тогдашнее правительство. Изъ этого богатаго матеріала я возьму только обобщенные выводы и притомъ такіе, которые ишѣютъ за себя хоть каплю дѣйствительности: объемъ статьи не позволяетъ останавливаться на мелкихъ подробностяхъ и, съ другой стороны, было бы смѣшно толковать о «болгарскихъ нигилистахъ». При такомъ ограниченіи, всѣ обвиненія и жалобы можно свести къ двумъ пунктамъ: одни жаловались на крайнее возбужденіе политическихъ страстей, на поглощеніе политикою всего остальнаго; другіе съ укоризной указывали на «радикаловъ», хвастающихся своею любовью къ свободѣ и уваженіемъ

къ конституціи и нерѣдко, въ борьбѣ со своими противниками, забывающихъ требованія и свободы, и конституціи. Я увѣренъ, что и самый ярый консерваторъ не станетъ утверждать, что можно въ чемъ-либо иномъ серьезно упрекать тогдѣшнее время.

Взявъ въ соображеніе вышесказанные два пункта обвиненія и не ставя себѣ задачей ни объяснять естественность перваго явленія, ни умалять и отрицать справедливость втораго, мы ограничимся только разсмотрѣніемъ того, насколько эти обстоятельства устранены переворотомъ и въ какой мѣрѣ нынѣшнее болгарское правительство свободно отъ подобныхъ упрековъ.

Что касается перваго пункта, т. е. ослабленія политической агитаціи и успокоенія страстей, то достаточно поставить вопросъ, чтобъ рѣшить его. Читатели, вѣроятно, слышали кое-что о послѣднихъ политическихъ митингахъ въ Болгаріи, но изъ русскихъ газетъ они мало могли узнать объ ихъ общемъ характерѣ, объ ихъ значеніи для страны. И прежде бывали митинги въ Болгаріи, но эти митинги, не стѣсненные никакими легальными и нелегальными обстоятельствами, имѣвшіе ясно формулированную задачу и безъ всякаго препятствія преслѣдовавшіе ее до конца, не отзывались такъ тяжело на общемъ теченіи жизни, какъ теперешніе. Теперь же замѣчается другое явленіе. До изданія, въ мартѣ нынѣшняго года, закона о собраніяхъ, созваніе митинговъ и всѣ ихъ дебаты и рѣшенія зависѣли исключительно отъ благоусмотрѣнія администраціи и, что еще хуже, отъ низшихъ ея представителей. Централизація, вѣдь, тѣмъ и сказывается, что централизуетъ власть въ каждомъ данномъ мѣстечкѣ въ рукахъ мѣстнаго единоличнаго представителя центральной власти. Я не стану говорить объ этомъ темномъ и грустномъ періодѣ, а приведу два примѣра, рисующихъ дѣятельность администраціи послѣ изданія закона о собраніяхъ, которымъ разрѣшается гражданамъ княжества свободно собираться для разсмотрѣнія всевозможныхъ вопросовъ, подъ контролемъ мѣстныхъ властей и при соблюденіи извѣстныхъ формальностей. Законъ этотъ, *de facto*, стѣсняетъ свободу собраній, но это другой вопросъ; для насъ важно то, что первый его параграфъ провозглашаетъ въ принципѣ ихъ полную свободу. И что же мы видимъ? Пльвненскому околийскому начальнику заявляютъ, что намѣрены составить митингъ въ селѣ Гингенъ; начальникъ преспокойно отвѣчаетъ посланнымъ къ нему, что собранія запрещены. Это было 10-го апрѣля, а законъ о собраніяхъ изданъ 15-го марта. Представители власти не ограничиваются отрицательнымъ отношеніемъ къ дѣлу: либералы посылаютъ депутаціи п адреса къ князю; отчего не постараться вызвать заявленія въ противоположномъ смыслѣ? И вотъ, во многихъ мѣстечкахъ и горо-

дахъ, начальники и кметы тоже «созываютъ митинги». Беремъ для примѣра мѣстечко Селановцы, Орѣховскаго округа, гдѣ мѣстные представители власти образовали изъ себя «бюро», возсѣдая около двухъ столовъ, расположенныхъ во дворѣ училища, и призывая, посредствомъ мѣстныхъ военныхъ инструкторовъ, поселенъ, проходящихъ мимо училища: — «Любишь князя?» — «Люблю». — «Подпишись въ такомъ случаѣ на этой бумагѣ» приглашаетъ простодушнаго крестьянина ревностный слуга государства. — Подписи собраны, адресъ составленъ въ самомъ благодушномъ смыслѣ и тонѣ, и, конечно, отправленъ по назначенію. Забудьте при этомъ, что подобныя «митинги» не нуждаются ни въ какихъ разрѣшеніяхъ, не обязаны соблюдать никакихъ формальностей. Подобныя факты, а ихъ можно собрать великое множество — успокоительно-ли дѣйствуютъ на населеніе; ослабятъ-ли они агитацію? Достаточно замѣтить, что не въ одной Плевнѣ и Раховѣ, до и послѣ созванія митинга, происходили сцены, которыя не могутъ быть названы успокоительными уже въ виду того, что въ нихъ главную роль играли пролитіе крови и заключеніе въ тюрьму. Даже въ столицѣ, въ Софіи, мы видимъ столкновенія весьма серьезныя, оканчивающіяся побоями или площадною руганью. Консервативная газета «Български Гласъ» даже съ особымъ удовольствіемъ сообщаетъ своимъ читателямъ всѣ подобныя пассажи и съ готовностью печатаетъ телеграммы, въ которыхъ сообщается, что такой-то либеральный проповѣдникъ отколоченъ «какъ слѣдуетъ». Все это мало свидѣтельствуетъ въ пользу успокоенія политическихъ страстей. Съ другой стороны, и самая агитація дошла до крайняго напряженія. Наблюдая внимательно ходъ политической жизни Болгаріи, легко убѣдиться въ этомъ, обративъ вниманіе хотя на то, что либеральная программа, обнародованная въ февралѣ и, вѣроятно, извѣстная читателямъ, разослана въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по всему княжеству, не смотря на неимовѣрныя усилія администраціи помѣшать ея распространенію. И послышки задерживались на почтѣ, и распространители программы наказывались огромными штрафами, и читатели ея подвергались всевозможнымъ непріятностямъ — ничто не помогло: вы не найдете теперь деревушки въ княжествѣ, гдѣ бы программа не имѣлась въ нѣсколькихъ экземплярахъ, гдѣ бы она не комментировалась и не критиковалась даже безграмотными крестьянами. Эти крестьяне принимаютъ теперь самое живое участіе въ митингахъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи и поступокъ одного простаго рабочаго (плотника) въ Русчукѣ, добровольно взявшаго на себя роль распространителя оппозиціонной газеты «Братство» и проповѣдника либеральныхъ реформъ. Онъ, конечно, дважды уже подвергался за это экзекуціи розгами въ

участкѣ, по распоряженію мѣстнаго старшаго жандарма, но это ничуть не уменьшило его рвенія: онъ протестовалъ посредствомъ газетъ и довелъ дѣло до суда.

Въ силу различныхъ историческихъ условій, которыя было бы слишкомъ долго здѣсь излагать, нашъ народъ выработалъ себѣ вполне демократическія воззрѣнія на взаимныя отношенія людей. Если онъ часто и подчинялся турку безъ видимаго сопротивленія, тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ это сознательно, «разсуждая»; понятіе «барина», «дворянина» не сложилось у насъ и не сложится. Притомъ болгары жили три года вполне свободною жизнью; они осознали, такъ сказать, узнали, что такое свобода, и это имѣло громадное значеніе для нихъ, оставило неизгладимыя слѣды на всемъ ихъ существѣ. Наши политики надѣялись, что, помощью крутыхъ мѣръ, сглаживаемыхъ пышными обѣщаніями, возможно будетъ какъ-нибудь заглушить это чувство свободы, эту жажду дѣятельности. Еслибъ они могли и хотѣли исполнить свои обѣщанія, еслибъ они дѣйствовали тактичнѣе и искуснѣе, имъ, быть можетъ, удалось бы кое-чего и достигнуть. Но мы видѣли совершенно противоположное. И, конечно, народъ, вначалѣ ошеломленный, а затѣмъ ожидающій, скоро смекнулъ, въ чемъ дѣло, и встрепенулся. Сначала изрѣдка и слабо, затѣмъ все чаще и усиленнѣе, сталъ онъ напоминать правительству о своемъ существованіи. Что же дѣлаетъ правительство? Оно не находитъ ничего лучшаго системы репрессалій, забывая, что убѣжденія и чувства складываются и развиваются подъ вліяніемъ факторовъ нѣсколько иного характера. Необходимымъ слѣдствіемъ этой безтактности явилась сильнѣйшая реакція, возбужденіе страстей и усиленіе недовольства. Но безтактнѣйшею изъ безтактныхъ мѣръ правительства, въ этомъ отношеніи, является его публикація во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ княжества о томъ, что никакихъ депутацій съ миссіями, въ чемъ-либо касающимися нынѣшняго положенія дѣлъ въ княжествѣ, князь принимать не будетъ. Я не буду останавливаться на томъ, имѣетъ-ли правительство хотя малѣйшее право принимать подобныя мѣры, и не буду указывать на факты, свидѣтельствующіе о неодинаковомъ отношеніи правительства къ депутаціямъ и адресамъ, смотря по тому, какія желанія выражаются ими. Для насъ достаточно констатировать тотъ фактъ, что это распоряженіе вызвало по всей Болгаріи глухое броженіе, тяжелый и отчаянный стонъ, что оно не остановило депутацій и адресовъ, принявшихъ, напротивъ, болѣе нежелательный для правительства характеръ, какъ это на примѣръ, видно изъ адреса, поданнаго 11-го мая и приводимаго мною цѣликомъ ниже.

Изъ всего вышеизложеннаго читатель, надѣюсь, могъ убѣ-

дяться, что политическія страсти ничуть не улеглись и не могли улечься. Посмотримъ далѣе, что благоволилъ предоставить князь своимъ подданнымъ послѣ удачнаго совершенія дѣла 1-го іюля 1881 года. Въ манифестѣ, обнародованномъ въ Систовѣ, немедленно послѣ того, какъ великое народное собраніе 1-го іюля приняло предложенія князя, мы находимъ слѣдующія строки, могущія интересовать насъ въ данномъ случаѣ: «Справедливость и непристрастіе, уваженіе и законная защита личности, ея свободы и ея правовыхъ отношеній—главнѣйшія цѣли моего правительства. Права народа, признанныя конституціей, остаются и для будущаго основаніемъ нашего общественнаго права». Вотъ, слѣдовательно, начала, которыми должно было руководствоваться новое правительство въ своей дѣятельности. О «справедливости и непристрастіи» мы не станемъ говорить: это матерія весьма растяжимая и, въ данномъ случаѣ, довольно-таки «высоко» стоящая надъ трактуемымъ фактомъ; съ насъ достаточно будетъ взять во вниманіе болѣе опредѣленные, легче выполнимыя требованія манифеста: уваженіе и защита правъ личности, сохраненіе правъ народа.

Что касается личныхъ правъ, то насколько они обезпечены, ясно видно изъ всѣмъ извѣстнаго ареста Цанкова, вождя либеральной партіи, а также и изъ того обстоятельства, что почта и телеграфъ широко пользуются правомъ «цензуры» частныхъ писемъ и депешъ. Выше я привелъ нѣсколько фактовъ, также иллюстрирующихъ эту «защиту». Затѣмъ, чуть-ли не ежедневно совершающіеся обыски частныхъ лицъ и, притомъ, безъ всякихъ законныхъ основаній, безъ всякихъ «формальностей», мало свидѣлствуютъ объ уваженіи, питаемомъ администраціей къ личнымъ правамъ гражданъ. Если подобные случаи возможны въ центрѣ княжества, гдѣ администраторы все же нѣсколько лучше, то можно себѣ представить, что дѣлается внѣ столицы. Минуя многочисленные факты, за недостаткомъ мѣста, я приведу только нѣкоторые изъ нихъ, являющіеся типическимъ выраженіемъ отношенія администраціи къ крестьянамъ. Въ селѣ Гагала, рушцускаго округа, вслѣдствіе того обстоятельства, что нѣкоторые изъ поселянъ не могли во время уплатить налогъ на виноградные сады, жандармы употребили весьма остроумное наказаніе для неисправныхъ должниковъ: намазавъ ихъ лица смѣсю изъ сала и сажи, ихъ выставляли на показъ около деревенскаго колодца, какъ извѣстно, самаго многолюднаго мѣста деревни. Въ селѣ Балбунаръ, того же округа, двое поселянъ не встали, когда мимо нихъ проходилъ околийскій начальникъ. Въ наказаніе за это, начальникъ велѣлъ снять съ нихъ обувь и поставить ихъ на цѣлую ночь на часы, не дозволяя имъ садиться ни въ какомъ случаѣ. Это было зимой, въ январѣ.

Это насчетъ правъ личныхъ; о правахъ народныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, мы можемъ быть краткими. Достаточно напомнить одно: или переворота не было и права народа существуютъ de jure, или переворотъ былъ и состоялъ именно въ ограниченіи этихъ правъ; иначе онъ не имѣлъ бы смысла, не имѣлъ бы никакого значенія. Помимо этого, однако, несозваніе народного собранія въ октябрѣ прошлаго года, утвержденіе бюджета безъ его согласія, наконецъ, что самое важное, запрещеніе этому народу обращаться непосредственно къ своему государю съ изложеніемъ своихъ жалобъ и желаній—все это факты, свидѣтельствующіе о постепенномъ стѣсненіи и сокращеніи народныхъ правъ.

Мнѣ могутъ замѣтить, что многое зависитъ отъ хорошаго состава администраціи, что я и самъ признаю. Но нынѣшнее правительство само виновато, что не можетъ найтти способныхъ и добросовѣстныхъ агентовъ. Оно всѣми силами старается выжить всѣхъ чиновниковъ и даже выборныхъ должностныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ консервативной партіи и несочувственно относящихся къ перевороту, замѣнивъ ихъ своими приверженцами, готовыми идти на все. Что же удивительнаго, если является недостатокъ въ развитыхъ, способныхъ людяхъ? Чиновникъ не долженъ дѣйствовать противъ существующаго правительства, долженъ соблюдать извѣстную субординацію, но онъ все же человекъ: онъ имѣетъ свои мнѣнія и убѣжденія, которыя, конечно, не обязанъ измѣнять по приказанію начальства. Этого не хотятъ понять наши министры. Что же удивительнаго, если низшіе органы власти ни во что не ставятъ самыя насущныя требованія элементарной правды? Они чувствуютъ себя силой, при помощи которой держится данный строй; они знаютъ себя цѣну. Притомъ они ничѣмъ не стѣснены; прежде ихъ притязаніямъ могло быть противопоставлено нѣчто, имѣющее обязательную для нихъ силу—конституція. Теперь попробуйте сдѣлать это, и вамъ засмѣются въ глаза. Въ настоящее время, никто изъ болгаръ не въ состояніи положительно сказать, что, вотъ, это обязательно, а то нѣтъ; это позволительно, а того нельзя дѣлать. Распоряженія частныя, для данной мѣстности или для даннаго случая, часто являющіяся, какъ снѣгъ на голову, служатъ единственнымъ руководствомъ—можно себя представить, какимъ. Результатомъ явилась полнѣйшая неопредѣленность, затрудняющая самихъ администраторовъ, которымъ приходится дѣйствовать по собственному разумію, какъ случилось и какъ вѣду малось. Это, въ свою очередь, возбуждаетъ неудовольствіе и недовѣріе среди управляемыхъ.

Мы подошли теперь къ самымъ важнѣйшимъ послѣдствіямъ переворота. Мы видѣли, что переворотъ не достигъ и не могъ

достигнуть главнѣйшей своей цѣли—успокоенія умовъ и избѣжанія незаконныхъ дѣйствій администраціи. Но все это, такъ сказать, отрицательная сторона дѣла. Правда, воззваніе 27-го апрѣля говорить еще объ «утратѣ вѣры въ правду» и «страхѣ за будущее», но оно ставитъ и то, и другое въ зависимость отъ достиженія тѣхъ цѣлей, которыя мы уже рассмотрѣли. Поэтому, перейдемъ прямо къ положительнымъ результатамъ событія 1-го іюля, тѣмъ болѣе, что намъ придется еще коснуться и «утраты», и «страха».

Результаты эти выразились, прежде всего, въ ослабленіи чувства законности, и такъ не особенно сильного въ государствѣ, только что начавшемъ жить, въ умаленіи авторитета закона вообще. Какъ не умалиться этому авторитету, когда наши основные законы были такъ легко сведены къ нулю, когда ихъ ничѣмъ не замѣнили, вслѣдствіе чего и явилось положительное отсутствіе всякихъ нормъ, которыя бы сдерживали произволъ управляющихъ и гарантировали отъ него управляемыхъ? Я выше приводилъ примѣры, доказывающіе широкое примѣненіе «усмотрѣнія», поэтому ограничусь здѣсь фактомъ, котораго я лично былъ свидѣтелемъ и который какъ нельзя лучше доказываетъ, что чувство законности и, вообще, укрѣпленіе этого чувства весьма малую роль играли въ соображеніяхъ нашихъ политиковъ нынѣ дѣйствующаго лагеря. Въ прошломъ году, три дня спустя послѣ санкціонирования переворота великимъ систовскимъ соображеніемъ, я отправился изъ Систова въ Русуку на пароходѣ, на который роковая случайность привела въ это время и всѣхъ нашихъ главныхъ политическихъ дѣятелей. Завтракъ собралъ всѣхъ насъ въ общую столовую; понятно, тутъ были и другіе пассажиры: русскіе, румыны, вѣмцы и пр. Представители либеральной партіи, забытые и измученные, сидѣли въ сторонѣ, собравшись въ кучку и спѣша скорѣе окончить завтракъ. Ихъ противники, консерваторы, царствовали въ салонѣ, снисходительно выслушивали лестныя замѣчанія со стороны своихъ ловкихъ сподвижниковъ и съ ядовитою улыбкою поглядывали на скромную кучку, дѣлая столь же ядовитые намеки на ея счетъ. Вдругъ главный вождь «людей полномочій»—какъ ихъ въ Болгаріи называютъ—торжественно поднимается и провозглашаетъ тостъ—за чтобы вы думали?—за «упокой блаженно почившей святыни—конституціи!» Эффектъ былъ громадный. Гомерическій хохотъ присутствующихъ и шуточки весьма сальнаго свойства насчетъ «невинной дочери Болгаріи» были отвѣтомъ на тостъ, такъ удачно и во время провозглашенный. Тостъ этотъ, конечно, не остался одинокимъ, и веселость почтеннаго собранія шла crescendo. Число любопытныхъ, привлеченныхъ шумомъ веселой компаніи, все росло;

задоръ компаніи, въ томъ же духѣ и направленіи, достигъ геркулесовыхъ столбовъ. Я не буду передавать подробностей и не пойду дальше. Но спрошу читателя: подобные люди могутъ-ли внушить уваженіе къ закону и упрочить это уваженіе?

Переворотъ, по самой своей сущности, не могъ укрѣпить чувства законности, не могъ, слѣдовательно, и «утвердить вѣру въ правду», какъ полагалъ манифестъ князя. Онъ, вдобавокъ, можетъ служить весьма опаснымъ прецедентомъ для будущаго и, притомъ, во вредъ князю. Не въ пользу князя можетъ быть и то обстоятельство, что переворотъ далъ громадные, страшныя преимущества консерваторамъ надъ либеральной партіей, такъ сказать, отождествивъ «партію порядка» съ личностью князя. Подобное отождествленіе весьма невыгодно отражается на общемъ ходѣ дѣлъ даже въ государствахъ строго монархическихъ, не говоря уже о конституціонныхъ, гдѣ первая обязанность государя—быть выше всѣхъ партій своего государства, не связывать своей личности, своего собственного будущаго съ будущимъ какой либо изъ нихъ. Мнѣ незначѣмъ приводить примѣры настоящаго; достаточно вспомнить, какъ подготовлялся переворотъ и какъ онъ совершился. Послѣдствія всего этого, по отношенію къ князю, ясны; но они не лучше и съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Въ моменты особеннаго напряженія народныхъ силъ, въ моменты особенно важныхъ событій, государь является той нравственной силой, которая соединяетъ воедино всѣхъ отдѣльныхъ членовъ этого народа и направляетъ ихъ къ извѣстной цѣли. Государь, въ подобныхъ случаяхъ, ничто иное, какъ идея, облеченная въ осязательныя конкретныя формы, ибо отвлеченная идея, какъ извѣстно, слабо дѣйствуетъ на волю людей, стоящихъ не на высокой ступени духовнаго развитія. Можетъ-ли явиться болгарскій князь такой нравственной силой для нашего народа? Съ глубокимъ прискорбіемъ, должно сознаться, что, въ настоящее время, факты не наводятъ насъ на положительный отвѣтъ. Опасность, конечно, можетъ на время соединить всѣхъ, всѣ пойдутъ за общее дѣло. Но многіе пойдутъ не такъ, какъ бы могли пойти; да, притомъ, развѣ въ жизни народовъ бываютъ только моменты опасности, защиты?

Присоединеніе Восточной Румелии къ княжеству является, напр., ближайшею цѣлью всѣхъ болгарскихъ патриотовъ. Но чувства, которыя питаютъ болгары этой области къ перевороту и, слѣдовательно, къ его виновникамъ, давно всѣмъ извѣстны. Читатели, быть можетъ, помнятъ румелійскіе митинги, осуждавшіе такъ рѣзко и безповоротно поступокъ 1-го іюля, не вызвавшіе ни одного протеста среди мѣстнаго населенія и запрещенные только въ силу того, что Румелия, какъ область отто

манской имперіи, подчинена общегосударственнымъ соображеніямъ Порты. Въ настоящее время, достаточно взять любую изъ румелійскихъ газетъ—а ихъ немало и, притомъ, самыхъ различныхъ направленій—чтобы убѣдиться, что прежнее настроеніе румелійцевъ не прошло, а, напротивъ, усиливается. Румелійцамъ, какъ болгарамъ, не можетъ не быть чрезвычайно тяжело, когда друзья болгаръ, желая доказать политическую способность этого народа, приводятъ въ примѣръ не княжество, а преимущественно Румелію. Это прибавило къ другимъ чувствамъ румелійцевъ чувство презрѣнія къ тому порядку, который не допустилъ своего народа къ свободному развитію и привелъ отъ воображаемой къ дѣйствительной «несостоятельности» въ глазахъ даже нашихъ друзей. Румелійскія газеты не допускаются въ княжество, всѣ сообщенія двухъ смежныхъ болгарскихъ земель подвергаются строжайшему «контролю» на границѣ княжества; румелійское и княжеское правительства не могутъ прийти къ соглашенію по самымъ удоборазрѣшимымъ вопросамъ; «турецкій паша», считавшійся въ началѣ только временнымъ замѣстителемъ князя Александра въ Румеліи, превращается въ его грознаго и весьма серьезнаго соперника на болгарскій престолъ. Въ интересахъ-ли это Болгаріи, въ интересахъ-ли самого князя—предоставляю рѣшить читателю.

Но серьезнѣйшее для насъ вышнее послѣдствіе переворота—это, безъ сомнѣнія, его вліяніе на взаимныя отношенія Россіи и Болгаріи. Мы, конечно, можемъ коснуться здѣсь этихъ отношеній, рассматривая названныя страны только, какъ «неофициальныя» единицы, какъ общества. Вообще вопросъ этотъ весьма интересенъ самъ по себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма мало затронуть; но мы должны ограничиться на этотъ разъ краткими соображеніями, имѣющими значеніе только по отношенію къ занимающему насъ факту. Итакъ, въ какомъ смыслѣ подѣйствовало 1-е іюля на взаимныя отношенія двухъ обществъ, связанныхъ другъ съ другомъ племеннымъ и боевымъ родствомъ?..

Что переворотъ повліялъ въ неблагопріятномъ смыслѣ на взаимныя отношенія освободителей къ освобожденнымъ—въ этомъ немногіе могутъ сомнѣваться. Но я бы желалъ въ этомъ отношеніи указать на одно обстоятельство, весьма извѣстное русскимъ и неблагопріятное собственно для болгаръ, хотя также имъ не безъизвѣстное. Одинъ политическій памфлетъ по болгарскимъ дѣламъ, написанный русскимъ, заключался пренебрежительными словами: «Эхъ, вы, болгары»!.. Разсужденія большаинства русскихъ газетъ о нашихъ дѣлахъ послѣ переворота, сужденія самостоятельныхъ и неувлекающихся русскихъ людей часто напоминали мнѣ эти слова... Мнѣ приходилось сознаваться, что все это правда, хотя, конечно, эти русскіе не принимали

въ расчетъ того обаянія, которымъ пользуется слово Россіи среди болгаръ. Не входя въ дальнѣйшія разсужденія на этотъ счетъ, я долженъ только замѣтить, что такое обстоятельство не могло не понизить насъ, какъ народа, въ глазахъ Россіи, въ глазахъ Европы. Все это хотя не обусловливалось исключительно переворотомъ, но вызвано, главнымъ образомъ, имъ. А мнѣ кажется, для всякаго народа не безразлично: какого о немъ мнѣнія другіе народы, особенно же тѣ, съ которыми ему приходится сталкиваться, вести сношенія.

Желая быть краткимъ, я не буду распространяться о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ переворота: о положеніи судей и, вообще, правосудія, какъ оно рисуется чуть-ли не ежедневными перемѣщеніями и увольненіями судей *); о появленіи въ молодомъ княжествѣ настоящихъ «чиновниковъ», сгибающихся въ три погибели передъ начальствомъ и «муштрующихъ» своихъ подчиненныхъ; о воспитаніи народа въ духѣ «дипломатическомъ» и о соответственномъ появленіи разныхъ «дипломатовъ»; о положеніи печати, училищъ, торговли и т. д. Я оставляю также въ сторонѣ вопросъ о вліяніи переворота на авторитетъ церкви и дисциплину войска.

Переворотъ роковымъ образомъ связанъ съ личностью князя; этого скрывать нельзя, да никто и не скрываетъ. Быть можетъ, въ дурныхъ послѣдствіяхъ весьма виноваты неумѣлые исполнители велѣній князя, но это не измѣняетъ дѣла: нравственная отвѣтственность падаетъ всецѣло на главнаго руководителя; по крайней мѣрѣ, таковъ фактъ. Конечно, государь иногда дѣйствуетъ противъ воли большинства своего народа, но въ подобныхъ случаяхъ могутъ получиться прочные результаты только при томъ условіи, если этотъ государь имѣетъ за себя извѣстную нравственную силу, основанную на личныхъ заслугахъ или на историческихъ преданіяхъ. Легко понять, что ни того, ни другаго не имѣлось въ данномъ случаѣ, такъ что переворотъ съ его послѣдствіями ничуть не послужилъ къ упроченію положенія князя, къ возвышенію его авторитета и значенія. Этого, результата, конечно, князь не могъ имѣть въ виду, принимая переворотъ, даже съ точки зрѣнія своихъ личныхъ интересовъ, не говоря уже о государственныхъ.

Резюмируя все сказанное, мы, кажется, имѣемъ основаніе

*) Княжескимъ указомъ, ревизующему министру юстиціи предоставлено «право отчислять отъ должности лицъ судебного вѣдомства, по его личному усмотрѣнію». Въ Софіи воспрещено изданіе новой газеты, и только консервативный «Български Гласъ» имѣетъ привилегію считаться органомъ столицы. Это сдѣлано вопреки настоянію «державнаго совѣта» — этого излюбленнаго дѣтища полномочій.

заключить, что «дезорганизованная» Болгарія не обратилась въ организованную послѣ переворота 1-го іюля. Она пришла въ бѣольшую дезорганизацію. Къ вышеизложеннымъ фактамъ, доказывающимъ это, прибавлю еще два, свѣженые. Въ Русчукъ—городѣ, находящемся въ княжествѣ Болгаріи — издается газета «Братство», весьма неприятная для нынѣшняго правительства. Въ Систовѣ—городѣ, находящемся тоже въ княжествѣ Болгаріи—существуетъ окружный судъ. Этому суду почему-то не понравились нѣкоторыя статьи названной газеты, вслѣдствіе чего онъ, не долго думая, воспретилъ получение этой газеты въ подвѣдомственномъ ему систовскомъ округѣ, о чемъ оффиціально былъ извѣщенъ русчукскій почтамтъ, равно какъ и редакторъ газеты. «За несоображеніе съ настоящимъ, гласить драгоценная оффиціальная бумага, виновные будутъ предаваемы суду... *). Считали ли бы вы, читатель, свое отечество «организованнымъ», еслибъ, напримѣръ, московская судебная палата запретила жителямъ Москвы получать «Голосъ»?—Другой фактъ также касается печати, но въ другомъ отношеніи: всѣмъ редакціямъ газетъ княжества воспрещено получать филиппопольскія оппозиціонныя газеты, но консервативный «Български Гласъ» пользуется и въ этомъ отношеніи привилегіей и свободно перепечатываетъ статьи запрещенныхъ въ княжествѣ газетъ, когда онъ это почему-либо считаетъ нужнымъ.

Еще одинъ фактъ. Какъ извѣстно, нѣсколько русскихъ капиталистовъ основали общество для постройки и эксплуатаціи болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ. Эта компанія соглашается реализовать необходимый капиталъ и начать постройку только при томъ непремѣнномъ условіи, что русское правительство перегагарантируетъ гарантію болгарскаго (5½% на капиталъ). Она и не могла иначе поступить. Неопредѣленность нынѣшняго положенія дѣлъ въ Болгаріи и ея финансовое положеніе **) не могутъ не побудить капиталистовъ, влагающихъ въ дѣло сотни милліоновъ, поискать прочныхъ гарантій въ Болгаріи. Наше международное значеніе вообще не можетъ быть значительнымъ, а, слѣдовательно, и кредитъ; но переворотъ довелъ ихъ до minimum'a.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, болгары и ихъ друзья

*) Къ сожалѣнію, починъ этому дѣлу дать со стороны прокурора изъ русскихъ, который, кажется, долженъ бы стоять немножко выше нашихъ «прокуроровъ».

**) Милліоны либеральнаго министерства улетучились «на разныя надобности». Въ текущемъ году предвидится дефицитъ на три милліона, но въ виду частаго употребленія суммъ изъ «статей экстраординарныхъ расходовъ», дефицитъ, по всей вѣроятности, значительно увеличится.

не могут не питать гораздо большего «страха за будущее», чѣмъ прежде. Послѣднія событія ясно доказываютъ, что наступаетъ новый кризисъ, исходъ котораго еще не можетъ быть извѣстнымъ. Будущее сулитъ намъ всевозможныя «неожиданности», разнообразнѣйшія затрудненія—и дай Богъ только, чтобы молодой болгарскій князь справился съ ними, счумѣлъ бы выйти изъ нихъ съ честью для себя и для государства.

Еще разъ подтвердилась истина, ставшая аксіомой, что, опираясь на одну грубую физическую силу, нельзя построить ничего прочнаго въ области человѣческихъ отношеній, которыя зависятъ не отъ одной этой силы и не могутъ регулироваться исключительно ею. Это еще справедливѣе относительно народа, который любитъ «разсуждать» и умственному преуспѣванію котораго давно положены слишкомъ прочныя основанія, чтобы ихъ можно было легко ниспровергнуть. «Быстрый» ходъ политическаго развитія многимъ не нравится, и они стараются, по возможности, замедлить его; быть можетъ, въ основѣ ихъ стараній лежатъ хорошія побужденія; быть можетъ, это гдѣ-нибудь и удастся;—но что касается Болгаріи, то подобныя старанія здѣсь вредны для самихъ старающихся. Остается только пожелать, чтобы князь болгарскій во время понялъ все это, во время вынулъ голосу благоразумія и чувству любви къ управляемому имъ народу.

Грубая сила не надежна именно потому, что она слѣпа и не служитъ постоянно одному господину. Есть благоразумные люди, которые, не одобряя болгарскаго переворота, тѣмъ не менѣе совѣтуютъ примириться съ нимъ, какъ съ совершившимся фактомъ, который постепенно долженъ исчезнуть естественнымъ путемъ. Подобные взгляды всегда и вездѣ были весьма популярны среди такъ называемыхъ «людей опыта». Не желая оспаривать изложеннаго воззрѣнія, я могу только замѣтить, что, не смотря на всю свою «благонадежность», оно довольно таки «опасно», потому что, съ этой точки зрѣнія, могутъ быть оправдываемы всевозможныя «совершившіеся факты», а кто же поручится, что въ Болгаріи, при существованіи извѣстныхъ обстоятельствъ, не можетъ вновь случиться что нибудь, имѣющее характеръ событія 1-го іюля, но совершенно иное содержаніе?

Въ маѣ текущаго года, болгарскія газеты напечатали открытое письмо, содержанія котораго я не буду приводить, чтобы не повториться. Заключение письма, однако, заслуживаетъ вниманія. Вотъ оно:

«Я не могу упомянуть здѣсь обо всемъ, что рисуетъ нынѣшнюю административную систему княжества и характеризуетъ главныхъ лицъ, поддерживающихъ ее, такъ какъ здѣсь мѣста мало и, притомъ, теперь не время. Уповаю на Божье право-

судіе и надѣюсь, однако, что будетъ день, когда имъ (т. е. упомянутымъ лицамъ) придется доказывать свое безкорыстіе при другой обстановкѣ, и что изобличеніе ихъ, съ его послѣдствіями, послужитъ поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ тѣхъ, которые бы пожелали идти по ихъ пути».

Это пишетъ не какой нибудь горячеголовый либераль, а солиднѣйшій изъ консерваторовъ, бывшій первый министръ княжества, г. Θ. Бурмовъ, пользующійся, вдобавокъ, большимъ довѣріемъ у русскаго правительства. Осторожность его въ политическихъ дѣлахъ обратилась въ Болгаріи въ пословицу, и если подобный человекъ такъ выражается — это значитъ, что тяжело, трудно живется въ княжествѣ болгарину, не считающему прозябанья идеаломъ жизни; это значитъ также, что недовольство достигло своего максимумъ, критической точки...

Въ послѣднее время стали появляться пасквили, сатиры, оскорбляющіе личность князя, распущены слухи о заговорахъ противъ его жизни. Нѣтъ нужды опредѣлять достовѣрность подобныхъ слуховъ; одна возможность ихъ появленія и распространенія краснорѣчиво говоритъ о возбужденіи политическихъ и иныхъ страстей.

Вмѣсто заключенія, я приведу превосходный, по своей откровенности и опредѣленности, адресъ, поданный регентству депутатами города Ловчи, мѣсяць спустя послѣ временнаго отъѣзда князя за границу:

«Ваше Высочество! — Имѣя въ виду: 1) что управленіе несчастнымъ нашимъ отечествомъ изо дня въ день дѣлается неудовлетворительнѣе и что большая часть распоряженій правительства направлена не къ благу страны, но къ поддержанію одной извѣстной партіи; 2) что администрація, вопреки высочайшему манифесту 1-го іюля, ввѣрена въ большинствѣ случаевъ людямъ съ незавиднымъ прошлымъ и настоящимъ; 3) что, вопреки существующимъ въ государствѣ законамъ, гарантирующимъ личную неприкосновенность, личность не избавлена отъ произвола администраціи; 4) что, вопреки утвержденному указомъ вашего высочества «закону о чиновникахъ», эти послѣдніе безнаказанно совершаютъ разныя выборныя и политическія агитаціи; 5) что суды переполнены людьми неспособными и явно пристрастными, а многіе способные и заслуженные судьи отчисляются со службы произвольно, безъ судебного приговора, потому только, что имѣютъ либеральныя убѣжденія; 6) что выборныя должности занимаютъ въ большинствѣ случаевъ людьми, не получившими даже посредственнаго числа голосовъ; 7) что министры, опираясь на свою безответственность передъ народомъ, располагаютъ суммами бюджета самымъ произвольнымъ образомъ; 8) что подобное положеніе страны не только

дѣлаетъ невозможнымъ мирное развитіе молодого нашего княжества, но и отклоняетъ его на долгое время отъ выполненія его исторической задачи; 9) что, при дѣйствующемъ нынѣ въ княжествѣ законѣ о печати, всѣ эти произвольныя дѣйствія не могутъ быть осуждены общественнымъ мнѣніемъ и, слѣдовательно, еще болѣе укореняются—мы, нижеподписавшіеся жители ловченской околин, зная, что все это диаметрально противоположно какъ желаніямъ вашего высочества, высказаннымъ въ прокламаціи 1-го іюля, такъ и надеждамъ великой Россіи, положившей безчисленныя жертвы за наше освобожденіе, повергая въ рабоданническія свои чувства, покорнѣйше просимъ объ осуществленіи «либеральной программы».

«Ваше Высочество! Осуществленіе этой программы есть единственное средство для упроченія нашей любви къ вамъ и престолу, для достиженія блага государства, для скорѣйшаго исполненія Санъ-Стефанскаго договора, для возвышенія вашего княжескаго престола въ царскій!»

Въ такомъ положеніи находилось княжество, когда князь болгарскій отправился посѣтить нѣкоторые изъ европейскихъ дворовъ. Я далъ только эскизъ картины, — по многимъ причинамъ и, между прочимъ, потому что не пишу исторической монографіи, а потому и предоставляю теперь дѣлать всевозможныя заключенія.

Поняли или нѣтъ вершители нашихъ судебъ свою неотлагательную задачу?—это сдѣлается яснымъ вскорѣ по возвращеніи князя. Послѣднія извѣстія довольно утѣшительны; неизвѣстно только, въ какой мѣрѣ они заслуживаютъ нашего довѣрія *).

С. С.

*) Въ газетахъ опубликованъ уже составъ новаго болгарскаго министерства, во главѣ котораго становится *Ѡ. Бурмовъ*, — авторъ вышеприведеннаго «открытаго письма». Ясно, что такое назначеніе составляетъ уже и перемѣну политики, и косвенное осужденіе тѣхъ лицъ, которые подвергались порицанію нынѣшняго перваго министра Болгаріи. *Ред.*

О переходѣ въ вѣдѣніе думы больницъ попечительнаго совѣта.

Славы бубны за горами.
(Русская поговорка).

Недавно въ здѣшней думѣ поставленъ былъ на очередь вопросъ о призрѣніи больныхъ въ столицѣ, и было рѣшено, что въ январю 1882 года пять петербургскихъ больницъ вѣдомства попечительнаго совѣта перейдутъ въ управленіе города.

Надо замѣтить, что попечительный совѣтъ долгое время призрѣвалъ значительное число больныхъ,—число, которое, судя строго, далеко не соответствовало его финансовымъ средствамъ.

«Голь, говорятъ, на выдумки хитра». Ограниченный до крайней степени въ средствахъ, попечительный совѣтъ, понятно, принужденъ былъ обращаться къ самымъ безперемоннымъ сокращеніямъ. Оклады содержанія служащихъ могли быть причислены къ самымъ низкимъ окладамъ любого провинціального вѣдомства. Мало того: половина, если не болѣе, ординаторовъ не получали никакого содержанія, хотя—надо замѣтить—несли тѣ же, если не большія обязанности, чѣмъ штатные ординаторы. Положеніе остальныхъ служащихъ: чиновниковъ конторы, надзирательницъ, фельдшеровъ и прислуги равнымъ образомъ оказывалось весьма жалкимъ, такъ какъ безъ «постороннихъ доходовъ» (каковые, впрочемъ, были весьма ограничены, если не невозможны) буквально приходилось бы умирать голодной смертью. Экономія на пищѣ доходила до того, что первую порцію не дозволялось прощивать болѣе, какъ въ количествѣ 10 процентовъ. И къ тому же эта-то пресловутая первая порція, служившая часто яблокомъ раздора между несчастными, изголодавшимися больными, состояла всего-на-всего изъ $1\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фунтовъ говядины низшаго сорта и качества, изъ которыхъ до рта больного доходило не болѣе 20-ти золотниковъ, и изъ $1\frac{1}{2}$ —2 фунтовъ весьма плохого ржаного хлѣба. Не смотря на это скудное содержаніе, больному не только не приходилось побаловаться двумя, тремя днями отдыха по выздоровленіи, но случалось, что его положительно выгоняли чуть не въ первые часы улучшенія общаго состоянія.

Объемъ помѣщенія больныхъ годъ отъ году уменьшался. Кровати сближались тѣснѣе и тѣснѣе, напоминая собою тѣсноту столовъ въ классныхъ комнатахъ какого нибудь приходскаго училища, гдѣ дѣти помѣщаются, какъ сельди въ боченнѣ. Дѣло дошло до того, что больныхъ стали помѣщать даже въ лѣтнія

отдѣленія, которыя устроены были исключительно въ видахъ очистки и дезинфекцірованія палатъ въ теплое время года. При этой скученности больныхъ, вентиляціи или вовсе не было, или практиковались такія системы, которыя далеко не отвѣчаютъ современнымъ научнымъ требованіямъ, такъ что мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что больной, вмѣсто желаемыхъ шестидесяти, получаетъ въ часъ 15 куб. метровъ чистаго воздуха. Восхваляемая вентиляціонная система гг. Дершау и Флавицкаго въ Александровской больницѣ одна могла-бы, повидимому, дѣйствовать по правиламъ науки, но и та оказалась на дѣлѣ неудовлетворительною. Правда, воздухъ по временамъ бывалъ довольно чистъ (за исключеніемъ, конечно, часовъ стряпни, когда вонь изъ кухни какъ-то назойливо втягивалась въ палаты), но зато чистота эта получалась насчетъ тепла: въ палатахъ и корридорахъ до того бывало сыро и холодно, что, въ придачу къ прекрасной вентиляціонной системѣ, администрація принуждена была поставить простыя чугунки съ длинными желѣзными трубами и накаливать ихъ по мѣрѣ надобности, на пользу и удовольствіе больнымъ, и какъ-бы въ прямую насмѣшку гг. Флавицкому и Дершау.

На дровахъ повсюду экономить въ больницахъ; экономія доходить до того, что иногда не на чемъ бываетъ согрѣть припарки для больнаго, а такъ какъ провѣтриваніе жилья возможно только насчетъ тепла, то понятно, что въ холодное время года тяги воздуха ни въ вентиляціонныхъ, ни въ дымовыхъ трубахъ не устанавливается, а провѣтривать палаты приходится помощью форточекъ, или рассчитывая на обыкновенную естественную вентиляцію черезъ стѣны и окна. Такимъ образомъ, на практикѣ и выходитъ, что палаты въ теченіе какихъ нибудь двухъ часовъ въ день, а именно во время визитаціи (нзрѣдка же и въ ожиданіи какого нибудь начальства) поражаютъ, можно сказать, пріятностью своего воздуха; въ остальные же часы отличаются діаметрально-противоположными качествами.

Аптечная часть находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Всѣ дорогія средства допускались крайне рѣдко, а то и воспрещались совершенно.

Бѣлье, возвращавшееся изъ стирки, можно было считать чистымъ развѣ только по прессованному его виду, но отнюдь не по цвѣту и запаху. Небрежность стирки нерѣдко была возмутительная.

Шерстяныя вещи, одѣяла и халаты переходили обыкновенно съ однихъ плечъ на другія; когда онѣ выколачивались и провѣтривались—извѣстно было одному Аллаху.

Что касается до стѣвъ и потолка палатъ, то ихъ обыкновенно не подвергали никакому особенному способу дезинфекціи,

а просто покрывали новымъ слоемъ водяной краски. Чистота половъ поддерживалась тѣмъ, что ихъ по нѣскольку разъ въ недѣлю, вымывали мокрыми швабрами, предоставляя имъ самимъ сохнуть въ продолженіе 1—2 часовъ времени.

Однако все это значительно искупалось двумя существенными условіями: дешевизною содержанія и громадною цифрою пользовавшихся больныхъ. Эти два условія дѣйствительно заслуживаютъ наибольшаго вниманія при веденіи больничнаго дѣла, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ общественныя средства не удовлетворяютъ самымъ насущнымъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Наврядъ-ли мы ошибемся, если все это поставимъ въ строкъ господамъ «думскимъ» нововодителямъ по части больничнаго устройства города Петербурга. У нашей думы не хватаетъ суммъ на самыя необходимыя нововведенія и улучшенія по строительной и санитарной части въ столицѣ, такъ что въ этомъ отношеніи съ нею могутъ поспорить не только большіе города, но даже многіе мелкіе въ странахъ Запада. Нѣтъ у насъ порядочныхъ мостовыхъ; водоснабженіе неудовлетворительно; рынки безобразны; багалы до послѣдней степени загрязнены; водостоки отвратительны, и наконецъ отхожія мѣста во всѣхъ домахъ рѣшительно дуршатъ насъ зловоніемъ и отравляютъ нашу кровь. И при такомъ-то печальномъ положеніи дѣлъ, наша дума не только отважно берется за устройство совершенно новаго для нея больничнаго дѣла, но завѣряетъ даже печатно и устно, что желаетъ вести это трудное дѣло по всѣмъ правиламъ современной медицины; предоставляетъ «Обществу охраненія народнаго здравія» писать строго-научный проэктъ больничнаго устройства въ городѣ, и, къ довершенію всего, подсмѣивается надъ порядками, существующими въ больницахъ попечительнаго совѣта.

Вопросы о предупрежденіи болѣзаней въ городѣ, объ удовлетворительномъ и своевременномъ призрѣніи больныхъ, объ успѣшномъ ихъ лѣченіи и объ уменьшеніи смертности — все это вопросы первостепенной важности, и потому, при обсужденіи ихъ, требовались бы всѣ наличныя силы какъ представителей городского управленія, такъ и тѣхъ врачей, которымъ ближе всего знакомы и больничные порядки, и призрѣваемые больные въ нашихъ лѣчебныхъ заведеніяхъ. Всякій добросовѣстный врачъ долженъ въ такомъ случаѣ откровенно высказать свое мнѣніе, хотя бы онъ и не былъ официально призванъ въ сонмъ «свѣдущихъ людей». Вотъ почему, имѣвъ случай въ теченіе многихъ лѣтъ ознакомиться съ положеніемъ и нуждами больныхъ, и испытавъ на самихъ себѣ существующую неурядицу, мы считаемъ себя вправѣ высказать откровенно свой взглядъ на все то, что творится теперь въ думѣ по санитарно-больничному дѣлу.

Говорятъ, что врачъ, какъ специалистъ, имѣетъ право ка-

саться только чисто-медицинскихъ подробностейъ дѣла, и что финансовая сторона совершенно не должна входить въ сферу его соображеній. Это невѣрно. Врачъ, какъ теоретикъ, пожалуй, дѣйствительно долженъ былъ бы подчиниться подобнымъ требованіямъ; но врачъ, какъ общественный дѣятель и какъ ординаторъ больницы, имѣетъ всѣ права на обсужденіе больничнаго дѣла въ возможно-широкой его постановкѣ и со всѣхъ сторонъ, которыя не могутъ быть упускаемы изъ виду.

Сколько говорятъ намъ многолѣтнія наблюденія въ званіи ординатора, — больницы попечительнаго совѣта содержались все-таки лучше, чѣмъ слѣдовало бы ожидать по тѣмъ средствамъ, какия находились въ ихъ распоряженіи. Не только въ провинціальныя города Россіи, но и во многихъ мѣстахъ Запада больные встрѣчали—*horribile dictu!*—не лучшей, если не худшей уходъ со стороны медицинскаго персонала. Нѣкоторые ординаторы Петѣбургскихъ больницъ, по многосторонности и солидности своихъ свѣдѣній (и даже по оцѣнкѣ публики), могутъ уступить развѣ только врачамъ чисто-клиническимъ, и причина служенія ихъ при больницахъ объясняется тою репутаціею, которую они здѣсь пріобрѣтаютъ скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ врачи вольнопрактикующіе. Пища больныхъ и за границею, въ большинствѣ случаевъ, не отличается богатствомъ и разнообразіемъ составныхъ частей, а формулы пища въ германскихъ госпиталяхъ столь бѣдны, что даже уступаютъ нашимъ. На лѣкарствахъ и на перевязочныхъ средствахъ равнымъ образомъ соблюдается и въ западно-европейскихъ больницахъ препорядочная экономія. Нападки на описываемыя больницы, что онѣ не принимали никакихъ мѣръ противъ появленія и развитія эпидемій и повальныхъ болѣзней, не выдерживаютъ критики, такъ какъ это нигдѣ и никогда не было дѣломъ больничныхъ учрежденій. Что же касается того, что попечительный совѣтъ давалъ больнымъ не то, что для нихъ было нужно, и не въ томъ количествѣ, какое было необходимо, но лишь столько, сколько считалъ возможнымъ для себя удѣлить на тотъ или другой предметъ довольствія, опредѣляя заранѣе бюджетъ, изъ котораго не имѣлъ права выходить главный врачъ больницы,—то зло это, признаваемое думою, объяснялось главнымъ образомъ недостаточностью средствъ попечительнаго совѣта, или, точнѣе говоря, тѣмъ побужденіемъ, которое заставляло его дѣлить свою помощь между большимъ числомъ больныхъ, чѣмъ дозволяли его финансы. Когда у отца семь человѣкъ дѣтей, то онъ ихъ всѣхъ будетъ кормить и содержать одинаково, а не станетъ заботиться только о пяти изъ нихъ, а двухъ бросать на произволъ судьбы. Словомъ, не скрывая нисколько дурнаго положенія описанныхъ больницъ, мы думаемъ однако, что большинство нападокъ на попечительный

совѣтъ далеко не такъ справедливы, какъ могли бы назаться на первый, поверхностный взглядъ. Правда, совѣтъ могъ бы отказать отъ сверхсѣтнаго содержанія больныхъ, но было ли бы это даже примѣнимо въ былое время,—вопросъ, подверженный сильному сомнѣнію. За недостаткомъ мѣстъ въ его больницахъ, попечительному совѣту не разъ приходилось обращаться къ содѣйствию военно-госпитальнаго вѣдомства и помѣщать своихъ больныхъ за извѣстную плату въ разные другіе госпитали.

Дума желаетъ поставить больничное дѣло на совершенно новыхъ, современныхъ, научныхъ основаніяхъ. Ради этого ей, само собою разумѣется, слѣдовало обратиться къ содѣйствию лицъ, вполне компетентныхъ въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ. Но къ кому обратиться? Такими компетентными лицами воображенію думскихъ членовъ, какъ и можно было ожидать, представились: профессора, главные доктора больницъ и представители «Общества охраненія народнаго здравія». Путь выбранъ былъ таинъ образомъ привычный, торный, но, къ сожалѣнію, скользкій и не всегда вѣрный.

Профессора—люди ученые, люди науки, и прибавимъ: по преимуществу науки теоретической, а не прикладной. Какъ преслѣдуются интересы медицинскихъ наукъ въ аудиторіи или клиникѣ, и какъ въ больницѣ или госпиталѣ,—это отнюдь не одно и то же. Въ клиникѣ изучаютъ, наблюдаютъ, экспериментируютъ; въ клиникѣ, можно сказать, наука существуетъ ради науки, тогда какъ въ больницѣ все это дѣлается какъ-бы *en tere autrui*; въ больницѣ собственно дѣлать по готовымъ уже, выработаннымъ въ клиникѣ, образцамъ. Если спросить мнѣнія профессоровъ объ устройствѣ больницы, они цѣликомъ создадутъ клинику. Подобная роскошь была бы понятна въ какой либо богатой странѣ, но у насъ, въ Россіи, гдѣ не хватаетъ средствъ для содержанія настоящихъ клиникъ при университетахъ (чему мы даже въ настоящую минуту видимъ примѣры въ Харьковѣ и Кіевѣ),—у насъ было-бы чрезчуръ наивно мечтать о клиническомъ устройствѣ больницы, тѣмъ болѣе, что и въ принципѣ идея эта должна считаться совершенно ложною.

Обращеніе за совѣтомъ къ главнымъ докторамъ больницъ тоже нельзя назвать мѣрою особенно удачною. Во-первыхъ, они стоятъ слишкомъ высоко, чтобы до нихъ могли доходить нужды больныхъ, этихъ маленькихъ и несчастныхъ смертныхъ; во-вторыхъ, они слишкомъ заинтересованы существующимъ положеніемъ дѣла, чтобы хоть на іоту поступиться своими правами и привилегіями. Они такъ хорошо обставлены, что ни за что почти не отвѣчаютъ, со всѣхъ сторонъ встрѣчаютъ поклоненіе, даже униженіе; пользуясь, часто незаслуженно, лишь прерогативами своей власти и званія, они считаются и учеными,

и знающими; и, въ доказательство прелести своего положенія, покидаютъ мѣста развѣ только по болѣзни или вслѣдствіе назначенія на высшую должность. Вѣчное подчиненіе и подобострастіе окружающихъ лицъ, начиная съ больнаго и послѣдней сидѣлки, и кончая старшими ординаторами, заставляютъ главнаго доктора невольно возмнить о себѣ, какъ о высокостоящей персонѣ не только въ служебной карьерѣ, но и въ мѣрѣ научномъ. Къ тому же, главные доктора, взятые въ совокупности, представляютъ строго-организованную, единомышленную корпорацию, хорошо понимающую свое отношеніе къ другимъ и умѣющую пользоваться правами, данными закономъ, для отстаиванія личныхъ выгодъ и личныхъ предначертаній. Подобные господа не могутъ предложить больничнаго устройства, въ принципѣ противоположнаго существующему, и всегда будутъ ограничиваться малозначащими измѣненіями, а отчасти, пожалуй, и переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Для главнаго доктора, безъ тріо: изъ него самого, попечителя и смотрителя, немыслима никакая больница, и потому, какія бы преобразованія ни предпринимались, это тріо должно быть непрѣменно сохранено. Одно имъ допускается, это—полное подчиненіе смотрителя ему же, главному доктору, и превращеніе должности попечителя въ исключительно-почетную. Онъ же, главный докторъ, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ, или же согласенъ, за многочисленностью занятій, сложить отвѣтственность за лѣченіе на старшихъ ординаторовъ, отвѣтственность за санитарную часть—на смотрителя, а самому остаться безсмѣннымъ и безотвѣтственнымъ главою и ординаторовъ, и смотрителя, т. е. представителемъ «высшаго надзора», словомъ—еще болѣе благодушествовать, чѣмъ теперь.

Въ «Обществѣ охраненія народнаго здравія» членами числятся и профессора, и юристы, и архитекторы, и разные врачи, но меньше всего тамъ врачей больничныхъ. Наибольшимъ апломбомъ и значеніемъ пользуются въ немъ гигиенисты. Гигиенисты же въ настоящее время,—можно сказать по справедливости,—суть «люди не отъ міра сего». Гигиенисты—теоретики; наука ихъ, гигиена—наука для богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, для зажиточныхъ семействъ. Ко всему этому, адепты гигиены подсмѣиваются, а то и съ полнымъ пренебреженіемъ относятся къ тому, что при настоящихъ порядкахъ считается якоремъ спасенія отъ всякихъ недуговъ и эпидемическихъ золъ, т. е. къ терапіи, къ лѣченію больныхъ, вполне рассчитывая на свои санитарныя мѣры. Они, находясь au courantъ всего наилучшаго по санитарной и больничной части въ богатыхъ и цивилизованныхъ странахъ Запада, и восторгаясь клиническимъ устройствомъ нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ госпиталей и больницъ, воз-

мечтали воспользоваться этими западными образцами для устройства больницъ и на нашемъ бѣдномъ, невѣжественномъ сѣверѣ. Въ странѣ, гдѣ чуть не на 75 тысячъ жителей приходится одинъ врачъ, гдѣ кое-какая врачебная помощь существуетъ развѣ на случай тяжкихъ эпидемій, гдѣ большинство населенія не въ состояніи купить больному куска бѣлаго хлѣба, а не только что лѣкарства, гдѣ знахарство живетъ еще и дѣйствуетъ во всей своей силѣ, гдѣ нѣтъ средствъ даже для обученія врачей,—въ этой-то странѣ, на одномъ какомъ нибудь клочкѣ государства, въ одномъ какомъ нибудь городѣ, для какихъ-нибудь 400 тысячъ жителей (остальные 300 тысячъ жителей Петербурга не пользуются гражданскими больницами) учрежденіе больницъ въ клиническомъ духѣ слѣдуетъ назвать, по меньшей мѣрѣ, несвоевременнымъ и нецѣлесообразнымъ.

На свѣтѣ обыкновенно бываетъ такъ, что не находятъ именно того, чего ищутъ; обращаются за совѣтомъ и мнѣніемъ именно къ тому, къ кому не слѣдовало бы обращаться, и игнорируютъ тѣхъ, кого дѣло непосредственно касается и кто досконально съ нимъ знакомъ. Такъ случилось и въ переустройствѣ больничнаго дѣла: искали, спрашивали всѣхъ кого попало, но забыли спросить главныхъ лицъ, а именно палатныхъ ординаторовъ больницъ.

Палатные ординаторы, это—основа, на которой въ сущности держится вся больница. Палатный ординаторъ находится въ непосредственномъ отношеніи къ больнымъ, болѣе всѣхъ служащихъ понимаетъ ихъ нужды и потребности; въ немъ живетъ, такъ сказать, и злой, и добрый духъ учрежденія. Отъ личности его болѣею частію зависятъ не только успѣхъ лѣченія и уходъ за больными, но даже нравственное благосостояніе, нравы и обычаи палаты. Благодарность или проклятія больныхъ падаютъ обыкновенно на личность ординатора. Въ предѣлахъ крайне стѣснительной законности, въ тискахъ регламентаціи, при ограниченности больничныхъ средствъ, почти парализованный въ своихъ дѣйствіяхъ, палатный ординаторъ тѣмъ не менѣе изловчается вносить личныя черты управленія въ палату, что больные очень хорошо понимаютъ, вопреки печатнымъ правиламъ и опредѣленіямъ свыше. Палатный ординаторъ видитъ во-очію, воспринимаетъ, можно сказать, всѣми своими фибрами, желанія и требованія больныхъ, и, обладая здравымъ смысломъ и образованіемъ, можетъ дойти до того, что отъ него не ускользнетъ ни единая малѣйшая подробность въ жизни больного. Приписывая ему удачу лѣченія, ему же больные ставятъ въ вину и неуспѣхъ лѣченія, и дурное качество казенныхъ медицинскихъ средствъ, и экономію въ пищѣ,—словомъ, ординаторъ оказы-

вается, волей-неволей, жертвою за всѣхъ и за вся въ больницѣ. Повредить ему можетъ всякій, но зато и пользы безъ него никому изъ больныхъ сдѣлать нельзя. Будучи часто и по образованію, и по специальнымъ свѣдѣніямъ выше главнаго доктора, ординаторъ тѣмъ не менѣе долженъ показывать предъ послѣднимъ видъ менѣе образованнаго и менѣе знающаго, чтобы не навлечь неудовольствія, ненависти и даже хроническаго преслѣдованія. Всѣ распоряженія идутъ помимо палатнаго ординатора, и потому часто оказываются совершенно непримѣнными или нецѣлесообразными. Ординаторъ остается всегда въ сторонѣ, слѣпымъ исполнителемъ велѣній свыше, и принужденъ нерѣдко расхлебывать кашу, завариваемую главнымъ докторомъ, и вывертываться передъ больными за разныя его фанабери и несообразности.

При новой системѣ управленія больницами, конечно, логично было бы требовать полнаго участія всѣхъ палатныхъ ординаторовъ въ обсужденіи, опредѣленіи и назначеніи всѣхъ мѣръ, касающихся лѣченія и подробностей больничной обстановки. Кому справедливѣе довѣряться: профессорамъ-ли, для которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ интересы теоріи, а все остальное отходить на задній планъ; главнымъ-ли докторамъ, для которыхъ вѣчнымъ идеаломъ служитъ сосредоточеніе въ ихъ рукахъ власти и для которыхъ въ обширномъ больничномъ механизмѣ большой является едва замѣтной, микроскопической частицей; или же, наконецъ, палатнымъ ординаторамъ, для которыхъ больнои есть все: и матеріалъ для наблюденій и опыта, и несчастная жертва общественной, экономической и санитарной неурядицы, и благородная цѣль гуманной врачебной дѣятельности, для которыхъ даже личные ихъ интересы и польза неразрывно связаны съ благосостояніемъ больнаго?

Останавливаясь на преимуществѣ палатныхъ ординаторовъ въ рѣшеніи больничнаго вопроса, мы отнюдь не противъ того, чтобы наряду съ ними въ комиссіи засѣдали и инныя свѣдущія лица. Но кто должны быть эти лица?—Не профессора медицины исключительно, не главные доктора *par excellence*, а депутаты отъ разныхъ вѣдомствъ, отъ разныхъ сословій, отъ разныхъ даже отраслей знаній. Въ больничномъ дѣлѣ (если не сказать: во всякомъ общественномъ дѣлѣ) заинтересованы всѣ сословія, всѣ отрасли общественнаго управленія, а потому представителямъ всѣхъ сословій, всѣхъ этихъ отраслей должно быть предоставлено право голоса въ обсужденіи больничнаго вопроса.

Дума, не рѣшая сама взяться за переустройство больницъ, считала достаточнымъ спросить о томъ мнѣнія у «Общества охраненія народнаго здравія», какъ будто бы общество это должно быть специально знакомо съ больничнымъ дѣломъ. Ни-

чуть не бывало. Почтенное общество это, съ самаго начала своего существованія, предпочтительно разрабатывало вопросы санитарные, а больницъ касалось развѣ только по поводу эпидеміи тифа, да и то, кажется, по инициативѣ г. градоначальника. Больницами оно (да и большинство его членовъ) не завѣдывало, даже не интересовалось, хотя, пожалуй, теоретически могло разсуждать и о нихъ. Но этого недостаточно: спросите кого угодно, и добросовѣстныхъ медиковъ, и не-медиковъ. О больницахъ, о ихъ преобразованіи, конечно, надо прежде всего спросить тѣхъ лицъ, которыхъ это дѣло прямо касается въ данную минуту, которыхъ его изучили и въ теоріи, и на практикѣ, прочувствовали его на своей кожѣ, и первыя желали бы улучшеній въ больницѣ ради пользы самаго дѣла.

Довольно мы сказали о важности въ больничномъ дѣлѣ патентовъ ординаторовъ. Посмотримъ теперь поближе на существенные пункты проекта, который составило для думы, въ отвѣтъ на ея предложеніе, «Общество охраненія народнаго здравія», и на разсужденія, встрѣчаемыя нами вообще въ «Докладѣ городской комиссіи общественнаго здравія, по поводу передачи въ вѣдѣніе петербургскаго общественнаго управленія городскихъ больницъ и богадѣленъ и порядка завѣдыванія ими», изданномъ въ началѣ настоящаго года.

Дума недовольна попечительнымъ совѣтомъ, безпрестанно нападаетъ на него, хочетъ какъ-бы взыскать съ него за всѣ его прошедшія прегрѣшенія, вольныя и невольныя. Разумѣется, кто строгъ къ другимъ, тотъ долженъ быть строгъ и къ самому себѣ. Отъ думы, конечно, слѣдуетъ ожидать лучшаго, чѣмъ отъ попечительнаго совѣта: большому кораблю большое и плаваніе.

Докладъ говоритъ, во-первыхъ, что попечительный совѣтъ совершенно неправильно смотритъ на больничное дѣло, и, вторыхъ, не имѣетъ средствъ бороться съ эпидеміями. Изъ этого логически слѣдовало-бы, что взглядъ думы на это дѣло правильнѣе и что средства въ ея рукахъ обильнѣе. Но такъ-ли это въ дѣйствительности?

«Въ основу разработки хозяйственной стороны призрѣнія больныхъ—говоритъ докладъ—положенъ экономическій принципъ: доставить больному все, только необходимое для сохраненія жизни и для скорѣйшаго возстановленія здоровья, или, по крайней мѣрѣ, для возможно скорѣйшаго улучшенія здоровья у страдающихъ хроническими и неизлѣчимыми болѣзнями» (стр. 62).—Что значить: все, только необходимое? Режимъ индійскаго парія или англійскаго лорда? Можно жить сорокъ дней даже совсѣмъ безъ пищи, какъ Таннеръ, или нехорошо себя чувствовать и при двухъ фунтахъ въ день мяса, какъ иной американскій рабочій. Что значить: все необходимое для возможно-скорѣйшаго улуч-

пенія здоровья? Нѣсколько дней отдыха и склянка микстуры? Вообще, во всемъ этомъ взглядъ на призрѣніе больныхъ, что можно указать новаго и, главное, отличнаго отъ возрѣвнй попечительнаго совѣта?—«Ничего въ волнахъ не видно».

Далѣе. Дума настаиваетъ на томъ, что дѣло больничное не есть филантропическое, между тѣмъ какъ сама-же говоритъ на стр. 2-й слѣдующее: «Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1868 г. отъ попечительнаго совѣта сказано: «содержаніе больницъ есть дѣло не столько филантропическое, сколько вызываемое условіями предохраненія города отъ заразы, которая неминуемо явилась бы, еслибы больные не были своевременно отдѣляемы отъ здоровыхъ, чрезъ помѣщеніе въ лѣчебницы, и что, слѣдовательно, обязанность учреждать и содержать больницы не есть обязанность благотворительнаго установленія».

Значитъ, въ этомъ отношеніи дума сходится во взглядахъ съ попечительнымъ совѣтомъ, но разница лишь въ томъ, что совѣтъ не принималъ мѣръ, а дума приметъ мѣры къ предотвращенію эпидемій.

Какъ это легко говорить, но трудно дѣлать. Своевременно приняты санитарныя мѣры! Точно кто нибудь и прежде мѣшала городскому управленію принимать санитарныя мѣры и предотвращать тѣмъ самымъ развитіе эпидемій?! Вѣдь строила же она скверы, проводила воду, ставила прелестные фонтаны! Или все это дѣлалось не въ зачетъ санитарныхъ мѣръ, на потѣху публики? Мало того: трудъ облегчала ей санитарная коммиссія отъ градоначальника.—«Увеличивая расходы на санитарную часть», говоритъ докладъ (стр. 5), «можно уменьшать заболѣваемость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расходы на больницы». Если приходится только увеличивать расходы, значитъ—расходы были, но малы или непроизводительны, за неумѣніемъ, можетъ быть, распорядиться деньгами! Если, на примѣръ, вмѣсто 60-тысячнаго фонтана въ адмиралтейскомъ скверѣ поставить на эту сумму побольше крановъ отъ общества водопроводовъ въ разныхъ закоулкахъ города и дать тѣмъ самымъ возможность многимъ нуждающимся пользоваться оттуда чистою водою вмѣсто воды, насыщенной гнилостными, разлагающимися веществами, изъ Крюкова или Екатерининскаго каналовъ,—то мы не думаемъ, чтобы эта санитарная мѣра была дурна и въ то время, когда дума еще не бралась за переустройство больницъ! Далѣе. Еслибы дума запретила домохозяевамъ строить ватерклозеты, пропуская изъ нихъ воду въ водосточныя трубы, и тѣмъ заражать весь городъ, а вмѣсто того настояла бы на воздушныхъ клозетахъ или на устройствѣ иного рода отхожихъ мѣстъ и на системѣ вывоза изверженій съ помощью бочекъ, то мы думаемъ равнымъ образомъ, что эта санитарная мѣра была-бы цѣлесообразна и до

принятія больницъ въ вѣдѣніе думы. Еслибы дума не только «ходатайствовала» о введеніи новаго закона о подвальныхъ жилищахъ, но настаивала на выполненіи имѣющагося уже закона насчетъ недопущенія устройства этихъ жилищъ ниже известнаго уровня и въ мѣстностяхъ, подверженныхъ наводненіямъ, то мы точно также полагаемъ, что и эта санитарная мѣра была-бы не лишнею до передачи петербургскихъ больницъ въ вѣдѣніе думы. Словомъ, дума, имѣя въ рукахъ право и средства принимать санитарныя мѣры и тѣмъ предупреждать эпидеміи, не дѣлала этого: какъ-же, спрашивается, она нападаетъ на попечительный совѣтъ, когда тотъ собственно не имѣлъ ни права, ни обязанности, ни средствъ распоряжаться въ городѣ и принимать какія-бы ни было санитарныя мѣры?

Въ докладѣ сказано: «Городская комиссія предлагаетъ думѣ организовать въ столицѣ дѣло призрѣнія больныхъ въ тѣсной связи съ дѣломъ охраненія народнаго здравія. Нѣтъ сомнѣнія, что самыя простыя предупредительныя санитарныя мѣры послужатъ не только къ уменьшенію числа заболѣвающихъ въ Петербургѣ, нуждающихся нынѣ въ помѣщеніи въ больницахъ, но и къ улучшенію санитарнаго состоянія города, въ которомъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, благодаря отсутствію постоянного, правильно-организованнаго надзора, не прекращаются тифы и горячки, и существуетъ огромная, изъ году въ годъ увеличивающаяся, смертность» (стр. VII).

Читаешь, и глазамъ не вѣришь. Какъ же понять: самыя простыя предупредительныя санитарныя мѣры могутъ служить къ уменьшенію заболѣваній и къ улучшенію санитарнаго состоянія города, а между тѣмъ мѣры, принимаемыя до сихъ поръ думою, не только простыя, но даже довольно сложныя, не приносили никакой пользы въ дѣлѣ предупрежденія эпидемій! И какая необходимость, ради этого, связать санитарное дѣло съ больничнымъ? Какимъ образомъ думѣ, не съумѣвшей до настоящаго времени устроить сколько нибудь сносно санитарную часть въ столицѣ, предоставить веденіе и больничнаго дѣла? Можно, пожалуй, понять изъ разсужденій думы, что прежде принятыя ею санитарныя мѣры парализовались больницами и что еслибы не больницы, то тифовъ и другихъ заразныхъ болѣзней и не было бы вовсе. Мы однако можемъ напомнить думѣ, что хотя больницы, съ одной стороны, вслѣдствіе дурнаго устройства, могутъ дать мѣсто образованію гнѣздъ заразы, но зато, съ другой стороны, эти гнѣзда самопроизвольно не зарождаются, а являются только тогда, когда извнѣ внесена будетъ зараза въ стѣны больницы. Больница не виновата въ томъ, что ей насильно навязываютъ заразныхъ больныхъ, и еслибы дума санитарными мѣрами предотвращала развитіе, напримѣръ, тифа

въ городѣ, то больницамъ не откуда было бы и брать этого тифа. Есть больницы, куда даже не принимаютъ заразныхъ больныхъ, такъ и туда они попадаютъ на томъ простомъ основаніи, что въ первые дни, а тѣмъ болѣе часы, никакой діагностики не опредѣлить тифа.

Дума поступила бы гораздо проще и прямодушнѣе, еслибы взяла больницы въ свое управленіе безъ всякихъ разглагольствованій и притягиванія за волосы наивныхъ доводовъ. Къ чему ведутъ праздные разговоры? вмѣсто того, чтобъ упрекать другихъ, лучше просто взять дѣло въ руки и направить его по своему. Результаты покажутъ, что плохо, что хорошо: управленіе-ли больницами попечительнаго совѣта, или думы. Попечительный совѣтъ дѣлалъ, что могъ — и имъ недовольны. А если дума сдѣлаетъ меньше, чѣмъ общаетъ, и общество лишится и того, что имѣло отъ попечительнаго совѣта? Попечительный совѣтъ потерялъ кредитъ въ глазахъ общества; кто же ручается за кредитъ думы? Еслибы вести дѣло путемъ экспериментовъ, то сперва можно бы было предоставить думѣ санитарныя реформы, а затѣмъ, когда она справилась бы хоть съ существенными изъ нихъ, дать ей править и больничною частью.

Самыя существенныя санитарныя мѣропріятія суть слѣдующія: канализація, снабженіе всѣхъ жителей, да и животныхъ, хорошею, т. е. очищеною невскою, — каковою нѣтъ, — или ключевою водою; измѣненіе въ строго-гигіеническомъ смыслѣ системы постройки домовъ; удаленіе всѣхъ живущихъ ниже уровня улицы въ сухія, теплыя и свѣтлыя жилища; раціональный надзоръ за продажей свѣстныхъ припасовъ; удешевленіе мяса и хлѣба; снабженіе неимущихъ пищей и одеждою; учрежденіе ночлежныхъ домовъ для нуждающихся въ пристанищѣ, и пріютовъ, и школъ для шляющихся по улицамъ дѣтей; удаленіе всѣхъ нечистотъ раціональнымъ способомъ; оздоровленіе всей почвы Петербурга на случай опасности пониженія почвенной воды и развитія вслѣдствіе того заразныхъ болѣзней; безукоризненно-правильное, опрятное содержаніе водостокровъ и каналовъ; уменьшеніе числа кошекъ, собакъ и другихъ ненужныхъ животныхъ обложеніемъ ихъ хозяевъ налогомъ; уменьшеніе числа кабаковъ и увеличеніе чайныхъ, пожалуй, пивныхъ заведеній (съ продажей настоящаго пива вмѣсто разной бурды, отравляющей жителей и располагающей къ заболѣванію эпидемическими болѣзнями); закрытіе городскихъ кладбищъ и расположеніе новыхъ въ удобныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ; постройка больницъ за чертою города и пр.

Все это, конечно, дума могла бы сдѣлать и ранѣе приѣма больницъ въ свои руки, тѣмъ не менѣе не дѣлала; теперь же

она желаетъ разомъ порѣшить оба дѣла. Тѣмъ лучше для города... Стоитъ только, по ея словамъ, организовать правильный санитарный надзоръ, котораго она до сихъ поръ устроить еще не собралась (сборы - то Маланьины!)—и тогда прекратятся тифъ, холера, оспа и пр. Какъ это легко и просто! Кто бы могъ ожидать, что плохое управленіе больницами въ рукахъ попечительнаго совѣта и плохой санитарный надзоръ городского управленія разомъ измѣнятся, усовершенствуются, станутъ отвѣчать всѣмъ научнымъ требованіямъ только оттого, что будетъ установленъ тѣсный союзъ больничной части съ санитарной, и управленіе этими частями перейдетъ изъ рукъ администраторовъ попечительнаго совѣта (мало-опытныхъ, непрактичныхъ, мало-свѣдущихъ) въ руки умудренныхъ опытомъ, практичныхъ и обладающихъ обширными свѣдѣніями членовъ думы!

Кромѣ неудовлетворительныхъ санитарныхъ мѣръ, ведущихъ къ усиленной болѣзненности и смертности, причинами послѣднихъ служатъ, по мнѣнію думы, несоотвѣтственный уходъ за больными и плохая ихъ пища въ больницахъ попечит. совѣта. Доказательство этому дума находитъ въ томъ отношеніи, какое представляетъ цифра стоимости ухода за больными и ихъ пищи къ процентной цифрѣ смертности; а именно дума выводитъ, что, при разницѣ въ расходахъ на 2,6 коп. въ сутки, существуетъ разница и въ процентахъ смертности тоже на 2,6%, т. е., какъ будто бы уменьшеніе расходовъ на одну копѣйку въ день на больнаго стоитъ жизни одному изъ ста пользующихся больными.

Какой любопытный подборъ цифръ и какой логическій, повидому, выводъ! Но кто же изъ внимательныхъ къ дѣлу ординаторовъ сталъ бы хвататься за подобныя данныя и, изъ сопоставленія ихъ, поспѣшно строить умозаключенія! Нѣтъ. Каждый, знающій сколько нибудь больничную обстановку, понимаетъ, что хорошій уходъ за больными и удовлетворительная пища, хотя и составляютъ два важнѣйшихъ условія въ больничномъ дѣлѣ, но, кромѣ ихъ, имѣется еще много другихъ условій, которыя наравнѣ съ ними, если не болѣе, вліяютъ на болѣзненность и смертность. Тѣлосложеніе больнаго, его прежняя домашняя и рабочая жизнь, его старыя болѣзни или худосочіе, просты, голоданіе, пьянство и пр. пр.,—все это имѣетъ вліяніе на теченіе болѣзни и на исходъ ея. Но, допустивъ даже, что больные въ этомъ отношеніи не отличаются другъ отъ друга, мы не можемъ не принимать въ соображеніе, что въ Обуховскую больницу, какъ центральную, и въ Александровскую, какъ спеціально-чернорабочую, стекается наибольшее число больныхъ, и что въ этихъ двухъ больницахъ волей-неволей приходится принимать больныхъ, одержимыхъ самыми тяжкими формами заболѣваній, тогда какъ въ другія больницы справочная контора

отсылаетъ болѣе легкихъ больныхъ, способныхъ вывести переездъ съ одного конца города на другой. Еслибы мы также поспѣшно желали умозаключать на основаніи этихъ соображеній, то оказалось бы, что уходъ за больными и качество ихъ пищи въ Обуховской больницѣ менѣе всего виновны въ большой цифрѣ смертности; болѣе виновны они въ Александровской больницѣ, а еще болѣе въ больницахъ Петропавловской и Маріи Магдалины, не смотря на то, что стоимость ухода за больными и пищи въ нихъ обратно пропорціональны смертности. Однако, мы не считаемъ себя вправѣ дѣлать подобныя выводы; да и всякій, вообще знакомый съ медициною, долженъ знать, какъ осторожно слѣдуетъ рѣшать такіе вопросы, какъ вопросъ о причинахъ усиленія болѣзненности и смертности. Существуютъ десятки условій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою долю участія, и потому останавливаться на двухъ—трехъ изъ нихъ и отсюда выводить законъ—значить, обманываться самому, да и другихъ вводить въ заблужденіе.

Мы останавливаемся вообще на слѣдующемъ выводѣ: какъ сильно, съ одной стороны, должно вліять на смертность плохое содержаніе больныхъ (что мы и встрѣчаемъ въ попечительскихъ больницахъ), такъ мало, съ другой стороны, приноситъ пользы и двойная трата на пищу и уходъ, если только остальные больничныя условія остаются одинаковыми. Что дума не жалѣла денегъ, въ этомъ никто не будетъ сомнѣваться. Такъ (см. стр. 93), на 1,205 больныхъ, пробывшихъ во временной Казанской больницѣ 18,924 дня, было потрачено одного молока 19,200 бутылокъ, вина и водки 1,358 бутылокъ, яицъ 5,169 штукъ и 1,140 лимоновъ, т. е. на каждаго больного пришлось въ теченіе 15 $\frac{1}{2}$ дней по бутылкѣ вина *) и болѣе 15 бутылокъ молока. При этомъ надо имѣть въ виду слѣдующее: такъ какъ въ первые дни пребыванія въ больницѣ, больной, большею частію, получаетъ слабую порцію, а то и ничего не ѣстъ, то, собственно въ остальные дни болѣзни, на него приходится еще больше молока и вина противъ означеннаго количества. Совершенно излишняя роскошь! Такой пищи часто не имѣетъ и средняго состоянія больной въ частной практикѣ; больной же простолюдинъ живетъ и поправляется совсѣмъ на иной, вдвое болѣе дешевой и простой пищѣ. Безъ лимоновъ и вина, даже безъ молока, или, по крайней мѣрѣ, при гораздо меньшемъ количествѣ этихъ продуктовъ, легко можно обойтись, имѣя достаточное количество мяса и блага хлѣба для большинства больныхъ, тѣмъ болѣе, при бѣдности населенія, ка-

*) И что это можетъ быть за вино или молоко, когда мы у себя дома не можемъ, въ настоящее время, достать за хорошую цѣну ни порядочнаго молока, ни неподдѣльнаго вина?!

кою отличаются простолюдины-обыватели столицы. Вотъ почему, намъ и кажется, что мнѣніе думы насчетъ неубыточности такой траты, съ экономической точки зрѣнія, отнюдь не вѣрно и что принимать эту трату за норму, при исчисленіи стоимости надлежащаго содержанія больныхъ, отнюдь не слѣдуетъ (см. стр. 94). Домадъ говоритъ (стр. 92): «Больница безусловно должна доставлять все, признаваемое современной врачебной наукой необходимымъ для излѣченія больнаго. Врачъ, серьезно относящійся къ дѣлу врачеванія поручаемыхъ ему больныхъ, не долженъ быть стѣсняемъ въ своихъ требованіяхъ, хотя бы иногда такія требованія казались излишними или невыгодными на первый взглядъ со стороны лицъ, некомпетентныхъ въ дѣлѣ врачеванія».—Да. Но врачъ долженъ быть все-таки ограничиваемъ средствами больницы, тѣмъ болѣе, что и наука допускаетъ значительныя варіаціи и уклоненія въ сторону дорогаго и дешеваго, не вредя результатамъ дѣла. Если начать предписывать режимъ больнаго по теоріи, то, конечно, первое, что потребовалось бы, это: чистота, свѣжесть, неподмѣшанность и неподдѣльность всѣхъ продуктовъ, идущихъ въ пищу и питье. Чтобы выполнить эти требованія, надо измѣнить всѣ порядки нашей промышленности и торговли, чего мы не можемъ даже вообразить. Мы и съ хорошими средствами не въ состояніи иногда имѣть порядочнаго хлѣба, хорошаго мяса; не находимъ пива, въ которомъ ощущались бы слѣды хмѣля и ячменя, водки, перегоняемой изъ зерна; неподмѣшаннаго молока, неподдѣльнаго масла. Мы дошли до того, что не можемъ ручаться ни за единый ингредиентъ нашей пищи,— и при такомъ-то печальномъ положеніи хозяйства, дума вдругъ предоставляетъ врачу больницы предписывать все, что требуется больному по теоріи, и мечтаетъ выполнить всѣ его требованія. Нѣтъ. Въ концѣ-то концовъ, какъ умомъ ни раскидывай, а приходишь къ убѣжденію, что для больнаго простолюдина давай Богъ имѣть самую простую, но годную въ физиологическомъ отношеніи пищу, да еще съ условіемъ, чтобы стоимость ея была несравненно ниже измышляемой думою. Если же думѣ некуда дѣвать денегъ, то ей легко можно указать путь, куда ихъ направить; у насъ же и требованій непочатый уголокъ въ городѣ.

Вообще наша дума, что-бы ни устраивала, все ей подавай перваго сорта. Строить-ли она мостъ, бойню, фонтанъ,—все должно выйти на «удивленіе Европы». То же вышло съ новоустроенной больницей на Конной площади; ничего не пожалѣли. Почва не годится: стели дренажную сѣть, вбивай тысячами сваи; хѣста мало: отпланируй на больницу въ триста кроватей 20,000 кв. саж.; опасна концентрація заразныхъ больныхъ: строй баракъ на 12 человѣкъ. Правда, при такомъ устройствѣ, на больнаго вмѣсто 150 р. въ годъ выйдетъ, пожалуй, 450 р.,—т. е.

втрое больше. Ничего. У думы денегъ хватить, такъ какъ собирать-то ихъ нетрудно съ обывателей, лишь бы дали право.

Говорятъ, что городскіе налоги вездѣ велики, такъ съ чего же петербургской думѣ зазорно было бы обложить обывателей, ради ихъ же здоровья, какимъ-нибудь новымъ налогомъ? А вотъ съ чего. Въ Парижѣ, напримѣръ, или Лондонѣ житель, платя налоги, пользуется зато канализаціей, здоровой водой, чистымъ воздухомъ, отличными рынками, бойнями, прачешными и пр., т. е. приобретаетъ такія удобства, благодаря которымъ можетъ на долгіе годы продлить свою жизнь, между тѣмъ какъ петербургскій житель принужденъ и у себя въ квартирѣ, и на дворѣ дышать ретирадными газами, а на улицахъ—гнилыми испареніями почвы и водостоконъ; пить вѣчно грязную, даже вонючую воду, видѣть грязь и разложеніе повсюду, и, лишенный такимъ образомъ парижскихъ или лондонскихъ удобствъ, долженъ просто разрушаться, старѣть и умирать раньше времени. Въ виду всего этого, невольно страшишься за будущія, напередъ восхваляемыя, больничныя реформы почтенной думы!

Отдавая писать проектъ устройства больницъ такъ называемымъ специалистамъ по санитарной части, дума заявила предварительно, чтобъ они не стѣснялись ничѣмъ, выходящимъ изъ предѣловъ ихъ специальности: пишите, молъ, проектъ по всѣмъ правиламъ науки, а остальное не ваше дѣло: управимся, Богъ дастъ. Въ самомъ дѣлѣ, коли управится съ санитарной частью, такъ съ больничной-то какъ не управиться!

«Вотъ нѣвидаль—мышей!

Мы лавливали и ершей!»

По проекту, Обуховская больница должна быть центральной, откуда больные, уже разсортированные, будутъ направляться по разнымъ больницамъ города. Это требованіе — удобное для администраціи, но крайне неудобное, и даже опасное для большинства больныхъ, — могло бы быть, конечно, замѣнено другимъ, болѣе рациональнымъ. Слѣдовало бы сдѣлать, по крайней мѣрѣ, три, если не четыре или пять сборныхъ пунктовъ для свозимыхъ съ разныхъ частей города больныхъ: для администраціи это не составляло бы, при настоящихъ средствахъ телеграфнаго сообщенія, особаго затрудненія; для больныхъ же, само собою, это было бы благодѣяніемъ. Первая реформа, значитъ, вышла несовсѣмъ удачною. Но, впрочемъ, первый блинъ всегда выходитъ комомъ.

Далѣе. «Весь медицинскій персоналъ Обуховской больницы (см. докладъ, стр. 60), какъ высшій, такъ и низшій, долженъ непремѣнно состоять изъ лицъ, уже приобретшихъ высокую, научно-практическую опытность въ дѣлѣ врачеванія». Это будутъ, въ духѣ думы, «врачи перваго сорта». Не мѣшало бы прибавить,

чтобы врачи эти были умны, добросовѣстны, гуманны и благонамѣренны.

Всѣ врачи больницы, по проекту, должны принадлежать исключительно больницы, не заниматься частной практикой; словомъ, вести себя такъ, какъ подобало бы профессорамъ клиникъ,—чего впрочемъ и тѣ, въ ущербъ наукѣ и больнымъ, не дѣлаютъ... Какія утопіи, достойныя воображенія «не созрѣвшаго» гимназиста или юной пепиньерки!

Съ чего дѣлать врачей на многоопытныхъ и малоопытныхъ, на многознающихъ и малознающихъ, когда дѣло идетъ о честномъ трудѣ врачей на общую пользу? Молодой врачъ, получившій дипломъ въ удостовѣреніе его свѣдѣній, и желающій учиться и служить больнымъ, долженъ быть по всей справедливости допущенъ прямо на должность палатнаго ординатора, на самостоятельную работу. Самостоятельныя занятія—лучшій способъ совершенствованія. Ради же опасности или вреда, могущаго произойти отъ неумѣнья или случайной ошибки со стороны юнаго врача (чтобы никогда не ошибаться, надо, говорятъ, только ничего не дѣлать), конечно, желательно имѣть такъ называемыхъ старшихъ ординаторовъ, т. е. лицъ, пробывшихъ нѣкоторое число лѣтъ младшими ординаторами и хорошо ознакомившихся съ больничнымъ дѣломъ. Самымъ современнымъ требованіемъ, по нашему мнѣнію, было бы то, чтобы всѣмъ ординаторамъ дать, по возможности, полную самостоятельность и уменьшить число надсмотрщиковъ. Въ ученое сословіе странно допускать такое распределеніе должностей, какое встрѣчаемъ мы, напримеръ, въ полковой службѣ, и врачамъ давно бы пора было предоставить коллегіально вести свои дѣла, уничтоживъ всѣ внѣшнія отличія и лишь вознаграждая ихъ за трудъ соразмѣрно времени служенія ихъ обществу. Проектъ не имѣлъ этого въ виду: онъ стоитъ еще на старой почвѣ безконечной субординаціи и рѣзко разграничиваетъ права и обязанности главныхъ докторовъ, старшихъ и младшихъ ординаторовъ, и ассистентовъ, приурочивая къ нимъ лишь весьма растяжимыя прилагательныя: «опытные, многознающіе, многообъщающіе».

И почему это такіе необыкновенные врачи потребуются специально для Обуховской больницы, когда они нужны повсюду, особенно для провинціи? Отчего же сама больница не будетъ готовить опытныхъ врачей, а они должны приходить, приобравъ уже заранее опытность насчетъ плоти и крови больныхъ въ другихъ больничныхъ учрежденіяхъ? Гдѣ будетъ школа для подготовки этихъ «экстраординарныхъ ординаторовъ» для Обуховской больницы? Какія-такія особенныя формы болѣзней представитъ Обуховская больница сравнительно съ формами ихъ въ другихъ больницахъ? Наконецъ, чѣмъ виноваты тѣ несчастные больные,

которые не удостоятся дѣлаться у врачей Обуховской больницы, а должны будутъ подвергаться экспериментамъ менѣе знающихъ и менѣе опытныхъ врачей другихъ больницъ? Въ докладѣ, (стр. 60), впрочемъ, сказано, что и «врачи пріемнаго отдѣленія должны быть возможно болѣе опытными въ распознаваніи болѣзней»; что же касается до ассистентовъ «изъ молодыхъ, еще малоопытныхъ врачей», то они «могутъ быть допускаемы только въ качествѣ самостоятельныхъ помощниковъ ординаторовъ». Слѣдовательно, предполагаются все образцовые ординаторы, не въ примѣръ прочимъ.

Бѣдная Россія! И безъ того теперь житья нѣтъ отъ врачей-специалистовъ, такъ что большинству русскихъ смертныхъ приходится или ѣздить для дѣченія за тридевять земель, или умирать безъ врачебной помощи. Что же будетъ, когда всѣхъ врачей превратятъ въ узкихъ специалистовъ! А это будетъ, потому что какъ же иначе являться на конкурсъ, если не специалистомъ! Мѣру, предлагаемую проэктомъ, иначе нельзя назвать, какъ новымъ средствомъ къ размноженію специалистовъ. Но специализація, — роскошь, и роскошь доступная обыкновенному люду только тогда, когда практическая медицина въ странѣ стала служить всѣмъ и каждому, когда всѣ обезпечены врачебной помощью на случай необходимости; а пока этого нѣтъ, — какъ у насъ въ Россіи, — до тѣхъ поръ специализація допустима въ стѣнахъ медицинскихъ факультетовъ, и только. Теоретики не хотятъ этого знать, да, пожалуй, и не понимаютъ. Имъ, витающимъ въ надзвѣздномъ мірѣ, дѣла нѣтъ до практической жизни, до насущныхъ потребностей общества. Для нихъ нѣтъ отношеній ни времени, ни мѣста, и потому создавать теперь порядки, годные лишь черезъ сто лѣтъ и не для Россіи, — имъ ничего не значить!

«Всѣ штатныя должности врачей замѣщаются по конкурсу» (докладъ, стр. 60). Не дай этого Господи! Кто будетъ оцѣнщикомъ конкурентовъ? Главные доктора больницъ, у которыхъ по конкурсу не пройдетъ ни одинъ русский? Или профессоры, которые пустятъ своихъ учениковъ, узкихъ специалистовъ? Или думскіе гласные, не имѣющіе понятія въ медицинѣ? Или сами больничные ординаторы, которымъ придется потомъ стоять на равной ногѣ съ экзаменуемыми конкурентами и даже рисковать въ чемъ нибудь провиниться передъ ними? Какъ ни разсуждай, а конкурсъ, экзамень теряютъ смыслъ, разъ что молодой человѣкъ вышелъ изъ стѣнъ школы. Безъ того уже дѣленіе на докторовъ и лѣкарей, на старшихъ и младшихъ врачей унижаетъ достоинство медицинскаго сословія, а тутъ хотятъ устанавливать еще новыя градаціи!

Чуть не по конкурсу будутъ и мѣста фельдшеровъ и прислуги. Въ докладѣ сказано (стр. 60): «весь низшій медицин-

скій персоналъ долженъ выбираться изъ опытныхъ лицъ, рекомендуемыхъ главными докторами или старшими врачами, и притомъ непременно по выбору самихъ ординаторовъ Обуховской больницы для своихъ отдѣленій». (Любопытно: рекомендуютъ главные докторы, а выбираютъ ординаторы!) И даѣе: «Вся палатная прислуга по уходу за больными должна быть подготовленная, обученная и опытная, и точно также по выбору ординаторовъ». Мы себя прислуги въ домъ прискаты не въ состояніи и мѣняемъ ее иногда въ годъ по два, по три раза, а тутъ еще и для больницы прискивай! Нельзя-ли было бы создать и особыхъ специалистовъ (благо, специализация-то въ модѣ) по снабженію фельдшерами и прислугою?

Наконецъ, допустивъ даже, что ординаторы будутъ по конкурсу, дѣло отъ того наврядъ-ли выиграетъ. Разъ существуетъ главный докторъ, будутъ протекціи, nepотизмъ, сортировка, а съ другой стороны—раболѣпство, подлизываніе, наѣты и т. п.; будутъ любимцы его и антипатичные ему ординаторы,—словомъ повтореніе прежнихъ отношеній.

Должность главного доктора, по проекту, будетъ бессмѣнная, должность же старшаго ординатора на 3 года, а младшаго на два. Ординаторы должны будутъ жить въ зданіи больницы и отказаться отъ права на практику. Кромѣ занятій въ палатахъ, ординаторы будутъ принимать амбулаторныхъ больныхъ.

Что касается амбулаторій, то проектъ (см. докладъ, стр. 63) говоритъ слѣдующее: «При всѣхъ больницахъ, при ихъ примемныхъ покояхъ, должны быть правильно организованныя амбулаторіи для лѣченія приходящихъ больныхъ съ бесплатнымъ отпускомъ имъ лѣкарствъ изъ больничной аптеки.—Даже военное вѣдомство прибѣгало къ системѣ амбулаторнаго пользованія и, какъ оказалось на практикѣ, не безъ успѣха для больныхъ».

Пожалуй, амбулаторіи отчасти годятся, но опять настолько-ли, насколько въ военномъ вѣдомствѣ — это вопросъ, требующій подтвержденія. Солдаты содержатся, вопервыхъ, лучше, чѣмъ простолюдины у себя дома: солдатъ получаетъ щи и кашу, тогда какъ рабочій человѣкъ живетъ на кое-какихъ закускахъ и водкѣ, слѣдовательно успѣхъ лѣченія въ обѣихъ амбулаторіяхъ будетъ далеко неодинаковый; а вторыхъ, если болѣзнь солдата найдена будетъ врачомъ неподходящею къ амбулаторному лѣченію, онъ его прямо отправляетъ въ госпиталь, между тѣмъ какъ многіе простолюдины, если вы имъ скажете о необходимости лечь въ больницу, исчезаютъ отъ вашего наблюденія и скрываются въ четырехъ стѣнахъ, до самопроизвольнаго отравленія или до тѣхъ поръ, пока ихъ съ

квартиры не возьмутъ на лѣченіе силою. Хороша параллель амбулаторнаго лѣченія лицъ военныхъ и гражданскихъ!

Относительно окладовъ содержанія, въ проектѣ ничего не говорится, а не мѣшало бы сказать,—тѣмъ болѣе, что дума хотя и не жалѣетъ денегъ на всемъ прочемъ, но на врачахъ, мы увѣрены, сдѣлаетъ печальное исключеніе. Такъ, по тѣмъ требованіямъ, какія выставилъ врачамъ больницы проектъ, слѣдовало бы главному доктору назначить, кромѣ квартиры со всѣми удобствами, по крайней мѣрѣ, тысячь двѣнадцать жалованья; старшимъ ординаторамъ отъ восьми до десяти, младшимъ отъ четырехъ до шести, и ассистентамъ отъ двухъ до трехъ тысячъ. Меньше этого дать невозможно. Еще бы! Поставить условіями обширныя и солидныя свѣдѣнія, долговременную опытность, отреченіе отъ частной практики, слѣдовательно и отъ знакомствъ на будущее время, и обрисовать въ перспективѣ: удаленіе чрезъ 2—3 года съ мѣста на всѣ четыре стороны, безъ правъ на пенсію, или даже на единовременное пособіе, да еще, вдобавокъ, почти вѣрное зараженіе тифомъ и, пожалуй, искалѣченіе на всю жизнь! Да помилуйте: при такихъ условіяхъ, мѣсто въ департаментѣ или какомънибудь учебномъ заведеніи станетъ завиднымъ! На конкурсѣ пойдутъ молодые врачи, не имѣющіе ни знакомствъ, ни практики; словожь, тѣ, кому рисковать нечѣмъ; врачи же многосвѣдущіе и многоопытные, вѣроятно, умоютъ руки. Правда, *de jure* ординаторы окажутся подходящими, но *de facto* лучшихъ врачей, чѣмъ теперь, въ больницахъ не будетъ. Одна лишь надежда на то, что выбирать ординаторовъ, въ концѣ концовъ, будутъ думскіе гласные; ну, такъ тѣ, можетъ-быть, урегулируютъ юныя увлеченія писавшихъ проектъ и, не смотря на конкурсныя правила, найдутъ лазейку допустить врачей, отвѣчающихъ не требованіямъ проекта, а инымъ какимъ-либо постороннимъ соображеніямъ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что дума, въ новомъ для себя больничномъ дѣлѣ, обратилась за совѣтомъ не туда, куда слѣдовало, по существу самаго дѣла, т. е. вовсе не къ тѣмъ лицамъ, которымъ дороги больные и которые, ради пользы этихъ послѣднихъ, предложили бы реформы на основаніи собственнаго горькаго опыта.

Практика медицинскаго служенія въ больницѣ приводитъ собственно къ слѣдующимъ выводамъ:

Мѣста всѣхъ служащихъ въ больницѣ должны быть неснимаемы, отнюдь не выборныя. Все управленіе должно находиться въ вѣдѣніи ординаторовъ; всѣ важныя дѣла рѣшаются коллегіально, большинствомъ голосовъ. Всѣ дѣла, не требующія особыхъ соображеній, легко подводимыя подъ опредѣлен-

ныя статьи закона,—словомъ, автоматическія,—могутъ быть предоставлены вѣдѣнію конторы. Главный докторъ долженъ быть простымъ блюстителемъ закона, гигиенистомъ и администраторомъ, а главное, высоко-образованнымъ и развитымъ человекомъ, какъ подобаетъ быть вообще и всякому правителю. Специалистомъ по всѣмъ частямъ медицины, въ настоящее время, никто не можетъ быть, и потому специализированіе необходимо слѣдуетъ предоставить десяткамъ ординаторовъ. Въ совѣтѣ ординаторовъ главный докторъ пусть себѣ предсѣдательствуетъ, имѣетъ два голоса, но значеніе его должно быть совѣщательное, а отнюдь не рѣшающее. Всѣ дѣла, касающіяся ординаторовъ, обсуждаются всѣми же ординаторами (пожалуй, въ отсутствіи того ординатора, о которомъ идетъ рѣчь). Смотритель больницы и иные члены конторы приглашаются въ совѣтъ только по мѣрѣ надобности. Контора же подчинена не главному доктору, а совѣту ординаторовъ. Главный докторъ и смотритель не должны зависѣть другъ отъ друга. Вражда ихъ и дружба должны парализоваться совѣтомъ ординаторовъ.

Каждый палатный ординаторъ долженъ отвѣчать за свои палаты, хотя, и по отношенію къ нему, нельзя въ больницѣ наставлять на строгой специализаціи занятій. Больница не должна и не можетъ быть клинкой, а потому чистые специалисты, односторонне-подготовленные врачи не желательны въ лицѣ ординаторовъ. Больничныи ординаторъ долженъ имѣть знакомство со всѣми существенными частями медицины; онъ долженъ умѣть обойтись во всякомъ представляющемъ ему патологическомъ случаѣ, да, кромѣ того, и въ медицинской своей практикѣ онъ на каждомъ шагѣ нуждается въ обширныхъ свѣдѣніяхъ по всѣмъ почти отраслямъ медицины. Ординаторъ долженъ попеременно пройти всѣ палаты больницы — и по сифилису, и по женскимъ, и по хирургическимъ, и по внутреннимъ болѣзнямъ, и, какъ-бы въ завершеніе, установиться на извѣстной специальности. Съ самаго же начала требовать отъ ординатора определенной специальности—нецѣлесообразно. Больница существуетъ не для научныхъ открытій и изслѣдованій: открытія и изслѣдованія составляютъ для нея дѣло второстепенное и случайное, но не существенное. Больница должна дорожить врачами, которые сумѣютъ примѣнить всѣ новости, представляемыя специальными клиницистами, на пользу больныхъ, лежащихъ въ больницѣ. Какъ отъ педагога нельзя требовать, чтобы онъ былъ профессоромъ, но можно требовать, чтобы онъ все добытое профессоромъ дѣлалъ достояніемъ учащихся, популяризировалъ; такъ точно и отъ палатнаго ординатора нельзя требовать, чтобы онъ былъ клиницистомъ, но можно требовать, чтобы онъ былъ хо-

рошимъ проводникомъ всѣхъ полезныхъ и пригодныхъ для больницы клиническихъ нововведеній и изобрѣтеній. Вообще дѣятельность ординатора не творческая, не самобытная, а подражательная; она не законодательная, а исполнительная по отношенію къ наукѣ. Самый цѣнный ординаторъ—тотъ, который найдетъ во всякомъ данномъ случаѣ и можетъ принести пользу больному, одержимому одновременно нѣсколькими формами болѣзней, а отнюдь не тотъ, который далѣе известной спеціальности шагу ступить не умѣетъ. Многосторонностью своего медицинскаго образованія большинство ординаторовъ обязано именно больницѣ. Она и должна быть школою для врачей, и даже болѣе: должна быть мѣстомъ спасенія для страждущихъ, но совсѣмъ не храмомъ науки. Никогда не слѣдуетъ заноситься, задаваться невыполнимыми задачами. Практика жизни показываетъ, что въ каждомъ дѣлѣ должна преслѣдоваться опредѣленная цѣль; цѣль эта и служить маякомъ каждой прикладной наукѣ. Какая же цѣль больницы? Больше призрѣть больныхъ, больше ихъ вылѣчить, и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе потратить средствъ. Эти требованія должны быть поставлены, по крайней мѣрѣ, въ Россіи,—странѣ бѣдной и мало цивилизованной.

Старшіе ординаторы должны быть назначаемы по старшинству изъ младшихъ. Младшіе собственно могли бы обойтись безъ старшихъ, что отчасти показываетъ и практика; но не рѣди, во-первыхъ, случаи въ больничномъ дѣлѣ, гдѣ опытность ординатора играетъ известную, немаловажную роль, а во-вторыхъ, и продолжительная тяжелая служба при больницѣ,—всегда къ тому же связанная съ зараженіемъ тифомъ или иными болѣзнями,—даетъ полное право ординаторамъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, на повышеніе, на облегченіе ихъ обязанностей и на увеличеніе оклада. Нельзя отрицать, что энергія ординатора значительно поддерживается увѣренностью въ томъ, что, по мѣрѣ его служенія, онъ будетъ болѣе облегчаемъ въ занятіяхъ и обеспечиваемъ въ жизненныхъ потребностяхъ. На двухъ-трехъ младшихъ ординаторовъ можно назначить одного старшаго и двухъ, трехъ ассистентовъ. Ассистентъ долженъ имѣть палаты наравнѣ съ ординаторами и выполнять ту роль, которая въ настоящее время лежитъ на сверхштатномъ ординаторѣ. Отношеніе старшаго ординатора къ младшимъ и къ ассистентамъ должно быть товарищескимъ, гуманнымъ, но отнюдь не начальническимъ. Всѣ пререканія между ними—повторяемъ—должны рѣшаться совѣтомъ всѣхъ ординаторовъ. Для безобидной проверки дѣятельности палатныхъ ординаторовъ, хорошо было бы установить въ павильоны сроки коллективныя визитаціи ординаторовъ всѣхъ палатъ, съ тѣмъ чтобы каждый ординаторъ могъ знакомиться съ болѣе важными и интересными случаями

въ практикѣ своихъ товарищей и заимствоваться ихъ мнѣніемъ и опытностью на пользу своихъ больныхъ. Эти коллективныя визитаціи навѣрное способствовали бы установленію дружескихъ отношеній между врачами и исключали бы даже тѣнь командованія и гнета, какія теперь висятъ надъ каждымъ, не только-что надъ младшимъ, но и надъ старшимъ ординаторомъ. Въ настоящее время, вы по физиономіи, по дикціи, по мимикѣ узнаете представителей «медицинской власти». Для дѣла этого не надо: это требуется для видимости, для красоты...

Дѣло идетъ о реформѣ больничной части на долгіе годы. Казалось бы, слѣдовало этимъ воспользоваться и ввести нѣчто дѣйствительно полезное и выгодное, какъ для самихъ больныхъ, такъ и для тѣхъ, на кого падаютъ налоги на ихъ содержаніе и лѣченіе. Логика говорить, что тутъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, должно было бы призвать всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, т. е. депутатовъ отъ корпораціи ординаторовъ и депутатовъ отъ разныхъ вѣдомствъ и сословій. Нѣтъ. Обратились къ «Обществу охраненія народнаго здравія», какъ будто члены его и суть именно тѣ лица, какія требуются въ данномъ случаѣ... Намъ, вѣроятно, на роду написано: вѣкъ живи, вѣкъ учись, а вдобавокъ и вѣкъ ничему не выучивайся.

А. Виреніусъ.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

БЛАГОДУШНЫЯ ПЪСНИ

Ефима Скорпионова.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

...Нѣтъ я не Байронъ, а другой...
Лермонтовъ.

И я не Байронъ, а другой,—
Но я не праздный сочинитель,
А духа времени, порой,
Нелицемерный выразитель...
Писать я началъ, какъ обломъ,
Но вотъ, въ горнилѣ вдохновеній,
Ростеть и крѣпнеть съ каждымъ днемъ
Самодовлѣющей мой геній!
Ужь не пишу я «тяпъ да ляпъ» —
Какъ начиналъ, — но строгихъ правилъ
Глашатай, часовой и рабъ,
Я лиру къ истинѣ направилъ.
Врагъ Запада идей гнилыхъ,
Талантъ держу я на «цѣпурѣ»
И не найдешь въ стихахъ моихъ
Ты никакой гражданской дурн.
Я канители не таму,

Но въ философiи не роясь,
 По смыслу здравому, заткну
 Я «иста» всякаго за поясъ.
 Своей страны я патриотъ
 И—врагъ гуманныхъ всякихъ патокъ,—
 Заматерѣлый русопѣтъ
 Я съ головы до самыхъ пятокъ.
 Отъ колыбели я привыкъ
 Жевать родной пирогъ съ грибами,
 И если ѣмъ его—языкъ
 Держу, какъ должно, за зубами.
 Себя я сдуру не сгублю,
 Но я умѣлаго десятка:
 Гдѣ знаю, что сойдесть... сгублю
 И смѣло рѣжу правду-матку.
 Порой дѣла кругомъ хоть брось,
 Но въ хату умѣстившись съ края,
 Я вѣрю въ русское «авось»
 И въ то, что «вывезетъ кривая».
 Такъ вотъ въ натурѣ я каковъ;
 Пусть всякій думаетъ, какъ хочетъ,
 Но подъ меня и самъ Катковъ,
 Я вѣрю, носа не подточить.
 Хочу я лирой навѣрняка
 Вести заблудшихъ къ исправленью,
 Служа, какъ на морѣ маякъ,
 Судамъ къ охранѣ—отъ крушенья!

II.

Любезный земледѣль, смягчи свой видъ суровый
 И веселѣ будь во дни эпохи новой,
 Когда къ тебѣ съ небесъ,—ты долженъ понимать,—
 Незреченная нисходитъ благодать.
 Пускай, со времени крестьянъ освобожденья,
 Бой-что ты вытерпѣлъ, дойдя до оскуденья,
 А кое-гдѣ узналъ и горечь нищеты—
 Но въ этомъ мiрѣ, другъ, не все одни цвѣты!
 Положимъ, тосковать лишь съ лебедю въ брюхѣ
 Ты справедливо могъ, какъ пухнулъ съ голодухи,

Или на новыя мѣста давалъ стречкѣ,
 Работая порой для одного жучва...
 Но нынѣ благодать—и съ мысли возрожденьемъ
 Всѣ озабочены «корней оздоровленьемъ»;
 Начальство и печать, и земець,—все спѣшить,
 Облагородивъ духъ, такъ улучшить твой бытъ,
 Чтобъ, справившись съ жидомъ, ты снова могъ, мой милый,
 Благонадежной стать, какъ встарь, платежной силой.

III.

Я о славѣ не мечтаю,
 Но извѣстности желаю;
 До нея-жъ я, зная Русь,
 Доберусь.
 Ругань критика—шакала
 Не страшитъ меня нимало:
 Скорпионовъ самъ зубастъ—
 Сдачи дастъ.
 Трынть-трава мнѣ и доносы!
 На газетные допросы,
 Я лишь мѣсто уважу—
 Гдѣ служу! *)

IV.

Компренэ.

По службѣ долженъ быть я строгимъ,
 Но сердце бьется и во мнѣ,
 Я тоже огорчаюсь многимъ,
 Хоть бесполезно... к о м п р е н э?
 Людей тиранить понапрасну
 Не слѣдуетъ и на войнѣ;
 Но я въ участіи безучастно
 Порой, какъ камень... к о м п р е н э?
 Не врагъ я лично молодежи,

*) Этимъ, лаконическимъ и не лишенымъ суроваго величія, указаніемъ на мѣсто своей службы Е. Скорпионовъ, очевидно, позаимствованъ у г. Батална, который нѣтъ-нѣтъ да и напоминаетъ читателямъ, что онъ служилъ въ сыскомъ отдѣленіи вѣдѣнной полиціи, хотя—если не ошибаемся—уставъ этой службы воспрещаетъ лицамъ, удостоеннымъ особаго довѣрія начальства, разглашать о семъ публично, во всеуслышаніе.
 Ред.

Но дѣла я—слуга исполнѣ,
 Да если и мазнешь по рождѣ,
 Такъ отщепенца... компренъ?

У.

Пока не сдѣлають доноса
 На прыть журнальнаго бойца,
 Вокругъ оный каждаго вопроса
 Готовъ кружиться, какъ овца.
 Развязно корчить радикала,
 Лжелиберально чужь несетъ
 И, не смущаяся нимало,
 О всемъ, какъ сивый меренъ, вретъ.
 Но лишь таинственный глаголь
 Въ Москвѣ произнесутъ авгуры,
 Какъ курица, нашъ лже-орелъ
 Дрожить трусливо изъ-за шкуры;
 Внезапу поджимаетъ хвостъ
 И душу отправляетъ въ пятки,
 Зане—завѣдомый прохвостъ
 Не переноситъ правды-матви!

VI.

Не понутру мнѣ дѣло Буша;
 Вездѣ даютъ, всегда берутъ,—
 Напрасно дѣлаетъ Картуша
 Изъ генерала гласный судъ!
 Тутъ болѣе, чѣмъ отъ памфлетовъ,
 По мнѣ, для публики вреда,
 И на подрывъ авторитетовъ
 Опасна—санкція суда.
 Вѣдь тутъ легальная основа
 Для праздно болтовни дана,
 А въ наше время никакого
 Добра не принесетъ она.
 Зачѣмъ раздули дѣло въ гору?
 О комъ на свѣтѣ слуховъ нѣтъ?
 По моему—такъ здѣсь сыръ-бору
 И загораться бы не слѣдъ.
 Ей Богу, Бушь не исключенье!

Тотъ камень винь, кто безъ грѣховъ.
 Въ чему-жъ напрасное броженье
 Среди шаткихъ возбуждать умовъ?!

УЦ.

Каменскій врачъ—что на судѣ
 Скопфужень изъ-за Селезневой
 И пострадалъ въ чужой бѣдѣ—
 Типъ юркій, но совсѣмъ не новый.
 «Милѣйшими» людей такихъ
 Давно ужъ общество признало,
 И въ свѣтскости развязной ихъ
 Нѣтъ никакого криминала.
 Онъ, чтобъ начальству услужить,
 Не мало прилагалъ стараній,
 Таеъ не за то-ль его винить,
 Что онъ изъ молодыхъ, да ранній?..
 Положимъ, онъ науки жрецъ,
 Таеъ не распять-ли ужъ за это,
 Что по профессіи мудрецъ
 Былъ покровителемъ балета?..
 Пришли плохія времена,
 Не будь услужливымъ, любезнымъ,
 И непристойно—вотъ-те на!—
 Сводитъ пріятное съ полезнымъ.

УІІІ.

Экспромтъ, заготовленный въ запасъ.
 Особенность моихъ стиховъ,
 Что въ нихъ пустыхъ немного словъ
 И что отъ строчекъ тѣхъ, гдѣ *вицы*,
 Не покраснѣютъ и дѣвицы.

ІХ.

Обывателю.

(Экспромтъ).

Чтобы дни твои текли
 Безъ невгодъ и безъ опаски,
 Въ трезвомъ видѣ—не шали,
 Въ пьяномъ—вытрезвись въ участіѣ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ»,

ВЫШЕДШИХЪ ЗА ЯНВАРЬ—ІЮЛЬ

1882 г.

ЯНВАРЬ № 1-й.

	Стр.
I. Современный недугъ. Романъ П. Дятлева	3
II. Золото. Стихотвореніе В. И. Немировича-Данченко.	28
III. Университетскій вопросъ. Статья первая. В. И. Модестова	29
IV. Явы Петербурга. Опытъ нравственной статистики Петербургскаго населенія: I. Диагнозъ современной русской дѣйствительности. II. Остовъ нашей задачи съ точки зрѣнія теоріи нравственности. В. О. Михневича. .	57
V. Опыты изслѣдованія обычнаго права. В. И. Сергѣевича.	80
VI. Эгоистъ. Романъ Вернера.	98
VII. Одиодворцы. Повѣсть В. Л. Маркова.	141
VIII. Арча Богини. Стихотвореніе Л. И. Пальмина.	170
IX. Паряжъ въ 1881 году. П. Д. Боборыкина.	172
X. Улыбка и слезы. Стихотвореніе С. Г.	188
XI. Фостъвъ. Романъ Э. Гонкура.	192
XII. Памяти князя А. И. Васильчикова. В. Я. Стоюнина. . .	225
XIII. Бакалавръ. Романъ Жюль Валгеса	248
XIV. Советы (изъ I. Лорма). С. А. Бердяева.	302

Современное обозрѣніе:

XV. Наши внутреннія дѣла	305
XVI. Политическая хроника	318
XVII. Иностранная литература	346

	Стр.
XVIII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»):	
1) Рябь и зыбь роднаго прогресса. И. Ф. Василевскаго (Буквы)	368
2) Хамелеонъ. Стихотвореніе Н. Мизантропова	380
XIX. Сарра Бернаръ. В. В. Чуйко	383

ФЕВРАЛЬ № 2.

I. Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева	3
II. На полпути. Стих. А. Тамбовцева	34
III. Иллюминація (изъ Сырокомли). Стих. Оммулевскаго	35
IV. Парижъ въ 1881 году. (оконч.) П. Д. Боборыкина	42
V. Университетскій вопросъ. (оконч.) В. И. Модестова	56
VI. Судъ въ деревнѣ (изъ дневника бывшаго мирового судья) М. Н. Р.	95
VII. Эгоистъ. Романъ Вернера	125
VIII. Одиодворцы. Повѣсть В. Л. Маркова	142
IX. Язвы Петербурга. III. Городъ пышный, городъ бѣдный. В. О. Михневича	173
X. Зимнія пѣсни. Два стихотворенія С. А. Бердьева	193
XI. Бакалавръ. Романъ Ж. Валлеса	195
XII. Опыты изслѣдованія обычнаго права. (окончаніе) В. И. Сергѣевича	213
XIII. Фостанъ. Романъ Э. Гонкура	241

Современное обозрѣніе.

XIV. Одиодневная перепись Петербургскаго населенія. Е. П. Барновича	256
XV. Парижскія письма. Л. Левяса	287
XVI. Наши внутреннія дѣла. (Еврейскій вопросъ на русской почвѣ)	306
XVII. Политическая хроника	319
XVIII. Новыя книги	331
XIX. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»):	
1) Рябь и зыбь роднаго прогресса И. Ф. Василевскаго	347
2) Князь Мещерскій, какъ юмористъ. Капитона Соболевцова	366
3) Въ альбомѣ знаменитымъ современникамъ. Два стих. Н. Мизантропова	373

МАРТЪ № 3.

I. Современный недугъ. Романъ П. Лятнева	3
II. Судъ въ деревнѣ. (окончаніе). М. Н. Р.	45
III. Идиллія бѣдняковъ. (Изъ Рипшена). Стих. М. Ватсонъ	63
IV. Эгонистъ. Романъ Вернера. (окончаніе).	65
V. Маркъ Аврелій и новая религія. В. И. Модестова	106
VI. Цензура и свобода печати въ западной Европѣ. Д. П. Лебедева	130
VII. Одиодворцы. Повесть В. Л. Маркова	146
VIII. Наблюденія надъ русскою народною школою. В. Я. Стоюнина	170
IX. Баккалавръ. Романъ Ж. Валлеса	184
X. Старые друзья. Стих. Л. И. Пальмина	207
XI. Язы Петербурга. IV. Общая сумма «подати преступленію» и ея повѣрка. В. О. Михневича	209
XII. Фостанъ. Романъ Э. Гонкура	226

Современное обозрѣніе.

XIII. Экономическіе этюды. (Отхожія промыселъ.) Е. Е. Барцева	248
XIV. Наши внутреннія дѣла	270
XV. Политическая хроника	284
XVI. Новыя книги	303
XVII. Научная хроника. Д-ра Ивина	314
XVIII. Фонографъ (сѣльетонъ «Наблюдателя»):	
1) Рябь и зыбь роднаго прогресса. И. Ф. Василевскаго	323
2) Трезвенныя мысли майора Паенутія Предусмотрова	347
3) Въ альбомъ знаменитымъ современникамъ. Два стиха. Н. Мизантропова	351

АПРѢЛЬ № 4-й.

I. Современный недугъ. Романъ П. Лятнева	3
II. Маркъ Аврелій и новая религія. (окончаніе) В. И. Модестова	39
III. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ (по личнымъ воспоминаніямъ) П. Д. Боборыкина	61

	Стр.
IV. Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи (за 20 лѣтъ) М. Л. Песковскаго	74
V. Жирондисту. (Къ картинѣ Мюллера). Стих. Н. Минскаго.	93
VI. Политика Москвы и русская народность. Е. П. Барновича.	96
VII. Одинодворцы. Повѣсть В. Л. Маркова	113
VIII. Цензура и свобода печати въ западной Европѣ. (окончаніе). Д. П. Лебедева	127
IX. Весна. Стих. Н. С...а	142
X. Наблюденія надъ русскою народною школою. В. Я. Стоюнина	143
XI. Гроза (передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ). Стих. С. Г.	155
XII. Фостанъ. Романъ Э. Гонкура	157
XIII. Эпизодъ изъ жизни Гарibaldi.	177
XIV. Язвы Петербурга. V. (Бродяги, нищіе и безпаспортныя). В. О. Михневича	184
XV. Бакалавръ. Романъ Ж. Валгеса	207

Современное обозрѣніе.

XVI. Экономическіе этюды. (Переселенческое движеніе). Е. Е. Карцева	240
XVII. Тюремная филантропія	263
XVIII. Наши внутренніе дѣла	272
XIX. Политическая хроника	283
XX. Новыя книги	297
XXI. Научная хроника. Д-ра Ивина	305
XXII. Фонографъ (сѣльетонъ «Наблюдателя»):	
1) Благодушныя нѣсни Е. и м. Скорпіонова	315
2) Рыбъ и зыбъ роднаго прогресса. (Современное хищеніе и его тузы). И. Ф. Василевскаго	330
3) Варіаціи на мотивы изъ русскихъ повтовъ. Н. Мизантропова	340

МАЙ № 5-й.

I. Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева	3
II. Бюрократизмъ и правовой порядокъ. Г. К. Градовскаго.	41
III. Хересь, а не мадера. (Изъ исторіи крѣпостныхъ спектаклей). Разсказъ А. Лякида	65

	Стр.
IV. Наблюдения надъ русскою народною школою. (окончание). В. Я. Стоюнина	81
V. Суета суеть. Стих. Л. И. Пальмина	99
VI. Ночь. Стих. П. В. Быкова.	100
VII. Бакалавръ. Романъ Ж. Валгеса. (оконч.)	101
VIII. Призывъ. Стих. А. В. Круглова	152
IX. Политика Москвы и русская народность. Е. П. Карновича	153
X. Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія. М. Л. Песковскаго.	164
XI. Одиодворцы. Повѣсть В. Л. Маркова	178
XII. Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ? Ф. И. Леонтовича.	191
XIII. Языы Петербурга. VI. (Виды и разновидности петербургскаго нищенства). В. О. Михневича	204
XIV. Сопеты (изъ Лорма). С. А. Бердяева.	227
XV. Фостанъ. Романъ Э. Гонкура	229
XVI. Падающія звѣзды (изъ Коппе). Д. Л. Михаловскаго.	244
XVII. Натуральныя и денежныя аренды. (Историческій очеркъ).	245

Современное обозрѣніе.

XVIII. Парижскія письма. Л. Левиса	252
XIX. Наши внутреннія дѣла. (Голосъ земства о мѣстномъ управленіи).	262
XX. Политическая хроника	282
XXI. Иностранная литература	298
XXII. Ф о н о г р а ф ъ (сѣльетонъ «Наблюдателя»):	
1) Рябь и зыбь роднаго прогресса. И. Ф. Василевскаго	308
2) Благодушныя пѣсни Ефима Скорпіонова	326

ЮНЬ № 6.

I. Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева. (оконч.)	3
II. Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ? (оконч.) Ф. И. Леонтовича.	46
III. Политика Москвы и русская народность. (оконч.) Е. П. Карновича	64
IV. Одиодворцы. Повѣсть В. Л. Маркова. (оконч.)	78

	Стр.
V. Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. (оконч.) М. Л. Песковскаго.	117
VI. Юности. Стихотвореніе С. Г.	136
VII. Язы Петербурга. VII. (Жертвы общественнаго темпера- та). В. О. Миженевича.	137
VIII. Натуральныя и денежныя аренды. (оконч.)	156
IX. Подъ гнетомъ. Стих. А. В. Круглова.	180
X. Счастье. Стих. С. Г.	182
XI. Фоствънъ. Романъ Э. Гонкура. (оконч.)	183

Современное обозрѣніе.

XII. Наши внутреннія дѣла	245
XIII. Политическая хроника.	270
XIV. Новыя книги	290
XV. Фонографъ (еелетовъ «Наблюдателя»):	
1) Благодарныя пѣсни Е. И. М. Скорпіонова	298
2) Изъ тетради Капитана Соболевцова	301
3) Извѣщеніе о майорѣ Предусмотровѣ (письмо въ ре- дакцію)	303
4) Въ альбомѣ знаменитымъ современникамъ. Н. Мизантропова	306
XVI. Содержаніе книгъ «Наблюдателя», вышедшихъ за первое по- лугодіе 1882 г.	307

ЮЛЬ № 7.

I. Торжество правосудія. Романъ. (Главы I — XIII). Д. И. Стахъева	3
II. Чарльзъ Робертъ Дарвинъ. Л. К. Попова	68
III. Дурочка. Стихотвореніе П. Нижальскаго.	103
IV. Весна. Стихотвореніе Ф. Андреева.	104
V. Дипломатія и любовь. Романъ Іоанна фонъ-Деваля. (Переводъ съ нѣмецкаго)	105
VI. Исповѣдь влюбленнаго. (Изъ Ришлена). Стих. А. Там- бовцева	160
VII. О значеніи разработки архивовъ для успѣховъ кодификаціи. И. Е. Андреевскаго	161
VIII. Братья Рамулы. Современная повѣсть. І. Крашевска- го. (Съ польскаго).	170

	Стр.
IX. Изъ Ирландскихъ пѣсень Сотера Ломана. Стихотв. С. А. Бердьева	203

Современное обозрѣнiе.

X. Культурно - промышленный парадъ. (Письмо съ московской всероссійской выставки). Скептическаго россиянина	206
XI. Наши внутреннiя дѣла.	223
XII. Политическая хроника.	243
XIII. Балканскiя письма. I. (27 апрѣля 1881—27 мая 1882 г.) С. С.	264
XIV. О переходѣ въ вѣданiе Думы больницъ Попечительнаго Собранiя. А. С. Вирениуса	281
XV. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): Благодушныя пѣсни Е н и м а С к о р п и о н о в а. Книга вторая I—IX.	304
XVI. Содержанiе книгъ «Наблюдателя» за январь—июль 1882 г.	309
XVII. Объявленiя.	316

ОПЕЧАТКА.

Въ предыдущей книгѣ, въ фельетонѣ (стр. 301, строка 5-ая сверху) замечена ошибка. Въ «Прогнала съ Руси сонъ работа», должно быть: «Прогнала съ Руси сонъ забота».

Объявленія.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Домашній столъ. Поваренная книга для молодыхъ хозяекъ, постный и скоромный домашній столъ. Въ книгѣ находится: 477 блюдъ и 366 обѣдовъ, каждый изъ 4-хъ блюдъ, объясненія, какъ приготовить обѣды, пасхи, куличи, варенья, соленья и маринаванія, квасъ, шпекъ и сало для жаренья, кофиты и солить рыбу и мясо, а также средства предохранять провизію отъ порчи. Составили А. Толмачева и А. Сальникова, ц. 1 р. 50 к.

Руководство кройки и шитья женскаго платья для самообученія, по вновь изобрѣтенной, весьма простой и вѣрной системѣ, съ 18 рисунками и многими чертежами, ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Столярное искусство, съ 150 рисунками и многими чертеж. Составилъ К. Ленцангъ. Издан. 2-е, ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Новый способъ рисованія, посредствомъ котораго всякій, даже не имѣющій понятія о рисованіи, можетъ весьма легко, безъ всякой предварительной подготовки, снимать всевозможныя копии съ рисунковъ, картинъ, фотографическихъ картъ, портретовъ и проч., совершенно сходно съ оригиналомъ, съ приложеніемъ «Новаго Способа умноженія», который изучается въ 5 минутъ, безъ помощи учителя, въ великолѣпномъ картонажѣ съ приборомъ, объясненіемъ и рисунками, ц. 3 р. съ пересылкою.

Практическія врачебныя наставленія вступившимъ въ бракъ, содержащія въ себѣ: правила для сохраненія физическихъ способностей въ брачной жизни до глубокой старости, съ присовокупленіемъ описанія половой жизни женщины. Сочиненіе доктора медицины Рудольфа Фернау, съ рисунками, издан. 4-е, ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою.

О зачатіи и зарожденіи младенцевъ, объ укрѣпленіи ослабѣвшихъ мужскихъ членовъ и объ излѣченіи отъ онанизма, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Сочиненіе полезное и понятное для всякаго, кто только желаетъ исполнить достигнуть эти важные предметы. Сочиненіе доктора медицины и профессора парижскаго университета Мореля-де-Рюбомира. Издан. 3-е, ц. 1 р. 50 к.

Врачъ секретныхъ болѣзней. Состав. докторъ Албертъ, ц. 1 р. съ перес.

Домашній фотографъ. Аппаратъ для копированія дома всякихъ фотографическихкихъ карточекъ, гравюръ, портретовъ и проч., совершенно сходно съ оригиналомъ, съ приложеніемъ наставленія прибора и многихъ фотографическихкихъ карточекъ, ц. 4 р. съ пересылкою.

Опредѣленіе жизни. Сочиненіе доктора медицины и профессора Клодь-Бернара. Перев. съ франц. Д. Борша, ц. 50 к. съ пересылкою.

Гадательныя карты знаменитой предсказательницы дѣвицы Ленорманъ. Въ роскошной сюрпризной коробкѣ, ц. 1 р. 50 к.

Лѣчебная книга. Тысяча новыхъ случайныхъ открытій. Испытанія хроническихкихъ и другихъ болѣзней, съ присовокупленіемъ рецептовъ, лѣкарствъ для домашняго приготовления. Составилъ докторъ А. Ильинскій, ц. 3 р. съ пересылкою.

Объ онанизмѣ и бевсиліи, о средствахъ снова возстановлять и укрѣплять здоровье, разстроенное онанизмомъ и бевсиліемъ. Составилъ докторъ А. Браунъ. Издан. 2-е, ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Геморрой. Коренное уничтоженіе болѣзни во всѣхъ его видахъ и измѣненіяхъ, новыя медицинскія и гигиеническія средства. Составилъ докторъ К. Лебель, перев. съ 14 издан., ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою.

О физическихкихъ супружескихъ отношеніяхъ мужчины и женщины, съ показаніемъ наставленій, какъ мужъ и жена должны вести себя въ этомъ случаѣ безъ вреда своему здоровью. Составилъ докторъ А. Браунъ. Издан. 2-е, ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Сладострастіе и истощеніе. Общедоступное изложеніе всѣхъ средствъ для совершеннаго излѣченія венерической болѣзни во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, возстановленіе способности плодородія, лѣченіе бевсилія и бесплодія, возрожденіе утраченныхъ физическихъ силъ, съ присовокупленіемъ рецептовъ лѣкарствъ для домашняго приготовления. Составилъ докторъ П. Д. Сорокинъ, ц. 3 р. съ пересылкою.

Земледѣльческая Мозаика. Составилъ Ф. Гроссманъ. Съ 239 рисунками и многими чертежами, ц. 2 р. съ пересылкою.

Съ требованіями гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно на имя Христофора Ивановича Патрова, С.-Петербургъ, по Фонтанкѣ, близъ Англійскаго проспекта, домъ № 143, кв. № 16.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный художественно-юмористическій журналъ

„ГУСЛИ“

съ карриатурами.

Цѣна за 6 мѣсяцевъ съ пересылкой 5 рублей.

Адресоваться: въ Тифлисъ, въ редакцію журнала „Гусли“.

КЪ СВѣДѢНІЮ ЛИЦЪ, СЪ „ГУСЛЯМИ“ НЕЗНАКОМЫХЪ:

Цѣль журнала—борьба съ ложью, глупостью и произволомъ, гдѣ бы они ни проявлялись. Поэтому „*прелюдіи*“ и „*пѣсни*“ „Гусель“ раздаются хотя и съ далекой окраины и „*подъ сурдинною*“, но всегда во имя общихъ интересовъ народа и интеллигенціи.

Розничная продажа журнала воспрещена.

Редакторъ-издатель Ив. Тхоржевскій.

Открыта подписка на 2-ое полугодіе

художественно юмористическаго журнала

„СТРЕКОЗА„

БЕЗЪ ПРЕМІИ:

Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи	5 р. 50 к.
Съ пересылкою за границу	7 «
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 «
Безъ доставки « «	4 « 50 «

Подписчики-же иногородные, которые потребуютъ журналъ за весь годъ, т. е. съ 1-го номера: высылаютъ: 10 р.
Съ пересылкою за границу 12 «
съ доставкою въ С.-Петербургъ 9 «
безъ доставки « « 8 «

и пользуются назначенными преміями: 1) стихотворнымъ сборникомъ: „Росіянки“ съ цвѣтовъ всемірной поэзіи и 2) Главною цѣнною преміею: богато иллюстрированнымъ большимъ томомъ въ 4 отдѣлахъ, подъ названіемъ: „Человѣческая комедія“.

Редакторъ: И. Ф. Василевскій (Буква).
Издатель: Германъ Корнфельдъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ».

Въ настоящее время, въ распоряженіи редакціи находятся еще, въ небольшомъ количествѣ, полные экземпляры «Народной Школы» за 1878 и 1879 гг., въ которыхъ были напечатаны нижеслѣдующія статьи: *А. И. Анастасіева*: 1) О возвышеніи педагогическаго уровня народныхъ учителей; 2) Воскресная школа при Порѣцкой учительской семинаріи. *В. И. Асонова*: 1) Учительская семинарія и народныя школы въ Финляндіи въ 1875—76 учебномъ году; 2) Вопросъ о народномъ образованіи на Финляндскомъ сеймѣ 1877—78 г.; 3) *Ф. фонъ-Болл*: рецензія на «Зимніе вечера» г-жи Анненской. *Н. А. Гейтцеля*: Къ вопросу о преподаваніи географіи въ народной школѣ. *В. И. Одовозова*: Патріархъ Никонъ и Брижаничъ. *В. С. Гербача*: критическіе сборы 9-ти книгъ по первоначальному обученію. *Я. Г. Гуревича*: критическая статья о книгѣ г. Петрушевскаго: «Разказы про Петра Великаго». *Домоховскаго*: Иностранческія школы въ Россіи. *К. Ельницкаго*: Организація обученія въ школѣ съ однимъ учителемъ при ученикахъ различной подготовки. *Л. Д. Журавлева*: 1) Школа десятниковъ по строительному дѣлу, учрежденная императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ; 2) С.-Петербургская воскресная школа. *Н. Н. Запольскаго*: 1) Къ вопросу объ обязательности первоначальнаго обученія. Сводъ мнѣній народныхъ учителей (двѣ статьи); 2) Остранина хроника по народному образованію (въ Пруссіи и Саксоніи). Двѣ статьи. 3) Образецъ протокола при ревизіи народныхъ училищъ; 4) О преподаваніи Закона Божія. *Н. Згурскаго*: Уроки естествовѣдѣнія, три статьи (съ чертежами). *И. П. Золотницкаго*: Объ улучшеніи архитектуры школьныхъ зданій. *В. И. Зимницкаго*: Условія и приемы объяснительнаго чтенія (двѣ статьи). *В. Э. Иверсена*: 1) О преподаваніи естественныхъ наукъ въ народной школѣ (три статьи); 2) Письма къ народнымъ учителямъ о вредѣ полевыхъ настѣжковыхъ (три письма). *П. О. Кантерева*: 1) Методъ и примѣненіе; 2) Спенсеръ, какъ педагогъ, и его русскіе критики (4 статьи). *П. Кирпотенко*: рецензія на книги г. Меліоранскаго: «Вопросникъ по логикѣ для элементарныхъ училищъ» и «Учебный матеріалъ къ вопроснику, для обучающихся». *Е. П. Карновича*: Повѣствованія изъ русской исторіи: великая княгиня Ольга; 2) русскія лѣтописи; 3) извѣстія русскихъ лѣтописей о чрезвычайныхъ явленіяхъ природы; 4) печенѣги, торки, половцы, ендее и черныя влобузи; 5) войны русскихъ съ меченосцами; 6) хожденіе орду русскихъ князей; 7) псковское княжество; 8) великіе и удѣльные князья. *Барона Н. А. Корфа*: 1) Значеніе народной школы и педагогическія знанія для общества; 2) Парижская всемірная выставка (4 ст.) *А. Кочетова*: 1) Начальныя народныя училища Московскаго уѣзда; 2) Дѣятельность Мариупольскаго земства по народному образованію. *Всеи. И. Мироньскаго*: Историческій очеркъ народнаго просвѣщенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки (7 ст.). *Я. Т. Михайловскаго*: 1) двѣ рецензіи на книжки: а) «Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополь», съ чешскаго, *Б. П. Побѣдоносцева* и б) «Историч. хрестоматія по рус-

ской исторіи гг. Гуревича и Павловича; 2) Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы (двѣ статьи). *Н. Н. Островской*: Должно ли существовать наглядное обученіе, какъ отдѣльный предметъ? *Б. А. Павловича*: О подвижныхъ школахъ Швеція и Норвегія. *Е. Рейнбота*: О томъ какъ человекъ выдѣлываетъ бумажную пряжу изъ хлопчатника и какъ червячокъ-шелкопрядъ самъ приготовляетъ шелковую пряжу. *И. С. Ремезова*: А. В. Ступинъ и его школа живописи. *А. Самуя*: Помощь при начальномъ обученіи арифметикѣ (двѣ статьи съ чертежами). *Д. Д. Семенова*: Основы педагогическаго образованія народныхъ учителей въ Кубанской учительской семинаріи. *О. К. Семеновою*; Первый шагъ дитяти въ школь. *А. О. Соколова*: 1) О слияніи звуковъ въ обученіи грамотѣ; 2) Отчего много времени тратится на прохожденіе букваря? *Д. И. Тихомирова*: 1) Отношеніе грамматики къ правописанію въ элементарномъ обученіи; 2) Экзамены на льготу при отбываніи воинской повинности. *В. И. Фармаковскаго*: 1) Учитель-сельскій писарь; 2) Наканунѣ реформы (изъ жизни нашей народной школы) *И. О. Фесенко*: 1) Вліяніе антипедагогической школьной обстановки на дѣтское дѣтей; 2) Германскія ремесленныя школы (рядъ статей); 3) критическая статья о книгѣ г. Евстафіева: «Начальныя основанія педагогики, методики и дидактики». *И. И. Шалфеева*: Первое пятилѣтіе Курской земской учительской школы, и проч. Кромѣ того, въ каждой книжкѣ «Народной Школы» помѣщалась «Педагогическая хроника» (А. П. Пятковскаго), въ которой подробно разсматривались всѣ важнѣйшіе вопросы, возникавшіе у насъ, за это время, въ сферѣ народнаго образованія, какъ напримѣръ: о дѣятельности разныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ на пользу начальной школы; о обязательности обученія; объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго положенія народнаго учителя; о подвижныхъ школахъ; о совмѣстномъ обученіи дѣтей обоего пола; объ устройствѣ библиотекъ при школахъ и о народныхъ читальняхъ; о чтеніяхъ для народа; о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи; о ремесленныхъ школахъ; о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ; объ образованіи инородцевъ и проч. и проч. Въ отдѣлѣ «Политическихъ Извѣстій» разсказана была, въ связныхъ, послѣдовательныхъ очеркахъ вся исторія русско-турецкой войны отъ паденія Плевны до занятія Санъ-Стефаню и возстановленія автономнаго Болгарскаго княжества. Въ отдѣлѣ «Разныхъ Извѣстій» сообщались свѣдѣнія, любопытныя для народнаго учителя по части народнаго образованія, сельскаго хозяйства, общественной гигиены а также крупныя факты изъ нашей внутренней политической жизни.

Имѣя возможность сдѣлать доступнымъ приобрѣтеніе оставшихся полныя экземпляровъ 1878—79 гг., и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ не могли своевременно подписаться на нихъ, редація предлагаетъ нынѣ въ писывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 руб. оба года, по 6 руб. съ пересылкою. При подпискѣ же на текущій годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА НАРОДНАЯ ШКОЛА

Въ 1882 ГОДУ.

(четыренадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярїи по учрежденїямъ Императрицы Марїи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенїя и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1882-мъ году на прежнихъ основанїяхъ, при участїи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) Законодательство по народному образованію. II) Педагогика и дидактика. III) Исторїя народнаго образованїя. IV) Критика и библиографїя. V) Новости и смѣсь. Этотъ отдѣлъ вполне соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названїемъ педагогической хроники) всѣхъ наиболее интересныхъ явленїй въ области народнаго образованїя въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагаетъ, по временамъ, хроника народнаго образованїя въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою «разныхъ извѣстій», любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнїя по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) Приложенїя къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связаннаго разсказа о политическихъ событїяхъ за границу; б) чтенїя для народа по всѣмъ предметамъ знанїя и пр.

Въ прошломъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѣ» принимали участіе своими трудами: *А. И. Анастасіевъ, А. С. Вирениусъ, В. Ф. Фонъ-Болъ, В. С. Гербачъ, Я. Г. Гуревичъ, И. П. Золотницкій, А. Г. Ивановъ, П. О. Каптеревъ, Е. П. Карновичъ, баронъ Н. А. Корфъ, Всев. И. Миропольскій, Я. Т. Михайловскій, П. А. Мясоѣдовъ, Ф. Ф. Резенеръ, И. О. Фесенко, И. И. Шалфеевъ* и др.

Для наступившаго года, въ распоряженїи редакціи имѣется уже много новыхъ матеріаловъ, которые вошли, частїю, въ первыя семь книжекъ (январь—іюль).

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1882 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложенїями, четыре рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою или доставкою. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ главную контору «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», С.-Петербургъ, Поварской переулковъ, д. № 5.

Имѣя возможность сдѣлать доступнымъ приобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ нынѣ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 р. за оба года, по 6 руб. съ пересылкою. При подпискѣ же на текущій годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. с.

Экземпляры журнала за 1880 г. всѣ разошлись по подпискѣ.

Редакторъ-издатель А. Пятковскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книжки*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же номеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать 3 семикопѣчныя почтовые марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными въ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленные безъ опредѣленія условій гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. 7) Для личныхъ объясненій съ Редакторомъ, во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, просятъ обращаться въ Главную Контору журнала «Наблюдатель» (Поварск. пер. № 5) по четвергамъ, отъ 12 до 2 ч. дня. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою: за страницу 15 руб. и за $\frac{1}{2}$ стр.—8 руб.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

33

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
MAR 16 1981

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. АВГУСТЪ. 1882 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
I. Торжество правосудія. Романъ. (Главы XII—XIX). <i>Д. И. Стахъева</i>	3	IX. Фетишь. Гл. I—IV. Повесть <i>Ю. Г. Завистыкина</i>	206
II. Народность во вѣншей политикѣ Москвы I—V. <i>Е. П. Карновича</i>	49	Современное обозрѣніе.	
III. Два стихотворенія: 1) Волна и 2) Баянъ. <i>Гор-ва</i>	72	X. Экономическіе этюды (Пятый вопросъ). <i>Е. Е. Карцева</i>	246
IV. Язвы Петербурга. VIII. Скорбныя цифры. <i>В. О. Михневича</i>	74	XI. Наши внутреннія дѣла.	261
V. Братья Рамулты. Современная повѣсть. Главы VI—X. <i>И. Крашевскаго</i>	91	Нѣсколько чертъ изъ общественной жизни.—Пунктъ совпаденія разнообразныхъ партій и мнѣній.—Возможно только двойная постановка въ разрѣшеніи вопроса о мѣстномъ управленіи.—Боязнь «ломки» и стремленіе къ «приспособленіямъ». — Прихоть изъ исторіи «приспособленій». — Неразрывность вопросовъ о центральномъ и мѣстномъ управленіи.—Департаменты, ихъ исторія и значеніе.—Взглядъ Д. П. Тropicнскаго на департаменты.—Поднятіе авторитета и значенія центральнаго и мѣстнаго управленія.—«Пустопорожни» теоріи и причины ихъ народженія.	
VI. Австрійскіе русскіе и Львовскій процессъ. <i>В. И. Модестова</i>	140	(См. на оборотѣ).	
VII. Дипломатія и любовь. Гл. XV—XIX. Романъ <i>Юганна фонъ-Девала</i>	163		
VIII. Два стихотворенія: 1) Дуна. 2) Сумашедшая. <i>Ф. Андерева</i>	204		

<p>XII. Политическая хроника</p> <p>Неустойчивое положеніе французскаго министерства.—Леонаъ Сэ и Финавсовые проекты.—Эмберъ и судебная реформа.—Гобля и децентрализація.—Вопросъ о разводѣ.—Сенать.—Египетскій вопросъ.</p> <p>XIII. Новыя книги: 1) <i>Польская Библіотека. Р. И. Семетковскаго.</i> Спб. 1882 г. 2) <i>Въ странѣ свободы. П. Огородникова.</i> Спб. 1882 г. 3) <i>Больные люди. А. И. Пальми.</i> 4) <i>Элементарный учебникъ</i></p>	<p>Стр. 280</p> <p><i>уголовнаго права, съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства. Часть общая. Ордин. профессора университета св. Владиміра А. Ѳ. Кистяковскаго.</i> Кіевъ. 1882 г. 295</p> <p>XIV. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): Рябь и зыбь роднаго прогресса. (Букуевская жатва на желѣзнодорожной нивѣ). <i>И. Ф. Василевскаго</i> (Буквы). 309</p> <p>Содержаніе книги № 8. 320</p>	<p>Стр.</p>
--	--	-------------

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По соглашенію съ издателемъ прекратившейся (на 5-й книгѣ) «Русской Рѣчи», всѣ платные подписчики послѣдней удовлетворены экзemplярами нашего журнала, и притомъ начиная съ 1-го №, въ виду разницы подписной цѣны. При этомъ редакция «Наблюдателя» считаетъ нужнымъ присовокупить, что *ни къ какому иному способу удовлетворенія* подписчиковъ «Русской Рѣчи» она не обязывалась. Гг. подписчики «Русской Рѣчи», пользующіеся разсрочкой подписныхъ денегъ, благоволятъ высылать слѣдующіе взносы въ редакцію нашего журнала.

Подписчикамъ «Наблюдателя», не доставшимъ свои взносы до полной подписной цѣны, *высылка журнала прекращена* впредь до полученія остальной суммы.

Гг. подписчики, мѣняющіе свои адреса, благоволятъ высылать марками 21 коп., безъ чего не будетъ сдѣлана перепечатка адреса.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 8-й. А В Г У С Т Ъ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., № 5.

Типографія д-ра М. А. Хана. Поварской пер., № 2.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 Г. НОВАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно съ 1-го января 1882 г., безъ предварительной цензуры, по программѣ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Гг. служащимъ дѣляется разсрочка при посредствѣ казначеевъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулочъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Въ Главной Конторѣ «Наблюдателя» имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія редакціи:

1) Полное собраніе сочиненій **Д. В. Веневитинова**, изд. под редакцію **А. П. Пятковскаго**, съ портретомъ автора, факсимиле и статью о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862 г. 3-е изд. (Осталось небольшое количество). Ц. 1 р. 25 к.; перес. за 1 ф.

2) **Князь В. О. Одоевскій**. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. **А. П. Пятковскаго**. Спб. 1880 г. (Печатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ). Ц. 75 к. въс. 1 ф.

Иногородные подписчики «Наблюдателя», приславшіе по ошибкѣ за годовой экземпляръ 16 р. вмѣсто 14-ти, получаютъ, вмѣстѣ излишне-высланныхъ денегъ, объ поименованныя книги, причемъ пересылку редакція принимаетъ на свой счетъ.

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСУДІЯ.

РОМАНЪ.

XIV.

Тѣло Валерьяна Ивановича уже лежало на столѣ въ залѣ; дьячокъ монотонно читалъ псалтырь; какія-то двѣ старушки, очевидно жившія въ этомъ же домѣ и забравшіяся въ квартиру покойнаго подъ благовиднымъ предлогомъ поклониться его праху, стояли въ концѣ залы и перешептывались между собою, оглядывая стѣны, потолоки, мебель.

— И—и, матушка, большой былъ человекъ, большой, и, сказываютъ, до самого царя доходить могъ, шептала одна съ сокрушеніемъ сердечнымъ, покачивая головой и приложивъ палецъ правой руки къ своимъ сморщеннымъ въ комочекъ губамъ.— Какъ, поди, матушка, не большой, добавила другая старушка, —этакое вездѣ у него богатство; прислуги, сказываютъ, въ домѣ-то видимо-невидимо и три кучера...

Въ кабинетѣ въ это время производилась опись имущества Валерьяна Ивановича, для охраненія его по установленному закономъ порядку. Ни Викторія Александровна, ни княгиня съ вяземъ Павломъ при этомъ не присутствовали. Они сидѣли въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ. Викторія Александровна плакала и по временамъ склоняла голову къ столу, закрывъ лицо руками. Княгиня босилась на двери и на плачущую дочь, и на князя Павла, который, сидя около Викторіи Александровны, держалъ въ рукахъ вагю-то селяночку, готовый ежеминутно подать ее плачущей вдовѣ. Елена Модестовна не обращала вниманія на это видимое

ухаживанье брата за ея дочерью. Лицо ея имѣло суровое выраженіе, глаза еще дальше углубились подъ лобъ, и тонкія губы по временамъ нервно подергивались. Она не сказала ни одного слова утѣшенія; напротивъ, какъ будто злорадствовала, когда плачь дочери переходилъ въ нервное рыданіе.

— Старайся, мой другъ, удерживайся, владѣй своими нервами, съ участіемъ замѣчай по временамъ князь Павелъ, когда рыданія Викторіи Александровны дѣлались сильнѣе.

При такихъ словахъ брата, Елена Модестовна, явно разсерженная ими, отворачивалась съ нескрываемымъ гнѣвомъ въ противоположную отъ дочери сторону, и сжимала въ костлявой рукѣ свой батистовый платокъ. «Все рушилось теперь», мрачно думала она, «обезпечилъ онъ, можетъ быть, свою семью какиминибудь грошами, не болѣе». И мысли ея тревожно и беспорядочно путались между собой, вспоминались ей разныя неприятыя обязательства, одолженія и т. под.; казенная квартира, изъ которой ее уже нѣсколько разъ вѣжливо просили удалиться, вліятельный женихъ племянницы, за котораго она такъ охотно желала ее сбыть,—все разомъ поднялось въ воображеніи Елены Модестовны, и тяжесть скорби, переживаемой ею въ этотъ день, дѣлалась еще чувствительнѣе.

Утѣшеніе и участіе князя Павла, оказываемыя имъ Викторіи Александровнѣ, превзошли наконецъ мѣру терпѣнія княгини, и она, порывисто поднявшись со стула, зашиѣла:

— Что вы тратите время въ безплодныхъ и вовсе ненужныхъ убаюкиваньяхъ! Идите туда, въ тѣ комнаты; тамъ приставъ и тотъ... поповичъ. Отчего же вы уклоняетесь?—вы имѣете право, вы родственникъ. Идите, узнайте, по крайней мѣрѣ, какъ онъ распорядился своимъ имуществомъ; узнайте, наконецъ, гдѣ Сергѣй, пошлите его разыскивать. Ахъ, несчастный, несчастный!

Сережа однакоже былъ въ это время дома. Онъ такъ и не показался ни матери, ни бабушкѣ, ни дядѣ. Незамѣтно юркнувъ къ себѣ въ комнату, онъ лежалъ теперь на кровати, заложивъ обѣ руки за голову и уставивъ глаза въ потолокъ на одну какуюто точку. «Все это скотина, Васька, виноватъ, ропталъ онъ,—еслибы

не Васьба, я бы давнымъ давно былъ дома; и деньги были бы пѣлы, и не вышло бы такой гадости, какая теперь случилась».

Въ кабинетѣ, въ это время, уже составили опись имущества Валерьяна Ивановича и перешептывались о завѣщаніи, не зная, гдѣ оно и кому передано.

Петръ Ивановичъ вопросительно смотрѣлъ на Стулова, изумленный въ первый разъ услышаннымъ извѣстіемъ о томъ, что покойный Валерьянъ Ивановичъ все-таки успѣлъ составить завѣщаніе. Стуловъ, красный, съ растрепанными волосами, не имѣвшій въ этотъ день, съ самаго его разсвѣта, свободной минуты, и изумленный больше всѣхъ другихъ исчезновеніемъ завѣщанія, торопливо и съ сильной жестивуляціей разсказывалъ подробности этого утра:—какъ Валерьяну Ивановичу сдѣлалось дурно, какъ онъ послалъ къ священнику и такъ далѣе, и всего чаще обращался съ своими объясненіями къ судебному приставу.

Судебный приставъ, какъ человѣкъ незнакомый съ отношеніями покойнаго Валерьяна Ивановича къ его семьѣ, высказалъ было предположеніе, что завѣщаніе можетъ быть у Викторіи Александровны, но Стуловъ рѣшительно заявилъ, что этого случиться не могло и указалъ на о. Макарія и на Григорія Геннадіевича, какъ на лицъ, у которыхъ всего скорѣе оно должно находиться.

— Ну, это уже вопросъ для меня посторонній, заявилъ приставъ и распрощался. Однакоже Стуловъ не успокоился. Онъ сбѣгалъ сначала въ верхній этажъ къ Кожевникову—узнать, у него-ли завѣщаніе, и когда оказалось, что Григорія Геннадіевича дома нѣтъ, подчинился необходимости подождать прихода о. Макарія, который долженъ былъ чрезъ нѣсколько времени явиться на панихиду.

Князь Павелъ, намѣревавшійся, по совѣту сестры, быть свидѣтелемъ при составленіи охранительной описи имущества Валерьяна Ивановича, встрѣтилъ Стулова въ передней, когда тотъ возвращался отъ Кожевникова. Онъ покровительственно кивнулъ головой, и когда смутившійся Стуловъ выразилъ явную нерѣшительность, идти впередъ, или назадъ, князь милостиво протянулъ ему лѣвую руку и съ напускною вяlostію проговорилъ, медленно произнося одно слово за другимъ:

— Если память мнѣ не измѣняетъ, мы съ вами, кажется, встрѣчались у Валерьяна.

— Да-съ, точно такъ... Имѣлъ честь, отвѣтивъ Стуловъ, кивнувъ своей большой мохнатой головой вмѣсто поклона, и въ памяти его промелькнуло представленіе нѣсколькихъ встрѣчъ съ княземъ, во время которыхъ Павелъ Модестовичъ никогда не обращалъ на него никакого вниманія.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, что эти тамъ... господа... что они, приступили уже къ составленію описи?

— Все уже сдѣлано, князь, и приставъ уѣхалъ.

— А—а! съ важностію протянулъ Павелъ Модестовичъ, и только что Стуловъ выразилъ намѣреніе продолжать свой прерванный путь, какъ милостивая улыбка вновь появилась на толстыхъ губахъ князя.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, обратится онъ къ Стулову,—вы, если только вѣрно мнѣ передавали, вы, кажется, были тамъ... въ тѣ минуты, когда повойный Валерьянъ составлялъ завѣщаніе?

— Да, я былъ!

— Скажите мнѣ, пожалуйста, въ чемъ сущность завѣщанія... кому и сколько?

— Повѣрьте, еслибъ я зналъ, еслибъ я хотя что-нибудь помнилъ изъ событій этого утра, я бы вамъ первымъ и съ величайшею готовностію... Но вотъ ей-Богу (онъ горячо прижалъ руки къ груди) ей-Богу-же ничего не помню...

Князь надменно откинулъ голову назадъ и, не говоря ни слова, повернулся къ Стулову спиной.

Вскорѣ пришелъ о. Макарій и еще не успѣлъ даже притворить за нимъ двери, какъ Стуловъ быстро зашепталъ ему:

— Батюшка! Вамъ Валерьянъ Ивановичъ передалъ бумагу... ту, помните... завѣщаніе?..

О. Макарій, снимая верхнее платье, тревожно оглянулся назадъ, точно боясь, не услышалъ бы кто лишній ихъ разговоръ, и тихо отвѣтилъ:

— У Григорія Геннадіевича.

Такого отвѣта Стуловъ не ожидалъ и какъ-то вдругъ опѣшилъ;

въ глазахъ мелькнуло выраженіе испуга, темныя щеки, почти до половины обросшія бородой, вдругъ сдѣлались еще темнѣе. Онъ невольно оглянулся назадъ, тоже какъ будто боясь, чтобы не услышалъ отвѣта о. Макарія кто нибудь лишній. Но пока о. Макарій одергивалъ свою рясу и заправлялъ русыя пряди волосъ за уши, готовясь войти «въ апартаменты», Ѳеодоръ Прохоровичъ уже овладѣлъ своимъ изумленіемъ и пошелъ за о. Макаріемъ въ залъ.

— Завѣщаніе у Григорія Геннадіевича, шепнулъ онъ Петру Ивановичу.

— Слышу, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, не придавъ этому извѣстію никакого значенія.

— Необходимо къ нему зайти послѣ панихиды и взять завѣщаніе, тихо добавилъ Ѳеодоръ Прохоровичъ, косясь на входившихъ въ это время въ залу родственниковъ покойнаго Валерьяна Ивановича.

— Да, я, конечно, зайду; но, можетъ быть, онъ и самъ сюда придетъ на панихиду...

О. Макарій облачился уже въ рясу и, сохраняя на своемъ лицѣ скорбное выраженіе, вопросительно взглянулъ на княгиню, какъ бы испрашивая этимъ взглядомъ разрѣшенія «приступить къ службѣ». Въ залѣ собрались всѣ члены осиротѣвшей семьи Валерьяна Ивановича, нѣкоторые изъ близкихъ родственниковъ княгини и десятка два постороннихъ. Григорія Геннадіевича однако же между ними не было. Двѣ старушки въ темныхъ платьяхъ, перешептывавшіяся между собою, пока въ залѣ никого не было, обазались теперь уже за дверями, въ передней, такъ какъ лакей, одѣтый въ модный фракъ, не призналъ возможнымъ допустить ихъ присутствіе въ залѣ въ то время, когда тутъ же находятся «его господа».

XV.

Вечеромъ, въ семь часовъ, была отслужена вторая панихида, на которую съѣхалось въ квартиру Валерьяна Ивановича до сотни лицъ всякаго чина и званія: и сановники, и банкиры, и именитые вупцы, и биржевые зайцы, съ которыми Валерьянъ Ивановичъ,

осуществляя свои финансовые прозекты и операціи, имѣлъ когда-то разнообразныя дѣла, и теперь получалъ за это послѣдніе визиты. въ большинствѣ—визиты приличія и прайднаго любопытства.

Въ залѣ, не смотря на ея большіе размѣры и открытыя вентиляторы, стала ощущаться въ концѣ панихиды духота отъ горящихъ свѣчей и кадильнаго дыма. Печальное пѣніе пѣвчихъ, прерываемое по временамъ глухими рыданіями Викторіи Александровны, всегда страдавшей разстройствомъ нервъ; унылыя и заплаканныя лица нѣкоторыхъ дамъ, близкихъ въ семейству Лачужникова и, само собою разумѣется, успѣвшихъ нарядиться въ черныя платья—наконецъ, покойницъ, лежавшій на возвышеніи съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ, съ закрытыми и глубоко-ввалившимися глазами—все это, вмѣстѣ взятое, не могло бы, казалось, не производить на собравшихся тяжелаго впечатлѣнія. Между тѣмъ, всматриваясь въ лица присутствовавшихъ, освѣщаемыя притомъ горѣвшими въ ихъ рукахъ свѣчами, можно было замѣтить въ большинствѣ какое-то тупое равнодушіе и скуку, точно они были заняты только одною думою, а именно о томъ, «скоро-ли прекратится вся эта скучная процедура». Въ дальнихъ рядахъ, въ особенности поближе къ дверямъ, ведущимъ въ переднюю, тамъ даже, ничуть не стѣсняясь, позѣвывали, оглядывались, шептались и уходили въ переднюю: «ничего, молъ, интереснаго нѣтъ, и пора домой».

Оглядывался и перешептывался съ нѣкоторыми личностями и Федоръ Прохоровичъ Стуловъ, чѣмъ-то, повидимому, сильно встревоженный. Хотя онъ и имѣлъ благоприличный видъ, и волосы на его огромной головѣ не топорщились, а были даже припомажены, и черный сюртукъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, и узелъ галстука, сбившійся въ продолженіе дня на затылокъ, былъ на своемъ мѣстѣ; но все это ничуть не могло скрыть тревожнаго состоянія духа Федора Прохоровича, хотя скрыть его онъ явно заботился. Блуждая пытливомъ взглядомъ по лицамъ многочисленной толпы, собравшейся въ залѣ, онъ старался какъ можно медленнѣе поворачивать головой по сторонамъ, для того чтобы не дать повода къ подозрѣнію, что «вотъ, молъ, Федоръ Прохоровичъ о чемъ-то беспокоится—ужь не случилось-ли чего-нибудь съ завѣщаніемъ

покойнаго Валерьяна Ивановича». Высматривая въ толпѣ какое-то нужное ему лицо и не находя его, Федоръ Прохоровичъ по временамъ терялъ свою осторожность и, самъ того не замѣчая, крутилъ въ кулакѣ правой руки свою бороду и кусалъ ея концы. Черезъ нѣсколько времени, онъ нашелъ нужнымъ перейти на другое мѣсто и сдѣлалъ этотъ переходъ съ большою осторожностью и медленностью, опять таки для того, чтобы не вызвать въ комъ нибудь подозрѣнія насчетъ своего разстроеннаго душевнаго состоянія. Онъ подобрался наконецъ къ какому-то господину, уныло и задумчиво стоявшему съ горящей свѣчей въ рукахъ, и прошепталъ ему: «здравствуйте». Тотъ вздрогнулъ, изумившись, что Федоръ Прохоровичъ вдругъ, точно изъ земли, выросъ предъ нимъ, и чрезъ двѣ—три минуты шепота, съ удивленіемъ спросилъ:

— Такъ вы говорите, что покойникъ передалъ ему завѣщаніе?

— Да, передалъ...

— Ахъ, напрасно, напрасно!

— Почему же, помилюйте! Неужели изъ этого непріятное можетъ произойти? зашепталъ Федоръ Прохоровичъ, стараясь разубѣдить собесѣдника, а самъ между тѣмъ тревожно вслушивался въ его слова и почти съ замраніемъ сердца оглядывалъ окружающія его лица, видимо ища между ними кого-то.

— Не знаю, не знаю, задумчиво отвѣчалъ на его шепотъ собесѣдникъ; — можетъ быть, конечно, все можетъ быть, — продолжалъ онъ, — но, скажу вамъ откровенно, я всегда сомнѣвался въ немъ и никогда ему не довѣрюсь.

— А вы его не видали здѣсь? Онъ, должно быть, тамъ впереди, около священника? спросилъ Федоръ Прохоровичъ.

— Нѣтъ, что-то не видать.

— Тамъ должно быть.

Федоръ Прохоровичъ проговорилъ эти слова тономъ спокойнаго человѣка и, молча пожавъ руку собесѣдника, сталъ перебираться на другое мѣсто съ тою же дальновидною цѣлью не подать кому-то какого-то повода. Высмотрѣвъ въ толпѣ новое знакомое ему лицо, онъ подобрался къ нему и, не говоря даже привѣтствія, прямо взялъ его за руку. Этотъ второй знакомый, какъ видно, былъ въ

болѣе близкихъ въ нему отношеніяхъ, чѣмъ первый. Онъ, до прихода Федора Прохоровича, видимо скучалъ и, подь звуки унылаго пѣнія, исковырялъ во многихъ мѣстахъ ногтемъ бывшую въ его рукахъ зажженную свѣчу; но какъ только Федоръ Прохоровичъ зашептался съ нимъ, то не только свѣча, но и вся панихида и вся окружающая его многочисленная толпа—все точно вдругъ куда-то исчезло и уступило мѣсто одному интересному шепоту.

— Неужели, неужели? изумленно спросилъ онъ.

Шепотъ его показался Федору Прохоровичу не довольно тихимъ, и онъ молча дернулъ его за полу сюртука, предупреждая этимъ, что разговоръ слѣдуетъ вести какъ можно тише.

— Такъ неужели, въ самомъ дѣлѣ, къ нему въ руки попало завѣщаніе?

— Да... Изумительно!

— И теперь его дома нѣтъ?

— Нѣту. И здѣсь нѣту...

— И на панихиду, значить, не пришелъ?

— Нѣтъ.

— Да вы посмотрите хорошенько, проберитесь туда въ первые ряды, нѣтъ-ли тамъ...

— Да нѣтъ же, Господи, неужели я такъ близорукъ! Я уже смотрѣлъ во всѣ глаза, — отвѣчалъ Федоръ Прохоровичъ. — Представьте себѣ, — продолжалъ онъ, — какъ все неожиданно случилось. Сдѣлалось ему вдругъ дурно, я совсѣмъ, совсѣмъ растерялся, не зналъ, куда вкнуться; смутно сознаю, что необходимо свидѣтеля для подписи завѣщанія и второпяхъ побѣжалъ къ нему, благо ближе всѣхъ живетъ. И какъ это вдругъ случилось, что оно попало къ нему въ руки — рѣшительно не понимаю. Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ покойнаго, чтобы онъ, при его умѣ и знаніи людей, могъ такъ ему довѣриться. Вѣдь зналъ же онъ очень хорошо, какою славой пользуется Григорій Геннадіевичъ.

— Да онъ, вѣроятно, возвратитъ, — замѣтилъ наконецъ слушатель, — дѣло такое, можно сказать, ужь очень грѣховное — не рѣшится. Человѣкъ, знаетъ, богобоязненный и староста притомъ церковный. Возвратитъ, я думаю...

— Гм... можетъ быть... Кто его знаетъ... я полагаю... А все же опасно, человекъ-то онъ таковой, особенный...

— Знаю, знаю, какъ не знать Григорія Геннадіевича, мало-ли случаевъ бывало.

— Да, да, вотъ! со вздохомъ подхватилъ Стуловъ,—помните, исторія съ доможъ-то его на Бассейной? Говорятъ, что въ этой покупкѣ дѣло было не безъ грѣха.

— Кто знаетъ, какъ людей судить. Можетъ быть, онъ и не виноватъ.

— Ну, а исторія съ лавкой-то его въ гостиномъ. Вѣдь неправильно-же онъ ее оттягалъ?

— Что говорить! прервалъ слушатель,—такихъ дѣлъ у него бывало немало, ну только здѣсь, въ этомъ-то дѣлѣ, я полагаю, онъ посовѣстится, да и какая выгода!

— А если вдругъ да войдетъ въ соглашеніе... Завѣщаніе-то въ его рукахъ; вы думаете, онъ не понимаетъ, что теперь у него въ карманѣ вся судьба и Сергѣя Валерьяновича, и Викторіи Александровны, а съ ними вмѣстѣ и всей княжеской родни.

— Ну, нѣтъ, на это онъ не пойдетъ.

— Дай Богъ, дай Богъ! зашепталъ Стуловъ и торопливо перекрестился, уловивъ ухомъ какое-то молитвенное слово изъ панихиды.

Петръ Ивановичъ не видѣлъ тревогъ Стулова, не замѣчалъ и никого другого. Онъ стоялъ за спиной священника, низко опустивъ голову, и слезы катились по его пухлымъ щекамъ. Каждое слово, произносимое о Макаріемъ, каждое слово изъ пѣнія пѣвчихъ—все онъ слышалъ и горячо принималъ въ сердцу. Пламень горящихъ свѣчей отражался на его блестящей лысинѣ, и свѣча, бывшая у него въ рукахъ, сильно отекала отъ его молитвенныхъ вздоховъ и поклоновъ.

Сережа восмися на него съ недоумѣніемъ и даже съ оттѣнкомъ боязни на лицѣ. Онъ уже слышалъ кое-что о томъ, что отецъ, умирая, завѣщалъ все свое богатство Петру Ивановичу. Однако справедливость требуетъ упомянуть, что хотя впечатлѣнія бурно проведенной ночи уже совершенно ступшевались въ его па-

мяти, но образъ какого-то Васьки беспокоилъ его даже и теперь во время панихиды. «Разумѣтся, все равно—утѣшалъ онъ самъ себя—дома-ли я ночевалъ, или внѣ дома, это не имѣеть никакого отношенія къ смерти отца: онъ точно такъ же умеръ бы при мнѣ, какъ умеръ безъ меня. Но все-таки Васька свинья: объяснялъ же я ему, что мое положеніе исключительное и надо торопиться домой; нѣтъ таки, уговорилъ. Зачѣмъ же онъ, гадкій, меня уговаривалъ? Теперь сколько внушеній, совѣтовъ и упрековъ придется перенести отъ бабушки!»

Бабушка, разумѣтся, не подозрѣвала его думъ и даже не обращала на него никакого вниманія. Она стояла около окна въ значительномъ отъ Петра Ивановича разстояніи и тоже усердно молилась, часто опускалась на колѣни; но ни одной слезинки не было видно на ея лицѣ, и надменное, почти презрительное выраженіе замѣчалось въ немъ въ тѣ мгновенія, когда она взглядывала на тучную фигуру стоявшаго къ ней бокомъ Петра Ивановича. Искрѣдка она останавливала пытливый взглядъ на траурной ризѣ о. Макарія, всматриваясь въ рисунокъ ея бѣлаго позумента, и упрекала себя, что такъ непредусмотрительно отпустила его утромъ изъ кабинета зятя, не разспросивъ подробно о томъ, что именно написано въ завѣщаніи. «Онъ знаетъ о содержаніи завѣщанія, натурально онъ знаетъ, какъ свидѣтель и духовникъ», размышляла она, чувствуя легкій укоръ совѣсти за то, что такому тихому и вроткому человѣку, каковымъ признавала она о. Макарія, быть предпочтенъ ею Григорій Геннадіевичъ Кожевниковъ.

«Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурей»... донеслось до ея слуха. На мгновеніе оторвавшись отъ своихъ думъ, Елена Модестовна перекрестилась; но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ отдалась воспоминанію прошедшаго утра, давшаго ей такъ много сильныхъ впечатлѣній—и гнѣвъ на покойнаго Валерьяна Ивановича, и досада на его брата, и страхъ за будущее—одновременно терзали ея душу... Необходимо, необходимо какъ нибудь все это поправить, измѣнить,—думала она,—надо всѣ силы для этого собрать, надо князя Павла поднять на ноги... Все-таки онъ былъ когда-то

въ училищѣ правовѣдѣнія и помнить что нибудь... Ахъ, ораторъ, ораторъ!—покосилась она на него съ досадою.

Князь Павелъ Модестовичъ, между тѣмъ, самъ, безъ всякаго указанія сестры, уже озаботился о томъ же вопросѣ, о которомъ думала Елена Модестовна. Онъ стоялъ около нея, сгорбленный и осунувшійся. Думы его сосредоточивались на одномъ, а именно: на какихъ основаніяхъ можно начать процессъ съ Петромъ Ивановичемъ и отнять у него тѣ права, которыя передалъ ему Валерьянъ Ивановичъ.—«Какъ регламентировано завѣщаніе—сообразялъ онъ,—это очень важно! Но при этомъ, однакоже, нельзя упустить изъ виду и то обстоятельство, что если признать завѣщаніе законнымъ въ самомъ актѣ его составленія, то задача можетъ ужасно осложниться: тогда на одной регламентаціи далеко не уѣдешь».

«Путь узкій ходшій прискорбный вси въ житіи вкрестъ свой ябо яремъ вземши»... пѣли пѣвчіе, но слова пѣнія и печальный его тонъ нимало не тревожили Павла Модестовича, какъ чловѣка интеллигентнаго, имѣвшаго на «путь узкій» и на «крестъ» свой особый взглядъ. «Главное,—думалъ онъ,—не въ регламентаціи, главное въ признаніи правильнымъ самаго акта составленія завѣщанія».

Панихида оканчивалась. Тучный дьяконъ, широколицый и толстоносый, не возвышавшій до сихъ поръ своего голоса дальше октавныхъ нотъ, заунывно пробасилъ: «И сотвори ему вѣ—ѣчную па—амять» и потомъ съ отгѣнкомъ робости взглянулъ на о. Макарія, какъ бы желая объяснить ему этимъ взглядомъ, что взялъ ноту «въ мѣру и благоприлично» и что тише взять никакъ невозможно. О. Макарій замѣтилъ этотъ взглядъ и съ упрекомъ покачалъ головой—«какъ, молъ, не стыдно: и здѣсь даже, въ такомъ аристократическомъ домѣ, не могъ ты себя сдержать».

Спустя пять—шесть минутъ, зала опустѣла. Дымъ кадильный, высоко поднявшись, медленно расплывался въ воздухѣ; огонекъ передъ образомъ въ переднемъ углу и восковыя свѣчи около стола, на которомъ лежалъ Валерьянъ Ивановичъ съ открытымъ бѣлою кисеей лицомъ, слабо освѣщали громадную ком-

нату; чувствовалось какъ-то жутко при входѣ въ нее, и казалось, что стулья, длинными рядами вытянувшись около стѣнъ, испуганно пятятся дальше отъ покойника, намѣреваясь убраться въ переднюю, гдѣ такъ ярко свѣтитъ лампа въ высочомъ канделябрѣ. Между тѣмъ, чтець псалтыря, одинъ одиноконецъ въ пустынной залѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ покойникомъ, невозмутимо продолжалъ часъ за часомъ свое однотонное чтеніе. «Человѣкъ, яко трава; дни его, яко цвѣтъ сельній, тако отцвѣтеть, яко духъ пройде въ немъ и не будетъ и не познаетъ въ тому мѣста своего»... Читая, онъ оставался не только совершенно спокойнымъ, но даже съ пріятностію раздумывалъ о своихъ житейскихъ дѣлишкахъ: «три рубля сверхъ платы дадутъ,—думалъ онъ,—навѣрное дадутъ—домъ знатный и богатѣйшій».

XVI.

Въ дальнихъ комнатахъ дома, именно въ угловой гостиной, сосѣдней съ комнатами овдовѣвшей Викторіи Александровны, сидѣли въ это время князь Павелъ, княгиня и о. Макарій, предусмотрительно приглашенный ими къ Викторіи Александровнѣ «для утѣшенія ея въ тяжелой скорби» О. Макарій сидѣлъ около стола, осторожно положивъ правую руку на его край и сдержанно оглядывая комнату. Это оглядыванье вызвано было, впрочемъ, никакъ не любопытствомъ насчетъ того, «каковы-то, молъ, эти апартаменты въ сравненіи съ тѣми, которые я уже сподобился обозрѣть», а именно сомнѣніями, почему же самой Викторіи Александровны нѣтъ въ комнатѣ, тогда какъ ей-то, болѣе всѣхъ другихъ нуждающейся въ утѣшеніи, и слѣдовало тутъ быть. Сомнѣнія эти замѣтила Елена Модестовна и, въ оправданіе дочери, плачевно сказала.

— Ахъ, батюшка, я должна вамъ за нее извиниться, она такъ разстроилась, бѣдняжка...

Съ этими словами княгиня приложила къ своимъ сухимъ глазамъ батистовый платокъ и замолчала, какъ бы тоже подавляемая скорбію.

О. Макарій сказалъ ей въ утѣшеніе что-то въ родѣ того, что «вся наша жизнь—юдоль плача, и нужно съ покорностью переносить посылаемыя Господомъ испытанія», и смолкъ, смущенный немало и тѣмъ, что князь Павелъ Модестовичъ велъ себя нѣсколько странно и даже какъ будто не замѣчалъ его присутствія въ комнатѣ. Князь, въ продолженіе почти четверти часа, сидѣлъ молча, утонувъ въ мягкомъ креслѣ и закинувъ ногу на ногу. Глаза его были закрыты, голова поникла на грудь и только по движенію его правой руки, которою онъ часто гладилъ, по направленію отъ лба къ затылку, свои коротко остриженные волосы, можно было заключить, что онъ не спитъ, а бодрствуетъ.

— Я бы желала, батюшка, съ грустію начала княгиня, я бы желала услышать отъ васъ подробности о послѣднемъ вашемъ свиданіи съ покойнымъ Валерьяномъ и записать. Сережѣ это будетъ потомъ назиданіемъ и поддержкой (въ голосѣ ея послышались слезы) на трудномъ жизненномъ пути.

Она опять закрыла глаза платкомъ.

— Если благоугодно будетъ вашему сіятельству, предложитъ о. Макарій, то я самолично изложу все съ достодожною тщательностію.

— О нѣтъ, зачѣмъ же вамъ трудиться! Я сама... Когда я соберу отъ всѣхъ свѣдѣнія, я сдѣлаю, если можно такъ сказать, общій сводъ всего слышаннаго и запишу.

— Какъ вамъ будетъ благоугодно.

— Да, сказала княгиня,—подбираясь незамѣтно для о. Макарія къ трудной части своего съ нимъ разговора, конечной цѣлью котораго было узнать содержаніе завѣщанія покойнаго Валерьяна Ивановича. Она потому съ такою осторожностію подходила къ этому разговору, что уже знала по горькому опыту, какъ не откровенны Кожевниковъ и Стуловъ, а слѣдовательно (какъ думала она) и Петръ Ивановичъ, и вела рѣчь съ о. Макаріемъ издалека.

— Да, Валерьянъ былъ прекрасный человекъ, благородный, высокаго ума, со вздохомъ продолжала она; но вдругъ, совершенно неожиданно, всѣ ея подходы разрушилъ князь Павелъ Модестовичъ.

— Валерьянъ былъ финансовый геній, да! сказалъ онъ, под-

нявшись со стула и обращаясь къ о. Макарію. — Онъ имѣлъ сильный и блестящій умъ, въ немъ природа счастливо соединила непреклонную волю, громадныя умственныя способности и безупречныя нравственныя правила.

О. Макарій съ изумленіемъ и даже съ немалымъ отгѣнкомъ робости смотрѣлъ на князя Павла, колеблясь, прервать ли его какимъ либо замѣчаніемъ въ подтвержденіе его похвалъ, расточаемыхъ покойнику, или умолчать до болѣе удобнаго случая.

— Вотъ обрадовался, нашелъ слушателя! мысленно порицала Елена Модестовна брата—теперь жди, когда онъ кончитъ...

— Но я долженъ вамъ сказать, продолжалъ князь Павелъ, не сводя глазъ съ о. Макарія, — я долженъ сказать, что такіе люди, служа украшеніемъ, даже гордостью своей страны, не всегда бываютъ одарены тѣмъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, благодаря которому удерживается на прочныхъ устояхъ мирное преуспѣяніе и развитіе семейственности, а съ нею, конечно, и гражданственности.

— Боже, какое несчастіе! подумала Елена Модестовна.

— Я хочу сказать, продолжалъ князь, — что... и вамъ это, конечно, извѣстно, что покойный Валерьянъ, къ сожалѣнію, былъ лишенъ этого сокровища. Въ немъ не было той сердечной теплоты по отношенію даже къ самымъ близкимъ ему людямъ, какъ напримѣръ, женѣ и сыну...

Елена Модестовна подняла голову, внимательно вслушиваясь въ слова брата.

— О! да онъ иногда умно говоритъ! обрадовалась она, полагая, что князь Павелъ ведетъ свою рѣчь къ той же затасанной цѣли, кака я имѣлась въ виду у нея самой; но князь Павелъ снова увлекся своимъ краснорѣчіемъ, и Елена Модестовна не выдержала.

— Ты забываешь, князь, прервала она, — что о. Макарій имѣеть, вѣроятно, не очень много свободнаго времени, чтобы выслушивать наши разсужденія.

— Не извольте беспокоиться, поспѣшно сказалъ о. Макарій, — времени еще достаточно много...

Но князь уже не возобновлялъ своей рѣчи. Онъ смолкъ, справедливо сознавъ, что въ самомъ дѣлѣ необходимо прежде всего

получить достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что именно написано въ завѣщаніи. Когда наконецъ Елена Модестовна стала спрашивать о Макаріи о послѣднемъ его свиданіи съ Валерьяномъ Ивановичемъ, князь опять утонулъ въ креслѣ и ни однимъ словомъ не прерывалъ ихъ разговора. Но вслѣдъ затѣмъ, какъ только о. Макарій простодушно рассказалъ о содержаніи завѣщанія, князь потерялъ всякое терпѣніе и, вѣзволнованный, поднялся съ кресла.

— Нѣтъ, это невозможно! Это рѣшительно невозможно! горячо заговорилъ онъ, — шесть тысячъ на всѣхъ и притомъ еще полное подчиненіе — это абсурдъ, нелѣпость! Тридцать тысячъ, двадцать пять, двадцать наконецъ — это я еще понимаю, но чтобы ограничиться шестью — это невѣроятно! Вы представьте себѣ, вы только представьте, продолжалъ князь, дѣлая сильныя движенія рукой и не сводя глазъ съ о. Макарія — вы представьте, если этотъ, само собой разумѣется, частный, такъ сказать, единичный и даже исключительный случай обобщить, признать его нормальнымъ...

— Ну, прорвало опять! вздохнула княгиня и ушла въ комнату Викторіи Александровны, примѣривавшей въ это время только что принесенное изъ магазина траурное платье; но она тотчасъ же вернулась назадъ, такъ что князь, увлеченный своими обобщеніями, не замѣтилъ ея выхода и возвращенія. Минуту спустя, двери беззвучно отворились и вошедшій лакей подалъ князю на маленькомъ подносикѣ какую-то записочку. Князь быстро развернулъ ее, безпокойно пробѣжалъ глазами, нахмурился и, на полусловъ прервавъ свои разсужденія, сталъ прощаться.

— Позволь, мой другъ, куда же ты, и такъ поспѣшно? изумляясь, спросила Елена Модестовна, какъ будто вся эта исторія съ запиской не была дѣломъ ея рукъ.

— Pardon, я не могу... Викторія очень просить...

И смущенный князь, насоро протрившись, ушелъ. О. Макарій былъ тоже смущенъ и чуть-ли даже не болѣе Павла Модестовича. Онъ замѣтилъ наконецъ, что его пригласили вовсе не для «утѣшенія въ скорби», а для какихъ-то другихъ непонятныхъ ему цѣлей.

— Быть можетъ, вовсе не слѣдовало рассказывать; быть можетъ, надлежало хранить въ тайнѣ содержаніе завѣщанія, — мель-

кало у него въ головѣ, и онъ, самъ того не замѣчая, поднялся со стула и сталъ искать глазами шляпу.

— Не спѣшите, батюшка, предложила княгиня, — садитесь, побесѣдуемъ еще...

— Признаться, я желалъ бы засвидѣтельствовать... ибо мнѣ уже необходимо, смущенно отвѣтилъ о. Макарій.

— Но я имѣю еще одинъ къ вамъ вопросъ, продолжала Елена Модестовна, — я бы очень желала знать, какими именно словами выражена воля покойнаго Валерьяна, именно о той... о почтительности...

— Увольте, княгиня, просительно возразилъ о. Макарій, — вамъ все это будетъ въ свое время, всеконечно, извѣстно въ точности, а я, признаюсь, не могу... недостаточно ясно помню...

Елена Модестовна поняла, что «попъ смутился», и не стала его удерживать. Онъ раскланялся и, идя потомъ черезъ длинный рядъ комнатъ въ переднюю, терзаемый сомнѣніями, спрашивалъ самъ себя: «надлежало-ли ему распространяться и не благоразумнѣе-ли было отдѣлаться молчаніемъ, столь восхваляемымъ святыми отцами?»

XVII.

Возвратившись съ панихиды и нимало не заботясь, что завѣщаніе покойнаго Валерьяна Ивановича еще не было въ его рукахъ, Петръ Ивановичъ всецѣло отдался воспоминаніямъ о покойномъ братѣ, хвалилъ его, какъ и подобаетъ хвалить мертвыхъ, и находилъ, что онъ вообще былъ несчастливъ всю жизнь, не имѣлъ близкихъ друзей, даже въ средѣ своей семьи.

— Вѣдь это драма! Понимаешь-ли ты, драма?! И какая страшная драма! плачевно воскликнулъ Петръ Ивановичъ, трагически потрясая руками.

— Что-жъ удивительнаго въ этомъ? отвѣтилъ Яковъ Петровичъ, — жизнь каждаго отдѣльнаго человека, если взять однѣ значительныя ея черты, не только драма, но даже трагедія, съ всѣми мнѣскими однако же частностями. Шопенгауэръ, напримѣръ, говоритъ, что наша жизнь заключаетъ въ себѣ все горе трагедіи.

но при этомъ мы все-таки не можемъ разсчитывать на достоинства трагическихъ лицъ, а должны быть, во всяческихъ подробностяхъ жизни, неизбежно - пошлыми лицами комедіи. Положимъ, Шопенгауэру нужно вѣрить тоже съ оглядкой, но въ этомъ случаѣ онъ правъ. Умень, нѣмчура, очень умень!

— Брось ты, пожалуйста, этотъ твой дурацкій тонъ, перебилъ его Петръ Ивановичъ, — какъ не стыдно! Я тебѣ говорю серьезно, а ты глумишься, ну къ чему это?

— Что вы! Богъ съ вами, родитель, могу-ли я глумиться, помилуйте! Я, напротивъ, совершенно соглашаюсь съ вашимъ мнѣніемъ и готовъ даже подъ присягой подтвердить, что семейная жизнь моего дядюшки, Валерьяна Ивановича, дѣйствительно была некрасива; у него не было, такъ сказать, домашнего очага. Но, помните, народная мудрость гласитъ: «за чѣмъ пойдешь, то и найдешь». Зато дядюшка на княжнѣ былъ женатъ, большія протекціи имѣлъ по этому случаю, и умеръ знатнымъ баринномъ. Теперь, я думаю, лежитъ онъ на столѣ весь въ цвѣтахъ; парча, я думаю, такая распушена, аршина на два вокругъ него, что бѣдному человѣку и подойти страшно, а потомъ, съ какою пышностью повезутъ его на мѣсто упокоенія: колесница съ балдахиномъ изъ малиноваго бархата со страусовыми перьями. Такъ, разумеется, всегда знатныхъ господъ хоронятъ. Трубочистовъ съ фавелами дюжины двѣ будетъ, и конные «жандары» будутъ, конечно; безъ нихъ ужь, разумеется, нельзя. Мнѣ кажется, вотъ эту сторону жизни Шопенгауэръ называетъ комедіей. Впрочемъ, гдѣ «жандаръ», тамъ уже не комедія, а скорѣе трагедія...

— Перестань, Яковъ, тошно слушать, перебилъ Петръ Ивановичъ, хмурясь.

— Замѣчаю я, отецъ, что чуть-ли и вы не въ трагическомъ положеніи, не унимаясь, продолжалъ сынъ.

— Это еще что такое? спросилъ Петръ Ивановичъ, — съ чего ты выдумалъ? Моя печаль о братѣ и даже слезы мои, я думаю, не могутъ дать повода къ глумленію: онъ искренни! Онъ вызываются родственными, сердечными моими чувствованіями къ покойному брату...

— Да я вовсе не по поводу вашей скорби говорю, возразить, не спѣша, сынъ,— скорбите себѣ съ Богомъ, и сколько угодно, но искреннее чувство всегда почтенно. Я лишь имѣлъ честь замѣтить, что со времени смерти вашего брата только полсутоекъ прошло, а уже къ намъ сюда заглянули какія-то два лица, васъ спрашивали; говорятъ, Петра Ивановича желательно увидать; говорятъ, имъ роднымъ братцемъ приходится господинъ его превосходительство покойный Валерьянъ Ивановичъ Лачужниковъ. Вотъ я только на эту именно частность вашего трагическаго положенія и намекнулъ. Только! А вы на меня напустились, вѣдь это все равно, что на муху съ обухомъ, или по воробьямъ изъ пушки палить.

Петръ Ивановичъ сердито проворчалъ что-то себѣ подъ носъ и сѣлъ на стулъ спиной къ сыну. Сидѣли они въ своей нейтральной комнатѣ, изъ которой двѣ двери, направо и налево, вели въ отдѣльныя комнаты обоихъ. Яковъ Петровичъ впрочемъ не сидѣлъ, а лежалъ, развалившись на диванѣ и заложивъ руки за голову. Онъ только что возвратился изъ препаровочной и чувствовалъ всю прелесть отдыха послѣ трехчасоваго труда въ зловонной атмосферѣ надъ трупами.

— Ты и завтра на панихиду тоже не пойдешь? глухо спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Не пойду, родитель.

— И на похороны тоже?

— Тоже.

— И не стыдно тебѣ, да?

— Ничуть.

Петръ Ивановичъ порывисто поднялся со стула и зашагалъ по комнатѣ.

— Похвально! Хорошъ родственникъ. Родному дядѣ не хочешь отдать послѣдняго долга.

— Послѣдній долгъ! Кому же или, вѣрнѣе, чему? Вѣдь дяди нѣтъ. Осталась только одна оболочка, такъ сказать, футляръ одинъ, вмѣстилище души по вашему, а самая душа уже тамъ, гдѣ-то далеко... Такъ, вѣжется, родитель.

— Ну да! Такъ что же, по твоему, не нужно, значить, и похоронъ?

— Помилуйте, какъ не нужно—это все-таки утѣшаетъ: онъ, молъ, тамъ на небесахъ и видитъ, какъ мы здѣсь около его праха копошимся...

— Но надъ чѣмъ же тутъ глумиться?

— Я? Ничуть! Я только хочу сказать, что на смерть смотрю, какъ на роковое послѣдствіе рожденія, утѣшать себя ничѣмъ не желаю, никакихъ футляровъ души не признаю и вижу во всемъ этомъ, то есть, въ рожденіи и смерти, лишь физиологическій актъ природы, нѣчто въ родѣ питанія и изверженія—не болѣе...

— Какъ противно мнѣ тебя слушать, брезгливо возразилъ Петръ Ивановичъ.

— Ага! Возмущается гордыня-то человѣческая въ васъ... Поверьте, это все только отъ гордости: я не я, молъ; разъ родился и конца мнѣ нѣтъ; а присмотритесь - ка попристальнѣе, тогда смиритесь.

— Ну, ужъ извини, такого смиренія мнѣ не надо: это не смиреніе, а пренебреженіе какое-то, отвратительное и жалкое: знать не хочу ни Бога, ни души...

— Вотъ это напрасно, родитель: не не хочу, а не знаю и не могу знать, и чего не могу, то, вмѣсто него, другаго не выдумываю и себя не обманываю...

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Вотъ еслибы вы, родитель, вскрытія не отклонили, такъ и быть, я бы этотъ «послѣдній долгъ» отдалъ: съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы вскрытіе. Отчего вы, въ самомъ дѣлѣ, не согласились на это?

— Какой ты вздоръ городишь, Яковъ! Зачѣмъ-же еще вскрытіе дѣлать, когда человѣкъ померъ послѣ продолжительной и давно опредѣлившейся болѣзни.

— Какъ зачѣмъ? Интересно. Можетъ быть, у него чортъ знаетъ какое осложненіе было.

— Какое тамъ еще осложненіе?

Слово за слово, разговоръ ихъ мало-по-малу сталъ оживлять-

ся и потерялъ свой предыдущій характеръ. Яковъ Петровичъ уже не разъ приподнималъ голову съ дивана и сверкалъ глазами въ сторону отца. Онъ возражалъ ему уже не тѣмъ лѣнивымъ тономъ, какимъ говорилъ до этого времени, а съ нѣпѣшностью и съ признаками той же самой горячности, какая замѣчалась въ рѣчи отца.

— Какъ вы изволите говорить? Что—съ? вдругъ вскакивая съ дивана, возразилъ онъ и, выпивъ однимъ глоткомъ остатокъ чая въ стаканѣ, стоявшемъ передъ нимъ на столѣ, продолжалъ:— Вы изволите говорить: не было осложнений? Такъ-съ? А позвольте спросить, почему вы объ этомъ заключаете? Можетъ, у него былъ разрывъ совсѣмъ не тѣхъ сосудовъ, о которыхъ говорилъ докторъ,—можетъ быть... Да чертъ его знаетъ, что можетъ быть... Развѣ есть какія-нибудь основанія заключать объ этомъ, когда не было сдѣлано вскрытія?

— Какіе вы всѣ дикіе люди! возразилъ Петръ Ивановичъ,— не все-ли равно, въ какихъ сосудахъ былъ разрывъ:—у него же была чахотка...

— Позвольте, позвольте...

— Нѣтъ, погоди, ты скажи сначала, загорячился Петръ Ивановичъ,—была у него чахотка или нѣтъ?

— Была... но позвольте...

— Нѣтъ, нѣтъ погоди, отвѣчай: положеніе его было безнадежно?

— Кто его знаетъ; повидимому, то есть, по всѣмъ признакамъ, онъ былъ безнадеженъ, но строго-научно этого нельзя сказать, мало-ли какіе случаи встрѣчаются.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты отвѣчай на прямой вопросъ, прямымъ отвѣтомъ: я тебя спрашиваю: положеніе его было безнадежно?

— Не знаю.

— Нѣтъ, я спрашиваю...

— Я вамъ говорю, что строго-научно сказать этого не могу. Условно, пожалуй, да! Но что-жъ изъ этого.

— А то именно, что теперь, послѣ смерти Валерьяна Ивано-

веча, уже никакого значенія не имѣеть вопросъ о томъ, изъ того или изъ другаго сосуда хлынула у него кровь.

— Удивляюсь! воскликнулъ, пожавъ плечами, Яковъ Петровичъ, — удивляюсь! И это говорите вы! Сами вы человѣкъ науки и такой вздоръ я отъ васъ слышу...

— Ахъ, отстань ты отъ меня, самъ городишь Богъ знаетъ что... Человѣкъ науки! Ха, ха! Да развѣ для прайднаго любопытства существуетъ наука!

— Позвольте, позвольте, поспѣшно перебилъ сынъ, — въ такомъ случаѣ развѣ не прайдное любопытство рыться въ фоліантахъ для того, чтобы узнать, изъ какихъ чашекъ ѣли какіе нибудь сирійцы или аравитяне?

И оба заговорили разомъ въ одно время.

Старуха Матвѣевна, заслыша ихъ громкій споръ, вышла изъ кухни и, пройдя чрезъ переднюю къ дверямъ нейтральной комнаты, съ любопытствомъ наострила уши, вдругъ почему-то представивъ себѣ, что отецъ и сынъ непременно спорять о наследствѣ, такъ неожиданно имъ доставшемся. Тысячу разъ прежде она слыхала подобные споры, но до сихъ поръ не обращала на нихъ вниманія, зная, что «врчатъ чего-то о книгахъ», но теперь ей вдругъ представилось, что не могутъ же они, въ виду такого неожиданно доставшагося богатства, продолжать споры о чемъ нибудь другомъ, кромѣ этого богатства. Долго бы ей пришлось стоять въ передней и слушать, какъ одновременно говорили отецъ и сынъ, и настойчиво требовали другъ отъ друга отвѣта на вопросъ: «что такое чахотка», но споръ ихъ разомъ окончился, потому что въ передней неожиданно раздался звонокъ.

— Кто тамъ пришелъ? проворчалъ Петръ Ивановичъ упавшимъ голосомъ; и сталъ застегивать на пуговицы старое драповое пальто, которое уже лѣтъ двадцать носилъ вмѣсто халата.

— Это опять кто-нибудь изъ прикосновенныхъ къ капиталамъ брата вашего, насмѣшливо прошепталъ Яковъ Петровичъ, отходя къ дверямъ своей комнаты и готовый скрыться за ними, — вотъ влопались-то вы съ этимъ завѣщаніемъ. Удружилъ братецъ, нечего сказать.

— За молчи, Яковъ! Убирайся!

Въ передней кто-то громко откашливался, отпыхивался, и наконецъ ввалился въ «нейтральную комнату» Стуловъ.

— А, Федоръ Прохоровичъ! радостно привѣтствовалъ Петръ Ивановичъ, довольный тѣмъ, что пришелъ свой человѣкъ, — а я думалъ, не чужой-ли кто...

Федоръ Прохоровичъ, не говоря ни слова въ отвѣтъ на это замѣчаніе, поспѣшно спросилъ:

— Получили?

— Что такое? изумился Петръ Ивановичъ.

— А завѣщаніе?

— Ахъ, да! Нѣтъ, не получилъ. Видите ли, какая исторія-то вышла. Григорій Геннадіевичъ уѣхалъ въ Кронштадтъ, по очень, говорятъ, нужному дѣлу и можетъ возвратиться только послѣ завтра, никакъ не раньше.

Стуловъ отеръ фуляровымъ платкомъ лобъ и, тяжело вздохнувъ, опустился на стулъ.

Петръ Ивановичъ, не смотря на свое спокойствіе, замѣтилъ однако же, что Федоръ Прохоровичъ почему-то очень грузно сѣлъ и тяжело дышетъ.

— Что съ вами, Федоръ Прохоровичъ, здоровы-ли!

— Ничего, ничего. Такъ, отъ усталости. Вы говорите, что Григорій Геннадіевичъ въ Кронштадтъ уѣхалъ?

— Да, въ Кронштадтъ. Послѣ завтра, говорятъ, утромъ непременно будетъ.

— Гм... гм...

Стуловъ опять принялся тереть лобъ своимъ фуляровымъ платкомъ и запыхтѣлъ. Но Петръ Ивановичъ уже не придавалъ значенія его тяжелому дыханію, вѣря, что Федоръ Прохоровичъ пыхтитъ такъ, въ самомъ дѣлѣ, отъ усталости.

— Садитесь, Федоръ Прохоровичъ, сейчасъ чай будетъ. — Яковъ! крикнувъ онъ, взглянувъ на комнату сына — иди! Это Федоръ Прохоровичъ пришелъ.

— Ладно, коротко отвѣтилъ сынъ, не выходя однако же изъ своей комнаты.

Молчаливая Матвѣвна принесла сѣрую скатерть, разостлала ее на передиванномъ столѣ; потомъ принесла чайную посуду.

— А самоваръ скоро, Матвѣвна?

— Сейчас и самоваръ будетъ, ужь закипаетъ. Въ пору давеча поставила, недаромъ кошка цѣлый вечеръ все умывается... къ гостю...

— Вотъ и чудесно, Матвѣвна. Умница твоя кошка. Теперь тащи-ка поскорѣе самоваръ.

Онъ разстѣгнувъ свое выцвѣтшее пальто и, заложивъ руки за спину, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ; потомъ, остановясь передъ Стуловымъ, сидѣвшимъ на диванѣ, спросилъ:

— Ну, а какъ вы думаете, Федоръ Прохоровичъ, сколько времени пройдетъ, пока вся эта судебная процедура кончится?

— Гм... да, да?... отвѣтилъ Федоръ Прохоровичъ, выходя изъ задумчивости, — это вы насчетъ того... извините, я не разслышалъ...

— Я спрашиваю, повторилъ Петръ Ивановичъ, — сколько времени пройдетъ, пока окончится вся эта процедура, и я получу право продажи дома?

— Ахъ, да, вы объ этомъ, отвѣтилъ Федоръ Прохоровичъ, — гм... гм... Конечно... Надо все-таки главнымъ образомъ завѣщаніе... То-есть, я хочу сказать, надо его представить въ судъ.

— Ну, само собой разумѣется, прервалъ Петръ Ивановичъ, — но долго-ли тамъ, въ судѣ-то продержатъ?

— Это смотря по тому, какъ вы пожелаете. Я только говорю, что завѣщаніе... гм... гм... То-есть, что прежде всего, для успѣшности дѣла, надо подмазать.

— А—а, вотъ что! Нѣтъ ужь, отъ этого избавьте. Отъ этого ужь, пожалуйста, увольте. Самъ никогда взятокъ не бралъ, другимъ не давалъ и давать не буду.

Стуловъ молчалъ и пыхтѣлъ. Онъ старался отбиться отъ одолевавшихъ его сомнѣній о томъ, возвратитъ-ли Григорій Геннадѣвичъ завѣщаніе, — и не могъ; сомнѣнія не давали ему покоя, а поѣздка въ Кронштадтъ да еще почти на два дня, — поѣздка, о во-

торой съ такимъ равнодушіемъ передалъ ему Петръ Ивановичъ,— усилила его сомнѣнія еще болѣе. «Зачѣмъ ему туда вдругъ понадобилось ѣхать?» думалъ онъ въ то время, какъ Петръ Ивановичъ приставалъ къ нему съ своими увѣреніями насчетъ того, что взятокъ ни за что и никому давать не намѣренъ.

— Зачѣмъ взятки!—это вывелось, какъ дѣло постыдное, вы предложите благодарность за хлопоты.

— Никогда. Пусть лучше и не ждутъ.

Стуловъ грустно улыбнулся и замолчалъ.

Въ это время, дверь изъ комнаты Якова Петровича растворилась, и онъ вышелъ оттуда съ книгой въ рукахъ.

— Федоръ Прохоровичъ, здравствуйте! сказалъ онъ, подавая Стулову руку,—однако отецъ ораторствуетъ громко; кажется, насколько я могъ понять, онъ волнуется... Ну, да на это вы не обращайте большаго вниманія, онъ выпятокъ.

— Ладно, разговоривай! перебилъ Петръ Ивановичъ, и подсѣлъ поближе къ Федору Прохоровичу, съ видимымъ намѣреніемъ продолжать прерванный разговоръ.

Яковъ Петровичъ, не обращая на это никакого вниманія, заговорилъ первый.

— А что, благодѣтель, обратился онъ къ Стулову, частенько вы къ намъ на Выборгскую будете заглядывать?

— Гм... гм... Не знаю! отвѣтилъ Стуловъ,—вашъ родитель—мое новое начальство, и я долженъ сюда являться, пока вы съ нимъ не переѣхали въ Конюшенную...

— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю, я вамъ не сосѣдъ. Отецъ, какъ ему угодно, а меня увольте. Да и родитель, я полагаю, тоже не скоро отсюда двинется.

— Ну это, братъ Яковъ, старуха на-двое сказала, засмѣялся Петръ Ивановичъ,—можетъ быть, я еще пошире заживу, чѣмъ покойный братъ.

— Какъ же! По всему видно!

— Вотъ что, братъ Яковъ, слушай,—прервалъ его Петръ Ивановичъ,—ты бери свой чай и иди себѣ съ Богомъ; намъ нужно еще поговорить о дѣлахъ.

— Оухъ, тяжела ты, шапка Мономаха, возгласилъ Яковъ Петровичъ, пародируя драматическаго актера, и ушелъ къ себѣ въ комнату.

Петръ Ивановичъ теперь только замѣтилъ, что Федоръ Прохоровичъ чѣмъ-то сильно озабоченъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, отвѣтилъ Федоръ Прохоровичъ, когда Петръ Ивановичъ присталъ къ нему съ разспросами, — я ничего, я такъ... Я собственно только захотѣлъ спросить о за-вѣщаніи. Такъ какъ бумага важная, думаю, все же лучше, если она у васъ.

— А вы развѣ сомнѣваетесь въ чемъ? изумленно спросилъ Петръ Ивановичъ.

— О нѣтъ, нѣтъ! поспѣшилъ увѣрить Стуловъ, но все же лучше, если она будетъ у васъ. Мало-ли что можетъ случиться?

— Да что же можетъ?

— Какъ что? Смерть, на примѣръ, неожиданная. Ищите тамъ, гдѣ оно у него будетъ находиться. Я, изволите видѣть, очень мнительный человѣкъ. И, знаете, будь это дѣло мое, я бы непременно поѣхалъ въ Кронштадтъ, и сегодня же.

— Ну, что вы говорите! Къ чему же такая поспѣшность, вѣдь послѣ завтра онъ пріѣдетъ?

— Да, да, конечно, конечно.

Такъ Стуловъ и не высказалъ своихъ подозрѣній насчетъ честности Григорія Геннадіевича, и свою тревогу, замѣченную Петромъ Ивановичемъ, объяснялъ тѣмъ, что «бумага важная и что ее непременно нужно имѣть Петру Ивановичу въ своихъ рукахъ».

Когда потомъ онъ ушелъ, Петръ Ивановичъ долго стоялъ въ передней, задумчиво почесывая затылокъ.

— Да, да, онъ правъ, такая важная бумага и вдругъ въ чужихъ рукахъ!

XVII.

Утромъ, когда онъ съ Яковомъ Петровичемъ сидѣлъ около самовара, Матвѣевна подала письмо, удивившее ихъ своею внѣшностью. Конвертъ былъ изъ брестольской бумаги, рубчатый, съ-

ровато-темнаго цвѣта. Вмѣсто печати красовался на немъ кудреватый съ завитушками рисунокъ въ два цвѣта, синяго и краснаго, надъ нимъ корона, а въ немъ буква В золотомъ. Петръ Ивановичъ повертѣлъ конвертъ въ рукахъ, посмотрѣлъ на затѣйливый рисунокъ съ буквой и вопросительно взглянулъ на сына, какъ бы спрашивая, не знаетъ-ли онъ, отъ кого такая затѣйливая вещица.

— Вотъ коммун-то! воскликнулъ Яковъ Петровичъ, — чего вѣдь не придумаютъ! Ну-ка, родитель, распечатайте. Полюбопытствуемъ, кто это такъ роскошествуетъ.

Петръ Ивановичъ разорвалъ конвертъ и, взглянувъ на подпись письма, нахмурился.

— Отъ кого это?

— Князь Павелъ Верхотуровъ пишетъ...

— О чемъ это?

— О, шутъ его возьми! недовольнымъ тономъ отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, прочитавъ письмо, и швырнулъ его на диванъ.

Яковъ Петровичъ молча подобралъ его и закачалъ головой, рассматривая оттиснутый на немъ точно такой же затѣйливый вензель, какъ и на конвертѣ.

— Ишь вѣдь, какую фигуристую букву разрисовали ему! Чуть не полстранички заняла, и бумагу-то разрѣзали не по людски, вотъ ужъ именно: «люди, какъ люди, одинъ чортъ въ колпакѣ». А ароматы-то какіе отъ письма. Родитель, вы обнюхивали?

Петръ Ивановичъ молчалъ и хмурился. Сынъ пытливо посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Съ чего это онъ такія любезности вамъ расточаетъ? «Смѣю утруждать, сдѣлайте мнѣ честь», и т. д. Ужь не денегъ-ли хочеть занять?

— Не знаю, нехотя отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Какія же у васъ съ нимъ дѣла?

— Никакихъ нѣтъ. Должно быть, у него ко мнѣ есть.

— Но въ такомъ случаѣ ѣхаль-бы самъ.

— Читалъ же ты, что боленъ, извиняется.

— А ну его къ чорту. Я бы ни за что не поѣхалъ. Выдворѣть, прїѣдетъ самъ.

— Да, жди! укоризненно замѣтилъ Петръ Ивановичъ. Молчи лучше, когда ничего не понимаешь.

— Что-жь, помолчать можно, только все-таки скажу, что съ нѣкотораго времени я, смотря на васъ, въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаю.

Въ передней раздался звонокъ.

— Ну, опять кто-то лѣзетъ, заворчалъ Петръ Ивановичъ.

Въ комнату вошелъ какой-то неизвѣстный, въ старенькомъ потертомъ пальто и съ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ вмѣсто галстука. Неловко раскланываясь и возводя умиленный взоръ на Петра Ивановича, онъ заговорилъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Имѣю честь покорнѣйше просить извиненія, что осмѣливаюсь беспокоить васъ, быть можетъ, несвоевременно, но утѣшаю себя тою мыслию...

— Ахъ, пожалуйста, безъ извиненій прямо къ дѣлу, возразилъ Петръ Ивановичъ,—что вамъ угодно?

Неизвѣстный замаялся, пожалъ плечами, голову склонилъ на бокъ, и по прежнему, медленнымъ тягучимъ тономъ, заговорилъ:

— Я собственно желалъ ознакомить васъ, хотя въ самыхъ краткихъ словахъ, именно показать, какія громадныя выгоды могутъ быть извлечены... изъ моего изобрѣтенія...

— Не нужно, не нужно; пожалуйста, перестаньте, никакихъ проэктовъ, никакихъ выгодъ, ничего не нужно.

— Я изобрѣлъ машину... для выдѣлки новымъ способомъ,— продолжалъ неизвѣстный, не слушая возраженій Петра Ивановича,— я могу неотразимыми данными доказать, какая неисчислимая польза можетъ получиться. Конечно, безъ денегъ невозможно осуществить... А такъ какъ я имѣлъ честь слышать... Я живу въ томъ самомъ домѣ... господина Лачужникова... Я слышалъ, что именно вы въ настоящее время...

— Господи, Боже мой! воскликнулъ Петръ Ивановичъ,—куда вы бѣжать? И какъ это все скоро развѣдали! Изумительно! Идите,

голубчикъ, вы ошиблись, или васъ просто дурачатъ; идите-же... Нѣтъ здѣсь никакихъ капиталовъ и никакихъ проэтовъ не нужно.

Незавѣстный, ежась и пожимая плечами, продолжалъ что-то бормотать о своей добросовѣстности и честности, но потомъ, послѣ нѣсколько разъ повтореннаго отказа его предложенію, ступевался въ передней. Яковъ Петровичъ, во все время разговора его съ отцомъ, валялся въ своей комнатѣ на кровати, схватившись руками за бока, и, весь красный отъ одолжавшаго его хохота, едва сдерживался, чтобы не разразиться имъ на всю квартиру. Когда наконецъ незвѣстный вышелъ, онъ расхохотался во все горло и окончательно вывелъ изъ терпѣнія Петра Ивановича, который ушелъ въ свою комнату и заперъ за собою дверь на ключъ.

Яковъ Петровичъ слышалъ потомъ, какъ онъ шелестилъ тамъ бумагами, сердито перелистывая ихъ, и ворчалъ на что-то. Это ворчанье и перелистыванье бумагъ размѣшило сына; ему вдругъ вспомнилась знакомая пѣсня, смыслъ которой выражалъ до нѣкоторой степени состояніе духа Петра Ивановича, и подъ вліяніемъ этого воспоминанія и сравненія, онъ, развалившись на диванѣ, затянулъ тоненькимъ теноркомъ:

«Отлетѣлъ мой повой,
И унесъ за собой.
Мое счастье и жизнь далеко».

Но не успѣлъ онъ пропѣть первыхъ двухъ строкъ пѣсни, какъ Петръ Ивановичъ потерялъ всякое терпѣніе слушать его. Онъ принялъ слова пѣсни на свой счетъ и, быстро распахнувъ дверь своей комнаты, показался на ея порогѣ.

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ! проговорилъ онъ, смотря на сына.

Яковъ Петровичъ быстро вскочилъ съ дивана и, остановившись около него, широко развелъ руками, какъ бы призывая отца въ свои объятія.

— Родитель, прости! трагически провозгласилъ онъ, — прости, больше не буду. Давай мириться. Понимаешь, невозможно удержаться, ха, ха, ха!

— Иди, что-ли; тебѣ давно пора въ академію, — засмѣялся и Петръ Ивановичъ, — въ самомъ дѣлѣ смѣшно, чортъ ихъ поберетъ.

Взгорѣ послѣ ухода сына, онъ самъ сталъ собираться уходить и озабоченно осматрѣлъ свой черный сюртукъ, зная, что Матвѣевна, при своей старости, не всегда тщательно чиститъ платье.

Черезъ полчаса онъ былъ уже въ квартирѣ князя Павла Модестовича Верхотурова и мрачно хмурился, сидя въ богато-убранной комнатѣ, въ ожиданіи его выхода.

ХVIII.

— Виновать, уважаемый Петръ Ивановичъ, тысячу разъ виновать, мой дорогой, что заставилъ васъ ждать, — заговорилъ Павелъ Модестовичъ, выходя изъ сосѣдней комнаты и подавая Петру Ивановичу обѣ руки. — Извините, я очень хорошо понимаю, что по обстоятельствамъ дѣла и вообще принимая во вниманіе весь складъ событій, совершившихся въ семьѣ моей племянницы, мнѣ, само собой разумѣется, слѣдовало бы первому къ вамъ пріѣхать; но, ей Богу, я такъ разбитъ, такъ разстроенъ, что называется — сошелъ съ рельсовъ. Садитесь, пожалуйста, — предложилъ онъ, опускаясь въ кресло и показавъ рукой на другое.

— Это все равно, князь: вы-ли ко мнѣ, я-ли къ вамъ — разницы нѣтъ и, по моему, событія тутъ не причемъ, — отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, садясь.

— Да, да, конечно, конечно, поспѣшно перебилъ князь, замѣтивъ, что его гость смотритъ сумрачно. — Я очень хорошо знаю, — продолжалъ онъ, бойко забросивъ ногу на ногу, — очень хорошо мнѣ извѣстно, уважаемый Петръ Ивановичъ, что вы врагъ всякихъ церемонностей. Но дѣло все-таки въ томъ, мой дорогой, что я, во всякомъ случаѣ, не могу пройти молчаніемъ совершившагося факта; не могу, такъ сказать, игнорировать его, ибо онъ, сами согласитесь, представляетъ столь крупное и притомъ столь неожиданное явленіе, что заслуживаетъ не только поверхностнаго замѣчанія, но даже подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія.

Петръ Ивановичъ хмуρο смотрѣлъ въ полъ, недовольный тѣмъ, что князь слишкомъ кудреватю говоритъ, но однако же пока молчалъ.

— Не скрываю, уважаемый Петръ Ивановичъ, не скрываю, — продолжалъ князь, — и не могу скрыть своего удивленія. Это было бы рѣшительно мнѣ не по силамъ. Я удивленъ! Скажу богѣ, я пораженъ и даже, радон, я возмущенъ!

Петръ Ивановичъ вопросительно взглянулъ на него, изумляясь, съ чего такъ неожиданно и такъ рѣзко онъ возвысилъ тонъ своей рѣчи.

— Я возмущенъ до глубины моей души. Да! — вдругъ понизивъ голосъ до шепота, произнесъ князь и сложилъ обѣ руки на груди, — я не думалъ, никогда не смѣлъ думать, — продолжалъ онъ, опять возвышая голосъ, — я никогда бы не позволилъ себѣ допустить даже бѣглой мысли, чтобы родной отецъ, и притомъ такой умный, дѣятельный человѣкъ, съ такой глубокой дальновидностью, могъ быть когда нибудь, даже временно, столь холоднымъ, безучастнымъ въ своей родной семьѣ. А между тѣмъ это такъ, — добавилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Но, позвольте, Павелъ Модестовичъ, возразилъ Петръ Ивановичъ, — мнѣ кажется, вы нѣсколько преувеличиваете.

— Ахъ, радон, поспѣшно перебилъ князь, — можетъ быть, я отчасти рѣзокъ и мнѣ слѣдовало бы воздержаться, но, въ сожалѣнію, повѣрьте, дорогой Петръ Ивановичъ, въ крайнему моему сожалѣнію, это мнѣ не по силамъ. Повторяю вамъ, я рѣшительно не могу прійти въ себя. Для меня это событіе совершенно необычайное.

— Но, позвольте...

— Радон, перебилъ Павелъ Модестовичъ, — я поставленъ въ необходимость высказать вамъ, Петръ Ивановичъ, что между нашимъ прошлымъ, или, точнѣе говоря, между прошлымъ покойнаго Валерьяна и моимъ — огромная разница! Я не смѣю сказать что либо въ осужденіе вашихъ взглядовъ, Петръ Ивановичъ, или вашего покойнаго брата, котораго я всегда искренно и горячо любилъ; но я все-таки позволю себѣ замѣтить, что невозможно ожидать ничего подобнаго въ томъ слоѣ общества, въ которому я имѣю счастье принадлежать. Для меня понятно, напримѣръ, что начальникъ семьи, ея представитель, глава, можетъ быть въ непріяз-

венныхъ отношеніяхъ къ ней; даже, положимъ, цѣлую жизнь можетъ быть недоволенъ поведеніемъ дѣтей; но чтобы онъ, умирая, такъ несправедливо обдѣлилъ ихъ своими богатствами — этого не можетъ быть. Никогда! — добавилъ князь трагическимъ шепотомъ.

— Но къ чему весь этотъ разговоръ? перебилъ Петръ Ивановичъ, и наконецъ, позвольте, при чемъ же я тутъ? Вамъ, конечно, — хотя можетъ быть и не во всѣхъ подробностяхъ, — но все же, думаю, извѣстно, что ни я самъ, ни мой сынъ лично ничѣмъ не заинтересованы въ дѣлахъ покойнаго брата и въ его завѣщаніи. На все была его собственная воля, и я, признаюсь, не понимаю, къ чему вы мнѣ объ этомъ говорите?

— Ради Бога, Петръ Ивановичъ, извините, заговорилъ князь, поспѣшно схвативъ его за руку обѣими руками, — я ни на одну секунду не забывалъ, что вы тутъ рѣшительно ни причемъ. Вы даже, на сколько помню, не присутствовали у постели больного въ послѣднія минуты его жизни. Скажу болѣе: мнѣ кажется, дорогой мой, что вы, при вашемъ замѣчательномъ безкорыстіи и той трезвости взгляда на жизнь, какою вы всегда обладали, — вы несомнѣнно способны быть солидарными со мною, способны поправить ту невольную ошибку, въ какую впалъ, быть можетъ, неосознательно, покойный Валерьянъ.

— То есть вы насчетъ духовнаго завѣщанія? прервалъ его Петръ Ивановичъ. — На это я вамъ долженъ сказать, что хотя покойный братъ не перечислилъ въ завѣщаніи, куда именно и сколько слѣдуетъ пожертвовать изъ его имущества, но онъ не далѣе, какъ набабунѣ смерти своей говорилъ со мною объ этомъ, и все, что имъ и куда именно назначено — я передамъ. Разумѣется, сначала необходимо обратить все имущество въ наличныя деньги.

— Но какъ же въ такомъ случаѣ вы поступите съ тѣмъ пунктомъ завѣщанія, по которому семья Валерьяна обезпечена пожизненнымъ содержаніемъ, въ шесть тысячъ рублей вѣждогодно?

— Для этого будутъ обращены въ процентныя бумаги сто тысячъ рублей, и семья брата будетъ получать доходы съ нихъ ежемѣсячно по пяти сотъ рублей.

— До какого же это времени будутъ они находиться въ ка-

чествъ несовершеннолѣтнихъ и даже подъ непремѣннымъ условіемъ быть почтительными, какъ гласить завѣщаніе.

— Позвольте, князь, прервалъ Петръ Ивановичъ,—само собой разумѣется, я не понимаю иначе нашего разговора, какъ въ томъ именно смыслѣ, что вы уполномочены семьей брата.

— О, да, всеконечно! Могъ-ли бы я иначе беспокоить васъ.

— Ну, вотъ и чудесно. И передайте имъ, что никакой почтительности мнѣ отъ нихъ не нужно, и что назначенная на ихъ содержаніе сумма будетъ имъ своевременно и аккуратно выдаваться пожизненно; относительно же того, какъ сохранить и куда предназначить эту часть капитала послѣ ихъ смерти,—объ этомъ я подумаю и посоветуюсь съ опытными людьми.

— Но, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, согласитесь сами, возможно-ли ограничиться этимъ. Представьте себѣ, Сережа женится, пойдутъ дѣти... Какъ же жить-то на такую сумму?

— Но что же послѣ этого за человѣкъ Сергѣй Валерьяновичъ, если только у него и надеждъ, что на отцовское наслѣдство? Зачѣмъ въ такомъ случаѣ ему и жениться, если онъ самъ себя прокормить не можетъ?

— Ахъ, Петръ Ивановичъ, какія вы ужасные высказываете взгляды! съ упрекомъ прошепталъ Павелъ Модестовичъ.—Вы говорите о благотворительности, а сами въ то же время съ такой рѣзкостью осуждаете на трудъ и нужду ближайшихъ родственниковъ покойнаго завѣщателя, его прямыхъ по закону наслѣдниковъ.

— Шестъ тысячъ въ годъ дохода—и нужда! воскликнулъ Петръ Ивановичъ,—что вы князь! Да вѣдь это слышать странно! А какъ же живутъ сотни тысячъ, миллионы людей?

— Ахъ, это вопросъ очень сложный и не такъ легко разрешается, какъ вы думаете, уважаемый Петръ Ивановичъ, возразилъ князь;—если, мой дорогой, началъ онъ, откинувъ голову на спинку стула и смотря въ потолокъ,—если возвыситься надъ будничными явленіями жизни и понять истинный смыслъ нужды и скорбей, давящихъ человѣчество, то, при такомъ философскомъ взглядѣ, намъ понятно будетъ, что нужды и скорби лицъ, принадлежащихъ къ привилегированнымъ сословіямъ, значительно труднѣ

переносятся тѣми, кто поставленъ въ необходимость ихъ переносить, трудяте по сравненію съ такими же скорбями лицъ необразованныхъ классовъ. Поэтому, дорогой Петръ Ивановичъ, становясь на возвышенную точку зрѣнія, вы сдѣлаете истинное благодѣяніе и притомъ не отступите отъ точнаго смысла духовнаго завѣщанія покойнаго Валерьяна, если поближе всмотритесь въ печальное положеніе его семьи.

— Извините меня, князь, прервалъ его Петръ Ивановичъ, я не могу согласиться съ вашими взглядами и мнѣ, признаюсь (онъ посмотрѣлъ на часы), мнѣ уже пора отправляться.

— Ахъ, pardon, я всегда ужасно увлекаюсь общими соображеніями. Виновать, виновать, прошепталъ князь, взявшись обѣими руками за голову, какъ бы стараясь овладѣть своими мыслями и подчинить ихъ правильному и спокойному теченію.—Пожалуйста, ради Бога, прошу васъ, Петръ Ивановичъ, вдругъ началъ онъ, поднявшись съ кресла,—пожалуйста, вы извините меня, я тутъ не при чемъ. Они просятъ, они, могу даже сказать, умоляютъ, и я не смѣю уклониться. Скажу болѣе, я обязанъ оказать имъ всякое содѣйствіе,—это мой священный долгъ.

— Но въ чемъ же дѣло, князь?

— Дѣло... Какъ бы вамъ сказать... гм... гм... замялся Павелъ Модестовичъ,—но, ради Бога, прошу васъ, убѣдительнѣйше прошу, не придавайте моимъ словамъ какого-либо несоотвѣтствующаго значенія. Дѣло, о которомъ намъ предстоитъ съ вами разсуждать, самое простое и потому совершенно ясное, хотя... разумѣется... если придать ему другой оборотъ и начать его разсмотрѣніе съ точки зрѣнія сомнѣній и колебаній, то... разумѣется... можно Богъ знаетъ куда пойти...

Князь видимо прискивалъ слова и внимательно при этомъ всматривался въ пальцы своихъ морщинистыхъ рукъ, точно въ этихъ именно морщинахъ искалъ болѣе или менѣе мягкихъ выраженій для объясненія своей мысли. Петръ Ивановичъ однако же не понялъ, на что именно намекаетъ онъ, и перервалъ его вновь повторенной просьбой говорить прямо.

— Мнѣ собственно больше нечего и сказать, добавилъ князь,

пожавъ плечами,—я только уполномоченъ передать вамъ, что наследники недовольны завѣщаніемъ и просятъ васъ войти съ ними въ соглашеніе для нѣкоторыхъ въ немъ измѣненій.

— Этого, князь, невозможно, возразилъ Петръ Ивановичъ,— и если вся суть нашихъ переговоровъ только этимъ и ограничивается, то намъ можно разстаться...

— Напрасно, Петръ Ивановичъ, вы такъ рѣшительно говорите, возразилъ князь:—признаюсь, подобнаго, не допускающаго возраженій тона я отъ васъ не ожидаю, и если вы въ самомъ дѣлѣ не намѣрены войти въ соглашеніе съ наследниками, то такое съ вашей стороны упорство можетъ имѣть дурныя послѣдствія...

— Дурныя послѣдствія? Кому? Отчего? Говорите яснѣе.

— Мнѣ кажется, вопросъ поставленъ съ достаточной ясностью, отвѣтилъ князь,—и нужно-ли добавлять, чѣмъ именно вамъ грозятъ наследники, глухо отвѣтилъ князь.

— То есть, чѣмъ же именно? волнуясь, спросилъ Петръ Ивановичъ.

Князь помолчалъ, потомъ оглянулся опять на дверь и шепотомъ сказалъ:

— Они находятъ завѣщаніе незаконнымъ, составленнымъ въ то время, когда больной былъ уже въ агоніи...

Петръ Ивановичъ отшатнулся отъ него и долгимъ, пытливымъ взглядомъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, предположивъ, не шутить-ли онъ; но въ выпуклыхъ сѣрыхъ глазахъ князя не было почти никакого выраженія, и только по подергивавшимся угламъ его рта можно было заключить, что ему вовсе не до шутокъ и что онъ, напротивъ, не менѣе Петра Ивановича, заинтересованъ разговоромъ о завѣщаніи. Но однако же теперь, когда разговоръ ихъ достигъ наконецъ до того пункта, съ котораго, казалось, долженъ былъ обнаружиться самый существенный его интересъ—разговоръ этотъ вдругъ прервался. Князь замолчалъ, всматриваясь въ свои морщинистыя руки, а Петръ Ивановичъ поднялся съ кресла и медленнымъ шагомъ прошелся по комнатѣ, уже не обращая вниманія на то, что ему давно пора ѣхать куда-то по весьма важному дѣлу.

— Ахъ, да! вдругъ, точно опомнившись и сбрасывая съ плечъ мрачныя думы, сказалъ Петръ Ивановичъ,—мнѣ пора. Прощайте, князь.

Павелъ Модестовичъ послѣшно поднялся съ кресла и загоролдизъ гостю дорогу къ дверямъ.

— Добрѣйшій Петръ Ивановичъ, зашепталъ онъ,—одну минуту? Только одну минуту. Я не могу разстаться съ вами, не исчерпавъ всѣхъ средствъ къ соглашенію.

— Никакія соглашенія, князь, невозможны и нечего напрасно тратить время.

— Ахъ, позвольте. Повѣрьте, вы недостаточно знакомы съ положеніемъ дѣла, продолжалъ шептать князь,—вы не можете представить, какая вамъ грозитъ опасность.

— Полноте! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что меня можно запугать. Мальчикъ я, что-ли?

— Будете говорить откровенно, Петръ Ивановичъ, не прерывайте меня, ради Бога, не прерывайте, я вамъ скажу, какъ это можетъ отлично устроиться. Вы дайте семьѣ покойнаго обязательства выдѣлить ей изъ продажи имѣнія двѣсти тысячъ—и дѣлу конецъ; а они вамъ дадутъ обязательство съ своей стороны не предъявлять болѣе никакихъ претензій на имущество покойнаго.

— Что вы говорите, князь, рѣзко перебилъ Петръ Ивановичъ,—развѣ вы въ самомъ дѣлѣ считаете духовное завѣщаніе брата незаконнымъ?

— Я не считаю, я только предупреждаю васъ, что судъ можетъ признать его незаконнымъ.

— А-а! Судъ! Такъ пусть же судъ и разберетъ дѣло, когда такъ! рѣшительно заявилъ Петръ Ивановичъ,—намъ не о чемъ больше, князь, говорить. Мое почтеніе!

— Послушайте, подумайте, уговаривалъ князь, выходя за нимъ въ переднюю и продолжая его упрашивать.

Слуга, выскользнувшій было изъ коридора, чтобы подать гостю шубу, скрылся обратно по знаку князя, и онъ самъ за нимъ притворилъ дверь. Онъ не терялъ еще надежды на мирный ис-

ходь переговоровъ съ Петромъ Ивановичемъ и продолжалъ его упрашивать. Петръ Ивановичъ не слушалъ его шепота и не отвѣчалъ ему ни слова, только тяжело сопѣлъ и дышалъ, напяливая шубу на свои толстыя плечи. Лицо его было красно, глаза сверкали гнѣвомъ; сердито надвинувъ шапку на лобъ, онъ вышелъ изъ передней, едва кивнувъ головой князю.

— Правъ Яковъ, правъ, тысячу разъ правъ! вздыхалъ онъ, спѣша отъ князя въ свой ученый архивъ. Дѣйствительно, на бѣду мнѣ навязалъ покойный братъ свои дѣла. Прямо на бѣду. Вотъ наказанье! Двѣсти тысячъ! Ха! Хорошо!.. Какъ же, держи карманъ. Еще будемъ сначала судиться... И онъ въ сотый разъ припомнилъ слова князя Павла Модестовича:— «завѣщаніе написано въ агоніи». Хорошо! Пусть въ агоніи. Судиться хотите—хорошо, будемъ судиться, пусть такъ, судъ разберетъ... Въ агоніи! Да вѣдь это что же? Вѣдь они меня хотятъ обвинять въ уголовщинѣ, да вѣдь и не меня одного, а Стулова и Кожевникова, и о. Магарія, и главнымъ образомъ, разумѣется, ихъ. Какая нелѣпость! Но изъ-за чего-же эта княжеская родня на скандалъ лѣзетъ, это поразительно. Разумѣется, изъ-за всего этого только одинъ скандалъ выйдетъ, больше ничего и, разумѣется, я имъ въ руки не дамъ ни гроша—получай пять сотъ рублей ежемѣсячно и конецъ.

На службу онъ пріѣхалъ, еще не успокоившись отъ волненія, и прошелъ къ себѣ въ комнату еще болѣе торопливыми шагами, чѣмъ обыкновенно ходилъ. Тамъ, окруженный книгами, безмолвно смотрѣвшими на него съ полокъ и шкафовъ, онъ какъ будто нѣсколько успокоился и даже пригладилъ остатки своихъ сѣдыхъ волосъ на вискахъ, оглядывая давно знакомые ему переплеты и начиная чувствовать себя дома, среди мирныхъ спутниковъ своей жизни. Но это продолжалось недолго, и какъ только онъ взглянулъ на свой письменный столъ, тоже обильно заложенный книгами, какъ опять заволновался, замѣтивъ на немъ письмо. Тревожно разорвавъ конвертъ, онъ сталъ читать письмо, предчувствуя почему-то новыя непріятности. Письмо было отъ Стулова, вѣрнѣе сказать, не письмо, а записка, присланная съ нарочнымъ, всего пять-шесть строкъ, въ которыхъ сообщалось о пріѣздѣ Григорія

Геннадіевича Кожевникова. «Убѣдительнѣйше прошу васъ, уважаемый Петръ Ивановичъ», писалъ Стуловъ въ концѣ записки, — «пожалуйста, не медлите и, не откладывая, поѣзжайте къ Григорію Геннадіевичу за духовнымъ завѣщаніемъ покойнаго Валерьяна Ивановича. Откровенно вамъ скажу, что я съ нетерпѣніемъ жду вашего свиданія съ Кожевниковымъ и горячо желаю разубѣдиться въ одолавающихъ меня подозрѣніяхъ».

— Господи Боже мой, что же это наконецъ такое! досадливо заропталъ Петръ Ивановичъ, — возвратился же Кожевниковъ и даже цѣлыми сутками ранѣ назначеннаго имъ самимъ времени, съ чего еще подозрѣнія? И на чемъ наконецъ они основаны? Вѣдь это просто болѣзнь ужь какая-то, душевное расстройство.

Но однако же, не смотря на болѣзненную, будто-бы, мнительность Стулова, Петръ Ивановичъ не могъ забыть о ней, и спустя какихъ нибудь десять-пятнадцать минутъ, уже снова сидѣлъ на извощичьихъ дрожжахъ, погруженный въ мрачныя размышленія. «А что если, въ самомъ дѣлѣ, подозрѣнія Стулова справедливы, что тогда будетъ? Вѣдь, Царь ты мой небесный, въ самомъ дѣлѣ можетъ разразиться ужасная гроза!»

И охваченный подозрѣніями, унаслѣдованными отъ Стулова, онъ торопился извощика, желая какъ можно скорѣе увидаться съ Григоріемъ Геннадіевичемъ.

XIX.

Григорій Геннадіевичъ Кожевниковъ (уже знакомый отчасти читателю) былъ человекъ обстоятельный и осторожный, взглядъ имѣлъ вкрадчивый и задумчивый, походку неторопливую, бороду большую съ сѣдиной. Одѣвался онъ не то чтобы совсѣмъ по старинѣ и не то чтобы по европейски, а такъ, что называется, по купечески: проборъ на головѣ прямой, «христіанскій», скюртугъ до колѣнъ и брюки на «выпускъ»; — вообще видъ имѣлъ степенный. Въ минуты торговыхъ, денежныхъ или иныхъ какихъ либо затрудненій, требовавшихъ усиленной работы мысли, онъ не волновался, не спѣшилъ и ничѣмъ не выражалъ своего неудовольствія; напротивъ, дѣлался, повидимому, еще спокойнѣе обыкно-

веннаго и, обдумывая свои иногда весьма сложные затрудненія, поглаживалъ себя бороду медленно и нѣжно, точно кота любимаго ласкалъ. «Степенность» видна была во всей обстановкѣ его жизни: въ комнатахъ образцовая чистота, на мебели краснаго дерева нигдѣ ни пылинки, крашеный полъ блеститъ, точно лакомъ покрытый, цвѣтные коврики разсланы дорожками отъ дверей передней по всѣмъ комнатамъ, и сверху по нимъ узенькой полоской бѣлый холстъ. Про образа, ихъ вѣнты, ризы и лампы и говорить нечего: все это безукоризненно блестяще, свѣжо, ярко и цѣнно. Больше всего образовъ въ кабинетѣ — тамъ весь передній уголъ занимаетъ большой шкафъ краснаго дерева со стеклами двухъ-аршинной величины и въ этомъ шкафѣ, сверху до низу, образы въ ризахъ и безъ ризъ, темные и яркіе, большіе и маленькіе. Огни передъ ними горятъ неугасимые и въ комнатахъ пахиваетъ лампаднымъ масломъ, чего впрочемъ ни Григорій Геннадіевичъ, ни семья его совсѣмъ не замѣчаютъ.

Утромъ, въ день смерти Валерьяна Ивановича, когда Григорій Геннадіевичъ, разставшись съ докторомъ на лѣстницѣ и имѣя у себя въ карманѣ завѣщаніе покойнаго Лачужникова, возвратился въ свою квартиру, одна изъ лампадъ случайно потухла. Замѣтивъ это, онъ сдѣлалъ внушеніе своей супругѣ, Марьѣ Ильинишнѣ, которая, какъ нарочно, совсѣмъ не того ждала отъ его прихода.

— Какъ это вы безъ глазъ! упрекнулъ онъ, — долго-ли внушать? кажется, порядочно времени говорю.

— Сейчасъ, Григорій Геннадіевичъ, не доглядишь вѣдь иной разъ, ей-Богу, отвѣтила она и, понизивъ тонъ рѣчи, спросила: — что? какъ хозяинъ-то домовый? Неужели померъ, Григорій Геннадіевичъ?

— Да, преставился! Этакій, можно сказать, смертный случай, а у васъ безпорядки... Этого нельзя, тѣмъ паче, знаете, что свѣдуетъ всегда аккуратно.

— Сейчасъ, Григорій Геннадіевичъ.

Она, не смотря на свою тучность и рыхлость, скоро справилась съ лампадою, подлила масла, перемѣнила свѣтильню и пошла было въ кабинетъ къ мужу, надѣясь услышать отъ него подроб-

ности о томъ, какъ умиралъ Валерьянъ Ивановичъ. Охваченная предвкушеніемъ удовольствія отъ разсказа мужа, она даже отерла себѣ пальцемъ губы, подходя къ дверямъ кабинета; но только что тронула было дверную ручку, какъ Григорій Геннадіевичъ самъ растворилъ дверь и сурово спросилъ:

— Какая надобность?

— Нѣтъ, ничего, я такъ... Хотѣла было... Да нѣтъ, послѣ...

Марья Ильинишна проговорила эти слова испуганно и съ большою поспѣшностью пошла назадъ отъ дверей кабинета.

— Господи, какъ же я давеча не замѣтила, что онъ пришелъ сердитый! дивясь, думала она,— вотъ затмѣніе-то нашло!

Григорій Геннадіевичъ постоялъ нѣсколько времени въ дверяхъ кабинета, смотря вслѣдъ уходившей женѣ, рыжая фигура которой приняла вдругъ скромное, почти приниженное выраженіе, и снова уединился, плотно притворивъ за собой дверь.

— Вотъ народъ! сердито проворчалъ онъ, недовольный тѣмъ, что мѣшаютъ его уединенію,—хоть колъ на головѣ теши — все одно, рассууду нѣтъ!

Масса вопросовъ, опасеній и соображеній нахлынула на него со всѣхъ стѣронъ. Ему никакъ не удавалось спокойно поразобратъся съ ними и поразмыслить о томъ положеніи, въ какомъ онъ вдругъ неожиданно оказался. И только что онъ хотѣлъ было засѣсть въ уголокъ на диванѣ и поразглядилъ бороду въ видѣ вступленія въ область своихъ сложныхъ соображеній, какъ опять дверная ручка пошевелилась.

Григорій Геннадіевичъ рванулся съ дивана и, судя по гнѣвному его настроенію, долженъ былъ, казалось, разразиться градомъ упрековъ на того дерзкаго, который осмѣлился его безпокоить въ такую минуту, но онъ овладѣлъ собой и какъ ни крѣпко была сжата въ его рукѣ дверная ручка, дверь комнаты онъ растворилъ безъ всякаго шума.

— Что за необходимость? спросилъ онъ стоявшаго у дверей прикащика.

— Изъ магазина прислали, Христофоръ-съ Григорьевичъ, отвѣтилъ прикащикъ, подавая телеграмму.

Григорій Геннадіевичъ изподлобья повелъ на него глазами, не торопясь, развернулъ депешу и потомъ, кивнувъ прикащику головой, далъ этимъ знать, чтобы онъ уходилъ. Депеша была неважная, сообщалъ кто-то о цѣнахъ на фрукты въ Одессѣ, но за нее Григорій Геннадіевичъ ухватился, какъ за подходящій предлогъ къ отъѣзду изъ Петербурга.

— Нѣтъ, надо уединиться денекъ другой, иначе нѣтъ возможности сообразить, рѣшилъ онъ и, недолго думая, вышелъ изъ кабинета.

— Марья Ильинишна, эй! дѣвица! Позови сюда Марью Ильинишну!

Марья Ильинишна выплыла изъ дальнихъ комнатъ и, заключая по тону голоса мужа, что «все пока благополучно», спросила пѣвучимъ голосомъ:

— Что, Григорій Геннадіевичъ, вамъ угодно? Чаю, что-ли, прикажете подать?

— Если есть, дай стаканчикъ. Чтожъ, ничего, покорнѣе даже благодарю, отвѣтилъ онъ, — ну, только вотъ что я тебѣ скажу, надо вѣдь ѣхать.

— Какъ ѣхать! Куда это, Григорій Геннадіевичъ?

— Да такъ, не очень чтобы далеко, а нужно. Депеша, вишь ты, получилась; необходимо самому, дня на два. Въ Царское... То бишь, что я говорю,—въ Кронштадтъ. Ежели кто спросить, скажи: послѣ завтра вернусь.

— А какъ-же похороны-то хозяйна? Неужели, Григорій Геннадіевичъ, не будете на похоронахъ-то? Нехорошо, чай.

— Ну, что же дѣлать, со вздохомъ отвѣтилъ онъ, никакъ не возможно, да притомъ и то сказать, я вѣдь не особенно близко былъ знакомъ. Вотъ развѣ только при завѣщаніи-то присутствовалъ...

— Ну, а какъ, Григорій Геннадіевичъ, голубчикъ, что онъ, кому опредѣлилъ... сколько...

Григорій Геннадіевичъ точно не слышалъ этого вопроса. Онъ задумчиво посмотрѣлъ на часы; взглянулъ на потолокъ, какъ-бы читая тамъ отвѣтъ на свои думы, и сказалъ:

— Надо однако поспѣшить, поѣздъ-то въ Ранбовъ идетъ че-

резъ часъ, только что развѣ успѣешь доѣхать, да и то на хорошемъ извощикѣ.

Онъ не взялъ съ собой никакого багажа, ни саквояжа, ни подушки, а въ чемъ обыкновенно ходилъ въ городѣ, въ томъ и уѣхалъ, только мѣховую шапку надѣлъ вмѣсто шляпы. Марья Ильинишна предложила было и «подорожничковъ», и «чаю—сахару», и толстую шаль, «колѣна, молъ, прикрыть, ежели студено»; но повторять своихъ предложеній она не рѣшилась, такъ какъ замѣтила, что Григорій Геннадіевичъ «смотреть не весело».

— Что-й-то, Христиныка, отецъ такой уѣхалъ беспокойный! спросила она потомъ сына, когда онъ возвратился къ обѣду.

— Какъ беспокойный, маменька? изумился сынъ,—ничуть! У васъ это все отъ воображенія. Совсѣмъ напротивъ; онъ заходилъ въ магазинъ и очень даже ласково обращался. Послѣ завтра, а можетъ быть, говорить, если управится, такъ и завтра оборотить. Захватилъ съ собой фунтъ мармеладу...

— Ну, ежели сладкое взялъ, такъ это ладно... Только, Христиныка, какъ хочешь, а онъ не въ духѣ, давно я его такимъ не видывала.

— Какъ угодно, возразилъ сынъ,—а по мнѣ онъ такой-же, какъ всегда. Дѣйствительно, онъ не любитъ, когда много говорить, это правда, зато ужъ и самъ, знаете, тоже не распространяется. Молчальникъ, одно слово.

— Зато ежели разсердится, такъ по недѣлѣ не говорить.

— Это положимъ, маменька, правда, только сегодня онъ ни чуточку не сердить. Зашелъ давеча въ магазинъ, все какъ есть, честь честью, взялъ мармеладъ и уѣхалъ...

Дѣйствительно Григорій Геннадіевичъ заходилъ въ магазинъ, но не столько для того, чтобы взять «сладкаго», сколько изъ дальновидныхъ соображеній—не дать повода сыну и прикащикамъ думать что либо «нескладное» о его поѣздкѣ. Онъ вышелъ изъ магазина съ улыбкой на лицѣ, но какъ только сѣлъ въ извошничьи сани, тотчасъ же поднялъ воротникъ шубы, надвинулъ шапку на уши и отдался своимъ соображеніямъ.

— Царь ты мой небесный, пресвятая Владычица! думалъ

онъ,—неужели такъ и отступить? Этакій, можно сказать, рѣдкостный и преудивительный случай, и пропустить мимо! Да ежели теперича это самое завѣщаніе попало ко мнѣ въ карманъ, можно сказать, даже супротивъ моей воли—неужли мнѣ дурака разыграть? Шутка-ли, полмилліона у меня въ рукахъ; могу одному отдать, могу другому, и неужели такъ задаромъ отдать? Нѣтъ, это невозможно допустить. Да за такое дѣло сто тысячъ надо взять! А отвѣтственность?.. Какая отвѣтственность, за что?... «Утратилъ гдѣ-то, обронилъ, забылъ... Не помню!».. Въ суетѣ-то мало-ли что бываетъ: позвали, заторопился, а тутъ свои дѣла, кинулся, сломя голову, и окончательно не помню, куда сунулъ». Да и притомъ, ежели разсудить, какой мнѣ, напримѣръ, расчетъ чужое завѣщаніе себѣ присвоивать?—Нешто я наслѣдникъ, часть какую въ немъ имѣю, что-ли?...

Онъ пріѣхалъ на балтійскую желѣзную дорогу, взялъ билетъ до Ораніенбаума и, усѣвшись въ уголокъ вагона, сталъ поглаживать свою бороду.

— Неосторожность—и только! Внушеніе какое-нибудь можетъ быть за это—не болѣе ни въ какомъ разѣ. А между тѣмъ, отъ этой моей неосторожности пятьсотъ тысячъ рублей серебромъ могутъ попасть совсѣмъ не въ тѣ руки, въ которыя онѣ назначены. Тамъ судись, доказывай, что такъ-то и такъ-то; было, молъ, завѣщаніе и было въ немъ написано то-то и то-то,—ничего изъ этого путнаго не выйдетъ, потому что завѣщаніе было да сплыло. Гм... гм... Такъ, такъ,—поощрялъ онъ самъ себя,—такъ, дѣло чистое и ясное, и сомнѣній нѣтъ; все сводится къ одному: есть завѣщаніе—наслѣдникъ Петръ Ивановичъ: нѣтъ завѣщанія—законные наслѣдники сынъ и жена покойнаго. Вѣрно! И толковать нечего.

Такого рода соображенія занимали Григорія Геннадіевича все время пути по желѣзной дорогѣ. Онъ, такъ сказать, примѣривался къ попавшему въ его руки случаю со всѣхъ сторонъ, и со всѣхъ сторонъ выходило гладко и чисто: отвѣтственности никакой, а барышъ сорвать можно. Пока его соображенія сосредоточивались только на одной части занимавшаго его вопроса объ отвѣтственности,

онъ спокойно сидѣлъ въ углу и поглаживалъ свою бороду въ пріятномъ сознаніи своей безопасности и предстоящихъ денежныхъ выгодъ; но потомъ, когда выдвинулась впередъ вторая часть вопроса, а именно о томъ, какіе подходы нужно сдѣлать для того, чтобы безъ всякой опасности положить себѣ въ карманъ сто или, по крайней мѣрѣ, семьдесятъ пять тысячъ чужихъ денегъ,—онъ не могъ усидѣть въ углу: показалось почему-то неудобно, неловко—и отъ окна какъ будто дуло, и дверь близко, и вообще мѣсто вдругъ не понравилось. Онъ пересѣлъ на другой диванъ, но и здѣсь соображенія его тоже почему-то не очень ровно шли.

— Гм... гм... думалъ онъ,—это, дѣйствительно, обстоятельство очень и очень сложное. Надо его разобрать умѣючи, нельзя какъ нибудь наскоро скомкать, да-а! Ежели объясниться (надо лично и безпрерывно съ глазу на глазъ, чтобы и стѣны не слышали) но съ кѣмъ объясняться? Умная у нихъ голова и единственная, можно сказать, во всемъ ихъ родѣ—сама старушка Елена Модестовна. Съ нею только и можно разговоръ вести. Князь-то, братецъ ея, довольно много мы о немъ наслышаны—труба и больше ничего. Значить, нужно со старухой перекинуться. Пойметъ! Она пойметъ. Огромнѣйшаго ума женщина. Но что же сказать, какъ приступить, съ чего, напримѣръ, и почему?—это, впрочемъ, само собою придетъ и выложится. Не въ этомъ суть. Самый корень вопроса въ томъ, можетъ-ли она мнѣ заплатить заблаговременно, прежде чѣмъ завѣщаніе я ей вручу? Дѣла вѣдь и у нея тоже по-разстроены! Обязательство взять,—вексель или тамъ что нибудь такое обезпечивающее?.. Нѣтъ! нѣтъ, и думать нечего! Невозможно: этакъ дѣйствовать все равно, что головой въ омутъ лѣзть. Но сто, либо семьдесятъ пять тысячъ — деньги большія, гдѣ ей достать ихъ, хотя-бы и при связяхъ... И пятьдесятъ тысячъ огромныя деньги; хорошо-бы, пожалуй, и пятьдесятъ взять. Но вѣдь и такой суммы ей достать не у кого, дворяне обѣднѣли, а у нашего брата и тысячи не выпросить: нѣтъ имъ кредиту вовсе...

Онъ пріѣхалъ въ Ораніенбаумъ и дальше ѣхать не захотѣлъ, «все равно, молъ, и здѣсь никто не помѣшаетъ». Однако же, не смотря на полное уединеніе въ номерѣ гостиницы, размышленія

его никакъ не могли двинуться дальше того пункта, на которомъ остановились еще во время дороги. «Вотъ и заколодило, досадоваль онъ, сидя около самовара, давно уже остывшаго, и выходить такъ, напримѣръ, что и близко какъ будто барышъ, вотъ-вотъ только стѣять къ нему руку протянуть, а какъ присмотришься — ой-ой далеко. Живота, можно сказать, прежде лишиться, чѣмъ до него доберешься»... «А отчего бы не рискнуть, — думаль онъ, спустя нѣсколько времени, — обязательства, напримѣръ, надежныя взять, въ видѣ, положимъ, долгосрочныхъ векселей, да еще съ такимъ подходцемъ, чтобы и время выдачи ихъ обозначить впередъ мѣсяцевъ на шесть; теперь, къ примѣру, декабрь; ну, значить, отъ іюля. Тогда подозрѣнія, разумѣется, не будетъ никакого; но вѣдь зато и ненадежно это: могутъ меня же въ дуракахъ оставить — уѣдутъ за границу, на самый этотъ іюль, а потомъ и заявятъ, что никакихъ векселей они мнѣ не выдавали, даже и въ Россіи ихъ въ томъ мѣсяцѣ, отъ котораго выданы векселя, не было, представятъ при этомъ свои заграничные паспорта, и нарочно еще съ самыми ясными доказательствами пребыванія своего гдѣ нибудь въ Римѣ, либо въ Парижѣ. Векселя, скажутъ, фальшивые и слѣдуетъ, молъ, этого самаго векселе-держателя, купца Кожовникова, отдать подъ уголовный судъ и сослать въ Сибирь на поселеніе. Нѣтъ, это дѣло не подходящее: такимъ товаромъ не торгуемъ».

Онъ налилъ себѣ стаканъ холоднаго чаю, взялъ въ руки палочку мармеладу, лежавшаго на столѣ въ развернутой бумажѣ, и, всматриваясь внимательно въ эту палочку, продолжалъ размышлять о занимавшемъ его предметѣ. Потомъ, вѣроятно, въ его соображеніяхъ наступилъ извѣстный перерывъ; онъ залпомъ выпилъ почти весь стаканъ и опять задумался. «Если взять, думаль онъ, обязательство законное, въ видѣ тѣхъ же векселей отъ настоящаго числа этого мѣсяца; словомъ, какъ слѣдуетъ, по порядку и по формѣ... Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, опасно: подозрѣнія могутъ возникнуть — узнаетъ какъ нибудь Петръ Ивановичъ или этотъ Стуловъ (о, онъ пронюхаетъ, вышаритъ въ самомъ темномъ углу), и если узнаютъ, тогда не вывернешься, и уголовщина выйдетъ настоящая.

Да какъ же еще не уголовщина, ежели самъ заявилъ, что завѣщаніе потерялъ гдѣ-то, а въ то же время съ княжеской родни векселя взялъ, какъ будто далъ имъ взаймы пятьдесятъ (положимъ, хоть пятьдесятъ) тысячъ. Не явное развѣ будетъ въ этомъ доказательство, что завѣщаніе вовсе не утеряно, а продано имъ. Нѣтъ, такъ нельзя и не такіе мои года, чтобы, очертя голову, лѣзть въ омутъ»...

Полчаса — часъ спустя, онъ, утомясь своими думами и не найдя безопаснаго выхода изъ того положенія, которое еще недавно казалось ему такимъ заманчивымъ, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. Онъ недоволенъ былъ всѣмъ, и городомъ, и жалкими прутьями деревьевъ, тянувшихся въ видѣ аллеи около домовъ, и самимъ собой. Больше всего, конечно, самимъ собой. Заложивъ руки за спину и легонько покачивая головой изъ стороны въ сторону, въ видѣ какъ бы порицанія себѣ за то, что такъ много потратилъ времени на совершенно ненужную поѣздку, онъ вдругъ какъ-то странно отступилъ отъ окна, явно съ неожиданной послѣдностью, точно увидалъ на улицѣ какое-то лицо, которое, по его соображеніямъ, вовсе не должно было знать о его временномъ пребываніи въ Ораніенбаумѣ. Между тѣмъ по улицѣ, мимо оконъ гостинницы въ эти минуты никто не проходилъ, и какъ зачастую бываетъ въ уѣздныхъ городахъ, вся улица, съ одного края до другаго, представляла совершеннѣйшую пустыню безъ признака жизни, и только потомъ уже, спустя добрыхъ полчаса, показались вдали двое солдатъ, которые, какъ можно было судить по ихъ виду, были немножко навеселѣ и придерживали другъ друга за плечи, преоборая законы тяготѣнія. Конечно, не отъ ихъ взглядовъ послѣдшилъ укрыться въ глубь комнаты Григорій Геннадіевичъ. Онъ послѣдно отошелъ отъ окна подъ влияніемъ новой, вдругъ озарившей его мысли и даже руки сдѣлалъ ферткомъ и ноги широко разставилъ, остановившись предъ диваномъ и смотря на него во всѣ глаза. Диванъ былъ грязный съ ямами на подушкѣ и съ ободранной мѣстами матеріей. Но онъ теперь не видалъ ни дивана, ни его грязи и ничего другаго, находившагося въ комнатѣ. «Вотъ она статья какая, думалъ онъ, — вотъ надо гдѣ искать вы-

хода, надо съ Петромъ Ивановичемъ поладить, да! Съ нимъ надо, а не съ княжеской родней, вотъ это будетъ дѣльно и резонно. Здѣсь уже нѣтъ никакого риска: завѣщанія я не скрывалъ, не уничтожалъ—все честно, благородно. Съ нимъ и въ обязательства войти безопасно;—долженъ, и только, занималъ, далъ вексель—и конецъ!—За какую-же, напримѣръ, нитку можно будетъ ухватиться, чтобы вытянуть на свѣтъ Божій истинную причину моихъ къ нему денежныхъ отношеній. Да и кто-же будетъ искать? Жена или сынъ покойника, или старая княгиня? Что-же они найдутъ—ровно ничего, ибо завѣщаніе законное и передано законному наследнику. Ну, а если да самъ Петръ Ивановичъ не согласится на мое предложеніе, а? задумался онъ чрезъ нѣсколько времени,—но какъ же ему не согласиться, когда завѣщаніе въ моихъ рукахъ, и я могу его не отдать. Не пойметъ развѣ—вѣдь безсребренникъ... Придется, пожалуй, вводить въ эти переговоры Стулова... Гм... гм... Стулова... Вотъ ужъ его-то мнѣ не хотѣлось-бы... Ну, да дѣло впереди, тамъ увидимъ... Нѣтъ, вотъ что удивительно, какъ это мысли наши слагаются капризно: вѣдь не пришло же мнѣ въ голову объ этомъ своевременно и прямо съ разу, вѣдь болесиль-то какъ по сторонамъ столько времени... Впрочемъ и то слава Богу, по крайности додумался. Главное, теперь хорошо то, что безопасно: дай обязательство, завѣщаніе передамъ; не дашь—утрачено, затерялось гдѣ то... Какая-жъ моя вина?» При дальнѣйшихъ своихъ соображеніяхъ, онъ, какъ видно, не встрѣчался уже ни съ какими неожиданностями, и если не выѣхалъ тотчасъ же изъ Ораніенбаума обратно въ Петербургъ, то только потому, что поѣздъ уже ушелъ и можно было выѣхать лишь на послѣднемъ вечернемъ поѣздѣ. Онъ возвратился домой поздно ночью, именно послѣ полуночи; но оказалось однакоже, что, несмотря на такой поздній часъ, Стуловъ узналъ о его пріѣздѣ.

Д. Стахѣевъ.

(Продолженіе будетъ).

Народность во внѣшней политикѣ Москвы.

I.

Если въ вопросѣ о связи внутренней политики какого-либо государства съ господствующею въ немъ народностью бываетъ довольно легко прослѣдить признаки этой послѣдней, то подобнаго рода работа становится слишкомъ затруднительною въ приложеніи ея къ политикѣ внѣшней. Обыкновенно въ области этой политики не только отдѣльныя нити, но и общій ходъ дѣлъ остаются исключительно въ рукахъ правящихъ лицъ, а народъ бываетъ или безмолвнымъ зрителемъ, или только послушнымъ орудіемъ заранее возникшихъ замысловъ и очень часто безсознательно участвуетъ въ такихъ внѣшнихъ предпріятіяхъ, окончательная цѣль которыхъ и способы исполненія остаются ему вовсе неизвѣстны. Случается это безусловно тамъ, гдѣ народъ не имѣетъ возможности принимать какое-либо участіе въ государственныхъ дѣлахъ въ лицѣ избранныхъ своихъ представителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и осязательный отпечатокъ народности весьма слабо или даже вовсе не ложится на событія, происходящія въ области внѣшней политики. У насъ, по стародавней поговоркѣ, народъ какъ бы противопоставляетъ себя правительству, даже въ самомъ главномъ проявленіи внѣшней политики— въ войнѣ, говоря: «казна, т. е. правительство, воюетъ, а міръ горюетъ».

Въ старинной, до-московской Руси, дѣла внѣшней политики не были, впрочемъ, скрываемы отъ народа таинственностью дипломатіи. Вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшались всенародно на вѣчахъ, и потому каждый могъ знать, куда и зачѣмъ онъ идетъ съ оружіемъ въ рукахъ. Всѣмъ было извѣстно, зачѣмъ привъ-

жали тѣ или другіе послы и кто съ кѣмъ хочетъ «сложиться», т. е. соединиться, чтобъ воевать противъ общаго врага. Такая общеизвѣстность по дѣламъ внѣшней политики была въ давнее время неизбежна: дѣла этого рода были очень просты, не сложны, да и при существованіи въ до-московской Руси вольныхъ дружинъ нельзя было не объявлять заранѣе, противъ кого и почему именно эти дружины выступаютъ, и отправляются-ли онѣ въ близкій, или въ дальній походъ.

Такая упрощенность дѣлъ внѣшней политики измѣнялась на Руси мало-по-малу, соотвѣтственно политическому росту Москвы, которая къ концу своего государственнаго первенства обзавелась уже дипломатіею, отличавшеюся тонкостями и ухищреніями этого искусства или науки вообще. Уже къ началу XVI столѣтія, въ Москвѣ про какое-либо важное государственное дѣло стали говорить: «про то вѣдаетъ Богъ, да великій князь». Если въ московскую пору народъ все дальше и дальше былъ устраняемъ отъ участія во внутреннихъ дѣлахъ государства, то тѣмъ рѣшительнѣе устанавливалось его отчужденіе по дѣламъ внѣшнимъ. Вѣча, на которыхъ онъ, въ стародавнюю пору, имѣлъ право обсуждать и рѣшать дѣла этого рода, въ Москвѣ уже не допускались: они считались тамъ «суймомъ», мятежемъ, крамолюю, и народъ не зналъ, съ кѣмъ онъ завтра будетъ воевать или мириться; какія требованія будутъ или могутъ быть предъявлены побѣдителемъ и до какихъ уступокъ дойдетъ побѣжденный. Служилые московскіе люди пріучались исполнять приказанія правительственной власти безъ всякихъ о томъ разсужденій, быть «послушными до крови и смерти», и ни въ какомъ случаѣ никто не могъ подавать правительству своего рѣшающаго голоса.

Такая, сравнительно съ прежнимъ, отчужденность народа отъ дѣлъ внѣшней политики и естественна, и понятна. Москва призвана была создать на Руси государственность; она имѣла свои особыя политическія задачи, расширявшіяся все болѣе и болѣе, по мѣрѣ возрастанія ея политическаго могущества. Ей не встало было ограничиваться только тѣсными понятіями «московскихъ людей разныхъ чиновъ», которые были обязаны безъ всякихъ разсужденій исполнять то, что имъ прикажутъ; государственная власть, установившаяся въ Москвѣ, искала для своей дѣятельности большаго простора, сравнительно съ тѣмъ просто-

ромъ, какой былъ достаточенъ для прежнихъ незначительныхъ вняженій. Притомъ, она стала руководить мнѣніемъ народа, а не народъ могъ указывать или внушать ей то или другое.

Но скажутъ намъ: вѣдь и помимо прямого участія населенія или хоть избранныхъ его представителей,—въ дѣлахъ внешней политики мысль народа можетъ проявляться въ сочувствіи или несочувствіи къ какому-нибудь внешнему предпріятію правительства. Конечно, такіе случаи возможны; но, во-первыхъ, это бываетъ и рѣдко, и только временно, а, во-вторыхъ, въ подобныхъ случаяхъ трудно отличить искренность отъ дѣланности, истинныя чувства — отъ напыщеннаго краснорѣчія, и «подъемъ духа» — отъ расторопности волостныхъ старшинъ, и, преимущественно, таковыхъ же писарей. Положимъ, что по дѣламъ внешней политики проявляется порою и истинное увлеченіе народа, но едва ли ему можетъ быть присуще, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сознаніе дѣйствительнаго значенія подобнаго рода дѣлъ, необходимое однако для правильнаго, если и не глубокаго ихъ разумѣнія.

Вообще направленіе внешней политики не можетъ въ настоящее время исходить самобытно изъ думъ и помысловъ народа, хотя, на словахъ и на бумагѣ, можно выставлять совершенно иное. Что же касается въ частности русскаго народа, то онъ былъ отчужденъ къ концу московской поры нашей исторіи отъ всякаго участія въ дѣлахъ международнаго свойства, да едва-ли онъ когда-нибудь и могъ принимать въ нихъ какое-либо участіе, если только признать правильнымъ основное положеніе московскихъ народниковъ, будто въ русскомъ народѣ «нѣтъ ни малѣйшаго политическаго элемента, нѣтъ никакого политическаго духа». Такое отрицательное свойство нашей народности вообще представляется еще вѣроятнѣе во время существованія «государства московскаго», когда не только народъ вообще, но и князья и «преимуціе» люди, при господствующей въ ту пору темнотѣ, не могли имѣть даже самыхъ необходимыхъ свѣдѣній для уясненія себѣ положенія и хода дипломатическихъ дѣлъ.

Если такимъ образомъ русскій народъ былъ отчужденъ отъ дѣлъ внешней политики, вслѣдствіе общаго порядка государственнаго управленія, своего невѣдѣнія относительно этихъ дѣлъ

и даже врожденной (по увѣренію московскихъ славянофиловъ) неспособности понимать ихъ,—то все же, не смотря на это, могли проявляться черты «національной», или «народной» политики, какъ въ существѣ дѣлъ внѣшнихъ, такъ и въ способахъ ихъ веденія непосредственно самою правительственною властью. Мы посмотримъ, что представляетъ въ этомъ отношеніи наша исторія въ продолженіе существованія «государства московскаго». Но вотъ тутъ-то и начинается у нашихъ «народниковъ» головоломная работа съ примѣсю къ ней незнанія отечественной исторіи; тутъ появляются: извращеніе событій, неумѣстный задоръ, личные воззрѣнія безъ всякой опоры на дѣйствительность, разныя воскуриванія и желаніе порисоваться какъ своею глубоко проницательностью, такъ и патриотическимъ, иной разъ ложно понимаемымъ, чувствомъ. Появляются: «политическое призваніе», «великія миссіи», «историческія задачи» и разныя другія приправы политико-прянаго свойства, о которыхъ вовсе не вѣдалъ, да и понынѣ не вѣдаетъ нашъ народъ. Среди всего этого, во имя «народности», вовсе еще не изученной съ должною добросовѣстностью, но просто-на-просто сочиненной на досугъ, народники наши забираются въ далекую будущность, проницательно глядятъ въ окутанную туманомъ даль и взбираются на такія крутыя выси, на которыхъ должна закружиться голова. Начинаются пустые толки, даже кабалистическаго пошиба, приводятся въ основу отвлеченности, очень часто благопріобрѣтаемыя съ Запада, а не почерпнутыя изъ думъ русскаго народа, и многіе хотятъ играть этимъ «народомъ», какъ пѣшками, для торжества какого-то придуманнаго ими, якобы народнаго, міровоззрѣнія. Здѣсь, по дѣламъ внѣшней политики, часто сизятся привлечь народъ къ тому, чему онъ не только не сочувствуетъ, но и о чемъ вовсе даже не помышляетъ. За него вопять непризванные имъ толковники, не только не имѣющіе съ ними умственной, ни сердечной связи, но даже не озаботившіеся предварительно ознакомиться съ его свойствами, съ его политическимъ кругозоромъ и съ его духовнымъ настроеніемъ. Эти отважные мнимо-народные «премьеры» предначертываютъ смѣлою рукою, подъ именемъ «національной», или народной внѣшней политики, въ сущности ту же самую политику, которую они такъ яростно порицаютъ за ея уклоненіе отъ народнаго духа и

народныхъ помысловъ. Еслибы они высказывали свои широкія политическія затѣи, не опираясь ложно на смыслъ русскаго народа, то ихъ—какъ говорилось въ старину—«роготрубленія» могли-бы имѣть свою относительную цѣнность, какъ мнѣнія людей «интеллигентныхъ», но коль скоро они, въ подмогу своихъ личныхъ мнѣній или только порывовъ и чувствъ призываютъ народные промыслы и желанія, то ихъ политическое ученіе оказывается не болѣе, какъ собственнымъ ихъ измышленіемъ.

Скажемъ откровенно, что если наша внѣшняя политика, съ западно-европейскою закваскою приходится не по вкусу русскому народу, то и политику, приготовляемую нынѣ на «московскихъ», или «домашнихъ» дрожжахъ, нельзя также назвать ни «національною», ни «народною», потому что и она, въ свою очередь,— политика только искусственная, заготовляемая въ подражаніе Западу. Она, во многихъ случаяхъ и притомъ особенно важныхъ, не соотвѣтствуетъ ни потребностямъ, ни стремленіямъ русскаго народа, ни исторической его жизни, а потому можетъ годиться развѣ только для обстановки оперы или балета, съ содержаніемъ, будто-бы заимствованнымъ изъ русскихъ правовъ.

Добавимъ къ этому, что если наша внѣшняя политика «петербургскаго періода» подвергается со стороны московскихъ народниковъ справедливому осужденію за забвеніе «національныхъ интересовъ», а также за заискиваніе передъ западною Европою, то приходится спросить, не подлежитъ-ли подобному осужденію и политика московской поры? Говорить объ этомъ голословно мы себѣ не позволимъ, но при посильномъ съ нашей стороны разсмотрѣніи этого вопроса, будемъ опираться на наши родныя бытописанія.

II.

Начнемъ съ того, что московское правительство по вопросамъ внѣшней политики не придавало никакого значенія народному голосу. Противъ этого приверженцы московской старины смѣло возражать намъ: а земскіе-то соборы? Съ внѣшней стороны они будутъ правы, такъ какъ дѣйствительно на нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ предлагались вопросы, относившіеся ко внѣшней политикѣ. Такъ, соборы въ 1618 и 1619 годахъ были созданы по случаю нашествія Владислава на государство Мо-

сковское; на соборъ 1621 года государь и патріархъ говорили о неправдахъ Польши; на соборъ 1632 года было положено—объявить войну Польшѣ; въ 1637 году былъ созванъ соборъ по случаю нашествія хана крымскаго; въ 1642 году происходилъ соборъ по вопросу объ Азовъ; въ 1653 году по вопросу о подданствѣ Малороссіи. Мы не будемъ вовсе говорить здѣсь о мнимомъ политическомъ значеніи упомянутыхъ соборовъ (что уже набило оскомину русскому читателю), ибо они клонились собственно къ установленію сбора денегъ и сбора даточныхъ людей, но такъ какъ у насъ идетъ рѣчь о народности, то, въ связи съ этимъ собственно вопросомъ, мы посмотримъ лишь, насколько самъ народъ участвовалъ въ этихъ соборахъ. Наши мнимые народники, возставая противъ европейскихъ «правовыхъ порядковъ» и предлагая, взамѣнъ ихъ, старо-московскіе, «домашніе», утверждаютъ, что подражаніе западу ведетъ къ «господчлнѣ». Оказывается, однако, что самородный ея образецъ являла именно Москва и что «господчина» властвовала во всю ширь государства московскаго.

На земскихъ соборахъ, кромѣ духовныхъ властей, являлись бояре, люди служилые, дворяне, купцы и выборные отъ городовъ; но если торговые и выборные люди не могутъ считаться въ точномъ смыслѣ «господами», то бояре и люди служилые были истинными представителями «господчины», какъ владѣльцы помѣстій и вотчинъ, населенныхъ закрѣпощеннымъ крестьянствомъ. Были соборы,—а именно въ 1618, 1637 и 1653 годахъ,—состоявшіе только изъ лицъ духовнаго чина и людей служилыхъ, безъ всякаго участія представителей какихъ либо другихъ «чиновъ». На соборахъ 1619, 1634 и 1643 годовъ, кромѣ духовенства и служилыхъ людей, призваны были люди торговые, преимущественно московскіе; слѣдовательно, представителей народа, горожанъ и крестьянъ на нихъ не было. На соборы 1613, 1614, 1616, 1621, 1632 и 1649 годовъ были призваны выборные, но только изъ городовъ, а отъ крестьянъ и тутъ никого не было. Между тѣмъ на соборахъ, состоявшихся даже вовсе безъ выборныхъ людей, какъ, напримѣръ, на соборъ 1632 года, было постановлено: для продолженія войны съ Польшею, взять со всего государства снова пятую деньгу. Такимъ образомъ, не только крестьяне, но и горожане,—не уча-

ствовавшіе на соборѣ, въ лицѣ своихъ выборныхъ, — принуждены были, для веденія дѣлъ внешней политики, вынести новый тяжелый налогъ по опредѣленію лицъ, совершенно чуждыхъ ихъ положенію. Несомнѣнно, что личный составъ земскихъ соборовъ, на которыхъ — допустимъ мы это — обсуждались вопросы внешней политики, убѣждаетъ какъ нельзя лучше, что въ такихъ случаяхъ народъ былъ ровно не при чемъ, а несъ только тяготы, налагаемыя на него по приговорамъ тогдашней «господчины». Преобладаніе господчины въ царствѣ московскомъ выразилось весьма явственно и въ молитвенномъ возгласеніи, внесенномъ въ «служебники» московскаго изданія. Тамъ, послѣ молитвы о царѣ, вписана молитва «о боярѣхъ, иже землею русскою пекутся».

Положимъ, впрочемъ, что всѣ приводимыя нами указанія о безучастіи народа ровно ничего не значатъ и что на земскихъ соборахъ дѣла внешней политики обсуждались при участіи представителей всего народа. Но развѣ такое его участіе уничтожилъ «петербургскій періодъ»? Совсѣмъ нѣтъ; — уничтожила это еще Москва. Еще въ ней, а не въ Петербургѣ, прекратилось всякое обращеніе къ народу по вопросамъ внешней политики, и русскій народъ не Петербургу, а приказной и подъячьей Москвѣ напомнилъ о своемъ существованіи потрясеніемъ всего государства подъ стягомъ Разина...

Мысль о полномъ отчужденіи народа и даже всей вообще земли отъ участія въ дѣлахъ внешней политики высказалъ еще царь Иванъ IV. Когда къ нему явились шведскіе послы отъ имени короля и всей «земли шведской», то онъ сказалъ имъ: «землю великимъ государямъ не приписываютъ» и добавилъ, что король у шведовъ «въ головахъ, точно староста въ волости».

Въ старинныхъ нашихъ дипломатическихъ переговорахъ, перепискахъ, и такъ называемыхъ «докончаніяхъ» не встрѣчается никакихъ указаній ни на желанія, ни на стремленія народа. Здѣсь все носитъ на себѣ строгій отпечатокъ ничѣмъ не нарушаемой государственности. Признаки такой отчужденности народа являются и въ «петербургскій періодъ», но это было не мѣстное новшество, а только московское наслѣдіе. Лишь со времени императрицы Анны Ивановны, по всей вѣроятности

только вслѣдствіе развитія риторическихъ красотъ нашего языка, но не политическихъ воззрѣній, начинаютъ встрѣчаться упоминанія о «россіянахъ». При Екатеринѣ II, въ издаваемыхъ ею напыщенныхъ манифестахъ, касавшихся дѣлъ внѣшней политики, уже часто упоминаются и «россіяне», и «россы», съ восхваленіемъ ихъ добродѣтелей, доблестей и подвиговъ, и съ уподобленіемъ ихъ древнимъ римлянамъ. При Александрѣ I, когда Россіи пришлось бороться съ Наполеономъ, въ бумагахъ, относившихся къ дѣламъ внѣшней политики, стали выставять народъ, какъ политическую и нравственную силу.

Должно, однако, сказать, что и при полной отчужденности народа отъ участія въ дѣлахъ внѣшней политики, политика эта можетъ считаться «народной», или «національною», въ томъ случаѣ, если она ставитъ на первое мѣсто исключительно выгоды своего государства и не тратитъ народныхъ силъ и средствъ на сторону, изъ-за тщеславія, династическихъ родственныхъ связей, или изъ-за пустой затѣи. Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на нашу политику московской поры, то она можетъ быть признана «народною», или—что еще лучше—«народолюбивою политикою». Само собою разумѣется, что такой разумной политикѣ въ значительной степени способствовало обособленіе Московіи отъ Европы. Но и помимо этого, Москва руководствовалась постоянно себялюбивыми расчетами. Она не любила затрачивать свои силы на такія внѣшнія предпріятія, которыя не вызывались очевидною необходимостью, не гонялась за призраками и всюду поступала съ крайнею осторожностью и похвальною сдержанностью, безъ подогрѣваемыхъ увлеченій.

Такъ, напримѣръ, она отказывала Малой Руси въ защитѣ отъ поляковъ и въ принятіи ея подъ свою руку, отзываясь, что «мысль эта въ самихъ васъ не утвердилась, укрѣпленія въ этомъ между вами еще нѣтъ, не можете стоять одни противъ поляковъ». Въ этой уклончивости видна полная противоположность тому закусыванію удила, какимъ отличаются наши народники и «поворотники» въ Москву!..

Не безъ увѣренности можно сказать, что еслибы такія свойства московской политики перешли въ наслѣдіе петербургской и еслибы «петербургскій періодъ» слѣдовалъ похвальнымъ завѣтамъ и преданіямъ московской старины, то, напримѣръ, по-

сылка нашихъ войскъ на Рейнъ при Аннѣ Ивановнѣ, семилѣтняя война съ Пруссіею при Елизаветѣ Петровнѣ, приготовленія Россіи къ военному вмѣшательству за разныя нѣмецко-династическія наслѣдства, спасаніе царей западной Европы, снаряженіе къ походу въ Италію для подавленія тамошнихъ карбонаріевъ, «великодушное» усмиреніе Венгріи—были бы немислимы въ духѣ «національной» нашей политики. Но наряду съ этимъ не были бы возможны и наши подвиги въ пользу грековъ, румынъ, сербовъ и болгаръ. Москва была крайне бережлива на свои силы и направляла ихъ только для достиженія положительныхъ, прямыхъ выгодъ государства. Въ этомъ отношеніи, у нея была своя чисто-московская выдержка, чуждая всякихъ великодушныхъ, какъ оберегательныхъ, такъ равно и освободительныхъ порывовъ. Въ этомъ смыслѣ политика Москвы вполне совпадала съ духомъ русскаго народа, который вообще не любитъ мѣшаться въ чужія, притомъ еще неизвѣстныя ему дѣла.

Между тѣмъ, въ настоящее время у насъ оказывается чрезвычайная путаница относительно «народности» нашей внешней политики. Изъ того стана, изъ котораго неумолчно несутся голоса о необходимости такого ея свойства,—несутся также голоса и о возвращеніи къ московской политической жизни и возгласы о призваніи Россіи быть обороною славянства отъ его враговъ. Но между призывомъ къ такой освободительной дѣятельности и приглашеніемъ пожаловать «домой», отрѣшившись отъ западныхъ лжеученій, встрѣчается слишкомъ замѣтное противорѣчіе.

Внѣшняя политика Москвы не проявляла никогда великодушныхъ порывовъ, даже и въ отношеніи наиболѣе сплоченной съ Москвою народности. Положимъ, что въ силу различныхъ обстоятельствъ, Москва, въ иныхъ случаяхъ, не въ состояніи была подать помощь поработеннымъ и угнетеннымъ единоверцамъ и единоплеменникамъ, но, что, однако, должны сказать ваши московскіе «народники», ревнующіе и о внѣшнихъ предпріятіяхъ въ народно-самобытномъ духѣ, напримѣръ, въ виду такого образа дѣйствій со стороны Москвы. Когда, въ 1637 году, донскіе казаки—русскіе и по происхожденію, и по языку, и по вѣрѣ—искали покровительства Москвы отъ турокъ, то

Москва не отдалась только попустительнымъ молчаніемъ, но царь писалъ султану: «мы за такихъ воровъ не стоимъ и ссоры за нихъ никакой имѣть не хотимъ, хотя ихъ, воровъ, въ одинъ часъ велите побить, мы съ вашимъ султанскимъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ».

Если такимъ образомъ московская политика не только равнодушно, но и зложелательно отзывалась о самой близкой отрасли русскаго народа, которой грозили невѣрные турки, то она, конечно, съ большимъ еще равнодушіемъ относилась къ участи болѣе отдаленныхъ славянскихъ племенъ, родственныхъ русскому народу. Всѣ нынѣшніе наши «сентименты» и «конъюнктуры» по такъ называемому славянскому вопросу—не наслѣдіе самобытной политики московской поры, но оказываются западно-европейскимъ приплодомъ «петербургскаго періода». Съ своей же стороны, московская политика безразлично относилась къ главному признаку народности—единоплеменности. Во время бытія «государства московскаго», на западѣ Европы,—откуда собственно и пришло къ намъ понятіе «о принципѣ національностей»—принципъ этотъ не былъ еще въ ходу и даже, можно сказать, не находился въ зародышѣ, за исключеніемъ развѣ Италіи, гдѣ еще въ XIII столѣтіи Данте явился проповѣдникомъ итальянскаго «національнаго» единства. Въ ближайшемъ же сосѣдствѣ съ государствомъ московскимъ произошло событіе совершенно противоположнаго свойства: тамъ соединились въ одно государство Польша, Литва и Русь,—такія три области, которыя не признавали между собою ни религіознаго единства, ни племеннаго сродства, а составили изъ себя только федерацію, первоначально связанную лишь общею для всѣхъ ихъ династіею Ягеллоновъ. Въ свою очередь, восточная Русь объединилась также не въ силу «вотчиннаго права», присвоеннаго себѣ великими князьями и царями московскими; при дѣйствіи же этого права вопросъ о національностяхъ былъ совершенно излишній. Достаточно было, чтобы государь московскій получилъ это право или вслѣдствіе какой либо сдѣлки съ прежнимъ владѣтелемъ, или вслѣдствіе завоеванія, или, наконецъ, вслѣдствіе добровольнаго подданства, и во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ присоединенная къ его владѣніямъ новая область счита-

лась его родовымъ достояніемъ. Она обращалась въ «вотчину» и «дѣдину», располагать которою онъ могъ безусловно по собственному усмотрѣнію, помимо всякаго вопроса: какимъ племенемъ она населена. Во всѣхъ дипломатическихъ переговорахъ, веденныхъ въ московскій періодъ нашей исторіи, не выставляется никакого другаго права на земельныя владѣнія Москвы, какъ только вотчинное право государей. Въ притязаніяхъ государей московскихъ на западную Русь выставлялись не единоплеменность, не единовѣріе ея съ восточной Русью, но только то, что она должна быть «вотчиною» Рюриковичей. Требуя отъ Польши Кіева, Канева и Плоцка, Иванъ IV выводилъ князей полоцкихъ отъ Рюрика, а отъ нихъ и Гедимина, и заявлялъ: «князья Рогвольдовичи по родству наши братья, поэтому корона польская и великое княжество литовское держить за собою наши вотчины неправильно, ибо изъ княжескаго рода Гедимина никого не осталось, а сестра королевская государству не отчичь». Изъ этого надобно заключить, что если бы на польскомъ престолѣ продолжало царствовать мужское поколѣніе Гедиминовичей, то государи московскіе, считая — хотя и ошибочно — Ягеллоновъ, какъ потомковъ князей полоцкихъ, Рюриковичами, не имѣли бы основанія домогаться присоединенія западной Руси къ восточной только въ силу единовѣрія и единоплеменности ея съ Москвою.

На основаніи вотчиннаго же права, а не національнаго или вѣроисповѣднаго единства, предъявляли московскіе государи притязанія свои и на ливонскую землю. Въ Москвѣ признавали, что въ ливонской землѣ «живутъ все нѣмецкіе люди», и бояре отъ имени царя Ивана IV говорили посламъ ливонскаго ордена: — «всѣ ливонцы отъ прародителей нашихъ извѣчные наши даниники». Любимецъ царя Адашевъ пояснялъ нѣмцамъ это дѣло такъ: «ваши предки пришли изъ-за моря, вторгнулись въ отчину великихъ государей русскихъ и должны платить имъ дань». Сверхъ вотчинныхъ правъ, никакихъ другихъ притязаній на Ливонію со стороны Москвы не предъявлялось. Иванъ IV хотѣлъ даже обособить Лифляндію отъ Руси и поставить владѣтеля Ливоніи въ такія отношенія, въ какихъ находился герцогъ курляндскій и князь прусскій къ королю польскому. Онъ намѣревался завоевать Ливонію и потомъ дать ей особаго прави-

STANFORD LIBRARIES

теля изъ «нѣмцевъ», и предназначилъ въ это званіе датскаго принца Магнуса, владѣвшаго островомъ Эзелемъ, объявляя при этомъ, что въ Ливоніи останутся прежніе суды, обычай, права и вольности.

Употребленіе Иваномъ IV титула царя «Нѣмецкаго» не указываетъ на стремленіе къ «національному» объединенію земли Русской; но, наоборотъ, подтверждаетъ, что вотчинно-династическое право должно было служить основой государственнаго единенія помимо всякаго вопроса о народностяхъ. О такомъ направленіи московской политики свидѣлствуетъ, между прочимъ, устраненное нынѣ изъ титула императоровъ всероссійскихъ, но употреблявшееся прежде въ титулѣ царей московскихъ, наименованіе «отчичъ» и «дѣдичъ». Между тѣмъ «московскіе» наши народники, провозглашая о «національномъ объединеніи» воображаютъ, что они «самобытничаютъ», тогда какъ въ сущности они являются только отголоскомъ западно-европейскаго ученія, забывъ или не зная московскихъ преданій.

Но если Москва не думала и даже не вѣдала о политическомъ сліяніи путемъ племеннаго единства, зато она сознавала силу церковнаго единенія. Въ то время письменно—да, разумѣется, и словесно—высказывалась мысль, что православная христіанская паства «греческаго» закона есть «едино тѣло церковное», и такое воззрѣніе очень часто примѣнялось и къ вопросамъ внѣшней политики.

Въ смутное время, которое считается у насъ подъемомъ народнаго духа, о племенномъ единствѣ не было вовсе помину, и въ постановленіяхъ представителей Земли Русской участвовали татары наравнѣ съ людьми русскими, а со стороны послѣднихъ слышались возгласы только объ исповѣдномъ единствѣ. Такъ, смоляне писали москвичамъ: «мы вамъ братья и сродники потому, что отъ святой купели святымъ крещеніемъ породнились». Съ другой стороны, защитники въ ту пору политическаго первенства Москвы ссылались не на національное значеніе, а на то, что «здѣ образъ Божіей Матери, вѣчной заступницы христіанъ, который св. евангелистъ Лука написалъ, и здѣ великіе свѣтильники и хранители—Петръ, Алексій и Іоанн, или вамъ, православнымъ христіанамъ, все это ни почемъ?»

III.

Вообще вѣроисповѣдное начало наложило на вѣшнюю политику Москвы рѣзкій отпечатокъ—съ одной стороны въ отпоръ домогательствамъ политическихъ ея противниковъ, а съ другой—и требованія самой Москвы часто основывались или на началахъ общаго христіанскаго ученія, или, въ иныхъ случаяхъ, исключительно на ученіи и преданіяхъ православной церкви «греческаго» закона. Не безъ увѣренности можно сказать, что всѣ переговоры велись и всѣ договоры заключались, а потомъ и нарушались, съ опорой на религіозныя убѣжденія со стороны Москвы. Это было одною изъ особенностей нашей старинной дипломатіи, и въ этомъ отношеніи она изощрилась даже до того, что въ сношеніяхъ съ «басурманами» умѣла убѣждать ихъ ссылками на ученіе Магомета. Въ такихъ приемахъ московской дипломатіи можно, пожалуй, подмѣтить общую черту, свойственную русскому человѣку. Такъ, нашъ простолюдинъ, говоря, «что Богъ одинъ у всѣхъ», что «всѣ единому Богу молятся», имѣетъ привычку въ спорныхъ дѣлахъ, не смотря на разновѣрье своихъ противниковъ, убѣждать ихъ тѣмъ, что они «видно Бога не боятся», если поступаютъ такъ-то и такъ-то.

Примѣсь религіозныхъ понятій ко вѣшной политикѣ отражалась, порою, и въ общественномъ говорѣ. Такъ, на происшедшемъ въ 1642 году въ Москвѣ земскомъ соборѣ, многіе соборяне говорили о необходимости удержать Азовъ за Московію, ссылаясь на то, что тамъ были иконы Ивана Предтечи и Николая Чудотворца, и выражали опасеніе, что если оставить эти иконы въ рукахъ басурманъ, то какъ бы не навлечь на государство московское великихъ бѣдствій.

Стояніе за православіе выражалось, во вѣшной политикѣ Москвы, и въ частныхъ случаяхъ. Такъ, когда польскій посольствъ требовалъ, чтобы московское правительство возвратило крестьянъ, бѣжавшихъ отъ своихъ пановъ въ московскую сторону, то бояре отвѣчали: «мужики пашенные благочестивой христіанской вѣры живутъ у васъ за людьми разныхъ вѣръ, и если ихъ отдавать назадъ—значитъ отдавать ихъ католику или лютору». Разумѣется, что такой отвѣтъ былъ вполнѣ согласенъ съ пони-

STANFORD LIBRARIES

маніемъ русско-православнаго народа, но только при этомъ бояре забыли одно, а именно, что въ государствѣ московскомъ жили «пашенные мужики» не только за христіанами иновѣрцами, но даже и за некрещеными татарами.

Отразилась въ московской дипломатіи и другая черта русско-народной религіозности — вѣрованіе въ силу обрядности. Вопреки принятому уже тогда въ европейской дипломатіи обычаю утверждать договоры только подписью уполномоченныхъ и ихъ печатями, наша дипломатія тщательно держалась обычая подтверждать международные договоры «крестнымъ цѣлованіемъ», требуя крайне-настойчиво исполненія этого обряда не только послами, но и самими иностранными государями. Московская политика не только придавала вообще «крестному цѣлованію» чрезвычайно важное значеніе, но и хлопотала о томъ, чтобы оно было исполнено безъ всякихъ хитростей и уловокъ. Такъ, въ одномъ наказѣ, данномъ посламъ, отправленнымъ въ Польшу для заключенія мирнаго договора, внушалось: «беречь нарѣшю, чтобы на обѣихъ грамотахъ король крестъ цѣловалъ въ самый крестъ, а не въ подножіе, а не мимо креста; прямо губами, а не носомъ».

Но поборствуя за православіе, Москва въ то же время отрывалась отъ народнаго корня, такъ какъ она стояла за вѣру «греческаго» закона. Только Иванъ IV въ своихъ богословскихъ преніяхъ утверждалъ, что у русскихъ вѣра не греческая, а «эѳіопская», добавляя епрочемъ, что Эѳіопія и Византія одно и то же.

Замѣчательно, что православную вѣру «обрусили» собственно поляки-католики. До сихъ поръ, у насъ ни въ разговорномъ, ни въ письменномъ языкѣ вѣра наша не называется «русскою», хотя одно время и называлась «греко-россійскою». Названіе же «русская вѣра» стали давать православію поляки при своихъ политическихъ сношеніяхъ съ Москвою по вѣроисповѣднымъ дѣламъ, тогда какъ Москва продолжала по прежнему настаивать на названіи господствовавшей въ ней вѣры — «вѣрою греческаго закона», и только Иванъ IV возроптавъ противъ этого въ своихъ преніяхъ съ іезуитомъ Поссевиномъ. Такимъ образомъ, къ намъ впервые пришло изучающее господствующее нынѣ у нашихъ народниковъ понятіе о неразрывной

связи русской народности съ православіемъ,—о связи, на которую нынѣ такъ усердно напирають приверженцы московской старины и желаютъ распространить такую связь даже на все славянство.

Нельзя, однако, не сказать, что такая связь между православіемъ и внешнею политикою Москвы значительно пошатнулась при возникновеніи московскаго раскола, когда подъ именемъ православія правительство подразумѣвало патриаршую церковь, отъ которой враждебно отшатнулась значительная часть кореннаго русскаго народа, и когда множество пашенныхъ мужиковъ начало уходить за польскій рубежъ, чтобы жить тамъ хотя за людьми разныхъ вѣръ, но сохраняя свое праотеческое православіе, гонимое въ государствѣ московскомъ.

IV.

Несравненно большую важность, чѣмъ обычные толки московскихъ бояръ о вотчинномъ правѣ московскихъ великихъ князей и царей на литовскую Русь, а отчасти и толки о династическихъ ихъ притязаніяхъ, по праву Рюриковичей, на польскую корону, имѣли предположенія о соединеніи Западной Руси, Литвы и Польши подъ верховною властью одного государя. Замѣчательно, что въ этихъ предположеніяхъ не проявлялось со стороны Москвы никакой «русско-національной» осторожности. Между тѣмъ можно было предвидѣть, что такое соединеніе повело бы къ ополяченію «лучшихъ» русскихъ людей, которое въ свою очередь распространилось бы со временемъ еще шире. Западная Русь могла служить нагляднымъ тому примѣромъ. Сочувствіе къ польскимъ порядкамъ проявлялось среди московскаго боярства, и князь Иванъ Голицынъ писалъ царю Алексѣю Михайловичу, что, при совмѣстномъ служеніи русскихъ съ поляками, въ Москвѣ не останется и половины «лучшихъ» русскихъ людей. Польщизна, впрочемъ, и безъ политическаго объединенія начала проникать въ Московское государство. Такъ, еще при Василии III вся наша пѣхота состояла изъ литовскихъ и пришлыхъ изъ Польши людей. Въ составленіи «Уложенія» главными участниками были польскіе законовѣды. При царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ бояре и служилые люди начали носить

STANFORD LIBRARIES

польскіе кунтуши. При учрежденіи академіи въ Законосаскомъ монастырѣ, западное просвѣщеніе должно было приходить къ намъ черезъ ополячившихся представителей западно-рускаго православнаго духовенства, и даже наши древніе русско-церковныя напѣвы начали передѣлываться на польско-католическій ладъ, а въ русскій языкъ стали вкрадываться польскія слова и обороты польской рѣчи. При попыткѣ со стороны Москвы по упомянутому соединенію, камнемъ преткновенія служило только православіе государей московскихъ. Вопросъ же о томъ, насколько упомянутое соединеніе вообще будетъ согласно съ духомъ и преданіями народа, вовсе не затрогивался. Москва не принимала въ соображеніе, насколько русскому народу будетъ казаться небывалымъ, а потому и диковиннымъ, что царь московскій станетъ обязательно проводить извѣстную часть года внѣ своей прародительской столицы, въ Вильнѣ и Варшавѣ, и будетъ тамъ окруженъ не московскими, а литовскими и польскими людьми; что обстановка рускаго государя въ этихъ столенныхъ его городѣхъ будетъ совсѣмъ иная, чѣмъ въ Москвѣ, и что онъ долженъ будетъ, хотя и пребывая самъ въ православіи, оказывать латинству и его представителямъ: примасу, архиепископамъ, бискупамъ и всему католическому духовенству, такой почетъ, какимъ римская церковь никогда не могла бы пользоваться въ Москвѣ и что было бы несогласно съ коренными религіозными понятіями рускаго православнаго народа. Вообще Москва, въ своихъ политическихъ замыслахъ, пренебрегала вопросомъ о русской народности и, стремясь къ соединенію съ Литвою и Польшею, готова была поступиться ею гораздо болѣе, чѣмъ когда нибудь въ «петербургскій періодъ». Народники наши вопіютъ противъ Петра Великаго за то, что онъ подчинилъ русскую народность вліянію Запада; но несомнѣнно, что господствовавшая въ Москвѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ мысль о соединеніи государства московскаго съ королевствомъ польскимъ и великимъ княжествомъ литовскимъ угрожала нашей народности еще болѣею передѣлкою. Но Москва, ради государственности, готова была—сознательно или безсознательно—пожертвовать преобладаніемъ той народности, какую современные наши народники считаютъ, хотя и далеко несправедливо,—истинно-русскою, а не московскою народностью.

Еслибы Москва осуществила свои политическія затѣи, тогда дѣйствительно русскимъ людямъ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, пришлось бы вполне основательно, а не ради трескучаго только краснорѣчія, взывать къ ихъ государимъ о возвращеніи «домой» изъ Вильны и Варшавы... Тогда Москва перестала бы первенствовать и, въ силу общаго государственнаго строя, сравнялась, а, пожалуй, стала бы и ниже столицъ, совершенно чуждыхъ и даже непріязненныхъ русскому народу, и уступила бы изъ русской народности гораздо болѣе, чѣмъ Петербургъ.

Отмѣтимъ нѣкоторыя особенныя черты, относящіяся къ вопросу о предполагавшемся соединеніи государства Московскаго, Руси, Литвы и Польши.

Послѣ смерти короля Сигизмунда II, Иванъ IV хотѣлъ быть королемъ польскимъ, но предпочиталъ бы сдѣлаться только великимъ княземъ Литовскимъ. Такое предпочтеніе Литвѣ онъ отдавалъ по слѣдующимъ соображеніямъ. При соединеніи великаго княжества литовскаго съ Польшею, оно заняло второе мѣсто; слѣдовательно, оно могло довольствоваться такимъ же мѣстомъ и при соединеніи съ государствомъ московскимъ, такъ что этому послѣднему не пришлось бы испытать то приниженіе, какое ожидало его при соединеніи съ королевствомъ польскимъ. Большую часть литовскаго княжества Иванъ IV считалъ своею «отчиною»; слѣдовательно, онъ былъ бы тамъ «прирожденнымъ» государемъ. Кромѣ того, представлялись относительно великаго княжества литовскаго и другія еще выгоды: значительная часть тамошнихъ жителей были православные; Литва была ближе отъ Москвы, чѣмъ Польша, да и кромѣ того не было бы надобности въ срочныхъ поѣздкахъ царя въ Варшаву. Вдобавокъ къ этому, Иванъ IV надѣялся, что ему легче будетъ ладить съ литовскими, нежели съ польскими панями. Предлагая себя въ короли польскіе и великіе князья литовскіе, онъ обѣщалъ за себя и за своихъ наследниковъ: правъ и вольностей, какъ въ королевствѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ, ничѣмъ не нарушать. Въ случаѣ удачи, онъ намѣревался принять общій для всѣхъ соединенныхъ государствъ титулъ «господаря». Очевидно, что во всѣхъ этихъ соображеніяхъ рѣчь шла не о томъ, какія будутъ послѣдствія для русскаго народа, а только о власти и личныхъ удобствахъ самого государя.

Въ послѣдующее время, при стараніяхъ Москвы объ упомянутомъ объединеніи, Литва уже не отдѣлялась отъ Польши, такъ какъ политическій ихъ союзъ казался въ Москвѣ настолько проченъ, что всякія попытки къ ихъ раздробленію были признаваемы безуспѣшными.

Когда, 20-го декабря 1586 года, пришла въ Москву вѣсть о смерти польскаго короля Стефана Баторія, то въ Литву немедленно, въ январѣ слѣдующаго года, отправленъ былъ гонецъ съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ имени царя Ѳедора Ивановича: «вы бы паны-рады, свѣтскіе и духовные, смолвившись между собою и со всею землею, о добрѣ христіанскомъ порядкѣ, нашего жалованья къ себѣ поискали, и государемъ насъ на корону польскую и великое княжество литовское похотѣли, чтобъ обоимъ этимъ государствамъ быть подъ нашею рукою въ общедательной любви, соединеніи и докончаніи, а мы вашихъ правъ и вольностей ни въ чемъ нарушать не хотимъ, еще сверхъ прежняго во всякихъ чинахъ и вотчинахъ прибавлять и своимъ жалованьемъ наддавать хотимъ».

Отправленнымъ вслѣдъ затѣмъ въ Литву и Польшу посланъ, Годунову и князю Троекурову, внушалось въ данномъ имъ наказѣ: «выберутъ-ли насъ себѣ государемъ, или приговорятъ быть подъ нашею рукою и управляться самими, все равно—соглашайтесь».

Современные представители нашего народничанья, какъ извѣстно, съ горячностью укоряютъ императора Александра I, что онъ далъ возстановленному королевству, или Царству Польскому особую конституцію. Кромѣ того, иные справедливо видятъ въ этомъ своего рода непослѣдовательность, такъ какъ въ то время господствующая русская народность не имѣла подобнаго права. Отзвѣты въ такомъ смыслѣ дѣлаются нашими «національ-политиками» и относительно великаго княжества, или герцогства финляндскаго. Оказывается, однако, что примѣръ такой двойственности, несогласной съ положеніемъ господствующей въ государствѣ народности, былъ подаваемъ еще государями московскими. Въ то время, когда тамъ утверждалось незыблемое самодержавіе, сглаживались слѣды всякаго общественнаго представительства, уничтожались и самоуправленіе, и самосудъ,—русскіе государи говорили о ненарушимости слишкомъ

широкихъ правъ литовцевъ и поляковъ, и предоставляли имъ, находясь въ соединеніи съ московскимъ государствомъ, «управляться самимъ».

Замѣчательно также, что при самыхъ переговорахъ о предположенномъ соединеніи, поляки сдѣлали уже попытку относительно измѣненія общихъ порядковъ, существовавшихъ въ государствѣ московскомъ. Они дивились, что русскимъ людямъ изъ ихъ государства, безъ царскаго позволенія, ѣздить не вольно, и требовали, чтобы русскимъ людямъ была въ этомъ отношеніи предоставлена та же свобода, какою пользовались сами поляки. Они требовали, чтобы въ Москвѣ не заводились вновь опричники, говоря, что и сотня гайдуковъ Баторія была имъ тяжела. Очевидно, что еслибы послѣдовало столь желанное русскими царями соединеніе Литвы и Польши съ Москвою, то въ эту послѣднюю стали было проникать такія воззрѣнія, которыя пошатнули бы московскую государственность. Если же эту государственность признавать согласно съ «духомъ» и «мыслями» народа, то значить и самая наша народность, вслѣдствіе стремленія московской политики, а не петербургской,—подверглась бы большому перерожденію, нежели то, какое пришлось испытать ей подъ вліяніемъ петровскихъ преобразованій. Вообще Москва, изъ-за своихъ государственныхъ видовъ, была готова пожертвовать самобытнымъ, народнымъ нашимъ развитіемъ никакъ не менѣе, чѣмъ Петербургъ.

Понятіе объ единоплеменности Восточной Руси съ Западной, называвшейся въ Москвѣ общимъ именемъ Литвы, или великаго княжества литовскаго, заносилось къ намъ съ Запада, а не устанавливалось самобытно. Такъ, въ 1635 году, при заключеніи вѣчнаго мира съ Москвою, поляки предложили русскимъ людямъ насыпать, по славянскому обычаю, въ память этого событія, общій братскій курганъ, «какъ людямъ одной христіанской вѣры, одного языка и народа славянскаго», но «москали» отказались отъ такого знака племеннаго единенія.

Позднѣе, въ 1647 году, пріѣхавшій въ Москву посолъ польскій, каштелянъ кievскій, Адамъ Кисель, православный и западно-русскаго происхожденія, такъ поучалъ московскихъ бояръ: «великое королевство польское съ своими великими княжествами и великое царство русское—говорилъ Кисель—какъ два кедра

ливанскіе, отъ одного корня созданы Вседержителемъ Господомъ, отъ единой крови славянской и отъ единого языка славянскаго народа». Далѣ Кисель высказалъ мысль даже о годахъ объединенія всего славянскаго племени, говоря, между прочимъ: «былъ счастливый вѣкъ, когда славяне, чрезъ соединеніе своихъ силъ, по всему свѣту славились».

Такия воззрѣнія на объединеніе славянства невольно наводятъ на вопросъ о самобытности современнаго нашего московскаго славянофильства, котораго западное, а не народно-московское происхожденіе доказать весьма не трудно, такъ какъ главныя основы російскаго славянофильства позаимствованы собственно изъ области польскихъ мечтаній. Но рѣчь объ этомъ мы поведемъ когда нибудь особо, а теперь только замѣтимъ, что попытки соединенія государства московскаго, королевства польскаго и великаго княжества литовскаго въ одинъ общій государственный союзъ возобновлялись въ Москвѣ и въ XVII столѣтіи. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ домогался, чтобъ его избрали королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Для достиженія этой цѣли былъ даже пущенъ въ ходъ подкупъ, причемъ гетманъ Гонсѣвскій требовалъ отъ московскаго посла за свое содѣйствіе царю 100,000 червонцевъ, но католическое духовенство воспротивилось избранію Алексѣя и обнародовало свой протестъ, разрушившій всѣ происки Москвы.

Со времени Петра Великаго подобныя попытки, ошибочныя по отношенію къ народности, но не къ государственности, прекратились. Въ «петербургскій періодъ» стали домогаться не династическаго соединенія литовско-русскихъ областей—и притомъ не съ тѣмъ условіемъ, что области эти будутъ пользоваться «правами и вольностями», — но полнаго присоединенія ихъ къ російской имперіи и уже не на основаніи «вотчиннаго» права, а во имя не только единовѣрія, но и единоплеменности ихъ обитателей съ русскимъ народомъ. Позволяемъ себѣ спросить нашихъ мнимыхъ народниковъ: вакая политика въ отношеніи Литвы и Польши, — московская или петербургская, — можетъ быть признана ближе подходящею къ понятію о русско-народной политикѣ?

То обстоятельство, что паны съ своей стороны одобрили соединеніе Москвы съ Литвою и Польшею, указываетъ, что на

Западъ предвидѣли тѣ неблагопріятныя для русской народности послѣдствія, какія могли произойти подѣ влияніемъ упомянутаго соединенія, столь желаемого, однако, Москвою, такъ какъ на католическомъ западѣ съ достаточною вѣрностью предвидѣли, что, въ случаѣ осуществленія этого предположенія, въ московскомъ государствѣ установится преобладаніе польскихъ и католическихъ началъ, т. е. предвидѣли, что такое событіе уничтожитъ или, по крайней мѣрѣ, затруднитъ самобытное развитіе русской народности.

V.

Если политика Москвы по отношенію къ Польшѣ шла ошибочнымъ и даже вреднымъ для нашей народности путемъ, то это же самое слѣдуетъ сказать и о московской политикѣ въ отношеніи Австріи, такъ какъ и въ этомъ случаѣ она, по нынѣшнему выраженію, «игнорировала интересы русской національности». Еще при Иванѣ III и Василиѣ III, заключены были союзные договоры съ Австріею, которые, однако, были на дѣлѣ бесполезны какъ для той, такъ и для другой стороны. Встрѣчается извѣстіе, что въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ сохранилось духовное завѣщаніе царя Ивана IV, который, въ случаѣ безпотомственной своей кончины, передавалъ право на московскій престолъ эрцгерцогу австрійскому, Эрнсту.

Москва вообще очень охотно допускала вмѣшательство вѣнскаго двора въ ходъ внѣшнихъ политическихъ дѣлъ государства Московскаго. Кромѣ того, цесаря римскаго выставляли въ Москвѣ, какъ самаго пригоднаго и надежнаго союзника государямъ московскимъ, которые съ своей стороны оказывали большое расположеніе къ Габсбургскому дому.

Въ 1526 году императоръ Карлъ V былъ посредникомъ между Василиемъ III и Сигизмундомъ I.

При царѣ Ѳеодорѣ цесарь хлопоталъ о томъ, чтобы былъ миръ между Москвою и Польшею, но Австрія дѣйствовала въ этомъ случаѣ съ своекорыстными цѣлями. Являясь миротворцемъ и льстя Ѳеодору тѣмъ, что онъ, царь московскій, и цесарь—государя великіе и сильные, что они всему христіанству надежда,—цесарь приказывалъ послу своему спросить въ Москвѣ: захочетъ-ли Ѳеодоръ, чтобъ онъ, цесарь, привелъ Лифляндію

подъ свою руку? На это бояре отвѣчали, что «великій государь, для братской своей любви, Лифляндскую землю цесарю Рудольфу уступаетъ, кромѣ Юрьева и Нарвы съ ихъ пригородами». При попыткѣ цари Федора Ивановича сдѣлаться королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, московскимъ посламъ дажь былъ навазь, чтобы они, въ случаѣ, если предположенное избраніе не состоится, хлопотали объ избраніи на польско-литовскій престолъ австрійскаго эрцгерцога Максимилиана. Между тѣмъ это прямо повело бы къ усиленію нѣмецкаго вліянія надъ славянскими племенами и къ образованію, подъ господствомъ австрійскаго дома, такой могущественной славянской державы, передъ которой должно было исчезнуть возникавшее для славянства значеніе Москвы. Что же касается дипломатическаго посредства Австріи между Москвою и Польшею, то это посредничество происходило нерѣдко и обыкновенно клонилось въ пользу послѣдней. Такое пристрастіе австрійской политики выразилось особенно явно, когда, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, посредникомъ между Россією и Польшею былъ цесарскій посолъ Аллегрети. Вообще же надобно сказать, что Москва относилась къ Австріи чрезвычайно дружелюбно, и увѣренность въ доброжелательствѣ ея къ Руси доходила даже до того, что въ смутное время вожди нашего народнаго ополченія смотрѣли на нее, какъ на благопріятельницу государства московскаго. Они обратились съ просьбою о посредничествѣ между Москвою и Польшею къ императору Рудольфу и «били ему челомъ всею землею», чтобы онъ помогъ имъ своею казною въ «нынѣшней скорби».

Однимъ изъ главныхъ и постоянныхъ усилій нашей внѣшней политики въ московскую пору, такъ сильно противорѣчащимъ возрѣніямъ нашихъ современныхъ народниковъ, было усиліе прорубить если и не «красное», то хоть волоковое окно въ западную Европу. Упорное противодѣйствіе этому усилію Москвы оказываемо было со стороны ливонскаго ордена, и оно было причиною почти непрерывныхъ войнъ Москвы съ меченосцами, которые не пропускали въ московское государство вызываемыхъ туда изъ западной Европы ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ. Нѣмцы, занявъ берега Балтійскаго моря, опасались за прочность своего господства, если русскіе, перенявъ многое отъ иноземцевъ, разовьютъ свои силы и устроятся по

европейскимъ образцамъ. Опасность эту понимали и въ Польшѣ, и Стефанъ Баторій напрягалъ всѣ силы, чтобъ отодвинуть господство Москвы отъ балтійскаго побережья, что ему и удалось привести въ исполненіе послѣ удачныхъ войнъ съ Иваномъ IV. Только отказъ варшавскаго сейма въ деньгахъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго веденія войны, заставилъ короля Стефана отказаться отъ своего твердаго намѣренія. Съ другой стороны, любимую мысль Ивана IV было покорить Ливонію, и тщетно Сильвестръ и бояре указывали ему на завоеваніе Крыма, вмѣсто того, чтобъ воевать съ слабыми христіанами. Иванъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ балтійскихъ береговъ. Не надѣясь на успѣхъ своего замысла, онъ попалъ на мысль дать Ливоніи правителя изъ нѣмцевъ, который находился бы въ вассальныхъ къ нему отношеніяхъ, какъ герцогъ курляндскій и князь прусскій въ королю польскому. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, клонилось ли такое предпріятіе въ пользу или во вредъ русской народности, мы замѣтимъ только, что стремленіе Петра Великаго утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, для сближенія съ западною Европою, не было вовсе новизною, но являлось собственно лишь исполненіемъ тѣхъ политическихъ замысловъ, которые возникали въ Москвѣ еще въ XVI столѣтіи.

Е. Карновичъ.

(Окончаніе будетъ.)

STANFORD LIBRARIES

ВОЛНА.

Повѣдай мнѣ тайну, морская волна...
Ты многихъ загадокъ полна.
Не разъ ты съ подругами дико рыдала,
Не разъ корабли разрушала...
И часто темнѣла отъ яростныхъ бурь
Воды твоей свѣтлой лазурь.
Скажи, для чего своей пѣной сребристой
Ты бьешься о берегъ скалистый?..
Зачѣмъ ты порою такъ грозно звучишь
Зачѣмъ такъ жестоко казнишь?..
Повѣдай мнѣ тайну волненій и горя
Свирѣпо шумящаго моря...

И, тихо журча, отвѣчаетъ волна:
«Я только съ другими сильна...
Одна, безъ другихъ, своей силы не зная,
Всегда и слаба, и тиха я;
Но вѣтеръ вдругъ тронетъ волну за волной
И мчимся мы грозной толпой,
И общая буря насъ всѣхъ увлекаетъ,
И гнѣвъ нашъ предѣловъ не знаетъ!..
Одна я не въ силахъ той тайны понять...
А если желаешь узнать
Причину волненій и буйнаго горя,
Спроси ты... у цѣлаго моря».

БАЯНЪ.

Полонъ счастья край родимый
Подъ лазурнымъ неба сводомъ,
И поетъ баянъ любимый
Предъ ливущимъ народомъ.

Онъ на гусляхъ сладкогласныхъ
 Пѣсни дивныя слагаетъ,
 Онъ чаруетъ дѣвъ прекрасныхъ,
 Онъ всѣхъ юношей плѣняетъ.

Въ блѣдныхъ старцахъ проблескъ жизни
 Грѣетъ пламенемъ волшебнымъ
 И поетъ красу отчизны
 Въ гимнѣ звучномъ и хвалебномъ.

Оживленно струны гнутся;
 Въ море солнечнаго свѣта
 Звуки радостныя льются,
 Полны ласки и привѣта.

Но смѣнили вѣкъ роскошный
 Нищеты и вопля годы,
 И народъ, въ бѣдѣ оплошный,
 Терпитъ голодъ и невзгоды.

Въ сердца мѣста нѣтъ надеждъ,
 Гибнуть всѣ богатства края,
 А баянъ поетъ, какъ прежде,
 Звономъ гуслей вдохновляя.

И опять жрецу искусства
 Всѣ восторженно внимаютъ,
 Но совсѣмъ иныя чувства
 Эти пѣсни пробуждаютъ.

Тѣ же струны плавно гнутся,
 Тѣхъ же гуслей звонъ прекрасный,
 Но по струнамъ слезы льются,
 Слезы родины несчастной!

Горе—въ.

STANFORD LIBRARIES

ЯЗВЫ ПЕТЕРБУРГА.

(Опыт нравственной статистики столичнаго населенія *)).

VIII.

СКОРБНЫЯ ЦИФРЫ.

Вѣдаемыя врачебно-полицейскимъ надзоромъ падшія женщины, списками которыхъ замыкается вся, приведенная въ извѣстность, официальная статистика петербургской проституціи, раздѣляются на три категоріи, по формамъ своего промысла: а) живущихъ въ домахъ терпимости, б) «одиночекъ», и в) «бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ». Кроме того, изъ второй группы выдѣляются, сообразно степени строгости и способу контроля, состоящія «подъ секретнымъ надзоромъ», который отличается сравнительной льготностью и не сопряженъ съ лишеніемъ извѣстныхъ правъ. Эту существенную, въ гражданскомъ отношеніи, разницу самъ комитетъ опредѣлилъ такимъ образомъ.

Разсматриваемаго класса женщины «раздѣляются, — говорится въ отчетѣ комитета за 1868 годъ, — на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ, такъ сказать, вполне подчинены врачебно-полицейскому надзору, другія-же состоятъ подъ секретнымъ его надзоромъ. На основаніи утвержденнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ положенія врачебно-полицейскаго комитета, женщины, подчиняясь надзору комитета, теряютъ часть своихъ гражданскихъ правъ и личной свободы, а именно: при внесеніи въ списки комитета, у нихъ отбираются паспорта и, взамѣнъ ихъ, комитетъ вы-

*) См. «Наблюдатель» №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

дастъ имъ медицинскіе билеты, по которымъ онѣ должны проживать. Съ полученіемъ медицинскаго билета, женщина официально признана публичною—название, которымъ тяготеютъ и даже гнушаются самыя отъявленныя проститутки. Она не вправѣ ни выѣхать изъ столицы, ни перемѣнить мѣсто жительства, безъ вѣдома комитета, и не только лишается возможности съ медицинскимъ билетомъ куда либо поступить въ услуженіе, но даже съ трудомъ можетъ прискать себѣ квартиру, такъ какъ домовладѣльцы вообще неохотно пускаютъ публичныхъ женщинъ въ свои дома». Естественно, что такая постыдная и строгая форма надзора заставляеть несчастныхъ всѣми мѣрами избѣгать подчиненія комитету,—и это, главнымъ образомъ, по его сознанію, препятствуетъ ему успѣшно выполнять свою миссію. Ради этого-то обстоятельства, комитетъ «вынужденъ былъ, въ видѣ опыта, ввести, взаимно указаннаго порядка подчиненія женщинъ,—систему секретнаго надзора, отличающуюся тѣмъ, что здѣсь, вмѣстѣ съ подчиненіемъ надзору, женщина сохраняетъ свои гражданскія права во всей цѣлости. Всѣ обязанности ея предъ комитетомъ состоятъ лишь въ аккуратной явкѣ къ медицинскому освидѣтельствуванію и въ соблюденіи необходимыхъ для охраненія ея здоровья санитарныхъ условій».

Таковы, въ общихъ чертахъ, отношенія врачебно-полицейскаго комитета къ обозрѣваемой группѣ индивидуумовъ «неблагонадежнаго класса» и таково подраздѣленіе ея, по роду надзора и степени его строгости. Сообразно этому раздѣленію, ведется и статистика «непотребныхъ женщинъ», но для насъ ея подробныя рубрики не имѣютъ значенія, такъ какъ ихъ классификація—чисто механическая; поэтому мы будемъ различать только три категоріи этого рода женщинъ, соотвѣтственно различію въ способахъ ихъ промысла и образѣ жизни: обитательницъ публичныхъ домовъ, «одиночекъ» и «бродячихъ». Комитетъ еще различаетъ поманутые дома на открытые, явные «дома терпимости» и «тайные притоны». Такое раздѣленіе тоже не представляетъ для нашего изслѣдованія существенной важности, такъ какъ вся разница между тѣми и другими заведеніями заключается въ чисто-внѣшнихъ, техническихъ отбѣнкахъ одной и той-же формы промысла, а именно: въ то время, какъ въ поманутыхъ домахъ проститутки живутъ осѣдло, въ подчиненіи и

на иждивеніи хозяевъ - антрепренеровъ, въ притонахъ — они «временно-обязанные» гости, являющіеся туда для промысла, на извѣстныхъ условіяхъ съ хозяевами притоновъ, или, хотя и живущія въ нихъ, но самостоятельно, на правахъ независимыхъ «одиночекъ», поскольку, вообще, дѣйствительна независимость этихъ жалкихъ созданий, попадающихъ въ руки многообразной хищной эксплуатаціи. Во всякомъ случаѣ, въ нижеприводимой общей статистической картинѣ обозрѣваемой язвы, въ ея десятилѣтнемъ движеніи, мы не даемъ мѣста названнымъ спеціально-«тайнымъ притонамъ» и считаемъ ихъ впоследствии, гдѣ это будетъ нужно.

Представляемая картина обрисовывается слѣдующими цифрами:

Годы.	Домовъ гер- пимости.	Въ нихъ живущихъ.	Одиночекъ.	Бродячихъ.	Всего женщинъ.
1868	144	820	1,378	392	2,590
1869	155	816	2,792	2,758	6,366
1870	156	968	1,604	3,386	5,958
1871	168	1,116	1,840	2,261	5,217
1872	177	1,485	1,047	2,323	4,855
1873	156	973	1,594	3,941	6,508
1874	165	1,084	1,887	3,252	6,223
1875	177	1,167	1,413	2,105	4,685
1876	188	1,254	1,366	2,496	5,116
1877	197	1,194	1,978	2,104	5,276
	168	1,087	1,689	2,501	5,277

Излишне говорить, что этими цифрами официальной статистики далеко не исчерпывается вся столичная проституція—даже та форма ея, которая составляетъ профессиональный промыселъ развратомъ, вѣдаемый врачебно-полицейскимъ надзоромъ. Впрочемъ, такая неполнота официальной статистики по отношенію къ данному предмету—явленіе повсемѣстное. Г. Пашковъ, на основаніи изученія иностранной литературы этого вопроса, пришелъ къ заключенію, что, вообще, «смотря по мѣстностямъ и обстоятельствамъ, проститутковъ скрытныхъ впятеро—вдесятеро больше, чѣмъ проститутковъ явныхъ», и—это можно принять за правило, безъ риска впасть въ преувеличеніе. Напримѣръ, въ Лондонѣ было записано полиціей въ 1867 г. всего

около 10,000 явныхъ проститутокъ; статистика-же полагала, что ихъ тамъ не менѣе 80,000, а д-ръ Рэйанъ вычислилъ, что «въ Лондонѣ живетъ проституціей посредственно и непосредственно 400,000 человекъ и ежегодно расходуется на нее 200 милліоновъ франковъ». Дю-Канъ, въ своемъ описаніи Парижа, привелъ цифру записанныхъ полиціей въ 1870 г. явныхъ проститутокъ—всего 3,656,—полагаетъ, на основаніи гипотетическихъ вычисленій, что ихъ въ современномъ Вавилонѣ никакъ не менѣе 120,000. Въ Берлинѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ за 1867 г., числилось женщинъ, промышляющихъ развратомъ, всего 10,860, а, между тѣмъ Тиссо, посѣтившій нѣсколько лѣтъ спустя ликующую столицу объединенной германской имперіи, былъ пораженъ страшнымъ развитіемъ въ ней уличной проституціи, бросающейся въ глаза на каждомъ шагу, благодаря наглости и безстыдству ея многочисленныхъ представительницъ и ихъ «луисовъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ Петербургѣ официальныя цифры явной проституціи также мало соответствуютъ ея дѣйствительному размѣру, какъ и въ вышепомянутыхъ европейскихъ центрахъ.

Тиссо, желая, между прочимъ, опредѣлить съ этой стороны нравственность славнаго города Магдебурга, сдѣлалъ остроумное сопоставленіе числа жителей въ немъ съ числомъ сифилитическихъ заболѣваній. Оказалась страшная пропорція: на 90,000 жителей 70,000 заболѣваній! Дѣйствительно, статистика заболѣваній сифилисомъ можетъ служить довольно надежнымъ косвеннымъ масштабomъ развитія проституціи, въ смыслѣ вѣбрачныхъ отношеній вообще. Если это такъ, то Петербургъ, въ сравненіи съ Магдебургомъ, вправѣ стяжать репутацію весьма благонаправнаго города, потому что въ немъ, на 700 т. жителей, по исчисленію компетентнаго д-ра Гюбнера («Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга» за 1870 годъ), всѣхъ заболѣваній сифилисомъ было въ годъ около 30,000, или 45 случаевъ на 1000 ч. населенія. Тѣмъ не менѣе, цифра эта, взятая безотносительно, весьма внушительна и—что самое важное—доказываетъ всю неполноту официального исчисленія столичной проституціи. Оказывается, что въ періодъ времени, изслѣдованный докторомъ Гюбнеромъ, врачебно-полицейскій комитетъ отправлялъ въ годъ въ больницу около 2,800

STANFORD LIBRARIES

заболѣвшихъ сифилисомъ проститутокъ, которымъ, конечно, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть приписанъ источникъ всей тридцатитысячной суммы заболѣваній этого рода. Ясно, что значительнѣйшая доля участія въ распространеніи этой заразы принадлежала не подчиненнымъ полицейскому надзору проституціоннымъ элементамъ. Д-ръ Гюбнеръ высказываетъ даже такую потрясающую увѣренность, что «медицинская статистика могла бы дать поразительные факты о распространеніи сифилиса въ семейномъ быту и тѣмъ самымъ оказать обществу большую услугу, чѣмъ производство въ теченіе года десятковъ тысячъ освидѣтельствующихъ проститутокъ».

Другимъ косвеннымъ указателемъ развитія проституціи признается статистика незаконныхъ рожденій, на основаніи которой д-ръ Э. Шперкъ («Къ статистикѣ сифилиса», Спб. 1877 г.) остроумно высчиталъ, что въ Петербургѣ, напр. въ 1869 г., должно было находиться женщинъ, состоящихъ во внѣбрачныхъ отношеніяхъ, *minimum*—35,978. Но «гдѣ-же доказательства, что эти несчастныя дѣти суть плодъ проституціи?»—спрашиваетъ д-ръ Гюбнеръ и, съ своей стороны, дѣлаетъ вычисленіе, доказывающее, что 6,800 незаконнорожденныхъ дѣтей, приносимыхъ ежегодно въ Воспитательный Домъ, никоимъ образомъ не могли быть всѣ произведены на свѣтъ проститутками, просто съ точки зрѣнія физической возможности. Извѣстно также, что профессиональныя проститутки чрезвычайно рѣдко дѣлаются матерями. Вообще, статистика незаконныхъ рожденій, на которую любятъ ссылаться моралисты, какъ на подтвержденіе развитія проституціи, едва-ли можетъ быть принята за достаточно твердое въ этомъ случаѣ доказательство. Незаконныя рожденія несомнѣнно имѣютъ значеніе указателя нравственности данной среды, но они отличаются, однакожь, по своей сущности, отъ промысла развратомъ и относятся къ гораздо болѣе сложнымъ явленіямъ общественной патологии, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ.

Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отказаться отъ попытки дѣлать общіе цифровые выводы о степени испорченности петербургскаго населенія, на основаніи лишь оффиціальной статистики столичной проституціи, какъ равно и судить о развитіи послѣдней—объ ея численномъ увеличеніи или уменьшеніи. Едва-

ственно о чемъ имѣются здѣсь достовѣрныя данныя, такъ это— о домахъ терпимости, число которыхъ, повидимому, увеличивается въ Петербургѣ. По вычисленію д-ра Кузнецова («Историческій очеркъ проституціи въ С.-Петербургѣ», 1870 г.), за періодъ времени съ 1858 по 1867 годъ, т. е. за десятилѣтіе, предшествовавшее обобравшему нами, въ столицѣ имѣлось, по среднему ежегодному разсчету, 142 публичныхъ дома и въ нихъ— 870 женщинъ, или около 2,7 на каждыя 1,000 мужчинъ; а за десятилѣтіе, съ 1868 по 1877 годъ, публичныхъ домовъ находилось 168 (значитъ, увеличеніе произошло слишкомъ на 12%), и въ нихъ женщинъ 1,087, или почти 3 (2,9) на 1,000 муж. Увеличеніе, конечно, ничтожное и не дающее права дѣлать какія нибудь посылки...

Официальная статистика въ данномъ случаѣ имѣетъ достоинство только частное, по отношенію къ изучаемой общественной средѣ, безъ отношенія ея ко всей массѣ населенія, и—въ этихъ предѣлахъ мы ею и займемся. Словомъ, не опредѣляя ни общаго размѣра проституціонныхъ элементовъ въ столицѣ, ни степени развращенности всего населенія послѣдней, она, тѣмъ не менѣе, представляетъ довольно обширный и обстоятельный сводъ наблюденій для изученія класса профессиональныхъ проституткозъ, заклеименныхъ позорнымъ титуломъ «публичныхъ». Въ интересъ всесторонняго изслѣдованія язвъ Петербурга, и эта частность имѣетъ свою важность.

По способу промысла, проститутки раздѣляются, какъ мы упоминали, на три группы: живущихъ въ домахъ терпимости, «одиночекъ» и «бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ». Эта классификація опредѣляетъ отчасти и существующее между этими тремя группами различіе въ положеніи моральномъ и матеріальномъ. Въ послѣднемъ отношеніи, безъ сомнѣнія, лучше всего поставлены «одиночки». Въ то время, какъ живущія въ домахъ терпимости находятся въ положеніи своего рода батрачекъ, беспощадно закабаленныхъ нравственно и матеріально хозяевами этихъ домовъ,—«одиночки», такъ сказать, работаютъ на самихъ себя и пользуются полной независимостью и свободой распорядиться своимъ временемъ и самими собой. Жизнь женщинъ, промышляющихъ въ публичныхъ домахъ, по истинѣ ужасна во всѣхъ отношеніяхъ. Въ гигиеническомъ, она

STANFORD LIBRARIES

какъ бы рассчитана на самое быстрое и безповоротное разстройство здоровья и преждевременную смерть этихъ жалкихъ созданий. Изо дня въ день, бессонныя напролетъ ночи, постоянное бражничество, неестественный ходъ всей физической жизни организма, оупляющее однообразіе, скука и полная бездѣятельность существованія въ смрадныхъ стѣнахъ дупунаръ, въ которыхъ обитательницы ихъ становятся въ условія особаго рода затворницъ, подчиненныхъ тюремному ритуалу,—все это быстро разрушаетъ душевныя и физическія силы обреченныхъ на эту каторгу женщинъ, повергаетъ ихъ въ апатію и дѣлаетъ совершенно неспособными ни выйти изъ этой ужасной тины, ни начать новую, болѣе человѣчную жизнь. Впрочемъ, въ этомъ оупьнѣи и одичаніи, въ этой скотоподобной жизни, среди шумныхъ и дикихъ, но холодныхъ и безстрастныхъ оргій, только и можно найти объясненіе возможности такого ужаснаго существованія. Вѣдь, у этихъ несчастныхъ нѣтъ будущаго, нѣтъ никакой жизненной цѣли, хотя-бы даже—простой наживы для обезпеченія себя подъ старость, потому что онѣ опутаны такой до невѣроятія грабительской эксплуатаціей и переплачиваютъ на всемъ такую неслыханную лихву, что весь ихъ грѣшный заработокъ сполна идетъ въ карманы ихъ хозяевъ-антрепренеровъ, и онѣ не только не успѣваютъ скопить какую нибудь копѣйку про черный день, но, обыкновенно, всегда бываютъ кругомъ въ неоплатномъ долгу у тѣхъ-же хозяевъ. Стоить-ли, при такомъ отчаянномъ положеніи, думать о будущемъ, заботиться о своей судьбѣ, о лучшемъ ея исходѣ, когда исходъ этотъ одинъ и почти неминуемый—съ утратой молодости и красоты, безпомощная нищета, труппное маянъе, больничная койка и ранняя смерть! Остается на все махнуть рукою и, очертя голову, плыть по теченію омути, охватившаго своей нечистой волной... Такова жизнь и такова судьба большинства обитательницъ публичныхъ домовъ!

Немногимъ краше и жизнь, такъ называемыхъ, «одиночекъ», если говорить вообще. Въ частности-же, эта группа разбивается на множество разновидностей, изъ которыхъ есть такія, что успѣваютъ, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи недаромъ продать свою красоту, молодость, честь, святое призваніе женщины, и иногда устраиваются очень запас-

ливо на широкую ногу независимыхъ барынь. Но это — исключенія; господствующій типъ — вѣчно скитающаяся, пока ноги носятъ, «раздѣтайка», — говоря терминомъ Достоевскаго, — по петербургскимъ улицамъ, трактирамъ, танцъ-классамъ, клубамъ, увеселительнымъ садамъ и проч. Типъ, въ большинствѣ, «убогій» и до того примелькавшійся своей вездѣсущностью, что наблюдательный петербуржецъ съ одного взгляда безошибочно отличаетъ его въ толпѣ женщинъ иныхъ категорій. Не смотря однако на это неутомимое скитальчество въ поискъ покупателей, представительницы этого типа, въ большинствѣ, перебиваются съ хлѣба на воду, отчасти по мизерности гонорара, а также по беспечности и беспорядочности, отличающимъ почти всякую профессиональную «колотку», какъ ихъ называютъ; отчасти-же потому, что и онѣ не избѣгаютъ алчной эксплуатаціи цѣлой орды омерзительныхъ паразитовъ, которые косвенно кормятся отъ проституціи. Это, прежде всего, хозяева и хозяйки «тайныхъ притоновъ» (по вѣдомости 1877 г. ихъ указано всего 12; но, безъ сомнѣнія, они существуютъ, вѣ въдома полиціи, въ неизмѣримо большемъ числѣ, подъ разными масками); затѣмъ содержатели квартиръ, съ отдачею комнатъ «со столомъ и мебелью» специально особамъ, имѣющимъ обширный кругъ знакомыхъ. Такія особы, конечно, не могутъ считаться приятными и удобными жилищами, и за это, если ихъ пускаютъ жить въ квартиру и позволяютъ безпрепятственно принимать гостей, радушные хозяева дерутъ съ нихъ немилосердную плату, выгадывая притомъ поживиться отъ нихъ и еще на чемънибудь... Это цѣлый правильно организованный промыселъ, съ котораго прелебно живутъ сотни квартирохозяевъ, отбѣдая львиный кусъ у горькаго хлѣба своихъ злосчастныхъ жилищъ...

Что заработокъ съ этого позорнаго промысла не высокъ, говоря вообще, это доказывается, между прочимъ, заурядностью случаевъ изобличенія проститутокъ въ наклонности восполнять свой скудный гонораръ воровствомъ, а, случается, и грабежемъ, при содѣйствіи и подъ руководствомъ притоносодержателей. Правда, повседневный опытъ свидѣтельствуетъ, что нынче часто воруютъ вовсе не отъ нужды, и въ данномъ случаѣ по

преимуществу имѣеть мѣсто глубокая нравственная испорченность, разъѣдающая всю вообще проституціонную среду; но несомнѣнно однако-жъ, что даже и этотъ грѣшный источникъ наживы, въ связи съ промысломъ разврата, не избавляетъ нашихъ героинь отъ нищенскаго состоянія въ концѣ концовъ. Мы увидимъ изъ ихъ статистики, что онѣ, обыкновенно, очень непродолжительно фигурируютъ въ спискахъ врачебно-полицейскаго комитета и, затѣмъ, безслѣдно исчезаютъ... Конечно, многія изъ нихъ просто укрываются отъ надоедливаго надзора, но по всѣмъ вѣроятіямъ комитетъ безъ труда могъ бы, еслибъ захотѣлъ, распознать значительную часть своихъ исчезающихъ клиентокъ,—красовавшихся дотогѣ въ шелку и бархатѣ,—въ сѣрыхъ, оборванныхъ рядахъ многочисленнаго полчища «бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ», представляющихъ собою подонки обозрѣваемаго класса въ отношеніи, если не нравственномъ, то социальномъ и матеріальномъ. Уже изъ самаго названія видно, что эти несчастныя состоятъ изъ сброда жалкихъ, бездомныхъ, голодныхъ и холодныхъ, «площадныхъ» побродягъ, промышляющихъ развратомъ въ трущобахъ, по грошамъ, среди невзыскательнаго и неприхотливаго чернорабочаго люда. Къ сожалѣнію, врачебно-полицейская статистика не даетъ никакихъ свѣдѣній о составѣ и состояніи этой, самой многочисленной, группы проститутокъ; но можно съ достовѣрностью предположить, что она въ значительной части комплектуется изношеннымъ, забракованнымъ отбросомъ публичныхъ домовъ и другихъ рынковъ культурнаго, оплачиваемаго рублями, разврата. Представляя собою ничто иное, какъ покупную вещь—предметъ для прихоти, промышляющая собою женщина должна, въ своей карьерѣ, подчиняться тѣмъ же рыночнымъ условіямъ, какія существуютъ для каждаго «товара». Вещь въ цѣнѣ и въ спросѣ, пока она свѣжа и нова; затѣмъ, старѣясь и переходя изъ рукъ въ руки, она постепенно теряетъ покупную цѣну, пока, наконецъ, не превратится въ ничего нестоющую ветошь, выбрасываемую въ мусоръ... Въ этой несложной исторіи, гдѣ нѣтъ мѣста личности и достоинству человѣческому, заключается вся плачевная судьба нашихъ героинь, и можно-бы шагъ за шагомъ прослѣдить какъ онѣ, начавъ свою карьеру гдѣ нибудь въ бельэтажѣ и промышляя собой по высокой цѣнѣ въ какомъ-

нибудь модномъ «Salon des variétés», постепенно спускаются въ подвалы и доходятъ до «малинника», превращаясь изъ шикарныхъ дамъ полусвѣта въ «площадныхъ» лохмотницъ, довольствующихся грошами.

Грязная грошовая проституція, специализируемая «бродячими женщинами», гнѣздится въ самыхъ людныхъ центрахъ города *), гдѣ сосредоточиваются рабочіе, а также всевозможное отребье городского населенія. Самой широкой популярностью въ этомъ отношеніи пользуется Сѣнная площадь съ примыкающими къ ней трущобами, въ родѣ «Вяземской лавры» и пресловутаго «малинника», какъ называется здѣсь обширный трактиръ съ многочисленными кѣтушками - номерами. Оргіи и распутство, происходящія въ этихъ притонахъ, невообразимы по своему цинизму и разнузданности, а обычнымъ ихъ спутникомъ являются здѣсь открытые грабежи и даже разбои. Достоверно, что посѣщеніе, напр., «малинника» для новаго человѣка сопряжено съ рискомъ не только быть ограбленнымъ, но и убитымъ. Дѣла о насиліяхъ и грабежахъ, случающихся въ этого сорта заведеніяхъ, не переводятся у мировыхъ судей. Вотъ одно изъ этихъ дѣлъ. Мировому судѣй принесъ жалобу нѣкто, мѣщанинъ, въ томъ, что его до-гола ограбили въ «малинникѣ» почти на глазахъ прислуги, которая никакой защиты ему не оказала. Мировой судья полюбопытствовалъ лично взглянуть на это злачное мѣсто и вынесъ такое впечатлѣніе: при входѣ въ трактиръ, на черной лѣстницѣ, оказался дворникъ, поставленный «для предупрежденія буйства и даже убійствъ», но, вмѣсто того, предупредительно взимающій пятакъ за пропускъ со всѣхъ гостей «малинника»; въ стѣнахъ трактира шелъ гвалтъ и шумъ отъ оргій, происходившихъ въ сосѣднихъ комнатахъ. При составленіи прото-

*) Приблизительную картину распредѣленія проституціи по городской территоріи представляютъ намъ свѣдѣнія о числѣ публичныхъ домовъ и тайныхъ притоновъ въ разныхъ частяхъ города. Такъ, въ 1877 году было этого рода заведеній: въ Казанской части—74, въ Спасской—42, въ Московской—34, въ Литейной—28, въ Рождественской—19, въ Нарвской—12, въ Выборгской—10, въ Петербургской—8, въ Васильевской и Коломенской по 6-ти, въ Александрo-Невской—2 и въ Адмиралтейской ни одного.

кола, «быль слышенъ гулъ отъ народа, и до ушей присутствовавшихъ долетали бранныя слова, смѣшанныя съ восклицаніями: «поцѣлуй!» «пойдемъ спать!» и т. под. Свидѣтели показали, что «публичныя женщины издавна допускались въ этомъ трактирѣ, при всѣхъ его содержателяхъ, чтобы доставить бѣдному классу людей средство найти то, что требуетъ природа»... Не смотря, однако, на такую филантропическую заботу о потребностяхъ «бѣднаго класса», тѣ-же свидѣтели констатировали, что въ заведеніи этомъ «бѣдный классъ» сплошь и рядомъ обирается и подвергается грабежу безъ всякаго препятствія со стороны добраго хозяина, если не при его содѣйствіи. Трущобъ въ такомъ родѣ, явно и тайно служащихъ притономъ для дешеваго разврата, сопутствуемаго дебоширствомъ, пьянствомъ и грабежемъ,—въ столицѣ много. Полиціи ихъ знаетъ и терпитъ въ интересахъ лучшаго надзора за этими опасными, противообщественными элементами; только время отъ времени она внезапно накрываетъ ихъ, причемъ удовлетворяетъ толпы «бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ», попадающихъ въ ея статистику.

Мы указывали на то, что, въ большинствѣ случаевъ, описываемыя жертвы общественнаго темперамента состоятъ изъ «дочерей нищеты и несчастья», что профессиональная проституція—прямой продуктъ пауперизма. Это подтверждаютъ отчасти и цифры, опредѣляющія первоначальный родъ занятій и сословный составъ проститутокъ. Цифры эти относятся только къ жительницамъ публичныхъ домовъ и «одиночкамъ», такъ какъ о «бродячихъ» подобныхъ свѣдѣній не собирается вовсе.

Относительно рода занятій, предшествовавшихъ занятію развратомъ, врачебно-полицейская статистика, къ сожалѣнію, даетъ свѣдѣнія только лишь за три года изъ обозрѣваемаго десятилѣтія (за 1869—71 гг.). Пользуемся тѣмъ, что есть. Оказывается, что въ составѣ петербургской проституціи находилось:

	1869 г.	1870 г.	1871 г.
Служанокъ и чернорабочихъ	1649	770	895=1104
Горничныхъ	390	513	593= 495
Швей и ремесленницъ	566	388	452= 468
Нянекъ	158	186	205= 183
При родныхъ жили	—	259	418= 338
Неизвѣстныхъ занятій	845	458	393= 563

Табличка эта достаточно ясно показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ представительницами бѣднѣйшихъ классовъ населенія и—какъ сейчасъ увидимъ—съ женщинами, въ большинствѣ, одиночными, безпомощно предоставленными самимъ себѣ, внѣ семейной охраны и роднаго крова. Мимоходомъ, нельзя не отмѣтить еще ту особенностъ, представляемую нашей табличкой, что главный контингентъ столичной проституціи образуется изъ домашней прислуги, что не можетъ не говорить во вредъ нашихъ домашнихъ нравовъ, вообще, и цѣломудренности нашихъ кухарокъ и горничныхъ, въ частности. Уже изъ опредѣленія рода занятій проституттокъ можно заключить, что огромное большинство ихъ невысоко стоитъ на іерархической лѣстницѣ, по сословіямъ. И дѣйствительно, среди нихъ, въ девятилѣтней средней сложности (съ 1869 по 1877 г.), было:

Крестьянокъ	756 или 37,5 %
Мѣщанокъ	677 > 33,6 >
Солдатскихъ женъ и дочерей	505 > 25,0 >
Купческаго званія	4 > 0,2 >
Привилегированныхъ сословій	73 > 3,6 >
Питомокъ Воспитательнаго Дома	7 > 0,3 >

Замѣтимъ, что въ этотъ счетъ не вошли инородки и иностранки, сословностъ которыхъ въ статистикѣ врачебно-полицейскаго комитета не обозначена. Что-же касается нашихъ согражданокъ, составившихъ представленный счетъ, то оказывается, что болѣе 90% общаго ихъ числа принадлежитъ къ низшимъ сословіямъ. Было-бы, однако-же, весьма рискованно заключать изъ этихъ цифръ о сравнительной степени нравственности представительницъ того или другаго сословія. Если можно извлечь тутъ какой нибудь достовѣрный выводъ, то развѣ только тотъ, о которомъ говорилось выше: что къ публичному промыслу развратомъ обращаются женщины бѣднѣйшихъ, наименѣе обеспеченныхъ и наименѣе культурныхъ классовъ,—обращаются, слѣдовательно, во избѣжаніе голода и нужды. Отсюда становится понятной и ничтожная цифра, напр., представительницъ купческаго сословія, которая, однакожъ, вовсе не означаетъ еще, чтобы сословіе это отличалось болѣею чистотою нравовъ, чѣмъ крестьянское и мѣщанское. Нашъ выводъ подкрѣпляетъ, между прочимъ, и сравнительно высокая цифра проституттокъ изъ сол-

датскихъ жень и дочерей. Мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, что и въ средѣ столичнаго нищенства лица воинскаго званія составляютъ весьма значительный процентъ, и тогда-же отмѣтили этотъ фактъ, какъ указаніе на крайне незавидное матеріальное положеніе отставныхъ солдатъ и ихъ семей вообще. То же самое приходится повторить и здѣсь, при видѣ значительной цифры представительницъ воинскаго званія въ рядахъ столичной проституціи, что, съ другой стороны, ясно указываетъ намъ, какія именно соціально-экономическія условія создаютъ, главнымъ образомъ, позорный промыселъ развратомъ.

Весьма интересны свѣдѣнія о числѣ инородокъ и иностранокъ въ обозрѣваемой средѣ. Извѣстно, что въ петербургскомъ полусвѣтѣ высшаго полета иностранки преобладаютъ; ихъ, дѣйствительно, немало и по статистикѣ врачебно-полицейскаго комитета. Но только не французенокъ, вопреки сложившейся на этотъ счетъ традиціи. Господствующее мѣсто, по численности, занимаютъ здѣсь дочери поэтической Германіи, а въ ихъ числѣ— прусскія подданныя по преимуществу. Такъ, въ средней годичной сложности за девятилѣтіе, всѣхъ иностранокъ, промышляющихъ въ Петербургѣ развратомъ, было—294; изъ нихъ только 26 французенокъ, весьма ничтожный процентъ англичанокъ, итальянокъ, швейцарокъ и турецкихъ даже подданныхъ, а остальвыя— всѣ принадлежали къ саксоно-тевтонской расѣ, и между ними однихъ пруссачекъ было 174, или почти двѣ трети. Замѣчательно, при этомъ, что такое преобладающее нашествіе къ намъ дочерей побѣдоносной Пруссіи особенно усилилось въ послѣдніе годы, со времени столь славной и прибыльной, казалось-бы, для теvтонской расы, франко-нѣмецкой войны. Напримѣръ, въ 1869 г. въ спискахъ врачебно-полицейскаго комитета состояло всего 58 прусскихъ подданныхъ, а въ семидесятыхъ годахъ ихъ число быстро возрастаетъ и доходитъ въ 1875 г. до 211. Вообще же, численное господство пруссачекъ въ рядахъ международной проституціи, акклиматизовавшейся въ Петербургѣ, объясняется, конечно, ближайшимъ сосѣдствомъ ихъ любезнаго Vaterland'a съ Россіей и съ нашей столицей.

Что касается инородокъ, то врачебно-полицейская статистика даетъ намъ, почему-то, полныя свѣдѣнія только объ однихъ «уроженкахъ» Финляндіи, Западнаго и Остзейскаго края (въ

счетъ Западнаго края вошли и уроженки Царства Польскаго). Между тѣмъ, хорошо извѣстно, что въ средѣ петербургской промышленной проституціи, особенно за послѣднее время, видное мѣсто, по численности, занимаютъ еврейки; но врачебно-полицейскій комитетъ, очевидно, занесъ ихъ въ сословныя рубрики, и только за одинъ 1869 годъ обозначилъ ихъ особо и по національности. Тогда евреекъ-проституткокъ считалось всего 32—цифра, безъ сомнѣнія, неизмѣримо далекая отъ дѣйствительности. О другихъ вышеупомянутыхъ инородкахъ узнаемъ, что въ девятилѣтней средней сложности было:

Уроженокъ Финляндіи	209
» Остзейскаго края	223
» Западнаго »	105

Всего, значить, инородокъ 537, или до 20% общаго числа проституткокъ, вѣдаемыхъ врачебно-полицейскимъ комитетомъ (2776), т. е. живущихъ въ публичныхъ домахъ и клейменныхъ «одиночекъ». вмѣстѣ-же съ 294-мя иностранными подданными, весь иноплеменный элементъ въ обозрѣваемой статистической группѣ составляетъ почти 30%. Не можемъ не отмѣтить здѣсь этого, весьма выгоднаго для чести нашей коренной національности, отношенія, если только оно можетъ служить предметомъ національной гордости. Дѣло въ томъ, что, по переписи 1869 г., въ Петербургѣ на каждыя сто жителей сплошь оказывалось — русскихъ православныхъ 84, а иноплеменниковъ и иновѣрцевъ 16. Между тѣмъ, изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что на каждыя сто петербургскихъ проституткокъ — коренныхъ русскихъ 70, а инородокъ—30. Изъ этого можно было-бы заключить, что инородческое населеніе въ столицѣ выдѣляетъ, относительно, вдвое болѣе проституткокъ, чѣмъ коренное русское; но этотъ выводъ вѣроятенъ только по отношенію къ такъ называемому полусвѣту, т. е. къ «культурному» слою проституціи, удовлетворяющему гетерическій спросъ развратниковъ привилегированныхъ, зажиточныхъ классовъ. А еслибы сосчитать всѣхъ проституткокъ въ Петербургѣ, или, еслибы приведенъ былъ въ извѣстность племенной составъ, по крайней мѣрѣ, той многочисленной группы ихъ, которая подъ именемъ «бродячихъ» промышляетъ въ трущобахъ среди простаго народа, то, разу-

STANFORD LIBRARIES

иѣтся, указанное отношеніе существенно измѣнилось-бы не къ выгодѣ русской національности.

Многіе изслѣдователи обозрѣваемой общественной язвы давно замѣтили, что падшія женщины, промышленяющія своимъ тѣломъ, отличаются замѣчательной склонностью къ передвиженію, къ перемѣнѣ мѣста, положенія и состоянія. Дѣйствительно, этотъ несчастный народъ необыкновенно подвиженъ; онъ, точно, мечется съ мѣста на мѣсто и непрерывно измѣняется въ своемъ составѣ. Статистическія данныя врачебно-полицейскаго комитета свидѣтельствуютъ, что составъ вѣдаемыхъ имъ женщинъ ежегодно мѣняется почти на половину—однѣ уходятъ съ рынка разврата, другія, новыя, приходятъ. Въ среднемъ расчетѣ за девятилѣтіе, изъ 2,776 женщинъ ежегодно выбывало изъ списковъ комитета 1,081, или почти 39%, по нижеслѣдующимъ поводамъ и причинамъ:

Поступило на поручительство	38
> въ услуженіе	18
> въ домъ милосердія	18
> въ комитетъ нищихъ	2
За оставленіемъ разврата	103
> выходомъ въ замужство	12
> выѣздомъ изъ столицы	225
> неизлѣчимой болѣзью и старостью	11
> смертию	76
> высылкой по распоряженію администраціи	17
> по приговору суда	1
Укрывалось отъ надзора	566

Какъ можно заключить изъ обзора этихъ цифръ, огромное большинство случаевъ выбитія женщинъ изъ списковъ комитета означаетъ вовсе не оставленіе ими позорнаго промысла, а просто—необыкновенную наклонность къ непосѣдливости и свѣтальчеству. Изъ всей суммы представленныхъ случаевъ, только въ 179-ти (16%) моралистъ можетъ сдѣлать утѣшительное предположеніе, что фигурирующія въ нихъ женщины возвратились на путь добродѣтели. Эти случаи: оставленіе разврата, поступленіе въ услуженіе, выходъ въ замужство и т. под. Но, быть можетъ, самое достовѣрное и вполнѣ безошибочное заключеніе въ этомъ смыслѣ можно сдѣлать только о тѣхъ жертвахъ общественнаго темперамента, которыя съ ложа разврата непосредственно переходятъ въ ложе сырой земли. Здѣсь мы переходимъ

къ значительному факту, — ранѣ нами указанному, — чрезмѣрнаго развитія болѣзненности и смертности въ средѣ проститутокъ, какъ прямому послѣдствію ихъ «каторжнаго» промысла и убійственнаго образа жизни.

Высчитано, что въ Петербургѣ, — пользуясь репутацией замѣчательно нездороваго города, — ежегодно заболѣваетъ приблизительно 1 изъ 5 жителей, а умираетъ 1 изъ 24. Между тѣмъ, найъ извѣстно, что однимъ сифилисомъ, по свѣдѣніямъ комитета, ежегодно болѣетъ до 2,800 проститутокъ (считая, собственно, не лицъ, а случаи заболѣванія), что, на 5,277 женщинъ, промышляющихъ развратомъ (въ томъ числѣ и «бродячихъ»), составляетъ слишкомъ 50% заболѣванія, или 1 большую изъ 2. Что касается смертности, то, не смотря на то, что, при раскладкѣ ея случаевъ въ средѣ подчиненныхъ надзору женщинъ, приходится 1 случай на 36 женщинъ, слѣдовательно, менѣ таковаго-же отношенія, существующаго для всего столичнаго населенія; но на самомъ дѣлѣ, при соображеніи всѣхъ условій, смертность среди проститутокъ должна представиться чрезвычайной. Прежде всего, нужно принять во вниманіе, что плотоядный общественный темпераментъ требуетъ жертвъ отборныхъ въ физическомъ отношеніи — молодыхъ, свѣжихъ, здоровыхъ и красивыхъ. Проституція тѣмъ и ужасна, что она собираетъ свою жатву съ цвѣта женскаго населенія и, съ прихотливостью ненасытнаго обжоры, требуетъ непрерывнаго освѣженія своего продовольствія человѣческимъ тѣломъ. Нужно замѣтить, что огромное большинство проститутокъ — на подборъ молодые женщины, въ разцвѣтѣ силъ, и индивидуумы старѣ 45 лѣтъ встрѣчаются между ними чрезвычайно рѣдко. Это можно видѣть изъ слѣдующей таблички, рисующей распределеніе нашихъ героинь по возрастамъ, въ четырехлѣтней сложности, съ 1869 по 1872 годъ (за другіе годы, этихъ свѣдѣній въ отчетахъ врачебно-полицейскаго комитета нѣтъ):

Отъ 15 до 20 лѣтъ . . .	560, или 19%
» 20 » 25 » . . .	1,107 » 38 »
» 25 » 30 » . . .	597 » 20 »
» 30 » 35 » . . .	284 » 10 »
» 35 » 40 » . . .	134 » 4 »
» 35 » 45 » . . .	52 » 2 »

STANFORD LIBRARIES

Старше .	45	»	. . .	12	»	—
Неизвѣстныхъ лѣтъ . . .				172	»	5

Такимъ образомъ оказывается, что почти четыре пятыхъ (77%) проститутокъ состоятъ изъ женщинъ цвѣтущаго возраста — отъ 15 до 30-ти лѣтъ. Этимъ-же обстоятельствомъ, въ связи съ другими причинами, обуславливается и тотъ фактъ, что, по семейному состоянію, онѣ, въ огромномъ большинствѣ, числятся дѣвицами. Такъ, изъ 2,917 женщинъ (по среднему разсчету за 4 года съ 1869 по 1872 г.) было: дѣвицъ — 2,199, замужнихъ—223, вдовъ — 196, неизвѣстнаго положенія — 299. Конечно, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ изумляться не преобладанію холостыхъ проститутокъ надъ замужними, а, напротивъ, присутствію сихъ послѣднихъ—весьма, къ тому-жъ, ощутительному—въ рядахъ столь антисемейственной среды.

Намъ остается опредѣлить еще степень культурности нашихъ героинь. Она не высока, какъ и слѣдовало ожидать. Не говоря уже объ образованіи, но даже простая грамотность большинству ихъ не знакома. По спискамъ комитета за четырехлѣтіе, въ среднемъ выводѣ, изъ 2,398 опрошенныхъ проститутокъ оказалось грамотныхъ—817, неграмотныхъ — 1,581, или почти двѣ трети, тогда какъ въ массѣ всего петербургскаго населенія отношеніе это обратно-противоположное: на два грамотныхъ жителя одинъ—неграмотный. Ясно, слѣдовательно, что въ числѣ другихъ побудительныхъ причинъ для разврата этихъ несчастныхъ служитъ также и умственная темнота, такъ что къ опредѣленію повта, что онѣ суть «дочери нищеты и несчастья» слѣдовало-бы прибавить: «и невѣжества»...

Вл. Михневичъ.

(Продолженіе будетъ).

БРАТЯ РАМУЛТЫ.

СОВРЕМЕННАЯ ПОВѢСТЬ. I. КРАШЕВСКАГО.

VI.

Домъ графини Анастаси Боржеховской-Рамултъ отличался роскошью и пышностью, какія теперь рѣдко встрѣчаются. Въ самыхъ большихъ аристократическихъ домахъ, въ настоящее время, приемъ дѣлается съ каждымъ днемъ скромнѣе, и обыденная жизнь аристократіи не соблазняетъ выступать съ тою пышностью, съ какою выступали въ былое время: торжественные приемы хотя и продолжаются по старому,—и въ нихъ иногда еще проглядываетъ аристократизмъ,—но въ будни каждый норовитъ сберечь лишній рубль про запасъ. Единственнымъ исключеніемъ была только графиня Рамултъ, домъ которой содержался какъ въ торжественные дни, такъ и въ будни съ одинаковою аристократическою роскошью. Парадная ливрея никогда не сходила съ плечъ прислуги: камердинеры ежедневно напяливали на себя фракъ и бѣлый галстухъ съ 8-ми часовъ утра; столъ, хотя бы графиня изволила обѣдать одна, всегда былъ заставленъ массивнымъ серебромъ, цвѣтами и фруктами; придворный этикетъ, по разъ заведенному обычаю, не мѣнялся; во всемъ соблюдались строжайшія церемоніи и порядокъ, какъ подобаетъ быть при княжескихъ и королевскихъ дворахъ. Графиня была невидимой до часу пополудни: вѣкъ требовалъ необходимыхъ приготовленій передъ выступленіемъ на божій свѣтъ. Наряды смѣнялись по нѣскольку разъ въ день; два раза въ недѣлю были торжественные приемы и вечера, въ обыкновенные же дни составлялся небольшой кружокъ изъ нѣсколькихъ, близко знакомыхъ лицъ, составлявшихъ партію въ вистъ, безъ котораго графиня не могла обойтись.

По программѣ, Германъ долженъ былъ являться къ графинѣ каждое утро до завтрака, потомъ къ обѣду, если только съ утра

STANFORD LIBRARIES

не взялъ увольненія отъ него, и наконецъ—вечеромъ для ассистенціи возлѣ матери. Однако онъ ловко увертывался отъ исполненія этой программы, хотя графиня нерѣдко сердилась и посылала за нимъ по нѣскольку разъ; но барское балованное дитяtko умѣло вымалывать прощеніе за свои проказы нѣжными поцѣлуями и объятіями.

Помѣщеніе Германа прилегалo къ апартаментамъ матери, дверь въ которые была забаррикадирована шкафомъ и имѣлся къ нимъ отдѣльный входъ, въ виду того, что нерѣдко у Германа собирався кружокъ молодыхъ людей, и отъ ихъ шума не было спокойствія и въ другомъ концѣ дома.

Отъ разныхъ менторовъ и гувернеровъ Германъ давно ужь былъ свободенъ и ограничивался лишь материнскимъ надзоромъ, охами, вздохами, нѣжными поцѣлуями, а иногда небольшими выговорами. Онъ былъ воленъ дѣлать, что ему угодно, бралъ денегъ столько, сколько могъ растратить.

При особѣ графини неотлучно находилась дальняя родственница ея, дѣвица Злоцинская, имѣвшая лѣтъ около 30-ти, бывшая въ первой молодости очень миловидной дѣвушкой, что, очевидно, доказывали черты ея лица и въ настоящее время. Въ случаѣ гнѣва матери на Германа, она становилась между ними посредницей и всегда держала сторону молодаго графа; чрезъ ея посредничество Германъ всегда достигалъ желаемой цѣли. Панна Злоцинская имѣла слабость къ Герману, который, въ благодарность за ея посредничество, частенько проводилъ послѣобѣденное время, съ сигарой во рту, въ интимной съ нею бесѣдѣ.

Кромѣ панны Злоцинской, обыкновенное вечернее общество составляли: каноникъ, величаемый изъ вѣжливости, прелатомъ, игравшій прекрасно въ вистъ и краснорѣчиво молчавшій, не затрогивая при этомъ ни одного щекотливаго вопроса; затѣмъ старый докторъ, величайшій шутникъ, человекъ совсѣмъ безвредный и тѣшившій своимъ остроуміемъ все общество, и наконецъ президентъ, титулъ котораго относился неизвѣстно къ какой эпохѣ президентуры. Президентъ, съ важной чиновничьей физиономіей и бритой бородой, имѣлъ двѣ орденскія ленточки въ петлицѣ фрака (а также и въ пальто) и считался почему-то величайшимъ знатокомъ политики, хотя никогда не говорилъ о ней, но пожиманіе плечъ, качаніе головы и движеніе бровей позволяли предполагать въ немъ европейскаго мыслителя и политика.

Во время предполагавшейся войны съ Австріей, когда потомъ заговаривали о мирѣ, президентъ засовывалъ руку за воротникъ

и, трепая себя по затылку, испускалъ какое-то хрюканье... а это имѣло важное значеніе въ его политикѣ. Позже, докторъ и каноникъ шутили надъ нимъ,—президентъ смѣялся, но не отрицалъ своего мнимаго пророчества. А графиня все-таки считала его пророкомъ.

Въ тотъ же день, когда Віола прогнала отъ себя Германа, у графини былъ обыкновенный пріемный день и вечернее собраніе, на которомъ долженъ былъ присутствовать и Германъ. Ему было скучно на этихъ вечерахъ, но, скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ покоряться волѣ матери и съ этою цѣлью приглашалъ всегда нѣсколько человекъ изъ своихъ друзей, съ которыми уходилъ въ другую комнату и, играя по небольшимъ кушамъ, велъ себя съ величайшею скромностью.

Со дня своего прибытія, графиня успѣла подобрать себѣ кружокъ изъ лучшихъ общественныхъ дѣятелей, болѣе или менѣе принадлежавшихъ къ «охранительному» лагерю. Нѣкоторые изъ близкихъ знакомыхъ, послѣ сытнаго ужина и хорошаго вина, позволяли себѣ называть ее польскою матроной...

На эти вечера съѣзжались по обыкновенію послѣ 8-ми часовъ, но графиня выходила аккуратно въ 8, и всегда садилась на свое обычное мѣсто, на которомъ привыкла принимать своихъ поклонниковъ.

Въ ожиданіи съѣзда, взглянемъ на графиню.

При блескѣ ярко горѣвшихъ свѣчей, графиня, не смотря на свою сутуловатость, казалась довольно бодрой женщиной. На широкихъ плечахъ ея сплѣта маленькая головка, съ мелкими, правильными чертами, красными губками, большими черными глазами, остренькимъ носикомъ и меланхолическимъ выраженіемъ лица; въ общемъ эта головка оставляла пріятное впечатлѣніе; маленькія, пухленькія ручки чрезвычайной бѣлизны, съ длинными, тонкими пальчиками, унизаны были драгоценными кольцами. Не было также недостатка и въ золотыхъ цѣпяхъ, которыми увѣшана была ея грудь сверхъ дорогаго платья; браслеты и разныя самоцвѣтныя драгоценности дополняли ея пышный нарядъ. Имѣя очень слабое зрѣніе, она не разлучалась съ золотой лорнеткой, которую, по мѣрѣ надобности, поднимала къ глазамъ... Старые ея партнеры въ вистъ были очень милы въ ея глазахъ, но все-таки она предпочитала молодыхъ, а тѣмъ болѣе мужчинъ среднихъ лѣтъ, сохранившихъ первую молодость; она была настолько расположена къ нимъ, что нерѣдко снисходила своею благосклонностью и пріветливостью до предѣловъ высшей любезности; достойная нѣкоторыхъ счаст-

ливцевъ своей бесѣдой по нѣскольку часовъ, она сопровождала ее аристократическими жестами и пріятными улыбками.

Ровно въ 8 часовъ, графиня появилась въ залѣ, въ богатомъ черномъ платьѣ, съ предлиннымъ шлейфомъ, и прямо направилась къ своему сѣдалищу. Брюнетка съ живыми черными глазами и бѣлыми перламутровыми зубами, m-lle Злоцинская, по обыкновению, сопровождала ее сиятельство и неотлучно находилась при ея особѣ до пріѣзда гостей. На эти вечера Германъ долженъ былъ являться во фракѣ пунктуально въ 8 часовъ; но рѣдко онъ былъ аккуратенъ.

Впрочемъ, этотъ вечеръ составилъ исключеніе: Германъ явился точь-въ-точь въ означенное время и даже сѣлъ на диванъ о-бокъ съ матерью и Злоцинской, которая съ явной злобой посмотрѣла на его синевато-блѣдное лицо.

Мать притянула его къ своей груди.

— Что съ тобой, Германъ? спросила заботливо графиня:—ты такой блѣдный... Не боленъ-ли ты? Ты вчера былъ на чистомъ воздухѣ...

Злоцинская улыбнулась съ ироніей.

— Мнѣ хотѣлось, чтобы ты глядѣлъ возможно лучше... J'ai des projets sur vous.—Она шепнула ему что-то на ухо:— M-lle Юноша... прибавила она, и пристально посмотрѣла на Германа, который сидѣлъ съ опущенными глазами.

— Видѣлъ ее... отвѣтилъ онъ сухо.

— И что же?

— Недурна... но черезчуръ свысока смотритъ на свѣтъ...

— На свѣтъ!—это хорошо, лишь бы не на тебя. Ганна происходитъ отъ хорошей фамиліи, и со смертію своей бабушки и отца сдѣлается обладательницей нѣсколькихъ милліоновъ.

— Если только не женится отецъ,—прибавилъ Германъ.

— Куда ему жениться! il n'est plus jeune.

— Онъ считаетъ себя молодымъ...

— Да, состояніе огромное, и Ганну всѣ очень хвалятъ.

Германъ молчалъ.

— Прошу имѣть ее въ виду...

Въ это время входилъ Папржица, помѣщикъ, человекъ высоко-сановный, который и прервалъ ихъ разговоръ. Съ приходомъ Папржицы, Злоцинская, почувствовавъ себя свободной отъ присутствія при графинѣ, отошла къ окну; вскорѣ къ ней подошелъ Германъ и началъ шептать ей на ухо.

Молодой приличный мужчина, Папржица, сѣлъ рядомъ съ графиней, которая подвинулась ближе къ нему. Онъ славился знаніемъ новостей и умомъ челоуѣка, котораго всегда съ удовольствіемъ можно послушать. Лицо его, правда, не много общало, но холодная разсудительность и коммерческая разсчетливость рельефно выказывалась въ немъ. Главной чертой его характера была разсчетливость—въ сантиментальныя иллюзіи онъ не любилъ вдаваться и шелъ тѣмъ путемъ, которымъ заставляли идти обстоятельства: скромный, послушный, аккуратный, онъ ненавидѣлъ оппозицію и поклонялся лишь силѣ... Впрочемъ онъ шелъ, какъ волкъ за своимъ знаменемъ, куда повелѣвалъ долгъ, не спрашивая ничьихъ мнѣній. Будучи врагомъ либерализма и демократіи, онъ выступалъ открыто въ бой, но для находившихся подъ его знаменемъ былъ снисходителенъ до блажи.

Разговоръ съ Папржицей начался съ его путешествій по Итали, да и не могъ начаться съ другаго предмета, такъ какъ онъ только что возвратился оттуда. Начавъ о впечатлѣніяхъ путешествія, графиня много бы узнала интереснаго, еслибъ не Любичъ, который вошелъ при самомъ началѣ разговора и прервалъ его.

Любичъ подходилъ больше подъ вкусъ графини, чѣмъ жестоконичливый Папржица. Онъ былъ въ сущности очень бѣдный челоуѣкъ, и благородное происхожденіе его подлежало нѣкоторому сомнѣнію, зато былъ очень недуренъ собою: веселый и молодой, онъ обращалъ на себя особенное вниманіе графини, доходившее до обожанія. Графиня хорошо знала, что Любичъ не имѣлъ никакихъ особенныхъ связей съ аристократіей, кромѣ свѣтскихъ отношеній, и только посредствомъ брака могъ войти въ то общество, въ которомъ находился теперь по случаю разныхъ заискиваній, униженій и готовности услужить каждому... Отсюда и можно было заключить, что онъ съ благодарностью позволилъ бы «окрутить» себя.

Его принимали во всѣхъ аристократическихъ салонахъ, какъ благочестиваго челоуѣка, на принципы котораго всегда можно было положиться.

Съ помощью нѣсколькихъ смѣлыхъ опытовъ и свободныхъ движеній языка, въ которыхъ было мало смысла, но много словъ, Любичъ втерся въ аристократическіе салоны и считался въ нихъ ярымъ охранителемъ порядка. Не смотря на матеріальную поддержку, частная его жизнь заставляла желать многоаго: онъ былъ страстнымъ игрокомъ и тайнымъ поклонникомъ прекраснаго пола; не прочь былъ кутнуть, а иногда поддѣлать векселекъ; все это

не мѣшало ему однако ходить въ церковь и молиться на глазахъ всѣхъ знакомыхъ. Въ случаѣ необходимости, онъ пописывалъ статейки въ газетахъ самаго скабрёзнаго свойства. Въ обществѣ своихъ друзей считался пріятнымъ собесѣдникомъ, обладающимъ даромъ слова и геройски—ловкаго вранья.

Никто не могъ такъ ловко, какъ Любичъ, бросить яблоко раздора между враждующими лагерями; посѣянные имъ сѣмена тенденціозной клеветы, на хорошей почвѣ, всегда приносили хорошіе плоды; но онъ нисколько не гордился своимъ искусствомъ... Старые вожаки партіи сжимали его въ своихъ объятіяхъ со слезами на глазахъ, какъ любимое дѣтище, подающее сладкія надежды...

Въ сущности Любичъ далеко не былъ красавцемъ, но изящество манеръ и вѣжливость давали его физиономіи такое выраженіе, которое многимъ нравилось. Одѣвался онъ изысканно и всегда былъ надушенъ такими духами, свойство которыхъ опредѣлить было очень трудно: употреблялъ средства—*au moral et au physique*.

Черные глаза хозяйки съ чувствомъ обратились къ нему, указывая мѣсто подлѣ себя. Любичъ, съ улыбкою благодарности, бьющей на эффектъ, подселъ къ графинѣ.

— Посмотрите, Германъ, какъ Любичъ ухаживаетъ за графиней, шепнула Злоцинская.

— Не опасенъ, зѣвая, отвѣтилъ Германъ.—Онъ любитъ хорошіе объѣды и въ этомъ весь секретъ...

— Хорошо, если такъ. Но, смотрите, онъ способенъ и къ чемунибудь иному...

— О, нѣтъ, возразилъ Германъ:—побойтесь меня; еслибы не я—другое дѣло...

Гости понемногу начали сѣзжаться, пріѣхалъ также и нашъ знакомый Доленга, который, появляясь на порогѣ, уже смѣялся и трепалъ по плечу всѣхъ попадавшихъ ему на встрѣчу. Последними пріѣхали Кучаба и Остоя.

На послѣднихъ двухъ стоить остановить наше вниманіе и посвятить имъ нѣсколько строкъ.

Г. Кучаба, еще не старый человекъ, происходилъ изъ богатой фамиліи и принадлежалъ къ обществу, представители котораго находились въ салонѣ графини. Надсаживая горло надъ своими принципами, онъ не былъ однако увѣренъ въ нихъ и не всегда усердствовалъ. Въ другихъ компаніяхъ онъ принималъ на себя болѣе пассивную роль и становился на нейтральной почвѣ, а иногда,

как говорили, подсмѣивался надъ своими союзниками; любилъ популярность, и это губило его. Если мнѣнія переходили на сторону противную, Кучаба говорилъ, что эти именно убѣжденія онъ всегда раздѣлялъ; при наступленіи новаго поворота, никто громче его не утверждалъ, что онъ способствовать этой пережѣвѣ и ради нея трудился.

— Люди не понимаютъ меня, говорилъ онъ, когда его обвиняли. — Но, кажется, что и онъ не понималъ себя. Опасеніе лишиться своей популярности толкало его съ мѣста на мѣсто, но такъ, чтобы опять возвратиться на прежнее. Въ сношеніяхъ съ людьми, онъ вѣренъ былъ своей системѣ и держалъ себя съ ними ни хорошо, ни худо, а вообще сносно, такъ что, въ случаѣ чего, онъ становился необходимымъ. Обладая даромъ слова, хотя и не всегда яснымъ, онъ говорилъ краснорѣчиво и, гордясь своей способностью, не пропускалъ ни одного бала, собранія или обыкновенныхъ вечернихъ бесѣдъ, чтобы не показать своего искусства.

Всегда улыбавшійся Кучаба былъ общимъ другомъ, и имѣлъ особенный талантъ: — увильнуть всегда, гдѣ дѣло шло объ изъясненіи чувствъ на практикѣ.

Приходъ Кучабы въ салонъ вызвалъ пріятный для него шепотъ.

Товарищъ его, Остоя, былъ маленькій, крѣпкій человѣчекъ. Въ немъ видна была та согая, возвращенная овца, блуждавшая по темнымъ закоулкамъ свѣта. Въ сущности, Остоя принадлежалъ раньше къ демократамъ красной партіи; либерализмъ его превосходилъ своей рьяностью всѣ оттѣнки, извѣстные доселѣ и практиковавшіеся въ Польшѣ; не было ни одного списка, въ которомъ бы не стояло его имя, тюрьмы — въ которой бы онъ не сидѣлъ. Наконецъ надобно ему это мытарство, и онъ сказалъ себѣ:

— Баста!..

Пришелъ онъ тогда съ повинною къ людямъ добромъслящимъ... Не сразу, однако, они приняли его въ свою среду, и только лишь послѣ долгихъ испытаній онъ получилъ окончательное прощеніе. Впрочемъ онъ заслужилъ его такимъ удовлетворительнымъ поступкомъ, что сдѣлался потомъ гордостью тѣхъ, съ которыми раньше велъ препирательства и ожесточенную борьбу. Изъ ярко-краснаго, онъ сдѣлался крайне-бѣлымъ и консервативнымъ. А такъ какъ раньше онъ былъ посвященъ во всѣ тайны демократіи и былъ участникомъ во всѣхъ ея дѣлахъ, — теперь ему открылось широкое поле прище къ огличію и защитѣ того, что вчера еще онъ такъ горячо порицалъ.

Такое гармонически-составленное общество начало свой вечеръ сужденіемъ о законахъ и беззаконіяхъ вѣка, о его непоправимо-испорченной нравственности и пр. Всѣ были согласны съ тѣмъ, что никогда не жилось такъ худо на свѣтѣ и что никогда обществу не угрожали такія опасности, какъ въ настоящее время.

— Все это, господа,—произнесъ Любичъ, любившій громкія фразы,—произошло отъ того ложнаго и пагубнаго основнаго принципа, что человѣчество должно покоряться закону прогресса. Но спрашивается, гдѣ же этотъ прогрессъ. Какой? Старый общественный порядокъ, опиравшійся на традиціяхъ, на Божьемъ откровеніи, на вѣчномъ опытѣ—ниспровергнуть, и никто теперь не въ силахъ возстановить его или создать новый. Ниспроверженіе произвело разрушительную сенсацію, бесповойное мышленіе, хаосъ въ понятіяхъ и это милое состояніе, въ которомъ мы нынѣ находимся!.. Безподобное, несравненное счастье!..

— Bravo, bravo! воскликнулъ Папржица, хлопая руками: — золотыми бы буквами напечатать эти слова для общаго блага. Никто не можетъ такъ здраво судить: прогрессъ и ложная его идея—причина всему... Для этого прогресса начали искать новыхъ формулъ, мудрствовать, разрушать, создавать и просвѣщать... наконецъ созданъ народный идеалъ... масса оторвана отъ работъ, не въ мѣру переполнена пролетаріями... никакого уваженія, никакого правленія, никакой власти свыше... ниспроверженъ самъ Богъ и на его мѣстѣ возсѣдаетъ разумъ челоуѣка, который отъ одного грана опіума превращается въ совершеннаго безумца...

У старой польской шляхты принято было пить водку передъ обѣдомъ... Здѣсь, въ салонѣ графини, начинался вечеръ съ того же, только въ иномъ видѣ; по большей части вечерняя бесѣда начиналась подобными задорными декламаціями, а успокоивъ ими совѣсть (т. е. заморивъ червячка), садились за зеленое поле и сражались въ вистъ, осуждая ближнихъ врупѣ и каждого порознь. Тема эта была неисчерпаема и варьировалась на всѣ лады... Поэтому Папржица и Любичъ, подъ акомпанементъ Кучабы, сыиграли дуэтъ на консерватизмѣ, въ заключеніе котораго Любичъ прибавилъ:

— Просвѣщеніе народа—въ модѣ!.. Просвѣщеніе!! Въ состояніи-ли кто дать просвѣщеніе выше того, въ которомъ бы народъ позналъ, что онъ—сила, могущая разрушить общество! Мудрствующій недоучка будетъ жаждавать всего и бросаться на все. Для того-ли нужно намъ просвѣщеніе, чтобы потомъ никто не могъ управлять

народомъ, чтобы всякое господство было ниспровергнуто и все приведено въ безпорядокъ!!...

Любичъ былъ прерванъ на самомъ интересномъ мѣстѣ своего краснорѣчія приходомъ новаго гостя.

Германъ, безъ всякой задней мысли, пригласилъ на вечеръ Сильвана. При видѣ его, ораторъ умолялъ, и неудовольствіе мгновенно появилось на лицахъ присутствовавшихъ. Графиня вспыхнула сквозь толстый слой штукатурки на лицѣ, и холодно отвѣтила Сильвану на его поклонъ. Гости начали избѣгать его, какъ зачумленнаго.

Сильванъ не растерялся и казался совершенно равнодушнымъ къ сухому приему, спокойно подойдя къ брату, который, замѣтивъ неудовольствіе присутствовавшихъ, понялъ, что пригласилъ совершенно лишняго для нихъ человѣка, известнаго своимъ радикальнымъ образомъ мыслей. Мать догадалась, что обязана была сыну этой непріятностью и бросила на него гнѣвный взглядъ укора. Глубокое молчаніе воцарилось въ салонѣ графини. Сильванъ прекрасно понялъ, что онъ былъ причиною этого молчанія. Взглянувъ на Германа, онъ взялъ его подъ руку и вышелъ съ нимъ въ другую комнату.

Въ залѣ еще продолжалось молчаніе; наконецъ Папржица придвинулся со своимъ стуломъ къ графинѣ.

— Изумляюсь, графиня! воскликнулъ онъ, понизивъ голосъ, — казнимъ чудомъ попала эта фигура въ вашъ салонъ. Неужели, графиня, вы принимаете у себя людей съ такими воззрѣніями и крайнимъ образомъ мыслей, какъ этотъ инженеръ?

— Но это какой-то сводный братъ моего Германа, — возразила графиня: — понимаете...

— Гм... правда, что родство—священный узелъ; но гдѣ дѣло идетъ о явѣ, угрожающей нравственности и спасенію души... Развѣ вы, графиня, не боитесь вреднаго вліянія этого человѣка на нравственность вашего сына и на развитіе его юношескаго мышленія?..

— Все это я хорошо понимаю, господинъ Папржица, и очень беспокоюсь за него, говорила графиня; — но какъ предупредить зло?

— Да, положеніе незавидное; однако слѣдовало-бы предупредить Германа... убѣдить... приказать ему избѣгать его. Онъ нагнулся къ уху графини. — Я подозреваю, что онъ вводитъ графа въ непозволительныя общества; знакомить его съ актрисами, способствуетъ свиданіямъ...

Графиня всплеснула руками.

— О Боже! воскликнула она.— Можетъ-ли это быть? Мой Германъ до сихъ поръ держалъ себя такъ скромно и чисто!..

Любичъ, сидѣвшій рядомъ съ графиней, при этомъ восклицаніи, чтобы не разсмѣяться, сдѣлалъ серьезную фізіономію. Графиня была взволнована и закатила глаза внутрь орбитъ.

Когда въ салонѣ шла тихая бесѣда, въ другой комнатѣ происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Скажи, пожалуйста, Сильванъ, спрашивалъ Германъ,— что ты сдѣлалъ имъ, что они, при видѣ тебя, повѣсили носы и начали отворачиваться?

— Ничего! разсмѣялся Сильванъ.— Даже ни съ однимъ изъ нихъ не имѣлъ никакихъ сношеній. Чѣмъ я могъ провиниться передъ ними—не знаю. Но мнѣ кажется, что они видятъ во мнѣ врага, расходящагося съ ихъ мнѣніями, и считаютъ меня либераломъ.

— Мнѣ, право, смѣшно сдѣлалось, смотря на ихъ натянутыя фізіономіи, съ какими они встрѣтили тебя.

— Зачѣмъ ты звалъ меня сюда?

— Нарочно позвалъ тебя, потому что эти трутни мнѣ слишкомъ надоѣли, воскликнулъ Германъ, сжимая его въ своихъ объятыхъ;— терпѣть не могу ихъ. А знаешь-ли что? — прибавилъ Германъ:— хотя это и странно, но большая часть изъ нашей демократіи отвратительно смѣшна, какъ вообще, такъ и взятые порознь; они по большей части—акробаты, клоуны.

Сильванъ взглянулъ на брата; Германъ зѣвнулъ.

— Э, да что мнѣ въ нихъ, продолжалъ онъ,— всѣ они другъ друга стоятъ! Это—клерикалы и іезуиты, а твои народные трибуны и демократы—шарлатаны.

Сильванъ еще болѣе наумился.

— Не думалъ я, чтобы ты могъ такъ глубоко цѣнить натуру вещей, сказалъ Сильванъ.

— Глубоко! воскликнулъ Германъ, пожимая плечами.— И не думаю! Объ этихъ ханжахъ, которые, осѣняя себя крестомъ, грѣшать не только словами, но и вздохами, и о демократахъ, говорящихъ о завтрашнихъ подвигахъ, тогда какъ сегодня помнятъ лишь о своихъ карманахъ, я сужу очень поверхностно. Но вотъ что, любезный Сильванъ, все-таки я предпочитаю эти длиннополые подрясники, чѣмъ шарлатановъ въ складныхъ шляпахъ, хотя наравнѣ, по правдѣ сказать, ненавижу ихъ. Последніе... последніе хотя и чудятъ, но ихъ понимаетъ каждый, а эти импровизированные святоши развѣ тѣмъ хороши, что имѣютъ ка-

куюнибудь приличную форму, ходить въ перчаткахъ и не плюютъ на полъ, но вмѣстѣ съ этимъ—фальшивыя созданья.

Сильванъ горько улыбнулся.

— Вѣрь мнѣ—*ambo meliores!* прибавилъ Германъ.—Намъ можно смѣяться какъ надъ тѣми, такъ и надъ другими... Однако, прошу извинить мою неосмотрительность, которая причинила тебѣ неприятность... Надѣюсь, что ты не обидишься за это; я считаю тебя выше всѣхъ этихъ святошъ и шарлатановъ, и доволенъ тѣмъ, что испортилъ имъ расположеніе духа.

— Смотри, проказникъ, чтобы тебѣ не повредило это. Ты ищешь развлеченій тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего можно найти, и между людьми, которые вовсе не такъ забавны.

— Что-жь дѣлать, когда я ужасно скучаю?

Германъ разсказалъ ему съ комической физиономіей и жестами о своемъ посѣщеніи Віолы.

Сильванъ возмутился.

— Не сердись же, братецъ, Бога ради, не сердись. Я сознаю свою глупость и достоинъ наказанія. Послѣ этой пощечины я выучился уважать Віолу.

— Какъ, пощечины? Какой пощечины? вскричалъ Сильванъ.

— *Au togal! au togal!*, успокоилъ онъ Сильвана: — выгнала вонъ.

Германъ глубоко вздохнулъ и прибавилъ:

— Ты счастливъ, Сильванъ,—ты трудишься, работаешь и спокоенъ, а я... мечусь, какъ звѣрь въ клеткѣ... мнѣ можно многое простить. Ты не сердиться долженъ на меня, а управлять, руководить мною.

Эти добрыя, заискивающія слова обезоружили Сильвана.

Однако ихъ не оставили долго вдвоемъ: Доменга, въ сопровожденіи Кучабы, вошли въ эту комнату и начался общій разговоръ.

VII.

Въ комнаткѣ Сильвана, дверь изъ которой открыта была въ садъ, сидѣла Лелія Матуская и просматривала альбомъ съ фотографическими карточками. Сильванъ въ задумчивости прохаживался по комнатѣ.

— Ну, будь, что будетъ, отозвалась Матуская,—однако, простая въжливость требуетъ сдѣлать визитъ старушкѣ и г. Юнѣшѣ... *C'est de rigueur!*

— Не противорѣчу, но буду съ тобой откровененъ и скажу,

что я колеблюсь по многимъ причинамъ... Зачѣмъ разжигать въ себѣ потухшій огонь? Къ чему беспокоить г. Юношу? Зачѣмъ дѣлать неприятность старушкѣ. а бѣдной Ганнѣ, быть можетъ, больше чѣмъ хлопоты? Ты обманываешься, дорогая Лея,—чуду этому трудно свершиться; Юноша врядъ-ли позволить умиловить себя, чтобы взглянуть на меня лучшими глазами... впрочемъ, не будемъ говорить о томъ.

— Напротивъ, будемъ говорить—смѣло возразила сестра.—Ты любишь Ганну, а Ганна любитъ тебя—это фактъ.

— Сомнительный, быть можетъ, со стороны Ганны, прибавилъ Сильванъ.—Что я люблю ее, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но чтобы она... это больше чѣмъ сомнительно...

— Ошибаешься...

Сильванъ замолчалъ.

— Бабушка, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—едва терпитъ меня, отецъ явно гнушается мною,—это онъ доказалъ еще раньше. Ганна же не можетъ распорядиться собою...

— Право, Сильванъ, ты такъ простъ и наивенъ, что можно подумать Богъ вѣсть что, прервала его сестра.—Бабушка очень добрая старушка, она любитъ Ганну и поддается ея влиянію... отецъ же—слабѣйшее изъ существъ, котораго я могла бы одной улыбкой свести съ ума. Поэтому стоитъ только...

— Vous comptez sans votre hôte! холодно началъ Сильванъ, не глядя на сестру;—здѣсь хозяиномъ является шайка, общество, сторонники — назови какъ тебѣ нравится — куда примыкаютъ бабушка и Юноша, сами того не подозрѣвая. Допустить-ли, спрашиваю, это общество милліонершѣ выйти за бѣднаго инженера, который не можетъ, по своимъ убѣжденіямъ, разыгрывать роли аристократа, и хотеть, не подчиняясь ихъ режиму, свободно мыслить? Клевета, злословіе, интриги, угрозы выйдутъ на арену; они не допустятъ уронить себя. Громадное состояніе достанется въ добычу кому нибудь изъ некоснувшихся еще радикализма и свободы мышленія; а если пойдетъ на то, они принесутъ ее въ жертву и, не колеблясь, запрутъ въ стѣнахъ монастыря, ради спасенія состоянія, чтобы оно не досталось въ руки ихъ противниковъ. Для такихъ высокихъ цѣлей, о какихъ они мечтаютъ, не грѣшно употребить всѣ средства; а эти длиннополые богословы, ихъ сообщники, найдутъ вѣскіе аргументы для оправданія ихъ поступка.

— Знаешь-ли, милый братецъ, что, слушая тебя, мнѣ такъ вотъ и хочется смѣяться, отозвалась сестра, не давъ окончить начатой мысли. Графъ Ржевускій, авторъ «Соплицы», говорилъ одному

изъ высшихъ сановниковъ, если не ошибаюсь, г. Б...ву, что онъ знаетъ двухъ смѣшныхъ людей (онъ выразился острѣе), изъ которыхъ одинъ всегда чего нибудь боится, другой — вѣчно на что-то надеется... Известно, къ кому относились эти слова. Я знаю тоже двухъ такихъ, которые взаимно боятся, и сами не знаютъ чего... одни прикрыты могуществомъ Лойолы... другіе — масонами и тайными списками. Въ среднихъ вѣкахъ, быть можетъ, и позволительно было бояться такихъ подземныхъ машинъ, которыя теперь могутъ служить лишь пугаломъ для воробьевъ. Іезуиты, быть можетъ, хотѣли бы еще придержаться завѣта Лойолы, — они имѣютъ для этого огромныя финансовыя средства, которыми могутъ распоряжаться по своему усмотрѣнію; но масоны и обыкновенные смертные изобличаютъ ихъ; поэтому борьба, конечно, идетъ открыто, не въ темныхъ уголкахъ, а въ чистомъ полѣ, подъ лучами палящаго солнца.

— Между тѣмъ, сказалъ Сильванъ, іезуитское могущество, — такъ-ли, иначе ли зовется оно — могущество очень прочное; все, что есть во власти, силѣ и интеллигенціи — защищаетъ монополію.

— При чемъ же здѣсь тогда Ганна? спросила, смѣясь, Матусская; — *c'est une lubie!*

— У Ганны милліоны! Ганну обратятъ въ свое орудіе и выдадутъ за того, за кого хотятъ, или... запрутъ въ монастырь... Тамъ ей навяжутъ миссію по охранѣ общества, порядка, религіи и проч.

Лелія вскочила съ кресла и, бросивъ альбомъ, подбѣжала къ брату.

— Безумецъ ты этакій!.. воскликнула она и, поцѣловавъ его, возвратилась на свое мѣсто.

Со стороны сада послышалось пѣніе, вслѣдъ за которымъ хлопнула калитка; чрезъ нѣсколько секундъ, на порогъ появился Германъ со шляпою въ рукахъ и, не замѣчая Леліи, воскликнулъ:

— Сильванъ! спаси меня, умираю!..

Замѣтивъ въ этотъ моментъ Лелію, Германъ сконфузился. — Матусская звонко расхохоталась.

— Извините, пожалуйста, я не замѣтилъ васъ! пробормоталъ онъ.

— Что случилось? спросилъ Сильванъ, подходя къ брату.

— Ничего особеннаго, отвѣтилъ спокойно Германъ: — меня при-
вела къ тебѣ моя обыкновенная хроническая болѣзнь — хандра.

— Въ прежнее время, женщины славились своею способностью излѣчивать подобные недуги, и считались по этимъ болѣзнямъ

STANFORD LIBRARIES

лучшими исцѣлительницами, отозвалась насмѣшливо Матуская, глядя ему прямо въ глаза. — У меня есть вѣрное средство отъ вашей болѣзни.

— О, спасите меня госпожа... сестра... затруднился въ названіи Германъ, бросивъ на Матускую умоляющій взглядъ. Она, въ свою очередь, посмотрѣла на него съ сожалѣніемъ...

— Въ такомъ случаѣ прошу садиться, милостивый государь... сударь... братъ—какъ хотите, сказала весело Матуская. — Признаюсь, мы не въ завидномъ положеніи родства: не знаемъ даже, какъ называть другъ друга.

— Ну, какъ называть? Конечно: братъ, сестра, вмѣшался Сильванъ:—по старопольски...

— Исцѣлительница! благодѣтельница моя! восклицалъ Германъ.—Лѣкарство мое, лѣкарство! скорѣе! Умираю! спасите меня, сестра!

— Это отъ хандры-то?

— Да, отъ хронической хандры...

— Нѣтъ лучшаго средства—влюбиться. Это самое вѣрное и испытанное средство.

— Хе, хе! Сильванъ говорить, что я не сдѣлаю этого сдѣлать; что для этого я слишкомъ испорченъ.

— Исправьтесь!

— Человѣкъ—это испорченные часы, которые чѣмъ больше чинишь, тѣмъ хуже становится ихъ ходъ, это доказано ужъ многими философами. Я имѣю обыкновеніе дарить такіе часы комунибудь изъ своихъ пріятелей.

— Прекрасный подарокъ! замѣтилъ Сильванъ.

— Впрочемъ, что касается любви, продолжалъ Германъ:—я съ вами, какъ съ сестрой, буду откровеннымъ. Ну, какъ здѣсь влюбиться въ какуюнибудь изъ этихъ салонныхъ куколъ, которыя не только не умѣютъ чувствовать, но даже говорить... Эти нарядныя дѣвушки скучны и холодны, какъ мраморъ, а разсчитливы и замысловаты, какъ Пифагорова теорема; онѣ, ни больше, ни меньше, какъ кандидатки въ жены: онѣ созданы не для любви... Любовь у нихъ является тогда, когда она невозможна...

— Отлично же вы рекомендуете насъ...

— Чѣмъ же я виноватъ, что предъ моими глазами разстлается такой видъ?.. Могъ бы, конечно, и я влюбиться въ существо живое, умное... но, къ несчастью, такой нигдѣ нѣтъ; впрочемъ, ошибаюсь, — есть, и только одна... Между горничной поущею Филона, и графиней—пищашей *casta diva*, нѣтъ низкаго

середины; нѣтъ между ними такой, у которой бы изъ собственной груди лилась восхитительная пѣснь любви и плѣняла бы молодое сердце.

— Однако, вы, кажется, сказали, что есть одна?—спросила Матуская.

— Да, одна, и та случайная, отвѣтилъ Германъ, взглянувъ на Сильвана:—опять-таки и эта... чужимъ перстнемъ припечатана.

— Какъ? Неужели замужняя? спросила Матуская.

— О! еслибы замужняя!—готовая драма, и тогда я спасенъ!..

Матуская смѣялась, съ любопытствомъ всматриваясь въ лицо Германа, который, въ первый разъ, былъ такъ откровененъ и вдобавокъ оказывался веселымъ чудакомъ. Матуская рисовала его себѣ гораздо худшимъ...

— Есть и еще вѣрное средство къ излѣченію твоей болѣзни, отозвался Сильванъ:—но понравится-ли?—горькое.

— Ну, а я горькихъ лѣкарствъ не проглатываю.—Впрочемъ, какъ зовутъ это лѣкарство?

— О, это извѣстное лѣкарство; оно старо, какъ само человечество, и горько, какъ полынь...

— Но названіе, названіе...

— Трудъ.

— Прекрасное средство, но нужно выучиться употреблять его... Вѣдь каждый приемъ его долженъ дѣйствовать въ родѣ гимнастики.

— Испытай!

— Не могу, отвѣтилъ Германъ.—Что сказала-бы тогда мама?... а ея святѣйшее общество!.. Трудъ—дѣло хорошее, но онъ пахнетъ демократіей, радикализмомъ, а мы ортодоксы; намъ можно только работать во славу Божью, молиться; къ тому же трудъ—это что-то такое неопредѣленное... vague... Нѣтъ, я предпочитаю бы влюбиться...

Всѣ трое рассмѣялись.

— Вы очень избалованы, братецъ, сказала тихо Матуская.— Намъ, бѣднякамъ, недоступна лѣнь, намъ некогда хворать вашими болѣзнями... и это очень утѣшаетъ насъ...

— Конечно, все переживается на свѣтѣ, с'est coppi! сказалъ Германъ.—Мать, повидимому, замѣчаетъ мою скуку и хлопочетъ навязать мнѣ подругу жизни...

— Неужели? Ну, и что же: нашла она вамъ эту подругу?

— Еще бы! ея комитетъ, во избѣжаніе соблазна, бодрствуетъ

надо мною. Но, любезная сестрица, — si vous permettez — они страшно ошибутся въ расчетѣ...

— Ну-съ, кого же, по крайней мѣрѣ, прочать вамъ въ невѣсты?

— Прекраснѣйшую, идеальнѣйшую и умнѣйшую въ мѣрѣ дѣвушку, о которой вы могли бы мнѣ сказать больше, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ. Это—m-lle Ганну...

Сильванъ и Лелія переглянулись.

— Неужели! воскликнула Матуская:—и уже рѣшено?

— Уже, c'est dit — произнесъ, вдыхая, Германъ... Все это устроилось въ мамашинѣ комитетѣ безъ моего и ея согласія; мнѣ поручено лишь исполненіе предписанія комитета.

Братъ и сестра вторично переглянулись.

— Ну-съ, что вы скажете на это? спросилъ Германъ.

— Считаюсь подругою Ганны, — хотя я много старше ея, отвѣтила Матуская:—я знаю ее съ очень хорошей стороны, люблю ее, какъ родную сестру, и, зная ее характеръ, сомнѣваюсь, чтобы Ганна была послушна вашему комитету; къ тому-же, какъ мнѣ кажется, вы не созданы другъ для друга.

— А что касается меня, насколько я себя знаю, я не способенъ жениться по указанію, но ради собственнаго спокойствія, я не хочу ссориться, и пока подчиняюсь ихъ наставленіямъ, на которыя смотрю сквозь пальцы.

Германъ повернулся лицомъ къ Сильвану.

— Скажи, пожалуйста, братецъ, продолжалъ Германъ:—чѣмъ ты провинился предъ этими господами?.. Вѣдь они не только ненавидятъ тебя, но и боятся. Твое присутствіе въ прошедшій вечеръ испортило имъ много крови... Повидимому, они повліяли на мою мать; она запретила мнѣ даже видѣться съ тобою... но вѣдь запрещенный плодъ всегда сладокъ.

— Я это предвидѣлъ—отвѣтилъ Сильванъ.—Они видятъ во мнѣ архи-ересіарха и революціонера, за то, что я смотрю на религію съ другой точки зрѣнія, не какъ на простую форму, а какъ на элементъ, въ которомъ я жажду видѣть высшее достоинство и дѣло,— за то, что изобличаю ихъ поступки, а народъ люблю, какъ братьевъ. Поэтому, у нихъ есть достаточно причинъ, чтобъ ненавидѣть человѣка, который становится имъ поперекъ горла. Этими господамъ — религія служитъ орудіемъ, которымъ они могутъ свободно злоупотреблять, тою административною машиною, которою они могутъ вертѣть по своему усмотрѣнію; народъ у нихъ—это матеріалъ, созданный для труда въ ихъ пользу, которымъ бы они хотѣли вертѣть, какъ пѣшкой.

Германъ смотрѣлъ на брата въ молчаніи.

— Однако, ты отважная голова, сказалъ Германъ:—тебя вѣчно будутъ преслѣдовать за твои проповѣди... Я, милый братецъ, не пристрастенъ въ подобнымъ вещамъ. Если кто говоритъ красно-рѣчиво въ защиту порядка и общества, какъ напр. Любичъ... я хлопаю; если же проповѣдуютъ братскую любовь къ народу—благоговѣю; если говорятъ въ защиту вѣры—восхищаюсь; наконецъ, если преслѣдуютъ фатализмъ—удивляюсь. Мнѣ все равно, лишь бы не скучать.

— Ахъ, ахъ! удивилась Матуская:—такъ молодъ и такой скептикъ!..

— Еслибъ я былъ имъ, то у меня шевелилось бы здѣсь какое нибудь сомнѣніе, сказалъ Германъ, указывая рукою на сердце:—но я отношусь индифферентно... Папржица... говорить, что край можетъ быть избавленъ посредствомъ денегъ, а же... посвящаю всю цѣнность моей жизни...

— Фи! какъ это гадко, мерзко! вскакивая съ кресла, воскликнула Матуская.—И кто это только воспитывалъ васъ, братецъ?

— Насвятѣйшіе отцы іезуиты, отвѣтилъ спокойно Германъ:—загѣмъ—нѣжность матери и деньги, и наконецъ воздухъ XIX-го вѣка.

— Жаль мнѣ васъ, братецъ.

Сильванъ подошелъ къ брату и, положивъ дружески руку на его плечо, сказалъ:

— Ты, любезный братецъ, могъ бы примирить меня и съ іезуитами; ты, со всей твоею ничтою сердца, такъ благороденъ, такъ откровененъ, что я положительно восхищенъ тобою: въ каждомъ твоимъ сарказмъ проглядываетъ свѣтлая струя благородныхъ намѣреній, идей.—О, сколько у тебя жизненнаго матеріала, сколько жажды добра. Братецъ, дорогой мой, пожелай ты только взглянуть на эту жизнь, изъ которой ты дѣлаешь теперь игрушку — пожелай ты взглянуть на нее серьезнѣе и глубже, съ точки зрѣнія вѣры Христовой, во имя которой они вьютъ бичи и нагайки, отдѣли плевелы отъ зерна, увѣруй въ добро, создай въ себѣ идеалъ, трудись надъ собою, своими страстями, слабостью духа; поработай надъ ними, и ты сдѣлаешься гениальнѣйшимъ существомъ, достойнымъ носить имя истинно-хорошаго человѣка. Жизнь полна нужды, люди слабы и весь свѣтъ немногаго стоитъ; но чтобы исторгнуть изъ этой нужды богатство духа, поддержать слабыхъ, пройти свѣтъ, не поприцаая, но снисходя къ нему—это истинно великая задача. Почему бы и не поддержать ее?..

STANFORD LIBRARIES

— Кто имѣетъ силу—аминь!—закончилъ Германъ и обратился къ Леліи.—Милая сестрица, хотя Сильванъ иногда ворчитъ на меня, но я люблю его. Онъ вѣритъ, что изъ этого отрепаннаго лоскута можно со временемъ скрыть что нибудь хорошее.

Матуская съ состраданіемъ и сочувствіемъ подала ему руку.

— Начали за здоровье, а свели за упокой, сказала она:— но оставимъ это. Что вы намѣрены дѣлать вечеромъ?

— Рѣшился быть послушнымъ, разсмѣялся Германъ.—Мать собирается къ старостинѣ и приказываетъ мнѣ сопутствовать ей.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какъ же быть? заботливо воскликнула Матуская, посмотрѣвъ на брата. Мы тоже общались быте сегодня.

— А! это пречудесно! воскликнулъ Германъ:—хотя... хотя, конечно, моя мать и не совсѣмъ будетъ довольна встрѣчей... но вы не обращайтесь на это вниманія и будьте, непременно будьте тамъ вечеромъ, а я теперь отправлюсь домой переодѣваться. И такъ, до свиданія.

Германъ пожалъ имъ руки и быстро выбѣжалъ изъ сада.

Послѣ ухода Германа, царило долгое молчаніе.

— Оригинальный юноша, отозвалась Матуская, — жаль мнѣ его... что-то будетъ съ нимъ?..

— Трудно рѣшить, куда занесетъ его житейская буря—отвѣтилъ Сильванъ. Вѣрится съ трудомъ—но это обыкновенный плодъ того религіознаго воспитанія, которое создаетъ несчастныхъ людей-скептиковъ, изжившихся безъ жизни. Сколько нибудь крупный характеръ, привязанный къ обществу, уродски искривляется. не имѣя свободы развиться по праву природы: слабѣйшіе изъ нихъ чахнутъ и дѣлаются какимъ-то китайскимъ разсадникомъ карликовъ.

На этомъ прекратился разговоръ. Лелія ушла домой готовиться къ вечеру. Сильванъ обѣщалъ въ назначенный часъ зайти за нею.

Возвратясь домой, Германъ, съ сигарою во рту, растянулся на диванѣ и продремалъ почти до поздняго вечера; едва только онъ успѣлъ переодѣться, какъ уже былъ поданъ парадный экипажъ и мать ждала его прихода.

Графиня нарядилась въ лучшее платье, въ которомъ казалась неприступной богиней: бархатное платье фіолетоваго цвѣта, отдѣланное дорогими кружевами, обхватывало ее довольно стройную талію; три шнура крупнаго жемчуга украшали шею; на рукѣ находилась браслетъ съ большимъ изумрудомъ, а въ волосахъ красовалась драгоцѣнная брилліантовая діадема. Она имѣла въ виду, что у старостины съумѣютъ оцѣнить ее туалетъ. Считая очень бѣдно,

на ней надѣто было, по крайней мѣрѣ, тысячъ на десять червонцевъ. Германъ казался очень блѣднымъ, разстроеннымъ, болезненнымъ, но, не смотря на это, онъ подавъ ей руку и проводилъ къ каретѣ.

Въ продолженіе всего пути, хотя довольно короткаго, они не проронили ни одного слова; графиня напаяливалась на свою пухлую ручку плохо подававшуюся перчатку № 6-й. Карета остановилась у подъѣзда дома старостины; Германъ, выпрыгнувъ изъ кареты и высадивъ графиню, подавъ ей руку; церемонно ступая, они начали входить по ступенькамъ крыльца.

У старостины не было ни такихъ салоновъ, ни такой роскошной обстановки для приѣма гостей, какъ у графини; старушка любила простоту, а потому и вышла къ графинѣ въ своемъ ежедневномъ черномъ шелковомъ платьѣ, въ кружевномъ платкѣ на плечахъ и съ гладко причесанными серебристыми волосами. Внучка ея, Ганна, находя неприличнымъ являться въ одинаковомъ костюмѣ съ бабушкой, одѣлась въ свѣтлое платье... Въ залѣ уже находились, раньше прибывшіе, Сильванъ и Лелія, которая была здѣсь, какъ у себя дома; Сильванъ скромно стоялъ у окна. Юндша, въ открытомъ жилетѣ, въ манжетахъ гигантскихъ размѣровъ и модномъ фракѣ, казался издали молодымъ кавалеромъ.

Кромѣ этихъ лицъ, былъ еще Доленга, съ вѣчно-попуганчьимъ смѣхомъ, занявшій уже извѣстную позицію друга дома и долженствовавшій занимать графиню, а, въ случаѣ нужды, составить партію въ вистъ. Естественно графиню, какъ почетную гостью, посадили на первомъ мѣстѣ; старушка занялась съ ней разговоромъ; Сильванъ и Ганна черезъ комнату вели перестрѣлку глазами. Отецъ Ганны и старостина выказывали явное недовольство присутствіемъ Сильвана и безноконились встрѣчей молодыхъ друзей. Доленга тоже удивлялся, заставъ ихъ у старостины.

Ганна сначала колебалась: подойти или не подойти къ другу своего дѣтства, или принять на себя роль равнодушной хозяйки... но сердце стояло на сторонѣ Сильвана и превозмогло ея колебаніе. Она взяла Лелію подъ руку и начала прохаживаться по комнатѣ такъ, чтобы удобнѣе было Сильвану подойти къ нимъ. Первымъ, однако, подошелъ къ Леліи Германъ.

Опасаясь вліянія сестры Сильвана на молодое воображеніе Германа, графиня немножко засуетилась. Юндша и Доленга заняты были разговоромъ съ старшими, молодежь же была свободною отъ скучной бесѣды стариковъ. Изъ залы дверь вела въ другую, большую освѣщенную комнату, на порогъ которой остановилась Лелія

STANFORD LIBRARIES

и моргнула брату, чтобы онъ шелъ за нею. Германъ, со шляпою подъ мышкой, тоже послѣдовалъ за ними.

Молодежь, ловко выскользнувшая изъ подъ надзора старшихъ, — хотя это нисколько не прервало темы ея разговора — находилась теперь на свободѣ. Лелія очень расчетливо вела игру въ шахматы, подвигаясь къ центру своихъ мыслей — къ сближенію Ганны съ Сильваномъ... Отецъ и бабушка поворачивались въ креслахъ, опасаясь за ихъ сближеніе.

Германъ, по обыкновенію, если не говорилъ ни съ кѣмъ и не насмѣхался надъ кѣмъ-нибудь, имѣлъ всегда суровую, лучше сказать, недовольную физиономію и упорно молчалъ. Спокойный взглядъ Ганны, какъ равнодушной зрительницы, перебѣгалъ по лицамъ братьевъ, сравнивая ихъ между собой.

Къ несчастію Ганны и Сильвана, пріѣхала президентша съ дочерью своей Изой, той самой Изой, о которой отзывался Германъ довольно неблагоприятно, считая ее невѣждой. Президентша заняла мѣсто на диванѣ о-бокъ графини и начала шумную бесѣду. Это былъ неисчерпаемый источникъ словъ; такихъ женщинъ называютъ трещотками. Иза присоединилась къ молодежи. При входѣ ея въ другую комнату, Германъ вдругъ началъ ухаживать за нею; что пришло ему въ голову, какая муха укусила его — не знаю — но онъ сдѣлался очень любезнымъ съ нею.

Иза была скромной дѣвушкой, воспитывавшейся въ Sacré Cœur. Скромность ея, казалось, доходила до боязливости, какъ будто она не умѣла и двухъ сосчитать: при каждомъ словѣ она краснѣла, блѣднѣла и опускала глаза. Такою она была со всѣми, даже съ своимъ партнеромъ въ танцахъ, такою ее зналъ и Германъ, не догадываясь впрочемъ, что она была совершенно другою, когда не чувствовала за собой ни постороннихъ глазъ, ни чуткаго уха, ни пронизательнаго взгляда матери. Подъ ея дѣтскою наивностью скрывалась сатанинская злоба.

Послѣ обычнаго привѣтствія Изы съ молодежью, Лелія удалось отдѣлить Ганну и Сильвана отъ общей группы. Въ этомъ ей помогъ Германъ, который набросился на Изу, какъ воршунъ на легкую добычу.

— М-lle Иза божественно прекрасна сегодня, — началъ Германъ.

— Завтра вы должны объяснить мнѣ значеніе этихъ словъ, — шепнула Иза, серьезно взглянувъ на Германа.

Германъ какъ будто удивился ея отвѣту.

— Вы слишкомъ строги, m-lle Иза! Зачѣмъ такъ немилосердно ловить на словахъ.

— Да, я очень люблю играть въ воланъ, — опять шепнула Иза.

Германъ не понялъ ее и замолкъ.

— А вы? спросила Иза.

— Бывши студентомъ, игрывалъ только въ мячъ и очень ловко... Лелія разсмѣялась.

— Интересный разговоръ! точно студента съ пансіонеркой, — сказала она.

— О чемъ же намъ говорить съ графомъ?—возразила Иза:— развѣ о майской погодѣ, но этотъ предметъ такъ исчерпанъ... А! правда, я и забыла, — воскликнула она съ явной насмѣшкой и скрытой злобой: — у насъ вѣдь есть театръ; ну, будемъ говорить о театрѣ... Видѣли вы Виолу?

Иза пристально посмотрѣла на Германа. Германъ же растерялся и молчалъ.

— Весь городъ говоритъ о чудесномъ букетѣ цвѣтовъ, приподнесенномъ артистѣ однимъ изъ ея обожателей и, — о ужась! неблагодарная! — она выбросила его чрезъ окно въ садъ, гдѣ его нашли въ самомъ плачевномъ состояніи.

Она вторично бросила взглядъ на Германа, который, послѣ столь неожиданнаго пораженія, собрался съ духомъ и отвѣтилъ ей:

— Удивительная вещь! какъ это вы знаете всѣ новости, не выходя изъ дому.

— Даже что дѣлаютъ актрисы и ея обожатели, — разсмѣялась Иза, сдѣлавъ удареніе на послѣднемъ словѣ и прямо глядя въ глаза Германа.

— Что-жъ тутъ удивительнаго, что актрисы имѣютъ обожателей: — Неужели вы удивляетесь этому? — спросилъ Германъ съ досадой.

— На сценѣ — это я понимаю, но за сценой — нѣтъ.

— Развѣ только однѣ актрисы разыгрываютъ роли на сценѣ?.. Мнѣ кажется, что и не актрисы играютъ свои роли не хуже каждой изъ нихъ.

— Но при этихъ барыняхъ мы совершенныя дилетанты, — вздыхая, отозвалась Иза.

Германъ чувствовалъ, что глупѣетъ передъ этою дѣвушкой, которую считалъ раньше глупенькимъ несмысленочкомъ. Она ставовилась теперь въ его глазахъ совершенно иною, и онъ готовъ былъ сдаться на капитуляцію.

— Нужно отдать полную справедливость и признать за вами талантъ даровитой актрисы, — сказалъ Германъ.

Съ этими словами онъ поклонился Изѣ. Лелія вмѣшалась въ

разговоръ Германа съ Изой и пошла трещать, какъ фейерверкъ, чѣмъ и отвлекла ихъ вниманіе отъ Ганны и Сильвана, которые могли свободно бесѣдовать, не опасаясь быть подслушанными.

Шагахъ въ трехъ отъ ихъ группы стояли: Ганна, положивъ руку на столъ, и Сильванъ, смиренно молчавшій, передъ ней. Зная, что не легко ей будетъ сблизиться и поговорить съ нимъ въ другой разъ, она пользовалась случаемъ и первая заговорила.

— Зачѣмъ вы такъ грустно смотрите, — шепнула она.

— Потому что не легко переносится переверотъ судьбы, — вздохнулъ Сильванъ. — Впрочемъ на собственную судьбу я не имѣю права жаловаться — но... другія... вообще судьбы всѣхъ.

— Ну, не станемъ говорить о томъ... я не хочу, чтобы сердце ваше обливалось кровью, тѣмъ болѣе сегодня и въ моемъ присутствіи... Найдите другой предметъ разговора.

— Но какой?

— Какой хотите, какой вамъ по сердцу, только не о томъ, что болѣе отзывается въ вашемъ сердцѣ, — настоятельно заговорила Ганна: — Делія сказала мнѣ, что вы имѣете много непріятностей... я сочувствую вамъ.

— Благодарю.

— Вы всегда найдете сочувствіе во мнѣ.

На словъ: «всегда», она сдѣлала удареніе и любезно взглянула на него. Рука ея лежала на столѣ такъ близко, что Сильванъ, въ избыткѣ счастья, едва удержался отъ поцѣлуя. Предусмотрительная Ганна шепнула ему съ улыбкой и прямо смотря въ дверь на отца.

— На насъ глядитъ отецъ... не увлекайтесь...

— Да, правда! Отецъ вашъ очень недоволенъ моимъ присутствіемъ здѣсь, а тѣмъ болѣе нашимъ разговоромъ. Неудобно-ли уйти въ залу?

— О, нѣтъ, нѣтъ! возразила Ганна. — Въ другой разъ, быть можетъ, намъ не удастся поговорить свободно.

— Вы просто ангелъ доброты!

— О, нѣтъ. Я простая смертная, и только вѣрная подруга ваша. Вы помните наши дѣтскія игры и забавы? эти священныя добрыя времена, когда мы еще не думали, что вы будете тѣмъ, чѣмъ теперь, — а я...

Ганна опустила голову и тихо вздохнула.

— Вамъ что?! Вамъ, по крайней мѣрѣ, жизнь улыбается.

— Мнѣ?! Развѣ съ ироніей...

— Вы должны быть счастливы, потому что достойны счастья; я всегда, въ глубинѣ моего сердца, молюсь за васъ.

— Трудно быть счастливой среди несчастных; на это нужно имѣть равнодушіе и побольше цинизма, но я не желаю имѣть ни перваго, ни послѣдняго, хотя бы за нихъ можно было купить счастье.

Разговоръ ихъ похожъ былъ скорѣе на быстрый шепотъ, чѣмъ на громкую бесѣду. Сильванъ мѣнялся въ лицѣ отъ прилива неожиданнаго счастья.

— Ангель! — воскликнулъ онъ вполголоса, не въ силахъ болѣе сдерживать волненія: — эта счастливая минута жизни похищена мною какимъ то чудомъ у злой судьбы! Я каждый день, каждую минуту долженъ ожидать, что, по чьей нибудь волѣ или фантазіи, меня вытолкають отсюда... но я счастливъ уже тѣмъ, что снесу это мгновенье съ собою туда, гдѣ не въ состояніи будемъ увидѣться... чувствовать эти блаженные минуты... прощанія...

— Не понимаю! возразила Ганна: — зачѣмъ же намъ прощаться?... что касается меня, я и слышать не хочу о прощаньѣ.

— Конечно, мы можемъ еще встрѣтиться въ жизни, но гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ?..

— Во-первыхъ, еще здѣсь намъ никто не можетъ воспретить, а во вторыхъ, я думаю, что вамъ позволятъ возвратиться...

— На вашу свадьбу... чтобы видѣть васъ счастливой женой...

— Послушайте, Сильванъ... этого вы не должны были бы говорить мнѣ!

— Что-жъ дѣлать—это неизбежно... вы только должны позаботиться о выборѣ...

— Вы думаете, что это очень легко?

— Заботливые бабушка и отецъ склоняютъ васъ къ этому.

— Ни они, и никто иной не могутъ склонить меня выйти за немилаго сердцу.

— Но и сердце послушается, когда одиночество станетъ обременительнымъ.

Ганна взглянула на него глазами, полными слезъ; лицо ея было блѣдно.

— Да развѣ вы не знаете, не чувствуете, не вѣрите, что сердце мое отдано вамъ и что никто не въ силахъ уже отнять его?..

Съ этими словами, поспѣшно ею сказанными, она, съ зардѣвшимся лицомъ, отошла къ Леліи, оставивъ Сильвана, какъ прикованнаго къ мѣсту... Пораженный ея ласкою и своимъ счастьемъ, онъ терялъ голову... Ганна вмѣшалась въ общій разговоръ; изъ залы доносился трубный смѣхъ Доленги, который жѣлся каждой своей остротѣ, наполняя этимъ смѣхомъ всѣ комнаты.

— Этотъ смѣется за всѣхъ, шепнула Иза.

Обезпокоившись долгимъ отсутствіемъ молодежи изъ залы, Юноша вбѣжалъ въ комнату и пригласилъ ихъ къ общей бесѣдѣ.

VIII.

Напрасно, нѣсколько дней въ ряду, Віола ожидала Сильвана, который, запершись у себя въ комнатѣ, трудился, какъ волъ, наслаждаясь воспоминаніями прошедшаго вечера. Бѣдная Віола и въ мысль не приходила ему; казалось, что онъ забылъ о ея существованіи. Зато Віола, въ вознагражденіе за томительное ожиданіе, получила отъ Германа длинное, нѣжное посланіе; почеркъ Германа былъ такъ похожъ на почеркъ Сильвана, что Віола, взглянувъ на письмо, не поколебалась распечатать его. Руку Сильвана Віола знала очень хорошо, потому что онъ часто списывалъ ей роли; она сорвала печать съ письма. Какое же было ея удивленіе, когда, вмѣсто ожидаемыхъ нѣсколькихъ строчекъ отъ Сильвана, она увидѣла большой листъ почтовой бумаги, испещренный отборной, чувствительной прозой.

Не читая его, она бросила въ уголь; но, страдая любопытствомъ, присущимъ женщинѣ, чрезъ нѣсколько минутъ она подняла его и начала читать. Германъ изливался ей въ своихъ чувствахъ, насмѣхался надъ человѣчествомъ и считалъ себя несчастнѣйшимъ въ мірѣ. Въ письмѣ было столько сарказма, боли и ироніи, что бѣдная Віола, начавъ читать его съ отвращеніемъ, окончила съ искреннимъ сочувствіемъ къ молодому человѣку.

— Этотъ, быть можетъ, нѣсколько лучше прочихъ вертопраховъ... кажется, у него доброе сердце, хотя голова и не совсѣмъ въ порядкѣ. Но что мнѣ въ томъ? Ему далеко до моего Сильвана... а онъ?... онъ, кажется, и не думаетъ обо мнѣ... Къ кому сердце льнетъ— тотъ не отвѣчаетъ взаимностью, а эти сами навязываются, да что мнѣ въ нихъ, что мнѣ въ нихъ!..

Дня черезъ три—четыре, соскучившаяся Віола рѣшилась заманить къ себѣ Сильвана и искала къ тому предлога. Бѣдной дѣвушкѣ казалось, что Сильванъ, изъ деликатности, не хотѣлъ безпокоить ее своимъ посѣщеніемъ. Подъ предлогомъ совѣта съ нимъ относительно роли Жюльеты въ трагедіи Шекспира, она рѣшилась написать письмо, съ просьбою, чтобы Сильванъ, уловивъ свободную минутку, забѣжалъ къ ней. Но приступить къ написанію письма ей было очень трудно; послѣ долгаго колебанія, она написала записку, и опять-таки, изъ опасенія, чтобы не вышло ка

кого нибудь недоразумѣнія изъ этой переписки, прибѣгнула къ помощи Шершеня.

Шершень былъ занятъ разборкою рукописи, надъ каждой страницей которой онъ тяжело вздыхалъ.

— Нѣтъ, говорилъ онъ самъ съ собою, — нѣтъ, мосци добродѣю, время теперь не то: артисты—это пачкуны, а эти трутни, лежебоки, маралы... напачкають такъ, что и разобрать нельзя, чертовски скверно написано, мосци добродѣю.

— Господинъ Шершень! окликнулъ его знакомый голосъ изъ третьей комнаты.

Шершень послѣшилъ къ артисткѣ, которая сидѣла на диванѣ съ раскрытой книгой на колѣняхъ.

— Ахъ, Павелъ, я съ этой ролью никакъ не могу справиться, сказала Виола, надувъ губки.

— Какъ? Вы, барынька, не можете справиться съ ней?! воскликнулъ съ удивленіемъ Шершень и разсмѣялся. — Э! барынька, какъ бы вы ни играли ее, — вы все-таки всѣхъ за поясъ заткнете; передъ такой звѣздой поблѣкнуть лучше артисты, не только что наши, а и многіе другіе: они понятія не имѣютъ о томъ, что дѣлають; это водовозы, право водовозы, всѣ безъ изъятія, бумаго-маралы... таланта у нихъ—ни на денежку нѣтъ. Э, да что и говорить: однимъ словомъ—сбродъ... вы и на столичной сценѣ достойны были бы занять мѣсто первой звѣзды, мосци добродѣю, какъ говорить нашъ незабвенный Шекспиръ...

— Но поймите, Павелъ, прервала Виола желчную тираду суфлера:—мнѣ бы хотѣлось сыграть эту роль получше, а для этого я нуждаюсь въ чемъ нибудь умномъ совѣтѣ.

— Умною совѣтѣ! воскликнулъ, окрысившись, суфлеръ: — Кто же, съ позволенія сказать, изъ этихъ длинноухихъ ословъ въ состояніи дать умный совѣтъ такому гениальному таланту, какъ вашъ?—Имъ-ли учить васъ! Не этотъ-ли Ромео? Э!—нѣтъ! онъ еще не доросъ до этого! Хорошъ любовникъ!—это Донъ-Кихотъ!.. онъ не умѣетъ даже любезничать на сценѣ... онъ стонетъ, какъ угорѣлый... Кто-жъ такъ любитъ, какъ онъ! Тьфу!.. Сколько разъ дѣлалъ я ему замѣчанія, но онъ все такой же гордецъ... онъ думаетъ, что я суфлеръ... такъ только суфлеръ и есть, а не знаетъ того, глупецъ, что я самъ нѣкогда игрывалъ монарховъ, да еще на варшавской сценѣ, мосци добродѣю!

Стоило только разговориться Шершеню, — потокъ его рѣчи былъ нескончаемъ. Одна жена могла его нѣсколько удержать; это была его хроническая болѣзнь. И на этотъ разъ старушка, сидѣвшая

въ согбенномъ положеніи надъ платьемъ Жюльеты, начала ворчать на него.

— Да замолчишь-ли ты, старый хрычъ.

— Пожалуйста, не перебивай меня, огрызнулся Шершень.— Ни съ кѣмъ здѣсь, сударыня, посоветоваться нельзя, да вы и безъ всякихъ совѣтовъ сыграете лучше ихъ. Кто можетъ здѣсь посоветовать?

— Конечно, ни одинъ изъ нашихъ артистовъ, улыбаясь, замѣтила Віола.—Я хотѣла просить васъ, Павелъ, не будете-ли вы такъ любезны потрудиться сходить къ г. Рамулту... Онъ видѣлъ и читалъ такъ много, что могъ бы посоветовать лучше всѣхъ нашихъ артистовъ. Это человѣкъ съ понятіемъ, съ чувствомъ...

— А! это дѣло другаго рода, это я понимаю, мосци добродѣю. Такъ бы давно и сказали мнѣ: что и говорить—это человѣкъ, мосци добродѣю.—Онъ хлопнулъ себя ладонью по лбу и, показывая на грудь, прибавилъ:—У этого и здѣсь, и здѣсь много,—это рѣдкій человѣкъ; съ нимъ всегда можно поговорить по человѣчески; онъ такихъ старичковъ, какъ я, очень уважаетъ. Къ нему я съ удовольствіемъ пойду. И поворотившись къ дверямъ, Шершень хотѣлъ ужъ уходить.

— Извинитесь, пожалуйста, передъ нимъ, что я осмѣлилась утруждать его моею просьбой, остановила его артистка.—Онъ вѣрно очень занятъ теперь.

— Да, этотъ человѣкъ работаетъ за десятирхъ! воскликнулъ Шершень.—Я былъ вчера у него съ визитомъ. Онъ угостилъ меня стаканчикомъ хорошаго вина, и мы бесѣдовали съ нимъ о нашемъ незабвенномъ Шекспирѣ.

— А спрашивалъ онъ обо мнѣ? съ наивностью, живо спросила Віола.

— Какъ-же, какъ-же, мосци добродѣю.—Спрашивалъ о вашемъ здоровьѣ, пьете-ли вы воду, не кашляете-ли?

— Почему же онъ самъ не зашелъ навѣстить меня? грустно спросила она.

— Это такой деликатный человѣкъ... тѣмъ болѣе—онъ хорошо понимаетъ, съ позволенія сказать, что здѣсь для него взятки гладки... напрасные труды...

— Будетъ тебѣ болгать, безсовѣстный! възѣлась на него старуха, замѣтивъ, что Віола покраснѣла до ушей.

— Чего ты, старая ворчунья, възѣлилась, фыркнулъ суфлеръ. Что-жъ тутъ худаго, когда человѣкъ расположенъ къ молодой артисткѣ и съ благоговѣніемъ отзывается объ особѣ, которая до-

стойна его уваженія. Чего суешься туда, гдѣ бесѣдуютъ высшія персоны. Это не твоего ума дѣло, какъ говорить незабвенный...

Старуха пожала плечами.

— О чемъ, бишь, говоритъ я, продолжалъ Шершень;—ахъ, да, объ этомъ достойномъ Рамултѣ. Вы извините меня, барышня, что я вамъ скажу... ему тоже нельзя приписать это въ вину, что онъ рѣдко заходитъ. Человѣкъ съ умомъ... а вы, сударыня, симпатизируете ему... онъ платитъ взаимностью... что вѣрно, то вѣрно, какъ говорить нашъ... Съ огнемъ не играй, съ сердцемъ не шути.

Виола еще больше покраснѣла; старуха хлопнула суфлера по плечу.

— Будетъ, будетъ ужъ! сказала она:—или не видишь, что барышня краснѣетъ отъ твоей болтовни.

Пользуясь случаемъ, Виола повторила просьбу, чтобы онъ шелъ скорѣе къ Сильвану.

Шершень такъ и ушелъ съ недосказанною рѣчью. Старуха заперла за нимъ дверь на задвижку.

Досадуя на жену, которую считалъ доброй женщиной, но глупымъ существомъ, Шершень вышелъ изъ дому, съ намѣреніемъ прямо идти къ Сильвану. По дорогѣ ему встрѣтился Германъ Рамултъ, которому судьба благопріятствовала встрѣчаться съ суфлеромъ по случаю его постоянного круженія около дома Виолы. Онъ подошелъ къ нему и взялъ его за руку. Шершень, конечно, узналъ его не только потому, что онъ имѣлъ абонированную ложу въ театрѣ, но и по послѣднему казусу съ букетомъ. Старикъ былъ и безъ того очень вѣжливымъ человѣкомъ, здѣсь же онъ считалъ нужнымъ отсалютовать графу, которому такъ недавно хотѣлъ оборвать полы сюртука. Германъ съ своей стороны дружески пожалъ ему руку. Со старикомъ ему необходимо было познакомиться короче, въ виду того, чтобы, запасшись его дружбой, легче было вывернуться при повтореніи подобной исторіи, какая была съ нимъ въ прошлый разъ.

— Куда торопитесь? спросилъ Германъ, останавливая суфлера.

— Спѣшу по дѣламъ театра, отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

— И очень спѣшно?

— Да, очень. Вообще, графъ, дѣла театра не терпятъ отлагательствъ. Одинъ моментъ рѣшаетъ судьбу артиста! хватай мигу, если хочешь быть счастливымъ годы; такъ, кажется, говорить вашъ незабвенный Шекспиръ.

— Въ какой же трагедіи говоритъ онъ эту извѣстную правду? спросилъ Германъ, чтобы продолжить съ нимъ разговоръ.

— Право, не помню, отвѣтилъ онъ:—кажется, что въ какомъ то Генрихѣ или Макбетѣ...

— Мнѣ думается, что въ Макбетѣ,—подтвердилъ Германъ.

— И мнѣ такъ кажется, графъ. Я такъ проникнуть этимъ великимъ человѣкомъ, что только и дышу имъ, мосци добродѣю.

— Какъ настоящій артистъ, поддакнулъ Германъ.

— А какъ бы вы думали: я тоже игрывалъ монарховъ, да еще на варшавской сценѣ, сказалъ съ гордостью Шершень.—Знаючи находили много хорошаго въ моей игрѣ, приемахъ, манерахъ. Покойный Думашевскій однажды мнѣ сказалъ—о! словъ его я никогда не забуду:—«Шершень, ты открываешь новый свѣтъ»!.. Но увы! зависть и интриги выжили меня, и я волей-неволей снизошелъ на степень суфлера... Вы, графъ, попробуйте-ка спросить этихъ благодарныхъ, сколько я далъ имъ хорошихъ совѣтовъ! И что бы вы думали?—поддѣпять мою мысль, и спасибо не скажутъ:—вотъ какіе люди!

Его болтовня забавляла Германа. Онъ улыбался.

— Послушайте-ка, господинъ артистъ, скажите правду: если не очень спѣшно, такъ не угодно-ли будетъ зайти вмѣстѣ распить бутылочку хорошаго винца?

Поставленный такимъ образомъ между бутылочкою хорошаго вина и спѣшнымъ порученіемъ Виолы, Шершень нѣсколько колебался, но, рѣшивъ, что исполнить оба порученія, нисколько не теряя на этомъ, согласился на предложеніе графа.

— Свободную минуточку, и только минуточку, могу удѣлить вамъ, графъ, сказалъ онъ снисходительно.

Германъ осмотрѣлся вокругъ и, замѣтивъ по близости винный погребъ, потащилъ его съ собою. Найдя отдѣльную пустую боннату, онъ приказалъ подать бутылку венгерскаго.

Нектаромъ показалось вино старому Шершеню; онъ облизнулся, и слеза благодарности навернулась на его глазахъ. Давно онъ не пивалъ такого вина, давно онъ не сидѣлъ въ такомъ обществѣ, какъ графъ. Онъ почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

— Вы, графъ, дѣйствительно умѣете цѣнить и святыню, и служителей Мельпомены... О, это для человѣчества благотворное, высокое учрежденіе... castidat mores, мосци добродѣю. Ну, и такъ за здравіе высокаго покровителя драматическаго искусства и всѣхъ артистовъ!

Шершень залпомъ выпилъ стаканъ вина; Германъ наполнилъ его опять.

— Вотъ видите-ли, господинъ артистъ, какъ вы были не-

справедливы и безжалостны ко мнѣ въ то время, когда я мысленно несъ въ жертву чувство признательности къ ногамъ Виолы—заговорилъ Германъ.—Вы видите теперь, что я люблю и почитаю искусство.

Шершень растерялся при этомъ неожиданномъ оборотѣ рѣчи; голова его, казалось, вросла въ плечи.

— Графъ, отозвался сконфуженный Шершень:—нужно знать сложившіяся тогда обстоятельства. По пруду и плотина, какъ говорить нашъ великій Шекспиръ... Есть такія обязанности, которыя человѣкъ долженъ свято исполнять, хотя бы ради этого пришлось поплатиться жизнью. Дѣвушка эта поручена нашему попеченію, т. е. моему и жены моей—это особа съ большимъ талантомъ, это гений, но дитя еще; она боится малѣйшаго подозрѣнія...

— Но я шелъ къ ней безъ всякихъ заднихъ мыслей, ради того, что она возбудила во мнѣ симпатію и уваженіе...

— И она достойна ихъ, графъ. Дѣвушка съ такими дарованіями со временемъ можетъ сдѣлаться свѣтиломъ столичной сцены; она очень чувствительна, деликатна, хотя отецъ ея—отца я тоже зналъ—былъ величайшій пьяница, котораго мы должны были держать подъ замкомъ въ дни спектаклей, но и артистъ же былъ! въ этомъ нужно отдать ему полную справедливость: никто не могъ играть такъ хорошо, какъ онъ; не разъ я обливалъ мои слезами рукопись, которую суфлировалъ... да и посмѣялся же я, когда онъ игралъ «Жида за печатью»!

Германъ слушалъ его съ серьезнымъ вниманіемъ, едва сдерживаясь отъ смѣха.

— Вы ошибаетесь во мнѣ, господинъ Шершень:—именно только по любви моей къ искусству, я и намѣренъ былъ почтить жрицу храма Мельпомены.

— Жрицу храма Мельпомены! повторилъ Шершень:—прекрасно сказано; она дѣйствительно жрица, но еще совершенное дитя, полное блаженства и... цѣломудрія...

Языкъ его коснѣлъ отъ выпитаго вина.

— Надѣюсь, что еслибы случилось когда нибудь зайти, вы не захлопнете двери передъ моимъ носомъ, не прогоните, какъ въ прошлый разъ?

Старый воробей почувствовалъ всю силу его словъ, отодвинулъ ставанъ и, вставъ съ мѣста, принялъ на себя величественный видъ, какъ бы собираясь играть монарха на варшавской сценѣ.

— Графъ, сказалъ онъ серьезно:—я объяснилъ вамъ возло-

STANFORD LIBRARIES

женную на меня обязанность... извините меня,—совѣсть моя неподкупна: лучше смерть, чѣмъ потеря гонора..

Германъ принужденно засмѣялся и обнялъ старика.

— Въ такомъ случаѣ, намъ не о чемъ больше говорить съ вами; я не стану больше задерживать васъ; идите съ Богомъ по своимъ дѣламъ.

Ободѣвшій Шершень остался одинъ съ своимъ гоноромъ и стаканомъ вина; онъ осмотрѣлся кругомъ, выпилъ вино и съ гордостью вышелъ изъ храма Бахуса, съ полнымъ сознаниемъ своей неподкупности... Замѣшкавшись съ Германомъ, онъ уже не засталъ Сильвана дома. Объяснивъ мальчику, въ длинной рѣчи, о своемъ намѣреніи видѣть Сильвана, онъ передалъ просьбу Віолы, и, понохивая табакъ, съ спокойною совѣстью отправился домой. По дорогѣ, онъ рѣшилъ непремѣнно повѣриться женѣ въ своемъ геройствѣ относительно искушенія Германа.

IX.

Пріѣздъ старостины М. съ внучкою Ганной поднялъ на ноги не только аристократическую молодежь, но и престарѣлыхъ папенокъ и маменокъ, сыновья которыхъ могли рассчитывать на сближеніе съ молодой миллионершей. Трудно, конечно, опредѣлить, сколько было заказано у портнаго новыхъ фраговъ, визитовъ, жакетокъ и проч., но что ихъ было много—это несомнѣнный фактъ. Легко можно представить себѣ, съ какимъ усердіемъ всѣ старались узнать, гдѣ бы удобнѣе было встрѣтиться и познакомиться съ ними и какимъ путемъ попасть въ ихъ домъ; каждому хотѣлось быть свидѣтелемъ выступления на арену большаго свѣта богатой дѣвушки и привлечь на себя ея высокое вниманіе. Старшіе рассчитывали на свое вліяніе и занимаемое ими положеніе въ обществѣ; молодежь вертѣлась у зеркалъ, покручивала усики и вздыхала. Надо съ грустью сознаться, что особенной приманкой служила не красота молодой Ювѣши, но ея миллионы; о нихъ-то больше всего вздыхала молодежь. Въ нашъ практическій вѣкъ супружеская связь основывается на принципахъ расчета: считаются прежде всего доходы, а остальное въ придачу, какъ вопросъ второстепенной важности. Красота, воспитаніе, характеръ считаются скорѣе препятствіемъ, чѣмъ приманкой; хотя бракъ считается дѣломъ хорошимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обузой, тою тяжестью, которую почти каждый вваливаетъ на себя по расчетливому принужденію. Въ кружкахъ, между отцами и матерями, дѣдушками и бабушками,

достоверно было известно, сколько может остаться чистаго капитала, движимаго и недвижимаго имущества послѣ смерти бабушки и отца Ганны; съ величайшею официальною точностью были опредѣлены всё богатства, находившіяся въ ихъ распоряженіи: узнали не только расположеніе имѣній, но и качество земли, доходы, повинности, налоги и проч. Послѣ всѣхъ этихъ высчитываній, пересчитываній доходовъ и передержекъ, балансъ выяснился въ цвѣтущемъ состояніи и Ганну провозгласили прекраснѣйшей партіей, какую только можно было ожидать. О ней говорили всё, хотя иногда съ сожалѣніемъ, въ отношеніи ея недоступности и вліянія Сильвана на молодое воображеніе, — вліянія которымъ, какъ думали, заразилась она. Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ и рѣшили: немедленно приступить къ атакѣ старушки, со внушеніемъ ей, чтобы она съ своей стороны приняла надлежащія мѣры въ отношеніи внучки, устранила Матускую, а главное — ея брата, а также бодрствовала надъ слабымъ Юношей.

На слѣдующій день, въ залѣ президента состоялся совѣтъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ.

— Обстоятельство это; произнесъ Папужица, — на первый взглядъ, маловажное: — дѣвушка взрослая; но принявъ во вниманіе сопутствующія ей болѣе сложныя обстоятельства — дѣло представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ. Находясь въ состояніи воюющихъ за принципы общества, мы должны употребить всё наши усилія въ охранѣ порядка. Капиталь, въ данномъ случаѣ, становится двигателемъ; выпустить его изъ нашихъ рукъ и безъ борьбы отдать въ руки тѣхъ, которые употребятъ его, какъ оружіе противъ насъ — было бы непростительною глупостью. Дѣвушка непременно должна выйти за одного изъ нашего лагеря. Рука ея можетъ послужить вознагражденіемъ заслугъ, средствомъ для поддержанія имени, — словомъ — мы должны руководить ею.

Нѣкоторые изъ совѣтниковъ начали предлагать кандидатовъ, между которыми былъ предложенъ Любичъ, графъ Рамултъ и проч.

Кучаба обратилъ вниманіе на Сильвана Рамулта, котораго выставлялъ опаснымъ конкурентомъ въ отношеніи конечной цѣли ихъ плановъ, въ виду того, что Ганна питала къ нему давнюю симпатію.

Совѣтъ продолжался довольно долгое время, ограничиваясь немногочисленнымъ кружкомъ адептовъ, и, въ заключеніе, постановилъ: пригласить на завтрашній день Доленгу, съ которымъ и переговорить, какъ съ другомъ дома Юноши. Въ этомъ случаѣ послѣдній могъ быть для нихъ очень полезнымъ человѣкомъ.

Къ рѣшенію такого рода щекотливыхъ вопросовъ Доленга

STANTON LIBRARIES

имѣлъ особенное дарованіе: онъ зналъ всѣ лазейки, имѣлъ способность вертѣть людьми, не обращая на себя особеннаго вниманія; соединять разрозненныя убѣжденія, поджечь мину тамъ, гдѣ менѣе всего можно ожидать взрыва, посплетничать,—это былъ его конекъ; такого рода дѣлишки онъ обдѣлывалъ лучше десятка тѣхъ людей, которые извѣстны были подъ названіемъ трещотокъ и ханжей.

Доленга былъ увѣдомленъ однимъ изъ адептовъ совѣта, когда онъ долженъ былъ явиться въ завтраку въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ.

Часовъ около одиннадцати, въ ресторанъ начали сходитьса заговорщики; тамъ уже жарились бифштексы; пришелъ и вѣщій Доленга съ своимъ всегдашнимъ смѣхомъ. Тихо сидѣвшее до сихъ поръ, общество вдругъ оживилось. Доленга, взглянувъ на нихъ, сразу угадалъ, что завтракъ онъ будетъ ѣсть не даромъ, — а завтракъ, какъ и обѣдъ, и все, что проходило черезъ ротъ въ желудокъ, было для него дѣломъ первой важности.—Пока онъ снималъ перчатки, всѣ двери были заперты на ключъ, изъ чего онъ заключилъ, что дѣло, по которому онъ приглашенъ, имѣло болѣе или менѣе громкій характеръ, который онъ ужъ заранѣе почти зналъ наизусть. Справившись предварительно, что было заказано на завтракъ, какія вина, и будутъ-ли согрѣты они, и успокоенный на этотъ счетъ, Доленга сѣлъ и приготовился слушать.

Господа эти, однако, не сразу приступили къ дѣлу... Разговоръ шелъ сначала очень вяло, пока не появился на столѣ главный предметъ ихъ гастрономическаго вкуса.

— Слушай, Маріанъ, отозвался, послѣ равнодушнаго вступленія, Папржица:—ты, кажется, у Юноши на счету домашняго друга и знакомъ съ нимъ давно.

— Олесь другъ и пріятель мой еще со школьной скамьи! отвѣтилъ Доленга:—Это прекраснѣйшій человекъ! Вы нисколько не ошиблись въ этомъ! Никто не имѣетъ на него такого вліянія, какъ я. Честное слово...

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Папржица, — ты будешь намъ полезенъ.—Дѣло идетъ объ очень важномъ предметѣ. Общество требуетъ твоей помощи, которую съумѣетъ оцѣнить... У твоего друга Юноши дочь... милліонерша...

— Гм... гм... Объ этомъ не распространяйся, и такъ понимаю; не годится, молъ, чтобы дѣвушка увядала, а деньги достались въ чужія руки.

— Мудрой головѣ довольно одного слова—сказалъ Кучаба;—въ

этомъ-то и вся суть дѣла. Но скажи, пожалуйста, что за человекъ этотъ Юноша? Мы его мало знаемъ.

— О! это прекраснѣйшій человекъ, какого можно себя представить. Конечно, не святой, не ангель, но не каждому суждено быть такимъ:—человекъ съ прямымъ характеромъ и шляхтичь съ головы до ногъ.

— А голова? спросилъ Папржица.

— Ну, голова?... голова, того... не сильно организована, во всякомъ случаѣ, человекъ не глупый: любить вкусно поѣсть и попить—губа не дура, — и поиграть, подчасъ, не прочь... Хотя уже плѣшивый, но не прочь также приволокнуться, поамурничать;— это его качества, а если хотите, скажу и пороки.

— Дѣло, конечно, житейское, всё подъ Богомъ ходимъ—сказалъ кто-то; но не демократъ, не радикалъ, не мечтатель?..

Доленга разсмѣялся.

— О, нѣтъ! воскликнулъ онъ:—Олесь гнушается этимъ, какъ и всё порядочные люди: онъ истый консерваторъ, какъ въ душѣ, такъ и въ помышленіяхъ.

— А старушка, пани старостина? спросилъ Остоя.

— Особа добродѣтельная, набожная, тихая, и—главное—при-
вязанная къ внучкѣ.

— Кто же у нихъ больше всего имѣетъ или можетъ имѣть
вліянія.

Доленга призадумался.

— Кажется, кто-то изъ высшаго духовенства, отвѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—Она очень уважаетъ священнослужи-
телей.

— А внучка?

На этотъ вопросъ не скоро послѣдовалъ отвѣтъ. Доленга взялъ съ подноса рюмку водки, которую именно теперь только принесли, и, выпивъ ее, сказалъ:

— Внучку я знаю менѣе всѣхъ; но, какъ мнѣ кажется, глав-
ный узелъ этого вопроса именно находится здѣсь. У нея больше
разума и силы воли, чѣмъ у всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Глубокая тишина воцарилась между присутствовавшими.

— Вотъ этотъ-то разумъ и подцѣпить бы намъ за слабую струн-
ку—заговорилъ Папржица:—Лестъ—это прекрасное оружіе, стоить
только остро отточить лезвіе.

Доленга закусывалъ, не слѣша высказать свое мнѣніе по по-
воду предложенія Папржицы.

— Однако, кто же тамъ, вообще, имѣетъ вліяніе? спросилъ Остоя.

— Если хотите—я, черезъ горло и желудокъ, имѣю доступъ прямо къ сердцу Юноши, отвѣтилъ Доленга.

— Ну, а Юноша всемогущъ?

— «Все»—нѣтъ, а «многомогущъ»—это фактъ.

— Говорятъ, что онъ у нихъ ничто—десятая спица въ колесницѣ.

— Ну, это ужъ преувеличено, возразилъ Доленга:—вѣдь онъ все-таки отецъ Ганны.

— Въ такомъ случаѣ, ты совершенно понялъ, въ чемъ дѣло? спросилъ Папржица.

— Еще бы не понять!—вещь очень простая. Кто же кандидаты?

Ему начали исподоволь высчитывать ихъ; Доленга качалъ головой и отмалчивался. Вдругъ Папржица, воодушевляясь, воскликнулъ:

— Но нужно, однако, хорошенько понять въ чемъ дѣло:—пусть женится кто хочетъ и можетъ—только-бы не одинъ изъ этихъ прометаріевъ, блуждающихъ агитаторовъ... понимаешь меня?.. Это главная наша цѣль.

Согласное одобрение пробѣжало между присутствовавшими.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ вамъ сказать откровенно,—отозвался Доленга,—что есть громаднѣйшее препятствіе къ исполненію этого плана. Я наблюдалъ за Ганной въ тотъ вечеръ, когда была графиня... дѣвушка выказывала явное расположеніе къ инженеру; вы знаете его... Между ними происходила оживленная беседа и перестрѣлка глазами, а, можетъ быть, и пожатіе рукъ...

— О, это пустяки! тѣмъ лучше для насъ! воскликнулъ Любичъ, ударя кулакомъ по столу:—она вѣрно не знаетъ, что у него завязался романъ съ этой актрисой, Віолой, отъ которой онъ всѣхъ отогналъ.

— Примемъ къ свѣдѣнію, сказалъ Доленга:—но вѣренъ-ли фактъ?

— Да они нисколько и не стѣсняются!.. Она каждое утро ходитъ къ нему, подъ предлогомъ питья эмской воды, и онъ бываетъ у нея каждый вечеръ... а записочки передаются черезъ посредство суфлера.

— Къ несчастью, произнесъ Доленга,—эта вдовушка, сестра Рамулта №-1-й, вкружить голову этому Юношѣ... она такъ ловко дѣйствуетъ въ интересахъ брата...

— Скверно, очень скверно! воскликнул Папржица: — это мнѣ не по сердцу. Но Юноша въ твоихъ рукахъ, и если онъ такой волокита, то нельзя-ли ему подставить другую?

— Кого, напримѣръ?

— Нужно подумать. Недурно было бы кому нибудь приударить за вдовушкой, сказала Остоя.

Всѣ разсмѣялись.

— Однако дѣло выходитъ гораздо запутаннѣе, чѣмъ мы предполагали, сказалъ Папржица. — Слушай, Доленга: — если эта милліонерша выскользнетъ изъ нашихъ рукъ, вся отвѣтственность падеть на тебя.

— Вы знаете, что принципы мои непоколебимы. — Гдѣ только нужна моя дѣятельность, — я трудовъ своихъ не пожалѣю: сдѣлаю все, что буду въ силахъ, но и другіе должны помогать мнѣ. — Это необходимо.

— Конечно, конечно! закричали всѣ.

— Итакъ, кому мы должны протезировать?

Кто-то произнесъ имя Германа Рамулты.

— Если позволите сказать — произнесъ Папржица, — есть извѣстные принципы, отъ которыхъ безъ особенной нужды нельзя отступаться. Германъ имѣетъ свое хорошее состояніе; его можно женить и на бѣдной дѣвушкѣ, конечно, изъ хорошей фамиліи. Состояніе же м-ле Ганны должно быть посвящено исключительно нашимъ интересамъ, но для этого нуженъ человекъ изъ нашей среды, который бы вполне подчинялся нашему распоряженію. Это говорить сама здравая логика.

Доленга что-то зацѣлъ про себя.

Всѣ соглашались съ мнѣніемъ Папржицы. Любичъ, надѣясь, что его кандидатура выплыветъ наружу, опустилъ скромно глаза.

— Мое мнѣніе, господа, сказалъ Доленга, — выждать время, осмотрѣться, ориентироваться, а между тѣмъ постараться занять опредѣленные позиціи. Такъ всегда поступали великіе стратеги, зная очень хорошо, что выигрышъ въ битвѣ зависитъ отъ занятой съ расчетомъ позиціи.

При этомъ Доленга громко разсмѣялся.

— Все, что будетъ происходить въ домѣ, я буду за этимъ слѣдить — продолжалъ Доленга: — даю въ томъ мое честное слово. Стратегически рассчитанныя позиціи нужно занять всѣмъ безъ отлагательства. Къ старушкѣ можно подослать какого нибудь прелата, который бы могъ повести дѣло съ умомъ и не былъ бы череа-

чурь строгъ, зналъ бы по-французски и не выѣзжалъ бы часто съ «вѣчной геенной».

— Подобныхъ вещей прошу и въ шутку не говорить—прервалъ Папржица съ неудовольствіемъ.

— Говорю это въ виду указанія дѣйствій, разсмѣялся Доленга:— это вовсе не грѣшно. Въ Юношѣ иначе не подойдешь, какъ съ заманчивыми блюдами, безъ нихъ онъ неподкупенъ. Что же касается Ганны, право, не знаю... быть можетъ, къ ней нужно подослать литератора.

Минуту спустя, между присутствовавшими происходилъ таинственный шепотъ. Всѣ слушали совѣтника съ напряженнымъ вниманіемъ, но, повидимому, не рѣшили дѣйствовать энергически.

— Главная цѣль заключается въ устраненіи Лемин и Сильвана, сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Папржица, избѣгая вопроса о занятіи позицій.—На бабушку же нужно повліять...

— Жду вашихъ распоряженій, произнесъ Доленга, — и объѣхавшись отнестись къ нимъ съ полнымъ моимъ вниманіемъ.

Всѣ начали ходить по комнатѣ и таинственно шептаться. Доленга нисколько, впрочемъ, не обижался на эту таинственность заговорщиковъ и, потребовавъ себѣ чашку кофе и рюмку ливеру, закурилъ сигару.

Нѣкоторые изъ этихъ господъ начали понемногу расходиться; остались только Любичъ и Доленга.

Краснорѣчивый сей юноша не располагалъ милостью Доленги; послѣдній хорошо зналъ, что онъ былъ голъ, какъ соколъ, и имѣлъ обыкновеніе держать себя въ сторонѣ отъ подобныхъ людей; они были для него совершенно бесполезны. Живя всегда на чужой счетъ, онъ нуждался въ людяхъ съ туго набитыми карманами. На такихъ людей, какъ Любичъ, онъ смотрѣлъ съ ненавистью, какъ на своихъ соперниковъ, которые препятствовали ему, преграждали путь къ чужимъ кошелевкамъ.—Смотря на такихъ людей съ высоты, онъ принималъ на себя роль патрона.—Бросивъ свой протекторскій взглядъ на Любича, который подъ предлогомъ отысканія шляпы вертѣлся около Доленги, онъ спросилъ его:

— Ну, а ваши дѣла, каковы?... а?

— Слава Богу, не могу жаловаться...

Они давно были знакомы другъ другу: еще съ тѣхъ поръ, какъ Любичъ ходилъ едва-ли не въ опоркахъ.

— Однако годы уходятъ, а вы и не подумываете о себѣ:—пора бы.

Доленга осмотрѣлся вокругъ и кивнулъ ему головою; Любичъ подставилъ ухо и слушалъ его со вниманіемъ.

— Я дамъ тебѣ добрый совѣтъ, произнесъ Доленга, кладя ему руку на плечо и переходя въ болѣе фамиллярный тонъ.—Графиня расположена къ тебѣ—эта была бы впору для тебя. Почему бы и не позаняться ею серьезно?

Любичъ сдѣлалъ кислую физиономію.

— Неужели я ничего лучшаго не стою?..

— Чего-жъ тебѣ еще нужно? Женщина бодрая, богатая, къ тому же съ такими связями... А у тебя что? Все твое состояніе—молодость, проворство и... все. Графиня—это кладъ для тебя.

— А сынъ?

— Что сынъ?!—сорви голова, изжившійся, исчерпанный сосудъ... Богъ вѣсть, какъ долго еще протянетъ...

Любичъ безмолствовалъ.

— Хочешь, помогу тебѣ?

— Еслибъ я рискнулъ на этотъ шагъ, надѣюсь, обошелся бы безъ помощи.

— Но чтобы достигнуть цѣли успѣшнѣе...

Любичъ гримасничалъ, ходя по комнатѣ.

— Я думалъ—шепнулъ онъ,—что вы протянете мнѣ руку помощи въ другомъ мѣстѣ... сдумѣлъ бы и я быть благодарнымъ.

Доленга гордо выпрямился.

— Го, го! о чемъ замечталъ!.. напрасны, батенька, твои помыслы—это немислимо... это было бы второе чудо! Помнишь пословицу: знай сверчокъ свой шестокъ! Эка метнулъ куда! Еслибы Ганнѣ нужно было выйти за человѣка безъ имени и состоянія—она бы выбрала Сильвана Рамулты.

Любичъ замолчалъ.

— Вотъ, еслибы ты хотѣлъ услужить общему дѣлу—прибавилъ смѣясь Доленга,—и приволокнудся за вдовушкой—это другое дѣло... можно было бы немножко и поконфузить ее.

— Боюсь я ее. Она такая шустрая... сворѣе она сконфузитъ меня, чѣмъ я ее... я видѣлъ ее однажды...

Оба разсмѣялись, перебрасываясь сальными словцами, которыя, повидимому, очень любили, съ тою только разницею, что Любичъ высказывалъ ихъ очень тихо, тогда какъ Доленга... уши вяли. Они взошли именно на тотъ путь въ оцѣнкѣ женщинъ, который ованчивается отъявленнымъ цинизмомъ.

Любичъ, посмотрѣвъ на часы, прервалъ холостую бесѣду замѣчаніемъ, что пора идти въ церковь. Доленга отказался сопут-

STANFORD LIBRARIES

ствовать ему, изъ опасенія, чтобы кто нибудь не подцѣпилъ Юношу, котораго онъ рассчитывалъ окончательно захватить въ свои руки.

Юноша въ этотъ день былъ въ сверномъ расположеніи духа и завтракалъ одинъ у себя въ комнатѣ. Предъ нимъ стоялъ сухой пащтетъ и бутылка краснаго вина.

— Ты что же это смотришь букой сегодня? спросилъ вошедшій Доленга.

— Я чертовски золь, да и голова болитъ.

— А! такъ ты лѣчишь ее пащтетомъ?

— Нѣтъ,—виномъ, но бесполезно—не дѣйствуетъ.

— Ну-съ, а на кого же или на что сердился ты?

Юноша посмотрѣлъ на плотно запертыя двери, ведущія въ другія комнаты, и ткнулъ по направленію къ нимъ. Доленга подошелъ ближе къ нему.

— Да что нынче съ тобой?

— Эхъ, братецъ, надоѣлъ мнѣ этотъ Сильванъ... Былъ онъ въ прошлый разъ, я не могъ ему ничего сказать... Вчера привела его опять Лелія, и теперь ужь никакъ не выживешь его отсюда... Сегодня же Ганна, безъ моего позволенія, *progrigio motu*, пригласила его на обѣдъ. Теперь я не знаю, что дѣлать? Ее тоже не хотѣлось бы мнѣ журить... Впрочемъ я замѣтилъ ей, косвенно. Сохрани Богъ, если она привадитъ сюда этихъ демократовъ, тогда никто изъ нашихъ не переступить порога дома.

— Э, милѣйшій! пеняй на себя; самъ виновать, сказалъ Доленга.

— Я?! удивился Юноша.

— Конечно, ты. Твоя слабость къ Матуской не приведетъ къ добру. Я бы совѣтовалъ тебѣ подальше держаться отъ нея. Стоитъ только посмотрѣть хорошенько, и можно будетъ найти такой бутонъ, что чудо, въ который стоило бы влюбиться, если ужь это такъ необходимо для тебя.

Юноша глубоко вздохнулъ.

— Не могу, отвѣтилъ онъ слезливымъ голосомъ.—Сколько разъ ужь хотѣлъ я позабыть ее и не видѣлся съ нею по цѣлымъ годамъ и больше... но что тутъ подѣлаешь? вернется—опять та же исторія:—не могу жить безъ этой женщины, положительно не могу.

Немного подумавъ, Доленга нагнулся къ уху Юноши, и что-то шепнулъ ему.

— Только—тсс!.. Между нами—произнесъ Доленга шепотомъ:— это фактъ. Она въ такихъ отношеніяхъ съ Любичемъ, что...

— Да не можетъ-же быть! воскликнулъ Юноша, съ поблѣдѣвшимъ лицомъ.

— Честное слово! Я ужь достовѣрно узналъ объ этомъ.

Губы Юноши дрожали.

— Что-же онъ думаетъ жениться на ней?

— Жениться! Съ какой стати? Понятно, человекъ молодой, она тоже не стара... понравились другъ другу... ну, и романъ! ха! ха! ха!

— Ахъ, чортъ возьми! если только это правда. Чортъ бы ее побралъ, окаянную! восклицалъ Юноша.

— Тсс!.. не компрометируй-же себя, пожалуйста! вѣдь могутъ услышать. Это дружество съ Ганной... нужно будетъ какъ нибудь сообщить объ этомъ старостинѣ... Эта женщина очень гибельно можетъ повліять на Ганну; она просто—ковотка, право, кокетка.

Съ этими словами онъ взглянулъ на часы.

— Батюшка! да вѣдь !2! До свиданія! меня ждуть.

Пожавъ руку ошеломленному Юношѣ, Доленга выбѣжалъ изъ комнаты.

X.

Предъ отъѣздомъ въ городъ семейство Юноши обѣщало себѣ много хорошаго и пріятнаго. Желаніе старостины было—видѣть свою внучку замужемъ, совершенно обезпеченною и счастливою; Ганна мечтала о свиданіи съ Сильваномъ, а если ужь не удастся увидѣться съ нимъ, то, по крайней мѣрѣ, узнать о немъ. Юноша рассчитывалъ на вкусныя блюда, состряпанныя въ городскихъ кухняхъ, но, къ своему сожалѣнію, нашелъ ихъ въ гораздо худшемъ видѣ, чѣмъ могъ предполагать. По пріѣздѣ въ городъ, на горизонтѣ появились мрачныя тучи... Старушка вздыхала, а иногда даже обтирала платочкомъ напертывавшіяся на глаза слезы. Юноша былъ желченъ на все и всѣхъ; Ганна, хотя и сохраняла присутствіе духа, но видимо страдала. Выдавались дни, что не было проронено ни одного слова, а если и было, то какъ бы по принужденію, отрывисто. Всего болѣе отзывалось это на старушкѣ, которая ходила, какъ опущенная въ воду.

Матуская, которая привыкла видѣть себя между ними, какъ семьянку, встрѣчала теперь сухой пріемъ. Старушка едва говорила съ нею; Юноша держалъ себя въ отдаленіи и какъ бы

натянута, — одна только Ганна, по прежнему, была расположена въ своей подругѣ.

Причиной такой натянутости послужила усердно распускаемая клевета о ея романѣ съ Любичемъ, о чемъ уже ревностная президентша успѣла сообщить старостинѣ. Когда же свѣдѣнія Ююши подтвердились и ябеда сдѣлалась гласной для старушки, не было ужь больше никакого сомнѣнія въ поведеніи Матуской, и всѣ, понятно, повѣрили слухамъ. Старостина передала о томъ и Ганнѣ, которая пришла отъ этого въ негодованіе.

Что хуже всего, такъ это то, что послѣ несчастнаго обѣда, — на который былъ приглашенъ Сильванъ отъ имени старушки, — отецъ отвелъ Ганну въ сторону и откровенно высказалъ ей, что больше не желаетъ видѣть Сильвана у себя въ домѣ, что его знаютъ въ городѣ, какъ очень опаснаго человѣка, безъ вѣры и правилъ, и что, наконецъ, онъ влюбленъ въ актрису.

Хотя Ганна и не повѣрила во взводимыя на Сильвана обвиненія, но и самая эта ложь возмутила ее. Когда, потомъ, пришла Матуская, старостина приняла ее очень сухо и зорко смотрѣла за Ганной, чтобы она не оставалась съ нею наединѣ. Не желая ослаблять свою любовь къ Сильвану, Ганна рѣшилась почти на геройскій подвигъ. Не смотря на всѣ морганія и знаки старушки, она проводила Лелію въ переднюю и тамъ шепнула ей на ухо:

— Завтра въ десять часовъ, по пути въ церковь, я зайду къ тебѣ. Пусть будетъ и Сильванъ, — я имѣю кое-что передать вамъ.

Простившись съ Матуской, она вернулась въ залу.

Огорченная и беспокойная, Лелія пошла къ брату передать ему желаніе Ганны. Она застала его за работой совершенно беззаботнымъ. Взглянувъ на блѣдное лицо сестры, онъ понялъ, что она пришла не съ добрыми новостями. Матуская, въ короткихъ словахъ, объяснила ему о пріемѣ старушки и желаніи Ганны. Сильванъ, по прежнему, оставался спокойнымъ.

— Не огорчайся, сестрица, сказалъ онъ ей: — вѣра моя въ нее — безгранична. Этого нужно было ждать, такъ какъ насъ всѣми силами будутъ стараться очернить, — придется, быть можетъ, еще много претерпѣть; но я вѣрю въ свою звѣзду... Ганна не глупая дѣвушка. Мнѣ бы вотъ только не хотѣлось теперь тайно встрѣчаться съ ней, но если это ея желаніе, — послушаюсь и непременно приду.

На слѣдующій день, утромъ, Сильванъ пришелъ къ сестрѣ, которая уже съ нетерпѣніемъ поджидала его и Ганну. — Ровно съ ударомъ 10-ти часовъ, Ганна вошла въ комнату Леліи, оставивъ

горничную дожидаться внизу. Она была очень разстроена и блѣдна. Едва поздоровавшись съ ними, она упала въ кресло, еле переводя дыханіе и собираясь съ мыслями. Сильванъ благоговѣнно смотрѣлъ на нее въ молчаніи.

— Легко можете догадаться, — произнесла она дрожавшимъ голосомъ, — что я имѣла побудительныя причины прійти къ вамъ украдкой. Не въ моемъ характерѣ скрывать свои поступки... мы должны поговорить откровенно. Не имѣю никакого повода осуждать никого... но до слуха бабушки дошли такія вѣсти, которыя могутъ скверно отозваться на нашихъ интересахъ и повліять на наши отношенія. По этому-то случаю, я рѣшилась зайти къ вамъ, чтобы разузнать, изъ какого источника почерпается вся эта грязь... Отцу моему кто-то сказалъ, что будто ты, Лелія, имѣешь любовную связь съ какимъ-то тамъ Любичемъ что-ли, и что ты искусно скрываешь свой романъ.

Матуская разсмѣялась.

— Позволь тебѣ сказать, дорогая Аня, — отвѣчала Лелія: — что въ клеветѣ этой нѣтъ ни малѣйшаго смысла. Я едва-ли видала когда этого человѣка, а если и видѣла, то, право, не помню его физиономіи.

Она съ презрѣніемъ пожала плечами.

— Это такое ребячество, такая безсмыслица, что я даже не нахожу нужнымъ оправдываться, прибавила она.

— Сильванъ тоже оклеветанъ со всѣхъ сторонъ: говорятъ о какомъ-то романѣ съ актрисой, объ утреннихъ прогулкахъ и Богъ вѣсть еще о чемъ.

Сильванъ покраснѣлъ отъ гнѣва. Ганна пристально смотрѣла на него.

— Говорите всю правду.

— Послушайте, m-me Ганна: хотя бы это нужно было ради моего счастья, я не умѣлъ бы солгать передъ вами, возразилъ Сильванъ.

— Вѣрю, — сказала Ганна послѣ продолжительнаго молчанія.

— Могу вамъ лишь въ томъ сознаться, что знаю это бѣдное созданіе, которой угрожаетъ едва-ли не скоротечная чахотка. Доктора посоветовали ей пить эмскую воду — и, по случаю навязчивости нахальной молодежи, которая преслѣдуетъ ее, она хотѣла отказать отъ лѣкарства, такъ какъ не могла имѣть спокойной минуты и укромнаго уголка отъ глазъ волокитъ. Я предложилъ ей мой садикъ, куда она каждое утро приходила въ сопровожденіи суфлера-старика; я давалъ ей книги и иногда помогалъ совѣтами.

Надѣюсь, что вы не поставите мнѣ въ укоръ этотъ человѣколюбивый поступокъ. Я сочувствую и буду сочувствовать ей, потому что она вполне достойна того. Что-же касается моего сердца, — я не настолько вѣтривъ, чтобы допустить себя до какого нибудь неблагоприятнаго поступка. Изъ этого понятно, какъ можно было сочинить эту безнравственную басню.

— Дайте слово, что это правда! воскликнула Ганна.

— Неужели вы, m-lle Ганна, можете сомнѣваться въ моихъ словахъ, — отвѣтилъ съ грустью Сильванъ: — вы знаете съ дѣтства меня — нужна ли вамъ моя клятва.

— Вѣрю! вѣрю! воскликнула она. — Но, Бога ради, скажите мнѣ, какая цѣль навлекать на себя подобнаго рода подозрѣнія.

— Какая же можетъ быть въ этомъ цѣль! Неужели вы думаете, что я отказался бы отъ помощи несчастной, ради какихъ-то предрасудковъ и клеветы? — Никогда! — Это бѣдное созданье, къ несчастью, очень недурна, съ дарованіями; молодежь льнетъ къ ней, какъ мухи къ меду, и чтобы избавиться отъ нихъ, она требовала чьей нибудь защиты, не въ силахъ будучи защититься самой противъ многочисленныхъ искателей приключеній...

— Она бы могла тогда найти себѣ защитника болѣе солиднаго, чѣмъ вы — возразила Ганна.

— Да, еслибы былъ выборъ.

Наступила продолжительная пауза.

— Не обижайте меня, m-lle Ганна, своимъ недоверіемъ, произнесъ Сильванъ; — если я потеряю у васъ вѣру... мнѣ больше ничего не остается...

— Однако этой клеветѣ нужно положить предѣлъ — прервала Ганна.

— Труппа, кажется, скоро уѣдетъ отсюда... впрочемъ, — не знаю, потому что я почти никогда не бываю у нихъ. Но что касается моей помощи, совѣта, повторяю, я никогда не могу отказать этой несчастной сиротѣ.

Голосъ Сильвана дышалъ правдою; Ганна готова была извиняться передъ нимъ. Она протянула ему руку, и двѣ крупныя слезы жемчужинами скатились по ея лицу.

— Это еще пустяки: это только цвѣточки, ягодки же будутъ, вѣроятно, впереди, сказалъ Сильванъ. Нужно приготовиться къ этому: судьбу мою раздѣлить со мной Лелія. Всякою грязью будутъ бросать въ насъ; но надѣюсь, что она нисколько не пристанетъ къ намъ. Мнѣ очень непріятно, что въ эту исторію впутаны и вы, и ни за-что, ни про-что должны терпѣть съ

нами. Не знаю, что предпримет Леля, но мнѣ, послѣ недавняго приѣма вашего отца, не слѣдуетъ больше показываться на глаза.

— Что я сдѣлаю—пока еще не знаю—отозвалась Матуская:— но безъ борьбы я не уступлю дружбы Ганны, которою такъ дорожу, и чтобы отречься отъ нея, нужны не такія маленькія непріятности. Дорого бы досталось имъ отнятіе этой дружбы, въ которой я такъ увѣрена.

Ганна понемногу начала приходить въ себя и улыбаться Сильвану.

— Однако, будь, что будетъ, сказала она:— пусть говорятъ, что имъ вздумается,—я вѣрить больше не буду. Но какъ разубѣдить бѣдную бабушку? Она такъ привязана ко мнѣ, что боится малѣйшей тѣни подозрѣнія. Эта президентша бываетъ ежедневно... какія-то темныя личности ворвались въ нашъ домъ, и невидимыми сѣтями опутываютъ бабушку и на каждомъ шагѣ огорчаютъ ее.

— Этого нужно было ждать, сказалъ Сильванъ. — Дай Богъ выйти изъ этой неровной борьбы побѣдителями; сила враговъ нашихъ—значительна. Мы, конечно, съ своей стороны, не станемъ лицемерить, а тѣмъ болѣе клеветать. Время покажетъ, чего держаться; я все-таки надѣюсь выйти побѣдителемъ.

Замѣтивъ, что слишкомъ долго засидѣлась у Леліи, Ганна встрепенулась... Она подала на прощанье обнимъ руку и тихо произнесла:

— До свиданія!.. когда и гдѣ?.. не знаю.

Послѣ ухода Ганны, братъ и сестра долго еще бесѣдовали между собой. Сильванъ представлялъ себѣ все въ черномъ видѣ, за исключеніемъ одного сердца Ганны, на которое сильно рассчитывалъ. Матуская была сильно взбѣшена, но скрывала это отъ брата, чтобы не выдать наружу своихъ чувствъ и не огорчать его. Она рѣшилась мужественно бороться съ предстоящими опасностями, со стойкостью женщины, которая не рассчитываетъ ни на чью помощь.

Сильванъ ушелъ. Лелія въ задумчивости ходила по комнатѣ и, наконецъ, какъ бы на что-то рѣшившись, подошла къ конторкѣ и начала писать. Перо ея быстро скользило по бумагѣ; изорвавъ нѣсколько неловко начатыхъ листовъ бумаги, она написала коротенькую, лаконическую записку и подала ее слугѣ, для доставленія по адресу, давъ при этомъ точную инструкцію къ исполненію ея порученія.

Отославъ записку, она нарядилась въ лучшее платье и нослѣ

Сильванъ

долгой конференціи у зеркала, оставшись довольна собою, взяла книгу и опустилась въ кресло.

Сколько ни старалась она держать себя спокойно, но внутреннее раздраженіе выдавало ея борьбу; при малѣйшемъ шорохѣ, она вздрагивала и, напрягая свой слухъ, сдерживала учащенное біеніе сердца. Въ такомъ горячечномъ состояніи она провела нѣсколько часовъ къ ряду.

Около четырехъ часовъ пополудни, чьи-то быстрые шаги слышались по лѣстницѣ, дрогнуть звонокъ и, вслѣдъ затѣмъ, передъ нею явился щегольски одѣтый и нѣсколько растерявшійся Юноша.

Лелія встрѣтила его очень сухо.

— Вы были такъ любезны, приказали явиться къ вамъ, сказалъ онъ очень привѣтливо.

— Да, я имѣла эту честь, отвѣтила она:—покорнѣйше прошу садиться. Намъ нужно поговорить съ вами; очень благодарю, что вы не отказались явиться на мой зовъ; прошу минутку терпѣнья.

Вступленіе было въ серьезномъ тонѣ и, повидимому, не обѣщало смягченія: это была не та Лелія, которая всегда весело смѣялась и заражала своею веселостью другихъ.

Юноша присѣлъ на кончикъ стула. Вдовушка, какъ на зло, была въ этотъ вечеръ очаровательнѣе, чѣмъ всегда; Юноша пожиралъ ее глазами. Матуская же употребила все стараніе, чтобы казаться привлекательнѣе, и соорудила такую располагающую фязіономію, что Юноша не могъ не прійти отъ нея въ восторгъ: такую онъ не видывалъ ее даже въ первой молодости, хотя никогда не спускалъ съ нея глазъ.

Ему и въ мысль не приходило, чтобы Лелія кокетничала съ нимъ, имѣя въ виду какіе нибудь планы. Однако!.. она такъ граціозно умѣла сѣсть, принять такую позу, взглянуть на него, что, казалось, совершенно хотѣла заполнить сердце бѣднаго старикашки. Присматриваясь къ ней, Юноша чувствовалъ себя обезоруженнымъ, беззащитнымъ, теряющимъ рассудокъ.

«Эта женщина,—подумалъ онъ,—дѣлаетъ изъ меня какую-то восковую свѣчу».

Наконецъ, собравшись съ мыслями, Лелія глубоко вздохнула и, обращаясь къ Юношѣ, сказала:

— Вы, monsieur Юноша, знаете меня съ дѣтства, знали также моего отца, мать и едва-ли не всю родню: вся жизнь моя и моего брата известна вамъ до послѣдней минуты... При жизни

моего мужа, наконец и послѣ смерти его, я всегда была на вашихъ глазахъ. Скажите же, по совѣсти, откровенно, замѣтили-ли вы когда нибудь въ моихъ поступкахъ что-нибудь предосудительное, что дало бы вамъ поводъ имѣть обо мнѣ тенденціозное мнѣніе?

— Богъ съ вами! воскликнулъ Юноша.— Съ какой стати я могъ бы имѣть о васъ такое мнѣніе? Можно-ли даже спрашивать меня о томъ!..

— Слѣдовательно, вы сознаётесь, что я всегда была благонамѣренной женщиной и не давала никакого повода къ какимъ бы то ни было подозрѣніямъ, отзывающимся цинизмомъ. Мнѣ извѣстно, однако, что до слуха вашего и пани старостины дошла нелѣпая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, презлая клевета... Не прерывайте меня... Последній пріемъ старостины явно далъ мнѣ почувствовать все ея пренебреженіе. Откуда я знаю это, объ этомъ не спрашивайте меня; была бы лишь настоящая причина извѣстна мнѣ. Если можетъ что въ этой наглой клеветѣ беспокоить меня,—такъ это единственно ваше мнѣніе, господинъ Юноша, которымъ я слишкомъ дорожу... Какъ бы ни чернили меня эти глупцы,—это меня нисколько не оскорбляетъ; но въ вашихъ глазахъ я хочу всегда быть тою, какою вы знали меня съ дѣтства, и сохранить ту дружбу, которою пользовалась до сего времени.

Юноша нѣсколько разъ порывался прервать ее, но вдовушка останавливала его граціознымъ жестомъ своей ручки.

— Позвольте окончить мнѣ, продолжала она:—взводимая на меня клевета—чистѣйшая выдумка, не имѣющая никакого смысла. Этого господина, съ которымъ меня изобличаютъ въ связи, я едва ли видѣла два—три раза въ чужихъ домахъ, но порога моей квартиры никогда не переступала нога его.

— Но я готовъ, какъ предъ священникомъ, сказать, что я... я... запнулся Юноша, ударяя себя кулакомъ въ грудь.

— Вы, и именно вы съ старостиной, повѣрили этой наглой лжи. Хотя она нисколько не возмущаетъ меня, но мнѣ обидно лишь то, что вы первый повѣрили ей, что эта циническая утка могла повліять на васъ, и именно на васъ, господинъ Юноша, хотя вы оказывали мнѣ столько дружбы и расположенія...

Юноша, къ которому она съ этими словами подступала все ближе, едва не упалъ передъ нею на колѣни, находясь подъ обаяніемъ ея очаровательно-грустнаго взгляда и нѣкотораго дрожанія въ голосѣ.

— Но вы не вѣрите! воскликнулъ онъ:—я... я...

— Скажите, кто вамъ сообщилъ эту басню? говорите, сейчасъ же говорите! наступательно спрашивала Матуская.

- Не могу.
 — Вы должны, слышите-ли, должны мнѣ сказать!
 — Дадите слово, что это останется между нами?.. что...
 — Дамъ слово, что никакой исторіи изъ этого не сдѣлаю, но спрашиваю у васъ изъ любопытства; я должна знать.

Юноша, вмѣстѣ со стуломъ, придвинулся къ ней и для большей увѣренности, что она сдержитъ свое слово, взялъ ее за руку... Теперь онъ окончательно поддался ея обаянію и уже не властвовавъ собою.

- Сударыня! о! сударыня! произнесъ онъ тихо.
 Невольная улыбка пробѣжала по розовымъ губкамъ вдовушки.
 — Сударыня!—эту гнусную ложь сказала старостинѣ президентша...

- А вамъ кто?
 — Мнѣ?.. мнѣ передалъ ее... Доленга. Но не губите меня!.. Я готовъ для васъ на какія угодно жертвы... вы не имѣли и не будете имѣть лучшаго друга, чѣмъ я...

Матуская быстро вскинула на него глазами.

- Monsieur Юноша!.. вы обижаете меня, высказывая свои чувства; могу-ли я повѣрить имъ, не убѣдившись впередъ, что они болѣе, чѣмъ комплиментъ...

- Какъ комплиментъ? воскликнулъ Юноша, не владѣя уже собою. Развѣ вы недогадываетесь, каковы могутъ быть мои чувства къ вамъ?

- Объяснитесь!.. какія чувства?..

- Чувства уваженія, преданности, благоговѣнія, дружбы!..

Высказывая эти слова, Юноша испугался ихъ и замолчалъ... Вдовушка, какъ бы невзначай, опустила руку, которую онъ держалъ, и съ меланхолическою грустью, полною искренности, сказала:

- Вы, развѣ не замѣчали моей взаимности къ вамъ? развѣ вы видѣли меня когда нибудь легкомысленной? Я всегда была веселой женщиной, но никогда не кокетничала съ вами. Съ раннихъ лѣтъ, я всегда чувствовала къ вамъ расположеніе и дружбу, а со смертью моего мужа привыкла видѣть въ васъ искренняго друга и опекуна, которому всегда могла бы довѣрить свою судьбу!.. а вы...

- Сударыня! воскликнулъ онъ, становясь предъ нею на одно колено:— умоляю!.. смилуйтесь надо мною!.. Я... я окончательно теряю голову... я не знаю, какъ выразить вамъ мои чувства!.. я, по гробъ, вашъ усердный обожатель!..

- Да вѣдь это минутное увлеченіе, господинъ Юноша; это выраженіе мимолетнаго восторга вашего сердца.

— Нѣтъ! это искреннее выраженіе моихъ чувствъ, которыя я желаю сохранить до смерти. Знаете - ли, сударыня, оживился вдругъ Юноша, собравъ послѣднія усилія своей храбрости:—еслибъ не мои годы...

— Вы еще далеко не стары, господинъ Юноша, сказала Матуская смѣясь.

— О! еслибъ я могъ открыть вамъ мое сердце?..

— Извольте, не стѣсняйтесь. Прошу васъ.

— Да развѣ вы не видите, что я до безумія люблю васъ!..

— Нѣтъ, этого я вовсе не замѣчаю, холодно отвѣтила она:—еслибы это была правда, вы, будучи вдовцомъ и видя меня одинокой, давно бы предложили мнѣ вашу руку.

— А вы что бы тогда отвѣтили на это? спросилъ онъ, становясь теперь на оба колѣна.

Наступило молчаніе. Минута колебанія и сомнѣнія длилась такъ долго, что у Юноши затряслись поджилки, и онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, едва не лишившись чувствъ, но Лелія подала ему обѣ руки...

— Monsieur Юноша,—сказала бы я:—я сочувствую и уважаю васъ... вотъ вамъ моя рука... я ваша.

Получивъ такимъ образомъ согласіе Матуской, Юноша, какъ сумашедшій, схватилъ ея руки и началъ покрывать страстными поцѣлуями. Онъ поднялся на ноги, потомъ опять опустился на колѣни и, снявъ перстень съ своей руки, въ торжественномъ молчаніи, обмѣнялся съ нею кольцомъ. Все произошло такъ моментально, что Юноша не могъ прійти въ себя отъ восторга. Онъ сѣлъ на стулъ, не выпуская руки вдовушки, и съ любовью глядя на нее, теръ лобъ, щипалъ себя за шею, воображая, что находится подъ вліяніемъ кошмара или же видитъ все это во снѣ.

— Теперь, отозвалась Матуская:—давъ торжественный обѣтъ передъ Богомъ, мы можемъ равнодушно обсудить нашу будущую жизнь. Поговоримъ спокойно...

— О, будемъ, будемъ говорить объ этомъ счастливомъ будущемъ. Но, дорогая Леля... о! какъ сладко теперь звучитъ это имя!.. мы должны нѣкоторое время сохранить это въ тайнѣ. Нужно подготовить бабушку и Ганну.

— Да. Но слишкомъ долго скрывать этотъ вопросъ ни вы, ни я не сумѣемъ; къ тому-же, я не могу долго оставаться равнодушной къ окружающей меня таинственности, которая можетъ навлечь на меня новыя сплетни.

— Я согласен на все, что только вы прикажете, и радъ бы былъ поторопить счастье... но старостина...

— Вѣрите мнѣ, что старостина менѣ всѣхъ будетъ удивляться нашему счастью... Ганна-же—моя подруга...

При имени Ганны, по лицу счастливаго Юноши пробѣжала маленькая тучка; онъ, повидимому, вспомнилъ, что, связывая судьбу свою съ Матускою, онъ даетъ Сильвану право рассчитывать на руку Ганны. Лелія положила свою руку на руку Юноши, и онъ тотчасъ позабылъ обо всемъ.

— Итакъ, дорогой другъ, вы можете идти теперь:—мнѣ нужно привести въ порядокъ мои мысли, обсудить наединѣ дѣло, такъ сказать, побесѣдовать съ собою. Могла-ли я надѣяться, чтобы, послѣ моего выговора, все это окончилось такъ внезапно, любовнымъ признаніемъ...

— А я, я! воскликнулъ онъ:—могъ-ли я ожидать, входя сюда, что возвращусь отсюда счастливымъ, восторженнымъ, любящимъ!..

Съ этими словами старикъ приблизился къ ней, хватая ее за руку, и, какъ казалось, искалъ ея розовенькихъ губокъ... Онъ такъ разчувствовался, что Лелія не успѣла опомниться, какъ онъ налету прикоснулся къ ея лбу своими губами, и запечатлѣлъ на немъ поцѣлуй. Лелія отстранила его рукою, которую онъ схватилъ, и покрывъ ее горячими поцѣлуями, выбѣжалъ изъ комнаты какъ сумашедшій.

По счастью, никто не видѣлъ его бѣгущимъ изъ дома Матуской. Такимъ образомъ онъ бѣжалъ по улицѣ, пока какой-то сапожникъ-мальчикъ не обратилъ на себя его вниманія; онъ смѣялся надъ его разсѣянностью.

Юноша спохватился и умѣрилъ шаги... Сцена, происшедшая у Матуской, живо представлялась его воображенію: онъ съ изумленіемъ посматривалъ на кольцо и бормоталъ себѣ подъ носъ: «Что скажетъ старостина?... какъ ей сознаться въ этомъ?.. А Ганна?... но что Ганна... что скажетъ свѣтъ!!.» Всѣ трудности, препятствовавшія достиженію цѣли, явились теперь передъ нимъ непроницаемой тучей, какими-то ужасными призраками, грозящими его необдуманному поступку... Онъ не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что произошло, какимъ образомъ онъ позволилъ себѣ увлечься этой красавицей-вдовушкой, откуда появилась у него смѣлость, чтобы объясниться съ нею въ любви.

— Впрочемъ, правду сказать,—говорилъ онъ про себя:—все это подготовлялось долгимъ моимъ ухаживаніемъ за нею. Должно же было вспыхнуть когда нибудь пламя въ погасавшемъ

гнѣ... вѣдь и вулканъ извергается послѣ многолѣтняго накопленія въ немъ горючихъ веществъ, а я, вѣдь, человѣкъ; не поасъ еще у меня огонь жизни, стѣить только подлить въ него масла, и... Но люди, люди что скажутъ?! Впрочемъ, пусть говорятъ, что имъ угодно—было-бы мнѣ хорошо... Имѣю же я еще право хоть на маленькое счастье!.. А она!.. О, какъ хороша, какъ осхитительна она!..

Въ эту минуту онъ инстинктивно остановился у дверей своей вартыры, и здѣсь только пришелъ въ себя.

(Продолженіе будетъ).

Австрійскіе Русскіе и Львовскій процессъ.

Въ 1865 году наиболѣ скорый путь изъ Петербурга въ Одессу лежалъ на Варшаву, Краковъ, Львовъ, Черновицы и Кишиневъ. До Львова, столицы Галиціи, шла желѣзная дорога; отъ Львова до Черновиць, главнаго города Буковины, можно было ѣхать въ почтовомъ дилижансѣ; отъ Черновиць до Новоселицы, пограничнаго русскаго пункта, съ евреемъ; отъ этого же пункта вплоть до нашей черноморской столицы—на почтовыхъ лошадяхъ по подорожной. Этотъ путь избралъ пишущій эти строки въ концѣ апрѣля 1865 года, спѣша прибыть въ Одессу къ открытію новороссійскаго университета, которое было назначено на 1-е мая.

Такимъ-то образомъ мнѣ удалось въ первый разъ проѣхать по Галиціи и остановиться во Львовѣ. Въ то время, т. е. семнадцать лѣтъ тому назадъ, положеніе дѣлъ въ Червонной Руси мало обращало на себя вниманія въ Россіи. Нужды, горе, стремленія, надежды населенія, родственнаго намъ по крови, языку, религій, первоначальной исторіи, борьба его съ другими этнографическими элементами края, развитіе его, литературное и общественное, рѣдко кому у насъ были знакомы близко, de visu, даже между учеными. Русскіе ученые, какъ историки, такъ и филологи, занимавшіеся судьбой и языками славянскихъ народовъ, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ охотно посѣщали Прагу, Вѣну, Пештъ, даже Загребъ и Бѣлградъ, но обходили Львовъ, древнюю столицу Червонной Руси, города Льва и Данила Галицкихъ. Немногіе русскіе публицисты касавшіеся въ то время Галиціи, говорили о тамошнихъ дѣлахъ съ чужаго голоса, польскаго или нѣмецкаго, обличая самое смутное представленіе о существующихъ здѣсь общественныхъ отноше-

няхъ. Отчужденіе наше отъ страны, составлявшей нѣкогда важную часть русской земли, было въ то недавнее время такъ велико, что не только въ нашей періодической литературѣ, вообще не отличающейся широтою и обстоятельностью свѣдѣній, но даже въ географическихъ учебникахъ имя исконнаго русскаго города Львова обыкновенно приводилось въ его нѣмецкой формѣ Лемберга, а въ одномъ изъ наиболѣе популярныхъ тогда нашихъ журналовъ, въ «Современникѣ», была напечатана статья, называвшая появленіе во Львовѣ русской газеты «Слово», — которая должна была служить органомъ интересовъ русско-галицкаго населенія, — «національною безтактностью».

Взглянуть своимъ глазомъ на край, много столѣтій тому назадъ оторванный отъ русской земли, посмотрѣть на представителей тамошняго общества и познакомиться съ мѣстными учеными и литераторами было чрезвычайно интересно. Я остановился на нѣсколько дней во Львовѣ. Первый визитъ мой былъ въ редакцію «Слова», въ которой всего отчетливѣе бѣлъ пульсъ пробудившейся русской жизни въ забытомъ нами край; другіе визиты были направлены къ такъ называемымъ «святоюрцамъ», т. е. къ ученымъ, принадлежащимъ къ таинственному греко-уніатскому собору св. Георгія. Въ національномъ русскомъ клубѣ, носящемъ названіе «Народнаго Дома», мнѣ удалось въ первый же день увидѣть почти всю русскую «интеллигенцію» Львова, какъ свѣтскую, такъ и духовную, собравшуюся тогда на представленіе старинной малороссійской оперы «Наталка Полтавка». Пришлось мнѣ заглянуть и въ старинный храмъ, построенный на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города, во время богослуженія, почти ничѣмъ не отличающагося отъ нашего; довелось посмотрѣть и на семейную жизнь своихъ новыхъ знакомыхъ и обстановку ихъ жилищъ, которая любопытному путешественнику всегда можетъ сказать многое. Долго заспживаться мнѣ въ столицѣ Червонной Руси было однако нельзя, и я, послѣ объясненій съ полиціей, пожелавшей ознакомиться какъ съ цѣлю моего прибытія во Львовъ, такъ и съ дальнѣйшимъ направленіемъ путешествія, уѣхалъ въ Одессу.

Но уѣхалъ я съ крайне тяжелымъ чувствомъ, которое тогда только отчасти излилъ въ письмѣ, посланномъ, — изъ предосто-

СНИЖАЮЩАЯ

рожности, уже по достиженіи русских предѣловъ,—въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Это тяжелое чувство лишь усилилось впоследствии, когда мнѣ пришлось быть еще два раза во Львовѣ въ 1867 году. Но что же я вынесъ изъ своего знакомства съ русскими въ этомъ городѣ?

Я вынесъ многое. Я увидѣлъ, прежде всего, поразительную бѣдность и страшную загнанность тамошняго русскаго общества. Бѣдность была видна во всемъ: въ жилищахъ, въ квартирной обстановкѣ, въ клубномъ помѣщеніи, въ образѣ жизни представителей тамошней русской «интеллигенціи», какъ они, на польскій образецъ, себя называютъ. Жаль было смотрѣть на редактора главной русской газеты, когда онъ, въ своемъ убогомъ помѣщеніи, завтракалъ стаканомъ молока, признаваясь, что бѣльшей роскоши онъ себѣ позволить не можетъ. Да и какая тутъ могла быть рѣчь о роскоши, когда редація могла издерживать въ это время на выпску газетъ не болѣе 20 гульденовъ (около 12 рублей по тогдашнему курсу) въ три мѣсяца! Если такъ богато жилъ редакторъ главной русской газеты, Б. И. Дѣдицкій, то нетрудно себѣ представить, какъ жилъ его помощникъ, бѣдный С., получавшій въ мѣсяць что-то такое около 20 гульденовъ. И эти люди дѣлали свое дѣло съ мужествомъ, съ любовью, со страстью, съ самоотверженіемъ! Дѣлали его и ученые, которые были не богаче журналистовъ. Каноиникъ Петрушевичъ, главный русскій ученый въ Галиціи, получалъ въ годъ, если не ошибаюсь, не болѣе 400 гульденовъ. Скудость средствъ не мѣшала ему, однако, составить прекрасную бібліотеку со множествомъ старинныхъ рукописей, не мѣшала упорно работать надъ составленіемъ славянскаго словаря и издавать въ свѣтъ свои филологическія и археологическія сочиненія. Не могу безъ чувства глубокаго уваженія вспомнить объ этомъ почтенномъ труженикѣ, такъ радушно встрѣчающемъ въ своей темной кельѣ всякаго русскаго. Вотъ гдѣ можно было поучиться безкорыстію, подвижничеству и дѣятельной любви къ родинѣ!

Какъ ни велика была бѣдность этихъ добрыхъ патріотовъ какъ ни щемила она сердце пріѣзжаго русскаго, но еще болѣе была поразительна ихъ общественная загнанность. Населеніе заявлявшее при всякомъ случаѣ, на дѣлѣ, свою вѣрность австріи

скому государству и императорскому дому, держалось въ самомъ черномъ тѣлѣ, не имѣло никакого общественнаго значенія въ краѣ. Нѣмцы, поляки, евреи смотрѣли на него съ пренебреженіемъ. Нигдѣ во Львовѣ, въ этомъ исконно-русскомъ городѣ, не было слышно русскаго языка въ общественномъ мѣстѣ; почти нигдѣ не видно было его и на вывѣскахъ; представителю кореннаго населенія, особенно если онъ не скрывалъ своихъ русскихъ чувствъ и не выдавалъ себя за чловѣка, преданнаго польскимъ интересамъ и ненавидящаго «Москву», не было доступа къ государственнымъ и общественнымъ должностямъ, не давалось никакого участія въ управленіи.

Съ назначеніемъ намѣстникомъ Галиціи графа Голуховскаго, положеніе русскихъ, — тяжелое, казалось, до послѣдней степени, — еще болѣе ухудшилось. И безъ того полякъ, царившій всецѣло въ странѣ, въ силу своего общественнаго положенія, сдѣлался уже ея полноправнымъ хозяиномъ. Въ рукахъ его окончательно сосредоточилась всякая власть: политическая, административная, судебная, полицейская. Тогда къ политическому и общественному гнету, который никогда не переставалъ лежать на Галиціи подъ польскимъ и австрійскимъ владычествомъ, прибавилась еще деморализація, направленная противъ интеллигентныхъ силъ русскаго населенія. Польская власть стала вызывать изъ среды его отщепенцевъ, дѣйствуя посредствомъ субсидій для изданія газетъ въ духѣ, измѣнническомъ относительно господствующаго настроенія, и посредствомъ раздачи стипендій студентамъ, отрицающимъ стремленія русскихъ патріотовъ. Деморализація эта, правда, захватывала лишь ничтожную часть русско-интеллигенціи». Издававшіяся на польскія деньги, газеты украинфильско-польскаго характера не находили и десятковъ подписчиковъ; на полученіе стипендій, дававшихся за измѣну народному дѣлу, соглашались только единицы. Но эта домашняя рознь немало отягощала положеніе несчастнаго русскаго населенія, забитаго и безправнаго.

Всякое положеніе выносимо, когда есть надежда на его поправленіе, на выходъ къ лучшему. Но галицкіе русскіе, семнадцать или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, этой надежды не имѣли, этого выхода не видѣли даже и въ далекомъ будущемъ. Самое ужасное въ ихъ положеніи было то, что естественное его поправленіе

СНИЖЕНЫ ЦѢНЫ

всего менѣ зависѣло отъ нихъ самихъ, отъ ихъ собственныхъ усилій. Всякое стремленіе ихъ на пользу родины, имѣвшее маломальски національный характеръ, встрѣчало вражду и упорное сопротивленіе, если не въ центральномъ правительствѣ, то въ ближайшемъ, мѣстномъ, представители котораго были или поляки, или лица, находившіяся подъ вліяніемъ польскаго общества. Поляки же, или ихъ единомышленники, стремились къ тому, чтобъ галиціе русскіе елико возможно меньше чувствовали себя русскими, чтобъ они, будучи «gente Russi», были «natione Poloni», чтобъ симпатіи ихъ обращались не на Востокъ, а на Западъ, чтобъ они были какъ можно болѣе похожи на поляковъ по языку, вѣрѣ, политическимъ чувствамъ и литературнымъ стремленіямъ.

— Наше положеніе отчаянное,—говорилъ мнѣ одинъ изъ патріотовъ.—Насъ поляки схватили за горло, и они насъ, пожалуй, задушатъ. Имъ ненавистно самое имя Руси; насъ сживаютъ со свѣта. Чего смотритъ Россія?

— Намъ закрыта всякая общественная дѣятельность,—говорилъ мнѣ редакторъ «Слова».—Если закроютъ мою газету,—а этого можно ожидать всякую минуту,—то знаете-ли, что мнѣ остается? Остается или надѣть петлю на шею, или идти въ монастырь. Другаго выхода нѣтъ! Мнѣ и въ Россію закрыта дорога, такъ какъ я отказался отъ ордена, присланнаго мнѣ по случаю празднованія тысячелѣтія русскаго государства. Сами знаете, могъ-ли я принять его въ моемъ положеніи. Теперь меня обзываютъ московскимъ агентомъ, а что заговорили бы, еслибъ я надѣлъ русскій орденъ? Нѣтъ, наше положеніе ужасно!

— Мнѣ прислали изъ Россіи книги,—говорилъ одинъ изъ почтенныхъ ученыхъ,—да никакъ не могу получить ихъ; не выдаютъ. У насъ, въ Австріи, теперь конституція, но намъ, русскимъ (образованные галичане въ то время избѣгали называть себя русскими) какая отъ того польза? Поляки дѣлаютъ съ нами все, что хотятъ.

— Какое счастье, что вы не знаете по-польски!—говорилъ добродушный помощникъ редактора «Слова». Я не могу на васъ смотрѣть безъ зависти. Мы здѣсь не можемъ шагу сдѣлать безъ польскаго языка, мы обязаны говорить всюду по-польски. Но за

что у васъ, въ Россіи, такъ любятъ поляковъ? Зачѣмъ вы отдаете насъ имъ на жертву?

Почтенный г. С. былъ серьезно убѣжденъ, что въ Россіи полякамъ рай земной, и ничего такъ не желалъ для русскихъ галичанъ, какъ свободы и благоденствія, какими пользуются, по его мнѣнію, поляки въ нашемъ отечествѣ. Онъ—и многіе раздѣляли его мнѣніе—думалъ также, что Россія совершаетъ преступленіе противъ Галиціи и противъ себя самой, оставляя Червонную Русь, и вмѣстѣ съ нею свои естественныя границы, въ предѣлахъ другаго государства. Сознаюсь, что и я самъ былъ и повинѣнъ остаюсь того же мнѣнія. Если русскому государству суждено долгое существованіе, то оно неизбежно должно будетъ упираться на своемъ юго-западѣ въ Карпаты, а не въ какой-то ручеекъ или канаву.

Среди гнета, не только политическаго, но и административнаго, судебнаго и, всего болѣе, общественнаго,—гнета тяжелаго, о какомъ мы, живя въ своемъ государствѣ, говоря на своемъ языкѣ, управляясь своими властями и законами, и понятія не имѣемъ (говорю это съ полною искренностью),—галицкихъ русскихъ поддерживало, поддерживаетъ и будетъ поддерживать лишь сознаніе, что они не мелкій народецъ, говорящій областнымъ нарѣчіемъ и не имѣющій литературы, достойной этого имени, а часть великаго народа, распространившагося отъ Карпатъ по Европѣ и Азіи до Великаго Океана, что они говорятъ языкомъ, какимы говорятъ въ Кіевѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Петербургѣ, Перми, Тобольскѣ, Иркутскѣ; что въ числѣ литературныхъ гениевъ своего племени они считаютъ не только Шевченко, но и Пушкина, Лермонтова, Гоголя; что пока будетъ существовать на востокѣ Европы великое русское государство, будутъ существовать и они, и что, быть можетъ, не далекъ день, когда они, унижаемые, какъ паріи, нѣмцами и поляками, соединятся и политически съ своими восточными братьями.

Въ этомъ сознаніи своей принадлежности къ великому народу нѣтъ ничего ни революціоннаго, ни преступнаго; но когда «Слово», въ минуты отчаянной борьбы за существованіе въ 1866 году, высказало его во всеуслышаніе, то это было столь оглушительнымъ ударомъ для галицкихъ поляковъ, что слова русскої газеты и до сихъ поръ еще звучатъ въ ихъ ушахъ, какъ нѣчто ужас-

ное, превосходящее всё предѣлы государственныхъ преступленій. Съ этого самаго дня, т. е. съ 8-го августа 1866 года, образованные русины, особенно же ученые и издатели газетъ, стали въ глазахъ польскихъ чиновниковъ въ Галиціи бунтовщиками и государственными измѣнниками, а ихъ литературная дѣятельность, въ которой такъ замѣтно стремленіе подражать языку великорусскихъ писателей, отнынѣ стала служить лишь доказательствомъ измѣны австрійской монархіи, т. е. правильнѣе, польскому владычеству. Самое досадное для враговъ русской народности въ Галиціи было то, что всё ихъ многолѣтніе, даже вѣковые труды, употребленные на истребленіе въ коренныхъ обитателяхъ Червонной Руси сознанія своего кровнаго родства съ закордоною Россіей, понесены были даромъ. Ни насильственное измѣненіе правописанія и шрифта въ книгахъ галицкихъ русскихъ, ни строгое запрещеніе имъ, называемымъ на австрійскомъ официальномъ языкѣ рутенами, именоваться русскими, ни ожесточенное преслѣдованіе газетъ—ничто не искоренило въ гонимомъ населеніи его природнаго чувства, чувства связи своей съ независимымъ русскимъ народомъ.

Это чувство, это сознаніе, высказанное громко, разомъ подняло народныя силы и облегчило имъ борьбу съ ненавистниками русскаго имени. Не смотря на всё гоненія, удвоенныя, даже удесятеренныя съ того времени, какъ австрійская политика сдѣлала изъ Галиціи исключительно польскую область, какъ бы не замѣчая тамъ присутствія другаго населенія, составляющаго, притомъ же, главный по численности этнографическій элементъ въ области, не смотря на покровительствуемый мѣстною властью разладъ въ средѣ самой русской интеллигенціи, часть которой, принявъ украинофильскую тенденцію, стала заявлять себя не менѣе враждебною «Москвѣ» (т. е. Россіи), чѣмъ сами поляки,—не смотря на все это, русское сознаніе въ Галиціи стало развиваться такъ быстро и сильно, что послѣ славянскаго съѣзда, бывшаго въ Москвѣ въ 1867 году, галицкіе русскіе, какъ представители обще-русской культуры въ Австріи, думали было стать во главѣ обще-славянскаго движенія къ литературному объединенію. Въ Вѣнѣ, столицѣ австрійской имперіи, сталъ издаваться русскій журналъ «Заря», журналъ, «посвященный обще-славянскимъ интересамъ», какъ зна-

чилось въ его заглавіи. Первый нумеръ этого журнала, выходявшаго подъ редакціей гг. Ливчака и Климковича, появился 1-го юлія по старому стилю. Онъ ставилъ прямо и рѣшительно вопросъ о духовномъ единеніи всѣхъ славянъ, и самымъ могучимъ орудіемъ этого единенія провозглашалъ русскій языкъ, «какъ нейтральный, имѣющій богатую литературу и для всѣхъ славянъ дѣйствительно равно понятный и доступный». Роль, принятая на себя галицкими русскими, оказалась въ то время имъ не по плечу, и русскій печатный органъ въ Вѣнѣ, «посвященный обще-славянскимъ интересамъ», просуществовалъ недолго, но обще-русское сознание въ Галиции, впервые торжественно провозглашенное въ «Словѣ» г. Дѣдицкаго, продолжало все болѣе и болѣе крѣпнуть и, не смотря на постыдное противодѣйствіе ему со стороны украинофильской партіи, въ настоящее время уже достигло такой силы, что вызвало исконныхъ противниковъ его на отчаянную мѣру—на предаіе суду вождей русскаго населенія края, по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Вотъ почва, на которой разыгрался политическій процессъ во Львовѣ,—судъ надъ одиннадцатью русскими, обвиняемыми въ государственной измѣнѣ. Фактъ этого процесса показываетъ, что злоба польской «интеллигенціи» противъ русской въ Галиціи достигла крайней степени, что она помрачила враждебные русскому имени умы до забвенія всякаго политическаго такта и приличія. Процессомъ этимъ галицкая Польша открыто призналась въ своейъ безсиліи подчинить себѣ нравственно бѣдное и почти сплошь мужицкое русское населеніе, и въ то же время доказала, что скорѣе готова погубить себя саму, чѣмъ отдать справедливость противнику, признать его права въ краѣ одинаковыми съ своими.

Поводомъ къ процессу послужило, какъ извѣстно, желаніе крестьянъ села Гниличекъ, недовольныхъ своимъ униатскимъ священникомъ, перейти въ православіе, возвратиться, какъ они заявляли, къ прежней вѣрѣ, къ вѣрѣ отцовъ своихъ. Какой ударъ для польскаго сознанія, что дѣлые вѣва іезуитскаго гнета надъ Червонною Русью не могли истребить въ ней памяти о вѣрѣ отцовъ, о той вѣрѣ, которую исповѣдуетъ до сихъ поръ русскій народъ во всѣхъ предѣлахъ своего обширнаго

СНИЖЕНО

царства. По закону, въ австрійской имперіи существуетъ полная свобода вѣроисповѣданія. Пожелай жители села Гнилицежь перейти въ протестантство, іудейство, магометанство, даже въ язычество, это могло бы послужить развѣ интереснымъ предметомъ для газетныхъ сообщеній, но никакого особеннаго переполоха среди польскихъ пановъ, полиціи, прокуратуры—не произвело бы. Но принятіе православія, восточной «схизмы»—это вопросъ политическій, это говорить о сочувствіи къ Россіи, это дѣло панславистской пропаганды. Необходимо пресѣчь столь страшное зло въ самомъ корнѣ: вѣдь примѣру одной деревни можетъ послѣдовать другая, а тамъ третья, четвертая, такъ что со временемъ вся восточная Галиція можетъ очутиться въ «схизмѣ», исповѣдуемой проклятыми москалями! Отсюда одинъ шагъ до бунта противъ «австрійскаго государственнаго союза», до открытаго объявленія желанія присоединиться къ Россіи. Кто виновникъ, кто подстрекатель крестьянъ? Начались обыски, аресты; наиболѣе выдающіеся представители русскаго галицкаго общества, священники, журналисты, литераторы, были заключены въ тюрьму. И вотъ началось дѣло о государственной измѣнѣ.

Мы не знаемъ, приняло-ли бы гоненіе на русскихъ галичанъ такой крутой и ожесточенный характеръ, еслибы гонителямъ ихъ не придадо храбрости общее возбужденіе противъ Россіи, вызванное въ Австріи недавнею агитаціей русскихъ славянофильскихъ газетъ противъ этой державы и особенно рѣчами, покойнаго теперь, генерала Скобелева. Но несомнѣнно, что это возбужденіе развязало руки ненавистникамъ русскаго имени не только въ Галиціи, но и во всей австро-венгерской имперіи, особенно же въ Венгріи. Вся австрійская Русь была заподозрѣна теперь въ сочувствіи панславистской пропагандѣ, вся пятимилліонная Русь обитающая въ Галиціи, Буковинѣ и сѣверной Венгріи, подверглась гоненію. Найденъ былъ и глава мнимаго заговора, имѣвшаго цѣлью «отторженіе Галиціи, Буковины и сѣверной Венгріи отъ неразрывнаго государственнаго союза и состава коронныхъ земель австрійской монархіи», какъ значитъ въ обвинительномъ актѣ, подписанномъ государственнымъ прокуроромъ Шимоновичемъ. Такимъ главою былъ признанъ уроженецъ венгерской Руси, помѣщикъ имѣнія Чертешь въ Венгріи, проживав

шій въ послѣднее время во Львовѣ, отставной императорско-королевскій надворный совѣтникъ, кавалеръ австрійскаго ордена Желѣзной Короны и русскихъ орденовъ: Анны 2-й степени и Владимира 3-й степени, 66-тилѣтній старикъ Адольфъ Добрянскій. Самымъ злѣйшимъ врагомъ его явился глава венгерскаго министерства, г. Коломанъ Тисса, бывший когда-то добрымъ знакомымъ обвиняемаго, а теперь приславшій львовской прокуратурѣ чуть не цѣлый обвинительный актъ противъ своего прежняго знакомаго.

Процессъ начался 12-го іюня (новаго стиля) чтеніемъ длиннѣйшаго обвинительнаго акта, которое продолжалось болѣе трехъ часовъ и въ которомъ удѣлено значительное мѣсто дѣятельности нашей славянофильской партіи. Ее обвиняли въ томъ, что она «проповѣдуетъ крестовый походъ противъ Австріи, и стремится освободить якобы угнетенныхъ австрійскихъ славянъ», работая для этой цѣли систематически и постоянно отыскивая себѣ союзниковъ, какъ въ самой Россіи, такъ и въ Австріи. Между представителями этой партіи у насъ, въ Россіи, указываются: покойный Погодинъ, генераль Фадѣевъ, г. Аксаковъ, г. Батковъ (!), варшавскій профессоръ славянскихъ нарѣчій Будловичъ, покойный генераль Скобелевъ, г. Побѣдоносцевъ и двое молодыхъ ученыхъ, путешествующихъ за границей, гг. Соколовъ и Пальмовъ. Агентами этой партіи являются въ Австріи, по словамъ обвинительнаго акта, издатели русскихъ газетъ, а именно: «Слова» (г. Плоцанскій), «Пролома» и «Вѣча» (г. Марковъ), «Листка Родинаго» (священникъ Огоновскій), «Пріятели хѣтей» (г. Трембицкій), «Господаря» и «Промышленника» (Ничай). Средоточіемъ же всей панславистской агитаціи въ Руси Галицкой, Буковинской и Венгерской, является, какъ было выше указано, Адольфъ Добрянскій, который (о, ужасъ!) «былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гг. Плоцанскимъ и Марковымъ, редакторами «Слова» и «Пролома», поддерживалъ ихъ своими статьями и, какъ видно изъ показаній г. Маркова, намѣревался стать во главѣ русской печати, добиться слиянія существующихъ изданій, на мѣсто ихъ основать ежедневный органъ и, такимъ образомъ, придать русской печати однообразное направленіе... направленіе панславистское. Онъ даже началъ готовить это, исходатайствовалъ подписку въ Россіи для из-

СЛОВА И ПРОЛОМА

даній: «Проломъ», «Вѣче», «Наука», «Листокъ», «Пріятель» и т. д. Во Львовѣ онъ намѣренъ былъ стараться о примиреніи украинцевъ съ москалефилами».

Такъ велики преступленія г. А. Добрянскаго! Но и преступленія другихъ, преданныхъ суду, русскихъ не менѣ страшны. О г. Площанскомъ обвинительный актъ говоритъ, что онъ «сообщилъ «Слову» рѣшительно панславистическое направленіе; что и личность его и прошлое возбуждаютъ сильное подозрѣніе; что онъ постоянно былъ занятъ панславистическими идеями». Во время торжества открытія въ Москвѣ памятника Пушкину, г. Площанскій отправилъ въ Москву привѣтственную телеграмму «въ доказательство духовнаго единенія съ великорусскимъ народомъ». Ему ставится и это въ государственное преступленіе. При обыскѣ у него была найдена статья, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Въ будущемъ мы составимъ одну великую славянскую семью. Сто двадцать милліоновъ славянъ, съ могущественнымъ государствомъ во главѣ, дождутся лучшаго будущаго». Человѣкъ, который мечтаетъ о будущемъ славянскаго племени, есть, разумѣется, измѣнникъ отечеству. Что касается редактора Маркова, то онъ самъ достаточно себя характеризуетъ въ конфексованномъ письмѣ его къ Я. О. Головацкому, бывшему львовскому профессору русской словесности, проживающему теперь въ Вильнѣ, въ качествѣ предсѣдателя виленской археографической комиссіи. «Меня знаютъ — пишетъ онъ — за чистокровнаго москалефла». Про скадскаго священника Наумовича, подговаривавшаго гниличскихъ крестьянъ къ переходу въ православіе, и говорить нечего. Онъ рисуется въ обвинительномъ актѣ самымъ отчаяннымъ панславистомъ. Онъ публично высказывалъ свою привязанность къ Россіи, говоря прямо: «Я приверженецъ Россіи; тамъ лучше тамъ нѣтъ гнѣта». Православіе и русскую народность онъ считалъ неразрывно связанными. Онъ издавалъ брошюры: «Историческій катихизисъ» и «Посланикъ св. Владиміра Великаго» въ которыхъ, между прочимъ, встрѣчаются такія мѣста: «На свѣтѣ одна только едина Русь, раздѣленная политически между Россіей и Австріей»; или: «народъ русскій останется русскимъ, какъ Карпаты останутся русскими горами, а Днѣстръ никогда не повернетъ къ Вислѣ, но будетъ течь во вѣки вѣковъ въ русское Чер

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ное море»; или: «трижды подъ господствомъ Австріи раздѣленная, Русь предана на милость и немилость полякамъ, мадьярамъ и румынамъ». На замужней дочери А. Добрянскаго, г-жѣ Ольгѣ Грабарь, тоже лежатъ страшныя преступленія: она вела оживленную переписку, особенно съ своимъ братомъ, живущимъ въ Петербургѣ, и служила ему посредницей въ его корреспонденціи съ другими лицами. Одни имена ея корреспондентовъ служатъ достаточными уликами ея измѣны отечеству. Это, кромѣ ея брата, гг. Будиловичъ, Терлецкій, Огоновскій, Трембицкій, Ничай, Кулачковскій, т. е. профессора, священники, редакторы газетъ. Таковы главные заговорщики противъ цѣлости Австрійской Имперіи, пособниками которыхъ были: сынъ Наумовича, студентъ вѣнскаго университета, священникъ Николай Огоновскій изъ Чахова, редакторъ Трембицкій изъ Станиславова, редакторъ Ничай изъ Голешова, да крестьяне — Иванъ Шпундеръ изъ Гвulichекъ и Алексѣй Залускій изъ Збаража, пособники въ совращеніи гвulichскихъ крестьянъ въ православіе.

Самое малое безпристрастіе требуетъ сказать, что никогда еще не бывало обвинительнаго акта въ государственной измѣнѣ, болѣе произвольно составленнаго и болѣе проникнутаго племенной злобою. Ни для кого не было тайной, что галицкіе русскіе находили свое положеніе, въ виду тройнаго давленія на нихъ со стороны нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ, до крайности тяжелымъ: они громко жаловались на притѣсненія своей народности всюду, гдѣ только могъ раздаться ихъ голосъ—въ печати, въ львовскомъ сеймѣ, въ вѣнскомъ рейхсратѣ — и также громко заявили свои жалобы на теперешнемъ судѣ. — «Вы жаловались, въ разговорѣ съ Залускимъ, на угнетеніе русиновъ? спрашивалъ предсѣдатель суда священника Наумовича. — Конечно, кто же не жалуется на это!» было отвѣтомъ обвиняемаго. Но жалуясь на притѣсненія, они въ то же время всегда оставались вѣрными подданными австрійскаго цезаря, что было неоднократно засвидѣтельствовано какъ властями имперіи, такъ и австрійско-нѣмецкою печатью, которая отнеслась къ польско-мадьярскимъ обвиненіямъ русиновъ въ измѣнѣ съ явнымъ недоверіемъ. Между тѣмъ, исторія не можетъ сказать, чтобы именно мадьяры и поляки, забившіе теперь тревогу объ измѣнѣ въ средѣ русскаго населенія Австріи, отличались особенно вѣр-

ОРИГИНАЛЪ

ноподданническими чувствами къ дому Габсбурговъ. Не комично ли звучитъ обвиненіе въ измѣнѣ, исходящее отъ такихъ обвинителей? Далѣе: галицкіе русскіе выражали свое недовольство не центральнымъ правительствомъ, у котораго, напротивъ, они всегда искали себѣ защиты, а мѣстнымъ, польскимъ, обращавшимся съ ними не какъ съ равноправными обитателями австрійскаго государства, а какъ съ національными врагами, сочувствующими ненавистной полякамъ Россіи. Да, они всегда сочувствовали Россіи, какъ странѣ единокровной, единойзычной и почти единовѣрной. Но развѣ сочувствіе своему племени, какое замѣчается, напримѣръ, у американскихъ или русскихъ нѣмцевъ въ Германіи, или у познанскихъ и галицкихъ поляковъ къ полякамъ Царства Польскаго, вмѣнялось имъ когда-нибудь въ преступленіе? Галицкіе русскіе входили въ литературное и религіозное общеніе съ лицами, живущими въ Россіи. Но развѣ русскіе поляки не поддерживаютъ самыхъ оживленныхъ литературныхъ и религіозныхъ сношеній съ своими соплеменниками въ Познань и Галицію? Развѣ наши балтійскіе нѣмцы не дѣлаютъ того же въ отношеніи къ нѣмцамъ метрополіи? Галицкіе русскіе высказывали иногда другъ другу устно или письменно свои мечты о будущемъ политическомъ соединеніи всѣхъ отраслей русскаго народа и даже всего славянскаго племени. Но развѣ поляки не думаютъ о соединеніи разорванныхъ исторіей частей своего племени во единое политическое тѣло и не мечтаютъ объ образованіи польскаго государства, которое бы простиралось «отъ моря до моря»? Развѣ австрійскіе и русскіе нѣмцы не признаютъ себя единымъ народомъ съ нѣмцами фатерланда и не вздыхаютъ о томъ, что они оторваны отъ великаго дерева объединенной теперь Германіи? Если же австрійцы не предають суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ ни нѣмцевъ, которые, начиная съ депутата Шёнера и кончая членами закрытой студентской читальни въ Вѣнѣ, мечтають о воссоединеніи съ Германіей, ни поляковъ, которые, заодно съ познанскими и русскими своими братьями, ждуть не дождутся возсозданія единой и нераздѣльной Польши; если мы также спокойно взираемъ и на невинныя балтійскія воздыханія объ единомъ фатерландѣ, и на грезы польскихъ патриотовъ, не могущихъ спокойно говорить о «проклятой Москвѣ» и не желающихъ разстаться съ надеждой на нашу гибель и на торжество

«еще не погибшей Польши», — то почему же такъ притязательны, по отношенію къ галицкимъ русскимъ, изъ которыхъ иные тоже мечтаютъ, господа поляки, купно съ господами мадьярами? Гдѣ же у галицкихъ, венгерскихъ и буковинскихъ русскихъ измѣна своему государству, если этой измѣны нѣтъ у позволяющихъ себѣ говорить, писать и мечтать гораздо больше, чѣмъ они, австрійскихъ нѣмцевъ и поляковъ? Въ чемъ же заключаются ихъ государственныя преступленія?

Преступленія ихъ заключались въ томъ, что они не шли на сдѣлки съ врагами русской народности, въ томъ, что они всегда оставались вѣрными австрійскому государству, не раздѣляя ни мадьярскихъ, ни польскихъ стремленій; наконецъ въ томъ, что гг. Добрянскій, Наумовичъ, Марковъ, Площанскій и ихъ товарищи—вожди своего народа, поддерживающіе въ немъ національное чувство и не позволяющіе ему забывать, что онъ—лишь малая отрасль великаго народа русскаго, живущаго самостоятельною государственною жизнью. Никакихъ дѣйствительныхъ государственныхъ преступленій, а тѣмъ болѣе такихъ, которыя называются измѣною государству, преданные львовскому суду русскіе не совершали. Ни личныя сношенія съ нашими литераторами и учеными, ни переписка съ представителями нашей славянофильской партіи, ни получение газетами субсидій отъ славянскихъ комитетовъ, невиннѣйшихъ и бесплнѣннѣйшихъ въ свѣтѣ политическихъ обществъ,—если ихъ можно возвести въ это званіе,—ничто подобное не подлежитъ суду, какъ политическое преступленіе, такъ какъ во всемъ этомъ нѣтъ никакого признака преступности, въ особенности, когда рѣчь идетъ о людяхъ, живущихъ въ конституціонномъ государствѣ, гдѣ политическая свобода предполагается обезпеченною. Нельзя считать политическимъ преступленіемъ и содѣйствіе галицкимъ крестьянамъ къ переходу въ православіе, т. е. къ принятію христіанскаго исповѣданія, признаннаго въ австро-венгерской монархіи закономъ, наравнѣ съ другими христіанскими исповѣданіями, и имѣющаго свою установленную закономъ іерархію, высшіе члены которой утверждаются императоромъ; нельзя и вовсе считать этого преступленіемъ въ странѣ, гдѣ существуетъ полная свобода вѣроисповѣданія. Стыдъ и срамъ польской администраціи въ Галиціи, что она позволила себѣ, въ своихъ обвиненіяхъ,

СНИЖЕНЫ ПЛАТЫ

увлечся до того, что поставила въ преступленіе пользованіе самымъ дорогимъ правомъ нашего времени, правомъ исповѣдывать Бога и молиться ему по внушенію совѣсти, и притомъ правомъ не только нравственнымъ, но и политическимъ, гарантированнымъ основными законами государства. Это ничѣмъ не оправдываемое гоненіе на людей за приверженность ихъ къ православному обряду, какъ и стремленіе, при помощи іезуитовъ, олатинить, по возможности, уніатское исповѣданіе противъ воли не только русскаго населенія и низшаго уніатскаго духовенства, но и высшей духовной власти въ странѣ,—показываютъ только, какъ мало сознаётъ свои историческія ошибки польская шляхта, какъ мало способна къ возрожденію шляхетская Польша, проникнутая насквозь іезуитскими стремленіями. Чтобы придать хотя тѣнь основательности обвиненію въ измѣнѣ представителей русскаго населенія Галиціи, обвинительный актъ указываетъ на найденный, въ письмѣ журналиста Маркова къ залѣщикскому священнику Книгиницкому, запросъ о существованіи или состояніи крѣпостныхъ сооружений въ Залѣщикахъ. Но видѣть въ этомъ запросѣ,—вызванномъ, по словамъ Маркова, слухами объ арестѣ тамъ какихъ-то шпионовъ,—намѣреніе сообщить свѣдѣнія о существующихъ въ Галиціи укрѣпленіяхъ русскому правительству было нелѣпо уже на томъ основаніи, что странно было бы предполагать у нашего главнаго штаба недостатокъ свѣдѣній о военномъ значеніи разныхъ пограничныхъ мѣстностей, особенно въ Галиціи, и желаніе заимствовать ихъ у некомпетентныхъ въ военномъ дѣлѣ журналистовъ. Къ тому же, лицо, къ которому адресовано было письмо, положительнымъ образомъ заявило на судѣ, что г. Марковъ, освѣдомляясь о существованіи укрѣпленій, не спрашивалъ никакихъ подробностей, не требовалъ описанія ни мѣстности, ни существующихъ тамъ подземныхъ ходовъ, ничего подобнаго, что могло бы подать поводъ къ мысли о любопытствѣ сколько-нибудь подозрительнаго характера.

Легко понять, какъ трудно было для обвинительной власти поддерживать на судѣ обвиненія, сплетенныя изъ племенной ненависти, злобы и подозрительности. Судебное слѣдствіе не могло привести или подтвердить ни одного факта, похожаго на измѣну государству: не могло выяснить ничего, кромѣ произвола поль-

силъ властей, систематическаго нарушенія ими тайны писемъ и безсовѣстной конфискаціи ихъ на почтѣ, кромѣ возмутительнаго политическаго гнета, какому подвержено русское населеніе въ Галиціи. Теперь вся Австрія, вся Европа знаетъ, какъ невыносимо тяжело положеніе русскаго населенія восточной Галиціи, какъ нагло попираются тамъ всѣ права, даже такія, которыя гарантированы основными законами государства, какъ, напри- мѣръ, свобода вѣроисповѣданія. Гоненіе на галицкихъ крестьянъ, заявившихъ желаніе перейти къ вѣрѣ отцовъ своихъ, было въ это время не единственнымъ религіознымъ гоненіемъ. Священникъ Наумовичъ заявилъ на судѣ, что сынъ его, докторъ Николай Наумовичъ, просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи единственно за переѣзду вѣроисповѣданія. Никто въ Западной Европѣ до этого процесса не повѣрилъ бы, что въ Галиціи до сихъ поръ считается политическимъ преступленіемъ употребленіе мѣстными русскими газетами оборотовъ рѣчи, свойственныхъ общему литературному русскому языку, что за употребленіемъ такого рода оборотовъ слѣдитъ полиція, и донесенія ея, къ этому вопросу относящіяся, принимаются къ свѣдѣнію прокуратурой и разсматриваются на судѣ, какъ бы нѣчто дѣйствительно преступное въ политическомъ смыслѣ, какъ это было въ засѣданіи 7-го іюля (н. ст.). И это въ государствѣ, гдѣ провозглашено равенство національностей, гдѣ въ принципѣ существуетъ свобода печати!

Мы пишемъ эти строки, когда еще процессъ не оконченъ, когда адвокаты еще не произнесли своихъ защитительныхъ рѣчей и присяжные не вынесли приговора. Но для насъ уже несомнѣнно, что процессъ этотъ долженъ быть признанъ крупною политическою ошибкой со стороны поляковъ, какъ несомнѣнно и то, что присяжные не могутъ произнести приговора обвинительнаго. Слѣдя за ходомъ суда изо дня въ день, преимущественно по отчетамъ вѣнской «Neue Freie Presse», мы не могли не видѣть, какъ во многихъ случаяхъ дѣйствовала на присяжныхъ и на публику неосновательность обвиненій и недобросовѣтность обвинителей, раскрываемыя не только разъясненіями подсудимыхъ, но и показаніями свидѣтелей. Присяжные неоднократно обращались къ обвиняемымъ или къ свидѣтелямъ съ вопросами, отвѣты на которые могли только

СВИДѢТЕЛЬСТВО

окончательно разъяснить дѣло въ пользу подсудимыхъ. Такъ, на-
 примѣръ, при разсмотрѣніи вопроса о вліяніи священника На-
 умовича на галицкихъ крестьянъ, по отношенію къ расположе-
 нію ихъ принять православіе, присяжный Майеръ обратился къ
 свидѣтелю Митрофановичу, православному священнику во Львовѣ,
 съ вопросомъ: «Не есть-ли царь—глава церкви, къ которой вы
 принадлежите?»— Церковь, къ которой я принадлежу, совер-
 шенно независима отъ русской; у насъ свои особыя синоды и
 свои духовныя власти—отвѣчалъ свидѣтель, снимая тѣмъ, въ гла-
 захъ присяжныхъ, главную вину съ обвиняемыхъ, которымъ об-
 винители приписывали цѣль политическую, измѣнническую.—«Су-
 ществуютъ-ли постановленія закона, признающія восточную цер-
 ковь, какъ одну изъ государственныхъ церквей въ Австріи?»—
 спрашивалъ присяжный, докторъ Готтлибъ, того же свидѣтеля.

— Да, отвѣчалъ послѣдній, наша церковь признана законами:
 наши церковныя капиталы даже состоятъ въ завѣдываніи прави-
 тельственныхъ чиновниковъ.—Эти элементарныя разъясненія,
 вызванныя присяжными, были чрезвычайно важны и произвели на
 нихъ, по замѣчанію газетъ, сильнѣйшее впечатлѣніе. То, въ
 чемъ обвинительная власть находила измѣну, оказалось, даже
 для наименѣ знакомыхъ съ дѣломъ людей, не только не преступ-
 нымъ, но и находящимъ себѣ защиту въ законахъ и учреж-
 деніяхъ. Подобнымъ же образомъ былъ разъясненъ для присяж-
 ныхъ, по желанію одного изъ нихъ (г. Рыльского), вопросъ о
 томъ, на сколько языкъ и литература русиновъ, по истори-
 ческимъ основаніямъ, ближе къ языку и литературѣ русскихъ,
 чѣмъ поляковъ. Разъясненіе, данное приглашеннымъ, въ каче-
 ствѣ свидѣтеля, основателемъ «Слова», г. Дѣдицкимъ, должно
 было показаться лицамъ, — которыхъ хотѣли заставить видѣть
 государственное преступленіе въ употребленіи русско-галицкими
 писателями оборотовъ общаго русскаго литературнаго языка,—
 тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что г. Дѣдицкій сослался въ своемъ
 мнѣніи на наиболѣе уважаемыхъ ученыхъ польской на-
 ціональности.

Когда обвинителямъ галицкихъ русскихъ въ измѣнѣ отечеству
 приходится прибѣгать къ такого рода обвиненіямъ, что, напри-
 мѣръ, обвиняемые въ своихъ газетныхъ статьяхъ прибѣгали къ подража-
 нію оборотамъ литературнаго русскаго языка, или видѣтъ анти-ав-

стрийскую демонстрацію въ помѣщеніи священникомъ Огоновскимъ, въ своей газетѣ «Родинный Листокъ», портрета и біографіи Тургенева,—то для всякаго, сколько нибудь одареннаго здравымъ смысломъ, человѣка становится яснымъ, что тутъ дѣло идетъ не о дѣйствительныхъ преступленіяхъ обвиняемыхъ, а лишь о національной злобѣ и ненависти обвинителей. Обвиненія, построенныя на такомъ зыбкомъ фундаментѣ, по неволѣ обличали себя нерѣдко такими нелѣпостями, что вызывали взрывы смѣха въ публикѣ, присутствовавшей при судебномъ разбирательствѣ. Судебные отчеты, печатавшіеся въ «Neue Freie Presse», испещрены замѣчаніями: «смѣхъ», «оживленный смѣхъ» и т. п. Такъ, напримѣръ, въ прочитанномъ на судѣ полицейскомъ донесеніи относительно редактора Трембицкаго значится, что хотя при обыскѣ у него не найдено никакихъ компрометирующихъ бумагъ, но все-таки власти думаютъ, что онъ посвятилъ себя съ юныхъ лѣтъ учительскому званію «единственно затѣмъ, чтобы тѣмъ легче прививать другимъ ненависть къ полякамъ и имѣть возможность дѣйствительнѣе вести агитацію противъ государственнаго порядка». Едва только публика, встрѣтившая чтеніе этого донесенія коломыйскаго окружнаго начальника взрывомъ смѣха, успокоилась, какъ предсѣдателемъ суда было прочтено донесеніе окружнаго станиславовскаго начальника о преступной дѣятельности редактора Ничая, которое также вызвало оживленный смѣхъ въ публикѣ. Донесеніе говорило, что у Ничая не найдено ничего предосудительнаго, но это объясняется, будто бы, тѣмъ, что онъ, въ «своихъ руссофильскихъ агитаціяхъ, дѣйствуетъ такъ искусно, что его трудно поймать». Не могла публика удержаться отъ смѣха и при чтеніи донесенія замборскаго окружнаго начальника о томъ, что Адольфъ Добрянскій, разговаривая въ вагонѣ желѣзной дороги съ капитаномъ Лозинскимъ, между прочимъ, обратился къ нему съ вопросомъ: какъ идутъ дѣла въ Босніи? Такой вопросъ—продолжаетъ донесеніе—«является подозрительнымъ, такъ какъ надворный совѣтникъ (Добрянскій), какъ русинъ, могъ выдать такія вещи (т. е. то, что получилъ въ отвѣтъ) Россіи».

Мы сказали, что обвиняемымъ нетрудно было состязаться съ подобными обвиненіями. И дѣйствительно, рѣчи, произне-

PUBLISHED BY THE

сенныя ими въ свою защиту, или данныя ими суду объясненія носить рѣшительно побѣдоносный характеръ. Обвиняемымъ не было нужды прибѣгать къ ораторскимъ приемамъ или къ юридическимъ изворотамъ, чтобы выставить на видъ всю гнусность грубаго и во всѣхъ своихъ частяхъ несостоятельнаго обвиненія. Имъ нечего было даже отказываться отъ того, что они имѣютъ расположеніе къ Россіи и русскому народу, съ которымъ они связаны единствомъ происхожденія, языка и племенныхъ интересовъ, чтобъ доказать правоту своего дѣла и защитить отъ подозрѣнія свои вѣрнопопданническія чувства по отношенію къ Австріи. За нѣкоторыми изъ нихъ, какъ за Адольфомъ Добрянскимъ, стоятъ многіе годы признанныхъ заслугъ своему государству; высоко-полезную дѣятельность для своей страны такихъ лицъ, какъ скалатскій священникъ Наумовичъ, должны были торжественно признать на судѣ даже враги русскаго имени въ Галиціи, польскіе помѣщики и католическіе патеры. Между тѣмъ, именно гг. А. Добрянскій и священникъ Н. Наумовичъ выставлены главными виновниками «заговора», направленнаго противъ цѣлости владѣній австрійской монархіи.

Что же говорили въ свою защиту эти «заговорщики», эти «измѣнники отечеству», которымъ судъ грозитъ смертною казнью?

Рѣчь А. Добрянскаго продолжалась три часа. Ему нужно было говорить больше всѣхъ, какъ потому, что онъ выставленъ въ обвинительномъ актѣ главою заговора, такъ и потому, что его обвиняли двѣ стороны: поляки и мадьяры. Трудно сказать, какія обвиненія дышали бѣльшею злобою, но главная часть рѣчи почтеннаго старца была направлена на опроверженіе обвиненій, присланныхъ суду г. Коломаномъ Тиссой, министромъ-президентомъ венгерскаго министерства. Шедшія съ этой стороны обвиненія были для него еще чувствительнѣе, чѣмъ тѣ, какими вооружилась противъ него польская злоба, такъ какъ онъ шлѣ отъ челоуѣка, связаннаго съ нимъ давними узами знакомства и обязаннаго благодарностью за оказанныя услуги.

Рѣчь свою обвиняемый началъ указаніемъ на свидѣтельство исторіи, что между народами, населяющими австрійскую монархію, издавна существовали такіе, которые причиняли государству опасности и затрудненія, и такіе, которые всегда оставались вѣрными императору и монархіи. Къ первымъ принадле-

ЗЕРКАЛО ПУБЛИЦИСТИКИ

жаты мадьяры и поляки, къ послѣднимъ—тирольцы и русскіе. Существовавшій издавна въ Австріи вопросъ о національностяхъ сдѣлался острымъ съ 1848 года. Особенно онъ выступилъ наружу въ Венгріи и Галиціи. Такъ началъ г. Добрянскій свою защиту, но, прерываемый и стѣсняемый предсѣдателемъ въ развитіи общей точки зрѣнія на борьбу національностей, онъ долженъ былъ ограничиться направленными лично противъ него обвиненіями, и старался, при общемъ напряженномъ состояніи судей, присяжныхъ и публики, доказать, до какой степени эти обвиненія невѣрны, противорѣчивы и странны. Несообразность ихъ доходитъ до того, что въ письмахъ его, конфискованныхъ при обыскѣ, находятъ притворную австрийско-патріотическую тенденцію. Обвиняемый обращается въ прокурору съ вопросомъ: не думаетъ-ли онъ, что эти частныя письма были писаны имъ прямо въ расчетъ на ихъ конфискацію? Ораторъ смѣется надъ обвиненіемъ его въ шпіонствѣ относительно Зальцбургской крѣпости, говоря, что странно было бы сообщать чужой державѣ свѣдѣнія о крѣпости, не имѣющей ни фортовъ, ни укрѣпленій; говоритъ объ уни, что ей не сочувствовали даже сами галицкіе епископы, отрицаетъ вѣрность указанія обвинительнаго акта, будто г. Побѣдоносцевъ посвятилъ ему какое-то сочиненіе, равно какъ и указанія на сотрудничество его сына, Мѣрослава, въ панславистическихъ газетахъ; говоритъ, что поѣздка священника Наумовича въ Россію не служила для него поводомъ къ оживленной перепискѣ. Затѣмъ онъ обращается къ показаніямъ, присланнымъ суду г. Коломаномъ Тиссой, который посягаетъ на его честь и даетъ совершенно ложныя свѣдѣнія о его личныхъ дѣлахъ. Глава венгерскаго министерства обвиняетъ его, между прочимъ, и въ томъ, что будто онъ тайкомъ уѣхалъ въ 1875 году въ Россію, тогда какъ онъ отправился туда съ паспортомъ, выданнымъ ему венгерскими властями; обвиняетъ и въ томъ, будто онъ, Добрянскій, нарочно выучился русскому языку, тогда какъ онъ выучился мадьярскому, французскому, а русскій языкъ всосалъ въ себя съ молокомъ матери. Г. Тисса ставитъ ему въ вину то, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ русскими войсками во время ихъ пребыванія въ Венгріи. Но, при появленіи въ Венгріи русскаго войска, тамъ было двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала восстановле-

PUBLISHED BY THE

нія порядка и была дружественно расположена къ русскимъ, явившимся на защиту австрійской монархіи, а другая, предводительствуемая Кошутомъ, стремилась къ испроверженію монархіи и русскихъ ненавидѣла: онъ, обвиняемый, принадлежалъ къ первой партіи, а нынѣшній глава венгерскаго министерства старается себя выставить приверженцемъ послѣдней. Замѣчательно, однако, что къ русской партіи принадлежалъ и отецъ г. Коломана Тиссы. Для Венгріи было счастье, что тогда существовала расположенная къ Россіи партія. Не приди русскія войска своевременно, теперь не существовало бы уже никакой Венгріи. Странно упрекать его за то, что онъ велъ себя съ тактомъ по отношенію къ русскимъ войскамъ, и за полученіе русскихъ орденовъ. Обвиненіе, что онъ получилъ отъ Россіи деньги, на которыя будто бы и купилъ свое имѣніе, лишено всякаго основанія. Мадьяры ненавидятъ его, особенно за то, что при сдачѣ венгерскихъ плѣнныхъ при Вилагошѣ, онъ присутствовалъ, какъ единственный представитель Австріи. Г. Тисса, который во время оно не разъ обращался къ нему по своимъ личнымъ дѣламъ, не то сталъ бы говорить, еслибъ явился сюда лично. Во всякомъ случаѣ, онъ, обвиняемый, ненавидимый мадьярами, велъ себя всегда и вездѣ, какъ истый австрійскій патриотъ. Рѣчь его, произнесенная въ 1861 году въ венгерскомъ сеймѣ, не была обнародована, потому что онъ выступилъ, какъ вѣрноподанный императора, а не потому, что она была въ панславистическомъ и измѣнническомъ духѣ. Правда, онъ остался вѣренъ своей національности и религіи, но для этого не нужно было ему перестать быть добрымъ гражданиномъ своего государства. Обвинительная записка г. Тиссы исполнена такихъ противорѣчій, что онъ имѣетъ полное право воскликнуть: *difficile est satiram non scribere*.

Прокуратура—продолжалъ обвиняемый, — находитъ возможность обвинять его въ сношеніяхъ съ русскимъ протоіереемъ Раевскимъ; она обвиняетъ его и въ томъ, что онъ дѣлалъ во Львовѣ визиты, украшенный орденами, какъ будто въ этомъ есть что-нибудь преступное, обвиняетъ въ агитациі въ пользу единства литературнаго языка, какъ будто въ другихъ странахъ не стремятся къ тому-же. Обвинительный актъ называетъ его руссофиломъ: «это названіе—говоритъ г. Добрянскій—я принимаю безъ

ЗАПИСКИ ИСТОРИКА

протеста; каждый полякъ, въ свою очередь, полонофилъ. Я много обязанъ Россіи: тамъ живутъ мои дѣти и внуки. Не смотря на это, я состою и останусь вѣрнымъ австрійскимъ гражданиномъ и горячимъ патриотомъ, любящимъ свою родину. Но странно, какимъ образомъ насъ могутъ обвинять въ руссофильствѣ: это, вѣдь, дѣло чувства, а за чувства нельзя привлекать къ ответственности. Я уже потому такъ расположенъ къ Россіи, что вижу въ союзѣ между Австріей и Россіей чрезвычайную выгоду для Австріи, и моя дружба къ Россіи соединена съ любовью къ моему отечеству. Я славянофилъ, и считаю для себя великою честью мое участіе въ основаніи истинно-славянскаго клуба, вѣнской «Славянской Бесѣды», членомъ которой я состою и до сихъ поръ... Князь Чарторижскій и художникъ Гроттгеръ были также членами этого клуба, хотя они оба поляки».

Продолжая свою рѣчь въ томъ же тонѣ, г. Добрянскій говоритъ: «наши законы обезпечиваютъ намъ полную свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, и никто не имѣетъ права наряжать слѣдствіе по тому поводу, что отдѣльныя личности или цѣлыя общины переходятъ въ лоно другой церкви. Религія у насъ дѣло совѣсти, и никто не можетъ вмѣшиваться въ такія дѣла. Еслибъ я даже совѣтовалъ гниличскимъ крестьянамъ принять православіе, то и въ этомъ не было бы ничего противозаконнаго, такъ какъ само дѣйствіе вполне законно. Я не чувствую за собой никакой вины, и если меня осудятъ за то, что я пользовался правами, обезпеченными нашими государственными законами, то во всей Австріи раздастся крикъ негодованія, и наше отечество будетъ дискредитовано у другихъ народовъ: мы живемъ, вѣдь, въ правовомъ государствѣ».

Такъ отвѣчало на обвиненія въ государственной измѣнѣ лицо, признанное главнымъ руководителемъ мнимаго заговора. Г. Добрянскій говорилъ, какъ человекъ, который умѣетъ за себя постоять и не боится никакихъ клеветъ и придирчивыхъ обвиненій. Онъ считаетъ своимъ правомъ и даже вмѣняетъ себѣ въ честь именно то, на чемъ его враги хотѣли построить злостное обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Онъ руссофилъ и славянофилъ. Пусть осудятъ его за эти чувства, если достанетъ смѣлости осудить человека, не сдѣлавшаго ничего противозаконнаго.—Въ такомъ же родѣ говорили и другіе главные обвиняемые.

«Я славянинъ раг excellence, говорилъ на судѣ священникъ Наумовичъ. Мнѣ мило и дорого все славянское. Я люблю Шевченко, Пушкина, Мицкевича, Каченовскаго; я люблю все славянское, какъ тиролецъ любить все нѣмецкое. Но мои чувства находятся въ границахъ Австріи, которую я считаю призванною образовать вторую Швейцарію, въ которой всѣ народности соединены и работаютъ на пользу своей родины. Я присутствовалъ на пражскомъ славянскомъ конгрессѣ, я состою въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ славянскимъ міромъ, и не могу понять, какимъ образомъ поляки могутъ отрицать свой славянскій характеръ: это меня печалитъ и возмущаетъ... Надежды мои еще не пропали. Я надѣюсь, что наступятъ лучшія времена. Я поляковъ вообще не презираю, а только тѣхъ, которые насъ угнетаютъ. Можетъ быть, новая истинно-либеральная партія, основателемъ которой является почтеннѣйшій докторъ Фишгофъ, внесетъ новую жизнь, новые принципы въ наше государственное управленіе, и поляки одумаются. Мое послѣднее слово: я славянофилъ, но австрійскій славянофилъ».

«Я и впредь буду писать—говорилъ на судѣ журналистъ Марковъ—въ такомъ же духѣ и буду отстаивать интересы моего народа, если даже мнѣ будетъ угрожать висѣлица... Всѣ народности терпѣли гоненія. Раньше терпѣли поляки и мадьяры, теперь очередь за нами. Но тѣ, которыхъ раньше обвиняли въ государственной измѣнѣ, сидятъ теперь въ кабинетѣ министровъ!...»

На этомъ мы и останавливаемся, не имѣя въ виду передавать всѣ подробности процесса, впрочемъ, далеко еще не конченнаго (мы пишемъ эти строки 4-го іюля). Намѣреніе наше было лишь сообщить читателю нѣсколько данныхъ, способствующихъ правильному пониманію дѣла, послѣдствія котораго могутъ быть очень важными для хода нашей ближайшей исторіи. А пока мы позволяемъ себѣ надѣяться, что безразсудно начатый процессъ кончится полнымъ оправданіемъ подсудимыхъ, и что львовскій судъ не навлечетъ на польскую націю позора, который легъ бы тяжело на ея судьбу, не доставивъ ей вѣсть съ тѣмъ никакаго торжества, даже кратковременнаго.

В. Модестовъ.

ДИПЛОМАТІЯ И ЛЮБОВЬ.

Романъ Іоганна фонъ-Деваля.

ХУ.

Тайный совѣтникъ Бессингъ, идя по площади, былъ совершенно поглощенъ мыслью о Валеріи. Сердце его сильно билось, когда онъ перебиралъ, что ему въ ней нравилось и что не нравилось. Онъ почти прошелъ уже всю площадь, какъ вспомнилъ, что ему надо зайти къ придворному парикмахеру, вовсе не для того, чтобы познакомиться съ его хорошенькой дочерью, а для того, чтобы постричься и сдѣлать кое-какія покупки. Онъ свернулъ съ площади въ узенькій переулокъ, гдѣ ему встрѣтился офицеръ, занявшій своей, закутанной въ шинель, фигурой почти всю улицу. Бессингъ, какъ человекъ благоразумный, отодвинулся къ сторонкѣ, — и мимо него, не поклонившись, прошелъ плацъ-маіоръ фонъ-Ротвейль. Съ улыбкой вспомнилъ онъ, что Санновъ рассказывалъ ему о несчастной любви плацъ-маіора къ рыжей Сеппи, и пошелъ дальше.

Когда Бессингъ вошелъ въ мясной магазинъ любимца герцога, изъ-за конторки поднялась женщина, предварительно повзвонивъ, и сказала вышедшему изъ сосѣдней комнаты ливрейному лакею:

— Францъ, снимите пальто съ господина тайнаго совѣтника.

Бессингъ вѣжливо раскланялся съ Сеппи, которая, улыбаясь, ждала, пока Францъ снималъ пальто. Сеппи стояла за конторкой въ черномъ модномъ платьѣ, съ розою у вырѣзнаго лифа и съ нѣсколько наудренными волосами, что придавало ей особенно пикантный видъ, вслѣдствіе чего она непременно должна была

производить впечатлѣніе на мужчинъ съ нѣжнымъ сердцемъ. Бессингъ никакъ не думалъ, что дочь Жана Бюкопфа такъ хороша, и что вблизи она гораздо лучше, чѣмъ издали. Онъ не замѣтилъ, что она покраснѣла и обрадовалась его посѣщенію.

— Прошу васъ погодить съ минуту, тамъ сейчасъ освободится мѣсто, заговорила Сеппи, очаровательно улыбаясь и опершись своими прелестными пухлыми ручками о прилавокъ.

Бессингъ не удивился, что его знаютъ, но посмотрѣлъ еще разъ на прелестную дѣвушку и, не сядя на стулъ, подставленный ему Францомъ, сказалъ, нѣсколько смущаясь отъ зоркихъ взглядовъ Сеппи:

— Это время, фрейленъ, я могу употребить на то, чтобы купить, что мнѣ надо.

— Чѣмъ могу служить, господинъ посланникъ? спросила Сеппи съ заискивающей любезностью, на которую однакоже Бессингъ не обратилъ должнаго вниманія.

— Я попрошу у васъ мыла и головную щетку.

Дѣвушка обернулась, съ минуту обдумывала, какой ящикъ ей слѣдовало выдвинуть, и затѣмъ поставила предъ Бессингомъ картонъ.

— Тутъ вы найдете то, что вамъ надо... Понравилась-ли вамъ вчерашняя опера? спросила Сеппи.

Бессингъ нѣсколько удивился такой безцеремонности. Онъ былъ человѣкъ серьезный, и, кромѣ того, въ этотъ день нѣсколько разстроены; но, вспомнивъ о совѣтѣ Саннова, отвѣчалъ гораздо любезнѣе, чѣмъ желалъ.

— Очень. Фрейленъ Берингеръ была вчера особенно въ голосѣ.

— Я страстно люблю театръ.

— И, кажется, не пропускаете ни одного представленія?

Сеппи покраснѣла отъ удовольствія.

— Вы очень любезны, что замѣчаете такую незначительную особу, какъ я, отвѣтила она и скромно опустила глаза.

Бессинга начинала забавлять задорная дѣвушка, или, можетъ быть, самолюбіе его было нѣсколько польщено, только онъ, не смотря на всю свою серьезность, опустился на кресло и сталъ

поддерживать разговоръ, въ которомъ дѣвушка дѣйствительно выказала и остроуміе, и наблюдательность. Въ это время, изъ парикмахерской выходили мужчины, и съ улицы приходили тоже, и всё считали долгомъ поговорить съ дѣвушкой, которая однакоже сегодня мало обращала на нихъ вниманія.

Минуть черезъ десять, Бессингъ всталъ, любезно простился и ушелъ въ сосѣднюю комнату, чтобы отдать себя въ руки самого Бюкопфа, тоже выразившаго удовольствіе при видѣ посланника, котораго онъ, не смотря на возраженія Бессинга, постоянно называлъ «превосходительствомъ».

По выходѣ изъ парикмахерской въ магазинъ, онъ получилъ отъ Сеппи свертокъ со своими покупками и, развертывая его дома, въ немалому своему удивленію, увидалъ голубую шелковую подушечку съ вышитыми цвѣтами, которую онъ вовсе не покупалъ. Улыбаясь, отложилъ онъ въ сторону подарокъ и, взглянувъ на цвѣты, невольно сталъ думать о Валеріи. Нѣкогда такъ горячо любимая дѣвушка, точно живая, стояла передъ нимъ съ своимъ правильнымъ лицомъ и бѣлокурыми, пепельнаго цвѣта, волосами. Онъ такъ задумался о прошедшемъ, припоминая каждое ея слово, что забылъ объ обѣдѣ, и только вошедшій лакей напомнилъ ему о томъ.

Французскій посланникъ, такъ же, какъ австрійскій и прусскій, былъ человекъ холостой, и потому они всё трое обѣдали въ гостинницѣ «Лебедь».

Французскій посланникъ былъ очень знающій человекъ, бредилъ искусствомъ и музыкой, и жилъ преимущественно въ кругу артистовъ. Онъ былъ особенно любимъ при дворѣ и, въ особенности, принцессой Агнесой, но не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на сплетни, и потому не пользовался особенной милостью графини Феличиты.

Графъ же Зальцка былъ истымъ, горячимъ мадяромъ, со всеми недостатками и всеми достоинствами своего племени: онъ былъ вспыльчивъ, чистосердеченъ, великодушенъ. Одаренный прекрасной наружностью, онъ любилъ пожить, и не очень разбиралъ средства для удовлетворенія своихъ прихотей. Онъ былъ положительнымъ

ДИПЛОМАТІЯ И ЛЮБОВЬ

фаворитомъ двора, и всѣ дамы точно сговорились, чтобы совсѣмъ вскружить ему голову. Вслѣдствіе этого, молодой человѣкъ бывалъ иногда заносчивъ и воображалъ, что весь свѣтъ къ его услугамъ, но, въ сущности, былъ человѣкъ дѣйствительно хорошій, и потому, не смотря на политическое соперничество, сошелся съ Бессингомъ такъ близко, что возбуждалъ этимъ неудовольствіе придворной троицы.

Его, конечно, предостерегали противъ Бессинга, какъ противъ шпиона Бисмарка, но великодушный австрійскій посланникъ былъ убѣжденъ, что человѣкъ всегда имѣетъ перевѣсъ надъ дипломатомъ, и нерѣдко доходилъ до того, что подсмѣивался надъ своимъ же правительствомъ.

Оберштадмейстеръ фонъ-Барденштейнъ, въ свободные дни, тоже обѣдалъ въ «Лебедѣ», для того чтобы съ извѣстной цѣлью слушать, что говорятъ посланники. Когда же онъ отсутствовалъ, то слушалъ за него старшій лакей. Графъ Зальцка открылъ это и рассказалъ своимъ собесѣдникамъ, вслѣдствіе чего они были очень осторожны въ присутствіи этихъ двухъ особъ. Зальцка никакъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщать, съ самымъ невиннымъ видомъ, въ присутствіи того или другаго, какую-нибудь болѣе или менѣе невѣроятную новость, и затѣмъ радовался и забавлялся, узнавая, что новость эта уже сообщена двору.

— А вы опоздали! вскричалъ графъ Балабрегъ, любезно здороваясь съ Бессингомъ, извѣстнымъ своей акуратностью.

— Я готовъ внести штрафъ! отвѣчалъ Бессингъ, — и поставить бутылку шампанскаго, которую мы разопьемъ за здоровье одной молодой особы, съ которой я имѣлъ честь сегодня познакомиться.

Оберштадмейстеръ пристально посмотрѣлъ на Бессинга и сказалъ:

— Ага! сегодня въ первомъ часу вы были у Жана Кюбофа и стриглись!

Бессингъ и другіе присутствующіе съ удивленіемъ посмотрѣли на оберштадмейстера. Графъ Зальцка, съ насмѣшливымъ добродушіемъ, обратился къ Бессингу.

— Какъ видите, милѣйшій тайный совѣтникъ, въ здѣшней прож... дырѣ ничего скрыть нельзя! Но, пожалуйста, вы не очень отбивайте у меня Сеппи... я и безъ того не знаю, какъ отвлечь отъ васъ дѣвушку.

Лицо обершталмейстера приняло багровый оттѣнокъ.

— Да, вы правы, графъ, отвѣчалъ Бессингъ;—въ здѣшнемъ маленькомъ городишкѣ можно, не выходя на улицу, узнать всѣ новости въ свѣтѣ.

Бессингъ въ тотъ же день написалъ въ Берлинъ обо всемъ случившемся на новый годъ, но написалъ просто, безъ всякой ироніи, а чрезъ нѣсколько дней получилъ изъ Берлина бумагу съ совѣтомъ хорошенько запирать свои замки и присматривать за своей прислугой. Въ конвертѣ была вложена копія съ его замѣтокъ, по которымъ онъ составлялъ отчетъ. Вслѣдствіе этого, онъ тотчасъ же отказалъ своей прислугѣ и выписалъ новую изъ Берлина.

— Точно, графъ правъ, что это проклятая дыра.

XVI.

6-го января, въ крещеніе, въ X. обыкновенно давался первый маскарадъ въ театрѣ. Приготовленія къ этому маскараду заставили дамъ забыть даже о происшествіяхъ новаго года. Появленіе сѣрой принцессы занимало только капитана фонъ-Ротвейля, принцессу Агнесу и ея прелестную фрейлину, Елену фонъ-Рошъ.

Фонъ-Ротвейль еще болѣе попалъ въ милость: онъ производилъ неустанно дальнѣйшее слѣдствіе, и принесъ герцогу вещественное доказательство, найденное имъ на лѣстницѣ: жемчужную булаву.

Эти крещенскіе маскарады носили на себѣ патриархальный характеръ, такъ какъ на нихъ нѣсколько забывались мѣстныя каталскія церемоніи, и ихъ посѣщали дворъ, полгорода и въ особенности богатые бюргеры.

Бессингъ вначалѣ не хотѣлъ быть на этомъ балу, такъ какъ мысли его слишкомъ были заняты Валеріей, и ему вовсе не хотѣлось веселиться; но Санновъ до того уговаривалъ его, что

PUBLISHED BY THE AUTHOR

онъ наконецъ послалъ за маской и домино. На рѣшеніе его повлияла, можетъ быть, еще и другая причина: онъ получилъ массу раздушенныхъ записочекъ съ просьбою быть непременно въ маскарадѣ.

Серьезный дипломатъ былъ сильно заинтересованъ такимъ вниманіемъ прекраснаго поа. Кто бы могъ такъ интересоваться имъ? Можетъ быть, рыжая Сеппи? (Онъ улыбнулся). Но вѣдь не могла же она написать всѣ эти письма. Кто же еще?

Онъ рѣшился наконецъ отправиться на балъ и не надѣвать никакого значка. Въ душѣ ему, можетъ быть, очень хотѣлось испытать какое нибудь привлеченіе, которое могло бы служить развлеченіемъ при невыносимомъ однообразіи его жизни въ X. Но болѣе всего ему хотѣлось встрѣтить на балѣ особу, заставлявшую биться его сердце, — встрѣтить Валерію.

Утромъ, 6-го числа, Бессингъ получилъ по почтѣ маленькій свертокъ и записку незнакомаго почерка. Въ бумагѣ былъ завернутъ небольшой букетъ прелестныхъ пармскихъ фіалокъ и записка, написанная на полулисточкѣ почтовой бумаги, съ обрѣзаннымъ угломъ, на которомъ было или имя, или гербъ. Написано было слѣдующее:

«Если сегодня вечеромъ ты будешь съ этими фіалками, то я сообщу тебѣ важную тайну. Остаюсь конфиденціально
Дамой съ фіалками».

Бессингъ посмотрѣлъ на цвѣты и на записку, покочалъ головой, прочелъ еще разъ и отложилъ все въ сторону.

— Странно. Мнѣ никакъ не приходило въ голову, чтобы здѣсь такъ мною занимались, прошепталъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, хоть все это и шутки, но не мѣшаетъ быть осторожнымъ!

Онъ принялся читать газеты, но бросилъ, и еще разъ прочелъ записку.

— Въ моемъ будущемъ отчетѣ, конечно, я не упомяну объ этомъ, улыбаясь, подумалъ Бессингъ. — Санновъ говорилъ мнѣ, что эта Сеппи большая озорница, и она вѣрно выкидываетъ эти штуки.

Въ девять часовъ, предметъ всѣхъ этихъ интригъ стоялъ въ

СТАВЛЯЮЩИЙСЯ

черномъ фракѣ и шелковомъ домино, и ждалъ доцента Саннова, чтобы ѣхать съ нимъ въ маскарадъ.

— Здѣсь такое обыкновеніе, говорилъ ему Санновъ, услышавъ отъ Бессинга о фіалкахъ:—дѣвушки любятъ подтрунивать. Ты, милый Гуго, красивый мужчина и, кромѣ того, хорошая партія!

— Ты шутишь!

— Нимало!.. Но я не хочу конфузить тебя. Да, встаети, и невѣста моя Эрнестина тоже будетъ тамъ, въ розовомъ домино, такъ какъ она считаетъ, что невѣстѣ неприлично надѣть чтонибудь черное.

— Ну такъ, съ твоего позволенія, я буду ходить съ твоими будущими родственниками; вообще я боюсь, что соскучусь. Признаюсь, много лѣтъ не былъ я въ маскарадѣ.

— Напрасно боишься, не соскучишься, объ этомъ позаботятся тѣ, кто писалъ тебѣ записочки.

Хотя для посланниковъ и двора была отведена большая герцогская ложа и фойе, но Бессингъ предпочелъ остаться внизу съ будущей тещей Саннова. Не успѣли они войти въ залъ, какъ на рукѣ Бессинга повисла маленькая маска, и пальцемъ написала ему на ладони Б. Бессингъ съ удивленіемъ и досадою пристально посмотрѣлъ на нее.

— Почему вы меня знаете? спросилъ онъ, не соображая, что выдалъ себя. Онъ былъ совсѣмъ неопытный человекъ въ дѣлахъ маскарадныхъ интригъ.

— Зачѣмъ не надѣлъ ты пунцоваго банта? вмѣсто отвѣта спросила незнакомка.—Развѣ ты не получилъ моего письма?

— Онъ получилъ столько писемъ, что, исполняя требованіе писавшихъ, долженъ бы былъ облачиться во всѣ цвѣта радуги, отвѣчалъ за него Санновъ.

— Не знаешь-ли ты, кто эта маска? обратился Санновъ къ своей невѣстѣ.

— А! это ты, ученый Санновъ, скромный племянникъ ректора Магнификауса и женихъ моей подруги Эрнестины? Здравствуй, прелестная маска... Ты отъ своей учености порядочно потолстѣлъ въ Гейдельбергѣ, проговорила юркая маленькая маска.

АДМИНИСТРАЦИЯ

Въ это время оркестръ заигралъ тушь, и всѣ взоры обратились на герцогскую ложу, куда вошелъ герцогъ съ своей фамиліей. Герцогъ былъ въ полной парадной формѣ, а княгиня безъ маски и въ коротенькой шелковой пелеринѣ, весь же дворъ былъ замаскированъ.

Принца Александра, являвшагося обыкновенно въ мундирѣ, на этотъ разъ не было, или онъ, можетъ статься, былъ, но тоже замаскированный.

Герцогъ поклонился во всѣ стороны; всѣ встали, отвѣчая на поклонъ его, и затѣмъ оркестръ заигралъ «польскій»; весь дворъ спустился внизъ и принялъ участіе въ танцѣ. Не успѣлъ Бессингъ предложить руки своей дамѣ, какъ маленькая маска увлекла его къ танцующимъ.

Во время перемѣны дамъ, Бессингъ былъ взятъ подъ руку другой маской, которой темные глаза какъ-то особенно пристально смотрѣли на него.

У дамы были свѣтло-рыжіе волосы, и къ груди приколотъ букетъ пармскихъ фіалокъ... Бессингъ улыбнулся, на этотъ разъ онъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Съ нимъ шла Жозефина Кюкопфъ, и фіалки, приколотыя у него подъ домино, были слѣдовательно присланы ею... Онъ улыбнулся и обрадовался, что наконецъ нашелъ знакомую.

— Съ вашей стороны, фрейленъ Жозефина, было очень любезно прислать мнѣ такой же букетикъ, какой приколотъ у васъ, проговорилъ онъ.

Маска нѣсколько вздрогнула и глаза ея сверкнули; маленькая ручка, лежавшая на его рукѣ, стала гораздо легче, точно приготовилась выскользнуть.

— Вы ошибаетесь, сударь, отвѣтила маска.

Бессингъ находилъ совершенно естественнымъ, что Сеппи отпиралась, и поэтому продолжалъ въ прежнемъ тонѣ.

— Я хочу обвинить васъ еще въ томъ, что вчера вы приложили къ моимъ покупкамъ хорошенькую голубую подушечку, а вотъ сегодня опять прислали мнѣ въ подарокъ букетъ.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

Рука стала опираться сильнее, и маска ближе придвинулась къ нему.

— Я очень интересуюсь обѣщанной тайной, фрейленъ Сеппи, продолжалъ Бессингъ, очень довольный тѣмъ, что молодая дѣвушка, повидимому, отказалась отъ намѣренія остаться неузнаваемой. — Кажется, на свѣтѣ нѣтъ города, больше набитаго тайнами, какъ Х. Здѣсь я блуждаю впотьмахъ. Съ вашей стороны было бы очень гуманно освѣтить мнѣ нѣсколько путь.

— Надо еще узнать, стоите-ли вы такого довѣрія, отвѣчала маска, очевидно измѣняя голосъ. — Если я не ошибаюсь, то вы — Герръ фонъ-Бессингъ.

Последнія слова были произнесены почти шепотомъ.

— Да, я Бессингъ, вотъ и знакъ моего достоинства.

Онъ приподнялъ свое домино и показалъ букетъ фіалокъ.

— Я имѣю вамъ передать кое-что, продолжала незнакома тихимъ, измѣненнымъ голосомъ. — Но польскій утомилъ меня... если вы согласны, то уйдемте изъ толпы.

«Какъ она умѣетъ притворяться! но ея вѣнское нарѣчіе выдастъ ее, думалъ Бессингъ, отходя отъ толпы. — Чтѣ хочетъ она мнѣ сказать?»

Онъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ на свою даму, которая была одѣта просто, но изящно.

— Кажется, вы очень интересуетесь извѣстной Сеппи? спросила его маска, быстро поднимая на него глаза и махая вѣеромъ.

— Я всегда любезенъ съ тѣми, кто любезенъ со мной, фрейленъ Жозефина, отвѣчалъ Бессингъ, кланаясь. — Вы знаете поговорку...

— Вы выражаетесь совершенно дипломатически, перебила его маска.

— Да, фрейленъ Сеппи: — то есть, я говорю прямо и правильно, какъ считаю нужнымъ говорить. Представитель моей родины есть олицетвореніе правды, а съ правдой человекъ вездѣ выиграетъ и останется честнымъ человекомъ.

Маска улыбнулась.

МАШИНА ПИСЬМА

— Но правду не всё любятъ, возразилъ онъ;—и здѣсь, какъ мнѣ кажется, она не пользуется большимъ уваженіемъ.

— Бѣ сожалѣнію! Но если вамъ угодно, то мы оба останемся ей вѣрны.

— Извольте. Когда же я узнаю тайну!

— А!.. Вы часто смотрите ко мнѣ въ ложу.

— Говоря по правдѣ, очень рѣдко...

— Отчего же вы не смотрите чаще? это мнѣ очень неприятно, я могу за это разсердиться!

— Опять таки, по правдѣ сказать, потому что я не нахожу этого приличнымъ.

— Но развѣ вы не можете, какъ другіе, сдѣлать мнѣ какойнибудь знакъ?

Бессингъ нѣсколько нахмурился.

— Вы удивляете меня, холодно отвѣчалъ онъ.

— Отчего? Неужели вы такой щепетильный?

— Хотя я имѣлъ счастье встрѣтить васъ только разъ, и то мимолетно, и такъ сказать по дѣламъ, но мнѣ говорили...

— Что же вы не продолжаете?.. Прошу васъ, не выбирайте непременно изысканныхъ выраженій, вѣдь я просто пошутила.

— Тѣмъ лучше, фрейленъ Жозефина.

— Не думайте обо мнѣ дурно. Что же касается до тайны... Но вотъ танецъ кончился и меня могутъ хватиться, поэтому я попрошу васъ, мейнъ герръ, немножко потерпѣть... Потому я, конечно, найду случай... А теперь до свиданія!

Она высвободила руку и быстро исчезла въ толпѣ.

— Шутка... и больше ничего! прошепталъ Бессингъ, глядя ей вслѣдъ.

XVII.

По окончаніи «польскаго», дворъ удалился въ большую ложу и въ фойе. Герцогиня, нѣсколько утомленная, сѣла въ глубинѣ ложи, въ то время какъ герцогъ смотрѣлъ на публику и забавлялся. Многіе изъ придворныхъ сняли маски. Графиня Вольфскелентъ, одѣтая придворной дамой временъ Людовика XIV, не отличалась при-

влекательностью въ высокой прическѣ съ пудрой и въ длинномъ глубоковырѣзанномъ корсажѣ. Обѣ принцессы были въ розовыхъ домино. Принцесса Агнеса казалась все еще несовсѣмъ здоровой, но зато младшая сестра ея блистала свѣжестью и красотой, какъ и фрейленъ Рошъ, одѣтая венеціанкой и живо, шопотомъ, разговаривавшая съ графомъ Зальцка, который былъ одѣтъ цыганомъ.

Въ углу фойе, сидѣли съ чашками чая въ рукахъ баронъ Гримменштейнъ, графъ Балабрегъ, фонъ-Вальвицъ и нѣсколь-ко придворныхъ, въ то время какъ неподалеку отъ нихъ фонъ-Ротвейль, одѣтый туркомъ, и гофмаршалъ фонъ-Гесницъ, въ костюмѣ царедворца восемнадцатаго столѣтія, тихо и съ дѣловымъ видомъ разговаривали другъ съ другомъ.

Когда Бессингъ вошелъ съ маскою въ рукѣ, чтобы раскланяться съ ихъ высочествами, оба они, точно по уговору, замолчали и обмѣнялись многозначительными взорами, въ то время какъ графъ Балабрегъ издалъ рукой привѣтствовалъ своего коллегу, а баронъ дружески кивалъ ему.

— Добро пожаловать, серьезный другъ, къ намъ, шалопаямъ, весело вскричалъ графъ, пожимая ему руку. Бессингъ улыбнулся на это привѣтствіе и тѣмъ скрылъ, какъ ему непріятно исполнять при дворѣ свои обязанности. Вообще человѣку честному и прямому не легко являться въ общество тайныхъ враговъ.

— Если я не ошибаюсь, то я видѣлъ васъ въ толпѣ съ какой-то очаровательной сифидой подъ руку, добродушно подшучивая, сказалъ ему графъ Балабрегъ. Юность пользуется массою привилегій, недоступныхъ потомъ съ годами.

— Тѣмъ любезнѣе со стороны юности, что она ради насъ забываетъ объ этихъ привилегіяхъ. Впрочемъ, вамъ слѣдовало прійти сюда. Графиня Феличита горитъ желаніемъ выслушать ваши вос-торги, шепнулъ Бессингу баронъ.

— Или желаніемъ сказать мнѣ какую нибудь любезность, отвѣчалъ тотъ. Вслѣдствіе этого, я намѣренъ тотчасъ же направиться къ ней.

— Отлично, другъ мой. Смѣлость города брать.

Баронъ прошелъ съ посланникомъ до дверей ложи.

ДЛЯ ПЕЧАТЯ

— По окончаніи этой пріятной обязанности, вы, я надѣюсь, снова явитесь къ намъ?

Бессингъ поклонился и осторожно пробрался между придворными и между дамскими шлейфами къ герцогу. Тамъ онъ остановился, дожидаясь, чтобы герцогъ замѣтилъ его и заговорилъ съ нимъ. Онъ былъ замѣченъ, такъ какъ графиня Вольфскеленъ съ насмѣшкой тотчасъ же указала на него герцогу, но затѣмъ никто не обратилъ на него вниманія; а любимецъ-генералъ былъ даже настолько добръ, что спиной своей закрылъ отъ глазъ герцога такое непріятное явленіе. Такимъ образомъ, прусскій посланникъ служилъ нѣкоторое время мишенью насмѣшливыхъ взоровъ и злобныхъ замѣчаній, но стоялъ спокойно, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ уколовъ и злыхъ фізіономій. Когда же игнорированіе показалось ему унижительнымъ для его достоинства и положенія, то онъ обратился къ дежурному камергеру и заявилъ, что онъ желаетъ поклониться герцогу и герцогинѣ.

Это желаніе было выражено такимъ образомъ, что дежурный тотчасъ же исполнилъ его.

Преодолевъ свою досаду, Бессингъ низко поклонился герцогу и герцогинѣ, и съ достоинствомъ отвѣчалъ на ихъ холодныя любезности. Въ его глазахъ невольно свѣтилась угроза, испугавшая герцога, но еще болѣе подзадорившая герцогиню и въ особенности графиню Вольфскеленъ.

— Очень радъ васъ видѣть, тайный совѣтникъ фонъ-Бессингъ, заговорилъ герцогъ, и со страху чуть не сдѣлалъ неслыханную вещь—чуть не протянулъ посланнику руки.—Я надѣюсь, что вамъ будетъ весело у насъ въ маскарадѣ.

— Ваше высочество очень милостивы, отвѣчалъ Бессингъ, низко кланаясь.

— Глаза его блеснули еще болѣе злобой, когда онъ услышалъ около себя замѣчаніе графини Вольфскеленъ, довольно громко сказавшей герцогинѣ: «effronté». Онъ обернулся къ Феличитѣ и встрѣтилъ ея взоръ. Красивое лицо его вспыхнуло, и онъ едва сдержалъ свой гнѣвъ. Оскорбленіе было нанесено публично. Онъ снова обернулся къ герцогу и увидалъ, что тотъ порицатель-

но взглянуть на герцогиню и графиню, и весьма резко проговорилъ:

— Дамы временъ великаго Людовика славились вѣжливостью, графиня Вольфскезенъ!

Графиня побагровѣла отъ стыда и досады, и глаза ея замѣтали искры. Герцогиня тоже покраснѣла, такъ какъ это замѣчаніе касалось и ея, и сдѣлано было совершенно громко. Послѣ него наступило тяжелое, непріятное молчаніе.

Графиня Вольфскезенъ хотѣла уже, отбросивъ всѣ церемоніи, встать и отвѣтить что нибудь, но пожатіе руки герцогини и взоръ, брошенный ей генераломъ, удержали ее.

Слабый герцогъ тотчасъ же почувствовалъ раскаяніе и страхъ, и захотѣлъ смягчить свои слова.

— Пожалуйста, г. посланникъ, похвалите костюмъ графини, и замѣтите, какъ онъ вѣренъ, шутливо обратился герцогъ къ Бессингу, забывъ при этомъ, что такое требованіе должно было подействовать на оскорбленнаго, какъ щепотка перцу, посыпанная на рану.

Съ изысканной любезностью обратился Бессингъ къ своему врагу и безъ малѣйшей насмѣшки замѣтилъ, что Ла-Вальеръ нарисована въ Версальскомъ дворцѣ совершенно въ такомъ же костюмѣ, какой надѣтъ на графиню.

Феличита засмѣялась.

— Этотъ портретъ, кажется, писанъ Пенонъ? сказала ему герцогиня, желавшая помочь своему другу.

— Ваше высочество правы, какъ и всегда, любезно отвѣчалъ Бессингъ.

— Вы сами видѣли этотъ портретъ?

— Въ послѣдній разъ я видѣлъ его два года тому назадъ, возвращаясь изъ Испаніи.

Разговоръ коснулся еще Парижа и Испаніи, и затѣмъ Бессингъ былъ отпущенъ.

Когда онъ обернулся, еще не оправившись отъ смущенія, онъ встрѣтился съ умными глазами принцессы Гильды, пристально смотрѣвшей на него.

Вольфскезенъ

— Вы были въ Испаніи, господинъ посланникъ? спросила она, любезно улыбаясь.

Бессингъ вдрогнулъ. Звукъ этого голоса и выраженіе большихъ темныхъ глазъ поразили его... но то, что мелькнуло у него въ головѣ, было невѣроятно, невысказано. И то и другое напомнили ему о рыжей маскѣ. Вслѣдствіе этого, онъ отвѣчалъ съ сильнымъ смущеніемъ.

— Нѣсколько разъ, тихо проговорилъ онъ.

Конечно, присутствующіе тотчасъ же замѣтили, что принцесса Гильда заговорила съ посланникомъ, но только отецъ ея остался доволенъ, что дочь его старалась поправить невѣжливость другихъ относительно посланника великой державы, безъ нужды оскорбленнаго. Но это особенно не нравилось фонъ-Барденштейну, къ небольшому удовольствію графа Зальца, старавшагося вызвать улыбку принцессы Генриеты, сидѣвшей въ глубинѣ ложи.

— Я возмущена тѣмъ, какъ здѣсь относятся къ господину фонъ-Бессингу, довольно громко проговорила принцесса.

— А я въ восторгѣ, что онъ осваливъ на нихъ зубы, быстро отвѣчалъ Зальца, принявъ серьезный видъ:—такъ какъ это дѣйствительно милѣйшій, прелестнѣйшій человекъ, котораго уважать можетъ даже врагъ.

— Я рада слышать это отъ васъ, графъ Зальца; впрочемъ, кто знаетъ васъ, тотъ инаго и ожидать не можетъ, горячо отвѣчала принцесса.

— И вы нашли, что дѣйствительно отечество Сервантеса такъ хорошо, какъ мы, люди, не выдавшіе его, представляемъ себѣ? спрашивала между тѣмъ принцесса Гильда.

— Долженъ признаться, ваше высочество, что вначалѣ я страшно былъ разочарованъ. Я представлялъ себѣ Испанію въ такомъ видѣ, что не могъ не разочароваться.

— Со мною тоже было относительно Италіи, и мнѣ до сихъ поръ жаль, что я разочаровалась. Продолжайте же, пожалуйста.

— Но впоследствии, когда я сталъ изучать ее, я нашелъ Испанію въ высшей степени интересною страной.

Во время разговора, у Бессинга изъ-подъ домино упалъ букетъ.

— Вы потеряли цвѣты, сказала ему принцесса Гильда:— ахъ, какія прелестныя фіалки, какъ онѣ пахнутъ.

— Это, если я не ошибаюсь, пармскія фіалки.

— Да, очень рѣдкія въ настоящее время года. Гдѣ вы купили ихъ?

Бессингъ сильно покраснѣлъ, тѣмъ болѣе, что онъ только что замѣтилъ, что у принцессы Генриетты былъ прищипленъ точно такой же букетикъ и такіе же букетики онъ увидалъ у фрейленъ Рошъ и у другихъ придворныхъ дамъ.

— Я получилъ его въ подарокъ, уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Въ подарокъ? Въ самомъ дѣлѣ? вы возбуждаете мое любопытство... Пожалуйста... если только это не нескромно...

Она взглянула на него своими большими, выразительными глазами какъ-то странно, не то съ мольбой, не то съ задоромъ. Такое вниманіе со стороны особы герцогской фамиліи показалось даже страннымъ молодому красивому дипломату, который, вслѣдствіе этого, смутился. Кромѣ того, онъ сегодня въ первый разъ открылъ, какъ очаровательна принцесса Гильда, какъ взоры ея проникаютъ въ глубину души и какъ улыбка ея прелестна. Все это смущало его до того, что онъ только краснѣлъ и молчалъ.

— Вы простите меня за мое любопытство, проговорила она, кокетливо наклоняя голову.

— Право, ваше высочество, мнѣ не хотѣлось бы явиться передъ вами въ дурномъ свѣтѣ... и придавать этимъ цвѣтамъ значеніе, котораго они не стоятъ, проговорилъ Бессингъ. Маскарадная интрига, и больше ничего. Сегодня утромъ я получилъ письмо и эти фіалки. Меня просили взять цвѣты съ собою и обѣщали сообщить мнѣ тайну. Вся эта шутка обставлена весьма остроумно, и почеркъ хотя и измѣненъ, но все-таки обличаетъ, что имъ писать особа развитая.

— Ого! герръ фонъ-Бессингъ! проговорила принцесса, взглянувъ съ лукавой угрозой.

— Мнѣ любопытно узнать тайну... и потому я приѣхалъ сюда.

— Только потому?

— И только потому я взялъ эти фіалки.

— А открыли-ли вы писавшую вамъ письмо? живо спросила принцесса.

— Она сама подошла ко мнѣ въ залѣ, во время танцевъ.

— Ну, какая же она:.. хорошенькая... умная?

— Не знаю... она была подъ маской... въ черномъ домино, съ рыжими волосами и темными, живыми... можно даже сказать, поразительно-красивыми глазами, и пріятнымъ, хотя измѣненнымъ голосомъ.

— Ого! господинъ посланникъ! вы, какъ я вижу, совѣмъ пьязаете!... И вы дѣйствительно никого не подозреваете?

— Смутно подозреваю... одинъ мой пріятель внушилъ мнѣ это подозрѣніе... Я вѣдь здѣсь чужой... и не очень терпимый.

На этотъ разъ покрасѣла принцесса Гильда и опустила глаза. Последнія слова, очевидно, произвели впечатлѣніе на ея доброе сердце. Она точно хотѣла сказать ему слово утѣшенія, но поборола въ себѣ это желаніе и продолжала:

— Такъ вы говорите рыжая?.. Вы увѣрены, что это была порядочная женщина?.. а иначе можно было бы предположить...

— Она произвела на меня впечатлѣніе порядочной женщины, хотя я имѣю основаніе думать, судя по рыжимъ волосамъ...

— Тише! тише!.. А то вы задѣнете графа Зальца, который, какъ я съ удовольствіемъ узнала, принадлежитъ въ числу вашихъ почитателей.

— Ваше высочество конфузите меня, проговорилъ фонъ-Бессингъ.

— Да, онъ уважаетъ ваше терпѣніе и миролюбивый характеръ, продолжала принцесса.

Бессингъ весь вспыхнулъ. Съ нимъ происходило что-то непонятное. Сочувствіе, высказанное дѣвушкой, являлось ему какимъ-то драгоценнымъ камнемъ, найденнымъ въ пустынѣ.

Во взорѣ его блеснула благодарность, и онъ прямо устремилъ его на принцессу. Глаза ихъ встрѣтились и тотчасъ же опустились. Наступило короткое, знаменательное молчаніе.

Не успѣлъ еще Бессингъ произнести слово благодарности, какъ принцесса продолжала:

— Ну, а та тайна?

— Мнѣ ее до сихъ поръ не сообщили. Я подозреваю даже, что все это было безобидной шуткой, мистификаціей.

— Почему знать! можетъ быть, это былъ предлогъ завести съ вами знакомство, а, можетъ быть, дѣйствительно какая нибудь добрая душа хотѣла подъ маской сообщить вамъ что нибудь важное... А рыжіе волосы?..

— Несовсѣмъ рыжіе... бѣлокурые... напудренные...

— Вотъ они нѣсколько удивляютъ меня. У насъ имѣется только одинъ экземпляръ такихъ волосъ, и я думаю, имѣя дѣло съ ними, вы можете приобрести себѣ враговъ.

— Вашему высочеству угодно шутить!

— Я не говорю, что эта особа произведетъ на васъ такое же впечатлѣніе, какое она производитъ на другихъ лицъ, фамиліи которыхъ я не упомяну, но я считаю, что тайной ее пренебрегать нельзя... Тамъ бываетъ много народа... разнаго народа... и, какъ я слышала, тамъ говорится многое. Кромѣ того, отецъ этой рыжей красавицы—человѣкъ вліятельный.

Говоря это, принцесса такъ многозначительно взглянула на Бессинга, что еще болѣе смутила его.

— Боюсь, церемонно продолжала принцесса,—что лишаю васъ удовольствія маскарада и бесѣды съ таинственной маской. Кромѣ того, я и сама намѣрена сойти внизъ. До пріятнаго свиданія.

Принцесса поклонилась, опустивъ вѣрть; Бессингъ былъ милостиво отпущенъ и удалился.

Въ фойе онъ назамѣтно прошелъ мимо трилистника: Ротвейля, Гесница и Барденштейна, и изъ устъ одного изъ нихъ ясно услышалъ имя Валеріи. Онъ чуть было не остановился, такъ какъ это слово обдало его точно холодной водой. Но онъ вспомнилъ, гдѣ находился, и, не обращая никакого вниманія, прошелъ дальше. Гармоническіе звуки въ его душѣ кончились фальшивымъ аккордомъ.

Въ герцогской ложѣ герцогъ обратился къ своей женѣ, зная очень хорошо, что она на него дулась за сдѣланное замѣчаніе. Онъ же былъ увѣренъ, что поступилъ по совѣсти, хотя въ то же самое время боялся домашней сцены. Герцогиня едва отвѣчала на его вопросы.

— Неблагодарно было оскорблять посланника сильной соседней державы, оправдываясь, говорилъ онъ:— Я самъ не люблю этого фонъ-Бессинга, но обязанъ зорко слѣдить, чтобы у меня съ нимъ были вѣжливы.— Онъ энергически покачалъ головой, и тихо прибавилъ:— при настоящемъ положеніи дѣлъ, это вдвойнѣ не политично, графиня Вольфскеленъ!

Взоръ, сопровождавшій эти слова, придалъ имъ еще болѣе значенія. Онъ намекалъ на тайный пріѣздъ австрійскаго довѣреннаго, который ждалъ въ замкѣ въ высшей степени важнаго отвѣта герцога.

Скозыривъ такимъ образомъ, онъ всталъ и перешелъ въ другой конецъ ложи къ своимъ дѣтямъ. По старому обычаю, въ ложу герцога являлись всѣ, имѣвшіе пріѣздъ ко двору, чтобы поклониться и высказать привѣтствіе, и такія лица впускались, конечно, только снявъ предварительно маски.

XVIII.

Съ перваго дня новаго года, баронъ фонъ-Гримменштейнъ зналъ уже, что политическія отношенія становятся натянутыми, и это тревожило старика. Вчера, гуляя въ сумеркахъ по парку замка, онъ услышалъ знакомый ему голосъ, и такъ былъ пораженъ присутствіемъ этого челоуѣка въ замкѣ, что остановился, какъ вкопанный. Кромѣ того, принцесса Генриета, очевидно, избѣгала съ нимъ разговора, а сцена, бывшая въ герцогской ложѣ съ Бессингомъ, тотчасъ же съ комментаріями была передана ему. Все это поднимало въ немъ желчь и лишало его хорошаго расположенія духа. Чтобы не разстраивать себя еще болѣе, онъ ушелъ съ графомъ Балабрегомъ и Бессингомъ изъ фойе въ театральннй ресторанны, гдѣ они втроемъ усѣлись въ уголокъ.

Напротивъ нихъ, въ нишѣ сидѣли офицеры съ своими дамами. Конечно, всѣ переодѣты, вслѣдствіе чего они были особенно веселы и, не стѣсняясь, опоражнивали бутылки. Нѣкоторые изъ нихъ сняли маски, и поручикъ Рейхертъ оказался между ними за пѣвалой.

— *Bon soir et bonne chance, la joyeuse compagnie, вскри-*

чалъ графъ Балабрегъ, привѣтствуя веселую компанію и поднимая свой стаканъ:

— *A la santé de monsieur le comte!* отвѣчалъ юный офицеръ, залпомъ опоражнивая бокаль шампанскаго.

— *Vive l'amour!* вскричалъ еще кто-то.

— *Vive l'amour!* отвѣчали всѣ, чокаясь бокалами.

Бессингъ и баронъ тоже подняли стаканы.

— Часто мнѣ кажется, что я далъ бы Богъ знаетъ что, чтобы хоть на часъ сдѣлаться такимъ, какъ они, проговорилъ старикъ, глядя на шипѣвшее вино и не прикасаясь къ нему.— Куда ни взглянешь, вездѣ запрещенный плодъ!

— Да, юность хороша, если есть какая нибудь привязанность, если человекъ не одинокъ, отвѣчалъ Бессингъ.

— Ну, въ этомъ человекъ самъ виноватъ. Впрочемъ вы, можете быть, слишкомъ разборчивы или мѣтите слишкомъ высоко, сказалъ графъ.

Бессингъ покачалъ головой.

— Или, можетъ быть, въ глубинѣ вашего сердца сидитъ зазноба, вслѣдствіе которой вы слѣпы во всему кругомъ? лукаво погрозивъ пальцемъ, спросилъ баронъ.

— Зачѣмъ мнѣ скрываться?... было время, когда мнѣ казалось, что... я любилъ, отвѣчалъ Бессингъ.

— А затѣмъ? перебилъ его графъ.

— А затѣмъ, когда я хотѣлъ ближе сойтись съ этой особой, она отвернулась отъ меня.

— Это меня удивляетъ. У этой особы немного вкуса. Можетъ быть, вы ошиблись или были слишкомъ робки... *il faut prendre un peu en assaut les femmes!*

— Я поступалъ такъ, какъ поступаютъ обыкновенно влюбленные молодые люди... но мнѣ не дали возможности признаться въ любви... Въ настоящемъ случаѣ меня огорчаетъ всего болѣе сомнѣніе.

— Если особа эта еще свободна, то попробуйте счастья, сказалъ баронъ:—по крайней мѣрѣ, вы узнаете, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, теперь мнѣ этого уже не надо... Это дѣло пережи-

тое, серьезно отвѣчалъ Бессингъ.—Я, въ сожалѣнію, имѣю поводъ сомнѣваться, достойна-ли меня теперь эта дѣвушка; мнѣ это больно... хотя я надѣюсь... что ошибаюсь. Но на женщину не должна падать и тѣнь подозрѣнія.

Баронъ фонъ-Гримменштейнъ угадалъ, что Бессингъ, нечаянно высказавшись, говорилъ о Валеріи фонъ-Боденштейнъ.

Бессингъ, не зная, что мать Валеріи рассказывала кое-что барону, никакъ не предполагалъ, что тотъ могъ понять его. Ему, впрочемъ, не хотѣлось продолжать этого разговора, и онъ только что хотѣлъ переимѣнить его, какъ къ ихъ столу подошла маска, и прямо обратилась къ Бессингу.

— А гдѣ же вѣтка плюща, которую я приказала тебѣ пришить? грозно спросила она.

— Смотрите, пожалуйста, какой хитрецъ! вскричалъ баронъ фонъ-Гримменштейнъ.—А еще жалуется на одиночество.

Съ удивленіемъ посмотрѣлъ Бессингъ на маску. Не Валеріа-ли это, которую онъ тутъ тщетно отыскивалъ. Ростъ напоминалъ Валерію.

— Позволь, прелестная маска, выпить за твое здоровье и просить тебя чокнуться съ нами? любезно проговорилъ графъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, господа, возразила женщина въ domino, и взяла стаканъ, причемъ показала руку въ кружевахъ... Бессингъ тотчасъ же убѣдился, что онъ ошибся. На самомъ дѣлѣ это была одна изъ посѣтительницъ театра, издали знавшая Бессинга. Маска едва коснулась губами къ стакану и потребовала, чтобы Бессингъ пошелъ съ нею танцевать. Бессинга она задержала до того, что онъ едва переводилъ духъ. Только что онъ остановился, къ нему тотчасъ же подошла еще маска, написала ему на рукѣ Б и начала такъ остроумно болтать, что Бессингъ тотчасъ же бросилъ свою прежнюю даму. Изъ подъ маски, на него смотрѣли большіе синіе бархатные глаза, а туалетъ былъ самый изысканный.

— А гдѣ вы были въ ночь подъ новый годъ? спросила у него маска.

Бессингъ удивился и не нашелся, что отвѣтить.

— Я надѣюсь, что не предлагаю нескромнаго вопроса, продолжала она.

— Нисколько, прелестная маска, вопросъ твой меня только удивляетъ.

— Эге! я такъ и думала... Совѣсть-то вѣрно не чиста? Мечталь, бесѣдуя съ маской?

— Ужь вовсе нѣтъ!

— Вѣдь про васъ говорятъ, что вы ловелась.

— Вы, должно быть, принимаете меня за кого нибудь другаго, сурово отвѣчалъ Бессингъ.

— Нѣтъ, тайный совѣтникъ, докторъ фонъ-Бессингъ, кавалеръ различныхъ орденовъ.

— Въ такомъ случаѣ вы шутите. Еслибы я былъ такимъ, какимъ вы и другіе считаете меня, то мнѣ жилось бы на свѣтѣ гораздо легче.

— Вы вздыхаете... Какъ это забавно! Но я думаю, что вы хотите только уклониться отъ моего вопроса. Ну, говорите же по чистой совѣсти, гдѣ вы были въ ночь подъ новый годъ?

— Говоря по совѣсти, въ своей постели, прелестная маска.

— Такъ я и повѣрила! Цѣлую ночь въ постели подъ новый годъ пролежать нельзя!

— Я легъ спать въ десять часовъ. Произанчнѣ, недипломатичнѣ, буржуазнѣ и быть нельзя.

— Дѣйствительно!... Только кто этому повѣритъ! Это еще что такое?...

Последнія слова относились къ другому домино, только что подошедшему. Бессингъ обернулся и увидалъ даму съ рыжими волосами. Онъ не замѣтилъ, какъ первая маска почтительно уступила свое мѣсто, и не замѣтилъ жеста, выражавшаго изумленіе.

Первая маска, кивнувъ головой, ушла и скрылась въ толпѣ.

— Знаете вы эту даму? спросила рыжая Сеппи.

— Даже не подозреваю, кто она такая, отвѣчалъ Бессингъ:— знаю только одно, что она предлагаетъ въ высшей степени странные вопросы.

— Не хотите-ли пройтись по заламъ? Не желаете-ли протанцовать? продолжала дѣвушка.

«Какъ она странно говорить, думалъ Бессингъ,—есть у нея немного престонароднаго нарѣчія, но вообще говорить она, какъ важная дама».—Съ удовольствіемъ, фрейленъ, вѣжливо отвѣчалъ онъ.

Они вышли въ залъ и начали танцовать.

— Настоящая вѣнка, продолжалъ размышлять тайный совѣтникъ, съ наслажденіемъ танцуя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ страстнымъ танцоромъ. Свое удовольствіе онъ выразилъ Сеппи.

— И что же васъ спрашивали? продолжала она начатый разговоръ.

— Меня спрашивали, гдѣ я провелъ ночь на новый годъ... Да, кстати, прелестная незнакомка, узнаю-ли я наконецъ драгоценную тайну?

Послѣ нѣкотораго молчанія, ему отвѣчали гораздо серьезнѣе, чѣмъ можно было предполагать:

— Не знаю, какъ бы мнѣ сказать вамъ. Для того, чтобы оказать вамъ дѣйствительную пользу, я должна убѣдить васъ, что желаю вамъ добра.

— Какимъ же образомъ вы убѣдите меня?

— Если я доверюсь вамъ, то вѣдь и вы будете вѣрить мнѣ. въ особенности услыхавъ то, что я скажу вамъ.

Съ еще бѣльшимъ удивленіемъ взглянулъ Бессингъ на маску. Какая рѣчь, какія манеры!.. И въ чему такое серьезное вступленіе? Онъ имѣлъ совсѣмъ иное понятіе о дочери придворнаго парикмахера.

— Выйдите изъ толпы, и отвѣтите мнѣ на одинъ вопросъ, продолжала маска.

— Я слушаю, фрейленъ.

Она серьезно и пристально посмотрѣла на него.

— Правда-ли, сказала она:—что вы прежде знали фрейленъ Валерію фонъ-Боденштейнъ, и что между вами существуютъ какія-то отношенія?

— Кто вы такая? вскричалъ Бессингъ, вдругъ остановившись, и почувствовалъ, что лицо его вспыхнуло подъ маской, такъ онъ былъ испуганъ и въ то же время непріятно пораженъ.

— Вы вовсе не дипломатъ... и не умѣете хорошо представляться, качая головой, отвѣчала незнакомка, съ горечью глядя на него. Голосъ ея вдругъ сдѣлался совсѣмъ другимъ, и она забыла измѣнить его.

— Скажите мнѣ, кто вы такая, и по какому праву спрашиваете меня...

Бессингъ остановился и еще болѣе смутился. Конечно, онъ былъ плохимъ дипломатомъ, такъ какъ незнакомка, не получивъ еще его отвѣта, знала уже то, что хотѣла знать.

— Не останавливайтесь, мейнъ герръ, и успокойтесь. Развѣ я не сказала вамъ, что желаю добра?

Голосъ ея былъ пріятный и задушевный, и казался ему то знакомымъ, то незнакомымъ. Бессингъ все болѣе и болѣе смущался.

— Мое смущеніе, въ сущности весьма естественное, могло быть ложно перетолковано вами, фрейленъ, нѣсколько принужденно сказалъ онъ: — и могло повредить особѣ, которую я цѣню и уважаю.

— Идемте же! живо заговорила она: — подайте мнѣ вашу руку, не стойте тутъ!

— Поэтому-то, я за лучшее считаю быть совершенно откровеннымъ. Нѣсколькими словами все будетъ объяснено. Мнѣ нечего скрывать, я только конфужусь немного. Я убѣжденъ, что вы не употребите во зло моего довѣрія, и мы будемъ въ состояніи опровергнуть ложные слухи.

— Обѣщаю вамъ глубочайшее молчаніе... Даю вамъ слово честной дѣвушки, господинъ фонъ-Бессингъ, серьезно отвѣчало домино.

— Вѣрю вамъ, и благодарю.

Онъ началъ простой рассказъ о своей любви, и причиною разрыва привелъ мотивы, недавно высказанные ему Валеріей. Черезъ пять минутъ рассказъ былъ конченъ.

Задумчиво стояла передъ нимъ рыжая Сеппи, и не зная, что ей говорить и спрашивать, опустила глаза внизъ, не замѣчая, какъ Бессингъ пристально смотрѣлъ на нее.

Она подняла наконецъ глаза и горячо отвѣчала:

— Очень рада, что вы мнѣ это рассказали—и я буду въ состояніи опровергнуть ложные слухи—вы дали мнѣ средство и позволеніе.

— Ложные слухи? спросилъ Бессингъ, гордо выпрямляясь и сверкнувъ глазами.

— Вы ходите здѣсь не по розамъ, г. фонъ-Бессингъ, серьезно возрадила домино. Шиповъ тутъ довольно, и шиповъ колючихъ, и языковъ ядовитыхъ... Зло копошится во мракѣ.

По тѣлу Бессинга точно пробѣжала дрожь: этотъ голосъ, этотъ въ душу западающій тонъ... эта странная встрѣча... здѣсь въ залѣ... способъ, какимъ у него вырвали признаніе! Но не успѣлъ онъ произнести слово, какъ домино заговорило:

— Прошу васъ, послушался голосъ Сеппи:—отвѣйте мнѣ еще на одинъ вопросъ: зачѣмъ вы только недавно сдѣлали визитъ госпожѣ фонъ-Боденштейнъ.

— Я медлил по многимъ причинамъ.

— Понимаю. Старыя чувства начали играть роль.

— Можетъ быть, и поэтому... я отрицать не стану.

— Вы говорили... о прежнемъ времени?

— Да.

— И сговорились?

Бессингъ, молча, покачалъ головой и нахмурилъ брови.

— Или между вами и ей осталась нѣмая тѣнь?

— Этого сказать незнакомой особѣ я не могу, значительно холодноѣ отвѣчалъ Бессингъ.

— Вы правы. Но я, можетъ быть, угадываю. А теперь слушайте меня, такъ какъ времени у меня немного: здѣсь узнали, что въ Берлинѣ вы были прежде знакомы съ этой дамой и ухаживали за ней. Отношенія ея къ другому высокопоставленному лицу, стороннику Пруссіи,—ненавистной Пруссіи, представителемъ которой служите вы,—тоже известны. Теперь предполагается устро-

ить крупную интригу, — съ какой цѣлью, понять я не могу, — но вслѣдствіе этого составленъ отвратительный планъ. Избавьте меня отъ необходимости, называть людей по фамиліямъ. Вашихъ враговъ вы знаете не хуже меня, и потому будьте осторожны при каждомъ вашемъ шагѣ. Здѣсь есть люди, которые стараются держать герцога въ постоянной нервной тревогѣ, для того чтобы извлекать свою пользу и держать его въ сѣтяхъ интригъ.

— Такъ это-то и есть ваша тайна? съ удивленіемъ спросилъ Бессингъ. Фрейленъ! какъ прусскій посланникъ, такъ и Гуго фонъ-Бессингъ презирають мелкія дрягги!.. Они, кромѣ того, могутъ встрѣтить враговъ своихъ съ открытымъ забраломъ, а змѣй могутъ раздавить, гордо отвѣчалъ онъ.

— Не такъ громко! не такъ громко! проговорило домино, сжимая его руку. Но не смотря на все, еслибы вы могли доказать, что были дома въ ночь подъ новый годъ, тогда... не спрашивайте, но дайте этому факту возможно больше значенія... если не ради себя... то ради другихъ!

Послѣднія слова были произнесены глухо и какъ бы нехотя, и вслѣдъ затѣмъ, быстро пожавъ руку, таинственная маска исчезла.

Бессингъ остановился, глядя на толпу. Губы его стиснулись и кулаки сжались. Затѣмъ онъ презрительно улыбнулся, подумавъ, какъ ничтожна эта буря въ стаканѣ воды.

XIX.

Подойдя къ Саннову и его невѣстѣ, онъ сообщилъ имъ, что его интриговала рыжая дама въ маскѣ, на что тѣ положительно заявили ему, что это Сепши, и болѣе никто.

Въ двѣнадцать часовъ дворъ удалился, и въ маскарадѣ стало еще свободнѣе. Большая часть присутствующихъ сняли маски. Въ боковыхъ залахъ публика разсѣлась ужинать, и нерѣдко слышалось щелканье откупориваемыхъ бутылокъ шампанскаго.

Въ ресторанѣ или буфетѣ Бессингъ нашелъ барона Гриммештейна, графа и нѣсколькихъ другихъ за бутылками, но люди стараго царедворца сидѣли теперь двѣ замаскированныя дамочки,

загрывавшія съ нимъ. Старикъ раскраснѣлся и съ юношескимъ жаромъ поддерживалъ любезный разговоръ.

— А, вотъ на помощь мнѣ является и подкрѣпленіе! вскричалъ онъ, увидавъ Бессинга:—теперь держите крѣпче ваши сердца! Мой юный герой... подсядьте же къ намъ... будьте моимъ союзникомъ въ неравномъ бою.

Бессингъ налилъ всѣмъ присутствующимъ по стакану вина.

— А мнѣ-то что же? воскликнула подошедшая маска.

Онъ обернулся и увидалъ то бѣлокурое домино, которое первое подошло къ нему, и съ которымъ онъ танцевалъ полонезъ.

— А, прекрасная маска, это ты! вѣжливо проговорилъ Бессингъ, приказавъ подать еще стаканъ и еще бутылку.—Я надѣюсь, что ты веселилась?

— Не очень, отвѣчала маска.

Графъ Зальцка тоже приказалъ подать новую бутылку вина.

— А ты кто такая? обратился онъ къ знакомой маскѣ Бессинга.

— Я тебя не знаю, на чистомъ мѣстномъ діалектѣ отвѣчала маска.

— Вкусъ у тебя хорошъ, ты придержишься солидности.

Домино въ смущеніи опустило голову.

— Я завидую вамъ, коллега. Вы одержали побѣду! смѣясь, вскричалъ графъ, показавъ свои чудные зубы.

— Не конфузьте ее, сказалъ баронъ.

— Ура, защитникъ невинности!

Всѣ чокнулись и разговоръ продолжался въ еще болѣе оживленномъ тонѣ. Графъ постоянно посматривалъ на домино, сидѣвшее около Бессинга, а старый баронъ посматривалъ на графа и удивлялся, что онъ слишкомъ веселъ, зная, какъ застилается политическій горизонтъ. Графъ, между тѣмъ, перешелъ къ сосѣдкѣ Бессинга.

— За твое здоровье, бѣлокурая красавица, началъ онъ, близко вглядываясь въ нее своими огненными глазами.—Ну, теперь я узналъ тебя! вдругъ вскричалъ онъ, вскакивая.—Сенни! милая го-

лубка! какъ ты ловко нарядилась, и зачѣмъ ты отъ меня скрываешься?

Всѣ присутствующіе захохотали, а маска, очевидно, осталась очень недовольна этими словами. Она сильно наклонилась къ Бессингу, точно ища его покровительства. Глаза ея сверкнули, и она повелительно проговорила: «Милостивый государь!»

— Графъ нѣсколько отодвинулся.

— Позвольте просить васъ... здѣсь такъ жарко! съ достоинствомъ важной дамы обратилась незнакома къ Бессингу. Бессингъ всталъ и подавъ домино руку. Они быстро вышли.

Графъ пристально посмотрѣлъ вслѣдъ за удалявшимися.

— А все-таки это она! вскричалъ онъ, такъ хлопнувъ стаканомъ по столу, что стаканъ разлетѣлся.

Въ другомъ углу сидѣли между собою придворные, и хозяинъ буфета и старшій кельнеръ старались, чтобы имъ кто нибудь не помѣшалъ. Они говорили съ такой таинственностью, что ихъ безъ труда можно было принять за заговорщиковъ.

Съ большимъ жаромъ, чѣмъ другіе, говорилъ г. фонъ-Гесницъ, громче всѣхъ ратовалъ оберштаймейстеръ, а болѣе другихъ волновался, хотя и молчалъ, плацъ-маіоръ. Всѣ трое были встревожены и разгнѣваны: публичный выговоръ, полученный могущественной графиней, изумилъ всѣхъ, но еще болѣе изумляло то обстоятельство, что герцогъ колебался дать положительный отвѣтъ вѣнскому уполномоченному, пребывавшему въ замкѣ. Они увѣрили своихъ вѣнскихъ друзей, что герцогъ до такой степени у нихъ въ рукахъ, что поворотъ для него болѣе невозможенъ. Колебаніе же герцога лишало ихъ всякаго кредита въ Вѣнѣ. Кромѣ того, куманьки эти не понимали образа дѣйствій графа Зальцка, открыто заступавшагося за прусскаго посланника.

Они съ жаромъ толковали о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало принять, и поэтому всѣ другія мелкія дразги отступали на задній планъ. Имъ очень хотѣлось обвинить принца Александра въ тайныхъ сношеніяхъ съ его возлюбленной и прусскимъ посланникомъ, и сообщить объ этомъ герцогу, но Ротвейль только что положительно объявилъ, что объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ

невозможно имѣть какія либо доказательства, потому что ни посланникъ, ни принцъ, ни Валерія не выходили изъ дому въ ночь подъ новыи годъ.

Слѣдовательно, надо было найти что либо другое.

Ротвейль умолчалъ при этомъ, что случилось съ нимъ въ тотъ вечеръ: въ толкотнѣ, какая-то маска сунула ему въ руку записочку, написанную, очевидно, второпяхъ карандашемъ. Онъ сначала думалъ, что это какая нибудь маскарадная шутка, но страшно испугался, прочитавъ слѣдующее:

«Берегись, лицемѣръ! Кто другимъ копааетъ яму, тотъ самъ въ нее попадетъ. Такъ будетъ и съ тобой. Какимъ образомъ изъ-за тебя попали подъ арестъ два невинныхъ солдата и кто бродилъ тамъ наверху—знаю я! Если ты будешь пытаться другихъ втиснуть въ бѣду, то я заговорю. Ты меня не знаешь, но я тебя знаю и держу въ рукахъ! Ни Б., ни П. А. не выходили въ эту ночь изъ дому. А гдѣ былъ ты клеветникъ, и съ кѣмъ?.. Трепещи!»

Письмо это поразило его, какъ обухомъ по лбу, и тщетно ломалъ себѣ Ротвейль голову, кто могъ написать это таинственное посланіе и кто могъ знать тайну, отъ которой зависѣла его будущность? Тщетно ломалъ онъ себѣ голову, соображая, кто могъ быть таинственнымъ авторомъ письма, но догадаться никакъ не могъ.

Когда Барденштейнъ заговорилъ о томъ, что англійскій посланникъ слишкомъ любезенъ съ прусскимъ посланникомъ, онъ поднималъ голову и глазами искалъ компанію, ужинавшую съ масками. Въ эту минуту графъ Зальца подошелъ къ заговорщикамъ, которые вдругъ замолчали.

— Какой скандалъ... онъ пьянъ! прошепталъ Ротвейль.

Это было несправедливо, потому что графъ далеко не былъ пьянъ, а только веселъ и остеръ, и прошелся весьма остроумно насчетъ таинственного разговора царедворцевъ, за что тѣ страшно обозлились, но не рѣшились высказать этого.

Баронъ фонъ-Гримменштейнъ, не смотря на поздній часъ—было

STANFORD LIBRARIES

уже два часа—изъ маскарада не уѣзжалъ. Такъ какъ австрійскій посланникъ ушелъ, то дама Бессинга снова охотно сѣла за столъ, и такъ мило стала болтать по-французски съ графомъ Балабрегомъ, что Бессингъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія, а всѣ отъ души хохотали надъ ея остроуміемъ.

Баронъ зналъ, что при дворѣ рѣшался серьезный вопросъ. Онъ, какъ человѣкъ умный, видѣлъ опасность, грозившую Германіи вслѣдствіе неестественныхъ отношеній между крупными и средними государствами. Страхъ передъ поднимающей голову Пруссіей заставлялъ всѣхъ бросаться въ противный лагерь. Онъ зналъ мѣстные отношенія и странный характеръ герцога... Что еслибы онъ намекнулъ кое-что Бессингу?—намекнулъ бы ему о пріѣздѣ австрійскаго уполномоченнаго, на что онъ имѣлъ полное право, такъ какъ открылъ это самъ. Что еслибы онъ намекнулъ ему, а тотъ, подъ предлогомъ фразы, сказанной графиней Вольфскеленъ, попросилъ бы у герцога аудіенціи и рѣшительно поговорилъ бы съ нимъ? Тогда, вѣроятно, австрійскій уполномоченный уѣхалъ бы, не получивъ никакого отвѣта.

Желаніе поговорить объ этомъ такъ было въ немъ сильно, что онъ не могъ совладать съ собою.

— Не дадите-ли вы мнѣ руку, чтобы пройтись по залу? обратился баронъ къ Бессингу.—Мои старыя ноги измѣняютъ мнѣ.

— За особенную честь почту, услужливо отвѣчалъ Бессингъ, подавая руку.

— Пройдемтесь подальше, сказалъ баронъ, войдя въ залъ:—мнѣ хотѣлось бы потолковать съ вами.

Они прошли черезъ весь залъ, въ одну изъ пустыхъ ложъ. Осмотрѣвшись кругомъ, старикъ сказалъ:

— Скажу вамъ по секрету, что я сдѣлалъ открытіе, которое сильно меня беспокоитъ.

Бессингъ, молча, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Вы знаете мои взгляды на вещи, знаете, что я по принципу держусь въ сторонѣ отъ малыхъ и великихъ дѣлъ міра сего, и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ рѣшаюсь говорить... И въ гавняхъ случаяхъ старикъ нерѣдко можетъ дать добрый совѣтъ...

— Мнѣ нечего и говорить вамъ, баронъ, что вашъ совѣтъ всѣми будетъ съ благодарностью принятъ, кланяясь, отвѣчалъ Бессингъ.

— Я это зналъ напередъ. Высказывая то, что лежитъ у меня на сердцѣ, я надѣюсь оказать услугу не только вамъ, но и цѣлой Германіи. Вы не поймете меня ложно. Такъ слушайте. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Вѣнѣ появилось сильное желаніе оказать на Пруссію извѣстное давленіе, изолировать ее отъ другихъ государствъ и, на случай нужды, обезпечить за собою ихъ содѣйствіе... Я вижу, что вамъ это извѣстно. Но, вѣроятно, вамъ неизвѣстно, что вчера сюда прибылъ изъ Вѣны графъ Л. и тайно живетъ въ замкѣ, и, вѣроятно, выжидаетъ общанія герцога.

Тутъ баронъ замолчалъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на Бессинга, лицо котораго оставалось совершенно спокойнымъ.

— Право, вы замѣчательно хладнокровны! съ нѣкоторой досадой вскричалъ онъ.

— Этотъ уполномоченный ѣдетъ изъ Дессау и отсюда проѣдетъ въ Вѣну черезъ Ганноверъ, Кассель, Бибрихъ и Дармштадтъ, спокойно проговорилъ Бессингъ.

— Вы это знали? чуть не обиженно проговорилъ баронъ.

— Узналъ сегодня утромъ.

— Честное слово вы умѣете устраивать дѣла лучше, чѣмъ я предполагалъ.

— Не я умѣю, а умѣетъ кое-кто повыше меня. Болѣе этого сказать вамъ я не имѣю права. Но тѣмъ не менѣе, я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы высказать вамъ свою глубокую благодарность и просить позволенія быть у васъ, чтобы докончить начатый разговоръ.

— Очень буду радъ видѣть васъ у себя, милѣйшій другъ мой!

Графъ Зальцка, по своему социальному положенію, долженъ былъ имѣть дѣло съ мѣстными царедворцами, но въ душѣ онъ глубоко презиралъ этихъ интригановъ и эгоистовъ.

Пословица говорить: «что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ». Въ маскарадѣ, будучи на-веселѣ и подѣ маской цыгана, онѣ, ничуть не стѣсняясь, высказывалъ, что у него было на умѣ, и особенно побивалъ плацъ-маіора, который до такой степени покорно сносилъ его удары, что австрійцу сдѣлалось противно, и онѣ всталъ, чтобы уйти.

Въ нишѣ ресторана, какъ мы уже говорили, сидѣли офицеры за длиннымъ столомъ. Сначала съ ними ужинали ихъ знакомыя и родственницы, но затѣмъ, когда нарядное общество разѣхалось, дамы эти были замѣнены другими, болѣе привѣтливыми и безза-стѣнчивыми; бутылки безпрестанно смѣнялись, и всѣ маски были сняты. На одномъ концѣ этого стола сидѣлъ одѣтый Валленштейномъ поручикъ фонъ-Рейхертъ. Онѣ сидѣлъ безъ маски, со стаканомъ въ одной рукѣ, откинувъ назадъ голову и обнявъ другой рукой талию пажъ, сидѣвшаго подлѣ него. Пажъ облокотился обѣими руками о столъ и сидѣлъ тщательно замаскированный. Это была особа высокаго роста и, очевидно, женщина. Изъ-подъ берета съ длиннымъ перомъ видѣлись бѣлокурые локоны, а въ ушахъ блестяли серьги. Весь костюмъ былъ изъ темномалиноваго бархата. За кушакомъ торчалъ кинжалъ и сбоку висѣла шпага.

Пажъ этотъ присоединился къ драгуну въ часъ ночи, а передъ тѣмъ мѣсто его было занято другими, такъ какъ смѣлый поручикъ, точно такъ же, какъ и графъ Зальцка, пользовался особеннымъ расположеніемъ дамъ. Сначала пажъ возбуждалъ всеобщее любопытство, но затѣмъ было порѣшено, что это актриса Бернгардъ, которую узнали по надѣтымъ серьгамъ, и всѣ успокоились, и не приста-вали съ требованіемъ, чтобы она сняла маску.

Но это не была актриса, а одна придворная дама. Только одна изъ придворныхъ могла рѣшиться на такую смѣлую штуку, а именно Елена фонъ-Рошъ, страстно любившая такія приключенія. Она была увѣрена въ своей безопасности, именно потому, что никто никогда не заподозрилъ бы ее.

Какъ костюмъ, такъ и серьги, достала она у актрисы Бернгардъ, которая была ей чѣмъ-то обязана. Изъ маскарада она уѣхала въ придворномъ экипажѣ не въ замокъ, а къ своей теткѣ, гдѣ

потихоньку переодѣлась и вышла пѣшкомъ. На углу, ее ждалъ поручикъ фонъ-Рейхертъ. Подъ руку пошла она къ театру съ молодымъ человѣкомъ, который былъ очень доволенъ тѣмъ, что она рѣшилась для него на такую смѣлую затѣю.

— Тише! тише! успокоивалъ пажъ поручика, — будь разсудителенъ, Бодо! Ты опять выпилъ лишнее; это вѣдь противъ условія... очень глупо!

— Пусть глупо! Могу-ли я думать о благоразуміи, когда ты со мною, дорогая? нетвердымъ языкомъ отвѣчалъ поручикъ.

Пажъ со страхомъ посмотрѣлъ на него.

— Право, я боюсь, что ты пьянъ! съ ужасомъ проговорила дѣвушка.

— Это отъ холоднаго воздуха, и кромѣ того... Клянусь честью, мнѣ хочется еще разъ поцѣловать тебя, Елена... а то жажда морить.

— Ну, полно, успокойся и будь благоразуменъ! Я страшно боюсь за тебя. Ты много слишкомъ болтаешь.

— Клянусь душой... не скажу ни слова! Что мнѣ за дѣло... я боюсь только, чтобы мы съ тобой не пострадали за другихъ.

— Я дурно сдѣлала, что сказала тебѣ, потому что вѣдь это не моя тайна. Знаешь-ли ты, что собственно страхъ заставилъ меня рѣшиться на такой легкомысленный поступокъ?

— Страхъ! Экія глупости! Чего же ты боишься?

— Какое-нибудь твое неосторожное слово, и всё мы пропали! Поэтому, прошу тебя, сдѣлай мнѣ одолженіе, не пей больше, Бодо... Я буду все время съ тобой, чтобы останавливать тебя.

— Хорошо, дорогая! отвѣчалъ драгунъ и горячо обнялъ пажа. Они остановились около фонаря на снѣгу, смѣялись, цѣловались и смотрѣли другъ другу прямо въ глаза. Они сильно любили другъ друга.

— Замѣтилъ-ли ты, какъ мраченъ сегодня Ротвейль?

— Да, и онъ точно пронизывалъ меня своими взорами!

— Тебя? съ испугомъ вскричалъ пажъ.

— Да, меня... Что было написано въ запискѣ?

— Не сдѣлала-ли я глупости? продолжалъ пажъ, вдругъ оста-

новившись. Ты знаешь, онъ хотѣлъ затѣять крупную исторію и воспользоваться этимъ происшествіемъ въ свою пользу.

— Воспользоваться привидѣніемъ! Славно!

— Да, привидѣніемъ. Я же полагаю, что лучше было не трогать болѣе этого дѣла, и мнѣ досадно, что страдаютъ невинные люди. Какъ я хорошенько подумаю, я вижу, что это мошенническая продѣлка, весьма похожая на Ротвейля. Конечно, ради другихъ, надо было его предупредить.

— А что же было въ запискѣ? еще разъ спросилъ Рейхартъ.

— Только угроза, и больше ничего. Указаніе, чтобы онъ не раздувалъ этого дѣла. Еслибы я хорошенько обдумала, я, можетъ быть, этого бы и не сдѣлала, потому что теперь онъ, конечно, въ умѣ отъискиваетъ, кто могъ знать это. Прошу тебя, Бодо, избѣгай его; онъ опасный противникъ, и какъ разъ нападетъ на настоящій слѣдъ.

— Ну, мы съумѣемъ постоять за себя.

— Пожалуйста, безъ бахвальства, милый! Ей Богу, я страшно боюсь. Общай мнѣ держать языкъ за зубами... хоть только сегодня!

— Ты, должно быть, хочешь разсердить меня, Елена? Я вѣдь не маленький!

— Нѣтъ, конечно, не маленький, но все-таки я не буду отходить отъ тебя.

— Хорошо, смѣясь, сказалъ драгунъ:— за это я поцѣлую тебя.

Они вмѣстѣ вошли въ театръ, но не въ залъ, куда пажъ пришелъ потомъ и сѣлъ около Рейхерта. Пажъ сидѣлъ очень тихо, маски не снималъ и не танцевалъ, но, повидимому, наслаждался, глядя на то, какъ веселились другіе, и сидя рядомъ съ поручикомъ.

Спустя нѣкоторое время, мимо проходилъ Ротвейль, мрачный и недовольный; онъ остановился, посмотрѣлъ сначала на Рейхерта, потомъ на пажа, и затѣмъ сдѣлалъ знакъ поручику, что онъ хочетъ говорить съ нимъ.

Послѣ долгихъ размышленій, плацъ-маіоръ пришелъ къ тому заключенію, что фактъ, о которомъ писалось въ письмѣ, могъ

быть узнавъ только черезъ одно лицо. А съ этимъ лицомъ поручикъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Эта мысль заставила его прійти сюда и вылить на комъ нибудь душившій его гнѣвъ. Съ недовольнымъ лицомъ увидалъ онъ, что на зовъ его идетъ поручикъ не одинъ, а вмѣстѣ съ пажемъ.

— А, мадмуазель Бернгардъ! съ противной улыбкой заговорилъ плацъ-маіоръ.—Хоть я и поклонникъ вашего таланта и вашей особы, но все-таки я попросилъ бы васъ отойти на минуту, такъ какъ мнѣ надо переговорить съ фонъ-Рейхертомъ объ очень серьезномъ дѣлѣ.

— Ахъ, мой милѣйшій плацъ-маіоръ, нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ отвѣчалъ пажъ, не трогаясь съ мѣста;—хотя я тоже ваша поклонница, но, въ сожалѣнію, очень рѣдко васъ вижу, и потому желаю подольше побыть съ вами. Серьезнымъ разговорамъ никакъ не мѣсто здѣсь.

— На этотъ разъ извините, довольно грубо и нетерпѣливо возразилъ Ротвейль, отводя поручика въ сторону.—Я хотѣлъ спросить у васъ кое-что, продолжалъ онъ, входя въ нишу.—Знакома вамъ эта рука?

Говоря это, онъ вынулъ записочку изъ кармана и подавъ ее свернутой въ такомъ видѣ, что можно было прочесть только нѣсколько строкъ.

«То я заговорю. Ты меня не знаешь, но я тебя знаю», прочелъ поручикъ, принимая невинный видъ любопытнаго, но, встрѣтивъ испытующій взоръ Ротвейля, онъ тотчасъ же омрачился самъ.

— Эта рука мнѣ совершенно незнакома, проговорилъ онъ твердо и съ увѣренностью.

— А не замѣтили-ли вы сѣрое, довольно невидное домино?.. Лицо, передавшее эту записку, было въ сѣромъ домино? сердито спросилъ Ротвейль, съ самымъ нахальнымъ видомъ.

— Здѣсь въ залѣ много сѣрыхъ домино. Но я не понимаю, почему это дѣло меня касается!.. Я надѣюсь, что для васъ будетъ достаточно, если я скажу вамъ, что совершенно чуждъ этой интриги—если только это интрига. Не впутывайте меня вообще въ ваши дѣла.

— Это дѣло слишкомъ важно для того, чтобы я могъ довольствоваться простымъ словомъ,—съ прежней наглостью и заносчивостью отвѣчалъ фонъ-Ротвейль.—Потрудитесь подойти ко мнѣ поближе, нѣтъ надобности, чтобы насъ слышали. Вамъ извѣстно, что его высочество поручилъ мнѣ произвести слѣдствіе насчетъ ночнаго происшествія подъ новый годъ.

Тутъ онъ бросилъ на него такой взоръ, который бы сдѣлалъ честь великому инквизитору, и еще болѣе взволновалъ и безъ того взволнованнаго поручика.

— Позвольте, капитанъ, вспыхнувъ, отвѣчалъ послѣдній:— я думаю, что тутъ не мѣсто говорить объ этомъ.

— Пожалуйста, не такъ громко... я приказываю! Понимаете меня? грубо перебилъ его плацъ-маіоръ.—Рѣшать это могу я, а не вы!.. Вамъ остается только отвѣчать... и ничего болѣе!

— Слѣдовательно, какъ на службѣ? отвѣчалъ Рейхертъ, сдвигая каблукъ и брякнувъ шпорами.

— На службѣ!.. какъ вы сами говорите, поручикъ. — Въ этомъ письмѣ упоминается о событіяхъ той ночи...

— Это касается васъ, капитанъ, а никакъ не меня! отвѣчалъ сильно разгоряченный любовникъ прелестной придворной дамы, забывая вдругъ все, что только общалъ ей.

Не то съ злорадствомъ, не то съ худо скрываемымъ смущеніемъ, посмотрѣлъ плацъ-маіоръ прямо въ лицо поручику и поднялъ руку, точно хотѣлъ схватить его.

— Меня, господинъ фонъ-Рейхертъ? Отвѣтъ этотъ я нахожу двусмысленнымъ... Прошу васъ говорить пояснѣе... Полу-словами говорить нечестно...

Онъ нарочно раздражалъ его. При послѣднихъ словахъ, кровь бросилась въ лицо молодому человѣку, и онъ схватился за эфесъ шпаги.

— Двусмысленнымъ? крикнулъ онъ. — Сударь... еслибы весьма важныя причины не заставляли меня молчать, то я выразился бы очень ясно—онъ показалъ кулакъ—гораздо яснѣе, чѣмъ бы вы того желали.

— Ого!

— Если вы меня принуждаете... ну такъ хорошо!.. Въ ту ночь я стоялъ на караулѣ... и я знаю очень хорошо, кто ходитъ наверху, и если вы осмѣливаетесь оскорблять меня, сударь...

— Болѣе ничего знать мнѣ не надо, отвѣчалъ плацъ-маіоръ съ холоднымъ поклономъ и съ роковой улыбкой.—Теперь я знаю, съ кѣмъ мнѣ нужно имѣть дѣло. И если хотя что либо станетъ извѣстнымъ...

— Это угроза? внѣ себя вскричалъ Рейхертъ, забывая все на свѣтѣ.

— Я вамъ кое-что скажу, господинъ поручикъ, прошепталъ онъ ему на ухо.—Если объ этомъ дѣлѣ чтонибудь узнается... Впрочемъ, зачѣмъ намъ горячиться, прибавилъ онъ съ лживой улыбкой:—вѣдь для насъ обонхъ очень важна тайна, и, наконецъ, меня надо будетъ пощадить, вы знаете почему—а васъ и другихъ можно безжалостно принести въ жертву... Поэтому, горячиться нечего, другъ мой. Болѣе удерживать васъ я не стану... Веселитесь, пажъ уже теряетъ терпѣніе.

— Негодай! прошепталъ Рейхертъ, глядя ему вслѣдъ:—презрѣнная тварь! Поворъ всего нашего сословія! Интриганъ.

— Господи помилуй! что случилось, Бодо? тихо и торопливо спросилъ подошедшій пажъ.

— Еслибы можно было уничтожить эту гадину, не... я пустилъ бы ему пулю въ лобъ!

— Прошу, умоляю тебя, Бодо... успокойся! говори тише, тебя могутъ услышать, вѣдь драпировка не стѣна. Развѣ Ротвейль чтонибудь подозрѣваетъ?

— Какъ подозрѣваетъ? Да онъ все знаетъ!.. Онъ спрашивалъ у меня, знаю-ли я писавшую ему письмо? Онъ принялъ самый безсовѣстный начальническій тонъ!.. Но я ему не поддался. Ей Богу!

Поручикъ, заикаясь отъ волненія, разсказалъ пажу весь разговоръ, происходившій между нимъ и плацъ-маіоромъ. Не промолвѣвъ ни слова, выслушала его Елена фонъ-Рошъ, затѣмъ вздохнула и, подумавъ, рѣшительно сказала:

— Ну, что же дѣлать!.. Нельзя сказать, чтобы я поступила

благоразумно, но сдѣланнаго не воротись... и почему знать, можетъ быть, оно къ лучшему... Онъ грозитъ намъ? Но я его близко знаю. Пстой! отъ страху у тебя поджилки затрясутся! То, чего я хотѣла добиться, того я добилась!.. Пойдемъ, Бодо, пройдемся по залѣ, мнѣ душно!

— Сначала поцѣлуй меня! шептала тотъ, удерживая ее.

— Господи! ты въ самомъ дѣлѣ пьянъ. Стыдись!

Послѣ поспѣшныхъ объятій, молодые люди вышли изъ ниши.

Бессингъ одержалъ политѣйшую побѣду надъ своей бѣлокурой незнакомкой, но онъ, зная свое дипломатическое положеніе, постоянно былъ на-сторожѣ. Кромѣ того, онъ вовсе не имѣлъ намеренія заводить любовной интриги съ незнакомой особой, а образъ Валеріи слишкомъ живо стоялъ передъ нимъ и изгонялъ всякую мысль о другой женщинѣ. Онъ ясно видѣлъ, что она, стараясь понравиться ему, довольно ловко ударяла иногда по камню и выбивала искру. Она хорошо знала придворный кружокъ, и о каждой дамѣ могла рассказать что нибудь пикантное, о куманькахъ же и о старой графинѣ она говорила такъ, что Бессингъ не могъ удержаться отъ смѣха.

Пройдась по залѣ, оба они сѣли въ глубину ниши. Бессингъ взглянулъ украдкой на часы и подавилъ зѣвоту, думая, что пора уже и ложиться спать. Вдругъ, посреди разсказа о графинѣ Феличитѣ, маска замолчала, стала прислушиваться и затѣмъ, схвативъ Бессинга за руку, приложила палецъ къ губамъ.

Рядомъ въ пустой нишѣ начался шумъ и оживленный разговоръ. Это разговаривалъ плацц-маіоръ съ драгуномъ.

Бессингъ былъ такъ смущенъ, что хотѣлъ встать, но домино, сверкая глазами, взглянула на него и удержала.

— А! господинъ Ротвейль! я такъ и думала! прошептала она.

Бессингъ понялъ, что случайно онъ узналъ весьма важную тайну, частію касающуюся его. То, чего онъ не понималъ прежде, онъ узналъ изъ разговора драгуна съ пажемъ.

И онъ, и дама его немало были удивлены, узнавъ сразу двѣ тайны и увидавъ цѣлую вереницу сплетенъ и интригъ.

— Славныя исторіи! прошептавъ онъ. Затѣмъ онъ вдругъ живо повернулся къ бѣлокурому домино и живо схватилъ ее за руку.

— Я надѣюсь, фрейленъ, кто бы вы ни были, вы будете молчать о томъ, что теперь случайно узнали. Было бы несправедливо и даже опасно рассказывать объ этомъ.

— Не тревожьтесь, сударь, отвѣчала она, снимая маску:—рыжая Сеппи умѣетъ молчать, но только потому, что вы этого желаете.

Пораженный неожиданностью, Бессингъ даже отшатнулся, увидавъ оживленное личико дочери парикмахера въ бѣлокуромъ парикѣ.

— Вы, фрейленъ? вскричалъ онъ.

— Развѣ я дурно сыграла свою роль? спросила, она проводя рукой по лбу.

— Ей-Богу... я никакъ не думалъ!.. вы совсѣмъ обманули меня.

Жозефина засмѣялась, и потомъ потупила взоръ.

— Но кто же то другое домино, съ рыжими волосами?

— Вы и съ нимъ говорили? съ любопытствомъ спросила Сеппи.

— И говорилъ, и танцевалъ.

— И что же она вамъ сказала?

— Странно! Я былъ увѣренъ, что говорилъ съ вами... Вы знаете то домино? пожалуйста, скажите мнѣ, кто она?

— Я только подозреваю, но не увѣрена, уклончиво отвѣчала Сеппи.

— Пожалуйста, скажите мнѣ правду! горячо упрашивалъ Бессингъ.

— Я думаю, что не имѣю на это права. Сегодня вечеромъ только одна была съ рыжими волосами.... но это тайна нашей коммерціи, и мнѣ не хотѣлось бы....

Она замолчала и поспѣшно надѣла маску, такъ какъ замѣтила между драпировками ниши барона Гримменштейна, который глазами кого-то отыскивалъ.

— Извините, если я мѣшаю! лукаво сказалъ онъ, увидавъ парочку.

Бессингъ, нѣсколько сконфузившись, всталъ.

— У меня есть къ вамъ просьба, прошепталъ ему на ухо старикъ. — Нашъ общій другъ Зальца находится несовсѣмъ въ нормальномъ состояніи. Онъ задираетъ своихъ союзниковъ. Не будете ли вы такъ добры и не попытаетесь-ли увезти его домой? Я думаю, что завтра онъ скажетъ вамъ за это спасибо.

Бессингъ тотчасъ же шепнулъ что-то на ухо домино, и пошелъ вслѣдъ за старикомъ къ столу, у котораго графъ Зальца только что вступилъ въ горячій споръ съ оберштаммейстеромъ, — споръ, сильно волновавшій послѣдняго. Увидавъ Бессинга, онъ тотчасъ же бросилъ разговоръ съ оберштаммейстеромъ.

— А! Бессингъ! вскричалъ онъ, протягивая ему руки. — Левъ приближается, волки трепещите! Идите сюда, ваше мѣсто около меня!

— Я хотѣлъ только проститься съ вами, любезный графъ, отвѣчалъ Бессингъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ спросить васъ, не поѣдете-ли и вы со мной? Вѣдь уже четыре часа.

— Счастливые часовъ не наблюдаютъ! смѣясь, отвѣчалъ Зальца, качая головой. — Ну, идите же, садитесь подлѣ меня.

Присутствующіе, недовольные появленіемъ такого собесѣдника, нахмуривъ брови, посмотрѣли на Бессинга. Бессингъ съ перваго же взгляда понялъ положеніе; церемонно поклонившись куманькамъ, онъ подсѣлъ къ австрійцу и выпилъ съ нимъ стаканъ вина, не хотя отвѣчая на его шутки. Вдругъ на губахъ его появилась улыбка; онъ вспомнилъ объ ухаживаніи своего собесѣдника за рыжей Сепши. Ему пришло кое-что въ голову. Онъ тотчасъ же всталъ и пошелъ въ тотъ уголокъ, гдѣ сидѣла дѣвушка и ждала его. Бессингъ быстро прошепталъ ей что-то на ухо.

— Отъ души готова, отвѣчала она, завязала маску и пошла. Она шла въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бессинга и остановилась около стола.

— А... вотъ она! вскричалъ Зальца, замѣчая ее. — Сюда, сюда, голубка!.. Вотъ онъ покоритель.

— О комъ это ты говоришь? измѣненнымъ голосомъ проговорила Сеппи, нерѣшительно подходя.

— О комъ же, какъ не объ этомъ лѣвѣ... Да подойди же, милочка, тебя никто не укуситъ.

— Я стара и безобразна; кто пожелаетъ укусить меня, тотъ долженъ имѣть крѣпкіе зубы, присѣдая, отвѣчала Сеппи.

— Ну, иди выпей! за твое здоровье! Сеппи взяла бокаль и только приложила къ нему губами, затѣмъ пристально посмотрѣла цыгану въ глаза и быстро сказала что-то.

Зальца вскочилъ точно отъ электричества, и хотѣлъ схватить ее, но она вывернулась и убѣжала. Онъ нахмурилъ брови, взглянулъ на Бессинга и побѣждалъ вслѣдъ за домино; Бессингъ отправился вслѣдъ за нимъ.

Рыжую Сеппи они нашли уже въ швейцарской, гдѣ она ждала своего пальто.

— Такъ это была ты? Я такъ и думалъ, и все-таки позволилъ себя надуть! задыхаясь, мрачно вскричалъ Зальца.

— Спокойной ночи, графъ, смѣясь, отвѣчала дѣвушка:— хорошо-ли повеселились?

— И теперь змѣя, когда я только что нашелъ тебя, ты уходишь домой?

— Если вамъ будетъ угодно проводить меня, то я за честь почту, вѣжливо отвѣчала Сеппи.

— Слѣдовательно, конецъ дня будетъ лучше всего. Шубу мою! Гдѣ моя карета?

— Если вамъ угодно ѣхать, то ѣхать вы можете одни! сказала Сеппи, закутывая себѣ голову.

— Хорошо! хорошо!

Онъ помогъ ей одѣться, съ жаромъ что-то нашептывая ей, и точно сразу отрезвившись.

— Объ этомъ и разговору быть не можетъ!... Сегодня вы хоть и цыганъ, но я вамъ скажу правду, что вы слишкомъ много выпили шампанскаго! весело вскричала Сеппи.

— Съ отчаянія... право съ отчаянія! комично отвѣчалъ Зальца.

— Такъ вамъ и повѣрили! Смотрите, не простудитесь, здѣсь такъ сквозить.

Графъ закутался въ шубу и надѣлъ калоши.

— Ну, вотъ, душа моя, я и готовъ.... хоть на край свѣта! Онъ любезно подалъ ей руку.

— А тайный совѣтникъ? спросила Сеппи, оборачиваясь къ Бессингу.—Развѣ вы не съ нами?

— Если позволите, и если позволить мой коллега.

— Убѣдительно прошу объ этомъ, отвѣчала Сеппи, не обращая вниманія на омрачившагося венгерца, котораго она взяла подъ руку.

На улицѣ было очень холодно. По знаку Бессинга, карета его поѣхала за ними, что было очень кстати, такъ какъ на холоду графа разобрало еще болѣе. Они, впрочемъ, дошли до дверей парикмахерской, и Бессингъ помогъ дѣвушкамъ отворить дверь.

Холодъ подѣйствовалъ на цыгана, такъ что ноги отказывались служить ему; Бессингъ взялъ его къ себѣ въ карету, свезъ домой и посидѣлъ даже у его постели.

— Добрый другъ!... и хорошій товарищъ! съ жаромъ говорилъ сильно поблѣднѣвшій Зальцка.—Право, я люблю васъ... Чортъ съ ней, съ этой Сеппи.... Жаль.... жаль, что вы не венгерецъ.

Бессингъ улыбнулся, пожалъ ему еще разъ руку и уговорилъ его уснуть. Выйдя на цыпочкахъ изъ комнаты, онъ сѣлъ въ карету и уѣхалъ домой.

(Продолженіе будетъ).

Дума.

Какъ поздно сошлись мы съ тобою,
Такъ рано разстаться должны,
Подъ тою же маской нѣмою,
Холодныхъ приличій полны.

Любовь-ли, вражда-ли случайной
Намъ встрѣчей была суждена,—
Погибнуть, одѣтая тайной,
Непризнанныхъ чувствъ сѣмена.

И въ вихрѣ то счастья, то горя,
Гдѣ всё впечатлѣнья на мигъ,
Забуду я голосъ твой вскорѣ
И блѣдный, задумчивый ликъ.

О чемъ же грущу я невольно?
Мнѣ жаль-ли потери пустой?
Иль сердцу обидно и больно
Быть случая вѣчной игрой?

На отдыхъ мы просимся оба,—
Жизнь мчитъ съ роковой быстротой;
Отъ люльки до темнаго гроба
Въ ней станціи нѣтъ ни одной!

Вотъ гдѣсь, вотъ зеленое поле,
Вотъ свѣтлая рѣчка шумить...
Стой! здѣсь-то вздохнуть бы я вволю!
А поѣздъ летитъ да летитъ!

Сумашедшая.

Головка бѣдная! Совсѣмъ ты помутилась!
Что было на яву—всѣ кажется ей сномъ
Прошедшимъ, тягостнымъ... о томъ, что ей приснилось,
Щебечеть весело, какъ будто о быломъ...

Когда же были мы счастливы и богаты?
Тогда-ль, какъ маялись въ лохмотьяхъ нищеты? —
А ей все чудятся роскошныя палаты,
Фонтаны, музыка и танцы, и цвѣты!

О счастье, о любви, о сладостной сторонѣ
Она болтаетъ мнѣ и крѣпко руку жметъ,
Горять и бѣгаютъ веселые глазенки
И краска яркая все личико залетъ.

И полонъ смѣхъ ея восторговъ упоенья...
Я молча слушаю, отнять не смѣя рукъ...
О, будь же счастлива хотя въ воображеньѣ!
Кто-бъ отрезвить тебя рѣшился на мгновенье, —
Хоть на мгновение одно? Злодѣй или другъ?

Ф. Андреевъ.

ФЕТИШЪ.

Difficile est satiram non scribere.

I.

Не въ коня кормъ.

Театръ былъ биткомъ набить; онъ вмѣщалъ въ себя въ данную минуту чуть-ли не половину жителей губернскаго города N.

Партеръ, ложи, галлерей, раекъ—все представляло собой одну движущуюся массу головъ. Англійскіе проборы, благородныя лысины, смѣло закинута назадъ вудри виднѣлись внизу, въ креслахъ и кожахъ бенуара. И чѣмъ выше подымался глазъ наблюдателя, тѣмъ чаще и чаще встрѣчалъ онъ знакомые, но иные типы губернскаго населенія: восьминудовая купчиха, вознесшаяся подъ самую облаку, неустово обмахивающая себя носовымъ платкомъ, чиновникъ «изъ мелкой рыбицы», въ свѣтло-сѣрой жакетѣ, пріютившійся между двухъ матово-черныхъ кафтановъ, по грудь покрытыхъ какой-то безпорядочной лохматой куделью, гимназистъ, старая дѣва-гувернантка или классная дама, молодое смѣющееся, розовое, какъ яблоко, женское личико, выглядывающее изъ подъ дешевенькой, но эстравагантной шляпки...

А тамъ, все ниже и ниже, въ морѣ огней и свѣта, оглушаемое визгомъ и ревомъ дико-завывающаго оркестра, блестящее золотомъ и поддѣльными камнями, ослѣпительной бѣлизною обнаженныхъ плечъ, расфранченное до полуодѣянія, красовалось сонмище барышень губернскаго beau mond'a.

Мужчины, какъ тѣни, сновали изъ ложи въ ложу. И надо всѣмъ

STANFORD LIBRARIES

этимъ, кромѣ неистоваго рева плохаго оркестра, царилъ непрерывный шумъ, словно вѣтеръ набѣжалъ и ударилъ по верхушкамъ дремучаго лѣса, словно поднялись съ тревожнымъ жужжаніемъ вспугнутые со своихъ удѣвъ безчисленные рои пчелъ.

Губернскій городъ веселится. Сегодня первый дебютъ опереточной труппы, съ участіемъ нѣкоторыхъ столичныхъ артистовъ.

Оркестръ рывнулся, что было мочи, и шелковый занавѣсъ, съ размалеваннымъ на немъ вѣнкомъ и лирой, взвился.

Мгновенная тишина воцарилась въ театрѣ. Рѣзкій надорванный голосъ провинціального Калхаса одинъ звучалъ теперь какъ-то безпомощно и жалко, словно по тяжелой неволѣ.

— «Все цвѣты и цвѣты!» выкрикивалъ огромный толстый дѣтина въ блестящемъ подрясникѣ, и при этомъ съ недоумѣніемъ поводилъ руками.

Желѣзный листъ, долженствовавшій изображать громъ, не произвелъ надлежащаго впечатлѣнія на публику. «Громъ» не былъ слышенъ, — и испуганное восклицаніе толстаго жреца вызвало не одну улыбку сожалѣнія.

— Скучно, процѣдилъ сквозь зубы толстый генералъ въ эполетахъ, величественно развалившійся на креслѣ, обитомъ, не въ примѣръ прочимъ, пунцовымъ бархатомъ.

— Подождемъ, ваше превосходительство, что скажетъ намъ Орестъ, тихо шепнулъ ему сидѣвшій съ нимъ рядомъ молодой человѣкъ лѣтъ 30, съ выразительными и тонкими чертами лица, и художественно закинутаю назадъ гривую черныхъ, какъ смоль, волосъ.

— По-дож-демъ, протянулъ генералъ и навелъ въ то же время свой огромный бинокль на быстро выскочившаго изъ-за задней кулисы будряваго мальчугана въ легкой шелковой рубашenkѣ, съ стройными, обтянутыми въ трико, ногами.

— Вотъ Паренисъ и Леона! звучалъ его нѣжный контральто.

— Прелестъ дѣвочка, облизнулся правитель губерніи, обращаясь снова къ своему сосѣду.

Тотъ, казалось, не слышалъ его замѣчанія; онъ сидѣлъ теперь, нѣсколько подавшись впередъ всѣмъ тѣломъ, не сводя бинокля съ

хорошенькаго Ореста. Нервная дрожь пробѣгала по красиво очерченному рту.

— Да вѣдь вы, Левъ Александровичъ, профанъ по этой части, молвить, отворачиваясь отъ него, генераль.

— Какъ? Что вы сказали? словно проснулся тотъ.

— Профанъ, я говорю, вы по женской-то части.

— Вамъ извѣстны, генераль, мои взгляды...

— Знаю, знаю! взгляды!.. Ну, ужь и взгляды, между нами будь сказано!

— Я никогда не измѣню ихъ, съ дрожью въ голосъ проговорилъ тотъ.

— Ну, это еще бабушка на двое сказала. Атанде! А Марью Степановну видѣли? При этомъ лицо губернатора приняло выраженіе необычайнаго лукавства.

— Нѣтъ.

— Вонъ она, батюшка, въ бельэтажѣ, вторая ложа. Не мѣшало бы и навѣстить прелестную вдовушку.

— Да, я зайду въ антрактъ, какъ-то вскользь промолвилъ на это Левъ Александровичъ.

— Зайдите, зайдите, — фи-ло-софъ! и губернаторъ смѣялся своими маленькими заплывшими глазами и круглымъ, гладко выбритымъ, подбородкомъ.

Левъ Александровичъ опустил на колѣни бинокль и глядѣлъ предъ собою пристальнымъ, неподвижнымъ взглядомъ.

«Она здѣсь, мелькало въ его головѣ... Маша, милая Маша! Но что же мнѣ дѣлать!»

«Всѣ мы жаждемъ любви

Это наша — святыня!» —

звучалъ, межъ тѣмъ, въ ушахъ его избитый мотивъ.

Онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, хотя глаза его и были, казалось, устремлены на сцену. Давно извѣстныя слова давно избитаго мотива болезненно отзывались въ его душѣ, будили какія-то отдаленныя струны, вызывали сладкія и вмѣстѣ съ тѣмъ мучительныя воспоминанія.

«Дѣвушка, милый!» Звучить въ ушахъ его молодой жен-

скій голосъ. Голубые, какъ небо, глаза ласкаютъ и жгутъ его невыносимымъ, мучительнымъ пламенемъ. Нѣжныя, бѣлыя, обнаженныя до плечъ руки, словно змѣи, обвились вокругъ его шеи... А лицо горитъ отъ знойныхъ поцѣлуевъ. Нѣтъ — это не рай, это адъ, — страшный, съ безконечною мукою ада!

Блѣдный, съ искрящимися глазами, съ нервно-вздрагивающей нижней губой, неподвижно сидѣлъ онъ до конца перваго дѣйствія.

А на сценѣ уже гремѣлъ жестяной листъ, изображая собою гнѣвъ бога боговъ, и пестрая колѣнопреклоненная толпа распѣвала, молила и трепетала.

Занавѣсъ палъ.

Во второй ложѣ бельэтажа, куда направился теперь Левъ Александровичъ, съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждала его молодая женщина въ изящномъ черномъ шелковомъ платьѣ, плотно обтягивающемъ ея гибкую миниатюрную фигурку, съ блѣднымъ, словно восковымъ личикомъ, озареннымъ большими, полуприкрытыми длинными рѣсницами, темными задумчивыми глазами.

Нѣсколько разъ, во время представлѣнія, направляла она на него бинокль и долго не сводила глазъ.

Вотъ, вотъ оглянется, увидитъ, придетъ къ ней...

Но маленькая, затянутаая въ перчатку ручка ея скоро начинала нервно дрожать: онъ не оглядывался, не замѣчалъ ея.

Тогда огорченная, раздосадованная, она надувала губки и старалась выместить свое неудовольствіе на сидящемъ съ ней рядомъ молодомъ гвардейскомъ офицерѣ.

— Боля, съ чего ты это вздумалъ напомадиться? рѣзко говорила она ему, желая только къ чему нибудь придраться.

— *Quelle idée!* съ удивленіемъ пожималъ тотъ плечами.

— Ахъ, Боже мой, какъ я не люблю этого тона!

— Маня, ты вапризничаетъ.

— Да нѣтъ же, ты невыносимъ! И эта толстая Елена, — посмотри, пожалуйста, — *elle a l'air de je ne sais quoi.*

Она была, какъ на иголкахъ. Вапризное раздраженіе все болѣе и болѣе овладѣвало ею.

Сидящій съ ней рядомъ братъ казался ей въ эту минуту пош-

лымъ. Она находила его гладко причесанные волосы припороженными, усы его, закрученные стрѣлкой, — невозможными, пѣніе артистки невыносимымъ... Все ее волновало, раздражало до крайности.

Два—три бинокля поднялись на нее изъ партера; она нетерпѣливо передернула плечами и поспѣшно закрылась вѣеромъ.

А онъ не взглянулъ на нее ни разу, онъ не замѣтилъ ее... Еще минута—и она была способна расплакаться.

Но вотъ замолкло безсвязное пѣніе, въ глазахъ не раба Аяксы и Менелай... Онъ всталъ, онъ пробирается среди креселъ, онъ взглянулъ на нее.

Она вспыхнула, сердце радостно затрепетало въ груди.

Невольно, не отдавая себѣ отчета, она два раза кивнула ему головой и поманила вѣеромъ.

— Кто это?

— Моравцевъ... Левъ Александровичъ, отвѣтила она, и, радостная, ожидающая, вся повернулась ко входной двери. Я пригласу его послѣ театра, мелькомъ замѣтила она въ сторону брата.

— *Bonsoir*, протянула она руку входящему въ эту минуту Моравцеву.

Тотъ сѣлъ позади ея стула. Николай Степановичъ всталъ и, подобравъ саблю, тихо вышелъ изъ ложи.

— Куда? окликнула его Марья Степановна.

— Курить, отвѣчалъ онъ на ходу, взглянувъ на нее лукаво смѣющимися глазами.

— Боже, какъ я скучала все это дѣйствіе! всплеснула молодая женщина своими маленькими ручками, едва лишь затворилась дверь ея ложи. А вы, насколько я могла замѣтить, добросовѣстно изучали Ореста... Прелестная дѣвочка, не правда-ли?

Насмѣшливая дрожащая нотка звенѣла въ ея голосѣ.

— Откровенно сказать, я хорошенько не рассмотрѣлъ ея.

— Ну, да, да, такъ я вамъ и повѣрю!

Она пытливо взглянула на него.

— Левъ, скажи мнѣ: вѣдь ты любишь меня?

— Ты вѣрила, зачѣмъ же теперь сомнѣніе?

— Боже мой! воскликнула она съ мукой въ голосъ. Но я не понимаю, не понимаю тебя! Что ты за человѣкъ?

— Не считайте меня чужакомъ, страннымъ человѣкомъ, Марья Степановна, заговорилъ онъ съ нѣкоторой аффектаціей. Я не чуждакъ, я лишь человѣкъ съ непреклонной силой воли. Я то, чѣмъ долженъ быть всякій, уважающій въ себѣ человѣческое достоинство.

— Любить—значить потерять человѣческое достоинство? съ злобнымъ недоумѣніемъ прошептала она.

— Совсѣмъ нѣтъ. Любовь не только не унижаетъ, но возвышаетъ человѣка, но... какая любовь?

— Опять старая, старая пѣсня! Я двадцать разъ слышала ее отъ васъ,—и не понимаю ея!

— Не ея, а меня вы не понимаете,—тихимъ, почти задыхающимся голосомъ, проговорилъ онъ.

— Я не понимаю тебя! О, да развѣ не вижу я, какой ты человѣкъ! Милый, дорогой мой! Вѣдь ты честнѣе, благороднѣе всѣхъ, Левъ; въ тебѣ сила не человѣческая!..

Въ порывѣ боготворенія она схватила его руку, забывъ, что сидитъ на виду у всѣхъ, въ ложѣ. Горячая рука его отвѣтила ей страстнымъ пожатіемъ,—но то была лишь минута. Онъ всталъ; выпрямился и проговорилъ, видимо стараясь казаться хладнокровнымъ:

— До свиданія. Вѣроятно, я заѣду къ вамъ завтра.

— Ахъ, да; я и забыла... Нѣтъ, не завтра; я хочу сегодня. Пріѣзжайте ко мнѣ изъ театра, непременно. У меня будутъ кой-кто: Нина Осиповна Нимилина съ мужемъ, ну, братъ, потому тотъ, какъ его, забыла!—членъ судебной палаты...

— Верейкинъ?

— Ну, да, да... Верейкинъ. Такъ непременно же. Я жду.

Онъ обѣщалъ.

Въ дверяхъ ложи онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ губернаторомъ.

— А, Левъ Александровичъ! привѣтствовалъ его тотъ. Какъ мотылекъ вокругъ огня, такъ онъ вокругъ женщинъ.

Въ глубинѣ бенуара, откинувшись на спинку обитаго полинялымъ бархатомъ кресла, губернская красавица Нина Осиповна Нимилина вела въ это время оживленную бесѣду съ окружавшею ее толпой молодежи.

Ея ложа была полна. Мужчины спѣшили къ ней наперерывъ, горя желаніемъ приблизиться къ своему солнцу.

Солнце грѣло и освѣщало всѣхъ одинаково, — и не было того счастливица, который могъ бы похвалиться, что на его долю выпало нѣсколько лишнихъ лучей.

Мужъ Нины Осиповны, высочій старикъ съ длинными висячими усами, затерявшійся теперь въ толпѣ окружавшей его жену, былъ только что избранъ на послѣднихъ выборахъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Гордый своимъ новымъ положеніемъ, онъ былъ въ этотъ вечеръ въ самомъ розовомъ настроеніи духа: его не смущали жара, давка, и постоянный приливъ и отливъ поклонниковъ жены. Онъ склоненъ былъ сегодня смотрѣть на всѣ эти неудобства съ добродушной, всепрощающей точки зрѣнія.

Андрей Константиновичъ былъ ревнивъ, хотя и не всегда имѣлъ возможность выказать женѣ эту ревность, зная ея крайне самолюбивый и вспыльчивый характеръ. Во избѣжаніе вспышекъ и неприятныхъ неожиданностей, онъ предпочиталъ скрывать въ себѣ это неугомонное чувство, доводившее его, минутами, до полнаго отчаянія. Но сегодня онъ былъ вполне счастливъ, — и не чувствовалъ даже въ глубинѣ души хорошо знакомыхъ ему уколовъ ревности.

Молча улыбаясь, сидѣлъ онъ въ темномъ углу бенуара, самодовольно поглаживая свой китайскій усъ.

Изъ-за чьей-то наклоненной спины виднѣлся ему оживленный профиль красиваго лица Нины.

Онъ не сводилъ глазъ съ этого профиля, — онъ съ наслажденіемъ разсматривалъ темную, дугой очерченную бровь, изящный носикъ съ тонкими подвижными ноздрями, граціозный выгибъ бѣлаго, какъ мраморъ, подбородка, маленькое розовое ухо, въ которомъ блестящими огнями переливалась бриллиантовая стрѣлка.

Онъ наслаждался созерцаемъ давно извѣстныхъ ему прелестей, — и сознаніе, что эта красивая женщина, хоть и окружена толпой

доклонниковъ, но принадлежитъ ему,—дѣлало его въ эту минуту окончательно счастливымъ.

— Нѣтъ, что ни говорите, я неспособна относиться къ людямъ съ безграничнымъ довѣріемъ, съ убѣжденіемъ говорила Нина Осиповна стоящему передъ ней плотному мужчинѣ съ красивыми выхоленными баками.

— Это должно отравлять вашу жизнь въ такомъ случаѣ, проговорилъ тотъ.

— Можетъ быть, до нѣкоторой степени оно и такъ, но важно уже то, что менѣе другаго я рискую обмануться.

— Я не могу согласиться съ вами, вмѣшался въ разговоръ высокій молодой человекъ съ тихими спокойными движеніями, все время молча прислушивавшійся къ спору, — мнѣ кажется, что отсутствіе довѣрія къ людямъ не можетъ служить вамъ вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ, что вы не обманетесь; вы рискуете дѣйствительно не быть обманутой другими, но вы не гарантированы отъ самообмана.

— Какъ такъ? Я несовсѣмъ понимаю васъ, м-г Верейкинъ, вскинула она на него своими красивыми, вызывающими глазами.

— Именно. Не довѣряя человекъ, вы склонны уже тѣмъ самымъ заранѣе отрицать его, быть можетъ, выдающіяся качества, — ну, добродѣтель, безупречную честность; а разъ они существуютъ въ дѣйствительности, то ваши отношенія къ безупречно-честному человекъ будутъ предвзятыми, будутъ такими же, какъ и къ остальнымъ. Кого же вы обманываете въ такомъ случаѣ, какъ не себя?

— Пусть такъ... Но гдѣ же безупречно-честные люди?

— Поищите вокругъ себя—и вы найдете ихъ.

Всѣ засмѣялись; отвѣтъ выходилъ оригинальнымъ. Нина Осиповна не могла тоже сдержать улыбки.

— Вотъ что называется ставить вопросъ ребромъ, проговорила она. Но, Боже мой,—вы меня не поняли... господа, обвела она всѣхъ смѣющимися глазами,—*les présents sont exclus...* Я, конечно, готова признать въ васъ всевозможныя добродѣтели... М-г

Верейкинъ, вы слишкомъ безжалостны, заставляя меня такъ извиняться.

— Не трудитесь, отвѣчалъ онъ, — мы слишкомъ до вѣряемъ вамъ, потому и отнесемъ съ недо вѣрjemъ къ вашему раскаянiю.

Взрывъ дружнаго смѣха покрылъ его слова.

— Благодарю за урочъ, искренно смѣялась Нина Осиповна, — тѣмъ болѣе благодарю, что я очень желала бы научиться лучше смотрѣть на людей, даже не прочь бы встрѣтиться съ идеаломъ en chair et en os.

— Я готовъ, если вы желаете, указать вамъ на такого, вызвался кто-то изъ толпы.

— Ахъ, пожалуйста! Еслибъ я говорила съ Петромъ Михайловичемъ, указала она на Верейкина, я была бы заранѣе увѣрена, что онъ отреккомендовалъ бы себя... Но вы... вы вѣдь не себя отреккомендуете?

— Успокойтесь, не себя. Я укажу вамъ на нашего губернаторскаго чиновника особыхъ порученiй.

— Левъ Александровичъ! вскрикнула она, словно пораженная какой-то мыслью.

— Моравцевъ, этотъ красивый брюнетъ? переспросилъ Верейкинъ.

— Да-съ, господа, онъ и есть. Сила характера въ немъ безгранична, честность убѣжденiй—непоколебима, высота принциповъ— неизмѣрима.

— Это все потому, вѣроятно, что про него распушенъ здѣсь слухъ, будто-бы ни одна женщина не могла его никогда побѣдить, и потому что господинъ Моравцевъ недурно разглагольствуетъ о достоинствѣ человѣка, о долгѣ и т. д., насмѣшливо замѣтила она.

— А, можетъ, и потому, волко вставилъ господинъ съ выхоленными бакенбардами, — что названный идеаль не рѣшается предложить свою руку и сердце хорошенькой вдовушкѣ съ очень кругленькимъ состоянiемъ, а?

— Всякiй бы поступилъ на его мѣстѣ иначе, подчеркнул Верейкинъ.

— Довольно, господа, фи! — стыдитесь, — мужчины, и занимаетесь сплетнями, шутливо перебила Нина Осиповна. — Сейчас Парисъ соблазнить жену Менелая, но, пожалуйста, прошу васъ, держите свои языки на привязи, — не разносите завтра этого скандала по всему городу.

И кивнувъ слегка головой, весело улыбаясь, она встала и направилась въ освѣщенную ложу.

— Не забудь, André, изъ театра мы ѣдемъ къ Волковичъ, вскользь замѣтила она мужу.

А на сценѣ Парисъ уже объяснялъ Еленѣ — что есть три способа покорить женщину и третій — это хитрость. «Быть можетъ, это самый вѣрный», пронеслось въ ея головѣ, и при этомъ взглядъ ея упалъ и остановился на сидящемъ въ креслѣ Моравцевѣ.

II.

Между Сциллой и Харибдой.

Спектакль кончился въ половинѣ одиннадцатаго.

Марья Степановна Волковичъ уѣхала сейчасъ же послѣ втораго дѣйствія; она торопилась домой, смущаемая нѣкоторыми упущенными ею хозяйственными распоряженіями по поводу сегодняшней ечеринки. Губе ѣнаторъ самъ назвался сегодня, съостривъ при этомъ съ глубокомысленной фізіономіей:

— Я, знаете, не охотникъ до всякихъ комитетовъ, филантропическихъ, сельскохозяйственныхъ и иныхъ, но до комитетическихъ — большой любитель.

Этимъ словомъ онъ пытался какъ можно ближе передать французское — «petit comité».

Итакъ, съ приѣздомъ губернатора, Гришки — Отрепьева, какъ его звали, потому лишь, что фамилія его была — Отрепинъ, а имя Иванъ Ивановичъ, — хозяйственные хлопоты Марьи Степановны значительно усложнялись. Но она съ честью вышла изъ затруднительнаго положенія, и ея гости заранѣе могли рассчитывать на самый изысканный и обильный ужинъ.

Первымъ подкатилъ къ крыльцу, на своихъ тучныхъ коняхъ, самъ «Гришка Отрепьевъ».

Хозяйка встрѣтила его въ залѣ.

— Вотъ это мило, привѣтствовала она, — какъ и подобаетъ генералу, впереди всѣхъ...

«Гришка» ослабилсѣ, соннулъ и приложился къ протянутой ему ручкѣ.

— Мой девизъ: впереди непріятеля...

— Вотъ какъ! весело разсмѣялась она. Впереди непріятеля... Кто же вашъ непріятель—во-первыхъ? А во-вторыхъ, — я не зави-дую вамъ; ваше положеніе критическое, если вы дѣйствительно впереди: непріятель идетъ по пятамъ.

Генераль не потерялся.

— Извольте, прелестная женщина, я отвѣчу вамъ, кто мой непріятель... Нѣкій чернокудрый мужчина. А на счетъ того, что, какъ вы изволите выражаться, положеніе мое впереди—критическое, то я на этотъ счетъ придерживаюсь своего мнѣнія: чѣмъ дальше отъ непріятеля, тѣмъ ближе къ пріятелю.

При этомъ онъ еще разъ облобызалъ ея руку, смотря на нее краснорѣчивыми масляными глазами.

Марья Степановна не успѣла отвѣтить на эту генеральскую любезность, какъ раздался сильный звонокъ. Черные силуэты подѣхавшихъ саней виднѣлись черезъ замерзшія стекла.

Нимилины, Верейкинъ и Моравцевъ вошли вмѣстѣ.

— Иванъ Иванычъ! Какъ я рада васъ встрѣтить! Быстрыми, легкими шагами Нина Осиповна приблизилась къ генералу, протягивая ему обѣ руки.

Черезъ нѣсколько минутъ, они сидѣли вдвоемъ въ уютномъ уголѣ гостиной и вели тихую оживленную бесѣду.

— Генераль, скажите мнѣ правду!

— Да что васъ такъ интересуеть, не понимаю.

— Помилуйте, да фактъ меня интересуеть, фактъ. Неужели это возможно въ наше время, въ нашъ девятнадцатый вѣкъ?

— Какъ видите, возможно.

— Мнѣ кажется, что это ложь, маска какая-то.

— А съ чего бы Моравцеву надѣвать на себя такую глупую маску, сами посудите.

— Почему я знаю. Такъ вы думаете, что это настоящая сила характера, фанатизмъ убѣжденія.

— А чортъ его знаетъ, развежь генераль руками... Pardon, madame, тутъ же засмѣялся онъ.

— Такъ что же говорить онъ о бракѣ вообще?

— А вотъ спросите его; онъ вамъ поразскажетъ.

И генераль открылъ было ротъ, чтобы подозвать Моравцева.

— Нѣтъ, нѣтъ, остановила она его движеніемъ руки. Не надо...

Мы лучше наведемъ его самого на эту тему.

— Да что вы влюблены въ него, что-ли?

— Фи! Я интересуюсь человѣкомъ, подчеркнула она.

— То-то-же, — человѣкомъ... Вѣдь и онъ человѣкъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, не то! Вы меня не понимаете, генераль! горячилась она.

— Не понимаю. А его нахожу черезчуръ благороднымъ, если «черезчуръ» вяжется съ благородствомъ.

Любовь Марьи Степановны къ Моравцеву была въ городѣ притчей во языцѣхъ. Всѣ были увѣрены также, что послѣдній отвѣчаетъ ей тѣмъ же.

Но онъ — необыкновенный человѣкъ! Онъ отворачивается отъ того, отъ чего никто бы не былъ въ состояніи отвернуться. Онъ проповѣдуетъ «силу характера», «твердость воли», «чистоту души», онъ — фанатикъ своихъ убѣжденій.

Бракъ съ Волковичъ былъ бы для всякаго блестящимъ бракомъ: она молода, хороша, имѣетъ болѣе ста тысячъ состоянія. Она спитъ и видитъ выйти замужъ за Моравцева, но онъ и не думаетъ на ней жениться.

Его называли благороднѣйшимъ человѣкомъ, избранной натурой, но его не могли окончательно понять. Женщины горѣли нетерпѣніемъ испробовать на немъ свои силы, заставить его полюбить «почеловѣчески», но онъ любилъ по своему; онъ любилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ казнилъ любимую женщину за то, что она женщина, за то, что кровь кипитъ и бьется въ ея жилахъ.

Но онъ не бѣгалъ женщинъ; напротивъ, онъ видимо искалъ ихъ общества. Странная загадка!

Все это возможно теперь Нину Осиповну.

Она не вѣрила въ нравственныхъ атлетовъ, въ людей - волосовъ, не вѣрила въ избранныхъ натуръ; она горѣла желаніемъ во чтобы-то ни стало сорвать маску съ лица Мра, какимъ почему-то казался ей Моравцевъ.

Она готова была сегодня пустить въ ходъ все свое неотразимое кокетство, все обаяніе своей женской красоты, чтобы только увидеть въ немъ человѣка обыкновеннаго, не выше головою другихъ.

— Какъ вамъ понравилась столичная «Елена»? прервалъ ее размышленія подошедшій къ ней Николай Степановичъ.

— Играетъ очень недурно, но поетъ не позволительно.

Онъ подсѣлъ къ ней, заговорилъ о петербургскомъ Буффѣ, рассказалъ нѣсколько скандаловъ изъ закулисной жизни.

Она не слушала его; все вниманіе ея было обращено въ сторону Моравцева.

Тотъ стоялъ у противоположной стѣны, блѣдный, красивый, съ безпокойно-блестящими глазами. Марья Степановна смотрѣла на него съ какимъ-то благоговѣніемъ. Верейкинъ, Нимилинъ и генералъ стояли вокругъ. Тихій, сдержанный голосъ Моравцева долеталъ минутами до нея.

— Ни горя, ни радости, ни счастья, ни несчастья внѣ насъ не существуетъ, говоритъ онъ.

— Но еслибъ вы видѣли, какъ она играла тогда! Elle avait le diable au corps, восхищается гвардеецъ.

Она снова прислушалась.

— Борьбы съ обстановкой, борьбы съ препятствіями не существуетъ, говоритъ Моравцевъ.

— Мы вызвали ее тринадцать разъ, imaginez vous, тринадцать разъ! не унимается тотъ.

«Да ты-то самъ съ чѣмъ борешься»? вертится въ головѣ ея страстный вопросъ.

— Одна существуетъ борьба,—это съ самимъ собой, долетаетъ до нея его фраза, словно въ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Тутъ она не выдержала и, не дослушавъ своего собесѣдника, промолвивъ что-то невнятное ему въ извиненіе, встала и, высоко поднявъ голову, словно смѣривъ всѣхъ взглядомъ, подошла къ Моравцеву.

— Скажите, эта борьба съ самимъ собой неужели необходима и тогда, когда человѣкъ счастливъ, и счастье его не вредитъ другому?

— Счастье—вещь условная. Что вы называете счастьемъ?

Онъ окинулъ ея горделивую, изящную фигуру мгновеннымъ взглядомъ съ головы до ногъ, и легкая тѣнь пробѣжала по его лицу.

— Счастье—это всестороннее удовлетвореніе моихъ потребностей, вотъ что я называю счастьемъ.

— Такъ, такъ, заговорилъ генераль, вотъ это я понимаю!

— А по моему, наслажденіе жизни лежитъ въ борьбѣ,—откинувъ набѣжавшіе на лобъ волосы, отвѣчалъ онъ,—и нѣтъ сильнѣе, нѣтъ ужаснѣе борьбы съ самимъ собой, но и нѣтъ выше наслажденія, какое испытываешь отъ сознанія побѣды духа. Мы всѣ люди, потому что созданы по подобію Божію,—но развѣ это подобіе не унижено, не оскорблено! Каждый-ли изъ насъ человѣкъ? Каждый-ли изъ насъ управляется сознательной волей? Мы необузданны, алчны, жестоки, сладострастны... Но вѣдь это главнѣйшія свойства животныхъ,—гдѣ же въ насъ человѣкъ? гдѣ задерживающее вліяніе мозга, нравственнаго чувства? Если оно не изсякло, то уже почти изсякло.

— Не понимаю, пожалъ плечами генераль.

И тутъ же наклонившись къ уху Нимилина, проговорилъ очень серьезно:—неужели мнѣ не плодятся только потому, что свиньи плодятся?

Нимилинъ фыркнулъ на всю комнату, генераль ему вторилъ, и оба, взявшись подъ руки, шумно смѣясь—прошли въ гостиную.

— Скажите, съ любопытствомъ обратился Верейкинъ къ Моравцеву,—что могло создать въ васъ такую непоколебимую силу характера?.. Мнѣ кажется, что она у васъ дѣйствительно огромна.

— Жизнь и воспитаніе, сухо отвѣчалъ Моравцевъ.

Недовѣрчивая полуулыбка появилась на губахъ Нины Осиповны.

— Левъ Александровичъ, вы увлекательно говорите. Мнѣ нравится въ васъ эта страстная вѣра, этотъ энтузіазмъ... Знаете, мнѣ пришла прелестная мысль... Я хочу учиться у васъ, я хочу понять, усвоить себѣ ваши убѣжденія. Хотите быть моимъ руководителемъ?

— Съ удовольствіемъ, но смогу-ли я...

— Сможете, сможете, если только захотите! Съ вашей нравственной силой, вамъ все возможно. Навѣщайте меня почаще, и мы будемъ говорить, много говорить... О, я буду прилежной ученицей!

Губы ея уже не смѣялись, черные глаза сдѣлались, казалось, еще глубже, чувственное красивое лицо приняло несвойственное ему выраженіе покорности, смиренія.

— Вы хотите переродиться! шепнулъ ей Верейкинъ съ саркастической улыбкой.

— Можетъ быть...

— Но выиграете-ли вы въ новой формѣ?

— Я не забочусь объ этомъ.

— Вѣроятно, съ этою минутою, подчеркнул онъ.

— А раньше вы не замѣчали этого?

— Не замѣчалъ, — я думалъ даже, что болѣе другихъ мы привязаны къ нашей... Онъ подѣскивалъ выраженія—юдоли грѣха и слабости.

— Такъ разувѣрьтесь же; я научусь бѣжать теперь отъ грѣха и слабости.

— Какъ знать! не поддаться бы только новой слабости,—и при этомъ онъ выразительно повелъ глазами на тихо разговаривающаго съ Марьей Степановной Моравцева.

— Ха, ха, ха! разсмѣялась Нина Осиповна... Не вздумаете-ли вы ревновать меня къ нему? Онъ не опасенъ...

— Знаете, au fond мнѣ не вѣрится въ его неуязвимость.

— Qui vivega—vegga.

Марья Степановна ревновала Моравцева къ Нимилиной.

Ей не понравилась послѣдняя ея выходка. Она знала непоколебимость его убѣжденій, она знала его лучше другихъ, вѣрила въ него безусловно, но теперь, помимо успокоивающихъ ее доводовъ разсудка, она мучилась при одной мысли, что онъ будетъ часто навѣщать эту красавицу; будетъ, быть можетъ, проводить съ нею, съ глазу на глазъ, цѣлые вечера, будетъ говорить свои вдохновенныя рѣчи.

Вѣдь ей, Нимилиной, не понять его; она сочтетъ его, чего добраго, за маньяка, за сумашедшаго... Что стоило труда ей, Марьѣ Степановнѣ, понять его!

А ужъ она-ли не любить его! И то, минутами, онъ подымалъ въ ея душѣ чувство злобы, досады...

Она нескоро помирилась съ своимъ положеніемъ, — да и помирилась-ли она съ нимъ окончательно? Нѣтъ, нѣтъ! Всему есть мѣра, граница... И этой гордой, непреклонной силѣ есть тоже граница. Онъ любитъ ее; по крайней мѣрѣ, онъ увѣряетъ ее въ томъ, а съ чего бы ему притворяться, обманывать?

Но развѣ онъ женится на ней? Онъ высказалъ ей, что не бывать этому никогда...

И опять эти высшія, святыя убѣжденія... Человѣческое достоинство, индивидуальность, принципъ безкорыстной чести.

— Женщина, которую сегодня назову я своей законной женою, завтра же наскучитъ мнѣ, и я принужденъ буду всю жизнь ее обманывать, не любя и въ то же время увѣряя въ любви, высказался онъ однажды.

Боже, сколько характера! Онъ любитъ ее, боготворитъ, но отказывается отъ обладанія ею, предвидя въ отдаленномъ будущемъ возможность грѣха, фальши...

А такъ, безъ думъ, безъ размышленій, онъ не въ состояніи владѣть ею: съ его благородной, высшей натурой не вяжется это...

И вотъ борьба, борьба изо дня въ день, безконечная.

Она видитъ, чего ему стоитъ эта борьба; отъ нея не можетъ укрыться его внезапная блѣдность, его внезапные порывы... Онъ цѣлымъ адъ переживаетъ въ своей груди, но онъ справляется съ

муками, справляется съ вѣчно томящею жаждой, — и выходитъ изъ нихъ все тотъ же могучій, идеально благородный, не запятнавшій себя ничѣмъ.

Но Марья Степановна не дошла еще до такой нравственной высоты, несмотря на стоящій предъ ея глазами примѣръ этой высоты, несмотря на безграничное почитаніе, на боготвореніе, вызываемыя въ ней этимъ примѣромъ; — она все же оставалась слабой женщиной, обуреваемой земными страстями, — и не легко ей было съ иной, не эгонистической точки зрѣнія, отнестись теперь къ высказанному Нимилиной желанію — сблизиться съ Моравцевымъ. Ревнивая женщина одна заговорила въ ней.

— Левъ, если ты разлюбишь меня, Левъ!..

Онъ смотрѣлъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ въ ея взволнованное, разгорѣвшееся лицо.

Они оставались одни въ комнатѣ. Изъ полуотворенной двери гостиной до нихъ громкій смѣхъ генерала и капризно настойчивый гомось Нины Осиповны, видимо о чемъ-то его просившей.

— Никогда, Маня, что ты! съ убѣжденіемъ говорилъ онъ.

— Но вѣдь она такъ хороша! Я не скрываю, — я ревную тебя... О, не ты первый, не ты послѣдній; она немало головъ вскружила.

— Не бойся за мою-то, по крайней мѣрѣ.

— Милый, хорошій, шептала она, — общай мнѣ, что не будешь къ ней часто ѣздить... Ну, Богъ съ ней! зачѣмъ она тебѣ?

— Часто, пожалуй, не буду, а не бывать совсѣмъ невозможно.

— Левъ Александровичъ!

Изъ полуотворенной двери гостиной глядѣли на него смѣющіеся глаза Нины Осиповны. Марья Степановна поспѣшно встала и присоединилась къ остальному обществу. Блѣдныя щеки ея покрылись жгучимъ румянцемъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи сказывалось необычное нервное возбужденіе.

— Левъ Александровичъ, говорила межъ тѣмъ Нина Осиповна, усаживаясь въ темный уголъ дивана и указывая ему на

кресло подлѣ себя,—я хочу задать вамъ вопросъ; отвѣтите вы мнѣ на него искренно, вполне правдиво?

— Конечно.

— Бога ради, заговорила она, внезапно понизивъ голосъ и съ страстной мольбою сложивъ руки,—научите меня, чѣмъ могу я бороться противъ самой себя! Вы такой—умный, такая избранная, благородная натура...

— Что вы хотите сказать этимъ? Я несовсѣмъ понимаю.

Она опустила глаза и проговорила тономъ смущенной молодой дѣвушки:

— Мнѣ такъ трудно высказаться... Но я смотрю на васъ, какъ на своего наставника, не правда-ли?

— О, я, конечно, постараюсь оправдать это ничѣмъ незаслуженное довѣріе,—проговорилъ онъ, любуясь ея смущеніемъ.

— Ну, такъ слушайте же, съ усиленіемъ начала она... Вообразите, что я позволила себѣ увлечься... безумно, страстно увлечься! Но я замужемъ... Боже, Боже! закрыла она лицо руками... Спасите меня вашимъ словомъ, поддержите...

Онъ вздрогнулъ. Она молила его спасти, поддержать...

Что-то глухое, злобное, но безсильное въ своей злобѣ, подымалось въ его груди. Онъ смотрѣлъ на нее молча, пристальнымъ, загадочнымъ взглядомъ.

Пошлый мотивъ, слышанный имъ два часа тому назадъ, почему-то вспомнился ему теперь: «всѣ мы жаждемъ любви»... безсвязно носилось въ его головѣ,—и онъ не находилъ въ себѣ болѣе ни одного слова, ни одного звука...

— Что же? Вы молчите...

Она взглянула на него съ тихимъ и робкимъ укоромъ.

— Кого вы любите? машинально сорвалось съ его языка.

Она засмѣялась на это рѣзкимъ, короткимъ смѣхомъ.

— Развѣ необходимо это?

Ему стало досадно за себя, досадно за глупый, необдуманный вопросъ. Онъ вспыхнулъ.

— О, нѣтъ! Но я думалъ... что... вы повѣрите.

Краска все сильнѣе и сильнѣе заливала лицо.

Нина Осиповна зорко слѣдила за нимъ изъ-за полузакрытыхъ вѣкъ, и нервно подергивались уголки ея алыхъ, чувственныхъ губъ.

— Поддержите меня, едва внятно проговорила она, словно не замѣчая его смущенія.

— Если слабость въ васъ самой, то, повѣрьте мнѣ, надо искать и силу въ себѣ, оправившись, заговорилъ онъ. Противоставьте искушенію высшій идеаль,—и оно исчезнетъ. Какого рода ваше искушеніе, не страсть-ли это, не желаніе?

Она тихо подняла на него свои черные, какъ ночь, глаза и проговорила, пылая и смущаясь:

— Желаніе, страсть...

Порывисто вздымающаяся грудь, учащенное дыханіе выдавали охватившее ее волненіе, а, можетъ быть, и стыдъ.

— Страсть... страсть... задыхающимся голосомъ проговорилъ онъ, судорожно сжавъ при этомъ ручку кресла. Боритесь съ нею опять такъ силою высшаго идеала.

— Дайте мнѣ его, укажите.

— Идеаль этотъ—человѣкъ, не животное.

— Боже мой! всплеснула она руками.—Человѣкъ! Но я слаба своей человѣчностью,—вѣдь я не Богъ же!

— Не Богъ,—это правда, но должны быть полубогомъ.

— А если останусь человѣкомъ?

— То рискуете опуститься до животнаго.

Нина Осиповна смотрѣла на него внимательно и серьезно;—тонкая складка легла между бровями.

«Что это? актеръ... или нѣтъ», мучительно вертѣлось въ ея головѣ.

— Завтра, послѣ завтра, когда хотите,—я жду васъ къ себѣ, поговоримъ...

И съ этими словами она встала и вышла изъ гостиной.

III.

Шарлатанъ.

Въ третьемъ часу ночи вернулся домой Левъ Александровичъ.

— Никого не было? спросил онъ впустившаго его заспаннаго лакея.

— Быль этотъ... какъ его! Фамиліи не запомнилъ... съ бородой-то купецъ...

Левъ Александровичъ замѣтно оживился при этомъ.

— Подушкинъ?

— Такъ точно. Какъ и въ первый разъ, вручилъ пакетъ, чтобъ, значить, вамъ въ собственныя руки непременно передать.

— Ну, ну, гдѣ же пакетъ-то?

— А вотъ сію минуту.

Старикъ зажегъ въ кабинетѣ свѣчи и скрылся. Черезъ минуту онъ вошелъ съ пакетомъ.

— Извольте получить.

— Хорошо, я раздѣнусь самъ.

Оставшійся одинъ, Левъ Александровичъ не замедлилъ вскрыть конвертъ. Онъ вынулъ оттуда пачку ассигнацій и небольшую записку. Отложивъ послѣднюю въ сторону, онъ присѣлъ къ письменному столу и принялся считать: «...двѣсти пятьдесятъ, восемьдесятъ, триста, четыреста».

Затѣмъ, мелькомъ взглянувъ на записку, онъ разорвалъ ее, а съ ней и конвертъ на мелкіе куски, и бросилъ все это въ стоящую подъ столомъ соломенную корзину.

— А съ Подушкина второй разъ перепадаетъ, проговорилъ онъ самъ съ собой, — восемьсотъ рублей... Вотъ Бакунинъ не то, — крѣпокъ бестія, не сорвешь!

Онъ задумался. Странныя мысли овладѣли имъ.

«Я проповѣдую высшія идеи, борьбу... А они вѣрятъ, всѣ вѣрятъ!» Онъ размѣялся злобнымъ, надорваннымъ смѣхомъ.

«Какъ хороша эта Нимилина!.. Одни глаза чего стоятъ... А фигура, — царственная... Я ужасно люблю такихъ женщинъ. Маша не то: она субтильна очень, хоть тоже прелесть въ своемъ родѣ... Однако какое впечатлѣніе я произвелъ сегодня!.. Потрясающее. Еще новая... сама записалась. Что-жъ, я поѣду къ ней и завтра, и послѣ завтра. Зачѣмъ ѣхать? Нѣтъ, не поѣду, не поѣду, не поѣду! Довольно и одной... Боже мой, какъ тяжело! А какъ говорила она сегодня: «страсть, желаніе»!.. Она сама была воплощен-

ная страсть, воплощенное желаніе. А я, несчастный!? Я витіюствовалъ... Богъ, полубогъ, человѣкъ, животное... что за чушь! Но она вѣрижа,—это очевидно. Да вѣдь всѣ вѣрятъ... Нѣтъ, не всѣ... говорятъ, что я шарлатаню, что я хочу выигрывать навѣрняка, что умышленно надѣваю на время маску... Навѣрняка выиграть! Вотъ потѣха. Конечно, конечно, навѣрняка,—вы не ошибаетесь, проницательные, умные люди!»

«Вѣдь какъ меня любить Маня! А красавица—чудо! Какъ я люблю этотъ задумчивый взглядъ... Но нѣтъ, я больше люблю ее иною... Я люблю, когда она мучитъ меня и себя! Ротъ полукоткрытъ, глаза безумные, вся горитъ, дрожить... «Бери, бери!» Тише, тише: принципъ, сила характера»...

И онъ снова расхохотался тѣмъ же злобнымъ, болѣзненнымъ хохотомъ. Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ: «Обладать... обладать женщиной, любить по человѣчески... Нѣтъ!—слова, слова, слова! но какимъ благороднымъ, какимъ недосыгаемо-высокимъ жажду я! А эта бѣлая лебединая шея, синяя жилка такъ и бьется, такъ и бьется... Она говорила: «желаніе, страсть»... Она любить... Кого она любить? Счастливецъ! Но нѣтъ, нѣтъ, я отымаю ее у тебя, я не отдамъ ее.. Пусть говорятъ, пусть: собака на снѣгъ лежитъ, сама не ѣстъ, другимъ не даетъ... Ха, ха, ха! Не даетъ, не даетъ... Да и не дастъ, это также вѣрно, какъ то, что я человѣкъ... Человѣкъ!.. А не полубогъ развѣ? Вотъ мысль! Ну, нѣтъ, по совѣсти... Меня называютъ благороднѣйшимъ, а я... дрянъ... фи!.. Странно,—я не сумѣю сказать, кто лучше: Нимилина или Маня? Обѣ лучше,—совсѣмъ по-дѣтски... Ну, да, обѣ, обѣ; я обѣ ихъ хочу... Хочу! А «задерживающее вліяніе мозга» борьба съ самимъ собой»—забылъ? Ха, ха, ха! неужели забылъ? Ну, нѣтъ, не забылъ...»

Лицо его исказилось судорогой, глаза блуждали дико и горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Онъ провелъ рукою по лбу, по головѣ. Поздно, скоро свѣтатъ начнетъ,—а онъ еще не ложился.

Быстро раздѣвшись, онъ бросился въ постель.

«Уснуть бы теперь, сладко, повойно,—вотъ какъ мертвые спать». Онъ плотно завернулся въ одѣяло и повернулся къ стѣнѣ.

Но нѣтъ,—сонъ бѣжить его. Въ темнотѣ, предъ закрытыми глазами, возникаютъ видѣнія.

Вонъ она опять съ синими, какъ небо, глазами, манищая, страстная, какъ вакханка... Да уйди же, уйди! «Лѣвушка, милый, я съ ума сойду!» слышитъ онъ надъ собой ея замирающій шепотъ... Она цѣлуетъ глаза его, губы, щеки; онъ чувствуетъ на себѣ эти невыносимые поцѣлуи. Огненными потоками кровь переливается въ жилахъ...

Онъ застоналъ и раскрылъ глаза, чтобъ отогнать мучительный кошмаръ.

Минуту пролежалъ онъ такъ на спинѣ, съ широко раскрытыми глазами, словно вглядываясь въ окружающій его мракъ.

Но что это? Стройная, гибкая ножка... Ахъ, да,—это ножка Ореста, сегодняшняго хорошенькаго Ореста! Кудрявый мальчуга съ женскою упругой грудью... Трико на ногахъ...

«Да не мучьте, не мучьте!...» стоналъ Моравцевъ. Маня... Она зоветъ его, она обѣщаетъ ему такое счастье, которое въ сказкахъ дается немногимъ. Нимилина... Та тоже говоритъ: желаніе, страсть... Онъ палъ передъ ней на колѣни. Знойныя, животныя ласки...

«Страсть, желаніе», еще разъ прозвучалъ въ ушахъ его молодой женскій голосъ, и, какъ живая, встала въ его воображеніи соблазнительная фигура Нимилиной,—ея пунцовыя, дрожащія губы, высоко поднимающаяся грудь...

Онъ порывисто повернулся и, уткнувъ въ подушки лицо, разразился глухимъ рыданіемъ...

Дня черезъ два Моравцевъ поѣхалъ къ Нимилиной; Андрея Константиновича въ этотъ вечеръ не было дома. Нина Осиповна приняла его одна въ своей уютной, обильно украшенной зеленью, гостиной.

Видимо она была ему крайне рада.

— Ну, вотъ, благодарю, что навѣстили, говорила она, смотря на него своимъ глубокимъ, ласкающимъ взглядомъ. А я такъ скучала эти дни—невыносимо! Можете себѣ представить, даже безвыѣздно сидѣла дома.

— Что-жъ это вы такъ соскучились?

— Сама не знаю, только давно подобной тоски не испытывала. Говорят, что иная тоска «благодатна», правда это?

— Говорять... и я думаю, что это правда.

— Вот какъ! Въ такомъ случаѣ, почему знать, — быть можетъ, и моя тоска была благодатна, вѣдь не хуже я другихъ, весело разсмѣялась она.

Онъ, улыбнувшись, склонилъ свою голову, словно говоря: не хуже, а въ тысячу разъ лучше другихъ.

Она замѣтила этотъ невольный жестъ, замѣтила также и то мало замаскированное чувство восхищенія, съ какимъ онъ смотрѣлъ на нее — и почувствовала внезапный приливъ почти дѣтской неудержимой радости.

«Онъ сдается... шарлатанъ!» пронеслось въ ея головѣ.

— Левъ Александровичъ, заговорила она робкимъ, смущеннымъ голосомъ, — вы, можетъ быть, и забыли, въ какую роль вступаете вы теперь, — въ роль моего наставника, руководителя?..

— О нѣтъ! не забылъ.

— Но вы, быть можетъ, не считаете это серьезнымъ? взглянула она на него съ тихимъ упрекомъ. Вы, можетъ быть, думаете, что отъ нечего дѣлать, отъ скуки ищете себѣ новаго развлечения...

— Полноте, мнѣ этого въ голову не приходило. Я вполне вѣрю вашей искренности. Да и что же въ томъ удивительнаго, скажите на милость, что человѣку надобно быть постояннымъ игралищемъ страстей — какъ своихъ, такъ и чужихъ, — что онъ созналъ наконецъ необходимость твердой подъ собой почвы, опоры... Не такъ ли?

— Вотъ именно, — «почвы»... Мы женщины, — да, пожалуй, и большая часть вашего брата, мужчинъ, — не имѣемъ подъ собой почвы, это наше величайшее несчастье... Мнѣ могутъ возразить, конечно, что женщина замужняя, — жена, мать, — не вправѣ жаловаться на недостатокъ опоры... Конечно, быть можетъ, это и такъ до нѣкоторой степени; но — вы сами знаете — всегда ли семья служить въ дѣствительности для насъ этой желанною почвой?.. И, — увѣряю васъ, — не мы одни въ томъ виноваты: какъ привязаться къ тому всей душой, всѣми своими помыслами, что зачастую не въ состояніи найти доступъ въ ваше сердце?

— Пусть разумокъ руководитъ васъ тамъ, гдѣ сердце не въ состояніи руководить.

— Разумокъ!.. недověрчиво улыбнулась она. Да въ томъ-то вся и бѣда, что часто подскажетъ онъ вамъ то, что идетъ въ разрѣзъ съ общепризнанной нравственностью.

— Не думаю. Разумокъ васъ не научитъ безнравственности.

— Будто? А какъ назовете вы такой, положимъ, примѣръ?.. Женщина—замужемъ, она связана съ нелюбимымъ человѣкомъ на жизнь и на смерть, но всей своей душой, своими помыслами—отдалась другому, который долженъ быть ей по разумку-то совершенно чужимъ, а на самомъ дѣлѣ выходитъ единственно близкимъ, дорогимъ человѣкомъ... И причемъ же тутъ разумокъ? Развѣ можно разлюбить... по разумку?..

— Разлюбить нельзя, но сдержатъ, регулировать свое чувство, поставить передъ нимъ барьеръ, дальше котораго оно не должно идти, не только возможно, но и необходимо... Вѣдь еслибъ не было его, этого разсудка, еслибъ не было облагораживающаго насъ вліянія мозга,—во что бы мы тогда обратились? Мнѣ кажется, трудно нарисовать картину подобнаго общежитія, въ теоріи, по крайней мѣрѣ;—на практикѣ, въ человѣческомъ обществѣ, оно вѣдь невозможно... Господство чувства, страстей, аффектовъ... Къ чему повело бы оно? Къ убійству и самоубійству. Человѣческое общество обратилось бы въ сборище безумныхъ, маньяковъ, дѣйствующихъ исключительно подъ вліяніемъ минуты,—необузданныхъ въ своемъ безуміи, ненасытныхъ въ разнообразномъ проявленіи страстей и желаній. О, пусть только исчезнетъ у людей разумокъ,—и первое, что они сдѣлаютъ—это примутся за поголовное истребленіе другъ друга... Если звѣри могутъ существовать, то потому лишь, что не знаютъ они человѣческихъ страстей и аффектовъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушала она его страстную рѣчь.

— Но вѣдь нельзя же жить однимъ разумкомъ.

— Я и не говорю этого. Живите и чувствомъ, но чувствомъ возвышеннымъ, облагороженнымъ вашей человѣчностью.

— Человѣчностью!.. воскликнула она.—Да я же говорила вамъ, что слаба своей человѣчностью.

— Но ею же вы можете быть и сильны, — съ убѣжденіемъ возразилъ онъ. — Все дѣло — въ идеалъ и волю.

Она задумалась. Злые думы забродили въ головѣ.

«Въ идеалъ... ужь не ты-ли этотъ идеалъ! Исключительная натура... Зачѣмъ же ты ластился къ намъ, женщинамъ, бѣднымъ, но мудренымъ натурамъ?.. Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, свѣтскій человѣкъ и проповѣдникъ нравственнаго величія!.. Не вяжется это что-то. Лгунъ, лгунъ, шарлатанъ! О, что бы дала я, чтобы вывести тебя на свѣжую воду, чтобы расхохотаться тебѣ въ лицо, унизить, затоптать ногами!..»

Моравцевъ не сводилъ съ нея глазъ, такъ хороша была она въ эту минуту злаго раздумья.

Она внезапно поднялась съ мѣста, окинула его мгновеннымъ ласкающимъ взглядомъ и, взволнованно пройдясь по комнатѣ, проговорила какимъ-то страшнымъ голосомъ:

— Мужъ навѣрное не вернется раньше двухъ часовъ, пойдите ко мнѣ.

Онъ всталъ и машинально послѣдовалъ за нею.

Она привела его въ свой полуосвѣщенный, изящный будуаръ. Тонкое благоуханіе дорогихъ духовъ смѣшивалось съ запахомъ цвѣтушнихъ растений. Нога тонула въ мягкомъ коврѣ; стѣны были обиты пунцовой матеріей съ разсѣянными на ней золотыми букетами; въ простѣнкѣ между двумя окнами, закрытыми тяжелыми портьерами, красовалась масляная картина, изображавшая полунагую мать съ ребенкомъ на рукахъ; круглые, низкіе столики на золоченыхъ ножкахъ въ живописномъ безпорядкѣ видѣлись тутъ и тамъ, то почти теряясь въ темной, густой зелени деревьевъ, занимавшихъ собою чуть не половину комнаты, то рѣзко выдѣляясь по стѣнамъ своей миниатюрною, игрушечною формой. Въ лѣвомъ углу, противъ мраморнаго камина, змѣей изогнутая козетка и низенькій турецкій диванъ, съ стоящимъ передъ нимъ мозаиковымъ столикомъ, окончательно тонули въ зелени широкихъ пальмъ и олеандровъ.

— Садитесь сюда вотъ, Левъ Александровичъ, говорила Нина Осиповна, указывая ему на закрытый деревьями турецкій диванчикъ. Я прикажу затопить каминъ — хотите?

Черезъ нѣсколько минутъ каминъ весело трещалъ въ будуарѣ и нагрѣвалъ уже и безъ того сильно натопленную комнату.

— Какой прелестный уголокъ! не могъ выдержать Моравцевъ.

— Это мой любимый, проговорила она. Много пережила я въ немъ и тяжелыхъ, и хорошихъ минутъ. На что ни взгляну я здѣсь,—мнѣ все что нибудь да напоминаетъ. Вотъ хоть, напримеръ, эта медвѣжья шкура,—указала она ему на простертаго въ ногахъ огромнаго медвѣдя съ вызолоченными когтями,—на нее безъ смѣха я, право, не могу смотрѣть... Знаете,—изъ-за этого глупаго медвѣдя, я чуть не разсорилась съ мужемъ... *mais c'était sérieux*,—вѣрите ли!.. Онъ приревновалъ меня къ одному молодому человѣку, который поднесъ мнѣ въ даръ этого медвѣдя... Онъ самъ его убилъ, съ опасностью жизни... Я была благодарна, я не знала, чѣмъ ему отплатить за такой подарокъ—и нашла наилучшимъ... ну, быть съ нимъ любезнѣе, чѣмъ съ другими. Андрей Константиновичъ однажды обрушился на меня за эту благодарность, и, знаете, мы сильно повздорили: я не говорила съ нимъ четверо сутокъ. А эта мраморная Венера—что на каминѣ,—тоже подарокъ... И какъ бы вы думали, отъ кого? Отъ самаго Гришки Отрепьева,—ха, ха, ха! Вѣдь онъ долго состоялъ при мнѣ въ качествѣ страстнаго поклонника, но—комически вздохнула она—отошелъ отъ меня къ *m-me* Волковичъ... Премилая женщина эта Марья Степановна,—я ее ужасно люблю... Я даже не могу хорошенько объяснить себѣ, почему я такъ къ ней привязалась; минутами, мнѣ кажется, что я люблю ее въ особенности за то, что она такъ много намучилась замужемъ, бѣдная!.. Вѣдь вы знаете, конечно, она была страшно несчастлива.

Она болтала весело и оживленно. Совсѣмъ иная женщина сидѣла теперь предъ Моравцевымъ,—не робкая, молящая помощи и опоры, а беззаботная, самоувѣренная кокетка.

Словно съезжившись, тѣсно прижавшись къ углу козетки, полуосвѣщенная отблескомъ каминъ, съ яркими разгорѣвшимися щеками, съ искрившимся взоромъ, она походила въ эту минуту на женщину, готовую впервые отдаться любимому человѣку.

Въ комнатѣ было жарко, смѣшанный запахъ цвѣтовъ и ду-

ховъ щекопала нервы Моравцева,—въ головѣ чувствовалась та жесть, пульсъ усиленно бился.

Онъ смотрѣлъ на Нимилину,—и любилъ ее въ эту минуту со всею необузданною страстью «низшей природы».

— Вы думаете, что я не поняла васъ? говорила межъ тѣмъ Нина Осиповна, вся какъ-то странно потягиваясь и изгибаясь.

— Нѣтъ, отчего же! Вы слишкомъ умная женщина, чтобы не понять меня.

— То то же!.. загадочно проговорила она, остановивъ на немъ долгій, пытливый взоръ. Я поняла, что вы тоже умный человекъ... А потому—по рукамъ.

Онъ взялъ ея руку и съ удивленіемъ глядѣлъ на нее. Она улыбалась... Но что это была за улыбка!

— Вы довѣряете моей скромности? почти шепотомъ проговорила она, не спуская съ него пытливаго взора.

— Что за вопросъ... Я не понимаю,—уже окончательно потерялся тотъ.

Она крѣпко сжимала въ своей рукѣ его руку и близко придвинулась къ лицу его своимъ горѣвшимъ лицомъ. Онъ чувствовалъ, что голова его кружится, сердце стучить часто и неровно. А она все ближе и ближе... Черные съ огненными переливами глаза, казалось, проникають въ его душу, горячее, прерывистое ея дыханіе жжетъ нестерпимо...

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и грубо выдернулъ изъ ея руки свою руку.

Съ громкимъ, внезапнымъ хохотомъ быстро откинулась она снова на спинку кресла.

— Вѣдь вы же... умный человекъ!.. Не бойтесь!.. Мы свои люди... ха, ха, ха! Онъ струсилъ, онъ струсилъ,—ха, ха, ха!

Онъ стоялъ предъ нею блѣдный, дрожащій,—колѣни подгибались, горло сжималось судорогами.

— Слушайте, заговорила она, поборовъ душившій ее хохоть. Я не знаю, да и знать не хочу—зачѣмъ понадобилась вамъ та или иная маска, но я знаю, что вы умѣете носить ее, какъ никто... Но сегодня, вотъ здѣсь, предо мной,—вы ее скинете,—скинете потому, что хочу я этого, хочу!

Она встала, выпрямилась, сдѣлала шагъ и, охвативъ его шею руками, словно подкошенная, упала на диванъ, съ силою увлекающая его съ собой.

— Люблю!.. люблю! раздавался въ ухахъ его страстный шепотъ, прерываемый жгучими поцѣлуями.

Онъ опустился къ ея ногамъ и, охвативъ ихъ руками, цѣловалъ колѣни.

Злая, торжествующая улыбка заиграла на ея лицѣ, — но то была лишь минута; лицо ея поблѣднѣло, судороги сжали углы губъ, когда рѣзкій надорванный голосъ прозвучалъ въ ея ухахъ:

— Я... не упаду до... животнаго! У меня хватить на то... силы.

IV.

Благороднѣйшій.

«Онъ не шарлатанъ, онъ въ самомъ дѣлѣ высшая, исключительная натура».

Нина Осиповна не могла уже болѣе сомнѣваться въ этомъ.

Какъ мелка и ничтожна показалась она самой себѣ предъ этимъ нравственнымъ великаномъ! Теперь словно завѣса спала съ ея глазъ, и въ отталкивающей безобразной формѣ предстала предъ нею вся прошлая жизнь съ ея капризными увлеченіями, съ ея ничѣмъ непоправимыми ошибками.

Вотъ онъ единственный человекъ, который можетъ гордо и высоко держать свою голову, — сознавая свою безграничную нравственную мощь.

Развѣ не достоинъ онъ поклоненія? А давно-ли еще вполне искренно и убѣжденно не допускала она существованія человека выше человѣческихъ слабостей?..

Нимилина знала жизнь, и знала ее не съ одной лишь свѣтлой, красивой стороны, но знала и ея изнанку.

Рано пришлось ей лицомъ къ лицу столкнуться съ себялюбивымъ эгоизмомъ, попирающимъ въ другихъ всякое чувство человѣческаго достоинства... Алчность, расчетъ, животные инстинкты, заглушившіе собой почти все человѣческое, — вотъ съ чѣмъ встрѣтилась она съ первыхъ же шаговъ своихъ на жизненной аренѣ.

Чудной, свѣтлой, сулящей однѣ лишь радости и успѣхи, казалась эта арена неопытной шестнадцатилѣтней институткѣ. Она твердо вѣрила, что люди должны быть все добрые, честные, по крайней мѣрѣ, тѣ, съ которыми столкнетъ ее судьба. Вѣдь никому не желаетъ она зла, вѣдь готова же она всехъ полюбить, всехъ приласкать...

И вотъ, почти еще ребенкомъ, она покидаетъ стѣны института и, радостная и довѣрчивая, вступаетъ въ жизнь.

Ей не доставало, конечно, многого: отца, матери, преданнаго умнаго друга, но зато сколько клятвъ, сколько страстной любви! Онъ приходится двоюроднымъ дядей, — конечно, ужъ онъ не первой молодости, онъ женатъ, но развѣ нельзя полюбить женатаго, роднаго? Вѣдь она же всехъ, всехъ готова любить... А онъ говорить, что мучится, страдает... Бѣдный! Могла-ли она не желать его счастья, когда счастье это въ ея рукахъ?.. Она отвѣчала, что любить... потому, что было — словно кошмаръ! Жалость погубила ее... Связь преступная, безъ опредѣленнаго сознанія преступления... Безобразныя сцены... Оскорбленія, обидныя, безжалостныя слова, брошенныя ей обезумѣвшей отъ ревнивой злобы теткой...

Она выгнана на улицу: — «развратной» не стоить благодѣтельствовать.

«Нѣтъ, что же это! Люди безжалостны, злы»... беспомощно промелькнуло впервые въ юной головѣ.

А на дворѣ было сыро и грязно, ноги и руки воченѣли послѣ цѣлаго дня безцѣльнаго шатанья по улицамъ Москвы. Хочется поѣсть, отдохнуть въ постели; она съ утра не ѣла и не отдыхала, а теперь ужъ вечеръ, зажглись фонари, блестящимъ газовымъ свѣтомъ залиты роскошныя магазины.

Она остановилась у одного изъ нихъ, машинально разсматривая за стекломъ выставку дамскихъ уборовъ.

Прохожіе сновали мимо, безцеремонно заглядывая ей въ лицо. Кто-то настойчиво звалъ ее куда-то, говорилъ о шампанскомъ... Она молчала, ничего не слыша, ничего не понимая, только голодъ и утомленіе все сильнѣе и сильнѣе давали себя чувствовать.

— Вы, вѣроятно, работаете на магазинъ?

Она обернулась. Незнакомый ей молодой человек обращался къ ней съ вопросомъ, безцеремонно и развязно наклонившись къ ея лицу.

Она вспомнила въ эту минуту о знакомой ей барынь, содержащей вблизи модное заведеніе. Ее озаарила мысль—устроиться тамъ. У нея были кой-какія деньги въ карманѣ, она могла про-существовать на нихъ нѣкоторое время отдѣльно, еслибъ даже барыня не согласилась взять ее къ себѣ въ мастерицы. Да отчего же ей не согласиться: она тоже недурно умѣетъ шить.

Молодой человекъ еще ближе наклонился къ ней и шепталъ что-то на ухо. Она внезапно съ силой оттолкнула его и, молча, быстрой походкой пошла по тротуару. До нея донеслись бранныя слова.

Ей удалось поступить въ модное заведеніе, но тамъ не про-была она и трехъ мѣсяцевъ.

Она переѣхала въ роскошный бельэтажъ, снятый для нея бога-тымъ подагрикомъ-генераломъ. Появились въ рукахъ деньги, брил-ліанты... День длился съ десяти часовъ вечера до десяти утра, остальное время она спала крѣпкимъ сномъ. Генералъ смѣнился купцомъ, купецъ—артистомъ, артистъ—проживающимъ свои послѣд-ніе десятки тысячъ титулованнымъ баринномъ. Жизнь вошла въ свою колею. Люди не казались уже ей какъ прежде честными, добрыми; она не любила ихъ, а ненавидѣла... Разорить богатаго, довести бѣдняка до сумашествія, до отчаянія—доставляло ей злоб-ное наслажденіе. Безсознательно для самой себя она мстила.

Наконецъ—блестящій финалъ. Заѣзжій провинціалъ, старикъ Нимилинъ, человекъ съ большими средствами и положеніемъ въ губерніи, влюбляется въ нее до безумія. Немного стоило ей труда сдѣлаться его законной женою.

Вдали отъ Москвы, отъ свидѣтелей ея позорнаго блеска, въ новой, совершенно неизвестной ей провинціальной средѣ, Нина Осиповна заняла видное общественное положеніе и, благодаря вы-работавшемуся въ ней тауту, сумѣла пріобрѣсти и соответствующее уваженіе. Никто, кромѣ мужа ея, не зналъ объ ея прош-ломъ: даже заметная сплетня не доходила сюда изъ столицы. Въ сущности—натура ея была искренняя и правдивая; жизнь не извра-

тла ее окончательно. Составить то или иное убеждение—значило для нея никогда его не измѣнять. Однимъ изъ такихъ непоколебимыхъ убежденій была приобретенная ею увѣренность въ общей живости и пошлости людей. Убеждение это имѣло за себя много: она судила о людяхъ по тѣмъ многочисленнымъ, но однообразнымъ выродкамъ, съ которыми сводила ее судьба въ будуарѣ. Жизнь измѣнилась, а съ ней измѣнилась и Нина Осиповна, теперь не дала бы она поцѣловать кончикъ своего розоваго пальца тому, кто прежде получалъ отъ нея самые горячіе, хотя и не всегда искренніе поцѣлуи. Она хотѣла во чтобы то ни стало остаться честной женщиной и не запятнать имени мужа еще новымъ позоромъ.

Но искушение было не подѣ силу. Оно явилось ей въ лицѣ Моравцева, этой непонятной ей «высшей натуры». То не было искушеніемъ плоти, то было, такъ сказать, искушеніемъ духа. Сбросить маску съ лица Мра, имѣть право отнестись къ нему съ тѣмъ же скрытымъ презрѣніемъ, съ какимъ относилась она къ большинству окружающихъ—доставило бы ей немалое наслаждение.

На этотъ разъ она ошиблась,—и настолько груба и очевидна была ошибка, что не признать ея было невозможно.

Ее оттолкнулъ Моравцевъ. Ничего подобнаго не случилось съ ней въ жизни; значить, дѣйствительно напала она въ немъ на необыкновеннаго человѣка.

А если такъ, то пусть будетъ онъ, этотъ «необыкновенный человѣкъ», ея единственнымъ другомъ и наставникомъ, именно—наставникомъ; вѣдь она такъ нуждается въ могущей руководить ею твердой и безкорыстно честной рукѣ. Мужъ слишкомъ слабохарактеренъ, безличенъ: она не можетъ ему безгранично вѣрить. А ей такъ страстно хочется кому нибудь безгранично вѣрить...

Все это нашла она теперь въ Моравцевѣ. Онъ сталъ ея «другомъ», ея «опорой», ея первой чистой любовью.

Съ мучительнымъ стыдомъ вспоминала она подробности разгранной ею сцены искушенія.

Она, слабая, безхарактерная, легкомысленная женщина,—пыталась искусить этого гордаго, съ могучею силою воли, человѣка! Она, лгавшая на каждомъ шагѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ,

гавшая предъ собой, предъ другими,—смѣла заподозрить въ обманѣ и лицемѣри Моравцева!..

Съ страстнымъ раскаяніемъ, съ дрожащими въ глазахъ слезами, молила она его простить ея сумашедшій поступокъ.

— Я не вѣрила, я не могла вамъ вѣрить, взволнованно говорила она.—Я слишкомъ сама, быть можетъ, запачкана, чтобы быть въ состояніи допустить въ другомъ такую идеальную чистоту... О, вы не знаете моего прошлаго! Вы мнѣ многое простили бы, узнавъ его... Я расскажу когда нибудь, какъ предъ духовникомъ, разоблачу предъ вами свою душу. Но скажите мнѣ, умоляю васъ, скажите мнѣ теперь, что вы не отшатнетесь отъ меня, какъ отъ безнравственной женщины!.. Мнѣ необходима ваша дружба, съ того самаго дня... помните?..

— Считайте меня своимъ другомъ, — я васъ прошу о томъ. Неужели вы думаете, что истинно нравственный человекъ можетъ быть злопамятнымъ! Я забылъ все то, что васъ такъ сильно мучить, забылъ эту... странную сцену,—и вы забудьте ее. Знаете, строго говоря, быть можетъ, она къ лучшему, эта прошлая сцена... Вы удивляетесь? Однако это такъ. Теперь вы мнѣ вѣрите, безусловно вѣрите,—неправда-ли? А тогда вѣдь вы считали меня обманщикомъ, любимъ флигаромъ.

— Не повторяйте этого! вскрикнула она, при одномъ воспоминаніи о своей ужасной ошибкѣ, покрываясь яркимъ румянцемъ.

— Итакъ—мы друзья? слегка тронулъ онъ ея руку.

— Самые искренніе, самые беззащитные!

«Друзья» начали видаться почти ежедневно. Андрей Константиновичъ даже въ душѣ ничего не имѣлъ противъ постоянныхъ визитовъ Моравцева: слишкомъ уже громко трубили въ городѣ о его неуязвимости.

Марья Степановна молча слѣдила сначала за этимъ быстрымъ сближеніемъ; она словно выжидала чего-то. Цѣлый мѣсяцъ таила она въ себѣ охватившее ее чувство ревности. Она старалась заглушить его разсудочными доводами.

«Развѣ можно относиться къ нему, думала она про Моравцева, одинаково, какъ къ другимъ. Быть можетъ, оно вполне естественно, что онъ проводитъ цѣлые дни съ Нимиждиной... Вѣдь онъ же вліяетъ

на нее, воспитываетъ. Онъ всегда искалъ людей, готовыхъ податься его нравственному вліянію; онъ слишкомъ увѣренъ въ благотвѣтельности этого вліянія, чтобы не употребить его тамъ, гдѣ болѣе или менѣе уже подготовлена къ тому почва. Я не имѣю права ревновать его... Я рискую приревновать его въ такомъ случаѣ не къ женщинѣ, а къ любимой идеѣ. Это глупо. Развѣ способенъ онъ разлюбить, увлечься другой?.. Онъ сдѣлаетъ свое дѣло— и броситъ ее».

Но на эти мысли напрашивались иныя, менѣе утѣшительнаго характера. Вспоминалось ей начало ея съ нимъ знакомства. Дѣло было почти такъ же, какъ и съ Нимилиной.

Она не обращала на него особеннаго вниманія до тѣхъ поръ, пока не прожужжали ей уши объ его необыкновенной силѣ характера и нравственности. Она невольно заинтересовалась имъ, такъ же, какъ теперь и Нимилина,—думала Марья Степановна. Онъ сталъ бывать все чаще и чаще...

Однако она хорошо помнить, что были минуты, когда онъ еле владѣлъ собой; ему нелегко было бороться съ развивающимся въ немъ чувствомъ.

Онъ тоже хотѣлъ вліять на нее, перевоспитать по своему, но— она хорошо помнить это—принялся за это перевоспитаніе не ранѣе, какъ они уже любили другъ друга.

«А Нимилина? Неужели... и ее полюбилъ...» задала она себѣ мучительный вопросъ,—не въ силахъ формулировать его въ иной формѣ,—«полюбилъ». Наконецъ она не выдержала.

Она встрѣтила его однажды вся въ слезахъ, осыпала его градомъ упрековъ, молила не скрывать истины, а высказаться ей прямо и откровенно.

— Братъ уѣхалъ въ полеъ... Я одна, какъ есть одна, вслипывала она. Ты меня бросилъ окончательно, ты забылъ меня, Левъ!.. Что я за несчастная! Я принуждена сносить все, все,—и терпѣть потому лишь, что тебѣ непріятно слышать отъ меня такія слова... Вѣдь я отлично знаю, что ты весь въ этой гадьѣ, противной Нинкѣ!.. Миѣ остается только одно: чтобъ ничего не видѣть, не слышать, убѣжать, уѣхать отсюда... Что-жъ, я поѣду въ себѣ въ деревню, запрусь въ четырехъ стѣнахъ до дѣта... Нечего сказать,

хороша перспектива! А больше мнѣ ничего не остается... Зачѣмъ тебѣ мѣшать, бѣльмомъ на глазу сидѣть!.. Вѣдь я увѣрена, что безъ меня ты почувствуешь себя куда легче—уѣду, уѣду!

— Чего же ты добиваешься отъ меня, Маня? съ недоумѣніемъ спросилъ тотъ.

— Вотъ это мнѣ нравится! Чего я добиваюсь... Это мило! Давно бы такъ... Чего вы отъ меня, милостивая государыня, желаете?! Такъ вѣдь?

— Боже мой! ты переиначиваешь мои слова.

— Ничуть не бывало... Я васъ отлично, отлично поняла, Левъ Александровичъ! Вы не любите меня, и никогда вотъ на столько,— указала она на кончикъ своего мизинца,—не любили! Вы просто обманывали...

Съ этими словами, вся въ слезахъ, она оставила его въ гостиной и заперлась въ спальнѣ.

Моравцевъ былъ оскорбленъ до глубины души.

Онъ—обманывалъ! Она говорить ему это, она, Маня, которая считала его неспособнымъ на обманъ.

Да развѣ способенъ онъ обманывать, поступать нечестно? Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, онъ не идеально-честный, благородный человѣкъ... Вѣдь всѣ называютъ его такимъ, всѣ ему вѣрятъ, всѣ ставятъ его на недосягаемую для другихъ высоту.

Конечно, онъ не абсолютно-честный человѣкъ. Третьяго дня ему удалось урвать еще кушъ съ купца Подушкина, на дняхъ онъ получилъ и съ Бакунина.

Но вѣдь это дѣло иное... А въ остальномъ онъ все-таки замѣчательный человѣкъ: въ немъ столько силы воли, столько рѣдкаго благородства! А она его упрекаетъ «обманомъ», обзываетъ обманщикомъ.

Сумрачный и оскорбленный, онъ отправился къ себѣ.

За послѣднее время, послѣ выдержаннаго имъ искушенія у Нимилиной, въ Моравцевѣ произошла нѣкоторая перемѣна, неуловимая не только для другихъ, но и для него самого.

Прежде всего, онъ во в о з г о р д и л с я... Приписываемыя ему нравственныя качества, не заставляя его долго надъ собой задумываться, повліяли на него совершенно вѣщнымъ образомъ: онъ сталъ до

крайности обидчивъ и щепетилень. И обижался онъ такими вещами, на которыя другой никогда не обратилъ бы вниманія.

Цѣлыя двѣ недѣли, на примѣръ, онъ не могъ забыть одного страшнаго оскорбленія. А «оскорбленіе» произошло слѣдующимъ образомъ. Губернаторъ давалъ балъ. Вся губернская аристократія мужскаго и женскаго пола собралась къ нему.

Моравцевъ, по обыкновенію, и на этотъ разъ дирижировалъ танцами. Хлопоча о другихъ, стараясь и суетясь, онъ не пригласилъ себѣ заранѣе дамы на мазурку. Марья Степановна и Нимилина, тщетно ожидая его приглашенія, общались другимъ. Ему по неволѣ пришлось довольствоваться остатками... Дѣвочка лѣтъ шестнадцати, курносенькая и рабая, съ едва сформировавшейся, почти еще дѣтскою грудью, забытая всѣми, сидѣла гдѣ-то въ углу съ своей матерью, помѣщицей средней руки.

Никто, видимо, не интересовался ни ею, ни ея матушкой; одинокія сидѣли онѣ неподвижно, въ углу за дверью, съ самаго начала бала.

Видя себя въ неловкомъ положеніи, Моравцевъ, какъ владу, обрадовался курносенькой дѣвочкѣ, — и поспѣшилъ пригласить ее на мазурку. Дѣвочка вспыхнула отъ удовольствія, маменька побагровѣла отъ восторга.

Началась мазурка, щеки дѣвочки разгорались все сильнѣе и сильнѣе; Моравцевъ велъ съ ней какой-то незначительный разговоръ. Наблюдая изъ-за угла за сіяющей дочерью, маменька разъ десять подходила къ ней во время танцевъ и, любовно улыбаясь, дѣлала ей какія то замѣчанія на ушко. Послѣ одного изъ такихъ замѣчаній Моравцевъ увидаль, что дама его какъ бы смутилась и съ замѣтной неловкостью, уже робѣя, продолжала прерванный разговоръ.

«Предупредила маманя, злобно пронеслось въ его головѣ. — Повелѣно быть сдержаннѣе, «plus réservée», какъ подобаетъ дѣвицѣ съ незнакомымъ кавалеромъ».

И цѣлыя двѣ недѣли вспоминалъ онъ потомъ съ глубокимъ негодованіемъ толстую маманю, нашептывающую въ уши дочери о сдержанности и... осторожности.

И съ кѣмъ-же «осторожничать», «сдерживаться»? Съ нимъ, съ нимъ, Моравцевымъ!

Значить, не смотря на то, что весь городъ кричитъ о его безпримѣрной честности, нравственности, толстая мамаша не довѣряетъ ему, — сложился въ головѣ его обидный выводъ, — и онъ искренно былъ способенъ страдать отъ этого.

А теперь — Маня... Она осмѣлилась усомниться въ его честности.

Онъ вошелъ въ себѣ, окончательно разстроенный. «Какъ быть съ Маней?» мучилъ его неотвязный вопросъ. «Она не вѣритъ, — такъ пусть же пойметъ, какое страшное оскорбленіе наноситъ мнѣ этимъ недоувѣріемъ... Развѣ можно мнѣ не вѣрить? Я любилъ ее, когда говорилъ такъ; я не лгунъ. Но я разлюблю ее, я заставляю себя разлюбить ее, если она рѣшается такъ глубоко меня обидѣть... Что-жъ, — мнѣ Нимилина замѣнить ее вполне, я полюблю ее уже потому, что она поняла меня, оцѣнила. Она неспособна бросить мнѣ такой фразы»...

Онъ не сознавалъ, а, можетъ быть, и не хотѣлъ сознать, что за послѣднее время окончательно забылъ Маню для Нимилиной. Онъ силился во чтобы то ни стало доказать самому себѣ, что онъ вправѣ прекратить съ ней всякія сношенія уже потому, что она рѣшилась такъ глубоко его оскорбить.

Развѣ обманетъ онъ ее тогда, когда, порвавъ все, — даже, быть можетъ, самое знакомство съ нею, — перенесетъ свою высшую любовь на Нимилину?

Нѣтъ, онъ останется тѣмъ же Моравцевымъ, т. е. тѣмъ же образцомъ высокой честности и нравственности.

На другой день онъ не преминулъ рассказать о своей ссорѣ Нимилиной.

— Другъ мой, волнуясь, говорилъ онъ ей, вы понимаете, какъ мнѣ больно было слышать это... Вѣдь я же не обманывалъ ее. Я никого никогда не обманывалъ. Я думалъ, что эта женщина поняла меня... А развѣ не великое счастье быть понятымъ? Я любилъ ее за это дарованное мнѣ сознание. Я любилъ въ ней свое собственное счастье. Не говорите, что та любовь была исключи-

тельно эгоистична; во всякомъ случаѣ въ ней болѣе эгоизма, чѣмъ въ другой... Строго говоря, всякое чувство эгоистично, въ широкомъ смыслѣ слова, конечно. Не удивляйтесь этому, Бога ради... Вникните сами. Съ чего бы вамъ переносить порой за другаго муки, страданія, съ чего бы вамъ доходить до самозабвенія? А это такъ, это сплошь и рядомъ бываетъ... Все объясняется любовью. Любовь де укрѣпила, любовь подвинула... А откуда эта самая любовь «укрѣпляющая» и «подвигающая» берется? Изъ эгоизма, — этого начала всѣхъ началъ. Вѣдь я любилъ Волковичъ — вамъ это хорошо извѣстно — но не потому же, что любилъ ее когда-то гвардіи штабъ-ротмистръ Волковичъ, или же, въ данную минуту, по ней рѣжутся и стрѣляются десятки безнадежно влюбленныхъ, — нѣтъ, вѣдь не потому любилъ я ее, а потому лишь, что она нравилась мнѣ, приятно мнѣ было такое именно, а не иное къ ней отношеніе. Тутъ до «самозабвенія» часто лишь одинъ шагъ... Но это зависитъ отъ натуры. Одному радостно идти хоть на смерть за созданный себѣ идеалъ, — хотя бы въ дѣйствительности этотъ идеалъ далеко не отвѣчалъ его о немъ представленію; — другой — тотъ не доходитъ до крайностей, до «самозабвенія»; разсудочная способность остается при немъ и предохраняетъ его отъ заблужденія и шаржа. Я именно принадлежу къ этимъ «другимъ». Я увидалъ, что ошибся, что навязалъ женщинѣ, несвойственныя ей на самомъ дѣлѣ, качества... Я былъ увѣренъ, что она одна могла вполне понять и оцѣнить меня. Увѣренность эта была непреклонная до вчерашняго дня, до той самой минуты, какъ слово «обманщикъ» сорвалось съ ея языка. Это можно простить, пожалуй, всякому другому, или же не обращать вниманія, — но ей, которая, думалъ я, такъ меня хорошо знаетъ, такъ оцѣнила меня, — ей нельзя простить подобнаго оскорбленія.

— Нельзя, нельзя! страстно проговорила Нина Осиповна.

— И что-жъ бы вы думали? Въ ту самую минуту, какъ безпощадное слово прозвучало въ моихъ ушахъ, — я не любилъ ее уже болѣе, я почувствовалъ, что какія-то струны порвались въ моемъ сердцѣ, что я становлюсь инымъ, чуждымъ этой, за минуту передъ тѣмъ, дорогой и близкой мнѣ женщинѣ.

— Не любите ее: она недостойна васъ.

Слова эти звучали горячей мольбой и убѣжденіемъ.

— Да! я не люблю ее болѣе...

Нина Осиповна не могла, конечно, замѣтить въ эту минуту той очевидной натяжки и противорѣчія самому себѣ, которыя звучали въ каждомъ его словѣ.

Не онъ-ли много разъ корилъ и беспощадно казнилъ предъ нею «всепоглощающій» эгоизмъ? А теперь—въ союзѣ съ нимъ пытается мотивировать свои поступки... Мѣсяцъ тому назадъ, она съумѣла бы критически отнестись къ этимъ словамъ и къ человѣку, говорящему ихъ такимъ авторитетнымъ тономъ; но теперь она не рассуждала, она вѣрила и была счастлива своей вѣрой.

Далеко за полночь просидѣли они вдвоемъ.

Андрей Константиновичъ попытался было раза два прервать ихъ tête à tête, но гнѣвный взглядъ супруги слишкомъ краснорѣчиво говорилъ ему, что онъ лишній,—и, проклиная въ душѣ всѣхъ «развѣвателей» и «высшихъ натуръ», онъ покорно удалялся къ себѣ въ кабинетъ, стараясь утѣшить себя мыслью, что «оно, пожалуй, и не мѣшаетъ Ниночкѣ побесѣдовать иногда о нравственности и всякой такой матеріи; вѣдь бесѣдуютъ же дамы по часамъ съ различными попами и архіереями, «а этотъ—думалъ онъ про Моравцева—по нравственной-то части всякаго архіерея за поясъ заткнетъ».

А Нина Осиповна въ эту минуту исповѣдывалась предъ своимъ «наставникомъ».

— Я не хочу оправдывать себя, говорила она, чуть не плача, но я хочу, чтобъ вы поняли все, все!.. Тогда, быть можетъ, вы и прстите мнѣ. О, какъ бы я хотѣла заслужить себѣ отпущеніе прошлаго! Оно пятномъ неизгладимымъ лежитъ на мнѣ... Но одно слово, одно ваше слово,—и я увѣрю, что могу загладить его, могу обновиться... Если вы способны прстить мнѣ, то кто же осмѣлится осудить!..

— Не утрируете-ли вы? удивился Моравцевъ.—Чѣмъ же оно такъ ужасно—ваше прошлое?

— Ужасно! этого мало,—воскликнула она, содрогаясь всѣмъ тѣломъ,—оно отвратительно, омерзительно!

«Она много любила», пронеслось въ его головѣ.

Онъ внезапно почувствовалъ необъяснимый приливъ злобы къ этой красивой женщинѣ, молящей его объ отпущеніи, жаждущей излить передъ нимъ свою душу.

— Вы обманывали мужа? рѣзко и грубо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мужа я никогда не обманывала. Еслибъ только это!

— Вы... вы...

Онъ не могъ договорить фразы.

— Я была развратная... едва слышно прошептала она, закрывъ ярко вспыхнувшее лицо руками.

Онъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Вы продавали свои ласки, вы торговали своимъ тѣломъ?! не своимъ голосомъ прохрипѣлъ онъ, весь дрожа и злобно сжимая кулаки.

— Я была на содержаніи...

— Да взгляните же, взгляните мнѣ прямо въ глаза! Не закрывайте лица руками! Вѣдь на него всякій могъ смотрѣть вдоволь, всякій могъ цѣловать его... 0-0-0!

Онъ схватилъ ея руки и, съ силою, отвелъ ихъ отъ лица. Слезы текли по ея щекамъ, губы вздрагивали, искривились, грудь часто и неровно подымалась. Она отворачивалась отъ него, старалась высвободить свои руки, а онъ неподвижно, пристальнымъ взоромъ, казалось, впился въ ея лицо, мокрое отъ слезъ, покрытое яркой краской стыда.

— Пустите! вырвалось у нея наконецъ, и она глухо зарыдала при этомъ, съ силою высвобождаясь отъ него.

Моравцевъ схватился за голову обѣими руками и молча, шатаясь, какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты.

Нина Осиповна провела ужасную ночь.

Даже онъ не можетъ простить. А она надѣялась, она была увѣрена, что однимъ словомъ своимъ, ласковымъ и ободряющимъ, онъ сниметъ съ души ея этотъ невыносимый свинцовый гнетъ прошлаго. Она переживала теперь критическую минутувъ жизни, одну

изъ тѣхъ минутъ, отъ которыхъ зависитъ вся дальнѣйшая участь чловѣка. Искупить свое прошлое во что бы то ни стало, покаяться, очиститься отъ него предъ единственно любимымъ чловѣкомъ, какимъ былъ для нея Моравцевъ,—не было для нея дѣломъ внезапной душевной вспышки, а сознательнымъ, безповоротнымъ рѣшеніемъ: «быть или не быть»... И Моравцевъ рѣшалъ этотъ вопросъ отрицательно. Значить, ни къ чему не повело и не поведетъ ея жгучее раскаяніе... Свѣтъ, пролившійся на нее, не выведетъ ея на честный, узкій путь. Торная, избитая дорога ожидаетъ ее впереди.

Много думала, много плакала, много мучилась въ эту ночь Нина Осиповна. Она заснула лишь на разсвѣтѣ, но и сонъ не принесъ ей облегченія. Ужасный кошмаръ волновалъ и мучилъ ея душу. Грязное, омерзительное прошлое, съ поразительной ясностью, въ знакомыхъ сценахъ и лицахъ, преслѣдовало ее и во снѣ.

На слѣдующее утро она была еще въ постелѣ, когда горничная передала ей письмо, присланное отъ Моравцева съ нарочнымъ.

«Я люблю васъ, писалъ онъ, — и только этимъ сильнымъ чувствомъ могу объяснить себѣ мою вчерашнюю необузданность. Вы не ошибаетесь, считая меня честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ изъ людей; но поймите также, какъ я долженъ былъ мучиться въ ту минуту! Я не помнилъ себя, я думалъ, что голова моя лопнетъ... Но то была лишь минута... Я снова сталъ самимъ собой, а потому и говорю вамъ: прощаю и люблю по своему, т. е. высшей чловѣческой любовью».

Нина Осиповна была безконечно счастлива... Вопросъ «быть или не быть» рѣшился въ ея пользу.

Въ то же самое утро Марья Степановна Волковичъ получила также письмо отъ Моравцева. «Благороднѣйшій», не былъ способенъ обманывать.

Ю. Завистцій.

(Окончаніе будетъ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

(Питейный вопросъ).

I.

Трудно найти вопросъ, о которомъ было бы такъ много говорено и писано, какъ о вопросѣ питейномъ. Уже одно то, что вопросъ этотъ былъ предметомъ обсуждения «свѣдущихъ людей», показываетъ, что онъ не могъ не трактоваться самымъ разнообразнымъ способомъ въ нашей печати. Но и помимо этой, такъ сказать, внѣшней причины, еще гораздо прежде, чѣмъ урегулированіе питейной торговли было выдвинуто на очередь правительственной властью, на существующее и возрастающее въ народѣ пьянство указывали, какъ на одну изъ главныхъ причинъ всѣхъ нашихъ бѣдствій. Реакціонная пресса, со свойственной только ей ловкостью, смѣшивала причину съ слѣдствіемъ и указывала на необходимость особыхъ и исключительныхъ репрессій для борьбы съ этимъ народнымъ недугомъ. Напрасно публицисты противоположнаго лагеря и вообще люди, не зараженные катковскимъ духомъ, возражали, что причину экономического разстройства нашихъ крестьянъ надо видѣть не въ склонности народа къ пьянству, а въ другихъ, болѣе глубокихъ причинахъ ненормальной постановки народнаго быта, что пьянство именно вызывается такими ненормальными условіями и въ этомъ смыслѣ должно быть отнесено къ числу крайне отдаленныхъ факторовъ народнаго обнищанія. Напрасно указывали на то, что единичная борьба съ пьянствомъ, какъ съ крайне сложнымъ экономическимъ явленіемъ, представляется немыслимой, что репрессія окажется безсильной и скорѣе можетъ ухудшить положеніе вещей, чѣмъ улучшить;—наши quasi—охранители не переставали самымъ усерд-

нымъ образомъ тянуть старую, всѣмъ надоѣвшую пѣсню о томъ, что съ отрицаніемъ крѣпостнаго права и тѣлесныхъ наказаній народъ спился, изгѣнился и т. п.

Однако, какъ ни сильны въ послѣднее время принципы «катковской» политики, мы не ошибемся, сказавъ, что вопросъ о пьянствѣ былъ поставленъ на очередь независимо отъ стараній оракула Страстнаго бульвара. Господство въ нашей деревнѣ кабака и, въ связи съ этимъ, непомятое развитіе кулачества сами по себѣ настолько очевидны каждому, знакомому съ бытомъ нашей деревни, что уже давно должны были побудить правительственную власть приступить къ изслѣдованію этой стороны народнаго быта, съ цѣлью указать выходъ изъ существующаго ненормальнаго положенія. Вопросъ питейный, по разнообразію входящихъ въ него сторонъ, чрезвычайно сложенъ; въ немъ интересы частныхъ лицъ во многомъ сталкиваются съ интересами фискальными, такъ что анализъ этого вопроса составляетъ одну изъ труднѣйшихъ государственныхъ задачъ. Но съ другой стороны крайнее разнообразіе условій, влияющихъ на уменьшеніе и увеличеніе народнаго пьянства, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что, при широкой постановкѣ, вопросъ о пьянствѣ даетъ матеріалъ для обсужденія другихъ сторонъ народнаго быта и хозяйства, и такимъ образомъ выходитъ изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыхъ сосредоточивается изданіе мѣропріятій для урегулированія питейной торговли. Въ этомъ смыслѣ мы не могли не привѣтствовать, что вопросъ этотъ былъ поставленъ на первую очередь тѣхъ реформъ, которыя направлены къ обновленію и оживленію нашего строя. Мы склонны были думать, что тотъ узко-полицейскій взглядъ, слѣдуя которому на пьянство смотрятъ, какъ на личный порокъ человѣка, независимо отъ тѣхъ бытовыхъ и экономическихъ условій, въ которыхъ онъ поставленъ, не будетъ раздѣляться лицами, призванными къ обсужденію этого важнаго вопроса, вслѣдствіе чего неминуемо долженъ подняться цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, въ дѣйствительности составляющихъ наши больныя мѣста.

Читающая Россія съ понятнымъ интересомъ слѣдила за ходомъ работъ комиссіи «свѣдущихъ людей», за обширной, хотя и бесплодной газетной полемикой,—и вотъ, въ настоящее время, когда возможно подвести итоги продолжительнымъ дебатамъ, никто уже не станетъ оспаривать, что вопросъ питейный не можетъ быть разрѣшенъ единичными мѣрами репрессивнаго характера, что онъ очень сложенъ и состоитъ въ ближайшей причинной связи съ другими условіями народной жизни и культуры. Свѣдущіе люди до нѣкоторой степени сами сознавали необходимость придать питейному вопросу возможно широкую постановку: они указали на общія причины крестьянскаго обѣдненія и царящей

въ деревнѣхъ неурядицы, они указали даже цѣлый рядъ необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, преобразованій; но какъ только отъ такихъ общахъ положеній они перешли къ указанію мѣръ, направленныхъ для немедленной борьбы съ пьянствомъ, ихъ трудъ оказался сизифовой работой. Если не считать вызваннаго по совершенно другимъ причинамъ ограниченія права торговли питейными для евреевъ, то до сихъ поръ никакого измѣненія въ условіяхъ питейной торговли не произведено. Мы не сомнѣваемся, что въ будущемъ, можетъ быть, даже весьма близкомъ, такіа измѣненія послѣдуютъ; весьма вѣроятно, что будутъ приняты и нѣкоторыя мѣры, проектированныя свѣдущими людьми, но мы ни на минуту не сомнѣваемся, что всѣ такіа мѣры окажутся безплодными для борьбы съ народнымъ пьянствомъ и не повліяютъ на уменьшеніе пауперизма, постоянно и ежедневно возрастающаго.

Разрѣшенный свѣдущими людьми, питейный вопросъ далеко еще не разрѣшенъ въ жизни: мы возвращаемся къ нему съ цѣлью остановить вниманіе читателей какъ на общей постановкѣ этого вопроса, такъ и на выводахъ и заключеніяхъ комиссіи.

II.

Чтобы яснѣе опредѣлить то значеніе, которое имѣетъ у насъ питейный вопросъ, мы прежде всего остановимся на связанной съ нимъ финансовой сторонѣ. По нашему мнѣнію, необходимо разсмотрѣть вытекающій изъ питейной торговли чисто фискальный интересъ, такъ какъ роль, принадлежащая акцизнымъ сборамъ въ общей системѣ государственныхъ доходовъ, настолько серьезна, что, быть можетъ, окажется существеннѣе всякихъ соображеній экономическаго и моральнаго характера. Естественно, что если значительная доля государственнаго бюджета покрывается налогомъ на вино и въ данное время не можетъ быть замѣнена никакимъ инымъ обложеніемъ, расходы же государственныя проявляютъ наклонность къ постоянному возвышенію,—то правительственная власть не поддержитъ никакихъ мѣръ, направленныхъ къ пониженію и ослабленію столь важнаго источника дохода.

Обращаясь къ Россіи, мы видимъ въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ непрерывное возрастаніе питейнаго дохода: такъ, въ 1866 году онъ составлялъ 121.196,000 р.
 въ 1867 124.074,000 »
 » 1868 126.938,000 »
 » 1869 131.753,000 »
 » 1870 132.738,000 » Начиная съ слѣдующаго года возрастаніе идетъ уже въ болѣе усиленной прогрессіи:
 въ 1871 149.275,000 р.

» 1872	161.814,000	»
» 1873	166.007,000	»
» 1874	178.410,000	»
» 1875	185.558,000	»
» 1876	191.411,000	»
» 1877	192.245,000	»
» 1878	192.799,000	» ¹⁾
» 1879	212.241,000	»
» 1880	225.158,000	» ²⁾

Наконецъ, въ прошломъ 1881 году питейный доходъ возросъ уже до 235 милліоновъ рублей, т. е., составляя почти треть государственныхъ доходовъ. Вышеприведенныя цифры самымъ нагляднымъ образомъ освѣщаютъ то значеніе, которое въ ресурсахъ нашего казначейства принадлежитъ питейному доходу. Никакая изобрѣтательность не въ состояніи будетъ замѣнить этотъ доходъ какими-либо иными источниками обложенія; съ другой стороны, ни одно государство не будетъ въ состояніи, отказавшись отъ значительной части этого дохода, уменьшить на соответственную часть свои расходы. Напротивъ, вслѣдствіе тѣхъ исключительныхъ условій, въ которыя поставлена Россія, нельзя даже надѣяться на возможность уменьшить государственные расходы, а надо ожидать ихъ постояннаго и прогрессирующаго возрастанія. Та же приведенная нами таблица показываетъ и быстроту возрастанія питейнаго дохода: въ шестнадцать лѣтъ питейный доходъ увеличился болѣе, чѣмъ на 114 милліоновъ рублей, т. е. почти удвоился.

Таковы цифры, показывающія значеніе питейныхъ сборовъ въ общей системѣ государственнаго дохода. Однако, какъ ни велики эти цифры, ими далеко еще не исчерпывается весь расходъ, съ которымъ соединено для населенія употребленіе спиртныхъ напитковъ, и прежде, чѣмъ перейти къ опредѣленію относительнаго значенія этихъ цифръ для экономической жизни населенія, мы укажемъ хотя въ немногихъ словахъ на степень увеличенія этого расхода. При условіяхъ, въ которыя поставлена въ настоящее время торговля питьями, при господствѣ кулака, взявшаго монополію на спайваніе народа, по самому скромному вычисленію, можно допустить, что барышъ кабаковъ равняется суммѣ акцизнаго дохода ³⁾. Итакъ, почти полмилліарда рублей ежегодно тратится населеніемъ, помимо стоимости вина, какъ продукта, собственно на налогъ съ него и барышъ вино-

¹⁾ Годъ послѣдней войны.

²⁾ Поступленіе дохода показано въ круглыхъ цифрахъ и представляетъ дѣйствительное поступленіе дохода, заимствованное нами изъ отчетовъ государственнаго монроля.

³⁾ Подобный расчетъ былъ принятъ и въ комиссіи свѣдущихъ людей.

торговцевъ. Приложивъ къ этой цифрѣ стоимость самаго производства, барышъ заводчиковъ и наконецъ потери, причиняемыя народному хозяйству непроизводительной и неравномѣрной тратой времени, проводимаго во всевозможныхъ питейныхъ заведенiяхъ, мы получимъ сумму, далеко оставляющую за собой ту, которая идетъ въ доходъ фиска.

Обращаясь къ вопросу о томъ, составляютъ-ли тѣ 235 милiоновъ, которые такъ рельефно фигурируютъ въ государственномъ бюджетѣ прошлаго года, такой сильный косвенный налогъ, который превосходитъ платежныя средства страны и вслѣдствiе этого неминуемо долженъ разрушительно влiять на народное благосостоянiе,—мы, на первыхъ же шагахъ, наталкиваемся на массу самыхъ противорѣчивыхъ и разнообразныхъ взглядовъ и мнѣнiй. Находились публицисты, которые утверждали, что прогрессивное и быстрое возрастанiе питейнаго дохода само по себѣ доказываетъ обилiе въ населенiи наличныхъ платежныхъ средствъ, а потому не составляетъ какого-либо ненормальнаго явленiя *); напротивъ того, другiе видятъ въ такомъ явленiи систематическое спавнанiе народа. Мы думаемъ, съ своей стороны, что предложенный нами вопросъ—на теоретической почвѣ разрѣшить совершенно нельзя, и именно потому, что складъ русской жизни, условiя народнаго быта заключаютъ въ себѣ слишкомъ много исключительныхъ особенностей. Стоя на теоретической почвѣ и проводя параллель съ тѣмъ количествомъ вина, которое приходится на долю каждаго жителя за границей, въ особенности въ Англiи и сѣверныхъ странахъ, мы видимъ, что въ отношенiи потребления спиртныхъ напитковъ Россiя занимаетъ далеко не первое мѣсто. Эта разница увеличивается еще потому, что, благодаря климатическимъ условiямъ, потребность въ спиртѣ у насъ гораздо существеннѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Однако, не смотря на такой утѣшительный фактъ, было-бы совершенно неосновательно выводить изъ него заключенiе о сравнительной трезвости нашего народа. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что, при меньшемъ количествѣ потребляемаго вина, пьянство развито въ Россiи въ гораздо большей степени, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Такое явленiе находитъ себѣ объясненiе въ той бытовой, чисто русской особенности, благодаря которой всѣ культурные классы нашего общества, т. е. ядро нашего населенiя, совершенно не знаютъ употребленiя спиртныхъ напитковъ, въ видѣ необходимой ежедневной потребности, а предаются периодическому пьянству въ полномъ и широкомъ значенiи слова. Ниже мы будемъ говорить объ этомъ болѣе подробно, а теперь замѣтимъ, что первое положенiе, къ которому мы приходимъ

*) „Московскiя Вѣдомости“ въ многочисленныхъ статьяхъ по питейному вопросу.

въ питейномъ вопросѣ и которое можемъ защищать, опираясь на цѣлый рядъ наблюдений, заключается въ томъ, что величина и постоянное возростаніе питейнаго дохода сами по себѣ не находятся въ зависимости отъ увеличивающагося въ народѣ пьянства. Но, повторяемъ, что это положеніе, экономически совершенно вѣрное, на практикѣ значительно ослабляется, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, ненормальнымъ и нерегулярнымъ потребленіемъ вина. При всемъ томъ, значеніе высказаннаго нами положенія весьма велико, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, правительственная власть, изъ опасенія упадка питейнаго дохода, была-бы поставлена въ печальную необходимость противодействовать всякой попыткѣ уменьшить количество потребляемаго вина. Намъ приходилось весьма часто слышать мнѣнія, которыя нашли себѣ отголосокъ и въ печати, что борьба съ пьянствомъ немыслима при той роли, которая въ государственномъ бюджетѣ принадлежитъ питейному доходу и однако въ этомъ мнѣніи заключается большое и, полагаемъ, очевидное заблужденіе. Питейный доходъ, не дошедшій въ Россіи до своего нормальнаго напряженія, съ увеличеніемъ народонаселенія можетъ и долженъ возростать, а уменьшеніе въ народѣ пьянства необходимо и безусловно возможно.

Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что только крайняя близорукость и поверхностность въ изслѣдованіи вопроса можетъ привести къ тому неправильному и весьма вредному выводу, что уменьшеніе пьянства повліяетъ на уменьшеніе государственнаго дохода. Не опасаясь этого, государство можетъ и должно вывести населеніе изъ того полудикаго состоянія, при которомъ пьянство составляетъ единственный источникъ доступныхъ ему наслажденій.

III.

Коль скоро цѣлый рядъ наблюдений доказываетъ, что нашъ народъ, за рѣдкимъ и вполне ничтожнымъ исключеніемъ, не знаетъ равномернаго употребленія спирта, какъ принадлежности питанія, а предается періодическому загулу, въ большинствѣ случаевъ кончающемуся самымъ зазорнымъ опьяненіемъ, то самъ собою возникаетъ вопросъ о тѣхъ факторахъ, которыми обуславливается такое ненормальное социальное явленіе. Попробуемъ осветить этотъ вопросъ.

Моралисты учатъ насъ, что пьянство принадлежитъ къ числу тѣхъ человѣческихъ слабостей и пороковъ, борьба съ которыми возможна путемъ нравственнаго совершенствованія личности. Положеніе это, безусловно, справедливо; но, какъ и всѣ положенія отвѣченной морали, лишено всякаго практическаго значенія.

Если бы личность человеческую можно было представить въ пространства и времени, въ тѣхъ социальныхъ и экономическихъ условіяхъ, которыми она окружена, то, конечно, нравственный законъ самосовершенствованія имѣлъ бы неоспоримое и первенствующее значеніе. Но дѣло въ томъ, что каждая личность является продуктомъ тѣхъ бытовыхъ условій, которыми она обставлена, и это представляется фактомъ тѣмъ болѣе неопровержимымъ, что въ одинаковой степени распространяется на цѣлые народы. Уже давно одна изъ основныхъ аксіомъ социальной науки утверждаетъ, что ни одна черта народнаго характера не можетъ создаться сама собой, безъ причины, и всегда является послѣдствіемъ различныхъ факторовъ и условій, которыми сопровождалась историческая жизнь извѣстнаго народа. Мы употребляемъ выраженіе «историческая жизнь» не въ тѣсномъ политическомъ смыслѣ, а въ значеніи народной культуры, сосредоточивающей въ себѣ все условія народнаго быта. Если это положеніе вѣрно — а оно, какъ мы сказали, считается въ социологии неопровержимой аксіомой — то коренныя причины русскаго пьянства должны заключаться въ общихъ условіяхъ народной жизни, въ особенностяхъ существующаго строя, въ крайне низкой культурѣ. Очевидно, что, при такой постановкѣ вопроса о причинахъ пьянства будетъ сведенъ къ изслѣдованію тѣхъ большихъ мѣстъ нашего общественнаго строя, которыя даютъ себя чувствовать съ возрастающей силой и которыя давно уже составляютъ неустранимую злобу нашего дня. Однако высказанное нами положеніе о томъ, что пьянство является результатомъ низкой культуры, экономической небезопасности и, даже прямо, бѣдности населенія, хотя и представляется понятнымъ и несомненнымъ до очевидности, далеко не раздѣляется всеми. Люди, не желающіе или лишенные способности проникнуть глубже въ сущность вопроса, стараются объяснить развитіе пьянства чисто внѣшними и болѣе или менѣе случайными причинами. Мы уже не говоримъ о тѣхъ отъявленныхъ ретроградахъ катковскаго лагеря, которые причину пьянства видятъ въ отрицѣ крѣпостнаго права и во всехъ вообще благодѣтельныхъ реформахъ прошлаго царствованія. Если бы мы имѣли дѣло только съ ними, то приводимые ими обскурантные взгляды были бы оставлены нами безъ возраженія. Читатели знаютъ, что съ подобными господами серьезный споръ невозможенъ. Но, рядомъ съ ними, столь же неправильное объясненіе пьянству дается и лицами, во многомъ несолидарными со взглядами г. Каткова и К°. Даже въ комисіи «свѣдущихъ людей» были высказаны мнѣнія, по которымъ ближайшія причины пьянства были отнесены къ числу причинъ внѣшняго характера. Съ такими мнѣніями уже нельзя не считаться, въ особенности, когда они раздѣляются

представителями администраціи и влекутъ за собой цѣлый рядъ илпропріятій, заранѣе обреченныхъ на совершенную практическую безплодность. Мы считаемъ необходимымъ остановить вниманіе читателей на наиболѣе выдающихся и распространенныхъ мнѣніяхъ этого рода.

Прежде всего, мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ весьма распространеннымъ, но не менѣе того ошибочнымъ взглядомъ, по которому развитіе въ народѣ пьянства стоитъ будто-бы въ прямой зависимости отъ числа питейныхъ заведеній и вообще отъ удобства въ приобрѣтеніи вина. Взглядъ этотъ раздѣлялся многими изъ свѣдущихъ людей, онъ защищается извѣстнаго рода публицистами и въ свое время привелъ къ ожесточенной газетной полемикѣ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи споръ этотъ усложнился принципиальнымъ вопросомъ о возможности оставить торговлю напитками свободною, или о необходимости ввести въ эту область извѣстныя, болѣе или менѣе строгія ограниченія. Не беря на себя утомительнаго и совершенно безплоднаго труда слѣдить за всѣми аргументами, высказанными въ этомъ вопросѣ pro и contra, мы постараемся съ фактами въ рукахъ доказать читателямъ, что вышеприведенный взглядъ на число питейныхъ заведеній, какъ на причину, увеличивающую пьянство, лишенъ всякаго основанія.

Если пьянство стоитъ въ зависимости отъ легкости и доступности, съ которыми соединено приобрѣтеніе вина, то естественно, что количество потребленія должно быть пропорціонально уменьшенію или увеличенію мѣстъ раздробительной продажи: увеличитъ число кабаковъ, народъ будетъ больше пить; уменьшитъ—будетъ пить меньше. Такъ полагаютъ защитники ограниченій въ питейной торговлѣ. Въ дѣйствительности же наблюдается совершенно другое. Всѣмъ извѣстно и хорошо памятно то время, когда, послѣ уничтоженія откуповъ, на всемъ пространствѣ Россіи обнаружилось ни съ чѣмъ несообразное возростаніе кабаковъ. Это было въ 1863 году. Черезъ три года, въ 1866 году число мѣстъ раздробительной продажи, прогрессивно возростая, достигло почтенной цифры 254,550 и затѣмъ, вслѣдствіе увеличенія цѣны патента, моментально упало: въ 1877 г. число кабаковъ было всего 103,182. Если мы посмотримъ на питейные сборы, являющіеся безусловнымъ мѣриломъ количества потребляемаго вина, то увидимъ, что доходъ питейный въ 1866 году составлялъ 121.196,000 р., а въ 1877 г. 192.245,000 р. Такимъ образомъ, въ то время, когда число кабаковъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину, вина было выпито болѣе чѣмъ на треть, противъ прежняго. Эти цифры,—говорящія, безъ сомнѣнія, болѣе краснорѣчиво, чѣмъ слова,—съ очевидностью доказываютъ, что количество потребляемаго народомъ вина не

стоятъ ни въ какой, даже отдаленной, зависимости отъ числа питейныхъ заведеній. Уменьшеніе числа послѣднихъ можетъ только породить тайную торговлю питьями, развитъ то тайное корчемство, которое такъ сильно было распространено при откупной системѣ, и съ ея отмѣной совершенно почти исчезло. Но мы пойдемъ дальше и, безъ малѣйшаго риска впасть въ преувеличеніе, можемъ высказать, что если, говоря вообще, нѣтъ связи между числомъ питейныхъ заведеній и общимъ количествомъ потребляемаго народомъ вина, то между пьянствомъ и удобствомъ въ покупкѣ вина существуетъ несомнѣнная связь въ томъ смыслѣ, что чѣмъ меньше число питейныхъ заведеній, тѣмъ пьянство становится сильнѣе и разорительнѣе. Само собой разумѣется, что мы беремъ мѣстности, находящіяся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Высказанное нами положеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе въ томъ, что отдаленность питейнаго заведенія отъ мѣста жительства извѣстнаго лица можетъ воспрепятствовать ему приучиться къ ежедневному, регулярному употребленію напитка, но не можетъ имѣть никакого значенія при періодическихъ загулахъ, когда отдаленность питейнаго заведенія уже не играетъ никакой роли. Между тѣмъ одно изъ главныхъ орудій въ борьбѣ съ пьянствомъ заключается въ приученіи человѣка къ регулярному потребленію напитковъ, а это-то именно и затрудняется при меньшемъ количествѣ питейныхъ заведеній. Выводъ этотъ вполне подтверждается наблюденіями надъ бытомъ нашей деревни. Никто изъ знакомыхъ съ этимъ бытомъ не станетъ утверждать, что въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ находятся питейныя заведенія, пьянство развито больше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ ихъ нѣтъ. Напротивъ того, нерѣдко наблюдается явленіе, совершенно противоположное. Еще съ большею наглядностію можно подтвердить нашъ выводъ статистическими данными о случаяхъ алкогольнаго отравленія, являющихся результатомъ самаго крайняго опьяненія. Въ Западномъ краѣ, гдѣ число питейныхъ заведеній гораздо больше, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ, число случаевъ алкогольнаго отравленія значительно меньше, а слѣдовательно и пьянство развито слабѣе.

Вышеприведенныхъ соображеній, какъ намъ кажется, совершенно достаточно, чтобы прійти къ тому безусловно вѣрному заключенію, что отъ уменьшенія числа питейныхъ заведеній пьянство если и не увеличивается, то уже во всякомъ случаѣ не уменьшается. Большее значеніе принадлежитъ тому взгляду, по которому спиваніе народа ставится въ зависимость отъ лицъ, въ чьихъ рукахъ находится питейная торговля. Безъ сомнѣнія, нельзя отрицать, что кабатчикъ, преслѣдуя свои личныя выгоды, отпуская вино въ кредитъ, раз-

бавляя его водой и примѣшивая различныя одуряющія вещества, принимая извѣстные заклады, можетъ способствовать развитію если не самаго пьянства, то вытекающаго изъ него пауперизма. Мы подробнѣе коснемся этого вопроса, когда будемъ говорить объ общественныхъ питейныхъ заведеніяхъ, а въ настоящее время замѣтимъ только, что если личность питейнаго сидѣльца и можетъ имѣть значеніе, то только въ смыслѣ единичныхъ злоупотребленій, а никакъ не въ смыслѣ общей причины.

Вообще, для того чтобы всецѣло согласиться съ высказаннымъ въ началѣ этой главы положеніемъ объ общихъ причинахъ, порождающихъ въ народѣ наклонность къ пьянству, необходимо внимательнѣе присмотрѣться къ тѣмъ фактамъ, которые мы ежеминутно встрѣчаемъ въ жизни. Кто больше всего пьетъ, или, вѣрнѣе, чаще пьянствуетъ? Фабричному населенію въ этомъ отношеніи принадлежитъ едва-ли не первенствующее мѣсто. Но кому неизвѣстна тяжелая и печальная участь русскаго фабричнаго? Тяжелымъ трудомъ добываемый, весьма часто крайне ничтожный заработокъ, крайняя умственная неразвитость, неувѣренность въ обезпеченіи семьи, оставленной на родинѣ, — вотъ тѣ роковыя причины, которыя влекутъ фабричнаго къ кабаку и заставляютъ его пропивать свои послѣдніе трудовые гроши. Но въ деревнѣ эти причины обрисовываются еще болѣе наглядно. Даже при бѣгломъ взглядѣ на условія крестьянскаго быта нельзя не замѣтить, что пьютъ почти исключительно тѣ крестьяне, которымъ, собственно говоря, пропивать уже нечего. Невозможность покрыть расходы годоваго бюджета, недоимки и слѣдующія за ними экзекуціи, неурожай, разнаго рода случайныя несчастія дѣлаютъ изъ крестьянъ настоящихъ «пропойць». Можно смѣло сказать, что не только зажиточные крестьяне, среди которыхъ пьянство встрѣчается, какъ исключеніе, но даже тѣ изъ нихъ, которые не разорены еще въ конецъ, никогда не дѣлаются настоящими, отпѣтыми пьяницами. Настоящая кабацкая голь состоитъ изъ тѣхъ, которые, однажды попавъ въ недоимщики и не сведя концовъ съ концами, угодили въ руки мѣстнаго кулака, благодаря чему и дошли до послѣднихъ предѣловъ разоренія. Такимъ образомъ, двоякаго рода причины вліяютъ на возрастаніе въ народѣ пьянства: экономическая необезпеченность и умственная неразвитость. Какая изъ этихъ двухъ причинъ является болѣе существенною, опредѣлить трудно, да едва-ли и необходимо. Достаточно, что, при знаніи дѣйствительныхъ причинъ извѣстнаго ненормальнаго явленія, вполне возможна борьба съ нимъ. Съ устраненіемъ причинъ, порождающихъ зло, послѣднее устраняется само собою. Поэтому, интенсивно распространяющееся въ народѣ пьянство

будетъ устранено съ того момента, когда измѣнятся къ лучшему условія экономической жизни и возвысится уровень народной культуры. На этой единственно почвѣ мы понимаемъ борьбу съ господствомъ кабака.

IV.

Посмотримъ теперь, какъ взглянули на питейный вопросъ и къ какимъ результатамъ пришли «свѣдущіе люди», оговоривъ при этомъ, что считаемъ нужнымъ касаться ихъ проекта не потому, чтобы видѣли въ немъ выраженіе общественнаго мѣнѣя, а исключительно только потому, что, съ тѣми или другими измѣненіями, ихъ проектъ ляжетъ въ основу правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ регулированію питейной торговли.—Безъ сомнѣнія, мы будемъ говорить только о выводахъ комиссіи, не касаясь частныхъ и подробностей, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ занимающему насъ вопросу.

Какъ извѣстно, проектъ измѣненія въ условіяхъ питейной торговли—измѣненій, направленныхъ къ уменьшенію въ народѣ пьянства—былъ выработанъ первоначально правительствомъ и, уже готовымъ, переданъ на обсужденіе комиссіи. Выгода такого порядка состояла въ томъ, что свѣдущіе люди имѣли полную возможность ознакомиться со взглядами на вопросъ правительственной власти и, благодаря этому, до извѣстной степени избѣжать напраснаго труда; но съ другой стороны готовый законопроектъ способствовалъ тому, что самый вопросъ былъ введенъ въ крайне узкія рамки, вслѣдствіе чего и не могъ подвергнуться широкому и всестороннему обсужденію. Это неудобство не замедлило обнаружиться на практикѣ. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности свѣдущіе люди должны были коснуться того порядка, слѣдуя которому питейный вопросъ будетъ ими дебатироваться; было два пути: или коснуться предварительно принципиальной стороны, общихъ причинъ, порождающихъ пьянство, или же прямо приступить къ обсужденію по частямъ правительственнаго проекта. Избранъ былъ послѣдній путь, и мы не ошибемся, сказавъ, что со стороны свѣдущихъ людей это была непоправимая ошибка, приведшая къ самымъ печальнымъ результатамъ. Сама комиссія сознала это впоследствии и, при обсужденіи проекта, оказалась вынужденной отклониться въ сторону къ тѣмъ общимъ причинамъ, которыми обуславливается распространеніе въ народѣ пьянства. Въ этомъ отношеніи свѣдущіе люди, хотя и крайне осторожно, со всевозможными оговорками, но тѣмъ не менѣе признали, что помимо частныхъ причинъ, лежащихъ въ несовершенствѣ законовъ, регулирующихъ питейную торговлю, существуютъ общія причины, уве-

личивающія экономическую несостоятельность населенія и тѣмъ самымъ распространяющія пьянство. Причины эти—частію экономического, частію соціального характера. Для устраненія ихъ и улучшенія условій народнаго быта, комиссія указала на дѣльный рядъ необходимыхъ, по ея мнѣнію, преобразованій, осуществленіе которыхъ въ своемъ конечномъ результатѣ неизбѣжно повліяло бы на улучшеніе народной нравственности и уменьшеніе пьянства. Такъ, свѣдущіе люди признали необходимымъ: 1) преобразование податной системы; 2) правительственное содѣйствіе улучшенію земледѣлія, съ устройствомъ земледѣльческихъ школъ и образцовыхъ фермъ; 3) преобразование мѣстныхъ административныхъ учреждений, въ смыслѣ возможно-широкаго допущенія въ нихъ общественныхъ элементовъ; 4) расширение правъ земства по наблюденію за народной школой, и 5) преобразование быта духовенства. Мы не будемъ входить въ обсужденіе того, насколько проектированныя реформы достаточны для возвышенія нашей народной культуры и улучшенія экономического положенія. Всѣ эти *ria desideria* имѣютъ интересъ скорѣе историческій, чѣмъ реальный, и при этомъ были высказаны лицами съ крайне сомнительной компетентностью. Для насъ важнѣе та непоследовательность, съ которой свѣдущіе люди, сами признавъ, что пьянство порождается общими причинами, тѣмъ не менѣе сочли возможнымъ приступить къ выработкѣ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя, будучи направлены къ упорядоченію питейной торговли, должны повліять на ослабленіе пьянства. Комиссія мотивировала необходимость подобныхъ мѣръ тѣмъ, что реформы общественныя и экономическія, не могутъ, по ея мнѣнію, быстро проникать въ нѣдра народнаго быта, пьянство же составляетъ такое явленіе, которое вызываетъ необходимость немедленной борьбы. Вопросъ о свободѣ торговли спиртными напитками весьма долго дебатировался свѣдущими людьми и повлекъ за собой крайне оживленные споры, которые, въ концѣ концовъ, привели къ тому заключенію, что большинство комиссіи высказалось противъ свободной торговли, признавъ необходимымъ ограничить ее известными, болѣе или менѣе стѣснительными правилами. Высказано было, по этому поводу, немало крайне оригинальныхъ взглядовъ и мнѣній, но мы ихъ излагать не будемъ, не желая утомлять читателей. Та широкая постановка питейнаго вопроса, при которой только и мыслимо его разрѣшеніе, нами изложена довольно подробно и вновь возвращаться къ этому едва-ли необходимо.—Мы прямо обратимся къ тѣмъ правиламъ о питейной торговлѣ, которыя были выработаны свѣдущими людьми. По самому своему характеру, правила эти должны были быть направлены на регулированіе по известнымъ мѣстностямъ числа

питейныхъ заведеній и на установленіе тѣхъ условій, при личности которыхъ извѣстное лицо можетъ быть допущено къ открытію питейнаго заведенія.—Коснувшись и той, и другой стороны, свѣдущіе люди вмѣстѣ съ тѣмъ признали необходимыми установить нѣкоторыя общія правила, относительно желательнаго порядка примѣненія законодательныхъ мѣръ.

Прежде всего, коммиссія стремилась сосредоточить весь надзоръ за питейной торговлей въ общественныхъ учрежденіяхъ. Она постановила, что только однимъ общественнымъ учрежденіямъ должно быть поручено ближайшее примѣненіе къ своимъ мѣстностямъ всѣхъ общихъ законодательныхъ мѣръ, выработанныхъ для уменьшенія пьянства. Имъ же долженъ быть порученъ и надзоръ за исполненіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ. Равнымъ образомъ коммиссія проэктировала, что земскія и городскія учрежденія должны быть облечены властію издавать обязательныя постановленія, направленные къ прекращенію пьянства, причѣмъ лица, содержація питейныя заведенія, лишаются права быть членами управъ и участвовать въ качествѣ гласныхъ при обсужденіи вопросовъ, сопрягающихся съ питейной торговлей. Наконецъ, для устраненія медленности, коммиссія проэктировала, чтобы всѣ дѣла по нарушенію питейнаго устава были сосредоточены въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ.

Изъ этого перечня общихъ мѣръ, предположенныхъ свѣдущими людьми, видно, что они съ замѣчательною послѣдовательною старались устранить отъ надзора за питейною торговлею административно-полицейскую власть и призвать къ надзору за этимъ дѣломъ выборныхъ представителей общества. Мы не будемъ входить въ обсужденіе сущности этихъ общихъ мѣръ и рациональности обнаруженнаго здѣсь взгляда коммиссія. При установленномъ нами взглядѣ на питейный вопросъ въ Россіи, мы не можемъ признать за какими бы то ни было внѣшними мѣрами сколько нибудь серьезное значеніе. Замѣтимъ только, что въ усиленномъ стараніи перенести надзоръ отъ правительственныхъ органовъ на земскія и общественныя учрежденія надо видѣть не столько потребность, вызываемую пользою дѣла, сколько желаніе высказать передъ центральной властью сознаваемую большинствомъ необходимость — расширить права и функціи земства.

Что касается до самыхъ мѣръ, которыми свѣдущіе люди намѣревались испѣлать русскій народъ отъ поголовнаго пьянства, то онѣ, какъ и слѣдовало ожидать, носятъ исключительно репрессивный характеръ и рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя еще гораздо прежде указывались въ извѣстныхъ органахъ печати людьми «не свѣдущими». Въ числѣ

проектированных мѣропріятій встрѣчается ограниченіе числа питейныхъ заведеній для каждой мѣстности извѣстной определенной нормой, причемъ самое открытіе заведенія поставлено въ зависимость отъ земскихъ собраній; дагѣ встрѣчаются требованія извѣстныхъ условій отъ лицъ, желающихъ открыть питейныя заведенія.—Не только цѣлому ряду лицъ, но даже цѣлымъ народностямъ воспрещена торговля питьями безусловно. Читатель догадывается, что мы говоримъ о евреяхъ. Нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ проекта свѣдущихъ людей. Мы вполне увѣрены, что проекту этому такъ и суждено остаться проектомъ, но если извѣстныя его части и получаютъ практическое осуществленіе, то не замедлятъ обнаружиться въ жизни свою полную несостоятельность. Не такихъ, конечно, мнѣній и взглядовъ позволительно было ожидать отъ лицъ, которыя, хотя и по неволѣ, но тѣмъ не менѣе явились представителями русскаго общества. Эта часть проекта свѣдущихъ людей, въ которой для борьбы съ пьянствомъ проектируются исключительно полицейско-репрессивныя мѣры, была въ свое время осуждена огромнымъ большинствомъ нашего образованнаго общества; была, она, повидимому, осуждена и центральной властью, такъ что, въ концѣ концовъ, можетъ быть сведена къ воспоминаніямъ недавняго прошлаго.

Гораздо важнѣе возбужденный въ комиссіи свѣдущихъ людей вопросъ о такъ называемыхъ общественныхъ питейныхъ заведеніяхъ, т. е. о такихъ, которыя содержатся самими крестьянскими обществами. Основанныя на принципѣ коопераціи, общественныя питейныя заведенія имѣютъ несомнѣнно большое будущее и, безъ всякаго сомнѣнія, могутъ играть видную роль въ общей системѣ крестьянскаго хозяйства. Но какъ мѣра, направленная для борьбы съ пьянствомъ, такія заведенія, конечно, никакого значенія имѣть не могутъ, такъ какъ напиваться крестьяне могутъ одинаково во всякомъ заведеніи. Значеніе общественныхъ питейныхъ заведеній велико въ томъ отношеніи, что ими устраняется кудачество, и громадныя суммы, составляющія чистый барышъ раздробительныхъ торговцевъ, остаются въ рукахъ крестьянскаго общества. Но, какъ всякая кооперація, общественное питейное заведеніе возможно только при извѣстномъ уровнѣ экономическаго развитія массы и болѣе или менѣе удовлетворительномъ общественномъ строѣ. Мы совершенно увѣрены, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится наша деревня въ настоящее время, правильная постановка и развитіе общественныхъ питейныхъ заведеній немислимы. Не говоря о крайней умственной и экономической неразвитости нашего крестьянства, организація и надзоръ за такими заведеніями должны будутъ сосредоточиться въ сель-

ских обществах и волостных правлениях. Но кому неизвестно то невыносимо-грустное и ненормальное положение, в котором находится крестьянская волость в настоящее время? Малограмотный писарь, бессловесный и приниженный старшина, и всеильный кулак-мироѣдъ, держащій въ кабалѣ все волостное населеніе—вотъ тѣ элементы, которые господствуютъ въ волости и держатъ въ своихъ рукахъ все волостное хозяйство и управленіе. Очевидно, что при такихъ условіяхъ невозможно ожидать развитія ни одного учрежденія, въ особенности такого соблазнительнаго, какъ общественное питейное заведеніе. Мы думаемъ поэтому, что будущее такихъ заведеній несомнѣнно, но въ настоящую трудную пору они окажутся лишеными возможности развитія и бесполезными для населенія. Съ измѣненіемъ условій деревенскаго строя, съ уничтоженіемъ нынѣшней сословной и забитой волости и замѣной ея безсословной земскою единицею, долженствующею соединить всѣ разнородные элементы, входящіе въ составъ сельскаго населенія, наступить возможность осуществленія того принципа коопераціи, который лежитъ въ основѣ общественнаго питейнаго заведенія.

Окончивъ разборъ тѣхъ взглядовъ и положеній, которые были высказаны на питейный вопросъ свѣдущими людьми, мы вмѣстѣ съ тѣмъ окончили и разсмотрѣніе самаго вопроса, въ намѣченныхъ нами общихъ чертахъ. Дѣлая общій выводъ всему нами сказанному, мы можемъ повторить слѣдующія положенія. Несомнѣнно, что распространенное среди нашего населенія пьянство не стоитъ ни въ какой зависимости отъ величины питейнаго налога, и борьба съ пьянствомъ, какъ со зломъ, растлѣвающимъ народъ, возможна и необходима, но такая борьба мыслима только при устраненіи тѣхъ условій, которыми вызывается наклонность населенія къ пьянству. Никакія внѣшнія и репрессивныя мѣры не помогутъ въ борьбѣ съ пьянствомъ, и въ этомъ насъ убѣдитъ недалекое будущее.—Пьянство нашего народа вызывается безъисходной бѣдностью, непрогляднымъ мракомъ, царящимъ въ окружающей его обстановкѣ, грубостью нравовъ, крайнимъ невѣжествомъ — вообще, отсутствіемъ культуры въ соединеніи съ ненормальнымъ общественнымъ строемъ. Устраните эти тяжелыя условія, въ которыя поставлена жизнь русскаго человѣка, и пьянство будетъ составлять не общее, а исключительное и крайне позорное явленіе!..

Е. Карцевъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Нѣсколько чертъ изъ общественной жизни.—Пунить совпаденія разнообразныхъ партій и мнѣній.—Возможна только двойная постановка въ разрѣшеніи вопроса о мѣстномъ управленіи.—Боязнь «ломки» и стремленіе къ «приспособленіямъ».—Примѣръ изъ исторіи «приспособленій».—Неразрывность вопросовъ о центральномъ и мѣстномъ управленіи.—Департаменты, ихъ исторія и значеніе.—Взглядъ Д. П. Трошчинскаго на департаменты.—Поднятіе авторитета и значенія центрального и мѣстнаго управленія.—«Пустопорожнія» теоріи и причины ихъ рожденія.

Выберите газеты какаго угодно направленія, прослѣдите ихъ за мѣсяць, даже за цѣлый годъ—и вы не встрѣтите ни одного сколько-нибудь отраднaго факта изъ русской общественной жизни. Какое-то повальное нытье, уныніе и нравственное оцѣпенѣніе.

«Чѣмъ болѣе всматриваешься въ мѣстную жизнь,—говоритъ казанскій корреспондентъ одной ретроградной газеты,—тѣмъ болѣе рельефно выступаетъ фактъ замиранія въ интеллигентной части мѣстнаго общества интереса ко всему тому, что выступаетъ за предѣлы личной жизни... Люди, такъ недавно еще проявлявшіе на дѣлѣ самый живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ, какъ-то спрятались, притихли и замкнулись въ узкихъ рамкахъ домашнихъ интересовъ... И въ общественныхъ учрежденіяхъ, и въ частныхъ кружкахъ чувствуется какое-то особенно напряженное и положительно непривычное затишье, передъ которымъ становится даже жутко. Невольно спрашиваешь себя: сояъ это или дѣйствительная жизнь?»

«Положимъ, жизнь наша никогда не блистала особенно энергичною общественною дѣятельностью,—говоритъ харьковскій корреспондентъ либеральной газеты,—но зато у насъ никогда не проявлялось и уныніе въ такой убійственной, болѣзненной формѣ, въ какой оно обуюло насъ теперь. Наши клубы обратились въ игорные дома и утратили даже признаки прежней общительности. Клубъ—это мѣсто молчаливой ѣды, питья и такой-же молчаливой карточной игры. Кружокъ профессорскій и литературный, и небольшой учительскій кружокъ—совершенно распались. Даже близкіе знакомые чуждаются другъ друга, словно стыдятся, если только не боятся одинъ другаго. Всѣ уходятъ въ себя, замыкаются въ своей скорлупѣ, о чемъ-то думаютъ, грустятъ, хандрятъ и ноютъ... Возьмете-ли людъ интеллигентный или практическій,—всѣ живутъ какими-то смутными надеждами и ожиданіями. «Хуже не бывало!.. Такъ жить невозможно!»—вотъ обычный отвѣтъ на вопросъ: «какъ дѣла?» Даже коммерче-

скій людъ, которому зѣвать некогда, ведетъ свои дѣла словно нехотя, апатично, какъ говорится, «черезъ пень-колоду». Торговые обороты сократились за послѣдній годъ, по крайней мѣрѣ, на 50%. Застой въ дѣлахъ, денежные затрудненія видимо растутъ и растутъ. Паника банкротствъ чувствуется на каждомъ шагу, во всякомъ торговомъ предпріятіи».

Мы привели эти примѣры для иллюстраціи сказаннаго нами о состояніи общества. Примѣры, подобные приведеннымъ, можно бы продолжить по произволу. Мы намѣренно взяли крупные центры, города университетскіе. Вѣсти изъ захолустьевъ еще хуже. Изъ Шлиссельбургскаго уѣзда, почти смежнаго со столицей, жалуются, что «урядники рыщутъ не въ мѣру... Люди, захавшіе въ этотъ уѣздъ на лѣтніе мѣсяцы, находятся какъ бы въ осадномъ положеніи. Къ нимъ безцеремонно заглядываютъ въ окна и двери, притомъ и днемъ, и ночью». «Кулаки-міроѣды, что называется, съ ногъ сбились, рыская за остатками крестьянскаго скарба,—пишутъ изъ Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи... Въ виду предстоящаго «недорода» хлѣба, т. е. полного неурожая, почти во всемъ уѣздѣ, послѣдніе крестьянскіе пожитки переходятъ въ руки кабатчиковъ и прочихъ сельскихъ ростовщиковъ, и цѣлыя деревни разоряются въ конецъ, непоправимо. Ссуды на обьмененіе и продовольствіе никому уже болѣе не внушаютъ довѣрія; даже крестьяне разувѣрились во всемогуществѣ этой мѣры».

Словомъ, чѣмъ больше всматриваешься и вдумываешься въ факты и явленія текущей жизни, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ непреложность истины: «такъ жить невозможно». Ослабло значеніе закона въ жизни, и весьма нерѣдко жизнь идетъ въ разрѣзъ съ закономъ. Производительныя силы страны не находятъ себѣ приложенія. Нѣтъ учрежденій, въ которыхъ каждый могъ бы находить справедливую защиту и помощь. Нѣтъ той организаціи управленія, которая объединила бы всѣ сословія и классы государственнаго населенія и направила бы ихъ къ созидательной работѣ на пользу общую. Замѣчательно, что въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ существующему порядку сходятся всѣ партіи, всѣ мнѣнія, не исключая и комиссіи по переустройству мѣстнаго управленія. «Мѣстныхъ учрежденія—говоритъ комиссія—не составляя въ своей совокупности ни плода правильнаго самобытнаго развитія общественной жизни, ни теоретически созданнаго цѣлаго, представляютъ пестрое наслоеніе болѣе или менѣе случайныхъ остатковъ, какъ попытокъ теоретическаго построенія всего управленія или части онаго, такъ и долговременной борьбы различныхъ началъ управленія и даже временно преобладавшихъ, почему-либо, потребностей».

Въ самой книгѣ «Наблюдателя» была представлена намъ

подробная характеристика заключеній земствъ по вопросу о переустройствѣ мѣстнаго управления. Какъ бы ни рассматривался этотъ вопросъ, съ принципиальной или практической точки зрѣнія, возможна только двоякая постановка въ его разрѣшеніи: или общественнымъ представителямъ должна быть предоставлена вся мѣстная административная дѣятельность, т. е. власть, разрѣшающая на мѣстѣ и распорядительно-исполнительная, такъ чтобы за представителями центральной правительственной власти осталась только рольнаблюдательная, контролирующая; или, наоборотъ, вся положительная дѣятельность должна быть сосредоточена въ рукахъ агентовъ правительственной власти, дѣйствующихъ подъ контролемъ общественныхъ представителей. Какой-либо средней формы управления между этими двумя—быть не должно и не можетъ.

Какъ при той, такъ и при другой постановкѣ мѣстнаго управления, должна быть точно установлена отвѣтственность передъ судомъ мѣстной распорядительной власти, по требованію власти контролирующей. Потому-то существующія мѣстные учрежденія и не представляютъ собою чего либо «цѣлаго», являются въ видѣ «пестраго наслоенія болѣе или менѣ случайныхъ остатковъ», что многочисленныя и разнообразныя мѣстные установленія не связаны единствомъ руководящаго начала, не удовлетворяютъ ни одному изъ указанныхъ принциповъ мѣстнаго управления.

Въ нашемъ журналѣ была сдѣлана сводка заключеній земствъ по вопросу о переустройствѣ мѣстнаго управления, главнымъ образомъ, потому, что въ этихъ трудахъ вполне ясно проведенъ тотъ принципъ, что мѣстная административная дѣятельность должна быть сосредоточена въ рукахъ мѣстнаго общественнаго самоуправления на земскомъ началѣ, послѣдовательно проведенномъ черезъ всѣ мѣстные установленія, начиная съ сельской единицы самоуправления и кончая цѣлою губерніею; за мѣстными же агентами центральной правительственной власти долженъ остаться только контроль, но ни въ какомъ случаѣ не опека мѣстнаго общественнаго самоуправления.

Работы земства заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ проявленіе общественнаго мнѣнія о томъ направленіи, въ какомъ ожидается разрѣшеніе вопроса о переустройствѣ мѣстнаго управления. Взглядъ печати и общества на эти работы совершенно несправедливъ. Земство упрекаютъ въ «неполнотѣ и отрывочности прозектовъ». Да, есть и «отрывочность», и «неполнота»; но суть дѣла вовсе не въ этомъ. Строго говоря, земство и не вдавалось въ составленіе прозектовъ: оно намѣтило лишь основные принципы переустройства и необходимый для этого планъ. Если смотрѣть на дѣло съ этой стороны, — труды земствъ по вопросу о переустройствѣ мѣстнаго управления представляютъ весьма выразительный протестъ противъ нынѣшней безсистемности

управленія, приниженности общественнаго самоуправления передъ полновластнымъ, казенно-сословнымъ бюрократизмомъ. Въ то же время, здѣсь находится безусловно авторитетное указаніе на то, что представительство должно быть обезпечено за всѣми классами городскаго и сельскаго населенія; избирательное право ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть основано на одномъ только имущественномъ цензѣ; рядомъ съ имущественнымъ цензомъ долженъ получить право гражданства и цензъ образовательный, болѣе важный для государства и общества, чѣмъ имущественный цензъ; права избирателей должны быть гарантированы отъ какого бы то ни было сторонняго вмѣшательства и вліянія; избиратели должны быть вполне свободны и самостоятельны въ выборахъ; общественнымъ избраннымъ должна быть обезпечена возможность дѣйствительнаго исполненія лежащихъ на нихъ обязанностей; между избираемыми и избирателями должны быть совершенно свободныя сношенія, внѣ всякаго внѣшняго давленія. Наконецъ, каждому избирательному району должно быть предоставлено право не только давать опредѣленные полномочія своимъ представителямъ по отдѣльнымъ вопросамъ, но и входить въ мѣстныя общественныя учрежденія съ самостоятельными заявленіями.

Мы были вынуждены еще разъ коснуться земскихъ работъ по двумъ причинамъ. Первая причина—полемика между нѣкоторыми журналами и газетами, продолжавшаяся около двухъ мѣсяцевъ по поводу такъ называемаго «опроса народа» о мѣстныхъ нуждахъ и средствахъ ихъ удовлетворенія, въ томъ числѣ и о мѣстномъ управленіи, главнымъ образомъ—объ устройствѣ волости. Самый фактъ этой полемики, не говоря ужъ о содержаніи ея, болѣе чѣмъ страненъ. Кого хотять «опрашивать»? — Если мыслящую часть общества, то она съ достаточною опредѣленностью и ясностью высказалась уже, какъ въ заключеніяхъ земствъ о мѣстномъ управленіи, такъ и въ печати; если массу населенія,—такъ она не подготовлена не только къ отвѣту на вопросы о затрудненіяхъ во внутренней нашей жизни и о способахъ устраненія ихъ, но даже и къ пониманію самыхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе такого глубокаго и специально-государственнаго вопроса, какъ организація мѣстнаго управленія. Съ другой стороны, «опросъ» предрѣшенъ при учрежденіи комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, но, разумѣется, не въ формѣ отбирания голосовъ у неразвитой массы населенія, какъ желаютъ этого лже-охранители, а въ формѣ созыва «земскихъ свѣдущихъ людей». Эта сторона дѣла также до нѣкоторой степени обусловлена земствами, чтобы опросъ свѣдущихъ людей былъ, въ то же время, и «опросомъ» всей вообще мыслящей части общества. Въ майской

внѣгъ «Наблюдателя» указано было, что большинство губернскихъ земскихъ собраній высказалось за вызовъ свѣдущихъ людей въ столичную комиссію по выбору земства... Въ виду полемики объ «опросѣ», вылившейся въ очень рѣзкую форму и тянувшейся такъ долго, уместно напомнить слѣдующее, не лишнее назидательности мнѣніе новгородскаго губернскаго земства, имѣющее прямое отношеніе къ предмету спора. «Вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о переустройствѣ мѣстнаго управленія—говоритъ земство—возможно лишь при томъ условіи, если для разрѣшенія его будутъ приглашены уполномоченные отъ всѣхъ земскихъ собраній, въ возможно большемъ числѣ, и избранные собраніями спеціально для этой цѣли. Для успѣшнаго выполненія уполномоченными своихъ обязанностей, необходимо обезпечить обществу возможность слѣдить за ихъ дѣятельностью и гарантировать этимъ уполномоченнымъ возможность сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ. Для этой цѣли необходима была бы полная гласность совѣщаній... Несомнѣнно было бы полезно, чтобы и предварительно выборовъ уполномоченныхъ, разрѣшено было допустить обсужденіе подлежащихъ вопросовъ—въ общественныхъ собраніяхъ. Эти мѣры обезпечили бы обществу отъ увлеченій отдѣльныхъ личностей въ ту или другую сторону и открыли бы мѣсто единственно разумному, т. е. отвѣчающему требованіямъ населенія, выбору».

Другая причина, заставившая насъ еще разъ возвратиться къ заключеніямъ земствъ по переустройству мѣстнаго управленія, какъ къ одному изъ крупнѣйшихъ и характернѣйшихъ проявленій общественнаго мнѣнія, это—опубликованіе плана занятій комиссіи для выработки проектовъ мѣстнаго управленія и отношеніе къ нему большинства органовъ печати. Планъ этотъ ничего въ сущности не выражаетъ. Въ немъ установлены лишь предѣлы и предметы работъ, но не ихъ направленіе. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію однихъ, планъ этотъ «оправдалъ» какія-то «надежды»; другіе, не усматривая «оправданія надеждъ», просто находятъ возможнымъ «питать надежды»; и лишь самое незначительное меньшинство органовъ печати (всего три газеты—одна столичная и двѣ провинціальныя) сдѣлали по поводу этого плана нѣсколько замѣчаній, весьма, впрочемъ, уклончивыхъ. Между тѣмъ планъ работъ комиссіи вызываетъ на весьма серьезные размышленія.

Прежде всего, невольно бросается въ глаза необычайная громадность подготовительныхъ работъ, предпринятыхъ комиссіею. Сюда входитъ собраніе всевозможныхъ матеріаловъ, начиная съ составленія сводовъ русскаго и иностраннаго законодательствъ о мѣстномъ управленіи и кончая библиографическими указателями

русской литературы по этому вопросу и статистическими свѣдѣніями и таблицами дѣлопроизводства и стоимости всѣхъ органовъ мѣстнаго управленія. Требуется огромное помѣщеніе, чтобы только вмѣстить въ себѣ этотъ разнообразный матеріалъ; нужны цѣлые годы и армія работающихъ, чтобы разобраться въ немъ, съ придачею довольно значительныхъ затратъ на оплату труда работающихъ; наконецъ, вужно имѣть нѣсколько головъ на плечахъ, чтобы поглотить этотъ сложный матеріалъ, и притомъ огромную долю самоотверженія, чтобы заняться детальнымъ его изученіемъ, представляющимъ, къ тому же, самый незначительный, мелочной интересъ съ точки зрѣнія исторіи и принциповъ политической науки. Подготовительная работа этого рода—дѣло совершенно излишнее для цѣлой комиссіи. Комиссіи, безусловно, нужно знать русское и иностранное законодательство о мѣстномъ управленіи, исторію всего вообще нашего государственнаго управленія и нынѣшнее его состояніе до мельчайшихъ подробностей. Но этого необходимо достигнуть не переучиваніемъ того, что давнымъ давно изучено, а такимъ составомъ комиссіи, чтобы въ ней были и специалисты, научно, детально знакомые со всѣми тѣми сторонами дѣла, съ которыми комиссіи, такъ или иначе, придется столкнуться при составленіи проектовъ мѣстнаго управленія, и практики, способные въ подробностяхъ разъяснить несостоятельность нынѣшней организаціи мѣстнаго управленія. Самый фактъ учрежденія комиссіи доказываетъ полную несостоятельность нынѣшняго мѣстнаго управленія. Назначеніе комиссіи—не детальное изученіе недостатковъ существующаго управленія, а выработка новыхъ основаній для системы управленія. Тратить время на изученіе и некогда, и не для чего: жизнь не ждетъ, и страшнымъ застоємъ во всѣхъ отрасляхъ народной дѣятельности безпощадно караетъ насъ за неустройство мѣстнаго управленія, этой важнѣйшей отрасли государственнаго управленія. Что стало бы, напримѣръ, съ крестьянской и земской реформами, еслибы имъ вздумали предпослать то изученіе, которымъ теперь задается комиссія!?

Комиссія могла бы внести въ русское общество значительное оживленіе и глубоко заинтересовать всю мыслящую его часть своею работой, еслибы въ основаніе опубликованнаго плана положены были опредѣленные руководящія начала, которыхъ она намѣрена держаться въ послѣдующей своей дѣятельности по выработкѣ реформы. Но, къ сожалѣнію, этого не случилось: вопросъ о направленіи, т. е. самый капиталнѣйшій вопросъ въ дѣлѣ переустройства мѣстнаго управленія, остается совершенно открытымъ. Въ этомъ отношеніи, планъ комиссіи и планъ земствъ существенно различны между собою. Земства, не вдаваясь въ детальную разработку частныхъ, обратили

исключительное вниманіе на руководящее начало, которое должно быть положено въ основу переустройства (принципъ общественаго земскаго самоуправления во всѣхъ мѣстныхъ установлевіяхъ до устройства контрольныхъ учреждений включительно); комиссия же, не касаясь руководящаго принципа, остановилась только на перечнѣ предметовъ своихъ дальнѣйшихъ занятій, что придаетъ ея работамъ какой-то архивный характеръ и подрываетъ въ обществѣ живой интересъ къ ея дѣятельности.

Но дѣло не въ одномъ лишь «живомъ» интересѣ (хотя и онъ имѣетъ очень важное значеніе въ данномъ случаѣ), а въ томъ, что дѣятельность комиссія принадлежитъ къ категоріи работъ такого рода, въ которыхъ, что называется, «шагу нельзя ступить» безъ оглядки на основные принципы, долженствующіе обнять, объединить работу во всѣхъ ея частяхъ, дать ей направленіе и внутреннее содержаніе отъ исходнаго до конечнаго пункта. Даже тѣ подготовительныя работы, о значеніи которыхъ мы только что говорили, не могутъ вестись сколько-нибудь рационально и послѣдовательно, если не известна та цѣль, во имя которой онѣ предприняты. Каждый вопросъ, каждый фактъ и явленіе имѣетъ двѣ стороны; когда остается загадкой то направленіе, въ которомъ необходимо работать, по неволѣ придется путаться и сбиваться въ самыхъ элементарныхъ вещахъ, производить массу непроизводительной работы, тратить задаромъ время и, въ концѣ концовъ, прийти къ весьма печальнымъ, противорѣчивымъ результатамъ, какъ это доказано самымъ положительнымъ образомъ опытами реформъ прошлаго царствованія. Всѣ они страдаютъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что основныя начала реформъ и ихъ частности не объединены органическою связью; что при разработкѣ реформъ обращалось, прежде всего, вниманіе на техническую сторону дѣла, т. е. разработку частныхъ, а не на руководящія начала, и затѣмъ, когда уже были выработаны частности, имъ навязывались общія начала, не гармонировавшія съ деталями. Этимъ объясняется дуалистическій характеръ всѣхъ нашихъ реформъ, т. е. возвышенная, гуманная принципиальная сторона, внушающая полную симпатію и уваженіе, и исполненныя неточностей и недоразумѣній частности, что и служило всегда главнымъ поводомъ въ извращенію реформъ. Повторить еще разъ эту ошибку, притомъ въ вопросѣ первостепенной государственной важности, какъ переустройство мѣстнаго управления, — вопросѣ, не только назрѣвшемъ, но и наболѣвшемъ, — было бы по истинѣ ужасно. Комиссія въ своихъ разъясненіяхъ, предпосланныхъ программамъ занятій, весьма невкусно намекаетъ, что нынѣшнее неустройство мѣстнаго управления граничитъ съ анархіею. Такъ чего же ждать въ будущемъ, если не положить конецъ этой анархіи, не замѣ-

нить ее стройной, цѣльной системой мѣстнаго управленія, провиннутой единствомъ руководящаго начала, представляющей систему не по имени только, а по дѣйствительной органической связи всѣхъ частей, составляющихъ эту систему?..

Вмѣсто того, чтобы опредѣлить точно направление и характеръ своихъ работъ, комиссія неоднократно высказывается противъ ломки мѣстнаго управленія, за приспособленіе существующихъ учреждений къ выяснившимся уже потребностямъ общества. Эта боязнь «ломки» и стремленіе къ «приспособленію» находятся въ прямомъ противорѣчій съ приведеннымъ выше мнѣніемъ комиссіи о нынѣшнемъ состояніи мѣстныхъ учреждений, не составляющихъ одного «цѣлаго», представляющихъ «пестрое наслоеніе болѣе или менѣе случайныхъ остатковъ». О какомъ «приспособленіи» можетъ быть рѣчь въ этой сферѣ «остатковъ»? Если эти «остатки», да къ тому еще «пестрые», не составляютъ «цѣлаго», — значитъ, каждый изъ нихъ является постороннимъ элементомъ въ отношеніи другаго, и «приспособить» ихъ другъ къ другу—дѣло невозможное. Какъ ни «приспособляйте», а все-таки останется «пестрота», — никогда не получится органически «цѣлаго», чѣмъ обязательно должна быть система управленія. Слѣдовательно, нужно совершенно уничтожить то, что комиссія вполне основательно называетъ «случайными остатками», и на освободившемся мѣстѣ создать истинную систему мѣстнаго управленія, провиннутую отъ начала до конца однимъ изъ двухъ возможныхъ принциповъ: или общественное самоуправленіе подъ контролемъ агентовъ центральной правительственной власти, или система правительственнаго управленія подъ контролемъ общества. Очень можетъ быть, что въ оговоркахъ относительно «ломки» и «приспособленія», комиссія желала указать на то именно обстоятельство, что, въ виду реформирования русскаго общественнаго строя въ прошлое царствованіе, въ русскую жизнь внесены и прочно привиты къ общественному сознанію всѣ элементы, необходимые для того, чтобы создать полную, законченную систему мѣстнаго общественнаго самоуправления подъ контролемъ правительства; слѣдовательно, въ наличности имѣется у насъ не только почва и матеріалъ, но и важнѣйшія черты плана для дальнѣйшей созидательной работы. Мы готовы принять оговорку комиссіи именно въ этомъ смыслѣ. Но, даже и въ этомъ случаѣ, необходима колоссальная «ломка», чтобы очистить мѣсто отъ «пестраго наслоенія случайныхъ остатковъ», чтобы углубить принципъ общественнаго самоуправления на земскомъ началѣ до деревни и расширить его до губерніи, уничтоживъ при томъ все канцелярское мѣстное управленіе.

Обширность русской территоріи въ дѣйствительности очень

служивается разрозненностью между частями, входящими въ составъ нашей имперіи. Главное, что препятствовало до сихъ поръ объединенію различныхъ частей Россіи,—непримиримая рознь въ мѣстномъ управленіи въ разныхъ частяхъ имперіи. Возьмите Финляндію, Привислянскій и Прибалтійскій край, Кавказъ, Сибирь и Туркестанскій край,—всѣ эти части имперіи чрезвычайно рѣзко обособлены собственно отъ Россіи. Въ этомъ обособленіи играютъ нѣкоторую роль и національныя особенности, но роль только второстепенную. Главное же, что питаетъ, обусловливаетъ обособленность и закрѣпляетъ ее,—чрезвычайно рѣзкое различіе въ мѣстномъ управленіи, обращающее наждю изъ названныхъ частей Россіи въ нѣчто подобное «государству въ государствѣ», нарушающее солидарность и связь каждой изъ этихъ частей со всею имперіею, препятствующее образованію одного цѣльнаго государственнаго организма. Даже въ отношеніи собственно Россіи, нельзя не различать двухъ весьма рѣзко рознящихся другъ отъ друга частей: центральной, реформированной части Россіи (т. е. земскія губерніи) и Россіи до-реформенной, охватывающей почти сплошнымъ кольцомъ земскую Россію. Въ земскихъ губерніяхъ мы не можемъ похвалиться проявленіями общественнаго почина и самодѣтельности, и совершенно справедливо жалуемся на застой; въ до-реформенныхъ же губерніяхъ и понятія не имѣютъ о какомъ бы то ни было проявленіи общественнаго почина и самодѣтельности. Въ земскихъ губерніяхъ хоть кое-что сдѣлано для народнаго образованія, медицинской части, народнаго кредита, улучшенія путей сообщенія, мѣстной статистики и пр.; въ до-реформенной же Россіи даже такія перво-степенныя народныя потребности, какъ образованіе и медицинское дѣло, находятся въ самомъ первобытномъ состояніи. Съ легальнѣйшей точки зрѣнія, губерніи обязательно должны оставаться разрозненными, изолированными, — между ними нѣтъ никакой формальной связи, оффиціального единенія. Между тѣмъ въ земскихъ губерніяхъ существуетъ довольно тѣсная общность интересовъ, нѣкоторая доля солидарности; одна земская губернія невольно заимствуетъ у другой тотъ или другой способъ веденія земскаго хозяйства, тотъ или другой проэктъ, предположеніе и т. д.—и между ними естественно устанавливается нравственная связь. Хотя, разумѣется, и не въ той мѣрѣ, въ какой требуется практическою жизнью. Но зато между земскими и до-реформенными губерніями—полная рознь, отсутствіе даже признаковъ общности интересовъ и нравственной солидарности.

Факты эти естественно приводятъ къ выводу, что необходимо органически связать разрозненные нынѣ части имперіи единствомъ системы управленія, и притомъ въ возможно ско-

ромъ времени; потому что послѣдовательно разрастающаяся ровнь между обособленными частями обширной русской территоріи почти уже граничитъ съ сепаратизмомъ. Достигнуть объединенія разрозненныхъ частей и образовать изъ нихъ, посредствомъ единообразной системы мѣстнаго управленія, цѣльный государственный организмъ—дѣло, сравнительно, весьма не трудное, если начинать переустройство съ установленія основныхъ принциповъ. Разъ только прочно установлены принципы, основные начала системы управленія, — частности естественно выяснятся сами собою. Не такъ смотритъ на это дѣло коммиссія. Она признала возможнымъ имѣть въ виду первоначально только тѣ губерніи, гдѣ введены земскія учрежденія, оговариваясь при этомъ, что разработка проектовъ для этихъ губерній должна быть «сообразована съ возможностью распространенія ихъ впослѣдствіи на остальные мѣстности имперіи». Мы рѣшительно отказываемся понять, какимъ образомъ можетъ произойти это «распространеніе» впослѣдствіи. Проектъ, выработанный примѣнительно къ потребностямъ земскихъ губерній, составляющихъ около одной десятой части всей русской территоріи,—и притомъ начатый не съ установки общихъ руководящихъ началъ, а съ разработки частныхъ,—ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространенъ на девять десятыхъ остальной русской территоріи. Въ ближайшемъ прошломъ имѣется не мало весьма грустныхъ примѣровъ такого распространенія. Какъ на одинъ изъ наиболѣе выразительныхъ примѣровъ можно указать на Область войска Донскаго. Эта колыбель русскаго казачества изстари пользовалась довольно широкими, сравнительно, правами самоуправленія. Правительство, въ видахъ болышаго развитія гражданской жизни въ край, признало полезнымъ ввести здѣсь земскія учрежденія. Въ принципѣ, это намѣреніе правительства въ высшей степени благотѣльно для края. Но не то оказалось на дѣлѣ. Введеніе земскихъ учреждений въ Донской области замѣнено было простымъ распространеніемъ «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» на этотъ край, и въ результатѣ оказалось не расширеніе гражданскихъ правъ казачьяго населенія, а едва-ли даже не суженіе ихъ, сопровождавшееся притомъ довольно значительнымъ обложеніемъ на нужды новаго учрежденія, не приноровленнаго къ потребностямъ края. На первыхъ же порахъ дѣятельности земскихъ учреждений въ Донскомъ край, не замедлило обнаружиться недовольство населенія,—отказъ отъ платежей на нужды земства. Въмѣсто приспособленія земскихъ учреждений къ особенностямъ казачьяго края, такъ чтобы они действительно могли содѣйствовать развитію и усовершенствованію казачества въ гражданскомъ отношеніи, дѣятельность земскихъ учреждений временно приостановлена здѣсь.

Выработка проектовъ мѣстнаго управленія—работа такого рода, которую рѣшительно невозможно производить, приспособляясь къ такъ называемымъ «независящимъ обстоятельствамъ и условіямъ». Здѣсь можно сообразоваться только съ принципами политической науки, исторіею мѣстнаго управленія у насъ и у культурныхъ народовъ, съ причинами существующей дезорганизациі въ нашемъ мѣстномъ управленіи и съ особенностями нашего социальнаго быта. Становясь на эту почву въ разрѣшеніи вопроса о мѣстномъ управленіи, приходимъ къ слѣдующимъ простѣйшимъ соображеніямъ. Прежде всего, необходимо точно установить государственное значеніе мѣстнаго управленія и его роль въ общей системѣ государственнаго управленія. Затѣмъ, какъ естественное слѣдствіе этого, вполне ясно опредѣлится взаимное отношеніе между мѣстнымъ и центральнымъ управленіемъ. Наконецъ, останется второстепенная уже работа—примѣненіе установленныхъ началъ мѣстнаго управленія къ потребностямъ и практическимъ условіямъ жизни въ каждой отдѣльной мѣстности. Эта часть работы опять-таки можетъ быть выполнена лишь въ самыхъ основныхъ чертахъ, такъ какъ детали мѣстнаго управленія должны быть выработаны и установлены непременно на мѣстѣ, и только при этомъ условіи мѣстное управленіе будетъ дѣйствительно приспособлено къ потребностямъ практической жизни,—въ немъ не будетъ ничего искусственнаго, насильственно навязаннаго жизни.

Такимъ образомъ, въ разрѣшеніи вопроса о мѣстномъ управленіи, краеугольнымъ камнемъ является вопросъ о децентрализаціи, т. е. о предѣлахъ разрѣшающей власти, которая должна быть предоставлена мѣстному управленію. Но какъ опредѣлить эти «предѣлы?»—Вотъ эта-то сторона дѣла и является камнемъ преткновенія для комиссіи.

Комиссія задалась самою неблагоприятною и притомъ совершенно недостижимою цѣлю—разрѣшить вопросъ о мѣстномъ управленіи, не касаясь вопроса о центральномъ управленіи. Оба эти вопроса неразрывно связаны между собою, и притомъ такъ, что вопросъ о мѣстномъ управленіи становится яснымъ, простымъ и удоборазрѣшимымъ въ томъ лишь случаѣ, если ему предшествуетъ точное опредѣленіе функций центрального управленія. Все, лежащее внѣ этихъ функций, и должно приходиться на долю мѣстнаго управленія. Комиссія же избрала совершенно обратный путь: она стремится точно опредѣлить предметы вѣдомства и предѣлы власти всѣхъ мѣстныхъ установленій, что совершенно невозможно. Обязанности мѣстнаго управленія—это вся мѣстная жизнь со всеми ея потребностями и проявленіями, которые невозможно объять и исчислить, и которыя къ тому же постепенно измѣняются, сообразно измѣненію условій жизни, и

различны для разныхъ мѣстныхъ. Если и возможно опредѣлить обязанности мѣстнаго управления, то не иначе, какъ ограниченіемъ ихъ отъ обязанностей центрального управления, но ни въ какомъ случаѣ не регламентаціе предѣловъ ихъ вѣдомства. Этотъ вопросъ особенно поучителенъ и важенъ для насъ. Значеніе всѣхъ реформъ прошлаго царствованія и, прежде всего, органовъ мѣстнаго общественнаго управления подорвано было въ самомъ основаніи, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онѣ были забиты мелочною регламентаціею, не имѣвшей и не могшей имѣть никакого практическаго смысла, именно потому, что не были ограничены обязанности вновь возникшихъ общественныхъ учреждений отъ обязанностей центрального и мѣстнаго правительственнаго управления. Органамъ общественнаго управления пришлось вѣдать то же, что вѣдали мѣстныя правительственныя установленія и центральное управление. Въ результатъ оказалась неизбежность столкновеній между общественными и правительственными учреждениями, полная зависимость первыхъ отъ вторыхъ, масса обязанностей, лежащихъ на общественныхъ учрежденияхъ, и никакихъ правъ, т. е. иначе, положительная невозможность выполнить то назначеніе, въ видахъ котораго были введены общественныя учрежденія. Съ другой стороны, и правительственныя установленія, какъ мѣстныя, такъ и центральныя, были связаны въ своей положительной дѣятельности. Для этого имъ приходилось вторгаться въ область мѣстныхъ учреждений или искать ихъ содѣйствія. Такимъ образомъ, смѣшеніе обязанностей центрального и мѣстнаго управленій привело, въ концѣ концовъ, къ тому, что въ жизни не оказалось органовъ, пригодныхъ для положительной, созидательной дѣятельности,— для дѣйствительнаго завѣдыванія мѣстными пользами и нуждами и удовлетворенія ихъ. Зато, наоборотъ, мѣшать положительной дѣятельности было кому; все прошлое мѣстныхъ общественныхъ учреждений—это, можно сказать, одинъ сплошной тормозъ...

Въ этомъ отношеніи, чрезвычайно поучительно прошлое органовъ общественнаго управления, особенно въ виду разрешаемаго нынѣ вопроса о мѣстномъ управленіи. Коренное измѣненіе нашего юридическаго и экономическаго быта, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, заставило правительство признать сообразнымъ съ общественными потребностями и своевременнымъ «введеніе правильнаго хозяйства въ уѣздѣ на выборномъ началѣ». Правительственная коммиссія, которой поручено было привести въ исполненіе это введеніе правильнаго хозяйства на выборномъ началѣ, т. е. разработать вопросъ о земскихъ учрежденияхъ, подъ влияніемъ высочайшаго повелѣнія по этому предмету, ставила себѣ основною задачею—«по возможности полное и послѣдовательное развитіе начала самоуправленія».

Словомъ, 20 лѣтъ тому назадъ, правительство самымъ положительнымъ образомъ высказалось за пользу, необходимость и своевременность «децентрализаціи... въ сферѣ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ». И что же?—Предполагавшаяся верховною властью децентрализація была поглощена центральнымъ управленіемъ, точнѣе,—департаментами. «Департаменты министерствъ,—говоритъ профессоръ А. Д. Градовскій въ своей книгѣ—«Начала русскаго государственнаго права»,—во многихъ отношеніяхъ являются мѣстами центрального управленія, непосредственнаго завѣдыванія тою или другою частью; можно сказать, что именно это обстоятельство обуславливаетъ централизацію нашего управленія, сообщаетъ ей тотъ бюрократическій характеръ, который вызвалъ не одну справедливую жалобу. Оно низводитъ министерства—установленіе главнымъ образомъ политическое—на степень административнаго мѣста, погруженнаго во всѣ мелочи управленія; оно ведетъ къ сосредоточенію въ органахъ центрального управленія многихъ вопросовъ, которые съ большимъ удобствомъ могли бы быть переданы установленіямъ мѣстнымъ; наконецъ, оно примѣняетъ начало единоличное къ такимъ предметамъ, гдѣ польза дѣла требовала бы коллегіальнаго устройства».

Но откуда ведутъ свое начало департаменты? Въ чемъ ихъ обязанности? Какое ихъ отношеніе къ центральному (министерскому) и мѣстному управленію? — Случайно, неожиданно появились эти учрежденія. Ихъ судьба, также случайно, тѣсно сплелась съ судьбою министерствъ, хотя, по существу дѣла, между департаментами, какъ учрежденіями канцелярскими, и министерствами, какъ учрежденіями политическими, нѣтъ ничего общаго. Самый вопросъ о взаимномъ отношеніи между мѣстнымъ и центральнымъ управленіемъ не можетъ быть выясненъ, пока не выяснено происхожденіе департаментовъ и ихъ значеніе.

Прошло 80 лѣтъ со времени учрежденія министерствъ. Между тѣми министерствами, которыя предполагались первоначально, и существующими теперь, нѣтъ ничего общаго. Чрезвычайно проста первоначальная организація министерствъ. Министрамъ назначены были только товарищи и канцеляріи. «Каждый министръ, прежде поднесенія доклада Государю Императору, обязанъ былъ предварительно предлагать его прочесть министрамъ для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями, въ вѣдѣніи ихъ состоящими; въ случаѣ же нарушенія кѣмъ-либо изъ министровъ сего узаконеннаго порядка, всякому министру въ особенности предоставлялось право предупреждать о семъ нарушеніи Его Императорское Величество» *). Къ министерствамъ, поставленнымъ такимъ образомъ, вполне приложи-

*) «Сборникъ русскаго историч. общества». Томъ III, 1868 г. стр. 32.

ма ст. 216 учрежденія министерствъ, въ которой говорится слѣдующее: «поселику всѣ министерства составляютъ одно управленіе, то ни одно изъ нихъ не можетъ отдѣляться отъ другихъ ни въ видахъ управленія, ни въ общей его цѣли; раздѣленіе частей управленія по министерствамъ не есть раздѣленіе самаго управленія, которое по существу своему едино». Въ помощь министрамъ, какъ органамъ «верховой исполнительной власти» и установленію политическому, при каждомъ министерствѣ были коллегіи, на которыхъ собственно и лежала вся дѣловая часть управленія. Коллегіи — учрежденіе петровское. «Цѣль коллежскаго обряда — исключеніе всякаго произвола изъ государственнаго управленія.... Обрядъ сей препятствуетъ употребленію власти во зло и не предоставляетъ ничего на волю единого чиновника». До учрежденія министерствъ, коллегіи представляли самостоятельныя центральныя управленія, исполнявшія тѣ же функции, которыя потомъ возложены были на министерства. Съ учрежденіемъ министерствъ, «въ видахъ единства системы въ государственномъ управленіи», коллегіи представляли прекрасный противовѣсъ развитію министерскаго единовластія. Само собою разумѣется, что коллегіи стѣсняли министровъ, и они домогались ихъ закрытія.

Черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ учрежденія министерствъ, началось закрытіе коллегій и, вмѣсто нихъ, народились департаменты, или, говоря словами извѣстнаго тогдашняго государственнаго человѣка, Д. П. Трошинскаго, «на мѣсто коллежскаго, т. е. правильнаго товарищественнаго управленія, введено управленіе канцелярское, т. е. произвольное и единоличное, или форма такого управленія, въ которомъ каждое обстоятельство дѣла зависитъ отъ произвольнаго сужденія одного человѣка. Такимъ образомъ, уничтоженіемъ коллегій и коллежскаго обряда, совершенно измѣнились и предѣлы большей части государственныхъ установленій и разрушилось равновѣсіе, которое уравниваемо было въ сихъ властяхъ манифестами 1802 года; ибо всѣ принятыя въ сихъ манифестахъ мѣры къ ограниченію власти министровъ сдѣлались неэффективными, не только въ отношеніи къ самимъ министрамъ, но и въ отношеніи къ министерскимъ канцеляріямъ и департаментамъ... Въ такомъ положеніи вещей министры, которымъ все подчинено, находятся сами въ величайшей зависимости отъ подчиненныхъ. Если съ одной стороны вѣтъ возможности воспрепятствовать дѣйствию воли министровъ, то, съ другой стороны, вѣтъ ничего легче, какъ употребить во зло ихъ довѣренность... Отъ сего выходитъ, что въ тѣхъ дѣлахъ, кои особенно интересуютъ министровъ и на которыя они обращаютъ особенное вниманіе, министры суть настоящіе суперъ-арбитры; во всѣхъ же прочихъ—

они суть только слѣпыя орудія своихъ чиновниковъ всякаго званія, которые всѣ пользуются равною привилегією обманывать ихъ, не подвергаясь никакому законному взысканію».

Протестуя далѣе противъ «системы департаментскаго управленія» и доказывая «страшный и трудно поправимый вредъ единовластія чиновничьяго управленія», Д. П. Трощинскій, между прочимъ, говоритъ: «Формы, присвоенныя сему роду государственнаго управленія, прикрываясь личною правильности, блестятъ только наружностію, но нимаго не связываютъ произвола; ибо, съ одной стороны, весьма легко доказать по нимъ точность исполненія, между тѣмъ какъ, съ другой, нѣтъ почти средства открыть нарушенія... Въ формѣ государственнаго управленія, въ которой каждый чиновникъ дѣйствуетъ отдѣльно, и, слѣдовательно, можетъ склонять дѣйствія свои въ такой цѣли, которая для него выгоднѣе, въ которой каждый имѣетъ возможность замедлять или ускорять движеніе дѣлъ, запутывая, вмѣсто приведенія въ ясность, толкуя каждое дѣло по своему, распроставляя или сжимая смыслъ бумаги и представляя справки въ такомъ видѣ, въ какомъ заблагоразсудитъ; въ такой формѣ, въ которой все зависитъ отъ одного лица, безъ соучастія другихъ, кромѣ подчиненныхъ, гдѣ во всемъ соблюдается канцелярская тайна и, слѣдовательно, гдѣ все производится сокровеннымъ образомъ,—можетъ ли существовать наблюденіе за исполненіемъ законовъ? Весьма несправедливо думаютъ тѣ, которые, встрѣчая форму сію въ нѣкоторыхъ частяхъ управленія западныхъ европейскихъ государствъ, считаютъ ее потому свойственною всемъ просвѣщеннымъ народамъ. Но форма сія свойственна однимъ только народамъ, находящимся въ варварствѣ, ибо они другой никогда не знали. И до сихъ поръ еще азіятскіе народы управляются чиновниками, непосредственно подчиненными другъ другу, и отъ послѣдствій сего управленія самыя цвѣтущія страны свѣта сдѣлались странами опустошенными, ибо форма сія находится въ совершенной противоположности съ выгодами государя, стѣснительна для подданныхъ, разорительна для государства и въ такомъ только случаѣ допустительна: 1) когда всѣ мѣста заняты чиновниками одинаковой честности и одинаковой степени просвѣщенія, и 2) когда чиновники, пользующіеся личною властью, встрѣчаютъ преграду въ народныхъ установленіяхъ, имѣющихъ достаточную силу для составленія противувѣсія ихъ производу».

Почти 80 лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ той эпохи, когда высказывался этотъ взглядъ на «департаментское, или единоличное чиновничье управленіе», замѣстившее собою «товарищественное, или коллежское управленіе». Тогда только что зарождались департаменты и не успѣли еще опериться. Едва-ли нужно распро-

страняться о томъ, насколько сбылось пророчество Д. П. Трошчинскаго. Департаменты стали «средоствѣнемъ» не только между центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ, но и между каждымъ изъ министерствъ. Почти одновременно съ учрежденіемъ департаментовъ, произошло расширеніе предѣловъ распорядительной власти министровъ. Затѣмъ, по ст. 195 учрежденія министерствъ, каждый министръ облеченъ дискреціонною властью, т. е. не ограничиваемою законодательными постановленіями. Эта власть даетъ министру право принимать чрезвычайныя мѣры, слѣдовательно переступать за предѣлы прямыхъ своихъ полномочій, въ случаяхъ чрезвычайной важности. Независимо отъ этой дискреціонной власти, правъ министровъ, въ настоящее время, *de facto* и отчасти по закону, усилены нѣкоторыми полномочіями, куда относится, напримѣръ, право министровъ издавать распоряженія, въ развитіе дѣйствующихъ законовъ. Но общаго постановленія по этому предмету въ сводѣ законовъ не имѣется. Правъ, предоставленныхъ министрамъ, и разнообразіе ихъ задачъ приводятъ ихъ въ соприкосновеніе со всѣми государственными установленіями и со всѣми видами власти; но, въ то же время, каждое изъ министерствъ, обставленное департаментами, настолько обособилось отъ всѣхъ другихъ министерствъ, что, вмѣсто «раздѣленія частей управленія по министерствамъ», получилось «раздѣленіе самаго управленія» и совершенно утратилось то «единство» управленія, которое имѣлось въ виду ст. 216-ю учрежденія министерствъ.

Д. П. Трошчинскій совершенно основательно протестовалъ противъ учрежденія департаментовъ. Департаменты и канцеляріи министровъ суть учрежденія, конкурирующія между собою, такъ какъ дѣятельность ихъ однородна. Одно изъ двухъ: или канцеляріи министровъ, или департаменты; но одновременное существованіе этихъ учреждений совершенно излишне,—оно увеличиваетъ только канцелярскую «волокиту», непомѣрно плодитъ переписку и поглощаетъ массу средствъ не только безъ пользы, но и съ явнымъ вредомъ для дѣла. Заслуживаетъ особеннаго вниманія, что графъ В. П. Кочубей, который принималъ непосредственное участіе въ выработкѣ проекта министерствъ и первый подалъ заявленіе объ упраздненіи коллегій, имѣлъ въ виду не усложненіе, а упрощеніе дѣлопроизводства въ министерствахъ; онъ вовсе не имѣлъ въ виду департаментовъ и рассчитывалъ на замѣну коллегій канцеляріями министровъ. Вотъ почему мы говоримъ, что департаменты появились на свѣтъ совершенно неожиданно, случайно. Доказательствомъ тому, что одновременное существованіе департаментовъ и канцелярій министровъ совершенно излишне, служатъ слѣдующіе факты. Въ бытность

А. В. Головинна министромъ народнаго просвѣщенія, уничтожена канцелярія въ этомъ министерствѣ. Нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, также приступилъ къ уничтоженію министерской канцеляріи.

Сказанное выше о департаментахъ совершенно ясно иллюстрируетъ нашу мысль, что до разъясненія функцій центрального управленія невозможно выяснить предметы вѣдомства и предѣлы власти мѣстнаго управленія. И реформы прошлаго царствованія, и разрѣшаемый нынѣ, по почину правительства, вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія имѣютъ одну и ту же цѣль—децентрализацію. Но ни о какой децентрализаціи не можетъ быть и рѣчи, пока не выяснено и точно не установлено, за кѣмъ должна остаться власть разрѣшающая и распорядительно-исполнительная—за департаментами и канцеляріями центральныхъ управленій или за мѣстнымъ управленіемъ? Если за департаментами и канцеляріями центральныхъ управленій,—децентрализація является безусловно-невозможною, и ожидаемое переустройство мѣстнаго управленія дѣйствительно должно будетъ обратиться въ «приспособленіе» чего-то къ чему-то—безъ всякихъ положительныхъ результатовъ. Если за мѣстнымъ управленіемъ—департаменты и канцеляріи центральныхъ управленій становятся совершенно ненужными, потому что вся положительная ихъ дѣятельность переходитъ въ руки мѣстнаго управленія. Сохранить нынѣшнее значеніе департаментовъ и канцелярій—это означаетъ иначе оставить въ неприкосновенности все центральное управленіе и, въ то же время, сдѣлать невозможнымъ скольконибудь существенное улучшение въ мѣстномъ управленіи. Наоборотъ: расширить права и полномочія мѣстнаго управленія за счетъ департаментовъ и канцелярій—значитъ упростить и облегчить функціи какъ центрального, такъ и мѣстнаго управленія, и, въ то же время, приподнять авторитетъ и значеніе того и другаго управленія въ глазахъ общества. При этомъ условіи, за министерствами останется характеръ посредничества между мѣстнымъ управленіемъ и верховною властью, высшее наблюденіе за управленіемъ и роль руководящая; значеніе ихъ не будетъ «низводиться на степень административнаго мѣста, погруженнаго во всѣ мелочи управленія»,—и министерства получатъ совершенно опредѣленный характеръ установленія политическаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановится и то «единство» министерствъ, которое установлялось закономъ, какъ непреложное, при ихъ учрежденіи. Отъ ясной, опредѣленной постановки министерствъ зависитъ и степень опредѣленности всѣхъ остальныхъ высшихъ государственныхъ учрежденій. При указанномъ измѣненіи въ положеніи министерствъ, правильнѣе—при возвратѣ ихъ къ той постановкѣ, которая первоначально имѣлась

въ виду,—само собою возстановляется и первоначальное назначеніе государственнаго совѣта — «быть высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ», и первоначальное назначеніе сената, какъ «верховнаго коллегіальнаго, наблюдательнаго и контролирующаго учрежденія».

Мы считаемъ даже излишнимъ распространяться о томъ, насколько важно вооружить мѣстное управленіе правомъ власти, разрѣшающей на мѣстѣ и распорядительно-исполнительной. Власть тогда только и является властью, когда она вооружена полномочіями самостоятельнаго вѣданія и удовлетворенія мѣстныхъ польвъ и нуждъ. Тогда она пріобрѣтаетъ авторитетъ и значеніе въ глазахъ населенія. Въ настоящее же время, какъ общественныя, такъ и правительственныя мѣстныя власти совершенно безсильны въ смыслѣ права разрѣшающаго,—права самостоятельной, положительной дѣятельности. Напротивъ: всѣ органы нынѣшняго мѣстнаго управленія, въ томъ числѣ и общественное управленіе, чрезвычайно сильны правомъ власти не разрѣшающей, а за прещаящей. Такимъ образомъ, при нынѣшнемъ положеніи мѣстнаго управленія, у него нѣтъ даныхъ, чтобы быть авторитетною силою въ глазахъ населенія, въ смыслѣ положительной, созидательной дѣятельности: наоборотъ—широкое право запретительной власти, невольно и незамѣтно, ставитъ мѣстное управленіе въ положеніе антагониста какъ общественному, такъ и частному почину и самодѣятельности. А это въ высшей степени неблагоприятно для авторитета власти. Еще менѣ поводовъ распространяться о томъ, что все мѣстное управленіе должно быть объединено принципомъ общественнаго самоуправленія, и притомъ на такихъ основаніяхъ, чтобы интересы всѣхъ слоевъ и классовъ населенія были вполне нормально и справедливо представлены. Если 20 лѣтъ тому назадъ съ высоты трона признавалось сообразнымъ съ общественными потребностями и своевременнымъ «по возможности полное и послѣдовательное развитіе начала самоуправления», то гдѣ же найти такого мудреца, который бы доказалъ, что теперь это начало не сообразно и не своевременно!?

Высказывая наши соображенія по вопросу о переустройствѣ мѣстнаго управленія, мы ни однимъ штрихомъ не вышли изъ рамокъ программы «кахановской комиссіи» (какъ называютъ комиссію для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, по имени ея предсѣдателя):—мы строго держались рамокъ этой программы, и только разъясняли то направленіе и тѣ приемы, которыхъ необходимо держаться, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, преслѣдуемой комиссіею. На это мы вызваны были самою комиссіею, категорически заявившей, что ей необходимо знать

мѣтвн и взгляды даже отдѣльныхъ кружковъ и лицъ по вопросу о мѣстномъ управленіи. Отвѣтить на этотъ вызовъ обязывали насъ и долгъ печати, и то уваженіе, которое внушаетъ къ себѣ комиссия по важности занимаемаго ею поста, и, наконецъ, сбивчивость мнѣній и взглядовъ, высказанныхъ по этому поводу въ большинствѣ органовъ печати, какъ ежедневной, такъ и ежемѣсячной. Въ данномъ случаѣ, мы намѣтили лишь канву вопроса о мѣстномъ управленіи, на что вызывало насъ опубликованіе программы занятій комиссіи. Въ будущемъ намъ, безъ сомнѣнія, придется еще возвращаться къ этому вопросу. Подъ вліяніемъ разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и условий, въ обществѣ чувствуется крайняя неустановленность понятій о центральномъ и мѣстномъ управленіи, ихъ функціяхъ и взаимномъ отношеніи между ними. Это весьма серьезный внутренній нашъ недугъ и притомъ весьма опасный въ политическомъ отношеніи. Всѣ эти «пустопорожнія» теоріи—«самобытныя», «ретроградно-охранительныя» (а въ сущности «анархическія»)—оказываются возможными именно въ силу недостаточной сознательности общества въ политическомъ смыслѣ. Къ величайшему несчастію, наши школы не знакомятъ подрастающее поколѣніе съ общественнымъ и государственнымъ устройствомъ, съ общественными и государственнымъ правами каждаго лица; исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ только юридическіе факультеты университетовъ и спеціальныя юридическія учебныя заведенія. Поэтому лицо, не только окончившее начальную и среднюю школу, но и получившіе высшее образованіе, можетъ быть совершенно невѣжественнымъ въ самыхъ основныхъ вопросахъ общественнаго и государственнаго общежитія, общественныхъ и государственныхъ обязанностей и правъ, если случайныя обстоятельства не поблагоприятствовали пройти какое либо спеціальное юридическое учебное заведеніе или факультетъ. Русская школа, въ этомъ отношеніи, кореннымъ образомъ отличается отъ школъ въ странахъ культурныхъ, гдѣ ознакомленіе съ основаніями общественнаго и государственнаго строя является предметомъ обязательнымъ, и притомъ однимъ изъ главныхъ, во всѣхъ школахъ, не исключая и начальной.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Неустойчивое положеніе французскаго министерства.—Леонъ Сэ и финансовыя проекты.—Эмберъ и судебная реформа.—Гобля и децентрализація.—Вопросъ о разводѣ.—Сенать.—Египетскій вопросъ.

Намъ неоднократно уже доводилось говорить о ненормальномъ положеніи настоящаго французскаго правительства. Случайно и неожиданно призванное управлять дѣлами республики, послѣ такого же внезапнаго и неожиданнаго паденія такъ называемаго *grand ministère*, т. е. министерства Гамбетты, оно какъ бы дало нравственное обязательство не имѣть определенной программы и ясно намѣченной политики. Вся его задача заключается лишь въ томъ, чтобы старательно избѣгать всякихъ принципиальныхъ вопросовъ и коренныхъ преобразованій, поставленныхъ Гамбеттой на очередь еще въ концѣ прошлаго года, и, занимаясь лишь текущими, не терпящими отлагательства дѣлами, дожить до того момента, когда истечетъ срокъ полномочій теперешнихъ депутатовъ, и затѣмъ передать бразды правленія въ болѣе надежныя руки. Задача эта, не легкая сама по себѣ, становится просто невыполнимой въ виду продолжительности срока, въ который министерству Фрейсинаэ приходится выдерживать роль «временно обязаннаго» правительства. Отсюда фальшь его положенія сказывается осязательнѣе съ каждымъ лишнимъ днемъ его существованія, и, разумѣется, оно не продержалось бы и двухъ мѣсяцевъ, еслибы не страхъ среди большинства депутатовъ, что съ его паденіемъ снова будетъ выдвинуто министерство Гамбетты; а программа послѣдняго (пересмотръ конституціи) какъ извѣстно, признана палатой несвоевременной и опасной для ея собственнаго авторитета. Но какъ-бы Фрейсинаэ ни старался обходить коренные и давно уже назрѣвшіе вопросы, они невольно затрогиваются во всѣхъ другихъ, болѣе второстепенныхъ и естественно отъ нихъ зависящихъ вопросахъ, которые поступаютъ на разсмотрѣніе законодательнаго собранія. Этимъ объясняется односторонность и шаткость его резолюцій, а также безплодіе всѣхъ усилій и добрыхъ желаній правительства. Всѣ бывшіе до сихъ поръ на очереди вопросы, какъ то: о децентрализаціи власти, о городскомъ самоуправленіи, о несмѣняемости судей, о разводѣ и др., такъ и остаются нерѣшенными. Замѣчательно еще то обстоятельство, что, не смотря на всѣ старанія предохранить отъ крушенія министерство Фрейсинаэ, оно не пользуется довѣріемъ въ народѣ и мало имѣетъ искрен-

STANTON LIBRARIES

нихъ сторонниковъ, какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ депутатовъ. А между тѣмъ министерство это вполне предано дѣлу республики и члены его, отдѣльно взятые, какъ напр., самъ Фрейсина, министръ народнаго просвѣщенія Жюль Ферри, министръ юстиціи Эмберъ (Humbert)—люди бесспорно почтенные, пользующіеся всеобщимъ и вполне заслуженнымъ уваженіемъ; но отсутствіе программы губить всё ихъ благія начинанія. Та же причина порождаетъ и то крайне невыгодное для прочности и производительности министерства обстоятельство, что въ немъ самомъ нѣтъ необходимой солидарности. Каждый изъ его членовъ дѣйствуетъ какъ бы на свой страхъ, безъ сочувственной поддержки со стороны остальныхъ и даже подъ часъ въ прямомъ противорѣчій съ ними. Одинъ за другимъ терпятъ они довольно чувствительныя неудачи, которыя, конечно, расшатываютъ и безъ того непрочное положеніе правительства, а затѣмъ подають въ отставку; но отставка ихъ или не принимается, или отсрочивается, а палата, проваливъ какой нибудь правительственный законопроектъ, вслѣдъ за симъ торопится выразить свое довѣріе министерству и, во что-бы то ни стало, удержать его отъ распадѣнія. Разумѣется, такіе оригинальные приемы только компрометируютъ положеніе правительства, и едва-ли способны усилить къ нему довѣріе въ народѣ.

Ненормальность такихъ отношеній нагляднѣе всего сказывается на положеніи, занимаемомъ въ кабинетѣ министромъ финансовъ, Леономъ Сэ. Онъ, бесспорно, человѣкъ заслуженный и далеко не заурядный финансистъ; но, по убѣжденіямъ своимъ, онъ—сторонникъ денежной аристократіи и буржуазіи вообще, что, конечно, лишаетъ его симпатій большинства палаты, а въ то же время ставитъ въ противорѣчій съ убѣжденіями остальныхъ членовъ министерства. Благодаря самостоятельной политикѣ Леона Сэ, Фрейсина пришлось отказаться отъ давно намѣченныхъ и уже обѣщанныхъ финансовыхъ реформъ, какъ то: о постепенной передачѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства и о превращеніи пятипроцентной ренты въ трехпроцентную. Последняя была - бы особенно благотворна для массы населенія, но противъ нея возстаетъ Леонъ Сэ, который даже поставилъ условіемъ своего поступленія въ нынѣшнее министерство, чтобы оно отказалось отъ проведенія обѣихъ названныхъ реформъ. Для крупныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, банкировъ и фабрикантовъ—Сэ, конечно, находка; для нихъ онъ министръ неоцѣненный, и, чтобы удержать его, они, при всякомъ подходящемъ случаѣ, бьютъ на пониженіе курсовъ и стращаютъ населеніе биржевымъ

кризисомъ; но въ палатѣ онъ не пользуется популярностью и сторонниковъ не имѣеть. Въ сущности, положеніе его невозможное, но, не взирая на все, онъ продолжаетъ держаться въ министерствѣ. Съ первыхъ же шаговъ его, между нимъ и палатой депутатовъ произошло крупное разногласіе. Въ маѣ мѣсяцѣ поставленъ былъ на очередь вопросъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ налогахъ. Съ предложилъ: акцизъ на вино и пиво замѣнить акцизомъ на спиртъ; палата отвергла это предложеніе, вслѣдствіе чего онъ счелъ долгомъ подать въ отставку. Угроза не замедлила произвести достождное дѣйствіе, и палата, чтобъ загладить свою вину, поторопилась громаднымъ большинствомъ, — 302 голосами противъ 36, — выразить свое довѣріе оскорбленному министру. Вотъ до чего доходитъ среди депутатовъ боязнь министерскаго кризиса!

Подобнаго-же рода казусъ произошелъ и съ министромъ юстиціи Эмберомъ, по случаю внесеннаго имъ законопроекта о судебной реформѣ. Реформа эта давно уже считалась настоятельной потребностью во Франціи, въ виду антиреспубликанскаго настроенія въ нынѣшней магистратурѣ, доставшейся въ наслѣдіе республикѣ еще отъ Наполеоновскихъ временъ. Необходимо было радикально измѣнить наличный составъ судебного сословія, чтобы избавить республику отъ ея внутреннихъ недоброжелателей и враговъ. Съ этою цѣлью Эмберъ внесъ предложеніе о пріостановкѣ на 3 мѣсяца дѣйствія кореннаго закона о несмѣняемости судей, надѣясь въ этотъ кратковременный срокъ успѣть очистить судебное вѣдомство отъ неблагонадежныхъ элементовъ и, замѣсто выбывшихъ, пополнить его лицами, вполне преданными дѣлу республики. Пріемъ, придуманный нынѣшнимъ правительствомъ, не новъ; къ нему неоднократно прибѣгали и прежде. Однако, на этотъ разъ, французская палата нашла эту мѣру недостаточной и въ засѣданіи 29 мая, большинствомъ почти 190 голосовъ, т. е. 282 противъ 193, потребовала совершенной отмены самаго положенія о несмѣняемости судей. На этотъ разъ, вмѣстѣ съ большинствомъ вотировала и значительная часть консерваторовъ. Собственно говоря, послѣднимъ, т. е. коалиціи изъ монархистовъ и имперіалистовъ, Эмберъ и обязанъ своимъ пораженіемъ.

Базалось-бы, именно отъ свободной республики меньше всего можно было ожидать подобнаго требованія, въ конецъ подрывающаго самый коренной принципъ свободного и независимаго отправленія правосудія. Несмѣняемость судей есть та безусловно-необходимая гарантія, безъ которой трудно разсчитывать на безпристрастіе приговоровъ; безъ нея судъ является лишь игрошкой обстоятельствъ или сильныхъ міра сего. Прин-

цинь этотъ, разумѣется, особенно дорогъ тамъ, гдѣ народъ не пользуется свободными учреждениями; въ такихъ государствахъ онъ — единственный надежный якорь спасенія отъ произвола правящихъ лицъ. Вотъ почему, еще въ XVIII столѣтїи, великій политическій писатель Монтескьё являлся такимъ горячимъ его поборникомъ: при тогдашнихъ порядкахъ во Франціи, одинъ только независимый судъ представлялъ хоть какой нибудь оплотъ противъ королевскаго произвола и своеволия разныхъ фаворитовъ и фаворитокъ. Но высокій принципъ несмѣняемости судей остается во всей своей неприкосновенности и въ странахъ конституціонныхъ, являя собой, среди постоянной борьбы партій и постоянной измѣнчивости политическихъ направленій, необходимый элементъ прочности и устойчивости. А между тѣмъ, одно изъ самыхъ передовыхъ государствъ Европы становится вдругъ врагомъ этого спасительнаго учрежденія и, какъ бы наперекоръ здравому смыслу и принципу свободы, собирается отменить у себя несмѣняемость судей и тѣмъ, на первый взглядъ, превратить ихъ въ чиновниковъ республики. Но дѣло въ томъ, что ради консолидаціи послѣдней, французская палата и прибѣгаетъ къ этому странному и, во всякомъ случаѣ, рискованному приему. Въ настоящее время, благодаря порядкамъ, завѣщаннымъ недавнимъ прошлымъ, судъ представляетъ собой нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, являясь весьма серьезнымъ препятствіемъ правильному развитію республиканскаго строя. Не слѣдуетъ забывать, что большая часть нынѣшнихъ членовъ магистратуры назначены были еще въ то время, когда республики не было и въ поминѣ, или же при самомъ началѣ ея установленія. Часть судей осталась въ наслѣдство еще отъ печальныхъ временъ наполеоновскаго режима, а другая завѣщана, хотя и кратковременной, но тяжелой для нарождающейся республики эпохой правленія Макъ-Магона, — такъ называемой эпохой «нравственнаго порядка», когда правительство старательно замѣщало всѣ вакантныя судебныя мѣста своими креатурами, прославившимися ненавистью къ республиканскимъ началамъ. Эти лица, прикрываясь законами о несмѣняемости судей, и по настоящее время, не смотря на измѣнившіяся обстоятельства и повсемѣстное крушеніе идеаловъ цезаризма и «нравственнаго порядка», продолжаютъ упорно подкапываться подъ республику. Все это, понятно, порождало крайне ненормальныя условія, сносить которыя долге было невозможно. Всѣ республиканцы находили безусловно необходимымъ измѣнить такой невозможный порядокъ дѣлъ; вопросъ состоялъ только въ томъ, какими способами произвести всѣми

неотложно требуемую реформу. Одни, наиболее сдержанные и проникательные, какъ Гамбетта, Эмберъ и большинство теперешняго кабинета, нашли наиболее удобнымъ временно приостановить дѣйствіе закона о несмѣняемости судей; но для болѣе рьяныхъ и нетерпѣливыхъ это показалось напрасной полумѣрой, и они потребовали совершенной отмѣны закона. Требованіе ихъ, какъ сказано выше, прошло въ палатѣ. Вместе съ ними вотивовали и многіе изъ консерваторовъ: очевидно, они усмотрѣли въ отмѣнѣ несмѣняемости судей одно изъ лучшихъ средствъ, чтобы расшатать свободныя республиканскія учрежденія. Поборники такой радикальной мѣры, въ защиту ея, ссылались на исторію французской магистратуры съ начала нынѣшняго столѣтія. Они пытались доказать, что несмѣняемость суда еще далеко не доказываетъ его самостоятельности и независимости, что на дѣлѣ эта несмѣняемость, при системѣ назначенія судей правительствомъ, есть простой самообманъ, такъ какъ правительству всегда и въ каждую данную минуту возможно произвести очистку среди судебнаго персонала: для этого ему стѣдуетъ только временно приостановить дѣйствіе закона о несмѣняемости судей. И дѣйствительно, къ такому ловкому маневру прибѣгали почти всѣ политическія партіи, когда власть переходила въ ихъ руки, за него-же ухватилось и настоящее правительство, внося законопроектъ Эмбера. Кромѣ того, всякое правительство можетъ вліять въ своихъ интересахъ на несмѣняемыхъ судей и иными путями, напр. путемъ наградъ и повышенія чѣмъ либо угодившихъ ему судей. Такая система давленія на независимость судебныхъ приговоровъ особенно усердно практиковалась при Наполеонѣ III, когда за каждымъ политическимъ процессомъ, рѣшеннымъ въ правительственномъ духѣ—а такихъ процессовъ была масса—неминуемо слѣдовали болѣе или менѣе крупныя повышенія по должности или иныя награды наиболее усерднымъ членамъ магистратуры.

Все это, къ сожалѣнію, справедливо. Но всякая временная приостановка закона есть на самомъ дѣлѣ беззаконіе, а потому ссылаться на временныя уклоненія отъ законнаго пути, практиковавшіяся прежде, по малой мѣрѣ, странно. Разумѣется, всѣ серьезные республиканцы это хорошо понимаютъ. Узаконивъ, такъ сказать, беззаконіе отмѣной учрежденія несмѣняемыхъ судей, они хватаются за обоюдоострое оружіе, которое легко можетъ быть обращено противъ нихъ же самихъ. Судъ, утративъ всякую самостоятельность, сдѣлается тогда игрушкой въ рукахъ любой изъ правящихъ политическихъ партій,—сегодня умѣренно-республиканской, завтра радикальной, а тамъ, пожалуй, и клерикально-монархи-

ческой, или даже и бонапартистской. Само собою понятно, что, находясь французскій судъ въ иномъ, болѣе нормальномъ положеніи, никто изъ республиканцевъ и не подумалъ бы настаивать на отмініи такого необходимаго для суда учрежденія, какъ несмѣняемость его членовъ; но разъ она допущена, надлежало найти такія гарантіи, которыя до нѣкоторой степени ослабляли бы дурныя послѣдствія отъ отміны несмѣняемости судей. Подобнаго рода гарантія усмотрѣна была въ замѣнѣ системы назначенія судей отъ правительства системой свободнаго ихъ избранія народомъ, а потому въ этомъ смыслѣ и былъ внесенъ Жервиль-Реашемъ законопроектъ въ палату. Предложеніе это встрѣтило сильнѣйшую оппозицію со стороны министерства и многихъ другихъ республиканцевъ; они увидѣли въ немъ еще сильнѣйшій подрывъ независимости суда, чѣмъ въ отмініи несмѣняемости. Одинъ изъ наиболѣе ярыхъ противниковъ выборной системы судей, Барду, въ помѣщенной въ «Journal des Débats» статьѣ, доказываетъ, на основаніи фактовъ изъ временъ великой революціи, весь вредъ подобной системы. Съ 1790 по 1799 годъ судьи избирались народомъ—и въ конецъ уронили достоинство суда. То изгоняемые, то вновь назначаемые, «они, говоритъ Барду, являлись вѣрнѣйшимъ отраженіемъ состоянія французскаго общества въ эпоху террора». Въ концѣ концовъ, всѣ серьезные люди стали уклоняться отъ выборовъ, и тогда суды переполнились разными практиками, людьми необразованными, но до тонкости изучившими старинныя приемы судейскаго кляузничества и крючкотворства. Почтенный публицистъ очевидно забываетъ, ссылаясь на первую республику, что въ ту переходную и смутную эпоху не одинъ только судъ, но и всѣ вообще государственныя и общественныя учрежденія находились въ состояніи полнѣйшей неустойчивости. Факты, заимствованные изъ послѣдняго десятилѣтія прошлаго столѣтія, никакъ не могутъ служить примѣромъ для современной Франціи, которая, какъ кажется, никакой революціи не переживаетъ. Гораздо основательнѣе доводы противъ избирательной системы, приведенные въ палатѣ Эмберомъ. Министръ юстиціи, приводя въ примѣръ Соединенные Штаты, гдѣ, мѣстами, судьи служатъ по выборамъ, указывалъ на то, что нельзя требовать безпристрастія отъ судебныхъ приговоровъ, если судьи будутъ избираемы народомъ, потому что тогда они всячески будутъ стараться, въ ущербъ достоинству суда, угождать своимъ избирателямъ. Безспорно, доводъ этотъ довольно вѣскій, но если выбирать между двухъ золъ, то лучше ужъ допустить угожденіе интересамъ избирателей, чѣмъ потворство административному произволу. Во всякомъ случаѣ, безъ принципа несмѣняемо-

сти, одно только назначеніе судей по выборамъ можетъ до нѣкоторой степени оградить независимость и достоинство суда. Наилучшій примѣръ тому Швейцарія, гдѣ прекраснѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ выборная система судей, являя собой прямое выраженіе кореннаго принципа всякой полноѣ демократической республики—принципа народовластія.

Палата депутатовъ, допустивъ отміну несміняемости судей, оказалась послѣдовательнѣе правительства и, не взирая на его противодѣйствіе, приняла 275 голосами противъ 208 предложеніе Жервиль-Реаша. Рѣшивъ однако вопросъ въ принципѣ, она покончила пренія и поручила разработку подробностей, насчетъ способовъ избранія судей, особой парламентской комиссіи. Вслѣдствіе такого двойнаго пораженія, Эмберъ счелъ долгомъ подать въ отставку; но съ нимъ повторилась почти та же исторія, что и съ Леономъ Сэ: изъ боязни министерскаго кризиса, въ отставкѣ ему было отказано, и онъ принужденъ былъ ограничиться временнымъ отпускомъ.—Такая же участь готовится и министру внутреннихъ дѣлъ Гобле. Въ видахъ постепенной децентрализаціи власти, имъ выработанъ былъ весьма замѣчательный законопроектъ, въ которомъ предлагается нѣсколько ослабить въ провинціяхъ власть префектовъ, а взамѣнъ того расширить власть департаментскихъ генеральныхъ и городскихъ муниципальных совѣтовъ. Предложеніе это въ принципѣ какъ нельзя болѣе справедливо. Чрезмѣрная централизація представляетъ одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ французскаго государственнаго строя; благодаря ей, вся Франція представляетъ какое-то инертное тѣло, жизнь котораго сосредоточивается въ одномъ только Парижѣ. Провинція лишена всякой самостоятельности и слѣпо идетъ по указаніямъ изъ столицы; безъ нихъ народъ, сѣзжала привыкшій ходить на помочахъ и не приученный къ серьезному мѣстному самоуправленію, легко теряется и идетъ въ разбродъ. Это нагляднѣе всего сказалось въ минувшую франко-прусскую войну, когда стоило только нѣмцамъ оцѣпить Парижъ, чтобы въ конецъ убить всякую энергію въ остальной Франціи. Та же централизація представляетъ удобную почву и для всякихъ государственныхъ переворотовъ, потому что совершенное въ Парижѣ немедленно же становилось закономъ для всего государства. Не взирая однако на все очевидное зло, порождаемое чрезмѣрно развитой централизаціей власти, французская палата депутатовъ вовсе не склонна принять внесенный министромъ внутреннихъ дѣлъ законопроектъ. Большинство республиканцевъ все еще опасается, что ослабленіе централизаціи губельно отзовется на прочности республики, такъ какъ во многихъ провинціяхъ, нынѣ сдерживаемыхъ

Парижемъ, легко могутъ восторжествовать тенденціи, враждебныя установленнымъ республиканскимъ порядкамъ. Въ виду этого, заранѣе можно предсказать, что предложеніе Гобля не пройдетъ въ палатѣ; но тогда послѣдній подастъ въ отставку, а засимъ, вѣроятно, послѣдуетъ та же церемонія, какая была продѣлана надъ Сэ и Эмберомъ.

Такія, болѣе чѣмъ странныя, отношенія между палатой и правительствомъ, — сказывающіяся, съ одной стороны, въ полнѣйшемъ недвѣрїи къ министерству, а съ другой, въ страстномъ желанїи предохранить его отъ паденія, — проявляются буквально во всемъ, какъ въ дѣлахъ первой важности, такъ и въ мелочахъ. Для примѣра, можно указать хотя бы на пререканія, возникшія между палатой и правительствомъ, по поводу бывшаго на очереди, совершенно второстепеннаго вопроса о томъ, куда употребить тѣ 8—10 милліоновъ франковъ, которые могутъ быть выручены съ продажи коронныхъ брилліантовъ, оставшихся въ наслѣдство отъ монархіи. При иныхъ условіяхъ, неважный вопросъ этотъ прошелъ-бы незамѣченнымъ, но теперь вышла цѣлая исторія. Правительство желало отдать ихъ въ кассу государственныхъ музеевъ, парламентская же комиссія находила цѣлесообразнѣе употребить ихъ на устройство, такъ называемой, кассы инвалидовъ труда (Caisse des invalides du travail), и, разумѣется, палата, въ пику правительству, приняла сторону комиссіи. — Почти единственное предложеніе правительства, которое прошло благополучно въ палатѣ, это законопроектъ о разводѣ, внесенный старикомъ Наке, неутомимымъ и всѣми глубоко уважаемымъ дѣятелемъ республиканской партіи. Вопросъ этотъ настолько интересенъ, въ особенности для насъ, — такъ какъ въ послѣднее время и для русскаго общества онъ становится до нѣкоторой степени злобою дня, — что мы считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ нѣсколько подольше. Какъ извѣстно, разводъ допускается во всѣхъ протестантскихъ государствахъ; его нѣтъ только въ странахъ католическихъ, да еще, пожалуй, нѣтъ его въ Россіи, потому что, разрѣшаемый въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ православной церковью, онъ обставленъ у насъ такими глубоко безнравственными, такими оскорбительными для человѣческаго достоинства условіями, что прибѣгать къ нему рѣшаются лишь при послѣдней крайности. А между тѣмъ, принципъ расторжимости брака служитъ наилучшимъ мѣриломъ общественной нравственности и прочности семейной жизни. Тамъ, гдѣ разводъ допускается съ трудомъ или не допускается вовсе, семейная жизнь и супружескія отношенія стоятъ на очень низкой ступени, какъ напр., у

нась, а въ особенности во Франціи, гдѣ брачною формою прикрывается глубокий семейный развратъ и самимъ бракомъ какъ-бы освящается только право на постороннія, внѣбрачныя сожительства. Что неудобно для холостаго и не прощается дѣвушкѣ, то вполне возможно и легко доступно для замужней женщины и человѣка женатаго. Напротивъ того, нигдѣ семья не стоитъ такъ высоко, нигдѣ она не пользуется такимъ глубокимъ уваженіемъ, какъ въ Англии, и вообще въ странахъ, гдѣ разводъ допускается закономъ. Въ тому-же, жизнь беретъ свое и идетъ помимо устарѣлыхъ и несоотвѣтственныхъ общественнымъ потребностямъ установлений. Супружеское сожительство, не освященное церковью, довольно распространено во Франціи; а у насъ-же, какъ всѣмъ известно, оно стало совершенно зауряднымъ явленіемъ,—и уже никакъ нельзя сказать, чтобы въ незаконной семьѣ царила большая разнузданность, чѣмъ въ семьѣ законной. Наконецъ, даже въ самой Франціи церковь вынуждена была уступить передъ очевидностью фактовъ и, взамятъ развода, допустить иную форму его, такъ называемое *séparation de corps*, разлученіе супруговъ. Въ сущности, это—тотъ-же разводъ, только въ формѣ, крайне стѣснительной для супруговъ и притомъ нисколько не ослабляющей всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій расторгнутаго брака: и при разлученіи супруговъ семья рушится такъ-же основательно, какъ и при разводѣ.

Вопросъ о разводѣ во Франціи далеко не новый. Онъ былъ выдвинутъ еще великой французской революціей и поставленъ ею такъ же радикально, какъ и все, что тогда рѣшалось. Первая республика допустила его безусловно. Въ такой формѣ просуществовалъ онъ недолго. Въ 1803 году составленъ былъ Наполеоновскій кодексъ, который сильно ограничивалъ свободу развода: право это обусловлено было лишь немногими, строго-опредѣленными случаями. Когда-же вернулись во Францію Бурбоны, то они немедленно-же наложили руку на разводъ, какъ и на все, что порождено было революціей. Въ 1816 году, въ разгаръ самаго безшабашнаго хозяйничанія клерикализма, разводъ былъ уничтоженъ, какъ богопротивное учрежденіе, несовмѣстное съ ученіемъ церкви о нерасторжимости брака, и съ того времени узаконены то лицемеріе, тотъ, противный и христіанскому ученію, и самымъ элементарнымъ понятіямъ о нравственности, семейный тайный и явный развратъ, словомъ, та проституція домашняго очага, которая разъѣдаетъ общественный организмъ, губитъ и семью, и самый принципъ брака. Люди наиболѣе развитые неоднократно поднимали вопросъ объ отмѣнѣ закона 1816

года и о разрѣшеніи развода; но все безуспѣшно. Общество, воспитанное подъ клерикальнымъ гнетомъ и въ принципахъ буржуазнаго благопріиція, усматривало въ разводѣ подрывъ семейному счастью, и стоило только заговорить о немъ въ печати или палатѣ, какъ тотчасъ-же охранители общественной нравственности принимались яростно кричать о подрывѣ основъ общества, объ оскорбленіи святости брака, семейнаго очага и т. п. Само собой разумѣется, что эти блюстители чистоты семейныхъ нравовъ нисколько не стѣснялись на каждомъ шагѣ нарушать и семейное счастье, и святость брачныхъ узъ; но для нихъ вся суть нравственности заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы не разоблачать альковныхъ тайнъ и не производить общественнаго скандала.

Много времени потребовалось на то, чтобы общество созрало всю глубокую безнравственность подобнаго лицемѣрія, и только теперь старику Наке, послѣ неоднократныхъ неудачъ и многихъ усилій, удалось наконецъ не только поставить на очередь вопросъ о допущеніи развода, но провести его въ палатѣ, хотя и нѣсколько въ измѣненномъ видѣ. Основныя положенія новаго, недавно вотированнаго палатой депутатовъ, законопроекта заключаются въ слѣдующемъ. Разводъ разрѣшается въ случаѣ дурнаго обращенія, а также если одинъ изъ супруговъ будетъ приговоренъ по суду, только не за политическія преступленія, къ лишенію правъ. Разводъ разрѣшается также и въ томъ случаѣ, если кто либо изъ супруговъ приговоренъ къ тюремному заключенію за какое нибудь позорное для чести преступленіе, напр., за мошенничество, воровство и т. п. Наконецъ,—и это самое главное,—разводъ допускается и съ обоюднаго согласія супруговъ, однако при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ: такъ, для этого необходимо, чтобы мужу было не менѣе 25 лѣтъ, а женѣ—не менѣе 21 года, и чтобы со времени вступленія въ бракъ прошло, по крайней мѣрѣ, два года. При этомъ, разведенныя лица могутъ снова вступить въ бракъ между собой; но послѣ вторичнаго развода бракъ между ними уже не дозволяется.

Засѣданіе палаты, въ которомъ происходили пренія по законопроекту Наке, было въ высшей степени интересно и оживленно. Противниками развода выступили анжерскій епископъ Фреппель и профессоръ юридическихъ наукъ въ Реннѣ, Дюранъ; имъ возражали докладчикъ комиссіи Марсеръ и Леонъ Рено. Блистательная рѣчь послѣдняго главнымъ образомъ и рѣшила участь законопроекта. Епископъ Фреппель, со свойственной ему горячностью, нападая на законопроектъ, сначала коснулся общественнаго значенія брака. Вся Франція, говорилъ онъ, вся Франція, которая

работает и вѣрить, не хочетъ развода, потому что въ нерасторжимости брака видитъ силу и честь страны. «Разводъ, восклицалъ онъ, это—шагъ назадъ по пути цивилизаціи»—такъ какъ прочность брачныхъ и семейныхъ узъ есть отличительнѣйшій признакъ высшаго состоянія общества. Далѣе, епископъ отрицалъ возможность всякаго сравненія, малѣйшаго заимствованія у другихъ народовъ, на томъ основаніи, что Франція сама по себѣ, а иностранцы сами по себѣ, и что хорошее у нихъ для нея вовсе не годится. Какъ видите, иной разъ и французы умѣютъ говорить въ тонѣ нашихъ философовъ «средостѣнія». По мнѣнію Фреппеля, признаніе развода поведетъ еще къ худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ какія были въ 1792 году: къ уничтоженію всякихъ брачныхъ узъ и къ узаконенію свободной любви. Если, не смотря на всѣ политическіе и социальные перевороты, Франція не утратила еще своего могущества и благоденствія, то только потому, что крѣпка въ ней семья; добавить же къ существующимъ причинамъ неустойчивости еще неустойчивость семейную—и Франція распадется. Приступивъ затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса съ церковной точки зрѣнія. Фреппель заговорилъ въ родѣ проповѣди. Бракъ есть только таинство, утверждалъ онъ, и, какъ таковое, стоитъ внѣ компетенціи свѣтской власти. Какойнибудь еврей, свободный мыслитель, въ родѣ Кремьё,—коритъ онъ своихъ слушателей,—еще могъ предлагать введеніе развода, но можно ли допустить, чтобы христіане, представители громаднаго католическаго большинства, могли поднять руку на догматы своей церкви? Въ заключеніе Фреппель, какъ водится, пригрозилъ, что если палата и установитъ разводъ, церковь никогда его не признаетъ, и всякій расторгнутый бракъ будетъ считаться расторгнутымъ, а всякій вторичный бракъ—незаконнымъ сожителествомъ, прелюбодѣяніемъ.

Все это на видъ очень страшно, но мало убѣдительно. Еще менѣе того убѣдительно были доводы другаго противника развода, Дюрана, который взглянулъ на дѣло исключительно съ точки зрѣнія формальной нравственности. Его болѣе всего возмутило то, что законопроектомъ допущенъ разводъ по взаимному соглашенію. Въ брачномъ обязательствѣ, говоритъ онъ, заинтересованы три стороны: мужъ, жена и дѣти; а потому обязательство это не можетъ быть уничтожено лишь по желанію первыхъ двухъ. Дѣти имѣютъ право на отца и мать, и этого права лишитъ ихъ никто не можетъ. «Нѣтъ, воскликнулъ ораторъ въ заключеніе, не разводъ должны вы вписать на страницы уложенія, а формулу: уваженіе къ семьѣ!» Каково это уваженіе къ семьѣ въ современномъ французскомъ обществѣ, конечно, отлично извѣстно и самому Дюрану;

но для фарисеевъ благоприличія дорогà только форма, придающая внѣшній обликъ семьѣ, и имѣ, повидимому, горя мало до того, что эта форма есть, въ сущности, отрицаніе всякаго брака и лишь служить для прикрытія семейной проституціи.

Защитниками развода выступили Марсеръ и Леонъ Рено. Первый, возражая Фреппелю, справедливо замѣтилъ, что всѣ нападки послѣдняго сводятся лишь въ желанію удержать за клерикализмомъ позиціи, захваченныя имъ въ мрачныя годы французской исторіи за нынѣшнее столѣтіе, но теперь постепенно ускользающія изъ его рукъ. На самомъ-же дѣлѣ епископъ не имѣлъ никакого права стоять за нерасторжимость брака, какъ за неприкосновенный догматъ церкви, такъ какъ, по даннымъ исторіи, съ момента введенія христіанства въ римской имперіи и вплоть до конкордата 1801 г., было немало случаевъ, когда церковь безъ всякихъ возраженій допускала разводъ; да наконецъ церковь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ органовъ католической печати, являющихся *plus royalistes que le roi*, никогда и не имѣла тѣхъ претензій, какія заявляются нынѣ. Мало того, и теперь въ каноническихъ постановленіяхъ насчитывается до 15 случаевъ, въ которыхъ бракъ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ; что это такъ, тому имѣется на практикѣ немало примѣровъ расторженія брака римской церковью; можно-ли послѣ этого утверждать, что разводъ несовмѣстимъ съ католицизмомъ? Дѣло только въ томъ, что трудно добраться до церковнаго суда, что онъ огражденъ для большинства массой непреодолимыхъ препятствій, перешагнуть черезъ которыя могутъ только одни богатые и сильные міра сего. Также мало дѣйствительны и доводы, будто разводъ подрываетъ основы общества и семьи. Напротивъ того, скорѣе онъ упрочитъ ихъ и сильнѣе закрѣпитъ брачныя узы. Когда будутъ знать, что заключенный бракъ можетъ быть расторгнутъ, что можетъ рушиться созданный и устроенный домашній очагъ, что можетъ исчезнуть взлелѣянное семейное счастье, тогда не станутъ такъ легкомысленно заключать браки, какъ теперь, и будутъ несравненно сильнѣе дорожить своимъ домомъ.

Но наибольшее впечатлѣніе на палату и собравшуюся въ ней многочисленную публику произвела увлекательная рѣчь Леона Рено, которая постоянно прерывалась шумными рукоплесканіями на скамьяхъ лѣвой стороны и центра. Отвѣчая Дюрану, который утверждалъ, что для несчастныхъ браковъ вполне достаточно допускаемаго закономъ разлученія супруговъ (*séparation de corps*), Рено, между прочимъ, говорилъ:

«Для насъ бракъ настолько священное учрежденіе, что въ тотъ моментъ, когда онъ перестаетъ соответствовать своему назначенію, когда за нимъ удерживается одна лишь видимость, когда, выражаясь библейскимъ словомъ, онъ начинаетъ походить на раскрашенный гробъ,—мы находимъ честище окончательно его уничтожить, чѣмъ запятнать разлученіемъ супруговъ. Намъ заявляютъ, будто изъ-за юридическихъ соображеній нельзя вводить развода. Такъ, значить, мы должны цѣпляться за звукъ пустой, даже тогда, когда самая сущность, выражаемая имъ, перестала существовать, когда мужъ и жена перестали жить общою жизнью, когда бракъ превратился въ поле битвы между супругами, когда отъ прежнихъ узъ осталось лишь какое-то постыдное и невыносимое рабство?... Въ нашемъ уложеніи имѣется неопредѣленное опредѣленіе брака: это то, которое прочитывается, когда мужчина и женщина, согласившіеся учредить новую семью, являются передъ должностнымъ лицомъ. Опредѣленіе это резюмируетъ въ себѣ всю суть взаимныхъ нравственныхъ и матеріальныхъ обязанностей, на основаніи которыхъ долженъ будетъ осуществиться союзъ, освященный обществомъ. Но когда дѣло доходитъ до разлученія, когда раздоры, насилія, оскорбленія, прелюбодѣянія сдѣлали изъ домашняго очага каторгу для одного изъ супруговъ, то что-же остается отъ того опредѣленія брака, которое выражено въ законѣ? Ровно ничего. Разводомъ только констатируется фактъ распада брака; имъ просто устраняется фикція, устраняется лицемеріе... Для святости брака не можетъ быть большаго униженія, какъ это лицемеріе... Намъ возражаютъ, что въ брачномъ союзѣ, кромѣ родителей, заинтересованы еще дѣти, которыя имѣютъ право требовать, чтобы бракъ оставался неприкосновеннымъ. Но въ человѣческихъ-ли силахъ сохранить его въ этой неприкосновенности, когда между отцомъ и матерью дѣло дошло до такой крайности, что разлученіе ихъ становится неизбежнымъ? Полнота брака сказывается не только въ соблюденіи родителями ихъ матеріальныхъ обязанностей къ дѣтямъ, но и въ исполненіи того нравственнаго долга воспитанія, которое образуетъ сердце, умъ и волю дѣтей, и которое главнымъ образомъ выражается въ должномъ примѣрѣ, даваемомъ самими родителями. Развѣ для дѣтей разлученіе супруговъ оставляетъ бракъ неприкосновеннымъ? Когда судомъ расторгнуто общее сожителство супруговъ, дѣти ихъ, конечно, могутъ видаться и съ отцомъ, и съ матерью, но остается нѣчто, чего они никогда болѣе не увидятъ, это—поцѣлуя, даннаго матери отцомъ, это—одновременной ласки отъ нихъ... А наконецъ, относительно нравственнаго положенія

STANTOKO LIBRARIES

дѣтей, неужели вы считаете для нихъ лучше, чтобы они были свидѣтелями позорныхъ связей матери, въ которыхъ та никогда не рѣшится сознаться, чтобы видѣли мѣсто матери въ отцовскомъ домѣ тайно отъ всѣхъ занятымъ чужой имъ женщиной,—неужели вы считаете это болѣе нравственнымъ, чѣмъ дозволить имъ присутствовать при возможныхъ вторичныхъ бракахъ ихъ родителей?.. Еще тамъ, въ высшихъ классахъ, гдѣ царить богатство, гдѣ вдоволь всякихъ удобствъ,—до нѣкоторой степени можно прикрыть мало проницаемымъ покровомъ печальныя послѣдствія разлученія супруговъ, можно уберечь ребенка отъ этихъ оскорбительныхъ послѣдствій. Но что сказать, если послѣднее случится въ средѣ трудовой, неимущей, гдѣ мужу необходима жена, чтобы вести хозяйство, готовить обѣдъ, гдѣ жена не можетъ продержатъ семьи безъ помощи и заработковъ мужа, гдѣ помѣщеніе тѣсно? Что тогда? Неужели вы не видите результатовъ, отъ которыхъ воротить и душу, и совѣсть?.. Да, бракъ—святое дѣло; да, надо желать его прочнымъ, нерасторжимымъ, желать его до послѣдней возможности. Но если все напрасно? Тогда необходимо возникаетъ вопросъ о средствахъ, о мѣрахъ прекращенія, объ общественныхъ преградахъ... Затѣмъ, Рено входитъ въ подробное разсмотрѣніе того пункта законопроекта, въ которомъ говорится о разводѣ по взаимному согласію. Онъ указываетъ на глубоко нравственное и гуманное значеніе такого законоположенія; имъ родители избавляются отъ напрасныхъ публичныхъ и щекотливыхъ разоблаченій, избавляются отъ позора, который на всю остальную жизнь будетъ тяготѣть надъ ними и губельно отразится на дѣтяхъ. Въ заключеніе своей рѣчи, ораторъ обратился съ слѣдующими словами къ депутатамъ: «Вы должны допустить разводъ, потому что, съ общественной точки зрѣнія, онъ менѣе вреденъ, потому что онъ не столь жестокъ и болѣе справедливъ для обѣихъ пострадавшихъ сторонъ. Но главнымъ образомъ, вы должны принять его изъ-за дѣтей, родившихся отъ расторгеннаго брака, потому что для нихъ разводъ менѣе ужасенъ, чѣмъ разлученіе ихъ родителей!» И палата приняла законопроектъ о разводѣ, и приняла его значительнымъ большинствомъ. Однако ему не посчастливилось добиться окончательной санкціи: сенатъ, 101 голосомъ противъ 89, кассировалъ приговоръ палаты. Вообще сенатъ, за послѣднее время, сталъ снова играть свою прежнюю и на время оставленную роль,—роль тормоза всѣмъ благимъ начинаніямъ палаты и правительства. Очевидно, ненормальныя отношенія, установившіяся между послѣдними, отразились и на немъ, ослабивъ ту солидарность, ко-

торая начала было устанавливаться между обѣими палатами въ кратковременное правленіе прошлаго министерства. Престижъ, которымъ пользовалось имя Гамбетты, обаяніе его личнаго характера, его энергія, все это сказалось и на сенатѣ, значительно умѣрившемъ свою обычную строптивость. Онъ безъ труда пропускалъ даже такіа серьезные мѣры, какъ установленіе на новыхъ началахъ избранія сенаторовъ, которое должно было радикально преобразовать его собственный составъ. Но нынѣшнее министерство, не пользующееся вліяніемъ въ палатѣ, тѣмъ менѣе могло оказывать его на сенатъ. И вотъ послѣдній снова принялся играть въ оппозицію. Онъ не пропускаетъ почти ни одного предложенія, одобреннаго палатой, и налагаетъ свое veto на всѣ мало-мальски либеральные законы, которые ставились на очередь и министерствомъ, и общественнымъ мнѣніемъ.

Все это, конечно, только усугубляетъ критическое положеніе нынѣшняго правительства. Неустойчивость этого положенія доведена теперь до того, что малѣйшая непредвидѣнная случайность можетъ въ конецъ его разстроить. А тутъ—еще Фрейсина удалось сильно свомпрометировать его своей боязливой и шаткой политикой по египетскому вопросу. Вопросъ этотъ, о которомъ мы еще будемъ говорить подробнѣе, имѣетъ громадное значеніе для Европы, въ особенности-же для Франціи: не только ея торговые и финансовыя интересы, но и самое положеніе, занимаемое ею въ Африкѣ, находятся въ тѣсной зависимости отъ того или другаго поворота, какой могутъ принять событія, разыгрывающіяся нынѣ на берегахъ Нила. Первоначально Франція играла въ египетскихъ дѣлахъ руководящую роль; но потомъ, благодаря нерѣшительности и страху передъ рискомъ со стороны Фрейсины, она отошла на задній планъ, отказавшись отъ всякаго активнаго дѣйствія и предоставивъ все веденіе дѣла Англіи. Общественное мнѣніе было возмущено такою политикой, унижительною для достоинства Франціи и опасной ея интересамъ. Французамъ показалось обиднымъ, что Англія, не смущаясь отступленіемъ своей не въ мѣру осторожной союзницы, продолжаетъ смѣло идти впередъ, и ужь, конечно, имѣя въ виду лишь исключительные свои собственныя выгоды. Отсюда—ожесточенныя нападки, которыя стали сыпаться на англичанъ. Подъ конецъ, судя по задорному тону французской прессы, разрывъ между Франціей и Англіей казался неизбежнымъ. Къ счастью, Фрейсина спохватился и снова вернулся къ прежней политикѣ. Теперь Англія, уже сообщая съ Франціей, собирается нанести послѣдній ударъ египетской революціи. Честь французской рес-

Либлики спасена, но положеніе Фрейсмизъ отъ этого нимало не улучшилось, такъ какъ уступка, на которую онъ былъ вынужденъ силою обстоятельствъ, явилась, кажется, слишкомъ поздно; а извѣстное дѣло, что для политическаго человѣка нѣтъ большей ошибки, какъ сдѣлать что либо не во время.

НОВЫЯ КНИГИ.

Польская Библиотека. Р. И. Сементковскаго. Спб. 1882 г.—Недремлющее око г. Каткова, редактора «Московскихъ Вѣдомостей», усмотрѣло въ сѣверо-западномъ краѣ не только проявленіе польскаго движенія, но и нѣкоторые признаки подготовленія къ возстанію. По обыкновенію, «бдительность» г. Каткова, и на этотъ разъ, жестоко промахнулась. «Движеніе» и «подготовленіе» какъ это фактически разъяснено въ «Московскомъ Телеграфѣ», оказалось простымъ пикникомъ, устроеннымъ на масляницѣ, по случаю выпавшаго снѣга, нѣсколькими десятками человѣкъ, съѣхавшимися въ Вильнѣ на собраніе агрономическаго общества. Корреспондентъ «Московск. Телеграфа», разъяснившій этотъ фактъ, не безъ основанія прибавляетъ: «пусть судить каждый, до какой степени низости можетъ дойти печатный органъ, ратующій объ охраненіи». Безпристрастно глядя на дѣло, нельзя не согласиться, что, не имѣя въ запасъ достаточнаго количества «низости», рѣшительно невозможно обратить простой пикникъ въ «подготовленіе къ возстанію».

Мы остановились на дикой выходѣ «Московскихъ Вѣдомостей», какъ на одномъ изъ многочисленныхъ примѣровъ той безцеремонности, къ которой прибѣгаютъ наши лже-народники и quasi-охранители въ своемъ неразумномъ и недоброжелательномъ увлеченіи полонофобствомъ. Почти двадцать лѣтъ прошло уже со времени послѣдняго польскаго возстанія, и травля поляковъ не прекращается. Да неужели же мы ничему не научились и ничего не забыли въ теченіе такого значительнаго промежутка времени? Между тѣмъ поляки, за этотъ промежутокъ времени, отъ многого отрѣшились, многому научились и продолжаютъ учиться, какъ это положительнымъ образомъ доказываетъ книга Р. И. Сементковскаго—«Польская Библиотека», появившаяся какъ нельзя болѣе кстати.

«Библиотека» представляетъ собою родъ сборника, подразделяющагося на двѣ части: первая часть заключаетъ въ себѣ произведенія талантливѣйшихъ изъ современныхъ польскихъ беллетристовъ: Вл. Оковскаго (Александра Свентоховскаго), Генриха

Сенкевича, Элизы Оржешко и Болеслава Пруса; во второй части находятся публицистическія «Письма» г. Сементковскаго, посвященныя характеристикѣ современнаго состоянія Польши въ общественномъ и политическомъ отношеніи. Что касается беллетристическихъ произведеній, то, пробѣгая ихъ, вы рѣшительно отказываетесь уловить границу, гдѣ кончается русское и начинается польское, — такъ поразительны близость, родство, а иногда и положительное тождество русской и польской жизни, русскихъ и польскихъ интересовъ; вы читаете рассказы о польской жизни, какъ о своей родной русской жизни, съ тѣмъ лишь различіемъ, что беллетристическія произведенія названныхъ польскихъ писателей выдѣляются недюжинною талантливостію, чужды узко-народническаго шаблона и затасканной тенденціозности, заѣдающихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, русскую беллетристику. Когда передъ вами, одна за другою, проносятся картины польской жизни, мастерски и съ художественною естественностью набросанныя рукою польскихъ беллетристовъ, и, одновременно съ этимъ, вы слышите дикіе крики русскимъ полонофобовъ, — вами овладѣваетъ острое, жгуче-болѣзненное чувство. Вы до осознательности ясно сознаете и чувствуете, какъ неподкрашенная дѣйствительность самой польской жизни и быта не только изобличаетъ недобросовѣстность полонофобской тенденціи, но, такъ сказать, вопіетъ противъ нея. Но еще безпощаднѣе изобличаютъ это «Письма» г. Сементковскаго.

Въ одномъ изъ «Писемъ» очень вкратчѣ рассказано содержаніе карикатуры, помѣщенной въ варшавскомъ воскресномъ «Курьерѣ» («Kurier Swiateczny»). Сапожникъ держитъ одной рукою своего подмастерья за чубъ, а другой наноситъ ему удары ремнемъ и приговариваетъ: «Ахъ, ты, негодный, не хочешь протянуть руку для примиренія!» На это подмастерье отвѣчаетъ: «Да какъ мнѣ подать вамъ руку, когда у насъ обѣ заняты?»... Комментаріевъ, разумѣется, не требуется — кто «сапожникъ» и кто «подмастерье». На тему о «примиреніи съ поляками» въ русской журналистикѣ не писалъ развѣ только дѣтливый. Но, строго говоря, въ нашей печати всегда оставался открытымъ вопросъ, что сдѣлано у насъ въ видахъ «примиренія»? Или еще опредѣленнѣе: то, что рекомендуется полонофобствующими «охранителями» и съ большею или меньшею точностью приводится въ исполненіе, якобы, въ видахъ «примиренія», — не увеличиваетъ-ли еще болѣе разнь между нами и поляками? не походятъ-ли предпринимаемыя нами, въ этомъ отношеніи, мѣры на ремень въ рукахъ «сапожника»?

Дѣйствительно - интересующихся вопросомъ о примиреніи, прежде и больше всего, должна интересоваться та культурная борьба, которая происходитъ, въ настоящее время, въ Польшѣ между прогрессистами и клерикалами. У насъ до сихъ поръ

еще слово «полякъ» считается почти равнозначущимъ понятію— «религіозный фанатикъ». Между тѣмъ, это грубое заблужденіе. Въ «Письмѣ» г. Сементковскаго — «Варшавскіе клерикалы и прогрессисты» — мы находимъ слѣдующую характерную цитату изъ журнала «Przegląd Tygodniowy»: «Времена, когда выдающіяся умственные силы ходили въ рясахъ, миновали, повидимому, безвозвратно. Нынѣ духовенство, особенно въ Польшѣ, беретъ перо въ руки развѣ только для написанія метрическаго свидѣтельства или акта о смерти прихожанина. Полное оцѣпеннѣе овладѣло умами духовныхъ лицъ, которыя ни во внутреннемъ, ни во внѣшнемъ мірѣ ничѣмъ не побуждаются къ труду. Судя по плодамъ, мы видимъ печальныя послѣдствія недостаточнаго научнаго образованія». Затѣмъ, переходя къ вопросу, насколько фанатическая борьба съ людьми науки—единственное занятіе, которому духовенство предается съ увлеченіемъ—находить себѣ оправданіе въ Польшѣ, журналъ спрашиваетъ: «какой внутренней врагъ угрожаетъ у насъ духовенству? Въ деревнѣ крестьянинъ, шляхтичъ, въ городѣ ремесленникъ, чиновникъ—вполнѣ подчиняются католицизму и слѣпо чтутъ его іерархію. Горсть такъ называемыхъ либераловъ подаетъ еле-замѣтные признаки жизни. Правда, не смотря на религіозность нашего общества, оно не фанатично и болѣе склоняется въ пользу прогрессивныхъ идей,—но развѣ въ этомъ можно усмотрѣть угрозу для церкви? Ярый польскій прогрессистъ, или, какъ говорятъ клерикалы, атеистъ, самое большее, что осмѣлится попросить духовенство предоставить ему внутреннюю свободу совѣсти, перенести излишніе праздники на воскресные дни и умѣрить нѣсколько плату за требы. Крайнимъ требованіемъ служить отмѣна безбрачія духовенства постановленіемъ собора... Поэтому, умѣстно-ли и нужно-ли возбуждать общество, которое спокойно и религіозно настроено.—возбуждать потому только, что гдѣ-то, за тридевять земель, либералы ведутъ борьбу съ ультрамонтанами изъ-за господства ихъ надъ людьми?»

Эта борьба прогрессистовъ съ клерикалами заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ ослабленіе католическаго фанатизма—первое и самое главное, чѣмъ необходимо дорожить съ точки зрѣнія «примиренія». Вполнѣ основательно замѣчаетъ по этому поводу г. Сементковскій: «Знакомясь съ состояніемъ партій въ Польшѣ, мы приходимъ къ ясному выводу относительно пути, который можетъ привести къ установленію безобиднаго и плодотворнаго *modus vivendi* между нами и поляками. Искреннихъ друзей у насъ въ Польшѣ нѣтъ и—*tranchons le mot*—пока быть не можетъ. Не въ кабинетной тиши и не подъ влияніемъ увлекательныхъ грезъ объ облагодѣтельствованіи рода человѣческаго и привлеченіи всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ къ любящему и широкому своему сердцу рѣшаются вопросы, въ родѣ

польскаго. Они возникли на полях битвы, гдѣ пролиты потоки человѣческой крови, и разрѣшаются только тогда, когда въ сердцахъ народовъ не осталось и тѣни тѣхъ чувствъ, которыя вызвали эту кровавую вѣковую распрю. Но если уступки внутрення, со стороны побѣдителя, возможны лишь въ незначительной степени, то параллельное преслѣдованіе интересовъ, особенно при организаціи общественнаго мнѣнія, достижимо въ гораздо большей мѣрѣ. Польскому вопросу давно пора перейти изъ области чувства въ область трезваго и всесторонняго взвѣшивания взаимныхъ интересовъ. Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ съ русской стороны въ 1864 году; отвѣтомъ на него, съ польской стороны, было установленіе прогрессивной политической программы, на основаніи совершенной русскимъ правительствомъ соціальной реформы. Сознаніе солидарности многихъ интересовъ начинаетъ прокладывать себѣ дорогу, начинаетъ уже давать плоды. Не дай Богъ намъ уклониться отъ этого пути! Политика Россіи, на всемъ пространствѣ русской территоріи, есть и всегда будетъ политикою, основанною на благополучіи массъ. Она и въ Польшѣ не можетъ быть иною. Поэтому нельзя не привѣтствовать успѣховъ, которые дѣлаетъ польская прогрессивная партія. Мы очень хорошо знаемъ, что варшавскіе прогрессисты далеко не могутъ считаться нашими друзьями; но они—друзья польскаго народа, и этого, на первый разъ, для нихъ достаточно. Напрасно, поэтому, варшавскіе клерикалы и консерваторы слятся очернить прогрессистовъ въ глазахъ Россіи. Они могутъ ввести въ заблужденіе развѣ очень наивныхъ людей, но Россія не нуждается въ томъ, чтобы варшавскіе клерикалы указывали ей, съ какими самостоятельными польскими интересами она можетъ быть солидарна».

Мы остановились лишь на наиболѣе выдающихся сторонахъ изданія Р. И. Сементковскаго. Вся «Польская Библіотека», отъ начала до конца, представляетъ «изданіе, задуманное русскимъ для русскихъ», какъ справедливо говоритъ издатель въ предисловіи. Въ этомъ отношеніи, нѣтъ въ книгѣ ни одного разсказа, ни одной главы, ни одной страницы, которые не возбуждали бы самаго живаго интереса къ Польшѣ съ русской общегосударственной точки зрѣнія. Съ другой стороны, «Польская Библіотека» представляетъ первый опытъ документальнаго, такъ сказать, изобличенія нашихъ полонофобовъ въ невѣжественнѣйшемъ незнаніи польскихъ дѣлъ и недобросовѣстнѣйшей передѣлкѣ фактовъ. Чрезвычайно важное преимущество «Библіотеки» въ ряду того, что появлялось на русскомъ языкѣ о Польшѣ, заключается въ томъ, что издатель, Р. И. Сементковскій,—одинъ изъ немногихъ русскихъ публицистовъ, которые одинаково свободно чувствуютъ себя какъ въ

русской, такъ и въ польской литературѣ. Перу г. Сементковскаго принадлежатъ переводы произведеній современныхъ польскихъ беллетристовъ, помѣщенные въ «Отечеств. Запискахъ». Кроме того, г. Сементковскій помѣщалъ въ разныхъ періодическихкихъ изданіяхъ очерки, посвященные характеристикѣ современнаго состоянія польской литературы. Наконецъ, въ послѣдніе годы, онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ полемикѣ съ охранительно-полонообстоующими органами русской печати и, какъ человекъ компетентный въ польскихъ дѣлахъ, не разъ призывалъ къ порядку и обуздывалъ «усердіе не по разуму» этихъ, неразборчивыхъ на средства для преслѣдованія личныхъ цѣлей, органовъ нашей печати. Вообще, книга г. Сементковскаго представляетъ безусловно хорошее, полезное изданіе, какъ съ русской, такъ и съ польской точки зрѣнія. Здѣсь мы, едва-ли не впервые въ русской печати, встрѣчаемъ сочетаніе честнаго и объективнаго отношенія къ польскому вопросу съ глубокимъ, детальнымъ знаніемъ дѣла.

Въ странѣ свободы. П. Огородниковъ. Спб. 1882 г. Прежде эта книга носила названіе: «Отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію». Такое заглавіе болѣе шло къ ней, чѣмъ выставленное теперь на «значительно дополненномъ и передѣланномъ» изданіи ея. Писать два тома о «Странѣ свободы» это значитъ предлагать читателю свой трудъ, а не дневникъ пассажира. Между тѣмъ книга г. Огородникова есть ничто иное, какъ его дневникъ на пути изъ Россіи до Нью-Йорка, отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско, и притомъ дневникъ, веденный въ вагонѣ, а не въ кабинетѣ у себя. Настоящій путешественникъ, при обиліи сыраго матеріала и пережитаго имъ самимъ, работаетъ, какъ ученый. Г. Огородникова-же и путешественникомъ-то трудно назвать! Ѣхалъ онъ въ Санъ-Франциско, спѣшилъ, дорогою нигдѣ не останавливался, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ приходилось брать билетъ на поѣздъ или ждать его. Приѣхавши въ Санъ-Франциско, г. Огородниковъ сосчиталъ свои финансы и видитъ, что ему не съ чѣмъ вернуться въ Россію. Чтобъ не прожитья окончательно, онъ продаетъ поспѣшно свои вещи, беретъ въ долгъ отъ консула нѣсколько долларовъ и на эмиграціонномъ поѣздѣ, не медля ни одного дня, отправляется обратно въ Россію. Что же можно написать о «странѣ свободы» такому путешественнику... т. е. пассажиру, который ѣхалъ изъ Россіи въ Калифорнію за тѣмъ только, чтобъ по приѣздѣ въ нее, тотчасъ, съ такою же скоростью, вернуться обратно домой? Вотъ способъ, которымъ написана «Страна свободы» господина Огородникова. Въ вагонѣ онъ слышалъ разговоры пассажировъ, среди нихъ встрѣчалъ то на той, то на другой станціи всякіе типы—и объамериканившихся европейцевъ, и истыхъ янки, и даже туземцевъ; съ ними у него завязыва-

лись разговоры, дружба или вражда. Они же, всевозможные пассажиры, говорят ему объ Америкѣ, объ ея обитателяхъ, ея порядкахъ и ея будущности. Самостоятельное изслѣдованіе свободной страны проявлялось у г. Огородникова въ томъ, что онъ постоянно смотрѣлъ изъ оконъ вагона на природу тѣхъ штатовъ, которые провзжалъ, останавливался по нѣскольку часовъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ приходилось покупать билеты и ждать поѣзда. Тутъ онъ, между дѣломъ, осматривалъ простенькіе вокзалы, удобные вагоны, знакомился съ однообразной и немногочисленной желѣзнодорожной администраціей, иногда объѣдалъ или завтракалъ, и постоянно платилъ въ три-дорога за гнилыя и несвѣжія блюда. Бралъ потомъ извозчика, при расплатѣ ругался съ нимъ, защищался отъ мазуриковъ, удивлялся порядкамъ и устройству гостинницъ, хвалилъ полицмена, любовался мостовыми, конно-желѣзными дорогами, нумераціей домовъ и планировкой улицъ; заходилъ въ портерныя, въ магазины, въ дома терпимости, въ аптеки, знакомился съ кѣмъ Богъ приведетъ, вступалъ въ разговоры, и эти-то новые знакомые описывали ему то индѣйцевъ, то китайцевъ, то Россію, то Америку. Все сіе внесено г. Огородниковымъ въ дневникъ и потомъ выпущено въ свѣтъ съ пышнымъ заглавіемъ: «Въ странѣ свободы». А такъ какъ авторъ много читалъ объ Америкѣ, то онъ дополнилъ свои устные бесѣды и уличныя наблюденія еще тѣмъ, что писали и думали до него другіе. Такимъ способомъ писать объ Америкѣ могъ бы всякій, никогда не бывавшій въ ней, но много о ней слышавшій, читавшій и обладавшій литературной выработкой слога. Такова отрицательная сторона разбираемой нами книги. Не смотря, однако, на то, что въ ней нѣтъ трудолюбія и энергіи, положимъ, г. Курбскаго, — который, прежде чѣмъ издавать «Русскаго рабочаго у сѣвероамериканскаго плантатора», самъ пробылъ въ этомъ положеніи долгое время, — мы все-таки считаемъ появленіе книги Огородникова не бесполезнымъ для русской публики. Огородниковъ описывалъ Америку, не выходя изъ вагона, и тѣмъ не менѣе схватилъ самую существенную ея сторону: это грубость мыслей и дикость нравственной личности, не смотря на прекрасныя политическія условія и сравнительную обезпеченность. На отщепеніи «дворника» въ политикѣ, на призваніи принципа «помогай самому себѣ» въ частной жизни — человѣку трудно развиваться во всю ширь и глубину своей природы. Въ жизни найдется много вещей, которыми собственно человѣкъ облагораживается и дѣлается альтруистичнѣе; демократическая политика, по традиціи передаваемая отъ одного къ другому и которой собственно руководится толпа, и принципъ самопомощи, предпримчивости и самозащиты — суть только элементарныя начала человѣческаго развитія. Ихъ надо добиваться; безъ нихъ невозможно дальнѣй-

шее совершенствованіе: развитіе личныхъ отношеній къ другимъ, терпимость духа, взаимность, прощеніе, мягкость нравовъ, деликатность, вкусъ къ изящному и великому. Въ Америкѣ же демократизація государственныхъ учреждений и утилитарно-реалистическій характеръ обывателей часто заставляютъ желать еще очень многого. Высокая заработная плата часто служитъ рабочему къ тому, что онъ можетъ болѣе пропить, чѣмъ въ Европѣ; свобода личности къ тому, чтобы тотъ, у кого кулаки здоровѣе, становился передъ вами нахаломъ. «Гражданская и политическая свобода, говоритъ Огородниковъ—несомнѣнно облегчаетъ возможность быть честнымъ и благороднымъ, но не даетъ этихъ качествъ тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ. И здѣсь есть исключенія... Многіе американскіе генералы не годятся въ деньщики нѣкоторымъ европейскимъ!» Правда, иллюстрируетъ эту мысль г. Огородниковъ очень не характерными сценами: столкновеніями въ вагонахъ съ мазуриками, съ извошиками, съ кельнерами и содержателями гостинницъ или съ пріятелями, которые на его счетъ пьютъ, ѣдятъ на омнибусѣ и т. д. Но такъ какъ Огородниковъ умѣетъ излагать рассказъ очень живо, то это его отчасти и выручаетъ. Все-же его отношеніе къ Америкѣ, такъ какъ, фуксомъ, слѣдуетъ поставить ему на видъ. Объ индѣйцахъ, напримѣръ, о мормонахъ и другихъ сектантахъ г. Огородниковъ пишетъ буквально изъ окна вагона: проѣзжалъ мимо ихъ территоріи, разговаривалъ о нихъ съ сосѣдами, читалъ о нихъ у другихъ путешественниковъ, и изъ всего этого состряпалъ нѣсколько бойкихъ страницъ. Эта «бойкость» пера и неглубокое отношеніе къ тому, что дѣйствительно встрѣчалъ Огородниковъ въ вагонѣ или въ другомъ подобномъ мѣстѣ, скрашиваетъ книгу. Нетребовательный читатель, каково почти все наше общество, будетъ даже доволенъ ею и немало извлечетъ жизненныхъ и правдивыхъ замѣчаній объ отрицательныхъ явленіяхъ Америки, тѣмъ болѣе, что авторъ умѣлъ вѣрно стать къ этимъ безотраднымъ сторонамъ заатлантической республики. Прощаясь съ ней, онъ говоритъ:

— «Прощай Америка! Прощай великая республика!.. Не въ силахъ ты сдѣлать всѣхъ гражданъ своихъ хорошими людьми, но ты дала возможность всѣмъ быть ими. Ты, какъ природа, каждому даешь свободу, но кто какъ воспользуется ею, это не въ твоей волѣ».

Есть нѣсколько страницъ у г. Огородникова весьма оригинальныхъ и, можетъ быть, даже новыхъ: это его краткосрочное пребываніе въ Санъ-Франциско, гдѣ онъ сумѣлъ подружиться съ русской партіей, не смотря на то, что сама партія-то распалась на два враждебныхъ лагеря. Бывая и тамъ, и здѣсь («чтобы познакомиться всѣмъ жильцамъ») г. Огородниковъ знакомитъ насъ съ задушной стороною этого русско-славянскаго общества и наводитъ

читателя на серьезные мысли. Эта русская партия на дальнемъ западѣ имѣетъ, въ правой сторонѣ, своимъ главою русскаго консула и священника—эгоистовъ и реакціонеровъ, не лучше объамериканившихся нѣмцевъ; лѣвая же партия группируется вокругъ какого-то Гончаренко, политическаго эмигранта, издающаго здѣсь вольную русскую газету. Вотъ одно мѣсто, прекрасно характеризующее эту личность: «Гончаренко, скрестивъ руки, задумался; не жолчь, но скорѣе покорная грусть тѣнью легла на его славномъ, страдальчески-выразительномъ лицѣ. Насъ здѣсь американцы презираютъ, заговорилъ онъ тихо, прерывающимся голосомъ,—презираютъ болѣе, чѣмъ ненавистныхъ имъ китайцевъ! Презираютъ насъ за то, что мы не живемъ между собою мирно; что мы не умѣемъ управляться сами собою; вотъ прочтите!» И онъ подsunулъ мнѣ номеръ газеты, гдѣ выставилось, что «..... русскіе связаются въ Санъ-Франциско со всѣхъ концовъ міра, чтобъ вредить другъ другу въ устройствѣ жизни и подличать другъ противъ друга, на срамъ русскаго имени. Удивительная нація!...» Эти рассказы и сообщенныя свѣдѣнія составляютъ лучший отдѣлъ книги г. Огородникова. О самой личности Гончаренко авторъ отзывается весьма сочувственно: «въ какой дали отъ Руси и какъ сильно, какъ чисто бьется по ней сердце одинокаго русскаго!!»

«Больные люди». А. И. Пальма. Пальма, авторъ «Алексѣя Слободина» и многихъ комедій, хорошо знакомъ публикѣ. Его произведеніе «Больные люди», не смотря на ветхость темы, читается съ интересомъ и легко. Прекрасный литературный слогъ, правда, всюду соль и воображеніе дѣлаютъ эту вещь весьма полезной для читающей публики. Виденъ знатокъ жизни и людей, ихъ обыденной борьбы со страстями и нуждой. Авторъ никогда не выводилъ въ своихъ произведеніяхъ «прекраснаго человѣка», «героя»—или общественный «идеалъ». Пальма не драпируется въ мантию гуманности, не улучшаетъ природу человѣка, не льститъ челоуѣчеству божественнымъ пламенемъ и правоучительными сказками. Его созданія «низки и ничтожны», какъ сама жизнь, какъ сама дѣйствительность. Въ этомъ его отличие отъ многихъ современныхъ беллетристовъ. Правда, всюду вы видите, что авторъ имѣетъ хорошее европейское образованіе, которымъ освѣщаетъ низменные, ничтожныя и больныя личности; но отличительная черта его та, что, читая объ этихъ ничтожныхъ, больныхъ людяхъ, вы восклицаете: это правда! Потрясенные сознаниемъ, вы можете исправиться или, во всякомъ случаѣ, будете наведены на самостоятельную работу мысли и чувства. Этимъ характеризуется авторъ, какъ мыслитель и художникъ умѣющій будить публику и говорить ея сердцу. Мы не можемъ, конечно, поставить г. Пальма наряду съ нашими влассами, но мы ему уступаемъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди но

вѣйшихъ беллетристовъ, произведеніями которыхъ нынѣ изобильно наполняются періодическія изданія. «Больные люди»—это всѣ тѣ, которые не умѣли найти интереса жизни внѣ себя. Средній обыденный человѣкъ воображаетъ, что личная жизнь чрезвычайно легко устраивается; но никакого громоотвода противъ невзгодъ этой жизни у него нѣтъ. На первыхъ порахъ ему, можетъ быть, и везетъ, но наша общественная среда и столкновенія съ людьми таковы, что личная, укромная, безмятежная жизнь часто разбивается объ нихъ. Тогда жизнь подобнаго человѣка становится еще болѣе субъективною и сосредоточивается на одной душѣ, на личныхъ ея боляхъ и огорченіяхъ. Свойство, дѣлающее, въ концѣ концовъ, людей несчастными и больными: оно заставляетъ не замѣчать другихъ людей, не обращать вниманія на ихъ печали и нужды. Это болѣзненное свойство дѣлать только самого себя, раздувать свой внутренній міръ, *à la longue*, обращается въ привычку, и ничего, кромѣ дряблости, не приноситъ. Слишкомъ много воображенія и вниманія удѣляется себѣ, во всемъ и во всѣхъ видишь похвалу или осужденіе себѣ, любовь или ненависть,—въ то время, какъ о тебѣ никто и думать-то не хочетъ!

Сознаніе такого общественнаго равнодушія, рано или поздно, всегда выясняющееся, окончательно убиваетъ «больнаго человѣка». Пальмъ прекрасно говоритъ о такихъ «технически-вывихнувшихся» людяхъ:

— Этихъ героевъ заживо аплодисментами избаловали (а иногда заживо погребли огорченіями). Слабоумные простаки да чувствительныя бабы, особливо праздно-скорбящія гражданки, такъ вѣдь тѣ ихъ на рукахъ носили, ради нихъ калѣчили себя и жаловаться не смѣли... Больнымъ нужны не алтари, а больницы».

Не правда-ли, какая старая, но для каждаго вѣчно - новая, богатая и благодарная тема выбрана г. Пальмомъ для своего романа? Конечно, для этой темы, чисто патологической, требуется гениальный талантъ, а Пальмъ—только умный человѣкъ и не дурной чернорабочій литераторъ въ области беллетристики, по условіямъ своей жизни, болѣе знакомый съ такими страстями и болѣзнями человѣческой души, которыя вѣчно будутъ интересоваться людей и ждаты, для своего полнаго изслѣдованія, гениальнаго писателя.

Элементарный учебникъ уголовного права, съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовного законодательства. Часть общая. Ординарнаго профессора университета св. Владиміра, доктора уголовного права А. Ѳ. Кистяковскаго. Кіевъ, 1882 г.

Изъ всѣхъ общественно-политическихъ знаній, едва-ли не наукъ уголовного права выпало на долю привлечь въ свою область наиболѣе значительныя, по количеству и качеству, силы

русскаго ученаго міра. Безъ сомнѣнія, русская наука не богата такими излѣдованіями и самостоятельными трактатами, которые производили-бы переворотъ въ установившемся мировоззрѣніи и являлись-бы точками отправления для дальнѣйшаго прогресса науки. И въ этомъ отношеніи мы еще настолько «самобытны», что вынуждены считать успѣхомъ, если подъ видомъ «своего» и «особеннаго» не воскрешаемъ безсознательно чего нибудь отсталаго или отжившаго, и если хотя нѣсколько поспѣваемъ за общимъ ходомъ человѣческаго развитія. Но несомнѣнно, однако-же, что та «оторванность» отъ народа и отъ московскаго уклада жизни, въ честь которой, въ послѣднее время, преломлено было столько донкихотскихъ копій и зажжено средневѣковыхъ костровъ,—привела насъ къ тому, что при изученіи уголовнаго права русскій человѣкъ можетъ дѣйствительно чувствовать себя нѣсколько самобытно (въ хорошемъ смыслѣ этого слова), не нуждаясь въ переводахъ или въ изученіи иностранныхъ языковъ, чтобы не оказаться невѣждою. Въ настоящее время, очевидно, подъ вліяніемъ того толчка, который произвели либеральныя преобразованія прошлаго царствованія, русскій студентъ, публицистъ и судья имѣютъ возможность стоять на уровнѣ общечеловѣческаго знанія въ вопросахъ о преступленіи и наказаніи, не выходя изъ рамокъ русской литературы. Кто, личнымъ опытомъ, былъ знакомъ съ убожествомъ русской литературы по наукѣ уголовнаго права еще четверть вѣка тому назадъ, кто вынужденъ былъ искать почти оцупью просвѣта въ иностранныхъ руководствахъ, чтобы не закоснѣть среди тѣхъ обрывковъ догматическаго или метафизическаго изложенія науки уголовнаго права, въ которыхъ наука эта являлась въ нашихъ университетахъ и вливалась въ худосочныя, омертвѣлыя «записки», тотъ по истинѣ можетъ удивиться и даже нѣсколько растеряться при одномъ перечнѣ нынѣшнихъ русскихъ учебниковъ, трактатовъ и излѣдованій по уголовному праву вообще и русскому уголовному законодательству въ частности.

Среди этой почтенной литературы, безспорно, одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ принадлежитъ книгѣ, заглавіе которой выписано выше. Это объемистое сочиненіе, почти въ 1000 страницъ, принадлежащее перу извѣстнаго нашего криминалиста, профессора кіевскаго университета А. Θ. Кистяковскаго, представляетъ собственно второе изданіе вышедшаго еще въ 1875 году элементарнаго учебника по общей части общаго уголовнаго права. Профессоръ Кистяковскій принадлежитъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ русскихъ ученыхъ, не удалившихся отъ міра сего, не застывшихъ на благопріобрѣтенной кафедрѣ,—въ видѣ вѣщающаго жреца, обратившаго свое призваніе въ доходное ремесло,—но и не погрузившихся всецѣло въ ту извилистую практику, среди которой,—какъ это приходится, къ сожалѣнію, наблюдать,—

нерѣдко у насъ утрачиваются не только истины науки, но и самыя примитивныя начала нравственности! Г. Кистяковский является живымъ представителемъ науки, и отзывчивость его на современные вопросы, имѣющіе отношеніе къ его специальности, сказывается въ многочисленныхъ статьяхъ, появляющихся въ общей журналистикѣ. (Къ слову сказать, насъ весьма порадовалъ прошедшій недавно слухъ, что петербургскій университетъ намѣренъ пригласить А. Ѡ. Кистяковскаго на кафедру уголовного права, взаимѣи оставляющаго профессору г. Таганцева: лучшаго замѣстителя для этой кафедры трудно было бы и указать).

Весьма понятно, поэтому, что нынѣшнее изданіе учебника г. Кистяковскаго не представляетъ простой перепечатки его прежней книги 1875 года, но во многомъ исправлено и дополнено. Такъ, хотя трудъ этотъ обнимаетъ о б щ е е уголовное право, но, въ настоящемъ изданіи, русскому законодательству отведено «значительное мѣсто», что придаетъ учебнику относительно большую практическую. Но самымъ существеннымъ дополненіемъ, по признанію самого автора, слѣдуетъ считать вошедшее въ это изданіе «изложеніе исторіи науки уголовного права».

Мы съ особымъ вниманіемъ просмотрѣли эту часть труда г. Кистяковскаго и не можемъ не отдать справедливости, что она составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу литературу, уже по своей исключительности. До сихъ поръ, исторія науки уголовного права излагалась какъ-бы вскользь, въ видѣ перечня классическихъ сочиненій или въ смѣшеніи съ философскими ученіями, опредѣлявшими основанія преступленія и наказанія. Между тѣмъ, исторія развитія тѣхъ идей и истинъ, которыми проникнута современная наука уголовного права, играетъ первостепенную роль, уже благодаря тому методу, который все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ господство въ этой наукѣ. Эта область знанія не могла не испытать на себѣ общей участи современной науки. Догматическія и метафизическія основанія уже утратили въ ней мѣсто. Сравнительное историческое изученіе старается пріобщить эту отрасль знанія къ числу опытныхъ наукъ. При такихъ условіяхъ, первымъ шагомъ въ изученіи общаго уголовного права должно быть обстоятельное ознакомленіе съ прошлымъ науки. Только вооруженный этимъ знаніемъ изслѣдователь можетъ избѣжать многихъ заблужденій и повторенія старыхъ ошибокъ, пріобрѣтая прочную почву для правильной оцѣнки какъ прошлаго, такъ и настоящаго, въ дѣлѣ того, что человечество считало или считаетъ преступнымъ и подлежащимъ уголовному наказанію. Но отдавая должное тѣмъ соображеніямъ, которыя побудили г. Кистяковскаго отвести значительное мѣсто, въ своемъ учебникѣ, исторіи науки уголовного права, мы не можемъ не замѣтить, что трудъ этотъ заслу-

живагь-бы болѣе обстоятельнаго изложенія и развитія. Въ настоящемъ своемъ видѣ онъ представляется громоздкимъ для учебника. Авторъ какъ-бы и самъ сознаетъ это, ограничиваясь очень часто догматическимъ изложеніемъ или перечнемъ именъ и сочиненій. Но масса именъ и характеристики, составленная изъ нѣсколькихъ словъ, способны лишь обременить память и очень мало говорятъ уму. Изложеніе это, безъ сомнѣнія, очень много выиграло-бы и самые взгляды автора получили-бы болѣе шую опору, если-бы исторія науки уголовного права была поставлена въ болѣе тѣсную связь съ развитіемъ знаній и философіи вообще. Г. Кистяковскій указываетъ на эту связь, въ видѣ догматическихъ положеній, но очень мало пользуется ею при самомъ изложеніи исторіи науки уголовного права. Самую цѣнную, ясную и легко удерживаемую въ умѣ часть этого труда представляютъ, безъ сомнѣнія, тѣ страницы, которыя излагаютъ современные положенія науки уголовного права, повторяющіяся, понятно, и въ другихъ частяхъ учебника. Но нѣсколько страннымъ представляется, что въ самомъ опредѣленіи науки и задачъ ея авторъ какъ-бы отымаетъ всякую цѣну у этихъ положеній. Увлекаемый опытнымъ, сравнительно-историческимъ методомъ, г. Кистяковскій не разъ указываетъ, что задача науки уголовного права заключается, будто-бы, лишь въ томъ, чтобы опредѣлить «нѣкоторыя основанія, по которымъ дѣйствительно человѣчество примѣняло и примѣняетъ наказаніе» (стр. 147). Авторъ даже склоненъ думать, что въ этомъ заключается «стремленіе» современной науки уголовного права. Такой неслѣстный для науки выводъ понятенъ, какъ протестъ противъ метафизическихъ теорій, не хотѣвшихъ знать опыта и дѣйствительности, но съ нимъ невозможно согласиться. Человѣчество имѣло-бы основаніе сказать, что ему нѣтъ надобности въ научномъ трудѣ, еслибы вся задача его сводилась къ оправданію того, что дѣлается и будетъ твориться помимо всякой теоріи, помимо идеальныхъ стремленій къ лучшему. Дѣйствительно, исторія науки, какъ свидѣтельствуетъ авторъ, показываетъ, что оффиціальная ученость брела за практикою и силилась оправдать и возвести въ принципъ все, что ни совершалось подъ видомъ уголовного преслѣдованія, хотя бы, по существу, эта «практика» была вопіющимъ злодѣяніемъ. Находились ученые, которые оправдывали сожженіе за колдовство и чароудѣство, и приложили руку къ приговору надъ Галилеемъ. Но та же исторія показываетъ, что человѣчество, благодаря Богу, не имѣло недостатка въ мыслителяхъ, которые не только изучали, какъ и когда «примѣняются наказанія», но возставали всею силою логики и призывами къ человѣколюбію противъ этой практики, указывая, что не должно подлежать наказанію. И такія мѣры взысканія возмутительны и не могутъ имѣть нѣ-

ста среди людей, способных уважать свое человеческое достоинство. И эти «теоріи», эти идеалы, эти *pia desideria*, сначала не имѣвшія за собою научнаго признанія, пробивали толстую кору ученаго застоя и неподвижности, входили въ общее сознаніе, проникали въ учебники и вліяли на прогрессивное развитіе уголовного законодательства.

Высказывая эти замѣчанія, мы, конечно, менѣ всего имѣемъ въ виду самого автора. Мы желали лишь предупредить тѣ практическія толкованія, которыя могли-бы послѣдовать изъ этого не совсѣмъ осторожнаго опредѣленія задачъ науки,—толкованія, на которыя и безъ того черезчуръ уже падко наше время. Мы никакъ не можемъ пожаловаться на недостатокъ стремленія къ оправданію всего существующаго, какъ бы безобразно оно ни было, и на пренебрежительное отношеніе къ тому идеальному, которое должно бы быть, къ которому слѣдуетъ направлять всѣ помыслы и усилія. Самъ авторъ на дѣлѣ не могъ не отрѣшиться отъ своего слишкомъ узкаго опредѣленія задачъ науки уголовного права. И въ своихъ изслѣдованіяхъ, и въ разбираемомъ учебникѣ, онъ постоянно нарушаетъ это опредѣленіе, не только указываетъ, что дѣлается по части уголовного наказанія, но что должно дѣлать и отъ чего давно пора отрѣшиться. Таковы, на примѣръ, положенія современной науки относительно смертной казни. Отъ нея не отрѣшилось еще человечество. Но наука все болѣе и болѣе настаиваетъ на уничтоженіи этого жестокаго, непоправимаго и уродливаго, особенно для христіанскихъ народовъ, «средства обезопасенія общества» и «исправленія преступника». Сравнительно-историческій методъ можетъ подтвердить только, что, въ этомъ отношеніи, теоретическіе доводы Беккариа, Вольтера, Виктора Гюго и другихъ мыслителей не прошли безслѣдно, и смертная казнь все болѣе и болѣе выходитъ изъ уголовныхъ кодексовъ и практики, вопреки тому, что не разъ изувѣрски и невѣжественно утверждали наши самобитныя и охранительныя «Московскія Вѣдомости». Точно таковы же положенія современной науки и относительно самаго способа опредѣленія наказанія. Теорія категорически указываетъ, что нѣтъ преступленія и наказанія помимо закона и суда, и категорически отвергаетъ всѣ административныя расправы, какъ произволъ и насиліе. Правда, эта теорія уже находитъ подтвержденіе въ практикѣ цивилизованныхъ народовъ, отрѣшившихся отъ невѣжественной самобитности, но для Турціи, на примѣръ, она сохраняетъ еще всѣ свойства «доктрины». Съ другой стороны, въ вопросѣ о выдачѣ политическихъ преступниковъ, авторъ даже слишкомъ отступаетъ отъ того начала, которое онъ приписываетъ своей наукѣ. Въ этомъ случаѣ, г. Кистяковскій выставляетъ, въ видѣ рѣшеннаго, такое положеніе, которое сильно еще оспаривается и во всякомъ случаѣ обусловливается такими ого-

ворнами, которые отдаляют возможность его осуществления. Современная же практика вовсе не подтверждает этого положения. Указывая, что в последнее время вопрос этот «подвинуть вперед в своем разрешении», авторъ продолжаетъ: «Общее мнѣніе склоняется къ тому, чтобы признать преступленія противъ общаго права, совершаемыя изъ политическихъ цѣлей, такими, которые должны допускать право выдачи. Такой способъ разрешенія сего вопроса готовъ перейти въ международные трактаты и законы каждаго государства»... (стр. 229). Изъ недавно разобранный въ «Наблюдатель» брошюры г. Даневскаго, можно судить, насколько такое утверждение дозволительно считать непреложнымъ, если приходится пускаться на тѣ компромиссы, которые предлагаетъ г. Даневскій, отвергая выдачу и совѣтуя судить такихъ преступниковъ по законамъ тѣхъ странъ, въ которыхъ политическіе преступники желали найти себѣ убѣжище. Полагать надо, что эта форма преслѣдованія еще менѣе практически выполнима, нежели самая выдача. Последняя же, надо думать, наступитъ только тогда, когда народы будутъ стоять на одинаковомъ уровнѣ развитія и политическія преступленія въ одномъ государствѣ получаютъ, благодаря общности интересовъ, угрожающій характеръ для всѣхъ остальныхъ. Эти условія представляются, однако, слишкомъ отдаленными, особенно въ настоящее время, когда воскрешается столько ветхозавѣтныхъ національныхъ страстей и «самобытныхъ» поплзновеній. Очевидно, Англія, Франція или С.-Американскіе Соединенные Штаты не въ состояніи теперь разсматривать, какъ свои, тѣ политическія преступленія, которые вызваны самобытными условіями государственной и общественной жизни не только въ какой нибудь Турціи или Египтѣ, но даже въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, приведенный примѣръ показываетъ, что наука уголовного права далеко не ограничивается только выясненіемъ, какъ «человѣчество примѣняло и примѣняетъ наказаніе», но стремится внести въ практику тѣ начала, которые считаетъ болѣе справедливыми и полезными, черпая свои доводы изъ всей совокупности человѣческаго знанія и опыта.

Въ свою очередь, все сказанное можетъ указать, насколько полезнымъ представляется трудъ г. Кистяковскаго не только для студента, но и для всякаго любознательнаго человѣка, способнаго интересоваться вопросами публичнаго права и современнымъ состояніемъ этой отрасли знанія. Сочиненіе г. Кистяковскаго, благодаря своему догматическому изложенію, не представляетъ, конечно, удобочитаемаго и увлекательнаго трактата, но, по полнотѣ, систематичности и обстоятельности своей, является очень полезною настольною книгою, которая не разъ можетъ пригодиться для каждаго публициста или практическаго юриста.

ФОНОГРАФЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ»)

Рябь и зыбь роднаго прогресса.

Кукуевская жатва на желѣзнодорожной нивѣ.

Доѣздились! — Преніе несчастные случаи и нынѣшніа катастрофы. — Новое начало саморазрушенія. — Исторія костоломной дороги трехъ самобытниковъ. — Милліонные алтынники. — «Защемленіе» рублей. — Послѣ разгрома. — Рука руку моетъ. — Гангрена отечественной путейщины. — Двадцатилѣтняя оргія. — Первые отвѣтчики.

I.

И разверзлись хляби небесныя... И разступилася наконецъ сама мать земля сырая, чтобы одновременно оглушить, ужаснуть, образумить и завершить неслышаннымъ финаломъ двадцатилѣтнюю исторію нашей желѣзнодорожной мартирологіи.

Московско-курская катастрофа не просто только большое несчастіе или выдающееся происшествіе. Это чудовищный разгромъ, взывающій къ небу о мести дружными проклятіями сотенъ обездоленныхъ семей и напоминающій собою тѣ полуфантастическія, на трепетъ и содроганія читателей рассчитанныя, кары, мученія и испытанія, съ которыми мы привыкли встрѣчаться въ мрачныхъ пророчествахъ отцовъ церкви и аскетовъ-карателей несправимой грѣховности человѣческой.

Дальше идти или, сказать вѣрнѣе, дальше ѣхать — рѣшительно некуда. Самое сильное и рѣзкое слово осужденія кажется ничтожнымъ булавочнымъ уколомъ, имѣющимъ дѣло съ толстокожею бровею носорога. Приходится только безотчетно, инстинктивно ахнуть и широко-широко развести руками, развести безпомощно, безсильно и беззащитно.

Доѣздились!..

Около полуторы тысячи землекоповъ непрерывно работали лопатами и ломомъ въ теченіе двухъ недѣль, чтобы найти слѣды и остатки роковаго поѣзда, провалившагося въ какія-то поговорочныя «таргарары» пьяныхъ купцовъ и афонскихъ странницъ. Достаточно было сильнаго лѣтняго ливня, чтобы солидное, много стоявшее, технически-искусное сооруженіе русскаго инженернаго зиждательства стремительно исчезло, превратившись въ кучу размокшаго мусора, въ болотную трясицу, въ мутные потоки жидкой грязи, несущей ломъ и щепы. Семь пассажирскихъ вагоновъ стали семью подземными гробницами и, взамѣнъ желѣзно-

дорожного поезда, получилась сплошная мязга человеческих телъ, задавленныхъ вагонными снастями, заваленныхъ толстымъ слоемъ земляного обвала и залитыхъ бурнымъ потокомъ, сдѣлавшимъ изъ дорожной насыпи обрывистый рѣчной оврагъ. Не только десятки жизней мгновенно улетѣли, не успѣвъ испустить прощальнаго вздоха и крика, но и тѣла убитыхъ сами себя похоронили. Кукеевская катастрофа добросовѣстнѣе исполнила свое адское дѣло: она сразу съ удивительною «чистотою» спрятала всѣ концы его и убрала всякіе признаки случившагося. Недаромъ гг. инженеры и удивлялись дѣйствительно странному явленію: послѣ крушенія, старательнѣе раскапывали закопанное, единственно затѣмъ, чтобы вновь закопать откопанное! Вотъ гдѣ была поистинѣ непроизводительная трата времени, труда, гробокопательной техники и правленскихъ денегъ!

Непритворный ужасъ объялъ всѣхъ. Мы сталкивались лицомъ къ лицу съ новымъ врагомъ, раньше невѣдомымъ. И прежде у насъ бывали всевозможныя желѣзнодорожныя несчастія. Въ этомъ отношеніи мы очень удачно соперничали и съ рутиннымъ западомъ, и даже съ головорѣзнымъ Новымъ Свѣтомъ. Въ этомъ отношеніи судьба къ намъ, безспорно, благоволила и охотно ставила на разныхъ перепресткахъ мавзолей изъ костей перебитыхъ и переломанныхъ русскихъ пассажировъ. Проваливались мосты, насаживали другъ на друга поезда, распозались рельсы, ломались рессоры, оси, колеса; измѣняли гнилыя шпалы, сгорали вагоны, проказничали стрѣлки, словомъ, весь комплектъ желѣзнодорожныхъ «случайностей» былъ намъ знакомъ хорошо и всесторонне. Никто и никогда не могъ поручиться за то, что на русской желѣзной дорогѣ паровозъ не подѣдетъ какънибудь къ буфетной стойкѣ, товарный вагонъ не залѣзетъ угломъ въ пассажирское купе, что телеграфистъ не очутится на мѣстѣ машиниста, или что путникъ, ѣдущій изъ Петербурга въ Москву, не пожалуетъ, къ концу путешествія, изъ Москвы въ Петербургъ. Самыя юмористическія предположенія и натянутые парадоксы заручались строгою житейскою серьезностью и полнѣйшею вѣроятностью, какъ только относились къ нашему рельсовому сообщенію. Но прежде,—по старой привычкѣ логики,—все-таки существовало въ публикѣ убѣжденіе, что «нѣтъ дѣйствія безъ причины», что для всякой дорожной катастрофы непременно нуженъ какой-нибудь экстренный, исключительный, непредвидѣнный и неизбежный несчастный случай, и что если такой случай вамъ на встрѣчу не попадетъ, то, выходя изъ вагона въ вокзалъ, считая свои руки, ноги и провѣряя багажъ, вы легко можете очутиться безъ всякаго физическаго членовредительства и безъ карманнаго изъяна. Теперь же и эта слабая надежда потеряла всякое основаніе и навсегда исчезла. Теперь прежніе, общезвѣстные враги ѣдущаго,—лопнувшая ось, расшатавшаяся

мостовая скрѣпа, перепутанная стрѣлка, расщепившаяся шпала, пьяная повѣзная прислуга, перевернутая путевая телеграмма— теряють свой угрожающій престижъ и конфузливо отступаютъ на второй планъ, преклоняясь предъ могуществомъ новаго двигателя—разрушителя. Двигатель этотъ неумовимъ и непобѣдимъ. Онъ рождаетъ катастрофныя слѣдствія, какъ бы не имѣющія рѣшительно никакихъ причинъ и организуетъ «несчастные случаи» безъ всякихъ экстренныхъ, объясняемыхъ волей, рока поводовъ. Отнынѣ наибольшимъ бѣдствіемъ для пассажировъ и самымъ безпощаднымъ непріателемъ для желѣзной дороги, должно считать... самую же дорогу! Дорога, для устройства катастрофъ, не нуждается уже болѣе въ дѣйствіи какихъ либо техническихъ неустройствъ или служебныхъ неисправностей. Наоборотъ. Все на ней можетъ идти правильнымъ, законнымъ ходомъ, всякая заклепка огромнаго рельсоваго механизма можетъ быть на своемъ мѣстѣ, всякій служащій бодрствовать во всеоружіи труда, знанія, усердія, все, словомъ, можетъ обстоять удовлетворительно, благополучно, и въ то же время никто и ничто не въ состояніи помѣшать мчащемуся на всѣхъ парахъ поѣзду торчать полѣзть къ небу, окопаться на манеръ турецкихъ траншей въ желѣзнодорожной насыпи или безслѣдно провалиться сквозь землю. Дѣло въ томъ, что, какъ теперь оказывается, русская желѣзная дорога обладаетъ свойствомъ самоистребленія: она сама себя поднимаетъ, опускаетъ, коробитъ, на стороны сворачиваетъ, суживаетъ, расширяетъ, по частямъ разрушаетъ и въ общемъ—въ полявшее ничто, въ вѣкую строительную фикцію сама себя обращаетъ. Единственная въ своемъ родѣ, русская желѣзная дорога отнимаетъ силу и пользу у самыхъ заботливыхъ и предусмотрительныхъ ухаживаній за нею. Она какъ бы находится въ стачкѣ съ такими чисто—стихійными силами, передъ которыми пасуетъ всякая человѣческая дѣятельность. Наши дороги, наконецъ, оказываются въ прямой зависимости отъ каприза климатологіи и метеорологіи. Пойдетъ крупный лѣтній дождь и унесетъ онъ съ собою десятокъ верстъ насыпей, точно коню свороченнаго мужикомъ сѣна; повѣетъ вѣтеръ съ юга—и сорветъ всѣ мосты по линіи; повѣетъ съ запада—и разрушитъ до фундамента всѣ вокзалы; мелькнетъ молнія—и сразу парализуетъ дѣйствія телеграфовъ; падетъ на землю утренняя роса—и червемъ источитъ стальные рельсы; начнутся июльскіе жары—и разнесутъ по вѣтру всѣ земляныя сооруженія.

Что же дѣлать и какъ быть?

Довольно естественно возникаютъ многіе, нѣсколько странные, но, въ то же время, для всѣхъ близкіе и капитальные вопросы. Какъ прикрѣплять къ сушѣ желѣзнодорожные мосты? Какими навѣсами или галереями защищать рельсовыя полотна и насыпи отъ дѣйствій погоды? Какимъ клеємъ намазы-

вать шпалы, для большей связанности ихъ съ рельсами? Какъ оградить желѣзныя дороги отъ всякаго сосѣдства съ рѣчками, балками, поемными лугами оврагами, колодезьями и даже водопоями? Какъ нормировать температуру и погоду, чтобы первая никогда не уклонялась ни въ одну, ни въ другую сторону отъ «тепленькаго холода», а вторая—постоянно придержививалась, для крѣпости и устойчивости желѣзныхъ дорогъ, разъ навсегда определенной и установленной «суховатой сырости»? Какъ организовать наконецъ, для спокойствія и безопасности болѣе пугливыхъ и почему либо особенно дорожащихъ личною своею неприкосновенностью пассажировъ бокъ-о-бокъ съ рельсовыми путями, переѣзды на обывательскихъ долгихъ, въ почтовыхъ дилижансахъ и на перекладныхъ, столь преждевременно и неосмотрительно упраздненныхъ, тройкахъ?

II.

Паника и ужасъ, навѣянные московско-курскою катастрофою, быстро достигли и въ публикѣ, и въ печати тѣмъ большихъ размѣровъ, что кукуевскій провалъ, открывая намъ новаго, раньше невѣдомаго врага,—желѣзнодорожное саморазрушеніе,—наводилъ въ то же время на мысль о полнѣйшей возможности такихъ несчастій и на другихъ нашихъ дорогахъ. Московско-курская линія вовсе не одна изъ «несчастненькихъ», обойденныхъ судьбою, людьми и сборами, предпріятій. Напротивъ. У нея есть «блестательное» прошлое и благонадежная, многолѣтнею практикою вывѣренная, финансовая устойчивость. Московско-курская дорога,—показное, парадное сооруженіе. Служа одною изъ главныхъ артерій, связывающихъ московскій центръ съ райономъ густонаселенныхъ, промышленныхъ и продуктивныхъ губерній внутренней черноземной полосы, она успѣшно конкурировала съ наиболѣе капиталными рельсовыми путями и обладала очень хорошею строительною и коммерческою репутаціею. Соорудили давно, на первыхъ порахъ нашей желѣзнодорожной горячки, безъ всякаго участія концессионной спекуляціи, на казенныя деньги и правительственнымъ инженернымъ персоналомъ. Дорогу строили медленно, основательно, на широкую ногу, не щадя издержекъ. Достаточно сказать, что верста московско-курской желѣзной дороги обошлась тогда въ баснословную сумму 121,000 р. с., въ то время, какъ въ послѣдствіи верста, напр., финляндской желѣзной дороги, сооружавшейся тоже при паевомъ правительственномъ участіи, уже не превышала 22,000 р. с. Стало быть, московско-курская дорога потребовала для своего сооруженія почти шестерной расходной смѣты. Московско-курская линія могла спокойно выдерживать какую угодно техническую критику; десятки глазъ слѣдили при сооруженіи ея за насыпкою всякаго землянаго куба; десятки глазъ свѣрили чертежи,

планы, и десятки глазъ десятки разъ осматривали ее при окончаніи работъ и передъ началомъ движенія. Такому строительному контролю не подвергалась, кромѣ николаевской, ни одна изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Несомнѣнныя качества линіи обращали на себя вниманіе даже и не специалистовъ. Два параллельные пути, широкое, повидимому, прекрасно сохранившееся полотно, желѣзные мосты, каменные станціи, роскошные вокзалы, многочисленныя, прекрасно выстроенныя, жилые дома и служебныя зданія, отсутствіе какихъ бы то ни было временныхъ, наскоро сколоченныхъ сооружений—все это убѣдительно говорило объ огромныхъ, затраченныхъ на дорогу капиталахъ, о громадномъ значеніи линіи въ товарномъ и пассажирскомъ отношеніяхъ, и о колоссальныхъ сборахъ, приносимыхъ этимъ, по истинѣ, «золотымъ путемъ».

И на этой-то архи-солидной, образцовой дорогѣ случился, просто только отъ порядочной лѣтней грозы, такой разгромъ, передъ которымъ блѣднѣютъ и ступшевываются всѣ прежнія катастрофы самыхъ поганыхъ жидовскихъ чугунокъ. Чего же ждать русскому проѣзжему человѣку отъ тѣхъ дорогъ, которыя не выдерживаютъ никакого сравненія съ московско-курскою, на которыхъ исподоволь художествовало частное, спекулятивное строительство и отъ которыхъ никто и никогда ничего не спрашивалъ, кромѣ барыша, срыва, взятки и рыночной дешевизны? Какія же пѣвла, какія расщелины, обвалы, провалы, столкновенія, какія ужасныя муки уготованы послѣ этого для насъ на огромномъ, подавляющемъ большинство нашихъ желѣзныхъ дорогъ—дорогъ, кулачески смастерѣнныхъ, плутовски съ рукъ сданныхъ, взяточнически принятыхъ, пріятельски инспектируемыхъ, хищнически эксплуатируемыхъ, неряшливѣйше ремонтируемыхъ; на большинствѣ дорогъ бездоходныхъ, обнищальныхъ, задолжавшихся, очень часто никому не нужныхъ и всегда всѣми разграбляемыхъ? На какіе сюрпризы вправѣ мы рассчитывать, проѣзжая по рельсовымъ сооружениямъ гг. Поляковыхъ, Варшавскихъ, Губониныхъ, Дервизовъ, Мекковъ и прочей желѣзнодорожной камарилли, давнымъ давно уличенной въ триумфальномъ хищническомъ шествіи по песочнымъ вышкамъ сотканыхъ ими полотень?

Московско-курская дорога расплзлась главнымъ образомъ отъ времени. А такъ какъ у насъ много дорогъ однопутковъ съ курской линіей, то естественно напрашивается еще одинъ вопросъ—скоро-ли начнется сплошное, повсемѣстное, поочередное и попеременное расплзаніе уже всей той сѣти желѣзныхъ дорогъ, которою покрыта, вѣтрифе, перепачкана, географическая карта російской имперіи? Скоро-ли разбѣгутся всѣ безъ исключенія русскіе вагоны и паровозы по оврагамъ, лѣсамъ, пашнямъ; скоро-ли растащутъ по деревьямъ придорожные мужики—

шлагбаумы, телеграфные столбы, шпалы, рельсы? скоро-ли не останется отъ всей нашей желѣзнодорожной сатурналіи ничего, кромѣ миллиардныхъ дефицитовъ, молодецки взваленныхъ на плечи государственнаго бюджета, и скоро-ли наше путейское хозяйство само себя такимъ образомъ окончательно увѣнчаетъ и обезсмертитъ?

Эти вопросы и не праздны и не парадоксальны.

Можно и слѣдуетъ рѣшительно все предусматривать послѣ того, какъ наконецъ сама земля начала разступаться подъ тяжестью безчинствъ и прегрѣшеній, набившаго свои карманы и разорившаго финансы страны, отечественнаго концессионерства.

Прежде, мы все только сѣяли, садили и прививали. Теперь плоды налились, дозрѣли, и пришла пора ихъ собирать.

III.

Изъ свѣдѣній и данныхъ, относящихся къ московско-курскому разгрому легко, можно было бы составить толстый объемистый томъ. Къ сожалѣнію, матеріалы эти разбросаны по газетнымъ столбцамъ, разрознены во времени, ничѣмъ не связаны, не сопоставлены и не подчеркнуты. Они представляютъ, поэтому, хаотическую кучу обрывковъ и случайныхъ набросковъ, въ то время, какъ нѣсколько упорядоченная совокупность должна возсоздать прекрасную и вполне законченную бытовую картину нашихъ желѣзнодорожныхъ оргій и безчинствъ послѣдней формации.

Попытаемся отобрать и хотя бы мелькомъ освѣтить эти родовыя типичныя черты, примѣнительныя теперь къ огромному большинству нашихъ запущенныхъ, полуразвалившихся, отбившихся отъ всякаго контроля и режима, желѣзныхъ дорогъ.

Московско-курская дорога сооружалась казною и первоначально принадлежала казнѣ. Но дороговизна и убыточность всеѣмъ слишкомъ хорошо извѣстнаго казеннаго хозяйства, при которомъ всякая пчелка со всякаго цвѣточка взяточку беретъ, были причиною того, что правительство, отказавшись уже за безцѣнокъ отъ такой неисчерпаемой золотоносной россыпи, какъ николаевская дорога, начало хлопотать и о сдачѣ московско-курской линіи, тоже, ео ipse, очень выгодной, въ частныя руки. За предпринимателями, конечно, дѣло не стало. Три московскихъ купца-богача, Мамонтовъ, Чижовъ и Горбовъ, подмазавъ кого слѣдовало и какъ подобало, сняли дорогу въ аренду на 80 лѣтъ, за сумму 58 милліоновъ металлическихъ рублей. Купцы, почесавъ затылки, раскошелившись и заплативъ такую сумму, немедленно принялись, разумѣется, возвращать свои капиталы съ тѣмъ чисто-разуваевскимъ нажимомъ, который составляетъ отличительную черту промышленной дѣятельности всякаго русскаго кулака-эксплуататора. Пародируя извѣстное

изреченіе Людовика XV, русскій кулакъ-съемщикъ говоритъ себѣ: «послѣ меня хоть трава не рости, а денежки мои назадъ мнѣ подайте», и принимается хозяйничать съ такою же развязностію, съ какою нѣмцы хозяйничали на французской территоріи, а американскіе бѣлые въ лѣсахъ и на преріяхъ цвѣтныхъ индѣйцевъ. Купеческое трио сразу взялось за дѣло по своему. Оно образовало изъ себя верховную гегемонію, всѣ рѣшенія которой были безапелляционны и немедленно приводились въ исполненіе. Конечно, главная задача новыхъ заправилъ въ томъ заключалась, чтобы не по днямъ, а по часамъ усугублять доходы и не по днямъ же, а по часамъ обрѣзывать и вырывать съ корнями расходы. Купцы были большими «спеціалистами», управленіе ихъ, въ нѣсколько лѣтъ, не оставило камня на камнѣ во всемъ, раньше существовавшемъ. Служащіе, привыкшіе къ прежнимъ, относительно солиднымъ и отвѣтственнымъ порядкамъ, всѣ были выгнаны; мѣста ихъ попали въ руки разной шушеры и шелухи, нигдѣ не учившейся, ничего не знавшей, никогда не практиковавшей, но забитой, послушной, рабски-исполнительной и трепетно благоговѣвшей, даже передъ одними именами трехъ желѣзнодорожныхъ борововъ. Предводители этой мелкотравчатой арміи, единственно заботившіеся о томъ, чтобы «защемлять» хозяйскіе рубли, тоже были изъ новыхъ. Служившій при казенномъ управленіи, техническій инженерный персоналъ—частью самъ разошелся, частью же, оставшись, потерялъ всякую личную независимость, всякую дѣловую, требуемую самою природою вещей, самостоятельность и примкнулъ къ лебезящей, выслуживающейсѣ свитѣ московскихъ патроновъ. И тогда - то началась дружная работа всей линіи «на хозяевъ». Съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ, московская дорога все болѣе и болѣе принимала видъ государственнаго сооруженія, захваченнаго въ руки разгостившагося въ чужой землѣ врага - разрушителя. Основательный и добросовѣстный ремонтъ почти вышелъ изъ употребленія. Полотно и насыпи не исправлялись, мосты не красились, службы и зданія медленно расшатывались, подвижной составъ не обновлялся, негодные рельсы и шпалы замѣнялись весьма неохотно и, будучи наконецъ снятыми съ видныхъ мѣстъ, немедленно переносились на запасные пути, гдѣ постоянно происходили свалки вагоновъ и многочисленные несчастные случаи съ поѣздною прислугою. Полотно дороги, съ самаго открытія движенія, нуждалось, по свойству мѣстности и по разнымъ техническимъ причинамъ, въ непрерывныхъ и заботливыхъ починкахъ. Но такъ какъ ремонтъ пути требовалъ порядочныхъ затратъ и чувствительно уменьшалъ барыши правленскаго синдриона, то ремонтная смѣта почти совсѣмъ была «изъята» изъ правленскаго бюджета. Дѣломъ, какъ показывали теперь на слѣдствіи инже-

неры и техники, вся починка пути ограничивалась тѣмъ, что рабочіе «кое гдѣ обинали песокъ насыпи лопатами», а зиню ремонтъ являлся еще болѣе простымъ и дешевымъ: боковые обвалы, трещины и впадины полотна просто замазывались глиною и забивались снѣгомъ!

«По совѣсти говоря,—свидѣтельствуешь одинъ инженеръ въ газетѣ «Русь»,—насыпь московско-курской дороги представляла собою карточный домикъ, пристроенный къ вертикальной доскѣ». Разуваевскія экономіи правленія достигли, въ концѣ концовъ, какихъ-то чудовищныхъ, маловѣроятныхъ размѣровъ. Низшіе служащіе, обремененные двойнымъ и тройнымъ количествомъ нормальнаго труда, оплачивались самымъ мизернымъ образомъ, безпощадно штрафовались, дрожали за сохраненіе своихъ жалкихъ мѣстъ, тѣснились съ семьями по какимъ-то вонючимъ, полуразвалившимся лачугамъ и не смѣли обращать начальственнаго вниманія даже на самыя явныя потребности и недостатки кубаремъ катившейся линіи. Вагоны дороги представляли собою раскрашенную гнилую щепу, а израсходование на ремонтъ пуда гвоздей или окраска двухъ новыхъ вставленныхъ въ желѣзнодорожный заборъ, досокъ—уже служили вопросами, вызывавшими огромную канцелярскую папку и восходившими на усмотрѣніе центральной власти «трехъ».

На московско-курской дорогѣ, конечно, существовала очень длинная цѣпь инженеровъ, техниковъ, служащихъ, задачи которыхъ единственно сводились къ тому, чтобы бодрствовать надъ состояніемъ дороги и охранять безопасность движенія. Этому многочисленному персоналу давно и очень хорошо было извѣстно, что дорога обладаетъ коренными «изъянами». Кукуевская насыпь, чуть ли не со дня своего возникновенія, пользовалась у технического надзора дороги весьма скверною репутаціею. Подъѣзжая къ ней, врестились. Техники, надсмотрщики, дорожные смотрители чувствовали, сознавали, что въ насыпи этой кроются всѣ данныя для самой трагической катастрофы. Но никто нигдѣ не занялся и никто ничего не дѣлалъ. Инспекторскіе и ремонтные надзоры существовали только для удовлетворенія вѣшняго формализма и для простой караульной службы за исправностью и неприкосновенностью доходовъ трехъ правленскихъ воротилъ и громовержцевъ.

Наконецъ гвиль рухнула. Насыпь распозалась, какъ еслибы она была сдѣлана изъ коровьяго масла, и образовала гигантскую могилу для членовъ и представителей нѣсколькихъ сотъ трудовыхъ, необезпеченныхъ, мгновенно выкинутыхъ изъ житейской колени, семей.

IV.

Люди и порядки всего лучше сказываются, обрисовываются въ критическіе моменты.

То, что имѣло мѣсто немедленно послѣ катастрофы, вполне было достойно того, что вызвало ее и подготовило. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ цѣлою бытовою картиною, наглядно знакомящею съ закулисными авгіевыми конюшнями нашего желѣзнодорожнаго омуга.

Повѣздъ провалился. Въмѣсто желѣзнодорожнаго полотна—крутой оврагъ, служащій ложемъ для порывистаго потока. Сотни людей заживо въ землю зарыты. Сначала ровно никого нѣтъ, и только духъ смерти и разрушенія безшумно витаетъ надъ этимъ проклятымъ мѣстомъ. У дороги нѣтъ ни аптеки, ни врача, ни фельдшерскаго персонала. Раненые и искалѣченные сами себѣ оказываютъ медицинскую помощь: Приходитъ первый повѣздъ съ рабочими, но онъ только удивляетъ и возмущаетъ всѣхъ: рабочихъ всего на всего нѣсколько десятковъ человекъ, да и тѣ ломаются потому что имъ отказываютъ въ лишнемъ гривенникѣ. Ощетинившися инженеры, покачавъ головами, оставляютъ въ покоѣ живую могилу и направляютъ всѣ рабочія силы на спасеніе вагонныхъ щепъ и паровозныхъ обломковъ. Управляющій дорогою, инженеръ Шестаковъ, и директоръ правленія Крестовниковъ, удалившись въ сторону, высчитываютъ убытки дороги и заботятся только о томъ, какъ бы поскорѣе подклеить и связать прерванное движеніе. Самъ провиаль беспокоитъ ихъ только лишь своею расходною смѣтою. Желѣзнодорожный телеграфъ отказывается въ приемѣ депешъ отъ уцѣлѣвшихъ и застрявшихъ на насыпи пассажировъ. Желѣзнодорожные жандармы, почтительно ходя по слѣдамъ инженеровъ, разгоняютъ народъ и строчатъ безчисленные полицейскіе акты о словесномъ оскорбленіи публикою желѣзнодорожныхъ властей. Инженеры спорятъ съ судебными властями, препираются съ полиціей, затягиваютъ раскопку труповъ и отказываютъ въ выдачѣ бесплатныхъ билетовъ, для проѣзда на мѣсто катастрофы родственникамъ убитыхъ и изувѣченныхъ. Вся Россія говоритъ объ этомъ происшествіи, а мѣстный тульскій губернаторъ преспокойно отсутствуетъ. Это не его дѣло. Онъ занятъ болѣе капитальными вопросами тульской внутренней и вѣдшей политики. Губернаторъ пріѣзжаетъ уже тогда, когда все кончено и когда онъ ни для чего не нуженъ. Техническій и инспекторскій комитетъ желѣзныхъ дорогъ сначала молчитъ. Онъ еще ничего не знаетъ, хотя уже все и всѣмъ извѣстно. Спустя же нѣсколько дней, официальный инспекторскій надзоръ выступаетъ съ какой-то жалкой, общипанной канцелярской замѣткой, въ которой нѣтъ ни начала, ни конца, за которою видѣются всевозможныя умолчанія, недоговорки, и цифры которой отнюдь не сходятся съ цифрами и данными мѣстныхъ очевидцевъ и газетныхъ корреспонденцій. Но самую лучшую выходитъ официальная путевая ревизія кукуевской катастрофы. Старшій

инспекторъ желѣзныхъ дорогъ, г. Клевецкій, летитъ на всѣхъ парахъ изъ Петербурга, чтобы изслѣдовать, раскрыть, обличить случившееся; чтобы служить представителемъ закона, власти; чтобы хозяйничать на мѣстѣ, располагая широкими полномочіями центрального путейскаго вѣдомства,—и этотъ же г. Клевецкій, однимъ изъ первыхъ, такъ прямо, съ налета попадаетъ въ судебное слѣдствіе, ибо оказывается, что нынѣшній гроза—ревизоръ министерства путей сообщенія, не только самъ управлялъ тою же московско-курскою дорогою, но еще принималъ ее отъ строителя и торжественно аттестовалъ передъ казною, какъ образцовую, восхитительную желѣзнодорожную линію.

И эта потѣшная метаморфоза происходитъ съ главнымъ административнымъ представителемъ путейской инспекціи!

Jean qui rit, не успѣвъ распаковать своихъ чемодановъ, уже превращается въ Jean qui pleure.

V.

Кукуевская катастрофа должна послужить многопамятнымъ Седаномъ для нашихъ путейцевъ и желѣзнодорожниковъ. Она должна приковать вниманіе и правительственной власти, и общества и печати, и судебныхъ органовъ къ гангренозной язвѣ, хронически разѣдающей нашъ общественный и государственный организмъ. Она должна выдвинуть на первый планъ тотъ обособленный, въ теченіе столькихъ лѣтъ очень ловко маскировавшійся, мірокъ разудалой русской путейщины, который поражалъ всѣхъ своею безнаказанностью и безответственностью. Пора же наконецъ приняться за ослабленіе и обузданіе этой организованной ассоціаціи хищниковъ, этихъ неутомимыхъ оптовыхъ фабрикантовъ всевозможныхъ беззаконій, этой непріятельской арміи, ежегодно облагавшей государственный бюджетъ Россіи чудовищной контрибуціей, этой увеселительной артели биржевиковъ, авантюристовъ, чиновниковъ, инженеровъ, сводниковъ, жидовъ и казнокрадовъ, двадцать лѣтъ выплясывающихъ свою тарантеллу на обвалахъ и разсѣлинахъ выстроенныхъ ими гнилушекъ. Пора, наконецъ, открыть глаза, образумиться, поставить извѣстный предѣлъ и начать называть вещи ихъ собственными именами, пригвоздивъ эту позорную среду къ позорному столбу.

Главнымъ отвѣтчикомъ, конечно, должно служить наше путейское вѣдомство. Житейски оно такъ принизилось и принципиально до того расшаталось, что вѣдомство это скорѣе напоминаетъ собою какую-то обширную частную справочную контору, съ огромными преимуществами и привилегіями, чѣмъ одинъ изъ нормированныхъ закономъ органовъ государственнаго управленія. Гг. путейцы были полными и единственными хозяевами во всемъ томъ, что они создали. По обонію крылакъ могучей путейской кучки постоянно жалисъ и питались всевозможные ба-

рышники и проклеищики, вчерашніе кабатчики и фальшивые монетчики, сегодняшніе «генералы» и разные «почетники» — во командованіе рулемъ всецѣло принадлежало петербургскому желѣзнодорожному Олимпу. Путьцы были воспріемниками нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Они выдумали систему концессій, предоставлявшую столько простора протекціямъ, связямъ, знакомствамъ, коткамъ, биржевикамъ и разноименнымъ обираламъ; они раздавали эти концессіи, точно золотое руно; они избирали изъ числа кандидатовъ наиболѣе солидныхъ и благонадежныхъ капиталистовъ; они вводили ихъ, такъ сказать, во владѣніе; они присутствовали при первоначальной постановкѣ указныхъ вѣхъ и они же, полупьяные, разѣвжали на увеселительныхъ поѣздахъ въ дни открытія; они надзирали; они принимали, провѣряли, одобряли; они, сидя на столоначальническихъ табуретахъ, сооружали себѣ отъ своихъ экономій городскіе палаццо и покупали цѣлые земельные «округи»; они впервые познакомили русскую жизнь съ миллионными процессами и взятками; они, состоя на государственной службѣ, торчали на запяткахъ у самыхъ подозрительныхъ гешефтмахеровъ. Они писали законы, уставы, циркуляры, предписанія; они установили такую инспекцію, которая оплачивалась правленскими конторами; они регулировали желѣзнодорожные капиталы; провѣряли смѣты; учитывали сборы, выдавали разрѣшенія, предъявляли требованія; они тушили всякія разоблаченія, замазывали всѣ обнаружившіяся прорѣхи, во-время предупреждали, кстати медлили; условившись, поспѣшали; они установили баснословныя жалованья; всевозможные добавочные куши и срывы, захватываніе мѣстъ, путаніе счетовъ, обманываніе казны, синегуры, ничего недѣланіе, кумовство и развеселое проническое насвистываніе, въ отвѣтъ на контрольныя потуги правительственной власти, на стоустыя жалобы печати и на возмущенный говоръ всего русскаго общества.

Господа путьцы заварили всю эту кашу.

Пусть же они ее теперь расхлебываютъ. Но пусть расхлебываютъ до конца, выскребавъ кострюлю и облизавъ ложку.

Судъ же, печать и общество сдѣлаютъ въ свою очередь все отъ нихъ «зависящее».

Бунва.

СОДЕРЖАНИЕ № 8-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

I. Торжество правосудія. Романъ Д. И. Стахѣева.	3
II. Народность во внешней политикѣ Москвы. Е. П. Карновича.	49
III. Два стихотворенія: 1. Волна и 2-е Баянъ. Гор—ва.	72
IV. Язвы Петербурга. VIII. (Скорбныя цѣры.) В. О. Михневича.	74
V. Братья Рамулты. Повѣсть. I. Крашевскаго.	91
VI. Австрійскіе русскіе и Львовскій процессъ В. И. Модестова.	140
VII. Дипломатія и Любовь. Романъ Іоганна фонъ-Деваля.	163
VIII. Два стихотворенія: 1) Дума и 2) Сумашедшая. Ф. Андреева.	204
IX. Фетищъ. Повѣсть Ю. Г. Зависѣцкаго.	206

Современное обозрѣніе.

X. Экономическіе этюды (Пятый вопросъ). Е. Е. Карцева	246
XI. Наши внутреннія дѣла	261
XII. Политическая хроника	280
XIII. Новыя книги	295
XVI. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): Рябь и зыбь роднаго прогресса. (Кукуевская жатва на желѣзнодорожной нивѣ). И. Ф. Василевскаго, (Б у к в ы).	309

STANFORD LIBRARIES

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
НАРОДНАЯ ШКОЛА
Въ 1882 ГОДУ.

(четыренадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярїи по учрежденїямъ Императрицы Марїи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенїя и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1882-мъ году на прежнихъ основанїяхъ, при участїи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) Законодательство по народному образованію. II) Педагогика и дидактика. III) Исторїя народнаго образованїя. IV) Критика и библиографїя. V) Новости и смѣсь. Этотъ отдѣлъ вполне соответствуетъ «современному обозрѣнїю» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названїемъ педагогической хроники) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленїй въ области народнаго образованїя въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованїя въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою «разныхъ извѣстій», любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнїя по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) Приложенїя къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенїя для народа по всѣмъ предметамъ знанїя и пр.

Въ прошломъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участїе своими трудами: *А. И. Анастасіевъ, А. С. Виренїусъ, В. Ф. Фонъ-Болъ, В. С. Гербачъ, Я. Г. Гуревичъ, И. П. Золотницкій, А. Г. Иванѣвъ, П. Ф. Каптеревъ, Е. П. Карновичъ, баронъ Н. А. Корфъ, Всев. И. Миропольскій, Я. Т. Михайловскій, П. А. Мясоповъ, Ф. Ф. Резеръ, И. О. Фесенко, И. И. Шалфеевъ* и др.

Для наступившаго года, въ распоряженїи редакціи имѣется уже много новыхъ матеріаловъ, которые вошли, частїю, въ первыя восемь книжекъ (январь—августъ).

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1882 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложенїями, четыре рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою или доставкою. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ главную контору «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», С.-Петербургъ, Поварской переулокъ, д. № 5.

Имѣя возможность сдѣлать доступнымъ приобрѣтенїе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ нынѣ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 р. за оба года, по 6 руб. съ пересылкою. При подпискѣ же на текущїй годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. с.

Редакторъ-издатель А. Патновскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книжки*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же нумеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать 3 семикопѣчныя почтовые марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволять прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко переписанными*. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. 7) Для личныхъ объясненій съ Редакторомъ, во время мѣсяцевъ, просятъ обращаться въ Главную Контору журнала «Наблюдатель» (Поварск. цер. № 5) по четвергамъ, отъ 12 до 2 ч. дня. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою: за страницу 15 руб. и за $\frac{1}{2}$ стр.—8 руб.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

STANFORD LIBRARIES

вительство, какъ фактическій и полновластный хозяинъ всѣхъ существующихъ линій желѣзныхъ дорогъ. — Правительственный контроль на желѣзныхъ дорогахъ и причины безпорядковъ и злоупотреблений. — Почему невозможно допустить чиновно-канцелярскую систему въ завѣдываніи и управленіи желѣзными дорогами? Неразрѣшимость желѣзнодорожнаго вопроса внѣ вопроса объ организаціи мѣстнаго управления. — Новое крушеніе на николаевской желѣзной дорогѣ и гланье «Голоса».

XVI. Политическая хроника. 37
Египетскій вопросъ. — Египетскіе паши и хедивы. — Европейскіе интересы и Суэзскій каналъ. — Европейскій контроль. — Каирское про-

нунціаменто. — Европейскіе переговоры. — Араби-паша и хедивъ Тевфикъ-паша. — Морская демонстрація. — Турецкая миссія. — Александрійскіе безпорядки. — Константинопольская конвенція. — Бомбардированіе и погромъ Александріи. — Англо-египетская экспедиція.

XVII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): 1) Рифмованные отголоски. *Горесмѣхова* . . . 59

2) Брызги и штрихи. *Нелобиваго поэта* 61

и 3) Стихотворенія *Ефима Скорпионова и Мизантропова* 62

XVIII. Содержаніе № 9-го .

XIX. Объявленія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По соглашенію съ издателемъ прекратившейся (на 5-й книгѣ) «Русской Рѣчи», всѣ платные подписчики послѣдней удовлетворены экземплярами нашего журнала, и притомъ начиная съ 1-го №, въ виду разницы подписной цѣны. При этомъ редакція «Наблюдателя» считаетъ нужнымъ присовокупить, что *ни къ какому иному способу удовлетворенія* подписчиковъ «Русской Рѣчи» она не обязывалась. Гг. подписчики «Русской Рѣчи», пользующіеся разсрочкой подписныхъ денегъ, благоволятъ высылать слѣдующіе взносы въ редакцію нашего журнала.

Подписчикамъ «Наблюдателя», не дославшимъ свои взносы до полной подписной цѣны, *высылка журнала прекращена* впредь до полученія остаточной суммы.

Гг. подписчики, мѣняющіе свои адреса, благоволятъ высылать марками 21 коп., безъ чего не будетъ сдѣлана перепечатка адреса.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 9-й. С Е Н Т Я Б Р Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.

1882.

Типографія д-ра М. А. Хана. Поварской пер., № 2.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 Г. НОВАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно съ 1-го января 1882 г., безъ предвѣстительной цензуры, по программѣ нашихъ большихъ литературныхъ курьезовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ	7 р. 50
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка при посредствѣ казначеевъ. Книгопродавца обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Варской переулочъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только персони изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Въ Главной Конторѣ «Наблюдателя» имѣются въ продажѣ следующие изданія редакціи:

1) Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изд. по редакцію А. П. Пятковскаго, съ портретомъ автора, факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862 г. 3-е изд. (Осталось небольшое количество). Ц. 1 р. 25 к.; перес. за 1 ф.

2) Князь В. О. Одоевскій. Литературно-биографическій очеркъ связи съ личными воспоминаніями. А. П. Пятковскаго. Спб. 1880 г. (Печатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ). Ц. 75 вѣс. 1 ф.

Иногородные подписчики «Наблюдателя», приславшіе по ошибкѣ за годовой экземпляръ 16 р. вмѣсто 14-ти, получаютъ, вмѣстѣ излишне-высланныхъ денегъ, объ поименованныхъ книгахъ, при пересылкѣ редакція принимаетъ на свой счетъ.

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСУДІЯ.

РОМАНЪ.

XX.

Петръ Ивановичъ, остановившись у подъезда дома своего умершаго брата, имѣлъ намѣреніе, согласно письму Стулова, немедленно же отправиться къ Григорію Геннадіевичу, не заходя въ квартиру покойнаго Валерьяна Ивановича; но на лѣстницѣ его поочередно останавливали, одинъ за другимъ, нѣсколько человѣкъ съ вопросами, относившимися къ предстоящему на другой день утромъ погребенію покойника. Одинъ спрашивалъ о томъ, нужно ли будетъ выкладывать могилу кирпичемъ и дѣлать сводъ, или же обложить только деревомъ въ видѣ ящика; другой жаловался на Стулова, что не хочетъ будто бы уплатить какіе-то рубли за что-то, тоже относившееся къ предстоящему погребенію; третій просилъ сообщить, въ которомъ часу будетъ погребеніе, чтобы не опоздать съ траурными дорогами и т. д. Петръ Ивановичъ, занятый думами о Кожевниковѣ, отсылалъ всѣхъ къ Стулову, котораго однакоже, какъ говорили окружавшія его лица, съ утра не было дома.—«Ну, дѣлайте, какъ хотите», отмахнулся было Петръ Ивановичъ, но потомъ спохватился, что изъ такого отвѣта ничего путнаго не выйдетъ, и сказалъ:—послѣ, послѣ, потерпите пять-шесть минутъ, а только забѣгу наверхъ по дѣлу и тотчасъ же вернусь.

У дверей квартиры покойнаго брата стоялъ, тоже, какъ видно,

въ ожиданіи его прихода, лакей, и какъ только Петръ Ивановичъ поровнялся съ нимъ, намѣреваясь идти выше, лакей молча растворилъ для него дверь.

— Не нужно, не нужно, я сейчасъ возвращусь.

— Слушаю-съ... Я полагаю... потому уже священникъ здѣсь, и сейчасъ должна начаться панихида...

— А? Панихида? Да развѣ уже часъ? изумился Петръ Ивановичъ и, поспѣшно взглянувъ на часы, остановился въ нерѣшительности, идти-ли вверхъ къ Кожевникову, или сначала на панихиду.

— Затвори, затвори, я сейчасъ вернусь... прошепталъ онъ и быстро зашагалъ по лѣстницѣ къ квартирѣ Кожевникова.

— Григорія Геннадіевича мнѣ... доложи поскорѣй... попросилъ онъ горничную, отворившую ему дверь.

— Да онъ нездоровъ, шопотомъ отвѣтила она.

— Какъ нездоровъ?.. Мнѣ нужно, очень нужно, и немедленно. Необходимо. Я рѣшительно долженъ его видѣть.

Петръ Ивановичъ говорилъ громко и, не обращая вниманія на смущеніе горничной, вошелъ въ переднюю.

— Господи, кто это тамъ шумить? плачевно спросила Марья Ильинишна, выйдя въ переднюю.

— Извините, ради Бога, смутился Петръ Ивановичъ, но мнѣ крайняя надобность къ Григорію Геннадіевичу.

— Ахъ, я ужъ и не знаю какъ. Онъ вѣдь захворалъ, батюшка. Захворалъ, какъ есть захворалъ, слегъ, весь обложился горчичниками давеча, и жарилъ же, Боже мой... Теперь жалуетса очень на голову.

— На одну минуту, только на одну минуту; скажите, что я... Вы меня знаете: Петръ Ивановичъ Лачужниковъ, родной братъ Валерьяна Ивановича.

— Ахъ, голубчикъ мой, я ужъ и не знаю. Охъ, ничего не знаю, слезливо отвѣтила Марья Ильинишна.—Пойду, попробую...

Петръ Ивановичъ вошелъ въ залу. Тишина была кругомъ изумительная, только часы, стоявшіе въ узкомъ и высокомъ ящикѣ въ углу залы, мѣрно отбивали ударъ за ударомъ. Бѣлые половики сверхъ ковровъ, старинная мебель въ бѣлыхъ чехлахъ и образъ

съ лампадами, все вмѣстѣ взятое повѣяло было на Петра Ивановича чѣмъ-то тихимъ и успокоивающимъ; но мысль объ опасности, грозившей духовному завѣщанію, и подозрѣнія на счетъ честности Григорія Геннадіевича взяли верхъ надо всѣмъ.—«О, Господи, какъ онъ долго! томился Петръ Ивановичъ, хотя не прошло еще и полуминуты со времени ухода Марьи Ильинишны въ комнату мужа.

— Пожалуйте-съ, объявила она, показавшись наконецъ въ дверяхъ зала.

Петръ Ивановичъ быстро зашагалъ впередъ въ кабинетъ. Григорій Геннадіевичъ дѣйствительно лежалъ на диванѣ съ мокрой тряпкой на головѣ и покрытый сверху одѣяломъ. Въ комнатѣ нахло укусомъ; столикъ около дивана, гдѣ лежалъ Григорій Геннадіевичъ, былъ заставленъ чайниками съ какими то травами и припарками.

— Вотъ, батюшка мой, заговорилъ онъ слабымъ голосомъ и медленно растягивая слова,—вотъ расхварываюсь. Съѣздила было по дѣламъ, да и застылъ надо быть... Охъ...

— А я къ вамъ, Григорій Геннадіевичъ, извините пожалуйста, смущаясь, началъ Петръ Ивановичъ, завѣщаніе бы... Позвольте... Если это васъ не беспокоитъ... Я бы не рѣшился, въ особенности теперь, въ виду вашего нездоровья; но... извольте видѣть, крайняя необходимость... Представить нужно...

— Ахъ, да, да... Завѣщаніе-то вѣдь и въ самомъ дѣлѣ у меня, тоскливо отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ,—у меня, родной, это точно что у меня, а вѣдь я было съ дѣлами-то и позабылъ... это точно, у меня... Вотъ она, старость-то наша... Вчера-то, второпяхъ да въ суетѣ, совсѣмъ было изъ головы вонъ. Охъ, что это мнѣ занедужилось такъ... Господи помилуй!

— Если можно, Григорій Геннадіевичъ, то позвольте—повторилъ Петръ Ивановичъ, и не безъ смущенія добавилъ: извините, пожалуйста, но я спѣшу, тамъ панихида.

— Ахъ, да, извольте, извольте, батюшка мой Петръ Ивановичъ, извольте... Какъ же, какъ же, бумага важная, необходимо... Это что говорить. Охъ! Вчера бы еще надобно вамъ ее отдать, да вотъ

все въ суетѣ-то... О, Господи помилуй! Я вотъ какъ нибудь поднимусь и одѣнусь.

Онъ заворочался по дивану, силясь подняться и сѣсть; и потомъ, когда сѣлъ, болѣзненно сморщилъ лобъ.

— Охъ, охъ, вотъ одѣнусь, повторилъ онъ, сейчасъ голубчикъ, ужь потерпите.

— Но зачѣмъ же одѣваться, Григорій Геннадіевичъ, у васъ вѣроятно, оно гдѣ нибудь здѣсь. Можетъ быть, въ письменномъ столѣ. Вы не одѣвайтесь—зачѣмъ—такъ вотъ прямо закутайтесь въ одѣяло и пройдите къ столу.

Григорій Геннадіевичъ, казалось, былъ такъ слабъ, что едва сидѣлъ на диванѣ, прикрывъ себѣ ноги одѣяломъ. Пока Петръ Ивановичъ совѣтовалъ ему не одѣваться, а только закутать ноги, онъ слабо кивалъ въ тактъ его рѣчи головой и тянулся рукой къ близъ стоявшему стулу, гдѣ лежало его платье.

— Да, да, такъ, голубчикъ, такъ, это вы справедливо,—проговорилъ онъ наконецъ,—но вѣдь мнѣ еще надобно шубу, и шею закутать тоже шарфомъ... Охъ, боюсь, не остыть-бы... Вѣдь всѣ важныя-то бумаги у меня въ магазинѣ, тамъ въ кладовой... Охъ, да, надобно ужь вѣрно идти какъ нибудь... Бумага важная, безпремѣнно надо. Вчерась бы еще...

И, должно быть, совсѣмъ правдивою вышла въ его игрѣ роль больного человѣка и совершенно искреннею показалась Петру Ивановичу слабая его рѣчь, когда онъ вдругъ измѣнилъ свое рѣшеніе и посоветовалъ Григорію Геннадіевичу снова лечь въ постель.

— Лягте. Лягте, предложилъ онъ,—лучше оставимъ пока часа на два. Авось и вамъ будетъ полегче потомъ. Я думалъ здѣсь оно, у васъ... Если же въ кладовой, такъ лучше я подожду.

— Въ кладовой, родной мой, охъ! Спасибо... Да какой же вы, батюшка мой, сострадательный...

Петръ Ивановичъ взглянулъ на часы и поспѣшилъ уйти.

— Ну что, получили? спросилъ Стуловъ, встрѣтивъ Петра Ивановича въ дверяхъ квартиры покойнаго.

— Ахъ, вы только напрасно меня съ толку сбиваете.

— Что! Что вы говорите?

— Да тоже, что онъ не думалъ отказываться...

Изъ залы послышался запахъ ладана. О. Макарій служилъ панихиду. Петръ Ивановичъ хотѣлъ было рассказать Стулову подробно о своемъ свиданіи съ Кожевниковымъ, но Стуловъ опять прервалъ его вопросомъ.

— Да получили-ли вы завѣщаніе?

— Нѣтъ еще. Говорю же я вамъ, что онъ нездоровъ, и вовсе не думаетъ скрывать завѣщанія.

Стуловъ не захотѣлъ слушать никакихъ объясненій. Онъ схватился обѣими руками за голову и, закрывъ глаза, готовъ былъ, казалось, вырвать всѣ свои волосы.

— Да съ чего вы раньше времени бѣснуетесь? обиженно прошепталъ Петръ Ивановичъ, — дитя я что-ли, по вашему, и не понимаю, какъ и съ кѣмъ слѣдуетъ себя вести?

— Виновать, извините пожалуйста, — спохватился Стуловъ, испугавшись, что его нескрываемое и слишкомъ уже явно выраженное душевное состояніе могло оскорбить Петра Ивановича.

Петръ Ивановичъ дѣйствительно оскорбился. Онъ рѣзко отвернулся отъ Стулова и ушелъ въ залу, недовольный впрочемъ не столько Стуловымъ, сколько Кожевниковымъ, за то, что «сунула его нелегкая захворать не во время». Послѣ панихиды Стуловъ не подошелъ къ Петру Ивановичу, надѣясь, что онъ самъ подойдетъ и первый заговоритъ; но Петръ Ивановичъ избѣгалъ съ нимъ разговора и намѣренно долго перешептывался о чемъ-то съ о. Макаріемъ, идя рядомъ съ нимъ изъ залы и не смотря на Стулова. Однакоже Федоръ Прохоровичъ не терялъ его изъ виду, ожидая, скоро-ли онъ наконецъ пойдетъ наверхъ къ Кожевникову за духовнымъ завѣщаніемъ, а Петръ Ивановичъ, точно наперекоръ ему, не зашелъ къ Кожевникову. Огорченный этимъ, Федоръ Прохоровичъ бѣгалъ потомъ цѣлый часъ у себя по комнатѣ изъ угла въ уголъ, точно звѣрь въ клеткѣ, и сжималъ свои кулаки, готовый, казалось, вступить съ Кожевниковымъ въ драку, хотя, встать сказать, едва ли бы устоялъ въ физической борьбѣ съ нимъ, потому что Кожевниковъ былъ въ своемъ родѣ колоссъ. Всего больше,

разумѣтся, доставалось теперь отъ Федора Прохоровича Петру Ивановичу, за то, что онъ «мямлитъ и развѣсилъ уши».

Однакожь, какъ ни «мямлилъ» Петръ Ивановичъ, а вечеромъ послѣ панихиды завернулъ таки къ Кожевникову. Марья Ильинишна сама вышла къ нему въ переднюю и шопотомъ заявила, что Григорію Геннадіевичу «стало, кажись, полегче и спать те-перича».

— Ну, и слава Богу—къ утру авось совсѣмъ оправится, тогда и попрошу сходить въ кладовую.

Такъ порѣшивъ дѣло, Петръ Ивановичъ отправился на Выборгскую и къ Стулову не зашелъ. «Ну его, подумалъ онъ,—опять начнетъ чортъ знаетъ что говорить; ясно, что челоуѣкъ въ подозрительности своей забрался въ невылазныя трущобы».

Но утромъ, позвонивъ опять у квартиры Кожевникова предъ самымъ выносомъ покойника, онъ сильно смутился, когда горничная сердито проворчала ему: «хозяинъ боленъ».

— Доложи, что я,—Лачужниковъ... Очень нужно.

— Да что вы, господинъ, какъ кричите! Сказано вамъ: нездоровъ,—повторила она и, не дожидаясь отвѣта, закрыла двери.

Подозрительность снова овладѣла Петромъ Ивановичемъ и росла съ каждой минутой тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настойчивѣе старался онъ отъ нея отдѣлаться. Спустившись внизъ, въ квартиру брата, и не имѣя возможности уединиться, чтобы обсудить свое положеніе, онъ былъ снова заваленъ заботами и хлопотами, относящимися къ погребенію. Оказалось, на примѣръ, что цвѣты и пальмовыя вѣтви на крышку гроба, заказанные къ девяти часамъ, не были доставлены къ половинѣ десятаго; свидѣтельство изъ участка, необходимое для представленія на кладбищѣ, тоже не было еще принесено, и, въ довершеніе всего, Викторія Александровна плаксиво жаловалась, что карета не такъ обита трауромъ, какъ она хотѣла.

XXI.

Наконецъ таки все устроилось и похоронили Валерьяна Ивановича съ подобающей его званію и состоянію пышностію. Была и

колесница съ балдахиномъ изъ малиноваго бархата (какъ предполагалъ Яковъ Петровичъ) и страусовыя перья, и конные «жандары» и фавельщики. За колесницей толпа «благородной публики», черныя платья, траурныя шляпы, сзади длинный хвостъ вареть, а впереди ленты и ордена покойнаго на подушкахъ, которые какъ будто для того и несли впереди, чтобы каждый встрѣчный могъ ихъ видѣть и во-очію убѣдиться, какими ничтожными и жалкими игрушками являются онѣ предъ лицомъ смерти.

Петръ Ивановичъ шелъ—не шелъ, а какъ то заплетался ногой за ногу, сгорбился, осунулся и, идя по панели, въ сторонѣ отъ траурной толпы, шедшей непосредственно за печальной колесницей, старался избѣгать разговора со Стуловымъ, который, напротивъ, видимо искалъ для этого случая и нарочно шелъ тоже по панели. Онъ замѣтилъ, что Петръ Ивановичъ смотритъ нехорошо, ослабѣлъ и ковыляеть съ ноги на ногу, онъ даже подозрѣвалъ и настоящую причину его разстроеннаго душевнаго состоянія, но боялся приставать къ нему съ разспрсами—«пожалуй, опять загорячится и закричитъ на всю улицу». Такъ шли они почти все время, пока траурная процессія двигалась шагъ за шагомъ къ мѣсту погребенія покойнаго.

Изъ княжеской родни, конечно, никто не обращалъ вниманія, въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу Стуловъ и Петръ Ивановичъ, и никто изъ нихъ не зналъ еще, какая разгрывается исторія съ завѣщаніемъ покойнаго Валерьяна Ивановича. Княгиня и князь Павелъ шли рядомъ. Онъ, само собой разумѣется, съ трауромъ на шляпѣ, она вся въ черномъ и съ грустно поникшей головой. Князь Павелъ поддерживалъ ее за руку, и во все время пути до кладбища они вели хотя и спокойный и тихій, никѣмъ почти не слышимый, но зато не умолкавшій ни на одну минуту разговоръ о какомъ-то адвокатѣ, о какихъ-то ста тысячахъ, и потомъ упоминали имя Nadine непосредственно за фамиліей сановитаго старичка, на котораго Елена Модестовна возлагала какія-то надежды. Разговоръ о ста тысячахъ, положимъ, могъ относиться къ дѣлу: вѣроятно, адвокатъ просилъ такую сумму за веденіе процесса, но причемъ тутъ была Nadine

и отчего, упоминая ея имя, Елена Модестовна вздыхала и хмурилась—это осталось необъяснимою тайной не только для постороннихъ, но даже и для Викторіи Александровны, которая, идя рядомъ съ матерью, нѣсколько разъ слышала, какъ князь Павелъ произносилъ имя Nadine и шепталъ потомъ что-то о сановитомъ старичкѣ. Nadine, шедшая невдалекѣ отъ нихъ, само собой разумѣется, также въ глубокомъ траурѣ и даже съ опущенною на лицо вуалью, смутно догадывалась, что не къ добру княгиня такъ дружественно опирается на руку брата и что ничего хорошаго не предвѣщаетъ для нея ихъ разговоръ. Она знала, что наканунѣ вечеромъ сидѣлъ у княгини столъ ненавистный ей, Nadine, сановитый старичокъ, съ приходомъ котораго Елена Модестовна съ особенною и совершенно, казалось-бы, ненужною настойчивостью вдругъ потребовала, чтобы она, Nadine, не только разливала чай для гостя (какъ это уже издавна водилось), но и была бы съ нимъ насколько возможно ласковѣе и занимательнѣе. Ей ясно было, что все это дѣлается не просто, и занимательности требуютъ отъ нея не изъ одной только любезности къ гостю, а изъ другихъ, до очевидности понятныхъ цѣлей.

Идя теперь за гробомъ Валерьяна Ивановича и припоминая вчерашній разговоръ княгини съ сановитымъ старичкомъ о его добродѣтеляхъ, цвѣтущемъ здоровьѣ, прекрасномъ характерѣ и т. под., Nadine вздыхала и томилась тоской. «Господи, думала она, какая кругомъ неправда, — говорятъ одно, думаютъ другое... Но куда-же уйти отъ этой неправды?» — «Nadine! вдругъ слышитъ она тихій шопотъ Сергѣя Валерьяновича, шедшаго рядомъ съ нею, — Nadine, вы обворожительны въ этомъ печальномъ нарядѣ, онъ такъ идетъ къ вашей грустной улыбкѣ, къ вашимъ всегда задумчивымъ глазкамъ!» Она съ изумленіемъ взглянула на него и тотчасъ же отвернулась, не сказавъ ни слова, а онъ, идя съ ней рядомъ, покручивалъ свои юношескіе усики и съ улыбкой косился на нее. — «Дѣвчонка первый сортъ, думалъ онъ; жаль, не дотрога, да и родня еще на бѣду... Однако все это не важно, главное, чортъ побери, какъ разрѣшатся мои финансовыя обстоятельства».

Катафалкъ двигался шагъ за шагомъ впередъ, колыхаясь изъ стороны въ сторону при встрѣчавшихся неровностяхъ мостовой, и вѣтеръ игралъ его страусовыми перьями; запорошившій снѣжокъ сталъ понемногу показываться на черныхъ покровахъ лошадей, на фонаряхъ факельщиковъ, на шляпахъ и платьяхъ лицъ, слѣдовавшихъ за печальной колесницей. Елена Модестовна съ княземъ Павломъ сѣла въ карету, Викторія Александровна въ другую, пригласивъ съ собой Nadine, и многіе изъ провожавшихъ то же попрятались въ кареты. Снѣгъ увеличивался и сыпалъ уже крупными хлопьями. Когда печальная колесница приблизилась къ воротамъ кладбища, весь верхъ ея былъ въ снѣгу. Крашеные страусовые перья поблѣли, и снѣгъ, забираясь подъ катафалкъ, попадалъ на крышку гроба, точно хотѣлъ засыпать поскорѣ прахъ Валерьяна Ивановича, чтобы родственники его могли уже съ полнѣйшею безцеремонностью вступить въ междоусобную борьбу изъ-за его капиталовъ.

Опустили гробъ въ могилу, засыпали землей, и толпа, окружавшая его, вскорѣ порѣдѣла. Оставались у могилы дольше другихъ только двое, Стуловъ и Петръ Ивановичъ. Петръ Ивановичъ долго стоялъ около креста съ поникшей головой, и вѣтеръ игралъ жидкими прядями его волосъ.

— Накройте, Петръ Иванычъ, голову — замѣтилъ наконецъ Стуловъ.

— Да, да, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, надвинувъ на лобъ шапку и пошелъ отъ могилы.

Стуловъ слѣдовалъ за нимъ. Они шли молча, пока не миновали кладбищенскихъ воротъ. Стуловъ, какъ видно, долго удерживался отъ тревожившаго его вопроса, но рѣшился наконецъ нарушить молчаніе и вкрадчиво спросилъ:

— Завѣщаніе, Петръ Ивановичъ, изволили получить?

Петръ Ивановичъ вдругъ остановился, сердито плюнулъ на панель и, круто повернувъ отъ Стулова, перешелъ на другую сторону улицы.

XXII.

Стуловъ вспыхнулъ и сжалъ кулаки такъ сильно, что пальцы захрустѣли. Онъ хотѣлъ было тоже перейти на другую сторону улицы, догнать Петра Ивановича и сказать ему, что онъ «старый дуракъ», что онъ не замѣчаетъ, въ какомъ опасномъ положеніи находится все имущество покойнаго Валерьяна Ивановича, что онъ. «лысый осель», и того понять не можетъ, «какого искренняго и безкорыстнаго совѣтника оскорбляетъ въ лицѣ его, Стулова». Гнѣвъ, досада и обида за пренебреженіе, съ какимъ Петръ Ивановичъ отвѣтилъ на его вопросъ о завѣщаніи, казалось, росли съ каждой секундой. Волнуемый ими, Ѳедоръ Прохоровичъ, самъ того не замѣчая, застегнулъ свое мѣховое пальто на всѣ пуговицы, надвинулъ шляпу на брови и ускорилъ шаги, намѣреваясь перейти улицу наискось и перерѣзать путь Петру Ивановичу. Между тѣмъ Петръ Ивановичъ уже успѣлъ охладиться и впалъ въ тоску, упрекая себя за свой дивій будто-бы нравъ. — «Ну, за что, за что я его оскорбилъ, томился онъ, — человекъ о моемъ же дѣлѣ заботится, а я отъ него рожу ворочу. О, Господи, какой срамъ, стыдъ!..» Онъ остановился около извозничьихъ дрожекъ и искоса посмотрѣлъ на противоположную сторону улицы, отыскивая тамъ Стулова и намѣреваясь приступить къ примиренію съ нимъ; но Стуловъ уже перешелъ улицу и стоялъ около него, готовый, какъ замѣтно было, по нахмуреннымъ его бровямъ, высыпать предъ Петромъ Ивановичемъ всѣ свои обиды.

— Я, наконецъ, рѣшаюсь, Петръ Ивановичъ... началъ было онъ.

— Ахъ, а я ищу васъ на той сторонѣ, — оживляясь, перебилъ Петръ Ивановичъ, замѣтивъ его, и вдругъ понизилъ тонъ до шопота: голубчикъ мой, прости пожалуйста, я вѣдь, ей Богу, совсемъ сумашедшій... Прости, родной.

— То есть... какъ это?.. На счетъ чего? растерялся Стуловъ, моментально лишившійся своего гнѣвнаго настроенія.

— А вотъ на счетъ того, что я... оскорбилъ... и давеча утромъ и потомъ передъ выносомъ... Пожалуйста извините...

Продолжая шептать, онъ стащилъ съ мысой головы свою шапку.

— Позвольте, позвольте, что вы, Петръ Ивановичъ—къ чему все это... Перестаньте пожалуйста, прошу васъ, я и не думалъ оскорбляться.

— Что же вы, господинъ, ѣдете что-ли, али нѣтъ? крикнулъ извозчикъ, потерявшій терпѣніе ждать, пока Петръ Ивановичъ сядетъ.

— Ахъ, сейчасъ, сейчасъ, торопливо отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, оглядывая улицу во все стороны. Какъ же, голубчикъ, вы то? Вѣдь извозниковъ больше нѣтъ,—обратился онъ къ Стулову.

— Не беспокойтесь, я найду... Вонъ извозчикъ ѣдетъ.

Они поѣхали оба, довольные тѣмъ, что размолвка ихъ такъ хорошо кончилась. Остановившись у дома Валерьяна Ивановича, Федоръ Прохоровичъ, ѣхавшій впереди, поджидалъ нѣкоторое время Петра Ивановича у параднаго подъѣзда дома, предполагая, что онъ, конечно, пойдетъ на поминальный обѣдъ къ женѣ покойнаго брата, но когда Петръ Ивановичъ, мигуя подъѣздомъ, проѣхалъ за уголъ, къ воротамъ дома, Стуловъ торопливо зашагалъ туда.

— А на обѣдъ-то? изумленно спросилъ онъ Петра Ивановича уже во дворѣ.

— Ахъ, я не пойду. Я не могу, тоскливо отвѣтилъ Петръ Ивановичъ,—невыносимо мнѣ, голубчикъ, видѣть ихъ. Ложь одна только тамъ, притворство. Нѣтъ, ни за что не пойду...

И когда они, пройдя черезъ дворъ, вошли въ подъездъ черной лѣстницы, ведущей въ квартиру Стулова, Петръ Ивановичъ остановился на площадкѣ и горячо зашепталъ:

— Подумайте, зачѣмъ же я туда пойду! Не далѣе, какъ вчера князь угрожалъ мнѣ судомъ отъ имени Сережи и Викторіи... Они намѣренно меня чуждаются, и все черезъ него... Главное, съ угрозами, и, разумѣется, старуха всеѣмъ руководить... И вдругъ, послѣ всего этого, быть виѣстѣ съ ними, вести фальшивый разговоръ... Нѣтъ, не хочу.

— Да, я понимаю... гм... гм... подсказать Стуловъ.

Только что Петръ Ивановичъ вошелъ въ его квартиру, какъ въ ту же минуту переѣнилъ разговоръ.

— Я долженъ передъ вами извиниться, Фѣдоръ Прохоровичъ, началъ онъ; каюсь, у меня отвратительный характеръ, я виноватъ предъ вами... Грубъ я, рѣзакъ...

— Нѣтъ, я виноватъ, Петръ Ивановичъ, что допустилъ васъ до такой довѣрчивости къ Кожевникову. Я, разумеется, всего болѣе виноватъ: нужно было въ тотъ же день утромъ, когда Валерьянъ Ивановичъ скончался, тогда же нужно было дѣйствовать настойчиво, и если чуть что—послать за полиціей... Тогда бы онъ струслилъ и отдалъ бы...

— Но, голубчикъ мой, не ошибаетесь-ли вы, вѣдь онъ же въ самомъ дѣлѣ боленъ. Видѣлъ же я его собственными глазами; ей Богу, онъ боленъ; на головѣ компрессъ, руки горячія, на столѣ чайники съ питьемъ и припарками.

— Вреть! Искусно притворяется, старый воробей...

— Онъ готовъ былъ завѣщаніе отдать тотчасъ же, но оно, говорить, въ кладовой, въ магазинѣ.

— Въ кладовой? перебилъ Стуловъ,—положимъ, это онъ вреть... Да, навѣрное вреть... Но если и такъ даже, допустимъ существованіе какой-то особой кладовой—пусть пошлетъ туда сына... Не довѣряетъ, можетъ быть, сыну? Хорошо-съ! Пусть пошлетъ туда жену вмѣстѣ съ нимъ. Повѣрьте, еслибъ захотѣлъ возвратитъ завѣщаніе—нашелъ бы возможность добыть его изъ кладовой.

— Но я не настаивалъ... Онъ бы, можетъ быть, и послалъ туда когонибудь.

— Нѣтъ, у него не то на умѣ. Не то, Петръ Ивановичъ! Я глазъ съ него не сую, и каждый шагъ его мнѣ извѣстенъ. Я знаю, что вчера вечеромъ, между девятью и десятью часами сидѣлъ у него гость, знакомый купецъ изъ зеркальной линіи, такой же, скажу вамъ, бестія, какъ и онъ—рыбакъ рыбака видитъ! Такъ какъ же теперь согласить это: васъ не принимаетъ по болѣзни, а

съ гостемъ цѣлый часъ сидить... Положеніе опасное, Петръ Ивановичъ, и нужно дѣйствовать энергически.

— Да, да... Завтра я непременно...

— Какое завтра? Сегодня нужно, сейчасъ...

— Пожалуй и сегодня, со вздохомъ согласился Петръ Ивановичъ, но въ душѣ все-таки подумалъ: «не напрасно-ли ты, голубчикъ, такъ подозрѣваешь старика».

Словомъ, Петръ Ивановичъ, терзаемый сомнѣніями, все еще утѣшался ни на чемъ неоснованными надеждами и старался самъ себя обмануть, подтверждая ту истину, что никто другой насъ всего чаще не обманываетъ, какъ мы сами.

Однакожъ, какъ ни склоненъ онъ былъ къ самоутѣшенію, Стуловъ неотступно твердилъ свое.

— Рѣшительно скажу вамъ, Петръ Ивановичъ, — шепталъ онъ, — Кожевниковъ вамъ не возвратитъ завѣщанія безвозмездно. Мнѣ уже совершенно ясны его замыслы: онъ колеблется пока, разыгрываетъ роль больного и выбираетъ — съ кѣмъ безопаснѣе сойтись. Повѣрьте, я не ошибаюсь. Вотъ почему и прошу васъ, если онъ начнетъ намерять на вознагражденіе за выдачу завѣщанія, не оборвите его, не ссорьтесь, Боже сохрани! Въ этомъ теперь вся задача. Стоитъ только вамъ рѣзко ему отказать, онъ, пожалуй, ухнетъ завѣщаніе князьямъ. Знаете, пословица говоритъ: задоръ бѣды не вѣдаетъ.

Петръ Ивановичъ слушалъ и вздыхалъ. Потомъ, рѣшившись немедленно же идти къ Григорію Геннадіевичу, онъ крѣпко сжалъ руку Стулова въ своей рукѣ.

— Итакъ я иду къ Кожевникову.

— Идите и будьте настойчивы.

Петръ Ивановичъ сдѣлалъ было шагъ къ двери, но вдругъ остановился, смотря на Стулова. Онъ мысленно прослѣдилъ все странство, отдѣлявшее его отъ квартиры Кожевникова, и нашель, что идти къ нему теперь, именно въ этотъ часъ, невозможно.

— Это почему? изумился Стуловъ.

— Неловко! Нелзяя! На одной же лѣстницѣ его квартира съ квартирой покойнаго брата; ну, вдругъ встрѣтится эта старуха кня-

гиня или красной князь Верхотуровъ, теперь они всё тамъ на обѣдѣ. Пожалуй, еще кто нибудь изъ знакомыхъ; вотъ, скажутъ, около квартиры бродить, а зайти не смѣть, наконецъ швейцаръ, онъ ужасный дуракъ, и вѣчно съ заискивающими вопросами. Нѣтъ, нѣтъ!

— Да идите по черной лѣстницѣ.

— Ахъ, да, и въ самомъ дѣлѣ по черной, пожалуй, что и лучше.

По черной лѣстницѣ дверь въ квартиру Кожевникова была растворена настежь; чадъ отъ горѣлага масла валилъ изъ дверей на площадку лѣстницы, точно дымъ во время пожара. Петръ Ивановичъ едва пробрался въ этомъ чаду къ дверямъ, натолкнулся на какую-то грязную кадку и вошелъ въ полутемный корридоръ. Вдругъ слышитъ, кто-то громко и сердито говорить:

— Сто разъ вамъ что-ли внушать, Марья Ильинишна? Кажется, достаточно говорено, слѣдуетъ помнить. Ежели сказано вамъ, не чадите въ квартирѣ, значить и не должно этого.

Только тогда понялъ Петръ Ивановичъ, что это говоритъ Григорій Геннадіевичъ, когда, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ по корридору, встрѣтился съ нимъ лицомъ въ лицу. Григорій Геннадіевичъ былъ въ бѣлицемъ халатѣ и безъ всякихъ признаковъ болѣзни, въ видѣ на примѣръ компрессовъ на головѣ, завязанной щеки или чего-нибудь подобнаго. Лицо Григорія Геннадіевича въ тотъ моментъ, какъ онъ увидѣлъ Петра Ивановича, точно вытянулось и голова какъ - то странно поникла; онъ однако же скоро оправился и погладилъ обѣими руками свою громадную бороду.

— Ахъ, достопочтеннѣйшій мой... Гм... гм... проговорилъ онъ, не сводя пытливаго взгляда съ лица Петра Ивановича, — зачѣмъ же это вы по черной? Можно бы, полагаю, и по парадной... Гм... гм...

— Извините... отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, — я больше изъ предосторожности, чтобы звонкомъ не беспокоить; давеча утромъ дѣвушка сказала, что очень больны.

— Такъ-съ, такъ-съ, это точно... Дѣйствительно, что давеча

тяжеленько было... Теперь, благодареніе Господу, полегчало маленько. Пожалуйте-съ... Вотъ сюда.

Справедливость требуетъ однакоже замѣтить, что какъ ни искусно Григорій Геннадіевичъ придавалъ своему голосу тонъ слабый и болѣзненный, тонъ этотъ однакоже не удавался, и когда онъ провелъ Петра Ивановича къ себѣ въ кабинетъ, то нашелъ нужнымъ сказать еще нѣсколько объяснительныхъ словъ по поводу своего быстрого выздоровленія.

— Очень достаточно хорошо пошло мое выздоровленіе, сказалъ онъ,—хотя, признаться, еще и не совсѣмъ, но все-таки облегченіе значительное. Пожалуйте-съ, присядьте. Чайву позволите стаканчикъ?

— Нѣтъ, благодарю, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ и несовсѣмъ твердо добавилъ: я бы попросилъ васъ, если можно...

— Это вы на счетъ завѣщанія? прервалъ его Григорій Геннадіевичъ,—сейчасъ, сейчасъ. Признаться, я еще не совсѣмъ въ порядкѣ себя чувствую, но это не суть важное, одѣнусь потеплѣе и схожу въ кладовую. Но все же, какъ угодно, а стаканчикъ чайку выкушайте, безъ этого ужь никакъ невозможно. Очень хорошо знаю, что завѣщаніе вамъ необходимо представить въ судъ для утвержденія, но сегодня все равно ужь не успѣете. Давеча, признаюсь, нарочно хотѣлъ сходить, да вотъ съ домашними тутъ позамѣшался.

«Не понимаю, ничего не понимаю», изумлялся Петръ Ивановичъ, не смѣя однако же смотрѣть прямо въ глаза Григорію Геннадіевичу,—«навѣрное Стуловъ ошибается», думалъ онъ.

Но Григорій Геннадіевичъ, напротивъ, глазъ не сводилъ съ него и слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ.

— Марья Ильинишна! позвалъ онъ жену негромкимъ возгласомъ, какъ и подобало человѣку, выдававшему себя за больного, и, не дождавшись ея прихода, самъ пошелъ за ней.

«Ошибается Стуловъ! утѣшалъ себя Петръ Ивановичъ,—горитъ же Григорій Геннадіевичъ, что сейчасъ принесетъ завѣщаніе... Ахъ, поскорѣе бы принесъ! Гора бы съ плечъ свалилась».

На него повѣяло опять со всѣхъ сторонъ миромъ и покоемъ.

Огоньки передь лампадами, блестящія ризы образовъ, канарейка, чирикавшая въ клеткѣ — всё это ничуть не согласовалось съ тѣми подоврѣніями, которыя ввоздиль на Кожовникова Стуловъ. Къ довершенію мирной картины, жирный вотъ появился въ залѣ. Беззвучно шагая по бѣлымъ половикамъ, онъ, не торопясь, шелъ по направленію къ кабинету, но вдругъ, замѣтивъ Петра Ивановича, въ изумленіи остановился и нѣсколько приподнял хвостъ.

— Сейчасъ чай дадутъ, Петръ Ивановичъ, покорнѣйше васъ прошу садиться, пригласилъ Григорій Геннадіевичъ, появившись опять въ кабинетѣ. — Присядьте вотъ сюда, къ столику, тутъ по-свѣтлѣе, день-то, изволите видѣть какой — сумерки.

Горничная принесла на подносѣ два стакана чаю, Петръ Ивановичъ молча взялъ стаканъ и вспомнилъ, что въ этотъ день съ утра еще ничего не ѣлъ, тогда какъ времени прошло уже часа два за полдень; но онъ готовъ былъ пропустить даже нѣсколько сутокъ, лишь бы только избавиться отъ того душевнаго гнета, который имъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ. Григорій Геннадіевичъ предложилъ ему стулъ около своего письменнаго стола, а самъ сѣлъ съ боку на диванъ въ уголокъ. Неторопливо прикусывая сахаръ и едва касаясь губами своего чая, онъ глазъ не сводилъ съ Петра Ивановича и даже слышалъ, какъ онъ пыхтитъ, спѣша опорожнить свой стаканъ.

— Выкушайте еще, предложилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, покорно благодарю, торопливо отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, поднимаясь со стула.

Въ комнату опять вошла горничная съ подносомъ, слѣдившая изъ сосѣдней комнаты за тѣмъ, чтобы во время войти и взять стаканы.

— Не соблаговолите-ли? повторилъ Григорій Геннадіевичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю... ни... ни...

Григорій Геннадіевичъ поставилъ на подносъ и свой стаканъ, хотя онъ на половину не былъ допить.

— Больше не требуется, сказалъ онъ горничной, и когда она вышла, не торопясь, поднялся съ дивана и притворилъ дверь, отдѣлявшую кабинетъ отъ залы.

Петръ Ивановичъ стоялъ съ шапкой въ рукѣ, намѣреваясь идти вмѣстѣ съ Григоріемъ Геннадіевичемъ въ его кладовую. Онъ предполагалъ, что Григорій Геннадіевичъ для того и двери притворилъ, что хочетъ одѣться и замѣнить халатъ другимъ платьемъ; но вмѣсто того, чтобы одѣваться, Григорій Геннадіевичъ остановился около притворенной двери, оперся на нее спиной и, погладивъ свою длинную бороду, глубоко вздохнулъ.

— Вотъ-съ, Петръ Ивановичъ, наша жизнь земная! Н-да-съ!.. Тлѣнь, прахъ! Жилъ вотъ вашъ братецъ, покойничекъ Валеріянъ Ивановичъ, и теперича нѣтъ его, померъ—только и всего.

— Да, конечно... безсвязно отвѣтилъ Петръ Ивановичъ и посмотрѣлъ на карманные часы, давая этимъ деликатный намекъ Григорію Геннадіевичу на то, что пора ему идти въ кладовую.

Но Григорій Геннадіевичъ, хотя и замѣтилъ этотъ тонкій намекъ, но не перемѣнилъ своего положенія и только вздохнулъ, какъ бы подъ вліяніемъ все тѣхъ же грустныхъ мыслей о суетѣ земной жизни.

— Да-съ, изволите видѣть, какая, такъ сказать, юдожь плача вся эта наша толчея, добавилъ онъ, и вдругъ, приподнявъ голову, уставилъ сосредоточенный взглядъ на лицо Петра Ивановича.

— Извините, Григорій Геннадіевичъ, возразилъ Петръ Ивановичъ,—мнѣ бы нужно... Я съ утра изъ квартиры... Позвольте, если можно поскорѣе.

— Ахъ, да! Вы насчетъ того, завѣщанія... озабоченно перебилъ его Григорій Геннадіевичъ,—конечно, конечно, вамъ нужно... гм... гм... Ну, только вотъ видите, какое обстоятельство...

Онъ замаялся. Петръ Ивановичъ теперь въ свою очередь смотрѣлъ на него во всё глаза и ждалъ, что онъ будетъ еще говорить.

— Какое обстоятельство? глухо спросилъ Петръ Ивановичъ, чувствуя, что голосъ его обрывается.

— Обстоятельство, признаться, такое гм... гм... очень непри-
наго для меня сорту... не торопясь, отвѣтилъ Григорій Ген-
дѣевичъ:—да присядьте, пожалуйста, что вы стоите?

— Къ чему это?.. Я бы просилъ васъ... сдѣлайте одолженіе...

— Сейчас, сейчас, я сію минуту, отвѣтилъ озабоченно Григорій Геннадіевичъ, и вдругъ, растворивъ двери, пошелъ черезъ залу къ другимъ дверямъ, отдѣлявшимъ ее отъ передней. Притворивъ эти другія двери, онъ, не ускоряя шага, вернулся въ кабинетъ и опять повторилъ:— да присядьте, Христосъ съ вами, что вы перемонитесь.

Петръ Ивановичъ чувствовалъ, что сердце его начинаетъ болѣзненно сжиматься.

— Благодарю, отрывисто и нахмуривъ брови, возразилъ онъ, — я уже имѣлъ честь вамъ заявить, что спѣшу... Говорите пожалуйста, какія обстоятельства, въ чемъ?

Григорій Геннадіевичъ пытливо оглянулъ его, но, какъ видно, не придавъ никакого значенія его рѣзкому тону. Оставаясь по прежнему невозмутимымъ, онъ опустился на диванъ, на всегдашнее свое мѣсто въ его уголѣ и, закинувъ ногу на ногу, сталъ поглаживать бороду.

— Н-да-съ, вотъ она жизнь-то! Яко трава... снова началъ было онъ; но Петръ Ивановичъ прервалъ его.

— Что же вы это, Григорій Геннадіевичъ, какъ будто намѣренно задерживаете меня? Шутите что-ли?

— Нѣтъ, зачѣмъ же шутить? Я совсѣмъ напротивъ, видите-ли, какая статья-то...

Онъ оглянулся на дверь кабинета, которую тоже плотно притворилъ, и шопотомъ добавилъ:

— Вѣдь вотъ грѣхъ-то какой, Петръ Ивановичъ, случился, ужъ и не знаю, какъ вамъ сказать, чистая бѣда... знаете что, батенька мой, вѣдь завѣщаніе-то я гдѣ-то потерялъ...

Лицо Петра Ивановича вдругъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ; онъ хотѣлъ было прервать Григорія Геннадіевича на полусловѣ, но удержался.

— Потерялъ, родной, продолжалъ Григорій Геннадіевичъ, какъ бы не замѣчая его волненія;— мнѣ, признаюсь, тяжело вамъ было давеча объ этомъ сказать. Я тогда, второпяхъ-то, сунулъ ея въ владовую какъ будто, а нѣтъ, вышло совсѣмъ напротивъ... Оказалось, что сунулъ другую бумагу, а этой тамъ нѣтъ...

— Вы врете! вдругъ оборвалъ его Петръ Ивановичъ, все это ложь, нелѣпый, скверный вздоръ, я ни одному слову не вѣрю изъ этого вашего вранья.

Григорій Геннадіевичъ оглянулъ его съ ногъ до головы, потомъ приподнялся съ дивана, и только что Петръ Ивановичъ разошелся было съ своими упреками, онъ остановилъ его, сказавъ съ усмѣшкой:

— Эхъ, горячь больно... Что попусту кричать, знаешь пословицу: сердить да не силенъ, хи, хи!

Петръ Ивановичъ гнѣвно сверкнулъ глазами и, сильно возвысивъ голосъ, сказалъ еще что-то въ упрекъ Григорію Геннадіевичу, но невольно овладѣлъ собой, услышавъ новую, насмѣшливо сказанную имъ фразу о томъ, что завѣщаніе у него и что онъ можетъ съ нимъ распорядиться, какъ хочетъ.

— Не кипятись, братъ, Петръ Ивановичъ, продолжалъ Григорій Геннадіевичъ, этимъ немного возьмешь и вреда никому отъ этого, окромя себя. А ты лучше вотъ что: миромъ... Слышишь, по любовному...

И Григорій Геннадіевичъ, не торопясь, сталъ излагать тѣ условія, на которыхъ онъ готовъ былъ возвратитъ попавшее ему въ руки завѣщаніе.

Петръ Ивановичъ долго крѣпился, брови его хмурились, лицо то блѣднѣло, то наливалось кровью; онъ нѣсколько разъ прерывалъ Григорія Геннадіевича на полусловѣ, рѣзкими возраженіями, но тотъ невозмутимо продолжалъ свое:

— погоди, Петръ Ивановичъ, не горячись, выслушай сначала.

— Это возмутительно! Я слышать не хочу!

— Да ужъ хочешь—не хочешь, а выслушать надо. Дѣло чистое, вотъ ежели бы я поѣхалъ на ту, то есть на княжескую сторону, вотъ тогда бы я дѣйствительно неправильно поступилъ. Этого нельзя, не имъ завѣщано, а вамъ. Значитъ, кому слѣдуетъ, тому и *отдать* нужно, ну только я такъ безъ вознагражденія, задаромъ *отдамъ*.

— А полиція, полицейскій актъ, вы забыли объ этомъ? угро-

жающе воскликнуть Петръ Ивановичъ,—а? Вы объ этомъ не подумали?

— Какъ не подумать, что ты, голубчикъ, безъ этого нельзя... Пожалуй, если хочешь, я самъ пошлю за полиціей — составимъ протоколъ, вотъ такъ и такъ, утратилъ завѣщаніе, не знаю гдѣ... Ну, вѣдь только тебѣ-то будетъ невыгодно, это я очень хорошо понимаю. Тогда вѣдь ни шиша тебѣ не достанется.. Нѣтъ, лучше ты подѣлись со мной, голубчикъ, дай и мнѣ кусочекъ; подумай, вѣдь ты полмилліона получишь, что тебѣ значить дать... ну хоть семьдесятъ пять тысячъ... Можно векसेлекъ — и подождать. Это не суть важное дѣло.

— Это подлость, это низость! закричалъ Петръ Ивановичъ, лишившись наконецъ самообладанія, — я никогда ни на какія сдѣлки не соглашусь. Не хотите отдавать—не отдавайте, ступайте къ князьямъ... Посмотримъ, удастся-ли! Помните, что не при васъ однихъ составлялось завѣщаніе! Да! Помните это!

Онъ рванулъ ручку двери, скоро прошагалъ черезъ залу и обѣими руками распахнулъ дверь въ переднюю. Григорій Геннадіевичъ стоялъ въ дверяхъ кабинета и не безъ улыбки смотрѣлъ ему вслѣдъ. Петръ Ивановичъ схватилъ съ вѣшалки свое мѣховое пальто и, даже не одѣвая его въ рукава, быстро вышелъ изъ квартиры Кожевникова, захлопнувъ за собою дверь. Но только теперь, очутившись на площадкѣ лѣстницы, онъ пришелъ въ себя и вспомнилъ о томъ, какіе совѣты давалъ ему Стуловъ.

«Что же это я надѣлалъ, какъ же теперь быть?» думалъ онъ.

XXIII.

— Ахъ, батюшки свѣты, что такое случилось, Григорій Геннадіевичъ? что же это онъ, какъ хлопнулъ дверью-то? У меня подъ сердцемъ ровно что оборвалось. Что же это, не пугайте, голубчикъ мой, скажите, Григорій Геннадіевичъ.

Такъ заговорила Марья Ильинишна, идя торопливыми шагами на встрѣчу мужу, вышедшему въ переднюю тоже, какъ видно, подъ впечатлѣніемъ сильнаго удара двери.

— И чтой-то онъ такъ закричалъ вдругъ? Я ужь опять подумала, не горимъ-ли, Григорій Геннадіевичъ.

— Дура! коротко отвѣтилъ онъ.

Марья Ильинишна вдругъ понизила тонъ и тихо, почти шопотомъ сказала:

— Очень я пужлива и пожару до страсти боюсь, Григорій Геннадіевичъ.

— Это хорошо. Осторожнѣе будешь по дому, а бросаться, сломя голову, и визжать — дѣло вовсе не похвальное... Мало-ли что чловѣкъ выпивши скажетъ. И дверь потому громыхнулъ, что пьянъ. Чай слышала—поминки сегодня у нихъ. Воснулся видно чарочки порядочно, ну и должна понимать.

— Потому, значить, онъ и по черной лѣстницѣ пробрался сюда, собразила Марья Ильинишна.

— Само собой!

— То то я смотрю давеча, что онъ какъ будто не въ своемъ умѣ, думаю, не выпивши ли онъ въ самомъ дѣлѣ.

— Догадалась, заключилъ Григорій Геннадіевичъ и пошелъ назадъ къ себѣ въ кабинетъ.

Петръ Ивановичъ въ это время былъ уже у Стулова. Стуловъ, не смотря на то, что заранѣе ясно предугадывалъ намѣренія Кожевникова, все таки испуганно отшатнулся отъ Петра Ивановича, когда онъ сказалъ ему, что Григорій Геннадіевичъ завѣщанія не возвращаетъ. Долго они потомъ оставались въ неопредѣленномъ положеніи, не зная, о чемъ имъ говорить. Петръ Ивановичъ сильно ослабѣлъ. Опустившись на диванъ, онъ сидѣлъ, склонивъ голову къ его спинкѣ и закрывъ глаза. Стуловъ молча шагалъ по комнатѣ, сжимая свои жилистые руки одна въ другой и изрѣдка взглядывая на Петра Ивановича. Онъ и сердился, и въ то же время задавался такими утѣшающими предположеніями, что, можетъ быть, рѣзкая размолвка, происшедшая между Григоріемъ Геннадіевичемъ и Петромъ Ивановичемъ, послужитъ даже на пользу при осуществленіи задуманнаго имъ плана. Въ чемъ заключался этотъ планъ, зналъ пока только одинъ Стуловъ.

Потомъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго молчанія, Петръ Ивановичъ сказалъ:

— Глаза какіе у него отвратительные!

Стуловъ ни слова на это не отвѣтилъ, только покосился на него и вдохнулъ, занятый своими соображеніями.

— И съ какимъ спокойствіемъ онъ говорилъ, низкій человекъ!

— Травленный волкъ! глухо отвѣтилъ Стуловъ.

Петръ Ивановичъ уныло покачалъ головой, видимо въ отвѣтъ на свои собственныя мысли, даже какъ будто въ порицаніе самому себѣ за то, что «погорячился», и потомъ закрылъ лицо обѣими руками, точно желая избавиться отъ тревожившихъ его воспоминаній о Кожевниковѣ. Спустя нѣсколько времени, онъ приподнялся съ дивана, подошелъ къ окну и открылъ форточку.

— Душно, сказалъ онъ, не отходя отъ окна.

— Не простудитесь—сыро, однотонно замѣтилъ Стуловъ.

— Ахъ, все равно! Такая кругомъ подлость, что, ей Богу, не стоитъ объ этомъ заботиться.

Однакожь онъ отошелъ отъ форточки и снова опустился на диванъ.

Короткій зимній день уже оканчивался, и въ противоположныхъ окнахъ квартиръ, выходящихъ во дворъ дома Лачужникова, стали уже кое-гдѣ появляться огоньки. Стуловъ все еще продолжалъ рассказывать по комнатѣ, впрочемъ теперь уже онъ не молчалъ и изрѣдка обмѣнивался съ Петромъ Ивановичемъ нѣсколькими словами.

— Нечего дѣлать, Петръ Ивановичъ, сказалъ онъ, смирился...

— Что-жь изъ этого?

— Ничего пока... подождемъ...

— Но къ чему, какая цѣль?

Стуловъ остановился, посмотрѣлъ на него уже не тѣмъ кроткимъ, уступчивымъ взглядомъ, какимъ смотрѣлъ нѣсколько дней тому назадъ, когда впервые узналъ о томъ, что завѣщаніе Валерьяна Ивановича попало къ Кожевникову. Теперь онъ не скрывалъ предъ нимъ своего превосходства въ знаніи жизни и, не

стѣсняясь, ставилъ себя на первое мѣсто въ предстоящемъ рѣшеніи ихъ дѣла съ Григоріемъ Геннадіевичемъ.

— Вы интересуетесь знать, Петръ Ивановичъ, что можетъ произойти изъ нашего смиренія? переспросилъ онъ.

— Да.

— Гм... гм... Вотъ что я вамъ скажу, — смиреніе есть добродѣтель... Впрочемъ говорятъ, что оно въ томъ только случаѣ добродѣтель, когда при этомъ нѣтъ у человѣка другихъ добродѣтелей. Гм... гм... нечего дѣлать... Потерпимъ...

— Но что-жъ дальше?

— Гм... гм... Терпѣніе!.. Терпѣніе тоже добродѣтель.

Въ комнатѣ почти не видно стало предметовъ. Петръ Ивановичъ, продолжавшій сидѣть на диванѣ, уже казался Стулову какою-то огромною темною массой, и только лысина его еще не слилась съ общей темнотой и отражала на себѣ послѣдніе остатки погасавшаго дневнаго свѣта.

— Велите пожалуйста дать что-нибудь поѣсть, хоть молока съ хлѣбомъ: я голоденъ, попросилъ Петръ Ивановичъ.

— Сейчасъ.

Они сѣли потомъ рядомъ на диванъ и долго шептались.

Когда наконецъ Петръ Ивановичъ собрался домой, Федоръ Прохоровичъ шепнулъ ему еще разъ:

— Только молчите. Ради Бога, молчите. Дѣло принимаетъ такой скверный оборотъ, что надо быть на сторожѣ каждую минуту.

Возвращался отъ него Петръ Ивановичъ, когда на дворѣ уже стояла ночь. Уличные фонари едва мелькали въ сыромъ туманѣ. Снѣгъ таялъ, и по лужамъ грязной воды шлепались извозничьи лошаденки; кареты, громяхая колесами по обнажившимся камнямъ мостовой, обдавали грязью прохожихъ; Петръ Ивановичъ, сторбившись, сидѣлъ въ извозничьихъ саншкахъ и не замѣчалъ окружавшей его уличной суеты. «Братъ! братъ! тоскливо думалъ онъ, зачѣмъ ты меня запуталъ въ свои дѣла!»

По возвращеніи домой на Выборгскую, сынъ встрѣтилъ его замѣчаніемъ.

— Однако, родитель, вы таки загулялись тамъ, на поминкахъ-то!

— Да, братъ, загулялся, грустно отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, проходя въ нейтральную комнату.

На столѣ передъ диваномъ стояла лампа и около нея большой микроскопъ, за которымъ сидѣлъ Яковъ Петровичъ до прихода отца.

— Занятный, надо полагать, былъ обѣдъ, если такъ долго затаился, замѣтилъ Яковъ Петровичъ, усаживаясь опять къ микроскопу и перебирая стеклянныя пластинки съ какими-то кровавыми на нихъ пятнышками.

Не отвѣчая на вопросъ сына, Петръ Ивановичъ самъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что это ты разсматриваешь?

— Давеча вскрывалъ одного тифознаго, такъ вотъ любопытствую насчетъ кой-чего... Нѣтъ, вы однако скажите, занятно ли было на обѣдѣ? Что-то вы, какъ будто, нѣкоторое сходство съ мокрой курицей получили...

Петръ Ивановичъ на это замѣчаніе ничего не отвѣтилъ и ушелъ къ себѣ въ комнату. Сынъ приподнялъ глаза отъ микроскопа, посмотрѣлъ на дверь отцовской комнаты, которую Петръ Ивановичъ, уходя, затворилъ за собой, и сталъ что-то тихонько напѣвать себѣ подъ носъ, углубившись опять въ свои изслѣдованія.

XXIV.

Съ этого дня Петръ Ивановичъ рѣзко оборвалъ свои отношенія не только къ Кожевникову, но и вообще ко всему дѣлу о наследствѣ послѣ брата. Онъ отодвинулся на второй планъ, что, конечно, давно бы слѣдовало ему сдѣлать, какъ для своего собственного спокойствія, такъ и вообще для болѣе успѣшнаго хода дѣла. Онъ предоставилъ Стулову вести переговоры съ Кожевниковымъ — открыто или секретно — какъ ему заблагоразсудится, и уполномочилъ его законною довѣренностью на «хождение» въ случаѣ надобности по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ для защиты его, Петра Лалуж-

никова, интересовъ, и притомъ далъ ему право на передачу этой довѣренности другому лицу по собственному усмотрѣнію. Словомъ, нашелъ наконецъ въ вѣмъ опытнаго и вѣрнаго совѣтника, и говорилъ потомъ, что съ этого времени «свѣтъ увидѣлъ». Стуловъ, наоборотъ, дѣлался съ каждымъ днемъ не то чтобы мрачнѣе и заботливѣе, а вѣрнѣе сказать—сердитѣе. Выскательнымъ по управленію домою бывалъ онъ всегда; но какимъ сдѣлался послѣ похоронъ Валерьяна Ивановича и въ особенности послѣ того, какъ сошелся съ Петромъ Ивановичемъ— такимъ ни жильцы, ни дворники дома Лачужникова никогда еще его не видывали. Онъ почему-то вдругъ напустилъ на себя необыкновенную важность и строгость по отношенію къ бѣднымъ квартирантамъ дома. Чѣмъ они ему такъ досадили, Богъ его знаетъ; но изумительнѣе всего было то, что, не соглашаясь ни на какія уступки, онъ рѣзко и даже съ несвойственною ему грубостью потребовалъ выѣзда изъ дома Лачужникова одной бѣдной вдовы, квартира которой находилась рядомъ съ его собственной квартирой.

Но нагоняя страхъ на бѣдныхъ жильцовъ, онъ, оставаясь наединѣ съ самимъ собой, какъ то ехидно ухмылялся и потиралъ руки, видимо въ предвкушеніи какихъ-то удачъ.

Процессъ дѣйствительно уже начался, хотя еще духовнаго завѣщанія отъ Григорія Геннадіевича не было получено. Началъ этотъ процессъ князь Павелъ Модестовичъ. Онъ, отъ лица Викторіи Александровны и Сережи, подалъ прошеніе въ окружный судъ, заявляя ихъ права, какъ единственныхъ законныхъ наследниковъ, на оставшееся послѣ покойнаго Валерьяна Ивановича имущество. При этомъ онъ указалъ, что статскій совѣтникъ Петръ Ивановичъ Лачужниковъ заявляетъ предъ его довѣрителями свои «якобы» права на наследство послѣ умершаго Валерьяна Ивановича, который приходится ему роднымъ братомъ; но что онъ, Петръ Лачужниковъ, правъ этихъ имѣть не можетъ на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей закона. Указывая на эти статьи, Павелъ Модестовичъ со свойственною ему дипломатическою тонкостью замѣтилъ, что хотя означенный статскій совѣтникъ, «совмѣстно» съ нѣсколькими своими единомышленниками, распространяетъ слухъ, что будто бы покойный

Валерьянъ Ивановичъ составилъ въ день смерти своей духовное завѣщаніе и собственноручно, будто бы, его подписалъ; но что слухъ этотъ и самое духовное завѣщаніе, «еслибы такое существовало», не могутъ быть признаны заслуживающими вниманія, ибо жена и сынъ покойнаго и такіе-то свидѣтели, въ числѣ столькихъ-то человѣкъ, могутъ въ случаѣ надобности доказать, что въ означенный день своей смерти покойный Лачужниковъ съ разсвѣта дня впалъ въ состояніе агоніи и находился въ ней до послѣдней минуты жизни, окончившейся въ такомъ-то часу. Изъ этого «явствовало», по заключенію Павла Модестовича, что покойный Лачужниковъ не могъ составить завѣщанія въ день смерти. Далѣе Павелъ Модестовичъ тонко намекнулъ, что хотя статскій совѣтникъ Петръ Ивановичъ Лачужниковъ и заявилъ его довѣрителямъ, что будто бы имѣеть духовное завѣщаніе отъ покойнаго своего брата, но однако же почему-то не представляетъ этого завѣщанія въ судъ для надлежащаго разсмотрѣнія и утвержденія, а задерживаетъ его у себя, изъ чего слѣдуетъ, что онъ, Петръ Лачужниковъ, распространяя слухи о завѣщаніи и не представляя его въ судъ, руководствуется какими-то совершенно необъяснимыми и въ высшей степени подозрительными цѣлями. «А потому, имѣя въ виду и на основаніи...» и т. д. и т. д.

Это прошеніе въ судъ, послужившее началомъ процесса, было подано почему-то не постороннимъ адвокатомъ, а, какъ сказано выше, самимъ княземъ Павломъ Верхотуровымъ.

Слышно было, что произошла какая-то непріятная исторія у княгини Елены Модестовны съ адвокатомъ; но въ чемъ именно заключалась эта исторія, никто изъ подписавшихъ духовное завѣщаніе и ни Петръ Ивановичъ не знали, да, по правдѣ сказать, и не интересовались знать, такъ какъ не подозрѣвали никакой разницы въ томъ, кто даетъ направленіе ходу процесса. Только Стуловъ, передавая Петру Ивановичу извѣстіе, что процессъ ведется самимъ княземъ безъ помощи адвоката, съ усмѣшкой замѣтилъ: «А воешь съ этимъ справимся». Само собой разумѣется, Петръ Ивановичъ ничуть не испугался прошенія князя Павла и былъ совершенно увѣренъ, что его правое дѣло ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть

STANFORD UNIVERSITY

преиграно, «далъ бы только Богъ вырвать изъ рукъ Григорія Геннадіевича завѣщаніе покойнаго брата».

XXV.

Однакожь прошло уже дней пять—шесть со времени подачи прошенія княземъ Павломъ въ судъ, а духовнаго завѣщанія отъ Григорія Геннадіевича все еще не было получено. Адвокатъ со стороны Петра Ивановича указывалъ на необходимость немедленно — же представить въ судъ это духовное завѣщаніе или же заявить, что оно передано было покойнымъ купцу Кожевникову при такихъ-то обстоятельствахъ и такихъ-то свидѣтеляхъ и требовать отъ него завѣщаніе черезъ судъ; но Федоръ Прохоровичъ настаивалъ на своемъ и убѣдительно уговаривалъ и Петра Ивановича, и адвоката (когда они всѣ трое тайно совѣщались въ квартирѣ адвоката) отложить дѣло еще на нѣсколько дней по причинѣ какихъ-то особыхъ соображеній, не бывшихъ еще, какъ говорилъ Стуловъ, готовыми къ окончательному своему осуществленію. Понятно, что они сосредоточивались главнымъ образомъ на его отношеніяхъ къ Григорію Геннадіевичу Кожевникову, котораго онъ, въ особенности въ первый вечеръ послѣ его размолвки съ Петромъ Ивановичемъ, выслѣживалъ, какъ звѣря на охотѣ, и, можно сказать, не спускалъ съ него глазъ, повѣряя свои догадки на счетъ предполагаемаго его образа дѣйствій, то есть, побоится ли онъ сношеній съ княжеской родней или будетъ искать ихъ. Онъ убѣдился наконецъ, что Григорій Геннадіевичъ колеблется, и что можно сдѣлать «первый ходъ». Кожевниковъ, разумѣется, закупорился самъ въ себя такъ плотно, что, какъ говорится, «комаръ носу не подточить»; однако Стуловъ замѣтилъ, что онъ доволенъ «его ходомъ» — и такимъ образомъ игра началась. Она приняла сразу таинственный характеръ, чего собственно и желалъ Стуловъ. Эта таинственность немало удивляла простодушную Марью Ильинишну, не разъ имѣвшую случай подмѣчать, что Стуловъ ходитъ къ ея мужу не спрашивая и что, съ приходомъ его, Григорій Геннадіевичъ затворяетъ почему-то двери изъ передней въ залу и изъ залы въ кабинетъ. Она

догадывалась, что они въ кабинетѣ непременно о чемъ нибудь шепчутся, а о чемъ именно—узнать не могла, не смотря на страстное желаніе подслушать «хотя бы одно словечко». Еслибы Петръ Ивановичъ какъ нибудь случайно могъ услышать тоже «хотя бы одно словечко» изъ разговоровъ Ѳедора Прохоровича съ Григоріемъ Геннадіевичемъ, то, пожалуй бы, задумался: не обманываетъ-ли его Стуловъ и не хочетъ ли онъ тоже что нибудь сорвать въ свою пользу изъ богатствъ умершаго Вадерьяна Ивановича. И въ самомъ дѣлѣ Стуловъ сталъ просить десять тысячъ рублей себѣ за хлопоты.

— Гм... десять тысячъ! Сумма, братъ, не малая и заламываешь ты, парень, многолько, отвѣчалъ Григорій Геннадіевичъ;— ну, положимъ, ты меня примиришь съ Петромъ Ивановичемъ, а сколько же онъ мнѣ дастъ?

— А вамъ тридцать.

— Какъ, только-то? Нѣтъ, братъ, шалишь, себѣ дороже.

— Да развѣ мнѣ жаль, Григорій Геннадіевичъ? я бы готовъ вамъ дать хоть двѣсти тысячъ, убѣждалъ Стуловъ, — подумайте, съ чего я буду жалѣть; но вѣдь нѣтъ никакой возможности уговорить Петра Ивановича: и руками и ногами отбивается.

— Нѣтъ, ужь какъ хочешь, а тридцати не возьму и десяти не дамъ. Такъ и скажи, что крайняя цѣна пятьдесятъ, меньше ни копейки.

Дошептались они, наконецъ, до того, что дѣло какъ будто стало «слаживаться». По словамъ Ѳедора Прохоровича, Петръ Ивановичъ соглашался выдать Григорію Геннадіевичу вексель въ 35 тысячъ рублей на полгода срокомъ, если Григорій Геннадіевичъ возвратитъ завѣщаніе. Стуловъ, кажется, всего болѣе тѣмъ и выигралъ, что заботливо отстаивалъ свои собственные интересы и высказывалъ крайнее недоувѣріе къ Григорію Геннадіевичу.

— Какъ угодно, Григорій Геннадіевичъ, шепталъ онъ, пугливо оглядываясь на двери, — какъ угодно, пусть пропадаетъ все дѣло, а я себя въ дуракахъ оставить не хочу.—Я, Григорій Геннадіевичъ, знаю, продолжалъ онъ, я знаю, что вамъ только съ Петромъ Ивановичемъ и можно сойтись... Съ княжеской родней идти

на сдѣлку опасно... Да-съ. Тоже и мы не безъ разсудка — вотъ что! И притомъ вамъ очень хорошо извѣстно, что Петра Ивановича нескоро уломаешь... Попробуйте-ка, поговорите еще съ нимъ.

Григорій Геннадіевичъ оглядывалъ его, такъ сказать, съ высоты своего спокойствія и въ это время думалъ: «Какая однако-жь шельма, а вѣдь я считалъ его за честнаго человѣка. Нѣтъ, погоди, голубчикъ, ты меня не осѣдлаешь, а лучше я самъ осѣдлаю тебя».

Въ этотъ же вечеръ Григорій Геннадіевичъ самолично отправился къ Петру Ивановичу на Выборгскую, чтобы окончательно рѣшить дѣло «съ глазу на глазъ, безъ посредничества Стулова». Но однако-жь со стороны Федора Прохоровича возможность этого визита давнымъ давно была предусмотрѣна, и когда Григорій Геннадіевичъ появился въ нейтральной комнатѣ квартиры Лачужниковыхъ, Петръ Ивановичъ къ нему не вышелъ и, нарочно, сердито (какъ училъ Стуловъ) крикнулъ на Якова Петровича, когда онъ ему сказалъ о приходѣ Кожевникова.

— Поди вонъ! Я не имѣю никакого отношенія къ Кожевникову и знать его не хочу.

Яковъ Петровичъ, ничего, конечно, не вѣдавшій о томъ, какую игру ведутъ его отецъ и Стуловъ съ Кожевниковымъ, вышелъ къ нему въ смущеніи.

— Вы не ошиблись-ли, спросилъ онъ, поправляя свои очки, — можетъ быть, вамъ указали не на отца моего, а на меня, какъ на доктора... Это бываетъ...

— Да, я дѣйствительно маленько перепуталъ... Это точно что такъ, отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ и замолчалъ, искоса всматриваясь въ Якова Петровича.

— Что-жь, если очень нужна помощь, то пожалуй... хотя... Гм... гм... Трудный больной?

Григорій Геннадіевичъ продолжалъ молчать, поглаживая бороду и видимо колеблясь, не попробовать ли еще попросить Петра Ивановича на счетъ свиданія; но, должно быть, ему вспомнился рѣзкій тонъ его отвѣта, и онъ, смотря въ полъ, сказалъ:

— Нѣтъ-съ, немножечко не то... Я признаться, самъ виновать... Прощенія просимъ.

— Родитель! что сей сонъ означаетъ? крикнулъ Яковъ Петровичъ, когда за Кожевниковымъ затворилась дверь въ переднюю.

— Отстань отъ меня, я почему знаю!

— Чудеса! заключилъ Яковъ Петровичъ, а еще говорятъ, что въ наше время нѣтъ чудесъ! Положительно чудеса!.. Насколько могу подмѣчать, они стали совершаться у насъ въ квартирѣ именно со дня смерти вашего достопочтеннаго брата...

Петръ Ивановичъ ничего на это не отвѣтилъ и даже не вышелъ изъ своего уединенія въ нейтральную комнату, сознавая, что ему трудно будетъ хранить тайну.

XXVI.

На слѣдующій день утромъ, въ квартирѣ Стулова появились столеры (для поправки будто бы мебели) и, по уходѣ ихъ, письменный столъ изъ зальца, гдѣ онъ стоялъ раньше, оказался перенесеннымъ въ маленькую комнату, раздѣлявшуюся на двѣ половины портьерой, за которой помѣщалась кровать Федора Прохоровича. Когда потомъ, послѣ перестановки мебели, пришелъ въ Стулову старшій дворникъ и попросилъ ключъ отъ квартиры, гдѣ жила бѣдная вдова, чтобъ показать эту квартиру кому-то желавшему ее нанять, Федоръ Прохоровичъ отвѣтилъ, что квартира уже сдана. Часъ—другой спустя, онъ уже сидѣлъ опять у Григорія Геннадіевича въ кабинетѣ и, не стѣняясь, обсуждалъ его неудавшуюся поѣздку на Выборгскую.

— Я человекъ бѣдный, Григорій Геннадіевичъ, говорилъ онъ, но какъ угодно, въ обиду не дамъ. Ежели вы меня обходите—ваше дѣло, ну только и вы тоже немного отъ этого получите. Попробовали вѣдь—теперь сами видите... Я, повѣрьте, знаю очень хорошо Петра Ивановича, знаю, какъ съ нимъ нужно говорить, въ этомъ и вся моя тайна. Дадите десять тысячъ—сведу васъ съ нимъ, и все устроится какъ слѣдуетъ. Я и бумаги вексельной при-

готовлю. Онъ вамъ вексель на тридцать пять тысячъ дастъ, а вы мнѣ на десять. Но только тайно отъ него, Боже сохрани!

— Ловкачь ты, первостатейный ловкачь! похваливалъ Григорій Геннадіевичъ, не сводя глазъ съ Федора Прохоровича. — Вексель, говоришь ты; ну, а если ты, взявши вексель, да мнѣ ничего не устроишь—тогда какъ?

— А вы напишите на векселѣ время его выдачи за недѣлю впередъ, и если я не сведу васъ съ Петромъ Ивановичемъ, то завтра же можете заявить, что никакихъ, молъ, дѣлъ съ Федоромъ Стуловымъ не имѣю и требую, чтобы онъ, какіе имѣетъ отъ меня по сіе число обязательства, векселя, заемныя письма и тому подобное, представилъ бы для окончательнаго расчета къ нотариусу, не взирая ни на какіе сроки ихъ. Понятно-съ?

— Очень понятно! даже превосходно, хорошо понятно, задумчиво отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ. — Ну, только скажи мнѣ вотъ что: какъ же это такъ, этотъ самый ученый человекъ, лысая его голова, лично со мной говорить не хочетъ, а черезъ тебя въ судѣлу входитъ? Что же у него амбиціи что-ли много?

— Чудакъ онъ—и только!

— Да вѣдь завѣщаніе-то у меня, что-жъ чудить-то, какой резонъ! Хлопнулъ въ прошлый разъ здѣсь дверями такъ, что стѣны задрожали. А чего этимъ достигъ? Не соблюлъ никакого интереса, только дѣло затянулъ. И вчера тоже; барства больно много въ немъ.

— Да, есть таки...

— Но только; братъ, какъ хочешь, поладимъ мы съ тобой или не поладимъ, а только я къ нему больше не поѣду...

Федоръ Прохоровичъ даже со стула привсочилъ отъ этой фразы.

— Что вы говорите? изумленно зашепталъ онъ, помигуйте, да неужели вы думаете, онъ къ вамъ поѣдетъ? Боже сохрани!.. Да ни за что!

— Ну и я, братъ, тоже... не очень-то къ нему поѣду.

— А иначе, Григорій Геннадіевичъ, ничего не выйдетъ, и дѣло расклевается.

Такъ «для отвода глазъ» велъ Федоръ Прохоровичъ разговоръ о необходимости ѣхать имъ обоимъ къ Петру Ивановичу на Выборгскую, и потомъ, когда была уже какъ-бы потеряна всякая надежда на возможность уговорить Григорія Геннадіевича на эту поѣздку, Стуловъ предложилъ устроить его свиданіе съ Петромъ Ивановичемъ у себя въ квартирѣ.

Григорій Геннадіевичъ повосился на него.

— Къ тебѣ? переспросилъ онъ.

— Да-съ... Отчего-же? Посмотрите, по крайности, какъ я вѣкъ свой воротаю, въ какомъ уютномъ уголкѣ.

— Та-акъ-съ! То есть, значить, посѣтить... Гм... гм...

— Да-съ, доставите, могу сказать, большое удовольствіе.

— Понимаю я. Очень хорошо понимаю...

— Покорнѣйше прошу.

Григорій Геннадіевичъ кашлянулъ, потомъ потеръ свой открытый лобъ всей пятерней правой руки и, хмуро смотря въ полъ, сказалъ:

— Нѣ-ѣтъ, нѣтъ... Зачѣмъ-же...

— То есть какъ это?..

— Да лишнее дѣло, и больше ничего...

Федоръ Прохоровичъ вдругъ почувствовалъ, что у него передернуло углы рта и сердце вдругъ такъ сжалось, точно перестало биться.

— Вотъ что я скажу тебѣ, Федоръ Прохоровичъ, продолжалъ Григорій Геннадіевичъ,—ты со мной въ жмурки-то не играй, да! Это, братъ, дѣло пустое.

Федоръ Прохоровичъ бойко встряхнулъ головой, откинувъ спустившіяся на лобъ волосы и смѣло взглянулъ прямо въ глаза Григорію Геннадіевичу, хотя у самого въ этотъ моментъ поджилки дрогнули.

— Какъ въ жмурки? спросилъ онъ,—что это значить?

— Да, признаться, не особенно чтобы такое хитрое, а то есть я на счетъ того, что нечего обиняками говорить... Зовешь въ гости въ себѣ, а замѣсто того, на умѣ другое. Просто за просто хочешь показать, что у меня, молъ, безопасно...

— А хотя-бы и такъ, положимъ... Что же въ этомъ, Григорій Геннадіевичъ, дурнаго?

— Ничего, но только идти къ тебѣ теперь не зачѣмъ. Какъ говорится: будетъ рожь, будетъ и мѣра.

Федоръ Прохоровичъ едва удержался отъ глубокаго вздоха, чувствуя, что гора сваливается съ плечъ. Но послѣ этого разговора они еще долго не могли «сторговаться». Стуловъ намѣренно тянулъ переговоры, чтобы не дать какъ нибудь повода къ подозрѣніямъ, и такъ наконецъ надоѣлъ Григорію Геннадіевичу, что тотъ даже съ гнѣвомъ взялъ изъ его рукъ заранѣе приготовленный вексельный листъ на десять тысячъ и, подписавъ его, сердито сказалъ:

— На, получай!

— Покорнѣйше благодарю.

— Ну, какой же ты, братъ, Федоръ Прохоровичъ, липкій, пристаешь такъ, что и не отодрать.

Вечеромъ, въ назначенный часъ, Григорій Геннадіевичъ дѣйствительно пришелъ въ квартиру Федора Прохоровича. Петръ Ивановичъ сидѣлъ уже тамъ, въ маленькой комнатѣ около письменнаго стола. Григорій Геннадіевичъ вошелъ степенно, помолился на передній уголъ и, войдя потомъ въ маленькую комнату, гдѣ сидѣлъ Петръ Ивановичъ, сдѣлалъ ему такой поклонъ, какъ будто бы между ними никогда никакихъ столкновеній не происходило.

— Погода, доложу вамъ, преужаснѣйшая, обратился онъ къ Стулову, не то осень, не то великое говѣнье.

— Да, погода скверная, подсказалъ Стуловъ.

Григорій Геннадіевичъ, медленно поглаживая бороду, оглянулъ стѣны и потолоки комнатъ. Петръ Ивановичъ рѣшительно терялся и не зналъ, какъ себя держать. Отвѣтивъ молчаливымъ поклономъ на поклонъ Григорія Геннадіевича, онъ остался на своемъ мѣстѣ у стола, продолжая перелистывать какую-то книгу.

— Да-съ, у васъ квартира маленькая, продолжалъ Григорій Геннадіевичъ,—а между тѣмъ ничего, жить можно. И потолоки, знаете, не то, чтобы очень низко, все въ мѣру... Хорошій былъ хозяинъ покойничекъ Валерьянъ Ивановичъ, — дай Богъ ему цар-

ство небесное, хороший былъ хозяинъ... Кажись, девятый день уже прошелъ послѣ смерти?

— Да, прошелъ уже...

— Время идетъ день за днемъ, все къ смерти ближе. Такъ-съ такъ!.. Ничего, квартирка порядочная.

— Мнѣ лучше и не нужно. Двѣ комнаты довольно.

— За глаза! Это что говорить, одинокому-то, еще бы!

— А вотъ здѣсь, Григорій Геннадіевичъ, моя спальня, продолжалъ Стуловъ, предлагая Григорію Геннадіевичу слѣдовать за собой.

— Хорошо... За портьерой спальня всегда хорошо, похвалилъ Григорій Геннадіевичъ, — только зачѣмъ же у васъ здѣсь двѣ свѣчи горять, и даже платяной шкафъ открыть и подъ кроватью все видно... Гм... гм... Это ужъ по моему совершенно излишне.

— Да, это, я признаюсь... Гм... гм...

Они поняли другъ друга.

Федоръ Прохоровичъ загасилъ свѣчи и, притворивъ двери шкафа, вышелъ вслѣдъ за Григоріемъ Геннадіевичемъ черезъ залу въ кухню.

— А кухарочку проводили? шепнулъ Григорій Геннадіевичъ.

— Да.

— Гм... гм... покашлялъ онъ. Что-жъ, ничего, кухня чудесная, чисто такъ... Только что это, братецъ ты мой, добавилъ онъ, понизивъ голосъ, что это баринъ-то тамъ сопить тяжело, — не въ мѣру, братъ, толстъ онъ...

— Да, это правда, онъ тяжеленекъ...

— А ты вотъ, извини, ростомъ маловатъ и жиженекъ... Я хоть и не молодъ, признаться, а если понадобится, то я изъ васъ и дровъ наколю, и лучины нащеплю.

Федоръ Прохоровичъ молча пожалъ плечами. Онъ понялъ, что Григорій Геннадіевичъ «предостерегаетъ».

Потомъ тоже, какъ бы мимоходомъ оглянувъ входную дверь и убѣдившись, что она заперта на крючекъ, Григорій Геннадіевичъ вошелъ снова въ залу и сразу переимѣнилъ тонъ.

— Ну-съ, такъ что-же время терять понапрасну; вамъ, Петръ

Ивановичъ, надо въ какое-то засѣданіе, а мнѣ по своимъ дѣламъ нужно, такъ давайте поскорѣ покончимъ наши расчеты. Вамъ говорилъ Ѳедоръ Прохоровичъ объ условіяхъ?

— Да, говорилъ...

— Согласны значить?..

— Да... Что-жъ дѣлать, если вы ужь такъ настойчиво требуете, я пожалуй...

— Сядьте вотъ сюда Григорій Геннадіевичъ, предложилъ Стуловъ,—сядьте вотъ противъ Петра Ивановича, авось, Богъ дастъ, вы и уступите.

— И не просите!

Ѳедоръ Прохоровичъ усадилъ его къ письменному столу, спиной къ занавѣскѣ, и сталъ все таки просить отъ имени Петра Ивановича сдѣлать «уступочку».

— Не утруждайтесь напрасно, сказано слово и довольно, и понапрасну время тянуть нечего.

— Но хотя бы двѣ тысячки скинули, Григорій Геннадіевичъ, попросилъ Ѳедоръ Прохоровичъ.

— Зачѣмъ вы еще просите! наотрѣзъ отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ,—вы не должны торговаться; по моему, такъ вамъ слѣдуетъ благодарить меня: я дешево беру. Захотѣлъ бы взять сто тысячъ—и дали-бъ, потому что безъ завѣщанія вамъ ходу нѣтъ ни на одинъ шагъ.

Ѳедоръ Прохоровичъ продолжалъ еще что-то въ томъ же родѣ, не столько впрочемъ для выраженія просьбъ «объ уступочкѣ», сколько для того, чтобъ въ комнатѣ не было тишины, которая по его соображеніямъ могла быть опасной въ эти минуты.

— А я вамъ скажу вотъ что, прервалъ Григорій Геннадіевичъ,—дѣло прошлое, и отъ слова своего не отступлюсь, а могъ бы взять съ васъ довольно порядочную сумму. Сами знаете, обратился онъ къ молчавшему Петру Ивановичу,—какой капиталъ достается вамъ по завѣщанію вашего брата. Конечно, можетъ статься, вы меня и осуждаете; дескать, вотъ случаемъ воспользовался, захватилъ завѣщаніе и за это за самое теперь беретъ тридцать пять тысячъ. Ну, только, Петръ Ивановичъ, такъ думать

съ вашей стороны не резонно. Подумайте, вѣдь ежели я передамъ бы княжеской роднѣ завѣщаніе, то вѣдь тоже не задаромъ. А что касательно того, что будто-бы это грѣхъ или тамъ, какъ говорятъ, не по закону будто бы, такъ вѣдь это одна аллегорія. Я такъ полагаю, грѣшно человѣка обидѣть, грѣшно у бѣднаго отнять, а если отъ большого каравая кусочекъ себѣ отрѣзать—какая же въ этомъ вина или обида кому?

Петръ Ивановичъ перечитывалъ въ это время вексель, предназначившійся Григорію Геннадіевичу, и, подписавъ его, сказалъ:

— Къ чему теперь эти разговоры, покончимъ лучше наши расчеты. Позвольте завѣщаніе! добавилъ онъ, держа руку на подписанномъ листѣ вексельной бумаги.

— Нѣтъ-съ, ужъ позвольте мнѣ сначала векселекъ, улыбаясь, отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ;—извините, я не то чтобы смѣлъ въ васъ усумниться, этого ни въ какомъ разѣ себѣ не позволю, ну только все-таки вы сначала пожалуйста векселекъ, нельзя иначе.

— Не сомнѣвайтесь, Петръ Ивановичъ, подсказалъ Стуловъ, если Григорій Геннадіевичъ далъ слово—такъ сдержитъ его.

— Само собой!

Григорій Геннадіевичъ, не торопясь, прочиталъ вексель и, бережно свернувъ его, положилъ въ боковой карманъ, а взявъ его вынулъ оттуда вчетверо сложенный листъ духовнаго завѣщанія.

Пока онъ разговаривалъ и перечитывалъ вексель, за портьерой, неслышимо, точно само собою, двигалось по ковру мягкое кресло и неслышимо отдалялось отъ полотенцевъ, висѣвшихъ надъ его спинкой; потомъ полотенца, вмѣстѣ съ частію стѣны, тоже неслышимо стали отдаляться въ глубь комнаты, и въ открывшуюся небольшую дверцу, вошли изъ сосѣдней квартиры какія-то неизвѣстныя личности.

— Вотъ-съ, извольте получить, сказалъ Григорій Геннадіевичъ, подавая листъ черезъ столъ Петру Ивановичу,—осмотрите, оно ли самое.

— Да-съ! Оно самое должно быть, неожиданно подсказалъ кто-то за его спиной.

Григорій Геннадіевичъ быстро оглянулся и моментально вскочилъ со стула.

— Кто это? Какъ? Откуда?.. О, Господи! зашпентажъ онъ, съ ужасомъ оглядывая лица вошедшихъ.

— Это, Григорій Геннадіевичъ, свидѣтели, — улыбаясь, пояснилъ Стуловъ, показывая рукой на неизвѣстныхъ трехъ человѣкъ, появившихся изъ-за занавѣски.

— Да, точно такъ. Мы всё трое видѣли и слышали, и, ежели нужно, присягу примемъ, это извольте. Подтвердимъ!

— Они, Григорій Геннадіевичъ, артельщики, продолжалъ, улыбаясь и потирая руки, Стуловъ — вотъ эти двое-то въ банкѣ служатъ. Видите, какіе рослые ребята. А этотъ вотъ, третій, скуластый-то, нашъ дворникъ Михайло. Чай, знаете тоже, паренъ хотя и не рослый, но за себя постоитъ. Пожалуй, что вамъ изъ нихъ дрова колоть или, какъ вы изволили выразиться, лучину щепать — будетъ несовсѣмъ удобно.

Григорій Геннадіевичъ отступилъ уже къ стѣнѣ и, нахмуривъ брови, изподлобья косился на всѣхъ, не говоря ни слова.

— Благодарите, Григорій Геннадіевичъ, вотъ Петра Ивановича, продолжалъ Стуловъ, благодарите за то, что онъ васъ спасъ отъ бѣды, да-съ! Я, признаюсь, готовилъ вамъ не это, не такую хотѣлъ приподнести пилюлю, а покрупнѣе и гораздо потверже. Въ-сто этихъ-то мирныхъ гражданъ, я желалъ передать васъ прямо въ руки полиціи — и быть бы бычку на веревочкѣ. Только вотъ Петръ Ивановичъ упросилъ; благодарите его за это.

Григорій Геннадіевичъ молча покосился въ сторону Петра Ивановича, который давно уже уложилъ духовное завѣщаніе въ карманъ сюртука, и, застегнувъ его на всѣ пуговицы, тревожно смотрѣлъ то на Стулова, то на Григорія Геннадіевича, то на свидѣтелей, стоявшихъ въ рядъ по линіи комнатной занавѣски, въ роли лицъ безъ рѣчей.

— Такъ вотъ-съ, Григорій Геннадіевичъ, позвольте надѣяться на ваше благоразуміе, продолжалъ Стуловъ, повончимте дѣло миромъ — вы возвратите векселекъ, который вамъ сейчасъ выдалъ Петръ Ивановичъ, а я вамъ возвращу вашъ векселекъ въ десять тысячъ — и дѣлу конецъ.

Григорій Геннадіевичъ молчалъ и хмурилъ брови, стоя около

стѣны, бокомъ къ Стулову, но вдругъ, нервно взявшись правой рукой за спинку кресла, стоявшаго у стѣны, онъ отшвырнулъ его въ сторону отъ себя, намѣреваясь выйти изъ маленькой комнаты въ сосѣднюю.

Стуловъ загородилъ ему дорогу.

— Такъ нельзя, Григорій Геннадіевичъ, позвольте.

— Съ чего ты это выдумалъ! глухо возразилъ Григорій Геннадіевичъ, смотря куда-то въ сторону.

— Выдумывать, Григорій Геннадіевичъ, мнѣ нечего, отвѣчалъ Стуловъ, я вамъ прямо и безъ всякихъ церемоній заявляю, что если вы миромъ не кончите — пошлю за полиціей и вамъ-же тогда хуже будетъ. Дементьевъ! обратился онъ къ одному изъ свидѣтелей, иди въ переднюю и стой у дверей!

— Не дури ты, глупая голова, злобно возразилъ Григорій Геннадіевичъ:—неужели думаешь, я не понимаю, что ежели на твоей улицѣ праздникъ, такъ мнѣ вовсе не къ лицу препятствовать... Чортъ съ тобой, прости Господи, и съ пріателемъ твоимъ! Ежели у васъ такая жадность—возьмите вексель и мой возвратите.

— Ну, вотъ, давно бы такъ, съ улыбкой возразилъ Стуловъ, пожалуйте векселечекъ-то, а я ужъ вашего не задержу.

Сердито распахнувъ сюртукъ, Григорій Геннадіевичъ досталъ изъ боковаго кармана вексель, смялъ его въ правой рукѣ и молча швырнулъ на передиванный столъ.

— Напрасно такъ, Григорій Геннадіевичъ... замѣтилъ Стуловъ,—я уже имѣлъ честь вамъ заявить, что не съ врагами ищите дѣло, а съ добрыми людьми.

— Давай, давай вексель-то, не разговаривай! возразилъ Григорій Геннадіевичъ, и когда Федоръ Прохоровичъ передалъ ему вексель, онъ съ пренебреженіемъ рванулъ его и, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ скорыми шагами въ переднюю.

— Нажили врага! замѣтилъ Петръ Ивановичъ по уходѣ его.

— Да, я говорилъ, что лучше пригласить полицію и актъ составить.

— Ну, вотъ, вы опять за старое. Хочется вамъ вредить чловѣку... Ну врагъ, такъ врагъ, Богъ съ нимъ!.. Да и чѣмъ онъ

намъ повредить можетъ. Не откажется же онъ отъ своей подписи на завѣщаніи.

— Этого-то я ни въ какомъ случаѣ не допускаю: онъ человѣкъ осторожный и на такое дѣло не пойдетъ.

— Онъ, можетъ быть, даже оцѣнитъ когда-нибудь наше великодушіе, замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

Но въ отвѣтъ на это Федоръ Прохоровичъ только вздохнулъ и отрицательно покачалъ головой.

Д. Стахѣвъ.

(Продолженіе будетъ).

ПРОБЛЕСКИ СВѢТА ВЪ ШКОЛЬНОМЪ ДѢЛѢ.

Пробудившееся, три года тому назадъ, въ периодической печати движеніе противъ недостатковъ дѣйствующей у насъ школьной системы средняго образованія не пропало даромъ. Оно не только оставило свой слѣдъ въ общественномъ сознаніи, постановившемъ съ того времени окончательный приговоръ о необходимости реформы, но и вывело изъ апатичнаго или самодовольнаго состоянія оффиціальныя сферы, завѣдующія дѣломъ образованія русскаго юношества. Понято было, наконецъ, и въ этихъ сферахъ, что въ дѣлѣ школьнаго образованія не все у насъ обстоитъ благополучно, что нынѣшніе уставы и учебные планы далеко не достигаютъ цѣли, что въ организаціи преподаванія существуютъ важныя промахи, что въ программахъ много необдуманнаго, ложнаго, неисполнимаго, а въ примѣненіи ихъ еще больше бесплоднаго, напраснаго, мучительнаго, даже убійственнаго.

Никакое человѣческое дѣло не можетъ имѣть притязанія на совершенство. Что жъ удивительнаго, если далекою отъ этого совершенства оказалась и русская средняя школа, преобразованная по уставу 1871 года? Человѣку данъ умъ для того, чтобы онъ относился какъ къ природѣ, такъ и къ явленіямъ нашей жизни сознательно, искалъ лучшаго, исправлялъ ошибки и заблужденія, стремился идти далѣе на пути блага личнаго и общественнаго. Нѣтъ зла, которое бы не было поправимо при доброй волѣ и энергіи, при твердомъ желаніи отъ него избавиться. Нужно только сознавать его существованіе, вникать въ его причины, не скрывать отъ себя, къ какому

печальнымъ оно приводитъ послѣдствіямъ. Дѣйствительная опасность какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ человѣческихъ обществъ наступаетъ лишь тогда, когда люди закрываютъ глаза на свои промахи, считаютъ дѣло рукъ своихъ совершеннымъ, воображаютъ себя непогрѣшимыми. Только тогда и возможны печальные сюрпризы и неожиданныя крушенія въ жизни людей и цѣлыхъ народовъ, только тогда ѣ раскрывается внезапно бездна тамъ, гдѣ думали видѣть образцовую устойчивость почвы и гранитную твердость подъ ногами.

Вотъ отъ этого-то опаснаго пути самообмана и самообольщенія начинаютъ у насъ, повидимому, отказываться теперь оффиціальныя сѣеры, отъ пути, на которомъ ихъ съ такимъ отчаяннымъ усиліемъ старались и стараются удержать «Московскія Вѣдомости». Существованіе важныхъ, даже коренныхъ недостатковъ признается теперь во всемъ строѣ нашей жизни; признано оно, наконецъ, и въ сѣерѣ нашего средняго образованія. Однимъ изъ несомнѣнныхъ доказательствъ тому служитъ полученный нами изъ Тифлиса «Отчетъ о занятіяхъ комиссіи, учрежденной попечителемъ кавказскаго учебнаго округа для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа» (Тифлисъ, 1882).

Мы прочли этотъ отчетъ съ большимъ любопытствомъ и съ особымъ удовольствіемъ. Въ немъ для насъ было интересно все, начиная съ попечительскаго «предложенія» составить комиссію для обсужденія вопроса объ улучшеніи преподаванія древнихъ языковъ, до послѣдней статьи, напечатанной въ «приложеніяхъ», составляющихъ въ сущности главную часть присланной намъ книги. Интересно все это не столько по содержанію, сколько по духу, проникающему все напечатанное въ книгѣ, по выступающему въ ней всюду стремленію выбиться изъ затруднительнаго и ложнаго положенія, — въ какое поставлено неудачными законоположеніями и учебными планами преподаваніе древнихъ языковъ, — на дорогу болѣе вѣрную и разумную. Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія скрасить дѣйствительное положеніе дѣла, скрыть недостатки существующей системы преподаванія, обличаемые скудными и даже печальными результатами; тутъ прямо, открыто и в сѣмъ признается, что дѣло идти такъ далѣе не можетъ, безъ того, чтобы не погубить въ концѣ класси-

ческаго образованія въ Россіи, не возбудить къ нему «отвращенія» въ обществѣ и, еще болѣе, въ средѣ учащихся. Честь и хвала людямъ, рѣшившимся прямо взглянуть въ лицо злу, губящему наше школьное образованіе, и выступить противъ него не только съ обличеніемъ, но и съ горячимъ желаніемъ бороться съ нимъ и побѣдить его! Не надобно забывать, что люди эти—ближайшіе и непосредственные представители нашей школы,—попечитель учебнаго округа, окружной инспекторъ (бывшій учитель древнихъ языковъ), директора и учителя гимназій и прогимназій.

Дѣло благотворнаго движенія въ кавказскомъ педагогическомъ мірѣ началось такъ. Попечитель учебнаго округа, пораженный скудостью результатовъ преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, рѣшился собрать комиссію изъ учителей, которая уяснила бы причины печальнаго положенія учебнаго дѣла и указала бы средства къ его поправленію. Съ этою цѣлью онъ обратился, 12 февраля 1881 года, съ письмомъ или, говоря канцелярскимъ языкомъ, съ «предложеніемъ» къ окружному инспектору г. Короваеву, бывшему, дѣтъ пятнадцать тому назадъ, хорошимъ учителемъ древнихъ языковъ въ Одессѣ, принужденному потомъ оставить педагогическую карьеру по «независящимъ» отъ него обстоятельствамъ, и въ настоящее время, какъ видно, снова благотворно дѣйствующему въ средѣ учебной. Надобно замѣтить, что попечитель кавказскаго учебнаго округа, К. П. Яновскій, самъ вышелъ изъ учительской среды, и пишущій эти строки помнитъ, что онъ былъ директоромъ гимназій въ Кишиневѣ въ то самое время, когда г. Короваевъ былъ въ Одессѣ учителемъ. Выставляемъ на видъ эти обстоятельства затѣмъ, что они выясняютъ до нѣкоторой степени живое отношеніе къ дѣлу, проявившееся въ учительскомъ мірѣ на Кавказѣ, отношеніе, какого мы не замѣчаемъ въ другихъ учебныхъ округахъ, исключая, быть можетъ, оренбургскаго, въ которомъ лицо, занимающее должность попечителя, также вышло изъ учительскаго міра (тоже одесскаго учебнаго округа).

Въ письмѣ или въ предложеніи г. Короваеву попечитель кавказскаго учебнаго округа прежде всего заявляетъ, что по гимназическому уставу 1871 года «древніе языки принадлежать къ главнѣйшимъ предметамъ преподаванія», какъ это видно и изъ того, что на обученіе имъ отведено 85 часовъ въ недѣлю изъ

общаго числа 201 часовъ (безъ чистописанія), назначенныхъ на преподаваніе всѣхъ предметовъ въ гимназіи. Ничего не возражая противъ такой преобладающей роли древнихъ языковъ въ гимназическомъ преподаваніи, г. попечитель полагаетъ, что роль эта заставляетъ обращать строгое вниманіе на методъ преподаванія, отъ котораго въ большой зависимости стоитъ польза, преподаваніемъ приносимая. Методъ же этотъ въ нашихъ гимназіяхъ, какъ это вытекаетъ изъ учебныхъ плановъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, по преимуществу грамматическій. Изъ 49 недѣльныхъ уроковъ по латинскому языку, замѣчаетъ г. попечитель, 28 назначено на преподаваніе грамматики, и только 21 на чтеніе авторовъ; изъ 36 уроковъ по греческому языку 15 идутъ прямо на грамматику. Если при этомъ взять во вниманіе, что и при чтеніи авторовъ дѣлаются у насъ преимущественно грамматическія объясненія, то становится несомнѣннымъ, что по учебнымъ планамъ,—заявляетъ г. попечитель,—«главнѣйшее мѣсто при изученіи древнихъ языковъ отведено на грамматику». Въ связи съ этимъ стоитъ и то обстоятельство, что преподаваніе грамматики проходитъ въ нашихъ гимназіяхъ черезъ всѣ классы отъ перваго до послѣдняго, равно какъ и то, что въ учебномъ планѣ министерства народнаго просвѣщенія находятся самыя подробныя указанія, какимъ образомъ долженъ быть расположенъ грамматическій матеріалъ по классамъ. «Въ сущности—продолжаетъ г. попечитель—можно даже сказать, что весь учебный планъ состоитъ лишь изъ указаній относительно преподаванія грамматики; на объясненіе же того, какимъ образомъ должно быть ведено чтеніе авторовъ, посвящено въ учебномъ планѣ лишь нѣсколько заключительныхъ словъ». Но въ то время какъ въ преподаваніи древнихъ языковъ грамматика занимаетъ такое господствующее мѣсто, она преподается такимъ образомъ, что, по словамъ г. попечителя, «трудъ, затрачиваемый на грамматическое изученіе языка, является мало производительнымъ». Какъ изъ личнаго наблюденія, такъ и изъ донесеній окружныхъ инспекторовъ, г. попечитель получилъ твердое убѣжденіе, что, «не смотря на продолжительное время, употребляемое на изученіе грамматически древнихъ языковъ, ученики не успѣваютъ достаточно ознакомиться съ грамматикою». Наглядныя доказа-

тельства тому представляют и испытанія зрѣлости. Изъ 27 работъ, сдѣланныхъ въ одной изъ гимназій на испытаніи зрѣлости по латинскому языку въ 1881 году, 12 грѣшатъ противъ правилъ о родѣ именъ существительныхъ, 15 отличились неправильнымъ согласованіемъ сказуемаго съ подлежащимъ, въ 21 работѣ встрѣчается смѣшеніе залоговъ, въ 25 неправильное употребленіе временъ, въ 14 нарушеніе правилъ о послѣдовательности временъ и т. д. Почти такого же качества, говорятъ г. попечитель, работы и по греческому языку, и вслѣдъ за тѣмъ выражаетъ удивленіе, что ошибки дѣлаются именно противъ правилъ, которыя «проходятся, начиная со II класса, и повторяются во всѣхъ классахъ гимназій».

Вполнѣ признавая, что такіе печальные результаты преподаванія древнихъ языковъ стоятъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ неправильной системы ихъ преподаванія, и заявивъ дагѣе о томъ, что при чтеніи древнихъ авторовъ не исполняются учителями даже и тѣ краткія требованія, какія высказываются въ учебномъ планѣ и въ объяснительной къ нему запискѣ относительно объясненій не грамматическаго характера, г. попечитель кавказскаго учебнаго округа высказываетъ, что онъ, въ виду необходимости поставить дѣло преподаванія на другую ногу, пришелъ къ мысли о созваніи комиссіи изъ преподавателей древнихъ языковъ тифлискихъ гимназій и прогимназій, въ которой предсѣдательство поручаетъ г. Короваеву, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляетъ ему право приглашать въ эту комиссію начальниковъ учебныхъ заведеній, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, преподавателей другихъ предметовъ и преподавателей иногородныхъ гимназій и прогимназій кавказскаго учебнаго округа.

На разсмотрѣніе комиссіи, въ работахъ которой, по мысли г. попечителя, должны были принять участіе всѣ наличныя силы кавказскаго учебнаго округа, выдающіяся по своимъ филологическимъ познаніямъ или по опытности въ преподаваніи не только древнихъ языковъ, но и предметовъ, имѣющихъ къ этому преподаванію то или другое отношеніе,—въ томъ же письмѣ г. Яновскаго былъ предложенъ цѣлый рядъ вопросовъ самаго серьезнаго свойства. И прежде всего кавказскимъ педагогамъ предоставлялось «объяснить цѣль преподаванія древнихъ язы-

вовъ въ гимназіяхъ». Г. попечителя не остановила при этомъ мысль, что подобный вопросъ, быть можетъ, далеко выходитъ изъ компетентности подвѣдомственнаго ему ученаго и учащаго персонала: онъ понималъ, что безъ такого или другаго его рѣшенія невозможно строить никакого разумнаго плана преподаванія. «Хотя—говоритъ онъ—выше мною уже намѣчены въ общихъ чертахъ цѣль и мѣсто древнихъ языковъ въ гимназическомъ преподаваніи, однакожь я признаю необходимымъ, въ виду важности этого вопроса, войти въ ближайшее его разсмотрѣніе, тѣмъ болѣе, что, согласно этой цѣли, должно быть опредѣлено и количество матеріала, которое слѣдуетъ ввести въ преподаваніе, и распредѣленіе этого матеріала по классамъ, соразмѣрно съ числомъ уроковъ, положенныхъ на преподаваніе древнихъ языковъ въ каждомъ классѣ по дѣйствующему уставу» (стр. 9).

Возлагая на тифлисскую комиссію учителей рѣшеніе вопроса о цѣли преподаванія древнихъ языковъ, г. Яновскій предлагалъ ей въ то же время рѣшить, какимъ методомъ должно идти преподаваніе древнихъ языковъ въ низшихъ классахъ, прямо заявляя, что «грамматическій способъ преподаванія иностранныхъ языковъ въ низшихъ классахъ гимназій, какъ показалъ долговременный опытъ, оказывается несостоятельнымъ». При этомъ г. попечитель категорически высказываетъ свой взглядъ, какъ должно быть ведено преподаваніе, предоставляя комиссіи опредѣлить только примѣненіе его теоріи въ подробностяхъ. Теорія же эта заключается въ слѣдующемъ: «обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ должно быть поставлено такъ, чтобы ученики изучали ихъ посредствомъ предложеній и мыслей. Грамматическія же правила, поставляемыя нынѣ на первомъ планѣ, должны составлять выводъ изъ изученія цѣлаго ряда соответствующихъ предложеній». Такой способъ преподаванія, по мнѣнію г. попечителя, долженъ быть продолжаемъ, по возможности, и въ слѣдующихъ классахъ.

Далѣе, комиссіи предоставлялось г. попечителемъ рѣшить, «какимъ образомъ должно быть ведено чтеніе авторовъ». При этомъ также возлагалась обязанность «опредѣлить объемъ свѣдѣній по географіи, исторіи литературы и политической, міеологіи, древностямъ и философіи древнихъ, обязательное знаніе

коиъ должно быть требуемо отъ каждаго ученика при переходѣ его изъ класса въ классъ и при окончаніи курса».

Не ограничиваясь способами преподаванія древнихъ языковъ и чтенія авторовъ, кавказскій попечитель возлагалъ на комиссію изъ мѣстныхъ учителей и рѣшеніе задачи: «въ какомъ отношеніи къ преподаванію древнихъ языковъ должно находиться преподаваніе географіи, исторіи, русскаго языка съ церковно-славянскимъ и новыхъ языковъ». Эта задача стоитъ шестою въ числѣ другихъ, предложенныхъ на рѣшеніе тифлисской учительской комиссіи, а всѣхъ задачъ, указанныхъ въ попечительской бумагѣ, значитъ четырнадцать, къ которымъ г. попечитель проситъ лицо, назначаемое имъ въ предсѣдатели комиссіи, присовокупить и другіе вопросы, какіе изобрѣтетъ самъ предсѣдатель «для правильной постановки преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ кавказскаго округа».

Въ заключеніе, еще разъ подтверждая печальное состояніе преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, заявляя, что большая часть учителей «не успѣваютъ идти съ учениками дальше грамматики въ теченіе всего гимназическаго курса» и что «благодаря однообразію грамматическаго способа обученія древнихъ языковъ, многіе ученики мало-по-малу перестаютъ ими заниматься и затѣмъ нерѣдко приобрѣтаютъ къ нимъ даже отвращеніе», г. попечитель выражаетъ убѣжденіе, что комиссія «поможетъ внести въ преподаваніе древнихъ языковъ тотъ животворный духъ, въ которомъ оно крайне нуждается и безъ котораго немислимъ успѣхъ ни одного предмета школьнаго обученія».

Такъ было составлено письмо попечителя кавказскаго учебнаго округа, г. Яновскаго, къ окружному инспектору г. Коровеву, письмо, которое послужило толчкомъ, возбуждившимъ педагогическое движеніе на Кавказѣ.

Письмо это—официальный документъ высокаго интереса. Въ немъ въ первый разъ, послѣ изданія гимназическаго устава 1871 года, открыто признается правительственнымъ лицомъ и печальное состояніе нашей средней школы, въ которой преподаваніе главныхъ, основныхъ предметовъ является «мало производительнымъ» и нерѣдко возбуждающимъ въ ученикахъ

«даже отвращеніе», и крайняя необходимость поставить дѣло преподаванія на другую ногу. Такимъ образомъ все, что пишу- щій эти строки высказывалъ еще три года тому назадъ отно- сительно несостоятельности современной нашей школы, не только теперь официально подтверждается, но и выставляется на видъ какъ такое зло, которое требуетъ немедленнаго и серьезнѣй- шаго врачеванія. Не чернили мы, значить, нашей школы, ког- да говорили, что господствующій грамматическій характеръ пре- подаванія убиваетъ всю плодотворную сторону классическаго образованія, не хотѣли мы обращать ее въ «увеселитель- ное заведеніе», когда указывали на опасность преподаванія, на- ходящагося въ рукахъ учителей, не приготовленныхъ къ тому и нерѣдко даже мало знакомыхъ съ нашимъ языкомъ, или когда выставляли на видъ нераціональность школьной программы, составленной безъ вниманія къ нашей исторіи, національному характеру, преданіямъ, нуждамъ и потребностямъ русскаго об- разованія. Несостоятельность нашей школьной системы дошла теперь уже до тѣхъ размѣровъ, что ее стало невозможно скрывать и самому официальному міру. Неправильно постав- ленная школа хилѣетъ и чахнетъ, обременяя своихъ питомцевъ непосильной и «мало производительной» работой, вредно дѣйствуя на ихъ физическое развитіе и служа тормозомъ къ поднятію умственной жизни въ нашемъ отечествѣ.

Надо полагать, что несоотвѣтствіе школьнаго ученія дѣй- ствительнымъ потребностямъ образованія и рациональному воспи- танію зашло слишкомъ далеко, если попечитель одного изъ отдаленныхъ учебныхъ округовъ счелъ необходимымъ взяться за реформу преподаванія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, не до- жидаясь, когда за это неотложное дѣло примутся въ централь- номъ управленіи народнымъ просвѣщеніемъ. Только край- няя необходимость облегчить хотя сколько-нибудь невыносимое состояніе нашей учебной системы заставила его взять на себя и на комиссію подвѣдомственныхъ ему учителей рѣшеніе вопро- совъ нисколько не мѣстнаго характера, а, напротивъ, такихъ, которые составляютъ предметъ пререканія даже между главнѣй- шими учеными, филологами, философами, воспитателями вообще въ образованномъ мірѣ. Къ такимъ именно вопросамъ относит- ся вопросъ о цѣли преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ

или о томъ, въ какомъ отношеніи должно относиться къ преподаванію древнихъ языковъ преподаваніе географіи, исторіи и другихъ предметовъ гимназическаго курса, или даже о томъ, какимъ образомъ должно быть ведено чтеніе авторовъ и въ «какомъ объемѣ слѣдуетъ дѣлать комментаріи». Г. попечитель не могъ не чувствовать, какую головоломную работу онъ задалъ людямъ, которые до сихъ поръ были принуждаемы видѣть высшую педагогическую мудрость въ учебныхъ планахъ, составленныхъ «ученымъ комитетомъ», да въ распоряженіяхъ и циркулярахъ, исходявшихъ отъ административныхъ властей вѣдомства народнаго просвѣщенія.

Но à la guette, comme à la guette. Люди, которые до сихъ поръ считались способными лишь хорошо или худо исполнять предписанія учебныхъ плановъ, начальственныхъ распоряженій и циркуляровъ, вдругъ призываются къ самостоятельному рѣшенію вопросовъ о цѣли преподаванія древнихъ языковъ, о несостоятельности грамматическаго способа ихъ преподаванія, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ классахъ, о наилучшемъ методѣ чтенія древнихъ писателей—къ рѣшенію вопросовъ, требующихъ, очевидно, не простой учительской компетентности. И что же? Запросы попечителя не остались безъ отвѣта: въ комиссію былъ представленъ, прочитанъ и въ ней обсужденъ цѣлый рядъ статей или рефератовъ, дѣйствительно стоящихъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе. Заключали-ли въ себѣ эти рефераты силу рѣшить подвергнутые разсмотрѣнію вопросы убѣдительно для всѣхъ, и представляютъ-ли они достаточную авторитетность для того, чтобы на основаніи ихъ можно было приступить къ практической реформѣ кавказскихъ гимназій и прогимназій, — это другое дѣло, но что авторы ихъ стремились добросовѣстно исполнить возложенную на нихъ задачу, это несомнѣнно.

Мы не будемъ разсматривать приложенныхъ къ отчету комиссіи рефератовъ по ихъ содержанію, но чтобы читатель зналъ, какъ серьезно взялись за дѣло реформы преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ члены тифлисской комиссіи, — считаемъ нужнымъ указать, по крайней мѣрѣ, на свойство работъ, въ эту комиссію представленныхъ. Свойство это достаточно видно изъ самыхъ ихъ заглавій. Такъ, г. Новомарьевскій представилъ статью, подъ заглавіемъ: «Цѣль преподаванія древ-

нихъ языковъ въ гимназіяхъ, въ которой онъ доказываетъ, что древніе языки имѣютъ для насъ значеніе, съ одной стороны образовательное, съ другой воспитательное, причемъ главную роль играетъ не грамматика, а чтеніе авторовъ, дающее возможность достигать и образовательной, и воспитательной цѣли. За статью г. Новомарьевскаго слѣдуетъ весьма обширный трудъ г. Дрбоглава, который, подъ скромнымъ заглавіемъ «Къ вопросу объ изученіи латинскаго языка», представилъ въ короткомъ видѣ цѣлую исторію латинской филологіи и системъ преподаванія этого языка въ разное время. Г. Дрбоглавъ стоитъ горячо за практической методъ преподаванія грамматики, бывший въ такой чести у старинныхъ педагоговъ и филологовъ. Какъ наглядное примѣненіе этого метода, онъ представилъ въ особой статьѣ ходъ урока, гдѣ учитель разбираетъ съ учениками басню о львѣ и мышѣ (*Leo et mus*). Урокъ этотъ проведенъ мастерски, и если г. Дрбоглавъ преподаетъ такъ на самомъ дѣлѣ, то мы можемъ только поздравить кавказскій учебный округъ съ такимъ преподавателемъ. Вслѣдъ за указанными рефератами обращаютъ на себя вниманіе статьи: г. Лилова—«О причинахъ малоуспѣшности преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ улучшенію его»; г. Короваева «О чтеніи древнихъ авторовъ»; г. Гуммеля: «О необходимости ознакомленія учениковъ при чтеніи древнихъ классиковъ съ внѣшними сторонами жизни древнихъ»; г. Горяева: «О сравнительномъ преподаваніи языковъ, изучаемыхъ въ гимназіи». Г. Горяевъ принадлежитъ къ числу горячихъ приверженцевъ сравнительнаго метода преподаванія языковъ вообще, и древнихъ въ особенности, и говоритъ объ этомъ *en connaissance de cause*, что видно и изъ приложеннаго имъ весьма подробнаго конспекта сравнительной грамматики, въ которой церковно-славянскій и русскій языки сравниваются съ древними и съ новыми языками, преподаваемыми въ гимназіяхъ. Кромѣ указанныхъ, въ «Отчетѣ» напечатанъ цѣлый рядъ другихъ статей, также интересныхъ въ своемъ родѣ. Сюда относятся статьи: Мартыновскаго—«Какія свѣдѣнія изъ исторіи философіи слѣдуетъ сообщать ученикамъ гимназіи при чтеніи древнихъ авторовъ», Богоявленскаго «Объ отношеніи преподаванія исторіи и русской словесности къ преподаванію древнихъ языковъ»; далѣе статьи разныхъ авторовъ:

о переводахъ съ русскаго языка на древніе, статьи объ эк-темпораліяхъ, о заучиваніи наизусть отрывковъ изъ древнихъ авторовъ, о заучиваніи словъ, о повтореніи, о привлеченіи учениковъ къ общему участию въ классныхъ занятіяхъ, о письменныхъ работахъ на латинскомъ языкѣ, о сочиненіяхъ и др.

Какъ читатель видитъ, находящійся у насъ въ рукахъ отчетъ тифлисской учительской комиссіи заключаетъ въ себѣ цѣлую энциклопедію знаній и соображеній по вопросамъ, относящимся къ преподаванію древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, энциклопедію статей, составленныхъ кавказскими учителями и прямо вызванныхъ предложеніемъ попечителя объ образованіи комиссіи. Появленіе этихъ статей дѣлаетъ честь ихъ авторамъ и тому учебному округу, въ которомъ могла проявиться такая умственная жизнь при первомъ вѣдшемъ возбужденіи. Но главный интересъ «Отчета» не въ статьяхъ, въ которыхъ трудно было бы и ожидать большой авторитетности, а въ преніяхъ комиссіи и въ живыхъ учительскихъ свидѣтельствахъ, относящихся къ состоянію преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ.

Какой матеріалъ можетъ быть драгоценнѣе для опредѣленія настоящаго положенія учебнаго дѣла въ нашихъ гимназіяхъ, чѣмъ многократныя и категорическія заявленія самихъ учителей древнихъ языковъ о томъ, что положеніе это крайне печально! Такъ, въ первомъ же засѣданіи комиссіи, слѣдовавшемъ за ея открытіемъ, г. Дрбоглавомъ, инспекторомъ 1-й тифлисской гимназіи, было замѣчено, что «преподаваніе древнихъ языковъ не можетъ продолжаться такъ, какъ шло до сихъ поръ, если только мы не хотимъ, чтобы наши общеобразовательныя школы лишились всякаго довѣрія къ себѣ со стороны общества» («Отчетъ», стр. 40). Г. Дрбоглавъ, какъ показываетъ его фамилія, принадлежитъ не къ русской національности и, вѣроятно, выписанъ былъ изъ-за границы въ числѣ другихъ своихъ соотечественниковъ для насажденія классицизма на русской необработанной нивѣ. Въ интересѣ этихъ пришельцевъ, а, какъ показалъ опытъ, и въ свойствахъ ихъ—скрывать недостатки русской школы, пришедшей въ упадокъ при ихъ же содѣйствіи. Вотъ почему мы придаемъ заявленіямъ этихъ людей о печальномъ положеніи у насъ гимназическаго преподаванія особенное значеніе. Быть можетъ, г. Дрбоглавъ—пессимистъ и его взглядъ на дѣло—исключительнаго

свойства? Но вотъ въ слѣдующемъ засѣданіи учитель пятигорской прогимназіи, г. Чебишъ,—повидимому, соотечественникъ г. Дрбоглава, хотя и противникъ его во взглядѣ на методъ преподаванія,—заявляетъ, что «ученики въ теченіе 8-ми лѣтъ не успѣваютъ усвоить (себѣ) даже правила элементарной грамматики». Это ли не интересное признаніе! Какъ важно было для насъ также прочесть публичное и оффиціальное признаніе вреда отъ формализма, который въ послѣднее десятилѣтіе такъ неумолимо охватилъ своими губительными объятіями нашу школу, лишивъ ее всякой возможности совершенствоваться внутренними средствами! Противъ этого формализма особенно возсталъ директоръ 2-й тифлисской гимназіи г. Лилонъ, который, въ прочтенной имъ въ 5-мъ засѣданіи комиссіи запискѣ о причинахъ малоуспѣшности преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, особенно указывалъ на «вредъ отъ формальнаго отношенія къ дѣлу, начавшаго устанавливаться въ гимназіяхъ вслѣдствіе мелочнаго опредѣленія каждаго шага учителя». («Отчетъ», стр. 81)».

Особенно же кавказскіе учителя неутомимы въ обнаруженіи вреда, происходящаго отъ обращенія всего классическаго образованія въ изученіе грамматики. Такое направленіе дѣла стоитъ въ прямой зависимости отъ учебнаго плана министерства народнаго просвѣщенія, который, какъ на это было указано и попечителемъ кавказскаго учебнаго округа, «въ сущности состоитъ лишь изъ указаній относительно преподаванія грамматики». Преподаватели древнихъ языковъ, какъ и другіе члены комиссіи, были единогласны въ утвержденіи, что грамматика поглощаетъ большую часть учебнаго времени въ нашей школѣ, хотя, какъ на это было указано и попечителемъ, результаты ея изученія крайне неудовлетворительны. Между заявленіями, осуждающими такое неблаготворное направленіе школьнаго классицизма, особенной энергіей отличалось заявленіе предсѣдателя комиссіи, г. Короваева, въ 5-мъ ея засѣданіи. «Въ нашихъ гимназіяхъ—говорилъ г. Короваевъ—результаты грамматическаго обученія языковъ печальны, и успѣхи, оказываемые учениками на окончательныхъ испытаніяхъ, весьма слабы, и притомъ именно по грамматикѣ, хотя все преподаваніе древнихъ языковъ до сего времени, можно сказать, ограничивалось преподаваніемъ грамма-

тики и грамматическими упражнениями. Пора поэтому оставить, наконец, грамматическое изучение древних языков и систематическое прохождение грамматики, начинаемой съ I класса и продолжаемой до VIII включительно, въ явный ущербъ чтенію авторовъ». («Отчетъ», стр. 87).

Но дѣятельность комиссіи заключалась не въ однихъ обличеніяхъ недостатковъ школьнаго преподаванія, стоящихъ въ связи частію съ учебнымъ планомъ, плохо сообразившимъ задачу и методъ преподаванія древнихъ языковъ, частію съ другими обстоятельствами и, между прочимъ, съ обращающимися въ употребленіи грамматическими учебниками. Этотъ учебный планъ, на который было столько указаній въ тифлисской педагогической комиссіи, какъ на главный тормозъ ко введенію правильнаго преподаванія, дѣйствительно составленъ такимъ образомъ, что въ немъ только и рѣчи, что о склоненіяхъ да о спряженіяхъ, о падежахъ да о наклоненіяхъ, о родахъ да о числахъ, объ устныхъ грамматическихъ упражненіяхъ да о письменныхъ, объ этимологіи, да о синтаксисѣ—и это во всѣхъ классахъ, начиная съ перваго и оканчивая послѣднимъ. Трудно представить себѣ учебную программу, менѣе рассчитанную на возбужденіе въ учащихся интереса къ изучаемому предмету, трудно себѣ представить что-нибудь болѣе узкое по пониманію задачи, по отсутствію живой идеи классическаго образованія. Чтенію авторовъ, въ которомъ должна заключаться вся сущность этого образованія, въ которомъ заключается главная образовательная сила, которое во всѣ времена и воспитывало филологовъ, научало ихъ грамматикѣ, вводило ихъ въ міръ древнихъ, совершенствовало ихъ литературный вкусъ,—этому плодотворнѣйшему занятію отдѣлено въ учебныхъ планахъ самое ничтожное мѣсто. Правда, въ немъ указаны авторы, какіе должны быть читаемы въ каждомъ классѣ, но указаніе на этихъ авторовъ занимаетъ столь невидное мѣсто въ казенныхъ программахъ, что наводитъ на мысль, будто составители этихъ программъ ввели чтеніе классическихъ писателей въ гимназическое преподаваніе какъ бы лишь ради исполненія формальности, да и то, какъ новое средство къ произведенію грамматическихъ упражненій. Понятно послѣ этого, почему въ протоколахъ комиссіи мы встрѣчаемъ такъ много жалобъ на этотъ учебный планъ, на эти про-

граммы.—жалобъ, которыя начались съ рѣчи предсѣдателя, открывшей засѣданія комиссіи.

Мы повели, однако, рѣчь о томъ, что тифлисскіе педагоги, призванные попечителемъ къ изысканію мѣръ, улучшающихъ преподаваніе древнихъ языковъ, не ограничились одними жалобами на печальное состояніе школы, руководимой вышеуказанными учебными планами. Они старались найти средства поправить дѣло, не по ихъ винѣ испорченное въ зародышѣ, и дать преподаванію другой характеръ, насколько это для нихъ было возможно въ рамкахъ устава 1871 года и дополнительныхъ къ нему распоряженій центральной власти. Они не могли отмѣнить, напримѣръ, даже письменныхъ переводовъ съ русскаго языка не только на латинскій, но и на греческій, на окончательномъ испытаніи,—переводовъ, отмѣненныхъ по отношенію къ греческому языку даже во Франціи и Пруссіи, и вредныхъ какъ въ томъ отношеніи, что по нимъ всего болѣе цѣнятся успѣхи на окончательномъ испытаніи, такъ и въ томъ особенно, что для нихъ искажается весь характеръ преподаванія. Они не могли измѣнить существенно и самыхъ программъ, которыя обязательны къ исполненію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ на всемъ пространствѣ имперіи. Все, что отъ нихъ зависѣло, состояло въ томъ, чтобы внести новый духъ въ преподаваніе. И этотъ духъ внесенъ двумя важнѣйшими, въ числѣ другихъ, постановленіями комиссіи: введеніемъ новаго метода въ преподаваніе грамматики,—метода, по возможности, практическаго, особенно въ трехъ низшихъ классахъ (стр. 78 и 108),—и признаніемъ, что «при изученіи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, на первомъ планѣ должно стоять чтеніе авторовъ» (стр. 93).

Сдѣлавъ такія постановленія, долженствующія безспорно оживить преподаваніе древнихъ языковъ, сдѣлать его болѣе цѣлесообразнымъ и возбуждательнымъ по отношенію къ умственнымъ способностямъ и нравственнымъ свойствамъ учащихся, кавказская комиссія учителей не остановилась на общихъ положеніяхъ, а приложила всѣ старанія, чтобы облегчить ихъ практическое примѣненіе. Такъ, по отношенію къ грамматикѣ, г. Дробоголовъ было показано на дѣлѣ, въ I-мъ классѣ тифлисской 1-й гимназіи, какъ слѣдуетъ практически учить языку начинающихъ ему учиться; преподаватель кубанской войсковой

гимназии г. Астрибъ (одинъ изъ моихъ кievскихъ слушателей) представилъ опытъ учебника латинскаго языка для I-го класса; г. Гумилемъ, преподавателемъ 1-й тифлиской гимназии была представлена записка, изображающая примѣрное преподаваніе, чтобы показать, какъ слѣдуетъ заниматься съ учениками IV и V классовъ греческимъ языкомъ для практическаго вывода синтаксическихъ правилъ; далѣе были разработаны гг. Лиловымъ и Короваевымъ вопросы о переводахъ съ русскаго языка на древнiе, о заучиваніи наизусть отрывковъ изъ древнихъ авторовъ, объ экстемпоралiяхъ, о заучиваніи словъ; было обсуждено, какъ слѣдуетъ вести повтореніе и т. п. Что же касается чтенiя авторовъ, то та же коммиссія выработала программу свѣдѣній, какія должны быть сообщаемы ученикамъ по греческимъ и римскимъ древностямъ, по мифологiи, географiи и исторiи литературы. Она же указала на статьи изъ классическихъ писателей, чтеніе которыхъ особенно рекомендуется на урокахъ словесности, она опредѣлила темы для сочиненiй по вопросамъ, касающимся классическаго міра. Наконецъ, эта коммиссія старалась установить связь между преподаваніемъ древнихъ языковъ и другими предметами гимназическаго курса, опредѣлить отношеніе древнихъ языковъ къ новымъ, къ русской словесности и исторiи, что совершенно было упущено изъ виду учебными планами.

Мы радостно привѣтствуемъ это движеніе въ учительскомъ мірѣ, такъ плодотворно проявившееся полтора года тому назадъ на Кавказѣ, и желали бы, чтобы оно не ограничилось окраинной русскаго государства, а, пробудившись подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій на востокѣ, въ азіатской Россiи, перешло и въ европейскую. Движеніе необходимо тамъ, гдѣ хотятъ, чтобы была жизнь, а не разложеніе. Благопріятны ли только наши общія государственныя условія какому бы то ни было плодотворному движенію? Вотъ вопросъ, который насъ заставляетъ задумываться всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о преуспѣяніи отечества въ томъ или другомъ отношеніи, — и, надо сказать правду, тяжелый вопросъ.

В. Модестовъ.

Народность во внѣшней политикѣ Москвы.

(Окончаніе).

VI

Теперь слѣдуетъ перейти къ такому политическому вопросу, который наши народники считаютъ историческою задачею Россіи, будто бы истекающею изъ самаго призванія русскаго народа и согласною съ его духомъ и стремленіемъ. Само собою разумеется, хотя бы и слишкомъ слабое народное сознание подобно и задачи должно было лежать болѣе или менѣе замѣтно въ нравственныхъ качествахъ и понятіяхъ народа, и притомъ такихъ качествахъ, которыя проявились въ немъ, когда онъ развивался самобытно, внѣ постороннихъ на него вліяній. Такою порою должна считаться та пора, когда онъ жилъ еще у себя «дома», думая и чувствуя чисто по-русски, безъ навѣянныхъ на него изъ-чужа и несвойственныхъ ему самому воззрѣній.

Такимъ международнымъ вопросомъ является вопросъ о нашихъ попеченіи и о нашихъ заботахъ относительно славянства. Съ особенною горячностью радѣютъ о немъ теперь тѣ изъ нашихъ народниковъ, которые внушаютъ намъ возвратиться въ Москву и воспріять тамъ «баню пакибытія». Дѣло въ томъ однако, что при воспріятіи такой бани они совершенно потеряютъ нить славянскаго вопроса и окажутся на мели безъ всякихъ преданій въ пользу того дѣла, которому такъ усердствуютъ. Да и кромѣ того имъ придется не по вкусу, когда они паки должны будутъ прислушиваться къ голосу, доносившемуся въ Москву, въ былое время, съ ненавистнаго имъ запада.

Мысль о государственномъ или, говоря точнѣе, о «вотчин-

номъ объединеніи была постоянно присуща Москвѣ, и въ этомъ направленіи политика ея велась настойчиво и неуклонно. Мы видѣли также, что Москва считала себя защитницею православія. Но понятіе о политическо-племенномъ родствѣ, а тѣмъ болѣе мысль объ общемъ слинніи славянства, во имя такого родства, была ей совершенно чужда. Государямъ московскимъ не было рѣшительно никакого дѣла ни до турецкихъ, ни до австрійскихъ славянъ, такъ какъ они не входили никогда въ составъ прародительской ихъ вотчины. Что же касается единства вѣры, то и это сознаніе не проявлялось на дѣлѣ въ отношеніи славянства. Такому равнодушію, независимо отъ несуществованія «національной идеи», содѣйствовали и другія обстоятельства.

Во время существованія московскаго государства, притѣснителями христіанства считались въ Европѣ турки, какъ послѣдователи Магомета. Но въ мусульманахъ сама Москва не могла видѣть притѣснителей христіанской церкви, такъ какъ татары, послѣ перехода въ магометанство, отличались вѣротерпимостію до такой степени, что даже православное русское духовенство, — въ тѣхъ случаяхъ, когда мірская власть хотѣла посягнуть на его достоинствѣ, — ссылалось на ханскіе ярлыки, какъ на основу своихъ правъ, заявляя, что такъ не дѣйствовали ордынскіе цари. Кроме того, Москва сама по себѣ оказывала татарамъ, послѣдователямъ магометанства, не только вѣротерпимость, но даже и особый почетъ. Въ средѣ московскихъ православныхъ людей того времени не только не проявлялось никакой ненависти противъ господства магометанъ надъ христіанами внѣ предѣловъ Руси, но даже, наоборотъ, слышались похвалы ихъ власти. Такъ, въ разсказѣ, приписываемомъ Пересвѣтову, одобряются распоряженія султана Магомета II. Пересвѣтовъ говоритъ, что Богъ прогнѣвался на императора Константина Палеолога, его вельможъ и на все его царство, за то, что они гнушались правдою. что въ томъ царствѣ, гдѣ люди порабощены, они не бываютъ храбры, и что «еслибы къ истинной русской вѣрѣ къ (обычаямъ) турецкая правда была, то съ русскими людьми ангелы бы бѣдовавали».

Позднѣе, въ XVII столѣтіи, справщики нашихъ богослужебныхъ книгъ тоже съ похвалою отзывались о владычествѣ турокъ надъ христіанами, заявляя въ предисловіи къ этимъ кни-

гамъ, издаваемымъ въ Москвѣ, что турки никакого притѣсненія христіанамъ не дѣлаютъ, ничѣмъ не нарушаютъ ихъ вѣры и довольствуются полученіемъ съ нихъ самой легкой дани. Темный же людъ московскій, конечно, не вѣдалъ ничего о положеніи христіанъ подъ игомъ турокъ, и еслибы мы вернулись теперь въ Москву, въ лоно нашей самобытности, и начали бы развивать ее съ того, на чемъ она приостановилась, подавленная европеизмомъ, то не нашли бы тамъ никакихъ воздыхательныхъ учений, внушавшихъ намъ заступничество за турецкихъ христіанъ и, въ частности, за православныхъ славянъ. Вся наша почитательные о нихъ помыслы возникли уже въ «петербургскій періодъ» и развивались сперва медленно, а потомъ съ особенною быстротою, — въ послѣднее время, подъ влияніемъ западнаго ученія о «принципѣ національности». Если же, переселившись опять въ Москву, отстранить это перешедшее къ намъ изъ-за чужаго рубежа ученіе и остаться при «самобытныхъ» началахъ московской внешней политики, то у насъ славянскій вопросъ упразднится бы самъ собою.

Непосредственныхъ столкновений у Москвы съ Турціею не было, такъ какъ владѣнія ихъ раздѣлялись обширными степями, и Константинополь предъявлялъ къ Москвѣ неудовольствіе за набѣги донскихъ казаковъ, считавшихся подвластными Москвѣ, а она, въ свою очередь, дѣлала то же самое по поводу нападеній на русскіе предѣлы со стороны крымцевъ, подвластныхъ султану. Въ подобныхъ случаяхъ Москва поступала очень равнодушно. Она, какъ мы видѣли, отрекалась даже отъ православно-русскаго казачества, служившаго ей первымъ оплотомъ противъ невѣрныхъ. Очень понятно, что при такой политикѣ Москвы, даже въ отношеніи православныхъ единоувѣрцевъ и самыхъ близкихъ ей единоплеменниковъ, нельзя отыскать въ ея дѣйствіяхъ какого либо стремленія къ защитѣ почти вовсе невѣдомыхъ ей славянъ.

Мало того, еслибы осуществился возникшій однажды въ Москвѣ замыселъ относительно участи славянства, подвластнаго въ ту пору туркамъ, то оно вышло бы изъ-подъ всякаго влияния со стороны Россіи. Такъ, въ 1586 году, при предложеніи царя Федора Ивановича въ короли польскіе и великіе князья литовскіе, бояре говорили полякамъ: «Молдавія, Валахія, Боснія

и Сербія, что за турками, достались бы Польша и Литва, а что поближе к Москве, — Крым, Азов и Кафа — достались бы нам». Таким образом мы видим, что за время московской политики составились два предположения, совершенно противоположившія нашим, так называемым нынѣ, «национальным интересам». Одно изъ этихъ предположеній клонилось къ тому, чтобъ утвердить въ Польшѣ и Западной Руси господство Австріи, а другое къ тому, чтобы усилить Польшу присоединеніемъ къ ней православныхъ приданайскихъ княжествъ, а также Босніи и Сербіи.

Мысль объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига не зарождалась самобытно въ Москвѣ, но заходила туда съ Запада. такъ какъ, вообще, освободительная политика не была въ духѣ Москвы. Въ виду этого, надобно воздать прежней Москвѣ похвалу за ея политическую сметливость. Она не бралась за дѣло, которое ей было не подъ-стать, и не ставила себя въ ложное положеніе, очень хорошо понимая ту простую истину, что никто не можетъ дать того, чего не имѣетъ самъ. Затѣмъ, что касается шедшихъ съ Запада въ Москву внушеній объ освобожденіи христіанъ отъ ига турокъ, то папа Левъ X, указывая великому князю Василю III на возможность соединенія Литвы съ Польшею, добавлялъ, что если государь московскій захочетъ стоять за свою вотчину константинопольскую, то ему теперь для этого и дорѣга, и помощь готовы. Такое предложеніе не имѣло, однако, въ Москвѣ успѣха, такъ какъ, одновременно съ предложеніемъ Василю III получить его константинопольскую вотчину, шло предложеніе и о соединеніи церкви восточной съ западной. Но Москва твердо стояла за восточное православіе, и папскій посолъ получилъ отвѣтъ, что великій князь хочетъ крѣпко держать свой «греческій законъ». Кроме того, и завоеваніе Константинополя, какъ «вотчины» государей московскихъ, не сходило съ тѣмъ возрѣніемъ, какое относительно вотчиннаго права сложилось въ Москвѣ, которая не признавала такого права, по отношенію къ шведскому королевскому дому Ваза, на Литву и Польшу, ссылаясь на то, что сестра Сигизмунда II, Екатерина, мать Сигизмунда III, не могла быть въ государствѣ «отчичемъ». Москва не признавала возможности перехода государственно-вотчиннаго права по женскому колѣну, и такъ какъ государя

московскіе происходили отъ дома Палеологовъ не по мужскому, а по женскому колѣну, чрезъ царевну Софью Феофановну, то они, по тогдашнимъ понятіямъ, и не могли считать себя константинопольскими вотчинниками. Другое дѣло—Литва и Польша, по ихъ доводамъ, царствовали Рюриковичи, въ лицѣ Ягеллоновъ, а потому, по пресѣченіи мужскаго колѣна этихъ послѣднихъ, къ государямъ московскимъ вполнѣ правильно должны были бы перейти вотчинныя права дома Ягеллоновъ-Рюриковичей. Можно было, пожалуй, подкрѣпить вотчинное право царей московскихъ и на Константинополь тѣмъ, что они считали себя потомками Августа-Кесаря, «обладавшаго всею вселенною», а слѣдовательно и Царьградомъ, и что Рюрикъ, по доводамъ московскихъ бояръ, былъ въ четырнадцатомъ колѣнѣ потомкомъ такого всесвѣтнаго обладателя. По всей вѣроятности однако, доводы эти были слишкомъ шатки даже и въ глазахъ самой московской дипломатіи, такъ какъ, на основаніи ихъ, никогда въ вотчинныхъ правъ на Константинополь со стороны Москвы не предъявлялось, хотя упомянутымъ родословіемъ, по мнѣнію московскихъ толковниковъ, и подтверждались права государей московскихъ на царскій титулъ.

Предложенія союза объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига дѣлались въ Москвѣ и цесарскими послами. Въ 1571 году, когда Австрія хлопотала о предоставленіи польскаго престола эрцгерцогу Эрнсту, цесарскіе послы говорили Ивану IV: «все царство греческое будетъ уступлено твоему величеству и ваша пресвятость будете провозглашены восточнымъ цесаремъ». Ему же Посевинъ заявлялъ: «Если будешь съ папою, цесаремъ и со всѣми государями въ любви, будешь не только на прародительско-й вотчинѣ въ Кіевѣ, но и въ Царьградѣ будешь; папа, цесарь и всѣ государи о томъ будутъ стараться». Но въ Москвѣ уклонялись отъ такихъ предложеній подъ разными предлогами и поставляли на видъ, что такое освобожденіе есть общее дѣло всего христіанства, а не исключительно государства московскаго.

Ограничиваясь только обзорѣемъ политики московской поры въ отношеніи славянства, мы, конечно, не находимъ нужнымъ сопоставлять ее съ современною политикою Россіи, обусловленною совершенно иными обстоятельствами и развившею-

ся не самостоятельно, но лишь примѣняемою къ обще-европейскимъ понятіямъ относительно народностей. Мы можемъ только сказать, что въ продолженіе упомянутой поры не встрѣчается никакихъ руководительныхъ по этому вопросу началъ, соответствующихъ потребностямъ настоящаго времени, и что, поэтому, тѣ славянофилы, которые являются вмѣстѣ съ тѣмъ и поборниками московской старины, должны были бы отказаться отъ своихъ хлопотъ по славянскому дѣлу, такъ какъ этого рода хлопоты не были намѣчены «домашнею» московскою политикою. Онѣ внушались намъ со стороны католическаго запада и народились у насъ только въ «петербургскій періодъ» русской исторіи. Московскіе же народники-славянофилы, чтобъ не впадать въ противорѣчіе съ самими собою, должны также признать правильность берлинскаго договора, такъ какъ онъ собственно осуществлялъ воззрѣніе Москвы на дѣло объ освобожденіи христіанъ отъ ига турокъ, признавая, — какъ признавала и она въ свое время, — что такое освобожденіе есть «общее дѣло всего христіанства», а не исключительно одного только государства московскаго. Если же Россія имѣетъ нынѣ за собою такое первенствующее право, то, безспорно, что она приобрѣла его не сохраненіемъ началъ московской политики, но тѣмъ новымъ образомъ дѣйствій, какой она усвоила себѣ въ продолженіе «петербургскаго періода» своей исторіи.

VII.

Въ исторіи нашей политики московской поры заслуживаютъ между прочимъ, вниманія и отношенія государства московскаго къ королевству шведскому. Отношенія эти были какъ бы унаследованы Москвою отъ Новгорода, вслѣдствіе чего государи шведскіе не сносились даже непосредственно съ Москвою, но только съ намѣстниками новгородскими. Такой оскорбительный для королей шведскихъ способъ сношеній былъ одною изъ главныхъ причинъ постоянныхъ несогласій между Швеціею и Москвою. Вообще же государи московскіе оказывали пренебреженіе Швеціи, и въ этомъ случаѣ проявляли тщеславіе, быть можетъ, и лестное въ ту пору для народной нашей гордости. На требованіе шведовъ о прямыхъ сношеніяхъ съ Москвою, имѣ

оттуда отвѣчали, что новгородскіе пригороды — Псковъ и Устюгъ — каждый въ отдаленности, больше Стевольной, т. е. Столгольма. Къ этому добавлялось и крайне-династическое высокомеріе съ московской стороны. Иванъ IV, поставляя на видъ, что онъ ^{московный} государь, укорялъ представителей шведскаго королевскаго дома, что они «мужицкаго рода», что родоначальникъ ихъ Густавъ Ваза пришелъ въ Швецію недавно и что прежде ^{животин} онъ торговалъ». Въ свою очередь и король шведскій Иоаннъ писалъ царю Федору Ивановичу: «отецъ твой владѣлъ землею своею и подданными немилостиво, съ кровопролитіемъ, и сосѣдъ о въ былъ лихой». Впрочемъ, брань была въ ту пору въ большомъ употребленіи. Такъ, Стефанъ Баторій, въ перепискѣ своей съ Москвою, называлъ Ивана IV фараономъ московскимъ, и исполненнымъ яда, человѣкомъ грубымъ и ничтожнымъ. До какой степени Москва въ лицѣ Ивана IV высокомерно относилась къ Швеціи, лучше всего видно изъ того, что государь московскій требовалъ отъ короля шведскаго, чтобъ этотъ послѣдній прислалъ свой титулъ и свой гербъ, для внесенія въ титулъ и въ гербъ царя московскаго, что съ внешней стороны было бы равносильно подданству Швеціи государю московскому. Москвѣ, однако, суждено было извѣдать приниженіе передъ Швеціею, такъ какъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій, послѣ долгихъ колебаній, вынужденъ былъ обратиться къ королю шведскому съ просьбою о присылкѣ вооруженной помощи не только противъ внешнихъ, но и внутреннихъ враговъ. Сверхъ того, въ смутное время, Новгородъ хотѣлъ отстать отъ Москвы и передаться на сторону Шведовъ. Новгородцы, избравъ царемъ королевича Филиппа, вспомнили свое старшинство передъ Москвою и заявляли, что и она должна будетъ признать избраннаго ими государя. Послѣ столбовскаго мира, множество русскихъ, до 50,000 человѣкъ, отошедшихъ къ Швеціи, не желая оставаться подъ властію иновѣрнаго государя, перебѣжали въ московскіе предѣлы. Шведы требовали ихъ выдачи, но Москва, постоянно поборавшая православію, видѣла въ этомъ отдачу православныхъ христіанъ въ лютеранскую вѣру, и потому, не смотря на свои стѣсненные денежныя обстоятельства, и избѣгая «запирать» шведовъ, выкупила русскихъ людей за 20,000 рублей и за отпускъ 11,000 четвертей хлѣба изъ псковскихъ

житницъ. Здѣсь снова проявилась та религіозная черта, которою постоянно отличалась внѣшняя политика Москвы. Не смотря на такую общую черту, соответствовавшую, безъ всякаго сомнѣнія, духу и понятіямъ православнаго русскаго народа, внѣшняя политика Москвы поступалась иногда христіанскимъ религіознымъ началомъ въ силу особыхъ политическихъ соображеній и дѣлала это не только въ отношеніи католичества, но и защищаемаго ею православія. Такъ, Москва, для утвержденія своей государственности, наводила татаръ-магометанъ на Тверь и Рязань и на народоправства новгородское и хлыновское. Москва подбивала также татаръ-магометанъ къ опустошительнымъ нападеніямъ на литовско-русскія области, населенныя православными жителями—на южную Русь. Великій князь московскій Иванъ III наводилъ своего союзника, крымскаго хана Менгли-Гирея, на подольскую землю и на «кіевскія мѣста». Вслѣдствіе этого произошелъ разгромъ Кіева—«матери городовъ русскихъ»—ханомъ Менгли—Гиреемъ, который прислалъ, въ видѣ подарка, своему союзнику въ Москву захваченные въ разграбленномъ татарами кіевскомъ Софійскомъ соборѣ золотой дискосъ и такой же потиръ, что въ сущности было знакомъ торжества ислама надъ православіемъ.

Надобно впрочемъ сказать, что такія навожденія татаръ на польско-русскія области могли считаться возмездіемъ, потому что, въ свою очередь, и Польша старалась насыпать татаръ на московскія владѣнія съ тою, однако, разницею, что въ подобныхъ случаяхъ поляки не предавали въ жертву татарамъ своихъ единовѣрцевъ-католиковъ, тогда какъ, вслѣдствіе прорисковъ московской политики, татары вводили въ «поганскую» неволю десятки и даже сотни тысячъ православнаго народа, населявшаго Волынь и Подолію. При такихъ условіяхъ Москва слишкомъ далеко отступала отъ тѣхъ началъ, которымъ неуклонно должна была бы слѣдовать ея истинно-народная политика.

Кромѣ того, въ отношеніяхъ Москвы къ Крыму проглядывали еще и такія особенности, которыя могутъ считаться оскорбительными для нашего «національнаго» достоинства. Не смотря на сверженіе ига татарскаго при Иванѣ III, Москва, при сынѣ его Василя III, хотя и на очень короткое время, сдѣлалась въ

1526 году снова татарскою данницею, такъ какъ Василій Ш далъ крымскому хану Менгли-Гирею запись — быть у него въ послушаніи и платить ему дань, и только побѣда, одержанная воеводою Хабаромъ Симскимъ надъ татарами, спасла Русь отъ этого наложеннаго на нее вновь позора. Но и послѣ этого Москва продолжала сохранять особенно почтительныя отношенія къ единственному, уцѣлѣвшему въ Крыму, татарскому ханству. Она смотрѣла на тамошнихъ хановъ, какъ на представителей царей ордынскихъ, господствовавшихъ нѣкогда надъ русскою землею, и долгое время, даже послѣ покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, государи московскіе не могли отстать отъ этой привычки, которая весьма замѣтно проявлялась во внешней политикѣ московской поры. Хотя еще Иванъ Ш требовалъ для себя равенства съ римско-нѣмецкимъ императоромъ, — первенствовавшимъ, по тогдашнимъ европейскимъ понятіямъ, государемъ, — а внукъ его такъ высокоумѣнно относился къ королямъ шведскимъ и къ Стефану Баторію; но тѣмъ не менѣе какъ тотъ, такъ и другой продолжали въ грамотахъ своихъ «бить челомъ» крымскимъ ханамъ, какъ били предки ихъ ханамъ Золотой орды. Такого уничижительнаго для себя выраженія они не допускали въ сношеніяхъ съ другими государями, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовали этого выраженія отъ королей шведскихъ, въ знакъ приниженія этихъ послѣднихъ передъ государями московскими. Съ одной стороны и Гирей, въ качествѣ преемниковъ Батыя, продолжали пренебрежительно относиться къ Москвѣ. Такъ, ханъ Саипъ-Гирей требовалъ, чтобы великій князь Василій «читилъ его пословъ по старому обычаю», добавляя, что тотъ, кто хочетъ почтить господина, тотъ и собакъ его броситъ кость. Хань крымскіе, до второй половины XVII столѣтія, требовали отъ государей московскихъ «поминокъ», или собственно дани; но государи московскіе, послѣ записи, выданной великимъ княземъ Василіемъ Ш хану Менглу-Гирею, ни за что не соглашались обязываться срочною посылкою денегъ въ Крымъ, такъ какъ она имѣла бы видъ прежней дани. Тѣмъ не менѣе, надменные выходки крымскихъ хановъ переносились въ Москвѣ вообще съ легкимъ сердцемъ, между тѣмъ какъ Москва была очень щеголива къ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя дѣлались со стороны каки хъ-либо другихъ иностранныхъ государствъ.

VIII.

Установленіе Москвою единодержавія и самодержавія высоко подняло въ мнѣніи народа личность государя, которая вполнѣ ствѣ нераздѣльно слилась съ понятіемъ о землѣ русской. Такое возвышеніе верховной власти не могло не отозваться и на высшей политикѣ Москвы. Поэтому стояніе предъ иностранцами за личную честь государя было равносильно стоянію и за честь государства. Выраженіе такого народнаго понятія является отличительною чертою московской политики. Московская дипломатія тщательно оберегала малѣйшее покушеніе иностранцевъ умалиться отъ воздаванія должной почести государеву имени или умалить чѣмъ бы то ни было царскую честь. Вслѣдствіе этого, иностранныя сношенія московской поры отличаются многими особенностями, которыя не были понятны иностранцамъ, современникамъ той поры, но которыя представляли чрезвычайную, первенствующую важность для людей «государства московскаго».

Въ «Запискѣ», поданной К. Аксаковымъ покойному императору Александру II и напечатанной потомъ въ газетѣ «Русь», ставилось, между прочимъ, въ укоръ «петербургскому періоду» нашей исторіи то, что въ этотъ періодъ истинное понятіе о священной и божественнаго происхожденія власти русскаго государя извратилось тѣмъ, что его самого стали приравнивать къ Богу. Въ подтвержденіе такого обвиненія приводился извѣстный стихъ Ломоносова, въ которомъ онъ, указывая на Петра Великаго, говорилъ Россіи—«онъ твой богъ».

Не придавая никакого существеннаго значенія поэтическимъ вольностямъ и не изумляясь тому, что въ томъ станѣ, къ которому принадлежалъ покойный К. Аксаковъ, какой-то стихотворецъ объявлялъ однажды, что Иванъ Великій «виваетъ славянамъ своею золотой головой», мы обратимся къ источникамъ, имѣющимъ несравненно большее политическое значеніе, нежели стихи—хотя бы сочиненные Ломоносовымъ.

То понятіе, которое приписываетъ К. Аксаковъ «петербургскому періоду» возникло въ московскую пору и проявилось въ видѣ, имѣющемъ несравненно большую важность, нежели какая бы ни было торжественная ода.

Такъ, еще въ началѣ XV вѣка, архіепископъ новгородскій **Феодосій Уподоблялъ** власть царя земнаго власти царя небеснаго. Онъ говорилъ великому князю: «тебя, государя, Богъ вмѣсто себя избралъ на землѣ и на свой престолъ, вознесши, посадилъ». Въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, Максимъ Грекъ училъ, что «царь есть образъ живой и видимый царя небеснаго», а московскій митрополитъ Діонисій, при вѣнчаніи на царство Феодора Ивановича, говорилъ: «цари намъ вмѣсто Бога». Въ старинныхъ московскихъ челобитныхъ писалось, чтобы «государь сжался и помиловалъ, какъ Богъ». Встрѣчные падали передъ государями на землю ницъ. Петръ Великій, первый державный представитель Петербургскаго періода, отмѣнилъ этотъ обычай, заявивъ въ своемъ указѣ, что «такое поклоненіе достоинъ только единому Богу».

Возникшее въ Москвѣ ученіе не только о святости, но и о боготвореніи личности государя составляло одну изъ основъ права нашихъ международныхъ сношеніяхъ, и тутъ-то проявлялась стойкость нашихъ представителей при иностранныхъ дворахъ.

Въ этихъ случаяхъ, предметомъ самыхъ упорныхъ пререканій былъ прежде всего царскій титулъ, и они возникали постоянно при сношеніяхъ Москвы съ Польшею. Началось съ того, что Поляки стали отказывать Ивану IV въ царскомъ титулѣ, и когда онъ сослался на то, что еще его предокъ Владиміръ Мономахъ именовался царемъ, то паны отвѣчали, что въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ называться царемъ кievскимъ, а не московскимъ. При возникавшихъ предположеніяхъ объ избраніи государей московскихъ на польско-литовскій престолъ, однимъ изъ главныхъ камней преткновенія былъ вопросъ о титулѣ избираемаго государя. Поляки настаивали, чтобы въ этомъ титулѣ писалось прежде: «король польскій», а потомъ уже «царь московскій и всей Руси», но русская сторона ни за что не соглашалась на это. Въ такомъ упорствѣ шло дѣло уже не только о личномъ титулѣ государя, но и о значеніи московскаго государства и его народности, которая не должна была не только поникнуть передъ польскою, но и уступить ей въ чемъ либо.

Москва отстаивала народное достоинство и въ ту пору, когда **Доролевицъ Владиславъ**, потерявъ, вслѣдствіе избранія **Михаила**

Федоровича Романова, предоставленное ему передъ тѣмъ право на русскій престолъ и сдѣлавшись потомъ королемъ польскимъ, продолжалъ присвоивать себѣ титулъ «царя Московскаго и всея Руси». Тогда была пора самыхъ жаркихъ споровъ изъ-за титула и, конечно, даже малѣйшая уступка въ этомъ случаѣ со стороны московскаго правительства стала бы крайне оскорбительной для русскаго народа, избранникомъ котораго являлся уже не польскій королевичъ Владиславъ, но русскій бояринъ. При возникавшихъ по этому поводу спорахъ, бояре московскіе дѣйствовали чисто въ русско-народномъ духѣ: они, въ присылаемыхъ изъ Варшавы въ Москву грамотахъ, съ присвоеннымъ Владиславу царскимъ титуломъ, замазывали этотъ титулъ дегтемъ и въ такомъ видѣ отсылали грамоту обратно, а поляки, въ отместку за это, во вновь присылаемыхъ въ Москву грамотахъ писали царя Михаила Федоровича «непристойнымъ, уродственнымъ обычаемъ» — полуименемъ, и тогда бояре отказывались принимать такія грамоты, оскорбительныя не только лично для государя, но и для всего народа.

Но кромѣ такихъ случаевъ, получавшихъ значеніе вопроса безусловно важнаго въ глазахъ всего народа, возникали очень часто пререканія и за незначительныя ошибки или описки въ царскомъ титулѣ. Такъ, при Федорѣ Ивановичѣ бояре не приняли королевской грамоты потому только, что въ ней въ царскомъ титулѣ, вмѣсто «Югорскій», стояло «Игорскій».

За описку царскаго титула Москва требовала въ Варшавѣ наказанія виновныхъ не только кнутомъ, но и смертью. На такое требованіе данъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «за несправное писаніе царскаго титула Калиновскій и Жолкевскій были похлечены на сеймѣ, названы людьми простыми и неучеными, и то имъ въ великое безчестье и наказанье, притомъ королевское величество вольнаго шляхтича, мимо установленнаго исконнаго вольнаго нашего права, безъ совѣта Рѣчи Посполитой карати не можетъ, а что ведется по московскому обычаю кнутить, то дѣло несбыточное: въ нашемъ государствѣ этого не повелось никогда».

Требуя наказанія кнутомъ такихъ польскихъ ясно-вельможныхъ пановъ, какими были гетмацы Калиновскій и Жолкевскій, московскіе послы дѣйствовали несомнѣнно въ народномъ духѣ

такъ какъ въ государствѣ московскомъ отъ такого наказанья не избавлялся никто, хотя бы онъ былъ самый именитый и родовитый бояринъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, такое требованіе указываетъ на то, до какой степени могли бы, въ противность нашей народности, измѣниться въ Москвѣ понятія и обычаи и безъ петровскихъ преобразованій, еслибы только осуществилось домогательство государей московскихъ соединить московское царство, королевство польское и великое княжество литовское въ одно общее государство. Само собою, разумѣется, что не одно только приведенное выше сопоставленіе, но и весь складъ тогдашней нашей жизни указывалъ на ошибочность московской политики, стремившейся къ упомянутому объединенію, въ подрывъ нашей народности польскимъ влияніемъ.

IX.

Связывая возвращеніе «домой» съ возвращеніемъ къ московскимъ порядкамъ, безъ примѣси къ нимъ вредоносныхъ позанимательностей съ Запада, и провозглашая объ «оздоровленіи корней», современные наши народники, и красно, и широковъщательно, настаиваютъ на необходимости свободы печатнаго слова. Дурацкая, однако, что возвращеніе «домой» и «оздоровленіе корней» совершенно не ладятся съ возможностью такой свободы. Подтвержденіе этой догадки мы находимъ, между прочимъ, въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Польшею за московскую пору. Москва, у себя дома, клала тяжелый запретъ на научныя попытки, выходящія изъ круга тѣсныхъ церковныхъ воззрѣній, а въ своихъ предѣлахъ настойчиво преслѣдовала свободу политической печати, хотя бы и съ исторической подкладкой. Такъ, Москва желала истребить изданное на англійскомъ языкѣ сочиненіе Флетчера о Россіи въ царствованіе Ивана IV, а въ 1650 году бывшіе въ Варшавѣ московскіе послы жаловались сейму, что въ Польшѣ напечатаны многія книги и разнесены въ московское царство и окрестныя государства; что въ этихъ книгахъ напечатаны многія безчестья и укоризны отцу царя, ему самому, боярамъ и всѣхъ чиновъ людямъ, а Москва названа «бѣдной». На жалобы эти поляки отвѣчали такъ: «Который печатникъ печатаетъ въ книгѣ хорошо и справедливо, мы

того хвалимъ, а если глупцы печатаютъ что дурно, негодно, лживо, надъ тѣмъ мы, паны радные, смѣемся. Если же книгъ не печатать, то потомкамъ нашимъ и знать о прошломъ будетъ не по чему. И о Польшѣ, и о Литвѣ много безчестья печатаютъ, однако король и мы, паны радные, за безчестье себѣ того не ставимъ. Пусть великій государь велитъ у себя напечатать о польскомъ королевствѣ что ему угодно».

Послы наши настояли, однако, на томъ, что «описание славныхъ дѣлъ королей Сигизмунда III и Владислава» было сожжено на варшавскомъ рынкѣ, а по улицамъ и на площадяхъ польской столицы было протрублено, чтобы книгъ этихъ никто у себя не держалъ, а приносили бы ихъ къ назначенному королемъ чиновнику.

Безъ всякаго сомнѣнія, московскимъ посламъ должно отдать полную справедливость: они сѣумѣли постоять за честь государя и за честь родины, но дѣло въ томъ, что при возвратѣ «домой» нашимъ народникамъ пришлось бы, конечно, держаться того намѣченнаго общаго взгляда на значеніе печати, какой былъ высказанъ въ Варшавѣ, или же отказаться отъ того, о чемъ они теперь проповѣдуютъ съ такою, повидимому, горячностью...

X.

Мы уже говорили вообще о зависимости внѣшней политики отъ стеченія разныхъ случайностей, въ виду которыхъ представляется необходимымъ сдѣлать тѣ или другія уступки, хотя бы отъ этого и пострадали какъ выгоды государства, такъ и «національное» самолюбіе его подданныхъ. Примѣры такихъ уступокъ встрѣчаются часто и въ политикѣ московской поры. Хотя Москва и твердо держалась намѣченныхъ ею цѣлей, но тѣмъ не менѣе для достиженія ихъ допускались оскорбительные для нашей народности способы. Въ затруднительныхъ случаяхъ московскимъ посламъ приказываемо было, вмѣсто того, чтобы «говорить высоко»,—«говорить гладко, невстрѣчно». Въ иныхъ случаяхъ уступчивость доходила до опозориванія представителей Земли Русской. Такъ, въ наказѣ посламъ, отправленнымъ къ Баторію, послѣ торжества его надъ русскими, сказано было: «отвѣчать на брань слегка, а самимъ не браниться, противъ

побоевъ терпѣть, не требовать вставать, самимъ не заирать и невѣжливыхъ словъ королю не говорить». Между тѣмъ при другихъ обстоятельствахъ, благопріятныхъ для Москвы, давались наказы совершенно противоположные, въ такомъ смыслѣ, что неспростъ иностраннаго государя о здоровьѣ царя или невставаніе при упоминаніи царскаго имени послы должны были принимать за тяжкую обиду и прекращать начатые мирные переговоры. Такимъ образомъ, и политика московской поры жертвовала иногда «національною» честью и гордостью государства, и его представители на чужбинѣ не отстаивали до конца ни той, ни другой, смиряясь въ своихъ сношеніяхъ передъ опаснымъ, хотя и крайне ненавистнымъ непріателемъ, какъ на примѣръ передъ Крымомъ или Польшею.

Москва не всегда заботилась и о поддержаніи внѣшней обстановки своего представительства за границей и тѣмъ, конечно, ровняла Россію въ мнѣніи иноземцевъ. Въ этихъ случаяхъ, Москва какъ будто измѣняла одному изъ главныхъ признаковъ русской народности,—измѣняла такъ называемой нынѣ «широкой русской натурѣ» и не ставила послѣдняго гроша ребромъ, а скряжничала совершенно не кстати. Вотъ, на примѣръ, въ какомъ жалкомъ и безвыходномъ положеніи находился въ царствованіе Θεодора Алексѣевича—когда московскій дворъ, по прежнему, отличался своей роскошно-азіятской обстановкой—русскій посолъ въ Варшавѣ, Тяпкинь, которому предстояло ѣхать оттуда въ Краковъ на коронацію короля Яна Собѣскаго. Онъ писалъ въ Москву, что денегъ у него не было, и добавлялъ: «занять не добуду безъ заклада, а заложить нечего: одна была фerezиска подъ золотомъ, да и та у мѣщанина пропадаетъ въ закладъ, потому что выкупить нечѣмъ. Выбраться не на чемъ въ люди; пала лошадь, придется также самому издохнуть отъ скудости». Вообще Москва не отличалась щедростью на расходы по внѣшней представительности русскаго народа за границею, и посольства наши находились почти всегда въ стѣсненномъ положеніи относительно денежныхъ средствъ.

Другимъ недостаткомъ этого представительства должно считать приниженность тѣхъ лицъ, на которыхъ оно возлагалось. Лица эти считали самихъ себя ни во что. Такъ, на примѣръ, московскій посолъ Власевъ возбудилъ общій хохотъ среди ко-

ролевскихъ дворянъ, когда, отказавшись сѣсть по предложенію короля за одинъ съ нимъ столъ, униженно сказали: «намъ, холопамъ, за столъ съ великими государями садиться не годится; будетъ съ насъ, холоповъ, и того, что мы смотримъ, какъ они кушаютъ». Еще ранѣе, при дворѣ англійской королевы Елизаветы, русскій посолъ не рѣшился, по англійскому обычаю, вымыть руки послѣ обѣда и, на запросъ «честнѣйшаго чину рычарда подвязочнаго» Сесилия о причинѣ отказа, отвѣчалъ, что въ присутствіи королевы ему, холопу, сдѣлать этого нельзя. Надобно полагать, что подобныя смиренныя отговорки не давали повода составить въ Западной Европѣ выгодное мнѣніе о томъ положеніи, въ какомъ находились у себя дома «преимущіе» люди государства московскаго.

Независимо отъ этой униженности, московскіе дипломаты не производили—за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—благопріятнаго впечатлѣнія при иностранныхъ дворахъ своимъ невѣжествомъ и своею грубостью. Даже въ Москвѣ сознавали эти недостатки русской народности, и потому, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ даваемыхъ посольскимъ людямъ наказахъ внушалось: «сидѣть за королевскимъ столомъ чинно, остерегательно, не упиваться и словъ дурныхъ между собою не говорить».

Гонимая за добрымъ мнѣніемъ Европы о государствѣ московскомъ, московская политика старалась скрывать такія обстоятельства, которые могли быть неприглядны для тогдашнихъ европейцевъ. Мы уже упомянули о домогательствахъ, дѣлаемыхъ Москвою относительно напечатанныхъ въ Польшѣ книгъ, распространявшихъ дурную славу о «бѣдной» Москвѣ. Кромѣ того, нерѣдко московскимъ посламъ давались особые наказы, въ которыхъ желаніе скрытничать доходило, напримѣръ, до того, что посламъ, отправленнымъ въ Польшу, приказано было, на случай, если спросятъ объ опричиннѣ, отвѣчать, что опричинны никогда въ Москвѣ не бывало. Впослѣдствіи, когда сынъ известнаго боярина Ордына-Нащокина, Воинъ, убѣжалъ изъ Москвы за границу, царь Алексѣѣ Михайловичъ обѣщалъ дать за его поимку 5,000, 6,000 и даже 10,000 рублей, а если это не удастся, то приказывалъ «извести» молодаго Нащокина потому, что онъ отъ великаго государя отпущенъ былъ къ его отцу со многими указами о дѣлахъ и вѣдомостями. Вообще же наша

внѣшняя политика московской поры не учитъ тому высокоумному пренебреженію къ Западной Европѣ, какое проповѣдуютъ нынѣ наши народники, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ревнители до-петровской старины. Москва признавала пользу иноземнаго вліянія и старалась, такъ или иначе, привлечь къ себѣ чужестранцевъ и вступить съ ними въ общеніе, что и высказывалось въ ея международныхъ сношеніяхъ. Иванъ IV, желая имѣть въ московскомъ государствѣ побольше нѣмцевъ, запрещалъ продавать въ Литву нѣмецкихъ плѣнниковъ, а приказывалъ, чтобы ихъ продавали только въ московскіе города, какъ людей пригодныхъ для русскихъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, главнымъ руководителемъ внѣшней московской политики можно считать иноземца Виніуса, съ которымъ постоянно, по всѣмъ важнымъ дѣламъ, совѣтовался управлявшій посольскимъ приказомъ бояринъ Ордынъ-Нащокинъ. Съ Виніусомъ же по этимъ дѣламъ совѣтовался и бояринъ Морозовъ.

XI.

Не смотря на желаніе Москвы сдѣлаться въ Европѣ извѣстной съ выгодной стороны, это, однако, несовсѣмъ удавалось. Тамъ, даже до исхода XV вѣка, крайне оскорбительно для нашей народной самобытности полагали, что великій князь московскій подвластенъ королю польскому, какъ его вассалъ. Невѣрность такого мнѣнія разъяснилъ въ первый разъ нѣмецъ Поппель, пріѣзжавшій въ 1486 году въ Москву, какъ частный человѣкъ, а въ 1489 году онъ пріѣхалъ туда же, но въ качествѣ цесарскаго посла, съ предложеніемъ, чтобы великій князь Иванъ выдалъ дочь свою за племянника императора, маркграфа Баденскаго.

Уже со времени первоначальнаго знакомства Западной Европы съ Русью, Европа стала признавать ту положительную силу, которая таилась въ русскомъ народѣ, и среди европейцевъ зародилось мнѣніе о великой будущности нашего отечества вслѣдствіе качествъ нашего народа, но не московской государственной управы. Гайкюльтъ писалъ: «что будетъ изъ русскихъ людей, если они къ своимъ способностямъ переносить суровую жизнь и довольствоваться малымъ, присоединять еще искусство военное? Еслибы они сознавали свою силу—добавляетъ онъ,—

то никто не могъ бы соперничать съ ними и сосѣди не имѣли бы отъ нихъ покоя». Сообразно съ понятіемъ, составившимся въ Европѣ о Московіи, и относилась къ ней западная политика, которая хотѣла воспользоваться возникшимъ могуществомъ Россіи для своихъ цѣлей, и такъ какъ въ ту пору господствующею мыслью среди европейскихъ дворовъ была мысль объ изгнаніи турокъ изъ Европы и объ освобожденіи отъ ихъ ига христіанъ, то западныя державы и направляли къ этому свои исканія въ Москвѣ. Но постоянный ея отказъ отъ участія въ замыслахъ Европы былъ какъ нельзя болѣе согласенъ съ духомъ и мыслию народа, не жаждавшаго вовсе какихъ либо освободительныхъ и славныхъ подвиговъ. Къ этому присоединилось еще и опасеніе, согласное съ чувствомъ народа, что союзъ нашъ съ католическимъ западомъ долженъ быть обусловленъ отступничествомъ отъ греческаго православія. Многіе изъ западныхъ европейцевъ, посѣщая Московію, отдавали должную справедливость качествамъ господствующаго въ ней населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавали отсутствіе у насъ всякой образованности. Но оцѣнивая справедливо хорошія стороны народныхъ нашихъ свойствъ, Европа XVI и XVII столѣтій крайне несочувственно относилась къ существовавшему у насъ государственному и общественному строю, и въ такомъ смыслѣ появлялись въ Западной Европѣ всѣ сочиненія о Россіи. Впрочемъ худая на этотъ счетъ молва распространялась не исключительно на западъ, но распространялась и на востокъ Европы. Такъ, въ сочиненіи «Описаніе путешествія изъ Львова до Москвы»,—относящемся къ первой половинѣ XVII столѣтія,—между прочимъ, сообщалось: «ляхи, а отъ нихъ научились крѣпко держать ее (политическую ересь) и черкасы (малороссы) и мало не всѣ европейскіе народы: взяли себѣ въ голову, что жить подъ преславнымъ царствомъ русскимъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы. Такое дьявольское убѣжденіе внушаютъ имъ духовные и греческіе митрополиты».

Такимъ образомъ, еще до начала «петербургскаго періода» установились въ Европѣ непріязненные къ намъ чувства и проявлялось желаніе сдержать дальнѣйшее развитіе силъ, произведенныхъ русскому народу. Лучшимъ для этого средствомъ считалось обособленіе государства московскаго отъ западно-

европейской образованности, и въ такомъ направленіи дѣйствовали ближайшіе наши приморскіе сосѣди—прибалтійскіе нѣмцы, которые—какъ это ни странно—въ данномъ случаѣ могли бы быть самыми полезными помощниками современныхъ нашихъ московскихъ народниковъ и содѣйствовали ихъ вождельнію—отдалить сколько возможно болѣе Россію отъ умственного и бытоваго сближенія съ западомъ Европы.

Затѣмъ, если изъ приведенныхъ нами указаній относительно признаковъ русской народности во внешней политикѣ Москвы сдѣлаемъ общіе выводы, то нельзя не сказать, что эти признаки проявлялись весьма слабо, особенно если сопоставить ихъ съ тѣми стремленіями, какія желаютъ усвоить «національной» нашей политикѣ современные московскіе народники. Такъ, политика эта, не смотря на слабую связь въ то время выгодъ Россіи съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, не только не уклонялась, но даже искала дружественныхъ союзовъ съ западными державами. Подобные союзы были заключаемы: съ Австрією, Англією, Францією и Данією. Изъ нихъ къ первой,—въ противность тому направленію, какое хотятъ придать нынѣ нашей политикѣ,—Москва постоянно относилась и дружелюбно, и почетно. Москва, какъ мы видѣли, не только допускала вмѣшательство Австріи въ свои внешнія отношенія съ другими державами, но даже въ смутное время обратилась въ Вѣну съ просьбою о помощи и по нашимъ внутреннимъ дѣламъ. Не смотря на свою отчужденность отъ общеевропейскихъ дѣлъ, Москва вмѣшалась въ нихъ однажды непосредственно отъ себя, и—что въ особенности замѣчательно—съ цѣлью оказать свое покровительство зарождавшейся Пруссіи, будущей истребительницѣ западнаго славянства.

Однимъ изъ главныхъ признаковъ народности во внешней политикѣ Москвы было, какъ мы говорили, стояніе за православіе, но это проявлялось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе этой политики касалось собственно государства московскаго. За предѣлами же его, Москва не выступала ревностною защитницею православія: она выдавала православныхъ донскихъ казаковъ султану; долго отказывалась принять подъ свое покровительство православную Украину и даже предполагала—за тѣ пріобрѣтенія, какія могли быть сдѣланы въ ея пользу на

югъ внѣшней Россіи—отдать православную Сербію католической Польшѣ. Домогательства свои на Западную Русь она основывала не на общемъ ея единовѣрїи съ Восточною, но только на «вотчинномъ» правѣ государей московскихъ и, съ своей стороны, совершенно безучастно и равнодушно смотрѣла на водвореніе уни въ Западной Руси. Правда, во время Ивана III мы встрѣчаемъ настойчивую переписку съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, относительно православія, но только потому, что тутъ дѣло шло о свободѣ вѣроисповѣданія дочери великаго князя московскаго. Здѣсь вопросъ переносился на «государскую честь», но никакого общаго заступничества за православіе не проявлялось.

Тѣмъ еще менѣе выступала Москва защитницей своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ областяхъ подвластныхъ султану, признавая это дѣло общимъ дѣломъ всего христіанства. Она устранялась отъ такого образа дѣйствій, который въ настоящее время считается «историческимъ» призваніемъ Россіи. Политика Москвы не провидѣла вовсе этой задачи, о которой,—по какимъ бы соображеніямъ тамъ ни было—внушали ей съ запада, а въ самой Москвѣ, какъ бы въ противность этимъ внушеніямъ, похваляли печатно въ началѣ XVII вѣка добрыя отношенія турокъ къ православному славянству.

Безъ всякаго сомнѣнія, стояніе представителей внѣшней московской политики за честь и имя государя должно считаться однимъ изъ главныхъ признаковъ «національнаго» ея свойства. Справедливость требуетъ замѣтить, что у представителей Москвы понятіе о государственной чести не ограничивалось только требованіями на счетъ исполненія разныхъ обрядностей, но они въ иныхъ случаяхъ тонко понимали и суть дѣла. Такъ, когда однажды поляки говорили русскимъ посламъ: «хотя бы одну деревню государь вашъ уступилъ нашему», то бояре отвѣчали: «деревня—дѣло пустое, нашимъ братьямъ можно уступать другъ другу деревни, но великимъ государямъ дорога не деревня—дорого государское имя, да честь». Нельзя однако не сказать, что такому похвальному направленію противорѣчили порою наказы посламъ—вести себя не только слишкомъ смиренно, но даже и терпѣть побой. Такіе наказы, не смотря на всю грубость тогдашнихъ, даже и европейскихъ нравовъ, не могли не

STANFORD LIBRARIES

унижать нашего національнаго достоинства, тѣмъ болѣе, что изъ русскихъ источниковъ видно, что иностранные послы, бывавшіе въ Москвѣ, тоже охранявшіе стойко честь представляемыхъ имъ государей, не допускали вмѣстѣ съ тѣмъ унижать и самихъ себя лично. При Иванѣ IV англійскій посолъ, не позволяя боярамъ оскорблять себя, въ отвѣтъ на ихъ невѣжливыя слова, надѣвъ шляпу во дворцѣ государя, изумилъ всѣхъ своею дерзостью и заставилъ присмирѣть задорныхъ до того бояръ. Само собою разумѣется, что на приниженности заграничныхъ представителей Москвы отражалась внутренняя ея политика, обращающая каждую личность въ государственное тягло, которое московскіе люди тянули иной разъ, по привычкѣ, уже слишкомъ усердно, даже и въ такомъ случаѣ, гдѣ это не требовалось самимъ правительствомъ. Такъ, въ наказяхъ, посольскимъ людямъ разрѣшалось садиться за королевскій столъ; но они, какъ мы видѣли, сами не рѣшались на это, отзываясь своимъ холопствомъ.

Вообще скажемъ мы, что Москва въ своей внешней политикѣ не намѣтила такихъ завѣтовъ, которымъ удобно было бы слѣдовать въ настоящую пору, съ цѣлью выдвинуть передъ Европой нашу народность, такъ какъ едва ли въ московской политикѣ проявлялись хорошія самобытныя стороны этой народности, подавленные тою государственностью, какою отличалась Москва. Говоря это, мы вовсе не думаемъ противополлагать въ лучшемъ смыслѣ московской порѣ «петербургскій періодъ». Но если въ этотъ періодъ, по мнѣнію нашихъ народниковъ, политика наша уклонилась отъ духа и мыслей народа, то это слѣдуетъ приписать не исключительно Петербургу, но и Москвѣ. Позволительно думать, что возвращеніе «домой», для воспріятія тамъ «бани пакибытія», не оживитъ истинно-русскою народностью ни внутренней, ни внешней нашей политики, и не обезпечитъ въ грядущемъ невозможности перелома ея на иностранный ладъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно сообразить, что государь, начавшій такъ рѣшительно и смѣло заводить у насъ иноземные порядки, не явился въ Москву изъ Петербурга, но совершенно наоборотъ: онъ пришелъ, съ запасомъ небывалыхъ еще у насъ диковинныхъ новшествъ, «на берега пустынныхъ волнъ» изъ своей праотеческой столицы...

Е. Карновичъ.

ФЕТИШЪ.

(Окончаніе).

У.

Записки Моравцева.

Я рѣшилъ писать свои записки... Конечно, я не имѣю въ виду готовить ихъ для печати,—при жизни, по крайней мѣрѣ. Они будутъ имѣть, вѣроятно, слишкомъ частный характеръ. Я буду писать ихъ для самого себя.

Я не считаю себя великимъ человѣкомъ, въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать это слово. Я—не Сократъ, не Коперникъ, не Наполеонъ, я не оставлю по себѣ памятниковъ рукотворныхъ и нерукотворныхъ, я пройду въ жизни, замѣченный лишь тѣмъ ограниченнымъ кружкомъ, съ которымъ столкнула меня судьба. Слава обо мнѣ, вѣроятно, не прогремитъ за горами и морями, имя мое не будетъ произноситься во всѣхъ концахъ образованнаго міра съ великой хулой или съ великимъ почитаніемъ.

Итакъ, я не великій человѣкъ. Что же я? Я—благороднѣйшій и честнѣйшій изъ людей. Такъ думаетъ, такъ и говоритъ обо мнѣ всякій, кто сколько нибудь меня знаетъ. Конечно, это еще не такъ много,—быть честнымъ и высоконравственнымъ человѣкомъ; это ни болѣе, ни менѣе, какъ человѣческій долгъ. Но вотъ вопросъ: многіе ли исполняютъ его? На каждомъ ли шагу встрѣчаются безукоризненные люди? Я не горжусь своимъ преимуществомъ; это значило бы гордиться предъ животнымъ своею чело-вѣчностью. Но какъ на животныхъ, уже органически стоящихъ ниже меня, такъ и на миллионную массу людей, погрязшую въ

STANFORD LIBRARIES

развратъ и всевозможныхъ порокахъ, я не могу смотрѣть, какъ на себѣ равную.

Не будучи великимъ человѣкомъ, я не остаюсь однако и малымъ; я—середина, я—самъ по себѣ,—я мысль, создающая великое, но не нашедшая себѣ носителя, не осуществленная никѣмъ... О, нѣтъ! Что говорю я: никѣмъ! Всѣ великіе мыслители и философы, начиная съ Сократа, признавали необходимость для человѣка возвышающей и украшающей его нравственности. Носители идеи находились, они несли ее человѣчеству, міру... на растерзаніе. Одна условная нравственность могла ужиться между людьми,—это нравственность изъ подъ палки, нравственность самосохраненія...

Абсолютное начало ея не прививалось къ людямъ. Я—эта абсолютная нравственность. Развѣ я честенъ и благороденъ потому лишь, что мнѣ выгодно быть такимъ? Не одинъ практическій человѣкъ не скажетъ этого. Съ точки зрѣнія условной нравственности я могъ бы быть безнравственнѣе.

Да! Съ точки зрѣнія условной нравственности я могъ бы быть безнравственнѣе... Мнѣ приходится еще разъ прійти сегодня къ этому выводу. Что же,—я не фразирую, не лгу: факты на лицо. Маня сдержала свое слово; она уѣхала въ деревню. Казалось бы, все кончено между нами, разрывъ окончательный... Причины выяснены, опредѣлены; вѣдь я же не шарлатанилъ. Я прямо высказалъ ей, что неспособенъ любить женщину, которая, зная меня коротко, тѣмъ не менѣе въ состояніи заподозрить мою честность... Завтра же—я твердо въ томъ увѣренъ—я перестану любить Ницилину, если теперь еще и она усомнится.

Итакъ, Маня уѣхала. Я начиналъ уже мало-по-малу окончательно о ней забывать. Прошло двѣ недѣли,—и вдругъ неожиданно негаданно письмо... И какое письмо! Она умоляетъ меня не отвращиваться отъ нея окончательно, умоляетъ простить ея горячее слово.

Но что мнѣ больше всего понравилось въ ней—это отсутствіе въ данномъ случаѣ мелочнаго самолюбія. Другая женщина, любящая

и отвергнутая,—она мстила бы, ненавидѣла... Маня не то: она выше многихъ, право... Ни меня, ни Нимилиной она не хочетъ преслѣдовать ревностью, она хочетъ лишь сохранить къ себѣ мое расположеніе, мою *дружбу*. Это слово недаромъ было дважды подчеркнуто. И отлично. Я очень радъ, что отъ меня не потребуютъ невозможнаго. Писать ей время отъ времени, поддерживать своимъ словомъ въ непрестанной борьбѣ плоти и духа,—отчего же?.. Я это могу... Во мнѣ тоже нѣтъ мелочнаго самолюбія... Я никогда не оттолкну просящаго, хотя бы этотъ просящій и былъ моимъ оскорбителемъ. А вѣдь съ точки зрѣнія условной-то нравственности,—пожалуй,—что и отвернуться въ такомъ случаѣ ничуть не было бы безнравственно...

Я очень доволенъ собой, написавъ ей сегодня длинное письмо, теплое, дружеское, ободряющее. Пусть же воочію увидитъ, какъ оскорбила она меня своимъ жесткимъ, а главное—незаслуженнымъ словомъ...

Вчера весь вечеръ просидѣлъ у Нины. Какая чудная женщина! Я ее ужасно люблю. Постараюсь припомнить нашъ разговоръ; онъ былъ очень интересенъ.

— Какъ бы я была счастлива, еслибъ встрѣтилась съ тобой раньше! говорила она.

— Почему же, спросилъ я ее.

— Неужели тебѣ ни разу не приходило того же въ голову, и ты не догадываешься даже—почему?

Я дѣйствительно не догадывался въ эту минуту.

— Теперь я связана, связана по рукамъ и ногамъ; я замужемъ. Я должна иногда кривить душой въ такихъ вопросахъ, гдѣ чистая, святая искренность прежде всего. Развѣ легко фальшивить на каждомъ шагѣ, обманывать, лгать?

— Кого же ты обманываешь? спросилъ я. Вѣдь ты же не измѣнила мужу.

— Каждый день, каждый часъ, каждую минуту измѣняю! воскликнула она.—Чѣмъ ближе, чѣмъ дороже становишься ты мнѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе чужимъ становится онъ для меня. Да, я не измѣнила,—ты говоришь... Конечно, если подъ измѣной обя-

зательно разумѣть обзаведеніе любовникомъ... Любовникомъ я не обзавелась, слава Богу, но почему, почему? Потому что тебя, а не другаго полюбила... Ты навѣрное больше радѣлъ о моей чистотѣ, тѣмъ я сама... Вѣдь одно твое слово, одно твое желаніе—и я все забуду на свѣтѣ...

— Но я никогда не скажу тебѣ этого слова, проговорилъ я, невольно любуясь ея красивымъ оживленіемъ.

— То-то же! Не скажешь... Я знаю, я увѣрена, что не скажешь. Пойми ты это противорѣчіе, котораго я и сама хорошенько не понимаю. Пожелай ты сегодня же, сейчасъ, сію минуту, чтобы я снова сдѣлалась той же легкомысленной, порочной женщиной, какою была до знакомства съ тобой, чтобъ, позабывъ все на свѣтѣ, я бросилась тебѣ въ объятія, — и я брошусь, брошусь съ восторгомъ... А завтра? Знаешь ли ты, что можетъ быть въ такомъ случаѣ завтра, когда угаръ страсти пройдетъ, когда жгучее желаніе удовлетворится?... Завтра я расхожусь тебѣ въ глаза, какъ мальчишкѣ, я перестану уважать тебя завтра,—не говорю ужъ любить... Вѣдь я никогда не любила своихъ любовниковъ. Я тебя перваго полюбила, но отдайся я тебѣ,—и всему конецъ!.. Прежде всего, я вѣрю въ тебя потерю... А какъ я вѣрю, какъ я вѣрю!

Я чувствовалъ, что она была права. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ она всегда вѣрила въ меня, какъ вѣрила въ эту минуту? Я принялся вѣрующую убѣждать.

Жгучее наслажденіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, муку давало мнѣ тогда сознаніе своей силы...

Да развѣ это не сила, не великая, горы движущая сила? Я вѣрилъ въ себя.

Я перечелъ послѣднія строки, написанныя мною три дня тому назадъ,—и удивился. Неужели на самомъ дѣлѣ я мучился отъ сознанія своей силы? Не можетъ быть. Это клевета на самого себя,—это рука размахнулась и машинально вывела не идущее къ дѣлу слово. «Мука»!.. Что за чушь! Отчего же мнѣ было мучиться

тогда—спрашивается? Вѣдь я сознавалъ себя неизмѣримо могучимъ, непреклоннымъ... Много ли нашлось бы людей, которые сумѣли бы устоять противъ такого искушенія?! А я устоялъ... Она говорила о «завтра»... Да Богъ съ нимъ, съ этимъ «завтра», которое невѣдомо что принесетъ съ собой, когда «сегодня» сулить такъ много наслажденій! О, конечно, не моя эта точка зрѣнія, не моя! Такъ скажетъ большинство, такъ скажутъ, можетъ быть, всѣ, — но я не скажу такъ. Сегодня и завтра не должны имѣть для меня рѣзкаго различія. Сегодня—борьба, завтра — борьба, а если ея не будетъ, этой борьбы, то и сегодня и безчисленное множество в ч е р а—все пойдетъ прахомъ, все рухнетъ въ одно мгновеніе, какъ карточный домикъ отъ неосторожнаго движенія мальчугана.

Нѣтъ, тутъ не было муки, и не могло ее быть! Ложь, ложь, клевета на самого себя. Я—честнѣйшій человѣкъ, я не дѣлаю ни одного сколько нибудь предосудительнаго поступка, я наблюдаю за собой зорко и неустанно, я стараюсь совершенствоваться и совершенствуюсь съ каждымъ днемъ (о, теперь ужъ я взятки не возьму!)—и, тѣмъ не менѣе, я клевету на самого себя. Что это? какъ рѣшить эту шараду?

Неужели человѣкъ по существу своему клеветникъ, неужели и безусловно честный—и тотъ клеветецъ, хотя бы на самого себя?

Какъ трудно отдавать себѣ подробный и безпристрастный отчетъ въ своихъ поступкахъ!.. однако это необходимо, существенно необходимо, для меня, по крайней мѣрѣ: нельзя смотрѣть легко на жизнь и на отношенія свои къ другимъ.

Польза! Какое широкое понятіе, какое громкое и растяжимое слово! Можно приносить себѣ пользу во вредъ другимъ, и, наоборотъ, можно принести себя на пользу другимъ.

Я не философъ—и очень мало смыслю въ философіи. А какъ бы я хотѣлъ обладать глубокимъ умомъ философа, блестящимъ краснорѣчіемъ оратора, чтобъ доказать міру, что жить не стоитъ иначе, какъ принеся себя въ жертву обществу... Еслибъ меня тог-

да поняли, еслибъ со мной согласились, то не было бы ни одного «лишняго» человѣка, ни одного «непризнаннаго», «непонятаго»; всякій былъ бы на своемъ посту съ твердымъ сознаниемъ своего, признаннаго всѣми, значенія.

— Вы для насъ кладъ, вы намъ полезны, сказалъ мнѣ старикъ Нимилинъ, пожимая обѣ руки.

Я хотѣлъ спросить у него разъясненія, открылъ было ротъ, но онъ убѣжденно тряхнулъ головой и ушелъ, оставивъ меня наединѣ съ Ниной.

Она объяснила мнѣ его слова: я—кладъ, я—полезень... Еще бы! конечно, полезень... Въ тѣхъ узкихъ, ограниченныхъ рамкахъ, въ какія поставила меня судьба, я не нуль, а крупная, дѣйствующая единица. Я—пастырь заблудшихъ душъ, я возвращаю ихъ на путь истины, чести и добра. Боже, какъ я счастливъ, что за мной признають эту заслугу! И какъ счастливо было бы человѣчество, еслибъ перевоспитать его, ну точь въ точь такъ, какъ удалось мнѣ перевоспитать на своемъ вѣку трехъ—четырехъ женщинъ!

Вчера былъ день рожденія Нимилина. Какъ водится, вечеромъ къ нему съѣхался почти весь городъ.

Я пріѣхалъ поздно; уже почти всѣ были въ сборѣ. Нина встрѣтила упрекомъ, что я такъ долго заставилъ себя ждать. Она говорила, что проскучала невыносимо въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ среди нашей безцвѣтной и назойливой молодежи. Дѣйствительно, надо отдать справедливость, наши губернскіе львы изъ рукъ вонъ плохи. Одинъ развѣ Верейкинъ туда-сюда...

Не могу вспомнить о немъ хладнокровно. Я чувствую, что и теперь еще краска негодованія приливаетъ къ щекамъ моимъ, когда пишу эти строки. О, я знаю отлично, что онъ давно уже влюбленъ въ мою Нину! Болѣе полугода преслѣдуетъ онъ ее своею любовью. Она смѣялась надъ нимъ, минутами третировала, какъ мальчишку; но люди такого закала, какъ Верейкинъ, не отличаются въ подобныхъ случаяхъ слишкомъ большой щепетильностью. Онъ отшутится, скажетъ каламбуръ, и сухъ изъ воды выйдетъ тамъ, гдѣ всякій ува-

жающей себя человекъ будетъ поставленъ въ крайне неприятное положеніе.

На этотъ разъ, по обыкновенію, онъ преслѣдовалъ ее своими влюбленными взглядами, ничуть не стѣняясь собравшимся обществомъ. Откровенно сознаюсь, сначала мнѣ было противно на него смотрѣть, потомъ злость меня начала разбирать. Я подошелъ къ Нинѣ, когда она была одна, и высказалъ ей, какъ неприятно мнѣ видѣть это непрестанное ухаживаніе за ней судейскаго се-ладона. Она выслушала меня, повидимому, съ большимъ вниманіемъ и расхохоталась. Другаго отвѣта отъ нея я такъ и не дождался. А тутъ Верейкинъ началъ ей что-то вполголоса рассказывать. Она улыбалась ему и, какъ мнѣ казалось, смотрѣла на него болѣе чѣмъ ласково. Я былъ окончательно забѣшенъ. Если это кокетство, думалось мнѣ, — кокетство, пожалуй, прости-тельное во всякой женщинѣ, только не въ ней, — то къ чему оно? Нѣтъ, она неспособна играть и кокетничать съ первымъ по-павшимся, — те перь, по крайней мѣрѣ. Что же означаетъ эта рѣз-кая перемѣна съ Верейкинымъ? Я мучился этими вопросами, а она все болѣе и болѣе оживлялась, видимо заигрывая съ нимъ.

Право, она стала еще красивѣе! Я какъ сейчасъ вижу эти блестящіе, какъ ночь, черные глаза; покрытыя нѣжнымъ румян-цемъ щеки; яркія, словно къ поцѣлюю манящія губы.

И не я одинъ замѣтилъ обращеніе ея съ Верейкинымъ. На нихъ поглядывали изъ-за всѣхъ угловъ, безцеремонно перебрасы-ваясь другъ съ другомъ тихими двусмысленными замѣчаніями. Всѣ видѣли, одинъ мужъ ничего не видалъ.

Счастливый наглецъ этотъ Верейкинъ! Я помню его покраснѣ-шій отъ удовольствія затылокъ, вздрагивающія, жидкія баки... Онъ всталъ, что-то сказалъ ей еще, чуть ли не на ухо, и подавъ руку. Она смѣялась соблазнительно, лукаво смѣялась... Голова моя окончательно закружилась отъ этого русалочнаго смѣха.

Они пошли къ полуосвѣщенному будуару.

Что происходило во мнѣ въ эти минуты — я, право, не въ со-стояніи сказать; но только я стоялъ, прислонившись къ двери, не

спуская глазъ съ удаляющейся пары, ничего не видя, не слыша вокругъ себя.

Они скрылись за шелковой портьерой будуара.

Отвратительныя, ужасныя картины пронеслись въ моемъ воображеніи. Вѣдь я одинъ, кромѣ мужа, изъ всѣхъ собравшихся здѣсь, зналъ прошлое Нины. И вотъ это прошлое, какъ кошмаръ, встало теперь внезапно передъ моими глазами, но въ новой, еще болѣе ужасной для меня формѣ. Я зналъ, что Нина продавала свои ласки, я зналъ, что она расточала ихъ въ изобиліи подъ вліяніемъ минутнаго каприза.

Не одинъ разъ, помимо воли, глядя на нее, слушая ея теплыя, вѣрой и любовью проникнутыя рѣчи, мерещилась мнѣ женщина, съ такимъ же точно чудно-красивымъ лицомъ, съ такимъ же взглядомъ, проникающимъ прямо въ душу, — мерещилась подъ роскошной занавѣсью, въ объятіяхъ сластолюбиваго развратника. Я слышалъ тогда ея голосъ, но не слыхалъ словъ, смотрѣлъ въ ея глаза, но не видалъ въ нихъ души, которую такъ сильно любилъ въ ней... Я гналъ отъ себя навойливый кошмаръ, мучился, страдалъ, смущался... Прошлое позабыто, отрѣзано, — утѣшалъ я себя въ эти невыносимо тяжелыя минуты. Какое мнѣ дѣло до него, до этихъ занавѣсей, мягкихъ подушекъ, до этого незнакомаго мнѣ лица, утопающаго въ нихъ? И мнѣ удавалось убѣждать себя въ такихъ случаяхъ, что оно дѣйствительно позабыто, отрѣзано, что нѣтъ мнѣ дѣла до незнакомаго лица.

Всѣ они, обладавшіе когда-то этой женщиной, казались мнѣ почему-то словно не живыми людьми, а какими-то безличными существами, цѣль жизни которыхъ и сама жизнь исчерпывалась въ продажной ея ласкѣ, въ продажномъ поцѣлуѣ. О, я мучился бы несравненно больше, еслибъ зналъ лично, видѣлъ одного изъ тѣхъ, кого миловала она подъ этими, ясно воображаемыми мною, роскошными занавѣсами постели!

Единственное лицо, которое могло бы, казалось, поднять въ душѣ моей цѣлый адъ, ея теперешній мужъ, — совершенно напротивъ, — почему-то ступшеывался до сихъ поръ, скрадывался въ моемъ ревнивомъ воображеніи.

Всего прошло не болѣе двухъ-трехъ минутъ, какъ я простоялъ такимъ образомъ, неподвижно прижавшись въ углу двери, не спуская глазъ съ колыхающейся портьеры. Но эти двѣ-три минуты, помню, показались мнѣ чуть не вѣчностью. Ревность душила меня, парализовывала разсудокъ. Я не помню, чтобы когда нибудь пришлось мнѣ испытать ее въ такой сильной степени.

Мнѣ стыдно теперь за самого себя, когда я вспоминаю объ этомъ. О, это было безнравственно, унизительно, гадко!.. Я сознаю все это теперь, обсудивъ хладнокровно, но тогда—я не сознавалъ, не понималъ, не чувствовалъ, какъ далеко я былъ отъ той нравственной высоты, которой удалось таки мнѣ достигнуть путемъ тяжелой и неустанной борьбы...

Больно вспоминать мнѣ объ этомъ, но я умышленно вспоминаю, я умышленно казню себя созерцаніемъ своего минутнаго паденія. Я хочу запечатлѣть его настолько глубоко въ своей душѣ, чтобы постоянно стояло оно предо мной, какъ ужасный кошмаръ, служа предостереженіемъ въ будущемъ.

Странная это точка зрѣнія—знаю; не всякій пойметъ ее... Но я твердо вѣрю, что подобное самоистязаніе полезно, временами, человѣку.

Итакъ я пересталъ быть собой въ тѣ немногія мучительныя минуты. Еслибъ кто нибудь былъ въ состояніи тогда заглянуть въ мою душу, то навѣрное ужаснулся бы тому, что происходило въ ней... въ душѣ безупречнаго Моравцева. Кажется, Нина поняла это отчасти сама. Какъ горячо раскаявалась она въ своемъ «невинномъ» кокетствѣ, въ своемъ желаніи во чтобы то ни стало убѣдиться: люблю ли я ее сколько нибудь «по человѣчески»? Да, именно «по человѣчески»... Я употребляю ея собственное выраженіе. Что-жь, она убѣдилась... но въ чемъ? Въ томъ, что, какъ бы совершенъ ни былъ человѣкъ, минутами онъ можетъ быть слабъ. Конечно, минутами, быстрыми, короткими минутами... О, это еще большее утѣшеніе! Нѣтъ, необходима мнѣ иная жизнь, необходимы болѣе широкіе интересы, болѣе широкій кругъ дѣятельности. Та польза, которую приношу я здѣсь, въ губернскомъ городишкѣ, не можетъ удовлетворить меня. Мало мнѣ этого, мало!

Да и честно ли съ моей стороны зарывать въ землю талантъ. Развѣ я рабъ лѣнивый и неблагодарный?... Много дается, много и спросится. «Овому талантъ, овому два»... Дѣятельность моя безспорно плодотворна. Я не говорю, конечно, о дѣятельности официальной: та болѣе чѣмъ бесполезна. Вѣдь кого ни посади на мое мѣсто, кого ни сдѣлай чиновникомъ особыхъ порученій при N-скомъ губернаторѣ, — всякій съумѣетъ исполнить свои несложныя обязанности. Гдѣ же тутъ проявиться въ широкой формѣ личнымъ человѣческимъ достоинствамъ?.. Развѣ тотъ, кто не будетъ драть съ убогаго и богатаго, тотъ въ состоянїи однимъ этимъ осчастливить людей? Пусть желающіе или не имѣющіе ничего лучшаго занимаютъ всевозможные посты и положенія. Лучше положеніе, чѣмъ ничего... На безрыбьѣ и ракъ рыба. Но развѣ эта логика примѣнима ко мнѣ! Развѣ я ничтожество, чтобы согласиться на малость, утѣшая себя: лучше малость, чѣмъ ничего. Я еще молодъ, силенъ, меня на много лѣтъ хватитъ. Запасъ бодрости и энергіи неистощимъ, а главное—я сила дѣятельная, крупная сила. Нужно только найти ей точку приложенія...

Я не вправѣ отдаться исключительно двумъ-тремъ единицамъ; я принадлежу всему обществу, всѣмъ нуждающимся въ нравственномъ обновленїи, такъ же, какъ и все общество и всѣ эти ищущіе и жаждущіе принадлежать мнѣ. Я обязанъ быть всѣмъ имъ полезенъ. По какому же пути идти мнѣ, чтобы достигнуть этой цѣли?

Узокъ и теменъ настоящій мой путь, не на широкую ровную дорогу ведетъ онъ, не къ желанной цѣли... Что значитъ счастье двухъ трехъ единицъ передъ счастьемъ большинства, быть можетъ, всей массы этихъ единицъ? Да, конечно, я вполне исполнилъ бы свое назначеніе, еслибы запасъ нравственной силы моей былъ ограниченъ, еслибы голосъ мой не могъ хватить дальше сосѣдняго дома.

Но вѣдь опять повторяю, мнѣ не занимать стать нравственной силы и далеко, далеко можетъ прозвучать голосъ одного человѣка... О, мнѣ многого недостаетъ для этого въ данную минуту! Нелегко быть проповѣдникомъ, носителемъ идеи... Недостаетъ мнѣ знаній и знаній. На почвѣ науки, человѣческихъ зна-

ній, я ребенокъ... Противники мои могутъ поражать меня тѣмъ о ружіемъ, которымъ владѣть и защищаться я не умѣю—это разъ во-вторыхъ, наука (я разумѣю здѣсь, по преимуществу, философію и исторію), какъ плодъ глубокой человѣческой мысли или грандіозная картина непреложныхъ законовъ, управляющихъ государствами и самыми событіями,—не можетъ быть ложною.

Я не знаю двухъ противорѣчащихъ другъ другу истинъ, но я знаю противорѣчащія другъ другу истолкованія одной и той же истины, одного и того же факта.

Итакъ вся суть въ истолкованіи, въ томъ или иномъ освѣщеніи факта. Вотъ почему и говорилъ я, что противники мои могутъ поражать меня при помощи той же самой истины, той же науки, которая должна еще сильнѣе, если возможно только, закрѣпить за мной право голоса... Я долженъ посвятить себя наукѣ.

Легко и хорошо на душѣ! Рѣшеніе принято, прошеніе объ отставкѣ подано, паспортъ заграничный въ карманѣ...

Завтра или послѣ завтра выѣзжаю. Удержать ничто меня не въ состояніи, ужъ если Нина меня не удержала.

Какъ была поражена, убита она моимъ рѣшеніемъ! Она умоляла меня остаться, плакала, заклинала, но я былъ твердъ, я устоялъ противъ слезъ любимой женщины. Да, я люблю ее сильно, глубоко!.. Но больше ея люблю человечество, люблю свою высшую идею. Богъ дастъ мнѣ силъ для проведенія ея въ жизнь; мнѣ удастся очеловѣчить людей.

Прощай родина, прощай и ты, моя дорогая любимая! Я вернусь къ вамъ и скажу: будьте счастливы обѣ. И будете счастливы...

VI.

Съ ума сошелъ!..

Прошло два года, два шумныхъ, тяжелыхъ года...

Новый семьдесятъ девятый годъ принесъ съ собой побѣду надъ врагомъ и миръ, столь горячо желанный послѣ продолжительной борьбы, тревоженій и неустаннаго напряженія силъ.

Центры и захолустья Россіи равно принимали посильное дѣятельное участіе въ этой борьбѣ. Провинція сочувствовала не хуже столицъ: бинты и корпія изготовлялись съ неимоверною быстротою, въ неимоверномъ количествѣ; патріотическихъ спичей на торжественныхъ обѣдахъ произносилось тоже великое множество; молебны заказывались и служились чуть не ежедневно.

Однимъ словомъ—провинція не отставала, а съ ней не отставалъ и губернской городъ N, явившій себя въ эту ненастную пору во всемъ блескѣ гражданскихъ доблестей и патріотизма...

Боже, сколько хлопотъ и волненія выпало на долю градоправителя—извѣстнаго намъ генерала Отрепина! Все, что ни дѣлалось, все, что ни предполагалось—все проходило чрезъ его, и безъ того уже занятыя, руки. Всевозможные адреса, комитеты, собранія, подписные обѣды, вечера, гулянья въ «пользу раненыхъ» или же Краснаго Креста...

А главное—не было отъ барынь отбою. Барыни являлись проектиерами, застрѣльщиками, а часто и устроительницами.

Губернаторъ, какъ въ смолѣ, кипѣлъ.

Не разъ вспоминалъ онъ въ эти тяжелыя минуты о Моравцевѣ. О, еслибъ тотъ былъ теперь здѣсь, то навѣрное сдумалъ бы помочь ему и выручить при случаѣ изъ затруднительнаго положенія! Отрепинъ твердо вѣрилъ, что лучшаго, болѣе ловкаго и исполнительнаго чиновника не пріобрѣсти ему послѣ Моравцева.

«И дернуть его чортъ, какъ нарочно, на самое-то нужное время удрать за границу... Учиться захотѣлось заморскимъ наукамъ! Не понимаю...» размышлялъ онъ иногда съ искреннимъ недоумѣніемъ.

Два раза писалъ онъ ему въ Женеву, узнавъ предварительно отъ Нимилиной адресъ, увѣщевая въ дѣланныхъ, напыщенныхъ фразахъ.

Не мало труда стоило Отрепину написать эти оба письма,—чего, чего въ нихъ только не было! «Долгъ», «служеніе отечеству», «обязанности гражданина», «нужды родины»...

Съ «благороднѣйшимъ» человѣкомъ онъ пытался заговорить на благороднѣйшимъ языкомъ; но тѣмъ не менѣе результатовъ

никакихъ не воспослѣдовало. Моравцевъ отвѣчалъ ему сдержанными, официальными письмами, въ которыхъ между строкъ сквозило полнѣйшее равнодушіе къ «нуждамъ родины», въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это правитель губерніи.

Онъ писалъ, что усиленно занимается исторіей и философіей, и посѣщаетъ лекціи профессоровъ: Gourd, Ernest Naville, Jасquetot.

Отрепинъ сердито плюнулъ, прочтя это письмо, и въ тотъ же день, пріѣхавъ къ Нимилиной, всецѣло отдавшейся теперь заботамъ о бѣдномъ «солдатикѣ», заявилъ: «вашъ идеалъ, матушка, (онъ разумѣлъ Моравцева) на сколько я могу судить по полученному сегодня письму, — если еще не окончательно спятить, то, безъ сомнѣнія, спятить».

Затѣмъ онъ и не поминалъ о немъ болѣе. Мѣсто чиновника особыхъ порученій было замѣщено другимъ.

Но если Моравцевъ умеръ въ памяти своего начальника, то о немъ сильно помнили другіе. Нимилина и Волковичъ жили одной общей жизнью, жизнью, созданной для нихъ этимъ загадочнымъ и неотразимо-обаятельнымъ человѣкомъ. Моравцевъ былъ для нихъ богомъ, чѣмъ-то высшимъ, требующимъ поклоненія и почитанія. Обѣ женщины, не смотря на разнь, существующую въ ихъ характерахъ, не смотря наконецъ на соперничество, — сблизились между собой подъ вліяніемъ одной и той же идеи.

Идея эта—стремленіе къ возможному самосовершенствованію, идея подражанія Моравцеву.

Конечно, еслибъ учитель присутствовалъ лично среди своихъ ученицъ, дѣло не обошлось бы безъ отступленія отъ принятой им программы самосовершенствованія. Но теперь не могло быть мѣста болѣе или менѣе сильнымъ вспышкамъ и аффектамъ подъ вліяніемъ не выдрессированнаго на высшій образецъ чувства: Моравцевъ, это яблоко раздора, былъ далеко отъ нихъ. Одна «идея» его оставалась съ ними.

Ею то и жили, и дышали все это время обѣ увѣровавшія въ нее женщины.

Первое время послѣ своего отъѣзда, Моравцевъ часто и много

писалъ Нимилиной. Переписка, завязавшаяся между ними, общала быть дѣятельной и горячей; но вдругъ онъ пересталъ отвѣчать на ея письма и, измученная его продолжительнымъ, ничѣмъ необъяснимымъ молчаніемъ, Нина Осиповна узнаетъ со стороны, что онъ часто пишетъ Манѣ Волковичъ.

Дѣло, тѣмъ не менѣе, объяснилось очень просто.

Та сама сказала ей всю правду и даже показала ей письма Моравцева, въ которыхъ тотъ убѣждалъ ее сойтись на самую короткую, дружескую ногу съ Нимилиной.

«Вы обѣ чудныя, достойныя другъ друга женщины; вы обѣ знаете меня одинаково и способны мнѣ одинаково вѣрить; вы обѣ умнѣе, набоицецъ, многихъ. Мнѣ вѣжется, что при такихъ условіяхъ не должно быть мѣста розни, непріязни. Соединитесь воедино, слейтесь душами, и каждая изъ васъ выиграетъ отъ этого сліянія. Кто рѣшается провести въ жизнь идею, тотъ не долженъ изолировать себя отъ единомышленниковъ. Вы обѣ стремитесь къ возможному самосовершенствованію, васъ обѣихъ ожидаетъ борьба съ обстановкой, съ обществомъ, быть можетъ, съ его алчными, плотоядными инстинктами, а потому и подайте другъ другу руку и боритесь вмѣстѣ, взаимно поддерживая и ободря другъ друга. А я буду руководить вами по мѣрѣ моихъ силъ и умѣнія. Прежде всего, мнѣ необходима подъ собою серьезная почва, это наука, — философія и исторія. Та и другая должны служить мнѣ одинаково. Не раньше вернусь я въ Россію, какъ послѣ приобрѣтенія необходимыхъ знаній, которыя должны, такъ сказать, служить мнѣ нравственнымъ подспорьемъ въ великомъ дѣлѣ очеловѣченія людей».

Такъ писалъ онъ Манѣ изъ-за границы.

Эти странныя, полуфанатическія письма перечитывались обѣими женщинами съ какимъ-то священнымъ восторгомъ. По его слову, онѣ слились воедино, подали другъ другу руки и выступили вмѣстѣ, разглагольствуя повсюду, гдѣ только случалось имъ встрѣтить аудиторію, о необходимости высокой нравственности, борьбы съ самимъ собой...

Но вотъ вдохновенныя письма изъ-за границы становятся все

рѣже и рѣже, все короче и короче. Последнее, написанное имъ объёмъ вмѣстѣ, ровно годъ тому назадъ, поразило даже ихъ своей недоконченностью и странностью. Оно носило характеръ какой-то болѣзненной страстности, оно было нѣжно и ласково, оно говорило о его любви—и къ кому же?—въ нимъ объёмъ! говорило какъ-то темно, загадочно...

И съ тѣхъ поръ, вотъ уже годъ,—ни одной строчки, ни одного слова. Что съ нимъ? Живъ ли? Не случилось ли бѣды? Вопросы эти, назойливые и мучительные, ежедневно возникали у Мани и Нимилиной, ежедневно обсуждались съ тоской и боязнью. Заказные пакеты одинъ за другимъ летѣли за границу. Отвѣтъ ожидался съ каждымъ днемъ, съ каждою минутою; но напрасно.

Наконецъ страшное слово было произнесено.

— Онъ умеръ! съ тихимъ отчаяніемъ порѣшила однажды Нина Осиповна.

— Онъ умеръ! какъ эхо, повторила за ней Маня.

«Моравцевъ умеръ»... пролетѣла вѣсть съ быстротою птицы по губернскому городу.

«Извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ», добавлялось при этомъ.

Нимилинъ набожно перекрестился и вздохнулъ, правитель губерніи вздохнулъ, но не перекрестился, большинство же только перекрестилось...

Черезъ день послѣ этой, неизвѣстно откуда взявшейся вѣсти, всё, кромѣ Мани и Нины Осиповны, забыли окончательно объ умершемъ. Онъ же, твердо увѣренный въ его смерти, на основаніи годичнаго молчанія, выплакавъ обильными слезами свою незамѣнимую утрату, рѣшили остаться на всю жизнь вѣрными своему учителю... А въ жизни—еще много ждетъ ихъ борьбы и искушений; есть гдѣ приложить къ дѣлу его чудное слово.

Но вдругъ — неожиданность! Моравцевъ живъ!.. И не только живъ и здоровъ, но на дняхъ возвращается въ N. Телеграмма, лежащая передъ Нимилиной, не допускала сомнѣнія.

«Опять на родину. На дняхъ приѣду. Привѣтствую добрыхъ знакомыхъ. Моравцевъ».

Вѣсть о добромъ здоровьѣ Моравцева произвела несравненно большее впечатлѣніе, чѣмъ вѣсть о его смерти. «Добрые знакомые», всполошились...

На этотъ разъ правитель губерніи перекрестился бы, еслибъ не было ему совѣстно предъ другими: такъ радъ былъ онъ въ душѣ возвращенію своего любимца. Онъ не сомнѣвался, что тотъ снова поступитъ къ нему на службу.

Мучительный вопросъ, — отчего цѣлый годъ не писалъ онъ? — не занималъ уже болѣе Мани и Нимилиной. Не до вопросовъ тутъ было, тѣмъ болѣе мучительныхъ... Не сегодня — завтра онъ увидятъ его снова, снова услышатъ знакомыя, въ душу проникающія рѣчи.

Счастью обѣихъ женщинъ не было бы теперь предѣловъ, еслибъ не новая, грызущая, еще неясно сознанная дума, появившаяся внезапно гдѣ-то въ глубинѣ души. И одна и та же дума овладѣла обѣими.

Женщины способны на беззавѣтное служеніе идеѣ — если она не воплощена въ томъ или иномъ лицѣ. Но лицо и идея сливаются для нихъ часто воедино, и служеніе идеѣ если не переходитъ, то во всякомъ случаѣ часто граничитъ съ поклоненіемъ лицу. Затаенная, жгучая ревность другъ къ другу заговорила въ обѣихъ.

Одна сидѣла Нина Осиповна вечеромъ въ своемъ будуарѣ.

Предъ ней лежалъ цѣлый ворохъ мелко исписанныхъ листовъ почтовой бумаги. Это были письма Моравцева. Она перечитывала ихъ сотый разъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ, съ особенной любовью останавливалась она на иныхъ, болѣе всего любимыхъ ею мѣстахъ. Вотъ уже битыхъ два часа проводитъ она сегодня за ними. Какъ живой, всталъ въ ея воображеніи Моравцевъ, — она словно слышитъ его голосъ, словно различаетъ его слова. И что это за слова! Чудныя, благодатныя... Ей, извѣрившейся, искалѣченной, измученной жизнью, ей говорятъ о вѣрѣ, объ идеалѣ, о торжествѣ духа. И она вѣритъ, — и въ эту вѣру, и въ идеалъ, и въ торжество духа. Жизнь приняла новый смыслъ, одѣлась въ новыя радужныя краски. Нѣтъ, не бесполезна она, не коптитъ она неба, много грѣшившая женщина!

Силы воскресли въ груди, свѣжія, непочатыя силы. Хочется наслажденій, но не тѣхъ грѣховныхъ, которыя черпала она въ изобиліи, — а высокихъ, чистыхъ радостей!.. Хочется осчастливить всякаго, хочется руку протянуть павшему; хочется искушеній, искушеній, чтобы бороться съ ними все тою же «силою высшаго идеала».

Онъ далъ ей эту силу, онъ далъ ей эту новую жизнь, эту новую неизвѣданную радость. О, какъ любить она его въ эту минуту! Развернутое письмо лежало на волѣняхъ, — она не читала его уже больше. Она вся отдалась чуднымъ воспоминаніямъ недалекаго прошлаго. Вотъ онъ стоитъ передъ ней, красивый, блѣдный, съ закинутыми назадъ черными волосами. Онъ говоритъ ей: «я хочу работать, хочу быть въ состояніи приносить возможно большую пользу». Она слушаетъ его съ благоговѣніемъ, любитъ на него, ушляется звукомъ голоса... «Я уѣзжаю за границу, — буду учиться, развиваться»... Сердце ея дрогнуло при этихъ словахъ, руки безпомощно опустились.

«Останься, дорогой мой, милый, безцѣнный!»

Но онъ не остался, онъ не поддакъ «человѣческой слабости»... Уѣхалъ.

Быстрые, осторожные шаги раздались у двери. Она дрогнула, обернулась, — замерла на мѣстѣ. Предъ ней стоялъ Моравцевъ. съ лихорадочно горящимъ взоромъ, съ протянутыми къ ней руками.

Не сонъ ли это? Но нѣтъ... Она чувствуетъ свои руки въ его рукахъ, она ощущаетъ на нихъ его долгіе, жадные поцѣлуи.

— Господи!.. вскрикнула она и, обхвативъ руками его голову, приблизила къ себѣ его лицо, смотря на него почти безумными отъ радости глазами.

— Левъ, жизнь моя! Счастье...

Слово такъ и замерло на устахъ. Зачѣмъ такъ глядитъ онъ на нее, зачѣмъ легкая судорога пробѣгаетъ по его нижней губѣ, зачѣмъ эти безумныя, страстныя объятія?

— Любишь... по прежнему? раздается надъ самымъ ея ухомъ задыхающійся голосъ.

— Люблю.

Она старается высвободиться изъ тѣснѣе и тѣснѣе охватывающихъ ее объятій.

— Такъ не мучь же! Довольно...

— Что ты говоришь?..

Онъ опустился предъ ней на колѣни, прильнувъ головой къ ея ногамъ и дрожащимъ шопотомъ проговорилъ:

— Не вспоминай стараго... Нина моя! Теперь я не тотъ уже, я снова живу... Что ты смотришь на меня такими глазами?.. Не смотри такъ, не смотри... Вѣдь не сумашедшій же я! Я знаю, что говорю теперь... Тогда я не зналъ, не понималъ самого себя... Но это все прошло... Я снова человекъ, снова здоровый, сильный... Ну, поняла теперь, поняла?.. Такъ цѣлуй же меня страстно, крѣпко! О, не мучь, если любишь!

Нина Осиповна дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Что-то невыразимо мучительное овладѣвало ею отъ его словъ и безумныхъ объятій. Молча, широко раскрытымъ, неподвижнымъ взоромъ глядѣла она теперь въ его обезображенное страстью лицо. А онъ умолялъ ее, умолялъ «не мучить», — «позабыть старое»...

Минута—и она все поняла... Безъ кровинки во внезапно поблѣднѣвшемъ лицѣ, съ перекосившимися отъ ужаса губами, вырвалась Нимилина изъ его рукъ.

— Боже!.. могла лишь простонать она, протянувъ впередъ объ руки и поспѣшно отступая къ двери.

— Нина, Нина! шептала Моравцевъ, не подымаясь съ колѣнъ.

Она дрогнула всѣмъ тѣломъ и вскрикнула голосомъ, полнымъ ужаса и отчаянія: «съ ума сошелъ»!!.. Съ этими словами она бросилась вонъ изъ комнаты.

Нѣсколько секундъ Моравцевъ оставался въ томъ же положеніи на колѣняхъ, съ протянутыми къ двери руками.

Спѣшные шаги и голоса слышались за дверью.

«Съ ума сошелъ»!.. долетѣлъ до него не то вопль, не то рыданіе Нимилиной. Дверь быстро распахнулась передъ нимъ, — и старикъ Нимилинъ въ сопровожденіи двухъ слугъ, блѣдный и

встревоженный, появился на порогѣ. Лакеи со страхомъ и любопытствомъ выглядывали изъ за его широкой спины.

Быстро, въ одну секунду вскочилъ Моравцевъ... Смѣлымъ взглядомъ окинулъ онъ комнату и, схвативъ съ камина тяжелый бронзовый подсвѣчникъ, закричалъ не своимъ голосомъ:

— Дорогу!

Всѣ трое бросились въ сторону. Подсвѣчникъ съ грохотомъ повалился на полъ, и Моравцевъ выбѣжалъ вонъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что онъ сумашедшiй... Нина Осиповна, Андрей Константиновичъ и слуги могутъ подтвердить это всѣмъ и каждому.

Не прошло получаса послѣ описанной нами катастрофы, какъ весь городъ уже зналъ о сумашествiи Моравцева. Нимилинъ во весь опоръ подскакалъ на своихъ сѣрыхъ рысакахъ къ крыльцу градоправителя, и на заявленiе дежурнаго чиновника, что генералъ очень занятъ, приказалъ доложить, что прiѣхалъ по экстренному и не терпящему отлагательства дѣлу.

Четверть часа просидѣлъ онъ съ глазу на глазъ съ губернаторомъ. Наконецъ они распрощались, оба взволнованные, красные.

— Неужели?... Такъ таки и хватилъ подсвѣчникомъ? съ недоумѣнiемъ разводилъ руками Отрепинъ.

— Чуть не убилъ, ваше превосходительство... Я бросился въ сторону. Какъ и уцѣлѣлъ, не знаю.

— Ай, ай, ай!

— Бѣшенство, генералъ, настоящее бѣшенство! волновался Нимилинъ.

Свяжемъ его, свяжемъ... А жаль, очень жаль. Предестный былъ молодой человекъ: заучился... Кланяйтесь вашей супругѣ. Что она, не очень перепугалась?

— Какое не перепугалась!.. Лица на ней не было, когда она вбѣжала ко мнѣ въ кабинетъ. Вѣдь на нее онъ прежде всего и бросился... Вотъ вамъ и идеаль.

— Кусается?

— Именно кусается... Такъ вы сдѣлаете распоряженiе, генералъ?

— Всенепременно. Развѣ можно его такъ оставить? Навура-
лъ съ три короба.

Никитинъ уѣхалъ. Губернаторъ съ минуту постоялъ на мѣстѣ,
установился глазами въ стѣну и проговорилъ съ соболѣзнованіемъ,
мучая головою: Ай, ай, ай!

Засимъ, позвонивъ дежурнаго, онъ отправился въ кабинетъ, —
сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Вечеромъ того же дня, всякому уличному мальчишкѣ было до-
подлинно извѣстно, что пріѣхавшій изъ нѣметчины баринъ кусает-
ся, что ена ралъ хотѣлъ было его связать и посадить въ сумаше-
дшій домъ, да тотъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ.

— А допрежь того, сказываютъ, былъ, какъ слѣдуетъ человѣ-
ку быть, у нашего енарала служилъ, и хошь бы что замѣтно, —
недоумѣвала подворотная челядь.

— Вотъ-те, братцы, и нѣметчина!..

Долго и горячо молилась въ этотъ вечеръ Маня Волковичъ, за-
першись въ своей комнаткѣ и отдавъ строжайшій приказъ ла-
кею — не впускать къ себѣ «несчастливаго»... Вѣдь она такъ боялась
сумашедшихъ!

«Ларчикъ просто открывался».

Черезъ три дня, Нина Осиповна получила изъ Москвы письмо
слѣдующаго содержанія:

«Вы назвали меня сумашедшимъ, и всѣ, какъ эхо, повтори-
ли за вами это слово. Еслибъ я не бѣжалъ изъ города, я былъ
бы, вѣроятно, посаженъ на цѣпь. Итакъ, вы рѣшили, что я съ
ума сошелъ. На основаніи какихъ данныхъ произнесли вы, а за
вами все общество, этотъ безпощадный приговоръ? Я долженъ, я
хочу раскрыть вамъ правду, хотя-бъ она и не пришлась вамъ по
вусу. Итакъ, выслушайте меня.

«Когда я былъ сумашедшимъ, когда мое мѣсто было въ пси-
хиатрической лечебницѣ, — я былъ на волѣ, всѣми чтимъ, уважа-
емъ, теперь — я здоровый членъ общества, — и бѣгу, какъ преступ-
никъ, отъ веревокъ, какими хотятъ связать меня, здорово живешь!

«Назовите меня лучше преступникомъ, но не называйте сумасшедшимъ. Ту любовь, какой добивался я отъ васъ въ тотъ день, принято называть преступной... Связь съ замужней женщиной — это преступная связь, но это не сумашествіе. Не было бы гѣста въ сумасшедшихъ домахъ, еслибъ сажались туда всѣ погрѣшившіе противъ седьмой заповѣди.

«Что поразило васъ во мнѣ, что навело васъ на мысль о моемъ сумашествіи? Рѣзкій переходъ? Но вѣдь между человекомъ совершенно больнымъ и совершенно здоровымъ существуетъ рѣзкая разница? Вы не видали меня выздоравливающимъ, — вы видѣли меня сначала больнымъ, потомъ здоровымъ. Конечно, тутъ не безъ рѣзкаго перехода. Сначала болѣзнь моя была чисто физической немощью... Сознательно, умышленно лгалъ я, прикрываясь «высшимъ идеаломъ», рисуясь исключительнымъ положеніемъ «высшей природы»... Я шарлатанилъ, я обманывалъ всѣхъ, но не обманывалъ еще самого себя. Но вотъ я перестаю шарлатанить, я начинаю самъ вѣрить въ свои слова, начинаю гордиться своими нравственными достоинствами, «своей непоколебимою силою воли»... Вы, всѣ, кто обружалъ меня, — вы прожужжали мнѣ уши о моихъ доблестяхъ, о моей «высшей натурѣ»... Вы приняли больного за здороваго, вы ободряли его, вы вдохнули въ него увѣренность, которой не имѣлъ онъ прежде. Тутъ начало моей нравственной болѣзни... Я постепенно сходилъ съ ума... О, еслибы я бросался тогда на людей, еслибъ кусалъ ихъ, какъ бѣшеная собака, — меня схватили бы, заперли въ сумасшедшій домъ! Но, къ несчастію, я велъ себя настолько лучше всѣхъ умныхъ и здоровыхъ, я былъ такъ интересенъ и такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, безопасенъ, — что никому и въ голову не могла прійти мысль, что безукоризненный Моравцевъ безукоризненъ по неволѣ. Да и кому было дѣло до этого?

«Вы увѣровали въ меня глубоко и искренно: еще искреннѣе и глубже я увѣривалъ въ самого себя. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ я становился все болѣе и болѣе невмѣняемымъ. Когда я говорилъ вамъ о человекѣ-полубогѣ и проповѣдывалъ борьбу—аскетизмъ,—вѣдь я не былъ уже «нормальнымъ, здоровымъ»

«Человѣкомъ» и, конечно, не понималъ и не могъ понимать его. «Полубогъ» былъ для меня человѣкомъ, люди же перестали быть людьми. Сумашедшему, какъ извѣстно, всё, кромѣ его самого, кажутся сумашедшими.

«Мое помѣшательство было, такъ сказать, «на благородныхъ началахъ», и потому оно обмануло васъ, смутно жаждущую этихъ «благородныхъ началъ» и впервые, быть можетъ, увидавшую ихъ не въ здоровомъ, а въ душевно-больномъ человѣкѣ.

«Да, сумашедшій былъ вашимъ учителемъ. (Все то, что я говорю относительно васъ, применимо и въ Марѣ Степановнѣ Волковичъ).

«Въ своемъ безуміи я рѣшилъ пересоздать, «очеловѣчить» людей. Поѣздка моя въ Женеву была предпринята, какъ вамъ извѣстно, съ цѣлью пріобрѣсть недостававшія мнѣ и необходимыя для пропаганды знанія.

«И знаете, чѣмъ она увѣнчалась! Problèmes actuels de la philosophie и всевозможныя «systèmes philosophiques» дѣйствительно занимали меня первое время. Но это было не долго. Случайно встрѣтился я тамъ съ однимъ нѣмецкимъ психіатромъ. Въ два—три дня онъ раскусилъ меня окончательно и, вмѣсто философіи и исторіи, прописалъ мнѣ курсъ лѣченія.

«Сдѣлавшись физически здоровымъ человѣкомъ,—я сталъ здоровъ и душевно. Я захохоталъ надъ своимъ болѣзненнымъ бредомъ— «очеловѣчить» людей, я увидалъ, чѣмъ я былъ и чѣмъ сталъ, и съ ужасомъ взглянулъ на свое недалекое прошлое. Теперь я былъ спасенъ: я снова въ мірѣ живыхъ.

«Жажда жизни, неизвѣданныхъ мною наслажденій, заговорила во мнѣ съ страшною силою. Любовь женщины,—та самая любовь, которую громилъ я въ своихъ сумашедшихъ рѣчахъ,—теперь манила меня къ себѣ неотразимо. Какъ выпущенный изъ темницы узникъ жаждетъ свѣта и воздуха, такъ я жаждалъ наслажденій и любви. Люви!.. Вѣдь въ ней-то недостатка у меня не было. Вѣдь я зналъ, что вы меня любите, я зналъ, что меня любятъ и другія, и я полетѣлъ въ N, считая часы и минуты, отрывающіе меня отъ васъ. Цѣлый годъ я не отвѣчалъ на ваши

письма, и сколько было въ нихъ любви и преданности! Я стыдился писать вамъ, я стыдился своего прошлаго...

«Остальное вамъ извѣстно. Я прѣвзаю въ любимой и любящей женщинѣ и, въ отвѣтъ на мой искренній страстный порывъ, слышу ужасныя слова: съ ума сошелъ!

«Меня накрываетъ вашъ мужъ съ лавеями... О, сколько злобы и стыда влохотало во мнѣ въ ту минуту! Я защищаюсь инстинктивно... Самая защита моя объясняется, конечно, бѣшенствомъ сумашедшаго.

«И вотъ, здоровый, я признанъ сумашедшимъ, тогда какъ— сумашедшій былъ признаваемъ здоровымъ и... чуть ли не великимъ человекомъ.

Больше мнѣ вамъ нечего сказать.

Моравцевъ».

Дочитавъ письмо, Нина Осиповна бережно сложила его, повертѣла въ рукахъ и задумалась.

Словно не Моравцевъ, на котораго молилась она въ продолженіе двухъ слишкомъ лѣтъ, а кто-то иной, совершенно ей чуждый, писалъ эти строки.

Этого инаго Моравцева она не знала и никогда не любила.

Ю. Завистцій.

БРАТЯ РАМУЛТЫ.

Современная повѣсть. I. Брашевскаго.

XI.

Въ тотъ день, когда Шершень ходилъ по порученію Віолы, Сильванъ вернулся домой довольно поздно. Мальчикъ передалъ ему просьбу Віолы. Сообразивъ, что артистка была уже въ театрѣ, а послѣ спектакля визитъ могъ быть слишкомъ запоздалымъ, Сильванъ отложилъ свиданіе до завтра.

Послѣ спектакля Віола почувствовала себя гораздо хуже и начала кашлять больше предъидущихъ дней: роль, которую она играла въ этотъ вечеръ, требовала много чувства и силы и окончательно изнурила ее. Ночь провела она въ горячечномъ состояніи; утромъ поднялась съ постели измученной и блѣдной; чувствуя себя очень скверно, она не пила въ это утро воды. Отдохнуть не представлялось возможности, такъ какъ въ непродолжительное время назначенъ былъ бенефисъ директора труппы и нужно было заняться изученіемъ роли Жюльеты, которая требовала не только подготовки, но и немалыхъ усилій. Старикъ-Шершени заботливо ухаживали за нею, употребляя всѣ средства къ облегченію ея болѣзни. Однако всѣ ихъ заботливыя ухаживанія за больной не приводили ни къ какому облегчительному результату: Віола сидѣла, какъ истуканъ, и не могла, казалось, шевельнуть пальцемъ.

На лѣстницѣ слышались чьи-то быстрые шаги, а вслѣдъ за ними въ передней послышался голосъ Сильвана. Віола вдругъ вспыхнула и, соскочивъ съ дивана, бросилась на встрѣчу къ нему, какъ будто сразу почувствовала себя совершенно здоровой.

Однако Сильванъ замѣтилъ большую перемену въ ея болѣзненномъ лицѣ.

— Что съ вами? спросилъ онъ озабоченно.

— Ничего особеннаго; такъ, чувствовала себя несовсѣмъ хо-

рошо, отвѣчала она, оживляясь:—но когда я слышала вашъ голосъ—все, какъ рукой, сняло. Я очень рада, что вижу васъ у себя... кхе, кхе!..

— Извините, вчера никакъ не могъ быть у васъ, сказалъ взволнованный Сильванъ. Кашель Виолы вызвалъ въ немъ беспокойство состраданія:—Просьбу вашу мнѣ передали слишкомъ поздно, и я могъ бы видѣть васъ только послѣ спектакля; но время это мнѣ показалось слишкомъ неудобнымъ для визита.

— Неудобнымъ! почему? шепнула, зардѣвшись болѣзненной краской, Виола. Для васъ дверь всегда открыта, и я приняла бы васъ во всякую пору.

Наивная откровенность и взглядъ, брошенный на Сильвана, говорили слишкомъ много. Такая привязанность Виолы, на которую онъ могъ отвѣчать лишь дружбой брата, ставила его въ неловкое положеніе... онъ чувствовалъ себя виновнымъ предъ нею и обдумывалъ теперь, какъ предотвратить ея увлеченіе, которое, повидимому, достигало теперь гигантскихъ размѣровъ. Но какъ было приступить къ этому—онъ затруднялся. Поставить вопросъ этотъ круто—могли бы выйти худыя послѣдствія для ея слабаго здоровья; если же отложить его—это дало бы поводъ къ надеждамъ...

Сердце сжалось у него отъ боли; онъ сѣлъ на диванъ и, съ заботливостью отца, началъ спрашивать о состояніи ея здоровья.

— Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо, отвѣтила она: — вчерашняя роль была очень тяжела для меня, много я поработала надъ нею. Я всегда воплощаюсь въ человѣка, душу котораго авторъ вливаетъ въ роль. Послѣ спектакля я еще трудилась до часу ночи надъ работой, которая необходима къ бенефису директора. Пора бы ужъ, казалось, привыкнуть къ работѣ: съ ранняго дѣтства, когда я едва могла держать иголку въ рукахъ, по цѣлымъ ночамъ я трудилась, слѣпила глаза, но до сихъ поръ никакъ не могла привыкнуть; а сколько ужасныхъ ночей было проведено и въ холодѣ, и въ голодѣ!.. но нѣтъ, все еще до настоящаго времени не могла закалить себя...

Виола замолчала. Сильванъ, узнавъ уже до послѣдней минуты всю ея жизнь, считалъ нужнымъ рассказать ей и о своей. Виола слушала съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Передъ вами мнѣ нечего скрывать, произнесъ онъ спокойно:—все, что накопилось въ глубинѣ моего сердца, я долженъ высказать вамъ...

Онъ разсказалъ ей о своемъ дѣтствѣ, юности и, наконецъ, о любви къ Ганнѣ.

По мѣрѣ его разсказа, лицо дѣвушки покрывалось мертвенною бѣдностью: губы дрожали и блекли, глаза наполнялись слезами, дыханіе спиралось въ ея груди — ее конвульсивно передергивало. Какъ ни грустно было ему видѣть ея страданія, но онъ рѣшился довести свой разсказъ до конца, чтобы отнять у нея всякую надежду на его любовь.

— И вотъ, рядомъ съ любовью Ганны, я нашелъ уголокъ въ своемъ сердцѣ для братской любви къ вамъ, заключилъ онъ свой разсказъ: но вѣрьте мнѣ, Віола, что эта любовь нисколько не слабѣе и столько же продолжительна, какъ и страстная любовь къ Ганнѣ.

Віола быстро нагнулась и поцѣловала его руку, такъ что Сильванъ не успѣлъ во время отнять ее.

— О, не отталкивайте меня, хоть ради того, что любите достойнѣйшую, чѣмъ я... Вы не нуждаетесь въ моей любви, но я... я нашла въ васъ отцовскую опору!.. Горько было слушать мнѣ ваше признаніе, но я поняла его и не могу требовать отъ васъ ничего, кромѣ дружбы и той любви, которой вы меня награждали до сихъ поръ. Мнѣ теперь такъ легко, такъ отрадно, что я не могу выразить на словахъ той благодарности, того чувства, которое питаю къ вамъ... Это настоящая, безкорыстная любовь, въ которую я вѣрю и глубоко обожаю... О, она должна продолжаться безъ конца, безъ мѣры, до конца жизни... Благодарю, благодарю васъ, что вы все высказали мнѣ: это окончательно успокоитъ и излѣчитъ меня... Правду сказать... О, не смотрите такъ на меня, не смѣйтесь надъ бѣдною сиротою... Я надѣялась другаго признанія, потому что моя привязанность къ вамъ и мои чувства превышаютъ любовь сестры...

Тихое рыданіе прервало ея слова; она крѣпко сжимала руку Сильвана и долго плакала. Потомъ спокойно отерла глаза и съ улыбкой сказала:

— Теперь я чувствую себя свободнѣе, легче... но вы навсегда останетесь моимъ... братомъ?... не пренебрежете мною?... не оставите бѣдную сироту?... Да, да?... О, какъ я счастлива!

У Сильвана, какъ гора съ плечъ свалилась; теперь и онъ почувствовалъ себя свободнѣе. Онъ хотѣлъ уже переимѣнить тему разговора, но Віола предупредила его. Взглянувъ на письмо Германа, лежавшее передъ нею на столѣ, она схватила его и, подавъ Сильвану, сказала:

— Письмо это обязано распечатаніемъ вашему почерку... Прочитайте, очень интересно; я смѣялась и плакала, читая его...

Сильванъ пробѣжалъ глазами письмо и призадумался надъ нимъ: въ его сарказмѣ много было грустнаго. Здѣсь онъ вспомнилъ, что давно ужъ не видалъ Германа.

— Изъ всѣхъ писемъ, которыхъ у меня могла бы собраться цѣлая коллекція, это интереснѣе всѣхъ, сказала Віола. — Еслибы онъ не былъ такимъ аристократомъ, а я — бѣдною дѣвушкой — можно было бы подумать, что онъ такъ же несчастливъ, какъ и я... или... или онъ настоящій артистъ...

Грустно простились они; но Віола послѣ этого признанія сдѣлалась гораздо смѣлѣе.

— Итакъ—говорила она Сильвану на прощанье:—о на здѣсь. Покажите же мнѣ ее, пусть я взгляну на нее хотя одинъ разъ... Правда, я еще не знаю ее и не могу пользоваться взаимной любовью, но я заранѣе люблю ее, какъ и васъ...

Простившись съ Віолой, Сильванъ отправился къ брату, котораго рассчитывалъ непременно застать дома, и не ошибся. Германъ былъ боленъ и лежалъ въ постели.

Комната Германа служила прекраснымъ комментариемъ къ его характеру: роскошно убранная спальня, устланная мягкими коврами, представляла собою величайшій безпорядокъ; вездѣ были разставлены блестящія бездѣлушки; богатая мебель, славившаяся своею древностью, великолѣпная кровать съ шелковыми занавѣсками, — все это находилось въ какомъ-то хаосѣ, и только образокъ Богородицы, верба и Срѣтенская свѣча, повѣшенные заботливою рукою матери надъ кроватью сына, обрѣтались въ надлежащемъ порядкѣ. Но впрочемъ и здѣсь, недалеко отъ этой эмблемы вѣры, развѣшаны были фотографическія карточки театральныхъ артистокъ, рекомендованныхъ графинѣ, какъ замѣчательнѣйшихъ по красотѣ и артистическому искусству. На столѣ стояли раскупоренныя бутылки пѣнистыхъ винъ, разведенные въ стаканѣ порошки, газеты, сигары, деньги, разныя бумажонки и бездѣлушки, философскія книги и между ними Rigolboche. Германъ лежалъ въ великолѣпномъ турецкомъ халатѣ и туфляхъ, съ запущенными въ волоса пальцами, измученный и блѣдный.

Вообразивъ себѣ, что въ нему ворвался кто нибудь изъ его непрошенныхъ друзей, Германъ, не узнавъ брата, сдѣлалъ недовольную физиономію; но, замѣтивъ свою ошибку, онъ дружески протянулъ ему руку и лицо его просіяло.

— Что съ тобой? спросилъ съ участіемъ Сильванъ: отчего

тебя нигдѣ не видно?.. Всѣ спрашиваютъ тебя; наконецъ и я соскучился и пришелъ навѣстить.

— Хворая, вотъ, отъ нечего дѣлать, вздохнулъ Германъ: друзья опостылѣли мнѣ, свѣтъ и люди ненавистны... глупы...

— Чѣмъ же мы-то лучше другихъ! разсмѣялся Сильванъ:—натуру, братъ, не передѣлаешь, а жить все-таки надо.

— Хворая, мнѣ хотѣлось отдохнуть, но, къ сожалѣнію, еще хуже начинаю скучать. Въ обществѣ, вѣчно одинъ и тотъ же разговоръ: клерикалы кричатъ на красныхъ, демократы—на ультрамонтанъ; сплетни, клевета, ложь, интриги...

— Опять-таки спрашиваю: чѣмъ же мы лучше другихъ?

— Ты лучше прочихъ... ты трудишься, работаешь и не пишишь, какъ другіе... а я... я хуже всѣхъ ихъ и, не смотря на это, хандра овладѣваетъ мною, хоть пулю въ лобъ сажай. Я думалъ, что пойму ихъ, съумѣю извлечь изъ нихъ полезныя свѣдѣнія, но—увы! всюду встрѣчаю разочарованіе... напѣются, точно скоты какіе!

Сильванъ смѣялся.

— Нѣтъ ничего хуже, какъ скучать одному... встань, пройдишь, расправь кости, разомнись; наконецъ, дѣлай что-нибудь...

— Хорошо тебѣ говорить: дѣлай! Ну, что я буду дѣлать? Вѣдь я рѣшительно ничего не умѣю, а если и умѣю, то каждую вещь, каждое дѣло другой сдѣлаетъ лучше меня; даже влюбиться—и то толково не умѣю...

— А! встать, сказалъ Сильванъ, вспомнивъ о письмѣ:—ты, что же это, какую галиматью сочинилъ въ этой бѣдной чахотчицѣ?

Германъ покраснѣлъ.

— Развѣ она показывала тебѣ?

— Я самъ увидѣлъ у нея на столѣ, она вскрыла его по ошибкѣ, принявъ твой почеркъ за мой; наши почерки очень схожи между собой.

— А! она знаетъ твою руку! произнесъ насмѣшливо Германъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго! Я списывалъ ей роли.

— Хорошій предлогъ вывернуться, братецъ! Ну, какъ же она нашла мое посланіе?

— Она воображаетъ, что ты или несчастнѣйшій человѣкъ, или хорошій актеръ.

Германъ покачалъ головою.

— Ты влюбленъ въ нее, братъ? Сознайся по совѣсти.

— Вѣришь моему слову?

— Вѣрю.

— Нѣтъ.

— Что же тебя привязываетъ къ ней?

— Ея несчастье, нужда, болѣзнь.

— Отчего же ты не хочешь, чтобы кто-нибудь другой заботился и ухаживалъ за нею.

— Я не хочу?! удивился Сильванъ—Это меня не касается; но гдѣ дѣло идетъ о тебѣ—я готовъ употребить всѣ силы, чтобы оградить ее и тебя отъ соблазна, о которомъ бы ты потомъ и самъ пожалѣлъ. Мужчины, привыкшіе по обыкновенію амурничать съ женщинами, а тѣмъ болѣе съ женщинами низшей сферы, переходятъ границы приличія: они считаютъ ихъ игрушкой, минутнымъ развлеченіемъ; было бы величайшей безтактностью оскорбить дѣвушку, у которой все состояніе—ея честность... Это было бы непростительной наглостью съ твоей стороны, а она, какъ честная дѣвушка, должна дорожить своимъ достоинствомъ и честью.

— Съ чего же ты взялъ, что я хочу жертвовать ею ради минутнаго развлеченія, ради удовлетворенія своихъ прихотей! Я смотрю на эти вещи съ болѣе серьезной точки зрѣнія и придаю имъ вовсе не легкомысленное значеніе. Я люблю ее, и люблю безумно... и... кто знаетъ, какъ далеко могла бы зайти моя любовь...

— Да вѣдь ты же не можешь жениться на ней?

— Почему? Еслибы я пользовался взаимностью... Что жъ бы меня удержало тогда?..

Сильванъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на брата.

— И ввелъ бы въ свою родню этотъ цвѣтокъ, который въ такой средѣ усыхалъ бы медленно, замкнуто, безъ жизни, безъ солнца и дождя.

— Родные должны были бы принять меня съ нею въ свое общество... въ противномъ случаѣ, я бы отрекся отъ нихъ и заперся вдвоемъ—возразилъ Германъ.

— Это легко говорится, но не такъ легко дѣлается, а если иногда и дѣлается, то жизнь становится тогда полною нареканій и раскаянія... Но какъ бы тамъ ни было, а ты долженъ исторгнуть изъ своей головы эту благородную мысль или фантазію. Чѣмъ бѣднѣе дѣвушка, тѣмъ болѣе она заслуживаетъ уваженія къ своей беззащитности; воюя съ нуждой, она такимъ образомъ можетъ смотрѣть въ глаза свѣту съ чистою совѣстью, не стыдясь ни одного шага въ своей жизни.

— Еслибы я лежалъ на одрѣ смерти, мучимый жаждой, и ты пришелъ бы уговаривать меня отказаться отъ питья — это было

— **БЫ** то же, что ты мне предлагаешь теперь. Прекрасный совет! **РАЗСМЯЛСЯ** Германь: — Этот чертенок преследует меня своим **ВЗГЛЯДОМЪ**.

— Ничего, забудешь!

Германь запел какой-то мотивъ.

— Слушай братъ! сказалъ онъ, оборвавъ мотивъ: — ты говоришь, что не влюбленъ въ Виолу; — вѣрю, однако, нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что она любитъ тебя... Теперь скажи по совѣсти: — ты влюбленъ въ Ганну?

Сильванъ покраснѣлъ до ушей.

— А если и такъ, что за преступленіе? Этого я не стыжусь; но такія признанія не высказываются даже родному брату, отвѣтилъ онъ, подумавъ.

— Я не принуждаю тебя сознаваться, но могу подозрѣвать... Я люблю тебя, братъ, искренно люблю; я знаю, что ты порядочный человекъ, и потому долженъ предупредить тебя, что наши святоши выставляютъ тебя «краснымъ». Такая богатая партія сидитъ у нихъ, какъ бѣльмо на глазу; они не могутъ смотрѣть на нее равнодушно. Желаніе этихъ ханжей — выдать Ганну за кого нибудь изъ своего кружка; главнымъ же препятствіемъ для нихъ — это ты; смотри, берегись.

— Что же они могутъ сдѣлать мнѣ?

— Опозорятъ — это во-первыхъ.

— Мнѣ кажется: *que c'est chose faite* — а потомъ?

— Потомъ... спровадятъ тебя по добру, по здорову.

— Нѣтъ ничего легче для нихъ — въ этомъ я съ тобой согласенъ, отвѣтилъ онъ равнодушно: — Однако не знаешь-ли, кого прочать ей въ женни?

— Между многими — меня, разсмѣялся Германь, но не безпокойся, — я не опасный соперникъ. М-ше Ганна не по моему вкусу; но за мной стоятъ длинною вереницею всѣ извѣстные голыши, принадлежащіе къ братству нашихъ ханжей.

— Эти меня нисколько не безпокоятъ. Я знаю, что Ганна, не смотря на уваженіе ея къ бабушкѣ и отцу, не легко позволитъ распорядиться собою.

— Но они могутъ внушить ей... Развѣ ты не боишься ихъ вліянія?

— Я не изъ трусливаго десятка; — впрочемъ, я приготовленъ во всему...

— Въ обществѣ большой переполохъ, продолжалъ Германь, смѣясь; всѣ резервы подняты на ноги; всѣ сановники призваны

къ бомбардированію старостины, и для Юноши приготовленъ большой запасъ трюфелей; всѣ струны натянуты, остается только пустить въ ходъ машину.

Сильванъ молча пожалъ плечами и, въ раздумѣ, прошелся по комнатѣ.

— Послушай, Германъ, произнесъ Сильванъ послѣ небольшой паузы:—если ты хочешь быть добрымъ братомъ, сдѣлай мнѣ удовольствіе,—приволокнись за Ганной и разыграй роль претендента на ея руку; этимъ ты можешь устранить отъ нея всѣ неприятели; ты оградишь ее отъ другихъ искателей. Роль эта вовсе не скучна и не унижательна; а мы, между тѣмъ, выиграли бы время и были бы оба премного благодарны тебѣ.

Германъ быстро спрыгнулъ съ постели, на которой все еще лежалъ.

— Геніальная мысль! воскликнулъ онъ.—Прекраснѣйшее развлеченіе! Эта маленькая дружеская комедія излѣчитъ меня. Въ объятія ко мнѣ, братъ! Ты геніальный человѣкъ; тебѣ только могутъ приходить подобныя мысли. Но ты, все-таки, долженъ мнѣ сознаться...

— Въ чемъ же мнѣ сознаваться?—самъ уже догадался.

— А не боишься ты, что я отобью ее у тебя? спросилъ Германъ, смѣясь.

— Кажется, нѣтъ...

— Твою руку, братъ; я становлюсь, такимъ образомъ, во главѣ всѣхъ претендентовъ на нее, а остальныхъ — въ три шеи... но съ условіемъ: ты предупреди m-lle Ганну, чтобы она не смотрѣла на меня черезчуръ свысока.

Обнявъ брата, Германъ позвонилъ. Въбжалъ Сташва и, запыхавшись, спросилъ:

— Изволили звонить, графъ?

— Живо парикмахера и платье!

— Какъ! Да вѣдь вы, графъ, больны!..

— Молчать; не твое дѣло.

— Выздоровѣлъ! замѣтилъ Сильванъ.

— Совершенно выздоровѣлъ, и сію же минуту ѣду съ визитомъ. Благодарю за идею!.. Прекрасная, чудеснѣйшая идея!.. Сташва! живѣй, одѣваться!.. Германъ опять обнялъ брата. Не умѣю выразить тебѣ моей благодарности, продолжалъ онъ:—наонецъ-то у меня будетъ дѣло.

Такого рода поспѣшность показалась Сильвану немного подозрительной: радость Германа привела его въ смущеніе, и онъ

постовалъ на себя за высказанную мысль. Подобное порученіе, смотря съ прямой точки зрѣнія, могло повредить ему, но отступить было ужь поздно. Германъ уцѣпился за эту мысль, какъ ребенокъ за любимую игрушку, отъ которой немислимо было бы оторвать его.

Спровадивъ Сильвана, Германъ отправился къ матери просить короткой аудіенціи.

Графиня очень удивилась, увидѣвъ своего сына не только совершенно здоровымъ, но и веселымъ.

— Знаете ли, маман, я надумался просить руки m-lle Ганны, началъ Германъ, входя къ графинѣ. Вы совершенно правы, маман: она красива, богата, знатна, и... я рѣшился.

— Прекрасно, прекрасно, дитя мое; душевно радуюсь и одобряю твою рѣшимость. Теперь я вижу, что ты не глупъ: — je ne demande pas mieux, сказала обрадованная графиня.

— Однако, мама, вы должны помочь мнѣ; я знаю, что наши друзья имѣютъ разные проекты и выдвигаютъ впередъ разныхъ... предупредите ихъ, пусть не мѣшаютъ мнѣ...

— Конечно, конечно! воскликнула графиня:—кто можетъ препятствовать тебѣ!—Всѣ останутся позади тебя, — ты только постарайся снискать сердце m-lle Janette... держи себя солиднѣе.

— О, было бы только желаніе: вы увидите, какъ я стану ухаживать за ней...

— Я убѣждена въ твоей способности; но, главное, нужно имѣть желаніе, и этого-то я попрошу тебя имѣть побольше...

— Но съ условіемъ, чтобы никто не вмѣшивался... Это ужь, несомнѣнно, зависитъ отъ васъ; стоитъ только шепнуть слово... Непріятно было бы мнѣ видѣть соперника въ лицѣ какого нибудь Любича...

Мать широко раскрыла зрачки, пристально вглядываясь въ лицо сына.

— Какъ, соперника? воскликнула она:—кто тебѣ сказалъ это?

— Мнѣ достоверно извѣстно, что проэктъ этотъ разсматривался совѣтомъ.

— Не можетъ быть! Не можетъ быть! энергично повторила раскраснѣвшаяся графиня. Мнѣ это, конечно, было-бы извѣстно раньше другихъ.

Графиня, не выдержавъ взгляда сына, робко опустила глаза и прибавила нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ:

— Однако, скажи пожалуйста, что ты имѣешь противъ этого Любича?—Онъ очень милый человекъ...

— Интриганъ, голышъ, привыкшій лизать чужія блюда и ручки, и этимъ путемъ проникать въ общество, заручаться его расположеніемъ и льстить; религія его превратилась въ орудіе фортуны...

— Фи, Германъ! Нехорошо такъ чернить порядочнаго человѣка!.. прошптала тихо графиня. Я знаю этого человѣка съ весьма хорошей стороны. Онъ бѣденъ—это правда, но онъ хорошо воспитанъ и происходитъ отъ извѣстной фамиліи... онъ очень, очень милый человѣкъ...

Германъ сдѣлалъ презрительную гримасу и, качая головой, сказалъ:

— Извини, мама; но я не люблю его.

Съ этими словами Германъ поцѣловалъ руку матери и вышелъ изъ комнаты.

XII.

Послѣ импровизированнаго обрученія съ Матуской, прида домой, Юноша тихонько проскользнулъ въ свою комнату, гдѣ, закуривъ сигару, на свободѣ предался созерцанію своего положенія и обдумыванію случившагося. Здѣсь онъ могъ принять спокойное выраженіе лица и скрыть волненіе, въ которомъ теперь находился. Онъ боялся старушки, дочери, и—главное—проницательнаго Долленгу, который, казалось, слѣдилъ за малѣйшими его движеніями. Минутное увлеченіе выдвинуло всѣ завѣтныя мысли его наружу, заковало сердце въ неразрывную цѣпь, и, — что хуже всего, — отдало безвозвратно въ руки молодой вдовушки, которая, — онъ нисколько не сомнѣвался въ этомъ, — будетъ вліять на него въ пользу Сильвана. Одно лишь могло утѣшить его, въ чемъ онъ также былъ убѣжденъ,—это коалиція его дочери... но увы! Блистательное будущее, положеніе въ обществѣ, знатное аристократическое родство, куда онъ могъ проникнуть посредствомъ брака дочери, все это должно было рухнуть, а взамѣнъ этого появлялся Сильванъ, вмѣстѣ съ демократическимъ лагеремъ, который грозилъ опустошеніемъ его карману.

Чувствуя себя почти счастливымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, какъ бы сожалѣлъ о своемъ быстромъ успѣхѣ и ежеминутно вздыхалъ; но пятиться было поздно.

Мысли его были прерваны приходомъ слуги, пригласившаго его въ старостинѣ, которая, сядя въ глубокомъ мягкомъ креслѣ, съ чотвами въ рукахъ, ожидала его прихода. Она была одна.

— Садись, Александръ, произнесла старушка:— Пользуясь отсутствіемъ Ганны, я хочу переговорить съ тобою. Какого ты мнѣнія о нашей молодежи: кто больше нравится тебѣ и кто изъ нихъ надежнѣе? Какъ ты думаешь поступить съ Леліей и Сильваномъ?.. Его рисуютъ мнѣ слишкомъ опаснымъ революціонеромъ.

Юноша молчалъ, какъ бы соображаясь съ своими мыслями. Онъ не могъ сразу отвѣтить на всѣ ея разспросы: ему нужно было обдумать, какую занять позицію, чтобы потомъ легче выбраться на тотъ путь, по которому онъ мѣтилъ идти.

— Признаться, дорогая мама, отвѣчалъ онъ:— мнѣ не хотѣлось бы рѣшать судьбу Ганны, не спросясь ея сердца. Пусть она выберетъ себѣ кого сама предпочтетъ... Мое дѣло только смотрѣть, а потомъ уже одобрить или не одобрить ея выборъ.

— Ты правъ, Александръ; но, во всякомъ случаѣ, можно незамѣтнымъ образомъ натолкнуть ее на томъ путь, котораго желательно было бы держаться. Это прямая твоя обязанность... Относительно Леліи—тоже говорить многое...

— Все это ерунда! горячо возразилъ Юноша: — Вы, мама, знаете ее съ дѣтства...

— Вѣтряной... прибавила старушка.

— Хотя бы и такую, но зато никогда не видали ее выходящей изъ границъ приличія.

— Это справедливо!.. Но ты, кажется, питаешь къ ней слабость.

— Я не скрываюсь въ этомъ, дорогая мама; особа эта достойна уваженія, и Ганна очень любитъ ее...

— Вотъ это-то и беспокоитъ меня. Этотъ Сильванъ?.. о, что говорятъ про него!..

— То-же, что и про Лелію—изъ мухи дѣлаютъ слона.

Старушка взглянула черезъ очки на Юношу долгимъ пронизательнымъ взглядомъ.

— Всѣ хвалятъ втораго Рамулта и предлагаютъ его.

— Противъ него я ничего не имѣю, возразилъ Юноша.— Но нравится ли онъ Ганнѣ?

Находя своего зятя равнодушнымъ къ судьбѣ дочери, старушка попробовала сказать еще нѣсколько словъ и, въ концѣ концовъ, вздохнула, какъ бы уступающая его слабостямъ, и замолчала. Она перешла отъ чотокъ къ чулку. Юноша, ожидая продолженія разговора, сидѣлъ молча.

Вошедшая въ это время Ганна прервала ихъ бесѣду, и Юноша удалился въ свою комнату.

Отдохнувъ отъ испытанной сцены, стоявшей не мало слезъ, Матуская промыла заплаканные глаза водою и тотчасъ побѣжала къ Сильвану, котораго, къ величайшему своему сожалѣнью, послѣ сильнаго двукратнаго звонка у калитки, не застала дома. Она вернулась домой и ждала его прихода у себя.

Сильванъ, сдѣлавъ визитъ Герману, намѣтилъ свой путь прямо къ сестрѣ. Заставъ ее въ раздраженномъ состояннн, блѣдную, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, онъ съ участіемъ спросилъ ее:

— Не больна ли ты, сестрица?

— Нѣтъ, не больна, но немного взволнована, отвѣтила она. — Я имѣю кое-что важное сообщить тебѣ. Я уже побывала у тебя два раза; Богъ вѣсть куда ты ходишь, а я здѣсь никакъ не могла дождаться, пока тебѣ вздумается зайти ко мнѣ. Ужь и такъ-то очень много сплетень, а ты, какъ на зло, таскаешься неизвестно куда... каждый разъ все новыя обвиненія падаютъ на тебя съ этой артисткой...

— Только одинъ разъ былъ у нея, и то лишь по просьбѣ...

— Пора бы ужъ разстаться съ ней навсегда.

— Прошу тебя, сестра, ты-то ужъ не обвиняй меня, возразилъ Сильванъ съ полуулыбкой.

— Меня это бѣситъ.

— Успокойся, успокойся. Я пришелъ къ тебѣ съ хорошими вѣстями, которыя, быть можетъ, покажутся тебѣ глупыми, но, какъ мнѣ кажется, онѣ были необходимы для успокоенія Ганны. тѣмъ болѣе, что онѣ невинны.

— Говори, что такое?

— Передай ей, чтобы она была ласковѣе съ Германомъ и позволила бы ему ухаживать за ней. Германъ защититъ ее отъ непрошенныхъ искателей ея руки. Это онъ сдѣлаетъ для меня.

Матуская быстро повернулась лицомъ къ нему и, всплеснувъ руками, воскликнула:

— Такая стратегія, дѣйствительно, достойна мужчины, и тѣмъ болѣе тебя!.. Да знаешь ли ты, что дѣлаешь?.. Выставляя Ганну на испытаніе, ты подвергаешь ее искушенію Германа и ставишь себя въ опасное положеніе! Подумаль ли ты о томъ?

— Но я увѣренъ въ сердцѣ Ганны.

— Ахъ, Сильванъ, Сильванъ! жизнь моя! да и я увѣрена въ ней! Но кто-жъ позволяетъ играть въ такую опасную игру— да и зачѣмъ!..

— Какъ, зачѣмъ? я хочу оградить ее отъ неприятностей и обез-

печить себя отъ соперниковъ, которыхъ у меня теперь непочатый уголь.

— О, мудрая голова! разсмѣялась Лелія.— Въ такомъ случаѣ мой проѣздъ гораздо проще; онъ больше успокоитъ тебя, нежели ширмы Германа. Ты знаешь, что это? спросила она, снимая съ руки кольцо и показывая Сильвану.

— Не понимаю; конечно, кольцо съ бирюзой.

— Не видѣлъ ли ты его на чьей-нибудь рукѣ!

— Признаться, что никогда не обращалъ на это вниманія.

— Желаетъ знать, что значить это кольцо?

— Повторяю: не понимаю.

Лелія бросилась къ нему на шею и крѣпко сжала его въ своихъ объятіяхъ.

— Я обручена,— сказала она сквозь слезы.

— Какъ! ты обручена! вскричалъ Сильванъ:— обручена безъ моего вѣдома и совѣта! Съ кѣмъ?.. когда?.. Говори же, говори!

— Съ Александромъ Юношей.

Сильванъ поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Женщина! воскликнулъ онъ съ горечью:— подумала ли ты, прежде чѣмъ рѣшилась на такой шагъ, не посовѣтовавшись предварительно съ людьми болѣе опытными?.. Я увѣренъ, что ты рискнула на это безъ малѣйшаго влеченія сердца и привязанности къ этому человѣку... Онъ старъ, безхарактеренъ; съумѣетъ ли онъ оцѣнить тебя, пойметъ ли?.. О, это самоубійство!..

— Успокойся, суровый судья, и взгляни въ мою метрику, прервала его сестра.— Я много старше тебя; смотри, какъ у меня волосъ сѣдѣетъ... а завтра могутъ появиться морщины. Вспомни, что я одинокая...

— Я предпочитаю видѣть тебя одинокой, чѣмъ въ обществѣ этого кроткаго лежебока, за которымъ тебѣ нужно будетъ ухаживать, какъ за ребенкомъ, и нянчиться по цѣлымъ днямъ.

— Я выучу его раскладывать пасьянсы и гадать на картахъ,— разсмѣялась Лелія сквозь слезы.

— Вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы обращать его въ шутку— замѣтилъ Сильванъ.— Въ моей душѣ это больно отзывается: я вижу въ этомъ жертву.

— Ошибаешься! возразила Лелія:— я поступила, какъ настоящая эгоистка, съ расчетомъ. Я пользуюсь случаемъ въ отношеніи тебя, но, повторяю, что ты ошибаешься, предполагая извѣстную цѣль, которую я и въ мысляхъ не имѣла. Онъ самъ объяснился со мною...

— Когда?

— Вчера! Онъ самъ приходилъ ко мнѣ.

Сильванъ взглянулъ на нее. Лелія покраснѣла отъ лжи и заплакала.

— Я очень счастлива, продолжала она,—и прошу тебя въживѣе отзываться объ немъ:—онъ хорошій человекъ и съ прекраснымъ характеромъ. О порокахъ нечего говорить—кто не имѣетъ ихъ? но мнѣ онъ нравится со всѣми его пороками... нравится, хотя бы потому, что много лѣтъ я правилась ему. Должна же когда нибудь его непоколебимая любовь увѣнчаться успѣхомъ.

Матуская оправдывалась, чтобы лучше скрыть свое волненіе, и въ заключеніе прибавила:

— Какъ тебѣ угодно, братецъ, но этотъ вопросъ окончательно рѣшенъ между нами, и только до извѣстнаго времени мы должны держать это въ секретѣ, о чемъ также прошу и тебя.

— Извини, сестрица, возразилъ холодно Сильванъ:—я, пожалуй, сохранию секретъ; но тебѣ должно быть извѣстно, что отъ обрученія далеко до свадьбы: бываетъ, что и не состоится бракъ, и я съ своей стороны предупреждаю тебя, что употреблю всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать этому браку.

— Какое же ты имѣешь право? воскликнула, покраснѣвъ, Лелія:—я госпожа своей воли!

Тонъ, которымъ она произнесла эти слова, заставилъ замолчать Сильвана.

— Въ такомъ случаѣ извини:—я не зналъ, что это твое искреннее желаніе, замѣтилъ онъ холодно.

Сестра бросилась къ нему въ объятія. Наступила продолжительная пауза. Лелія хотѣла оживить разговоръ другимъ предметомъ, но Сильванъ, какъ пораженный, сидѣлъ въ креслѣ и, казалось, не понималъ, что говорила сестра.

Однажды вечеромъ, послѣ нѣсколькихъ дней размышленія, Лелія рѣшилась навѣстить старостину. Со времени обрученія она не видала своего возлюбленнаго, который не могъ собраться навѣстить ее. Случилось однако такъ, что Лелія встрѣтилась съ нимъ въ передней. Юноша покраснѣлъ, почувствовавъ дружеское пожатіе ея руки, и быстро началъ воспаляться и пожирать ее глазами. Въ этотъ вечеръ она была особенно привлекательна.

— Постарайся, чтобы старушка приняла меня любезнѣе, милый Олесь, шепнула она ему на ухо.

Такое нѣжное названіе сильно подѣйствовало на его нервы; онъ подалъ ей руку и собственно своей персоной подвелъ Лелію прямо къ старухѣ, сидѣвшей по обыкновенію въ креслѣ, съ чуломъ въ рукахъ, въ ожиданіи гостей.

Старушка, увидѣвъ передъ собою эту пару, незамѣтно вздрогнула и нетерпѣливо завертѣлась въ креслѣ: но тонъ, какимъ проговорилъ зять, и веселый смѣхъ Леліи заставили старушку невольно улыбнуться. Ганна, слышавъ знакомый голосъ, приближалась въ залу.

Подъ предлогомъ туалета или же по нежеланію надоѣдать старушкѣ, Лелія взяла подъ руку Ганну и вышла въ другую комнату.

— Ганна, дорогая моя, удѣли мнѣ, въ ожиданіи гостей, нѣсколько минутъ, сказала Лелія, выходя изъ комнаты.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Въ комнатѣ Ганны была только одна дверь, и здѣсь онѣ могли говорить по душѣ, не опасаясь быть подслушанными. Войдя въ ея комнату, Матуская бросилась подругѣ на шею.

— Душечка моя, дорогая моя! воскликнула она:— вообрази себѣ, какой наивный мой братъ, *pour ne pas dire plus!* Представь себѣ, что онъ сдѣлалъ: — чтобы оградить тебя отъ непріятностей и уменьшить число своихъ конкурентовъ...

— Любопытно, продолжай! сказала весело Ганна.

— Ничего подобнаго никто еще не могъ выдумать... Мнѣ кажется, что они въ заговорѣ съ Германомъ... онъ, чтобы избавиться отъ всѣхъ искателей твоей руки, уговорилъ Германа ухаживать за тобой, подъ предлогомъ претендента на твою руку. *Vous êtes donc grévénue qu'il va vous faire la cour*, а ты, изъ сожалѣнія, должна быть съ нимъ вѣжлива. О! эти мужчины— *ragéon*—кажется, не могутъ придумать лучшаго.

Ганна улыбнулась.

— Это доказываетъ только его вѣру въ меня—возразила она,— и обнаруживаетъ доброе сердце Германа, потому что несовсѣмъ-то весело, сказать правду, ухаживать за тѣмъ, о комъ не думаешь.

— *C'est bête*, прошептала Лелія:— Меня просили только передать просьбу, и я исполнила свой долгъ.

Съ этими словами, она прижала Ганну къ своей груди. Наступило минутное молчаніе, послѣ котораго Матуская сказала:

— Милая Ганна; отъ тебя у меня никогда не было никакихъ секретовъ; но то, что я должна тебѣ сказать теперь, приводитъ

меня въ трепеть. Новость, о которой я хочу сказать, ты не могла раньше предвидѣть и не знаю, будешь ли ты довольна моимъ откровеніемъ... меня слишкомъ затрудняетъ этотъ вопросъ...

Лелія медленно подняла руку и, снимая кольцо, показала Ганнѣ.

— Знакома тебѣ эта вещица? спросила она.

Ганна вспыхнула.

— Можетъ ли быть? воскликнула она съ радостью:— Неужели меня ждетъ это счастье!

— Счастье! Правду ли ты говоришь? Такъ ли говорить твое сердце?

— Да, вѣдь это кольцо отца, которое я подарила ему въ день ангела. О, онъ всегда хотѣлъ имѣть такое кольцо; говорятъ, что оно приноситъ счастье. Но не можетъ быть! — я не вѣрю. Говори, говори скорѣе! успокой меня—воскликнула Ганна, обнимая Лелію.

— Да, правда... нѣсколько дней тому назадъ... Но тсс!.. ни слова пока, никому!..

— О, ты настоящій ангелъ! воскликнула она, обнимая и цѣлуя еще сильнѣе Лелію съ радостными слезами на глазахъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Меня, наоборотъ, зовутъ чортомъ, испытелемъ... Но довольно... пойдемъ въ залъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я должна успокоиться немного.

— Пустяки! Никакого волненія не замѣтно.

Изъ залы уже доносились голоса съѣзжавшихся гостей. Первымъ пріѣхалъ Германъ и объявилъ о скоромъ пріѣздѣ графини. Онъ отыскивалъ глазами Ганну, которая входила уже съ Матуской въ залу. Посмотрѣвъ ей въ глаза, Германъ замѣтилъ, что Ганна была уже предупреждена.

Исполняя принятую на себя роль, Германъ съ особеннымъ стараніемъ началъ ухаживать за Ганной, которая также съ своей стороны не избѣгала его. Теперь онъ могъ показать ей свою свѣтскую ловкость обращенія и блеснуть насмѣшливымъ краснорѣчіемъ, сказавъ ей притомъ кучу комплиментовъ и отборныхъ любезностей.

Серьезный характеръ Ганны заставлялъ ее искать въ Германѣ правды, добра, нравственной красоты... Германъ, которому надоѣло ужъ насмѣхаться надъ людьми, остримъ теперь надо всѣмъ, что было фальшиво и омерзительно.

Въ разговоръ съ Германомъ, Ганна улыбалась ему, а Германъ перешелъ съ насмѣшливаго тона въ болѣе серьезный и остановился на тѣхъ явленіяхъ, которыхъ до сихъ поръ не замѣчалъ.

Съ большимъ удивленіемъ и меньшей радостью замѣтили Юноша и старостина оживленную бесѣду молодежи, въ которой Ганна принимала дѣятельное участіе. Одна Лелія, не смотря на спокойствіе и вѣру, какую питала къ Ганнѣ, завидовала Герману.

Германъ неотступно находился при Ганнѣ и только на секунду отошелъ отъ нея, при появленіи матери въ сопровожденіи Любича, который, неизвѣстно какъ, рѣшился пріѣхать съ графиней. Для сына это было непонятно.

Графиня наскоро шепнула сыну, что Любичъ передъ самымъ ея отъѣздомъ пріѣхалъ къ ней, и такъ какъ имѣлъ намѣреніе ѣхать сюда, то она и захватила его съ собой.

Появленіе графини съ Любичемъ немало удивило всѣхъ и поставило въ довольно неловкое положеніе присутствовавшихъ. Любичъ же казался въ наилучшемъ расположеніи духа и громче, нежели это случалось съ нимъ, ратовалъ противъ угрожающаго духа общества, порицая революціонеровъ цитатами изъ де-Местра.

Германъ нахмурилъ брови, но вскорѣ возвратился къ обычной своей веселости.

Во время перехода гостей къ чайному столу, Лелія приблизилась къ Ганнѣ и шепнула ей на ухо:

— Боюсь, чтобы вы не слишкомъ увлеклись своими ролями. Вы играете ихъ черезчуръ хорошо.

Ганна улыбнулась и, пожавъ ей руку, возразила:

— Должна сознаться, что Германъ не напрасно носитъ имя Рамулта. Онъ имѣетъ многое, что мнѣ нравится въ васъ.

— Только бы не въ немъ.

Пошутивъ такимъ образомъ, они разошлись опять. Юноша съ своей стороны не зѣвалъ и нашелъ предлогъ подойти къ Леліи и пожать ея пухленькую ручку.

— Вы сегодня восхитительно хороши, шепнулъ онъ ей.

Стратегическій расчетъ Юноши съестъ о бокъ съ Леліей, не ушелъ отъ пронизательнаго взора Доленги, который хотя и былъ, какъ казалось, поглощенъ разговоромъ съ графиней и старушкой, но его соколиные глаза видѣли все, что вокругъ происходило. Считая своею обязанностью, на всѣхъ подобныхъ собраніяхъ, занимать дамъ, онъ никогда не оставался отъ этого въ навадѣ, а, напротивъ, былъ всегда въ выигрышѣ.

Когда послѣ чаю встали изъ-за стола, и мужчины начали уходить въ кабинетъ, выкурить сигары, Доленга подошелъ къ Юношѣ и тихо шепнулъ ему на ухо:

— Слушай, старый вологита: эта вдовушка, кажется, формаль-

но запускаетъ въ тебя свои амурныя стрѣлы, и ты, повидимому, не остаешься у нея въ долгу. Смотри, будь остороженъ съ ней: она съумѣетъ поймать тебя въ свои тенета, а разъ попадешь въ ея руки, прощай тогда свободушка...

— Поздно предостерегать: уже поймала, отвѣтилъ Юноша шутливымъ тономъ; — теперь нѣтъ никакого спасенія. Все, что говорили о ней, чистѣйшая выдумка, вздоръ: тотъ и во снѣ не могъ видѣть ее, а она почти не знаетъ его. Вотъ, чтобы этотъ Любичъ не вздумалъ удрать шутку въ отношеніи Германа...

— А ты въ отношеніи Ганны? съострилъ, разсмѣявшись, Доленга.

— Ганна не поставила бы мнѣ этого въ вину; но все это пустяки...

Доленга прижался плотнѣе къ уху Юноши и опять шепнулъ:

— Однако, я собственными глазами видѣлъ, какъ ты подъ столомъ пожималъ ей руку. Это, по твоему, тоже пустяки?

Кровь Юноши прилила въ голову. Репутація Леміи теперь близко касалась его, и онъ не на шутку разсердился.

— Молчи-же, когда видѣлъ! воскликнулъ онъ. Я... обрученъ съ нею.

Доленга отскочилъ отъ него, какъ мячъ. Первый разъ въ жизни случилось съ нимъ, что онъ былъ невѣждой и разсердился за это на себя.

— Неужели! воскликнулъ онъ, выпучивъ глаза:— Не можетъ быть!

— Честное слово, отвѣтилъ Юноша:— Но Бога ради, прошу тебя, не проговорись. Никто, пока, не долженъ знать.

Доленга не возражалъ и, сдѣлавъ гримасу, началъ покручивать усы.

Вообще въ этотъ вечеръ много было такого, о чемъ на слѣдующій день можно было поговорить и посплетничать.

Вскорѣ послѣ чаю, графиня поднялась съ мѣста и взяла подъ руку Любича, такъ какъ Германъ былъ въ другой комнатѣ съ Ганной. Многіе замѣтили, какъ Любичъ украдкой взялъ свою шляпу и, проводивъ графиню къ каретѣ, больше не возвращался въ общество. Доленгѣ уже успѣлъ кто-то сообщить, что онъ уѣхалъ съ графиней.

«О, это плохая шутка», подумалъ онъ. Прекрасный же марьяжъ готовится намъ: Юноша съ этой вѣтряной вдовушкой, которая не замедлитъ взять его подъ башмакъ, а Любичъ... со стару-

хой-графиней. Теперь за мной очередь: не приударить-ли и мнѣ за старостиной».

Доленга разсмѣялся.

— Свѣтопреставленіе! воскликнулъ онъ.

ХІІІ.

На слѣдующій день Доленга пошелъ на рекогносцировку по городу, недовольный собою, что много вещей происходило, о которыхъ онъ ничего не зналъ;—это угрожало его доброй славѣ всезнайки и отнимало насущный кусокъ хлѣба: что бы онъ дѣлалъ тогда, съ чѣмъ бы ходилъ по домамъ, гдѣ ему необходимо было быть, еслибъ не носилъ за плечами цѣлый ворохъ самыхъ свѣжихъ новостей, отборныхъ сплетней и всевозможныхъ скандаловъ.

Секретное обрученіе Александра Юноши не очень впрочемъ удивляло его, такъ какъ послѣдній неоднократно говорилъ ему о своей страстишкѣ ко вдовушкѣ; но Любичъ... его удивляла старуха-графиня, скомпрометировавшая себя на вечерѣ... Утромъ онъ уже собралъ свѣдѣнія, что Любичъ поѣхалъ съ графиней въ каретѣ къ ней на домъ, что дома проводилъ ее отъ кареты въ ея комнату и оставался тамъ около часа.

Безпокоясь за свое незнаніе многихъ вещей, онъ повстрѣчался съ Папржицей и шепнулъ ему на ухо вчерашнюю исторію графини, будучи увѣренъ, что поразить его этою новостью. Но Папржица даже не вздрогнулъ и только, пожавъ ему сильнѣе руку, сказалъ:

— Тсс... Ты, повидимому, не посвященъ въ этотъ секретъ. Дѣло это конченное. Прелатъ былъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ; онъ подготовилъ графиню... На Германа нельзя рассчитывать... Изволите видѣть!.. воспитанъ въ лучшемъ институтѣ отцовъ іезуитовъ, мать истинная полька, а сынъ—какой то скептикъ!.. Богъ знаетъ, что такое!.. Пусть лучше часть богатства идетъ въ руки чловѣка, въ которомъ мы можемъ быть увѣрены... и поэтому постановили женить на ней Любича. Тотъ не паятится, когда не слѣдуетъ... женщина въ лѣтахъ ужъ, но еще пріятная, богатая... Онъ входитъ въ наше общество посредствомъ...

— А-а-а! протянулъ Доленга: слѣдовательно онъ объяснился ужъ?

— Вчера—но это пока секретъ. Графиня влюблена въ него до безумія. Недаромъ говорится: «сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро», пусть ее тѣшится... Нужно умѣть пользоваться случаемъ...

Я слышала, прибавилъ Папржица, что Германъ вчера очень уживалъ и ластился около m-lle Ганны...

— Да-а!..

— Жалко было бы отдавать за него эту дѣвушку; но что дѣлать, тамъ наше вліяніе безсильно... Отецъ только и помнить о желудкѣ, старостина—женщина слабая, а Ганна—фанатичка. Нужно, однако, будетъ посовѣтоваться по этому предмету, чтобы...

Оборвавъ на словѣ, Папржица ушелъ.

Сильвану неловко было спрашивать Германа относительно минувшаго вечера. Ему, впрочемъ, рассказала сестра о своей встрѣчѣ съ Ганной и обо всемъ, что слышала или подмѣтила въ продолженіе цѣлаго вечера. Она высказала ему свое мнѣніе объ опасности этой игры. Сильванъ улыбнулся.

— Никто не можетъ любить ее сильнѣе меня, прибавила Лелія: и, правду сказать, меня сильно возмущало, когда въ концѣ вечера они начали фамиллярничать и обращать на себя вниманіе присутствовавшихъ... Ихъ свободный разговоръ... Ганна давно ужъ не была такою, какъ вчера; Германъ тоже былъ въ расположеніи духа и держалъ себя серьезнѣе обыкновеннаго...

— Очень радъ, что она развлекалась, отозвался спокойно Сильванъ. Ты, пожалуйста, не безпокойся! Еслибы Ганна была легкомысленной измѣнницей, она не могла бы быть тою Ганной, которую я люблю.

Сильванъ закончилъ разговоръ смѣхомъ...

Такъ какъ въ этотъ день у него не было занятій, то онъ рѣшился ожидать у себя прихода Германа, который, по его мнѣнію, непременно долженъ былъ прійти; но тотъ все-таки не пришелъ.

Вечеромъ къ нему прислала Віола просить къ себѣ; день былъ не спектакльный; бенефисъ директора быстро приближался и, по сообщенію Шершеня, она просила его на нѣсколько словъ относительно своей роли. Немного поколебавшись, Сильванъ однако пошелъ. Онъ засталъ ее сидящей надъ книгой и какъ бы углубленной въ чтеніе, хотя, въ сущности, она съла, только слышавъ по лѣстницѣ его шаги, и приняла озабоченный видъ. Стосковавшись по немъ, бѣдная дѣвушка плакала, боролась съ собою, но не могла превазможь себя и послала за нимъ суфлера. Ей хотѣлось видѣть его хотя одну минуту, послушаться къ его голосу... Она встала

на встрѣчу тому, кого такъ искренно, пламенно любила и не могла быть взаимно любима имъ.

— Что вы подумаете обо мнѣ, Сильванъ! произнесла она почти шопотомъ:—я такъ навязчива, надоѣдлива... но, право, мнѣ такъ хочется быть тою Жюльетой, о которой когда нибудь мечташь Шекспиръ... Но, къ сожалѣнію, никакъ не умѣю.

Сильванъ сѣлъ вдали отъ нея—онъ былъ скученъ.

— Можетъ быть, роль эта неподходяща, преждевременна для васъ; сказалъ онъ, не торопясь:—Трудно угадать страсть, которая изображена въ трагедіи, и которая такъ выдается своею наивностью и колоритомъ вѣка. Нынче такъ влюбляются только субъекты, представляющіе собой въ обществѣ XIX вѣка людей XVI-го, какъ своими обычаями, такъ и влеченіемъ сердца, понятіями.

— Слѣдовательно, сердце и любовь старѣются—сказала Віола:—Еслибы то, что вы говорите, было правдой, тогда въ какомъ нибудь, напримѣръ, XXII вѣкѣ совсѣмъ не будутъ умѣть любить.

— Нѣтъ, дорогая Віола, возразилъ Сильванъ:—но любовь... кто знаетъ? быть можетъ, выражалась бы тогда какой нибудь алгебраической формулой или іероглифическими изреченіями.

Віола звонко разсмѣялась.

— Я въ это не могу вникнуть глубоко и понять—теперь вѣдь любовныя чувства порицаются... это, впрочемъ, похоже на разумный расчетъ—но спрашивается: стоить ли что нибудь жизнь человѣка безъ этихъ чувствъ?..

Начатый такимъ образомъ разговоръ незамѣтно перешелъ на обыкновенную жизнь и самыя простыя вещи. Жена суфлера принесла показать платье Жюльеты; Шершень тоже вмѣшался въ разговоръ.

— Наша барынька—сказалъ онъ—безпокойся, чтобы не испортить роль Жюльеты... можетъ ли она, мосщи добродѣлю, сыграть эту роль, имѣя такого Ромео, отъ котораго всегда такъ и несетъ анисовкой...

Старуха по обыкновенію начала журить мужа, сдерживая его пустую болтовню. Но Шершень, быть можетъ, съ болѣею проинципальностью, чѣмъ казалось старухѣ, стремился къ тому, чтобы не оставлять Сильвана наединѣ съ Віолой слишкомъ долгое время, имѣя, конечно, на то свои виды...

Супруги, перебраниваясь между собою, вышли изъ комнаты въ переднюю, гдѣ Шершень, зажимая ротъ женѣ, началъ бранить ее сдавленнымъ голосомъ:

— У тебя, глупая старушонка, нѣтъ ни капли ума... По-

нмашь-ли ты, что если она посылает меня за нимъ—не могу же я отказаться... а оставлять ихъ наединѣ... что потомъ?... она, видишь, влюблена въ него... а онъ и не думаетъ даже о ней... къ чему допускать, чтобы она еще разъ, когда нибудь, высказалась ему... Ты знаешь, что чортъ не дремлетъ... такъ говорить нашъ незабвенный поэтъ...

— Оставь ты меня, хоть одинъ разъ, въ повоѣ съ своимъ умомъ и поетомъ, огрызнулась старуха.—Понимаешь ли ты, что это единственное ея развлеченіе, отрада, а ты вездѣ суешься съ своимъ языкомъ...

— Пожалуйста, не учи меня:—я знаю, что дѣлаю, а тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о театрѣ... я тоже что нибудь да понимаю и могу вставить словцо, глупая баба.

Настойчивый Шершень, съ очками, рукописью и книгой въ рукахъ, возвратился опять въ комнату, гдѣ, быть можетъ, Віола была не слишкомъ довольна его несвоевременнымъ вмѣшателствомъ въ ихъ бесѣду. Положивъ документы на столъ и предоставляя ихъ суду Сильвана, онъ задалъ важный вопросъ.

— Извольте-ли видѣть! произнесъ онъ:—эти ослы, мосци добродѣю;—они осмѣливаются исправлять и варнать нашего безсмертнаго писателя!.. имъ кажется все это длиннымъ, лишнимъ, ненужнымъ!.. Эти длинноухіе мудрецы обкарнали самыя лучшія, прекраснѣйшія мѣста,—извольте видѣть, мосци добродѣю. Какъ же послѣ этого хотѣть, чтобы пьеса была хороша...

Шершень торопливо началъ сравнивать рукопись съ оригиналомъ и такъ распространился съ своими доводами о глупости режиссера, что пробило ужъ 10 часовъ, а Віола не могла еще переброситься ни однимъ словцомъ съ Сильваномъ; Шершень все еще торчалъ здѣсь, не думая даже уходить.

Однако присутствіе Сильвана утѣшило бѣдную дѣвушку и дало ей случай налюбоваться имъ до сыта. Убѣдившись, что Сильванъ будетъ видѣть ее въ Жюльетѣ, она проводила его до двери и, протягивая руку, просила, какъ милости, бывать у нея безъ приглашенія.

(Продолженіе будетъ).

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЪ БОЛГАРИИ ВЪ 1877—1879 гг.

Подробности хода нашихъ военныхъ дѣйствій въ послѣднюю турецкую войну, болѣе или менѣе, выяснились для русской публики какъ изъ большихъ военного характера статей, такъ и изъ отдѣльныхъ разсказовъ, время отъ времени появлявшихся въ нашей періодической печати. Нельзя того же сказать о дѣятельности нашего гражданскаго управленія въ Болгаріи за достопамятные 1877 — 1879 годы; объ этой дѣятельности наше общество, столь живо интересующееся всѣмъ, что совершалось въ этой освобожденной русскимъ оружіемъ странѣ, имѣетъ только смутныя представленія, полученные изъ отрывочныхъ писемъ и разсказовъ разныхъ туристовъ, черпающихъ часто свои свѣдѣнія изъ источниковъ сомнительнаго свойства.

Для пополненія этого пробѣла въ нашей печати и для ознакомленія читающей публики съ трудами русскихъ людей по устройству гражданскаго быта Болгаріи, составлена, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ и документовъ, настоящая статья, представляющая не лишеныя интереса данныя о нашихъ организаціонныхъ работахъ въ Болгаріи, въ постепенномъ ихъ развитіи. Дѣятельность эта, преслѣдуя постоянно одну и ту же цѣль—политическое и судебно-административное устройство Болгаріи,—въ различные періоды войны, перемирія и мира, имѣла различный характеръ, который обуславливался самымъ ходомъ событій. Вотъ почему наша статья раздѣлена на четыре слѣдующія главы: I. До санъ-стефанскаго договора. II. Послѣ санъ-стефанскаго договора. III. Послѣ берлинскаго трактата, и IV. Органическій уставъ болгарскаго княжества, собраніе

именитыхъ людей Болгаріи для разсмотрѣнія устава, избраніе князя.

Держась исторической нити въ изложеніи дѣятельности гражданскаго управленія въ Болгаріи, мы старались дать, по возможности, полный очеркъ этой дѣятельности, воздерживаясь отъ всякой ея критики, но имѣя главнымъ образомъ въ виду познакомить читателей съ не столь громкими, сколько полезными трудами русскихъ людей на скромномъ гражданскомъ поприщѣ. Насколько удалось намъ достигнуть этой цѣли, предоставляемъ судить читателямъ.

I.

До Санъ-Стефанскаго договора.

Немедленно по переходѣ русскаго войска черезъ Дунай, было приступлено къ гражданскому устройству Болгаріи. Дѣломъ этимъ занималось состоявшее при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею гражданское управленіе, имѣвшее цѣлю—въ мѣстахъ, занимаемыхъ русскими войсками, замѣнять турецкія власти новою администраціей. Въ первое время, наши войска подвигались впередъ очень быстро: 14-го іюня 1877 года они взяли Систовъ, а 25-го были уже въ Тырновѣ. Гражданское управленіе съ трудомъ успѣвало за ними съ своимъ дѣломъ.

Понятно, что возникавшій съ такою быстротою новый строй гражданской жизни въ Болгаріи не могъ обезпечить ей сразу прочнаго устройства. Стоявшій во главѣ гражданскаго управленія, покойный князь В. А. Черкасскій, прежде всего, долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы занимаемая русскими войсками области не оставались безъ всякаго управленія, въ анархическомъ состояніи. Для этого достаточно было возстановить самыя необходимыя органы прежняго управленія, улучшивъ ихъ и передавъ въ другія руки.

Князю Черкасскому хорошо было извѣстно, что многіе турецкія законы, какъ напримѣръ, законъ о вилаятахъ (раздѣленіе территоріи на губерніи, округъ, общины) весьма удовлетворительны какъ по существу, такъ и по формѣ, что законы эти никогда не приводились въ исполненіе лишь потому, что мѣст-

ная турецкая администрація не хотѣла ихъ знать; оставляя эти законы мертвою буквою, турки управляли страню по произволу. Имѣя въ виду, что цѣль гражданской администраціи состояла не въ томъ, чтобы ломать во что бы то ни стало существовавшій въ Болгаріи порядокъ, а, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы прекратить произволъ турецкой администраціи, князь Черкасскій удержалъ всѣ тѣ учрежденія и законы, которые могли служить къ справедливому и гуманному управленію населеніемъ. Въ то же время онъ дѣятельно собиралъ свѣдѣнія и матеріалы о Болгаріи, которые могли бы послужить для созданія въ ней гражданскаго быта, по ея освобожденіи, во всей его полнотѣ. Съ этою цѣлью онъ распорядился о переводѣ на русскій языкъ самыхъ существенныхъ законовъ, которыми управлялась Болгарія. Эти переводы и извлечения изъ нихъ, знакомя будущихъ дѣателей по управленію Болгаріей съ существовавшими въ этой странѣ принципами управленія, служили въ то же время, вмѣстѣ съ изданными впоследствии правилами и «временнымъ положеніемъ», программю ихъ дѣятельности. Съ особеннымъ рвеніемъ занялся князь Черкасскій собираніемъ и разработкой матеріаловъ о Болгаріи по перенесеніи своей походной канцеляріи въ Тырновъ, гдѣ ему явилась полная возможность черпать необходимыя свѣдѣнія изъ живаго источника. Полнымъ гражданскимъ устройствомъ, основаннымъ на началахъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни народной, думалъ князь Черкасскій замѣнить временное гражданское устройство Болгаріи, тотчасъ по окончаніи войны, которая, судя по блестящему ея началу, обѣщала быть непродолжительною. Планы князя Черкаскаго, при введеніи въ княжествѣ болгарскомъ государственнаго устройства, были самые широкіе; такъ, относительно мѣстнаго самоуправления было постановлено: сельскимъ и городскимъ обществамъ и населеніямъ отдѣльныхъ округовъ предоставить полное самоуправленіе посредствомъ совѣтовъ, состоящихъ изъ выборныхъ лицъ, безъ различія народностей и вѣроисповѣданій. Мысль эта была осуществлена возобновленіемъ въ селахъ совѣтовъ старѣйшинъ, а въ городахъ и округахъ (казы) устройствомъ городскихъ и управительныхъ совѣтовъ, въ которые почетными членами вошли представители всѣхъ вѣроисповѣданій. Совѣтамъ этимъ предоставлено было широкое право

управленія всіми хозяйственными дѣлами и наблюденіе за раскладкой и сборомъ налоговъ. Административно-полицейскія власти должны были распредѣлиться по мѣстностямъ, оставляя, по возможности, безъ измѣненія границы существовавшихъ при турецкомъ правительствѣ санджаковъ и округовъ; въ административно-полицейскомъ отношеніи эти округи должны быть подчинены на первое время русскимъ властямъ, въ лицѣ губернаторовъ (мутесарифы) и начальниковъ округовъ (каймакамы); въ помощь имъ должна быть дана вольнонаемная изъ мѣстныхъ жителей полицейская стража, по расчету четырехъ «стражаровъ» (треть конныхъ) на каждую тысячу душъ. Судебная часть должна была организоваться такъ, чтобы предоставить населенію скорый и близкій судъ, лучшимъ средствомъ для чего должно было послужить возобновеніе прежнихъ судебныхъ совѣтовъ, обязанныхъ при разбирательствѣ и рѣшеніи дѣлъ руководствоваться или существующими законами, или обычнымъ правомъ, въ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ права письменнаго. Для охраненія спокойствія и вышней безопасности края, предполагалось устроить національную милицію, распространивъ воинскую повинность на все населеніе безъ различія народности и вѣроисповѣданія, и ограничивъ военную службу возможно короткимъ срокомъ. По введеніи во всемъ край первоначальнаго управленія, при посредствѣ вышеупомянутыхъ хозяйственныхъ, административно-полицейскихъ и судебныхъ органовъ, предполагалось привести въ извѣстность и собрать нравственные и матеріальныя силы страны, устроить финансы и кредитъ, затѣмъ призвать нотаблей въ лицѣ представителей духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій, председателей управительныхъ и судебныхъ совѣтовъ, и другихъ вліятельныхъ лицъ, для обсужденія вопроса о выборномъ законѣ. Право выбирать полагалось предоставить всѣмъ безъ исключенія гражданамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста (25 лѣтъ) и имѣющимъ какую-либо собственность, или платящимъ какія-либо казенныя подати; право быть избраннымъ имѣлось въ виду поставить въ зависимость отъ образованія и владѣнія собственностью: такъ, полагалось, что избранными могутъ быть лица духовныя, учителя и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ по установленному цензу для различныхъ мѣстъ края;

неграмотные лишались права быть избранными. По изданіи закона о выборахъ, предполагалось приступить къ созванію представителей изъ всего края, правильно выбранныхъ, для разработки различныхъ законопроектовъ относительно будущаго устройства всѣхъ частей управленія. Для руководства текущими дѣлами, въ помощь верховному комиссару, предполагалось образовать совѣтъ управленія княжества болгарскаго, изъ русскихъ и болгаръ. Такъ какъ къ каждому русскому губернатору были назначены вице-губернаторы изъ мѣстныхъ уроженцевъ, то, при переходѣ отъ администраціи временной къ постоянной, полагалось губернаторовъ изъ русскихъ замѣнять вице-губернаторами-болгарами, уже ознакомленными съ дѣломъ и могущими остаться при томъ же содержаніи, которое имъ было назначено по должности вице-губернаторовъ. Въ округахъ имѣлось въ виду постепенно сокращать число начальниковъ изъ русскихъ офицеровъ, соединяя по два уѣзда подъ управленіемъ одного начальника, съ назначеніемъ ему помощника изъ болгаръ, съ тѣмъ чтобы помощники эти замѣстили потомъ должности начальниковъ округовъ. Для приготовленія способныхъ кандидатовъ на административныя мѣста и для пріобрѣтенія достаточнаго числа офицеровъ въ милицію, предполагалось послать возможно большее число молодыхъ болгаръ въ учебныя заведенія Россіи. Такъ какъ школьный вопросъ давно уже былъ поднятъ въ краѣ, то его предполагалось развить, сообразуясь съ мѣстными потребностями и условіями, подъ руководствомъ лицъ мѣстнаго происхожденія, извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ. Духовенству, находившемуся большею частію въ бѣдности, особенно въ селахъ, имѣлось въ виду оказать матеріальную поддержку для обезпеченія его быта, устройства духовно-учебныхъ заведеній и поддержанія церквей. Всѣхъ архіереевъ предполагалось имѣть членами совѣта, учреждаемаго при верховномъ комиссарѣ. Для развитія молодежи и облегченія ея выучки въ милиціи, предполагалось образовать во всемъ краѣ военныя стрѣлковыя общества, или общественныя стрѣльбища, насколько это могло быть совмѣстимо съ крайне желательнымъ уничтоженіемъ мусульманскаго обычая носить оружіе. Переходъ къ національному правительству, т. е.

къ въбору князя, полагалось возможнымъ сдѣлать не ранѣе, какъ черезъ годъ или полтора послѣ мира.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, предположенія князя Черкаскаго, обнимавшія со всѣхъ сторонъ государственное устройство края, въ которомъ онъ призванъ былъ дѣйствовать, и обнаруживавшія въ немъ несомнѣнныя организаторскія способности и дальновидность истинно-государственного человѣка.

Но, къ несчастію, осуществленіе этой зрѣло обдуманной и добросовѣстно выработанной программы организаціи края встрѣтило, въ самомъ началѣ, неодолимыя затрудненія и препятствія. Несмотря на первые успѣхи нашихъ войскъ, освобожденію болгаръ не суждено было совершиться въ столь короткое время и такъ легко, какъ это казалось вначалѣ. Война вдругъ и совершенно неожиданно приняла упорный характеръ, затнулась. Участъ ей пришлось рѣшать въ зимнюю пору, какъ нарочно въ этотъ годъ отличавшуюся необыкновенной въ томъ край суровостью. Естественныя спутники всякихъ войнъ, всевозможныя бѣдствія и болѣзни приняли въ эту войну громадные размѣры. Количество раненыхъ и больныхъ возрастало съ каждымъ днемъ въ страшной прогрессіи. Кромѣ того, сотни тысячъ мирныхъ жителей южной Болгаріи, разоренной и выжженной турками, явились искать спасенія и пріюта на сѣверномъ склонѣ Балканъ, явились полунагими и страдающими отъ голода и разныхъ болѣзней. Такой неожиданный оборотъ дѣла, по необходимости, долженъ былъ отвлечь вниманіе гражданскаго управленія отъ его прямой задачи. Оно вынуждено было направить всѣ свои дѣйствія на уменьшеніе бѣдствій войны, удовлетворяя съ одной стороны нужды войска и бѣглецовъ (бѣженцевъ), а съ другой—уравновѣшивая тягости, ложившіяся вслѣдствіе этихъ нуждъ на освобожденное русскими войсками населеніе. Этому дѣлу человѣколюбія, главнымъ образомъ, долженъ былъ посвятить свою энергію и свои труды покойный князь Черкасскій, поплатившійся жизнію за свои чрезмѣрные усилія.

Не смотря на такое осложненіе задачи гражданскаго управленія, оно сумѣло съ честью выйти изъ всѣхъ этихъ затрудненій и положить прочное основаніе для будущаго устройства Болгаріи. Съ переходомъ войскъ черезъ Дунай и по мѣрѣ дви-

женія ихъ внутрь края, были образованы санджаки (губерніи) и округи (уѣзды) со введеніемъ въ нихъ гражданскаго управленія. Прежде всего образованъ былъ санджакъ систовскій, изъ трехъ округовъ, отдѣленныхъ отъ рушукскаго санджака, остальная часть котораго образовала затѣмъ особый санджакъ. Ко времени заключенія санъ-стефанскаго прелиминарнаго договора, т. е. къ 19 февраля 1878 г., было образовано всего 8 санджаковъ, а именно: систовскій, тырновскій, тульчинскій, рушукскій, видинскій, софійскій, сливенскій и филиппопольскій, въ которыхъ заключалось 56 округовъ (казъ). На первое время, губернаторами и начальниками округовъ назначены были русскіе; вице-губернаторами же и помощниками начальниковъ округовъ назначены были болгары.

Для веденія правильнаго управленія краемъ, составлены и введены въ дѣйствіе: 1) положеніе о гражданскомъ управленіи въ санджакахъ и округахъ со штатами; 2) положеніе и штаты выборныхъ управительныхъ совѣтовъ въ округахъ и городахъ Болгаріи; 3) временныя правила для образованія въ Болгаріи полицейской вольнонаемной стражи и вооруженныхъ карауловъ, изъ мѣстныхъ жителей; 4) временныя правила о подводной повинности съ населенія, для удовлетворенія потребностей войска и для проѣзда отдѣльныхъ лицъ по дѣламъ службы; 5) для почтовой гоньбы отъ Систова до Ени-Загры, лежащей на Ямбольско-Константинопольской желѣзной дорогѣ, устроены почтовые станціи, числомъ 21 съ 320 лошадьми, нанятыми въ нѣмецкихъ колоніяхъ около Одессы. Почтовые тракты устроены по тремъ линіямъ: Ситовъ, Рушукъ, Тырновъ, Ени-Загра; Ситовъ-Плевна и Плевна - Габрово. Всѣ инструкціи, изданныя по гражданскому управленію, напечатаны отдѣльными выпусками въ особомъ «Сборникѣ официальныхъ распоряженій и документовъ по Болгарскому краю». Такимъ образомъ, для дѣйствій губернской (санджакской) и окружной администраціи въ Болгаріи, составленъ и изданъ полный сводъ всѣхъ необходимыхъ инструкцій.

Во всѣхъ округахъ, вслѣдъ за введеніемъ гражданскаго управленія, возобновлены дѣйствія окружныхъ казначействъ и таможенъ, гдѣ онѣ были. Для сосредоточенія денежныхъ поступленій съ края и веденія имъ правильной отчетности, составлены правила о санджаковыхъ казначействахъ по образцу русскихъ.

Эти казначейства, на первый разъ, предполагено открыть въ Филиппополь, Софіи и Руссукъ, съ тѣмъ чтобы дѣйствія каждаго изъ нихъ распространялись на нѣсколько санджаковъ. Кроме того, изучено устройство земледѣльческихъ кассъ, заведенныхъ въ Болгаріи Мидхатомъ-пашей, и собраны по этому предмету весьма интересные матеріалы.

По мѣрѣ возможности, дѣйствіе прежнихъ судебныхъ совѣтовъ возобновлено повсюду; въ составъ этихъ совѣтовъ, за уходомъ турецкаго населенія, вошли исключительно христіане. Положенія для дѣйствія этихъ совѣтовъ не издано, но составлены штаты, по которымъ членамъ судебныхъ совѣтовъ назначено содержаніе наравнѣ съ членами управительныхъ совѣтовъ. Этою мѣрой привлечены благонадежныя лица на службу по судебной части, бывшей при турецкомъ правительствѣ въ рукахъ надіевъ.

По временному своему характеру, гражданское управленіе почти не касалось частей духовной и учебной. Въ этомъ отношеніи, и то въ видахъ чисто практическихъ, а именно для приготовления переводчиковъ, учреждены въ Филиппополь «практическіе курсы русскаго языка» для 40 стипендіатовъ и неограниченнаго числа вольноприходящихъ.

Не имѣя въ виду измѣнить систему податей и налоговъ, существовавшую при турецкомъ правительствѣ въ Болгаріи, гражданское управленіе уничтожило лишь одинъ налогъ бедель и измѣнило десятинную подать. Поголовная подать бедель взималась турецкимъ правительствомъ за освобожденіе христіанскаго населенія отъ военной службы; въ виду призыва коренныхъ жителей края къ отправленію воинской повинности, само собою разумѣется, подать эту слѣдовало немедленно отменить. Съ 1878 года отмѣненъ навсегда десятинный налогъ, взамѣнъ котораго введена, съ того же времени, поземельная денежная подать. Всѣ прочіе виды податей, какъ-то верга, акцизъ, таможенныя пошлины и проч. оставлены на прежнемъ основаніи, но чрезъ всѣ проведенъ общій принципъ — отиѣвъ навсегда откупной системы взиманія податей, столь ненавистной мѣстному населенію. Во вниманіе къ тяжелому времени, пережитому населеніемъ Болгаріи и истощенію тѣхъ мѣстностей края, которыя занимались до конца 1877 года дѣйствующей ар-

міей, къ правильному сбору податей не было приступлено. Не смотря на это, изъ доходовъ таможенныхъ, отъ акциза и аренды казенныхъ имуществъ, а отчасти и отъ поступления податей, составила въ приходѣ за 1877 годъ сумма до четырехъ сотъ тысячъ рублей, изъ которыхъ и содержалась администрація санджаковъ тырновскаго, тульчинскаго, систовскаго и отчасти рущукскаго.

Личный составъ гражданскаго управленія въ санджакахъ и округахъ Болгаріи составляли, — кромѣ лицъ, лично приглашенныхъ княземъ Черкасскимъ изъ Россіи, извѣстныхъ ему по своимъ юридическимъ познаніямъ и по опытности въ дѣлахъ административныхъ, — еще до 40 офицеровъ изъ войскъ гвардіи (?) и изъ числа воинскихъ уѣздныхъ начальниковъ. Но это число русскихъ чиновниковъ составляло весьма незначительный процентъ въ администраціи санджаковъ, — не болѣе двухъ—трехъ на каждый санджакъ; всѣ прочія должности замѣщены были болгарами и лицами другихъ мѣстныхъ національностей. Первый губернаторъ, назначенный въ этомъ краю, былъ болгаринъ, вице-губернаторъ къ нему былъ выбранъ также изъ болгаръ. Затѣмъ принято за правило назначать вице-губернаторами къ русскимъ губернаторамъ, во всѣ санджаки безусловно, однихъ болгаръ. Въ округахъ и городахъ, изъ русскихъ опредѣлены только начальники округовъ (каймакамы) и полицмейстеры; всѣ прочія должности замѣщены безусловно мѣстными уроженцами. Въ управительныхъ (административныхъ) совѣтахъ, а равно и въ судебныхъ, всѣ члены были выбраны мѣстными жителями изъ своей среды. Въ таможенныхъ учрежденіяхъ всѣ мѣста, безъ исключенія, были замѣщены мѣстными уроженцами; всѣ сборщики податей были тоже изъ туземцевъ. Что касается до назначенія болгаръ въ центральное управленіе, то вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, такъ что въ составъ канцеляріи гражданскихъ дѣлъ было опредѣлено нѣсколько болгаръ, равно какъ болгары же были назначены на должности чиновниковъ по особымъ порученіямъ при князѣ Черкасскомъ.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго здѣсь видно, что гражданское управленіе краемъ при князѣ Черкасскомъ строго слѣдовало принципу охранительному, вводя вездѣ мѣстное само-

управленіе, призывая мѣстныхъ интеллектуальныя силы, ревниво оберегая тѣ прежніе обычаи и порядки, которые не нарушали интересовъ населенія, и отмѣняя лишь то, что было ему неавистно и чѣмъ оно справедливо тяготилось. Въ этомъ отношеніи, слова покойнаго Государя-Освободителя: «задача Россіи создавать, а не разрушать», заключающіяся въ прокламаціи въ болгарамъ, получили полное примѣненіе въ основныхъ началахъ принятыхъ княземъ Черкасскимъ для установленія управленія Болгаріею.

II.

Послѣ Санъ-Стефанскаго договора.

19-го февраля 1878 г., въ Санъ-Стефано былъ заключенъ между Россіей и Турціей прелиминарный мирный договоръ, по которому въ Болгаріи учреждалось званіе російскаго императорскаго комиссара. На должность эту, за смертію князя Черкаскаго, совпавшею въ одинъ день съ этимъ знаменательнымъ и столь дорого стоившимъ Россіи событіемъ, былъ назначенъ бывший кievскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ, князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. Задачи, выпавшія на его долю, были и обширны, и чрезвычайно важны. Такъ, въ силу 6-й статьи помянутаго договора, Болгарія,—въ предѣлахъ, которые еще имѣли быть впоследствии точно установлены,—должна была образовать самоуправляющееся княжество съ христіанскимъ правительствомъ и земскимъ войскомъ; по статьѣ 7-й, прежде избранія князя, собраніе именитыхъ людей Болгаріи, подъ наблюденіемъ російскаго императорскаго комиссара и въ присутствіи комиссара оттоманскаго, должно было выработать органическій статутъ для будущаго управленія, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ 1830 году, для придунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахія. Изъ этихъ положеній договора, для гражданскаго управленія въ Болгаріи вытекала обязанность прежде всего имѣть въ виду, что пребываніе русской власти въ этой странѣ можетъ быть лишь кратковременное, и что, отстраняя всякую мысль о возвращеніи въ ней русскаго вліянія, всѣ заботы должны быть на-

правлены къ пробужденію элементовъ собственной болгарской жизни и къ возможно-быстрому упроченію ея самостоятельности, для того чтобы, по оставленіи русскими этой страны, ея организація была въ состояніи выдержать различныя враждебныя вліянія и посягательства. Развивая мѣстное самоуправленіе, продолжая, такъ сказать, слѣдовать административной системѣ, уже введенной въ краѣ княземъ Черкасскимъ, новому російскому комиссару предстояло теперь устроить болѣе общіе административные органы, новая власть которыхъ должна была всецѣло замѣнить власть бывшаго турецкаго правительства. Въ этихъ видахъ, сверхъ губернскаго, или санджаковаго управленія, уже дѣйствовавшаго въ занятыхъ русскими войсками провинціяхъ Болгаріи, нужно было образовать подъ начальствомъ комиссара общій для всей страны совѣтъ съ отдѣленіями (министерствами), соответствующими различнымъ отраслямъ управленія, какъ-то: внутреннихъ дѣлъ и духовныхъ, финансовъ, по устройству земскаго войска, судебнаго, путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ, народнаго просвѣщенія, и канцелярію для дипломатическихъ сношеній. При формированіи этихъ высшихъ управленій, особенное вниманіе было обращено на то условіе, чтобы должности, какъ по управленію губерніями, такъ и въ отдѣленіяхъ общаго совѣта только на первое время замѣщались русскими чинами, по мѣрѣ же присканія и подготовки болгаръ, тотчасъ же передавались въ ихъ руки.

На администрацію и на общій совѣтъ были возложены слѣдующія, вытекающія изъ условій санъ-стефанскаго договора, подготовительныя работы: а) выработать систему и порядокъ выборовъ въ собраніи именитыхъ людей Болгаріи, для составленія устава будущаго управленія княжествомъ; при этомъ, согласно статьѣ 7-й договора, требовалось, чтобы въ мѣстностяхъ, гдѣ болгарское населеніе перемѣшано съ турецкимъ, греческимъ, валашскимъ и другими, при выборахъ или выработкѣ органическаго устава было обращено вниманіе на нужды этихъ народностей; б) опредѣлить среднюю доходность всей территоріи княжества, для исчисленія впоследствии, по соглашенію между Россією, турецкимъ правительствомъ и прочими кабинетами, той ежегодной дани, которую будетъ платить Болгарія Оттоманской Портѣ; в) выработать условія соглашенія между Портой, пра-

вительствомъ Болгаріи и управленіемъ Русшукско-Варнской желѣз-
ной дороги относительно перехода къ Болгаріи обязательствъ
оттоманскаго правительства по этой дорогѣ; такія же усло-
вія соглашеній должны быть изготовлены и по другимъ же-
лѣзнымъ дорогамъ, пролегающимъ въ предѣлахъ Болгаріи; г) составить по соглашенію съ Портой особый уставъ, опреде-
ляющій ея право пользоваться извѣстными путями, для передви-
женія регулярныхъ войскъ, военныхъ припасовъ и провіанта
въ области, лежащія за предѣлами княжества, и обратно; д) со-
ставить уставъ, обезпечивающій права Порты—провозить чрезъ
княжество свою почту и содержать въ немъ телеграфную линію;
е) устроить подъ наблюденіемъ русскихъ комиссаровъ турецко-
болгарскія комиссіи, которыя, засѣдая въ главныхъ центрахъ
населенія, должны въ теченіе двухъ лѣтъ окончательно рѣшить
всѣ спорныя дѣла о поземельной собственности, въ которыхъ
замѣшаны интересы мусульманъ и другихъ національностей, и
въ тотъ же срокъ окончить всѣ дѣла, касающіяся способовъ
отчужденія, эксплуатаціи и пользованія Портой имуществами,
принадлежащими правительству и духовнымъ учрежденіямъ (ва-
куфы); комиссіямъ этимъ необходимо было пояснить, что, въ
силу договора, землевладѣльцы-мусульмане и другіе, которые
изберутъ мѣсто для своего жительства внѣ княжества, могутъ
сохранить въ немъ недвижимую собственность, подъ условіемъ
отдать ее въ аренду или поручить въ управленіе другимъ ли-
цамъ, и что по истеченіи двухлѣтняго срока, всѣ имущества,
на которыя не будетъ предъявлено требованій, будутъ проданы
съ публичнаго торга и вырученныя суммы будутъ употреблены
на содержаніе вдовъ и сиротъ какъ мусульманъ, такъ и хри-
стіанъ—жертвъ войны, и ж) озаботиться дѣломъ срытія на счетъ
болгарскаго правительства, въ предѣлахъ княжества, прежнихъ
турецкихъ крѣпостей, причемъ слѣдовало имѣть въ виду, что
прежде всего подлежатъ срытію крѣпости на Дунаѣ, гдѣ въ впа-
дахъ обезпеченія свободы судоходства не должно быть впрелъ
никакихъ укрѣпленій.

Всѣ эти организаціонныя работы и мѣропріятія достались
на долю учрежденнаго при російскомъ комиссарѣ общаго совѣта,
членами котораго были назначены, кромѣ завѣдующихъ различ-
ными отдѣлами по всѣмъ отраслямъ управленія, болгарскій эк-

зартъ и всѣ болгарскіе епархіальные архіереи. По приглашенію комиссара, въ засѣданія совѣта для совѣщаній допускались и другія частныя лица изъ мѣстныхъ жителей, могущія давать полезныя указанія. Дѣятельность совѣта и его отдѣловъ (министерствъ) за этотъ періодъ времени преслѣдовала, главнѣйшимъ образомъ, осуществленіе плановъ и предначертаній покойнаго князя Черкаскаго, вводя вездѣ самоуправленіе на самыхъ широкихъ началахъ, вездѣ примѣняя выборное право. При этомъ очень скоро обнаружилось взаимныя отношенія болгарскихъ сельчанъ и горожанъ.

Извѣстно, что въ Болгаріи издавна сельское населеніе относится весьма непріязненно къ горожанамъ; фактъ этотъ имѣетъ свое историческое основаніе: болгарскій горожанинъ прежде всего былъ тѣмъ, что въ Турціи носитъ названіе чорбаджи и означаетъ угодливаго слугу турокъ. Мелкіе торговцы, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ турецкой администраціей, болгарскіе горожане почти всѣ усвоили себѣ турецкій языкъ и привычку притѣснять и эксплуатировать простоватыхъ сельчанъ. Турки набирали себѣ откупщиковъ, оцѣнщиковъ, и даже доносчиковъ и шпионовъ, преимущественно изъ городского купечества, которое и національный свой болгарскій костюмъ перемѣнило на европейскій сюртукъ и турецкую феску. Вражда сельчанъ къ горожанамъ проявилась на первыхъ же свободныхъ выборахъ: въ округахъ на общественныя должности избирались преимущественно деревенскіе жители, такъ что въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Софіи, нашему гражданскому управленію пришлось кассировать выборы вслѣдствіе недостатка грамотныхъ членовъ, выбранныхъ во вновь образованные окружные совѣты. Слышно, что вражда эта перешла и въ народное собраніе, гдѣ сельчане въ послѣднюю сессію громко заявляли недоявіе къ своимъ городскимъ товарищамъ-депутатамъ. Сельское населеніе, не исключая и турокъ, всегда радостно и сердечно встрѣчало каждаго заѣзжаго русскаго; горожане же, напротивъ, намѣренно бывали несообщительны при подобныхъ встрѣчахъ. Во время тяжелыхъ дней Плевны, Шибля и Елены, нѣкоторые тырновскіе купцы замѣтно падали духомъ и, не доверяя больше своей болгарской шапкѣ, носили на всякій случай въ карманахъ турецкую феску. Такъ какъ въ Болгаріи го-

рожанъ всего около ста тысячъ, а сельчанъ болѣе милліона, то понятно, что введеніемъ въ этой странѣ широкаго самоуправленія, выборнаго начала и общей воинской повинности наше управленіе сравняло въ гражданскихъ правахъ меньшинство населенія съ большинствомъ, и тѣмъ самымъ возбудило въ меньшинствѣ, т. е. въ горожанахъ, весьма понятное скрытое недовольство новыми порядками. Мы съ намѣреніемъ останавливаемся на этомъ обстоятельстве, потому что имъ естественно объясняются тѣ сплетни, клеветы и нападки, которыя расточались въ это время на дѣйствія и мѣропріятія нашего гражданского управленія. Въ то время, когда угнетенные и приниженыя сельчане получали новыя права, облегчались въ уплатѣ податей, освобождались отъ незаконныхъ сборовъ, горожане, помогавшіе прежнему турецкому правительству въ его притѣсненіяхъ сельчанъ и сами извлекавшіе изъ своего привилегированнаго положенія большія для себя выгоды, теперь, при новомъ управленіи, безвозвратно теряли все это и, конечно, не могли простить своихъ потерь виновникамъ ихъ—русскимъ. Нѣчто подобное было и у насъ въ Россіи, когда совершалось великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ ярѣпостной зависимости: главные дѣятели при этомъ—мировые посредники—подверглись сильнымъ нападеніямъ со стороны недовольныхъ реформой, и, какъ извѣстно, должность эта преждевременно была упразднена...

Гораздо труднѣе предстояла гражданскому управленію задача по выработкѣ органическаго устава для управленія княжествомъ болгарскимъ. При неразвитости болгарскаго населенія, вообще, и непривычѣ его къ самостоятельной политической жизни, нельзя было ожидать, чтобы предстоявшее собраніе именитыхъ людей, предоставленное самому себѣ, могло выработать этотъ уставъ; склонность болгаръ ко взаимному недоверію и разногласіямъ значительно затрудняла разрѣшеніе этой задачи. А потому, необходимо было самому совѣту управленія предварительно приготовить всѣ матеріалы и сдѣлать имъ надлежащій сводъ. Принципы, положенныя въ основаніе органическаго устава для Болгаріи, были слѣдующіе: князь, избираемый народомъ, не будетъ пользоваться неограниченною властью; власть эта опредѣляется уставомъ; за собраніемъ нотаблей устанавливается право законодательное и право рассмотрѣнія и утвержденія ежегодныхъ бюд-

жетовъ княжества; министры, назначаемые княземъ, отвѣтственны предъ собраніемъ нотаблей за свои дѣйствія. Давая такимъ образомъ болгарскому княжеству правительственныя формы конституціонныхъ государствъ, совѣтъ управленія въ то же время долженъ былъ соображаться съ мѣстными условіями, со степенью подготовленности народа къ подобнымъ формамъ правленія. Давая полную возможность народнымъ представителямъ безъ всякаго стѣсненія высказывать въ собраніи свои нужды и желанія, совѣтъ долженъ былъ въ то же время противодействовать всякимъ попыткамъ ввести въ уставъ положенія, несогласныя съ условіями санъ-стефанскаго договора. Последнее представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что хотя Портъ по трактату и не дано было права на вмѣшательство во внутреннія дѣла болгарскаго княжества, однако она выговорила себѣ право назначить особаго комиссара въ Болгарію, который будетъ присутствовать на собраніи болгарскихъ нотаблей, при составленіи органическаго устава Болгаріи, впрочемъ безъ права голоса.

Занимаясь этимъ труднымъ дѣломъ выработки органическаго устава для управленія болгарскимъ княжествомъ, совѣтъ въ то же время испытывалъ немалыя трудности въ поддержаніи своихъ отношеній къ консуламъ европейскихъ державъ, которые ревниво слѣдили за каждымъ шагомъ временнаго гражданскаго управленія въ Болгаріи, и, подъ видомъ защиты и покровительства подданнымъ своихъ государствъ, нерѣдко злоупотребляли своею властью. Извѣстно, что положеніе иностранцевъ въ Турціи обезпечивается особыми договорами (капитуляціями), заключенными христіанскими державами съ цѣлью огражденія своихъ подданныхъ отъ самоуправства мусульманскихъ властей. Хотя въ Болгаріи теперь и вводилось христіанское управленіе, но вассальныя отношенія ея къ Портъ давали иностраннымъ правительствамъ право потребовать сохраненія силы капитуляцій во вновь создаваемомъ княжествѣ. А сила консульской власти въ Турціи распространялась на всѣ дѣла гражданскія и уголовныя, изъ которыхъ дѣла иностранцевъ вѣдались исключительно консульскимъ судомъ; смѣшанныя же дѣла уголовныя и гражданскія, т. е. такия, въ которыхъ замѣшаны были, кромѣ иностранцевъ, и мѣстные жители, хотя

и разсматривались въ мѣстныхъ судахъ, но при условіяхъ, совершенно парализующихъ дѣйствія суда; такъ, вызовъ въ судъ иностранца, наложеніе ареста на его имущество, самое его арестованіе, исполненіе рѣшеній суда—исключительно принадлежали консульской власти. Самый разборъ дѣла, въ которомъ замѣшанъ былъ иностранный подданный, могъ происходить не иначе, какъ въ присутствіи особаго, командидуемаго консульствомъ, чиновника. Понятно, что при такихъ широкихъ правахъ иностранныхъ консуловъ, при возможности со стороны лицъ мѣстнаго населенія, не желавшихъ подчиниться требованіямъ новаго болгарскаго правительства, прибѣгать подъ покровительство иностранныхъ консуловъ, подъ именемъ иностранцевъ, — совѣту управленія въ Болгаріи по необходимости пришлось принять въ этомъ отношеніи всѣ мѣры предосторожности. Съ этою цѣлью совѣтъ пригласилъ всѣхъ иностранныхъ консуловъ предъявить ему списки проживающихъ въ Болгаріи иностранцевъ, объявивъ при этомъ, что онъ не можетъ признавать права на покровительство со стороны иностранныхъ консуловъ за тѣми лицами, которыя не будутъ имѣть законныхъ паспортовъ отъ ихъ правительства. Мѣрою этою значительно устранялись вообще нежелательныя столкновенія временнаго болгарскаго правительства съ иностранными консулами.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, организаціонныя занятія и труды нашего гражданскаго управленія въ Болгаріи по заключеніи санъ-стефанскаго договора. Но на первыхъ же порахъ управленіе это встрѣтило серьезныя преграды, значительно измѣнившія какъ сферу его дѣятельности, такъ и ходъ его занятій.

Слухи о предстоящемъ созваніи въ Берлинѣ конгресса изъ представителей европейскихъ державъ заставили русскую власть оставаться на время въ выжидательномъ и неопредѣленномъ положеніи. Когда же въ іюлѣ мѣсяцѣ 1878 г. конгрессъ этотъ былъ созванъ, и въ Филиппополѣ стали получаться депеши о вопросахъ будущаго устройства Болгаріи, то какъ въ самомъ городѣ, такъ и во всей южной Болгаріи и Македоніи обнаружилось крайне тревожное состояніе и самыя преувеличенныя опасенія за будущность страны. Жители Румелии, въ которой предполагалось, по слухамъ, создать новый порядокъ, и въ которой

сосредоточивается **большая** часть болгарской интеллигенціи, никакъ не могли понять, что политическія причины въ состояніи заставить пожертвовать свободою и интересами именно той страны, которая подняла прежде всѣхъ знамя возстанія и больше всѣхъ пострадала отъ разоренія, неистовства и мщенія турокъ. Къ російскому комиссару, князю Дондукову-Корсакову, ежедневно массами поступали адреса и петиціи, покрытые подписями цѣлыхъ обществъ, съ просьбами заступничества и справедливаго къ нимъ вниманія. Цѣлыя толпы въ нѣсколько сотъ человекъ являлись передъ домомъ князя въ Пловдивѣ, гдѣ онъ временно останавливался, съ выраженіями отчаянія и скорби по поводу угрожающаго имъ въ будущемъ положенія. Князю Дондукову - Корсакову приходилось всякій разъ лично успокаивать взволнованное населеніе, объясняя при этомъ, что будущее положеніе Румеліи, о которомъ получены только частныя телеграфныя извѣстія, не имѣющія достовѣрнаго характера, во всякомъ случаѣ, оградить край отъ прежняго произвола и насилія турокъ, что, послѣ понесенныхъ Россією жертвъ на пользу болгаръ, неповиновеніе ихъ и безпорядки, вызывая репрессивныя мѣры, покажутъ только съ ихъ стороны неблагодарность къ Россіи, и что поэтому они должны съ покорностью и терпѣніемъ ожидать будущаго, тѣмъ болѣе, что присутствіе русскаго оккупационнаго корпуса въ край должно служить для нихъ залогомъ спокойствія и справедливаго устройства ихъ положенія. Въ то время, рѣшенія конгресса еще были извѣстны только въ общихъ чертахъ. Понятно, что всѣ интересы населенія были сосредоточены на подробностяхъ исполненія и примѣненія. Оно не вѣрило общаціямъ турокъ, не могло себѣ представить своего земскаго войска подъ командою турецкихъ офицеровъ, и опасалось, чтобы и самого генералъ-губернатора не назначили изъ ненавистныхъ болгарскихъ грековъ или армянъ. Болгары Румеліи громко высказывали, что ежели и сохранится относительное спокойствіе въ край, то только на время оккупации нашихъ войскъ.

Если вообще вся южная Болгарія, во время засѣданій берлинскаго конгресса, волновалась и тревожилась насчетъ своей будущности, то особенно Македонія находилась въ это время въ состояніи полной неурядицы и безпорядка. Положеніе болгаръ,

составляющихъ большинство населенія Македоніи, было самое невыносимое. Турки продолжали совершать прежнія насилія, убивать жителей, осквернять семейную жизнь болгаръ; нѣсколько деревень мирныхъ жителей были сожжены баши-бузуками и албанцами. Къ российскому комиссару являлись цѣлыя депутаціи отъ почетныхъ лицъ и духовенства македонскихъ болгаръ съ жалобами на злодѣйства турокъ, и ему приходилось постоянно успокаивать ихъ, внушая, чтобъ они ожидали съ терпѣніемъ рѣшенія берлинскаго конгресса, который, несомнѣнно, займется ихъ участіемъ, и не ухудшали своего положенія безразсудными стремленіями къ возстанію или самоуправству.

Такъ волновались, усложняя и безъ того громадныя труды нашего гражданскаго управленія, болгары Румелии и Македоніи, вслѣдствіе однихъ только слуховъ и телеграфныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ засѣдавшаго въ то время берлинскаго конгресса.

III.

Послѣ берлинскаго трактата.

1 іюля 1878 г. заключенъ былъ между европейскими державами берлинскій трактатъ, радикально измѣнившій почти всѣ статьи санъ-стефанскаго договора, относившіяся до Болгаріи. Прежде всего, измѣнены были границы болгарскаго княжества, въ составъ котораго вошла только сѣверная Болгарія, до Балканъ, и незначительная часть южной съ городомъ Софією; а изъ остальной части южной Болгаріи должна была образоваться новая область, подъ названіемъ «Восточной Румелии». Область эта оставалась подъ управленіемъ Порты, съ христіанскимъ губернаторомъ во-главѣ и съ административной автономіей. Такъ какъ центромъ управленія этой, вновь образуемой, области предполагался Филиппополь, въ которомъ въ то время находилось наше гражданское управленіе, то послѣднему, прежде всего, предстояло перенести свое пребываніе изъ этого города въ Тырновъ, въ которомъ, согласно 4-й статьѣ берлинскаго трактата, должно было состояться собраніе именитыхъ людей Болгаріи, для выработки органическаго устава княжества. По 18-й статьѣ трактата, для выработки организациі новой обла-

сти, должна быть образована европейская комиссия, которая, впредь до введенія въ дѣйствіе новой администраціи, приметъ на себя, совмѣстно съ Портою, управление финансами этой области. Изъ этого должно было заключить, что въ промежуточное время между выработкой и введеніемъ въ дѣйствіе организаціи новой области, все управленіе ея, за исключеніемъ финансовъ, останется въ рукахъ нашихъ временныхъ властей, по меньшей мѣрѣ, три мѣсяца (срокъ, назначенный европейской комиссіи для выработки организаціи). Срокъ пребыванія нашихъ войскъ въ этой области, равно какъ и въ сѣверной Болгаріи, определенъ трактатомъ въ 9 мѣсяцевъ со времени обѣна ратификацій. Отсюда вытекала для нашего гражданскаго управленія въ Болгаріи необходимость все переустройство страны окончить въ теченіе девяти мѣсяцевъ, вмѣсто предполагавшихся по санъ-стефанскому договору двухъ лѣтъ. Последнее обстоятельство, сдѣлавшее невозможнымъ полное осуществленіе первоначальной преобразовательной программы, заставило наше гражданское управленіе обратить вниманіе на выполненіе только наиболее существенныхъ реформъ, особенно въ Восточной Румелии,—такихъ, которыя бы, прежде всего, обезпечили спокойствіе этой области и дали бы ей возможность избѣгнуть въ будущемъ тѣхъ общихъ недостатковъ, которыми отличалась турецкая администрація. Такими учрежденіями безспорно являлись: во-первыхъ, образованіе земскаго войска и, во-вторыхъ, правильная организація сельской и городской полиціи. Что касается до земскаго войска, то такъ какъ ни въ берлинскомъ трактатѣ, ни въ протоколахъ конгресса не было определено его численности, то въ этомъ отношеніи нашему гражданскому управленію предоставлялась полная свобода образовывать его въ тѣхъ размѣрахъ, какіе признаны будутъ нужными, чѣмъ, какъ будетъ сказано ниже, оно и воспользовалось, благодаря полному сочувствію всего болгарскаго населенія къ военной службѣ. Кратковременность срока оккупации нашихъ войскъ, а съ ними вмѣстѣ и пребыванія нашего гражданскаго управленія въ Болгаріи, естественно заставляли его торопиться съ дѣломъ выработки органическаго устава княжества, съ цѣлю, во-первыхъ, не оставить страны безъ оконченной организаціи и, во-вторыхъ, чтобы избраніе болгарскаго князя, которое могло послѣдовать

лишь по изготовленіи органическаго статута, совершилось еще въ присутствіи нашихъ войскъ. Далѣе, изъ берлинскаго трактата вытекала необходимость зорко слѣдить за своевременнымъ выводомъ изъ Болгаріи всѣхъ турецкихъ войскъ и за обезоруженіемъ всѣхъ прежнихъ крѣпостей, и, прежде всего, на Дунаѣ, въ виду свободы на немъ судоходства и воспрещенія плаванія военныхъ судовъ; при этомъ, для сохраненія въ пользу Болгаріи таможенныхъ доходовъ, допускалось плаваніе по Дунаю обычныхъ станціонеровъ и легкихъ судовъ рѣчной полиціи. Ко всѣмъ этимъ задачамъ берлинскаго трактата, для нашего гражданскаго управленія, присоединялось крайне тяжелое условіе 6-й статьи, въ которой, между прочимъ, было сказано, что для наблюденія за ходомъ временнаго управленія Болгаріею должны быть назначены: со стороны Порты комиссаръ, а со стороны другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ, — особо призванные для того консулы. Понятно, что присутствіе подобныхъ цѣнителей, въ безпристрастіи которыхъ позволительно было сомнѣваться, еще болѣе усложняло трудное положеніе нашего гражданскаго управленія. Кому неизвѣстны всевозможныя интриги и клеветы, которымъ оно въ это время подвергалось въ подкупленныхъ константинопольскихъ и другихъ заграничныхъ газетахъ. Такъ, оно обвинялось въ примѣненіи въ мирное время такихъ требованій для войскъ, которыя допускаются лишь въ военное время; между тѣмъ дѣло шло только о квартирной повинности, которой не желали подчиняться нѣкоторые изъ грековъ, проживающихъ въ Румеліи и издавна владѣющихъ въ ней домами. Курьезны были также обвиненія въ подстрекательствѣ болгаръ не подчиняться постановленіямъ берлинскаго трактата и въ поощреніи ихъ стремиться къ соединенію съ княжествомъ болгарскимъ; дѣйствовать въ этомъ направленіи нашему гражданскому управленію—значило бы самому себѣ создавать искусственныя и весьма серьезныя преграды и затрудненія, которыхъ послѣ берлинскаго трактата и безъ того было довольно. Еслибы всѣ эти и имъ подобныя клеветы, инсинуаціи и доносы, распространяемые враждебно намъ прессою, оставались безъ вниманія и клеймились вполне заслуженнымъ презрѣніемъ, то бѣда была бы еще не такъ велика; но, къ сожалѣнію, какъ видно, несчастный рокъ тяготѣлъ въ это время надъ нашимъ

гражданскимъ управленіемъ въ Болгаріи, и ему, вслѣдствіе получаемыхъ запросовъ, среди кипучей и тяжелой дѣятельности, приходилось часто отвлекаться отъ прямого дѣла и тратить время и силы на переписку и объясненія, не говоря уже объ испытываемыхъ въ такихъ случаяхъ нравственныхъ ощущеній.

Въ самомъ берлинскомъ трактатѣ, при осуществленіи его на практикѣ, встрѣчалось весьма много недоразумѣній и неясностей. Такъ, напримѣръ, при обсужденіи органическаго устава, вслѣдствіе 12-й статьи берлинскаго трактата являлся вопросъ о государственныхъ земляхъ, которыми дозволялось пользоваться за счетъ Блистательной Порты, желавшей такимъ образомъ сохранить на нихъ свое право собственности. Между тѣмъ, все будущее болгарскаго княжества было немыслимо безъ земли. По турецкимъ законамъ всѣ земли, за весьма незначительными исключеніями, принадлежатъ султану, и еслибы будущему болгарскому правительству пришлось ихъ выкупать, то изъ какихъ бы источниковъ, не имѣя доходовъ отъ государственныхъ имуществъ, могла Болгарія платить Портѣ дань и принять на себя уплату нѣкоторой части турецкаго долга европейскимъ банкирамъ? Турецкое правительство давало, повидимому, самое широкое толкованіе этой статьѣ трактата, и при очищеніи Шумлы и Варны объявило объ отдачѣ въ аренду и о продажѣ не только земель, но также и казармъ и другихъ казенныхъ зданій, какъ бы составляющихъ государственное имущество. Только благодаря объявленію нашего гражданскаго управленія о томъ, что всѣ подобнаго рода сдѣлки будутъ считаться недѣйствительными, распоряженіе это осталось безъ исполненія. Тѣмъ не менѣе, пришлось немедленно образовать особую комиссію изъ уполномоченныхъ отъ русскаго правительства и отъ Порты, и возложить на нее обязанность, не касаясь существа вопроса о правѣ собственности, привести въ извѣстность всѣ роды государственныхъ имуществъ.

Изъ вышесказаннаго видно, до какой степени послѣ Берлинскаго трактата умножились и усложнились задачи нашего гражданскаго управленія въ Болгаріи. Прежде всего, ему предстояло, до прибытія международной комиссіи для организаціи Восточной Румелии, примѣнить къ двумъ, отходившимъ—въ силу трактата—

отъ сѣверной Болгаріи, губерніямъ,—Сливенской и Пловдивской,—временный, общій съ нею гражданскій строй, и образовать, собственно для Румелии, земское болгарское войско въ составѣ 9 дружинъ пѣхоты и 2 сотенъ кавалеріи. Съ этою цѣлью въ Румелию, на правахъ генераль-губернатора, былъ назначенъ командиръ 9-го корпуса, генераль-лейтенантъ Столыпинъ, который, командуя ближайшими войсками оккупационнаго корпуса, въ то же время завѣдывалъ гражданскою частью Румелии до введенія въ этой странѣ новаго управленія на началахъ, указанныхъ берлинскимъ трактатомъ. Дѣйствуя съ крайнею осторожностью и твердо стоя на почвѣ берлинскаго договора, но въ то же время не останавливаясь предъ энергическими мѣрами во всѣхъ вопросахъ, касающихся достоинства администраціи, наше гражданское управленіе въ Румелии, не смотря на краткій срокъ, все-таки успѣло образовать въ ней изъ кадровъ русской арміи, въ предположенномъ размѣрѣ, земское войско и организовать сельскую и городскую полицію, такъ что, ко времени прибытія международной комиссіи, административный порядокъ въ этой странѣ былъ установленъ на прочныхъ основаніяхъ. Сперва предполагалось избрать мѣстомъ засѣданій для международной организационной комиссіи—Константинополь, гдѣ дѣйствительно она собралась и имѣла нѣсколько засѣданій; но впоследствии нашимъ гражданскимъ управленіемъ признано было болѣе удобнымъ, чтобы эта комиссія находилась въ Румелии, въ той самой средѣ, для которой возложено на нее составленіе органическаго закона, и гдѣ русскимъ уполномоченнымъ легче было проводить свои мысли на пользу страны, чѣмъ находясь среди совершенно чуждыхъ ей элементовъ въ такомъ городѣ, какъ Константинополь. При этомъ положено было отнюдь не допускать международную комиссію до вмѣшательства въ дѣла мѣстной администраціи; возникающія же, собственно въ отношеніи финансовой части, затрудненія устранить установленіемъ такого порядка, который ограничилъ бы вліяніе и участіе комиссіи лишь общимъ контролемъ надъ цифрою сборовъ и расходовъ.

Принявъ международную комиссію въ Филиппополь и передавъ генералу Столыпину главное управленіе гражданскими дѣлами Румелии, російскій комиссаръ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, въ половинѣ октября 1878 г. переѣхалъ со всѣми нашими

STANFORD LIBRARIES

гражданскимъ управлениемъ въ Софію, съ цѣлью усиленно заняться дѣлами и организаціею Болгаріи. Перевѣздъ этотъ былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что происходившія въ то время движеніе и волненіе въ сосѣдней Македоніи и Албаніи требовали самаго зоркаго наблюденія съ нашей стороны, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Въ этихъ видахъ, нахлѣвшіяся въ Софійской губерніи войска были непосредственно подчинены нашему комиссару въ составѣ отдѣльнаго отряда.

Благодаря энергіи и усиленнымъ трудамъ всѣхъ дѣятелей нашего гражданского управления, ему, послѣ берлинскаго трактата, удалось разработать и привести въ исполненіе главнѣйшія и существенныя положенія относительно всѣхъ отраслей управления краемъ. Ко дню открытія перваго народнаго болгарскаго собранія, обширная и трудная дѣятельность эта выразилась въ слѣдующихъ результатахъ.

Для огражденія внутренняго порядка и внѣшней безопасности, Болгарія имѣла земское войско, состоявшее изъ 21-й пѣшей дружины, 4-хъ конныхъ сотенъ, одной саперной строевой, одной саперной учебной роты и одной роты осадной артиллеріи; впоследствии были сформированы еще 6 дружинъ и 6 полевыхъ батарей, по 8 орудій въ каждой. Численность этихъ частей доходила до 25,000 человекъ, не считая русскихъ кадровъ; эти послѣдніе состояли изъ 394 офицеровъ (въ томъ числѣ 1 штабъ и 35 оберъ-офицеровъ болгарскаго происхожденія) и 2,700 нижнихъ чиновъ. Военное образованіе войска происходило необыкновенно успѣшно, благодаря врожденной склонности болгаръ ко всякаго рода трудамъ и занятіямъ. Но чтобы придать войску полную самостоятельность и національный духъ, необходимо было, чтобы мѣста офицеровъ были заняты туземными уроженцами. Къ достиженію этой важной цѣли были приняты соответственныя мѣры.

Въ Софіи было открыто военное училище для приготовленія надежныхъ и способныхъ офицеровъ въ постоянную болгарскую армію; въ училище это было принято 250 молодыхъ болгаръ. Кромѣ того, 90 молодыхъ людей посланы въ Россію, въ Елисаветградскую юнкерскую кавалерійскую школу, и 42 болгарина посланы для обученія въ школахъ: пиротехнической, въ С.-Петербургѣ, и оружейной—въ Тулѣ.

Воинская повинность сдѣлана была общеобязательною для всего населенія Болгаріи, отъ 20 до 30 лѣтъ, безъ различія вѣры и національности; срокъ дѣйствительной службы былъ опредѣленъ въ 2 года. Система отбыванія воинской повинности принята милиціонная, территоріальная. Она состояла въ томъ, что каждый округъ долженъ былъ выставлять рекрутъ только въ дружину того-же округа; рекруты отъ цѣлой губерніи выставлялись для сформированія конной сотни и батареи той же губерніи. Дружины были расположены въ центральныхъ пунктахъ своихъ округовъ, а сотни и батареи—своихъ губерній. Дружины сформированы были въ составъ 1,000 человекъ каждая, сотня—въ 150, а батарея—въ 250.

Самымъ крупнымъ фактомъ въ дѣлѣ формированія болгарскаго войска является совершившійся въ полмѣсяца призывъ 20,500 новобранцевъ. Партии ихъ въ нѣсколько сотъ человекъ, въ сопровожденіи всего нѣсколькихъ полицейскихъ, оживленно, съ пѣснями, проходили по улицамъ городовъ. Во всѣхъ рекрутскихъ присутствіяхъ 6-ти губерній сѣверной Болгаріи, множество фактовъ свидѣтельствовало о томъ, съ какимъ неподдѣльнымъ желаніемъ и охотою болгары стремились попасть въ ряды своего національнаго войска, которое должно было служить оплотомъ независимости ихъ страны. Поведеніе новобранцевъ въ городахъ, гдѣ ихъ скоплялось иногда по нѣскольку тысячъ человекъ, было безупречно, не смотря на относительно слабый за ними надзоръ. Недоборъ призывныхъ вообще оказался весьма незначительный, и причиною его были—уменьшеніе границъ княжества и Восточной Румелии, широкія льготы по семейному положенію, строгій медицинскій осмотръ и отсутствіе нѣкоторыхъ изъ молодежи на заработкахъ за границей. Въ Видинскомъ санджакѣ причиною недобора рекрутъ было занятіе, до послѣдняго времени, сербскими войсками и администраціей трехъ ближайшихъ округовъ Болгаріи, не смотря на ратификацію берлинскаго трактата. Зато болгарская молодежь Киркилискаго округа Сливенской губерніи, отошедшаго по трактату отъ Восточной Румелии къ Турціи, собравшись въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, заявила о своемъ желаніи служить въ болгарскихъ войскахъ, что имъ и было дозволено подъ условіемъ, чтобы они записывались охотниками и поступали по одному,

каждый за себя, а не всѣ разомъ; въ Софійскія дружины были приняты также охотниками молодые люди изъ Джумайскаго округа, тоже отошедшаго отъ Восточной Румелии къ Турціи. Справедливость требуетъ сказать, что были и противоположныя явленія, составлявшія, впрочемъ, совершенное исключеніе: такъ, въ приморскихъ округахъ Сливенской губерніи вліяніе греческаго населенія заставило администрацію прибѣгать къ нѣкоторымъ успліямъ для того, чтобы выполнить призывъ.

Изъ отпущенныхъ для болгарскаго земскаго войска, по числу 27 пѣшихъ дружинъ, 27,000 винтовокъ системы Крынка, только половина оказалась неспорченною, остальные же винтовки такъ потерпѣли во время минувшей войны, что требовали болѣе или менѣе значительныхъ исправленій; обстоятельство это вызывало необходимость скорѣйшаго устройства оружейныхъ мастерскихъ, когорыхъ прежде, конечно, и въ поминѣ не было въ Болгаріи.

Для боеваго снаряженія и обмундированія новобранцевъ, вещи и матеріалы были отпущены изъ нашихъ интендантскихъ щевыхъ складовъ. Значительныя затрудненія при обмундированіи рекрутъ вызваны были тѣмъ обстоятельствомъ, что готовой одежды не было, а выдавались матеріалы для постройки обмундированія самими новобранцами, между тѣмъ въ средѣ ихъ было ни портныхъ, ни закройщиковъ. Только, благодаря экономическимъ суммамъ, образовавшимся за время войны въ дружинахъ бывшаго болгарскаго ополченія, удалось выписать швейныя машины и передать за извѣстную плату шитье обмундированныхъ вещей частнымъ портнымъ и нашимъ войскамъ.

Для запаса болгарскаго войска, который долженъ былъ обзавестись въ ближайшемъ будущемъ, были предоставлены Болгарамъ всѣ ружья и орудія, взятые у турокъ въ истекшую войну, различныхъ системъ и калибровъ, для исправленія торыхъ было предположено устроить арсеналы. Всѣхъ орудій для полевой артиллеріи оставлено было болгарамъ 142, въпостныхъ и осадныхъ 31, въ томъ числѣ 19 мортиръ; винтовокъ Крынка, Снайдера, Пибоди-Мартини, ружей Шасспо, а также пистонныхъ и кремневыхъ, всего 96,000 штукъ. Склады артиллеріи и ручнаго оружія, для болѣе удобной ихъ развозки въ случаѣ надобности, предположено было устроить въ Разградѣ и

Плевнѣ. Оба эти пункта, какъ удаленные отъ границъ Болгаріи, удовлетворяли, кромѣ удобствъ развозки, еще условіямъ безопасности отъ внезапнаго захвата складовъ непріятелемъ и давали возможность къ болѣе спокойному ихъ передвиженію. Кромѣ того, предположены были особые склады ручнаго оружія въ Софіи и частные склады при каждой дружинѣ.

При крайне ограниченномъ числѣ медиковъ и ветеринаровъ въ Болгаріи, устраивая медицинскую часть болгарскаго войска, наше гражданское управленіе вынуждено было ограничиться лишь семью медиками изъ дружинъ бывшаго болгарскаго ополченія, пожелавшими остаться въ Болгаріи. Медики эти всѣ были изъ болгарскихъ уроженцевъ, получившихъ свое образованіе въ Россіи. Одинъ изъ нихъ былъ назначенъ старшимъ врачомъ болгарскаго земскаго войска, остальные шесть—губернскими военными врачами, и подъ ихъ наблюденіемъ были устроены, въ каждой губерніи, по одному лазарету на 50 кроватей и, кромѣ того, школы для подготовленія фельдшеровъ изъ болгаръ. Сверхъ того, были устроены дружинные лазареты, на 28 кроватей каждый; устройство внутренняго хозяйства, какъ губернскихъ, такъ и дружинныхъ лазаретовъ было возложено на городскія общества. Въ эти послѣдніе лазареты были приглашены за извѣстную плату вольнопрактикующіе медики и фельдшера.

Обученіе болгарскаго земскаго войска, какъ сказано было выше, происходило необыкновенно успѣшно; для повѣрки результатовъ трехмѣсячныхъ занятій въ этомъ войскѣ, 30 - го августа 1878 г., російскимъ комиссаромъ, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, былъ произведенъ смотръ 8-ми дружинамъ филиппопольскаго лагеря по случаю тезоименитства покойнаго Государя; послѣ обѣда, при огромномъ стеченіи жителей города Филиппополя, дружины проходили сначала по-ротно, а потомъ—въ колоннахъ. Впереди дружинъ шла рота вольноопредѣляющихся, а за ними горная батарея и остальные милиціонеры, обучавшіеся артиллерійскимъ приѣмамъ при орудіяхъ. Нельзя было безъ особеннаго удовольствія смотрѣть на совершенно военную выправку, бодрый видъ, смѣлый и широкій шагъ, стройность и спокойствіе фронта молодыхъ воиновъ, едва 3½ мѣсяца взятыхъ отъ плуга. Послѣ церемоніальнаго марша, дружинамъ были произведены ученые и небольшой маневръ, а потомъ—стрѣль-

ба въ цѣль, какъ изъ ружей, такъ и изъ орудій, давшая въ большинствѣ случаевъ хорошіе результаты. Восторгъ зрителей изъ мѣстнаго населенія, при видѣ своего національнаго войска, отчетливо исполняющаго по командѣ всѣ военныя построенія, искусно маневрирующаго и довольно метко стрѣляющаго, былъ неописанный. На поздравленіе князя Дондукова-Корсакова съ высокаторжественнымъ днемъ тезоименитства Царя-Освободителя, какъ дружины, такъ и зрители отвѣчали единодушнымъ ура! и «живіо»; шапки летѣли вверхъ, а многіе отъ радости и умиленія даже плакали.

Такъ было совершено нашимъ гражданскимъ управленіемъ важнѣйшее дѣло организаціи болгарскаго земскаго войска, которое, возрастая ежегодно отъ новыхъ призывовъ на 20,500 человекъ, достигнетъ въ недалекомъ будущемъ весьма внушительной цифры и послужитъ самымъ надежнымъ элементомъ для обезпеченія неприкосновенности княжества.

Въ отношеніи административнаго устройства края, прежде всего были приняты мѣры ко введенію гражданскаго управленія въ мѣстностяхъ, которыя въ то время еще находились въ вѣдѣніи военныхъ властей, а равно выработаны были, видоизмѣнены и дополнены существовавшія положенія, соотвѣтственно позникающимъ новымъ условіямъ общественной и государственной жизни.

Въ основаніе этихъ реформъ приняты были начала децентрализаціи и широкаго самоуправленія по всѣмъ отраслямъ. Такъ, административныя дѣла въ селеніяхъ, околіяхъ (нахіяхъ), городахъ, округахъ и даже губерніяхъ сосредоточены были въ рукахъ особыхъ совѣтовъ, состоящихъ изъ лицъ, выбранныхъ мѣстнымъ населеніемъ. Характеръ дѣятельности городскихъ и окружныхъ совѣтовъ, созданныхъ прежнимъ гражданскимъ управленіемъ, существенно былъ измѣненъ: городскому совѣту дано право заниматься лишь городскимъ хозяйствомъ и благоустройствомъ; окружной же совѣтъ, кромѣ земско-хозяйственныхъ дѣлъ округа, обязанъ былъ завѣдывать дѣлами, сопряженными съ интересомъ казны какъ въ округѣ, такъ и въ городѣ. Городскому совѣту предоставлено, съ вѣдома губернатора, издавать обязательныя для городскихъ жителей постановленія, которыя, хотя могутъ быть обжалованы губернатору, но

рѣшаются не имъ единолично, а въ губернскомъ управительномъ совѣтѣ, выборный составъ котораго служить ручательствомъ въ компетентности и независимости его членовъ. Это высшее въ губерніи коллегіальное учрежденіе разрѣшаетъ всѣ дѣла и вопросы относительно всѣхъ въ губерніи мѣстъ и лицъ. Губернаторъ и окружные начальники, какъ лица не выборныя, но назначенныя правительствомъ, снабжены инструкціями, строго опредѣляющими ихъ права и обязанности.

При такой организаціи едва-ли можно ожидать въ будущемъ подавленія самостоятельности низшихъ органовъ управления вышними. Въ особенности было обращено вниманіе на устройство полиціи. Она ни въ какомъ случаѣ не имѣла права вмѣшиваться въ дѣла хозяйственныя и административныя, вѣренныя общественнымъ управленіемъ. Вся власть ея строго ограничивается полицейскими обязанностями — служить лишь исполнительнымъ органомъ администраціи и суда для огражденія порядка и безопасности населенія и для исполненія закона. Для огражденія общества отъ незаконныхъ поборовъ, широко практиковавшихся при турецкомъ управленіи, чинамъ администраціи и полиціи было назначено, какъ въ 5-ти губерніяхъ Болгаріи, такъ и въ отошедшихъ къ Восточной Румеліи губерніяхъ Сливенской и Пловдивской, вполнѣ достаточное содержаніе.

Для устройства тюремной части, находившейся въ весьма неудовлетворительномъ положеніи, былъ составленъ и утвержденъ тюремный уставъ, которымъ устранились прежніе безпорядки и злоупотребленія по этой части. Особое вниманіе было обращено на то, чтобы не было арестовъ произвольныхъ и чтобы заключенные за маловажные проступки содержались отдѣльно отъ тяжкихъ преступниковъ.

Важная отрасль администраціи по отношенію къ народному здравію тоже не мало озабочивала наше гражданское управленіе, которое успѣло лишь выработать уставы медицинскій, аптечный и больничный. По нимъ предположено было имѣть окружныхъ и губернскихъ врачей для завѣдыванія окружными и губернскими больницами, которыя рѣшено устроить общія, какъ для населенія, такъ и для земскаго войска, на счетъ общихъ доходовъ края, чтобы мѣрою этою уравновѣсить расходы всѣхъ мѣстностей населенія; аптеки заведены по образцу европей-

снихъ, причеиъ практикуюцииъ врачамъ не дозволено ихъ со-
держать.

Занимаясь всѣми вышеозначенными организаціонными рабо-
тами, наше гражданское управленіе должно было въ то же время
заботиться объ устройствѣ участи бѣженцевъ, которые и
по заключеніи берлинскаго трактата постоянно прибывали изъ
разныхъ мѣстъ въ болгарское княжество и въ Сливенскую и
Пловдивскую губерніи.

Начавшеся, въ концѣ сентября 1878 г., отступление на-
шихъ войскъ изъ южной Фракіи вызвало громадный наплывъ
бѣженцевъ - христіанъ, которые слѣдовали за отступающими
войсками и число которыхъ къ декабрю, вмѣстѣ съ мусульма-
нами, возвращавшимися на мѣста прежняго своего жительства
изъ Константинополя, достигало уже 50,000 душъ. Всѣ эти
бѣженцы, по болѣшей части, прибывали безъ всякихъ средствъ
къ пропитанію и иногда даже безъ всякой одежды. Такъ какъ
вопросъ о вознагражденіи пострадавшихъ отъ войны оставленъ
на берлинскомъ конгрессѣ открытымъ, съ предоставленіемъ
объимъ воевавшимъ сторонамъ войти по этому предмету во
взаимныя соглашенія, то нашему гражданскому управленію пред-
стояла весьма трудная задача добиться отъ турецкаго прави-
тельства какой либо матеріальной помощи для цѣлаго бѣ-
жавшаго населенія. Между тѣмъ, наряду съ новыми условіями
и тяжкимъ положеніемъ, созданнымъ рѣшеніями берлинскаго
конгресса, возростала и настойчивость Порты въ вопросѣ о
водвореніи турецкихъ бѣженцевъ на прежнія мѣста ихъ житель-
ства. Ежедневно со всѣхъ сторонъ возвращалась цѣлая масса
турокъ, желавшихъ водвориться въ мѣстностяхъ, которыя, не-
извѣстно, еще принадлежали ли когда-либо имъ. Главное за-
трудненіе заключалось въ доставленіи бѣженцамъ, какъ христіа-
намъ, такъ и мусульманамъ, денежныхъ средствъ. Въ этомъ от-
ношеніи, положеніе болгаръ было гораздо хуже положенія ту-
рокъ, такъ какъ во время минувшей войны болѣе всего постра-
дали болгарскіе города и селенія въ южной Болгаріи, по долинѣ
р. Тунджи и особенно въ сливенскомъ санджакѣ. Возвращав-
шіеся на прежнія мѣста болгары помѣщались въ оставленныхъ
турками селахъ, которыхъ сохранилось въ краѣ сравнительно
болѣе, чѣмъ болгарскихъ.

Съ возвращеніемъ турецкихъ бѣженцевъ, было немислимо лишать болгаръ ихъ послѣдняго пріюта, а потому пришлось на нѣкоторое время стѣснить ихъ въ уцѣлѣвшихъ деревняхъ и совместно съ ними поселить турокъ; не смотря на эту мѣру, значительное количество послѣднихъ все-таки оставалось безъ помѣщенія. По приблизительному расчету, на устройство всѣхъ бѣженцевъ требовалась сумма до 2 милліоновъ рублей, которые могли быть распредѣлены между немущими, какъ турками, такъ и болгарами сѣверной и южной части края.

Сумму эту обязана была внести Порта, такъ какъ было бы совершенно несправедливо изъ доходовъ Болгаріи вознаграждать турецкихъ бѣженцевъ, истребившихъ во время войны болгарскія деревни и совершившихъ всякія насилія и звѣрства. Но Порта, конечно, не внесла ни копейки. Для продовольствія бѣженцевъ-турокъ приняты были возможныя мѣры къ возвращенію имъ, деньгами или хлѣбомъ, половины урожая съ оставленныхъ ими полей; но такъ какъ не у всѣхъ были засѣяны поля, а многія изъ засѣянныхъ были во время войны потоптаны или истреблены, то и въ этомъ отношеніи встрѣтились значительныя затрудненія. Для уменьшенія прилива турецкихъ бѣженцевъ, было сдѣлано сношеніе съ нашимъ посольствомъ въ Константинополь, о воспрещеніи имъ возвращаться въ Пловдивскую и Сливенскую губерніи, въ которыхъ всѣ свободныя мѣста и хлѣбные запасы съ турецкихъ полей могли понадобиться для вновь прибывавшихъ бѣженцевъ—христіанъ. Для правильнаго же расселенія этихъ послѣднихъ и распредѣленія между ними пособій, были учреждены особыя коммиссія въ Филиппополь, Адрианополь и Сливнѣ, въ распоряженіе которыхъ было отпущено полмилліона франковъ.

Всѣ эти мѣры были примѣнены также и къ бѣженцамъ изъ Македоніи, прибывшимъ въ пограничныя округа Софійской губерніи, въ количествѣ слишкомъ 20,000 душъ. Для устройства ихъ участи учреждены были особыя вспомогательныя комитеты въ городахъ Самоковѣ, Кюстендилѣ, Джумаѣ и Дупницѣ, которымъ, сверхъ запасовъ зерна, было отпущено также для выдачи первоначальныхъ пособій 36,000 франковъ. Этимъ же комитетамъ были переданы и присланные изъ Россіи смоленскимъ благотворительнымъ обществомъ большіе запасы бѣлья и раз-

ной одежды. Для оказанія медицинской помощи и недопущенія развитія эпидемическихъ болѣзней, которыя могли быть занесены македонскими бѣженцами, въ вышеупомянутыхъ трехъ городахъ открыты больницы и приглашены врачи.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ мѣръ, для благоустройства края, наше гражданское управленіе исходатайствовало разрѣшеніе передать населенію Болгаріи, по эвакуаціи арміи, всѣ конскіе запасы и лишнихъ лошадей интендантскихъ транспортовъ. Последнихъ Болгаріа получила 20,000 головъ; всѣ эти лошади, русской породы, были распредѣлены поровну между всѣми округами и послужили, при весеннихъ работахъ, важнымъ подспорьемъ населенію, столь нуждавшемуся въ рабочемъ скотѣ.

Богатые матеріалы, собранные трудами учрежденной покойнымъ княземъ Черкасскимъ юридической комиссіи, дали возможность нашему гражданскому управленію правильно устроить въ Болгаріи судебную часть. Всѣ суды раздѣлены: на сельскіе, въ каждомъ селеніи, для разсмотрѣнія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, по взаимному соглашенію сторонъ и съ правами судовъ третейскихъ; на суды общіе, въ числу которыхъ принадлежатъ суды окружные и губернскіе, и судъ высшей инстанціи, одинъ для всего княжества. Для разсмотрѣнія дѣлъ гражданскихъ, возникающихъ между мусульманами, оставлены были прежніе суды кадиевъ; но дѣла полицейскія и уголовныя изъ вѣдѣнія кадиевъ вполнѣ и безусловно изъяты. Гражданское судопроизводство введено на началахъ гласности, устности и состязательности. Въ судопроизводствѣ уголовномъ встрѣтились значительныя затрудненія по недостатку лицъ для занятія должностей прокуроровъ и по отсутствію подготовленныхъ и способныхъ защитниковъ. Личный составъ судовъ выбранъ исключительно изъ туземныхъ уроженцевъ, которые были призваны къ отправленію судейскихъ обязанностей частію по назначенію временнаго центрального правительства, частію по выборамъ населенія. Всѣ суды при постановленіи своихъ рѣшеній руководились неотмѣненными турецкими законами, а также общими и мѣстными обычаями болгарскаго народа. Хотя гражданское управленіе Болгаріи и признавало, что широкій и свободный доступъ въ суды народныхъ обычаевъ могъ послужить богатымъ мате-

ріаломъ для законодательныхъ работъ будущимъ конституціоннымъ органамъ края, но считало разработку для судовъ обычнаго права всѣхъ населяющихъ Болгарію національностей дѣломъ преждевременнымъ и могущимъ вредно отозваться на развитіи національнаго болгарскаго права.

По мѣрѣ того, какъ въ край устанавливались порядокъ и правосудіе, для нашего гражданскаго управленія представилась возможность заняться правильнымъ устройствомъ финансовой части и народнаго кредита въ Болгаріи. Такъ какъ, по краткости времени, нельзя было собрать и разработать всѣ статистическія свѣдѣнія о странѣ, столь необходимыя для правильной организаціи налоговъ, то пришлось ограничиться лишь улучшеніемъ существовавшихъ налоговъ, съ которыми свыклось населеніе, настолько, чтобы, устранивъ злоупотребленія при ихъ взиманіи, достигнуть болѣе равномернаго ихъ распредѣленія. Еще въ началѣ войны былъ повсемѣстно и навсегда отиѣненъ ненавистный народу налогъ бедель, ложившійся исключительно на однихъ христіанъ за освобожденіе ихъ отъ военной службы; теперь же было признано возможнымъ сложить всѣ накопившіяся за населеніемъ, по этому налогу, недоимки: для губерній рущукской, виддинской и тырновской по 1877 годъ, а для варненской и софійской, какъ освобожденныхъ позднеѣ отъ турецкаго ига, — по 1878 годъ. Сборъ десятины натурою, съ отдачею его на откупъ, — сборъ тягостный для населенія, которое онъ лишалъ возможности во-время убирать хлѣбъ съ полей и подвергалъ разнымъ злоупотребленіямъ со стороны откупщиковъ, — былъ также отиѣненъ, а вмѣсто этой подати былъ установленъ денежный налогъ. Кроме того, прямой налогъ, извѣстный подъ названіемъ в е р г и, взимаемый съ разнаго рода имущества и съ доходныхъ статей, былъ распредѣленъ равномерно, такъ какъ имущества и статьи, подлежавшія его обложенію, вслѣдствіе обстоятельствъ войны, подверглись коренному измѣненію, что нарушало бы, при прежнемъ обложеніи, всякую справедливость. Что касается до акциза съ табаку и вина, то для сбора его былъ разработанъ и утвержденъ новый уставъ, болѣе соответствующій вновь создаемому положенію края и нуждамъ населенія.

Забывая о правильномъ и необременительномъ поступленіи доходовъ въ кассы княжества, наше гражданское управле-

ніе не упускало въ то же время изъ виду возможной бережливости въ расходахъ. Благодаря этому обстоятельству, не смотря на вышеупомянутое сложеніе недоимокъ и на неблагоприятное поступленіе сборовъ съ населенія, вслѣдствіе бѣдствій войны, явилась возможность къ концу 1878 года отчислить изъ болгарскихъ доходовъ около одного милліона рублей въ русское государственное казначейство, въ возвратъ позайствованныхъ изъ него, въ началѣ минувшей войны, суммъ на содержаніе гражданского управленія въ Болгаріи и на устройство дружинъ первоначальнаго ополченія.

Не менѣе трудовъ было положено на пересмотръ устава земледѣльческихъ кассъ,—этого важнѣйшаго для каждаго земледѣльческаго края учрежденія,—и на повсемѣстное ихъ возстановленіе въ странѣ. При турецкомъ правительствѣ, знаменитымъ Мидхатомъ-пашей были учреждены въ Болгаріи 33 земледѣльческихъ кассы съ капиталомъ до 10 милліоновъ франковъ; но большая часть этихъ кассъ во время войны была увезена бѣжавшими турками.

Наше гражданское управленіе приняло всѣ мѣры къ возстановленію ихъ и успѣло уже открыть слѣдующія кассы: 7 въ Софійской губерніи, 5 — въ Тырновской, 2 — въ Руссукской (въ Систовѣ и Никополѣ) и 1—въ Варненской (въ Проводахъ). Въ Виддинской губерніи изъ 7-ми бывшихъ кассъ ни одна не могла быть открыта.

Особенное вниманіе было обращено на устройство таможенныхъ сборовъ, составляющихъ крупную статью государственныхъ доходовъ Болгаріи. Реформы въ таможенномъ дѣлѣ требовались какъ переменами, вызванными войною, такъ и тѣмъ, что турецкая система одинаковаго взиманія пошлинъ какъ съ привозимыхъ, такъ и съ вывозимыхъ товаровъ, оставленная на первое время въ силѣ нашимъ гражданскимъ управленіемъ, признава была неудовлетворительною. Для скорѣйшаго улучшенія таможенной части, она была выдѣлена въ особое вѣдомство, которому поручено выработать новый уставъ, перевести тарифы на болгарскій языкъ, и систематизировать ихъ, конечно, съ сохраненіемъ размѣра пошлинъ, установленнаго трактатами и потому не подлежащаго измѣненію. Затѣмъ были введены новые шта-

ты для таможенъ и для береговаго надзора по Дунаю и по берегу Чернаго моря.

Всѣ эти мѣропріятія дали русскому управленію возможность, не обременяя населенія Болгаріи новыми платежами, исправно получать съ него налоги въ казну и не только пополнять ими текущіе расходы управленія, но и составить запасный фондъ свыше 14 милліоновъ франковъ, оставленный народному болгарскому правительству. Этому же правительству были переданы подробныя свѣдѣнія о всѣхъ, безъ исключенія, расходахъ казенныхъ болгарскихъ суммъ и прозектъ государственной смѣты на 1879-й годъ. По смѣтѣ доходовъ ожидалось къ поступленію только 24 милліона франковъ, но болгары сами увеличили эту смѣту до 28 милліоновъ. Въ числѣ доходовъ десятиннаго сбора, раскладываемаго и собираемаго самими сельскими обществами и сдаваемаго болгарскимъ казначеймъ, ожидалось къ поступленію 7 милліоновъ франковъ, тогда какъ по турецкимъ счетамъ его числилось до 17 милліоновъ. Такое уменьшеніе на 10 милліоновъ съ перваго взгляда представляется, повидимому, страннымъ, но объясняется оно очень просто: во 1-хъ, во время войны значительная часть мусульманъ ушла изъ края, отчего громадное количество полей осталось необработаннымъ, а слѣдовательно и не могло приносить казнѣ не только десятиннаго, но и никакого дохода; во 2-хъ, при туркахъ, въ составъ территоріи Болгаріи входили Добруджа и значительная часть нишкаго санджака, отошедшія во владѣніе Румыніи и Сербіи, и слѣдовательно не обязанныя платить болгарской казнѣ подати, и въ 3-хъ, всякая смѣта доходовъ государственнаго казначейства, въ особенности въ странѣ, опустошенной войною, составляется лишь приблизительно и притомъ съ крайнею осторожностью, въ видахъ ограниченія излишнихъ на ея счетъ расходовъ. Зато таможенные сборы и по смѣтѣ, и въ дѣйствительности возвысились съ 1.300,000 до 4 милліоновъ въ годъ. Акцизный сборъ также возросъ, но не вслѣдствіе увеличенія пьянства между болгарами, по природѣ своей всегда трезвыми и воздержными и пьющими почти исключительно одни виноградныя вина, но по причинѣ размноженія такъ называемыхъ въ Болгаріи винопродавницъ (мелочныя лавочки, въ которыхъ, наряду съ разными мелкими товаромъ, продается и водка—рагія), — размно-

женія, вызваннаго квартированіемъ нашихъ войскъ, не отказывавшихся отъ лишней чарки и на чужбинѣ, и употреблявшихъ ее не менѣе чѣмъ на своей родинѣ. Взиманіе пошлинъ за право торговли спиртными напитками производилось и при турецкомъ правительствѣ подѣ названіемъ руска тие, что соотвѣтствуетъ нашему патентному сбору.

Для поднятія нравственнаго и умственнаго образованія въ Болгаріи, наше гражданское управленіе прежде всего возстановило народныхъ школы, пришедшія въ упадокъ во время войны, и содержаніе этихъ школъ оставило по прежнему на попеченіи мѣстнаго населенія. Участіе населенія въ матеріальной поддержкѣ школъ, въ прежнее время, было главною причиною того отпаднаго явленія, что въ Болгаріи, не смотря на ея первоначальное политическое прошлое, было заведено довольно значительное количество школъ. Поэтому наше гражданское управленіе ограничилось по отношенію къ школамъ чисто нравственною стороною дѣла: оно устроило учебную часть училищъ, страдавшихъ отсутствіемъ всякой системы и учебнаго плана; во всѣхъ школахъ должности учителей были замѣщены людьми, достойными своего званія, причѣмъ положеніе ихъ было ограждено отъ произвола вліятельныхъ, но часто невѣжественныхъ членовъ общинъ; для надзора за школами были назначены особы инспектора, по одному на каждую губернію. Для приготовленія учителей было приступлено къ учрежденію правильно организованныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Такъ, были открыты двѣ классическія гимназіи, въ Софіи и Габровѣ, три реальныхъ училища, въ Ломѣ-Паланкѣ, Русчукѣ и Габровѣ, и два духовныхъ училища, въ Самоковѣ и Лѣсковцѣ. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, для учениковъ бѣдныхъ, но способныхъ, были учреждены стипендіи. Такъ какъ во вновь учрежденныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были открыты лишь первые классы, то болѣе подготовленная болгарская молодежь была направлена для окончанія своего образованія въ иностранныя учебныя заведенія, причѣмъ, для оказанія пособія бѣднымъ изъ нихъ, наше управленіе признало нужнымъ заносить ежегодно въ бюджетъ 60,000 франковъ. Также было признано необходимымъ вносить въ бюджетъ известную сумму въ пособіе престарѣлымъ учителямъ, не могущимъ за старостію или по болѣзни сниски-

вать себѣ средства къ жизни. Изъ этой же суммы предположено выдавать пособіе и бѣднымъ семействамъ учителей, погибшихъ въ минувшую войну.

Преподаватели какъ для народныхъ школъ, такъ и для открытыхъ уже классовъ среднихъ учебныхъ заведеній были найдены между туземными жителями. Гораздо большее затрудненіе было встрѣчено въ крайнемъ недостаткѣ хорошихъ учебниковъ и пособій. Для удовлетворенія этой потребности были заведены при училищахъ бібліотеки, которыя предположено было снабдить лучшими учебниками и полезными книгами на иностранныхъ языкахъ, въ особенности на русскомъ, съ которыми учителя были знакомы. Кромѣ того, въ городѣ Софіи—этомъ центральномъ пунктѣ болгарской интеллигенціи,—была открыта публичная бібліотека, для которой составлена довольно богатая коллекція книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Въ эту бібліотеку предположено было передать и всѣ книги «Браильскаго дружества», дѣятельность котораго была возобновлена въ Софіи.

Со времени обнародованія берлинскаго трактата, въ числѣ вопросовъ, наиболѣе интересовавшихъ болгаръ, вопросъ церковный занималъ самое видное мѣсто. Разрозненные трактатами въ политическомъ отношеніи на три части, болгары выражали горячее стремленіе сохранить, по крайней мѣрѣ, духовное единство, какъ драгоценный залогъ ихъ народной связи. Въ этомъ смыслѣ, изъ всѣхъ трехъ частей Болгаріи дѣлались нашему гражданскому управленію многочисленныя заявленія. Особенно изъ Македоніи, гдѣ католическая пропаганда, пользуясь отчаяннымъ положеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, усердно начала проповѣдывать унию и, какъ слышно было, уже успѣла произвести довольно сильное броженіе въ умахъ тамошнихъ болгаръ. Но борьба съ вызванными войною замѣшательствами въ дѣлахъ церкви, безъ участія ея представителей, весьма слабо подготовленныхъ къ высокому своему назначенію и крайне неблагоприятно обставленныхъ въ матеріальномъ отношеніи, была почти невозможна для нашего управленія. А потому въ дѣлѣ церковнаго устройства оно ограничилось чисто внѣшней дѣятельностью. Прежде всего, оказано было сильное содѣйствіе къ возобновленію разрушенныхъ церквей, которыхъ въ Болгаріи и въ Румелии было насчитано до 400, и къ снабженію ихъ

нужными для богослужения предметами. Такъ, для 58 церквей были распределены полныя церковныя облаченія, пожертвованныя московскимъ и с.-петербургскимъ отдѣлами славянскаго благотворительнаго общества; изъ пожертвованной тѣмъ же обществомъ небольшою суммою было оказано пособіе 25-ти церквамъ, которыя возобновлялись, главнымъ образомъ, на средства мѣстнаго населенія.

Высшее болгарское духовенство содержалось сборами съ «вѣнчилъ», или такъ называемою «владычиною». Этими сборами весьма тяготѣло населеніе и неохотно платило ихъ. Собиравшимъ «владычнину», при турецкомъ правительствѣ, духовнымъ лицамъ нерѣдко приходилось прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ при помощи заплѣтовъ. Убѣдившись, что въ такомъ способѣ содержанія архіереевъ заключалась едва ли не самая главная причина замѣтнаго въ болгарахъ неуваженія къ духовенству, наше гражданское управленіе отмѣнило владычнину, назначивъ вмѣсто нея содержаніе архіереевъ княжества изъ общихъ государственныхъ доходовъ послѣдняго.

Для приготовленія церковнослужителей, соответственно высокому ихъ призванію, были открыты, какъ сказано выше, два духовныхъ училища въ Самоковѣ и Лѣсковцѣ съ элементарнымъ богословскимъ курсомъ. Правила и программы этихъ училищъ предварительно были разсланы всѣмъ болгарскимъ архіереемъ для замѣчаній и исправленій, и только послѣ того были введены въ дѣйствіе. Въ училища эти было принято до 100 учениковъ, въ числѣ которыхъ находились не только свѣтскія лица, желавшія посвятить себя пастырской службѣ, но и молодые священники, чувствовавшіе потребность дополнить свое скудное духовное образованіе. Преподавателями въ эти училища были назначены мѣстные уроженцы изъ окончившихъ курсъ въ русскихъ духовныхъ заведеніяхъ. Такъ какъ въ Болгаріи число лицъ, получившихъ высшее духовное образованіе, весьма ограничено, а между тѣмъ такіа лица непременно понадобятся въ наставники для предположенныхъ къ открытію духовныхъ семинарій по образцу русскихъ, то наше управленіе обратилось къ ректорамъ русскихъ духовныхъ академій, въ которыхъ въ то время воспитывались молодые люди изъ болгаръ, съ просьбою обратить особенное вниманіе на этихъ воспитанниковъ съ цѣ-

лію приготовить изъ нихъ достойныхъ дѣятелей для духовнаго образованія болгаръ.

Кромѣ всего вышесказаннаго о церковномъ благоустройствѣ, наше управленіе приняло мѣры къ надлежащей постановкѣ церковнаго богослуженія. Такъ, между прочимъ, обращено было особое вниманіе на замѣну новогреческаго церковнаго напѣва древне-болгарскимъ (древне-русскимъ) пѣніемъ, восстановленнымъ въ послѣднее время трудами знатоковъ этого пѣнія. Преподаваніе послѣдняго было введено въ обоихъ духовныхъ училищахъ и въ Софійской гимназій.

Нельзя умолчать объ одномъ отрадномъ явленіи, имѣвшемъ мѣсто въ это время въ средѣ блага духовенства Болгаріи; именно объ учрежденіи въ Софій перваго священническаго братства. Общество это задалось благою цѣлью содѣйствовать самообразованію мѣстнаго духовенства, улучшенію церковнаго богослуженія и распространенію религиозныхъ знаній въ народѣ. Подобное церковное дружество возникло и въ Радомірѣ. Появленіе этихъ братствъ было встрѣчено весьма сочувственно русскимъ управленіемъ.

Стремясь создать вполнѣ національныя учрежденія въ Болгаріи, наше управленіе постоянно приглашало на общественныя и государственныя служебныя должности способныхъ лицъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Такъ, ко дню открытія перваго народнаго собранія въ Тырновѣ, на общественной и государственной службѣ состояло болѣе 2,000 лицъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ; русскихъ же на гражданской службѣ въ это время было всего 150 человекъ. Всѣ должности по судебной, таможенной и учебной частямъ почти исключительно были заняты лицами мѣстнаго происхожденія.

Вотъ въ главныхъ чертахъ тѣ мѣропріятія, которыми наше гражданское управленіе создавало новый строй въ Болгаріи.

Переходимъ теперь къ главнѣйшему акту этого строя, — къ статуту княжества и къ избранію князя.

Д. Георгіевскій.

(Окончаніе будетъ).

С О В Ъ Т Ъ .

— «Покорись!» родная говорила:—
«Вѣдь враговъ тебѣ не превозмочь:
Велика ихъ сплоченная сила
И темны ихъ помыслы, какъ ночь.

«Развѣ ты не знаешь, что на муки
Вель людей упорно-смѣлый путь?
Не такія опускались руки,
Не такая задыхалась грудь!

«Быль еще ты, сынъ мой, въ колыбели,
Какъ борцовъ я знала: у иныхъ—
Въ двадцать лѣтъ ихъ кудри посѣдѣли,
И улыбка съ устъ сбѣжала ихъ;

«У другихъ, подъ гнѣтомъ покаянья,
Свѣтлый умъ померкнулъ навсегда...
О, какъ много слышалось страданья
Въ ихъ словахъ безумныхъ иногда!

«Молодъ ты,—а дума молодая
Любить часто собственный обманъ;
Путникъ вѣрится въ призраки, не зная,
Что предъ нимъ лишь стелется туманъ.

«Поздно, сынъ, приходитъ отрезвленье,
И когда въ измученную грудь
Западетъ тяжелое сомнѣнье—
Силъ ужъ нѣтъ идти въ обратный путь.

«Помертвѣвъ отъ ужаса и боли,
Безъ надежды въ сердца на исходъ,
Гдѣ найдешь ты столько силы воли,
Чтобы снова кинуться впередъ?

«Не въ друзьяхъ-ли—думаешь ты—сила,
Закалить способная твой духъ?

Много ихъ я, сынъ, перемѣнила,—
Непродажныхъ не было и двухъ!

«А на крикъ души твоей отважной,
На призывъ къ отчаянной борьбѣ—
Даже другъ и лучшій, непроданный,
Не отвѣтитъ откликомъ тебѣ.

«Если-жъ ты знавалъ между друзьями
Удальцовъ незыблемой души,—
Тѣ друзья давно замолкли сами
Гдѣ-нибудь въ невѣдомой глуши...

«Знаю, другъ, что въ нравственной опорѣ
Много значить добрая жена;
Что съ тобой и радости, и горе
Понесеть безропотно она.

Но бываютъ высшія страданья:
Колыбель, какъ призракъ роковой,
Возстаетъ въ минуту колебанья—
И подруга жертвуетъ тобой...

«Покорись-же, тронься хоть слезами,
О, мой милый, мой любимый сынъ!
Врагъ стоитъ несмѣтными рядами...
Покорись! Ты видишь—ты одинъ!..»

Ужъ давно молчитъ моя родная,
Ужъ навѣвъ замолкъ ея совѣтъ,
Но я все борюсь, не уставая,
И во мнѣ раскаянія нѣтъ.

А враговъ несмѣтнѣе все сила,
Всѣ друзья ушли куда-то прочь...
Можетъ быть, сразитъ меня могила,
Но мой духъ врагамъ не превозмочь!

Омулевскій.

ЛИНА МОРГЕНШТЕРНЪ.

(Къ вопросу о цѣльности воспитанія русской женщины).

Пользуясь разрѣшеніемъ г-жи Моргенштернъ,—извѣстной нѣмецкой писательницы, стяжавшей себѣ громкое имя не только на поприщѣ дѣтской и педагогической литературы, но и своею эконолическою и филантропическою дѣятельностью,—ознакомить русскую публику, на основаніи переписки Лины Моргенштернъ со мною и сообщенныхъ ею документовъ, съ этою передовою женщиною,—я приступаю къ моей задачѣ съ особеннымъ наслажденіемъ. Въ этой женщинѣ, умѣвшей соединить весьма обширную общественную дѣятельность съ самымъ ревностнымъ служеніемъ своей собственной семьѣ; въ этой женщинѣ, умѣющей въ теченіе четверти столѣтія стоять во главѣ такъ называемаго женскаго вопроса въ Германіи, во главѣ женщинъ, стремящихся къ образованію, и въ то-же время способной составить поваренную книгу и въ теченіе семи лѣтъ написать 378 передовыхъ статей для редактируемаго ею журнала;—въ этой женщинѣ всякій безпристрастный человѣкъ увидитъ цѣльное, всестороннее и гармонично-воспитанное существо, какихъ мы не можемъ не пожелать въ средѣ нашихъ женщинъ. Описавъ намъ свою кипучую общественную дѣятельность, г-жа Моргенштернъ продолжаетъ: «вы ошиблись бы, еслибы предположили, что я не занимаюсь своимъ домашнимъ хозяйствомъ: надо мною часто подсмѣиваются гости, заставая меня въ своей кухнѣ занятою приготовленіемъ завтрака для всей семьи, или присмотромъ за тѣмъ, какъ варится обѣдъ, причемъ я и сама подсоблю кухаркѣ приготовить повкуснѣе какое нибудь кушанье». Такъ смотритъ на дѣло не «кухарка», но высоко-просвѣщенная женщина, воспитанная деистомъ и до сихъ поръ еще, на пятьдесятъ

второмъ году отъ роду, не утратившая энергіи молодости и не измѣнившая своимъ философскимъ идеаламъ, тѣмъ гуманнымъ стремленіямъ, которыя, уже восемнадцатилѣтнею дѣвушкою, вывели ее на общественное поприще, на служеніе просвѣщенію и экономическому благосостоянію массы.

Какихъ нибудь десять лѣтъ тому назадъ никто не выслушалъ бы насъ, еслибы мы, говоря о воспитаніи русской женщины, отъ которой преимущественно зависитъ участь подростающаго поколѣнія, задумали остановить вниманіе читателей на такой прозѣ, какъ домоводство, незнаніемъ котораго страдаетъ большинство изъ нашихъ образованныхъ женщинъ. Тогда впервые сказывалось высоко почтенное и плодотворное стремленіе русской женщины къ высшему образованію; тогда напоминали ей о кухнѣ и семьѣ только такіе люди, которые дальше кухни ничего и не видятъ, которые осуждали женщину на роль кухарки и самки, иногда приукрашивая послѣднюю фразами о призваніи матери, которой они же отказывали въ правѣ на образованіе, въ правѣ любить науку, въ правѣ и обязанности быть сотрудникомъ дѣйствительно просвѣщеннаго мужа. Отвѣтомъ на заподозриваніе чистѣйшихъ стремленій къ свѣту, на оскорбительное для женщины игнорированіе ея духовныхъ нуждъ, явилась противоположная крайность: весьма многія изъ нашихъ женщинъ, занявшись наукою, забросили домоводство, что отражается на благосостояніи и здоровьѣ ихъ самихъ, мужей и дѣтей ихъ. Пренебреженіе домашнимъ хозяйствомъ, благодаря которому средства, добываемыя мужемъ или братомъ, расточаются или расходуются мало производительно, отражается даже на общественномъ положеніи женщины, которая этимъ самымъ выпускаетъ изъ своихъ рукъ такую силу, каковъ портфель министра финансовъ въ семьѣ. Наконецъ, неумѣлое и холодное отношеніе къ мелочамъ матеріальнаго быта семьи со стороны просвѣщенной женщины иногда отравляетъ семейное счастье и еще чаще вызываетъ въ мужчинахъ, встрѣчающихся съ такою женщиною, — въ мужчинахъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается пока власть и сила, — саркастическое и недоброжелательное отношеніе къ самымъ благороднымъ порывамъ русской дѣвушки, мирящейся съ голодомъ и нуждою для того лишь, чтобы побольше зачерпнуть изъ сокровищницы знаній. Обо всемъ этомъ трудно было говорить

Дѣтъ десять тому назадъ, когда еще не былъ рѣшенъ вопросъ, учиться ли русской женщиной, какъ учатся мужчины, или довольствоваться ей положеніемъ грамотной кухарки? Теперь же, когда и самые близорукіе люди уже успѣли разсмотрѣть, что каждая высшаго образованія со стороны нашей женской молодежи не мимолетная мода; теперь, когда настойчивость ея и серьезность отношенія къ вопросу уже завоевали ей права на образованіе; именно теперь пора напомнить высоко развитой женщинѣ о томъ, что семья составляетъ ближайшую для нея область, что наука наукой, а домоводство также великое дѣло, какъ основа гигиены, семейнаго достатка и довольства. Этого не могутъ не понять наши развитыя женщины, въ числѣ которыхъ несомнѣнно существуетъ и въ настоящее время меньшинство, умѣющее соединять общественные и научные интересы съ заботами о домашнемъ хозяйствѣ вообще; но желательно, чтобы большинство нашихъ дѣвушекъ и женщинъ стало такимъ; желательно, чтобы мы давали нашимъ дѣвкамъ цѣльное, всестороннее, гармоническое воспитаніе, не извращая въ нихъ ни эстетичности, свойственной женщинѣ, ни сродной ей склонности заботиться о томъ, чтобы жилось привольно въ ея семейномъ гнѣздышкѣ и птенцамъ, и родителямъ ихъ. До сихъ поръ единственною попытку сблизить дѣвушку, получающую образованіе, съ домоводствомъ представляетъ посѣщеніе кухни институтами; но мы, желая цѣльности воспитанія, говоримъ не объ этихъ игрушечныхъ затѣяхъ, которыя, не давая никакого практическаго результата, настолько же близки къ дѣйствительному ознакомленію съ домашнимъ хозяйствомъ, насколько «пейзаже», рисующіеся воображенію никогда не выѣзжавшей изъ столицы институтки, напоминаютъ русскаго крестьянина. Нѣтъ, существуютъ, какъ увидимъ, иныя средства поднять экономическое благосостояніе семействъ и значеніе просвѣщенной женщины путемъ обученія ея домоводству; чтобы ознакомиться съ ними, перейдемъ къ біографіи той почтенной нѣмецкой матери семейства, которая должна послужить намъ образцомъ цѣльно-воспитанной женщины.

Лина Моргенштернъ, родившаяся въ Бреславлѣ, въ Силезіи, 25 ноября 1830 года, была дочерью уважаемаго купца и фабриканта этого города и польской дворянки изъ Кракова. «Мать моя»,

пишетъ намъ г-жа Моргенштернъ, принадлежала къ числу благороднѣйшихъ и высоко развитыхъ, сердечныхъ натуръ; чрезвычайно даровитая отъ природы, она была въ высшей степени дѣятельна и энергична, отличаясь истинно женскою эстетичностью и, при глубокой религіозности, вполне либеральнымъ и философскимъ направленіемъ. Вся жизнь ея была посвящена благотворительности и самоотверженію: спасти юношу, направить его, помочь ему добиться куска хлѣба и профессіи—было ея призваніемъ. Талантъ, съ которымъ встрѣчалась мать, не долженъ былъ пропадать, долженъ былъ находить себѣ исходъ, благодаря ея помощи. Мать моя была душою и средоточіемъ бесѣды разумнаго семейнаго кружка; никогда не расточала она фразъ и никогда не злословила; отецъ и мы, дѣти, боготворили ее, и всякій, кто знаетъ ее, почиталъ и любилъ ее». Эта мать позаботилась о воспитаніи своей дочери, съ благоговѣніемъ относящейся и къ памяти ея. Въ тридцатыхъ годахъ, когда у насъ еще никто и не помышлялъ не только о высшемъ, но и о среднемъ образованіи большинства дѣвушекъ достаточнаго класса населенія, въ Германіи уже можно было получить изрядное образованіе: Лину Моргенштернъ опредѣлили въ высшую женскую школу, по программѣ напоминавшую наши женскія гимназіи, но дома обучали, кромѣ того, иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, домашнему хозяйству, доставляя ей возможность посѣщать для уроковъ пѣнія музыкальную консерваторію, а для гимнастики и плаванія спеціальныя школы. Такимъ воспитаніемъ, при которомъ мозгъ не работалъ на счетъ всего остальнаго организма, а занятіе наукою соединялось съ изученіемъ искусства и домоводства, создавалась та гармоничная натура, которой предстояло осуществить цѣльность во всей своей жизни. Съ самаго ранняго возраста, Лина Моргенштернъ проявляла склонность къ высшему самообразованію и занялась усердно астрономіею, литературою и исторіею; докторъ Гейгеръ, готовившій ее къ confirmaціи, т. е. къ первому принятію святыхъ таинъ, которому у протестантовъ предшествуетъ наставленіе въ религію, имѣлъ на нее огромное вліяніе тѣмъ, что сумѣлъ возбудить въ ней религіозное чувство и вѣру въ идеалъ, вмѣсто того, чтобы ограничиться заучиваніемъ неосмысленныхъ и непрочувствованныхъ фактовъ. «Эти уроки по Закону Божію», пишетъ г-жа Морген-

штернъ, «уроки этого философа - деиста и ученаго имѣли болѣе значеніе для развитія нашего мышленія, чѣмъ все предшествовавшее имъ школьное обученіе». Вотъ наступило нашей будущей писательницѣ 16 лѣтъ, и уже въ такую раннюю пору она увлеклась молодымъ полякомъ, воспитаннымъ въ Германіи, но въ теченіе шести лѣтъ, подъ вліяніемъ и руководствомъ родителей, боролась съ своимъ чувствомъ и провѣряла какъ собственныя ощущенія, такъ и степень вызываемой ими взаимности; она вышла замужъ двадцати двухъ лѣтъ и съ тѣхъ поръ наслаждается семейнымъ счастіемъ уже тридцать лѣтъ. Замужство повело къ переезду семьи Моргенштернъ въ Берлинъ, гдѣ она пребываетъ и понынѣ; образовательныя средства Берлина и досугъ направили Лину Моргенштернъ на дальнѣйшее усовершенствованіе своего образованія и литературную дѣятельность; но не будемъ спѣшить и исчерпаемъ сначала семейную обстановку передовой женщины, для того чтобы затѣмъ преслѣдить за нею на общественномъ поприщѣ.

Семья Моргенштернъ всегда много трудилась и жила расчетливо, но, обладая достаткомъ, никогда не была богата, хотя и слыла такою; эта молва поддерживалась готовностью ея дѣлиться своими средствами съ неимущими, затрачивать деньги на общепользныя дѣла, чѣмъ и объясняется то, что карманъ купца Моргенштерна и его жены не толстѣлъ, хотя и не оставался пустымъ, благодаря ихъ благоразумію; семья случалось проходить и чрезъ лишенія, но вѣра въ идеалъ поддерживала ее, не говоря уже о томъ, что въ этой счастливой четѣ жена встрѣчала въ мужѣ живое сочувствіе всѣмъ ея гуманистическимъ стремленіямъ, а мужъ видѣлъ въ женѣ друга, способнаго помогать ему въ веденіи дѣла и въ созиданіи трудомъ домашняго благосостоянія, а при такой гармоніи, испытанія жизни не наносятъ глубокихъ, неизлѣчимыхъ ранъ. «Мы богаты», пишетъ г-жа Моргенштернъ, «тѣмъ, что Богъ далъ намъ въ дѣтихъ нашихъ сокровища, составляющія гордость и радость нашей жизни». Старшая дочь Лины Моргенштернъ состоитъ учительницею въ Генуѣ; слѣдующій за нею сынъ, прошедши философскій и естественный факультеты, съ успѣхомъ посвятилъ себя профессіи зубнаго врача; третья, по старшинству въ семьѣ, дочь проявила такія способности къ драмати-

ческому искусству, что занялась специальнымъ изученіемъ его, но сдала, независимо отъ этого, экзаменъ на учительницу и учредила, слѣдуя въ этомъ случаѣ призванію матери, дѣтскій садъ; «но въ то же время», спѣшитъ добавить г-жа Моргенштернъ, какъ бы опасаясь упрека, «дочери мои обучены домоводству не менѣе тщательно, чѣмъ наукамъ и искусству». Наконецъ младшей изъ дочерей шестнадцать лѣтъ; она усердно учится наукамъ, но со страстію занимается и живописью; самымъ младшимъ, пятымъ въ семьѣ, оказывается сынъ, который, при отличныхъ успѣхахъ въ наукахъ, съ увлеченіемъ играетъ на скрипкѣ, благодаря матери, сумѣвшей достигнуть гармоничности и индивидуальности въ воспитаніи пятерыхъ дѣтей своихъ.

Присмотримся же теперь къ тому, для какой неутомимой и разнообразной общественной дѣятельности оставалось еще время у передовой женщины, матери пятерыхъ дѣтей, которыхъ она сама вскормила и вспоила, за образованіемъ которыхъ она имѣла ближайшее наблюденіе, не теряя изъ виду при этомъ домашняго хозяйства. Впрочемъ эта общественная дѣятельность проявилась въ Линѣ Моргенштернъ еще въ такомъ возрастѣ, когда дѣвушки изъ достаточныхъ семействъ заняты, слишкомъ часто, только бантиками и визитами: въ тотъ самый день, когда Линѣ Моргенштернъ минуло восемнадцать лѣтъ, она въ 1848 году основала еще въ Бреславлѣ, на родинѣ своей, частное общество для вспоможенія бѣднѣйшимъ изъ дѣтей, посвящающихъ народныя школы. Восемнадцатилѣтняя Лина Моргенштернъ оставалась въ теченіе шести лѣтъ, до самаго замужства ея и переѣзда въ Берлинъ, предсѣдательницею этого общества, во главѣ котораго стала затѣмъ мать ея, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, до самой смерти своей, имъ руководившая. Слѣдовательно это учрежденіе не было плодомъ юношеской эгалитаціи, которая у насъ слишкомъ часто способна рвануть, а не везти; нѣтъ, подъ предсѣдательствомъ этой молодой героини возникло вполне практическое и живучее общество, которое, при самыхъ ничтожныхъ взносахъ членовъ, снабжало матеріаломъ для работы, одеждою, бѣльемъ и обувью ежегодно до шестисотъ бѣднѣйшихъ учениковъ народныхъ училищъ города Бреславля; и по настоящее время, вотъ уже тридцать четвертый годъ,

существуетъ это общество подъ предсѣдательствомъ одной изъ сестеръ Лины Моргенштернъ.

Въ 1859 году г-жа Моргенштернъ стала во главѣ движенія въ Берлинѣ въ пользу Фрѣбелевскихъ дѣтскихъ садовъ; учредивъ частное общество для поощренія и открытія этихъ садовъ, Моргенштернъ была въ теченіе первыхъ шести лѣтъ и предсѣдательницею его. За это время возникли восемь дѣтскихъ садовъ для достаточныхъ классовъ и одинъ народный дѣтскій садъ, — явленіе, въ то время совершенно исключительное; по инициативѣ неутомимой Моргенштернъ, это частное общество, существующее и по настоящее время подъ именемъ «Фрѣбелевскаго общества», учредило семинарію для воспитанія наставницъ дѣтскихъ садовъ и особое заведеніе для воспитанія разумныхъ нянь. Не бросая этой дѣятельности, Лина Моргенштернъ въ 1868 г. основала въ Берлинѣ особое частное общество для спасенія жизни погибающихъ грудныхъ младенцевъ и нѣкоторое время была предсѣдательницею его; это общество существуетъ и понынѣ, спасая ежегодно сотни новорожденныхъ отъ вѣрнѣйшей гибели. За три года до учрежденія названнаго благотворительнаго общества, возникло въ 1865 году «общегерманское женское общество», имѣвшее цѣлью объединять тѣ многочисленныя женскія общества, которыя въ разныхъ частяхъ Германіи задавались разнообразнѣйшими филантропическими и педагогическими цѣлями. Понятно само по себѣ, что наша героиня не могла отнестись холодно къ этому центральному обществу: и въ самомъ дѣлѣ—съ 1867 года, она уже въ теченіе четырнадцати лѣтъ состоитъ членомъ бюро, управляющаго этимъ центральнымъ женскимъ обществомъ и несущаго главную работу. При содѣйствіи этого общества, Лина Моргенштернъ, въ 1869 году, осуществила особое частное общество для образованія бѣднѣйшихъ изъ работницъ, которое и открыло первую, по времени, «женскую дополнительную школу» (Fortbildungsschule), какъ профессиональную надстройку надъ начальною школою; на учебныя заведенія такого рода обращено вниманіе только въ самое послѣднее время. Но понимая, что образованіе массы достижимо только при самоотверженной готовности наиболѣе просвѣщеннаго и богатаго меньшинства служить ей, Лина Моргенштернъ, въ томъ же 1869 году, учредила «академію»

для восполненія научнаго образованія дѣвицъ и дамъ, по общественному положенію своему, способныхъ вліять на участь вародной школы и соединенныхъ съ нею учреждений; эта «академія», по программѣ сходная съ нашими высшими женскими курсами, стоила учредительницѣ значительныхъ денежныхъ затратъ и огромнаго труда и просуществовала четыре года; затѣмъ она была закрыта, такъ какъ въ это время англичанка Ашеръ основала въ Берлинѣ и понынѣ существующее, однородное съ женскою «академіею» Моргенштернъ, учебное заведеніе для высшаго образованія женщины, подъ именемъ Victoria-Lyzeum. Слѣдя шагъ за шагомъ за общественною дѣятельностью Лины Моргенштернъ, не будемъ останавливаться на энергическомъ и неутомимомъ участіи ея въ «обществѣ краснаго креста» для вспоможенія раненымъ въ злополучные годы человѣческой бойни 1870 и 1871 годовъ,—войны между Франціею и Германіею; умолчимъ объ этомъ участіи, какъ оно ни почтенно, какъ ни важно для характеристики цѣльности натуры занимающей насъ передовой женщины; умолчимъ по неволѣ, чтобы не отлегалъ своего вниманія отъ благотворной дѣятельности Моргенштернъ по воспитанію вообще и по женскому вопросу. Дѣятельность ея на одномъ этомъ поприщѣ настолько плодотворна и разнообразна, что не легко ее исчерпать. Такъ, ко всему уже сказанному мы должны еще добавить, что съ 1874 года Лина Моргенштернъ состоитъ издательницею и редакторомъ еженедѣльнаго изданія «газеты для хозяекъ» (Hausfrauen Zeitung), изданія, посвященнаго защитѣ правъ женщины, хроникѣ движенія женскаго вопроса въ Европѣ и Америкѣ, высшему образованію женщины, педагогическимъ вопросамъ и домашнему хозяйству, посвященнаго—сказать короче—благосостоянію семьи, основанному на гармоничномъ и цѣльномъ воспитаніи матери семейства; это же періодическое изданіе служитъ органомъ особаго «общества хозяекъ», основаннаго Линою Моргенштернъ въ 1873 году, къ которому мы еще возвратимся. Закончимъ теперь обзоръ педагогической дѣятельности неутомимой и вѣчно юной Моргенштернъ указаніемъ на то, что въ текущемъ году она надѣется осуществить школу домоводства и сельскаго хозяйства для молодѣвшихъ дѣвицъ, отбывшихъ срокъ тюремнаго заключенія;

Этого уже состоялось особое частное общество и собраны значительныя средства.

Такова, въ общихъ чертахъ, одна сторона разнообразной общественной дѣятельности Лины Моргенштернъ, которая не позволяетъ сказать, что авторъ «поваренной книги» дальше кухни ничего не видитъ и не понимаетъ; намъ именно то и дорого, что за пропаганду домоводства, какъ одной изъ основъ семейнаго, а потому и народнаго благосостоянія, берется ученая и передовая женщина, образцовая мать и жена. Такой проповѣди о необходимости гармоничнаго воспитанія женщины, о томъ, что нашей женщинѣ нужны не только высшее образованіе, но и солидное знаніе домашняго хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ,— проповѣди, исходящей изъ такихъ устъ, повѣрятъ и тѣ, которые съ понятнымъ недоумѣніемъ относятся къ близорукимъ клеветникамъ русской женщины, осуждающимъ ее на безвыходное пребываніе въ спальнѣ, дѣтской, кухнѣ и прачешной, только изрѣдка выводя ее, какъ на выставку, въ гостиную. Но мы еще не исчерпали всѣхъ тѣхъ данныхъ, по которымъ мы вправѣ заключить, что Лина Моргенштернъ, никогда, при случаѣ, не теряющей изъ виду кухни и домоводства, доступна духовныя нужды женщины и ея научныя стремленія. Намъ осталось бы перечислить еще статьи и книги, написанныя этою замѣчательною, по цѣльности натуры, женщиною; но отъ этого мы должны рѣшительно отказаться—такъ велико число ихъ; назовемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, опуская множество рассказовъ для дѣтей, юношества и народа: «Фребелевская метода»; «Вѣра, благочестіе и долгъ»; «Женщина въ семьѣ»; «Женщины XIX вѣка»; — еще разъ добавимъ къ этому «Поваренную книгу для здоровыхъ больныхъ и выздоравливающихъ, какъ первую учебную книгу въ кухонномъ дѣлѣ и какъ руководство для школъ кухоннаго дѣла, хозяекъ, молодыхъ женщинъ, экономокъ и кухарокъ»; въ этой книгѣ описаны двѣ тысячи триста кушаньевъ, напитковъ и печеній и встрѣчается масса хозяйственныхъ указаній всякаго рода.

Ознакомившись и съ экономической, и съ филантропическою общественною дѣятельностью Лины Моргенштернъ, педагогическую и литературную дѣятельность которой мы уже исчерпали, мы поймемъ, какимъ образомъ эта философски образованная и

развитая женщина могла быть наведена на мысль о важности кухни въ семейномъ быту, даже независимо отъ полученнаго ею воспитанія. Для этого обратимся непосредственно къ устройству Линою Моргенштернъ дешевыхъ народныхъ кухонь въ Берлиѣ въ 1866 году, за шестнадцать лѣтъ получившихъ такое развитіе, что въ 14 народныхъ кухняхъ обѣдаютъ теперь ежегодно до двухъ милліоновъ бѣдняковъ; эти кухни существуютъ безъ всякой субсидіи и, принося чистый доходъ, владѣютъ капиталомъ и имуществомъ примѣрно на тридцать пять тысячъ рублей. Прислушаемся, какъ высказывается Лина Моргенштернъ о значеніи питанія для народа въ одномъ изъ отчетовъ своихъ о народныхъ кухняхъ въ Берлинѣ: «Отъ питанія народа зависитъ состояніе здоровья всѣхъ слоевъ общества, и печальными послѣдствіями голода и нужды являются злокачественныя эпидеміи. Это всего болѣе замѣтно на сѣверѣ, гдѣ потребность въ пищѣ, топливѣ и одеждѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ на югѣ, и гдѣ нужда бѣднѣйшихъ членовъ общества сопровождается почти каждый неурожайный годъ. Вотъ чѣмъ и объясняется, что если на югѣ нищета представляется намъ во всей наготѣ только въ отдѣльныхъ случаяхъ, то на сѣверѣ, уже съ давняго времени, пролетаріи возросли до внушающей опасенія и угрожающей массы, которая, въ критическое время, слишкомъ легко увлекается политическими движеніями, не всегда понимая, куда ее ведутъ, колеблясь по слѣдамъ и подъ властію вожаковъ и имѣя въ виду лишь одну цѣль: улучшить свое несчастное положеніе. Но такъ какъ революціи и войны непосредственно тормозятъ торговля дѣла, то пролетаріи, вообще лица, нуждающіяся въ насущномъ хлѣбѣ, послѣ политическихъ потрясеній всегда оказывались въ болѣе несчастномъ положеніи, чѣмъ до наступленія ихъ, такъ какъ вопросъ ихъ не столько политическій, сколько вопросъ желудка, который можетъ быть разрѣшенъ только съ соціальной точки зрѣнія... Когда животная сторона въ человѣкѣ удовлетворена, только тогда можетъ вполне обнаружиться божественный элементъ его. Голодающему, лишенному крова въ человѣческомъ обществѣ, тяжелѣе, нежели дикому животному въ лѣсу, находящему себѣ вездѣ логовище и пищу. Не естественно ли, что голодающіе нерѣдко уподобляются звѣрямъ, которые разрушаютъ человѣческіе законы и путемъ пре-

«...иленія добиваются необходимаго? Такимъ образомъ Лина Моргенштернъ выводитъ социальную необходимость крайне дешевыхъ народныхъ кухонь, въ которыхъ всякій рабочий, цѣною самой ничтожнѣйшей услуги, за какихъ нибудь восемь копѣекъ могъ бы сытно и гигиенически пообѣдать; но для того чтобы такое предпріятіе могло держаться экономически, чтобы оно могло существовать, какъ промышленное предпріятіе въ рукахъ филантроповъ, необходимо умѣть варить, такъ какъ стоитъ только цѣнность каждаго обѣда возвысится на полъ-копѣйки, для того чтобы предпріятіе, при двухъ милліонахъ обѣдовъ за годъ понесло, десять тысячъ рублей убытка въ годъ, или, избѣгая убытковъ, пришлось бы ухудшить пищу на эту сумму по питательности и доброкачественности. Но большому кораблю большое и плаваніе, изъ чего не слѣдуетъ однако, чтобы и маленькому кораблю было полезно и пріятно съѣсть на мель; поэтому умѣнѣе вести домоводство имѣетъ свое огромное значеніе не только въ народной кухнѣ съ милліонами потребителей, но и въ семьѣ. Справедливо останавливается наша героиня на томъ, что кухни для народа, не предлагая никакихъ напитковъ, кромѣ воды, и отвлекая рабочихъ отъ харчевень, въ которыхъ они играли бы въ карты, содѣйствуютъ къ воспитанію народа. Но точно также можно сказать, что чѣмъ удобнѣе домашній очагъ и чѣмъ вкуснѣе домашній обѣдъ, при равенствѣ другихъ условій, тѣмъ меньше отца семьи тянетъ въ клубъ и кафе, чѣмъ еще разъ выясняется значеніе домоводства.

Но возвратимся къ экономической дѣятельности Лины Моргенштернъ, которая, понявъ, какъ передовая женщина, социальное и этическое значеніе кухни, рядомъ съ своею ученою дѣятельностью, посвятила свои силы семейной и народной кухнѣ; для послѣдней она составила особую книгу съ указаніемъ пятидесяти возможно болѣе вкусныхъ, питательныхъ и дешевыхъ обѣдовъ для бѣднаго населенія.

Вопросъ о возможности прокормиться, для нашего отечества, благодаря нуждѣ массы, составляетъ, къ несчастію, настолько современнѣйшій вопросъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за попытку ознакомить съ нимъ нѣсколько обстоятельнѣе и тѣмъ менѣе поставить намъ это въ вину, что въ устройство дешевыхъ кухонь для народа Лина Моргенштернъ вложила столько своей чистой

души, и что къ этому дѣлу могли бы приложить свои руки тѣ изъ нашихъ развитыхъ женщинъ, которыя сознають, что не только университетъ, но и кухня представляетъ область, въ которой женщина не должна себя чувствовать чуждой; у насъ впрочемъ уже есть и свои попытки на этомъ поприщѣ.

Не отдѣляя педагогическихъ вопросовъ отъ экономическихъ и ни когда не упуская изъ виду цѣлей воспитанія, Лина Моргенштернъ, устраивая «народныя кухни», съ самаго начала поставила основнымъ принципомъ ихъ, чтобы никто не получалъ въ нихъ пищи бесплатно, но имѣлъ ее за умѣренную въ высшей степени и до тѣхъ поръ небывающую плату; по мысли учредительницы и организованнаго ею общества, «народныя кухни» ничего не должны имѣть общаго съ раздачею милостыни; онѣ, напротивъ, должны отучать бѣдняковъ отъ даровой подачи, онѣ должны облегчать имъ возможность хорошаго питанія и при ничтожномъ заработкѣ, доставляя миску супа съ зеленью, мясомъ и хлѣбомъ за восемь копѣекъ по нынѣшнему, крайне низкому курсу рубля; эти «народныя кухни» не только не должны приучать рабочаго къ жизни на счетъ другаго, но воспитывая его въ стремленіяхъ къ умѣренности и бережливости, собственнымъ примѣромъ должны научать его тому, насколько экономически-производителенъ порядокъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Могутъ быть и такіе случаи, когда бѣдняку не на что пообѣдать; въ такомъ случаѣ онъ идетъ не въ «народную кухню» за даровымъ обѣдомъ, но въ общество для вспоможенія бѣднымъ: это послѣднее, удостовѣрившись въ его бѣдности, выдаетъ ему марку, — которую затѣмъ оплачиваетъ само общество, — въ «народную кухню», получающую эту марку вмѣсто платы за обѣдъ. Для того, чтобы «народная кухня» могла служить народу назидательнымъ экономическимъ учрежденіемъ, она оплачиваетъ труды кассировъ, экономокъ, кухарокъ и прислуги и безвозмездно пользуется только трудомъ членовъ общества, на обязанности которыхъ лежатъ: закупка провизіи, наблюдение надъ кухнями и ихъ прислугой, выдача изъ буфета самыхъ обѣдовъ по каждой изъ подаваемыхъ имъ марокъ, которыя покупаются при самомъ входѣ въ залу, и контроль надъ всею операціею посредствомъ особыхъ начальницъ и инспекторовъ; ежедневно до тридцати дамъ присутствуютъ въ каждой

—возможно ли было бы оплатить труды ихъ! При сложной операциі 14-ти «народныхъ кухонь», годовою оборотъ которыхъ доходитъ до 270 тысячъ рублей, при 12 тысячахъ обѣдающихъ въ день, требуется необычайная разчетливость и точность для того, чтобы дѣла могли держаться; такъ, тамъ приобретаются припасы только самые отборныя, но, по возможности, изъ первыхъ рукъ и по оптовымъ цѣнамъ; потребление топлива доведено до возможно низкой нормы цѣлымъ рядомъ приспособлений; никакіе кухонные остатки не пропадаютъ и не раздариваются; картофельная же шелуха, обрѣзки всякой зелени и вода, которою ополаскивается жирная посуда, продаются на откормъ скота, и эта статья дала въ 1881 году до двухъ тысячъ рублей. Все разсчитано съ величайшею точностью; такъ напр. вычислено, что на десять ведеръ воды требуется для ста порціи отъ 17 до 18 фунтовъ говядины и нѣсколько менѣе свинины; съ величайшею подробностью разсчитано для каждаго кушанья и количество зелени, сала, муки и другихъ приправъ. До двѣнадцати тысячъ посѣтителей обѣдаютъ ежедневно въ народныхъ кухняхъ Берлина, которыя потребили въ 1881 году 1620 пудовъ говядины, 1629 пудовъ свинины, 598 пудовъ копченаго свиного сала, 606 пудовъ говяжьего жира, 13070 колбасъ, 2049 пудовъ бобовъ, 6264 пуда гороху, 1308 пудовъ чечевицы, 33,606 пудовъ картофеля, 216 пудовъ пшена, 600 пудовъ рису, 246 пудовъ лапши, 369 пудовъ сушеныхъ фруктовъ, 738 пудовъ муки и 2079 пудовъ кислой капусты, не считая свѣжей зелени, какъ шиннатъ, огурцы, морковь и т. п. Для того, чтобы вести дѣло въ образцовомъ порядкѣ и не обманывать себя, «общество берлинскихъ народныхъ кухонь», подъ предсѣдательствомъ Лины Моргенштернъ, сноситъ ежегодно въ расходъ 75% стоимости инвентаря, для того чтобы имѣть средства для постоянного ремонта инвентаря и возобновленія его, и при всемъ томъ «народныя кухни», должествующія служить образцомъ порядна и для частныхъ хозяйствъ, дали въ 1881 году болѣе 1940 рублей чистаго дохода, который и причисленъ въ основной капиталъ «общества», идущій на покрытие возможныхъ убытковъ, на распространеніе операциі общества, и служащій запаснымъ фондомъ для того, чтобы «народныя кухни» могли выдерживать,

безъ повышенія цѣны обѣдовъ, вздорожаніе припасовъ въ бюджетные годы.

Неутомимо работая на пользу воспитанія и благосостоянія семьи и массы народа, Лина Моргенштернъ не ограничилась описаннымъ выше величественнымъ предпріятіемъ, котораго она и по настоящее время, уже шестнадцать лѣтъ, не выпускаетъ изъ рукъ, но въ 1873 году основала «общество хозяекъ» (Hausfrauenverein), о которомъ мы уже упоминали, въ огражденіе экономическихъ интересовъ семьи. Вначалѣ возникло только общество потребителей, предоставляющее всѣмъ членамъ возможность пріобрѣтать въ магазинахъ общества питательные матеріалы по дешевымъ цѣнамъ. Затѣмъ, сюда присоединились: бюро для безвозмезднаго и добросовѣстнаго посредничества между прислугою и нанимателями, и особая касса для выдачи денежныхъ наградъ ежегодно извѣстному числу домашнихъ слугъ по рекомендаціи членовъ общества. Въ 1876 году добавили ко всему этому опытную станцію для изслѣдованія доброкачественности рыночныхъ припасовъ и раскрытія подмѣсы и поддѣлокъ, и организовали выставку отборныхъ пищевыхъ продуктовъ, соединенную съ лекціями о питаніи и прочихъ отправленияхъ человеческого организма; временная выставка прекратилась, а постоянная лабораторія для изслѣдованія съѣстныхъ припасовъ существуетъ и по настоящее время; особая касса при «обществѣ хозяекъ» существуетъ для пособія нуждающимся изъ членовъ.

Во всѣхъ операціяхъ «общества хозяекъ», основаннаго Линою Моргенштернъ и непрестанно развивающагося уже девятый годъ подъ ея просвѣщеннымъ предсѣдательствомъ, живѣйшее участіе принимала сама Моргенштернъ,—писательница, педагогъ, экономистъ, мать, жена и хозяйка; но, увлекаясь идеаломъ гармоничности и цѣльности воспитанія женщины, она, какъ мы уже не разъ на то указывали, написала и поваренную книгу; мало того: она учредила четыре года тому назадъ особую школу кухни и домоводства.

Приступая къ знакомству съ этимъ столь же оригинальнымъ, какъ и благотѣльнымъ экономо-педагогическимъ учрежденіемъ, мы отъ вопроса о томъ, что было-бы желательно для русской женщины, переходимъ къ вопросу о томъ, какими средствами подойти къ осуществленію идеала. Если біографія Лины Морген-

штернъ и убѣдила кого-нибудь въ томъ, что наука и высшее развитіе соединимы съ заботами о кухнѣ и домоводствѣ, а общественная дѣятельность — съ заботами о семьѣ, то является вопросъ: гдѣ же научиться домоводству, когда слишкомъ часто и тѣ изъ нашихъ неучившихся или мало образованныхъ женщинъ, которыхъ міросозерцаніе не можетъ идти дальше салныхъ огарковъ и кусковъ сахару, даже эмпирически, крайне плохо знакомы съ искусствомъ приготовить пищу для потребленія или впрокъ, вкусно и при возможно меньшей затратѣ, не говоря уже о томъ, что эти, такъ называемыя хозяйки, по невѣжеству своему, не имѣютъ никакого представленія о рациональной гигиенѣ и химіи кухни и домоводства. Гдѣ намъ, — развитымъ хозяйкамъ, сознавшимъ, что на то мы и достигли высшаго образованія, чтобы оно прежде всего отразилось на нашей непосредственной обстановкѣ и благосостояніи семьи, — гдѣ намъ научиться рациональному домоводству, котораго мы желаемъ?..

На это нужны особыя школы, говоритъ Лина Моргенштернъ, и открываетъ такую школу въ Берлинѣ. Почему же особыя школы, скажутъ намъ? Домоводство полезно — значитъ его нужно преподавать во всѣхъ женскихъ училищахъ безъ изъятія. Такъ разсуждаютъ слишкомъ часто у насъ, гдѣ такъ привыкли отдѣлываться формальностями вмѣсто дѣла. Между тѣмъ стоитъ лишь вникнуть въ сущность вопроса, чтобы тотчасъ же убѣдиться, что въ школахъ для приходящихъ на кухню и домоводство не хватаетъ времени. Что же касается закрытыхъ учебныхъ заведеній, то они настолько многочисленны, что на каждую ученицу могутъ прійтись такія ничтожныя минуты практики въ умѣньѣ варить, жарить, печь, солить, коптить, сушить и проч., что тамъ пребываніе ученицъ въ кухнѣ, по очереди, можетъ играть роль уроковъ нагляднаго обученія, но отнюдь не профессиональнаго, специальнаго и практическаго ознакомленія съ дѣломъ. Къ тому же, хотя и нѣтъ особой мудрости въ домоводствѣ и приготовленіи пищи, но тѣмъ не менѣе дѣтъ и оно можетъ пріобрѣтаться только въ семьѣ, путемъ весьма продолжительнаго навыка, а въ школѣ изученіе этого дѣла предполагаетъ въ воспитанницахъ извѣстную физическую силу и извѣстное развитіе, выне-

сенное изъ предварительнаго обученія или изъ жизни; чѣмъ успѣшнѣе общеобразовательная школа подготовитъ взрослому ученицу, тѣмъ успѣшнѣе и скорѣе эта послѣдняя научится стряпать и заготовлять впрокъ. Такимъ образомъ и выходитъ, что знаніе домоводства, которое могло казаться намъ столь трудно достижимымъ, — шуточное дѣло для развитой дѣвушки, какъ показалъ опытъ школы Лины Моргенштернъ, а даетъ далеко не шуточные, но весьма серьезные результаты, отзывающіеся на благосостояніи и счастья семьи, какъ и на цѣльности и гармоничности образа мыслей самихъ обучаемыхъ домоводству.

Ознакомимся же поближе со «школою кухни и домоводства» Лины Моргенштернъ, въ которой успѣли уже обучиться триста взрослыхъ ученицъ. Средоточіемъ этой школы служитъ образцово-устроенная и весьма обширная кухня, въ которой всѣ записывающіяся въ ученицы работаютъ группами; подъ наблюдениемъ искусной кухарки; ежедневно эти группы, по очереди, переходятъ въ непосредственное вѣдѣніе главной кухарки; ежедневно готовится полный обѣдъ изъ восьми блюдъ; ежедневно одна изъ ученицъ, по очереди, исполняетъ обязанность экономки, выдавая провизію. Ученицы начинаютъ съ очистки зелени, мяса и рыбы, сбиванія яицъ, растиранія хлѣба, просѣиванья муки и т. п., и постепенно доводятся до умѣнья приготовить домашній и парадный столъ, убрать блюда и наръзать мясо и птицу, накрыть на столъ, не говоря уже объ упражненіи въ закупкѣ провизіи и даже въ чисткѣ посуды. Въ лѣтніе мѣсяцы преподается заготовленіе овощей и плодовъ впрокъ, въ соли, сахарѣ, маслѣ и посредствомъ сушки; особенное вниманіе обращается на то, чтобы научить ученицъ вкусно и разнообразно пользоваться для стола остатками отъ вчерашняго обѣда. Все изготовляемое въ этой учебной кухнѣ тутъ же и потребляется. такъ какъ съ нею соединена столовая для дамъ, въ которой выставляются для продажи и тѣ холодныя кушанья, которыя приготавливаются ученицами подъ руководствомъ главной кухарки. Кроме того, эта кухня принимаетъ заказы и на цѣлыя обѣды или отдѣльныя кушанья. Этому практическому обученію посвящается время отъ девяти часовъ утра до часу, а вечерніе часы, отъ четырехъ до семи, посвящаются теоретическому курсу.

При этомъ дѣло организовано такъ, что въ «школѣ кухни и домоводства» могутъ достигаться различныя цѣли: 1) въ эту кухню можетъ прійти дама или хозяйка для того, чтобы научили ее приготовить изъ принесенной съ собою провизіи одно избранное ею кушанье, которое она и уноситъ съ собою домой; такія посѣтительницы допускаются только въ томъ случаѣ, если для нихъ остается мѣсто отъ постоянныхъ ученицъ кухни; онѣ платятъ за всякій разъ отъ 60 коп. до 1 рубля 80 коп. 2) Въ школу кухни и домоводства хозяйка дома можетъ посылать свою уже знакомую кухарку для усовершенствованія, въ теченіе одного мѣсяца, по три раза въ недѣлю, на четыре часа всякій разъ, и это обойдется хозяйкѣ въ девять рублей. 3) Въ ученицы могутъ поступать лица, ищущія полного профессиональнаго обученія кухонному дѣлу; въ такомъ случаѣ эти лица въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, ежедневно по четыре часа, работаютъ въ кухнѣ и по три часа слушаютъ лекціи, и за весь трехмѣсячный курсъ, практической и теоретической, уплачиваютъ, при поступленіи, пятьдесятъ четыре рубля (по нашему курсу); такое обученіе ведетъ къ образованію искусныхъ кухарокъ, получающихъ мѣста по рекомендаціи школы. 4) Эта школа воспитываетъ и учительницъ кухоннаго дѣла и домоводства, но въ такомъ случаѣ курсъ продолжается пять мѣсяцевъ, при ежедневныхъ занятіяхъ и при томъ условіи, чтобы въ послѣдній мѣсяцъ эти ученицы преподавали свое дѣло въ самой учебной кухнѣ. 5) Наконецъ, что для насъ всего интереснѣе, въ эту учебную кухню приглашаются и дѣвицы или дамы, которыя желали бы выработать изъ себя умѣлыхъ домашнихъ хозяекъ; для нихъ курсъ практической и теоретической продолжается только три мѣсяца, при посѣщеніи учебной кухни и лекцій по три раза въ недѣлю, за пятьдесятъ четыре рубля въ годъ. 6) Желающія могутъ, не бывая въ кухнѣ, посѣщать однѣ вечернія лекціи по домоводству Лины Моргенштернъ, у которой и на это достаетъ времени, силъ и энергіи; такой теоретическій курсъ оплачивается, при ежедневныхъ занятіяхъ, по 12 рублей за три мѣсяца или по 30 коп. за каждую лекцію особо; всѣ вышепоказанныя таксы могутъ быть понижаемы по внимательномъ изслѣдованіи экономическихъ обстоятельствъ ученицы, которой

эти таксы покажутся обременительными, и сообразно со средствами школы.

Что касается теоретическаго курса кухни и домоводства, то Лина Моргенштернъ, никогда не упускающая изъ виду воспитанія и развитія, обратила на него особенное вниманіе, а потому ученицамъ изъ высшихъ и профессиональныхъ слоевъ общества, посѣщающихъ ея кухню, преподается специальное ученіе о питаніи, какъ физиологическомъ процессѣ; кромѣ того, лекціи посвящаются товаровѣднію, въ смыслѣ изученія пищевыхъ матеріаловъ; курсъ домоводства соединяется съ указаніями по счетоводству, распределенію времени и мѣста и заготовленію припасовъ впрокъ; теорія кухни исчерпываетъ варенье, жаренье и печенье всесторонне, а химія кухни читается въ лабораторіи для изслѣдованія припасовъ, о которой мы уже упоминали, и соединяется съ микроскопическими изслѣдованіями. Каждые три мѣсяца заканчивается курсъ, и всѣ ученицы подвергаются экзамену по практическому и теоретическому курсу, если желаютъ получить свидѣтельство.

Итакъ, изъ устъ такой опытной хозяйки, какова Лина Моргенштернъ, и такого опытнаго педагога, какъ она, мы слышали, на основаніи уже весьма успѣшно произведенныхъ ею опытовъ, что нужно всего три мѣсяца,—при работѣ на кухнѣ черезъ день, за исключеніемъ праздниковъ,—для того, чтобы развитая взрослая дѣвушка или развитая женщина научилась домоводству, при затратѣ, которую нельзя признать значительною, въ виду того, что кухня снабжаетъ ученицу всѣми орудіями и припасами для работы; впрочемъ, еслибы даже и признать плату, примѣрно въ пятьдесятъ рублей, за полное обученіе домоводству и кухонному дѣлу, превышающею силы недостаточныхъ слушательницъ нашихъ высшихъ женскихъ курсовъ,—напримѣръ, по окончаніи ими курса,—то это обстоятельство возможно было бы устроить учрежденіемъ стипендій при учебной кухнѣ, еслибы только нашлись люди, убѣжденные въ неотложной необходимости устроить особыя школы кухни и домоводства для взрослыхъ ученицъ. Во главѣ такого дѣла могли бы стать просвѣщенные и цѣльво воспитанныя русскія женщины, существованія которыхъ, въ видѣ рѣдкихъ явленій, мы не отрицаемъ, отъ души желая того,

чтобы онъ послѣдовали примѣру Лины Моргенштернъ и подѣлились съ большинствомъ своими познаніями, не только научными, но и практическими; найдутся и мужчины, готовые пособить дѣлу лекціями и инымъ содѣйствіемъ. Это дѣло легко осуществимо; оно—маленькое дѣло, а можетъ дать большіе результаты, если разовьется и привьется во многихъ городахъ: выиграетъ благосостояніе семействъ и прекратится травля на нашихъ учащихся и учившихся женщинъ со стороны тѣхъ, которые теперь не безъ основанія упрекаютъ многихъ изъ нихъ въ недостаточной компетентности въ домашнемъ хозяйствѣ и недостаточномъ вниманіи къ нему. У насъ существуютъ высшіе женскіе курсы и пожелаемъ имъ прочности и дальнѣйшаго развитія, такъ какъ они даютъ намъ научно-образованныхъ женщинъ; пожелаемъ успѣха женскимъ педагогическимъ курсамъ и женскимъ учительскимъ семинаріямъ, такъ какъ они готовятъ женщину не только для школы, но и для дѣтской и учебной комнаты въ семьѣ; пожелаемъ же успѣха, рядомъ съ этимъ, и школамъ кухни и домоводства, предназначая эти школы не только для будущихъ кухарокъ, но преимущественно для будущихъ и настоящихъ матерей семействъ.

На всѣ эти пожеланія мы наведены, какъ видѣлъ читатель, біографіею Лины Моргенштернъ, которая, во главѣ многочисленной семьи, одною рукою создаетъ научную «академію» для женщинъ, а другою—научную и практическую кухню; біографіею той передовой женщины, которая на поприщѣ литературы, педагогіи и филантропіи самоотверженно служитъ обществу, но ближайшею своею цѣлью считаетъ все-таки служеніе семьѣ.

Эта біографія, которая навела насъ на мысль о цѣльности и гармоничности воспитанія русской дѣвушки, наводитъ насъ еще и на иныя соображенія. Припомнимъ, какая настойчивость проявляется въ жизни Моргенштернъ: она въ теченіе девяти лѣтъ подъ рядъ редактируетъ газету, въ теченіе шестнадцати лѣтъ завѣдуетъ народными кухнями, въ теченіе пятнадцати лѣтъ сряду стоятъ во главѣ «германскаго женскаго общества»; наконецъ припомнимъ, что уже тридцать четвертый годъ существуетъ въ Бреславлѣ общество для пособія бѣднѣйшимъ изъ учениковъ народныхъ училищъ, пред-

сѣдательство въ которомъ переходитъ отъ одного члена семьи Моргенштернъ къ другому. Такой настойчивости пожелаемъ и нашему обществу, такъ какъ за готовностію начать, даже образцово поставить новое учрежденіе и за дарованіями у насъ дѣла не станеть; если же обстановка Лины Моргенштернъ благопріятіе нашей,—чего мы не отрицаемъ,—то не забудемъ, что улучшение этой обстановки только и мыслимо при настойчивости съ нашей стороны.

Бар. Н. Корфъ.

STANFORD LIBRARIES

ДИПЛОМАТІЯ И ЛЮБОВЬ.

Романъ Іоганна фонъ-Деваля.

XX.

На слѣдующій день Бессингъ былъ нѣсколько удивленъ. Часовъ въ одиннадцать онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ бумаги, которыя ему надо было составлять лично. Въ это время новый лакей его принесъ письмо, говоря, что его подала какая-то дама.

Письмо было отъ Сеппи. Вотъ что она писала:

«Благодарю васъ, милостивый государь, за ваше вчерашнее вниманіе къ такой незначительной особѣ, какъ я. Черезъ нѣсколько дней, я надѣюсь узнать что либо положительное относительно того разговора, случайными слушателями котораго мы были. Кромѣ того, я узнала кое-что для васъ очень важное. Мое глубокое уваженіе къ вамъ заставляетъ меня рѣшиться на весьма смѣлый поступокъ, и потому я прошу васъ быть передъ началомъ спектакля въ паркѣ около статуи Минервы, гдѣ я буду ждать и гдѣ сообщу вамъ то, что вамъ нужно знать. Я надѣюсь, что настоящее мое письмо останется для всѣхъ тайной. Остаюсь глубоко уважающей васъ Жозефиной Кюкопфъ».

— Странно! прошепталъ Бессингъ:—эта дѣвушка, дѣйствительно, точно ухаживаетъ за мною. Это ставитъ меня въ неловкое положеніе? Что мнѣ дѣлать?

Онъ вдругъ остановился въ своихъ размышленіяхъ, замѣтивъ вошедшаго лакея, подававшего ему карточку.

— Этотъ господинъ просить позволенія поговорить съ вами.

— Гофратъ Фоглеръ? Просите, отвѣчалъ Бессингъ, съ недоумѣніемъ глядя на карточку.

Онъ заперъ письмо Сеппи въ ящикъ и закрылъ чистымъ листомъ бумаги то, что писалъ.

— Что это за особенная честь? Можетъ быть, пришелъ выѣдать что нибудь? Тамъ меня начинаютъ считать силой.

Въ комнату вошелъ господинъ небольшого роста, весьма приличный, во фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ орденомъ въ петличкѣ.

— Извините, что я позволилъ себѣ беспокоить васъ въ такой ранній часъ, вѣжливо кланаясь, сказалъ Фоглеръ, прямо глядя на Бессинга.

— Я тоже прошу извинить меня, что безъ церемоніи принимаю васъ у себя въ кабинетѣ, отвѣчалъ Бессингъ.—Прошу покорно садиться.

— Явиться къ вамъ меня заставили многія причины. Позвольте мнѣ быть съ вами откровеннымъ? началъ Фоглеръ.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Я приступаю прямо къ дѣлу, полагая, что вамъ известно мое положеніе при дворѣ, для котораго я, такъ сказать, мою грязное бѣлье. Такое занятіе и гадко, и невыгодно, такъ какъ за него платятъ неблагодарностью.

— Позвольте спросить, почему именно меня вы удостоиваете вашего довѣрія? съ удивленіемъ спросилъ Бессингъ.

— Вы хотите сказать, что васъ это удивляетъ, такъ какъ я интригую вмѣстѣ со всѣми противъ Пруссіи? На это я могу отвѣтить поговоркой: съ волками жить по волчьей выть. Но теперь я нашелъ нужнымъ обратиться къ покровительству Пруссіи. Я надѣюсь, что она спасетъ насъ отъ безурядицы.

— Я смѣю просить васъ выразаться осторожнѣе, благоразумно замѣтилъ Бессингъ.

— Я говорю съ вами откровенно, потому что знаю, съ кѣмъ говорю. Вы, вѣроятно, слышали о памфлетѣ, появившемся въ одной

иллюстрированной газетѣ? Меня посылали развѣдывать, кто былъ авторомъ этой статьи. Но я ничего не узналъ.

— Вѣдь подозрѣніе, важется, падаетъ...

— На принца Александра и одну даму, какъ говорятъ, весьма къ нему близкую.

Бессингъ невольно нахмурилъ брови, что не уврылось отъ зоркаго взгляда Фоггера.

— Я убѣжденъ, поспѣшно сказалъ тотъ:—что это вздоръ. Эта исторія заставила меня явиться къ вамъ и предложить Пруссіи свои услуги. Я буду очень вамъ благодаренъ, если вы примете на себя посредничество. Я близко знаю дѣла нашего герцогства, ближе, чѣмъ кто либо. Я думалъ служить герцогу, а не шайкѣ разбойниковъ и мошенниковъ!

— Убѣдительно прошу васъ выражаться осторожнѣе.

— Извольте, хотя это весьма трудно, когда кровь такъ и кипитъ, а слова такъ и просятся на языкъ.

— Не скрою отъ васъ, что найти вамъ мѣсто въ Пруссіи будетъ не легко, но тѣмъ не менѣе я напишу о васъ, и затѣмъ дамъ отвѣтъ. Затѣмъ я, какъ посланникъ державы, подъ покровительство которой вы отдаете себя, можетъ быть, не имѣю и права отказываться отъ вашихъ услугъ, тѣмъ болѣе, что вы близко знаете отношенія при здѣшнемъ дворѣ, и потому, когда мнѣ нужно будетъ разяснить что либо, то я обращусь къ вамъ.

— Я жажду начать честную, а не позорную службу, и для начала позвольте мнѣ вручить вамъ эту записку; завтра или послѣ завтра я приду за ней.

Съ этими словами будущій прусскій чиновникъ поднялся съ своего мѣста и откланялся.

XXI.

Холодъ былъ жестокій. Снѣгъ валилъ и кололъ лица прохожихъ ледяными иглами. Пѣшеходы шли, закутанные по уши, и поспѣшно переходили площадь, направляясь въ театръ.

Высокая фигура, тоже закутанная по уши, отделилась от толпы и исчезла за рѣшеткой дворцоваго сада.

Бессингъ согласился отправиться на назначенное ему свиданіе по той же причинѣ, по которой принялъ утро мѣ предложеніе гофрата. Санновъ когда-то указалъ ему на гофрата и на Сеппи, какъ на единственныхъ лицъ, которыя дѣйствительно могутъ быть ему полезными, и какъ разъ оба эти лица сами предложили ему свои услуги.

Мысль о Валеріи не покидала Бессинга, но мысль эта была теперь тяжелая и горькая. Онъ ясно сознавалъ, что она не должна была допускать, чтобы про нее дурно говорили. Какое бы ни имѣла на нее вліяніе мать, Валерія должна была понять, что отношенія ея къ мужу другой женщины не могли не возбуждать порицанія, и потому отношенія эти она должна была тотчасъ же прервать. Если же она дѣйствительно рассчитывала на что либо, то ее можно было назвать вполнѣ виновной. Вслѣдствіе подобныхъ мыслей, онъ одно понималъ совершенно ясно, что Валерія никогда не можетъ быть его женою, что она навѣки для него погибла.

Точно также и теперь, идя въ дворцовый садъ на первое свиданіе съ рыжей Сеппи, онъ думалъ о Валеріи. Графъ Зальца не съ такой грустью шелъ бы на это свиданіе, какъ его прусскій коллега.

Войдя въ садъ, онъ увидалъ ѣхавшую въ театрѣ герцогскую карету и быстро повернулъ въ боковую аллею, гдѣ наткнулся на темную фигуру, въ которой, по звуку шпоръ, онъ тотчасъ же узналъ офицера. Около бѣлой мраморной статуи, его ждала уже Сеппи.

— Фрейленъ Жозефина, вы? спросилъ онъ.

— Ради Бога, не называйте по имени! прошептала Сеппи.

Дѣйствительно онъ увидалъ свѣженькое личико дѣвушки.

— Какъ это мило съ вашей стороны, что вы пришли, живо проговорила дѣвушка.

— Прошу васъ, не перетолкуйте въ другую сторону моего прихода, отвѣчалъ Бессингъ, желая удержать Сеппи въ границахъ и сохранить свое достоинство. Но дѣвушка быстро перебила его.

— Господинъ тайный совѣтникъ... какого вы обо мнѣ мнѣнія?

— Пожалуйста, безъ титулованія, съ испугомъ проговорилъ Бессингъ.

Онъ боялся, чтобы его не увидали тутъ на свиданіи съ Сеппи.

— Ахъ, ты Господи! вотъ я и провинилась! со страхомъ прошептала она.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ предложеніе такого рода: вы будете называться Церерой, а я Меркуріемъ. Угодно?

— Хорошо. Такъ Церера и Меркурій. Ухъ, какъ холодно. Хорошо ли вы себя чувствуете послѣ бала, господинъ Меркурій?

— Благодарю васъ. Мнѣ слѣдовало бы ранѣе спросить васъ объ этомъ.

— Не все ли равно. Я боюсь, что вчера я выпила лишнее и наболтала всякаго вздора.

— Ну, этого я не замѣтилъ, милая фрейленъ.

— Я еще должна поблагодарить васъ за то, что вы проводили меня...

— А я за вашу готовность помочь мнѣ увести цыгана.

— Ахъ, того!.. быстро и нѣсколько презрительно проговорила Сеппи.

— Какъ я вижу, онъ у васъ въ немилости; но прошу васъ, не говорите ничего противъ него, потому что я глубоко уважаю его и считаю своимъ другомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, въ такомъ случаѣ это обоудно, быстро проговорила она.

Они, говоря такимъ образомъ, прошли по аллеѣ и подошли къ гроту, въ которомъ лѣтомъ фонтанъ билъ изо рта у льва и падалъ въ раковину. Въ гротѣ можно было укрыться отъ вѣтра; и оба они, точно сговорившись, повернули туда.

— Вы обѣщали мнѣ что-то сообщать, сказалъ Бессингъ, которому положеніе его было не по вкусу.

— Да, но сначала вы должны дать мнѣ обѣщаніе...

— Что я никому не передамъ...

— Ну, это мнѣ рѣшительно все равно, господинъ тайн... господинъ Меркурій, отвѣчала Сеппи, сконфуженно поднявъ выра-

зительные глаза свои на Бессинга;—а я хочу просить васъ вѣрить мнѣ, что все, что я дѣлаю, я дѣлаю только по дружбѣ.

Она съ особеннымъ удареніемъ произнесла послѣднія слова, и какъ-то, точно нечаянно, ея маленькая ручка очутилась у него въ рукѣ и все время лежала тамъ.

— Вы повѣрить не можете, какіе здѣсь дурные люди, пошлотомъ продолжала она, — и чѣмъ они выше по положенію, тѣмъ они хуже... Иногда мнѣ кажется, что вы сюда проданы!.. И впрямь того, вѣдь вы совсѣмъ покинуты, такъ что нуждаетесь въ другѣ—женщинѣ.

— Право, Церера... вы очень добры, очень милы! съ жаромъ проговорилъ Бессингъ, пожимая ея крошечную ручку.

— Всѣ они въ заговорѣ противъ васъ, противъ ненавистнаго пруссака.

— Я ужь слышалъ объ этомъ. Меня хотять запутать въ дурную исторію... но я презираю такія исторіи.

— Вы совершенно правы, и я не объ этомъ хотѣла говорить, а о другомъ... Здѣсь по секрету живетъ графъ Л. изъ Вѣны, еще тише прибавила она.

— Да, политическій агентъ.

— Вы знаете объ этомъ?

— Думаю, что знаю.

— Графа Л. я знала въ Вѣнѣ. Они хотять уговорить герцога... Я знаю это отъ отца, съ которымъ герцогъ очень откровененъ. Говорять, что Менедорфъ и Бисмаркъ непременно хотять подраться.

— Очень можетъ быть... Но милая Церера, не знаете ли вы, какой отвѣтъ получили агентъ?

— Конечно, знаю! Всѣ они пристають къ герцогу, вообще слабохарактерному, но онъ на этотъ разъ не поддается. Графъ Л. уѣхалъ, съ порученіемъ сообщить въ Вѣнѣ, что въ скоромъ времени его высочество самъ будетъ тамъ и привезетъ отвѣтъ.

— Вы это точно знаете? спросилъ Бессингъ.

— Ротвейль сегодня говорилъ это у насъ гофмаршалу фонъ-Гесницу, и увѣрялъ, что вы тутъ приложили руку. Что вы угова-

ривали герцога и ведете заговоръ съ принцемъ Александромъ и фрейленъ Боденштейнъ. Вѣдь послѣднее вадоръ, не правда ли?

— Чистѣйшая выдумка, милая Церера, съ увѣренностью сказалъ Бессингъ.

— Говоря откровенно, это меня радуетъ, отвѣчала Сеппи, пожимая руку, — такъ какъ я терпѣть не могу эту Боденштейнъ; она хороша, только зла, и воротить отъ всѣхъ носъ; я не хотѣла бы, чтобы вы были съ нею знакомы.

— А вы хорошо ее знаете? съ волненіемъ спросилъ Бессингъ.

— Кого же я не знаю; мнѣ волей-неволей приходится всѣхъ знать. Она хороша съ принцемъ.

— Съ его высочествомъ?

— Да... Это тоже хорошій господинъ, нечего сказать! Съ сегодняшняго утра ходятъ такіе слухи, что чудо!

Она тихо засмѣялась, но вдругъ остановилась, увидавъ двѣ фигуры, прямо направлявшіяся къ гроту.

— Тише, тише! прошептала она, прижимаясь къ Бессингу. Бессингу положеніе его показалось до крайности непріятнымъ. Дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Онъ стоялъ, не шевелясь и затаивъ дыханіе, а Сеппи такъ прижалась къ нему, что ему стало жарко отъ ея тѣла.

— Можетъ быть, Бодо, проговорилъ женскій голосъ, при звукѣ котораго Сеппи сжала руку Бессинга; — но все-таки въ настоящую минуту вліяніе его слишкомъ велико; обѣщай мнѣ избѣгать его и не раздражать.

— Какъ хочешь, Елена, хотя мнѣ это непріятно.

— Безъ всякихъ хотя. А я съ своей стороны попрошу принцессу Агнесу, чтобы она поговорила съ Ротвейлемъ; я ей расскажу кое-что...

— Только не рассказывай ей, гдѣ мы съ тобой были, Елена.

— Ни за что на свѣтѣ! Я упрошу ее, чтобы тебѣ поручили осмотръ коридора.

— Но вѣдь Ротвейлю извѣстно, что я знаю всю исторію...

Тутъ голоса стали неслышными.

— Какая неосторожность! съ испугомъ повторилъ Бессингъ, — это продолженіе того разговора, что мы слышали въ маскарадѣ.

— Не проучить ли мнѣ ихъ?.. не спугнуть ли? быстро спросила Сеппи, всегда готовая на шалость.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Но что все это значить, милая Сеппи, для меня это загадка... непонятныя слова!

— Еслибы я вамъ сказала то, что я давно подозрѣвала, и въ чемъ теперь увѣрена, вы бы удивились!... Можетъ быть, когда мы съ вами поворооче познакомимся. Они ведутъ крупную игру! Еслибы Ротвейль зналъ, до какой степени онъ теперь у меня въ рукахъ, лицемѣръ, онъ запѣлъ бы другую пѣсню, даже переѣнился бы къ вамъ, хотя онъ вашъ злѣйшій врагъ.

— Мой? съ удивленіемъ спросилъ Бессингъ.

— Да... вашъ.

— Странно... почти невѣроятно, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я трехъ словъ съ нимъ не сказалъ. Но, милая Церера, я боюсь, не холодно ли вамъ здѣсь. Я провожу васъ до выхода изъ парка. Вѣдь вы идете вѣрно въ театръ?

— Ну, конечно, въ театръ, задумчиво отвѣчала Сеппи. — Да, дѣйствительно намъ лучше идти. Черезъ нѣсколько дней мы снова увидимся, и тогда я расскажу вамъ все подробно, тогда Ротвейль запляшетъ по нашей дудкѣ.

— Какъ же вы это сдѣлаете?

— Это пока моя тайна... извините, господинъ фонъ-Бессингъ.

— Ну, такъ до свиданья, и большое вамъ спасибо, милая Сеппи. Будемте хранить втайнѣ нашъ союзъ.

— Я то ужъ не болтушка, серьезно отвѣчала дѣвушка, прямо глядя ему въ глаза.

Они подошли къ фонарю. Сеппи еще разъ посмотрѣла на Бессинга, и затѣмъ, взявъ его руку въ объ свои, прижала ее къ своей груди и потомъ выпустила.

— Спокойной ночи! проговорила она, быстро убѣгая отъ него. Бессингъ, не трогаясь съ мѣста, смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— И запутался я вдругъ въ интригу, и погрязъ въ нее по самыя уши, прошепталъ онъ, и тихо поплелся домой.

XXII.

Вслѣдствіе сильнаго мороза, продолжавшагося нѣсколько дней, вода на прудахъ замерзла, въ немалой радости любителей катанья на конькахъ. На прудахъ тотчасъ же были поставлены лавки и домики для надѣванія коньковъ, и началось сильное оживленіе.

Нѣсколько въ сторонѣ, у конца дворцоваго сада, находился большой павильонъ, надъ которымъ развѣвались красный и зеленый флаги, въ извѣстные часы дня, причѣмъ прохожіе знали, что въ это время на конькахъ катался дворъ, и публика изъ уваженія не шла въ это время кататься.

На третій или на четвертый день поелъ вечерняго свиданія, Бессингъ шелъ въ сопровожденіи французскаго посланника по дворцовой площади и повернулъ въ дворцовый садъ. Онъ прошелъ неподалеку отъ статуи Минервы и извѣстнаго грота, и такимъ образомъ могъ при дневномъ свѣтѣ осмотрѣть мѣстность.

Въ своемъ послѣднемъ отчетѣ въ Берлинъ, онъ сообщилъ о томъ, что тутъ слышалъ. Оттуда же онъ получилъ порученіе, предложить герцогу постройку желѣзной дороги, для чего и былъ въ это утро въ замкѣ. Конечно, ему не дали никакого положительнаго обѣщанія, въ разговорѣ съ нимъ ничего прямо не было сказано, а все только полусловами, но онъ замѣтилъ одну переиhrу, а именно, что принять онъ былъ совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Не только самъ герцогъ, но и всѣ его приближенные были съ нимъ необыкновенно вѣжливы и предупредительны. Бессингъ очень хорошо понималъ, что вѣжливы съ нимъ только потому, что затѣваютъ что нибудь противъ него.

Во дворцѣ онъ узналъ, что дворъ предполагаетъ кататься въ этотъ день на конькахъ. Въ юности онъ былъ страстнымъ любителемъ катанья на конькахъ, и потому теперь отправился на прудъ, гдѣ для двора было устроено отдѣльное мѣсто.

Появленіе его среди придворныхъ произвело сильное впечатлѣніе. Тутъ, точно такъ же, какъ и во дворцѣ, всѣ были съ нимъ осо-

бенно любезны. Даже герцогиня улыбнулась ему, и графиня показала свои вставные зубы.

Бессингу было невообразимо тяжело от этих любезностей, и он успокоивал себя мыслью, что ему надо привыкнуть ко лжи, как солдату в пороку. Его красивая статная фигура казалась еще красивее, бѣгая и раскатываясь по льду. Онъ очень былъ радъ увидѣть тутъ принцессу Генриетту, искренно ему улыбнувшуюся. Принцесса же Гильда смѣло, при всемъ дворѣ, подала ему руку.

Прелестная супруга принца Александра, въ изящномъ темно-синемъ востюмѣ, отдѣланномъ сѣрымъ мѣхомъ, считалась прежде превосходной конькобѣжницей. Въ послѣдніе же годъ, она не появлялась на каткахъ, вслѣдствіе того, какъ говорили, что мужъ ея находилъ катанье на конькахъ неприличнымъ. Появленіе ея на каткѣ заставило всѣхъ обратить на это вниманіе, тѣмъ болѣе, что всѣ знали о супружескихъ раздорахъ высочайшей четы.

Тутъ же около принцессы каталась Елена фонъ-Рошъ, окруженная толпою поклонниковъ. Принцесса Агнеса каталась нѣсколько поодаль съ капитаномъ фонъ-Ротвейлемъ, а младшая сестра ея, только съ предъидущаго года въ первый разъ начавшая кататься, тихо прокатывалась, поддерживаемая поручикомъ фонъ-Маршалкомъ.

Принцесса Гильда встрѣтила прусскаго посланника съ задумчивой искренностью, доставившей ему большое удовольствіе. Увидавъ теперь устремленные на него темные глаза принцессы и услыжавъ ея голосъ, онъ почувствовалъ, что съ глазъ его спадаетъ завѣса. То, что онъ осмѣливался подозрѣвать, была истинная правда. Лицо его вспыхнуло, такъ какъ кровь отъ сердца хлынула въ голову. По раскраснѣвшемуся лицу принцессы онъ увидалъ, что онъ не ошибся. Другъ вчерашняго маскарада стоялъ теперь передъ нимъ!

Какъ обыкновенно, и тутъ женщина заговорила первая. Она заговорила, лукаво улыбаясь, что въ ней очень шло, и особенно нравилось Бессингу, такъ какъ подъ этой улыбкой скрывалась тайна, извѣстная только имъ двоимъ.

— Какъ я завидую той ловкости, съ какой вы летаете по льду! заговорила она.

— Ваше высочество слишкомъ милостивы, отвѣчалъ Бессингъ, едва скрывая свое волненіе.

— Можетъ быть, вы будете такъ снисходительны и такъ добры, что поможете мнѣ выучиться трудному искусству. Господинъ фонъ-Маршалкъ, я не желаю болѣе утруждать васъ, благодарю васъ, и до свиданья.

Бессингъ низко поклонился, высказывая въ то же время свою благодарность. Офицеръ удалился.

— Прежде всего, ваше высочество, вы не должны держаться за кресло, а иначе вы никогда не выучитесь.

— Вы правы. Впрочемъ, я не совсѣмъ неумѣлая, я только мало практиковалась, возразила принцесса:—надо попробовать, не привыкну ли я, при вашемъ содѣйствіи. Иногда мнѣ кажется, что у меня недостаетъ только рѣшимости.

Онъ взялъ ее сначала подъ руку, а потомъ за обѣ руки и вывелъ изъ толпы.

— Хорошо ли вамъ, ваше высочество? спросилъ Бессингъ, глядя на дѣвушку.

— Превосходно! Вы сами держитесь такъ твердо, что не дадите и мнѣ поскользнуться.

— Я надѣюсь.

Наступило молчаніе, затѣмъ принцесса Гильда подняла голову и спросила:

— Весело ли вамъ было въ маскарадѣ, господинъ фонъ-Бессингъ?

Она смотрѣла на него и немало смущала своимъ взоромъ, въ которомъ онъ видѣлъ какое-то чистое, довѣрчивое добродушіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе ему нравиться. Кровь бросилась ему въ голову, и онъ не тотчасъ могъ отвѣтить ей.

— Я очень веселился, сказалъ онъ наконецъ;—и познакомился тамъ... Онъ замолчалъ, вспомнивъ, какъ близко кажется принцессе Гильде то, что онъ открылъ тамъ. Она преду-

предила его отъ опасности, теперь не слѣдовало ли и ему предупредить ее?

— Я объ этомъ слышала, улыбаясь, быстро сказала она.

— Ваше высочество!

— Помните, что здѣсь, въ Х., ничего скрыть нельзя, господинъ фонъ-Бессингъ.

Лукавый взоръ, сопровождавшій эти слова, привелъ Бессинга въ восторгъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ смутилъ его. Со времени послѣдняго rendez-vous совѣсть у него была нечиста.

— Эге!.. какъ вы покраснѣли!.. Графъ Зальцка рассказывалъ мнѣ, что одно рыжее домино не отходило отъ васъ въ продолженіе цѣлаго вечера...

— И, можетъ быть, онъ тоже рассказывалъ вамъ, что дама съ золотистыми волосами говорила мнѣ замѣчательныя вещи, и потомъ вдругъ исчезла? спросилъ Бессингъ.

— Ледъ былъ проломленъ, и обѣ стороны заинтересовались другъ другомъ, говорилъ мнѣ графъ.

— Заинтересовались... я почувствовалъ благодарность, ваше высочество. Но откуда графъ Зальцка могъ это знать? Я ему вѣдь не говорилъ о домино съ рыжими волосами.

На этотъ разъ принцесса Гильда опустила глаза; она даже чуть было не споткнулась, но Бессингъ удержалъ ее.

— Рыжеволосые коварны, господинъ тайный совѣтникъ, шутиво проговорила она.

— Эти рыжіе волосы были фальшивые, но не выражали коварства; напротивъ, ваше высочество, подъ тѣмъ домино билось дружеское сердце, а изъ подъ маски смотрѣли чудные умные глаза... добрые и благородные глаза.

— О, какой энтузіазмъ! Я никакъ не думала, что вы на него способны, хотя вѣдь пословица говоритъ, что въ тихомъ омутѣ черти водятся.

— Извините, ваше высочество! Я увлекся, это со мною бываетъ очень рѣдко. Предположите, что мною руководить благодарность.

— Благодарность, конечно, вещь хорошая, замѣтила принцесса,

не глядя на него.—Посмотрите-ка туда... тамъ, кажется, Валерія фонъ-Боденштейнъ, эта дама въ сѣромъ платьѣ?

Бессингъ невольно вздрогнулъ.

— Кажется, да... это точно она! отвѣчалъ онъ, взглянувъ на прелестную дѣвушку, граціозно прокатившуюся мимо нихъ.

— Какъ она хорошо и твердо бѣгаетъ.

— Да, это вѣрно, что твердо.

Принцесса Гильда тихонько, украдкой посмотрѣла на своего кавалера и увидала, что онъ какъ-то странно, пристально смотрѣлъ вслѣдъ за убѣгавшей Валеріей. На лицѣ ея явилось недовольное выраженіе и она опустила глаза.

— Мнѣ никогда не научиться такъ бѣгать, сказала она.

— Это отчего?... отчего не научиться? навѣрное научитесь, ваше высочество.

— Вы разсѣяны, господинъ фонъ-Бессингъ, и это вы говорите только для того, чтобы утѣшить меня.

— Извините, ваше высочество... Конечно, въ настоящую минуту я взволнованъ, и, говоря откровенно, мнѣ хотѣлось бы продолжить разговоръ, начатый подъ маской, здѣсь на ваткѣ. Я боюсь, что другаго случая мнѣ не представится... Это была бы особенная милость.

— Вы и удивляете меня, и возбуждаете мое любопытство до таковой степени...

Она точно заколебалась, но затѣмъ рѣшительно проговорила:

— Что я попрошу васъ начать.

— Я рассчитываю на скрытность вашего высочества, и, въ то же время, прошу вѣрить мнѣ, что я только въ силу необходимости, повинуюсь голосу сердца, скорѣе чѣмъ голосу разсудка, хочу сообщить вамъ нѣчто, имѣющее отношеніе къ рассказанному мнѣ тогда рыжей маской.

— Вы говорите серьезно? спросила принцесса Гильда, съ испугомъ глядя на Бессинга.

— Совершенно серьезно, ваше высочество.

— Въ такомъ случаѣ, будьте такъ добры, господинъ фонъ-

Бессингъ, отбѣжимте подальше для того, чтобы намъ не мѣшали. Ну, теперь начинайте.

Бессингъ осторожно передалъ ей весь разговоръ, слышанный имъ въ нишѣ, не упоминая однакоже о бѣлокуромъ домино. Онъ видѣлъ, что слушательница его пришла въ страшное волненіе и смотрѣла на него сначала съ недовѣріемъ, а потомъ съ испугомъ, отъ котораго у нея высоко поднималась грудь.

— Вы все передали мнѣ? А знаете ли вы, кто это говорилъ и о комъ шла рѣчь, господинъ фонъ-Бессингъ? спросила она, когда онъ кончилъ, и при этомъ пристально и тревожно посмотрѣла на него.

— Да, я подозрѣваю, кто говорилъ, и потому именно я рѣшился сообщить вамъ. Извините, если я дѣлаю вамъ непріятность... но я думаю, что это моя обязанность.

— Господи! какая отвратительная мистификація! Бѣдный отецъ мой!... И объ этомъ говорить публично, на балу! прошептала она.— Вѣдь вмѣсто васъ могли это услышать другіе, менѣе расположенные люди!.. Что вы скажете насчетъ этого?

Она вздрогнула и глаза ея точно помутились.

— Теперь я только кое-что подозрѣваю... а черезъ нѣсколько дней буду уже знать навѣрное, сказалъ онъ.

— Господи! да это просто невѣроятно! прошептала въ высшей степени взволнованная и пораженная принцесса... Бѣдная моя глупая сестра!.. Въ какія руки она попала! А эту пажъ? Такаго это не была Бернгардъ? Вы ясно слышали, что они называли другъ друга Бодо и Еленой?

— Нѣсколько разъ самъ слышалъ.

— Благодарю васъ. Кромѣ того, я имѣю къ вамъ большую просьбу, сказала принцесса, помолчавъ немного и сжимая руку Бессинга. Здѣсь васъ недолюбливаютъ... не васъ лично, конечно... Не знаю, извѣстно ли вамъ это?.. Будьте великодушны... вотъ о чемъ хотѣла я просить васъ...

— Я знаю это!.. перебилъ ее Бессингъ. За это я ни на кого не претендую. Но вѣдь не всѣ были несправедливы ко мнѣ.

А вы, ваше высочество, можете распорядиться мною, я весь къ вашимъ услугамъ.

Посланникъ проговорилъ послѣднюю фразу съ такимъ жаромъ, что принцесса вспыхнула и на минуту опустила глаза, а затѣмъ съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Отъ души благодарю васъ, съ волненіемъ проговорила она. Я не знаю почему, но я увѣрена, что съ вами могу быть совершенно откровенной. Случай открылъ вамъ кое-что... интригу... цѣлую пропасть!.. И я хотѣла просить васъ быть великодушнымъ, никому объ этомъ не говорить... и помочь мнѣ...

— Ваше высочество!.. слезы? проговорилъ удивленный Бессингъ.

— Ахъ! еслибы вы знали! уже рыдая, говорила она, и Бессингъ съ трепетомъ и восторгомъ почувствовалъ, что нѣжный станъ дѣвушки наклонился къ нему и оперся на него.

— Ваше высочество... Успокойтесь, я весь къ вашимъ услугамъ! шептала онъ.—Я подумаю, что тутъ можно сдѣлать... и что узнаю, то сообщу вамъ. Позвольте мнѣ только дѣйствовать!.. Дорогая принцесса, не разстраивайтесь!

— Злые!.. а она вѣтряница! продолжала дѣвушка, тщетно стараясь удержать свое волненіе. Бѣдный мой отецъ! и моя бѣдная, увлекающаяся сестра! продолжала принцесса Гильда, не скрывая своего горя передъ человѣкомъ, которому она безсознательно отдала свое сердце.

— Успокойтесь! еще разъ проговорилъ Бессингъ, увлекаая ее съ этого мѣста, такъ какъ подходили посторонніе...

XXIII.

Спустя нѣкоторое время, принцесса Гильда успокоилась. Они съ Бессингомъ слѣва не сказали о томъ, что до глубины души волновало ихъ, но глаза ихъ говорили такъ краснорѣчиво, что ошибиться было трудно: встревоженное лицо дѣвушки выражало въ то же время счастье зарождавшейся новой жизни. А посланникъ созналъ тутъ, во враждебномъ лагерѣ, въ первый

разъ, истинную любовь. Для него тоже взошло солнышко, но оно взошло, окруженное темными тучами. Чѣмъ могла кончиться его любовь? и не смотря однако же на это, онъ точно плавалъ въ безконечномъ морѣ счастья и свѣта. Онъ любилъ и былъ любимъ, и весь міръ сразу для него измѣнился.

По совѣту принцессы, онъ вслѣдъ затѣмъ прокатилъ въ креслѣ, сначала герцогиню, а потомъ графиню Феличиту, и такъ мило болталъ и острилъ съ послѣдней, что развеселилъ и ее, и заставилъ разговариваться. У выскочки оказались хорошія, легкія и вѣрныя ноги, что на каткѣ было очень пріятно, да и разговоръ его былъ занимателенъ. Графиня дважды взглянула на потсдамскаго гвардейца, и нашла, что онъ статенъ и прелестно катаеть кресло. Послѣ графини, Бессингъ подошелъ и къ принцессѣ Агнесѣ, но былъ встрѣченъ съ такимъ холоднымъ высокомеріемъ, что отошелъ съ болью въ душѣ.

Дворъ въ четыре часа удалился.

— Пойдемте и мы. Вы бѣгаете на моньвахъ, какъ гренландецъ. *Parole d'honneur!*.. Ледь—ваша стихія... вы летаете надъ страшнѣйшими пропастями. Графиня Вольфскеленъ совсѣмъ очарована вами!

Такъ говорилъ баронъ Гримменштейнъ тайному совѣтнику, дружески беря его подъ руку.

— Позвольте мнѣ опереться на васъ?

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Бессингъ.

— Графинѣ, должно быть, особенно пріятно, что вы поватали ее, продолжалъ старикъ.

— Это отчего, позвольте спросить?

— А оттого, что во время катанья она можетъ обдумывать, какъ бы получше подставить вамъ ножку.

— Такъ она опять что нибудь замышляетъ?

— Я только подозреваю... Вы отправляетесь теперь домой?... Не дадите ли вы мнѣ выкурить сигару... и не побесѣдуете ли со мной!

— Я ждалъ васъ каждый день. Вы обѣщали пріѣхать ко мнѣ.

— Я нарочно не ѣхалъ, милѣйшій другъ, отвѣчалъ баронъ, кивнувъ головой; потомъ онъ вдругъ остановился и, ткнувъ въ землю тростью, прямо глядя на Бессинга, прибавилъ: — А пока я собиралъ матерьялъ. Какой странный свѣтъ! Пора мнѣ и умирать. Здѣсь я ничего по себѣ не нахожу.

— Это чувствуютъ иногда и другіе. Здѣсь ужь такой воздухъ, баронъ, живо отвѣчалъ Бессингъ; — и все-таки, въ сущности, воздухъ здѣсь хорошій и здоровый.

— И это говорите вы? И говорите еще съ такимъ сіяющимъ лицомъ?... Впрочемъ, вы такъ тверды на ногахъ, и такъ славно бѣгали на конькахъ... Отличное развлеченіе! Къ сожалѣнію, я никогда не испытывалъ его. Въ мое время не доставало главной прелести катанья, а именно дамъ. Тогда это не было въ модѣ.

— Нѣужели вы считаете удовольствіемъ прокатывать графиню Вольфскеленъ?

— Все это шелуха, ядро-то не тутъ. А зато можно побыть и съ другими. Ахъ да, а ргорос, вы не знаете, что принцъ Александръ ѣдетъ въ Италію?

— Въ первый разъ слышу! вскричалъ удивленный Бессингъ.

— Это пока еще глубокая тайна, и потому я попрошу васъ не говорить объ этомъ. Его высочество нездоровъ... у него разстроены нервы. Врачи предписываютъ ему болѣе теплый климатъ.

— Это рѣшено какъ-то неожиданно... А принцесса Генріетта?

— Остается съ дѣтьми, которымъ нельзя ѣхать зимою. Такъ, по крайней мѣрѣ, сказала мнѣ графиня Дингельштетъ.

Бессингъ внимательно взглянулъ на старика и замѣтилъ, что тотъ необыкновенно взволнованъ.

— И въ доказательство своего освобожденія принцесса Генріетта была сегодня на каткѣ?

— Можетъ быть... можетъ быть!

Бессингъ хотѣлъ еще что-то спросить, но остановился, взглянувъ на взволнованное лицо старика.

— Такъ принцъ Александръ ѣдетъ въ Италію, а герцогъ въ Вѣну? сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Какъ?... Такъ вы и это знаете? быстро спросилъ старикъ.—*Parbleu!* Вы имѣете хорошихъ развѣдчиковъ.

— Не я. Въ Берлинѣ знаютъ, что здѣсь дѣлается, лучше меня... посланника. Оттуда я узнаю все, что здѣсь дѣлается, весело отвѣчалъ Бессингъ.

— Вы, кажется, довольно холодно относитесь къ этой поѣздкѣ, милѣйшій другъ, замѣтилъ онъ;—а между тѣмъ она можетъ имѣть такое значеніе, которымъ пренебрегать нельзя. Я не могу разсказывать, но тамъ... на Дунай, приговляютъ скверный напитокъ, который хотятъ приподнести Пруссіи. Держите ухо востро!... смотрите.

— Позвольте. Мнѣ сегодня такъ весело, какъ давно не бывало. Катанье на конькахъ принесло мнѣ пользу и взволновало кровь, возразилъ Бессингъ:—хоть я не могу упрекнуть себя въ вѣтренности.

— Счастливая молодость! прошептала старикъ, покачивая головою.

— Во всякомъ случаѣ, чтобы ни случилось, совершенно серьезно сказала Бессингъ,—Пруссія съумѣетъ защитить свои права.

— Я въ этомъ убѣжденъ... вполне убѣжденъ. Только зачѣмъ же не дѣйствовать одинаковымъ оружіемъ?

XXIV.

Во дворцѣ принца Александра царствовала непріятная, зловѣщая тишина. Не смотря на то, что супругъ преместной принцессы Генриетты жилъ уже нѣсколько дней въ своемъ имѣніи, Шенау, всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ, только дѣти иногда весело бѣгали по корридорамъ.

Принцесса Генриетта вела себя на этотъ разъ какъ-то странно. Вообще она всегда бывала веселѣе безъ мужа, а теперь постоянно молчала и нерѣдко даже плакала. Можно было предполагать, что произошло что-то странное.

И дѣйствительно, въ жизни супруговъ произошло нѣчто необыкновенное. Средство, предлагаемое барономъ фонъ-Гримменштейномъ, было примѣнено и подѣйствовало поразительно успѣшно,

вслѣдствіе чего принцесса Генріетта не только была поражена, но и встревожена.

— Неужели женщинѣ позволительно прибѣгать ко всѣмъ средствамъ, даже къ физической силѣ? спрашивала она сама себя, чувствуя въ то же самое время, что баронъ правъ, что иногда необходимы и такія средства.

Она схватила тяжелый стулъ и быстро подняла его, но потомъ, точно смутившись, опустилась на кресло и горько заплакала. Она знала только одно, что переносить позора болѣе не намѣрена.

Принцъ потребовалъ, чтобы жена его появилась въ маскарадѣ, и нашель, что платье, которое она примѣряла, сшито не по его вкусу.

— Я этого требую! повелительно крикнулъ принцъ, раздраженный молчаніемъ принцессы.

— Если вы этого требуете, то мнѣ остается только повиноваться, презрительно отвѣчала принцесса.

— Какъ вы смѣете такъ со мною говорить!... не выводите меня изъ себя! змѣя! кричалъ принцъ, совершенно забываясь.

Затѣмъ наступило молчаніе, во время котораго стоявшая въ дверяхъ графиня фонъ-Дингельштетъ не смѣла перевести духу. Вдругъ принцъ кинулся на жену съ поднятымъ кулакомъ, но не успѣлъ онъ опустить его, какъ произошло нѣчто странное. Онъ пошатнулся и упалъ на рѣшетку камина, о которую разбилъ себѣ лицо. Графиня Біанка невольно бросилась поднять его, и онъ, трусливо озираясь, вышелъ изъ комнаты.

Въ эту минуту принцесса Генріетта съ ужасомъ поняла, что, кромѣ всего остальнаго, отецъ ея дѣтей трусь,—и безъ чувствъ упала на полъ.

Паденіе тѣла и звонъ упавшихъ щипцовъ заставили одного изъ лакеевъ выглянуть изъ-за драпировки, и такимъ образомъ сдѣлаться свидѣтелемъ страннаго происшествія. Онъ увидалъ, какъ принцъ всталъ и ушелъ, поджавъ хвостъ.

Съ этой минуты принцесса Генріетта совершенно измѣнилась и сдѣлалась еще несчастнѣе, чѣмъ была, а принцъ ухалъ на охо-

гу въ Шенау, и оттуда, не простившись съ женой и дѣтьми, уѣхалъ въ Италію, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья.

Между тѣмъ и при дворѣ, и въ городѣ разнесся слухъ, что принцесса Генріетта въ кровь разбила мужа щипцами. Придворные съ особеннымъ злорадствомъ шептались объ этой пикантной исторіи.

Конечно, гофмаршальша фонъ-Боденштейвъ была болѣе другихъ взволнована извѣстіемъ о скандалѣ, совершившемся во дворцѣ принца Александра. За такимъ скандаломъ, по ея мнѣнію, конечно, долженъ послѣдовать полнѣйшій разрывъ, и принцъ Александръ уѣхалъ, вѣроятно, для того, чтобы начать дѣло о разводѣ. Ее однако тревожило, что принцъ Александръ уѣхалъ, не написавъ ни строки ни ей, ни дочери. Она ходила въ сильномъ безпокойствѣ по своимъ комнатамъ, въ то время, какъ дочь ея была очень рада, избавившись отъ докучливыхъ визитовъ принца.

Въ силу такихъ соображеній, мать нашла нужнымъ вообще не принимать гостей, но вмѣстѣ съ тѣмъ пригласила на чашку чая фонъ-Бессинга, барона фонъ-Гримменштейна и еще кое-кого. Валерія была очень довольна, услышавъ объ этомъ.

XXV.

Бессингу казалось, что весь міръ перемѣнился, точно какою-то волшебствомъ. Имъ овладѣла любовь, и онъ самъ не понималъ, какъ это все случилось. Въ сердцѣ его началась весна, зацвѣли птички, разцвѣли розы. Здѣсь, въ отвратительномъ городѣ, среди ненавидящихъ его людей, онъ нашелъ любящее сердце и сдѣлался счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ прелестныхъ глазахъ принцессы Гильды онъ прочелъ то, что она ощущаетъ къ ненавистному для всѣхъ пруссаку, въ душѣ у него взошло солнышко! Да, это была настоящая, истинная любовь! Валерія ему только нравилась, но онъ никогда такъ не любилъ ее. Гильду же онъ любилъ такъ сильно, что даже страшная пропасть между имъ, прусскимъ посланникомъ,

и ею, дочерью герцогской фамилии, не казалась ему непреходимой.

Съ этого дня онъ бывалъ вездѣ, гдѣ могъ встрѣтить принцессу, и измѣнился такъ, что даже врагамъ своимъ готовъ былъ броситься на шею.

Перемѣна въ дипломатѣ была такъ очевидна, что всѣ знакомые замѣтили ее и высказывали всевозможныя предположенія.

— Другъ нашъ Бессингъ совершенно измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ, замѣтилъ за столомъ графъ Балабрегъ барону.

— Онъ измѣнился по политическимъ причинамъ, вмѣсто барона отвѣчалъ оберштаймейстеръ;—но рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла.

— Онъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ въ маскарадѣ побесѣдовалъ съ бѣлокуримъ домино, отвѣчалъ баронъ.—Графъ Зальцка могъ бы многое поразсказать намъ, жаль что его нѣтъ.

Въ это самое время герцогиня говорила своей дочери:

— Ты ужь черезъ чуръ любезна съ прусскимъ посланникомъ. Напрасно.

— Я нахожу господина фонъ-Бессинга очень пріятнымъ собесѣдникомъ, прямо отвѣчала принцесса Гильда. На конькахъ же онъ катается лучше другихъ, и потому я вовсе не намѣрена справляться, какой онъ національности, а просто хочу повеселиться и выучиться кататься.

— А я все-таки желала бы, чтобы ты выбрала себѣ другаго кавалера. Этотъ Бессингъ можетъ вновь перетолковать твое вниманіе.

— Ну, этого-то я нисколько не боюсь! быстро и рѣшительно отвѣчала принцесса Гильда, гордо взглянувъ на мать. Вы ненавидите его только потому, что онъ пруссакъ, а я этого не понимаю. Въ господинѣ фонъ-Бессингѣ я вижу образованнаго, порядочнаго человека, и мнѣ этого довольно, а политикой заниматься я вовсе не намѣрена.

— Ты слишкомъ молода, чтобы правильно судить обо всемъ, возразила, пожимая плечами, мать.

— Ахъ, мама! даже враги его признають это! въ особенности графъ Зальцка.

— Ахъ, не говори мнѣ о немъ. Боже мой, какъ онъ велъ себя въ масарадѣ!

— Такъ не лучше ли мнѣ придерживаться фонъ-Бессинга?

— Какъ хочешь!.. Вѣдь и онъ не безъ грѣха... Мнѣ рассказывали, что онъ всю ночь проболталъ съ какимъ-то незнакомымъ домино... Можетъ быть, съ Валеріей фонъ-Боденштейнъ, съ этой притворной скромницей. Онъ ушелъ пьянымъ, съ ней и съ цыганомъ, домой... и ушелъ въ четыре часа!

— Ахъ, мама! покраснѣвъ и нахмуривъ лобъ, возразила Гильда: — источники, изъ которыхъ ты это почерпнула, несовѣтъ чисты.

— Это правда, дитя мое, и тебѣ этого знать не слѣдуетъ. Я хотѣла только предостеречь тебя... больше ничего.

Тѣмъ разговоръ и кончился. Черезъ полчаса, не смотря на материнское предостереженіе, молодая дѣвушка снова училась вататься у прусскаго посланника. Она дѣлала замѣчательные успѣхи, и движеніе это, повидимому, приносило ей такую же пользу, какъ и ему, потому что она разцвѣтала, какъ пышная майская роза.

XXVI.

Лакей подалъ Бессингу письмо.

— Скажите пожалуйста, Фридрихъ, обратился къ нему посланникъ;—дорого ли вамъ предлагали за то, чтобы вы шпионили за мною?

— А вамъ развѣ это извѣстно? вспыхнувъ, спросилъ Фридрихъ.—Двухъ ужъ я отдулъ за такое предложеніе, а если явится еще ктонибудь, то я его запру и покажу вамъ; я впрочемъ надѣюсь, что они оставятъ меня въ покоѣ.

— Я ловлю васъ на словѣ, Фридрихъ, отвѣчалъ Бессингъ, не выказывая того, что онъ очень доволенъ.

Бессингъ, взглянувъ на адресъ, съ досадою разорвалъ конвертъ. Онъ началъ читать письмо небрежно, но по мѣрѣ чтенія стано-

вился все внимательнѣе и внимательнѣе, и наконецъ, подойдя къ окну, совершенно углубился.

Письмо это было отъ Сеппи Кюкопфъ и имѣло слѣдующее содержаніе:

«Либезный тайный совѣтникъ!

«Нелегко мнѣ было исполнить обѣщаніе, данное въ маскарадѣ, но наконецъ таки мнѣ удалось узнать все. Я ждала каждый день, что вы придете къ намъ, и надѣялась увидеть васъ на каткѣ, но тщетно, и потому рѣшаюсь писать вамъ. Я узнала отвратительную исторію, которую прежде только подозревала.

«Вы, можетъ быть, уже слышали, что принцесса Агнеса была въ связи съ однимъ господиномъ, который будто бы живетъ теперь въ Вѣнѣ. Эту исторію можетъ вамъ рассказать здѣсь каждый ребенокъ... Хотя я давно знала, что Агнесѣ нравился Ротвейль, но хитрецъ принималъ такой видъ, что провелъ всѣхъ. Не провелъ онъ только одну женщину, отъ которой я все узнала, и пишу вамъ, но съ тѣмъ, чтобы вы, прочтя это письмо, тотчасъ же сожгли его и никому ничего не рассказывали.

«Оказывается, что Агнеса давно уже находится въ близкихъ отношеніяхъ съ Ротвейлемъ, и такъ какъ имъ трудно видѣться наединѣ, то принцесса горитъ страстнымъ желаніемъ устроить гдѣ нибудь свиданіе, гдѣ бы они могли побыть одни. Въ тайну этой интриги посвящена только Елена фонъ-Рошъ, въ комнатѣ которой они устраивали нѣсколько разъ свиданіе. Но Елена фонъ-Рошъ болѣе не позволила имъ видѣться у себя, боясь отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что она знаетъ, что за человекъ Ротвейль, и не довѣряетъ ему. Ротвейлю пришла мысль, что видѣться они могутъ этажемъ выше, гдѣ у Ротвейля находится контора, и гдѣ они, въ случаѣ нужды, могутъ объяснить все появленіемъ сѣрой принцессы. Все это было очень хитро придумано, но на дѣлѣ вышло не такъ, такъ какъ принцесса совершенно растерялась. Когда всѣ въ замкѣ улеглись, оба отправились туда, навѣрхъ, въ ночь подъ новый годъ. Ротвейль былъ у себя въ конторѣ, Агнеса пробралась туда, а Елена стояла внизу на караулѣ, но не одна, а кое съ кѣмъ.

«Но кто-то изъ ординарцевъ, поздно возвратившись домой, затворилъ одну изъ дверей, на что влюбленные не рассчитывали. Когда Агнеса хотѣла отправиться къ себѣ, дверь была заперта, и внизъ можно было пройти только въ ту дверь, у которой стояли солдаты. Какимъ образомъ Ротвейль сыгралъ роль привидѣнія—осталось для меня тайной, но я знаю только, что послѣ выстрѣла принцесса Агнеса убѣжала внизъ, легла въ постель и всю ночь впадала въ безпамятство. Вотъ вся исторія, какъ она есть. Вслѣдствіе этого, на поручика Рейхерта и обрушилась злоба Ротвейля, такъ какъ поручикъ, узнавъ тайну отъ Елены, никакъ не можетъ не болтать».

— Славная исторія! Обманъ и грязь! прошепталъ Бессингъ, дочитавъ до конца. Что если я, пользуясь этимъ письмомъ, отправился бы къ герцогу и рассказалъ ему все?

Кровь бросилась ему въ голову, при мысли о возлюбленной, о Гильдѣ!

— Нѣтъ, мнѣ не вырвать герцога изъ этихъ сѣтей! И имѣю ли я право выдавать ту, которая написала мнѣ все это?

Онъ покраснѣлъ. Какой мотивъ руководилъ ею? думалъ онъ, и одно могъ только отвѣтить: «Любовь!»

Принимая ея любовь, онъ бралъ на себя обязательства, исполнить которыхъ не могъ. Онъ питалъ въ ней ложныя надежды, и невольно ставилъ себя въ ложное положеніе, пользуясь слабостью женщины. Этой исторіи надо положить конецъ. Но какимъ образомъ?

Съ другой стороны, имѣлъ ли онъ право, какъ дипломатъ, не пользоваться всеми представляющимися ему средствами? Мысли его становились все тяжелѣе и тяжелѣе, когда онѣ коснулись дочери герцога. Онъ любилъ принцессу Гильду и былъ любимъ взаимно. Не слѣдовало ли ему во-время отказаться отъ нея? удалиться, прежде чѣмъ роковое признаніе слетѣло съ ея устъ?

Тяжелыя мысли его были прерваны Фридрихомъ, подавшимъ ему приглашеніе гофмаршалъши фонъ-Боденштейнъ на чашку чая.

Когда Фридрихъ вышелъ, Бессингъ не могъ болѣе оставаться въ комнатѣ: онъ взялъ шляпу, надѣлъ пальто и отправился на катокъ, въ то отдѣленіе, гдѣ каталась обыкновенно Сеппи. Дѣвушка точно предчувствовала, что Бессингъ подойдетъ къ ней, и одѣлась съ особенной тщательностью.

Увидавъ Бессинга, Сеппи тотчасъ же побѣжала къ нему на встрѣчу и, улыбаясь, поклонилась ему. Бессингъ подалъ ей руку, и они понеслись въ такое мѣсто, гдѣ могли безпрепятственно разговаривать.

Для города X. это было, конечно, событіе: прусскій посланникъ катался на льду съ дочерью парикмахера!

— Я вамъ очень благодаренъ за ваше письмо, фрейленъ Жозефина, тихо сказала Бессингъ.—Я получилъ его, и не знаю, чѣмъ выразить вамъ благодарность.

— Вы теперь выразили ее вполне и болѣе благодарности я и ожидать не могла, покраснѣвъ и опустивъ глаза, отвѣчала Сеппи.

— Тайну, что вы сообщили мнѣ, вы должны глубоко хранить, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, вы можете сильно пострадать. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ ваше письмо, я только объ одномъ и думаю, сказалъ Бессингъ.

У Сеппи забилось сердце, и она, съ трепетнымъ ожиданіемъ, вопросительно взглянула на него.

— Я думаю, что если вы кому нибудь расскажете о томъ, что знаете, то примете на себя тяжелую отвѣтственность.

— Да, да, проговорила обманутая въ ожиданіяхъ дѣвушка.

Сеппи дѣйствительно ждала отъ него кое-чего побольше правоченія.

— Герцогъ поступитъ очень строго, если узнаетъ объ этомъ, и вы можете навлечь на себя массу неприятностей.

— Да, да, опять проговорила дѣвушка.—Но вѣдь все это я сдѣлала только для васъ. Я хотѣла опять назначить вамъ свиданіе, но боялась, что насъ могутъ замѣтить, и вамъ будетъ неприятно.

— Вы совершенно правы, фрейленъ Жозефина. Благодарю

васъ отъ души. Благодарю васъ болѣе за довѣріе, выказанное мнѣ, чѣмъ за самое извѣстіе... А теперь позвольте мнѣ проститься съ вами, такъ какъ, право, я боюсь своимъ присутствіемъ скомпрометировать васъ. Взгляните, какъ на насъ смотрятъ.

— Ахъ! что за важность! въ смущеніи возразила Жозефина, но сконфузилась еще болѣе, такъ какъ поняла, что подъ этимъ предлогомъ Бессингъ просто хотѣлъ отдѣлаться отъ нея.

Она пылала, а онъ былъ холоденъ, какъ ледъ, и замѣтилъ огорченіе влюбленной въ него дѣвушки.

Проводивъ Сеппи до того мѣста, гдѣ онъ встрѣтился съ нею, онъ вѣжливо поклонился, сказавъ:

— До свиданья, на дняхъ я буду у васъ.

— Полюбезничала съ пруссакомъ, рыжая змѣя! въ ярости прошептала ей Ротвейль.

— Поганая лисица... оставьте меня! сердито крикнула ему въ отвѣтъ Сеппи. Она быстро побѣжала за кусты, боясь, что кто нибудь увидитъ ея слезы, сняла тамъ коньки и пошла домой.

XXVII.

Влюбленный человѣкъ становится эгоистомъ; черезъ какія нибудь двѣ минуты Бессингъ уже забылъ о рыжей Сеппи, такъ сильно имъ огорченной, и сталъ думать о принцессѣ Гильдѣ... Дворъ еще не являлся, и Бессингъ на свободѣ такъ и леталъ по льду, точно движеніями тѣла хотѣлъ отдѣлаться отъ душевныхъ тревогъ.

Забѣжавъ далеко въ кусты, онъ вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ принцессой Генриеттой.

— А это вы, господинъ фонъ-Бессингъ, очень рада васъ видѣть. Вы такъ задумались? я надѣюсь, что мысли у васъ не мрачныя, проговорила она.—Человѣкъ въ вашемъ независимомъ положеніи не можетъ быть несчастливъ.

— Но если человѣкъ находится въ разладѣ съ самимъ собою,

то врядъ ли онъ можетъ быть счастливъ, ваше высочество, отвѣчалъ Бессингъ.

— Въ разладѣ? Знаете, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ женщина можетъ дать необыкновенно хорошій совѣтъ, а мнѣ вы вполне можете довѣриться.

Бессингъ сильно покраснѣлъ; онъ зналъ, что этой женщиной онъ могъ совершенно довѣриться.

— Въ послѣдніе дни, ваше высочество... началъ онъ,—я узналъ многое...

— Я угадываю, вы узнали въ маскарадѣ? лукаво улыбнувшись, спросила принцесса.

— Вашему высочеству извѣстно? въ смущеніи спросилъ Бессингъ.

— Да, я знаю, что вы одержали побѣду надъ бѣлокурымъ и надъ рыжимъ домино...

— Значитъ, на этомъ свѣтѣ скрыть ничего нельзя.

— Здѣсь въ Х.? ничего! Будьте въ этомъ совершенно увѣрены.

— Меня въ маскарадѣ предостерегали.

— Кто?

— Домино съ рыжими волосами.

— Вы знаете, кто это?

— Могу сказать вамъ по секрету: дама высокаго положенія.

— И она васъ не спрашивала о другой дамѣ? Вы видите, какъ я вамъ помогаю.

— Ваше высочество! право я начинаю думать, что здѣсь въ Х. у стѣнъ есть уши; я теперь ничего не понимаю, съ нѣкоторыми испугомъ проговорилъ Бессингъ.

— Съ вами говорили о ночи подъ новый годъ и спрашивали, сильно ли вы интересовались когда-то одной дамой.

Бессингъ вспыхнулъ, какъ школьникъ.

— И что же вы отвѣчали?

— Правду, ваше высочество.

— Эта правда и меня интересуетъ, въ нѣкоторомъ родѣ.

Она пристально посмотрѣла на него.

— Ваше высочество такъ много знаете, что знаете, вѣроятно, и остальное.

— Такъ, значить, любовь эта умерла? Да развѣ любовь умереть можетъ?

— Истинная любовь никогда не умираетъ! съ жаромъ вскричалъ Бессингъ.

— Господинъ тайный совѣтникъ! вы пылаете такъ, что измѣняете себѣ!.. Обратите на это вниманіе... Ну, а что же вы тамъ еще узнали?

— Услыхалъ два разговора.

— Между кѣмъ?

— Между капитаномъ фонъ-Ротвейлемъ и поручикомъ фонъ-Рейхертомъ, а затѣмъ между этимъ же поручикомъ и пажемъ.

Принцесса вдругъ остановилась и вопросительно посмотрѣла на него.

— Ну, что же дальше? сказала она.

— Я не знаю, что могу вамъ рассказывать и чего не могу.

— Мнѣ вы можете рассказать все, потому что я умѣю молчать и расположена къ вамъ.

— Ваше высочество очень милостивы! Въ такомъ случаѣ я расскажу.

.....

— Вы показали мнѣ какую - то отвратительную пропасть, въ волненіи проговорила принцесса, дослушавъ Бессинга до конца. Господи! между какими людьми приходится здѣсь жить! Умоляю васъ, не рассказывайте ооъ этомъ никому.

— Ну, конечно. Но, ваше высочество, я не одинъ узналъ это.

— А кто же еще былъ? Домино съ бѣлокүрыми волосами?

— Все, что касается меня одного, я могу говорить, но не могу выдавать чужихъ тайнъ.

— Я настаивать болѣе не буду и теперь подумаю, что слѣдуетъ тутъ дѣлать. Рыжее домино предупреждало васъ съ добрымъ намѣреніемъ, потому что противъ васъ дѣйствительно затѣвалась отвратительная интрига. Эта комедія съ привидѣніемъ требуетъ строгаго наказанія.

— Въ сожалѣнiю, въ ней замѣшано лицо...

— И этотъ негодяй знаетъ это, и этимъ прикрывается. Но я надѣюсь, что наступитъ наконецъ время, когда его прогонять.

— Нельзя ли во время предупредить ея высочество, принцессу Агнесу?

— Со старой дѣвой трудно что нибудь сдѣлать... Тутъ можно дѣйствовать только страхомъ. Я вотъ подумаю, какимъ образомъ можно будетъ удалить интригана Ротвейля. Онъ въ милости у герцога, а герцогъ очень постояненъ въ своихъ привязанностяхъ.

— Да, я объ этомъ слышала.

— Такъ это единственная причина вашего разлада съ самимъ собою? послѣ нѣкотораго молчанiя спросила принцесса.

— Нѣтъ, не единственная, отвѣчалъ Бессингъ.

— Другую причину я угадываю, съ участiемъ и серьезно сказала она.

Бессингъ не рѣшался говорить; онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Принцесса, видя его смущенiе, поняла, что она права.

Она была очень наблюдательна и, катаясь на конькахъ, не разъ видѣла разговаривающими Бессинга и принцессу Гильду.

— Я очень была бы рада тому, что подозрѣваю, господинъ фонъ-Бессингъ, продолжала она, дѣлая большiе шаги; — еслибы было болѣе надежды на осуществленiе вашихъ желанiй...

— Ваше высочество! прошепталъ Бессингъ, смущенный и испуганный тѣмъ, что многiе, можетъ быть, замѣтили его любовь.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ, я отказалась бы отъ этихъ плановъ, какъ отъ совершенно безнадежныхъ, хотя этимъ вы сдѣлаете несчастнымъ еще одно существо.

— Никогда! перебивая ее, вскричалъ Бессингъ. — Это такъ же немисливо, какъ остановить приближенiе весны, заставить солнце потухнуть! Я буду стремиться до послѣдняго вздоха, какъ бы борьба ни была тяжела! Отъ этого рѣшенiя я откажусь только въ такомъ случаѣ... если мнѣ это прикажетъ она сама!

Такимъ образомъ, онъ вдругъ невольно высказался принцессѣ Генриеттѣ.

— Я дала вамъ такой совѣтъ только для того, чтобы узнать,

что съ вами дѣлается. Теперь я все знаю, и во мнѣ вы приобрѣли друга и защитницу. Мы объ этомъ поговоримъ еще подробнѣе, потомъ! кивнувъ головой, сказала она.

— Ваше высочество! восторженно вскричалъ Бессингъ.

— Прежде всего, осторожность и самообладаніе; вы знаете, на какой почвѣ вы здѣсь стоите? Но все это измѣнится... конечно, къ лучшему! Вотъ идетъ дворъ, катимте туда. А тамъ я увижу графиню Дингельштетъ и своихъ камергеровъ.

Черезъ четверть часа, Бессингъ уже катался съ принцессой Гильдой. Ему было такъ тяжело, что любящая дѣвушка не могла не замѣтить его подавленности, и только изъ дѣвичьей стыдливости не спросила его объ этомъ.

XXVIII.

Въ знакомой намъ гостиной Валеріи фонъ-Боденштейнъ стояли мать и дочь, и убрали столъ для чая. Свѣчи и лампы ярко освѣщали изящно сервированный столъ.

Не смотря на яркое освѣщеніе, углы большой комнаты оставались въ полумракѣ, и въ нихъ видѣлись особенно удавленная копія венеціанки Савольдо и арфа Эрара.

Все въ комнатѣ было убрано съ восторженнымъ расчетомъ; точно съ такимъ же расчетомъ были одѣты и мать, и дочь. Валерія въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ розою въ волосахъ, была такъ хороша, что мать не могла скрыть своего восторга, и подумала, что для такой головки корона вовсе не лишнее украшеніе.

Слуга доложилъ о прибытіи барона фонъ-Гримменштейнъ, который едва успѣлъ опуститься на стулъ, какъ вошли графъ Балабрегъ и Бессингъ. Бессингъ былъ нѣсколько мраченъ и разсѣянъ, что тотчасъ же замѣтили мать и дочь.

По лицу Валеріи пробѣжала тѣнь, но уста ея тотчасъ же улыбнулись и она радостно привѣтствовала нѣкогда отвергнутаго влюбленнаго.

— Я отъ души рада, что вы приняли наше приглашеніе, про-

говорила она, протянувъ ему свою маленькую ручку: — очень рада, господинъ фонъ-Бессингъ... извините, господинъ тайный совѣтникъ.

— Пожалуйста!... называйте меня просто по фамилиі, отвѣчалъ Бессингъ, не поднося однако руки ея къ губамъ.

— Ну, такъ хорошо, значить по старому, весело сказала Валерія; — по правдѣ говоря, такой длинный титулъ вовсе не къ лицу такому молодому человѣку... Такой титулъ просто пугаетъ!

— Титулъ и остается титуломъ! Никто совѣта моего не спрашиваетъ, въ особенности же тайнаго; скорѣе мнѣ самому зачастую бываетъ нуженъ совѣтъ, шутя, проговорилъ Бессингъ.

— Ну, ну, пожалуйста! Мы тоже кое-что слышали о вашихъ подвигахъ въ маскарадѣ.

— Отчего вы на немъ не были? живо спросилъ Бессингъ.

— Почему вы знаете, что я не была?

— Значить, вы видѣли и слышали все сами?

— Все... все... господинъ ловеласъ!

— И я тоже былъ свидѣтелемъ всего, шутя, замѣтилъ графъ Балабрегъ. — Господинъ фонъ-Бессингъ и графъ фонъ-Зальцка пользовались наибольшимъ вниманіемъ дамъ, и вниманіе это не прекращается и на каткѣ, виѣшался баронъ Гримменштейнъ.

— А на каткѣ, сказала Валерія, — тайный совѣтникъ ни разу не удостоилъ вниманія такую незначительную дѣвушку, какъ я.

— Такой недостатокъ вкуса заслуживаетъ примѣрнаго наказанія, замѣтилъ графъ.

— Господинъ фонъ-Бессингъ былъ занятъ исполненіемъ своего долга, и потому я беру его подъ свою защиту, шутя, сказалъ баронъ.

Бессингъ между тѣмъ, сидѣлъ съ чашкою въ рукахъ подлѣ Валеріи и чувствовалъ нѣкоторую неловкость. Онъ слышалъ, какъ надъ нимъ подтрунивали, и предпочиталъ молчать. Взоры его упорно обращались на ряды освѣщенныхъ оконъ замка. Сидя рядомъ съ дѣвушкой, которую онъ когда-то любилъ и красота которой снова недавно произвела на него глубокое впечатлѣніе, онъ рисовалъ себѣ прелестный образъ Гильды съ чудными любящими глазами, и не могъ не удивиться, какъ онъ не видѣлъ, что въ этой

блѣзурой Валеріи все неестественно: улыбка, рѣчи, взоры; даже туалетъ разсчитанъ на эффектъ. Какъ могъ онъ до такой степени заблуждаться, какъ могъ любить ее?

Всѣ мы испытываемъ то же самое, когда одна звѣзда потухаетъ и всходитъ новое солнышко.

Въ концѣ концовъ, Бессингу однакоже удалось преодолѣть свое мрачное настроеніе и онъ началъ шутить вмѣстѣ съ другими. Онъ даже высказалъ Валеріи нѣсколько комплементовъ насчетъ ея пѣнія и ея картины. Но Валерія все-таки очень хорошо поняла, что пламя любви Бессинга погасло и что ничѣмъ его болѣе не зажечь... что Бессингъ для нея потерянъ.

Бессингъ вздохнулъ свободнѣе, выйдя на улицу, а Валерія сидѣла въ глубокой задумчивости у потухавшаго камина.

Погребая свои надежды, она вдругъ состарѣлась точно на десять лѣтъ.

— Что же ты нейдешь спать? спросила ее встревоженная мать.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала она, не трогаясь съ мѣста.

Въ комнатѣ было совершенно тихо, и слышалось только постукиванье маятника. Вдругъ пробило два часа; Валерія вздрогнула, точно очнулась, тяжело вздохнула и пошла спать.

XIX.

Бессингъ, придя отъ Валеріи, тоже долго не могъ заснуть. Ему жаль было дѣвушки, очевидно, дѣйствовавшей подъ вліяніемъ матери.

Утромъ же онъ сѣлъ за работу и прочитавъ полученный имъ циркуляръ графа Бисмарка, ясно понялъ, что борьба за первенство между Пруссіей и Австріей неизбежно должна кончиться войною.

Въ это время слуга доложилъ о приходѣ графа Зальцка.

— Ну, какъ поохотились? спросилъ графа Бессингъ.

— Поохотился?.. Чортъ возьми! да вѣдь я прямо изъ Вѣны. Чортъ бы побралъ эту игру въ прятки! вскричалъ графъ, крѣпко

сжимая руку Бессинга. — Знаете ли, милѣйшій мой коллега и другъ, что я охотно бы сдѣлалъ? Я отправилъ бы къ чорту всю эту дипломатію и уѣхалъ бы жить къ себѣ въ имѣніе. Въ настоящее время политика — неприятое занятіе для честнаго человѣка... слишкомъ ужъ много грязнаго бѣлья. Во всякомъ случаѣ, отношенія Австріи съ Пруссіей натянуты.

Натянутость этихъ отношеній чувствовалась и при дворѣ, гдѣ всѣ находились въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Злая тройка выходила изъ себя, потому что герцогъ, по какой-то странной случайности, не поддавался, и все не давалъ отвѣта въ Вѣну. Всѣ трое съ досадою спрашивали себя, подъ чьимъ вліяніемъ герцогъ могъ поступать такъ? У графини Вольфскеленъ происходили тайныя совѣщанія, на которыхъ возникалъ вопросъ: не доставили ли враги ихъ герцогу какую нибудь изъ газетъ, которую они не пропускали во дворецъ и не позволяли ему читать? Дѣло дошло до того, что они стали обвинять другъ друга въ недостаткѣ ревности и бдительности.

Изъ Вѣны получались письма, въ которыхъ имъ съ насмѣшкой говорилось, что въ пустякахъ они сильны, а въ серьезномъ вопросѣ пасуютъ. Все это было очень горько, тѣмъ болѣе, что графъ Зальца былъ секретно вызванъ въ Вѣну, въ чемъ выразилось открытое недоверіе.

Графъ возвратился далеко не въ дружелюбномъ настроеніи и почти никого не принималъ, такъ что можно было подумать, что онъ дѣйствуетъ въ силу данныхъ ему инструкцій.

Миниатюрные тираны собрались къ графинѣ и до такой степени переругались, что графиня, рыдая, приѣхала къ герцогинѣ и жаловалась ей на грубаго генерала, котораго та обѣщала поборанить.

Въ этотъ день дворъ явился кататься на конькахъ далеко не въ веселомъ расположеніи духа. Графиня, увидавъ ненавистнаго пруссака катающимся съ Гильдой, тотчасъ же ядовито замѣтила объ этомъ герцогинѣ.

— Ахъ, милая! что за важность; не тревожьтесь понапрасну,

отвѣчала герцогиня:—онъ отлично катается на конькахъ и Гильда дѣлаетъ замѣтные успѣхи.

— Ну, конечно, нагло захохотавъ, отвѣчала графиня;—она скоро догонитъ свою старшую сестру, если будетъ продолжать.

Герцогиня не обратила вниманія на двусмысленность этой похвалы. Она, помня свои юношескія увлеченія, сквозь пальцы смотрѣла на то, что дѣлали дочери.

— Я нахожу, что это движеніе благотѣльно дѣйствуетъ на здоровье Гильды и поэтому не хочу мѣшать ей, отвѣчала она, глядя на катающихся.

На зло ядовитой Фелициты, любовь торжествовала и сгладила неравенство происхожденія между Бессингомъ и дочерью герцога. Они оба горѣли любовью и, держась за руки, катались по льду. Гильда была дѣвушка съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ энергіей своей матери. Любовь свою къ Бессингу она вполне сознала только тогда, когда почувствовала жгучую ревность, услышавъ, что Бессингъ находится въ короткихъ отношеніяхъ къ 'бѣлокурой красавицѣ Валеріи фонъ-Боденштейнъ и что подъ новый годъ онъ видѣлся съ нею въ замкѣ. Затѣмъ она снова почувствовала уколы ревности, когда ей сказали, что, кромѣ того, онъ ухаживалъ за рыжей Сеппи.

Тутъ же, катаясь на льду, она убѣдилась, что Бессингъ ее любитъ и боялась только выдать себя передъ другими. О будущемъ она не думала, да и думать не хотѣла.

Катались они на другой день послѣ разговора Бессинга съ принцессой Генриеттой, и точно невольно забѣжали въ кусты, гдѣ совершенно скрылись отъ всѣхъ взоровъ. Гильда въ этотъ день была въ мрачномъ расположеніи духа, потому что утромъ узнала, что наканунѣ вечеромъ Бессингъ пилъ чай у Валеріи. Услышавъ это, она поблѣднѣла, и у нея тотчасъ же мелькнула мысль: «а, можетъ быть, онъ еще любитъ Валерію!» Она горько плакала и, отъ нетерпѣнія, едва дождалась обычнаго времени катанья на конькахъ.

Забѣжавъ въ такое мѣсто, гдѣ ихъ никто не видѣлъ, она слегка повернула голову и посмотрѣла на Бессинга.

— Весело ли вамъ было вчера? почти неслышно спросила она, и тотчасъ же почувствовала досаду, что сдѣлала такой вопросъ.

Бессингъ взглянулъ на нее своими умными глазами, сначала съ удивленіемъ, а затѣмъ добродушно и серьезно.

— Вчера, ваше высочество? спросилъ онъ.

Лицо принцессы покрылось яркой краской.

— Вчера вечеромъ, почти со слезами отвѣчала она.

На этотъ разъ покраснѣлъ Бессингъ, и еслибы его спросили почему онъ покраснѣлъ, то онъ никакъ бы не сумѣлъ отвѣтить на это.

— Вашему высочеству извѣстно?.. Я былъ въ небольшомъ обществѣ у гофмаршалши фонъ-Боденштейнъ, немного помолчавъ, отвѣчалъ онъ.

Съвозъ лайковую перчатку онъ почувствовалъ, что рука принцессы изъ холодной вдругъ сдѣлалась горячей, какъ огонь. Онъ взглянулъ на нее. Ея вѣки были опущены, но волненіе было такъ очевидно и она была такъ смущена, что кровь въ немъ точно застыла и онъ измѣнился въ лицѣ.

— Ваше высочество! дрожащими губами прошептала она. Онъ видѣлъ, какъ она тяжело дышала, какъ голова ея, точно подломленный цвѣтокъ, опустилась на грудь, и вся она наклонилась къ нему и подняла на него глаза... На него былъ обращенъ взоръ, полный любви, нѣжности и боязливаго вопроса... она не говорила ни слова, но губы ея дрожали, и Бессингъ почувствовалъ, что передъ нимъ открывается небо, и сердце его затрепетало отъ восторга... Онъ не вскрикнулъ, а скорѣе простоналъ, и сильныя руки его схватили трепещущую дѣвушку, а уста слились съ ея устами въ первомъ долгомъ, блаженномъ поцѣлуѣ.

На ихъ счастье, кусты были густы и никто изъ придворныхъ не видѣлъ, что здѣсь происходило.

Влюбленные, услышавъ приближеніе катающихся, выбѣжали на открытое мѣсто. Союзъ былъ заключенъ, и сердца ихъ соединены. Поговорить однакоже имъ не удалось, потому что хитрая графиня, увидавъ, что они забѣжали въ кусты, тотчасъ же послала за Гильдой нѣсколько кавалеровъ. Влюбленнымъ нелегко было не вы-

казать досады непрошенымъ нарушителямъ ихъ уединенія. Гильда была тотчасъ же приглашена на кадрили, такъ какъ въ этотъ день катокъ предполагалось освѣтить бенгальскими огнями и явилась полковая музыка.

Принцесса Агнеса очень любила катанье на конькахъ, но тѣмъ не менѣе на каткѣ ея не было. Въ послѣдніе дни она была очень блѣдна и жаловалась на нездоровье.

Но зато капитанъ фонъ-Ротвейль безпрестанно вертѣлся на глазахъ, катая въ креслѣ герцогиню и придворныхъ дамъ, много говорилъ съ графиней и генераломъ Зандревскимъ, и затѣмъ, полагая, что онъ достаточно показалъ себя, исчезъ. На вопросъ же герцога, гдѣ плацмайоръ, графиня отвѣчала, что, вѣроятно, въ другомъ концѣ пруда: такъ какъ онъ ухаживаетъ за рыжей Сеппи, то, конечно, туда и отправился.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ Бессингъ и Гильда вышли, туда быстро вбѣжала еще парочка. Не успѣвъ еще скрыться отъ публики, Елена фонъ-Рошъ и поручикъ фонъ-Рейхертъ бросились другъ другу въ объятія. Хорошенькая дѣвушка и красивый офицеръ вознаграждали себя за долгое воздержаніе и долго стояли, нѣжно обнявшись. Сегодня они прощались надолго, такъ какъ герцогъ бралъ поручика съ собой въ Вѣну.

— Ахъ, Бодо, какъ мнѣ будетъ скучно безъ тебя, говорила Елена, прижимая къ груди своей руку милаго.

Елена очень любила поручика, который съ своей стороны тоже очень любилъ ее, но оба они были бѣдны и потому пока еще жениться не могли.

— Мнѣ очень хочется ѣхать, но все-таки безъ тебя мнѣ тоже будетъ скучно! отвѣчалъ Рейхертъ, нѣжно глядя ей въ глаза.

— А долго ли вы пробудете?

— Недѣли четыре.

— Выйдемъ отсюда и покажемся.

— Ну, полно, милочка! кто обращаетъ на насъ вниманіе?

— Нѣтъ, нѣтъ, выйдемъ, — противный Ротвейль, увидавъ насъ, скорчилъ какую-то гримасу.

— Ну, смотри, чтобы я ему не заткнулъ ротъ! Я много кое-

чего узналъ про него. Еслибы это знали офицеры или герцогъ!.. Представь себѣ, онъ беретъ деньги за то, чтобы похлопотать у герцога о тѣхъ, съ кого онъ беретъ.

— Не можетъ быть!.. вскричала Елена.

— Не можетъ быть?.. Онъ беретъ даже виномъ и припасами. Да иначе, на что же можно жить такъ, какъ живетъ онъ? Вѣдь въ банкѣ у него лежитъ цѣлое состояніе.

— Ахъ, Бодо, оставь, пожалуйста, что тебѣ до него за дѣло! Будь отъ него подальше, это самое главное, со страхомъ говорила Елена, глядя его рукою по лицу. — Сдѣлай это для меня. Вѣдь ты его очень мало знаешь... Я рада, что развязалась съ ними. Послѣ происшествія подъ новый годъ, я заявила ея высочеству, чтобы на меня она болѣе не рассчитывала... Мало того, что я боюсь навлечь на себя неприятности, но я считаю просто грѣхомъ давать ей возможность видѣться съ этимъ чудовищемъ... Я увѣрена, что сегодняшнее ея нездоровье ничто иное, какъ предлогъ... Вотъ уже нѣсколько дней, какъ отъ ревности она бѣгаетъ, какъ львица въ клеткѣ... Сегодня у нихъ, навѣрно, гдѣ нибудь свиданіе.

— Да вѣдь Ротвейль здѣсь.

— Это ничего не значитъ, онъ исчезнетъ, когда понадобится.

— Я радъ, что ты раздѣлалась съ ними; если когда нибудь откроется, такъ насъ бы запутали, и тогда прощай наша женитьба.

— Кто-то бѣжитъ, проговорила Елена, быстро скользя по льду. Это бѣжала Валерія. Богъ знаетъ, зачѣмъ она туда явилась одна, но она остановилась, осмотрѣлась кругомъ и отправилась обратно. Густой вуаль закрывалъ ея лицо.

Съ этой же самой стороны, въ кусты прикатила третья парочка, а именно рыжая Сеппи и графъ Зальцка. Хорошенькая дѣвушка ловко убѣгала отъ графа, старавшагося догнать ее.

— Сеппи... голубушка... волшебница... милочка: не огорчай же меня! кричалъ ей вслѣдъ Зальцка, смѣясь, но и вмѣстѣ съ тѣмъ досадуя... Вотъ, погоди! дай мнѣ только поймать тебя!

То, что не удалось ему—удалось другому. При наступившихъ уже сумеркахъ, въ кусты пробралась хищная птица и вцѣпилась въ голубку.

— Отлично! крикнулъ графъ Зальцка:—держите ее вѣрнѣе!

Но желаніе его исполнено не было; плацмайоръ вдругъ ее выпустилъ и схватился за лицо. Онъ произнесъ какое-то ругательство, потому что Сеппи отвѣсила ему поновѣсную пощечину, и въ одинъ моментъ скрылась.

Потирая щеку, удалился храбрый воинъ въ другую сторону, а Зальцка направился въ тому мѣсту, гдѣ находился дворъ.

(Продолженіе будетъ).

STANFORD LIBRARIES

ИЗЪ ДОДЕ.

(Les amoureuses.)

Я спалъ,—и вдругъ, съвозъ сонъ, услышалъ я,
Что, въ моему принявши изголовью,
Мнѣ кто-то шепчетъ съ нѣжною любовью
Признаніе... «О, милая моя!
Воскликнулъ я:—ты снова воротилась,
Прощеніе, забвеніе—всему!
Въ разлукѣ ты за годы истомилась,
Все поняла—и въ другу твоему
Ты вновь пришла, отъ суетнаго шума
Уставъ душой;—привѣтствую тебя!»
— Нѣтъ, я не та, мнѣ прозвучалъ угрюмо
Отвѣтъ во тьмѣ:—Я—смерть твоя!
«О, если такъ! О, если путь унылый
Назначенъ мнѣ, уставшему въ борьбѣ,—
Измученный, и позабытый милой—
Желанная,—я радъ тебѣ!
Идемъ!»

Но смерть мгновенно отшатнулась,
И молвила язвительно она:
—Живи, живи! Я—вижу—обманулась;
Твоя мнѣ жизнь покуда не нужна.
Живи, страдай! Когда-же улыбнется
Жизнь для тебя, гонимаго судьбой,
И сердце вновь отъ ласки вострепетаетъ,
Любовію и счастьемъ забьется
Тогда—приду я за тобой!

А. В. Кругловъ.

НА КЛАДБИЩѢ.

(Памяти П. Т. П—скаго.)

Средь сорныхъ травъ, бурьяна и крапивы,
Съ трудомъ нашелъ я узкую плиту;—
Здѣсь ты уснулъ, сойдя съ житейской нивы,
Извѣдавъ жизни тяготу.

Въ годину зла и низкой, подлой лести
Ты правдѣ вѣренъ былъ, ты за нее стоялъ;
Ты смѣло шелъ путемъ труда и чести,
Тая въ душѣ свой гордый идеалъ.

И все мнѣ кажется: людская месть и злоба
Тебя преслѣдуютъ за гранію живыхъ,
И—какъ бывало встарь—ты смотришь изъ-за гроба
Съ улыбкой горькою на нихъ....

А. Тамбовцевъ.

О связи біологическихъ наукъ съ медициною.

Проф. Т. Г. Гэксли.

(Перев. съ англійскаго д-ра И. Ивина *).

Обширная масса теоретическихъ и практическихъ знаній, накопленная трудами приблизительно восьмидесяти поколѣній, смѣнившихъ другъ друга со времени развитія научной мысли въ Европѣ, не имѣетъ на англійскомъ языкѣ такого собирательнаго наименованія, противъ котораго нельзя было бы сдѣлать того или другаго возраженія, и я употребляю терминъ «medecine», «медицина», только какъ наименѣе ведущій къ недоразумѣнью, хотя, какъ всѣмъ извѣстно, это названіе обыкновенно прилагается въ его болѣе узкомъ смыслѣ къ одному изъ главныхъ отдѣловъ медицинской науки **). При употребленіи же этого слова въ широкомъ смыслѣ, «медицина» означаетъ не только знаніе

*) Рѣчь проф. Гэксли, переводъ которой (изъ The Lancet, 1881, ав. 13) мы предлагаемъ нашимъ читателямъ, была произнесена на международномъ медицинскомъ конгрессѣ, происходившемъ въ августѣ 1881 года въ Лондонѣ. Среди многочисленныхъ блестящихъ рѣчей, которыя довелось слышать тремъ тысячамъ участниковъ этого безприхвально-удавшагося съѣзда людей науки, рѣчь знаменитаго автора «Положенія человека въ природѣ» обратила на себя живѣйшее вниманіе не только однихъ врачей, и не только специалистовъ-работниковъ въ другихъ отрасляхъ знанія, но и образованной публики вообще. Имя и сочиненія проф. Гэксли пользуются такою широкою и вполне заслуженною извѣстностью въ нашемъ отечествѣ, что мы можемъ освободить читателей отъ дальнѣйшихъ бібліографическихъ замѣчаній съ нашей стороны.

Примѣч. переводчика.

***) «Medicine» по англ. чаще употребляется въ значеніи: «внутренняя медицина», — значеніи, подразумеваемомъ и въ нашемъ терминѣ «докторъ медицины и хирургія».

Примѣч. переводчика.

известнаго рода, но и подразумевает все многообразное примѣненіе этого знанія къ облегченію страданій, исправленію поврежденій и сохраненію здоровья живыхъ существъ. Въ дѣйствительности, практическая сторона медицины настолько преобладаетъ надъ всякою другою, что наименованіе «врачебное и цѣлебное искусство» представляетъ одинъ изъ наиболѣе широко распространенныхъ ея омонимовъ.

Представлять себѣ медицину иначе, чѣмъ нѣчто, необходимо связанное съ практическимъ лѣченіемъ больного, оказывается настолько затруднительно, что мы склонны забывать о существованіи—и притомъ необходимомъ существованіи—такой вещи, какъ чистая медицинская наука, «патологія», которая находится въ подчиненіи у практическихъ цѣлей не съ болѣею необходимостью, нежели зоологія или ботаника.

Логическую связь между этою чисто научною доктриною о болѣзни, или патологіею, и обыкновенною біологіею прослѣдить нетрудно. Живое вещество характеризуется присущею ему склонностью проявлять опредѣленные ряды морфологическихъ и физиологическихъ феноменовъ, составляющихъ организацию и жизнь. При нѣкоторомъ данномъ рядѣ условій, эти явленія остаются, внутри узкихъ предѣловъ, одинаковыми для всѣхъ живыхъ существъ. Они доставляютъ нормальную и типическую характеристику родовъ (species), и, какъ таковыя, представляютъ предметъ изученія обыкновенной біологіи.

Внѣ ряда этихъ условій, нормальное теченіе цикла жизненныхъ феноменовъ нарушается; появляется ненормальное строеніе; надлежащія свойства и взаимныя приспособленія отравленій перестаютъ сохраняться. Степень и важность этихъ отклоненій отъ типической жизни могутъ варіироваться до безконечности. Они могутъ оставаться безъ замѣтнаго вліянія на общее благосостояніе организма или же могутъ способствовать ему. Съ другой стороны, они могутъ имѣть и такой характеръ, что являются препятствіемъ нормальной дѣятельности организма или даже обуславливаютъ разрушеніе его. Въ первомъ случаѣ, эти разстройства относятъ къ обширной и нѣсколько неопредѣленной категоріи «измѣненій и аномалій»; во второмъ, ихъ называютъ поврежденіями, состояніями отравленія или болѣзнями; и какъ таковыя—какъ болѣзненные состоянія—они входятъ въ область патологіи. Провести какую либо рѣзкую разграничивающую линію между этими двумя классами явленій—невозможно. Никто не можетъ сказать, гдѣ кончаются анатомическія аномаліи (variations), и начинаются опухоли, или гдѣ видоизмѣненіе функціи, которое въ началѣ можетъ даже благопріятствовать здоровью, переходитъ въ заболѣз-

ніе. Можно сказать только, что всякое измѣненіе строенія или отправленія, оказывающееся вреднымъ для организма, принадлежитъ къ патологій. Отсюда очевидно, что патологія представляетъ вѣтвь биологій; она—морфологія, фізіологія, распредѣленіе, этиологія аномальной жизни. Какъ бы ни казалось очевиднымъ это заключеніе въ настоящее время, оно далеко не было таковымъ въ періодъ младенчества медицины. Ибо такова особенность естественныхъ наукъ, что они постольку представляются независимыми одна отъ другой, поскольку онѣ несовершенны; и связи, соединяющія ихъ въ дѣйствительности, становятся явственными только по мѣрѣ ихъ движенія впередъ. Астрономія не имѣла очевидной связи съ земною физикою до самаго обнаруженія «Principia»; связь химіи съ физикою разоблачена въ еще болѣе недавнее время; связь физики и химіи съ фізіологіею упорно отвергалась еще на нашей памяти и, пожалуй, можетъ отвергаться иными еще и теперь. Возьмемъ, впрочемъ, случай, доставляющій еще болѣе близкую параллель съ медициною. Наука о сельскомъ хозяйствѣ (agriculture) разрабатывалась съ самыхъ раннихъ временъ, и уже со временъ отдаленной древности люди достигли значительнаго практическаго искусства въ воздѣлываніи полезныхъ растений и эмпирически установили много научныхъ истинъ, касающихся условій процвѣтанія этихъ растений, но только уже на глазахъ многихъ изъ насъ химія, съ одной стороны, и фізіологія растений, съ другой, достигли такой стадіи развитія, что онѣ сдѣлались въ состояніи доставить здравыя основы для научной агрикультуры. Подобнымъ же образомъ, и медицина возникла изъ практическихъ нуждъ человѣчества. Сначала, будучи изучаема безъ всякаго отношенія ко всѣмъ другимъ отраслямъ знанія, она долго сохраняла эту независимость—и даже до извѣстной степени сохраняетъ ее еще и теперь. Въ связи съ биологическими науками устанавливалась въ теченіи исторіи лишь медленно, и полные размѣры и интимность этой связи начинаютъ обнаруживаться только въ настоящее время. Врядъ-ли я ошибаюсь, предполагая, что попытка дать краткій очеркъ шаговъ, которые привели философскую необходимость въ исторической дѣйствительности, можетъ быть, не лишена интереса для членовъ этого великаго конгресса, столь глубоко заинтересованныхъ въ научномъ развитіи медицины.

Исторія медицины—полюбе и законченнѣе, нежели исторія всякой другой науки, за исключеніемъ, можетъ быть, одной астрономіи; и если мы послѣдуемъ настолько назадъ, насколько насъ могутъ вести ясныя историческія свидѣтельства, то перенесемъ въ раннія стадіи греческой на-

визитации. Древнейшими госпиталями были храмы Эскулапа; въ этихъ «асклепейяхъ» (асклепейя), всегда воздвигавшихся въ здоровыхъ мѣстностяхъ, возлѣ освѣжающихъ источниковъ, среди тѣнистыхъ рощъ, находили себѣ убѣжище больные и увѣчные, искавшие помощи бога здоровья. Таблицы, ставившіяся здѣсь, во исполненіе обѣта, получившими исцѣленіе, или сдѣланныя ими надписи на стѣнахъ этихъ храмовъ, содержали, рядомъ съ изъясненіями благодарности за избавленіе, отчеты о симптомахъ перемежнаго заболѣванія; и изъ этихъ первобытныхъ клиническихъ отчетовъ полужреческая, полуфилософская каста асклепиадовъ позаимствовала данныя, на которыхъ были основаны самыя раннія обобщенія медицины, какъ индуктивной науки. Въ этомъ состояніи патологія, какъ и все индуктивныя науки при ихъ началѣ, была простою естественною исторіею; она отличала феномены болѣзни, классифицировала ихъ и отваживалась дѣлать предсказанія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наблюденіе извѣстныхъ, постоянно сосуществующихъ явленій и послѣдствій внушало разумное ожиданіе повторенія ихъ при подобныхъ же обстоятельствахъ. Далѣе этого врядъ-ли она шла. Дѣйствительно, при тогдашнемъ состояніи знанія и условіяхъ философскаго умозрѣнія въ тѣ времена, было бы трудно ожидать, чтобы причины болѣзненнаго состоянія или рациональное объясненіе лѣченія искались такимъ образомъ, какимъ мы ищемъ ихъ теперь. Гнѣвъ божества оказывался тогда достаточною причиною для существованія болѣзни, и оновидѣніе доставляло полную гарантію для терапевтическихъ мѣръ; что всякое физическое явленіе должно необходимо имѣть свою физическую причину—не представлялось тогда всюду подразумеваемою или заявляемою аксіомою, какою это положеніе является современному уму.

Великій человекъ, имя котораго неразрывно связано съ основаніемъ медицины, Гиппократъ, зналъ очень мало,—пожалуй, даже ничего не зналъ—по части анатоміи или фізіологіи, и онъ, вѣроятно, пришелъ бы въ крайнее недоумѣніе и замѣшательство даже при одной мысли о возможности связи между медициною и зоологическими изслѣдованіями его современника Демокрита. Не смотря на это, поскольку онъ и люди, работавшіе до и послѣ него въ томъ же духѣ, выясняли, какъ результатъ опыта, что раненіе или вывихъ, или лихорадка представляютъ такіе-то и такіе симптомы, и что возвращеніе пациента къ состоянію здоровья облегчается такими-то и такими мѣрами—постольку они устанавливали законы природы и начинали построение научной патологіи. Всякая истинная наука начинается съ эмпиризма, хотя она истинна именно въ той

нѣрѣ, въ какой стремится перейти изъ эмпирической стадіи въ стадію вывода (дедукціи) эмпирическихъ истинъ изъ болѣе общихъ. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что древніе врачи имѣли весьма мало отношенія или не имѣли и вовсе никакого отношенія къ развитію биологической науки; и что, съ другой стороны, древніе биологи весьма мало интересовались медициною. Не существуетъ никакихъ историческихъ указаній, что асклепіады принимали сколько нибудь видное участіе въ дѣлѣ основанія анатоміи, физиологіи, зоологіи и ботаники. Эти науки, повидимому, скорѣе получили свое начало отъ раннихъ философовъ, которые, будучи одушевляемы характеристичною для грековъ жаждою къ знанію, были по существу натуръ - философами (*natural philosophes*). Пифагоръ, Алкмеонъ, Демокритъ, Диогенъ изъ Аполлоніи—все, согласно историческому свидѣтельству, занимались анатомическими и физиологическими изысканіями; и хотя Аристотель, какъ говорятъ, и былъ родомъ изъ одного асклепіадскаго семейства и, вѣроятно, обязанъ своею склонностью къ анатомическимъ и зоологическимъ изслѣдованіямъ своему отцу, врачу Никомаху—все-таки «*Historia Animalium*» и разсужденіе «*De Partibus Animalium*» настолько же свободны отъ всякихъ намековъ на медицину, какъ еслибы они были выпущены изъ любой современной биологической лабораторіи.

Можно прибавить тутъ же, что не легко усмотрѣть, какую пользу могъ бы извлечь врачъ времени Александра изъ тѣхъ биологическихъ знаній, какими обладалъ Аристотель. Его познанія въ анатоміи чловѣка были слишкомъ грубы, чтобы оказаться пригодными при распознаваніи болѣзней, его физиологія была слишкомъ полна заблужденій для того, чтобы снабжать данными для патологическаго разсужденія. Но когда Александрійская школа, съ Эразистратомъ и Герофиломъ во главѣ, воспользовалась возможностью изученія строенія чловѣческаго тѣла, доставленнаго имъ Птоломеями, цѣнность полученнаго такимъ путемъ большаго количества точныхъ знаній—для хирурга при его операціяхъ, и для терапевта при распознаваніи внутреннихъ разстройствъ—сдѣлалась вполне очевидною, и между анатоміею и медициною установилась связь, которая начала становиться все тѣснѣе и тѣснѣе. Со времени возрожденія наукъ, хирургія, медицинскій діагнозъ и анатомія пошли рука объ руку. Морганъ назвалъ свое великое твореніе «*De sedibus et causis morborum per anatomen indagatis*», и не только указалъ путь къ анатомическому изслѣдованію мѣстонахожденія и причинъ заболѣванія, но и самъ замѣчательно далеко двинулся по этой дорогѣ.

Бишэ, различивъ болѣе грубыя составныя части органовъ и отдѣла, одного отъ другихъ, указалъ направленіе, которое должно прее современное изслѣдованіе; пока наконецъ гистологія, — наука, родившаяся только вчера, какъ это можетъ казаться многимъ изъ насъ, — не дала работу Морганни настолько далеко, насколько можетъ вести насъ кроскопъ, и не расширила владѣній патологической анатоміи до пределовъ невидимаго міра.

Благодаря тѣснѣйшему союзу между морфологіею и медициною, истинная исторія болѣзни въ настоящее время достигла высокой степени совершенства. Точная топографическая анатомія сдѣлала возможнымъ изслѣдованіе самыхъ сокровенныхъ частей организма и опредѣленіе существенныхъ измѣненій въ нихъ при жизни; анатомическія и гистологическія посмертныя изслѣдованія снабдили врачей ясными основами для утвержденія на нихъ классификаціи болѣзней и безошибочнымъ мѣриломъ точности или неточности прижизненнаго распознаванія страданія. Если бы люди могли довольствоваться чистымъ знаніемъ, то крайняя потребность, съ которою въ наши дни можно сказать страдальцу, что онъ исходитъ и что можетъ, съ вѣроятностію, еще прожить даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ его бреннаго тѣла, могла бы представити пациенту настолько же удовлетворительною, насколько она является для научнаго патолога, дающаго своему больному требуемое разъясненіе. Но я опасаясь, что удовлетвореніе, доставляемое этою точностію, имѣетъ весьма ограниченныя предѣлы, и даже практическому врачу, который ничуть не недооцѣниваетъ важность точнаго распознаванія, приходится жаловаться, что всѣ эти его познанія скорѣе препятствуютъ ему поступать ошибочно, нежели помогаютъ поступать правильно. Одинъ невѣрующій въ медицину сказалъ однажды, что природа и болѣзнь могутъ быть уподоблены двумъ борцамъ, докторъ же — слѣпому человеку съ дубиною, который сыплетъ ею удары въ *mêlée*, иногда попадая въ болѣзнь, а иногда въ природу. Дѣло, конечно, не улучшится существомъ, если предположить, что слухъ слѣпца сдѣлался настолько чуткимъ, чтобы дать ему полную возможность отмѣчать каждую стадію борьбы и довольно удовлетворительно предсказывать, какъ она окончится. Если бы лучше ему вовсе не вмѣшиваться, пока не откроются его глаза, пока онъ не будетъ въ состояніи видѣть точное положеніе противниковъ и съ увѣренностію направлять свои удары. Но то, что надлежитъ видѣть врачу, чтобы видѣть, конечно, не тѣлеснымъ окомъ, но при помощи яснаго умственнаго зрѣнія — есть извѣстный процессъ и причинная связь явленій, состав-

щихъ этотъ процессъ. Болѣзнь, какъ мы видѣли, представляетъ разстройство нормальной дѣятельности живаго тѣла; и она остается и должна оставаться непонятною для насъ до тѣхъ поръ, пока мы пребываемъ въ невѣдѣніи относительно природы этой нормальной дѣятельности. Другими словами, истинно научной паталогіи не могло существовать до тѣхъ поръ, пока фізіологическая наука не развилась до извѣстной степени совершенства, оставшейся недостигнутою и, въ сущности, недостижимою—до самого недавняго времени.

Поскольку дѣло касается медицины, то фізіологія, подобной той, которая существовала до времени Гарвея, пожалуй, могло бы вовсе никогда не существовать. Можетъ быть, не будетъ даже преувеличеніемъ сказать, что еще на нашей памяти практическіе врачи, пользовавшіеся вполне заслуженною славой, знали по фізіологіи меньше, нежели въ настоящее время можно узнать изъ самаго элементарнаго руководства, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ крупныхъ фактовъ, считали остальныя свои знанія по этой наукѣ имѣющими весьма малую практическую важность. Я крайне далека отъ того, чтобы порицать ихъ за подобное заключеніе; пока основныя воззрѣнія фізіологіи ошибочны, она должна быть бесполезна—или даже хуже, чѣмъ бесполезна для паталогіи. О Гарвеѣ часто говорятъ, что онъ—основатель современной фізіологіи, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что разъясненіе отравленій сердца, природы пульса и теченія крови, содержащееся въ его безсмертномъ трудѣ «*De motu cordis*», прямо произвело переворотъ во взглядахъ людей на природу и связь нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ фізіологическихъ процессовъ у высшихъ животныхъ, въ то время какъ косвенно вліяніе его оказалось, пожалуй, еще болѣе замѣчательнымъ. Но хотя Гарвей и внесъ этотъ крупный вкладъ въ новѣйшую фізіологію—вкладъ, значеніе котораго вѣчно останется важнымъ—все-таки его общія воззрѣнія на жизненныя процессы оставались существенно тождественными съ воззрѣніями древнихъ изслѣдователей; и въ своихъ «*Exercitationes de generatione*», особенно въ характерной главѣ «*De calido innato*», онъ заявляетъ себя настоящимъ сыномъ Галена и Аристотеля. Для Гарвея кровь обладаетъ высшими силами, сравнительно съ другими элементами; она для него—мѣстопробываніе души, одаренной не только вегетальными, но и чувствительными, и двигательными свойствами. Бровь поддерживаетъ и обдѣлываетъ всѣ части тѣла «*idque summa cum providentia et intellectu, in finem certum agens, quasi ratio-cinio, quodam uteretur*». Передъ нами въ полной силѣ ученіе о «пней-

мъ», — продукт философской анимальной формы, въ которую полно струенъ лияся анимизмъ первобытныхъ людей въ Греціи. Ненадолго ослабѣло господство этого ученія и послѣ Гарвея. Та же самая, присущая человѣскому уму, склонность воображать, что извѣстный процессъ объясненъ, какъ скоро его приписали нѣкоторой силѣ, о которой неизвѣстно ничего болѣе, кромѣ того, что она представляетъ собою гипотетическое дѣятельное начало этого процесса—повела въ слѣдующемъ столѣтіи къ анимизму Сталля и, позднѣе, къ ученію о «жизненномъ началѣ», объ этомъ «прибѣжищѣ невѣжества» фізіологовъ, которое отвѣчало за все и не объясняло ничего—вплоть до самыхъ нашихъ временъ.

Сущность новѣйшей фізіологической науки, при ея противоположеніи древней, заключается, по моему мнѣнію, въ ея антагонизмѣ анимистическимъ гипотезамъ и анимистической фразеологіи. Новѣйшая наука предлагаетъ физическія объясненія жизненныхъ явленій или откровенно сознается, что она не можетъ пока предложить никакихъ объясненій. Насколько я знаю, первымъ, кто высказалъ этотъ новый взглядъ на фізіологію, кто нашелъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы установить положеніе, что жизненные явленія, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ физическаго міра, при конечномъ анализѣ, разрѣшаются въ вещество и движеніе—былъ Рене Декартъ. Пятьдесятъ четыре года жизни этого, самаго оригинальнаго и мощнаго мыслителя совпадаютъ, съ излишкомъ на обоихъ концахъ, съ восьмидесятилѣтнею жизнью Гарвея, который пережилъ своего болѣе молодаго современника семью годами и имѣлъ удовольствіе отмѣтить оцѣнку своего великаго открытія, сдѣланную французскимъ философомъ. Дѣйствительно, Декартъ принялъ ученіе о кровообращеніи, провозглашенное Гарвеемъ, и далъ полный отчетъ о немъ въ своемъ первомъ твореніи, въ знаменитомъ «Discours de la Methode», которое появилось въ свѣтъ въ 1637 году, только черезъ девять лѣтъ послѣ выхода «De motu cordis»; и хотя онъ расходился съ Гарвеемъ во многихъ важныхъ пунктахъ (въ которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, Декартъ ошибался, а Гарвей былъ правъ), онъ всегда говоритъ о немъ съ большимъ уваженіемъ. Прибавимъ, этотъ предметъ представляется Декарту столь важнымъ, что онъ возвращается къ нему въ своихъ «Traité des Passions» и «Traité de l'Homme».

Нетрудно понять, что твореніе Гарвея должно было имѣть особенно важное значеніе для утонченнаго мыслителя, которому мы обязаны какъ спиритуалистическою, такъ и матеріалистическою философіею новаго времени. Какъ разъ въ самый годъ появленія труда Гарвея,—въ 1628

году—Декартъ удалился отъ свѣта, чтобы погрузиться въ одинокую жизнь изслѣдованія и размышленія, плодомъ котораго явилась его философія. И такъ какъ высеченіе его умозрѣній привело его къ установленію абсолютнаго различія въ природѣ между матеріальнымъ и душевнымъ мірами, то онъ былъ логически вынужденъ искать объясненія явленій матеріальнаго міра внутри его самого и, отвѣдя царство мысли душѣ, видѣть въ остальной природѣ только протяженіе и движеніе. Декартъ употребляетъ слово «мысль», какъ эквивалентъ нашему современному термину «сознаніе». Мысль есть функція души, и притомъ единственная функція ея. Естественная теплота и всѣ движенія нашего тѣла—говоритъ онъ—не зависятъ отъ души. Смерть наступаетъ не отъ какихъ нибудь измѣненій души, но только вслѣдствіе разложенія нѣкоторыхъ изъ главныхъ частей тѣла. Тѣло живаго человѣка отличается отъ мертваго такимъ же образомъ, какъ часы или другой автоматическій приборъ (то есть, машина, движущаяся сама собою),—приборъ, находящійся въ заведенномъ состояніи и содержащій въ себѣ физическое начало движенія, къ совершенію котораго приспособленъ механизмъ,—отличается отъ тѣхъ-же самыхъ часовъ или другой машины, когда она сломана, и когда физическое начало ея движенія болѣе не существуетъ. Всѣ дѣйствія, общія для насъ и низшихъ животныхъ, зависятъ только отъ устройства нашихъ органовъ и отъ направленія, принимаемаго духами (animal spirits) въ головномъ мозгу, нервахъ и мышцахъ—совершенно подобно тому, какъ движеніе часоваго механизма производится ничѣмъ инымъ, какъ только силою его пружины и формою его колесъ и другихъ частей. Трактатъ Декарта о человѣкѣ представляетъ очеркъ физиологіи человѣка, содержащій смѣлую попытку объяснить всѣ явленія жизни, кромѣ явленій сознанія, одними физическими соображеніями. Очевидно, для ума, повернушаго въ этомъ направленіи, Гарвеевское описаніе сердца и сосудовъ, какъ гидравлическаго механизма, должно было представлять нѣчто крайне желанное. Декартъ не былъ простымъ философствующимъ теоретикомъ; онъ былъ внимательно работающій анатомъ и экспериментаторъ и былъ глубоко убѣжденъ въ практической цѣнности новаго проводимаго имъ воззрѣнія. Онъ говоритъ о важности сохраненія здоровья и о зависимости ума отъ тѣла, которая такъ тѣсна, что единственный, можетъ быть, путь къ содѣланію людей болѣе умными и лучшими, чѣмъ они пока представляются въ дѣйствительности, онъ ищетъ въ медицинской наукѣ. «Правда—говоритъ онъ—медицина въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь практикуется, содержитъ мало такого, что было бы

очень полезно; но, безъ всякаго желанія уменьшать цѣнность вещей, я увѣренъ, что даже среди специалистовъ не найдется ни одного, который не заявилъ бы, что все, намъ уже известное, крайне мало по сравненію съ тѣмъ, что еще остается намъ узнать; и что мы могли бы избѣгать безконечнаго множества заболѣваній души, равно какъ и тѣла, и даже, можетъ быть, слабости старческаго возраста, еслибы мы обладали знаніемъ причинъ всего этого и всѣхъ лѣкарствъ, которыми снабдила насъ природа». (*Discours de la Méthode*, 6-me partie. Изд. Cousin, стр. 193). Декартъ былъ увѣжденъ въ этомъ такъ глубоко, что рѣшился провести остатокъ своей жизни въ попыткахъ пріобрѣсти такое знаніе природы, которое могло бы повести къ построенію лучшей медицинской науки *). До-картезианцы нашли матеріалъ для дешеваго глумленія въ этихъ стремленіяхъ великаго философа; и почти излишнимъ будетъ прибавлять, что въ тринадцать лѣтъ, истекшихъ между появленіемъ «Discours» и смертью Декарта, онъ не успѣлъ достигнуть многого для осуществленія своихъ стремленій. Но весь прогрессъ, сдѣланный физиологіею въ теченіе слѣдующаго столѣтія, слѣдовалъ по пути, намѣченному Декартомъ.

Величайшій физиологическій и патологическій трудъ семнадцатаго столѣтія, трактатъ Борелли «О движеніи животныхъ», по всѣмъ его стремленіямъ и цѣлямъ, представляетъ ничто иное, какъ развитіе основнаго воззрѣнія Декарта. То же самое можно сказать и о физиологіи и паталогіи Боэргавы, авторитетъ котораго господствовалъ въ медицинскомъ мірѣ первой половины восемнадцатаго столѣтія. Съ возникновеніемъ новой химіи и науки объ электричествѣ, въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка, физиологу представились такіа вспомогательныя средства при анализѣ явленій жизни, которыя Декарту не могли и сниться. И большая часть гигантскаго прогресса, достигнутаго въ настоящемъ столѣтіи, представляетъ только оправданіе предвидѣнія Декарта. Ибо этотъ прогрессъ, состоялъ, въ сущности, въ болѣе и болѣе полномъ разложеніи грубыхъ органовъ живаго тѣла на физико-химическіе механизмы. «Я пытаюсь объяснить весь нашъ тѣлесный механизмъ такимъ образомъ, что предполагать, будто произвольныя движенія производятся душою, сдѣлается необходимо для насъ не болѣе того, чѣмъ думать, что въ часахъ наладится тоже душа, которая заставляетъ ихъ показывать время». Эти слова Декарта могли бы быть взяты, какъ вполне подходящій эпитаграфъ, авторомъ любого современнаго трактата по физиологіи.

*) «Discours de la Méthode», 6-e partie, стр. 193—211. *Прим. автора.*

Но хотя, какъ я думаю, не можетъ быть никакого сомнѣнiя, что Декартъ первый высказалъ основное воззрѣнiе на живое тѣло, какъ на физическiй механизмъ, — воззрѣнiе, представляющее отличительную черту новой физиологiи, при ея противоположенiи древней — онъ впалъ въ заблужденiе, поддавшись естественному искушенiю провести во всѣхъ подробностяхъ параллель между машинами, съ которыми онъ былъ знакомъ, — каковы были часы и куски гидравлическаго аппарата, — и живую машину. Во всѣхъ подобныхъ машинахъ существуетъ центральный источникъ силы, и части машины служатъ только чисто пассивными распределителями этой силы. Картезианская школа представляла себѣ живое тѣло, именно какъ машину подобнаго рода; и въ этомъ отношенiи послѣдователи ея могли бы поучиться у Галена, которому, — какъ бы ни было дурно употребленiе, сдѣланное имъ изъ ученiя о «естественныхъ способностяхъ», — все-таки принадлежитъ великая заслуга наблюденiя, что мѣстныя силы играютъ большую роль въ физиологiи. Та же истина была признана и Глиссономъ, но съ достаточною выпуклостью она была выставлена впередъ, впервые, въ ученiи Галлера о «прирожденной силѣ (*vis insita*) мышцъ». Разъ мышца можетъ сокращаться безъ нерва, картезианское механическое объясненiе сокращенiя ея, вслѣдствiе прилитiя жизненныхъ духовъ, теряетъ всякую состоятельность.

Открытiя Тремблея клонились въ ту же сторону. Въ гидрѣ, живущей въ свѣжей водѣ, не было найдено ни слѣда того сложнаго механизма, отъ котораго, какъ полагали, зависитъ совершенiе функций у высшихъ животныхъ. И тѣмъ не менѣе гидра двигалась, питалась, росла, размножалась, и всѣ отдѣльные куски ея обнаруживали всѣ свойства, принадлежавшiя цѣлой особи. Наконецъ, трудъ Каспара Ф. Вольфа (*Theoria Generationis*, 1759), удостовѣривъ тотъ фактъ, что ростъ и развитiе какъ растений, такъ и животныхъ совершаются предварительно существованiя ихъ болѣе грубыхъ органовъ и оказываются причинами, а не слѣдствiями организацiи (какъ понималось въ то время) — совершенно подкопалъ основанiе картезианской физиологiи, какъ полнаго выраженiя жизненныхъ явленiй. По Вольфу, физическая основа жизни есть жидкость, обладающая «существенною силою (*vis essentialis*) и «способностью оплотненiя (*solidescibilitas*)», благодаря чему она производитъ организацiю; и это заключенiе, какъ онъ указываетъ, подрываетъ въ корень всю механическую систему.

Въ Англiи, подобное же влiянiе произвелъ великiй авторитетъ Джона Гюнтера (Hunter), хотя, должно признаться, что слишкомъ сибиллисти-

ческія (affylline) изреченія, являющіяся плодомъ усилій Гэнтера формулировать свои воззрѣнія, нерѣдко допускаютъ болѣе, нежели одно истолкованіе. Тѣмъ не менѣе, относительно нѣкоторыхъ пунктовъ Гэнтеръ выражается вполне ясно. Напримѣръ, онъ держится того мнѣнія, что «духъ есть только свойство матеріи» (Introduction to Natural History стр. 6); онъ готовъ отвергнуть анимизмъ (тамъ-же, стр. 8), и его физическое воззрѣніе на жизнь доходитъ до такой полноты, что онъ представляетъ себѣ ее, какъ нѣчто, могущее существовать въ состояніи смѣшенія съ пищею. «Пища, принимаемая нами, — говоритъ онъ — содержитъ въ себѣ въ неподвижномъ состояніи настоящую жизнь и послѣдняя становится дѣятельною не ранѣе того, какъ она попадаетъ въ легкія, ибо здѣсь она освобождается изъ своей темницы» (Observations on Physiology, стр. 113). Онъ думаетъ также, что «будетъ болѣе согласно съ общими основными началами животной машины предположить, что ни одно изъ ея дѣйствій не производится какимъ либо механическимъ началомъ, но что всякій эффектъ происходитъ изъ частичнаго дѣйствія, производимаго вліяніемъ возбuditеля на часть, которая дѣйствуетъ, или на какую нибудь другую часть, съ которою эта симпатизируетъ» (тамъ-же, стр. 152). Для Гэнтера, какъ и для Вольфа, съ твореніемъ котораго онъ, вѣроятно, былъ незнакомъ, совершенно ясно, что «чѣмъ бы ни была жизнь, она всенесомнѣнно (most certainly) не зависитъ отъ строения или организаци» (тамъ-же, стр. 114).

Конечно, нельзя допустить, чтобы Гэнтеръ въ этихъ словахъ намѣревался отринуть существованіе чисто механическихъ операций въ животномъ тѣлѣ. Но рассматривая, вмѣстѣ съ Борелли и Боэргавомъ, всасываніе, питаніе и отдѣленіе желѣзъ, какъ операций, совершающіяся при помощи мелкихъ сосудовъ, онъ расходился съ механическими физиологами, которые считали эти операціи результатомъ механическихъ свойствъ мелкихъ сосудовъ, каковы величина, форма и расположеніе ихъ каналовъ и отверстій. Гэнтеръ, напротивъ того, признаетъ эти операціи дѣйствіемъ не механическихъ, но жизненныхъ качествъ этихъ сосудовъ. «Сосуды — говоритъ онъ — болѣе похожи на полиповъ, нежели всякая другая часть тѣла», и далѣе говоритъ о «живыхъ и чувствующихъ началахъ артерій» и даже о «расположеніяхъ или чувствованіяхъ артерій». «Когда кровь хороша и чиста, то и чувствованія артерій, или расположеніе къ чувствованіямъ, пріятны... Тогда-то они и разносятъ кровь съ наибольшей пользою, увеличивая ростъ всего, возмѣщая потери, поддерживая надлежащій чередъ» и т. д. (тамъ же, стр. 133).

Если мы прослѣдимъ возрѣніа Гентера до ихъ логическаго вывода, то окажется, что жизнь каковой нибудь особи изъ высшихъ животныхъ въ сущности представляетъ сумму жизней всѣхъ сосудовъ, каждый изъ которыхъ есть физиологическая единица известнаго сорта, соответствующая полнцу; и такъ какъ здоровье есть результатъ нормальнаго «дѣйствія сосудовъ», то болѣзнь есть послѣдствіе ихъ ненормальнаго дѣйствія. Такимъ образомъ, Гентеръ по мысли—какъ и по времени—стоитъ на полдорогѣ между Борелли, съ одной стороны, и Бишэ, съ другой. Послѣдній—проницательный основатель общей анатоміи—дѣйствительно перегоняетъ Гентера въ своемъ желаніи исключить физическія разсужденія изъ царства жизни. За исключеніемъ истолкованія дѣйствій органовъ чувствъ, онъ не хочетъ допустить физикѣ имѣть что нибудь общее съ физиологіею. «Прилагать физическія науки въ физиологіи значить объяснять явленія живыхъ тѣлъ законами для тѣлъ неодушевленныхъ. Между тѣмъ, это совершенно ложный принципъ; отсюда всѣ послѣдствія его отиѣчены одною и тою же печатью. Оставимъ химіи ея средство, физикѣ—ея упругость и тяготѣніе. Возьмемъ для физиологіи только чувствительность и сократительность». (Bichat. Anatomie Générale, томъ I, стр. LIV). Изъ всѣхъ неудачныхъ изреченій людей съ выдающимися талантами, только-что приведенное представляется однимъ изъ наиболѣе несчастливыхъ, когда мы поразмыслимъ о томъ, чѣмъ обязана физиологія въ ея настоящемъ состояніи приложенію методовъ и данныхъ физики и химіи. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что половина современнаго руководства въ физиологіи состоитъ изъ прикладной физики и химіи, и что именно при изслѣдованіи явленій чувствительности и сообразительности, физика и химія обнаружили самое могущественное вліяніе. Тѣмъ не менѣе, Бишэ оказалъ важную услугу физиологическому прогрессу, настаивая на томъ фактѣ, что явленіе, называемое нами жизнью особи изъ высшихъ животныхъ, не есть невидимый объединяющій орхей, управляющій изъ центральнаго мѣстопребыванія всѣми частями организма, но представляетъ сложный результатъ синтеза отдѣльныхъ жизней этихъ частей. «Всѣ животныя—говоритъ онъ—суть собранія различныхъ органовъ, каждый изъ которыхъ совершаетъ свое отправленіе и на свой манеръ содѣйствуетъ сохраненію цѣлаго. Они представляются специальными машинами въ общей машинѣ, составляющей особь. Но каждая изъ этихъ специальныхъ машинъ сама слагается изъ многочисленныхъ тканей весьма различныхъ характеровъ, которыя по истинѣ представляютъ элементы этихъ органовъ (тамъ-же, LXXIX).

Понятіе о надлежащей жизнедѣятельности приложимо только къ этимъ простымъ тканямъ, а не къ самимъ органамъ» (тамъ-же, LXXXIV). И Бишъ приступаетъ къ приложенію этой доктрины о синтетической жизни (если я могу такъ назвать его ученіе) къ патологін. Разъ болѣзни представляютъ только измѣненія жизненныхъ свойствъ, и свойства каждой ткани отличны отъ свойствъ остальныхъ, — очевидно, что и заболѣванія каждой ткани должны отличаться отъ заболѣваній другихъ тканей. Слѣдовательно, во всякомъ органѣ, составленномъ изъ нѣсколькихъ различныхъ тканей, одна изъ нихъ можетъ заболѣвать въ то время, когда другія будутъ оставаться здоровыми; такъ именно и случается въ большинствѣ случаевъ (тамъ же, LXXXV). Въ духѣ истиннаго прорицанія, Бишъ говоритъ: «Мы достигли эпохи, когда патологическая анатомія должна быть начата съизнова». Ибо, подобно тому, какъ анализъ органовъ привелъ его къ тканямъ, какъ физиологическимъ единицамъ организма, такъ въ послѣдующемъ повелѣніи анализъ тканей привелъ къ клеткѣ, какъ къ физиологическому элементу тканей. Современное изученіе развитія привело къ тому же результату, и зоологи, и ботаники, изслѣдуя наипростѣйшія и самыя низшія формы одаренныхъ жизнью существъ, подтвердили великую индукцію теоріи о клеткѣ. Такимъ образомъ, повидимому, противоположныя мнѣнія, борвшіяся между собою, начиная съ самой середины прошлаго вѣка, оказались, каждое, только половиной истины.

Положеніе Декарта, что тѣло живаго челоуѣка есть машина, дѣйствія которой объяснимы извѣстными законами вещества и движенія, — несомнѣнно оказывается истиннымъ въ обширной степени. Но также вѣрно и то, что живое тѣло есть синтезъ безчисленныхъ физиологическихъ элементовъ, каждый изъ которыхъ можетъ быть почти описанъ словами Вольфа, какъ жидкость, обладающая «существенною силою» (*vis essentialis*) и «способностью оплотненія» (*solidescibilitas*); или, говоря современнымъ языкомъ, какъ протоплазма, способная къ метаморфозу въ строеніи и метаболизму (перемѣнѣ) въ отправленіи; такимъ образомъ, единственною машиною въ томъ точномъ смыслѣ, въ какомъ понимала механизмъ картезианская школа, является та, которая координируетъ и приводитъ въ порядокъ эти физиологическія единицы для образованія одного органическаго цѣлаго. Дѣйствительно, тѣло представляетъ машину, имѣющую характеръ арміи, а не какого нибудь часоваго механизма или гидравлическаго аппарата. Въ этой арміи, каждая клетка — солдатъ, органъ — бригада, центральная нервная система — главно-квар-

тира и полевой телеграфъ, пищеварительная и кровеносная системы— интендантство. Потери пополняются рекрутами, родившимися въ лагерѣ, и жизнь отдѣльной особи представляетъ компанію, съ успѣхомъ поддерживаемую въ теченіе многихъ лѣтъ, но завершающуюся вѣрнымъ пораженіемъ въ отдаленномъ концѣ.

Пригодность арміи къ дѣлу (efficacy) во всякій данный моментъ зависитъ отъ здоровья каждаго отдѣльнаго солдата и отъ совершенства механическаго устройства, которое имъ управляетъ и приводитъ въ дѣйствіе въ надлежащее время; и, слѣдовательно, если эта аналогія допустима, можетъ существовать только два рода болѣзней: однѣ, зависящія отъ ненормальнаго состоянія физиологическихъ единицъ, другія— отъ нарушенія ихъ координирующаго и питающаго механизма. Отсюда, за установленіемъ кѣлочной теоріи въ нормальной биологіи, быстро послѣдовала «целлюлярная патологія», какъ ея логическій дубликатъ, или двойникъ. Мнѣ нѣтъ надобности напоминать вамъ, какимъ великимъ орудіемъ изслѣдованія оказалось это ученіе въ рукахъ Вирхова,—этого гениальнаго человѣка, которому оно обязано своимъ развитіемъ, и который, вѣроятно, оказался бы послѣднимъ, чтобы забыть, что ненормальныя состоянія координирующаго и распределительнаго механизма тѣла представляютъ собою не менѣе важные факторы заболѣванія. Съ этихъ поръ, какъ мнѣ кажется, связь медицины съ биологическими науками опредѣляется съ окончательною ясностью. Чистая патологія представляетъ ту вѣтвь биологіи, которая опредѣляетъ особенное нарушеніе жизни кѣтки или координирующаго механизма, или того и другаго,— нарушеніе, отъ котораго зависятъ явленія заболѣванія.

Знакомые съ настоящимъ состояніемъ биологіи врядъ ли поколеблятся принять, что понятіе о жизни вышшаго животнаго, какъ о суммированіи жизней кѣлочнаго агрегата, который приводится въ гармоническое дѣйствіе координирующимъ механизмомъ, образуемымъ нѣкоторыми изъ этихъ кѣлокъ—представляетъ прочное приобретеніе для физиологической науки. Но послѣдняя форма борьбы между анимистическимъ и физическимъ воззрѣніями на жизнь проявляется въ спорѣ, можно ли физической анализъ жизненныхъ явленій вести и далѣе этого пункта,— или нѣтъ.

Для однихъ, живая протоплазма представляетъ вещество въ родѣ того, какимъ представлялъ себя кровь Гарвей—«*summa cum providentia et intellectu in finem certum agens, quasi ratiocinio quodam*»; и они смотрятъ на всадкую попытку примѣненія принциповъ и мето-

довь физики и химии въ изслѣдованію жизненныхъ процессовъ роста, метаболизма и сократительности не съ меньшею неблагосклонностью, нежели смотрѣлъ Бишэ. Они стоятъ на старомъ пути; но только, въ согласіи съ демократическимъ прогрессомъ, который, по заявленію одного великаго публициста, представляетъ роковую характеристику новыхъ временъ,—они, вмѣсто монархическаго начала всепроникающей и наполняющей «души», «anima», подставляютъ республику, образуемую нѣсколькими билліонами, «animulae», «маленькихъ душъ».

Другіе, напротивъ того, поддерживаемые крѣпкою вѣрою во всеобщую приложимость принциповъ, установленныхъ Декартомъ, и усматривающіе, что явленія, называемыя «жизненными», не представляютъ,—поскольку мы имѣемъ какія либо средства познания,—ничего болѣе, кромѣ перемѣщенія частицъ вещества—обращаются къ помощи молекулярной физики, чтобы достигнуть разложенія самой живой протоплазмы на молекулярные механизмы. Если въ общепринятыхъ ученіяхъ физики содержится сколько нибудь истины, то того контраста между живымъ и недѣйствительнымъ, или инертнымъ веществомъ, на который такъ сильно настаивалъ Бишэ, вовсе не существуетъ. Въ природѣ ничто не находится въ покоѣ, не существуетъ ничего безформеннаго (аморфнаго); наимпростѣйшая частица того, что людямъ въ своей слѣпотѣ угодно называть «грубою матеріею», представляетъ обширный агрегатъ молекулярныхъ механизмовъ, совершающихъ сложныя движенія съ огромною скоростью и чутко приспособляющихся ко всякому измѣненію въ окружающемъ мірѣ. Живое вещество отличается отъ другаго по степени, а не по роду: микрокосмъ повторяетъ макрокосмъ; и одна цѣпь причинности связываетъ міръ солнцъ и планетныхъ системъ съ протоплазматическою основою жизни. Съ этой точки зрѣнія, патологія представляетъ ацидологію съ теоріей возмущеній въ астрономіи, и терапия превращается въ отрываніе средствъ, при помощи которыхъ было бы возможно вводить въ организмъ извѣстную систему силъ, способную устранять всякое данное возмущеніе или расстройство. И подобно тому, какъ патологія основывается на нормальной физиологіи, такъ терапия покоится на фармакологіи,—или ученіи о дѣйствиіи лѣкарствъ,—которая, строго говоря, составляетъ часть обширной главы біологіи, разсматривающей вопросъ о вліяніи условій на живой организмъ, и не имѣетъ никакого научнаго основанія помимо физиологіи.

Мнѣ кажется, что нельзя найти болѣе обнадеживающаго указанія на прогрессъ медицины въ направленіи къ идеалу Декарта, чѣмъ указаніе,

доставляемое сравненіемъ состоянія фармакологіи въ настоящее время съ состояніемъ, въ которомъ она находилась сорокъ лѣтъ назадъ. Если мы рассмотримъ положительныя знанія, пріобрѣтенныя въ столь короткое время относительно образа дѣйствія кураре, атропина, физостигмина, вератрина, стрихнина, бромистаго калия, фосфора — то положительно не останется никакого основанія сомнѣваться, что раньше или позже фармакологъ снабдитъ врача средствами производить любое желательное вліяніе на отправленіе любого фізіологическаго элемента тѣла. Короче, сдѣлается возможнымъ вводить въ организмъ извѣстный молекулярный механизмъ, который, подобно хитроумно-устроенному торпедо, долженъ прокладывать себѣ дорогу къ той или другой особенной группѣ живыхъ элементовъ и производить среди нихъ взрывъ, оставляя все другіе нетронутыми. Поиски за объясненіемъ состояній заболѣванія въ видоизмѣненной жизни кѣтки; открытіе важной роли, исполняемой въ этиологіи болѣзней паразитными организмами; выясненіе дѣйствія лѣкарственныхъ веществъ при помощи методовъ и данныхъ опытной фізіологіи—представляются мнѣ величайшими шагами, какіе когда либо были сдѣланы для утвержденія медицины на научныхъ основахъ. Врядъ ли есть надобность говорить, что они не могли бы быть сдѣланы безъ прогресса въ нормальной біологіи.

Не можетъ быть, слѣдовательно, никакого вопроса относительно характера или цѣнности связи между врачебною и біологическими науками. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что будущее патологіи и терапіи, а слѣдовательно и практической медицины, зависить отъ степени, до которой лица, занимающіеся этими предметами, освоятся съ методами біологіи и проникнутся основными истинами ея.

Въ заключеніе, я отваживаюсь выразить мысль, что коллективная мудрость этого конгресса не могла бы заняться обсужденіемъ вопроса болѣе важнаго, чѣмъ слѣдующій: какимъ образомъ медицинское образованіе можетъ быть ведено такъ, чтобы безъ обремененія изучающаго полезными для него подробностями систематики, онъ былъ поставленъ въ возможность твердо овладѣть великими истинами, касающимися животной и растительной жизни,—безъ чего онъ, не смотря на весь прогрессъ научной медицины, все-таки найдетъ себя простымъ эмпирикомъ?

О, не плачь, моя муза, не плачь!
Что мнѣ въ плачѣ безсильномъ твоёмъ:
Мировыхъ не рѣшить онъ задачъ,
Не разсѣтъ и мрака кругомъ!

Тамъ, гдѣ молніи нужны и громъ,
Чтобы спящихъ отъ сна пробудить
И хотя на мгновенье огнемъ
Все объятое тьмой озарить;

Тамъ твоей не замѣтять слезы,—
Вѣдь слеза лишь при свѣтѣ горитъ!—
И, печальный предвѣстникъ грозы,
Безъ отзыва твой стонъ прозвучитъ!..

Не терзайся же муза моя!
Прочь уныніе жалкое, прочь!
Лучше вѣрь, свою грусть затая,
Что блѣднѣетъ ненастная ночь!..

А. Дитъпровскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Польскій макиавелизмъ.

При обсужденіи польскаго вопроса, у насъ, какъ извѣстно, существуютъ двѣ противоположныя точки зрѣнія. Одни видятъ въ полякахъ непримиримыхъ враговъ Россіи, денно и ношно только и думающихъ о томъ, какъ бы подкопаться подъ основы ея могущества и благополучія; другіе, напротивъ, полагаютъ, что польскіе наши сограждане, хотя и не одушевлены особенно вѣжными чувствами къ Россіи, но готовы идти рука объ руку съ русскимъ либеральнымъ обществомъ, для достиженія нѣкоторыхъ общихъ цѣлей. Первый лагерь исходитъ, главнымъ образомъ, изъ исторіи борьбы между Россіей и Польшей и фактовъ современной жизни, свидѣтельствующихъ о враждебномъ настроеніи къ намъ поляковъ. Второй руководствуется понятіями о нормальныхъ междуплеменныхъ отношеніяхъ, чувствомъ справедливости, — словомъ, отвлеченными принципами, примѣнними, вообще, къ отношеніямъ между побѣдителемъ и побѣжденными, властвующимъ и подвластнымъ народами. Соотвѣственно съ этимъ основнымъ различіемъ во взглядахъ, одинъ лагерь воодушевленъ чувствомъ крайняго недовѣрія къ полякамъ; другой, наоборотъ, вѣритъ въ возможность установленія болѣе или менѣе прочной солидарности между двумя народами, предполагая, конечно, что во внутренней политикѣ Россіи упрочатся истинно либеральныя начала.

Всякому безпристрастному наблюдателю польской общественной жизни, однако, бросается въ глаза, что оба лагеря впадаютъ въ крайность. Первый, дрожа за безопасность русскаго государства, видитъ причины тревоги даже тамъ, гдѣ ихъ на дѣлѣ вовсе не существуетъ; второй, въ свою очередь, ставя отвлеченные либеральныя принципы выше всего, забываетъ, что польскій народъ имѣетъ самостоятельную культуру, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самостоятельный взглядъ на прогрессъ, и что этотъ взглядъ можетъ далеко не совпадать съ нашими воззрѣніями на культурныя задачи человѣчества. Какъ на примѣры, поясняющіе мою мысль, я укажу на крестьянскую (милютин-

скую) реформу въ Царствѣ, встрѣченную далеко не сочувственно польскою интеллигенціею, и на различное отношеніе русскихъ и поляковъ къ католическому духовенству и польскому вопросу.

Само собою разумѣется, что пока съ русской стороны дѣло будетъ ограничиваться болѣзненнымъ, но упорнымъ недоумѣемъ или голымъ желаніемъ видѣть торжество либеральныхъ принциповъ безъ надлежащаго изученія тѣхъ средствъ и путей, которые могутъ привести къ ихъ торжеству, нечего и думать ни объ установленіи болѣе нормальныхъ отношеній между нами и поляками, ни о твердой, но гуманной и плодотворной политикѣ Россіи въ польскомъ вопросѣ. Руководствоваться одними отвѣченными, хотя бы и вполне вѣрными принципами въ жизни нельзя; необходимо, кромѣ того, добросовѣстно изучить среду, къ которой имѣется въ виду примѣнить эти принципы. До какой степени это соображеніе въ данномъ случаѣ вѣрно, видно изъ того, что всѣ разглагольствованія наши о русско-польскомъ примиреніи оставались до сихъ поръ, такъ сказать, мертвою буквою. Рѣзкое дуновеніе жизни, по временамъ, врывается въ воздвигаемый нами красивый храмъ единенія, и тогда нами овладѣваетъ предчувствіе, что онъ выстроенъ, правда, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ архитектуры, но изъ матеріала, свойствъ котораго мы себѣ не уяснили; что, другими словами, его легко можетъ постигнуть участь, вторая вообще постигаетъ карточные дома.

Болѣе близкое знакомство съ поляками, ихъ настроеніемъ, нуждами, цѣлями, — словомъ, съ ихъ социальнымъ, экономическимъ и политическимъ міросозерцаніемъ, — въ значительной степени смягчило бы противоположность нашихъ взглядовъ на польскій вопросъ. Конечно, поляки лишены возможности высказывать свои желанія съ тѣмъ прямотою, которое сразу поставило бы дѣло на ясную и опредѣленную почву: общественная ихъ жизнь подавлена, печать стѣснена, а голоса, раздающіеся въ закордонной Польшѣ, далеко не всегда могутъ считаться выраженіемъ общественнаго мнѣнія, какъ оно складывается на русской почвѣ. Но, тѣмъ не менѣе, многое всплываетъ наружу, и, при внимательномъ изученіи польской жизни, мы сплошь и рядомъ наталкиваемся на такія явленія въ ней, которые остаются для большинства мыслящихъ людей въ Россіи скрытыми, а между тѣмъ не могутъ не вліять на русско-польскія отношенія. Поэтому нельзя не интересоваться голосами, знакомящими насъ съ настроеніемъ поляковъ и позволяющими намъ уяснить себѣ ихъ цѣли.

Съ такимъ голосомъ мы имѣемъ, несомнѣнно, дѣло въ недавно появившейся въ Краковѣ брошюрѣ, озаглавленной («Вар-

шавская журналистика») «Dziennikarstwo Warszawskie» napisał W. M. K.—Bydgosz, 1882). Анонимный авторъ этой брошюры, подвергая критику основныя начала, которыми руководствуется варшавская журналистика въ своей дѣятельности, высказываетъ съ замѣчательнымъ прямушіемъ. Это прямушіе, наряду съ ясностью основной цѣли, строгою логичностью аргументаціи и опредѣленностью предлагаемыхъ средствъ, само по себѣ придаетъ довольно важное значеніе брошюрѣ. Но она, тѣмъ не менѣе, съ нашей точки зрѣнія, много теряла бы въ цѣнѣ, еслибы являлась выраженіемъ чисто-субъективныхъ взглядовъ, не встрѣчающихъ ни сочувствія, ни одобренія среди поляковъ. На дѣлѣ, однако, варшавская печать, въ общемъ, отнеслась къ ней чрезвычайно сочувственно, а нѣкоторые органы даже высказались о ней восторженно. Такъ, на примѣръ, строго консервативная газета «Echo» — органъ польскихъ магнатовъ и, вообще, высшей поземельной аристократіи, — разбирая брошюру, говоритъ въ № 246, между прочимъ, слѣдующее: «Трудъ этотъ вышелъ изъ подъ пера человѣка, чрезвычайно осмотрительнаго и отлично знакомаго съ варшавскою печатью; воодушевленъ-же авторъ почтенною и патриотическою мыслью, стремленіемъ въ общему благу и желаніемъ распространить надлежащія и трезвыя понятія въ массахъ. Онъ формулировалъ очень подробную, ясную и разумную программу для истинно-консервативной партіи, — программу, принимающую во вниманіе всѣ потребности современныхъ гражданскихъ обществъ, всѣ приобрѣтенія духа времени. Мы впервые встрѣчаемъ въ печати такъ хорошо, цѣльно и полно формулированный идеалъ консервативной партіи, отстроенный на надлежащемъ фундаментѣ и благородно (?) обнимающій все, что желательно и необходимо для поддержанія силъ въ организмѣ, вѣчно живомъ и молодомъ. Лица, которыя осуществляли этотъ идеалъ въ общественной жизни или въ печати, хотя и ставили его высоко, подавая другимъ примѣръ уваженія къ нему, однако, никогда не имѣли случая или не могли развить его въ такой полнотѣ, какъ авторъ брошюры: «Варшавская журналистика». Знамя уже было водружено и собирало около себя приверженцевъ, но никто не представилъ его описанія, не сказалъ, изъ чего оно соткано, какой гербъ на немъ красуется, и кто его долженъ нести».

Въ этомъ отзывѣ для насъ важно признаніе, что знамя автора является знаменемъ польской аристократіи; другими словами, что авторъ только ясно формулировалъ программу, давно уже дѣйствующую въ жизни. Взглядъ этотъ раздѣляется, притомъ, большинствомъ польскихъ интеллигентныхъ людей.

«Варшавскій Курьеръ» — самая распространенная изъ варшав-

ских газетъ, органъ средняго польскаго интеллигентнаго чело-
вѣка—подробно разобравъ въ № 245 содержаніе брошюры, пря-
мо восклицаетъ: «Какъ не согласиться съ мыслями автора? Онъ такъ
безпристрастенъ, основательны и вѣрны, что имъ приходится толь-
ко аплодировать!» Таково мнѣніе и остальныхъ періодическихъ изда-
ній о брошюрѣ.

Если нашли въ польской журналистикѣ два голоса («Prze-
glad Tygodniowy», № 1 мѣсячнаго прибавленія за текущій годъ
и «Niwa», выпускъ 173), которые отнеслись менѣе сочувствен-
но къ ней, то они не идутъ въ счетъ, такъ какъ гнѣвъ ихъ
вызванъ субъективными мотивами, т. е. либо тѣмъ, что авторъ
не назвалъ газетъ по имени, либо же тѣмъ, что онъ причислитъ
прогрессивныя польскія газеты къ числу мало вліятельныхъ и
представляющихъ исключеніе изъ общаго правила.

Какъ-бы то ни было, въ общемъ, какъ видно изъ выше-
изложеннаго, между авторомъ и варшавскою журналистикою су-
ществуетъ солидарность въ основныхъ взглядахъ на цѣли и
задачи польскаго общества. И вотъ, вслѣдствіе этой выясненной
нами солидарности, мы придаемъ краковской брошюрѣ особенное
значеніе.

«Каково-же знамя автора? Изъ чего оно соткано и какой
гербъ красуется на немъ?» Другими словами, каковъ идеалъ,
на который указываетъ авторъ варшавской прессы, который
онъ совѣтуетъ ей постоянно имѣть въ виду, не уклоняясь ни на
шагъ отъ него? Идеалъ этотъ таится въ сердцахъ всякаго «до-
браго» поляка и можетъ быть выраженъ въ трехъ словахъ:
«возстановленіе самостоятельной Польши». Всѣ совѣты, кото-
рые онъ расточаетъ варшавской журналистикѣ, а черезъ нее
и вообще полякамъ, сосредоточиваются въ этомъ идеалѣ, какъ
въ фокусъ, образуящую путеводную звѣзду, которая должна
освѣщать путь всякаго поляка, ставящаго благо своего края
выше личныхъ интересовъ.

Но этотъ общій идеалъ, эта основная цѣль еще не даетъ
вамъ яснаго представленія о тенденціяхъ, которыя преслѣдуетъ
авторъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вліятельная часть польской интел-
лигенціи, раздѣляющая его образъ мыслей. Въ этомъ пунктѣ
между ними нѣтъ никакого различія. Но не въ немъ, при на-
стоящихъ обстоятельствахъ, заключается сила. Cogitationis роеса
nemo patitur,—гласитъ юридическое правило, и ни русское прави-
тельство, ни русское общество не могутъ претендовать на поля-
ковъ за то, что мечта рисуетъ имъ, въ болѣе или менѣе отдален-
номъ будущемъ, плѣнительный образъ возрожденія могуществен-
ной и независимой Польши. Для достиженія этой цѣли, однако,
существуютъ разные пути, и вотъ избраніе одного изъ нихъ и

представляетъ вопросъ, имѣющій громадное практическое значеніе.

Какой-же, именно, путь предлагаетъ авторъ разбираемой нами брошюры? Обращая свои совѣты къ варшавской печати, онъ, прежде всего, останавливается на задачахъ ея по отношенію къ религіознымъ вопросамъ. Того, кто знакомъ съ настроеніемъ польскаго общества, отличающагося религіозностью, нисколько не удивитъ, что онъ посвящаетъ этимъ задачамъ почти половину своей брошюры (38 стр. изъ 77). Выходя изъ принципа полной вѣротерпимости, законность и плодотворность которой онъ горячо отстаиваетъ, онъ однако доказываетъ, что политическіе интересы Польши требуютъ строгаго единенія съ католическою церковью и его земнымъ представителемъ, папою. Поляки, по его мнѣнію, должны всячески отстаивать обаяніе и могущество папы, который всегда горячо защищалъ ихъ національныя права и, слѣдовательно, является вѣрнымъ ихъ союзникомъ. Каковы бы ни были религіозныя вѣрованія поляковъ, разсуждаетъ авторъ:—не можетъ подлежать сомнѣнію, что они въ настоящій моментъ не должны пренебрегать союзниками, содѣйствующими возстановленію ихъ національныхъ правъ, а въ особенности такимъ могущественнымъ союзникомъ, какимъ все еще является папа.

И вотъ тутъ-то авторъ обрушивается своимъ гнѣвомъ на варшавскую печать, находя, что она заняла чрезвычайно странное и, въ то же время, непослѣдовательное положеніе въ церковномъ вопросѣ. По отношенію къ Россіи и Пруссіи, она, правда, всячески отстаиваетъ права и авторитетъ папы; но картина совершенно измѣняется, когда дѣло касается Италіи и Франціи. Въ послѣднемъ случаѣ, варшавскія газеты «отказываютъ въ уваженіи всѣмъ, кто не одобряетъ участіа, постигшей Римъ и церковную область, или полагаетъ, что отношенія, установившіяся между папою и итальянскимъ правительствомъ, не представляютъ достаточной гарантіи для перваго и не устраняютъ опасеній католическаго міра» (стр. 20). Мало того, варшавскіе публицисты называютъ такихъ людей «отсталыми, врагами всякаго прогресса, людьми опасными» и т. д. (стр. 17), и, не довольствуясь всѣми этими эпитетами, рѣшительно и энергически становятся на сторону враговъ папы, низвергающихъ его авторитетъ въ Италіи и Франціи. Дѣло дошло до того, восклицаетъ авторъ:—что варшавская печать, обсуждая борьбу, которую ведетъ французское правительство съ церковью, прямо защищало первое и, въ защитѣ его мѣропріятій, нисколько не стѣснялось одобрить изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи и исключеніе преподаванія Закона Божія изъ народныхъ школъ.

Спрашивается, что могло побудить варшавскую печать въпасть

въ такую явную непоследовательность? Отвѣчая на этотъ вопросъ авторъ замѣчаетъ, что голосъ польской печати не можетъ оказать никакого вліянія на рѣшенія французскаго или итальянскаго правительства и что въ этомъ отношеніи ея усилія, совершенно безцѣльны. Дальнѣйшая аргументація автора такъ интересна, что мы приведемъ подлинныя его слова: «Прежде всего, — говоритъ онъ: — какъ всѣмъ известно, русское правительство и—что еще важнѣе при настоящемъ положеніи поляковъ—русское общество считаютъ взгляды, высказанные польскою печатью, мнѣніемъ всего польскаго общества. Если, слѣдовательно, варшавская печать, не стѣсняемая въ этомъ вопросѣ цензурою, по собственному почину, громко рукоплещетъ упраздненію орденовъ, изгнанію монаховъ, отнятію у духовенства законнаго вліянія на народныя школы и другимъ средствамъ, принимаемымъ во Франціи для ослабленія религіознаго духа, то не можетъ-ли русское общество вывести отсюда заключеніе, что тѣ же мѣры, уже принятыя въ Польшѣ русскимъ правительствомъ, удовлетворили тайнымъ надеждамъ польскаго общества, или спросить о причинѣ жалобъ польскаго народа на борьбу русскаго правительства съ церковью,—борьбу, которая чрезвычайно походитъ на то, что совершается во Франціи и одобряется варшавскою печатью. Развѣ русское общество не можетъ, руководствуясь упомянутыми взглядами печати, упрекнуть польское общество въ томъ, что оно меньше заботится о свободѣ совѣсти и правахъ церкви, чѣмъ о томъ, чтобы вездѣ находить поводы къ оппозиціи правительству и къ жалобамъ, даже когда оно въ душѣ радо тому, что послѣднее совершаетъ въ Польшѣ въ церковныхъ дѣлахъ?»

Итакъ авторъ, признавшій въ принципѣ плодотворность вѣротерпимости, на практикѣ совѣтуетъ польскому обществу самому, такъ сказать, наложить на себя узду. Другими словами, онъ требуетъ отъ поляковъ, чтобы они превратили религію въ орудіе политики, чтобы всякое движеніе мысли въ религіозной сферѣ было подавлено самими же поляками, которые должны защищать папу не потому, чтобы они искренно вѣрили въ догматы непогрѣшимости или считали возстановленіе его свѣтской власти полезнымъ, а потому, что папа является вѣрнымъ союзникомъ и что онъ, слѣдовательно, можетъ помочь возвращенію имъ политической самостоятельности.

Вотъ выводъ, къ которому приходитъ авторъ по отношенію къ религіи. Къ такому же выводу онъ приходитъ, обсуждая отношенія Польши къ державамъ, между которыми она раздѣлена. И тутъ онъ начинаетъ съ похвалъ по адресу варшавской печати, указывая на то, что она чрезвычайно подробно и обстоятельно знакомитъ своихъ читателей съ мировыми событіями; но

бѣда, дескать, въ томъ, что она насквозь пропитана республиканскимъ духомъ. Конечно, — разсуждаетъ авторъ: — республиканская форма правленія въ теоріи совершеннѣе другихъ формъ, но на практикѣ она не соответствуетъ нуждамъ современныхъ европейскихъ обществъ. «Вѣдь опытъ, — продолжаетъ авторъ — убѣждаетъ, что деспотизмъ отдѣльныхъ партій, царствующихъ въ республикахъ, несравненно суровѣе, чѣмъ деспотизмъ монархическихъ правительствъ, даже наиболѣе абсолютныхъ... И дѣйствительно, республиканская форма правленія, сулящая въ теоріи всѣмъ гражданамъ наибольшую сумму свободы, на самомъ дѣлѣ — какъ свидѣлствуютъ ежедневные примѣры — хотя и доставляетъ такую свободу большинству жителей, но, въ то же время, отнимаетъ ее у меньшинства, хотя бы оно и было очень многочисленно и защищало вполне законные интересы» (стр. 43, 44 и 45). «Еслибы, — говоритъ далѣе авторъ: — Польша оставалась, какъ и теперь, составною частью другаго государства, но уже управляемаго республиканскою палатою, то она извѣдала бы не улучшеніе своей участи, а еще болѣе тяжкія преслѣдованія. Образъ дѣйствія вѣскихъ централистовъ въ Галиціи, пока они находились у власти; ненависть, постоянно проявляемая берлинскими конституціонными учрежденіями ко всему польскому... наконецъ, ожесточеніе, съ которымъ русскіе либералы (?) изыскиваютъ съ 1863 г. средства для нанесенія нравственнаго и матеріальнаго вреда польскому элементу, служить поучительными примѣрами и, въ то же время, предвѣщеніемъ того, что ожидаетъ польскій народъ, въ случаѣ, если республиканская форма правленія окажется въ рукахъ, такъ называемыхъ, либераловъ... и если международное озлобленіе не будетъ уже обуздываться вліяніемъ короны. Слѣдовательно, только самые поверхностные умы... могутъ жаждать республики или радоваться ея осуществленію. Вѣдь эта перемѣна не повлекла бы за собою возстановленія независимой Польши и не принесла бы полякамъ никакихъ выгодъ. Ихъ положеніе, напротивъ, ухудшилось бы, еслибы, вмѣсто монарха и вѣсколькихъ министровъ, — составляющихъ теперь правительство, съ которымъ соглашеніе, хотя бы только по вопросу о *modus vivendi*, представляется возможнымъ, — польское общество имѣло дѣло съ партіями, а, слѣдовательно, съ сотнями тысячъ враговъ, деспотизмъ которыхъ былъ бы, несомнѣнно, гораздо хуже нынѣшней политики монархическихъ правительствъ» (стр. 4, 9 и 50). Мало того, разъ вступивъ на путь республиканскихъ aspiraцій, «поляки, находящіеся подъ властью царя, въ силу вещей должны были бы заключить союзъ со всѣми партіями, стремящимися опрокинуть престолъ, и этимъ вызвали бы худшее, чѣмъ теперь, преслѣдованіе польской народности» (стр.

52). Между тѣмъ нынѣ, при переменѣ политической системы Россіи, въ смыслѣ болѣе значительнаго уваженія къ правамъ отдѣльныхъ народностей, соглашеніе между Россіей и Польшою вполне возможно, и, слѣдовательно, удовлетвореніе политическихъ aspiraцій польскаго общества достижимо (стр. 53) Поэтому нерасположеніе поляковъ и ихъ газетъ къ абсолютной монархіи, во всякомъ случаѣ, должно быть признано лишеннымъ основанія. При теперешнемъ положеніи Польши, когда ее, такъ сказать, приходится отстраивать за ново, еслибы польскому народу была предоставлена полная свобода въ выборѣ формы правленія, онъ, по истинѣ, не представилъ бы доказательствъ политической зрѣлости, еслибы, — вмѣсто монархическаго правительства, съ неограниченною, на время, по крайней мѣрѣ, властью и съ династіей, принимающей на себя задачу организовать независимое государство, династією, уважаемой другими державами и неуклонно преслѣдующей народную политику, — избралъ парламентаризмъ или, что еще хуже, довѣрилъ свою судьбу невѣрной игрѣ общей подачи голосовъ и республиканскому правительству, по самой природѣ своей измѣчивому, неустойчивому и неспособному къ преслѣдованію постоянной политики» (стр. 55).

Слѣдовательно, по мнѣнію автора, и въ сферѣ политической свободы, поляки должны вполне подчиниться соображеніямъ высшаго порядка, верховному закону, каковымъ ему представляется возстановленіе политической самостоятельности Польши. Этотъ законъ и тутъ долженъ всецѣло властвовать надъ ними. Полякамъ не только не слѣдуетъ увлекаться установленіемъ либеральныхъ учреждений въ Россіи; но, напротивъ, они должны всячески заботиться о томъ, чтобы между Россіей и Польшей существовала связь только въ лицѣ короны, которая, по мнѣнію автора, одна можетъ служить надежнымъ оплотомъ противъ новаго вида рабства, угрожающаго полякамъ, — рабства, обусловливаемаго ненавистью русскихъ къ полякамъ, особенно русскихъ либераловъ, «съ 1863 г. изыскивающихъ средства для нанесенія нравственнаго и матеріальнаго вреда польскому элементу». Поляки не хотятъ и не должны быть рабами ни русскаго народа, ни его интеллигенціи. Нерасположеніе автора къ политической свободѣ такъ велико, что онъ предлагаетъ полякамъ, — даже, еслибы, благодаря какому нибудь катаклизму въ Европѣ, они вернули свою самостоятельность и могли бы свободно избрать себѣ форму проявленія, — установить «*absolutum dominium*», который, по его мнѣнію, совершенно напрасно возбуждалъ постоянно страхъ среди польской интеллигенціи (стр. 56).

Какъ мы видимъ, авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается, при настоящихъ обстоятельствахъ, противъ религиозной и политической свободы. Признавая и въ той, и въ

другой, такъ сказать, принципиальное благо, онъ однако на практикѣ не считаетъ ихъ полезными факторами. Намъ, русскимъ, такой взглядъ на дѣло представляется просто непонятнымъ, и, знакомясь съ мыслями автора, мы невольно удивляемся его ретроградству, его преданности принципамъ, которые намъ кажутся отсталыми и составляютъ для насъ, какъ говорятъ нѣмцы, *einen längst überwundenen Standpunkt*. Но не слѣдуетъ забывать, что польская интеллигенція несравненно религіознѣ русской. Защита папы и его свѣтской власти для большинства поляковъ вовсе не является требованіемъ, противорѣчающимъ ихъ религіозной совѣсти. Напротивъ, всѣ попытки свободномыслящихъ поляковъ освободить массу отъ опеки римскаго первосвященника и создать чисто національную церковь, встрѣчаются ими съ видимымъ недоверіемъ. Поэтому авторъ разбираемой нами брошюры, предлагая варшавскимъ публицистамъ не одобрить усилій западныхъ правительствъ, направленныхъ къ созданію болѣе свободной религіозной жизни, ставитъ собственно только вопросъ о своевременности разрыва съ папою. Онъ очевидно полагаетъ, что поляки въ настоящій моментъ, когда они безсильны въ политическомъ отношеніи, не должны сами лишать себя преданнаго и все еще вліятельнаго союзника. И уступки, которыхъ, какъ носятъ слухи, добился Левъ XIII отъ русскаго правительства въ пользу національныхъ правъ поляковъ, какъ будто оправдываютъ этотъ взглядъ на дѣло. Другими словами, совѣты, которые даетъ авторъ польскимъ публицистамъ, диктуются не клерикализмомъ, не религіозною нетерпимостью, а исключительно политическими соображеніями. И не налагаютъ, по его мнѣнію, гнета на совѣсть его соотечественниковъ. Онъ желаетъ только удержать людей, уже эмансипировавшихся отъ римской опеки или даже дошедшихъ до религіознаго невѣрія, отъ проповѣди, которая наноситъ вредъ осуществленію политическаго идеала поляковъ.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что историческія судьбы Россіи и Польши представляютъ громадное различіе. Сосредоточеніе всѣхъ политическихъ правъ въ рукахъ сильнаго правительства, сокрушившаго свѣтскую и духовную аристократію, привело Россію къ теперешнему ея международному могуществу. Напротивъ, Польша, — гдѣ королевская власть совершенно подпала подъ вліяніе шляхты и католической іерархіи, — постепенно лишалась своего могущества и, наконецъ, дождала до полнаго политическаго паденія. Поэтому весьма понятно, что новѣйшіе выдающіеся польскіе историки (Шуйскій, Бобржинскій) окончателно отрѣшившіеся отъ идеализированія исторіи и старающіеся трезвымъ анализомъ выяснитъ истинныя причины паденія Польши, указываютъ именно на слабость коро-

левской власти, какъ на основную причину этого горестнаго для нихъ событія. Вѣрно-ли они поставили діагнозъ болѣзни — другой вопросъ, но труды ихъ произвели сильное дѣйствіе на польскіе умы. Не забудемъ, кромѣ того, что поляки послѣ горькихъ опытовъ, вынесенныхъ ими въ XIX ст., пришли теперь къ сознанию, что если въ прошломъ столѣтіи Польша навела смертельный ударъ «liberum veto», то въ текущемъ основною причиною ихъ бѣдствій является, по выраженію одного виднаго польскаго дѣятеля, «liberum conscripto». Они убѣдились въ томъ, что вѣчные заговоры и революціи имъ только повредили, что путемъ мирнаго воздѣйствія на русскую государственную власть они могли бы гораздо легче достигнуть осуществленія желательныхъ цѣлей или, во всякомъ случаѣ, предупредить полную потерю національныхъ правъ. Живымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи имъ служитъ Финляндія. И, именно въ тотъ моментъ, когда они приходятъ къ этому сознанию, въ Россіи замѣчается сильный подъемъ національнаго духа, принимающаго болѣзненное направленіе и выражающагося въ преслѣдованіи другихъ національностей. Газетныя статьи органовъ, зараженныхъ славянофильствомъ, которыя нерѣдко дышатъ племенной и религіозною нетерпимостью, послужили полякамъ предостереженіемъ, и ихъ сильно тревожитъ мысль, что гнетъ русскаго общества окажется сильнѣе гнета русскаго правительства. Кромѣ того, дѣйствія прусскаго правительства въ Познани служатъ имъ доказательствомъ, что парламентаризмъ не является для нихъ спасительнымъ, что конституціонный режимъ можетъ даже ухудшить ихъ положеніе, давая большій просторъ племенной нетерпимости преобладающаго въ численномъ отношеніи кореннаго населенія. Этимъ объясняется нерасположеніе автора къ самому парламентаризму и ко всему, что съ нимъ имѣетъ связь. Его раздражаетъ даже мысль о существованіи политическихъ партій въ Польшѣ.

«Нѣтъ и даже не можетъ быть среди польскаго общества, говоритъ онъ:—однообразія въ оцѣнкѣ разныхъ теченій, которыя въ другихъ странахъ вызываютъ перевороты и важныя политическія реформы. Но это различіе во взглядахъ не выводитъ изъ области теоретической и не можетъ привести къ какому нибудь положительнымъ послѣдствіямъ. Поэтому оно не служитъ основаніемъ для раздѣленія польскаго общества на партіи, ведущія между собою борьбу о преобладаніи той или другой доктрины. Политическія или социальныя партіи могли бы, слѣдовательно, образоваться въ польскомъ обществѣ только въ случаѣ возстановленія его государственной самостоятельности или хотя бы только народнаго самоуправленія. Нынѣ каждая

основывалась бы на экици и сама была бы «экициею»

изъ нѣтъ
(стр. 72).

По мнѣнію автора, въ Польшѣ нѣтъ ни консерваторовъ, ни радикаловъ, ни аристократовъ, ни демократовъ; есть только люди, предъерживающіеся началъ трезваго прогресса,—прогресса, заключающагося въ томъ, чтобы выйти изъ настоящаго тягостнаго положенія и добиться «народнаго самоуправленія», которое одно можетъ обезпечить за Польшею нормальное развитіе всѣхъ ея духовныхъ и матеріальныхъ силъ.

Резюмируя мысль автора, мы видимъ, что онъ является рѣшительнымъ врагомъ религиозной и политической свободы, считая ее преградой на пути къ осуществленію основной цѣли всякаго добраго полка. Его совѣты варшавской журналистикѣ сводятся къ своему рода современному макиавелизму. Когда внѣшнія или внутреннія условія ставятъ народъ въ невозможность достигнуть цѣли, которой онъ жаждетъ всѣми силами своей души, и онъ тяготеетъ своимъ положеніемъ; когда это положеніе, напоминая ему на каждомъ шагѣ о себѣ, поглощаетъ всю его политическую мысль; когда онъ, въ то же время, чувствуетъ себя бессильнымъ нормальными средствами или примѣненіемъ грубой силы добиться осуществленія своего завѣтнаго желанія,—тогда онъ начинаетъ забывать велѣнія нравственности, становится хитрымъ и лицемернымъ, перестаетъ вѣрить въ истину и справедливость, пренебрегаетъ нормальными своими интересами и, наконецъ, рождаетъ теоретиковъ, которые, объединяя отрывочныя воззрѣнія его на борьбу, приводятъ ихъ въ систему, поражающую нормальнаго человѣка своею безнравственностью, насильственностью, дикостью. Со всѣми этими явленіями мы встрѣчаемся, напримѣръ, въ Италіи конца XV ст., и имя Николо Макиавелли останется всегда памятнымъ, какъ имя мыслителя, который, будучи всей душою преданъ идеѣ, предлагалъ для ея достиженія возмутительно-безнравственныя средства. Анонимный авторъ разбираемой нами брошюры очевидно является послѣдователемъ знаменитаго итальянскаго политика.

Подвергать-ли основныя его положенія критикѣ?

Говорить-ли о томъ, что только тамъ, гдѣ личность пользуется свободой, гдѣ она можетъ безъ всякихъ стѣсненій высказывать свой взглядъ на пути и средства, обезпечивающія благо страны, гдѣ ей разрѣшено вступать въ союзъ съ единомышленниками или товарищами по экономическимъ или социальнымъ интересамъ, гдѣ свободно проявляется принципъ ассоціаціи въ примѣненіи къ частнымъ обществамъ и политическимъ партіямъ,—что только тамъ возможенъ полный разцвѣтъ народной жизни во всѣхъ ея сферахъ. Абсолютной свободы, понятно, нигдѣ нѣтъ. Политическая власть,—въ лучшемъ случаѣ, во имя

общихъ интересовъ страны,—ставитъ всегда массу претятвѣй свободѣ. Но по-истинѣ печальное зрѣлище представляетъ общество, которое отказывается отъ предоставленной ему ничтожной свободы и, само налагая гнетъ на умы, не даетъ личности развиваться во всей полнотѣ ея духовныхъ силъ. Такой примѣръ представляла и отчасти до сихъ поръ еще представляетъ Испанія, и достаточно назвать эту страну, чтобы въ нашей памяти воскресла картина незаслуженно гибнущей личности и подавленной въ своемъ развитіи цивилизаціи.

Опасность, заключающаяся въ подавленіи свободы личности самимъ обществомъ,—будь это для составленія заговоровъ или для вступленія въ союзъ съ сомнительными силами, въ давномъ случаѣ, напримѣръ, съ папою,—къ счастью, признана и въ самой Польшѣ. Когда, послѣ долгихъ лѣтъ апатіи, слѣдовавшихъ за возстаніемъ 1863 г., польское общество стало обсуждать животрепещущій вопросъ о томъ, какъ быть полякамъ на будущее время, цвѣтъ польской интеллигенціи, собравшейся въ Краковѣ для празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Крашевскаго, высказался въ томъ смыслѣ, что задача всѣхъ благомыслящихъ поляковъ должна заключаться во «внутреннемъ развитіи» края. Подъ этимъ словомъ разумѣлся прямодушный отказъ отъ попытокъ возстановленія Польши вооруженною рукою и посвященіе себя дѣлу свободнаго изслѣдованія и мирнаго труда, направленаго къ упроченію внутренняго могущества націи и къ достиженію мирныхъ культурныхъ задачъ. Вступить на этотъ путь значило не только эмансипировать личность отъ гнета общества, но и открыть широкое поле для совмѣстной дѣятельности русской и польской интеллигенціи, и поэтому наша печать ухватилась, съ поспѣшностью и чувствомъ удовлетворенія, за брошенную въ Краковѣ мысль, видя въ ней важный залогъ успѣванія обоихъ народовъ. Правда, находились голоса, которые выражали сомнѣніе относительно искренности этого поворота въ польской общественной мысли. Говорили, что поляки слишкомъ преданы своимъ традиціямъ, слишкомъ живутъ въ прошломъ, слишкомъ враждебно относятся ко всему русскому, чтобы новая политика, находящаяся въ разладѣ съ установившимися традиціями и требующая созданія *modus vivendi* съ русскими, могла рассчитывать на успѣхъ и получить широкое примѣненіе. Сомнѣнія эти имѣли, безспорно, основаніе, такъ какъ они вытекали изъ всей предыдущей исторіи Польши; но они оказались, въ данномъ случаѣ, сильно преувеличенными. Польское общество, пострадавши очень много отъ внутреннихъ раздоровъ, теперь можетъ считаться обществомъ, отлично дисциплинированнымъ. Голосъ людей, съумѣвшихъ пріобрѣсти его довѣріе, оказываетъ на него сильное вліяніе, и

оно готово и способно подчиняться ихъ совѣтамъ во всѣхъ во-
 просахъ, **требующихъ** единенія. Поэтому провозглашенный въ
 Краковѣ **лозунгъ**, — какъ онъ ни противорѣчилъ, во многихъ от-
 ношеніяхъ, **установившимся** взглядамъ, симпатіямъ и антипаті-
 ямъ, — **оказавъ** свое дѣйствіе и повліялъ преимущественно на
 варшавскую **печать**, которая старалась сообразоваться съ нимъ
 въ своей **дѣятельности**. Препрежне слѣпое отстаиваніе вѣковыхъ
 традицій **стало** постепенно смѣняться болѣею свободою въ
 обсужденіи **текущихъ** политическихъ, социальныхъ и экономи-
 ческихъ **вопросовъ**, а въ частности, по отношенію къ Россіи,
 этотъ поворотъ въ **общественной** мысли выразился въ отведе-
 ніи болѣе **или менѣ** обширныхъ рубрикъ для ознакомленія
 польскихъ **газетныхъ** читателей съ русскою жизнью во всѣхъ
 ея проявленіяхъ.

Для поляка, какъ и для русскаго, вопросъ о томъ, суще-
 ствуетъ-ли путь, по которому оба народа могли бы, въ силу не
 вѣншнаго принужденія, а внутренняго убѣжденія, идти совме-
 сто, — является вопросомъ чрезвычайно важнымъ. Отрицательный
 отвѣтъ на него означаетъ вѣчную борьбу, либо открытую, — со-
 приженную съ кровопролитіемъ и безчисленными жертвами и
 предвѣщающую полякамъ, въ случаѣ побѣды, новыя кровопро-
 литія и новыя жертвы, въ случаѣ же пораженія подавленіе сво-
 боды и отсрочку культурныхъ задачъ, — либо глухую, тайную,
 выражающуюся въ подтачиваніи успѣховъ русской культуры со
 стороны поляковъ и польской — со стороны русскихъ. Положи-
 тельный же отвѣтъ, напротивъ, означаетъ соединеніе силъ двухъ
 народовъ для достиженія общихъ культурныхъ задачъ, означаетъ
 примиреніе отдаленной мечты съ окружающею насъ дѣйстви-
 тельностью, означаетъ возможность покончить съ внутреннимъ
 разладомъ, который царствуетъ въ душѣ поляка, дѣйствующаго
 въ Россіи, и русскаго, дѣйствующаго въ Польшѣ. На возмож-
 ность ршенія этого вопроса и указывалъ лозунгъ, про-
 возглашенный съ такою торжественностью въ Краковѣ; но,
 должно быть, онъ далеко еще не составляетъ прочнаго достоя-
 нія польской жизни, если все еще появляются и встрѣчаютъ
 сочувствіе макивельстическія теоріи, въ родѣ только что на-
 ми разобранной.

Какъ бы то ни было, мы указали на разные теченія, замѣ-
 чаемая въ польской политической мысли. Этимъ исчерпывает-
 ся ближайшая цѣль нашей статьи.

Р. Сементновскій.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Значеніе желѣзныхъ дорогъ въ государственной экономіи.—Условія прибыльности и убыточности желѣзныхъ дорогъ.—Бессистемность въ нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ и управленіи.—Сопоставленіе той сѣти желѣзныхъ дорогъ, которой требуютъ общегосударственные наши интересы, съ нынѣ существующею.—Акціонерныя общества, ихъ права и значеніе въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ.—Правительство, какъ фактический и полноправный хозяинъ всѣхъ существующихъ нынѣ желѣзныхъ дорогъ.—Правительственный контроль на желѣзныхъ дорогахъ и причины безпорядковъ и злоупотребленій.—Почему невозможно допустить чиновно-канцелярскую систему въ завѣдываніи и управленіи желѣзными дорогами?—Неразрѣшимость желѣзнодорожного вопроса внѣ вопроса объ организаціи мѣстнаго управленія. — Новое крушеніе на николаевской желѣзной дорогѣ и лганье «Голоса».

Въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, особенное вниманіе печати и общества обращено было на положеніе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи и на желѣзнодорожные безпорядки. Давній, застарѣлый вопросъ объ изытаніи желѣзнодорожнаго дѣла изъ частныхъ рукъ обострился до крайней степени.

Желѣзныя дороги,—эти питательныя, жизненныя артеріи государства,—такъ глубоко и непосредственно захватываютъ самыя существенныя общегосударственные интересы, что скольконибудь опредѣленная политика правительства въ дѣлахъ государственной экономіи не должна и не можетъ допустить какаго бы то ни было частнаго хозяйничанья въ желѣзнодорожныхъ дѣлахъ. Тѣмъ болѣе невозможно допустить сосредоточеніе всего желѣзнодорожнаго дѣла въ частныхъ рукахъ, какъ это практикуется у насъ почти уже 25 лѣтъ, со времени возникновенія «главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ»—одного изъ самыхъ странныхъ, по существу дѣла, и несостоятельнѣйшихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, частныхъ обществъ, когда либо существовавшихъ въ Россіи. Если въ дѣлахъ почтъ и телеграфовъ, во всемъ образованномъ мірѣ, считается невозможнымъ частное хозяйничанье, то тѣмъ болѣе невозможно оно въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. потому что слишкомъ рискованно и вредно для государства подчинять интересы населенія выгодамъ частныхъ

лишь; слишкомъ рискованно и вредно ставить населенію въ такомъ живогрепешущемъ дѣлѣ, какъ сообщеніе и передвиженіе грузовъ, въ зависимость отъ произвола частныхъ лицъ. Съ другой стороны, при условіи доходности желѣзныхъ дорогъ, онѣ даютъ слишкомъ быстрое и колоссальное обогащеніе, которое должно быть достояніемъ государства, какъ скопленіе кровныхъ, трудовыхъ средствъ населенія, но ни въ какомъ случаѣ не частныхъ лицъ, такъ какъ это слишкомъ сильно и несправедливо нарушало бы экономическое равновѣсіе различныхъ слоевъ населенія. Наоборотъ, при не доходности желѣзныхъ дорогъ, онѣ даютъ такой колоссальный убытокъ, который не выдержать частнымъ средствамъ, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Помощь, которую обыкновенно оказываетъ въ этомъ случаѣ правительство частнымъ лицамъ (а такая помощь оказывается у насъ теперь почти всѣмъ существующимъ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, притомъ съ безпримѣрною щедростью), наглядно доказываетъ несомѣстимость желѣзнодорожнаго дѣла съ частною предприимчивостью, непосильность его для частныхъ лицъ. Но если строить дороги, сообразуясь съ дѣйствительнымъ запасомъ естественныхъ богатствъ, съ производительными силами страны, съ потребностями передвиженія и, по возможности, равномернаго расселенія по всей русской территоріи, то не доходность желѣзныхъ дорогъ — дѣло невозможное. Обыкновенно, каждая вновь открывающаяся желѣзнодорожная линія, на первыхъ порахъ, мало-доходна или даже убыточна, но, затѣмъ, доходность ея правильно возрастаетъ. Можетъ случиться, что по какимъ либо несчастнымъ обстоятельствамъ та или другая желѣзнодорожная вѣтвь даетъ въ извѣстный годъ убытокъ. Но это будетъ совершенно нечувствительный убытокъ, по сравненію съ общимъ желѣзнодорожнымъ доходомъ, и если желѣзнодорожное хозяйство и управленіе сосредоточено въ однихъ рукахъ, въ вѣдѣніи правительства, то, въ общемъ, ежегодно будетъ получаться колоссальный доходъ отъ эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ путей. Желѣзныя дороги, какъ и рѣки, стягиваютъ къ себѣ населеніе, потому что это—артерія и нервы государственной жизни и дѣятельности. Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Америкѣ представляетъ слишкомъ убѣдительное доказательство того, что продолжить желѣзнодорожный путь черезъ малонаселенныя или даже вовсе не заселенныя мѣстности—одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ вызвать заселеніе и эксплуатацію естественныхъ богатствъ. Желѣзная дорога, въ этомъ случаѣ, представляетъ собою такую затрату капитала, возвратъ которой возможенъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Это, опять-таки, въ виду русскаго безденежья, возможно только для государства, но не для частныхъ лицъ, заинтересованныхъ

въ возможно-быстромъ полученіи барышей, не преслѣдуютъ, и не могущихъ даже преслѣдовать въ своихъ частныхъ предпріятіяхъ цѣлей общегосударственныхъ. Указанный притязаніи Америки имѣетъ огромное значеніе въ отношеніи Россіи, гдѣ такъ обострился, въ настоящее время, переселенческій вопросъ, гдѣ соединеніе желѣзнодорожнымъ путемъ Европейской Россіи со всѣми азіатскими нашими владѣніями представляетъ перво-степенную государственную потребность въ данный моментъ, какъ со стороны необходимости отлива населенія изъ Европейской Россіи въ Азіатскую, такъ и со стороны поднятія культуры азіатскихъ нашихъ владѣній, увеличенія здѣсь эксплуатаціи естественныхъ богатствъ и упроченія нашего авторитета въ этихъ владѣніяхъ.

Словомъ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали это дѣло, желѣзныя дороги должны быть достояніемъ общегосударственнымъ; ихъ хозяйство и управленіе, вся желѣзнодорожная эксплуатация должны быть сосредоточены въ рукахъ правительства, безъ какой бы то ни было прикосновенности къ этому дѣлу частныхъ лицъ. Даже въ Англіи, — странѣ, гдѣ невмѣстательство правительственной власти въ частную предпріимчивость возведено въ принципъ, оберегаемый въ высшей степени ревниво, — признано невозможнымъ оставленіе желѣзныхъ дорогъ въ частныхъ рукахъ. Даже въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ всѣ желѣзныя дороги устроены на частныя средства, гдѣ частный починъ и самостоятельность во всѣхъ сферахъ человеческой дѣятельности абсолютно не знаетъ опеки, — сосредоточеніе желѣзнодорожнаго дѣла въ рукахъ правительства является, можно сказать, злобою дня.

Излишне было бы здѣсь излагать исторію нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Это сдѣлано А. А. Головачевымъ въ его капитальномъ сочиненіи — «Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи». Можно соглашаться или не соглашаться съ выводами г. Головачева, но фактическая сторона его сочиненія одинаково обязательна для всѣхъ. Да, вдобавокъ, она разработана умно, добросовѣстно, притомъ на основаніи оффиціальныхъ данныхъ. Чрезвычайно грустное, почти безнадежное впечатлѣніе производитъ исторія нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Минуло уже 46 лѣтъ со времени разрѣшенія первой желѣзной дороги въ Россіи. За это время выросла желѣзнодорожная сѣть, протяженіемъ болѣе 20,000 верстъ. Не смотря на 25-лѣтній срокъ существованія у насъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, правительство было всегда и остается до сихъ поръ главнымъ плательщикомъ расходовъ на желѣзнодорожныя нужды. Казалось бы, все это, взятое вмѣстѣ, должно было привести къ установленію какой либо опредѣленной правительственной политики въ желѣзнодоро-

рожномъ дѣлѣ, т. е. въ способахъ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Въ дѣйствительности же, ничего подобнаго не существуетъ. Переходы отъ правительственныхъ построекъ желѣзныхъ дорогъ къ частнымъ, и наоборотъ, происходятъ весьма часто, и притомъ по самымъ таинственнымъ мотивамъ; постоянныя колебанія въ условіяхъ концессій и порядкѣ утвержденія ихъ заставляютъ предполагать отсутствіе какихъ бы то ни было опредѣленныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Наконецъ, самое учрежденіе особой желѣзнодорожной комиссіи (подъ предсѣдательствомъ графа Баранова), внѣ вѣдомства министерства финансовъ и путей сообщенія, для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, даетъ серьезное основаніе думать, что въ распоряженіи правительственной власти не имѣется надлежащихъ данныхъ для оцѣнки положенія желѣзныхъ дорогъ, ихъ отношенія къ нуждамъ населенія, а также для разрѣшенія вопроса о системѣ ихъ постройки и эксплуатаціи. Печать оказала государству незамѣнимую услугу въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Она была самымъ бдительнымъ и безпристрастнымъ контролеромъ въ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Она всесторонне изучила это дѣло, предоставила правительственной власти самыя вѣскія доказательства невозможности оставленія желѣзныхъ дорогъ въ нынѣшнемъ ихъ положеніи; въ теченіе многихъ лѣтъ уже, она не перестаетъ указывать на страшный вредъ для государства и общества отъ существующихъ порядковъ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Устроить желѣзнодорожную сѣть болѣе чѣмъ въ 20 тыс. верстъ—дѣло не шуточное. Самый фактъ этой постройки представляетъ предполагать тщательное изученіе Россіи въ экономическомъ и промышленномъ отношеніи. Проселочную дорогу не устраиваютъ зря, а заботливо оглядываются сначала на потребности мѣстнаго населенія. Тѣмъ болѣе необходима самая добросовѣстная и всесторонняя осмотрительность при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, сопряженномъ съ огромными матеріальными затратами. Существующая желѣзнодорожная сѣть обошлась болѣе чѣмъ въ два милліарда рублей, въ томъ числѣ на долю казны приходится болѣе 1.732,000,000 р у б л е й. Если разумно затратить такую колоссальную цифру на желѣзнодорожное дѣло изъ средствъ казны,—то можно кореннымъ образомъ реформировать дѣятельность страны въ экономическомъ отношеніи и направить ее по пути непрерывнаго прогресса и самоусовершенствованія. Основательно затративъ изъ средствъ казны такую тѣму денегъ, можно было бы создать неизсякаемый казенный источникъ для новой и новой постройки желѣзныхъ дорогъ, т. е. образовать, до нѣкоторой степени, оборотный желѣзнодорожный капиталъ, такъ что каждая построенная дорога дол-

жна давать готовые средства для новой желѣзной дороги и т. д. Глядя на дѣло съ этой точки зрѣнія и принимая въ расчетъ размѣры затратъ на желѣзнодорожное дѣло изъ средствъ казны, приходится недоумѣвать, что у насъ имѣется до сихъ поръ только около 20 тыс. верстъ желѣзнодорожнаго пути, а не вдвое или втрое болѣе, такъ какъ существующіе желѣзнодорожные пути должны бы давать правительству матеріальныхъ средствъ для безостановочнаго увеличенія желѣзнодорожной сѣти; государственныя средства эти должны ежегодно возрастать въ значительной прогрессіи. Тѣмъ болѣе непонятно, съ другой стороны, въ чемъ можетъ заключаться имущественное отношеніе желѣзнодорожныхъ обществъ къ существующей сѣти желѣзныхъ дорогъ, если на долю казны падаетъ около трехъ четвертей общаго желѣзнодорожнаго расхода. Все это естественно вызываетъ вопросы: съ чѣмъ сообразовались, чѣмъ руководствовались при устройствѣ нынѣшней сѣти желѣзныхъ дорогъ? Что даютъ желѣзныя дороги частнымъ обществамъ и казнѣ?

Прежде всего, невольно поражаетъ, что, не смотря на протяженіе желѣзнодорожной сѣти болѣе чѣмъ въ 20,000 в., у насъ не соединены не только Балтійское море съ Великимъ (восточнымъ) океаномъ, Бѣлое море съ Балтійскимъ, но даже Каспійское съ Чернымъ. Между тѣмъ первѣйшее государственное назначеніе желѣзной дороги въ томъ именно и состоитъ, чтобы соединить Петербургъ, какъ крайній западный портъ, съ Владивостокомъ или Николаевскомъ на Амурѣ—крайнимъ восточнымъ портомъ; Архангельскъ, какъ крайній сѣверный портъ, съ Одессою—однимъ изъ важнѣйшихъ нашихъ южныхъ портовъ. Это два основныхъ магистральныхъ пути, которые сблизили бы сѣверъ Россіи съ югомъ, востокъ съ западомъ, и окончательно уничтожили бы разобщенность между европейскими и азіатскими нашими владѣніями. Если къ этому прибавить еще двѣ дополнителныя желѣзнодорожныя линіи отъ Баку, какъ важнѣйшаго торговаго пункта на берегу Каспійскаго моря, одну—къ Черному морю, другую—къ пункту пересѣченія магистральныхъ путей (архангельско-одесскаго и петербургско-амурскаго), то такая желѣзнодорожная сѣть, почти равная по протяженію нынѣшней сѣти, наиболее всесторонне обнимала бы внутреннія наши государственныя потребности на всей русской территоріи. Она давала бы возможность русскому человѣку чувствовать себя «дома» не только въ центральной Россіи, но и на далекомъ сѣверѣ, въ отдаленнѣйшихъ окраинахъ востока и Каспійскомъ побережьѣ Кавказа и Закавказья. Такая желѣзнодорожная сѣть представляла бы собою артерію, по которымъ переливалась бы промышленная дѣятельность во всемъ государственномъ организмѣ. Она связала бы, словно живыми и чувствительными нер-

разрозненныя нынѣ части русской территоріи въ одно политическое тѣло. По истинѣ грандіозно было бы значеніе такой желѣзнодорожной сѣти и въ смыслѣ національнаго нашего объединенія, и со стороны экономическаго роста и развитія внутренней нашей промышленности, и, наконецъ, въ международномъ отношеніи. Мы одинаково чувствовали бы себя «дома», какъ въ европейскихъ, такъ и въ азіатскихъ нашихъ владѣніяхъ. Государству съ 100-милліоннымъ населеніемъ, у котораго, вдобавокъ, сѣверъ соединенъ съ югомъ, западъ—съ востокомъ, у котораго всѣ отдаленнѣйшія части территоріи слиты въ одно государственное тѣло, нечего бояться какихъ бы то ни было вторженій по европейской или азіатской границѣ. Такому государству оставалось бы только неуклонно заниматься мирнымъ внутреннимъ развитіемъ во всѣхъ отрасляхъ народной жизни и дѣятельности,—и оно, въ самомъ непродолжительномъ времени, сдѣлалось бы могущественнѣйшимъ государствомъ въ мірѣ. Здѣсь мы имѣемъ чрезвычайно выразительный примѣръ того, что желѣзнодорожная сѣть, рассчитанная на удовлетвореніе общегосударственныхъ экономическихъ потребностей, представляетъ наибольшее совершенство въ стратегическомъ и политическомъ отношеніи, въ широкомъ смыслѣ слова. На желѣзнодорожную сѣть, какъ она намѣчена выше, не жаль было бы израсходовать не только два милліарда, а вдвое, втрое болѣе, еслибы этого потребовали обстоятельства. Это была бы самая производительная затрата казны. Со времени открытія николаевской желѣзной дороги прошло уже 30 лѣтъ. Въ такой значительный промежутокъ времени, намѣченная выше желѣзнодорожная сѣть нѣсколько разъ уже возвратила бы государству затраченныя на нее деньги и дала бы такой огромный доходъ, за счетъ котораго можно было бы буквально изрѣзать Россію побочными желѣзнодорожными вѣтвями отъ основныхъ магистральныхъ путей. Мало того: та желѣзнодорожная сѣть, которая намѣчена выше, буквально переродила бы Россію въ 30-лѣтній промежутокъ времени, какъ въ промышленно-экономическомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи. Теперь наши лже-народники въ ложномъ пафосѣ называютъ Россію «колоссомъ». А тогда она была бы дѣйствительно колоссомъ и по своему матеріальному достатку, и по нравственной солидарности разрозненныя нынѣ ея частей, и по своему авторитету въ международныхъ дѣлахъ.

Совершенно обратный результатъ получается, если разсмотрѣть значеніе нынѣшней желѣзнодорожной сѣти. Значеніе этой сѣти съ общегосударственной точки зрѣнія рѣшительно ничтожно. Она рассчитана на нужды не всей російской имперіи, а только Европейской Россіи, да и то лишь центральной и южной ея полосъ. Сѣть эта имѣетъ какой-то оборванный характеръ. Такъ,

напримѣръ, нѣтъ до сихъ поръ архангельско-вятской дороги, вслѣдствіе чего сѣверъ Россіи остается разобщеннымъ отъ остальной территоріи; нѣтъ рижско-виндавской дороги, что наноситъ ущербъ торговлѣ въ сѣверной полосѣ, не имѣющей доступа къ незамерзающему виндавскому порту; нѣтъ владивкаско-новороссійской дороги, что закрываетъ сбытъ продуктовъ такому богатому краю, какъ Кубанская область и смежныя съ нею части Кавказа и Новороссійскаго края. Если оцѣнивать значеніе нашихъ дорогъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ потребностей, — по неволѣ приходится признать, что эту «сѣть» проектировали, такъ сказать, зажуривъ глаза на общегосударственные потребности, забывъ, попросту, объ ихъ существованіи. Если достроить ее согласно первоначальнымъ официальнымъ проектамъ, — то получится масса конкурирующихъ между собою путей, что представляетъ чистѣйшій абсурдъ съ точки зрѣнія желѣзнодорожныхъ интересовъ; деньги, потраченныя на конкурирующіе пути — почти брошенные деньги; требуется огромный подъемъ внутренней нашей промышленности, чтобы одинъ изъ конкурирующихъ путей не погибъ, и, во всякомъ случаѣ, такой подъемъ возможенъ лишь въ отдаленномъ будущемъ. Короче говоря, существующая желѣзнодорожная сѣть, въ ея оборванномъ, незаконченномъ видѣ, съ ея умышленно-пригнаннымъ направленіемъ на «западъ» во что бы то ни стало, производитъ такое впечатлѣніе, словно она создана исключительно для путешествій и самаго бѣшенаго вывоза русскаго сырья за границу непремѣнно по «западной» линіи. Трудно сказать, что собственно имѣлось въ виду при устройствѣ нынѣшней желѣзнодорожной сѣти: «западъ» ли мы хотѣли заманить къ себѣ, или боялись не ударить передъ нимъ лицомъ въ грязь, или, еще проще, дѣломъ руководила слѣпая случайность, безъ всякой опредѣленной цѣли. Весьма вѣроятно, что всѣ эти обстоятельства имѣли свою долю вліянія. Но, само собою разумѣется, «западъ» мы не заманили къ себѣ. Онъ идетъ только туда, гдѣ уважаются, прежде всего, внутренніе интересы страны и ставится на первый планъ удовлетвореніе дѣйствительныхъ народныхъ потребностей.

У насъ, почему-то, установился обычай, что передъ чело-
вѣкомъ, помышляющимъ о желѣзнодорожномъ строительствѣ, точнѣе — о полученіи концессіи, свободно и широко раскрываются всѣ тѣ двери, черезъ которыя, обыкновенно, такъ трудно бываетъ проходить людямъ, не занимающимся желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Образовалась даже цѣлая формація людей, возведенныхъ въ крупныя генеральскіе чины и украшенныхъ наиболѣе почетными орденами, исключительно за ловкость въ полученіи желѣзнодорожныхъ концессій. Сложился взглядъ, что каждая желѣзная дорога, откуда и куда-бы она ни шла, какое

бы она ни имѣла отношеніе къ остальной сѣти желѣзныхъ дорогъ,—благодѣяніе для государства. На этомъ основалось наше отношеніе къ желѣзнодорожникамъ, какъ къ «персонамъ», благодѣтельствующимъ, будто бы, государству, и предоставленіе имъ всевозможныхъ вольностей и льготъ, какъ «благодѣтелямъ». Между тѣмъ, искусственность въ направленіи желѣзныхъ дорогъ, не связанныхъ съ дѣйствительными потребностями государства и населенія—большой вредъ, какъ всякій расходъ, не основанный на точномъ экономическомъ разсчетѣ. Мы не скажемъ, что два милліарда, затраченные на устройство нынѣшней желѣзнодорожной сѣти, представляютъ собою брошенные деньги; но, во всякомъ случаѣ, возвратъ ихъ возможенъ лишь въ отдаленномъ будущемъ; въ настоящемъ же получается искусственное отвлеченіе капиталовъ отъ удовлетворенія болѣе насущныхъ народныхъ потребностей. У насъ это недостаточно сознается; но за-границей понимаютъ это вполне опредѣленно. Поэтому намъ и даютъ деньги подъ русскія желѣзныя дороги не иначе, какъ на условіяхъ правительственнаго обязательства. Между тѣмъ, при условіи желѣзнодорожной сѣти, охватывающей общегосударственныя потребности, какъ мы намѣтили ее выше въ общихъ чертахъ, можно было привлечь какую угодно массу заграничныхъ капиталовъ. Огромная доходность этой магистральной желѣзнодорожной сѣти, стягивающей къ себѣ промышленность всего государства, была бы слишкомъ солидною и убѣдительною гарантіею помѣщенныхъ подъ дорогу капиталовъ, такъ что не могло бы быть, въ этомъ отношеніи, никакихъ сомнѣній.

Въ нынѣшней желѣзнодорожной сѣти преобладаютъ, главнымъ образомъ, цѣли стратегическія. Въмѣстѣ съ тѣмъ, она удовлетворяетъ, до нѣкоторой степени, потребностямъ заводской промышленности центральной Россіи. Зато потребности земледѣльческой промышленности оставлены ею въ полномъ почти пренебреженіи. Кто проектировалъ эти желѣзныя дороги?—За исключеніемъ николаевской желѣзной дороги, задуманной на разумныхъ основаніяхъ, всѣ остальные желѣзнодорожныя линіи проектировались канцеляріями, при участіи, если только не подъ диктовку «проектеровъ», имѣвшихъ чисто хищническіе виды въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ. Какъ велико было бы значеніе желѣзнодорожной сѣти, рассчитанной на общегосударственныя потребности, можно заключить до нѣкоторой степени изъ того, что на всѣхъ линіяхъ, приближающихся къ удовлетворенію потребностей торгово-промышленной дѣятельности (какова, напримѣръ, линія николаевская и далѣе на Козловъ, къ Царицыну), вы встрѣчаете такіе дебаркадеры и развѣздные пути (напримѣръ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Рязсѣ,

Козловъ, Царицынъ и нѣкоторыхъ другихъ наиболее бойкихъ торговыхъ пунктахъ), сравнительно съ которыми даже перво-классные европейскіе дебаркадеры (въ Парижѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ) представляются, такъ сказать, «хижинами дяди Тома»!

Русское сырьё, движущееся безконечною лавиною по указаннымъ желѣзнодорожнымъ линиямъ, расперло на нихъ дебаркадеры и разъездные пути. Подумайте теперь, въ какую гигантскую лавину продуктовъ народнаго труда превратились бы эти желѣзные линіи, еслибы онѣ хоть сколько нибудь позаботились объ удовлетвореніи потребностей сельско-хозяйственной промышленности и приспособили свой подвижной составъ къ удобной и быстрой перевозкѣ скота, мяса въ тушахъ, фруктовъ, молочныхъ продуктовъ и т. д., еслибы хоть нѣсколько поумѣрили жажду барышей и назначали бы такіе тарифы, которые не увеличивали бы первоначальной стоимости продуктовъ въ нѣсколько разъ. Даже въ отношеніи хлѣбной торговли, составляющей главную статью дохода желѣзныхъ дорогъ, желѣзнодорожныя управленія проявили преступнѣйшую халатность. Не говоря уже о высокомъ тарифѣ за провозку хлѣба и о медленности доставки, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ не оказалось приюта для хлѣбныхъ грузовъ, задерживаемыхъ на пути по милости желѣзнодорожныхъ управленій. Кули съ хлѣбомъ валялись на открытыхъ платформахъ, подмокали и гнили миллионами пудовъ—и сотни крупныхъ и мелкихъ хлѣбныхъ торговцевъ разорялись. Только въ послѣдніе два года, вслѣдствіе указаній печати и жалобъ хлѣбныхъ торговцевъ, принимаются, кое-гдѣ, кое-какія мѣры для укрыванія хлѣбныхъ грузовъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ; но объ удешевленіи и ускореніи доставки хлѣба, особенно внутри Россіи, въ виду такъ часто повторяющихся голодовокъ, нѣтъ и помина. Такимъ образомъ, помимо неприспособленности нынѣшней желѣзнодорожной сѣти къ потребностямъ промышленно-экономической дѣятельности, пужно имѣть еще въ виду полнѣйшій индифферентизмъ желѣзнодорожныхъ управленій къ нуждамъ народной жизни въ томъ небольшомъ районѣ Россіи, который охватывается теперь желѣзнодорожною сѣтью. Вся забота желѣзнодорожниковъ сводится къ тому, какъ бы поскорѣе урвать кусокъ «общественнаго пирога»; а не умретъ ли кто съ голода отъ этого урванія, будетъ ли съ чего урвать «кусокъ» завтра, — объ этомъ желѣзнодорожники не заботятся.

Теперь поговоримъ о желѣзнодорожныхъ акціонерныхъ обществахъ. А. А. Головачовъ, въ книгѣ своей «Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи», справедливо называетъ эти общества «фикиціями, которые составляются концессионерами, существуютъ только на бумагѣ и служатъ лишь для того, чтобы

Смѣловать всякую личную отвѣтственность съ дѣйствительныхъ строителей на какой-то призракъ, въ видѣ анонимаго общества съ неизвѣстными акціонерами». Надо полагать, что не безъ вліянія желѣзнодорожниковъ, въ нашемъ финансовомъ управленіи очень долго и упорно держалось опасеніе, будто-бы привлеченіе ихъ къ отвѣтственности за нарушеніе правительственныхъ интересовъ и уклоненіе отъ точнаго исполненія заключенныхъ ими договоровъ можетъ колебать нашъ кредитъ на заграничномъ рынкѣ. Опасеніе это не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Напротивъ, безнаказанность концессионеровъ въ нарушеніи ими условій, заключаемыхъ съ правительствомъ, неминуемо колебала русскій кредитъ за-границею и, безъ сомнѣнія, была однимъ изъ серьезѣйшихъ факторовъ неустойчивости нашего кредита на заграничномъ рынкѣ и систематическаго его паденія. Дѣйствительно, развѣ можетъ внушать довѣріе кредитъ той страны, въ которой такъ явно пренебрегаются самые кровные и существенные интересы населенія и наносится многомилліонный ущербъ казнѣ, вопреки заключеннымъ договорамъ? Развѣ совѣстимо съ достоинствомъ министерства путей сообщенія, какъ исполнительнаго органа верховной власти, не смотря на явныя, очевидныя для всѣхъ доказательства, обязательно закрывать глаза и, будто-бы, не замѣчать, что оно имѣетъ дѣло вовсе не съ обществами, а съ отдѣльными личностями, которыя только прикрываются фирмою «анонимаго общества» во избѣжаніе всякой личной отвѣтственности?!!

Какъ бы то ни было, но желѣзнодорожниковъ всячески улаживали и даже въ дѣлѣ явныхъ злоупотребленій поставили ихъ, такъ сказать, внѣ закона и отвѣтственности. При такихъ исключительныхъ и крайне благопріятныхъ для желѣзнодорожниковъ обстоятельствахъ, складывались и назрѣвали тѣ злоупотребленія въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ и управленіи, разоблаченіемъ которыхъ съ особеннымъ усердіемъ занималась ежедневная печать въ послѣдніе два мѣсяца и за которыя такъ жестоко приходится расплачиваться теперь русскому обществу. По почину министерства путей сообщенія, 30 марта 1873 года, комитетомъ министровъ утверждены были особыя правила для образованія желѣзнодорожныхъ обществъ. Правительство признало необходимымъ—какъ видно изъ этихъ правилъ—устранить участіе въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ концессионеровъ, принявъ на себя обязанность образованія не фиктивныхъ, а дѣйствительныхъ акціонерныхъ обществъ, которыми, уже послѣ образованія ихъ, и передавать сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на капиталъ, исчисленный на основаніи произведенныхъ изысканій, по опредѣленной реализаціонной цѣнѣ

бумагъ и по предварительно составленной раздѣлочной вѣдомости. Но этотъ разумный поворотъ въ отношеніи желѣзнодорожныхъ обществъ такъ и остался мертвою буквою.

«Къ сожалѣнію, — замѣчаетъ по этому поводу г. Головачевъ въ своей книгѣ, — въ нашихъ вліятельныхъ сферахъ господствовало совершенно иное воззрѣніе, и постройка при посредствѣ гг. концессионеровъ считалась наиболее удобною, хотя ни одинъ изъ правительственныхъ агентовъ не могъ бы себѣ позволить и сотой доли того производа и тѣхъ выгодъ, которые доставались на долю частныхъ предпринимателей, не говоря ужъ о качествахъ возводимыхъ ими сооружений и убыточности эксплуатаціи путей, выстроенныхъ при подобной системѣ... Правила 30 марта существовали только на бумагѣ и никогда не были приложены на практикѣ въ томъ видѣ, какъ они были зачтены и высочайше утверждены, такъ какъ образованіе въ 1874 году четырехъ желѣзнодорожныхъ обществъ по подпискѣ произошло совершенно на иныхъ началахъ, давшихъ полную возможность крупнымъ желѣзнодорожнымъ предпринимателямъ вернуть дѣло на прежнюю торную дорогу».

Въ виду всего сказаннаго, особенный интересъ и важность представляютъ вопросы о степени заинтересованности желѣзнодорожныхъ обществъ вложенными ими капиталами въ желѣзнодорожныя предпріятія, о степени исправности во взносахъ ими казенныхъ платежей и о тѣхъ гарантіяхъ, которыя представляютъ они въ обезпеченіе долговъ правительству.

Какъ было уже указано выше, матеріальное участіе казны въ сооруженіи и обзаведеніи желѣзныхъ дорогъ почти втрое превосходитъ расходы желѣзнодорожныхъ обществъ, такъ что, въ этомъ отношеніи, ихъ доля слишкомъ скромна. Затѣмъ, долги желѣзнодорожныхъ обществъ правительству превышаютъ акціонерный ихъ капиталъ, и въ окончательномъ выводѣ оказывается, что акціонеры не представляютъ обезпеченія даже и на двѣ трети долга правительству, не говоря ужъ объ облигаціонномъ капиталѣ частныхъ лицъ, составляющемъ болѣе 410.000,000 рублей. Такимъ образомъ, анонимныя желѣзнодорожныя общества оказываются фиктивными матеріальными участниками въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Но зато не фактивно ихъ пользованіе желѣзнодорожными сборами, — тутъ они «рвутъ куши», не взирая ни на что. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ образоваться колоссальный долгъ желѣзнодорожныхъ обществъ правительству, превышающій 530.000,000 рублей? Значитъ ли это, что наши желѣзные дороги бездоходны, и желѣзнодорожники, какъ говорится, «сидятъ на бобахъ»? Вовсе нѣтъ: они буквально катаются, какъ сыръ въ маслѣ, и обираютъ казну самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. До 1879 года валовой сборъ на желѣзныхъ дорогахъ правильно и очень сильно возрасталъ изъ года въ годъ; а между тѣмъ припаты правительства по гарантіямъ и недонимки процентовъ по облигаціон-

Валу капитала не уменьшались, задолженность обществъ правительству возрастала, какъ указано выше, съ поразительною быстротою. Железнодорожники умудрились устроить такъ, что, не смотря на возрастаніе валоваго железнодорожнаго сбора въ 1878 году на 79%, сравнительно со сборомъ 1873 года, чистый доходъ все-таки не увеличивался, такъ какъ ростъ расходовъ опережалъ ростъ сбора, и правительство продолжало приплачивать и приплачивать железнодорожникамъ даже и въ виду явной доходности дорогъ. Съ другой стороны, не менѣе характерно и то, что, не смотря на возрастаніе железнодорожныхъ расходовъ, благоустройство желѣзныхъ дорогъ и приспособленность ихъ къ потребностямъ торгово-промышленной дѣятельности нисколько не улучшились. И не мудрено. Железнодорожныя общества вовсе и не заботились объ этомъ: они уплачивали министерскіе оклады управляющимъ дорогъ да расходовали на содержаніе правленій, съ ихъ канцеляріями, ежегодно около 10.000,000 рублей. Какъ могло все это случиться,—мы рѣшительно отказываемся понять. Правительство, приплачивая ежегодно железнодорожникамъ, должно же было наблюдать какъ за суммою сбора, такъ и за расходами. Что же сказать о томъ контролѣ, который не возмутился духомъ въ виду явной несправедливости правительственныхъ приплатъ рядомъ съ правильнымъ и весьма значительнымъ возрастаніемъ железнодорожнаго сбора въ теченіе многихъ лѣтъ? Развѣ контроль не долженъ былъ съ особенною заботливостію остановиться на томъ, куда именно, какъ и по какому праву уходитъ прибывающій ежегодно железнодорожный валовой сборъ?..

Съ 1879 года положеніе железнодорожнаго дѣла еще болѣе измѣнилось къ худшему. Съ этого года валовой сборъ желѣзныхъ дорогъ систематически падаетъ, притомъ весьма значительно. Значитъ, въ будущемъ нельзя ожидать ничего, кромѣ увеличенія железнодорожныхъ долговъ и безконечныхъ правительственныхъ приплатъ. Причины паденія железнодорожнаго сбора весьма сложны. Важнѣйшія изъ нихъ—хищнической способъ веденія железнодорожнаго хозяйства, безконечность правительственныхъ приплатъ, рядомъ съ задолжаніемъ обществъ правительству почти на сумму годоваго государственнаго бюджета. Все это, взятое вмѣстѣ, составляетъ непосильное бремя для государства и страшно истощаетъ средства населенія. Такиимъ образомъ железнодорожная сѣть, вмѣсто питательной артеріальной сѣти, обратилась въ грознаго и ненасытнаго общегосударственнаго паразита, весьма значительно ослабившаго уже силы населенія непомѣрнымъ высасываніемъ изъ него соковъ, что такъ рѣзко проявилось въ систематическомъ паденіи железнодорожнаго сбора.

Само собою очевидно, что оставлять дѣло въ такомъ положеніи невозможно. Какъ разъяснено выше, право «анонимныхъ» обществъ въ желѣзнодорожномъ предпріятіи чисто фиктивно. Значитъ, правительство, во всякій данный моментъ, имѣетъ право устроить желѣзнодорожныя общества и взять въ свои руки управленіе дорогами, съ огромнымъ, притомъ, начекомъ на большинствѣ обществъ. И это обязательно сдѣлать въ возможно скоромъ времени, чтобы парализовать, наконецъ, источникъ экономическихъ силъ страны нынѣшнюю систему желѣзнодорожнаго хозяйства и управленія. Даже и царскосельская желѣзная дорога (первая, по времени, дорога въ Россіи), предоставленная положеніемъ 21 марта 1836 года въ полную собственность общества, должна перейти въ вѣдѣніе правительства, подъ условіемъ установленія нѣкоторыхъ льготъ для общества этой дороги. Но простая передача желѣзныхъ дорогъ въ руки правительства не улучшитъ порядковъ эксплуатаціи и управленія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Въ недавнемъ прошломъ мы пережили и казенныя постройки желѣзныхъ дорогъ, и казенное управленіе ими. Результатъ получился въ высшей степени грустный, что и заставило правительство обратиться къ частной постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, исходъ которой вышелъ такъ разорителенъ для государства. Но кто виноватъ въ такомъ исходѣ?

Безспорно, много провинились передъ государствомъ и русскимъ обществомъ гг. концессионеры, акціонеры и прочіе ранговъ желѣзнодорожныя дѣятели. Но больше всѣхъ провинились разныя канцеляріи съ ихъ чиновниками. Концессионеры и акціонеры сами по себѣ—ничто; они пріобрѣтали силу, и силу непреодолимую, только съ помощью канцелярій и чиновниковъ. Безобразныя условія желѣзнодорожныхъ концессій, безконтрольность доходовъ и расходовъ желѣзнодорожныхъ обществъ, безнаказанное нарушеніе договоровъ съ правительствомъ, колоссальное, трудно оправдываемое задолжаніе правительству, явная несправедливость правительственныхъ приплатъ,—кто же, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ въ этомъ, какъ не разныя канцеляріи? Развѣ желѣзнодорожныя общества въ состояніи были бы учинить хоть сотую долю этихъ преступленій безъ дѣйствительнаго содѣйствія нѣкоторыхъ чиновниковъ? Казенные инженеры строили желѣзныя дороги и управляютъ ими. Получая отъ желѣзнодорожныхъ обществъ министерскіе оклады, а отъ правительства—чины и ордена, они украсили русскую желѣзнодорожную сѣть, какъ теперь оказывается, «кукуевскими насыпями»: правительственные же комиссіи, принимавшія дороги, одобрили эти «насыпи». Наконецъ, полагается спеціальній административно-хозяйственный контроль на желѣзныхъ дорогахъ въ лицѣ

правительственныхъ директоровъ». Что дѣлаетъ этотъ контроль? Если онъ бездѣйствуетъ, то почему? Члены отъ правительства въ правленіяхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, едва ли не въ большинствѣ случаевъ, служатъ не правительству, а желѣзнодорожникамъ, отъ которыхъ они получаютъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ отъ казны, и потому ревностно поддерживаютъ ихъ сторону, иногда даже прямо «стоятъ на посылкахъ» у желѣзнодорожниковъ. Но еще безотраднѣе тотъ фактъ, что, строго говоря, при существующемъ порядкѣ вещей, членамъ отъ правительства ничего болѣе не остается и дѣлать въ желѣзнодорожныхъ обществахъ, какъ только «вѣрой и правдой» служить интересамъ желѣзнодорожниковъ. Съ формальной точки зрѣнія, правленія желѣзнодорожныхъ обществъ организованы вполне удовлетворительно. Помимо представителей желѣзнодорожнаго общества (такъ называемыхъ «хозяевъ» дороги), въ правленіяхъ есть правительственные представители отъ разныхъ вѣдомствъ, располагающіе, въ общемъ, довольно солиднымъ количествомъ голосовъ и вооруженные правомъ протеста по всякому рѣшенію правленій, нарушающему интересы казны и несогласному съ интересами общества. По видимому — лучшей организаціи контроля и желать не слѣдуетъ; но, въ дѣйствительности, не существуетъ и даже не можетъ существовать никакого контроля. Въ тѣхъ вѣдомствахъ, куда должны направляться протесты правительственныхъ директоровъ на рѣшенія желѣзнодорожныхъ правленій, члены отъ правительства встрѣчаются съ директорами и акціонернаго общества, съ которыми тягаться и спорить не приходится такимъ маленькимъ людямъ, какъ правительственные директора желѣзныхъ дорогъ. Даже оторопь беретъ, когда заглянешь въ списки акціонерныхъ директоровъ на дорогахъ, получающихъ правительственную гарантію. Тутъ, какъ на подборъ, генералы, притомъ исключительно «тайные» и «дѣйствительные тайные совѣтники», александровскіе и иные «кавалеры» и, наконецъ, прямые начальники правительственныхъ директоровъ. Одинъ — членъ совѣта министра; другой — начальникъ важнѣйшаго отдѣленія въ министерствѣ; третій — кандидатъ, если не въ министры, то, по меньшей мѣрѣ, въ товарищи министра; четвертый — такой «влиятельный человекъ», вліянію котораго можетъ позавидовать любой министр и т. д. Даже при самыхъ добрыхъ побужденіяхъ, при самыхъ честныхъ стремленіяхъ со стороны правительственныхъ директоровъ, что могутъ сдѣлать они, чего могутъ достигнуть, сталкиваясь во всѣхъ своихъ протестахъ и заявленіяхъ, по поводу безпорядковъ въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ и управленіи, съ такими «влиятельными» тузами, непосредственно заинтересованными въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ? Да

и отъ кого же зависить выборъ, назначеніе, награжденіе, аттестация и увольненіе правительственныхъ директоровъ, какъ не отъ этихъ «тузовъ», являющихся фактическими заправителями и воротилами желѣзныхъ дорогъ и неизбежными укрывателями всѣхъ желѣзнодорожныхъ злоупотребленій? Представьте, что правительственный директоръ возмущился бы духомъ по поводу того, что творится въ желѣзнодорожныхъ управленіяхъ, и началъ бы протестовать.—«Вы напрасно горячитесь, мой милый,—вы раздуваете пустяки, словно добываясь скандала»,—отечески внушить ему ближайшее начальство. И такія внушенія дѣйствительно бывають. Директору остается одно изъ двухъ: или уйти со службы,—что бываетъ очень рѣдко,—или «вѣрою и правдою» служить только интересамъ желѣзнодорожниковъ, безнадежно махнувъ рукою на интересы казны и государства въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ,—что и представляется зауряднымъ явленіемъ. Вотъ факты.

Около двухъ лѣтъ назадъ, чтобы положить предѣлъ безобразіямъ на курско-харьковско-азовской желѣзной дорогѣ, назначено было слѣдствіе. Производила его специальная коммиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Факты были собраны невѣроятные, почти легендарные. Оказалось, на примѣръ, что «казна уплатила крупныя суммы на постройку; платила, затѣмъ, на ежегодный ремонтъ, даже на передѣлку такихъ желѣзнодорожныхъ сооружений, которыхъ, въ дѣйствительности, никогда не существовало!» Коммиссія съ замѣчательною добросовѣстностью выполнила свою задачу и представила куда слѣдуетъ сводъ своихъ трудовъ, гдѣ, между прочимъ, имѣются очень дѣльныя практическія указанія, какъ исправить зло. Но какой результатъ вышелъ изъ этого? Отданы ли подъ судъ, наказаны ли виновники возмутительнѣйшихъ злоупотребленій, беззастѣнчиво обиравшіе казну въ теченіе почти десяти лѣтъ? Наконецъ, исправлены ли указанные коммиссіею безпорядки? Ничуть не бывало. Дѣло идетъ по старому, словно не существовало никакой коммиссіи. Самый докладъ коммиссіи ступсывался, если только вовсе не исчезъ въ канцелярскомъ ящикѣ.

Другой фактъ, не менѣе характерный и выразительный. Въ началѣ текущаго года, закончилъ свои занятія сѣздъ при желѣзнодорожной коммиссіи графа Баранова. Кто представлялъ интересы желѣзнодорожниковъ?—Тайные и дѣйствительные тайные совѣтники,—звѣздоносцы, окруженные ореоломъ вліятельности. Хорошая часть изъ нихъ занимаетъ вліятельнѣйшіе служебные посты; другая часть не нуждается ни въ какой службѣ для поддержанія своего престижа, какъ по титуламъ и связямъ, такъ и по занимаемымъ ими ступенямъ табели о рангахъ и по «вѣсу» украшающихъ ихъ орденовъ. Эффектъ вышелъ необы-

чайный. Члены комиссіи графа Баранова почти совершенно слушались передъ представителями желѣзнодорожныхъ и интересовъ. Занимая официально положеніе если не обвинителей, то, во всякомъ случаѣ, стороны спрашивающей, члены комиссіи фактически поставлены были въ необходимость сыграть роль отвѣтчиковъ, обвиняемыхъ, чуть-чуть не подсудимыхъ!...

Ясно, такимъ образомъ, что наши желѣзные дороги представляютъ достояніе отдѣльныхъ лицъ, но не государства; что въ эксплуатаціи ихъ вовсе не преслѣдуются интересы и цѣли общегосударственныя; что вся тяжесть отвѣтственности за желѣзнодорожныя злоупотребленія и безпорядки падаетъ не только на «желѣзнодорожниковъ», въ смыслѣ частныхъ обществъ, а главнымъ образомъ на тѣхъ, на которыхъ опирались желѣзнодорожники въ систематическихъ злоупотребленіяхъ и беспощадно-жестокимъ обираниіи казны, продолжающемся уже болѣе 24-хъ лѣтъ. Съ этой стороны обращаетъ на себя особенное вниманіе опубликованный недавно циркуляръ техническо-инспекторскаго комитета желѣзныхъ дорогъ инспекторамъ и управляющимъ желѣзными дорогами «о мѣрахъ предосторожности для обезпеченія безопасности движенія поѣздовъ во время сильныхъ ливней». Какъ самое появленіе циркуляра, такъ и содержаніе его въ высшей степени странно. Да на что же существуютъ управленія желѣзныхъ дорогъ, съ министерскими окладами, и прочая мѣстная желѣзнодорожная администрація, если центральному управленію приходится регламентировать «мѣры предосторожности для обезпеченія безопасности движенія поѣздовъ»? Почему именно потребовался спеціальныи циркуляръ только относительно «ливней», не касаясь сильныхъ бурь, мятелей, тумановъ и прочихъ атмосферическихъ явленій, на которыя обыкновенно сваливаются причины «несчастій», такъ часто обрушивающихся на злополучныя наши желѣзные дороги? Есть-ли какая-либо физическая возможность центральному управленію, хотя бы приблизительно, опредѣлить тѣ «мѣры предосторожности», которыя могутъ потребоваться въ томъ или другомъ случаѣ? Истекаетъ уже пятидесятилѣтіе со времени практики у насъ желѣзнодорожнаго дѣла, и вдругъ, совершенно неожиданно, «ливни» оказываются грознымъ и непреодолимымъ препятствіемъ!.. Циркуляромъ разрѣшается задерживать поѣзды, — во время ливня, — или на станціяхъ, или на пути. Подумайте, каковы должны быть дороги, если техническо-инспекторскій комитетъ допускаетъ возможность, что поѣздъ, застигнутый ливнемъ, не пробѣжитъ благополучно даже часть разстоянія между двумя станціями!.. Поѣзды будутъ задерживаться до тѣхъ поръ, пока не получится отъ желѣзнодорожнаго

мастера заявленіе, что путь исправленъ и поѣзды могутъ безопасно слѣдовать далѣе, т. е. до слѣдующаго ливня, который можетъ повториться тутъ же, немедленно, какъ только поѣздъ тронется съ мѣста. Опять, значить, остановка и т. д. и т. д. Представьте же теперь положеніе пассажировъ, задерживаемыхъ ливнемъ на «пути»; представьте, что ливень можетъ продолжаться нѣсколько дней. Строго придерживаясь точнаго смысла циркуляра, весьма возможно, что поѣздъ будетъ оставаться на пути нѣсколько дней и не пройдетъ за это время разстоянія даже между двумя станціями, пока, наконецъ, не сжалится надъ нимъ желѣзнодорожный мастеръ и не разрѣшитъ ему двинуться въ путь. Такимъ образомъ, отнынѣ судьба миллионовъ пассажировъ и грузовъ на миллиарды рублей, двигающихся по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, ввѣрнется, главнымъ образомъ, желѣзнодорожнымъ мастерамъ. Въ случаѣ ливня,—этого, очевидно, никому не предусмотрѣннаго ранѣе врага русскихъ желѣзныхъ дорогъ,—желѣзнодорожный мастеръ становится «персоною», такъ что, по мановенію его руки, поѣзды то двигаются, то останавливаются. Но кто этотъ «желѣзнодорожный мастеръ» въ грошовое жалованье, совершенно безправный и безлич- ный въ дѣлахъ желѣзнодорожнаго хозяйства и управленія, помы- каемый каждымъ и всѣми!..

Комментаріи, полагаемъ, совершенно излишни. Циркуляръ техническо-инспекторскаго комитета желѣзныхъ дорогъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ справедливость заявленія газетъ, что наши желѣзные дороги сплошь покрыты «кукуевскими насыпями». Разумѣется, если каждый оврагъ, каждая насыпь грозитъ катастрофою во время ливня,—по неволѣ приходится останавливать поѣзды. Но это развѣ не вопіющій безпорядокъ? Развѣ это не лишаетъ желѣзные дороги прямого ихъ назначенія, какъ средства для удобнаго и быстрого сообщенія, не- зависимо отъ зноя или холода, дождя, вѣтра, снѣга, града, тумана, бури, грозы и т. д.? Гдѣ былъ техническо-инспекторскій комитетъ, когда строились дороги, и почему онъ не доглядѣлъ за тѣмъ, чтобы обезопасить ихъ, между прочимъ, и отъ ливней? Не только техникъ, но простой русскій хозяинъ весьма точно укажетъ, что требуется для насыпи, чтобы обезопасить ее отъ ливней, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма отчетливо проанализируетъ ужасающую опасность существующихъ насыпей. Насыпи безъ арокъ для протока воды, не шоссированныя съ боковъ и поверхности, и не укрытыя дерномъ, безъ канавокъ на бокахъ и поверхности для стока воды, наконецъ, даже не утрамбованныя должнымъ образомъ,—что же это такое? Какой русскій хозяйственный мужикъ согласился бы строить такія же-

жѣзнодорожныя насыпи и не возмущался бы при одной мысли объ этой адской постройкѣ? Да, нужно быть «техникомъ» по части наживы и хищничества, чтобы привить русскимъ жѣззнымъ дорогамъ такую острую чувствительность къ ливнямъ, что потребовался даже специальный циркуляръ центральнаго жѣззнодорожнаго управленія о мѣрахъ предосторожности. А между тѣмъ тѣ миллиарды, которые затрачены на устройство жѣззвыхъ дорогъ, тѣ милліоны, которые ежегодно показываются издержанными на ремонтъ, даютъ право требовать, чтобы наши жѣззнодорожные пути были надежно защищены отъ ливней. Въ Европѣ жѣззная дорога благополучно бѣжитъ по страшнымъ гористымъ крутизнамъ, не боясь никакихъ ливней; а мы на равнинѣ не сумѣли обезопасить свою жѣззную дорогу хотя бы только отъ ливней—и теперь приходится заниматься циркулярами «о мѣрахъ предосторожности»!.. Разумѣется, виноваты въ этомъ и «жѣззнодорожники», въ смыслѣ частныхъ обществъ, но еще болѣе виноваты тѣ, которые строили дороги, надзирали за постройкою и принимали дороги, выдавая имъ, обыкновенно, безукоризненно-одобрительные аттестаты,—виноваты тѣ именно, которые, съ легкимъ сердцемъ и развязностью, какъ ни въ чемъ не бывало, занимаются теперь циркулярами о «ливняхъ», къ великому изумленію и конфузу русскаго общества и въ назиданіе потомству.....

Въ результатъ всѣхъ фактовъ, разсмотрѣнныхъ выше, оказывается, что къ дальнѣйшему оставленію жѣззныхъ дорогъ въ частныхъ рукахъ вѣтъ и быть не можетъ рѣшительно никакихъ основаній; жѣззнодорожныя общества, рядомъ беззаконій и злоупотребленій, давно нарушили свои права на владѣніе дорогами, и огромное большинство ихъ подлежитъ колоссальному начету со стороны правительства; ежегодные подарки жѣззнодорожникамъ со стороны казны, въ видѣ правительственныхъ приплатъ, представляютъ явленіе, котораго никакъ нельзя оправдывать и, тѣмъ болѣе, невозможно продолжать терпѣть, потому что приплаты эти слишкомъ разорительны для государства и населенія; всѣ жѣззныя дороги обязательно должны перейти въ непосредственное вѣдѣніе правительства. Но переходъ жѣззныхъ дорогъ въ руки правительства и управленіе ими чиновно-канцелярскимъ путемъ—двѣ вещи совершенно различныя, и это необходимо точно разграничить. Чиновно-канцелярскій міръ, какъ разъснено выше, слишкомъ скомпромегированъ въ жѣззнодорожномъ дѣлѣ, чтобы можно было поручить ему завѣдываніе жѣззнодорожнымъ хозяйствомъ и управленіе дорогами. Грустное прошлое жѣззнодорожнаго дѣла у насъ, полное глубокаго трагизма, съ поразительною рельефностью доказываетъ, что пособникомъ правитель-

ственной власти въ завѣдываніи и управленіи этою крупнейшею и крайне щекотливою отраслю общегосударственнаго хозяйства долженъ быть не чиновникъ или концессионеръ, а само общество.

Внутреннее обозрѣніе предыдущей книжки нашего журнала посвящено было разъясненію того направленія, въ которомъ долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія. Разсмотрѣвъ прошлое нашего управленія и недостатки нынѣшней безсистемности въ этомъ отношеніи, мы пришли къ заключенію, что вся мѣстная администрація должна быть организована на началахъ общественнаго земснаго самоуправленія и поставлена, какъ мѣстный органъ правительственной власти. Къ завѣдыванію этими дѣлами должны быть привлечены всѣ классы, всѣ слои мѣстнаго населенія, такъ чтобы не было болѣе классовъ правящихъ и управляемыхъ, этого вреднѣйшаго остатка рабства. Въ отношеніи всѣхъ проявленій мѣстной жизни, органы общественнаго управленія, какъ органически-составная часть правительственной власти, должны быть облечены правомъ власти, разрѣшающей на мѣстѣ и распорядительно-исполнительной. Такая организація мѣстнаго управленія—единственно возможный оплотъ противъ разнообразныхъ злоупотребленій и хищничества, въ томъ числѣ и желѣзнодорожнаго. Въ руки такихъ именно органовъ мѣстнаго управленія должно перейти все вообще мѣстное хозяйство, въ томъ числѣ и желѣзнодорожное. Тогда прекратятся правительственные желѣзнодорожныя приплаты, и дороги перестанутъ быть разорительнымъ бременемъ для государства. При условіи мѣстнаго управленія желѣзными дорогами, подъ контролемъ общества непосредственно заинтересованнаго въ томъ, чтобы получался доходъ, а не убытокъ, невозможно допустить не только хищничества, а даже простой небрежности въ веденіи желѣзнодорожнаго хозяйства, влекущей за собою убыточность. Само собою разумѣется, управляющіе желѣзными дорогами не будутъ болѣе получать министерскихъ окладовъ жалованья; на желѣзнодорожномъ правленіи и канцеляріи не будетъ ежегодно расходоваться 10.000.000 рублей; каждая желѣзная дорога будетъ производить расходы сообразно наличности ея доходовъ, и убыточность желѣзныхъ дорогъ станетъ дѣломъ совершенно немислимымъ. Съ переходомъ непосредственнаго завѣдыванія желѣзными дорогами въ руки мѣстнаго управленія, за центральной властью (министерствомъ путей сообщенія) останется лишь общее наблюденіе и руководство, что единственно и приличествуетъ ему. Желѣзнодорожное хозяйство и управление слишкомъ громоздко и сложно; здѣсь на каждомъ шагѣ, въ каждой копѣйкѣ расхода приходится весьма старательно сообразоваться съ мѣстными

условіями и потребностями. Все это очень легко сдѣлать мѣстному общественному управленію и все это совершенно невозможно при условіи централизаціи желѣзнодорожнаго дѣла.

Такимъ образомъ желѣзнодорожный вопросъ, т. е. вопросъ о порядкѣ постройки, завѣдыванія и управленія желѣзными дорогами, оказывается совершенно неразрѣшимымъ внѣ вопроса объ организаціи мѣстнаго общественнаго управленія, какъ органа правительственной власти, поставленнаго самостоятельно въ отношеніи не только мѣстныхъ агентовъ правительственной власти, но и центрального управленія, такъ чтобы оно само управляло съ, само завѣдывало мѣстными дѣлами и самостоятельно удовлетворяло всѣ безъ исключенія мѣстныя нужды, но отнюдь не было управляемо изъ центральныхъ канцелярій, которыя, при этомъ условіи, становятся совершенно излишними и подлежатъ упраздненію. Безъ сомнѣнія, министры путей сообщенія и финансовъ, которымъ такъ много непріятностей причиняло всегда желѣзнодорожное дѣло и авторитетъ которыхъ такъ сильно поколебленъ принятой системой, не могутъ предложить инаго пути къ разрѣшенію желѣзнодорожнаго вопроса, кромѣ того, на который мы указываемъ. Желѣзныя дороги должны находиться въ вѣдѣніи правительства, но непосредственно завѣдывать и управлять ими должны не чиновники и не канцеляріи, а общественное управленіе, поставленное на правахъ и въ положеніи органа правительственной власти. И до тѣхъ поръ, пока не явится такая система мѣстнаго управленія, въ нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ будетъ твориться то же, что творилось въ теченіе почти 50-ти лѣтъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что матеріальный гнетъ желѣзнодорожныхъ злоупотребленій и хищничества будетъ, съ каждымъ годомъ, ложиться на государство и населеніе все большимъ и большимъ бременемъ.

«Катастрофа съ курьерскимъ поѣздомъ Николаевской линіи свидѣтельствуетъ, по своимъ, сравнительно, ничтожнымъ послѣдствіямъ (!?!), о блистательномъ (!!) положеніи дороги. Хотя поѣздъ, вслѣдствіе лопнушаго стального рельса (?) сошелъ съ рельсовъ на полномъ ходу и локомотивъ упалъ подъ откосъ, всѣ вагоны были тотчасъ же заторможены и нѣкоторые даже не сошли съ рельсовъ. Раненымъ была подана немедленная (!?) медицинская помощь. Черезъ шесть часовъ (ложь!) пассажиры продолжали путь».

Такою «блистательною» телеграммою возвѣстилъ «Голосъ» о крушеніи курьерскаго поезда 13-го августа. Большая газета,—

жнящая быть органомъ русскаго общественнаго мнѣнія, но въ сущности являющаяся только выраженіемъ нашего двоедушнаго кулацкаго либерализма, — доходить до того, что ссылается въ «катастрофу», какъ на свидѣтельство «блистательнаго положенія дороги»! Большая газета печатаетъ «спеціальныя телеграммы» и даже «спеціальныя корреспонденціи» (см. № 224) не для того, чтобы точно, объективно, фактически передать послѣдствія крушенія, а для того, чтобы рекламировать «блистательное состояніе дороги», голословно называя послѣдствія катастрофы «ничтожными»!.. И это — не простая случайность, не промахъ, вслѣдствіе спѣшности газетной работы. Въ томъ же органѣ гг. Краевского и Билбасова, и уже не въ телеграммѣ, а въ текстѣ газеты, по поводу катастрофы, говорится, между прочимъ, слѣдующее: «лопнувшій рельсъ — такая случайность, которую невозможно ни предупредить, ни предвидѣть». Очевидно, газетѣ нужно, во что бы то ни стало, облить николаевскую желѣзную дорогу. Для чего понадобилось «Голосу» такое выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и, по меньшей мѣрѣ, непристойное для печати «объясненіе» виновныхъ — не беремся судить. Быть можетъ, въ «портфель» редакціи набралось много бумажныхъ цѣнностей главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ, и ей невыгодно подрывать кредитъ этого пресловутаго общества?.. Какъ бы то ни было, но открывать страницы газеты для прославленія «блистательнаго положенія» желѣзныхъ дорогъ въ такой именно моментъ, когда катастрофа слѣдуетъ за катастрофою, печатать спеціальныя телеграммы и корреспонденціи, наполненные ложью отъ начала до конца, — это позоръ, это неуваженіе общества и оскорбленіе достоинства печатнаго слова...

Редакторъ «Наблюдателя» имѣлъ несчастье быть пассажиромъ курьерскаго поѣзда, подвергшагося катастрофѣ. Вотъ фактическая сторона дѣла, по которой каждый можетъ судить, насколько «блистательна» ложь, публикуемая, черезъ посредство неразборчиваго «Голоса», разными «ничтожными» проходивцами, очевидно, изъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей.

Спеціальный телеграфистъ «Голоса» совершенно напрасно сбросилъ локомотивъ «подъ откосъ»: онъ остался на насыпи, сильно избороздивъ ее. Между первымъ, весьма чувствительнымъ толчкомъ и остановкой поѣзда прошло нѣсколько минутъ. Багажный вагонъ, слѣдовавшій за локомотивомъ, очутился вверхъ колесами; слѣдующій за нимъ вагонъ II класса упалъ на бокъ; еще вагонъ II класса наклонилъ на бокъ, сплюснулъ съ обѣихъ сторонъ, и покоробило такъ, что выбираться изъ него пришлось черезъ окна. Это даетъ возможность составить приблизительно понятіе о силѣ сотрясенія во всемъ поѣздѣ и особенно въ ближайшихъ къ локомотиву 4—5 вагонахъ. Пассажиры обязаны

жизнью случайному нахожденію на этомъ поѣздѣ усовершенствованнаго тормоза и трезвому, расторопному, развитому машинисту, который самоотверженно тормозилъ поѣздъ въ то время, какъ его самого колотило дровами въ спину. Мы называемъ это счастливою «случайностью», потому что на николаевской желѣзной дорогѣ, не смотря на ея блистательнѣйшіе доходы, по размѣру которыхъ она занимаетъ первое мѣсто послѣ богатѣйшей въ мірѣ дороги—«парижско-средиземной»,—и усовершенствованные тормозы, и мало-мальски удовлетворительные машинисты составляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе.

Вопіющее безобразіе желѣзнодорожныхъ безпорядковъ такъ культивировало русское общество, что даже въ печати начинаютъ называть «ничтожными» послѣдствія катастрофы въ томъ случаѣ, если нѣтъ убитыхъ или убитые и искалѣченные не считаются десятками. Но если взглянуть на дѣло человѣчнѣе, если и испугъ, и ушибы также причислить къ «послѣдствіямъ катастрофы», то результаты крушенія курьерскаго поѣзда на николаевской линіи принимаютъ вполне внушительные размѣры. Прежде всего, пострадала большая часть поѣздной прислуги. Машиниста исколотило дровами; контролеру содрало кожу на верхней части головы; оберъ-кондуктора хватило въ бокъ и грудь, одному изъ кондукторовъ разсѣкло щеку; прислугу, находившуюся на платформѣ багажнаго вагона, разбросало въ сторону, сажени на три, что, понятно, не могло обойтись безъ сильныхъ ушибовъ и потрясеній во всемъ организмѣ. Вотъ эти-то пострадавшіе и не принимаются въ расчетъ, словно это бездушныя принадлежности поѣзда. Съ ними, дѣйствительно, не церемонятся: просто-на-просто прикажутъ молчать—и молчатъ. Испугъ между пассажирами, и особенно дамами, былъ чрезвычайно силенъ; у одной дамы, напримѣръ, отнялись ноги отъ внезапнаго ужаса. Не менѣе одиннадцати человѣкъ получили серьезные ушибы и поврежденія, въ томъ числѣ и переломъ ключицы, и сотрясеніе головнаго и спиннаго мозга. Безъ сомнѣнія, десятки человѣкъ награждены болѣе слабыми ушибами и синяками, т. е. сравнительно легкими поврежденіями. Наконецъ, огромное большинство пассажировъ (если только не всѣ они) испытали такой сильный испугъ, моральное воздѣйствіе котораго продолжалось нѣсколько дней. И это на языкѣ «Голоса» называется «ничтожными послѣдствіями»!..

На поѣздѣ не оказалось ни какихъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ; не было даже воды. «Немедленная медицинская помощь»—какъ восклицаетъ «Голосъ»—была оказана не ранѣе, какъ черезъ полтора часа. А исходить кровью въ теченіе этого времени дѣло не шуточное! На поѣздѣ не оказалось и электрическаго аппарата. Чтобы дать знать о несчастіи,

кондуктору пришлось бѣжать не менѣе 4 версты, пѣшкомъ, на полустанокъ Рѣшетниково. Пока совершалась эта экскурсія впотьмахъ, въ 12-мъ часу ночи, пассажирамъ, выбравъ писмя черезъ окна и посредствомъ взламыванія потолка изъ опрокинутыхъ и полуопрокинутыхъ вагоновъ, угрожала опасность быть раздавленными новымъ поѣздомъ. Дѣйствительно, слѣдомъ за курьерскимъ поѣздомъ шелъ товарный, который случайно замѣтилъ пострадавшій поѣздъ, догадался о катастрофѣ и остановился въ разстояніи не болѣе 100 сажени отъ мѣста происшествія. Только черезъ 5 часовъ послѣ катастрофы, изъ полустанка Рѣшетниково прибылъ плохенькій вагончикъ III класса, въ который набили пассажировъ съ курьерскаго поѣзда, какъ сельдей въ бочку. И только черезъ девять часовъ (а не черезъ шесть), какъ привираетъ специальный телеграфистъ «Голоса» ради прославленія порядковъ николаевской дороги) прибылъ изъ Твери экстренный поѣздъ, который и забралъ злополучныхъ пассажировъ.

Читатель видитъ такимъ образомъ, насколько, въ дѣйствительности, «блистательно положеніе дороги». Но чтобы не оставлять на этотъ счетъ никакого сомнѣнія, скажемъ и о «лопнувшемъ стальномъ рельсѣ». Если рельсы уложены должнымъ образомъ, если зарубка шпаль удовлетворяетъ требованіямъ желѣзнодорожной техники, если шпалы достаточно прочны,—рельсу незачѣмъ лопаться; а если онъ и лопнетъ,—это ни въ какомъ случаѣ не можетъ повлечь за собою не только крушенія поѣзда, но хотя бы сколько-нибудь замѣтныхъ толчковъ на ходу. Гнилыя шпалы—вотъ въ чемъ бѣда, вотъ истинная причина крушенія поѣзда, о которой умышленно умалчиваетъ «Голосъ». Пассажиры, отъ нечего дѣлать, зонтиками ковыряли эти шпалы и растирали ихъ въ муку между пальцами. Въ редакціи «Наблюдателя» хранится образчикъ этой желѣзнодорожной прелести. Подобные же образчики должны быть и у директора Спб. тюремнаго комитета, В. И. Солдатенкова, помощника статс-секретаря государственнаго совѣта А. С. Стишинскаго и дѣйств. статск. сов. В. М. Юзefовича, ѣхавшихъ на этомъ злополучномъ поѣздѣ. Присяжный же повѣренный, г. Спиро, захватилъ въ видѣ трофеевъ съ мѣста катастрофы, цѣлыхъ два полѣна съ совершенно рыхлою сердцевиною. Вотъ по такимъ-то гнилушкамъ совершается движеніе на самой бойкой и доходивѣйшей желѣзнодорожной линіи, гдѣ происходитъ непрерывающееся ни днемъ, ни ночью товарное движеніе, гдѣ ежедневно передвигаются десятки тысячъ пассажировъ!.. Вотъ вамъ и «блистательное положеніе дороги!» Вѣрите теперь гг. Краевскому и Билбасову, которые еще имѣютъ дерзость другихъ учить «исполненію обязанностей передъ родиной», въ то время, какъ для нихъ

самихъ интересы родины давно уже слились съ интересами разныхъ крупныхъ барышниковъ и эксплуататоровъ земли русской.

Весьма назидателенъ слѣдующій эпизодъ. Въ Твери были показаны образчики шпаль одному «значительному лицу», имѣющему непосредственное отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ. Шпалы, какъ сказано, пальцами можно искрошить въ муку. Но значительное лицо, отозвавшись своею некомпетентностью въ опредѣленіи доброкачественности шпаль, тѣмъ не менѣе признало эти явныя гнилушки годными и для желѣзнодорожнаго движенія. Начальникъ же дистанціи въ томъ районѣ, гдѣ произошло крушеніе, безъ обвиняковъ, призналъ шпалы не удовлетворительными.

Это вынужденное разъясненіе обстоятельствъ крушенія поезда представляетъ нелишнюю значенія иллюстрацію къ тому, что сказано выше о положеніи у насъ желѣзнодорожнаго дѣла, о порядкахъ постройки, управленія и завѣдыванія желѣзными дорогами, и о способахъ урегулированія ихъ, такъ чтобы, наконецъ, онѣ перестали быть бременемъ для государства и общества.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Египетскій вопросъ.—Египетскіе паши и хедивы.—Европейскіе интересы и Суэскій каналъ.—Европейскій контроль.—Каирское пропунциаменто.—Европейскіе переговоры.—Араби-паша и хедивъ Тевфигъ-паша.—Морская демонстрація.—Турецкая миссія.—Александрійскіе безпорядки.—Константинопольская коаеренція.—Бомбардированіе и погромъ Александрія.—Англо-египетская экспедиція.

Египетскія событія настолько заполнили всеобщее вниманіе, что все, что не стоитъ въ непосредственной съ ними связи, какъ-бы утраило всякій интересъ; даже такія глубоко захватывающія народную жизнь явленія, какъ перипетіи ирландскаго кризиса въ Великобританіи, и тѣ отодвинуты на задній планъ. Словно судьбы всей Европы зависятъ отъ того или иного оборота, какой могутъ принять дѣла на берегахъ Нила. Они уже произвели министерскій переворотъ во Франціи и грозятъ еще вызвать немало потрясеній среди остальныхъ европейскихъ государствъ. Въ сущности, египетскій вопросъ есть только новый фазисъ давнишняго, хотя и вѣчно юнаго восточнаго вопроса, съ тою только разницей, что послѣдній является яблокомъ раздора между пятью, такъ

называемыми великими державами, тогда какъ первый готовъ захватить собой буквально всю Европу, такъ какъ и второстепенныя государства, какъ Испанія, Голландія, Греція, стремятся принять въ немъ участіе.

Удивительны судьбы этого таинственнаго, чудеснаго края. Колыбель всей современной цивилизаціи, Египетъ, какъ фениксъ, постоянно возрождается изъ своего пепла, а между тѣмъ, сколько царствъ и народовъ похоронилъ онъ въ своемъ плодоносномъ илѣ! Нѣкогда нашла въ немъ свою погибель римская міровая имперія, нынѣ же онъ, повидимому, готовитъ такую-же участь и остаткамъ недавно еще могущественной оттоманской державы. До сихъ поръ, какъ и во дни глубокой древности, онъ представляется тѣмъ-то загадочнымъ, краемъ неразгаданныхъ тайнъ и всякихъ мистерій. Съ именемъ Египта связывается представленіе узкой долины Нила, гдѣ изъ году въ годъ, цѣлыми тысячелѣтіями, идетъ упорная борьба жизни и смерти, борьба животворящей рѣки съ смертоноснымъ дыханіемъ окружающей пустыни. Въ воображеніи рисуются каменные пирамидальныя глыбы, поставленныя надъ могилами царей и боговъ; загадочныя сфинксы; гигантскіе, высѣченные въ скалахъ гробы, полныя мрака и таинственности; разукрашенные пестрыми героическими обелиски. Все на этой тучной почвѣ, подъ африканскимъ палящимъ солнцемъ, принимало какой-то грандіозный, сверхъестественный характеръ. Исторія Египта исчисляется многими тысячелѣтіями, древнія династіи царей царствуютъ вѣками. Возстаютъ изъ своихъ гранитныхъ саркофаговъ величавыя фигуры Рамзесовъ, Тотмесовъ, Псаметиховъ. Въ умѣ проносятся полумифическія, то поэтическія, то ужасныя, но всегда глубоко-обаятельныя картины изъ древней жизни египетскаго народа. А тамъ, далѣе, въ средневѣковую эпоху царства халифовъ, самыя волшебныя, самыя упоительныя исторіи изъ арабскихъ сказокъ разыгрываются на берегахъ Нила. Падаютъ египетскій халифатъ и нарождается царство какихъ-то невѣдомыхъ мамелюковъ. Рабы, вывезенные съ Кавказа, захватываютъ власть въ свои руки, и грозное имя ихъ разносится по всему побережью Средиземнаго моря. Но полуфантастическое царство ихъ длится недолго. Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, послѣ знаменитаго и безумнаго египетскаго похода Наполеона 1-го, мамелюки почти поголовно истребляются родоначальникомъ нынѣшнихъ правителей Египта, Магометомъ - Али, и самое имя ихъ исчезаетъ безслѣдно. Начинается эра безшабашнаго хозяйничанія турецкихъ мамлюковъ, на дѣлѣ почти неограниченныхъ царьковъ, превратившихся потомъ въ наследственныхъ полусамостоятельныхъ государей, такъ — на-

зываемых хедивовъ Египта. Турецкіе нравы, пересаженные на благодатную нильскую почву, получаютъ разцвѣтъ доселѣ небывалый. Обычныя туркамъ гаремныя мистеріи, дворцовыя интриги, безграничный произволъ, роскошь и безумная расточительность, связанныя съ вымогательствами всякаго рода, — все это доводится до размѣровъ, нѣсколько напоминающихъ эпоху фараоновъ. Царствованіе этихъ царьковъ носитъ какой-то сказочно-чудовищный характеръ. При Магометѣ-Али тысячами валяты головы съ мамелюкскихъ плечъ. Любимѣйшимъ занятіемъ внука его, Аббаса-паши, было виданіе женщинъ въ Нилъ; отъ неприятныхъ ему лицъ онъ отдѣлывается тайной отравой, которую практикуетъ чуть не ежедневно, и подданныхъ своихъ, — преимущественно же лицъ зажиточныхъ, достояніемъ которыхъ желалъ поживиться, — массами ссылаетъ въ каменоломни Судана, — эту «знойную Сибирь», откуда живыми еще никто не возвращался. Въ одно прекрасное утро нашли Аббаса зарѣзаннымъ на диванѣ. Его сынъ, Саидъ-паша, имѣлъ страсть въ пушки, изъ которыхъ, въ видѣ опыта, безцеремонно разстрѣливалъ своихъ феллаховъ. Безумные подвиги преемника Саида, Измаила-паши, отца нынѣшняго хедива, еще въ памяти у всѣхъ. Какія массы денегъ были прокучены и брошены на вѣтеръ этимъ новѣйшаго сорта фараономъ, въ перчаткахъ гласѣ и лакированныхъ полусапожкахъ, — вѣдомо одному Аллаху. Такъ, въ 1869 году, ради какого-то празднества устроилъ онъ на одну только ночь висячій мостъ, чуть не въ полъ-версты длиною, черезъ Нилъ къ своему волшебному дворцу Гезирѣ на нильскомъ островѣ Булакъ; на слѣдующее утро мостъ былъ убранъ. Искусство выколачивать деньги изъ кармановъ своихъ подданныхъ было доведено имъ до высшаго совершенства и беззастѣнчивости; онъ, буквально, драгъ съ живаго и мертваго. Акты рожденія и смерти были обложены имъ особой податью: налогъ взимался съ каждаго новорожденного ребенка, съ каждаго мертваго тѣла; у всѣхъ египетскихъ женщинъ конфисковались разныя украшенія и бездѣлушки, не брезгали даже мѣдными серьгами изъ ушей женъ и дочерей феллаховъ. Разъ даже онъ продѣлалъ слѣдующаго рода штуку: всенародно объявлено было, что всякій, кто принесетъ въ указанное мѣсто два піастра, получитъ задаромъ хлѣба, сколько ему будетъ нужно. Піастры посыпались изобильнымъ дождемъ въ бездонный карманъ хедива; но, разумѣется, хлѣба никто не получилъ. Все это отзывается небывальщиной, а между тѣмъ оно — историческая правда.

За время правленія династіи новѣйшихъ фараоновъ, нѣсколько разъ сѣвается таинственный мракъ, тысячелѣтіями царившій надъ Египтомъ:

дѣянія правителей сдѣлались достояніемъ фактической исторіи, тайны могилъ разоблачена, загадка гіероглифовъ разгадана; но, въ сущности, открылась передъ нами лишь внѣшняя, официальная сторона современнаго Египта, да выясненъ смыслъ нѣкоторыхъ старинныхъ памятниковъ и надписей. Внутренняя же жизнь народа на берегахъ Нила до сихъ поръ еще покрыта египетскою тьмою. Въ самомъ дѣлѣ, кто возьмется разгадать смыслъ хотя-бы движенія, нынѣ охватившаго Египетъ? Простая-ли это безурядица, какія сплошь и рядомъ бывають на Востоку, бунтъ-ли, поднятый разнузданной солдатчиной, какъ это объясняютъ въ Европѣ, случайный-ли взрывъ мусульманскаго фанатизма, которымъ въ послѣднее время особенно любятъ запугивать разстроенное воображеніе европейскихъ политиковъ, или-же и въ самомъ дѣлѣ осмысленное и сознательно - руководимое движеніе народа, который началъ чувствовать и понимать себя, и которому надоѣли наконецъ систематическій грабежъ правителей и безцеремонное хозяйничаніе европейскихъ торгашей и проходимцевъ? Все это пока покрыто глубокой тайной. Многіе не признають даже и самаго существованія народа въ Египтѣ. По ихъ мнѣнію, тамъ не народъ, а какой-то разноязычный и разноплеменный сбродъ, называемый феллахами и годный лишь на то, чтобы платить подати и беспрекословно гнуть шею. Египетъ для нихъ, это—tabula rasa, на которой каждому смѣльчаку возможно дѣлать и насаждать что угодно. Но, спрашивается, мыслимо-ли въ странѣ безъ народа такое движеніе, которое въ теченіе цѣлаго года держало-бы всю Европу въ страхѣ, которое въ одной изъ великихъ державъ вызвало правительственный кризисъ, а другую заставило двинуть значительную часть своихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ? А между тѣмъ Европа связана теперь такими неразрывными узами съ Египтомъ, ея наиболѣе жизненные интересы, ея промышленность и торговля поставлены въ такую тѣсную зависимость отъ него, что разоблаченіе тайны, все еще лежащей надъ Нильскою долиной, и болѣе глубокое ознакомленіе, безъ предвзятыхъ, узко-торгашескихъ взглядовъ, съ египетскимъ народомъ, избавило бы европейскія державы отъ многихъ напрасныхъ и тяжелыхъ испытаній и отъ ошибокъ, одинаково печальныхъ по своимъ послѣдствіямъ, какъ для нихъ самихъ, такъ и для Египта.

Современная Европа впервые ознакомилась съ Египтомъ лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по милости сумасброднаго похода Наполеона I; но знакомство это было мимолетное, какъ и все, что создавалось гениальнымъ авантюристомъ. Однако путь былъ проложенъ, и Египетъ, такъ

сказать, вновь открыть для цивилизованнаго міра. Настоящія же связи съ Египтомъ стали устанавливаться лишь съ водворенія тамъ нынѣшней династїи правителей. Родоначальникъ ея, Магометъ-Али, нуждаясь въ свѣдущихъ людяхъ, а главное, въ деньгахъ для своихъ преобразовательныхъ замысловъ, принялся усердно приглашать къ себѣ европейцевъ и завязалъ сношенія съ европейскими державами, съ помощью которыхъ добился отъ султана, для себя и своего потомства, титула наследственнаго паши и правителя края. Съ этого времени и начинается постепенное покореніе Египта, только не европейскими войсками, а европейскими капиталами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его освобожденіе изъ подъ непосредственной зависимости отъ Турціи. Уже само историческое и географическое положеніе Египта, по его обособленности отъ турецкой имперіи, ставило его въ совершенно иныя условія, чѣмъ остальные провинціи и вилайеты. Кромѣ того, и Европа, — въ обезпеченіе затраченныхъ ею громадныхъ капиталовъ и своихъ, какъ торгово-промышленныхъ, такъ и чисто политическихъ интересовъ, — должна была озаботиться объ огражденіи Египта отъ произвола неустойчиваго турецкаго правительства и объ установленіи болѣе прочныхъ и подходящихъ для себя порядковъ въ краѣ. Благодаря ея настояніямъ, за султанскимъ фирманомъ 1841 года, которымъ дарованъ былъ Магомету-Али титулъ наследственнаго паши, послѣдовалъ цѣлый рядъ фирмановъ, и каждымъ изъ нихъ все болѣе и болѣе расширялись права египетскихъ правителей. Наконецъ, по смерти Саида-паши, права эти оказались настолько широкими, что названіе паши, хотя бы и наследственнаго, уже не соответствовало болѣе фактическому положенію, и потому прежнему его, Измаилу, данъ былъ титулъ хедива. Титулъ этотъ хотя и не давалъ державныхъ правъ египетскому государю, но дѣлалъ его совершенно независимымъ отъ Порты правителемъ. Наконецъ, знаменитымъ фирманомъ 1873 года, окончательно устанавливаются государственныя права Египта. Фирманъ этотъ есть нѣчто въ родѣ хартіи, которой точно опредѣляются права и вассальныя обязанности хедива, и вмѣстѣ съ тѣмъ сводъ всѣхъ предшествовавшихъ фирмановъ. Такъ, имъ дается право хедиву «заключать таможенныя и торговыя конвенціи съ иностранными государствами»; а также «заключать за-границей займы на имя египетскаго правительства и безъ испрашиванія на то предварительнаго отъ Порты разрѣшенія». Далѣе, въ фирманѣ 1873 года говорится, что «вѣдѣнію египетскаго правительства подлежитъ гражданская и финансовая администрація края», и что хедивъ «имѣетъ право измѣнять внутреннія поставленія и издавать законы». Сверхъ того,

имъ утверждается и право наслѣдства по прямой мужской линіи. Въ силу этого фирмана, хедивъ является совершенно независимымъ и самостоятельнымъ государемъ; онъ лишенъ только права представительства за границей и права входить въ политическія международныя сдѣлки.

Однако Египетъ, ставши независимымъ отъ Порты, тѣмъ самымъ далеко еще не сдѣлался вполне самостоятельнымъ государствомъ. Зависимость отъ Порты замѣнилась зависимостью отъ Европы, которая въ концѣ концовъ превратила самостоятельность хедива въ чисто-фигурную.

Любопытно прослѣдить этотъ постепенный и прогрессивный захватъ Египта европейскими капиталами и, такъ называемыми, европейскими интересами. Въ послѣднія 20—30 лѣтъ, эти капиталы и интересы успѣли окончательно завладѣть древней землей фараоновъ, и теперь между нею и Европой переплелась такая масса связующихъ нитей, что порвать ихъ уже нѣтъ никакой физической возможности. Египетъ сталъ нынѣ неотъемлемой частью Европы, какимъ-то общеевропейскимъ достояніемъ. Отсюда понятно, какъ больно должно отзываться по сю сторону Средиземнаго моря малѣйшее нарушеніе обычнаго хода дѣлъ на берегахъ Нила. Окончательнымъ и наиболѣе крѣпкимъ узломъ, закрѣпившимъ узы, связующія Египетъ съ Европой, было прорытіе Суэзскаго канала, которое смѣло можно назвать однимъ изъ величайшихъ событій нашего столѣтія. Этотъ важный международный путь, проложенный по мысли француза Лессепса, французскимъ трудомъ и на французскія деньги, сразу приобрѣлъ мировое значеніе, такъ что англичане, которые сначала противились проекту Лессепса, поторопились, по открытіи канала, сдѣлаться главнѣйшими соучастниками предпріятія, скупивъ массу суэзскихъ акцій и, въ томъ числѣ, приобрѣтя отъ бывшаго хедива Измаила-паши, почти за безцѣнокъ, всѣ принадлежавшія ему 176,000 акцій съ купонами вплоть до 1894 года. Любая операція эта была продѣлана покойнымъ лордомъ Биконсфильдомъ, и теперь Англія сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе крупныхъ собственниковъ канала, устроеннаго чужими стараніями и на чужія деньги. Никогда государственныя капиталы не были затрачиваемы болѣе производительнѣе. Какое важное значеніе имѣетъ Суэзскій каналъ для Европы, а въ особенности для Великобританіи, показываютъ слѣдующія цифры:

Въ 1870 году, т. е. въ первый годъ судоходства по каналу, черезъ него прошло 486 судовъ, въ общей сложности въ 435,911 тоннъ, въ 1875 году прошло уже 1494 судовъ, вмѣстимостью въ 2,940,708 тоннъ. а въ прошломъ 1881 году—2,727 судовъ въ 5,794,401 т. *). Не смо-

*) Наряду съ этимъ, доходъ съ прохода судовъ возросъ съ 5.159,327 ранковъ въ 1870 г. на 51.274,352 фр. въ 1881 г.

тра на такое сильное возрастаніе числа проходящихъ судовъ, оно еще значительно усилятся, когда будутъ отмѣнены турецкіе стѣснительные карантинные порядки и произведены работы для расширенія канала, что уже въ принципъ рѣшено на послѣднемъ общемъ собраніи акціонеровъ. Вышеприведенная цифра, 5.794,401 тонна за 1881 г., распредѣляется между отдѣльными государствами Европы слѣдующимъ образомъ:

Англія	4.792,117	тоннъ
Франція	289,324	»
Нидерланды	187,900	»
Австро-Венгрія	115,776	»
Италія	113,259	»
Испанія	103,500	»
Германія	59,515	»
Россія	42,705	»

Остающаяся цифра падаетъ на всѣ остальные государства Европы, Азіи, Африки и Америки.

Итакъ, львиная доля участія въ транзитѣ по Суэзскому каналу выпадаетъ на Англію: на нее одну приходится 82% изъ всего количества тоннъ. Между прочимъ, изъ вышеприведенной таблички оказывается, что и для нашей внѣшней морской торговли Суэзскій каналъ имѣетъ далеко не заурядное значеніе. Какъ ни ничтожно количество тоннъ, проходящихъ этимъ путемъ подъ русскимъ флагомъ, сравнительно со вмѣстимостью судовъ другихъ государствъ, оно все-таки для насъ весьма значительно, если принять во вниманіе слабое развитіе нашего морскаго коммерческаго флота. Однако, кромѣ громаднаго торговаго значенія, путь, проложенный Лессепсомъ, имѣетъ неоспоримую важность и для политическихъ и военно-стратегическихъ цѣлей. Всѣ англійскія войска, направляемая въ Индію, всѣ французскія, идущія въ Кохинхину, испанскія—къ Филиппинскимъ островамъ, голландскія—въ Яву и Суматру, турецкія—въ Джедду, наконецъ, русскія, направляемая морскимъ путемъ къ Амуру и восточному побережью Сибири,—всѣ онѣ проходятъ черезъ Суэзскій каналъ. Разумѣется, и въ этомъ отношеніи наибольшую важность представляетъ онъ для Англіи. Прекращеніе судоходства по каналу, хотя бы и временное, нанесло бы тяжелый ударъ не только торговлѣ Великобританіи, но и ея политическому могуществу. А между тѣмъ безопасность и свобода плаванія по каналу, не взирая на существующія международныя гарантіи,

далеко не обеспечены отъ разныхъ предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ случайностей. Такъ, главнѣйшіе пункты, расположенные по побережью канала, какъ Измаилія, Портъ-Саидъ, Суэзъ, снабжаются прѣсной водой посредствомъ системы каналовъ и водопроводныхъ трубъ изъ Нила, такъ что египетскому правительству ничего не стоить лишить ихъ воды; кроме того, въ случаѣ волненій въ Египтѣ, туземныя войска или арабы могутъ причинить неисчислимый вредъ судоходству; наконецъ, турецкое господство все еще окончательно не устранено въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ каналу. Вотъ почему всѣ заботы западныхъ, наиболѣе заинтересованныхъ державъ сводятся къ тому, чтобы обеспечить этотъ важный путь отъ всякихъ случайностей, окончательно высвободить его изъ-подъ турецкаго вліянія и въ то же время не дать завладѣть имъ какой нибудь одной державѣ. Но Суэзскій каналъ находится не на нейтральной, никому не принадлежащей почвѣ; онъ проведенъ по египетской землѣ, составляетъ ея неотъемлемую часть и потому стоитъ въ тѣсной зависимости отъ внутреннихъ порядковъ въ краѣ. И вотъ почему, обладая Суэзскимъ каналомъ, нельзя не обладать и Египтомъ. Богатый, но доселѣ нещадно разоряемый край, мало-по-малу превращался въ общеевропейскую колонію. въ общеевропейское транзитное и складочное мѣсто, силою вещей долженъ стать въ полную зависимость отъ Европы и подчиниться ея порядкамъ.

Но наряду съ этой зависимостью быстро росла и другая, — непосредственная зависимость отъ европейскихъ капиталовъ. Съ легкой руки Магомета-Али, наплывъ европейцевъ и ихъ капиталовъ въ Египетъ сталъ постепенно усиливаться. Европейскія деньги шли на разныя промышленныя и торговыя предпріятія въ странѣ, но главнымъ образомъ, въ видѣ займовъ, на нужды египетскаго правительства и прихоти правителей. Наконецъ, при Измаилѣ-пашѣ наплывъ европейскихъ капиталовъ сдѣлался столь громаденъ, что Египетъ превратился въ неоплатнаго, а вскорѣ затѣмъ и въ несостоятельнаго должника Европы. Этому, преимущественно, способствовалъ самъ Измаилѣ-паша своей безумной роскошью и расточительностью. Дошло до того, что въ февралѣ 1876 года онъ вынужденъ былъ отвѣзаться отъ всякихъ платежей по займамъ, иными словами, объявить себя банкротомъ. Европѣ нужно было позаботиться о спасеніи своего достоянія и о приведеніи въ ясность миллиардовъ, растраченныхъ легкомысленнымъ хедивомъ. Для приведенія въ порядокъ дѣлъ по долговымъ обязательствамъ Египта, туда были посланы Англіей, Франціей, Италіей и Австріей спеціальныя комиссары. Такъ какъ, денежно-

наиболѣе заинтересованными были первыя двѣ страны, то ихъ комиссары, Берингъ и Блиньеръ, и явились главными заправителями дѣла. Съ этого момента и начинается фактическое и официальное вмѣшательство Европы во внутреннїя дѣла Египта. Вскорѣ комиссія, назначенная для упорядоченїя египетскихъ долговыхъ обязательствъ, превращается въ контроль надъ всей финансовой системой въ краѣ. Такое превращеніе было неминуемо, такъ какъ всѣ операціи по долгамъ находились въ тѣсной зависимости отъ мѣстнаго бюджета. Тѣ же Берингъ и Блиньеръ назначаются генераль-контролерами съ весьма обширными полномочїями. Но все же у египетскаго правительства оставалась нѣкоторая доля власти, которая дѣйствительно ставила немало препятствїй контролерамъ. Ихъ распоряженїя не всегда исполнялись, поступления со многихъ доходныхъ статей шли, помимо ихъ, прямо въ карманъ хедива, составлялись подложные или завѣдомо неточные отчеты и т. п. Надо было, во что бы то ни стало, положить конецъ такимъ порядкамъ. И вотъ, подъ давленїемъ кредиторовъ, въ ноябрѣ 1878 г. назначается смѣшанное министерство, въ которое попадаютъ французъ Блиньеръ и англичанинъ Вильсонъ, первый—въ качествѣ министра общественныхъ работъ, второй—въ качествѣ министра финансовъ; т. е. въ руки европейцевъ переходятъ двѣ главнѣйшія отрасли египетскаго хозяйства. Итакъ, захватъ былъ полный. Египетъ *de facto* превратился въ европейскую провинцію.

Однако на этотъ разъ царство Европы длилось недолго. Хедивъ Измаиль, вообще не любившїй, чтобы праву его препятствовали, выведенный изъ терпѣнїя понасъвшими на него европейцами, въ апрѣлѣ 1879 года учинилъ *coup d'état*, прогналъ Вильсона и Блиньера, и вмѣсто прежняго министерства завелъ новое, по своему вкусу. Но этимъ смѣлымъ шагомъ онъ только погубилъ себя. Франція и Англія потребовали отъ Измаила добровольнаго отреченїя; когда же онъ отказался, то былъ насильно свергнутъ, по настоянїю названныхъ державъ, Портой и изгнанъ навсегда изъ Египта, съ воспрещенїемъ вѣзда не только туда, но и вообще во всѣ мѣста, находящїяся подъ державною властью султана. Это случилось въ іюлѣ того же года. Намѣсто позорно изгнаннаго хедива, вступаетъ на египетскїй престолъ сынъ его, нынѣ неблагополучно царствующїй Тевфикъ-паша. Тевфикъ—совсѣмъ инаго закала, чѣмъ его отецъ. Онъ далеко не такая широкая натура, какъ Измаиль, не расточитель, но человекъ очень покладистый и сговорчивый. Европа вздохнула свободнѣе. Своимъ главнымъ министромъ Тевфикъ дѣлаетъ любезнаго европейцамъ Рїаза-пашу; Блиньеръ и Берингъ возвращаются, и европей-

свое хозяйство водворяется снова въ Египтѣ, но уже въ болѣе прочныхъ и широкихъ началахъ. Контрольная коммиссія прѣвращается въ ноябрѣ 1879 г. въ ликвидационную. Прямая цѣль ея — устройство все того же египетскаго долга, но въ сущности она забираетъ въ свои руки все управление страной и всѣ отрасли финансоваго управления, и общественныя работы, и государственныя имущества, и даже суды и народное просвѣщеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замышляются и устраняются разные преобразованія, вводятся до нѣкоторой степени европейскіе порядки; настоящее египетское правительство окончательно ступшевывается и остается такимъ только по имени. Разумѣется, вмѣстѣ съ дѣловыми людьми, массою наводнилъ Египетъ разный темный людъ, безъ роду и племени, всякаго сорта интернаціональные аферисты, которые, во имя европейской цивилизаціи, отлично принялись устраивать свои дѣляшки. Египетъ былъ забранъ въ руки окончательно и безповоротно. Казалось бы Европа могла отнынѣ мирно и безпрепятственно пожинать плоды, взрощенные на ея деньги и трудами рукъ ея банкировъ, купцовъ, промышленниковъ, техниковъ и авантюристовъ...

Какъ вдругъ разносится тревожная вѣсть, что въ Каирѣ вспыхнула военная революція. Событіе это произошло въ началѣ сентября 1881 г. Нежданно-негаданно нѣсколько полковыхъ командировъ египетской арміи, руководимые знаменитымъ впоследствии Араби-беємъ, устраиваютъ заговоръ и учиняютъ нѣчто въ родѣ пронунціаменто, чтобы выразить свое недовольство военными порядками въ Египтѣ и предпочтеніемъ, оказываемымъ офицерамъ изъ черкесовъ передъ туземными. Какъ потомъ выяснилось, предлогомъ къ пронунціаменто послужили два совершенно неважныхъ обстоятельства: намѣреніе премьеръ-министра, Ріаза-паши, перевести какой-то пѣхотный полкъ изъ Каира въ Александрію и повышение военнымъ министромъ, Даудомъ-пашой, одного офицера, не пользовавшагося популярностью въ арміи. Недовольные полковники, собравъ около себя 4,000 солдатъ и прихвативъ съ собой нѣсколько орудій, окружили дворецъ и потребовали отъ хедива Тевфика-паши, чтобы Ріазъ и Даудъ-паши были отрѣшены отъ должности, чтобы во главѣ правительства поставленъ былъ Шерифъ-паша и чтобы численность египетской арміи была доведена до 18,000, а встатѣ пожелали имѣть и конституцію. Тевфикъ-паша вынужденъ былъ принять эти условія и только, благодаря заступничеству тогдашняго великобританскаго генераль-контролера, Больвина, удалось убѣдить полковыхъ командировъ — удовольствоваться однимъ преобразованиемъ министерства, вопросы же объ увеличеніи наличнаго се-

стаза арміи и о конституціи передать на предварительное разсмотрѣніе **Порты**. Добившись желаемого, возмутившіеся **полки**, пройдя съ барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами по **каирскимъ** улицамъ, мирно разошлись по казармамъ. Такимъ образомъ, солдатское *coup d'état* обошлось безъ нарушенія порядка и безъ кровопролитія.

На первый взглядъ, эта невинная революція имѣла видъ какой-то опереточной буффонады, — но только на первый взглядъ; на самомъ же дѣлѣ она имѣла въ основаніи серьезный смыслъ, который и не укрылся отъ взоровъ западныхъ державъ. Хотя полковники, устроившіе революціонную процессію по каирскимъ улицамъ и успѣшили успокоить европейцевъ, заявивъ, что имѣютъ счеты не съ ними, а только со своимъ правительствомъ, — но всемъ было ясно, что переводъ полка съ одного мѣста на другое и повышение какого-то офицера были лишь пустыми придирками, а что именно противъ европейцевъ и была учинена демонстрація. Въ самый же день проунціаменто, однимъ изъ полковыхъ командировъ, **Ахметомъ-Эль-Ураби**, было отправлено хедиву письмо, въ которомъ египетская армія выставлялась единственной представительницей нужды и желаній народа, и напрямикъ требовалось удаленіе иностранцевъ изъ административныхъ сферъ и вообще освобожденіе Египта изъ подъ чужеземнаго ига. «Долой иностранцевъ!» «Египетъ — египтянамъ!» — вотъ тайный смыслъ начавшагося движенія.

Можно себѣ представить, какъ встревожила Европу **каирская** исторія, которая застала врасплохъ Англию и Францію, какъ наиболее заинтересованныя державы, *de facto* заправляющія дѣлами Египта! Начинается съ ихъ стороны цѣлый рядъ усиленныхъ дипломатическихъ и иныхъ шаговъ, результаты которыхъ сказались теперь въ двухъ обширныхъ фоліантахъ, такъ называемой, **синей книги** въ Англии и **желтой** во Франціи, совмѣстившихъ въ себѣ всю объемистую дипломатическую переписку по египетскимъ дѣламъ, начиная съ сентября прошлаго года и кончая июлемъ настоящаго. Вначалѣ инициативу беретъ на себя Франція. Гамбетта домогается тѣснаго союза съ Англіей и энергическаго вмѣшательства въ египетскія дѣла. Рѣшительность французскаго правительства однако не встрѣчаетъ сочувствія со стороны англійскаго. Послѣднее опасается риска и отвѣтственности, и даже предлагаетъ дѣло вмѣшательства поручить Турціи, той самой Турціи, отъ которой, собственно, главнымъ образомъ и старались уберечь Египетъ. Предложеніе это встрѣчаетъ горячій отпоръ со стороны Гамбетты, который не безъ основанія страшится, что усиленіе турецкаго вліянія на берегахъ Нила

можетъ гибельно отразиться на французскихъ владѣнiяхъ въ сѣверной Африкѣ.

Впослѣдствiи роли мѣняются. По выходѣ въ отставку Гамбетты, Францiя начинаетъ уклоняться отъ всякаго вмѣшательства; начинается съ ея стороны та боязливая и шаткая политика, которая въ концѣ концовъ привела къ новому министерскому кризису и къ полному отреченiю Францiи отъ сообщничества съ Англiей. Послѣдняя, наоборотъ, разъ убѣдившись въ серьезной опасности для своихъ интересовъ отъ новаго оборота дѣлъ въ Египтѣ, со свойственнымъ ей политическимъ тактомъ, принялась энергически дѣйствовать, не обращая особеннаго вниманiя ни на какия постороннiя, чуждыя ея интересамъ соображенiя, и сейчасъ же приступила къ серьезнымъ вооруженiямъ. Въ результатъ, все дѣло очутилось въ однихъ ея рукахъ, и теперь судьба Египта зависитъ отъ ея благоусмотрѣнiя.

Между тѣмъ, событiя на берегахъ Нила безостановочно и быстро развивались по разъ данному имъ направленiю. Имя Араби-бея, а потомъ паши, получало все болѣе и болѣе значенiя, и популярность его въ мусульманскомъ мирѣ росла не по днямъ. Его скромность и простота обращенiя, его начитанность въ духъ ислама, его увлекательное краснорѣчiе, наконецъ, счастье, которое доселѣ ему сопутствовало, — все это дѣлало изъ него излюбленнаго героя мусульманъ, заступника угнетенныхъ и защитника вѣры, ниспосланнаго Аллахомъ. Уже теперь стали складываться объ Араби въ народѣ болѣе или менѣе фантастическiя легенды, и слава о немъ разнеслась далеко за предѣлы Нильской долины. Но для посторонняго и не заинтересованнаго наблюдателя личность его все еще представляется въ туманѣ, какъ и вся сущность руководимаго имъ движенiя. Извѣстно только, что онъ родомъ изъ бѣдной, простой семьи феллаховъ изъ Нижняго Египта, что поступилъ въ военную службу въ правленiе Саида простымъ солдатомъ и, какъ это водится въ Египтѣ, доставленъ былъ въ полкъ съ гурьбой другихъ рекрутъ, перевязанныхъ одной общей веревкой, и что всей своей послѣдующей карьерой обязанъ исключительно одному себѣ. Болѣе видную роль сталъ онъ играть только съ конца 70 годовъ, когда, при участiи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, помогъ бывшему хедиву Измаилу устроить министерскiй переворотъ и прогнать изъ Египта Вильсона съ Блиньеромъ. Съ этого момента онъ сталъ неувлонно идти по разъ начертанному пути, зашедши, повидимому, цѣлью — возвратить Египетъ египтянамъ. Всѣ дальнѣйшiя свѣдѣнiя объ Араби мы имѣемъ изъ рукъ болѣе или менѣе за-

интересованныхъ европейцевъ, которые видимо стараются умалить его личность и представить его въ невыгодномъ свѣтѣ. Они рисуютъ его беззащѣчивымъ честолюбцемъ, интриганомъ въ чисто восточномъ духѣ, авантюристомъ самаго мелкаго сорта, и даже не признаютъ въ немъ личнаго мужества. Все это, быть можетъ, отчасти и справедливо, но крайне преувеличено. Вся его дѣятельность, начиная съ 1878—1879 года, ясно показываетъ, что не одно честолюбіе руководило имъ, но что онъ довольно ясно и послѣдовательно шелъ къ другой цѣли—къ освобожденію Египта изъ подъ европейскаго гнета и къ облегченію участи феллаховъ, изнывающихъ подъ бременемъ долговъ, надѣланныхъ Измаиломъ-пашей. Такъ, когда въ началѣ нынѣшняго года онъ сдѣланъ былъ военнымъ министромъ, то первой его заботой было устранить отъ поставокъ на армію европейскихъ купцовъ и всѣ сдѣлки заключать съ туземцами, съ природными египтянами. Во всякомъ случаѣ, если Араби и авантюристъ, то скорѣе изъ той породы авантюристовъ, которые дѣлаютъ исторію и оставляютъ по себѣ глубокіе слѣды въ жизни народовъ.

Еслибы для Европы не была тайной внутренняя жизнь народа на берегахъ Нила, его потребности и стремленія, еслибы она не задавалась предвзятыми и, быть можетъ, фальшивыми представленіями, что тамъ въ сущности никакого народа нѣтъ, а имѣются только въ конецъ развращенные паши, сбродъ торгашей всѣхъ племенъ и нарѣчій, да безсловесная и бессмысленная чернь,—то, конечно, она, въ виду громаднаго для нея значенія Египта, не отнеслась бы такъ легко и поверхностно къ совершающимся въ немъ событіямъ. Италія, Франція, а въ особенности Англія, могущество которой находится въ прямой зависимости отъ Египта, постарались бы уладить тогда свои взаимныя недоразумѣнія и своевременно предупредить начавшееся движеніе, или, по крайней мѣрѣ, дать ему надлежащее направленіе. Но тѣмъ, царившая надъ Египтомъ, и тѣсная связь, соединяющая египетскій вопросъ съ вѣчнымъ страшилищемъ—восточнымъ вопросомъ, отуманили взоры Европы, и Англія спохватилась только тогда, когда египетская почва обогрилась европейскою кровью и когда рѣшать дѣло приходилось не иначе, какъ путемъ жестокой военной экзекуціи. Постараемся въ бѣгломъ очеркѣ представить рядъ послѣднихъ событій въ Египтѣ, ознаменовавшихся ужаснымъ александрійскимъ погромомъ и приведшихъ къ англо-египетской войнѣ,—иначе, пожалуй, и нельзя назвать англійскую

экспедицію и сопротивленіе, оказываемое ей войсками египетскаго диктатора, Араби-паши.

Послѣ удачнаго пронунціамента въ сентябрѣ, онъ принялся энергически руководить глухимъ броженіемъ въ странѣ, которое съ каждымъ днемъ стало принимать все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Ставъ во главѣ палаты нотаблей, созванной по его же настоянію, Араби вступаетъ въ открытую борьбу съ хедивомъ, котораго упрекаетъ въ слабости и потаканіи иностранцамъ, и наконецъ понуждаетъ Тевфика назначить его военнымъ министромъ. Этимъ шагомъ онъ только усилилъ свое вліяніе и сталъ дѣйствовать смѣлѣе, стремясь окончательно устранить хедива и фактически забрать всю власть въ свои руки. Случайное открытіе какого-то заговора противъ жизни Араби-паши ведетъ къ полнѣйшему разрыву между хедивомъ и его правительствомъ. Темная исторія эта до сихъ поръ еще остается загадкой; многіе полагаютъ даже, что она была нарочно измышлена самимъ-же Араби-пашей. Какъ-бы тамъ ни было, но пущена была молва, что нѣсколько турецкихъ и черкесскихъ офицеровъ публично поносили послѣдняго и собирались даже умертвить его. Виновные были арестованы, преданы полемому суду и приговорены къ тяжелымъ наказаніямъ. Однако Тевфикъ, поддерживаемый представителями Франціи и Англіи, которые, естественно, всѣми средствами старались противодѣйствовать все усиливавшемуся вліянію Араби, отказался утвердить приговоръ. Разгнѣванный министръ обращается тогда къ содѣйствію палаты нотаблей, побуждая ее подписать петицію съ требованіемъ отреченія Тевфика отъ престола. Палата пыталась было устроить примиреніе между хедивомъ и его министерствомъ, но тщетно. Первый на отрубіе отказался входить въ какія либо сношенія съ «бунтовщиками». Послѣднимъ это было только на руку: вся сила была на ихъ сторонѣ; на сторонѣ же хедива остались лишь немногіе вѣрные ему турецкіе паши да европейскіе комиссары. Пользуясь своимъ вліяніемъ, Араби поднимаетъ усиленную агитацію въ народѣ и, на всякій случай, начинаетъ дѣлать военныя приготовленія. Тревожное чувство охватило весь Египетъ, особенно пункты, населенные европейцами, которые стали мало-по-малу выселяться изнутри страны къ средиземнымъ портамъ. Еще сильнѣе встревожились на Западѣ Европы; однако все еще не рѣшаются прибѣгнуть къ какому либо рѣшительному шагу. Каждая изъ державъ старается свалить съ себя бремя активнаго вмѣшательства, надѣясь побудить къ тому Порту; но послѣдняя упорно отказывается. Наконецъ, Англія беретъ на себя починъ и отправляетъ, въ видѣ де-

демонстраціи, всѣмъ къ берегамъ Египта. Ея примѣру слѣдуютъ и дру-
 гія державы; но **Араби** отправляютъ военныя суда не столько демонстра-
 ции ради, сколько для охраны своихъ подданныхъ, проживающихъ въ
 Египтѣ. Въ началѣ мая, союзныя эскадры бросили якорь передъ Але-
 ксандріей. Морская демонстрація оказалась фатальной полумѣрой; она
 грозила превратиться въ такой же невинный фарсъ, какой былъ разви-
 градь года два тому назадъ европейскими эскадрами передъ Дульциней
 по поводу черногорскаго вопроса. Тѣмъ не менѣе, появленіе европей-
 скихъ военныхъ кораблей въ Александрійскомъ портѣ на первыхъ по-
 рахъ произвело нѣчто такое впечатаніе. Распря между хедивомъ и ми-
 нистерствомъ, грозившая **Араби-пашей** разрѣшиться государственнымъ переворотомъ
 и отреченіемъ Тевфикъ-паши отъ престола, внезапно прекращается тра-
 ги-комическимъ примиреніемъ. Министры собрались во дворцѣ, покая-
 нья во грѣхахъ и привели повинную; церемонія испрашиванія а м а н а
 устроена была по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета, съ цѣлованіемъ
 рукъ и ногъ хедива. **Послѣдній** милостиво простилъ и общалъ забыть
 прошлое. Однако Франція и Англія нашли, что эта забавная процедура,
 не смотря на всю свою торжественность, еще ровно ничего не доказы-
 ваетъ и нимало не разрѣшаетъ вопроса. На дѣлѣ все осталось по-
 прежнему: тѣ же претензіи съ одной стороны, и тѣ же опасенія съ дру-
 гой. Если Араби-паша и смирился, то только потому, что быстрый при-
 ходъ иностранной эскадры нѣсколько разстроилъ его планы; но эти пла-
 ны имъ не оставлены и сила его нимало не пошатнулась. Въ виду
 этого, обѣ названныя державы категорически потребовали, чтобы еги-
 петское министерство было уволено въ отставку, а Араби-паша съ то-
 варищами отправленъ въ ссылку. Требованіе это вызвало новый и уже
 окончательный разрывъ между хедивомъ и партией Араби-паши, или
 такъ называемой народной партией. Министерство вышло въ отставку,
 но не въ видѣ уступки, а съ цѣлью протеста. Тевфикъ-паша, все еще
 полагаясь на свою силу и подстрекаемый уполномоченными державъ,
 счелъ минуту удобной для возстановленія своего авторитета; но горько
 ошибся въ разсчетахъ. Нимало не медля, онъ обратился съ воззваніемъ
 къ патриотизму и вѣрноподданническому чувству населенія и поручилъ
 бывшему прежде министру, свергнутому послѣ прононціаменто польковыхъ
 командировъ, Шерифу-пашѣ, образовать новое министерство. Наконецъ,
 созававъ къ себѣ во дворецъ всѣхъ членовъ палаты нотаблей, улемовъ,
 высшихъ государственныхъ лицъ и вліятельнѣйшихъ офицеровъ египет-
 ской арміи, онъ пытался доказать имъ незаконность поступковъ Ара-

би-паша и его партіи, и далъ имъ понять, что эскадры будутъ немедленно-же отозваны державами, какъ только египетское правительство согласится принять предъявленныя консулами условія. Однако, всѣ его старанія остались тщетными. Въ отвѣтъ на его убѣжденія, приглашенные офицеры и другія лица рѣзко и категорически объявили, что не допускаютъ никакого иностраннаго вмѣшательства и безусловно отвергаютъ англо-французскія требованія. Мало того, на устроенномъ вслѣдъ затѣмъ собраніи своей партіи, они напрямикъ потребовали изложенія хедива. Наряду съ этой обидной неудачей, Тевфикъ-паша потерпѣлъ и другую: всѣ хлопоты его объ образованіи новаго министерства ни къ чему не привели, и ему по неволѣ пришлось оставаться безъ правительства.

Безсиліе морской демонстраціи стало очевиднымъ; приходилось подумать объ иныхъ средствахъ. Но державы все еще опасаются рѣшительныхъ дѣйствій и по прежнему продолжаютъ уповать на дипломатію. Египетскому вопросу въ частности пришлось испытать на себѣ всѣ тѣ эксперименты, которые столько разъ производились надъ его основной формой—злосчастнымъ восточнымъ вопросомъ. Постоянство этихъ экспериментовъ просто изумительно. Въ какомъ-бы фазисѣ своего развитія восточный вопросъ ни находился, передъ глазами Европы послѣдовательно проходитъ рядъ однихъ и тѣхъ-же, всѣмъ давно знакомыхъ явленій: давленіе державъ на Порту, угроза въ той или другой формѣ, безконечная и почти всегда безплодная конференція, а въ результатъ—болѣе или менѣе чувствительное разстройство въ европейскомъ «концертѣ».

Такъ было и передъ послѣдней русско-турецкой войной, и по черноморскому, и по греческо-турецкому пограничному вопросу; то-же, съ буквальной точностью, воспроизведено теперь и по вопросу египетскому. За неудавшимся англо-французскимъ вмѣшательствомъ послѣдовала столь же неудачная морская демонстрація. Внушительный видъ иностранныхъ военныхъ кораблей, поспѣвшихъ къ берегамъ Египта на поддержку распатавшагося тамъ *statu quo*, не произвелъ на Араби-пашу и вѣрныхъ ему египтянъ никакого надлежащаго впечатлѣнія. Послѣ такого фіаско, естественнымъ образомъ долженъ былъ выступить на очередь вопросъ о созывѣ конференціи. Починъ въ этомъ дѣлѣ взяли на себя все тѣ-же, наиболѣе заинтересованныя въ египетскомъ вопросѣ державы, Франція и Англія. Они разослали остальнымъ великимъ державамъ приглашеніе уполномочить своихъ посланниковъ на участіе въ обще-евро-

въ Константинополѣ, базисами для которой должны
 являться *status quo*,—т. е. существующихъ отношений
 правъ, обеспеченныхъ фирмами за нынѣшнимъ хеди-
 визомъ признанныхъ международныхъ обязательствъ,—а
 также и всѣхъ вооб-
 щихъ средствъ для водворенія порядка и обеспечения пра-
 вильнаго политическаго и экономическаго развитія Египта. Англо-фран-
 цузское предложеніе было принято всѣми остальными кабинетами, и оста-
 вилось только называ-
 ными. Но Порты, дорожа своимъ престижемъ въ мусульманскомъ мірѣ
 и якобы державными правами надъ Египтомъ, съ обычной своей ловкостью,
 постаралась спутать и ар-
 ду державами, она послѣдовательно устроила увѣдомить ихъ, что уже командировала
 съ чрезвычайными полномочіями комиссара въ Каиръ, которому и пе-
 ружив устроить соглаше-
 ние между хедивомъ и его врагами. Державамъ по-
 неволя пришлось признать турецкаго комиссара. Комиссаромъ своимъ Пор-
 та избрала Девриша-пашу, чело-
 вѣка опытнаго и уже искусившагося въ дѣ-
 лѣхъ подобнаго рода. Годъ два тому назадъ онъ прославился тѣмъ, что уни-
 ретворилъ Албанію и соорудилъ полумиліоническое сопротивление славной въ
 свое время албанской лиги, созданной руками самой-же Порты и ею только
 и державшейся. Новая миссія Девриша-паши являлась какъ бы повто-
 реніемъ албанской, такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, Порты, официально
 покровительствуя хедиву Тевфику, подъ рукою поддерживала его про-
 тивника, Араби.

Но тутъ, неожиданно для всѣхъ, вспыхиваютъ беспорядки въ Алек-
 сандріи, наглядно показавшіе, какъ сильно недовольство въ населеніи,
 котораго не могъ сдержатъ въ должныхъ границахъ даже страхъ не-
 редъ грозными броненосцами, стоявшими на-готовѣ. Какъ всегда бываетъ
 въ подобнаго рода непредвидѣнныхъ случаяхъ, беспорядки возникли отъ
 самаго пустаго и зауряднаго обстоятельства. Утромъ 30 мая, какой-то
 мальтїецъ поспорилъ съ арабомъ и ударилъ его ножомъ; въ ссору вмѣ-
 шались свидѣтели, и въ одно мгновеніе улица переполнилась арабами,
 вооруженными дубинами, обломками мебели, словомъ, всѣмъ, что первое
 попало подъ руку. Свалка сдѣлалась всеобщей. Съ криками «смерть
 христіанамъ!» толпа разсыпалась по городу, все грабя и разрушая на сво-
 емъ пути. При первой вѣсти о грабѣжѣ, въ городъ нахлынули бедуины
 и арабы изъ сосѣднихъ деревень, и приняли живое участіе въ разграб-
 леніи христіанскихъ домовъ, лавокъ и магазиновъ. Не давали пощады
 ни одному европейцу, который попадался имъ на встрѣчу. Англійскаго

консула вытащили изъ экипажа и избили до полусмерти; та же участь постигла греческаго консула и двухъ итальянскихъ. Обезумѣвшіе отъ страха европейцы толпами запирались въ домахъ и отстрѣливались изъ оконъ; въ счастью, у возмущавшихся не было хорошаго оружія: они болѣе дѣйствовали палками и камнями. До сихъ поръ еще не выяснено, сколько народу было перебито и переранено; но, должно быть, пострадавшихъ съ той и другой стороны было немало. Къ ночи, отчасти благодаря вмѣшательству египетскаго регулярнаго войска, волненіе стихло. На другой день въ городѣ было уже все спокойно. Самая внезапность и кратковременность этого уличнаго возмущенія ясно показывали, что оно не было подготовлено; это былъ лишь случайный взрывъ негодованія, давно накипѣвшаго въ народѣ. Тѣмъ опаснѣе долженъ былъ показаться европейцамъ этотъ симптомъ дѣйствительнаго настроенія въ народѣ; слѣдовало ждать, что беспорядки возобновятся при первомъ удобномъ случаѣ, и не въ одной Александріи, а въ любомъ пунктѣ, гдѣ проживаютъ европейцы. Послѣдніе, объятые паникой, стали массами выселяться изъ Египта. Не хватало судовъ для перевозки бѣглецовъ изъ Александріи въ европейскіе порты. Въ какія нибудь двѣ недѣли бѣжало изъ Египта болѣе 32,000 человекъ. Державамъ дожидаться долѣе было нельзя.

Очевидно, миссія Дервиша-паши оказалась ни болѣе, ни менѣе, какъ искусной политикой со стороны Порты. Вмѣсто того, чтобы искренно взять сторону хедива, ловкій примиритель сошелся съ Араби-пашей и заодно съ нимъ принялся водворять порядокъ, и, надо правду сказать, довольно успѣшно, хотя и не въ томъ духѣ, какой желателенъ былъ западнымъ державамъ. Плодомъ совмѣстныхъ стараній Дервиша и Араби возникло нигѣмъ неожиданное министерство, съ Рагибомъ - пашей во главѣ, и, что всего удивительнѣе, министерство это было тотчасъ же утверждено хедивомъ, а затѣмъ одобрено султаномъ. Разсчетъ Порты былъ ясенъ: образованіемъ перваго попавшагося министерства она хотѣла устранить вмѣшательство Европы, такъ какъ, по ея мнѣнію, послѣднее становилось безцѣльнымъ, разъ въ Египтѣ установлено законное правительство, которое беретъ на себя ручательство въ водвореніи порядка въ краѣ и въ строгомъ соблюденіи существующихъ международныхъ договоровъ. Однако, Европа взглянула на дѣло иначе, и 11 іюня состоялось въ Константинополѣ первое засѣданіе конференціи.

Прежде всего, ей предстояло озаботиться водвореніемъ порядка въ Египтѣ, въ виду чего большинство державъ задумало обратиться за содѣйствіемъ къ Портѣ; но та, вначалѣ, не только наотрѣзъ отказывалась

валась отъ военнаго вмѣшательства, но и уклонилась отъ самаго участія въ конференціи. Оппозиція Порты была какъ разъ на руку Англіи. Оставленная Франціей въ самый разгаръ египетскихъ замѣшательствъ, держава эта зашла слишкомъ далеко, чтобы возвращаться назадъ. Къ тому же, когда очевидной стала опасность, могущая грозить интересамъ англійскаго народа на берегахъ Нила и въ особенности на берегахъ Суэзскаго канала, то великобританское правительство, дружно поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ Англіи, рѣшилось взять въ свои руки водвореніе порядка въ Египтѣ, хотя-бы силою оружія.

Въ глазахъ англичанъ египетскія замѣшательства явились такою *force majeure*, которая даже миролюбиваго Гладстона заставила прибѣгнуть къ приемамъ политики Биконсфильда, тѣмъ болѣе, что этого настоятельно требовалъ голосъ всей страны. Послѣдовательность и упорство въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли были всегда главными достоинствами англійской политики. Поэтому, твердо рѣшившись прибѣгнуть къ силѣ оружія, великобританское правительство, оставя всякія полумѣры, энергически принялось вооружаться и, не взирая на несовершенство англійской военной организаціи, сравнительно въ короткій срокъ, мобилизовало значительныя силы, какъ въ Европѣ, такъ и въ Остѣ - Индіи. При такихъ обстоятельствахъ, конференція съ самаго начала обречена была влечить совершенно безцѣльное существованіе. Между державами не было никакого единодушія; Турція только подъ самый конецъ примкнула къ конференціи; французскій уполномоченный, вслѣдствіе министерскаго кризиса у себя дома, долгое время оставался безъ всякихъ инструкцій. Что же касается великобританскаго уполномоченнаго, лорда Дефферина, то онъ любезно соглашался со всѣми предложеніями, что однако ничуть не мѣшало его правительству распоряжаться по собственному усмотрѣнію въ Египтѣ, помимо желаній державъ и самой конференціи. Послѣдняя, безцѣльно просуществовавъ около двухъ мѣсяцевъ, наконецъ сочла себя вынужденной отказаться отъ обсужденія египетскаго вопроса вообще и ограничиться лишь въ частности вопросомъ о международной охранѣ Суэзскаго канала. Не сегодня — завтра она распадется окончательно.

Тѣмъ временемъ въ Египтѣ дѣла быстро близились къ кровавой развязкѣ. Араби-паша, ожидая военнаго вмѣшательства Англіи, принялся спѣшно готовиться къ вооруженному отпору. Старинныя и полуразвалившіяся александрійскія укрѣпленія были кое-какъ приведены въ порядокъ и вооружены орудіями всевозможныхъ калибровъ; то-же самое было сдѣлано и въ остальныхъ пунктахъ смежнаго побережья. Предвидя

неизбѣжное паденіе Александріи, Араби къ югу отъ нея, въ Кафр-Эль-Доваръ, приготовилъ для себя весьма сильныя позиціи, куда и сталъ стягивать всѣ войска, устроивъ даже нѣчто въ родѣ народнаго ополченія. Командиръ англійской эскадры, Сеймуръ, разумѣется, не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ военныхъ приготовленій Араби-паши и, по распоряженію своего правительства, потребовалъ, подъ угрозой немедленнаго бомбардированія береговыхъ укрѣпленій, ихъ разрушенія и вообще пріостановки фортификаціонныхъ работъ. Требованіе это исполнено не было. Послѣ нѣсколькихъ предостереженій, Сеймуръ счелъ себя вынужденнымъ приступить къ осуществленію своей угрозы. 29 іюня открылось отнынѣ знаменитое бомбардированіе Александріи, продолжавшееся около сутокъ. Оно, разумѣется, вскорѣ заставило замолчать плохіе и слабо вооруженныя александрійскіе форты и принудило къ отступленію ихъ защитниковъ, не побоявшихся войти въ состязаніе съ могущественнымъ соперникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ привело и къ тому ужасному погрому Александріи, который останется однимъ изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ въ лѣтописяхъ исторіи XIX вѣка.

Богатый и многолюдный городъ Александрія болѣе не существуетъ: отъ него осталась, судя по описаніямъ, лишь груда дымящихся развалинъ. Въ гибели города повинна, однако, не столько англійская эскадра, сколько само-же мѣстное населеніе. Бомбардировкой разрушены только береговыя укрѣпленія; остальное же довершили, при помощи египетскихъ солдатъ, проживавшіе въ городѣ и окрестностяхъ арабы. Цѣлыхъ двое сутокъ бушевала опянялая отъ грабежа и крови толпа. Всѣхъ совершенныхъ ужасовъ описать невозможно. Даже жизнь самого хедива находилась въ опасности. Только подвупомъ удалось Дервишу-пашѣ спасти его отъ рукъ приставленной къ нему Араби-пашей стражи и затѣмъ, подъ конвоемъ англійскихъ матросовъ, вывести изъ города. Подъ первымъ впечатлѣніемъ бомбардировки, населеніе, охваченное паникой, принялось было утекать изъ города; но потомъ, словно по чьему-то приказу, бѣгство внезапно пріостановилось, и населеніе, снова нахлынувъ въ городскія улицы, приступило къ повальному разгрому. Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ одинъ изъ очевидцевъ александрійскихъ ужасовъ: «Въ какіе нибудь полчаса, разъяренная толпа, въ 40—50,000 человекъ, разсыпалась по улицамъ. Барбарыни (слуги европейцевъ) и баубабы (ихъ дворники), полунегры и полуфеллахи, служили главными проводниками убійцамъ и грабителямъ. Они-то и указывали на дома, въ которыхъ укрывались европейскія семьи. Дома эти брали приступомъ, а всѣхъ живущихъ въ нихъ немилосердно умерщвляли, не раз-

возраста. Гречанокъ насилывали, а затѣмъ избивали. Да выбѣжать изъ дома, но ее настигли и, вмѣстѣ съ груднымъ ребенкомъ, бывшимъ у нея на рукахъ, заволокли до самой площади, устроивъ въ самомъ центрѣ европейскаго города, на Консульской площади, устроенъ былъ бойня, въ буквальномъ смыслѣ этого слова; на площади, устроенъ былъ памятникъ Магомету-Али, стоящемъ посреди потока крови, которой онъ былъ забрызганъ. Магазины еще до снѣгъ поръ не успѣли и моментально опустошались. Изъ-за награбленныхъ вещей, изъ-за бархатныхъ и шелковыхъ тканей, взаменялись ломоть и драки. Добычу складывали въ экипажи всѣхъ сортовъ добра, въ особенности, изъ-за бархатныхъ и шелковыхъ тканей, происходили ожесточенныя драки. Добычу складывали въ экипажи всѣхъ сортовъ, въ кареты, впряжи, на лошадяхъ, мулахъ, быкахъ, самой разнообразной даже на верблюдахъ, а то и просто тащили буйволахъ, коровахъ и брели подъ тяжестью награбленнаго имущества; за ними шли волкли по грязи тюки изъ магазиновъ и разныхъ цѣнныхъ матерій. Арабы въ упряжѣ продирались сквозь толпы, безъ церемоній давя народъ; забрали, что попадалось подъ руку поцѣвнѣе, отвозили кобычу за городъ и снова возвращались грабить... Каналь Махмудіе, на протяженіи многихъ километровъ, былъ переполненъ барками всѣхъ размѣровъ, на которыхъ отплывали во внутрь страны арабы съ награбленнымъ имуществомъ. Пущены были въ дѣло и всѣ имѣвшіеся налицо желѣзнодорожные вагоны. Устраивались даже спеціальныя поѣзды въ Каиръ и въ придорожныя селенія... Ничему и никому не было пощады. Разграбивъ, на примѣръ, товары въ магазинѣ, разносили затѣмъ и самый магазинъ. Чего нельзя было захватить и унести съ собой, то разбивалось въ куски или сжигалось... Къ вечеру, въ трехъ мѣстахъ за разъ вспыхнулъ пожаръ, и вскорѣ затѣмъ море пламени охватило весь городъ. Пожаръ, предоставленный на произволъ судьбы, свирѣпствовалъ нѣсколько дней и довершилъ дѣло грабежа. Только на третій день послѣ бомбардировки высажены были команды съ нѣкоторыхъ иностранныхъ судовъ, чтобы спасти, что еще можно было спасти, и предупредить дальнѣйшіе беспорядки; десантъ-же англійской эскадры формально занялъ городъ, или, вѣрнѣе, его облитыя кровью и спаленныя огнемъ развалины.—Разумѣется, при общемъ тревожномъ состояніи умовъ въ Египтѣ, погромъ въ Александріи не остался одиночнымъ явленіемъ. Сцены подобнаго-же рода, хотя и далеко не въ столь грандіозныхъ размѣрахъ, произошли и въ другихъ пунктахъ, населенныхъ иностранцами. Почти одновременно возникли смуты въ самой столицѣ государства, въ Каирѣ, въ Даміеттѣ и вдоль всей почти желѣзнодорожной

линии, соединяющей Александрию съ Бапромъ, въ Танта, Балиубъ и др. Смуты эти сопровождались насиліями и рѣзней европейцевъ. По желѣзной дорогѣ, напр., между Танта и Балиубомъ, совершены были ужасающія изувѣрства: цѣлыя семьи кучами сваливали на рельсы и раздавливали поѣздомъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ.

Съ момента бомбардировки александрійскихъ фортовъ и, затѣмъ, военнаго занятія александрійскихъ развалинъ и слѣдуетъ считать начало военныхъ дѣйствій между Англіей и египетскимъ диктаторомъ. Но дальнѣйшія дѣйствія были на время приостановлены: Араби-паша отошелъ къ Кафръ-Эль-Довару и окопался въ довольно сильныхъ позиціяхъ, а англичане, ограничиваясь лишь болѣе или менѣе серьезными рекогносцировками, стали поджидать прихода изъ Европы и Индіи войскъ, назначенныхъ въ составъ египетской экспедиціи. Къ концу іюля, всѣ почти войска были уже въ сборѣ, а въ началѣ августа прибылъ и самъ главнокомандующій, генералъ Уольслэй, и немедленно-же приступилъ къ военнымъ операціямъ. Часть войскъ изъ Александріи и окрестностей двинута были къ Абукиру, одному изъ главнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ Араби-паши, а вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было и къ занятію Суэзскаго канала, не взирая на протесты Лессенса, на разглашествованія конференціи о нейтралитетѣ этого всемірнаго торговаго пути, и на поползновенія Порты къ соучастію въ экспедиціи. Въ итогѣ, англичане достигли цѣли, и рѣшеніе египетскаго вопроса очутилось въ ихъ рукахъ, потому что въ окончательномъ успѣхѣ ихъ оружія сомнѣваться невозможно. Дѣйствія англійскихъ войскъ могутъ быть временно задержаны, напримѣръ, наступающимъ періодическимъ разлитіемъ рѣки Нила или какими либо иными непредвидѣнными обстоятельствами; но, въ концѣ концовъ, трудно допустить, чтобы плохо вооруженное и плохо обученное египетское войско могло оказать серьезное сопротивленіе генералу Уольслэю. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ англичанъ въ Египтѣ, о ихъ переговорахъ съ Портой насчетъ заключенія англо-турецкой военной конвенціи и о плачевной роли, которую суждено играть хедиву Тевфику-пашѣ, придется поговорить въ слѣдующій разъ. Во всякомъ случаѣ, когда наступитъ окончательная ликвидація египетскаго вопроса, тогда, вѣроятно, нѣсколько обнаружится тайна настоящаго движенія на берегахъ Нила, и англичанамъ станетъ тогда ясно, съ кѣмъ имъ пришлось имѣть дѣло,—дѣйствительно-ли съ народомъ, возставшимъ за свою самостоятельность, или же, и впрямь, съ толпой всякаго сброда, руководимой ловкимъ авантюристомъ, какъ въ томъ-повидимому, твердо убѣждены въ Европѣ.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Навѣдателя»).

Римованные отголоски.

I.

Гимнъ свободѣ.

Въ свободѣ совѣсти и слова
Едва-ль нуждается народъ...
Какъ будто счастья нѣтъ другаго,
Какъ будто нѣтъ другихъ «свободъ?..»

У насъ давно ужъ всенародно
Объявлена свобода рукъ,
Чтобъ каждый могъ рукой свободно
Залѣзть въ общественный сундукъ.

Чтобъ, позабывши о страданьяхъ,
Повеселиться каждый могъ,
Во всѣхъ танцклассахъ и собраньяхъ
Господствуетъ свобода ногъ.

Чтобъ наша жизнь текла, какъ шутка,
Чтобъ было радостно сердцамъ,
Свободу полную желудка
Давно ужъ даровали намъ.

Всѣмъ существомъ распоряжаться
Свободно можетъ гражданинъ...

И если можно опасаться,
То только за свободу... сплечь.

II.

Экспромтъ 31 декабря 1881 года.

Мудрецовъ сѣдовласыхъ сказанья
Говорятъ, что въ минуту молчанья
Нарождается новый дуракъ.

Если такъ,

То въ годъ прошлый, подъ гнетомъ печали,
Мы такъ много, усердно молчали,
Что навѣрно изъ разныхъ угловъ
Народился... миллионъ дураковъ.

III.

Пресса-узница.

(Подражаніе Лермонтову)

Отворите мнѣ темницу,
Прикажите цѣпи снять,
Чтобы истину-царицу
Я могла вамъ показать.
Правду чистую, святую
Я вамъ смѣло растолкую,
Ясный свѣтъ на все пролью,
Пѣсни честныя спою.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая съ замкомъ...
И друзья мои далеко,
Ихъ не видно подъ окномъ.
Прочны цѣпи и оковы,
У окна стоятъ Батковы,
А у входа Баталинъ
И Мещерскій—гражданинъ.

Горесѣховъ.

Брызги и штрихи.

I.

То не вихремъ въ полѣ свищетъ
 Сонмъ разгнѣванныхъ боговъ,
 То—Катковъ повсюду рыщетъ
 И, вопя свирѣпо, ищетъ
 Мнимыхъ родины враговъ...

Не орда киргизъ-кайсаковъ
 Собралась набѣгъ начать,
 То—съ упорствомъ злыхъ маньяковъ—
 Уничтожить мнитъ Аксаковъ
 Прогрессивную печать...

II.

Было время, пѣлъ рутинѣ
 Гимны органъ Бурачка...
 «Маякомъ» смердить и нынѣ
 Органъ князя-простачка.

III.

Въ дѣвственныхъ дебряхъ далекой Америки
 Дѣлаютъ дикія звѣрства индѣйцы —
 Но и въ Москвѣ, доводя до истерики,
 Не уступаютъ индѣйцамъ—путьцы.

IV.

Корову дойную создавъ
 Изъ службы легкой, но доходной,
 Прожорливъ, алчень, какъ удавъ,
 Вору ты смѣло и свободно...
 Заматерѣлый лиходѣй,
 Въ виду имѣя только прибыль,
 Пусть массы цѣлыя людей
 Ты обрекаешь на погиль;—
 Спокойно пакости твори
 И грандомъ выгляди испанскимъ,
 Сигары цѣнныя кури
 И совѣсть заливай шампанскимъ...
 Когда-же дерзкая печать

Всѣ некрасивыя дѣянья
 Начнетъ ехидно обличать,
 Отдавъ тебя на посмѣянье,—
 Спѣши скорѣй увѣрить свѣтъ,
 Что на тебя печать нагала
 И, взявъ арапникъ и кастеть,
 Избей газетнаго нахала...
 И пусть оплеванъ будешь ты,
 Бандитъ новѣйшаго поворя,
 Но вѣрь, что многіе скоты
 Тебя признають за героя!

Незловивый поэтъ.

Ты постой, постой, красавица моя!..

Все клонить къ прочному порядку,
 Наперекоръ порѣ иной,
 Какъ либераль лунилъ въ присядку...
 Постой, красавецъ мой, постой!
 Иллюзіямъ дана острастка,
 Открыть просторъ «душѣ простой»,
 На всемъ казенная окраска
 И ты, зарвавшійся, постой!
 Не слышно буйныхъ фразъ прогресса,
 Понятенъ всѣмъ ихъ смыслъ пустой,
 Остепеняется и пресса...
 И ты, красавица, постой!
 Батковъ ливуется не напрасно
 Попалъ опять въ почетъ застой...
 Дѣла теперъ пойдутъ прекрасно...
 Постой, красавица, постой!

Ефимъ Скорпіоновъ.

Экспромтъ „Голосу“.

(по прочтении передовой статьи въ № 224-омъ)

Когда-то онъ, въ экстазѣ обличеній,
 О «мясникахъ» весьма свободно мыслить,
 Но... часъ насталъ для новыхъ превращеній,—
 И въ «мясникамъ» онъ самъ себя причислять.

Ар. Введенскому.

I.

Въ туманѣ фразъ безпутно рѣя,
 И зелень, какъ неспѣлый колосъ,
 Погубить старца онъ Андрея
 И морфіемъ отравить «Голосъ».

II.

(по поводу его рецензии о «Наблюдателѣ»).

Въ предупрежденье всѣхъ уликъ,
 Скорѣ ужъ признайтесь сами,
 Что вмѣсто чтенья нашихъ книгъ
 Вы только хлопали ушами.

Н. Мизантроповъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 9-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	Стр
I. Торжество правосудія. Романъ Д. И. Стахъева	3
II. Проблески свѣта въ школьномъ дѣлѣ. В. И. Модестова	42
III. Народность во внешней политикѣ Москвы. (Окончаніе) Е. П. Карновича	57
IV. Фетишь. Повесть Ю. Г. Зависѣцкаго. (Окончаніе)	78
V. Братья Рамулты. Повесть І. Крашевскаго	101
VI. Гражданское управленіе въ Болгаріи въ 1877—1879 гг. Д. И. Георгіевскаго	123
VII. Совѣтъ. Стихотвореніе Омудевскаго	161
VIII. Дина Моргенштернъ. Бар. Н. А. Корфа	163
IX. Дипломатія и любовь. Романъ Іоганна фонъ-Деваля	183
X. Изъ Доде (Les amoureuuses). Стих. А. В. Круглова	221
XI. На владбищѣ. Стихотвореніе А. Тамбовцева	222
XII. О связи біологическихъ наукъ съ медициною. Т. Г. Гѣшли	223
XIII. *** Стихотвореніе А. Дняпровскаго	240

Современное обозрѣніе.

XIV. Польскій макиавелизмъ. Р. И. Сементновскаго	1
XV. Наши внутреннія дѣла	14
XVI. Политическая хроника	37
XVII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»):	
1) Риемованные отголоски. Горесмѣхова	59
2) Брызги и штрихи. Незлобиваго поэта	61
) Стихотворенія Ефима Скорпіонова и Н. Минзатропова	62

С. П. ПЕТРОВИЧЪ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на новое изданіе

„СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМЪ РУКОДѢЛІЙ“.

Предлагая вниманію публики настоящій Альбомъ, редакция журнала «Ваза» рассчитываетъ принести посильную пользу трудолюбивымъ женщинамъ, собравъ въ одно стройное цѣлое образцы и узоры для всевозможныхъ женскихъ рукодѣлій и работъ, столь необходимыхъ въ каждой семьѣ.

До настоящаго времени появлялись въ продажѣ Альбомы только однихъ вышивокъ въ русскомъ стилѣ, да монограммы. Между тѣмъ есть еще непечатый уголъ другихъ женскихъ работъ и рукодѣлій, остающихся безъ примѣненія единственно потому, что нѣтъ руководства для нихъ, нѣтъ образцовъ, нѣтъ узоровъ.

Расчитывая на сочувствіе публики къ подобному изданію, редакция приняла его въ широкихъ размѣрахъ: Альбомъ будетъ состоять изъ 10 выпусковъ, а каждый выпускъ изъ 10 листовъ со множествомъ рисунковъ.

Выпуски: 1. Узоры гладью. 2. Русскій стиль. 3. Канвовые. 4. По сукну, бархату и кожѣ. 5. По филэ и тюлю. 6. Вязанье крючкомъ. 7. Кружево и плетеніе. 8. Вышивка накладная. 9. Монограммы и буквы. 10. Ажурныя работы. Къ каждому выпуску особая обложка.

Подписка на отдѣльные выпуски не допускается. 1-й выпускъ выйдетъ въ концѣ декабря, послѣдующіе выйдутъ одинъ за другимъ съ небольшими промежутками.

Желая сдѣлать этотъ Альбомъ доступнымъ для каждого, редакция открываетъ подписку на него по уменьшенной цѣнѣ, а именно: 3 руб. за всѣ 10 выпусковъ, и на пересылку 80 коп.

Подписка допускается только до 1-го декабря.

Затраты на изданіе этого Альбома весьма значительны, а потому и печататься онъ будетъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Если останется нѣтъ подписки небольшое количество экземпляровъ, то цѣна имъ будетъ не менѣе 10 руб., или по 1 руб. за выпускъ.

Подписка принимается исключительно въ редакціи «Вазы» въ С.-Петербургѣ, по Ивановской, 14. Письма и деньги по тому же адресу.

П О Д П И С К А
 НА
„КАЗАЧІЙ ВѢСТНИКЪ“
 НА 1882 ГОДЪ.

Отрывается съ 1-го сентября сего 1882 года. На годъ, съ пересылкою по почтѣ—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Подписавшіеся ранѣе 1-го сентября получатъ бесплатно послѣдніе десять №№ «Казачьяго Вѣстника» до конца сего года. Съ 1-го января 1883 г. «Казачій Вѣстникъ» будетъ выходить по два раза въ недѣлю — по средамъ и воскресеньямъ, по расширенной программѣ. Въ газету будутъ входить свѣдѣнія о всѣхъ казачьихъ войскахъ. Подписку адресовать: въ Новочеркасскъ, въ редакцію «Казачьяго Вѣстника», Комитетская ул., д. № 40, гдѣ типографія Ф. К. Траилина.

Открыта подписка на 2-ое полугодіе
 художественно юмористическаго журнала

„СТРЕКОЗА“

БЕЗЪ ПРЕМІИ:

Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи	5 р. 50 к.
Съ пересылкою за границу	7 «
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 «
Безъ доставки « «	4 « 50 «

Подписчики-же иногородные, которые потребуютъ журналъ за весь годъ, т. е. съ 1-го нумера: высылаютъ:

Съ пересылкою за границу	10 р.
съ доставкою въ С.-Петербургъ	12 «
безъ доставки « «	9 «
безъ доставки « «	8 «

и пользуются назначенными преміями: 1) стихотворнымъ сборникомъ: „Росинки“ съ цвѣтовъ всемірной поэзіи и 2) главною цѣнною премією: богато иллюстрированнымъ большимъ томомъ въ 4 отдѣлахъ. подъ названіемъ: „Человѣческая комедія“.

Редакторъ: И. Ф. Василевскій (Буква).

Издатель: Германъ Корнфельдъ.

СІАНГУКУ СІОЛММІС

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА НАРОДНАЯ ШКОЛА ВЪ 1882 ГОДУ.

(четыренадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярии по учрежденію Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотныхъ Обществъ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1882-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ. Самма журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) Законодательство по народному образованію. II) Педагогика и дидактика. III) История народнаго образованія. IV) Критика и библиографія. V) Новости и статьи. Этотъ отдѣлъ вполне соответствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себя—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ педагогической хроники) въ сѣхъ наиболее интересныхъ явленій въ области народнаго образованія нашего отечества; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагаетъ намъ временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою «разныхъ извѣстій», любопытныя для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ текстуческимъ предметамъ и пр. VI) Приложенія въ журналу, куда входятъ: а) политическія событія за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ и пр.

Въ 1882 году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участіе своими трудами: Виреніусъ, В. Ф. Фонъ-Болъ, В. А. Анастасіевъ, А. С. Золотницкій, А. Г. Ивановъ, А. Г. Гербачъ, А. Г. Гуревичъ, И. П. баронъ Н. А. Корфъ, Всев. И. П. О. Каптеревъ, Е. П. Карновичъ, П. А. Мясоедовъ, Ф. Ф. Резе-Фесенко, И. И. Шалфеевъ и др.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1882 году, по прежнему, еже-годными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго цѣна журнала, со всѣми приложеніями, четыре рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою или доставкой. Понородные подписчики адре-суютъ коп. съ пересылкою: въ главную контору «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», С.-Пе-

тербургъ, Поварской переулочъ, д. № 5. Приобрѣтеніе оставшихся полныхъ годовъ возможна сдѣлать доступнымъ журналу 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редація предлагаетъ нынѣ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: въ 9 р. за оба года, по 6 руб. съ пересылкою. При подпискѣ же на текущій годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. с.

Редакторъ-издатель А. Пятковскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книжки*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же номеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать 3 семикопѣчныя почтовые марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской 1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благожелать прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко переписанными*. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. 7) Для личныхъ объясненій съ Редакторомъ, просятъ обращаться въ Главную Контору журнала «Наблюдатель» (Поварск. пер. № 5) по воскресеньямъ, отъ 12 до 2 ч. дня. 8) Объявленія для напечатанія въ журналъ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою: за страницу 15 руб. и за $\frac{1}{2}$ стр.—8 руб.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. ОКТЯБРЬ. 1882 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.	Стр.
I. Торжество правосудія. Главы: XXVII—XXXI. Романъ <i>Д. И. Стахьева</i> 3	IX. Памяти «святаго старика». Стихотвореніе <i>С. А. Бердьева</i> . 166
II. Ошибки и раскаяніе. (Изъ временъ Наполеона I). <i>В. И. Модестова</i> 30	X. Гражданское управленіе въ Болгаріи. (Окончаніе) <i>Д. И. Гергиевскаго</i> 169
III. Къ вопросу о распространеніи грамотности въ русскомъ народѣ. <i>В. Я. Стоюнина</i> 57	XI. Дипломатія и любовь. Гл. XXX—XLII. Романъ <i>Юганна фонъ-Деваля</i> 195
IV. Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи. <i>С. С. Шашкова</i> 78	XII. Заблудившійся. Стихотвореніе <i>М. Лачинова</i> 257
V. Друзьямъ. Стихотвореніе <i>Д. И. Трефолева</i> 100	XIII. Среди природы. Стихотвореніе <i>П. В. Быкова</i> 258
VI. О преступленіяхъ противъ вѣры. <i>А. Ѡ Кистьяковскаго</i> 102	Современное обозрѣніе.
VII. Братья Рамулты. Современная повѣсть. Главы XIII—XV. <i>И. Крашевскаго</i> 123	XIV. Наши внутреннія дѣла. 1
VIII. Язвы Петербурга. (Въ мірѣ преступниковъ и преступленій).	Раздвоеніе журнальнаго и газетнаго лагерей. — Значеніе этого факта. — «Московскія Вѣдомости» въ прошломъ и настоящемъ. — «Меди Емеля—твоя вестьля». — Причина вліянія «Московскихъ Вѣдомостей». — «Голось». — «Флюгеръ» и «Чего изводите?» — въ роли либеральнаго органа. — Отношеніе «Голоса» къ другимъ органамъ либеральной печати. — Замѣна литературныхъ обоб.
XI. <i>В. О. Михневича</i> 147	(См. на оборотѣ).

зрѣній системою выдачи одобрительныхъ или неодобрительныхъ аттестацій журналамъ. — Деморализующее вліяніе «Голоса» въ печати. — Конгломератъ, разлагающій основы либерализма. — Злостная, преднамеренная ложь о «Наблюдателѣ». — Дѣйствительно либеральныя газеты. — Причина слабости ихъ вліянія. — Провинціальная печать. — Вина общества.

XV. Политическая хроника. Министерскій кризисъ во Франціи. — Кабинетъ Дюклера. — Попытки республиканскихъ партій къ взаимному примиренію. — Дѣла въ

Египтѣ. — Константинопольская конвенція. — Англо-турецкая военная конвенція. — Паденіе Араби-паши. — Общественное настроеніе въ Англіи.

XVI Новые книги: 1) *Нѣмецъ и іезуитъ въ Россіи*. Соч. К. В. Трубникова. С.-Пб. 1882 г. 2) *Эмиль де Лавелэ. Современный социализм* 1882 г. 46

XVII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): Стихотворенія: Гореславова, Омудевскаго. II. Серая, Н. К—аго и Н. Мизантропова 55

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По соглашенію съ издателемъ прекратившейся (на 5-й книгѣ) «Русской Рѣчи», всѣ платные подписчики послѣдней удовлетворены экземплярами нашего журнала, и притомъ начиная съ 1-го №, въ виду разницы подписной цѣны. При этомъ редакція «Наблюдателя» считаетъ нужнымъ присовокупить, что ни къ какому иному способу удовлетворенія подписчиковъ «Русской Рѣчи» она не обязывалась. Гг. подписчики «Русской Рѣчи», пользующіеся разсрочкой подписныхъ денегъ, благоволятъ высылать слѣдующіе взносы въ редакцію нашего журнала.

Редакція считаетъ долгомъ увѣдомить своихъ подписчиковъ, пользовавшихся разсрочкою и не выславшихъ еще послѣднихъ взносовъ, что доставна имъ «Наблюдателя» съ № 10-го будетъ прекращена, впредь до высылки денегъ.

Гг. подписчики, мѣняющіе свои адреса, благоволятъ высылать марками 21 коп., безъ чего не будетъ сдѣлана перепечатка адреса.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 10-й. О К Т Я Б Р Ъ.

Редакція и главная ковтора журнала: Поварской пер., д. № 5.

Типографія д-ра М. А. Хаана: Ковенскій пер., № 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ:
„НАБЛЮДАТЕЛЬ“
ВЪ 1883 ГОДУ (ГОДЪ ВТОРОЙ).

Журналъ будетъ выходить въ 1883 г. безъ предварительной цензуры, подѣ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

Въ текущемъ году, въ «Наблюдатель» принимали участіе: *проф. И. Е. Андреевскій, Ф. Андреевъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларажбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), д-ръ А. С. Виреніусъ, Д. И. Георгіевскій, Г. К. Градовскій, Ю. Г. Завистскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ф. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Круловъ, Н. С. Курочкинъ, Д. П. Лебедевъ, Л. Левисъ, Ф. И. Леонтовичъ, П. Лютневъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Михаловскій, В. О. Михневичъ, проф. В. И. Модестовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, В. Н. Никитинъ, Омудевскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, проф. В. И. Сергеевичъ, Д. И. Стахъевъ, В. Я. Сторожицкій, А. Тамбовцевъ, Л. Трефоловъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ и др.*

Многія статьи и беллетристическія произведенія помянутыхъ авторовъ находятся уже въ распоряженіи редакціи.

„Наблюдатель“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:
Безъ доставки	12 р.	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	9 р.

Книгопродавцамъ 50 к. уступки. Принимающіе подписку въ расрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается *расрочка* по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулочъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія *только* перешлѣнными изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

СІАНГУЛО ПОЛІТИКА

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСУДІЯ.

РОМАНЪ.

XXVII.

— Господи, Царь небесный, Владыко многомилостивый! пропалъ было я совсѣмъ, съ головой! Охъ, беззаконія моя превзыдоша главу мою!

Такъ вздыхалъ Григорій Геннадіевичъ у себя въ кабинетѣ въ ту же самую ночь, въ которую Стуловъ устроилъ ему «ловушку».

— Какъ это я не могъ понять, что онъ, мошенникъ, меня обходить? Видно было, вѣдь, по глазамъ его плутовскимъ можно было замѣтить всѣ его коварные умыслы. И какая у него умильная, робкая улыбочка. Плутъ первостатейный, естественный! Оберъ-плутъ! Вѣдь разыгралъ какую ролю: жаднымъ человѣкомъ представился, вымаливалъ, выпрашивалъ вексель въ свою будто бы пользу... А тотъ-то... Сидитъ, пыхтитъ, точно не его дѣло... Зналъ, зналъ, толстопузый, все зналъ—оба заодно дѣйствовали... Нѣтъ, какъ я-то не замѣтилъ, что махинацію подъ меня подводятъ? О, дуракъ, дуракъ старый! Да вѣдь стоило только на толстяка взглянуть повнимательнѣй, какъ онъ сидѣлъ за столомъ, когда тѣ черти проклятыя лѣзли изъ сосѣдней квартиры... Однако, какая бѣда-то висѣла надъ головой, ежели бы онъ полицію-то?.. Царь небесный!.. А убытки-то какіе, Господи, какіе убытки. Охъ, лучше бы, въ тысячу разъ безопаснѣе, въ внягинѣ бы—старушкѣ, никогда бы она такой подлости со мной не сдѣлала. Вотъ мошенники. Надо же было придумать такую штуку! И кому въ голову придетъ подозрѣвать, что онъ, мошенникъ, дверь въ стѣнѣ

сдѣласть!.. Тридцать пять тысячъ рублей серебромъ! А!.. капиталъ—цѣлый капиталъ! Боже мой! И я виноватъ, я самъ лично, старый болванъ!

Онъ то молился и вздыхалъ, то стоналъ и прижималъ свои жилистыя руки къ могучей груди, то, склонившись головой къ полу, подолгу оставался въ такомъ положеніи, обуреваемый досадой, гнѣвомъ, раскаяніемъ и сожалѣніемъ о томъ, что «такой кушъ проскользнулъ».

Хотя дверь изъ кабинета была заперта на ключъ и дверь изъ передней въ залу плотно притворена, но, должно быть, сильны и тяжки были вздохи Григорія Геннадіевича, или уже по сердечному предчувствію узнала о нихъ Марья Ильинишна, но только она вышла изъ своей спальни и побрела по темному корридору къ дверямъ залы. Половицы скрипѣли подъ ея ногами, по временамъ слышались какіе-то странныя щелканья гдѣ-то далеко, не то въ углахъ, не то подъ поломъ. Остановливаясь и прислушиваясь къ стонамъ и вздохамъ мужа, яснѣе теперь доносившимся до ея слуха, она пріотворила, наконецъ, двери изъ передней въ залу, и свѣтъ отъ лампы, хлынувшій оттуда, испугалъ ее до того, что она тревожно отшатнулась назадъ. Въ кабинетѣ почему-то вдругъ все затихло, Марья Ильинишна хотѣла даже вернуться обратно, въ испугѣ представивъ себѣ: что если Григорій Геннадіевичъ увидитъ ее здѣсь и догадается, что она слѣдитъ именно за нимъ, подслушиваетъ его вздохи? Но не прошло и минуты, какъ Григорій Геннадіевичъ опять застоналъ,—и она поплелась впередъ. Добравшись до дверей кабинета, она долго стояла около нихъ, не смѣя ни постучаться къ мужу, ни обратно уйти.

— Что это съ нимъ случилось? Пресвятая Богородица! тревожно думала она и крестилась, взглядывая на образа.

Григорій Геннадіевичъ вдругъ притихъ, прислушался, и, быстро поднявшись съ полу, отперъ дверь кабинета.

— Кто тутъ? мрачно спросилъ онъ, не замѣтивъ въ первый моментъ Марьи Ильинишны, уклонившейся въ сторону отъ двери.

— Это я, Григорій Геннадіевичъ...

— Что нужно?

— Простите... Мнѣ что-то не спится, Григорій Геннадіевичъ... испуганно зашептала Марья Ильинишна.

— И помолитесь не даешь... Поди... отрывисто и, не смотря на жену, отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, Григорій Геннадіевичъ, мнѣ что-то такъ вдругъ стало страшно. Ахъ, вѣдь я такая пужливая... И такъ мнѣ тяжело... И ужъ я думаю... отчего это все... и вы что-то такъ горячо молитесь, Григорій Геннадіевичъ...

— Тебѣ сказалъ я или нѣтъ? вдругъ возвысилъ онъ голосъ, — говорю: иди! Слышала! молиться хочу.

— Слышала, Григорій Геннадіевичъ.

Марья Ильинишна закрыла лицо руками и заплакала. Григорій Геннадіевичъ посмотрѣлъ на ея приниженную фигуру какъ-то сверху внизъ, и подавилъ тяжелый вздохъ.

— Я тебѣ сказалъ, чего же ты еще ждешь?

— Ахъ, Григорій Геннадіевичъ... Видно, что нибудь не доброе... Больно убиваетесь. Вѣдь никогда же ничего такого не бывало... Не томите меня, Григорій Геннадіевичъ... Ахъ!

Онъ порывисто взялъ ее сразу за обѣ руки, закрывавшія ея лицо, и, держа ихъ въ своей могучей рукѣ, сердито зашепталъ:

— Убытки большіе терпимъ. Понимаешь? Тысячъ на сорокъ. Вотъ что! добавилъ онъ, и такъ пожалъ при этомъ ея руки, что она едва устояла на ногахъ.

— Неужели сорокъ-то тысячъ насъ разорять? Чай, слава Богу, Григорій Геннадіевичъ, есть у васъ... Чего же убиваться...

— Не съ твоимъ разсудкомъ, Марья Ильинишна, о тысячахъ разсуждать. Иди и не тревожь.

Утромъ, часовъ около восьми, когда еще недостаточно разсѣялась тьма длинной зимней ночи, въ квартирѣ Григорія Геннадіевича по обыкновенію всѣ были уже на ногахъ. Въ столовой кипѣлъ самоваръ, въ лампадахъ предъ иконами заправлены свѣтильни, полъ блестѣлъ, точно заново отполированный, и котъ-васька, давно уже умывшійся, потягивался на ковровой дорожкѣ въ залѣ, играя своими жирными лапками. Казалось, въ домѣ царствовали миръ и тишина, и жизнь шла своимъ обычнымъ,

разъ заведеннымъ порядкомъ; но стоило только заглянуть въ кабинетъ Григорія Геннадіевича, чтобы убѣдиться, по выраженію его лица, какъ далека онъ отъ мира и тишины.

Онъ сидѣлъ въ углу дивана, мрачный, и упорно смотрѣлъ въ полъ. Правду говорила Марья Ильинишна, что въ теченіе долгихъ тридцати лѣтъ ихъ супружеской жизни ни разу съ Григоріемъ Геннадіевичемъ не случилось ничего подобнаго. Всегда тихій и сдержанный, неторопливый, онъ до сихъ поръ разрѣшалъ всякіе, и трудные и легкіе вопросы по своимъ дѣламъ, при помощи только одного поглаживанія своей серебристой бороды, и никогда не терялъ вѣры въ силу своего практическаго ума. Положимъ, и теперь эта вѣра несовсѣмъ еще угасла, но слишкомъ силенъ и неожиданъ былъ ударъ, нанесенный ему хитростью Стулова, и слишкомъ было бы легкомысленно съ его стороны оставаться въ настоящемъ своемъ положеніи съ той же самоувѣренностью, съ какою онъ переживалъ до сихъ поръ свои житейскія тревоги. Въ лампадѣ передъ кивотомъ давно уже погасъ огонь, но онъ этого не замѣчалъ, будучи сильно удрученъ своими думами. Онъ не видѣлъ также и того, что свѣчи на его письменномъ столѣ догораютъ, и только тогда замѣтилъ это, когда въ кабинетъ снова вошла озабоченная Марья Ильинишна.

— Самоваръ-то стынетъ, Григорій Геннадіевичъ, робко сказала она.

— Христофоръ пріѣхалъ? спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Нѣтъ еще... Можетъ, сюда принести стаканчикъ? добавила она, помолчавъ.

— Принеси.

Забрезжилъ свѣтъ, когда въ передней раздался звонокъ. Григорій Геннадіевичъ нервно вздрогнулъ и вышелъ въ дверямъ залы.

— Эй, кто тамъ? громко позвалъ онъ, — безъ ушей что-ли, слышите, звонятъ!

Марья Ильинишна засуетилась, прислуга тоже, и минуту спустя въ кабинетъ Григорія Геннадіевича вошелъ гость.

Христофоръ Григорьевичъ шопотомъ разговаривалъ въ это время съ Марьей Ильинишной въ столовой. Онъ только что возвратился

откуда-то вмѣстѣ съ этимъ гостемъ и что-то рассказывалъ матери по поводу своей побѣды.

— Да скажи мнѣ, пожалуйста, Христофорушка, для чего онъ ему понадобился и зачѣмъ въ такую рань? шопотомъ допрашивала мать.

— Ничего я, маменька, не знаю, ей Богу ничего, пожимая плечами и тоже шопотомъ отвѣчалъ сынъ, — утромъ рано, ни свѣтъ, ни заря, онъ самъ пришелъ ко мнѣ въ комнату: — ты спишь, говоритъ, Христофоръ? — Сплю, я говорю, только хочу уже вставать. — Вставай, говоритъ, и сейчасъ поѣзжай и привези мнѣ этого самого человѣка. А этотъ самый человѣкъ, маменька, постоянно пишетъ бумаги, когда случаются у папеньки какія хожденія по судамъ.

— Да отчего-же вдругъ такъ... Что случилось - то? допрашивала мать.

— Ахъ, погодите, маменька, вы мнѣ сначала скажите, что же вы такое ночью, говорите, слышали, что будто-бы онъ охалъ и вѣдыхалъ; что же онъ вамъ сказалъ, когда вы его объ этомъ спрашивали?

— Ахъ, голубчикъ мой, Христофорушка, развѣ отъ него скоро вымолишь что... Убытки, говоритъ, на чемъ-то терпимъ, — больше ничего и добиться не могла.

Прислуга — тоже не понимавшая, что за событіе такое случилось въ квартирѣ, что, ни свѣтъ, ни заря, хозяинъ послалъ куда-то сына, — прислушивалась къ шопоту Марьи Ильинишны и, ничего не понимая, перешептывалась въ свою очередь между собою въ кухнѣ.

Въ кухню ввалился дворникъ, съ огромною ношею дровъ за плечами. Сбросивъ ихъ на полъ и отирая рукавомъ потъ со лба, онъ подмигнулъ горничной.

— Что, братъ Маланья, хозяинъ-то вашъ ау?

— О чемъ ты мелешь, Емеля? Какое ау?

— Да ужъ такъ, ау, только и всего, нечего притворяться-то, знаемъ! Еще вчера вечеромъ его поймали.

— Да ты очумѣлъ что-ли, несешь такую околесную.

— Разведи погуще! Сами своими ушами слышали.

Въ это время, въ кухню вошла Марья Ильинишна; дворникъ почесался, отступилъ спиною къ дверямъ черной лѣстницы; но загнулся за дрова и выжидалъ, пока Марья Ильинишна, пройдя впередъ, дастъ ему дорогу.

— Ты о чемъ тутъ, голубчикъ, бобы-то разводишь? Иди себѣ съ Богомъ.

— Мы съ дровами...

— Да что это, барыня, онъ говорить такое... нехорошее, пожаловалась Маланья.

— Что еще?

— Мы ничего... Только какъ напримѣръ, значить, дворникъ Михайло говорилъ... теряясь, отвѣтилъ дворникъ.

— Да что такое, о чемъ?

— Такъ... Оно, можетъ, и въ самъ-дѣлѣ пустяковина.

— Нѣтъ, вы барыня, его допросите, настаивала Маланья, — нѣтъ, что онъ говорить-то?... Этого невозможно такъ оставлять. За это нужно порядочно ихъ учить, чтобы зря не болтали всякаго вздору...

— Да мы что-же... Будьте благонадежны, и неужели же я изъ себя выдумываю?

И какъ ни странно было услышать Марью Ильинишну, что ея Григорія Геннадіевича «поймали и хотѣли даже прямо въ Сибирь», она однакожь уловила въ этомъ невѣроятномъ сообщеніи что-то похожее на дѣйствительность, что-то имѣвшее связь съ ночными стонами мужа, ею самою слышанными, и прикрикнула на дворника, упрекнувъ его, что онъ «шляется на кухню балясы точить, да и дрова сваливаетъ какъ попало, безъ всякаго порядка».

Разумѣется, немедленно же, какъ только оторопѣвшій дворникъ былъ выпровоженъ изъ кухни, Марья Ильинишна передала свои подозрѣнія и предположенія сыну Христофору.

— Ахъ, Христофорушка, томилаась мать, не помимо говорится: безъ огня нѣтъ дыму; что-то не ладно у насъ...

Христофору Григорьевичу давно пора было идти въ магазинъ,

но онъ продолжалъ сидѣть въ комнатѣ матери и нервно пощипывалъ свои маленькіе усики.

XXVIII.

Гость, сидѣвшій съ Григоріемъ Геннадіевичемъ въ кабинетѣ, выпилъ уже третій стаканъ чаю, но все еще былъ какъ-то не по себѣ, покашливалъ, прикрывъ ротъ рукою, искоса взглядывалъ на Григорія Геннадіевича и, встрѣтившись съ его взглядомъ, опускалъ глаза и умогалъ. Онъ былъ чисто выбритъ, гладко причесанъ и одѣтъ въ черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Въ общемъ, вся его небольшая фигурка представляла нѣчто, въ самомъ себѣ плотно закупорившееся, вкрадчивое, почти-тельное, но очень «себѣ на умѣ». Григорій Геннадіевичъ сидѣлъ у письменнаго стола, наискось отъ гостя, и пожиралъ его жадными глазами, желая, казалось, стиснуть его въ своихъ могучихъ рукахъ, чтобы возможно скорѣе получить ясный и совершенно опредѣленный отвѣтъ на свои вопросы; но гость упорно отмалчивался, говорилъ полусловами и покашливалъ.

— Ты, братецъ мой, не откашливайся и въ полъ-то очень не смотри! рѣшительно сказалъ наконецъ Григорій Геннадіевичъ, потерявшій терпѣніе отъ полунамековъ и недомолвокъ гостя.

— Я что же... Я готовъ, согласно вашему желанію, изложить все на бумагѣ, хоть сію же минуту, отвѣтитъ гость, но извольте сами... гм... гм... сообразить и взвѣсить... гм... гм...

— Не кашлай, говорю, отвѣчай безъ заминки...

— Мнѣ... чтожь... какая заминка... я только считаю долгомъ напередъ заявить вамъ, такъ какъ всегда имѣю отъ васъ работу... я говорю, что написать и подать недолго...

— Ну, такъ что же?..

— А то же... чтобы не было потомъ упрековъ мнѣ.

— Такъ неужли же мнѣ теперича поступиться этимъ дѣломъ? возразилъ Григорій Геннадіевичъ, и такъ повернулся на стулѣ, что онъ затрещалъ.

— По моему... слѣдовало бы оставить...

— И никакого иска не возбуждать?

— Да... полагаю...

— Ни по уголовному, ни по гражданскому порядку. Ни прокурору и никому, то есть, не жаловаться.

Гость робко приподнял глаза на Григорія Геннадіевича, и видя, что его губы подергиваются отъ злобы, а руки, положенныя на столъ, сжались въ кулаки, смущенно отвѣтилъ:

— Какъ угодно.... Разумѣется, подать можно, но...

— Что «но?» Ничего не выйдетъ что-ли по твоему?

— Да, я полагаю...

— Не можетъ быть! Этого ни въ какомъ разѣ не можетъ быть, возразилъ Григорій Геннадіевичъ. Они подъ меня, можно сказать, адскую машину подвели, и я долженъ молчать? Нѣтъ, не хочу. Не могу стерпѣть?.. Ты садись и пиши. Вотъ такъ и такъ, молъ, господинъ прокуроръ, ваше высокоблагородіе или какъ тамъ его величаютъ,—сего числа, молъ, въ ночное время, они, мошенники, подъ предлогомъ якобы заключенія займа для веденія своего процесса съ княжеской родней, зазвали меня и, получивъ деньги подъ вексель, на сумму въ тридцать пять тысячъ рублей серебромъ, оный свой вексель, выданный ими мнѣ, силою отъ меня отобрали и устроили нарочито для этого потайную дверь въ квартиру, такой-то вотъ номеръ, въ этомъ самомъ домѣ. Посему всепокорнѣйше прошу назначить слѣдствіе и ихъ отдать подъ уголовный судъ за ихъ насиліе и, можно сказать, грабежъ.

— Какъ угодно... Пожалуй, извольте. Изложить недолго.

— И излагай, да! Строчи. И вотъ тебѣ бумага. На вотъ!.. Я сейчасъ же по горячимъ слѣдамъ самолично отправлюсь и вручу. Вѣдь дверь-то они, разбойники, не успѣютъ задѣлать, вѣдь она на лицо. Улика прямая—въ карманъ не спрячешь.

Гость помолчалъ, придвинулъ къ себѣ бумагу, подержалъ нѣкоторое время ручку пера и только что хотѣлъ приступить къ изложенію заявленія Григорія Геннадіевича, какъ вдругъ рѣшительно положилъ перо на столъ и поднялся съ своего мѣста.

— Что еще? мрачно спросилъ Григорій Геннадіевичъ, слѣдя за каждымъ его движеніемъ.

— Вотъ что, Григорій Геннадіевичъ, вы меня извините. Вы, конечно, теперь взволнованы и ищете только одного, чтобы какъ отплатить... Но позвольте, пожалуйста... не прерывайте меня, сядьте... Иначе мы никогда этого разговора не кончимъ.

Григорій Геннадіевичъ глубоко вздохнулъ, бросилъ гнѣвный взглядъ на кроткаго своего гостя и, облокотившись на столъ объими руками, склонилъ на нихъ голову.

— Я напишу, продолжалъ гость, получу свои десять рублей, а потомъ что?

— Не твое дѣло объ этомъ разсуждать, глухо отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ, не поднимая головы отъ рукъ.

— А если изъ этого новая каша заварится? Что вы тогда мнѣ скажете? Тогда я... гм... гм... и глазъ къ вамъ не посмѣи показать.

— Не стражай больно-то, не трусливъ я!

— Нѣтъ, зачѣмъ же... я только считаю нужнымъ заблаговременно васъ предупредить, что изъ такого вашего желанія начать слѣдствіе, дѣло можетъ повернуться въ другую сторону.

— Это почему еще?

— Да такъ же. Повернется верхнимъ концомъ внизъ... Поднимутъ на ноги этихъ артельщиковъ и дворника—можетъ выйти худое дѣло.

Григорій Геннадіевичъ медленно приподнялъ голову отъ рукъ, покосился въ сторону своего кроткаго собесѣдника и прервалъ его сердитымъ замѣчаніемъ:

— Да ежели они всѣ пятеро въ заговорѣ, и подѣлили мои тридцать пять тысячъ рублей?..

— Это еще нужно... выяснить и доказать.

— А дверь-то въ стѣнѣ прорублена.

— И дверь эта можетъ быть тоже противъ васъ, гм... гм...

— Ну, договаривай что ли, тянешь слово за словомъ, какъ бурлакъ лямку! презрительно возразилъ Григорій Геннадіевичъ, не замѣчая того, что этимъ презрительнымъ тономъ обнаруживаетъ свое собственное сомнѣніе въ успѣхѣ задуманнаго имъ мщенія врагамъ.

Такимъ образомъ планъ, созданный имъ подъ вліяніемъ гнѣва, оскорбленнаго самолюбія, ненависти къ врагамъ и страстнаго желанія немедля же отомстить имъ, мало-по-малу разрушался.

— Послушай, не возражай мнѣ, ради Бога! попросилъ чрезъ нѣсколько времени Григорій Геннадіевичъ, значительно сбавя тонъ своей гнѣвной рѣчи,—что у тебя за скверная привычка либо покашливать, либо супротивное говорить... Ну, я знаю тебя давно и не первый годъ ты мнѣ строчишь бумаги. Ну, положишь, говоришь ты справедливо, и ничего изъ этого не выйдетъ—такъ какъ же мнѣ быть-то. На комъ же я неудачу-то свою вымещу?

— Это уже... гм... гм... извините, не входитъ въ мою, такъ сказать, программу дѣйствій.

— Неужли же отступиться... Стерпѣть...

— Да, лучше я думаю будетъ.

— А ежели бы и въ самомъ дѣлѣ, взаправду бы они у меня тридцать пять тысячъ рублей серебромъ отняли? Неужто бы денешки такъ и ухнули?

— Какъ судить о томъ, чего не было? возразилъ гость.

— Нѣтъ, примѣрно будемъ говорить.

— Гм... гм... Не знаю. Думаю, что тогда бы вы иначе идѣла повели, потребовали бы дворниковъ, городовыхъ, постарались бы задержать виновныхъ съ деньгами, и еслибы этого не удалось, то все-таки обнаружили бы хотя такое намѣреніе.

Григорій Геннадіевичъ опять склонилъ голову на руки и просидѣлъ въ такомъ положеніи минуты двѣ, не обращая вниманія на то, что гость его стѣсняется такимъ невнимательнымъ къ нему отношеніемъ и не знаетъ, сидѣть ли ему еще, или уходить, не простившись съ хозяиномъ.

— Правъ ты, братъ, да! правъ! вдругъ, рѣшительно приподнявъ голову, заявилъ Григорій Геннадіевичъ,—на! получай за это твое правдивое слово вмѣсто одной двѣ красненькихъ... Только слушай, вотъ что... Садись-ка сюда... Поговоримъ, когда такъ, по душѣ... Есть у меня, признаться, еще въ головѣ соображеніе...

Онъ подсѣлъ къ нему поближе и сталъ разспрашивать о томъ, нельзя ли заявить что нибудь въ судъ противъ дѣйствительности

завѣщанія покойнаго Валерьяна Ивановича Мачужникова. Но, должно быть, и при такой постановкѣ вопроса о способѣ отмщенія врагамъ, получились недостаточно утѣшительные для Григорія Геннадіевича результаты, такъ какъ онъ не разъ опять хмурился и прерывалъ своего собесѣдника замѣчаніями насчетъ его непріятной привычки кашлять во время дѣловаго разговора и насчетъ тоже не менѣе непріятной манеры упорно смотрѣть въ полъ. Проговорилъ онъ съ нимъ добрый часъ времени, и когда тихій гость его сталъ собираться уходить, зимній дѣнь давно уже вступилъ въ свои права.

Проводивъ въ переднюю гостя, и самолично затворивъ за нимъ дверь, Григорій Геннадіевичъ глубоко вздохнулъ.

Ни жена, ни сынъ не слышали, какъ онъ проводилъ его, и продолжали перешептываться, сидя въ столовой.

— Ты, остопопъ, что тутъ шепчешься? гнѣвно спросилъ Григорій Геннадіевичъ, неожиданно войдя въ комнату, — да и ты тоже, старая, ему потворствуешь? Парню давно надо быть въ лавкѣ, а онъ съ матерью изъ пустаго въ порожнее передливается.

— Я, Григорій Геннадіевичъ, только два слова, робко возразила Марья Ильинишна.

— Молчи!

Григорій Геннадіевичъ не кричалъ, говорилъ почти прежнимъ обычнымъ тономъ, но можно было по его подергивавшимся губамъ и нахмуреннымъ бровямъ замѣтить, какъ далеко отъ него то спокойствіе духа, какимъ онъ еще наканунѣ этого дня обладалъ въ совершенствѣ.

Христофоръ Григорьевичъ, не говоря ни слова, юркнулъ изъ столовой; отецъ гнѣвно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и потомъ перевелъ такой же гнѣвный взглядъ на мать.

— Судачите, безпремѣнно перемываєте кости кому нибудь, а сами ровно ничего не смыслите... О чемъ болтали-то?

— Такъ, Григорій Геннадіевичъ... Насчетъ невѣсты Хрисанфушкѣ...

— То-то, на счетъ невѣсты! Двадцать шестой годъ парню, болтается такъ зря...

Довольный отвѣтомъ жены, онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и сѣлъ на любимомъ мѣстѣ въ уголкѣ дивана, мысленно порицая и своихъ враговъ, и недавняго гостя, и самого себя. «Шутка-ли теперь, думалъ онъ, сколько времени съ этимъ дѣломъ провозимся, и вдругъ за все про-все одинъ шишъ! Положимъ, этотъ самый мой ходокъ—умная башка и такіе совѣты даетъ министерскіе, лучше не надо. Да шутъ ли мнѣ въ этихъ совѣтахъ, когда я обиженъ и ничѣмъ имъ, подлецамъ, отмстить не могу! Какъ опростоволосился-то, а? Какъ они, провлятые, обошли меня?»

Марья Ильинишна стояла около дверей въ передней, и ея большіе, сѣрые на выкатѣ глаза были полны слезъ. Она то смигивала эти слезы, то утирала ихъ кулакомъ, но идти къ мужу и высказать всю свою скорбь не рѣшалась. Григорій Геннадіевичъ услышалъ ея вздохи и вышелъ въ залъ.

— Скажи ты мнѣ, пожалуйста, что тебѣ нужно? За что ты мнѣ ни днемъ, ни ночью не даешь покою? Тебѣ я говорю, или столбу?

Марья Ильинишна молчала и смигивала слезы.

— Зачѣмъ ты опять пришла?

— Такъ, Григорій Геннадіевичъ...

— Какъ такъ? Что nibудь беспокоитъ же тебя, если ты за каждымъ моимъ шагомъ слѣдишь.

— Я не знаю, Григорій Геннадіевичъ.

— Что ты не знаешь, о чемъ?

— Я боюсь сказать, Григорій Геннадіевичъ... говорятъ что-то такое...

— О комъ говорятъ, кто? подозрительно спросилъ онъ, искоса взглянувъ на нее.

Марья Ильинишна испугалась этого взгляда и замолчала.

— Ты слышала? Что такое ты слышала? злобнымъ шопотомъ повторилъ онъ.

— Дворникъ давеча пришелъ на кухню, Григорій Геннадіевичъ, и такія небылицы городить,—у меня даже сердце похолодѣло.

Григорій Геннадіевичъ выпрямился во весь свой длинный ростъ.

нахмурилъ брови и такимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Марью Ильинишну, что у нея въ самомъ дѣлѣ «сердце похолодѣло».

— Что же ты, примѣрно, слышала, а? Что же такое тебѣ сообщили тамъ на кухнѣ? заговорилъ онъ съ дрожащими отъ гнѣва губами:— съ дворниками, кумушками разными твое дѣло судачить, а мужа спросить— прямо къ нему обратиться — этого ты не можешь. Да знаешь ли ты, старая, глупая, что всѣ твои сплетницы и потаскушки городятъ вздоръ!..

— Вы мнѣ, Григорій Геннадіевичъ, только скажите, только чтобы я успокоилась, а то въ ушахъ стрѣльба, въ ногахъ трясеніе...

— Я бы тебѣ, глупой женщинѣ, рассказалъ, какая махинація произошла вчера вечеромъ, ежели бы ты была съ разсудкомъ, а то все равно ничего не поймешь и будешь только, выпуча глаза, на меня смотрѣть... Уйди и не мѣшай мнѣ!

XXIX.

Такъ прошло утро. Наступилъ полдень, пришелъ изъ магазина Христофоръ Григорьевичъ и, не входя въ столовую, прошмыгнувъ прямо въ комнату матери. Недовольный сообщеннымъ извѣстіемъ, что отецъ все еще сердитъ и затворился въ кабинетѣ, Христофоръ Григорьевичъ молча махнулъ рукой, отказываясь отъ дальнѣйшаго продолженія разговора съ матерью, и, наскоро перекусивъ что-то у себя въ комнатѣ, послѣшнѣ убрался опять въ магазинъ. Григорій Геннадіевичъ все еще сидѣлъ въ безмолвномъ уединеніи, пока не дрогнулъ въ передней звонокъ. Горничная побѣжала отпирать.

— Куда бѣжишь? крикнулъ ей Григорій Геннадіевичъ, выходя изъ кабинета, — скажи, боленъ и не могу видѣться... Ни съ кѣмъ не могу...

Горничная вернулась изъ передней и подала ему карточку съ гербомъ, подъ которымъ было напечатано: «Княгиня Елена Модестовна Желѣановская, урожденная Верхотурова».

— Вотъ не кстати-то! проворчалъ Григорій Геннадіевичъ, — гдѣ же она? Въ прихожей что-ли? Попроси въ залу. Я сейчасъ...

— Ихъ нѣту-съ. Лакей подалъ съ низу, отъ Лачужниковыхъ.

— Это еще что такое? Къ чему мнѣ карточка? А! Вотъ!..

Онъ повернулъ карточку на другую сторону и тамъ прочелъ:—
«Уважаемый Григорій Геннадіевичъ, удѣлите старухѣ пять минутъ,
я у дочери и жду васъ по важному дѣлу».

— Какое тамъ важное дѣло, досадливо подумалъ онъ—по счету въ магазинъ не можетъ восьми сотъ рублей заплатить, второй годъ идетъ. О чемъ еще толковать... Скажи, не очень здоровъ, не могу... Но... гм... Погоди-ка, погоди! остановилъ онъ горничную, я сейчасъ отвѣтъ напишу.

Ему вдругъ представилось, не имѣеть ли этотъ неожиданный визитъ Елены Модестовны какого либо отношенія къ дѣлу о завѣщаніи покойнаго ея зятя.—Царь ты мой небесный! мысленно воззвалъ онъ, вдругъ обрадовавшись точно съ неба свалившейся мысли— да вѣдь они же недовольны завѣщаніемъ покойнаго, они же обижены, да и не я ли хотѣлъ ей самой, этой почтенной старухѣ, предложить свое участіе? Да, да! Вотъ съ кѣмъ надо посоветоваться и общими силами свалить тѣхъ мошенниковъ... Однако... Надо идти туда внизъ... Нѣтъ, ужъ лучше, Богъ съ нами, съ чужими квартирами. Поспокойнѣе будетъ, если она сама сюда пожалуетъ.

Онъ отправилъ въ ней записку слѣдующаго содержанія: «Самъ я теперича, ваше сіятельство, не очень здоровъ и, признаться, маненечко опасаясь воздуха отъ простуды, а ежели имѣете какое-нибудь дѣло, то соблаговолите пожаловать, и остаюсь въ почтительномъ ожиданіи вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою».

«Такъ-то вотъ лучше», рѣшилъ онъ, будучи почему-то увѣренъ въ томъ, что княгиня немедленно же поспѣшитъ къ нему на свиданіе. Оказалось однако-же, что ожидать ея прихода пришлось ему довольно долго, и онъ не разъ во время этого ожиданія раскаявался въ томъ, что не пошелъ самъ въ квартиру покойнаго Лачужникова. Раскаяніе это, само собою, вызывалось не только тѣмъ чувствомъ ненависти къ врагамъ, которое не могло еще въ немъ умалиться, но и простымъ любопытствомъ о томъ, какое же такое дѣло можетъ имѣть къ нему княгиня, если не хочетъ подняться въ его квартиру и выжидаетъ, чтобы онъ самъ пришелъ

аъ ней. «Не денегъ-же она хочетъ у меня просить: съ такими просьбами не важничаютъ. Что-же за притча такая, думалось ему.— Неужели она хочетъ со мною повидаться по какому нибудь незначущему дѣлу и потому не слѣшить? Неужели дочь ея и внучь въ самохъ дѣлѣ отступятся отъ наслѣдства и отдадутъ свою судьбу въ руки этого толстяка-ученаго? Нѣтъ, такой выходки допускать не слѣдуетъ. Если они недогадливы, надо въ такомъ случаѣ ихъ настроить, навести на это, помочь». Такъ размышлялъ онъ, не зная еще, что княжеская родня давно уже подала въ судъ свое заявленіе противъ дѣйствительности духовнаго завѣщанія покойнаго Валерьяна Ивановича.

Онъ прошелся разъ, другой по бѣлоснѣжнымъ половикамъ залы, поглядывая на двери передней и хмурясь въ неудовольствіи на то, что княгини такъ долго нѣтъ, и потомъ опять отдался изысканіямъ способа отмщенія врагамъ.

«Мой-то строчило говорить, думалъ онъ, что я не могу отъ собственноручной подписи на духовномъ завѣщаніи отказаться. Ну, пусть такъ: не могу, такъ не могу, и отказываться нечего. Да развѣ этимъ однимъ можно подорвать довѣріе къ завѣщанію? Развѣ нельзя подыскать чего нибудь такого подходящаго, чтобы внушить суду сомнѣніе? Конечно, строчило правъ, мнѣ одному тутъ ничего не подѣлать... А ежели бы въ самомъ дѣлѣ княжеская-то родня повела процессъ, да стала бы утверждать что-нибудь въ такомъ родѣ, что, молъ, слабъ былъ покойникъ, когда завѣщаніе подписывалъ; можно сказать, безъ ума былъ... Что ежели, въ самомъ дѣлѣ, они станутъ такъ утверждать, развѣ я не могу подхватить, что дѣйствительно, молъ, слабъ былъ Валерьянъ Ивановичъ, и писалъ ли Стуловъ завѣщаніе подъ его диктовку—этого не знаю? Я могу сказать, что меня позвали, когда завѣщаніе было уже написано, я только спросилъ покойника, дѣйствительно-ли онъ диктовалъ и самъ подписалъ завѣщаніе, а онъ ужъ былъ безъ языка и только головой мнѣ закивалъ, какъ бы говоря: «подписывай». Вотъ ежели я такъ-то скажу, то, полагать надо, отвѣтственности не подвергнусь, а ножку однако тѣмъ мошенникамъ подставлю. Посмотрю я тогда на ихъ окаянныя лица,—вытянутся они, пола-

гать надо, на довольно порядочное разстояніе. Да что же она столько времени не идетъ!» тоскливо подумалъ онъ, опять подходя къ двери передней.

XXX.

Пока онъ томился въ ожиданіи прихода княгини и питалъ свою ненависть къ врагамъ надеждой на возможность отщепенія имъ, не думая даже на этотъ разъ ни о какомъ денежномъ вознагражденіи, княгиня въ это время была у дочери, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, княземъ Павломъ Модестовичемъ, который только что пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что духовное завѣщаніе покойнаго Валерьяна Ивановича представлено, наконецъ, въ судъ.

Они сидѣли въ крайней угловой комнатѣ огромной квартиры Лачужниковыхъ и удалились въ нее, какъ видно, для того, чтобы никто лишній не слышалъ ихъ разговора. Князь Павелъ былъ мраченъ, хмурился, теръ правой рукой свой лобъ и голову, начиная отъ шеи до бровей, и долго отмалчивался отъ упрековъ Елены Модестовны, которыми она его осыпала за непростительную, будто бы, его самонадѣянность.

— Ну и что же теперь вы скажете? продолжала упрекать Елена Модестовна, — не была я права, когда говорила вамъ, что вы заблуждаетесь, что вы самонадѣянный человекъ, что вамъ вовсе не слѣдовало вести лично самому процессъ?

— Пусть такъ! Я не возражаю, заговорилъ наконецъ князь, — я заблуждаюсь, я самонадѣянный человекъ, мнѣ не слѣдовало братья за веденіе процесса. Пусть такъ. Но скажите, ради Бога, что такое случилось необычайное, заставившее васъ взволноваться, можно сказать, до глубины души? Процессъ еще, слава Богу, не проигранъ. Что же васъ такъ возмущаетъ? Вотъ уже цѣлый часъ вы мнѣ не даете сказать слова, а между тѣмъ пригласили въ эту комнату намѣренно, для того чтобы о чемъ-то совѣтоваться.

— И вы оправдываетесь, князь? съ упрекомъ возразила Елена Модестовна, и вы же говорите такимъ обиженнымъ тономъ! Стыдно! Стыдно вамъ! Помните, что вы мнѣ говорили, не дайте, какъ

вчера, въ чемъ вы меня увѣряли, какія предположенія высказывали? Не вы ли говорили, что завѣщаніе несомнѣнно потеряно, что завѣщаніе уничтожено, что завѣщанія, быть можетъ, даже и не существовало.

— Но позвольте, перебилъ князь, почему же вы запрещаете мнѣ дѣлать какія-либо предположенія относительно того или другаго образа дѣйствій нашихъ противниковъ?

— Безумецъ! Вы не только дѣлали предположенія, вы утѣпали себя ими. Сами сочиняли разныя нелѣпости и сами же ими радовались. Только вы, вы одни могли думать, что хитрый попомичъ не представлялъ до сихъ-поръ завѣщанія въ судъ именно потому, что у него нѣтъ этого завѣщанія. А между тѣмъ онъ, несомнѣнно, имѣлъ какія-нибудь уважительныя причины для того, чтобы медлить, быть можетъ, даже намѣренно медлить и злорадствовалъ, представляя себѣ, какъ вы терзаетесь и томитесь въ невѣдѣніи о причинахъ такого образа дѣйствій. Вотъ вы что надѣлали! укоризненно добавила она,—вотъ сколько времени вы ставались въ комическомъ положеніи, все оттого, что выдумываете разныя нелѣпости и создаете невозможныя предположенія.

— Какъ это странно! возразилъ князь, пожимая плечами,—кажете, ради Бога, къ чему весь этотъ разговоръ, этотъ оскордительный тонъ, эти упреки? Скажите, ради Бога, какія же дурныя послѣдствія получились отъ моихъ неисполнившихся предположеній, на которыя и вы... раздон—недалѣе, какъ вчера, почти не возражали?

— Я не возражала? Богъ мой! воскликнула княгиня, трагически взмахнувъ руками.—Стыдитесь! Припомните, былъ-ли въ продолженіе всего этого времени, прошедшаго со смерти Валерьяна, былъ-ли хотя одинъ такой день, въ который-бы я не порицала вашей непростительной медленности?

— Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло, возразилъ князь,—и оно не имѣетъ ничего общаго съ вашими упреками; я медлилъ и медлю потому, что такъ нужно для осуществленія моихъ плановъ. И то же, наконецъ, можно было дѣлать до нынѣшняго дня, не зная, въ самомъ дѣлѣ, ничего вѣрнаго о дѣятельности противной стороны?

— Что можно дѣлать? переспросила Елена Модестовна, — вы думаете, только и дѣла, что бумаги въ судъ подавать, да на доводы противной стороны свои доводы приводить? Нѣтъ, князь, этого мало! Это ничто, одна пустая болтовня — и я ей не вѣрю. Нужно твердую почву готовить, понимаете — почву, неопровержимые факты; тогда, имѣя ихъ, болтайте, пожалуй, на судѣ сколько хотите, а безъ фактовъ, на однихъ юридическихъ тонкостяхъ, далеко не уѣдешь. Что же вы сдѣлали для того, чтобы имѣть факты — кажется, немного!

— Я изумленъ, возразилъ Павелъ Модестовичъ, — скажу болѣе: я смущенъ! И съ каждымъ днемъ, съ каждымъ, можно сказать, часомъ, смущеніе мое увеличивается; я прихожу наконецъ къ печальному заключенію, что вы совершенно утратили способность говорить спокойнымъ и ровнымъ тономъ.

Елена Модестовна величественно приподняла голову и окинула брата почти презрительнымъ взглядомъ.

— А ты знаешь, сколько душевныхъ волненій за это время я пережила, заговорила она, опять волнуясь и сверкая гнѣвнымъ взглядомъ, — потрудись, припомни, кто улаживалъ отношенія въ кредиторахъ Викторіи и Сережи — не ты-ли? Нѣтъ, кажется, не ты. А кто хлопоталъ о томъ, чтобы въ опекуны по охраненію имущества Валерьяна, впредь до рѣшенія дѣла судомъ, былъ избранъ ты? Развѣ не я объ этомъ заботилась, развѣ не я развѣзжала цѣлые дни по городу, просила и убѣждала? Пусть мои труды и заботы не увѣчались въ этомъ случаѣ успѣхомъ и въ опекуны попали совершенно постороннія намъ лица, но терзался-то за все это кто-же — не ты-ли? Или, можетъ быть, тотъ, покровительствуемый тобой, вѣтряникъ — Сергѣй съ своей неразумной шапан.

— Не понимаю, слабо возразилъ князь, — къ чему вы мнѣ впутываете въ нашъ разговоръ! Я надѣюсь, что и безъ вашей помощи благополучно окончится процессъ...

— Надѣюсь, печально повторила княгиня и, вздохнувъ, добавила: — нѣтъ, съ одними надеждами не много успѣха. Нужно искать: нужно, не переставая, не отдыхая, искать, развѣдывать и ощущивать всевозможнѣйшіе пути для того, чтобы быть гото-

вышъ къ борьбѣ съ врагами. А вы ищете, развѣдываете? Ха, ха, какъ же! Вто наконецъ, — опять впадая въ прежнее раздраженіе, продолжала она, — кто имѣлъ непріятное сношеніе съ тѣмъ священникомъ... Макарій, кажется... который былъ при смерти Валерьяна? А съ этимъ мохнатымъ человекомъ... какъ онъ — Стуловъ? Я же опять искала случая съ ними увидаться...

— Но... pardon... я имѣлъ честь васъ предупредить, что сношенія со священникомъ и съ этимъ Стуловымъ бесполезны, вы между тѣмъ настояли на своемъ — и въ результатѣ одно только нервное расстройство.

— Но что же изъ этого? возразила Елена Модестовна; по твоему нужно сидѣть сложа руки и ждать, что помощь сама отсюда то явится. Ты воображаешь, что я была увѣрена въ успѣхъ моихъ сношеній съ этимъ попомъ? Ошибаешься! Я почти знала, что получу отъ него только описаніе послѣднихъ минутъ жизни Валерьяна, которое онъ, по свойственной ему глупости, старательно составилъ? Точно также я была почти увѣрена, что отъ Стулова ждать нечего, но я все-таки видѣлась съ нимъ и наконецъ убѣдилась, что оба они давно подкуплены братомъ Валерьяна... Пойми ты, наконецъ, ради Бога, пойми, — заговорила она, потрясая костлявыми руками, — и Викторія съ сыномъ, и я, и ты, словомъ, всѣ мы, можно сказать, стоимъ на кратерѣ, и нельзя такъ спокойно разсуждать, какъ ты, и сидѣть сложа руки.

Князь молча пожалъ плечами.

— Не понимаю, сказалъ онъ, помолчавъ, — рѣшительно не понимаю причинъ вашего волненія. Увѣряю васъ, *ma bonne amie*, увѣряю васъ, что я стою на стражѣ интересовъ наследниковъ и все, что нужно дѣлать для огражденія этихъ интересовъ, все аккуратно, своевременно и правильно дѣлаю.

На этотъ разъ сама Елена Модестовна пожала плечами, — и вдругъ, понизивъ свою рѣчь до шопота и поведя черными глазами на боковую дверь комнаты, продолжала: — а подготовили-ли вы этихъ людей, бывшихъ при комнатахъ Валерьяна, приготовили ли вы ихъ къ тому, чтобы на судѣ дали они такія показанія, какія необходимы по обстоятельствамъ дѣла?

— Ахъ! нетерпѣливо возразилъ князь, — позвольте наконецъ хоть въ этомъ случаѣ мнѣ знать, когда и что нужно дѣлать для того, чтобы процессъ имѣлъ правильный и законный ходъ. Я всегда отдавалъ и отдаю преимущество вашей неуклонной настойчивости въ преслѣдованіи разъ задуманной цѣли; но увѣряю васъ (онъ тоже понизилъ тонъ до шопота), увѣряю васъ, что нельзя давать направленіе свидѣтельскимъ показаніямъ несвоевременно: пойдутъ сплетни между прислугой, разговоры на кухнѣ и т. д., и чего добраго, противная сторона узнаетъ, приметъ, разумѣется, съ своей стороны мѣры для опроверженія показаній — и вотъ вамъ результатъ поспѣшности. Нѣтъ, пока необходимо только одно, нужно быть съ этими людьми сколько возможно ласковѣе, щедрѣе, а потомъ уже, наканунѣ самаго дня ихъ призыва къ суду, переговорить съ каждымъ отдѣльно, обѣщать вознагражденіе и даже выдать впередъ часть онаго.

Пока онъ говорилъ, Елена Модестовна молча слушала его и не сводила своихъ черныхъ глазъ съ угла комнаты. Густыя брови ея по временамъ двигались, то опускаясь на глаза, то поднимаясь на лобъ, и по тонкимъ губамъ пробѣгала едва замѣтная улыбка презрѣнія къ кому-то, вѣроятно, къ врагамъ, которыхъ нужно было побѣдить.

— Я вамъ снова повторяю, авторитетно заключилъ князь, поднимаясь съ кресла и легонько жестикулируя правою рукою — я смѣю даже высказать вамъ полную увѣренность въ благопріятномъ исходѣ дѣла подь моимъ личнымъ руководствомъ, и это тѣмъ болѣе будетъ отраднo для меня, что та безобразная сумма въ сто тысячъ, которую просилъ за веденіе дѣла адвокатъ, останется въ пользу наследниковъ...

Но Елена Модестовна вдругъ опять почему-то лишилась спокойствія.

— И только-то? гнѣвно сказала она, взглянувъ въ ту сторону комнаты, въ которую направилъ свои шаги князь Павелъ Модестовичъ, — и только-то? повторила она, — и на однихъ показаніяхъ прислуги вы надѣетесь выиграть дѣло?

Князь остановился и, какъ то старчески пріободрившись, откинулъ голову нѣсколько назадъ.

— А вы полагаете, что показанія недостаточно будутъ убѣдительны.

— Да, я даже увѣрена въ этомъ.

— Въ чемъ это вы увѣрены? обиженно спросилъ Павелъ Модестовичъ.

— Ахъ, оставь этотъ тонъ! возразила Елена Модестовна, — мнѣ всегда противно видѣть, какъ ты ломаешься; ты воображаешь себѣ, что стоишь создать какой нибудь планъ, и успѣхъ дѣла несомнѣненъ, а между тѣмъ я думаю, что теперь, когда завѣщаніе уже представлено въ судъ, нечего утѣшаться такими предположеніями, какія создаетъ твоя пылкая фантазія.

— Какія же предположенія? Познакомьте — любопытно!

— Перестань иронизировать, я не выношу этого!

Елена Модестовна отошла къ окну и долго молчала, смотря на однотонное сѣрое небо, а Павелъ Модестовичъ, опустившись въ кресло, вытянулъ впередъ ноги во всю ихъ длину, и отдался внимательному разсматриванію ногтей на своихъ морщицистыхъ рукахъ.

— Ты думаешь, продолжала Елена Модестовна, что нужно очень много мудрости для того, чтобы понять, на какихъ именно доводахъ основываются всѣ твои надежды на успѣхъ дѣла.

— Я этого не думаю, отвѣтилъ Павелъ Модестовичъ, продолжая всматриваться въ свои ногти.

— Ты думаешь, заговорила Елена Модестовна, опять понижая голосъ до шепота, — что свидѣтельскія показанія прислуги, которая еще Богъ знаетъ, что можетъ напутать, будутъ признаны судомъ болѣе уважительными, чѣмъ показанія лицъ, присутствовавшихъ при смерти покойнаго, подтвердившихъ своимъ подписомъ его подлинное духовное завѣщаніе.

— Да! Вотъ именно въ этомъ я и увѣренъ, твердо сказалъ князь, поднявшись съ кресла, — соглашаюсь съ вашимъ замѣчаніемъ, что для этого, конечно, не нужно большой мудрости. Но, замѣйте, *ma bonne amie*, еслибъ я не питалъ вѣры въ

успѣхъ свидѣтельскихъ показаній прислуги, то нечего было бы и процессъ начинать. И какіе же еще могутъ быть найдены мотивы для того, чтобы усилить надежду на благопріятный исходъ процесса?

— Усилить или ослабить—это еще вопросъ. Но если разъ избранъ путь, то нужно идти по нему до конца.

Она задумчиво взглянула на часы и продолжала:

— Какъ ни безуспѣшны были мои сношенія съ тѣми двумя свидѣтелями, подписавшимися на завѣщаніи Валерьяна, но я рѣшилась выпить чашу до дна, все равно, хуже не будетъ. Я просила зайти сюда третьяго свидѣтеля—Кожевникова. Онъ, вѣроятно, уже пришелъ и ждетъ тамъ, въ тѣхъ комнатахъ.

Павелъ Модестовичъ отступилъ отъ сестры шага на два и съ изумленіемъ развелъ руками.

— Къ чему это, скажите, ради Бога, къ чему? зашептавъ онъ:—если вы убѣдились, что тѣ двое изъ свидѣтелей, люди не только не богатые, но, можно сказать, нуждающіеся, не желаютъ быть на нашей сторонѣ, то какія же надежды на Кожевникова, человѣка несомнѣнно богатаго? — чѣмъ вы можете его привлечь на свою сторону?

— Ахъ, оставь! мрачно отвѣтила Елена Модестовна,—какъ ты наивенъ! Развѣ я лишена способности сообразить все это и безъ посторонней помощи. Побудь здѣсь, я проведу его въ кабинетъ и тамъ переговорю.

Она вышла изъ угловой комнаты и, войдя въ залъ, встрѣтилась тамъ съ Викторіей Александровной, передавшей ей записку Кожевникова.

— Ахъ, татап, какъ мнѣ скучно! плаксиво проговорила Викторія Александровна, не замѣчая, что мрачное лицо ея татап сдѣлалось еще мрачнѣе по прочтеніи записки Григорія Геннадіевича.

— Что такое, о чемъ ты? гнѣвно спросила Елена Модестовна, слышавшая слезливаго восклицанія дочери.

— Скучно, татап. На улицахъ такое движеніе, всѣ чѣмъ-то заняты, оживлены, хлопчуть, а я?

Елена Модестовна порывисто разорвала письмо Григорія Геннадіевича и сверкнула на дочь гнѣвнымъ взглядомъ.

— А я? передразнила она, и сердитымъ шопотомъ добавила:— я, лѣнивая, пухлая, расплывшаяся телушка, и только!..

XXXI.

Минуту спустя, лакей молча распахнулъ передъ нягиней дверь передней, и она, сохраняя подобающее величіе во всѣхъ своихъ движеніяхъ, медленно стала подниматься по парадной лѣстницѣ къ квартирѣ Григорія Геннадіевича. Лакей осторожно прошелъ впередъ и, избавляя ее отъ труда самой звонить у квартиры Григорія Геннадіевича, позвонилъ и почтительно посторонился, давая ей дорогу въ переднюю.

— Покорнѣйше прошу, ваше сіятельство! пригласилъ Григорій Геннадіевичъ, встрѣчая ее у дверей залы—признаться, у насъ большіе безпорядки, и не осудите,—прихварываю: никакъ не могъ рискнуть пройти по лѣстницѣ... Покорнѣйше прошу, на диванчикъ не угодно ли!

Елена Модестовна слабо кивнула головой, выражая этимъ молчаливое согласіе на предложеніе Григорія Геннадіевича.

Что они говорили, съ какою осторожностью подходили къ вопросу, равно ихъ обоимъ интересовавшему,—это навсегда и для всѣхъ осталось бы тайной, еслибъ Марья Ильинишна, имѣвшая большую склонность прислушиваться и слѣдить за гостями своего мужа, не полюбопытствовала на этотъ разъ тайно посмотрѣть на знатную гостью. Она слѣдила за нею и прислушивалась къ ея разговору съ Григоріемъ Геннадіевичемъ сначала изъ дверей столовой, а потомъ перебралась и къ дверямъ залы. Прислушиваясь, она однако же не могла понять, почему это знатная гостья говорить печальнымъ тономъ и какъ будто даже жалуется на что-то. Она видѣла, что мужъ сидитъ въ креслѣ, почти рядомъ съ гостьей, сидѣвшей на диванѣ, и удивлялась, почему это ея Григорій Геннадіевичъ такъ благодушно поглаживаетъ свою

длинную бороду, а знатная гостя держать въ рукахъ батистовый платокъ и по временамъ прикладываетъ его къ своимъ глазамъ.

— Мнѣ жаль ихъ, слышитъ Марья Ильинишна тихое восклицаніе княгини.

— Понимаю, какъ не жалѣть! отвѣчаетъ ей Григорій Геннадіевичъ, — оно, конечно, не токмо что по человѣчеству жаль, а тѣмъ паче, ежели по родству... Оправдывать покойничка Валерьяна Ивановича, признаюсь, трудно; поступилъ онъ, можно сказать, прости его Господи, круто...

— Что это они все о покойномъ хозяйнѣ говорятъ! подумала Марья Ильинишна и еще поближе прижалась къ двери.

Вдали коридора показалась изумленная фигура горничной дѣвушки; Марья Ильинишна молча махнула ей рукой, какъ бы говоря: не мѣшай, уходи, и если что нужно—такъ послѣ.

Въ залѣ, между тѣмъ, разговоръ княгини съ Григоріемъ Геннадіевичемъ дѣлался все тише и тише. Лицо Григорія Геннадіевича приняло какое-то особенное, сосредоточенное выраженіе; онъ склонилъ голову на грудь, какъ бы охваченный сердечнымъ сокрушеніемъ о печальной судьбѣ законныхъ наслѣдниковъ покойнаго Лачужникова; но справедливость требуетъ все-таки замѣтить, что по временамъ его задумчивый взглядъ направлялся въподлобья на лицо княгини и слѣдилъ за его выраженіемъ.

— Что же я теперича могу сдѣлать? спросилъ Григорій Геннадіевичъ, отвѣчая вопросомъ на вопросъ княгини.

— Ахъ, откровенно скажу вамъ, Григорій Геннадіевичъ, я и сама не знаю, гдѣ и въ чемъ искать помощи... Такъ много огорченій, такъ много, что я... теряюсь, проговорила Елена Модестовна, грустно понизивъ головой.

— Да съ, оно точно, положеніе затруднительное... а все же, я полагаю, ежели искать помощи, такъ предварительно всего въ молитвѣ.

— Ахъ, вы справедливы, вздохнувъ, сказала Елена Модестовна и взглянула на образъ, гдѣ теплилась лампада.

— Господь всегда... ежели человѣкъ, напрямѣръ, въ сокруше-

ни и скорбяхъ, продолжалъ Григорій Геннадіевичъ, всегда онъ въ такомъ разѣ милосердствуетъ и живить...

— Ахъ, какая это истина, какая глубокая истина!

Горничная Марья Ильинишны, стоявшая вдали коридора, смотрѣла въ нѣмомъ недоумѣніи на притаившуюся у дверей залы хозяйку, и, будучи сама охвачена любопытствомъ, томилась нерѣшительностью, идти ли впередъ, или назадъ. Наконецъ таки Марья Ильинишна сердитымъ жестомъ вразумила ее и, такъ сказать, изгнала изъ коридора. Но пока она обмѣнивалась съ нею выразительными взглядами, разговоръ въ залѣ, отъ предварительныхъ религиозныхъ воздыханій, двинулся нѣсколько впередъ.

— Вы бы могли, Григорій Геннадіевичъ, оказать имъ помощь, вкрадчиво замѣтила Елена Модестовна.

— Какую же, напримѣръ? тихо спросилъ онъ.

— Да именно въ томъ... какъ я уже сказала...

— Признаться, я несовсѣмъ понимаю. Вы мнѣ скажите, ваше сіятельство, этакъ попроще, въ чемъ, напримѣръ, и какаа помощь?..

— Вы могли бы, тоже тихо повторила княгиня, — я, разумѣется, не смѣю настаивать, но зная ваше великодушіе, я думаю, что вы... конечно, изъ состраданія къ моей дочери и внуку... вы могли бы сказать правду...

— Ну-съ? твердо прервалъ онъ, въ чемъ же правда?

— Да собственно въ томъ, что вы могли бы заявить, что Валерьянъ, подписывая завѣщаніе, дѣйствительно былъ почти безъ памяти.

— Гм... вотъ что-о! задумчиво протянулъ Григорій Геннадіевичъ и, кинувъ опять изподлобья пытливый взглядъ на княгиню, добавилъ: — да, это вы справедливо замѣтили, слабъ былъ покойникъ, можно сказать, очень слабовать.

— Вы замѣтили, да. Вѣдь это же правда.

Григорій Геннадіевичъ помолчалъ, погладилъ бороду, вздохнулъ и таинственно прошепталъ:

— Трудно-съ!...

— Какая же трудность? въ чемъ, уважаемый Григорій Геннадіевичъ? вкрадчиво спросила Елена Модестовна.

— Очень, можно сказать, большая затруднительность... И не безъ хлопотъ... Оно хотя, положимъ, и справедливое дѣло, и родственнички ваши дѣйствительно обиду терпятъ, ну, только знаете, поправлять теперича это дѣло надо умѣючи, нельзя, чтобы такъ, съ бухты-барахты...

— Ахъ, посоветуйте, вы такой практической, такой осторожный и знающій человекъ!

— Извольте, отчего же, я насчетъ совѣта съ полнымъ моимъ удовольствіемъ, ну, только самъ лично, чтобы участвовать или въ примѣру заявить—на это я не могу согласиться.

— Почему же, Григорій Геннадіевичъ, скажите!..

— Извольте сами припомнить, ежели я самолично присутствовалъ при смерти покойника и подписалъ, что онъ былъ при мнѣ въ здравомъ умѣ и полной памяти, какъ же теперича я пойду противъ себя?

— Ахъ, зачѣмъ же противъ? скорбно возразила Елена Модестовна,—возстановить истину—это не значитъ идти противъ...

— Рискованное дѣло, ваше сіятельство, сказалъ Григорій Геннадіевичъ, и почему-то придвинулъ свое кресло въ дивану, гдѣ сидѣла княгиня.

Онъ значительно понизилъ тонъ рѣчи, такъ что нѣкоторое время Марья Ильинишна не могла понять ни одного слова и только потомъ ясно услышала, какъ Григорій Геннадіевичъ прошепталъ:

— Какой же мнѣ теперича расчетъ... все же рискъ!..

— Но повѣрьте, оживляясь, прошептала Елена Модестовна, ваше великодушіе будетъ оцѣнено...

Елена Модестовна почему-то вдругъ оглянулась на дверь и, вслѣдствіе этого неожиданнаго ея движенія, Марья Ильинишна испуганно отступила въ глубь коридора, а Григорій Геннадіевичъ какъ то странно озаботился и тоже оглянулся на дверь въ переднюю.

— Да не угодно-ли, ваше сіятельство, ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ, признаться, будетъ поспособнѣе...

Они ушли въ кабинетъ, и чѣмъ кончились ихъ разговоры, Марья Ильинишна такъ и не узнала.

Спустя добрыхъ полчаса, когда Елена Модестовна оставила квартиру Григорія Геннадіевича, онъ съ большою услужливостью самъ отворилъ ей двери и низко поклонился въ отвѣтъ на ея любезный прощальный поклонъ. Войдя потомъ въ столовую, гдѣ сидѣла за какимъ-то шитьемъ Марья Ильинишна, Григорій Геннадіевичъ, смотря на нее, укоризненно покачалъ головой. Марья Ильинишна уже поняла свою вину и безпомощно опустила глаза въ полъ.

— И что у тебя за странная такая привычка подслушивать и подсматривать въ дверныя щели? спросилъ онъ.

— Ахъ, Григорій Геннадіевичъ, я совсѣмъ напротивъ... путаясь, отвѣтила Марья Ильинишна, — я не для того, чтобы подслушивать, я только посмотрѣла, горитъ-ли лампадка, Григорій Геннадіевичъ...

Онъ былъ замѣтно въ хорошемъ расположеніи духа, смотрѣлъ на жену вовсе не злобнымъ взглядомъ и даже не хмурился; напротивъ, по лицу его, недавно еще мрачному и озабоченному, пробѣгала по временамъ улыбка удовольствія.

Д. Стахѣвъ.

(Продолженіе будетъ).

ОШИБКИ И РАСКАЯНІЕ.

(Изъ времянъ Наполеона I-го).

Illud est praecipue in cognitione rerum salubre et frugiferum, omnis te exempli documenta in illustri posita monumento intueri: inde tibi tuaeque reipublicae, quod imitari, capias; inde foedum inceptum, foedum exitum, quod vitas.

Въ познаніи исторіи то особенно существенно и плодотворно, что ты видишь поучительные образцы всякаго рода, изображенные на блестящемъ памятнике: изъ нея ты можешь брать для себя и для своего государства то, чему слѣдуетъ подражать, равно какъ и то, чего ты долженъ избѣгать, что отвратительно по началу и отвратительно по концу. *Титъ Ливій.*

Римскій историкъ, слова котораго стоятъ въ эпиграфѣ статьи нашей, вѣрно понималъ роль исторіи въ ряду другихъ человѣческихъ знаній. Исторія была и будетъ учительницей народовъ на ихъ пути къ улучшенію гражданскаго быта, къ созданію государственнаго величія, къ разрѣшенію сложной и трудной задачи общественнаго благосостоянія. Много значить для народа опытъ пережитыхъ имъ періодовъ государственной жизни. Еще больше имѣетъ для него значенія опытъ жизни другихъ народовъ, особенно такихъ, въ судьбѣ которыхъ наиболѣе рельефно отразились законы, которымъ слѣдуетъ жизнь гражданскихъ обществъ въ своемъ развитіи,—народовъ, служившихъ главными представителями человѣчества въ разные фазисы его развитія, народовъ, по преимуществу историческихъ и, такъ сказать, из-

б р а н н ы х ъ . Въ судьбѣ этихъ народовъ дѣйствительно поазываются передъ нами «поучительные образцы всякаго рода», разительные примѣры того, что ведетъ народъ къ возвышенію и могуществу, и того, за чѣмъ неизбежно слѣдуетъ пониженіе жизни и государственное паденіе. Благо тѣмъ народамъ, рожди которыхъ не закрываютъ глазъ на эти спасительные уроки исторіи, какъ бы нарочно созданные въ ихъ поученіе и наставленіе, и жалка участь тѣхъ изъ нихъ, которые къ накопленному многими вѣками и разнообразными эпохами историческому разуму относятся съ пренебреженіемъ или безъ должнаго вниманія. Народы, для которыхъ не пропадаетъ этотъ широкій разумъ всемірной исторіи, и суть историческіе, великіе, избранные народы: они даютъ тонъ въ ходъ судебъ человѣчества, они обозначаютъ собой ступени въ его послѣдовательномъ развитіи, они даютъ дѣйствительное содержаніе исторіи, равнодушной ко всему слѣпотствующему, неподвижному, исключительному и остающемуся позади главнаго теченія въ извѣстныя эпохи.

Нѣтъ ничего безразсуднѣе для отдѣльнаго человѣка, какъ упорствовать въ своихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ, идти наперекоръ голосу разума, подрывляемаго ежедневнымъ опытомъ. За такое упорство люди платятся здоровьемъ, жизнью, семейнымъ благосостояніемъ, общественнымъ положеніемъ. Нѣтъ ничего гибельнѣе для народа, какъ отказываться отъ успѣховъ гражданской жизни, добытыхъ опытомъ исторіи, носить въ невѣжествѣ, когда кругомъ все стремится къ просвѣщенію, стараться удерживать пріемы управленія и формы гражданского быта, пережившіе свое время и явно несостоятельныя передъ новыми понятіями и требованіями. За подобное небреженіе къ урокамъ исторіи и опыта, народъ наказывается лотерей пріобрѣтеннаго раньше международнаго значенія, внутренними смутами и внѣшними потрясеніями, которыя ведутъ государство къ разложенію, раздробленію, а иногда и къ конечной гибели. Такіе критическіе моменты бывають въ исторіи всѣхъ народовъ, напоминая имъ объ удаленіи отъ правильнаго пути развитія. Сильные народы ихъ переживаютъ благополучно и, спохватившись въ-время, вновь входятъ въ свою естественную колею и принимаются за національную работу съ новой силой и удвоенной энергіей; для народовъ слабыхъ или ослабѣвшихъ,

внутреннія смуты и потрясенія, указывающія на органическую болѣзнь въ государственномъ тѣлѣ, служатъ началомъ національнаго паденія и государственнаго разложенія, обыкновенно довершаемаго внѣшними ударами.

Одну изъ такихъ критическихъ эпохъ переживала Франція въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Исторія Европы, со временъ христіанства, не знаетъ ничего, что могло бы сравниться съ тѣми величайшими внутренними потрясеніями, какими расплачивалась эта страна за всѣ грѣхи своего «старога порядка» (ancien régime), уродливость котораго начинала чувствоваться еще въ знаменитый вѣкъ Лудовика XIV, за сто лѣтъ до революціи, потрясшей старое государство въ его основаніяхъ. За внутренними потрясеніями послѣдовали внѣшнія, громадность которыхъ превосходитъ все, что Европа пережила со временъ Александра Македонскаго, или, по крайней мѣрѣ, съ эпохи распаденія Западной Римской Имперіи. Буквально вся Европа изъ конца въ конецъ, отъ Атлантическаго Океана до Урала, была вовлечена въ ураганъ кровавыхъ войнъ, который поднялся вслѣдъ за французской революціей, и принуждена была усмирять его соединенными силами. Въ этой борьбѣ всколыхавшейся Франціи съ соединенными силами Европы много поучительнаго. Но прежде всего поучительно то, что можетъ сдѣлать нравственная сила народа, одушевленнаго идеей дѣйствительнаго величія, и какъ мало значитъ могущество, опирающееся на одни внѣшнія средства, относящееся презрительно къ общественному мнѣнію, старающееся подавлять законныя его проявленія, не знающее предѣла своему высокомерию.

На эти размышленія навела насъ книга, раскрывающая документально одну изъ интересныхъ сторонъ французской исторіи въ правленіе Наполеона I-го. Книга эта разсматриваетъ борьбу возникшей на развалинахъ революціи диктаторской власти Бонапарта, извѣстной подъ именемъ консульства и первой французской имперіи, съ печатью, со всякимъ независимымъ голосомъ общества, насколько онъ могъ выразаться въ журналистикѣ, въ книгахъ, въ театральныхъ представленіяхъ. Она раскрываетъ предъ нами шагъ за шагомъ, какъ эта борьба на-
тъ развивалась, какъ дошла со стороны необуздан-

наго деспотизма до самыхъ чудовищныхъ проявленій, за которыми слѣдовало крушеніе имперіи, не нашедшей себѣ, въ критическую минуту, поддержки въ обществѣ, которое было доведен-деспотизмомъ до нравственнаго оцѣпенѣнія. Заглавіе книги: *La censure sous le premier Empire, avec les documents inédits, par Henri Welschinger. Paris, 1882* (Цензура во время первой имперіи. Съ неизданными документами. Сочиненіе Генриха Вельшингера, Парижъ, 1882 *).

До крайности поучительная и интересная картина—положеніе печати во время первой имперіи. Доселѣ мы знали о ней,—объ этомъ положеніи печати въ тяжелую эпоху жизни французскаго общества,—лишь въ общемъ видѣ, знали лишь то, что газетамъ, книгамъ, всему, что появляется на свѣтъ посредствомъ печатнаго станка, жилось въ эту пору очень плохо, такъ плохо, какъ никогда прежде, даже при старомъ порядкѣ. Но страданія писателей какъ-то ступшевывались для насъ въ общей картинѣ страданій, какимъ подвергала Францію, а за нею и большую часть Европы, желѣзная рука деспота, не признававшего, въ опьяненіи военными успѣхами и громомъ побѣдъ, правъ не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ государствъ и народовъ, и ставившаго необузданный произволъ на мѣсто закона. Что тогда значили слезы и горе какихъ нибудь журналистовъ и литераторовъ, разоряемыхъ, сажаемыхъ въ тюрьму, изгоняемыхъ, преслѣдуемыхъ, доводимыхъ до нищеты, до голода, до отчаянія, до самоубійства, когда опустошались цѣлыя области, истреблялись въ кровавыхъ войнахъ десятки и сотни тысячъ человѣческихъ существъ, ни въ чемъ неповинныхъ, низвергались короли, и независимыя государства обращались въ провинціи! Но теперь, когда г. Вельшингеръ, перерывшій архивы, раскрылъ предъ нами больше сотни официальныхъ документовъ, рисующихъ въ мелкихъ подробностяхъ самую оскорбительную тираннію надъ человѣческимъ словомъ и мыс-

*) Г. Вельшингеръ, по происхожденію эльзасецъ, еще до изданія этой книги имѣлъ извѣстность добросовѣстнаго изслѣдователя революціонной эпохи, которую онъ изучаетъ по архивнымъ документамъ. Его сочиненіе, подъ заглавіемъ «*Théâtre de la Révolution*», удостоилось преміи французской академіи.

лю, т. е. надъ тѣмъ, что въ человѣкѣ есть самаго высокаго. что его отличаетъ отъ всѣхъ другихъ земныхъ тварей, что ему принадлежитъ въ силу его божественной природы, что существовало въ мірѣ безконечно раньше, чѣмъ появились на свѣтѣ всякіе Фуше и Бонапарты—судьба литературы, этотъ мартирологъ печатнаго слова во время первой французской имперіи, получаетъ другое значеніе. Теперь это уже не рядъ отдѣльныхъ фактовъ, между которыми на степень историческаго событія былъ возведенъ едва ли не одинъ фактъ ожесточеннаго преслѣдованія г-жи Сталь и особенно ея книги: «О Германіи», а цѣлая связанная исторія гоненій на мысль и слово со стороны деспота, который, не смотря на весь блескъ своихъ военныхъ побѣдъ, своего государственнаго величія, не чувствовалъ себя безопаснымъ. пока могъ свободно выражать свою мысль хоть одинъ журналистъ или писатель. Это—цѣлая эпопея борьбы Наполеона съ представителями общественной мысли, борьбы, въ которой временное торжество было на сторонѣ грубой силы, но которая не доставила ему ни одного лавра и за которую онъ расплачивается передъ исторіей едва ли не всей своей военной славой. едва ли не всѣмъ обаяніемъ своего генія.

Современная Франція, даже то ея поколѣніе, которое пережило тяжелые годы второй имперіи, представить себѣ не можетъ всѣхъ ужасовъ преслѣдованія, какому подвергалось печатное слово въ этой передовой странѣ Европы въ первыя пятнадцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія. Самую горькую долю при этомъ испытали, какъ и понятно, политическія газеты. Ожесточенное гоненіе на нихъ началось тотчасъ же, какъ только генералъ Бонапартъ сдѣлался первымъ консуломъ. Консульскимъ декретомъ отъ 27 нивоза VIII года, т. е. отъ 17 января 1800 г., было разомъ закрыто шестьдесятъ политическихъ газетъ изъ числа семидесяти трехъ, тогда существовавшихъ во Франціи, и оставлено только тринадцать. вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено было министру внутреннихъ дѣлъ строго слѣдить, чтобы не появлялось новыхъ періодическихъ изданій политическаго характера. Закрытыя газеты обвинялись въ томъ, что они служили орудіемъ въ рукахъ враговъ республики, т. е. стояли въ оппозиціи къ новому правительству. Знаменитому министру полиціи Фуше, которому приписывается мысль объ одновременномъ унич-

тоженіи шестидесяти газетъ, было вслѣдъ за тѣмъ дано первымъ консуломъ порученіе удостовѣриться относительно нравственности и патриотизма редакторовъ оставшихся въ живыхъ изданій. При министрѣ полиціи было учреждено бюро, имѣвшее назначеніемъ слѣдить за направлениемъ печати. Видимо водворилась цензура, торжественно уничтоженная законодательнымъ собраніемъ 1791 года. Завождая всѣ эти строгости, Бонапартъ прямо имѣлъ въ виду сломить всякую оппозицію своимъ стремленіямъ, какую могъ встрѣтить въ органахъ печати; рѣшившись править Франціей самовластно, онъ считалъ несообразнымъ съ своими цѣлями существованіе въ ней сколько-нибудь независимыхъ политическихъ изданій. «Если я—говорилъ онъ—дамъ волю печати, то не пробуду во власти и трехъ мѣсяцевъ». Вскорѣ онъ уже съ самодовольствомъ высказывался о французскихъ газетахъ такимъ языкомъ: «Онѣ говорятъ только то, чего я хочу». Если это выраженіе и было пока еще самоувѣрено, то во всякомъ случаѣ оно хорошо рисуетъ тотъ идеалъ, какой былъ составленъ деспотомъ-завоевателемъ о положеніи печати въ его имперіи.

Но затушить такъ скоро въ странѣ, только-что пережившей рядъ фазисовъ самой радикальной революціи, всякое проявленіе независимаго мнѣнія было трудно даже и послѣ страшной мѣры одновременнаго запрещенія шестидесяти политическихъ изданій. Требовался рядъ мѣръ постоянныхъ, слѣдующихъ одна за другой, требовалась рѣшимость не отступать ни передъ какими произволомъ, не стѣсняться никакимъ нарушеніемъ даже частнаго права, права собственности, чтобы вытравить изъ политической печати всякое самоналѣйшее покусеніе на оппозицію и сдѣлать изъ нея лишь отголосокъ желаній и плановъ правительства. Подозрительное и шедшее на проломъ къ своей цѣли правительство, и въ самомъ дѣлѣ, приняло такую систему дѣйствія. Одна провинціальная газета, «*Républicain démocratique d'Auch*», заговорила о дороговизнѣ хлѣба. Префектъ жерскаго департамента тотчасъ же сообщаетъ объ этомъ происшествіи министру внутреннихъ дѣлъ Луціану Бонапарту, и тотъ безъ дальнихъ церемоній приказываетъ закрыть немедленно (sans délai) столь смѣлую газету, «*столь опасное орудіе въ рукахъ агитаторовъ*». Одна изъ тринадцати полити-

ческих газетъ, которыя уцѣлѣли отъ погрома 27 января, «*Ami des lois*», была закрыта четыре мѣсяца спустя (28 мая 1800 г.) за то, что подтрунила надъ институтомъ (академіей наукъ, по нашему). Первому консулу нуженъ былъ только предлогъ, чтобы уменьшить количество органовъ гласности, и вотъ онъ, лицемерно мстя за нарушеніе должнаго уваженія къ «людемъ, которыя дѣлаютъ честь республикѣ и ежедневно расширяютъ кругъ человеческихъ знаній», уничтожаетъ газету. Двѣ наиболее вліятельныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень осторожныя парижскія газеты, — умѣренно-либеральный «*Journal des Débats*» и роялистская «*Gazette de France*», древнѣйшій изъ всѣхъ политическихъ органовъ Франціи (основ. въ 1631 году), становятся особенно ненавистны правительству, все болѣе и болѣе входящему во вкусъ къ крутымъ мѣрамъ. Закрыть ихъ нѣтъ сколько-нибудь приличнаго повода, но участь ихъ ни на одинъ день не обезпечена. Въ апрѣлѣ 1805 года, Наполеонъ, уже императоръ, взбѣшенный тѣмъ, что нѣкоторыя парижскія газеты заимствовали изъ иностранныхъ газетъ извѣстіе о роскоши императорскаго двора, пишетъ Фуше, что если печать будетъ себѣ позволять подобныя смѣлости, то онъ закроетъ всѣ газеты и оставитъ только одинъ политическій органъ на всю Францію. Особенно онъ питаетъ злобу противъ «*Journal des Débats*», который Фуше не перестаетъ представлять ему, какъ самую опасную газету. И вотъ, 20-го мая 1805 г., императоръ велитъ приставить къ «*Journal des Débats*» отдѣльнаго цензора, который и начинаетъ играть въ газетѣ роль главнаго редактора. 22-го мая онъ пишетъ тому же Фуше: «при первой дурной статьѣ я закрою эту газету». Но онъ ее не закрываетъ, а даетъ ей другое названіе, такъ какъ настоящее ему кажется напоминающимъ времена революціи. Вмѣсто заглавія «*Journal des Débats*» газета начинаетъ выходить подъ заглавіемъ «*Journal de l'Empire*», которое напоминаетъ уже не революцію, а конецъ ея, торжество военнаго деспотизма на развалинахъ республики. На заглавія газетъ Наполеонъ вообще обращаетъ большое вниманіе и находитъ совершенно умѣстными лишь такія, какъ «*Journal de Paris*», «*Bulletin de l'Europe*» и «*Courrier français*», которыя не обличаютъ собой никакой политической тенденціи, и восхищается заглавіемъ «*Ga*

zette de France», кажущимся ему особенно патриотическимъ.

Въ 1805 году не было, повидному, и мѣста журнальной оппозиціи противъ самовластия лица, объявившаго себя императоромъ на подобіе римскихъ кесарей. Въ письмѣ къ Фуше отъ 1-го іюня Наполеонъ самъ признался, что «нельзя сказать, чтобъ газеты были теперь злонамѣренны». Но бѣда въ томъ, что онѣ, по его мнѣнію, «слишкомъ глупы». Эта глупость, какъ замѣчаетъ и авторъ книги, въ которой собраны относящіеся къ настоящему вопросу документы, состояла въ томъ, что газеты не обнаруживали никакого особеннаго усердія въ восхваленіи правительства, какъ поступали органы официозныя, не раздѣляли ненависти императора къ Англіи, не наполняли своихъ столбцовъ исключительно извѣстіями, благопріятными его намѣреніямъ и т. п. И какъ горько пришлось заплатить имъ за такой недостатокъ официозной ревности! Распоряженіемъ императора, отъ 7-го августа 1805 года, газеты объявлялись двѣ или три двѣнадцатыхъ доли своего дохода вносить въ министерство полиціи! Первому пришлось испытать на себѣ этотъ новый знакъ вниманія императорскаго правительства къ положенію печати все тому же «Journal des Débats». На его доходъ была наложена подать въ $\frac{3}{12}$ доли, по именному повелѣнію императора, который приказывалъ Фуше распространить эту мѣру, такъ сильно похожую на конфискацію частной собственности, и на другія газеты, сообразно доходамъ каждой изъ нихъ. Налогъ этотъ былъ предназначенъ на составленіе пенсій литераторамъ, угоднымъ правительству и служившимъ ему въ качествѣ цензоровъ, поставленныхъ надъ печатью. Во имя такой бл а г о й идеи, Фуше распорядился съ дохода ненавистной ему газеты «Publiciste» взымать уже не три, а четыре двѣнадцатыхъ, т. е. цѣлую треть дохода газеты, назначая одну половину этихъ денегъ въ кассу правительства, а другую на содержаніе исправлявшаго цензорскія обязанности Лакретеля, котораго онъ н а з н а ч и лъ г л а в н ы мъ р е д а к т о р о мъ означенной газеты.

Кажется, трудно себѣ представить болѣе страдальческое положеніе, чѣмъ то, на какое была обречена политическая печать въ первое время имперіи. Назначеніемъ цензоровъ и даже официальныхъ редакторовъ независимыя газеты были доведены до

полнаго ничтожества въ политическомъ смыслѣ: амбарго, наложенное на ихъ доходы, вело къ разоренію ихъ собственниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, получить разрѣшеніе на изданіе новой газеты стало совершенно невозможно. Нѣкто Лекатръ хлопоталъ о дозволеніи ему издавать въ Монтаржи газету лишь для объявленій,—и въ этомъ ему было отказано. Докладчикъ изъ находившагося тогда при министерствѣ полиціи «бюро совѣщавій объ охраненіи свободы печати» (такъ называлось въ то время цензурное вѣдомство, официально, какъ бы не существовавшее) писалъ министру, что хотя, повидному, нѣтъ ничего невиннаго, какъ газета для объявленій, но что, во-первыхъ, въ той мѣстности уже есть такая газета, а во-вторыхъ, редакторы газетъ рѣдко умѣютъ хорошо держать себя и не оскорблять другихъ. Такимъ образомъ политическая печать была схвачена буквально за горло. Между тѣмъ, и это положеніе кажется Наполеону, Фуше и цензорамъ слишкомъ льготнымъ, и они угрожаютъ ей все новыми и новыми карами и стѣсненіями. Наполеонъ заявляетъ Талейрану, въ письмѣ отъ 6 марта 1806 года, о своемъ намѣреніи запретить газетамъ писать политическія статьи, а заставить ихъ воспроизводить у себя статьи «Монитѣра», официального журнала имперіи. Въ то же время, ему приходитъ въ голову остроумная мысль соединить духовные, т. е. католическіе журналы въ одинъ, который бы назывался «Journal des Curés» (Газета приходскихъ поповъ). Базилгула жалѣлъ, что у римскаго народа не одна голова, чтобъ ему было удобнѣе отрубить ее. Наполеонъ находилъ неумѣстнымъ, что въ разныхъ газетахъ пишутся разныя политическія статьи, когда можно имъ приказать перепечатывать статьи «Монитѣра», и считалъ бесполезнымъ существованіе нѣсколькихъ органовъ религіознаго или церковнаго содержанія, когда всѣхъ ихъ можно соединить, безъ дальнихъ разговоровъ, въ одинъ. Какія фантазіи могутъ придать въ голову людямъ, увѣрившимъ себя, что имъ все позволено!

И полицейскому управленію Наполеона I-го было дѣйствительно все позволено. За статью Шатобриана въ «Mercure de France», отъ 4 іюля 1807 года, Наполеонъ назначилъ этой газетѣ не только цензора (т. е. въ сущности главнаго редактора) въ лицѣ Легуве, но и трехъ другихъ непрошенныхъ соотрудни-

ковъ, въ лицѣ Лакретеля старшаго, Эменара и кавалера Пуоэ, принадлежавшихъ также къ цензорскому персоналу имперіи. О Шатобріанѣ же онъ, говорятъ, выразился такимъ образомъ: «не думаетъ-ли Шатобріанъ, что я дуракъ, что я его не понимаю? Да я его велю изрубить саблями на ступенькахъ Тюльери». Въ этой статьѣ, написанной по поводу «Путешествія по Испаніи» Делаборда, находились, между прочимъ, слѣдующія строки: «Муза часто изображала людскія злодѣянія, но въ языкѣ поэта есть нѣчто столь прекрасное, что самыя преступленія имъ, повидному, облагороживаются. Историкъ одинъ можетъ ихъ изображать, не ослабляя ихъ ужаса. Когда, среди подлаго безмолвія, не раздается никакихъ звуковъ, кромѣ звуковъ цѣпей и голоса доносчика, когда все дрожитъ передъ тираномъ и когда столь же опасно навлечь на себя его благосклонность, какъ и заслужить его немилость, тогда мщеніе народовъ возлагается на историка. Напрасно благоденствуетъ Неронъ—уже родился въ имперіи Тацитъ!» Вотъ тѣ строки, которыя привели въ ярость Наполеона, увидѣвшаго въ нихъ непріятную картину, словно лично его касающуюся. Вотъ за что «Меркурій Франціи» подвергся такой недостойной и унижительной карѣ.

Если такъ тяжело приходилось парижской печати, печати всемірнаго города, на который были устремлены, тогда особенно, взоры всей Европы, то не трудно представить себѣ, что дѣлалось въ это время съ провинціальною печатью. Мысль Наполеона о запрещеніи газетамъ помѣщать у себя другія политическія статьи, кромѣ тѣхъ, какія появились въ «Монитерѣ», осталась безъ исполненія относительно парижскихъ изданій, но она не заставила долго ждать своего примѣненія въ провинціи. Циркуляромъ министра полиціи, отъ 6-го ноября 1807 года, префектамъ предписывалось запретить издателямъ газетъ «помѣщать впредь въ ихъ листкахъ какую бы то ни было статью, относящуюся къ политикѣ, исключая тѣхъ, какія они могутъ списать со столбцовъ «Монитѣра». При этомъ прибавлялось, что всякое проявленіе духа независимости въ газетахъ должно быть строго наказываемо, и газеты должны быть безъ церемонія закрываемы. Чтобы дать почувствовать провинціальнымъ политическимъ изданіямъ еще болѣе тяжесть правительственной руки, они были обязаны платить двѣ двѣнадцатыхъ доли своего

скуднаго дохода въ кассу министерства полиціи. Но и эта униженная до послѣдней степени печать казалась все еще стѣснительною для правительственнаго произвола, и вотъ 7-го января 1809 г. былъ разосланъ префектамъ министерскій циркуляръ, которымъ, во исполненіе воли императора, требовалось, чтобы ни въ одномъ департаментѣ не было болѣе одной газеты, имѣющей право касаться политики.

Страшныя то были для политической печати времена. Когда въ государствѣ политическій гнетъ доходитъ до высокой степени, люди утѣшаютъ себя мыслью, что гнетъ этотъ достигъ грауса, дальше котораго онъ идти не можетъ. Нерѣдко и бываетъ, что съ точки, признаваемой многими верхомъ тягости положенія, начинается поворотъ въ другую сторону, и политическая атмосфера начинаетъ очищаться все болѣе и болѣе. Но едва ли не чаще политическимъ философамъ приходится ошибаться. За невыносимымъ состояніемъ наступаетъ еще болѣе несносное, и моментъ, когда должна наступить перемѣна въ воздухѣ, еще не такъ близокъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ указываютъ его политическіе философы. Такъ именно и было во Франціи во время Наполеона I-го. Какъ ни былъ страшенъ для писателей Фуше, начавшій свое гоненіе на печать еще при директоріи, сдѣлавшій его министромъ полиціи, но заѣвившій его генералъ Савари, герцогъ Ровиго, оказался еще страшнѣе. Достаточно было одного извѣстія объ его назначеніи, чтобы произвести всеобщую панику. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ по этому поводу въ своихъ «Запискахъ»: «Я наводилъ ужасъ на всѣхъ, всякій сталъ укладывать свои пожитки; только и было разговоровъ, что о ссылкахъ, тюремныхъ заключеніяхъ и еще того хуже. Я думаю, наконецъ, что извѣстіе о появленіи чумы на какой нибудь точкѣ берега не произвело бы большаго ужаса, чѣмъ мое назначеніе въ министерство полиціи». Опытъ показалъ, что опасенія были не напрасны. Савари прежде всего отличился тѣмъ, что представилъ императору въ Октябрѣ 1810 г. провѣтъ о новомъ сокращеніи числа парижскихъ газетъ, такъ чтобы ихъ оставалось не болѣе двухъ, и ужь никакъ не болѣе шести, которыя въ свою очередь должны быть подчинены строжайшей предварительной цензурѣ. Въ первомъ случаѣ онъ оставлялъ только «Moniteur Universel» и «Journal de Paris».

причемъ журналы чисто литературные и ученые оставались неприкосновенными. Во второмъ случаѣ, Савари предлагалъ оставить, кромѣ «Монитѣра», четыре ежедневныхъ политическихъ и литературныхъ газеты и одну еженедѣльную. При этомъ онъ распорядился частными газетами такимъ образомъ: къ «Journal de Paris» онъ присоединялъ «Petites Affiches» и «Journal des Modes»; съ «Gazette de France» онъ соединялъ «Journal de Commerce» и «Journal des Curés»; съ «Publiciste» сливалъ «Journal du Soir», «Courrier de l'Europe» и «Feuille économique». Еженедѣльная газета «Mercure de France» поглощала собой, по его плану, всѣ другіе еженедѣльники и «Journal des lettres et des arts».

Даже теперь становится жутко, когда представляешь себѣ это чудовищное отношеніе грубой солдатчины къ людямъ пера и представителямъ общественной мысли. На какой зараженной міазмами почвѣ должны были воспитаться дѣтели, подобные Савари, чтобы такъ варварски относиться не только къ литературѣ, но и къ частной собственности, соединенной съ литературными занятіями? Наполеонъ, однако, не былъ вполне доволенъ проэктомъ Савари, находя его недостаточнымъ, такъ какъ къ нему не были приложены необходимыя статистическія и біографическія свѣдѣнія. Поэтому проэктъ не былъ тотчасъ же приведенъ въ исполненіе. Въ слѣдующемъ (1811) году количество парижскихъ газетъ было дѣйствительно сокращено, но только не на шесть и не на двѣ, а на четыре. Были оставлены, кромѣ «Монитѣра», лишь «Journal de l'Empire» (прежній «Journal des Débats»), «Gazette de France» и «Journal de Paris». Кажется, послѣ этого правительство, вооружившееся, вдобавокъ еще, по декрету 5 февраля 1810 года, всѣми орудіями пытки противъ писателей, которые бы желали въ чемъ нибудь оказаться строптивыми, могло успокоиться, или лучше, оставить въ покоѣ хотя эту ничтожную горсть журналистовъ, лишенныхъ, къ тому же, всякой возможности вредить ему? Не тутъ-то было. Наполеонъ придумалъ еще новый ударъ, который былъ дѣйствительно послѣднимъ. Онъ конфисковалъ всю собственность оставшихся еще газетъ, объявивъ ее собственностью государства.

Первою жертвою этой проскрипціи сдѣлался владѣлецъ «Journal des Débats», переименованнаго въ «Journal de l'Empire».

Вотъ что по этому поводу говоритъ г. Вельшингеръ: «Императоръ раздѣлилъ ее (собственность газеты) на двадцать четыре части: восемь изъ нихъ онъ отдалъ полиціи, а шестнадцать остальныхъ распредѣлилъ между царедворцами и такими литераторами, какъ Було-де-ла-Мёртъ, Корветто, Реаль, Сольше. Денонъ, Фьевэ, Мунье, де-Боссэ, де-Жерандо. Конфискація была произведена до того строго, что схватили даже кассу, бумагу и мебель, не давши какого бы то ни было вознагражденія Бертенамъ, собственникамъ газеты... Декретъ 18 февраля 1811 года приводилъ въ оправданіе этой конфискаціи слѣдующія основанія: доходы газетъ могли сдѣлаться собственностью не иначе, какъ въ силу именно концессіи государя; но этой концессіи не было, а предприниматели получали значительныя прибыли, которыхъ ихъ въ широкой мѣрѣ вознаграждали за всѣ ихъ жертвы; наконецъ, всѣ средства вліянія на редакцію должны принадлежать лишь людямъ вѣрнымъ, извѣстнымъ своею привязанностью къ императору и удаленіемъ отъ всякихъ сношеній и вліяній заграничныхъ. Въ силу этихъ мотивовъ, предпріятіе уступалось обществу акціонеровъ, назначенныхъ правительствомъ. Одна часть акцій назначена была на поощреніе и вознагражденіе литераторовъ, другая на вознагражденіе такихъ-то и такихъ-то лицъ за услуги, оказанныя императору. Акціонеры должны были устроить администрацію газетъ, утверждать торговыя сдѣлки и расходы, назначать типографа, кассира, бухгалтера и сотрудниковъ, подъ контролемъ министерства полиціи. Семь мѣсяцевъ спустя, декретъ, данный изъ Компьени 17 сентября, докончилъ это дѣло разграбленія, и собственность всѣхъ газетъ попала во власть государства».

Ближе характеризовать эту разбойническую мѣру нѣтъ нужды. Всякій понимаетъ, что такая мѣра недостойна государственной власти, сколько нибудь законной и правильной. Въ данномъ случаѣ она явилась лишь вѣнцомъ дѣйствій правительства узурпаторскаго, которое не могло держаться законными средствами и которое потеряло уже способность отличать дозволенное отъ недозволеннаго. Но теперь уже и этому правительству въ борьбѣ съ политической печатью дальше идти было некуда. Не стало этой печати или, по крайней мѣрѣ, того, что имѣло бы право назваться этимъ именемъ. Провинціальныя газеты еще раньше

были лишены права разсуждать о политикѣ иначе, чѣмъ перепечаткой статей «Монитѣра», а теперь имъ предписывалось и вовсе ничего не обнародовать, кромѣ «объявленій мѣстнаго интереса и извлеченій изъ парижскихъ журналовъ, находящихся подъ непрерывнымъ надзоромъ», какъ это значится въ предписаніи министра полиціи отъ 21-го марта 1811 года. Въ парижскихъ же газетахъ, кромѣ литературной части, представляли теперь вѣсколько живой интересъ лишь отчеты о гражданскихъ, уголовныхъ и исправительныхъ процессахъ, и статьи, сюда относящіяся. Но министръ полиціи призналъ за благо сдѣлать распоряженіе, чтобъ впредь печатать и по этой части лишь то, что будетъ прислано газетамъ судебною властью.

Въ мірѣ человѣческомъ все такъ устроено, что зло, не нанесшее себѣ достаточнаго сопротивленія извнѣ, находитъ свои границы въ самомъ себѣ. Тѣ самые люди, которые одинъ передъ другимъ изошрялись въ комбинаціяхъ довести значеніе политической печати до нуля, стали теперь тревожиться размѣрами торжества, ими достигнутаго, и хлопотать о томъ, чтобы сдѣлать газеты сколько нибудь интересными. И вотъ начинается въ полицейско-цензурной средѣ гоньба за отысканіемъ невинныхъ сюжетовъ, которые могли бы развлечь публику. Агенты Савари то затѣваютъ ожесточенную полемику противъ почтенныхъ сочиненій, думая вызвать ихъ авторовъ на отвѣтъ, чтобы тѣмъ, по ихъ выраженію, «забавлять людей праздныхъ и занимать любопытныхъ», то устраиваютъ бой между приверженцами французской музыки съ любителями итальянской. «Въ настоящее время—пишетъ цензоръ Ламонтѣ министру—большая скудость въ новостяхъ литературныхъ и театральныхъ. Это лучшая пища для праздныхъ людей Парижа, и когда они ея лишены, они изошряются въ предположеніяхъ насчетъ политики. Испанія занимаетъ тогда мѣсто Théâtre Français, Россія—мѣсто мюзикъ, и правительство становится мишенью всѣхъ любителей юворить, потому что имъ не остается дѣлать ничего лучшаго. Нѣсколько живой споръ о предметахъ искусства и литературы былъ бы въ настоящій моментъ какъ нельзя болѣе кстати. Мы вѣдемся, не трудно завести его при помощи газетъ, но, къ несчастью, всѣ онѣ сдѣланы на одинъ фасонъ и не возбуждаютъ никакого интереса. Заставивши принять

каждую газету свою роль, можно завести борьбу мнѣній, которая удивительно забавляет публику и достаточна для того, чтобы дать пищу салоннымъ разговорамъ». Развивая дагѣе свою мысль и заявляя, что ни одинъ предметъ не можетъ въ настоящее время (это было наканунѣ войны съ Россіей 1812 года) такъ занять публику, какъ споръ о музыкѣ, Ламонтэ продолжаетъ: «Если ваше превосходительство одобряете идею, которую я имѣю честь повергнуть на ваше усмотрѣніе, то я начну не пріязненные дѣйствія въ «Journal de l'Empire» черезъ одного любителя итальянской музыки и предупреджу конфиденціально г. Лакретеля (другаго цензора), чтобы боевъ за французскую музыку явился вооруженнымъ съ ногъ до головы въ «Gazette de France». Эта маленькая война можетъ продолжаться нѣкоторое время и сдѣлать нѣкоторую диверсію для большой».

Но вотъ началась и эта большая, страшная война Франціи съ Россіей. Ужасъ наполнилъ сердца французовъ, узнавшихъ о бѣгствѣ изъ Москвы, переправѣ черезъ Березину и о гибели великой арміи за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины. И тутъ газеты не смѣютъ разсуждать о политикѣ, иначе какъ по предписанію цензуры. Наполеонъ находитъ ихъ оффиціозное усердіе недостаточнымъ, говоритъ, что онѣ редактируются глупо. Но еще не много, и вся эта гнусная система управления, основанная на лжи и насиіи, рухнула. И какъ рухнула!

Всегда такъ бываетъ, что злѣйшими врагами павшаго правительства являются не жертвы его произвола, а люди, которые, служа ему изъ корыстныхъ видовъ или страха ради, считались его вѣрными и надежнѣйшими опорами. Тотъ самый цензоръ Лакретьель, который готовъ былъ за деньги на всякую услугу, который получилъ, благодаря своимъ отношеніямъ къ правительству, кафедру въ Сорбоннѣ и былъ обязанъ ему даже кресломъ въ академіи, который еще недавно въ академическомъ рѣчи говорилъ, что Наполеонъ «создалъ больше памятниковъ чѣмъ Августъ, въ такое время, когда онъ одержалъ больше побѣдъ, чѣмъ Кесарь»,—даже эта креатура, всѣмъ обязанная своему покровителю, затѣмъ писала, что божество попускало Бонапарту долгое время одерживать успѣхъ только для того, «чтобы вселить въ нему навсегда ужасъ». Та самая г-жа Жанлисъ, въ

торая, получая отъ императора по пятисотъ франковъ въ мѣсяцъ, представляла ему донесенія о вредныхъ литературныхъ стремленіяхъ и преслѣдовала г-жу Сталь съ непримиримымъ ожесточеніемъ, писала затѣмъ въ своихъ «Запискахъ»: «Наполеонъ злоупотреблялъ всѣмъ—славой, побѣдой, могуществомъ и своимъ дѣятельнымъ и предприимчивымъ гениемъ. Провидѣніе вдругъ ниспровергло это страшное могущество, которое столькихъ унизило». Чтò въ этомъ удивительнаго, когда самъ сенатъ имперіи, провозглашая, 13-го апрѣля 1814 года, низложеніе своего господина, передъ которымъ еще такъ недавно унижался, не находилъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы высказать свое негодованіе къ Наполеону Бонапарту. Въ своемъ знаменитомъ протоколѣ, составленномъ по этому случаю, онъ обвинялъ низлагаемаго императора, между прочимъ, и въ томъ, что при немъ «свобода печати, установленная и освященная, какъ одно изъ правъ націи, была постоянно подчинена произвольной полицейской цензурѣ, и что онъ въ то же время пользовался печатью для того, чтобы наполнить Францію и Европу вымышленными фактами, ложными правилами, ученіями, благопріятными деспотизму, и оскорбленіями, направленными противъ иностранныхъ правительствъ». Странными кажутся эти строки послѣ того, какъ тотъ же сенатъ, заключая въ средѣ своей коммисіи, назначеніе которой было именно отстаивать свободу печати, ни разу не поднялъ въ защиту ея своего голоса и самыя чудовищныя нарушенія этой свободы оставлялъ безъ вниманія; странными нѣ кажутся послѣ тѣхъ многочисленныхъ адресовъ, которые тотъ почтенный «*Sénat conservateur*» наполнялъ выраженіями лагодарности, вѣрности, любви, преданности и уваженія. Него, послѣ этого, удивляться, что паденіе деспота было встрѣено криками радости въ тѣхъ самыхъ газетахъ, въ которыхъ, лагодаря тому, что онъ находились въ полномъ распоряженіи олицейской цензуры, еще наканунѣ онъ назывался «истолкователемъ воли неба», «исполнителемъ божественныхъ опредѣленій» «*верховнымъ распорядителемъ судебъ міра*» *).

Извѣстно, что однимъ изъ первыхъ актовъ Наполеона по возвра-

*) Мы пользуемся при этомъ случаѣ исключительно данными, собранными въ книгѣ г. Вельлингера.

щеніи съ острова Эльбы было возстановленіе свободы печати. возстановленіе полное и искреннее, не нарушенное во весь періодъ ста дней ни однимъ фактомъ малѣйшаго насилія, не смотря на то, что газеты не церемонились въ нападкахъ на возвратившагося императора и доходили даже до того, что прямо зывали къ убійству бывшаго тирана. Теперь наиболѣе энергичнымъ защитникомъ этой свободы явился Фуше, тотъ самый Фуше, который еще во время директоріи, и затѣмъ во время консульства, закрывалъ газеты десятками за одинъ разъ. Но это былъ защитникъ лицемѣрный, который, перешедши послѣ вторичнаго паденія Наполеона къ Бурбонамъ, также въ качествѣ министра полиціи, опять подчинилъ періодическую печать цензурному надзору. Самъ же Наполеонъ остался вѣренъ тѣмъ возрѣніямъ на печатное слово, съ какими онъ явился во Францію съ острова Эльбы. Находясь на островѣ св. Елены, онъ говорилъ: «Сынъ мой будетъ обязанъ царствовать со свободой печати. Нынѣ это необходимость».

Никогда позднѣе раскаяніа чловѣка не имѣли большаго значенія, какъ урокъ будущему.

Развитіе періодической печати въ странѣ мы считаемъ весьма важнымъ фактомъ ея культурной жизни. Не говоря о тѣхъ услугахъ, какія журналы и газеты оказываютъ распространенію знаній, пробужденію интереса къ умственной жизни, развитію общественныхъ инстинктовъ въ народной массѣ, фактъ этотъ важенъ и, въ другомъ отношеніи. Онъ является живымъ свидѣтелемъ того, что въ обществѣ есть движеніе, что у него есть разнообразныя умственныя, нравственныя и политическія стремленія, что эти стремленія не подавляются насильственно, а находятъ для себя выраженіе, по крайней мѣрѣ, въ словѣ, если не въ практической жизни. Въ наше время, по степени развитія періодической печати можно безошибочно судить о степени политической свободы и общественнаго развитія. Чѣмъ больше въ странѣ журналовъ и газетъ, чѣмъ они разнообразнѣе по содержанію и по направленію, тѣмъ, значитъ, народъ свободнѣе, тѣмъ больше простора его естественнымъ стремленіямъ, тѣмъ, значитъ, жизнь его течетъ полнѣе, правнѣе.

Всего ихъ больше, какъ извѣстно, въ Соединенныхъ Штатахъ
Зверной Америки: п гдѣ же, какъ не тамъ, человѣку предоставле-
но больше простора для развитія своихъ силъ? гдѣ онъ дѣятельнѣе
предпримчивѣе? гдѣ онъ свободнѣе? гдѣ онъ больше сознаетъ
вое значеніе? гдѣ онъ, наконецъ, чувствуетъ себя счастливѣе,
овольнѣе? Съ другой стороны, колоссальное развитіе печати въ
англій, во Франціи, въ Германіи развѣ не стоитъ въ согласіи
съ тѣмъ мощнымъ развитіемъ культурныхъ силъ, которое даетъ
тимъ государствамъ преобладающее значеніе въ европейской
жизни, искусствѣ, торговлѣ, промышленности? Развѣ не обще-
звѣстенъ фактъ, что во всякой европейской странѣ, какъ
только прекращаются или ослабляются препятствія, задерживаю-
щія національное или государственное развитіе, пробужденіе
или сейчасъ же отражается на развитіи періодической печати,
которая мгновенно становится неузнаваема по духу и оживле-
нію? Трудно даже представить себѣ, какой глубокой въ этомъ
отношеніи переверотъ совершился въ Италіи со времени освобож-
денія ея отъ иностранныхъ династій и послѣ національно-полити-
ческаго объединенія. Этой бездны газетъ, которая теперь осаж-
детъ путешественника по Италіи съ той минуты, какъ онъ
ступилъ въ Венецію или Миланъ, не было и въ поминѣ. И
газеты эти все разныя: свои въ Миланѣ, свои въ Венеціи,
свои въ Туринѣ, Генуѣ, Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ, свои во
всѣхъ городахъ, имѣющихъ хоть какое-нибудь значеніе. Какая
ремѣна въ этомъ отношеніи произошла также во Франціи послѣ
денія второй имперіи! Тутъ уже вновь появившіяся изданія счи-
ются не сотнями, а тысячами. Даже въ Россіи мы дважды испы-
ли въ томъ же отношеніи значительное оживленіе, прямо
званное пробужденіемъ преобразовательной дѣятельности въ
шей странѣ, одинъ разъ въ началѣ, а другой въ концѣ прош-
го царствованія. Словомъ, развитіе и оживленіе періодиче-
ской печати служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ политиче-
ского и общественнаго роста страны, доказательствомъ суще-
ствующаго или пробудившагося въ ней стремленія развитъ
и духовныя и матеріальныя силы, тогда какъ пониженіе го-
ла этой печати, сокращеніе количества ея органовъ, суже-
содержанія и разнообразія въ направленіяхъ являются оче-
ными признаками увяданія общественнаго организма, ненор-

мальнаго положенія дѣлъ въ государствѣ, прискорбнаго кризиса въ народной жизни.

Въ началѣ настоящаго столѣтія періодическая печать, говоря вообще, еще не играла той могущественной роли, какая досталась ей въ удѣлъ впоследствии, и какой она достигла особенно въ наше время. Въ прошломъ вѣкѣ, которому наполеоновское время служило непосредственнымъ продолженіемъ и даже, можно сказать, заключеніемъ, книга значила гораздо больше, чѣмъ въ наши дни. Тогдашнее общество искало въ журналахъ и газетахъ новостей дня, слѣдило по нимъ за придворными, военными и политическими событіями, но не дѣлало изъ нихъ для себя единственнаго чтенія, какимъ журналы и газеты стали для большинства читающей публики настоящей эпохи. Оно искало идей, образованія своего ума въ сочиненіяхъ философовъ, историковъ, политиковъ, юристовъ, поэтовъ. Оно читало Монтескьё, Вольтера, Руссо, Дидро, «Энциклопедію», Гиббона, Юма, Адама Смита, Шекспира, Корнеля, Расина, Мольера, читало, наконецъ, Платона, Виргилія, Сенеку, Плутарха въ многочисленныхъ переводахъ, рассчитанныхъ прямо на массу образованныхъ читателей. Если смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то жестокое гоненіе, воздвигнутое Наполеономъ на политическую журналистику, не могло нанести особеннаго вреда тогдашнему общественному развитію, имѣвшему подкладкой не только длинный историческій опытъ, но и хорошее литературное и философское образованіе.

Оно такъ и было бы, еслибы наполеоновская цензура и полиція преслѣдовали только политическія газеты и вообще періодическую печать во Франціи. Но эта цензура и полиція или, пожалуй, эта полицейская цензура преслѣдовала не только газеты, но и книги, и не только политическаго содержанія, но и литературнаго, философскаго и даже научнаго, преслѣдовала книги не только новыя, но и старыя. Самъ Наполеонъ терпѣть не могъ идеологовъ и даже философовъ, какъ онъ называлъ людей, политическія теоріи которыхъ не совпадали съ хищническими принципами имперіи, и требовалъ, чтобы цензура, постепенно усиливаемая «для охраны свободы печати», въ разныхъ формахъ, пока наконецъ не была водворена «формально декретомъ 5 февраля 1810 года, подъ именемъ главнаго управ-

ленія по дѣламъ книгопечатанія и книжной торговли (*Direction générale de l'imprimerie et de la librairie*),—не только не допускала появленія неблагонамѣренныхъ книгъ и брошюръ, но и старалась направлять общественное мнѣніе въ пользу имперіи. Слуги его, исполняя волю господина, шли обыкновенно въ своемъ продажномъ усердіи дальше, чѣмъ это нужно было для своекорыстныхъ цѣлей правительства, и нерѣдко ставили его въ смѣшное положеніе. Ихъ ревность не по разуму доходила до того, что они обрѣзывали стихи Корнеля и Расина, и даже вычеркивали цѣлыя пьесы изъ классическаго репертуара *Théâtre-Français*. «Да эти цензоры хотятъ меня сдѣлать ненавистнымъ и смѣшнымъ! Эти цензоры совсѣмъ нелѣпы! Да этотъ господинъ слишкомъ большой дуракъ! Ему годится быть не цензоромъ, а рыночнымъ надсмотрщикомъ! Выгнать его!» Въ такихъ выраженіяхъ многократно изливаетъ свою злобу на представленныхъ къ печати стражей человѣкъ, который дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать изъ литературы послушную рабу своей политики, но не понималъ произвола безцѣльнаго и бессмысленнаго, который только возбуждалъ раздраженіе и негодованіе противъ правительства, не имѣя для себя даже и самаго грубаго оправданія въ цѣляхъ наполеоновской политики. «Рѣшительно цензура ни на что не годится», сказалъ онъ наконецъ въ тяжелую для себя минуту, когда уже началось полное крушеніе имперіи.

Слова, вырвавшіяся изъ устъ императора, преслѣдуемаго судьбой, были исполнены большой горечи. Но это было слишкомъ позднее и одностороннее сознаніе своего заблужденія. Его цензоры — разные Лакретели, Эсменары, Ламонтэ, Этъени — и ихъ начальники—Порталисы и Поммэрейли, министры полиціи Буше и Савари, наконецъ особья лица, избранныя для наблюденія а литературую имъ самимъ, какъ г-жа Жанлисъ, извѣстный филологъ Лемэръ, бывший депутатъ національнаго собранія Монозье—весь этотъ народъ, включая сюда и сенатскую комиссію, называвшуюся комиссіей с в о б о д ы п е ч а т и (!), слишкомъ хопшо доказалъ, что если цензура не послужила имперіи на пользу, о не въ этомъ ея главное осужденіе. Ея вина передъ исторіею въ томъ, что она употребляла всѣ усилія, чтобы развратить литературу, обезличить, обезсилить, если не въ конецъ загу-

бить ее. И въ этомъ представители ея слѣдовали внушеніямъ, прямо или косвенно исходившимъ изъ кабинета, сначала перваго министра, а затѣмъ императора; стремились угождать его вкусамъ, — вкусамъ человека, заявившаго свой взглядъ на свободу печати, между прочимъ, въ такихъ выраженіяхъ: «Для меня очень важно, чтобы могли печатать только люди, пользующіеся довѣріемъ правительства». Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ не только писатели, но и типографіи и книгопродавцы были людьми преданными его политикѣ. Можно себѣ представить, какія времена настали для литературы при такомъ возрѣвнн на печатное слово со стороны деспотическаго правительства и при цѣлой арміи лжидытъ его служителей, готовыхъ изъ-за денегъ на всякую гнусность.

Авторъ книги «о цензурѣ во время первой имперіи» приводитъ немало фактовъ въ подтвержденіе того, какъ жестокѣе обращалась полиція съ авторами книгъ политическаго содержания во время консульства и въ первые годы имперіи, писались ли эти книги роялистами, или республиканцами, стихами или прозою. Конфискуя книги, полиція прибѣгала и къ власти надъ личностью писателей, и не только авторы, но и содержатели типографіи, гдѣ печатались сочиненія съ неприятымъ для правительства политическимъ оттѣнкомъ, упрятывались въ тюрьмы, какъ преступники, или даже сажались въ сумасшедшій домъ, какъ это случилось съ нѣкимъ поэтомъ Дезоргомъ, употребившимъ въ одной изъ сочиненныхъ имъ пѣсенъ притѣвъ:

„Oui, le grand Napoléon
Est un caméléon.“

Но вскорѣ стали преслѣдоваться не только политическіе памфлеты, не только книги съ политическою тенденціей, явно враждебной «великому Наполеону», но даже и такія книги, которыя никогда и нигдѣ не подвергаются цензурному гоненію. Такъ, ичѣмъ нельзя оправдать гоненія на Тацита, хотя къ нему французскій императоръ и чувствовалъ объяснимую до нѣкоторой степени ненависть. Онъ имѣлъ неосторожность публично высказать свое неудовольствіе по поводу перевода сочиненій великаго римскаго историка, сдѣланнаго извѣстнымъ египтологомъ и знатокомъ жизни древнихъ, Дюро-де-Ламаллемъ. Изъ ненависти

ъ Тациту, Наполеонъ запретилъ трагедію Жозефа Шенье «Тирерій» и поднялъ бурю по поводу стихотворнаго «Посланія къ Юльтеру», написаннаго тѣмъ же Шенье; гдѣ между прочимъ аходились слѣдующіе стихи:

Nos Verrès que du peuple enrichit l'indigence
Entendent Cicéron provoquer leur sentence;
T a c i t e en traits de flamme accuse nos Séjans
Et son nom prononcé fait pâlir les tyrans!..

Авторъ этихъ, въ сущности невинныхъ стиховъ, занимавшій должность инспектора университета, былъ лишенъ мѣста, а цензура поняла, какъ теперь ей слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы годить императору. Она накинулась съ ожесточеніемъ на сочиненія о революціи, писанныя роялистами, производила обыски въ книжныхъ магазинахъ и безжалостно конфисковывала въ нихъ же старыя книги, принадлежащія къ этой категоріи. Входя же болѣе и болѣе во вкусъ къ насилію, она стала запрещать иже такія книги, какъ «Историческій очеркъ римскаго права», аходя, что невольное сопоставленіе читателемъ вѣвъ Августа въ временемъ Наполеона можетъ дать ему несовсѣмъ выгодное редставленіе о современной власти. Такое положеніе вещей язалось невыносимымъ. О чемъ, наконецъ, писать, когда яльзя было безъ опасенія упомянуть имени Тацита и когда асторія римскаго права становится предметомъ, изученіе котоаго также является опасностью для существующаго порядка, акъ и нѣсколько словъ въ защиту Лудовика XVI? При такомъ дозрительномъ настроеніи власти къ произведеніямъ печати, янятно, почему «Мученики» Шатобріана явились истиннымъ аченіемъ для цензуры, которой было не легко запретить соиненіе автора съ громкимъ именемъ и притомъ сочиненіе акого высокаго содержанія, но которая вѣсть съ тѣмъ не могла, а словамъ самого Шатобріана, не замѣтить поразительныхъ аменковъ въ портретѣ Галерія и въ изображеніи двора Діоклеана. Въ данномъ случаѣ, правительству ничего не оставалось адать, какъ дать приказаніе политическимъ и литературнымъ аетамъ уничтожить (!) книгу рѣзкими и презрительными отавами, какъ это и теперь водится въ нѣкоторыхъ государавахъ относительно писателей, принадлежащихъ къ оппозиціи.

Возстановленіе, декретомъ 5-го февраля 1810 года, навѣки

упраздненной предварительной цензуры дало императорскому правительству полную возможность предупреждать появленіе сочиненій, ему неприятныхъ, причемъ усилены были до крайности полномочія по отношенію къ преслѣдованію и напечатаннымъ сочиненій вмѣстѣ съ ихъ авторами и издателями. Прежде всего испытали на себѣ тяжелую руку главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія и книжной торговли уже напечатанныя роялистскія и религіозныя сочиненія. Г. Вельшингеръ указываетъ на цѣлый рядъ такихъ сочиненій, немедленно подвергшихся конфискаціи, а именно: на «Procès des Bourbons», сочиненіе, которымъ имѣлось въ виду возбудить живой интересъ къ королевской фамиліи, на «Maximes de Louis XVI», «Correspondance de Louis XVI», «Cimetière de la Madeleine» и др. Вмѣстѣ съ конфискаціей такого рода сочиненій предприняты были аресты книгопродавцевъ Делонэ и Леружа. Цензура, проводимая своимъ начальникомъ Порталисомъ, начала дѣйствовать такъ усердно, что возбудила даже къ себѣ зависть въ полиціи. Эта послѣдняя постаралась доказать своей соперницѣ, что въ дѣлѣ преслѣдованія недружелюбныхъ имперіи писателей можно проявить такую дѣятельность, передъ которой цензурныя строгости могутъ показаться только поблажками. Горькіе плоды такого соперничества полиціи съ цензурой испытала на себѣ во всей силѣ знаменитая г-жа Сталь по поводу своего наиболѣе громкаго сочиненія: «О Германіи».

Упорныя, неумолимыя преслѣдованія, которымъ подвергалась дочь знаменитаго финансиста Неккера, жена барона Эриха Магнуса Сталь-Гольстейна, во все время Наполеоновской диктатуры, принадлежатъ болѣе политической, чѣмъ литературной исторіи Франціи, и составляютъ фактъ общезавѣстный. Но г. Вельшингеръ открылъ массу новыхъ документовъ, сюда относящихся и рисующихъ поразительными чертами всю мелочность и жестокость преслѣдованія, какъ самимъ Наполеономъ, такъ и его полиціей, женщины, открывшей на другой день послѣ 18-го брюмера свой салонъ для либеральной оппозиціи. Мы оставляемъ однако всю эту эпопею въ сторонѣ, за исключеніемъ ея послѣдней части, начинающейся съ того момента, когда было приступлено къ печатанію сочиненія «О Германіи».

Издатель этого сочиненія, согласно постановленіямъ декрета

5-го февраля 1810 года, представилъ его въ цензуру, которая не нашла причинъ воспротивиться его печатанію. Когда это печатаніе началось, то г-жа Сталь, которой давно уже было запрещено приближаться къ Парижу ближе, чѣмъ на 40 лье, пріѣхала изъ Швейцаріи въ Францію и остановилась въ замкѣ Шомонъ на Луарѣ (Chaumont—sur Loire), съ тѣмъ чтобы слѣдить за ходомъ печатанія своей книги и исправлять ея корректуру. О своемъ желаніи приблизиться къ заповѣдной чертѣ, которая ее отдѣляла отъ столицы Франціи, она увѣдомила полицію и сообщила ей причину такого желанія. При ней былъ паспортъ, дозволявшій ей, вмѣстѣ съ ея старшимъ сыномъ, отправиться черезъ Францію въ Америку. Полиція, внимательно слѣдившая за всѣми движеніями гонимой женщины, узнала, что, живя въ Шомонѣ или въ Фоссѣ у графа Салаберри, она имѣла свиданіе съ нѣкоторыми роялистами и иностранцами, между прочимъ, съ Бенжаменомъ Констаномъ, съ М-те Рекамье, Матье-де-Монморанси, съ Барантами—отцомъ и сыномъ, и съ однимъ русскимъ намергеромъ. Результатомъ такого полицейскаго освѣдомленія было то, что г-жа Сталь вдругъ получаетъ отъ мѣстнаго префекта предписаніе: въ теченіе 48 часовъ выѣхать въ Америку или въ Коппэ, т. е. въ ея швейцарское имѣніе. Предписаніе это шло отъ министра полиціи Савари и послано было префекту 24 сентября 1810 г. Въ то же время, въ Парижѣ всѣ уже готовые листы ея книги (цѣлыхъ два тома) были опечатаны, а къ дверямъ типографіи приставленъ караулъ.

Арестъ, наложенный на сочиненіе г-жи Сталь полиціей, безъ вѣдома цензуры, которая оканчивала разсмотрѣніе 3-го тома и не сдѣлала никакихъ препятствій къ печатанію двухъ первыхъ, задѣлъ самолюбіе начальника цензуры, Порталиса, и заставилъ его указать въ письмѣ къ министру полиціи, хотя и въ оффиціально-вѣжливыхъ формахъ, на нарушеніе полиціей постановленія закона 5-го февраля 1810 года. Въ оправданіе этого нарушенія, онъ могъ представить себѣ только какія-либо спеціальныя побужденія, которыхъ ему касаться не слѣдуетъ. Но протестъ начальника цензуры не помогъ дѣлу: верхъ остался за министромъ полиціи, сославшимся на «особенныя обстоятельства». Много было уже и того, что онъ согласился освободить типографію отъ караула и отсрочить удаленіе г-жи Сталь изъ предѣловъ Франціи.

Цензура, даже и послѣ ареста сочиненія, не нашла причинъ запретить его обнародованіе. Она потребовала лишь исключенія или измѣненія нѣкоторыхъ мѣстъ, въ сущности очень невинныхъ, какъ напр. слѣдующее: «Одна умная женщина сказала, что Парижъ былъ такимъ мѣстомъ въ мірѣ, гдѣ можно было всего лучше обойтись безъ счастья», или слѣдующее: «Пламенное геройство принца Лудовика (Прусскаго) должно бросить еще нѣкоторую славу на его товарищей по оружію», или слѣдующее: «Какъ только начинаешь считаться съ обстоятельствами, все потеряно, такъ какъ нѣтъ никого, кто не имѣлъ бы обстоятельствъ»... Остальныя опасности мѣста, числомъ восемь, всѣ въ такомъ же родѣ. Авторъ согласился измѣнить ихъ или пожертвовать ими, лишь бы видѣть плоды своихъ шестилѣтнихъ трудовъ въ рукахъ у общества. Уже была г-жею Сталь прочитана послѣдняя корректура 3-го тома, уже книгопродавецъ увѣдомилъ ее, что цензура позволила выпустить книгу, какъ вдругъ сынъ присылаетъ ей извѣстіе, что книгу не выпускаютъ, что книгу хотятъ уничтожить. Это было 28 сентября, а 29-го префектъ, графъ Корбиньи, потребовалъ отъ нея выдачи корректурныхъ листовъ и рукописей. Бѣдная женщина выдала корректуры, а относительно рукописи заявила, что еще не получила ее изъ Парижа, но что даетъ слово доставить и ее. Въ такомъ смыслѣ префектъ донесъ министру полиціи. На самомъ дѣлѣ рукопись находилась въ рукахъ вѣрныхъ людей, а правительству, ни за что не хотѣвшему выпустить книги, какія усилія ни употреблялъ къ тому ея авторъ, была вручена лишь плохая копія, которою оно и удовольствовалось. Конецъ этой исторіи состоялъ въ томъ, что авторъ книги былъ удаленъ изъ Франціи, а сама книга до послѣдняго листка была изорвана, типографскій же наборъ ея уничтоженъ. Г. Вельшингеръ совершенно кстати вспоминаетъ при этомъ отвѣтъ министру полиціи, данный г-жею Рекамье по случаю передачи ей заявленія Наполеона, что она можетъ ѣхать въ Коппе къ г-жѣ Сталь, но что этимъ она подвергаетъ себя опасности не возвратиться въ Парижъ: «Можно простить великому человѣку слабость любить женщинъ, но не слабость ихъ бояться»...

Поступокъ наполеоновской полиціи съ «Германіей» г-жи Сталь показываетъ, до какого плачевнаго состоянія доведена бы-

ла литература въ послѣдніе годы имперіи. Запрещались и уничтожались книги, даже дозволенные цензурой. Но и этого мало. Преслѣдовались не только книги, издаваемые во Франціи, но и обнародованныя за границей—въ Голландіи, въ Германіи, въ Италиі, и авторы ихъ подвергались гоненіямъ даже и за предѣлами Франціи: необыкновенно длинны были руки у наполеоновскаго правительства. Разсмотрѣвши одну книгу, изданную въ Голландіи, парижскій цензоръ не задумался предложить Савари написать слѣдующее письмо къ главному начальнику полиціи въ Голландіи: «Я поручаю вамъ, милостивый государь, арестовать автора и типографщика памфлета подъ заглавіемъ «*Secret physico-chimique etc.* Соблаговолите дать мнѣ отчетъ относительно (исполненія) этого приказанія». Вотъ до чего дошла цензура, видя постоянные аресты писателей и содержателей типографій въ своемъ отечествѣ! Вообще цензоры въ это время принимали на себя слишкомъ много: они преслѣдовали не только то, что имъ казалось враждебнымъ Наполеону, но иногда и то, что, по ихъ мнѣнію, обладало недостаточнымъ талантомъ въ его восхваленію. Аббатъ Aillaud вздумалъ воспѣть подвиги Наполеона въ Египтѣ и написалъ историческую поэму подъ заглавіемъ «Египтіада». Цензоръ, къ которому это произведеніе поступило на разсмотрѣніе, дѣлаетъ такую резолюцію: «не такому слабому сочиненію подобаешь прославлять его величество. Ему нужно Гомера».

До чего дожила тогда Франція! Какая военная слава могла искупить тяжесть столь неестественнаго внутренняго положенія, положенія, унижительнаго до послѣдней степени и обиднаго для всякаго общества, тѣмъ болѣе для такого, которое до того времени такъ гордо держало голову передъ остальною Европой, ведя ее за собой проповѣдью свободы и прогресса. Да и долго ли пришлось ей наслаждаться этой военной славой, такъ дорого купленной?.. Внѣшнее униженіе страны и новыя внутреннія потрясенія—вотъ что было плодомъ политики, поправшей ногами общественную самодѣятельность, стремившейся задушить въ зародышѣ всякій свободный и независимый голосъ, который могъ бы обратить вниманіе на то, что подъ ногами страны раскрывается бездна.

Мы уже говорили, какъ, возвратясь съ острова Эльбы,

Наполеонъ раскаялся въ своихъ преступленіяхъ противъ печати и поставилъ ей свободу однимъ изъ догматовъ своего новаго управленія. «Свобода печати прежде всего», говорилъ онъ Бержамеу Констану, призвавши его въ Тюльери для совѣщанія о новой конституціи. «Душить ее (печать) нелѣпо; эта статья—дѣло рѣшенное»—прибавилъ онъ въ заключеніе. Мы приведемъ также раньше слова императора, сказанныя имъ въ одинъ изъ печальныхъ дней его пребыванія на островѣ св. Елены, слова, въ которыхъ онъ призналъ невозможность управлять нынѣ безъ свободы печати. Нѣтъ большаго торжества для истины, какъ то, когда начинаютъ ее исповѣдывать во всеуслышаніе наиболѣе жестокие ея гонители.

В. Модестовъ.

Къ вопросу о распространеніи грамотности въ русскомъ народѣ.

I.

Вопросъ о всеобщемъ обязательномъ начальномъ обученіи занималъ у насъ въ семидесятыхъ годахъ какъ людей земскихъ, такъ и правительственныхъ. Еще съ 1866 года стали поступать въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайства отъ различныхъ земствъ—дозволить ввести обязательное обученіе по нѣкоторымъ губерніямъ или уѣздамъ. Разработка этого вопроса въ министерствѣ была поручена тайному совѣтнику А. С. Воронову, котораго никакъ нельзя упрекнуть, что онъ безъ усердія занялся этимъ дѣломъ. На немъ, какъ извѣстно, положилъ свою жизнь этотъ трудолюбивый и добросовѣстный другъ народнаго просвѣщенія, защищая 25-го ноября 1875 г. свои тезисы по обязательному обученію въ петербургскомъ педагогическомъ обществѣ. Его имя останется навсегда связаннымъ съ исторіей русской школы, сдѣлается-ли она у насъ обязательною, или нѣтъ. Съ его смертью, вопросъ объ обязательности вступилъ въ новый періодъ. Положено было собрать какъ можно больше свѣдѣній, касающихся русскихъ народныхъ школъ, отъ директоровъ народныхъ училищъ по губерніямъ, какъ лицъ, близко стоящихъ къ школамъ и имѣющихъ возможность добыть всѣ необходимыя данныя. Для этого были составлены тридцать четыре вопроса, съ нужными поясненіями, и разсланы по учебнымъ округамъ: петербургскому, московскому, харьковскому, кіевскому, одесскому, казанскому и оренбургскому. Отвѣты по тридцати шести губерніямъ стали приходить въ 1877 и 1878 году. Всѣ они и составили сборникъ слишкомъ въ пятьсотъ страницъ большаго формата, напечатанный подъ редакціей членовъ ученаго комитета, гг. Святъ-Илера и князя Кантакузена—графа Сперанскаго, подъ

названіемъ «Матеріалы по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи».

Въ этомъ сборникѣ такъ много весьма интересныхъ данныхъ для того, кто занимается вопросомъ о народномъ образованіи, что пришлось бы написать довольно большую книгу, еслибы взять на себя трудъ внимательно разработать ихъ и прийти къ какому-нибудь опредѣленному выводу. Мы не беремъ на себя этой задачи, тѣмъ болѣе, что, высчитавъ всѣ цифры, приведенныя гг. директорами народныхъ училищъ, пришли къ сомнѣнію, чтобы въ настоящее время была какая-нибудь возможность ввести общее обязательное обученіе въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, кто не призадумается, если узнаетъ, что къ существующимъ уже школамъ, въ семи названныхъ учебныхъ округахъ, нужно прибавить, по крайней мѣрѣ, еще 70,000 школъ, чтобы было мѣсто всѣмъ дѣтямъ учебнаго возраста; что для этого потребуется около ста милліоновъ одновременнаго расхода, да, по меньшей мѣрѣ, по сорока милліоновъ ежегодно. Мы ужъ не говоримъ объ образованіи нужнаго числа преподавателей, которое также потребуетъ милліонныхъ суммъ. Я думаю, не нужно доказывать, что ни народъ, ни земство, ни государство не въ состояніи вынести такихъ затратъ ни теперь, ни въ близкомъ будущемъ.

Итакъ разсматривать всѣ вопросы, относящіеся непосредственно къ желанному обязательному обученію, безъ вѣры въ возможность ввести его, было бы, можетъ быть, трудомъ непродизводительнымъ. Но устранивъ ихъ, мы найдемъ въ Матеріалахъ много интересныхъ свѣдѣній, заслуживающихъ вниманія по связи ихъ съ другими вопросами о народномъ просвѣщеніи. Непростительно было бы оставить ихъ безъ вниманія въ виду той крайней скудости въ образовательныхъ силахъ, какою страдаетъ русскій народъ, тѣмъ болѣе, что подоспѣло время, когда ужъ нельзя говорить, будто народъ не хочетъ учиться; нѣтъ, приходится говорить: народу негдѣ учиться.

Въ этомъ удостовѣряетъ насъ заявленіе многихъ директоровъ. Такъ, во владимірской губерніи: «нѣкоторыя училища переполнены такъ, что имѣютъ по 100 и болѣе учащихся». То же самое оказывается и въ губерніяхъ калужской, орловской, ярославской, тамбовской, харьковской, воронежской и мн. др. Число учащихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растетъ быстро съ каждымъ годомъ,

что можно видѣть изъ сравненія цифръ даже по вятской губерніи: по отчету директора, въ 1876 году учащихся было 26,750 чел., а по отчету за 1880 годъ, ихъ уже значится 36,928 чел. Въ это же время число школъ возросло тамъ съ 545 до 612.

Въ настоящей статьѣ мы пользуемся только первымъ и пятымъ вопросомъ Матеріаловъ, заимствуя изъ нихъ цифры для сравненій и выводовъ, касающихся современнаго развитія грамотности въ народѣ и средствъ, какими можно ее усилить. Эти вопросы поставлены такимъ образомъ: I. Какая часть дѣтей школьнаго возраста отъ 7 до 13 лѣтъ посѣщаетъ школу или уже пробыла въ ней нѣкоторое время и научилась, по крайней мѣрѣ, читать и писать? V. Сколько требуется постоянныхъ и временныхъ расходовъ для устройства достаточнаго числа школъ въ губерніи? Въ примѣчаніи къ послѣднему вопросу сказано: «Здѣсь могутъ быть указаны и возможные источники къ полученію новыхъ средствъ для покрытія расходовъ по устройству школъ». Вотъ эти-то указанія насъ въ особенности и интересуютъ вмѣстѣ со смѣтами на устройство каждой школы: чего она можетъ стоить въ той или другой губерніи. Эти смѣты необходимо нужно было сдѣлать, чтобы по нимъ высчитать общую сумму единовременныхъ и ежегодныхъ расходовъ по каждой губерніи, въ случаѣ, если будетъ узаконено обязательное обученіе. Гг. директора народныхъ училищъ пользовались неодинакими источниками для полученія числа всѣхъ дѣтей школьнаго возраста отъ 7 до 13 лѣтъ. Одни изъ нихъ употребили, такъ сказать, теоретическій способъ: они взяли примѣрно-точные таблицы, составленныя для народонаселенія Россіи академикомъ В. Я. Буныковскимъ; по нимъ значится, что въ Россіи вообще на каждыя 10,000 душъ мужскаго населенія приходится 1,369 мальчиковъ и женскаго—1,331 дѣвочка въ возрастѣ отъ 7 до 13 лѣтъ; слѣдственно, перелагая въ процентное отношеніе: отъ 13 до 14 проц. Съ этими цифрами можно было высчитать и число дѣтей требуемаго возраста, заимствуя изъ календаря цифру населенія всей губерніи. Другіе обращались за свѣдѣніями въ губернскіе статистическіе комитеты, въ приходы, въ консисторіи, въ волостныя правленія и въ крестьянскія присутствія, и на основаніи полученныхъ отсюда данныхъ дѣлали свои вычисленія. По нѣкоторымъ изъ нихъ, школьный возрастъ отъ 7 до 13 лѣтъ, по

отношенію ко всему народонаселенію въ губерніи, составляя нормальный процентъ, т. е. отъ 13 до 14; въ нѣкоторыхъ однихъ или двумя процентами выше или ниже, какъ напр. въ губерніяхъ олонецкой (12 проц.), херсонской (12 проц.), калужской и нижегородской (16 проц.), въ иныхъ значительно ниже или выше— въ черниговской 10 проц., въ пермской 9 проц., въ харьковской и полтавской 17 проц., а въ иныхъ невѣроятно низкій, какъ напр., въ екатеринославской губ. 7 проц., въ пензенской $6\frac{1}{2}$ проц., или невѣроятно высокій, какъ въ костромской губ. — 29 проц. Мы даже думаемъ, что тутъ вышла какая нибудь ошибка въ цифрахъ. Въ настоящее время, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ свирѣпствовали въ послѣдніе годы дѣтскія болѣзни, въ особенности дифтеритъ, число дѣтей должно значительно уменьшиться, слѣдовательно и процентъ понизиться. Имѣя въ виду нормальное процентное отношеніе числа дѣтей школьнаго возраста ко всему населенію, можно сказать, что народное образованіе государства тогда будетъ прочно поставлено, когда на сто человѣкъ будетъ приходиться, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать учащихся дѣтей. Теперь же, сдѣлавъ расчетъ, мы получаемъ самые неутѣшительные выводы. Такъ, въ петербургскомъ учебномъ округѣ, въ лучшемъ положеніи оказывается архангельская губернія, гдѣ на 65 человѣкъ приходится одинъ учащійся въ школѣ; зато въ вологодской губерніи одинъ на 96 и въ псковской— одинъ на 120 человѣкъ. Для опредѣленія такого же отношенія въ петербургской губерніи, у насъ нѣтъ достаточно данныхъ, такъ какъ тамъ, кромѣ школъ министерства народнаго просвѣщенія, есть довольно другихъ— какъ напр., Воспитательнаго Дома, колонистскихъ, разныхъ вѣроисповѣдныхъ, въ которыхъ общее число учащихся намъ неизвѣстно *). Въ московскомъ округѣ самую отсталую губернію оказывается смоленская, гдѣ насчитывается одинъ учащійся въ школѣ на 154 человѣка общаго населенія; послѣ нея костромская (1 на 104) и нижегородская (1 на 100), а самая передовая

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ о народныхъ училищахъ въ петербургской губерніи (кромѣ столицы) за 1880—1881 гг. оказывается, что въ 500 школахъ разныхъ вѣдомствъ училось 14,212 мальчиковъ и 7,290 дѣвочекъ. Если принять населеніе петербургской губерніи въ 1.400,000, то придется одинъ учащійся на 66 человѣкъ.

губернія — рязанская съ однимъ ученикомъ на 48 челов., и за нею тверская (1 на 64); прочія же представляютъ 1 на 72—79. По московской губерніи не дается опредѣленной цифры по той же причинѣ, какъ и по петербургской.

Въ харьковскомъ округѣ замѣчается большее равенство: одинъ учащійся приходится на 71—79 человѣкъ. Въ кievскомъ округѣ, въ лучшемъ положеніи находится кievская губернія: одинъ учащійся на 68 челов., и затѣмъ волынская: 1 на 74, въ худшемъ—подольская: 1 на 86. Въ одесскомъ округѣ бессарабская губернія значительно превосходитъ всѣ прочія, считая одного учащагося на 50 человѣкъ. Послѣ нея идетъ екатеринославская: 1 на 74, и херсонская: 1 на 84 чел. Въ казанскомъ округѣ первое мѣсто занимаетъ саратовская губернія, гдѣ можно считать одного учащагося на 78 человѣкъ, тогда какъ въ казанской приходится одинъ на 102, въ симбирской 1 на 100, въ самарской 1 на 93 чел. Наконецъ, въ оренбургскомъ округѣ лучшею является пермская губернія съ однимъ учащимся на 78 чел., а самую отсталую изъ всѣхъ—уфимская съ однимъ учащимся на 224 чел. *). Конечно, виною такой отсталости служатъ инородцы, которые входятъ въ общее число народонаселенія, но не увеличиваютъ цифры учащихся, что можно сказать и о бѣльшей части зашихъ восточныхъ губерній.

Дѣлая сравненіе между губерніями, входящими въ составъ названныхъ округовъ, нельзя не замѣтить, что въ бѣльшей части изъ нихъ одинъ учащійся приходится на 70—80 чел. населенія, или число учащихся составляетъ между $1\frac{3}{7}$ и $1\frac{1}{4}$ пр. всего населенія. Впрочемъ эта цифра въ дѣйствительности должна увеличиться, можетъ быть, вдвое и даже болѣе, если имѣть въ виду, что русскій народъ учится грамотѣ не только въ школахъ, ислящихся въ спискахъ министерства народнаго просвѣщенія, собенно въ мѣстностяхъ, населенныхъ раскольниками и старо-

*) Въ вятской губерніи, по нашему вычисленію, за это время приходился 1 учащійся на 88 чел. населенія; а по отчету за 1880 годъ 1 на 69; по уѣздамъ: самое выгодное отношеніе въ орловскомъ: 1 на 49, въ слободскомъ: 1 на 50, въ онежскомъ: 1 на 55, въ сарапульскомъ: 1 на 58; а самое невыгодное въ малмыжскомъ уездѣ: 1 на 119 и въ котельничскомъ: 1 на 112. (См. журн. Русскій вачальн. учит., янв. 1882 г.)

обрядцами. По свидѣтельству нѣкоторыхъ директоровъ, въ иныхъ деревняхъ заводятся маленькія школы, о которыхъ начальство и не вѣдаетъ. Крестьяне же заводятъ ихъ, конечно, не воображая, что и на ученіе нужно имѣть дозволеніе. Въ вятской губерніи существуютъ по деревнямъ такъ называемыя «кормовыя» школы, говоритъ директоръ народныхъ училищъ. Сущность ихъ заключается въ томъ, что учитель получаетъ за свой трудъ пищу и самое ничтожное денежное вознагражденіе. При этомъ онъ переходитъ со своими учениками изъ одного дома въ другой. Въ большинствѣ случаевъ каждый домохозяинъ, дѣти котораго учатся, обязанъ дать помѣщеніе учителю и школѣ на одну недѣлю; онъ же обязанъ въ то время и кормить учителя. Здѣсь примѣняется къ учителямъ тотъ же способъ кормленія, какой примѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ пастухамъ домашнего скота. Въ учителя можетъ быть приглашенъ всякій мало-мальски грамотный. Директоръ заключаетъ, что ему извѣстно весьма много подобныхъ крестьянскихъ училищъ. Разумѣется, они стоятъ крестьянамъ очень дешево, и если тѣ не хлопчатъ объ учрежденіи правильной министерской школы, то изъ опасенія большихъ расходовъ, которыхъ отъ нихъ могутъ потребовать. Директоръ находитъ даже нѣкоторыя достоинства въ такихъ школахъ, кромѣ того, что они не обременяютъ населенія большими расходами: «школы могутъ распространяться въ большомъ числѣ; курсъ школъ установился бы сообразно потребностямъ каждой мѣстности, такъ какъ постепенное развитіе грамотности въ народѣ само собою отозвалось бы стремленіемъ поднять его; населеніе непосредственно было бы заинтересовано въ благосостояніи школы; преподаватели, получая, вознагражденіе отъ общества по его усмотрѣнію, старались бы ревностнѣе исполнять свои обязанности; школы боже бы подходили къ современному уровню развитія населенія, следовательно, были бы ближе къ нему. Но, прибавляетъ г. директоръ школы подобнаго рода не будутъ имѣть воспитательно-образовательнаго значенія; они не окажутъ никакого вліянія на образовательный подъемъ народнаго духа, а если и окажутъ, то чрезвычайно медленно». Нельзя не согласиться съ этими замѣчаніями г. директора; но въ то же время нельзя и не замѣтить, что существованіе такихъ школъ не должно исключать мнѣ-

стерскихъ училищъ, которыя будутъ служить имъ образцами и имѣть вліяніе на ихъ усовершенствованіе. Если въ настоящее время народъ не въ состояніи содержать дорогихъ для него школъ, то пусть начнетъ съ дешевыхъ, особенно если въ нихъ усматриваются и хорошія стороны.

Директору народныхъ училищъ калужской губерніи извѣстны частныя деревенскія школы, помѣщающіяся въ обыкновенныхъ крестьянскихъ избахъ, безъ всякой классной мебели, одна въ домѣ самого учителя, другая—въ домѣ крестьянина, сынъ котораго за это учится бесплатно, третья въ наемномъ домѣ, хозяинъ котораго получаетъ съ каждаго ученика четверть сажени дровъ и по 75 коп. въ зиму. Учителями въ двухъ изъ нихъ состоятъ мѣстные грамотные крестьяне, въ третьей — бывший когда-то ученикъ перваго класса калужской духовной семинаріи. Содержаніе одной изъ нихъ, куда ходило десять мальчиковъ, стоило 10 руб., другой съ двадцатью учениками—40 руб. и третьей съ 16 учениками—24 рубля. Двѣ послѣднія, какъ свидѣтельствуесть г. директоръ, по успѣхамъ учениковъ не уступаютъ многимъ изъ земскихъ училищъ, поставленныхъ сравнительно на болѣе широкую нсгу.

Сравнивая число дѣтей, учащихъ въ народныхъ училищахъ, по отношенію ко всему числу дѣтей школьнаго возраста, находимъ, что самыми отстающими губерніями являются: костромская (5 проц.), псковская (6 проц.), полтавская (7 проц.), тамбовская (8 проц.), саратовская (9 проц.), и самыми передовыми: ярославская (38 проц.) и бессарабская (40 проц.). Петербургской и московской мы не вводимъ въ сравненіе по выше сказаннымъ причинамъ. Не указываемъ и на казанскую губернію, гдѣ считаютъ 36 проц., цифру, въ которой мы нѣсколько сомнѣваемся, имѣя въ виду, что тамъ приходится одинъ учащійся на 102 чел. всего населенія. Впрочемъ, тамъ въ счетъ городъ дѣланы отъ уѣздовъ: въ первыхъ высчитывается 60 проц., во вторыхъ только 12. Къ губерніямъ, въ которыхъ пока-но отъ 20 до 30 проц., относятся: олонедкая (27 проц.), новгородская (21 проц.), тульская (20 проц.), владимірская (25 проц.), эронезская (20 проц.), пензенская (28 проц.), екатеринославская (21 проц.), таврическая (20 проц.), астраханская (30 проц.).

Необходимо замѣтить, что здѣсь въ общій счетъ вхо-

дять вмѣстѣ мальчики и дѣвочки, и что процентъ однихъ мальчиковъ значительно повысится, если въ счетъ раздѣлитъ оба пола. Какъ ничтоженъ процентъ учащихся дѣвочекъ сравнительно съ числомъ учащихся мальчиковъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ московской губерніи на 23 учащихся мальчики приходится 6 учащихся дѣвочекъ, и это еще лучшее отношеніе; тогда какъ въ саратовской на 16 мальчиковъ 2 дѣвочки, въ симбирской на 29 мальчиковъ 3 дѣвочки, въ самарской на 13 мальчиковъ 1 дѣвочка, въ екатеринославской—на 94 мальчика 5 дѣвочекъ *); въ пермской учится $\frac{1}{4}$ часть мальчиковъ и $\frac{1}{16}$ часть дѣвочекъ.

Интересны также цифры по вопросу о расходахъ на народное одноклассное училище въ каждой губерніи. Эти расходы раздѣляются на единовременные и ежегодные. Первые требуются на постройку училища для 60—70 учениковъ, на помѣщеніе учителя и на классную мебель. Оказывается, что только губерніи калужская и симбирская могутъ ограничиться 500 руб.; но есть и такія, которыя требуютъ на этотъ предметъ до 2,000 руб., какъ губерніи костромская, харьковская, кievская, подольская, волынская, астраханская; свыше 1,500 руб., губерніи: олонечкая (1,650), екатеринославская (1,625), и 1,500 р.,—петербургская, полтавская, оренбургская. Но большинство можетъ довольствоваться 1,000 руб., менѣе тысячи очень немногія, какъ напр., рязанская, владимірская, черниговская, пермская, вятская, а болѣе 1,000 (до 1,300 руб.) московская, тверская, бессарабская, саратовская, уфимская. Разница, главнымъ образомъ, зависитъ отъ существующихъ цѣнъ на строительный матеріалъ.

Что же касается до ежегоднаго содержанія народнаго училища, то большинство губерній требуетъ отъ 500 до 600 руб. Свыше этой суммы, нужно училищамъ тверской губерніи (650),

*) Въ петербургской губ. (кромя столицы) по послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ за 1880—1881 годы, учащихся мальчиковъ только вдвое болѣе числа учащихся дѣвочекъ. Такого отношенія конечно, нельзя встрѣтить ни въ какой другой губерніи.

Въ вятской губерніи, по отчету за 1880 г., число учащихся мальчиковъ относится къ мужскому населенію, какъ 1 къ 39, а число учащихся дѣвочекъ къ женскому населенію, какъ 1 : 234. («Рус. нач. учиг.» Янв. 1882).

іевской, подольской, волынской (620), и уфимской (630); ниже—отъ 400 до 500 руб.,—могутъ довольствоваться училища въ губерніяхъ: новгородской, орловской, ярославской, воронежской, оренбургской. Самыми дешевыми являются въ губерніяхъ: архангельской (235 р.), вологодской (280 р.), симбирской и астраханской (226 р.). Дѣлая сравненіе по учебнымъ округамъ, слѣдуетъ сказать, что петербургскій и казанскій округа нужно читать едва ли не самыми дешевыми по содержанію народныхъ училищъ. Въ сумму содержанія входятъ: жалованье учителю и законоучителю, учебныя пособія и библіотека; въ иныхъ мѣстахъ жалованье сторожу, отопленіе и страховка дома.

Разсчетъ на жалованье учителю, вообще, нельзя назвать щедрымъ: въ большинствѣ губерній назначается отъ 20 до 25 р. въ мѣсяцъ. Выше этого, въ губерніяхъ тульской (350 р. въ годъ), іевской, подольской, волынской (330 р.), бессарабской (350 р.), самое большое—въ саратовской (400 р.). Наконецъ, самое скудное вознагражденіе за учительскій трудъ назначаютъ въ губерніяхъ архангельской и вологодской: по 180 руб. въ годъ, въ симбирской и черниговской по 200 руб. *).

Плата законоучителю въ большинствѣ губерній опредѣляется отъ 50 до 60 р. въ годъ; но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ харьковскаго, кіевского, одесскаго, казанскаго и оренбургскаго округовъ она восходитъ до 75 р. (харьковская и пензенская), до 80 (саратовская, вятская), до 90 (кіевская, подольская, волынская) и даже до 100 руб. (полтавская, бессарабская, уфимская). Это очень скупая плата въ губерніяхъ архангельской и вологодской (по 30 р. въ годъ), въ черниговской и екатериновской (по 40 р. **).

Что касается до издержекъ на учебныя пособія, библіотеки другія школьныя нужды, то самый скудный бюджетъ представляется въ петербургскомъ округѣ, за исключеніемъ олонецкаго губернія, гдѣ высчитывается 132 р.; въ другихъ же—отъ

*) Въ петерб. губерніи, въ 1880—1881 гг., до 100 рублей годичнаго жалованья получали 37 учителей; отъ 150 до 300 р.—184 и болѣе 300 р.—1 учитель.

**) Въ петербургской губерніи за послѣдній годъ получали до 50 р. 106 законоучителей, отъ 50 до 100 руб. 42, болѣе 100 р.—69 св.

25 до 35 руб.; самый щедрый въ оренбургскомъ округѣ: отъ 100 до 230 руб. Въ прочихъ же средняя издержка полагается отъ 100 до 150 р., за исключеніемъ тамбовской губерніи, гдѣ думаютъ довольствоваться 25 руб., костромской и казанской. не требующихъ болѣе 50 руб. и черниговской—не болѣе 70 р. Вообще нужно замѣтить, что самыми ограниченными въ своихъ ежегодныхъ расходахъ являются губерніи: архангельская, вологодская, черниговская, самарская, симбирская и астраханская. Но мы сомнѣваемся, чтобы съ ихъ расчетами можно было содержать сколько нибудь порядочную школу.

Директора псковской и казанской губерній предлагаютъ допустить особый типъ школъ, подъ названіемъ школы грамотности или подготовительной школы. Первый рассчитываетъ стоимость ея въ 400 руб. (150 р.—плата за квартиру, 200 руб. учителю и 35 р. на учебныя пособія), второй въ 100 руб. (на квартиру и учебныя пособія—отъ 30 до 50 р., учителю отъ 50 до 70 р.).

Директоръ училищъ харьковской губерніи совѣтуетъ въ многочисленныхъ мѣстностяхъ устраивать школы въ двѣ сдѣлки съ двумя самостоятельными учителями, изъ которыхъ одинъ учить бы до 50 учениковъ до обѣда, отъ 8 до 12 часовъ, а второй—другихъ 50 учениковъ послѣ обѣда, отъ 12 до 4 часовъ. На этотъ совѣтъ нельзя не обратить вниманія при двухъ условіяхъ: чтобы между сдѣлками было назначено, по крайней мѣрѣ, полчаса для хорошей вентиляціи класса, и чтобы утромъ занимались ученики, приходящіе изъ болѣе дальнихъ окрестностей, а послѣ обѣда—живущіе въ томъ же селѣ. Это послѣднее необходимо, чтобы устранить неудобное возвращеніе учениковъ домой въ темные вечера. Понятно, что на двѣ сдѣлки въ одномъ училищѣ потребуются менѣе расходовъ, чѣмъ на два отдѣльных училища.

II.

Изъ тѣхъ же «Матеріаловъ» мы узнаемъ, что въ семидесятыхъ годахъ источниками для содержанія народныхъ училищъ были суммы, ассигнуемыя отъ министерства народнаго просвѣщенія, отъ земства, отъ городскихъ обществъ и пожертвованія отъ частныхъ обществъ и лицъ. Но такъ какъ этихъ источниковъ слишкомъ недостаточно, чтобы удовлетворять растушимъ

потребностямъ въ народномъ образованіи, то директоры нѣкоторыхъ губерній указываютъ на новые, которыми можно бы было воспользоваться въ случаѣ необходимости. Всѣ ихъ мы можемъ раздѣлить на государственные, общественные и личные. Разумѣется, первые должны быть самыми главными, такъ какъ государство изстари взяло на себя заботы о народномъ просвѣщеніи и болѣе всѣхъ терпитъ отъ народнаго невѣжества. Принадлежа къ семьѣ европейскихъ государствъ, русское государство обязано направить всѣ свои силы, чтобы поднять народное просвѣщеніе до того уровня, на которомъ стоятъ другіе европейскіе народы, иначе ему можетъ грозить ослабленіе даже политическаго его могущества, которое хотя и развилось на счетъ другихъ сторонъ русской жизни, но поддерживаться долго не можетъ при общемъ народномъ невѣжествѣ. Въ настоящее время, это невѣжество—одно изъ нашихъ вопіющихъ бѣдствій; это тотъ же голодъ, который изнуряетъ народъ, и кому же, какъ не государству вступить съ нимъ въ усиленную борьбу и привлечь къ ней всѣ наличныя силы. У насъ обыкновенно стараются примириться съ этимъ зломъ, указывая на финансовые недостатки русскаго государства, которые происходятъ отъ экономической несостоятельности народа. Но требовать отъ государства только одной денежной помощи все равно, что требовать непосредственно отъ народа заводить для себя школы, потому что государство можетъ увеличить свои доходы только новыми налогами на народъ. Значитъ, тутъ со стороны государства будетъ лишь употребленіе власти, но не будетъ жертвы. А состояніе нашего народнаго просвѣщенія таково, что требуетъ усиленныхъ жертвъ, чтобы сколько нибудь поднять его и черезъ то улучшить общее благосостояніе. У государства есть огромныя земли, лѣса; пусть оно жертвуетъ всѣмъ, что ему принадлежитъ, рассчитывая не на ежегодный доходъ, выжаемый рублями, а на тотъ дѣйствительный «подъемъ» народнаго духа и силъ, который въ будущемъ воздастъ ему стоицею за его пожертвованія.

Нѣкоторые директора народныхъ училищъ, какъ напр. гурій архангельской, вологодской, костромской, ярославской, евской, вятской заключаютъ, что казна много бы помогла коламъ, еслибы согласилась отпускать изъ своихъ лѣсныхъ

дачь, безденежно, нужный лѣсной матеріалъ для постановки училищнаго дома. Разумѣется, это возможно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть казенные лѣса. Въ такомъ случаѣ, рубку и доставку лѣса должны взять на себя крестьяне той волости, для которой предполагается школа. Топорами тѣхъ же крестьянъ можетъ быть сдѣланъ и срубъ для дома. Равнымъ образомъ, ихъ же обязанность—ежегодная страховка училища, чтобы въ случаѣ пожара не оставаться долго безъ школы. Кромѣ лѣса, казна могла бы поступиться и землями, гдѣ это удобно, предоставивъ часть ихъ, подъ именемъ училищныхъ, или школьныхъ земель, вѣдать училищнымъ совѣтамъ или земствамъ и извлекать изъ нихъ всевозможные доходы, которые должны идти исключительно на содержаніе народныхъ школъ.

Трудно заранѣе опредѣлить, какого рода доходы могутъ извлекаться изъ нихъ; но во всякомъ случаѣ, если не вдругъ, то со временемъ, при усердіи земскихъ людей, между которыми всегда найдется нѣсколько хорошихъ хозяевъ, эти доходы будутъ не ничтожными и много помогутъ увеличить число школъ. Намъ возразятъ, что не во всякой губерніи, а тѣмъ болѣе не во всякомъ уѣздѣ, найдутся казенные лѣса и достаточно казенныхъ земель, чтобы на нихъ разсчитывать въ рѣшеніи вопроса о быстрѣйшемъ распространеніи школъ и о прочной ихъ поддержкѣ.

Но мы и не думаемъ разсчитывать на одни и тѣ же источники во всѣхъ мѣстностяхъ такого обширнаго государства, какъ наше отечество. Каждая изъ нихъ можетъ представить свои богатства, которыми государство можетъ подѣлиться со школою и вовсе не въ ущербъ себѣ. Есть губерніи, гдѣ обширныя болота вредятъ народному здоровью и не даютъ никакой прибыли государственной казнѣ. Пусть ихъ осушатъ, на что не потребуются огромныхъ затратъ, и отдадутъ въ пользованіе школамъ; черезъ нѣсколько времени доходъ съ нихъ вѣрно будетъ покрывать немалую часть расходовъ мѣстныхъ народныхъ школъ.

Директоръ училищъ таврической губерніи указываетъ на обиліе казенныхъ земель въ этой мѣстности, которыя могли бы быть обложены известнымъ процентомъ въ пользу народнаго образованія. Мы не знаемъ, какой доходъ въ настоящее время

даютъ эти земли. Но думаемъ, что государство потеряло бы немало, еслибы часть изъ нихъ, дающую доходъ, передало земству съ специальнымъ назначеніемъ на содержаніе мѣстныхъ школъ.

Директоръ народныхъ училищъ вологодской губерніи совѣтуетъ образовать особый, общій для всей имперіи, фондъ изъ разныхъ новыхъ налоговъ и вычетовъ. Государство, если оно будетъ приносить значительныя жертвы на народное образованіе, получить нѣкоторое право требовать посильныхъ жертвъ на то же дѣло и отъ разныхъ обществъ, равно какъ и отъ частныхъ лицъ, но только не отъ тѣхъ, кому и безъ того приходится отдавать казнѣ значительную часть своихъ трудовыхъ доходовъ, часто весьма ограниченныхъ. Имѣя это въ виду, мы будемъ оспаривать инныя предложенія г. директора. Но допуская нѣкоторые налоги въ исключительную пользу народнаго образованія, мы спрашиваемъ: нужно ли изъ нихъ составлять общій по всей имперіи фондъ и не практичнѣй ли были бы фонды, особые для каждой мѣстности, въ границахъ которой собираются налоги: они могли бы раздѣлиться на фонды губернскіе, уѣздные и волостные, или приходскіе. Мнѣ кажется, что налогъ на доходы достаточныхъ лицъ всѣхъ сословій, предлагаемый г. директоромъ, не можетъ быть оспариваемъ, потому что онъ назначается на такія потребности, отъ неудовлетворенія которыхъ должны терпѣть всѣ, болѣе или менѣе. Тѣ же, которые наживаются около народа или получили сами образованіе на казенный счетъ, обязаны даже, по совѣсти, отдѣлять частицу отъ своихъ доходовъ на начальное народное образованіе. Такой налогъ не можетъ быть для нихъ обременителенъ, и всякій противъ него вопоть не можетъ имѣть никакой силы. Нѣтъ сомнѣнія, что какой нибудь разжирѣвшій купчина въ уѣздномъ городѣ, украшающій свою жену и дочерей брилліантами и шелками, первый будетъ ворчать, если ему придется внести сотню рублей въ школьную кассу. Но такихъ-то и слѣдуетъ обязать чѣмъ нибудь платить народу за свое благоденствіе. Пусть этотъ налогъ будетъ прогрессивный: у кого двѣ тысячи рублей дохода, тотъ платитъ за рубль, у кого три тысячи рублей—3 р. 50 к., четыре тысячи рублей—6 руб., пять тысячъ—12 руб., десять тысячъ—рублей и т. д. Этотъ налогъ долженъ составить губернский

фондъ и быть въ завѣдываніи губернскаго земства съ опредѣленнымъ спеціальнымъ назначеніемъ на потребности народнаго образованія: или на пособія, награды и пенсіи учителямъ, или на народныя читальни и воскресныя школы и т. под.

Небольшой налогъ на предметы роскоши, прихоти и увеселенія совѣтуютъ, кромѣ директора народныхъ училищъ вологодской губерніи, еще директора владимірской и кіевской губерній. Дѣйствительно, едва ли кому либо изъ пользующихся этими предметами позволила бы совѣсть громко заявлять свое неудовольствіе противъ этого налога, еслибы можно было ясно опредѣлить, что считать предметомъ роскоши и прихоти. Что для одной семьи роскошь и прихоть, то для другой давно сдѣлалось потребностью и необходимостью. Но можно бы наложить лишнюю пошлину въ пользу школъ на нѣкоторые предметы, привозимые изъ-за границы для употребленія лицъ, которые будутъ приобрѣтать ихъ только отъ достатка, какъ роскошь. И думаемъ, что эта пошлина могла бы составить порядочную сумму, тѣмъ болѣе, что она не потребовала бы особыхъ сборщиковъ и чиновниковъ, взимаемая на существующихъ таможенныхъ заводахъ съ государственными пошлинами. Она могла бы составить основаніе общаго по имперіи школьнаго фонда, въ пособіе хотя бы учительскимъ семинаріямъ или педагогическимъ курсамъ, которые придется учреждать въ разныхъ городахъ, какъ скоро число народныхъ школъ будетъ значительно увеличиваться.

Что касается до увеселеній и развлеченій, за которые платятъ деньги, то имѣя въ виду, что общественныя увеселенія составляютъ потребность жизни и что весьма желательно сдѣлать ихъ доступными большинству малодостаточныхъ лицъ, мы думаемъ, былъ бы возможенъ, по совѣсти, налогъ только на такіе билеты, которые покупаютъ лишь достаточные люди: ему приплатить нѣсколько копѣекъ лишнихъ ничего не значить.

Вычеты изъ жалованья лицъ, служащихъ на государственной и на общественной службѣ, какъ предлагаютъ директора вологодской и воронежской губерній, едва ли могутъ быть одобрены даже если ограничиться половиною процента. Можно допустить вычеты изъ трудовыхъ денегъ у тѣхъ лицъ, которые имѣютъ возможность сами назначать плату за свой трудъ, а никакъ не у тѣхъ, которые обязаны брать только то, что имъ

назначается. Казенное жалованье, какъ извѣстно, далеко не обезпечиваетъ жизни большинства служащихъ, слѣдственно увеличивать уже существующіе вычеты было бы совершенно несправедливо. Вообще налогъ на трудъ—всегда самый тяжелый и несправедливый, а потому и вызывающій ропотъ: здѣсь приходится человѣку платить за трудолюбіе, тогда какъ человѣкъ праздный остается свободнымъ отъ налога. Едва ли не страдаетъ здѣсь общественная нравственность.

Не желателенъ также налогъ на билеты и накладныя желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, на который указываютъ директора вологодской и владимірской губерній. Опытъ показалъ, что этотъ налогъ очень чувствителенъ для всѣхъ, а увеличивать его—было бы ужъ совсѣмъ несправедливо.

Директора харьковской и вятской губерній, вмѣстѣ съ директоромъ вологодской губерніи, предлагаютъ налоги на такіе предметы, доходъ съ которыхъ уже имѣетъ опредѣленное назначеніе, что мнѣ кажется, было бы также несовсѣмъ справедливо. Такъ, доходъ съ игральныхъ картъ предоставляется Воспитательнымъ Домамъ, которые уже содержатъ школы для своихъ питомцевъ и, слѣдовательно, принимаютъ участіе въ распространеніи народнаго образованія. Или: извѣстный процентъ съ церковныхъ доходовъ могъ бы привести въ затрудненіе многія церкви, которыя и теперь едва могутъ содержаться приходами въ приличномъ видѣ. Нѣкоторые директора предлагаютъ завести при церквахъ отдѣльныя кружки на содержаніе училищъ. Но и это едва ли было бы справедливо по отношенію къ самимъ церквамъ, такъ какъ подобный сборъ могъ бы уменьшить сборъ по другимъ кружкамъ, уже давно имѣющимъ свое особое назначеніе.

Въ указаніяхъ на источники, изъ которыхъ могутъ покрываться расходы на содержаніе народныхъ школъ, нельзя не обратить вниманія на предложеніе директора народныхъ училищъ гверской губерніи: «Правительство, говоритъ онъ, имѣетъ полное право расходъ на народное образованіе перевести изъ разряда необязательныхъ въ разрядъ обязательныхъ повинностей. Вслѣдствіе того, что этотъ расходъ причисленъ къ необязательнымъ, губерскія и уѣздныя земства допускаютъ крайній произволъ въ ассигнованіи суммъ на народное образованіе.

Тогда какъ земства однихъ уѣздовъ расходуютъ на народное образованіе изъ своей годовой смѣты до 15 и болѣе процентовъ, земства другихъ уѣздовъ отдѣляютъ не болѣе 8 или даже 7%. Такая разность въ ассигновкахъ на народное образованіе зависитъ не столько отъ имѣющихся у земствъ въ виду другихъ расходовъ, сколько отъ личнаго взгляда главныхъ земскихъ дѣятелей на народную школу, на ея потребность для народа, на положеніе сельскаго учителя, который, по взгляду однихъ дѣятелей, имѣетъ право на нѣкоторыя удобства въ жизни и соответственно сему получаетъ вознагражденіе, а по взгляду другихъ земствъ, долженъ находиться на степени чернорабочаго, и потому долженъ пользоваться самымъ скуднымъ жалованьемъ. Кажется, было бы несравненно правильнѣе, еслибы правительство обязало всѣ земства ассигновать на народное образованіе одинъ опредѣленный процентъ изъ смѣты годовыхъ расходовъ, примѣрно 20%. Затѣмъ расходъ суммъ, отпускаемыхъ земствомъ, а также и городскими обществами на народное образованіе, долженъ подлежать надлежащему контролю. При настоящемъ положеніи дѣла, сумму, ассигнованную земствомъ на народное образованіе, расходуетъ земская управа почти безконтрольно. Правда, она даетъ отчетъ земскому собранію въ израсходованіи отпущенной предшествовавшимъ собраніемъ суммы; но этотъ отчетъ ни къ чему не ведетъ, такъ какъ онъ никогда не провѣряется, какъ слѣдуетъ: въ немъ говорится, напримѣръ, что столько-то тысячъ израсходовано на жалованье учителямъ, столько-то сотъ на учебныя пособія; но сколько дѣйствительно получали учителя жалованья и на такую ли дѣйствительно сумму приобрѣтено учебныхъ пособій—этого земское собраніе никогда не провѣряетъ...»

Очень многіе директора указываютъ на доходъ съ питейныхъ заведеній и шинковъ, который могъ бы служить значительной помощью для школъ. «Хотя закономъ въ настоящее время, говоритъ директоръ таврической губерніи, арендная плата за содержаніе питейныхъ домовъ не допускается, но въ дѣйствительности сельскія общества негласнымъ образомъ взимаютъ такую плату въ очень значительномъ количествѣ и сумму, поступающую такимъ путемъ, расходуютъ совершенно непроизводительно. Будучи узаконена и обращена обязательно въ пользу

училищъ, эта сумма могла бы служить большимъ вспомогательнымъ средствомъ въ пользу училищъ». Директоръ народныхъ училищъ екатеринославской губерніи заявляетъ, что сельскія общества собираютъ за право винной торговли въ селѣ отъ 100 до 1000 руб. въ годъ; 50% съ такого сбора на школу, представляетъ онъ, не было бы обременительнымъ для сельскихъ обществъ. Но если большая часть изъ нихъ пропиваетъ такой сборъ, то ему лучше въ полной суммѣ поступать въ училищную приходскую кассу.

Директоръ училищъ тверской губерніи къ питейнымъ заведениямъ присоединяетъ и трактиры: ихъ тоже слѣдуетъ обложить налогомъ, который долженъ минимумъ равняться 25 руб. съ cadaго; такая значительная цифра, замѣчаетъ г. директоръ, съ одной стороны нѣсколько остановила бы постоянное увеличеніе питейныхъ заведеній и трактировъ, а съ другой стороны, могла бы значительно пополнить училищный фондъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ, въ одномъ тверскомъ уѣздѣ питейныхъ домовъ и трактировъ имѣется 388. Предполагая въ остальныхъ уѣздахъ среднимъ числомъ по 250 трактировъ и питейныхъ заведеній, мы получимъ всѣхъ ихъ въ тверской губерніи 3,138; при налогѣ по 25 р. съ cadaго, получится сумма въ 78,450 р.

Директора народныхъ училищъ губерній орловской, екатеринославской, бессарабской, оренбургской и вятской предлагаютъ сборъ съ десятины по нѣскольку копѣекъ въ пользу школъ. Этотъ налогъ нельзя назвать обременительнымъ для тѣхъ, у кого во владѣніи болѣе шести или семи десятинъ; у кого же ихъ менѣе, тѣхъ не слѣдуетъ включать въ число платящихъ, такъ какъ имъ едва въ пору справиться съ другими, уже существующими налогами. Но было бы нисколько не обидно платить въ пользу школъ съ того числа десятинъ обрабатываемой земли, которое превышаетъ число шесть. Такъ, владѣлецъ десяти обрабатываемыхъ десятинъ платитъ только съ четырехъ; владѣлецъ двадцати десятинъ платитъ съ четырнадцати.

Нѣкоторые директора указываютъ на заводы и фабрики, которые должны быть привлечены къ школьному налогу. Намъ кажется, что взаимнъ налога, справедливо было бы обязать ихъ закономъ содержать школы для дѣтей и взрослыхъ, работающихъ или живущихъ на ихъ фабрикахъ. По свидѣтельству

директора училищъ тверской губерніи, Морозовская бумагопрядильная фабрика близъ Твери расходуетъ ежегодно на учрежденную при ней школу слишкомъ 3,000 рублей, производя товару на 5.200,000 рублей. Понятно, что этотъ расходъ не можетъ назваться обременительнымъ.

Укажемъ еще на общественныя запашки, которыя считаютъ возможными директора училищъ екатеринославской и уфимской губерній. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ общій крестьянскій трудъ на свою школу могъ бы ей очень помочь и даже привязать къ ней крестьянъ, еслибы это можно было устроить повсюду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могло бы оказать свое содѣйствіе государство, уступивъ безмездно часть изъ своихъ земель, удобныхъ для запашки. Конечно, доходъ съ нихъ не будетъ ежегодно одинакій, такъ какъ онъ зависитъ отъ урожая, и безъ другаго фонда школа на него опираться не можетъ. Но тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ пренебрегать этимъ источникомъ тамъ, гдѣ есть общественныя лишнія земли. Директоръ училищъ екатеринославской губерніи свидѣтельствуетъ, что опыты запашекъ отъ 3 до 15 десятинъ общественной земли въ настоящее время существуютъ въ нѣсколькихъ селахъ, съ цѣлью поддержанія существующихъ школъ. Доходъ при такихъ запашкахъ, говоритъ онъ, можетъ простираться до 15 рублей и выше съ десятины, сверхъ того солома могла бы идти на отопленіе школы. Директоръ училищъ валужской губерніи предлагаетъ воспользоваться еще однимъ источникомъ: «Въ тарусскомъ уѣздѣ, говоритъ онъ, большинство сельскихъ школъ содержится на мѣстныя средства съ малымъ пособіемъ отъ земства. Средства эти исключительно состояются изъ взносовъ въ опредѣленномъ размѣрѣ, дѣлаемыхъ каждымъ изъ крестьянъ при полученіи паспортовъ. Этотъ небольшой налогъ достигаетъ, въ суммѣ, значительныхъ размѣровъ и могъ бы быть введенъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, жители которыхъ занимаются промыслами на сторонѣ». Мы не можемъ сказать, насколько онъ удобенъ и необременителенъ, но думаемъ, что едва ли онъ проченъ, такъ какъ непрочно и самая наша паспортная система.

Не будемъ распространяться о другихъ налогахъ, указываемыхъ директорамъ училищъ, какъ напр. налогъ на биржевыя

сдѣлки съ денежными бумагами, опредѣленный процентъ съ доходнаго рубля банковъ, банкирскихъ конторъ, ссудныхъ кассъ, налогъ на купеческія свидѣтельства, сборъ съ крестьянъ по нѣскольку копѣекъ съ души и т. под. Насколько они практичны и возможны, мы не беремся судить. Остановимся только на платѣ за учениковъ, которую предлагаютъ директора новгородской и орловской губерній. Когда у насъ будетъ законъ объ обязательномъ обученіи, тогда о платѣ не можетъ быть и рѣчи: нельзя обязывать родителей учить дѣтей за плату, когда нечѣмъ платить. Въ настоящее же время, этотъ вопросъ еще возможенъ. Нѣкоторые землевладѣльцы, содержащіе на свой счетъ крестьянскія школы, передавали намъ свои наблюденія: крестьяне болѣе интересуются тою школою, которая съ нихъ беретъ плату за обученіе дѣтей, и совсѣмъ равнодушны къ той, гдѣ дѣти ихъ обучаются даромъ. Плата, какъ бы ни была она ничтожна, связываетъ ихъ со школою; они и слѣдятъ строже за дѣтьми, чтобы тѣ исправно посѣщали школу, такъ какъ за ихъ обученіе платятся деньги. Въ виду этого, можно бы было установить плату въ два или три рубля въ годъ для тѣхъ состоятельныхъ крестьянъ, для которыхъ она не можетъ быть обременительною, причемъ съ одного мальчика изъ семьи брать примѣрно 3 руб., за двоихъ 5 руб., за троихъ 6 руб. Крестьяне и теперь охотно платятъ по 4 руб. въ годъ въ школы Воспитательнаго Дома, если вблизи нѣтъ народной школы, и отъ 4 до 6 руб. въ зиму приходскому священнику, дьякону или дьячку. Но дѣти изъ малосостоятельныхъ должны быть безпрепятственно допускаемы въ школы. Состоятельность или несостоятельность семьи должна опредѣляться приходскими попечительствами, которыя вездѣ слѣдуетъ поставить такъ, чтобы они были живыми учрежденіями, въ тѣсной связи со всѣми прихожанами. Плата съ учениковъ должна поступать въ кассу попечительства, которое, пользуясь этими деньгами, обязано, по мѣрѣ возможности, устранять отъ бѣднѣйшихъ учениковъ помѣхи въ исправномъ посѣщеніи школы, какъ напр. по недостатку обуви или зимняго платья и т. п.

Директоръ училищъ вятской губерніи замѣчаетъ, что на приходы должно пасть жалованье законоучителю и вспоможеніе бѣднымъ учащимся. «Подобная постановка дѣла, говоритъ онъ, сразу ставитъ въ одинакія условія какъ православныя, такъ и

не православныя общины, иначе пришлось бы или возлагать расходъ по содержанию законоучителей на центральныя правительственныя учреждения, или же облагать и не православныхъ налогомъ въ пользу православныхъ законоучителей. Возложение этого расхода на приходы было бы и справедливо, и возможно. Въ большинствѣ православныхъ приходовъ существуютъ церковно-приходскія попечительства, которыя по закону обязаны заботиться, между прочимъ, объ устройствѣ училищъ и о призрѣніи бѣдныхъ. Къ сожалѣнію, рѣдкія изъ попечительствъ обращаютъ на это вниманіе, и законъ такимъ образомъ не выполняется. Поэтому справедливо было бы возложить расходъ по содержанию законоучителей на церковно-приходскія попечительства. Для этого достаточно было бы постановить закономъ, чтобы извѣстный процентъ попечительскихъ доходовъ отчислялся на школы, частію на жалованье законоучителямъ, частію на бѣдныхъ учащихся. Думаю, что если назначить отчисленіе 20% съ этихъ доходовъ на школы, то этимъ будутъ покрыты не только расходы по содержанию законоучителей, но и по вспоможенію бѣднымъ учащимся. Тамъ, гдѣ церковно-приходскихъ попечительствъ нѣтъ, подобный расходъ долженъ быть относимъ на общія средства церквей. Если признается справедливымъ употреблять часть ихъ доходовъ на духовно-учебныя заведенія, то не менѣе справедливо употреблять ихъ и на вознагражденіе законоучителей, такъ какъ это значило бы расходовать ихъ прямо на утвержденіе православной вѣры въ народѣ.

Понятно, что всѣ указанные новые источники не могутъ составить главнаго фонда для распространенія и содержанія народныхъ школъ. По общему сознанію директоровъ училищъ, большую часть расходовъ должны распределить между собою министерство народнаго просвѣщенія, земства и общества. Директоръ училищъ с.-петербургской губерніи говоритъ, что въ этой губерніи найдется немало такихъ волостей и городскихъ обществъ, которыя могутъ сами содержать достаточное число школъ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Кромѣ того, замѣчаетъ онъ, земство петербургской губерніи издерживается на народное образованіе сравнительно мало. Надо привлечь его. А министерство можетъ оказывать пособіе только тѣмъ обществамъ, которыя, по бѣдности своей, дѣйствительно не могутъ со-

держатъ на свои средства достаточнаго числа школъ. Но такихъ губерній найдется немного. Большинство требуетъ отъ министерства значительно большаго денежнаго участія. Такъ, директоръ училищъ астраханской губерніи полагаетъ, что половину всѣхъ школьныхъ расходовъ министерство должно взять на себя, чтобы усилить въ губерніи грамотность. Директора подтавской и симбирской губерній рассчитываютъ, что третья часть всѣхъ расходовъ по школамъ должна пасть на министерство; въ пермской губ. $\frac{1}{4}$ ч. въ самарской— $\frac{1}{5}$ ч. въ оренбургской— $\frac{1}{10}$ ч. Директоръ училищъ московской губерніи возлагаетъ на министерство уплату жалованья учителямъ. Съ нимъ соглашаются и директора кievской, подольской и волынской губерній, относя къ расходамъ министерства содержаніе всѣхъ служащихъ лицъ, а директоръ воронежской губерніи—половину учительскаго жалованья. Но большинство вызываетъ министерство на снабженіе училищъ книгами и учебными пособиями; а нѣкоторые и школьною мебелью при основаніи новаго училища. Иные относятъ къ расходамъ министерства поощреніе наградами и пособиями лучшихъ учителей.

Конечно, министерство народнаго просвѣщенія само должно обсудить: какія заботы, изъ всѣхъ указанныхъ, ему удобнѣе будетъ взять на себя. Но кто же сдѣлаетъ починъ въ разработкѣ вопросовъ о новыхъ источникахъ, при помощи которыхъ можно бы было ускорить развитіе грамотности въ нашемъ отечествѣ?

В. Стоюнинъ.

Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи *).

I.

Германскія племена пришли въ Европу въ доисторическія времена. Около Рождества Христова римляне нашли ихъ живущими между Вислою и Рейномъ. Земледѣліе было уже извѣстно имъ. Германцы главнымъ образомъ разводили овесъ, какъ такое растеніе, которое наименѣе долго занимаетъ почву и лучше всѣхъ осваивается съ землями, недавно расчищенными. Овесъ соответствовалъ суровому климату Германіи: посѣянный весной.

*) При составленіи этого очерка, служащаго одною изъ главъ приготовляемой къ печати книги („Крестьяне въ Европѣ“, 2 тома), авторъ пользовался слѣдующими изданіями:

„Bilder aus der deutschen Vergangenheit“, von G. Freytag, 5 B., 13-te Auflage, 1881.

„Deutschland im XVIII Jahrhundert“ von K. Biedermann, 4 B., 1880.

„Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства“, Г. Маурера. 1880.

„Geschichte der Markverfassung“ v. Maurer, 1856.

„Geschichte der Frohnhöfe, Bauernhöfe und Hofverfassung in Deutschland“ v. Maurer, 4 B., 1868.

„Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland“, v. Maurer, 2 B. 1866.

„Die Verfassung der Land-Alpen-und Forstwirtschaft der deutschen Schweiz“, v. Mjaskowsky, 1878.

„Die schweizerische Allmend in ihrer geschichtlichen Entwickelung“, v. A. Mjaskowsky, 1879.

„Geschichte der Shweizervolks und seiner Kultur“, v. O. Henne-Am-Rhya, 3 B. 1871.

„Geschichte Mecklenburgs“, v. Penz, 1872.

„Geschichte der Leibeigenschaft in Europa“, v. S. Sugenheim, 1861.

„Исторія крестьянской войны въ Германіи“, В. Циммермана, 3 т. 1872.

„Geschichte Mecklenburgs“, v. E. Boll, 2 B. 1856.

„Reports from Her Majesty's representatives respecting the land tenure in several countries of Europe“, 4 v. 1869—1871.

„Первобытная собственность“, Э. Лавелз. 1876.

онъ не подвергается суровости зимы. Плиній сообщаетъ, что народы Германіи питались исключительно овсяной похлебкой; она же была нѣкогда главною пищею шотландцевъ, и даже теперь еще имѣетъ такое же значеніе у горцевъ верхней Шотландіи. Германцы разводили также ячмень и дѣлали изъ него, какъ говоритъ Тацитъ, напитокъ, подвергающійся броженію и немного похожій на вино, т. е. пиво. Наблюденіе Плинія вѣрно, насколько касается хлѣбныхъ растений; но, главнымъ образомъ, германцы питались животными. «Они ѣдятъ дикіе плоды, дичь и кислое молоко», говоритъ Тацитъ. По словамъ Цезаря, «германцы живутъ, главнымъ образомъ, молокомъ, сыромъ и мясомъ». Земледѣіе такимъ образомъ не было главнымъ занятіемъ тогдашняго германца, и онъ жилъ прежде всего войною, охотою, скотоводствомъ. Война доставляла германцу хорошее оружіе, добычу, женщинъ и рабовъ, семейства которыхъ жили въ особыхъ дворахъ около двора господина, работали на своего господина и платили ему дань. Не только лѣса, необходимые для охоты, и дуга, на которыхъ пасся скотъ, находились въ общемъ пользованіи, но и всѣ земли, занятыя извѣстнымъ племенемъ или родомъ, составляли его общее достояніе, или *марку*. Первоначально марки были очень обширны, обнимали собою цѣлыя долины, какъ въ Тиролѣ и Швейцаріи, даже цѣлыя края, какъ Австрія, Баварія, Бранденбургъ; но потомъ, съ размноженіемъ населенія, марки начали дробиться, и каждая вновь основанная деревня, каждая новая колонія, вышедшая изъ первоначальнаго поселенія племени, получали свою сельскую марку, выдѣленную изъ общей родовой. Пахотная земля тоже была общою и у нѣкоторыхъ племенъ даже воздѣлывалась сообща. «Неукротимые геты счастливы, писалъ Горацій, — ихъ безграничныя поля производятъ свободную и общую жатву. Они только годъ обрабатываютъ одну и ту же землю. Какъ только одинъ выполнилъ свое дѣло, его замѣняетъ другой, и въ свою очередь предоставляетъ первому пользоваться плодами своихъ трудовъ». Здѣсь дѣло идетъ больше о раздѣленіи труда между двумя группами обитателей, воздѣлывающими землю попеременно для цѣлага племени. Цезарь сообщаетъ намъ то же самое о свевахъ, самомъ воинственномъ и могущественномъ изъ тевтонскихъ народовъ. «Остающіеся въ странѣ воздѣлываютъ землю за себя самихъ и за отсутствующихъ, на слѣдующій же годъ въ свою очередь они вооружаются, а первые остаются дома, но никто изъ нихъ не владѣетъ землею отдѣльно, въ видѣ собственности, и никто не можетъ больше года занимать одну и ту же землю для воздѣлыванія. Они потребляютъ мало хлѣба, — живутъ, главнымъ образомъ, молочною пищею и мясомъ своихъ стадъ, занимаются охотою». Таковы обычныя черты, характеризующія экономиче-

ское положеніе германскихъ племенъ. Охота и разведеніе стадъ доставляютъ имъ наибольшую часть средствъ къ существованію; земледѣліе занимаетъ лишь третье мѣсто. Земля воздѣлывается только въ теченіе года; поземельная собственность неизвѣстна, а пахотная почва распредѣляется между обитателями для временнаго пользованія.

При первоначальномъ заселеніи страны, нѣкоторые колонисты занимали землю отдѣльными дворами, но и при этомъ лѣсъ и пастбища были общіе, и только пахотная земля дѣлилась по двору. Что же касается деревень, то иногда въ одномъ селѣ было двѣ общины, но обыкновенно каждая деревня составляла одну общину. Селеніе окружалось однимъ общимъ заборомъ или плетнемъ, а иногда крѣпкою стѣною и рвомъ, за которыми лежали общественное поле и лѣсъ. При основаніи села, каждое семейство получало равный для всѣхъ участокъ для своего двора. Каждый такой дворъ, со всѣми принадлежавшими къ нему жилищами, рабочими и хозяйственными постройками, огородами и садами, съ древнѣйшихъ временъ обносился заборомъ, какъ и теперь еще въ Вандеѣ каждый домъ съ своею усадьбою обыкновенно окруженъ рвомъ, а иногда еще землянымъ валомъ и плетнемъ. Владѣлецъ двора былъ неограниченнымъ владыкою его. Въ отношеніи своего семейства, зависящихъ отъ него лицъ и рабовъ, живущихъ въ домѣ, онъ полный властелинъ; онъ представляетъ вполне законодательную и исполнительную власть. Въ его домъ не имѣетъ права входить безъ дозволенія никакое государственное или общинное должностное лицо. Это его собственность и лежитъ внѣ общины. Но внѣ своего двора домохозяинъ былъ только членомъ общины и имѣлъ право, наравнѣ съ другими, пользоваться даннымъ ему при передѣлѣ полемъ, а также общими угодьями. Каждый домохозяинъ былъ членомъ общины, и принятіе въ нее постороннихъ лицъ возможно было только по единодушному согласію всѣхъ членовъ. Кромѣ полеваго надѣла, каждый общинникъ пользовался по строго определеннымъ правиламъ общимъ пастбищемъ, общиннымъ лѣсомъ для отопленія и построекъ, но отнюдь не для продажи, правомъ рыбной ловли и охоты для собственнаго употребленія. Съ позволенія общины онъ могъ занимать во временное пользованіе часть земли изъ общей марки и обрабатывать ее. Община держала для всѣхъ своихъ членовъ жеребца, быка, борова, пѣтуха, мельницу, мосты, дороги, плодовые деревья. Марка имѣла свои алтари и жертвы, а потомъ, послѣ введенія христіанства, свою церковь, содержала священника, а впоследствии и школьнаго учителя. Члены общины обязаны были помогать другъ другу во всякой нуждѣ, при экстренныхъ работахъ, несчастіяхъ, болѣзняхъ и т. д. Сироты и бѣдные состояли на попеченіи общины, ко-

торая, кромѣ того, помогала всѣмъ странствующимъ, давая имъ пріютъ и содержаніе. Со времени введенія христіанства, гостепріимство къ странствующимъ поощрялось, какъ христіанскій долгъ, особенно попеченіе о проѣзжихъ епископахъ и другихъ духовныхъ лицахъ, а также о богомольцахъ, которымъ, кромѣ пріюта, должно было давать еще огонь и воду. Но и другіе проѣзжіе имѣли право, нуждаясь въ отдыхѣ, располагаться на поляхъ и лугахъ, разводить на нихъ огонь и пасты свой скотъ. Право путешествующихъ кормить свой скотъ на каждомъ полѣ сохранилось и въ позднѣйшемъ періодѣ среднихъ вѣковъ. И въ наше время путешествующему еще позволено во многихъ мѣстностяхъ пасты свой усталый скотъ на всякомъ придорожномъ полѣ, или косить траву для его прокормленія, а самому съѣдать три яблока, три рѣпы или три кисти винограда.

Община регулировала всю хозяйственную жизнь селенія, заведывала передѣломъ полей, наблюдала за порядкомъ, постановляла правила пользованія угодьями и т. д. Общинный сходъ всѣхъ домохозяевъ выбиралъ себѣ старшину, носившаго разныя названія: графа, фогта и т. д., и другихъ чиновниковъ. Въ помощь старшинѣ сходъ выбиралъ изъ своей среды нѣсколькихъ совѣтниковъ. Община наблюдала за порядкомъ и имѣла судебную власть во всѣхъ общинныхъ дѣлахъ, какъ напр., споры о границахъ, раздѣлъ земли и, быть можетъ, возникшія при немъ затрудненія и противодѣйствія, вызываемыя огораживаніемъ земель, въ особенности поврежденіемъ аборовъ и мн. др., затѣмъ—прочія поврежденія въ чужомъ имѣніи и опустошенія въ чужомъ полѣ, дѣла о засореніи колодезѣвъ, источникахъ, какъ и воды вообще, о содержаніи скота, о зараженіи общественныхъ дорогъ и площадей и иныхъ дѣйствіяхъ, препятствующихъ пользоваться ими или затрудняющихъ это пользованіе: словомъ, всѣ споры и обиды по дѣламъ марки и по нарушенію въ ней мира, все то, что мы обыкновенно называемъ теперь дѣлами сельской, полевой и лѣсной юстиціи. На самомъ судѣ предсѣдательствовалъ старшина марки. Ю приговоръ постановляли общинники, и притомъ, какъ кажется, всѣ присутствующіе и вокругъ стоящіе общинники, то есть, весь наличный составъ суда. Наказанія, налагавшіяся общиннымъ судомъ, состояли большею частію въ штрафахъ деньгами, виномъ, пивомъ, курами и т. д., но за серьезныя преступленія, даже въ позднѣйшее время, крестьяне карали ужасно. За поджогъ лѣса, напр., виновнаго сжигали живымъ; за недозволенную порубку дерева—рубилъ голову на пилѣ срубленнаго дерева и втыкали ее на него «до тѣхъ поръ, пока выростетъ новое»; за порчу дерева виновному вскрывали подлѣ него животъ и вытягивали кишки. Впрочемъ, въ большинствѣ слу-

чаевъ, отъ всѣхъ этихъ варварскихъ наказаній можно было избавиться, заплативъ соответственный штрафъ.

Община пользовалась полнымъ самоуправленіемъ; чувства свободы и равенства воодушевляли тогдашняго крестьянина и отражались на всей общественной жизни. «Свобода и право собственности на нераздѣльную часть общаго имущества, равную для всѣхъ, говоритъ Лавелэ, — таковы были въ германскомъ селеніи существенныя права, такъ сказать, права прироченныя личности. Такая организація сообщала индивидууму необыкновенный закалъ, которымъ и объясняется, почему немногочисленныя толпы варваровъ овладѣли римской имперіею, несмотря на ея свѣдущую администрацію, совершенную централизацию и гражданскіе законы, называвшіеся писаннымъ закономъ. Какая разница между членомъ любой изъ этихъ деревенскихъ общинъ и современнымъ нѣмецкимъ крестьяниномъ, который занимаетъ его мѣсто! Первый питался животными продуктами, дичью, мясомъ барана, быка, молокомъ и сыромъ, второй — ржанымъ хлѣбомъ и картофелемъ; такъ какъ мясо слишкомъ дорого, то онъ ѣстъ его очень рѣдко, по большимъ праздникамъ. Первый укрѣплялся и развивалъ свои члены постоянными упражненіями, переплывалъ черезъ рѣки, по цѣлымъ днямъ бродилъ за зубрами въ обширныхъ лѣсахъ и упражнялся въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Онъ разсматривалъ себя, какъ равнаго всѣмъ, и не признавалъ надъ собою никакой власти. Онъ свободно выбиралъ своихъ вождей, принималъ участіе въ завѣданіи интересами общины; въ качествѣ присяжнаго, онъ судилъ разногласія, ссоры, преступленія равныхъ себѣ; какъ воинъ, онъ никогда не покидалъ своего оружія и пускалъ его въ дѣло при столкновеніяхъ (wagnatacks), когда принималось какое нибудь важное рѣшеніе. Образъ жизни германца былъ варварскимъ въ томъ смыслѣ, что не приходило и на мысль удовлетворить утонченными потребностямъ, порождаемыми цивилизаціей; и полудикая жизнь приводитъ въ дѣйствіе и развиваетъ всѣ естественныя способности, — сперва силы тѣла, потомъ волю, прѣдусмотрительность, мышленіе. Современный нѣмецкій крестьянинъ неподвиженъ; онъ подавленъ могущественной іерархіей политической, судебной, административной, церковной, которая надъ нимъ виситъ; онъ самъ себѣ не господинъ, онъ беретъ участіе въ составѣ социальнаго механизма, который располагаетъ имъ, какъ вещью. Онъ весь охваченъ государствомъ и какъ бы запертъ, поставленъ на опредѣленное мѣсто; онъ трепещетъ предъ полевымъ сторожемъ; повсюду власти, имѣющія право повелѣвать, — власти, которымъ крестьянинъ долженъ повиноваться, такъ какъ онъ располагаетъ всѣми силами націи и могутъ его принудить къ повинности. Новѣйшія общества обидѣ

даютъ коллективнымъ могуществомъ несравненно большимъ, чѣмъ общества первобытныя; но въ послѣднихъ, когда имъ удавалось избѣгнуть завоеванія, индивидуумъ былъ одаренъ сполною гораздо большею».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ періодическій передѣлъ полей существовалъ вплоть до настоящаго столѣтія, но вообще онъ прекратился гораздо раньше, еще до начала среднихъ вѣковъ. Земли общинъ были раздѣлены навсегда на равныя участки между всѣми домохозяевами, но дуга, лѣсъ и другія угодыя долго еще оставались въ общемъ пользованіи, и общинный строй продолжалъ существовать по прежнему. Пастбище и лѣсъ, общая земля, или альменда, существуетъ въ нѣмецкой Швейцаріи и въ настоящее время, хотя въ теченіе вѣковъ она не разъ сокращалась вслѣдствіе разныхъ урѣзокъ и раздѣловъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ Германіи еще въ средніе вѣка вся марка была подѣлена между домохозяевами, и даже лѣсъ былъ розданъ участками въ полную собственность, а позднѣе этотъ процессъ постепенно усиливался и общинныя имущества окончательно исчезали. Эти раздѣлы общинныхъ земель шли параллельно съ развитіемъ частной собственности и неравенства между землевладѣльцами. Первоначально земля дѣлилась равными участками, но уже и тогда князья и вожди получали большіе противъ остальныхъ надѣлы. При завоеваніи римской имперіи варварами, явилась еще болѣе сильная причина неравенства вслѣдствіе неоднаковаго надѣла побѣдителей и побѣжденныхъ. Далѣе, равныя участки, сдѣлавшись полною собственностью владѣльцевъ, начали измѣняться въ своихъ размѣрахъ, дробиться при наслѣдованіи, переходить изъ рукъ въ руки, вслѣдствіе продажи, округляться и увеличиваться посредствомъ покупокъ. Чѣмъ болѣе нарушалось первоначальное равенство, чѣмъ болѣе появилось въ общинѣ вліятельныхъ крупныхъ собственниковъ, тѣмъ менѣе оказывалось препятствій къ дальнѣйшимъ раздѣламъ и отчужденіямъ общинныхъ земель. Въ Швицѣ, напр., община уже съ раннихъ временъ раздавала свои земли частнымъ лицамъ, отдавая имъ участки то въ особое владѣніе, то въ особое только пользованіе. Такъ, въ 1322 г., когда сельская община нуждалась въ деньгахъ, чтобъ огородить стѣною главное озеро при Моргартенѣ, ею были проданы нѣкоторымъ сельчанамъ многіе участки общей земли. Точно также продала она въ 1338, 1340 и 1472 годахъ разныя участки общей земли въ собственность и притомъ въ чисто-объленную собственность, подъ тѣмъ условіемъ, что пріобрѣтатели этихъ участковъ принимали на себя содержаніе опредѣленной дороги. Переданною такимъ образомъ въ особину земель можно было располагать вольно: она могла быть заложена, совсѣмъ отчуждаема и за-

граждана отъ общаго пользованія. Кроиъ такихъ продажъ, община сдавала свои неподдѣльныя земли и угодыя въ частное пользованіе своимъ сельчанамъ, но эти участки съ теченіемъ времени сдѣлались полною собственностью. Съ развитіемъ имущественнаго неравенства развилось и неравенство политическое. а политическія права и привилегіи давали возможность лицамъ, облеченнымъ ими, еще болѣе умножать свое имущество.

Въ войнахъ съ римлянами развивалась и крѣпла королевская власть; изъ выборной она сдѣлалась наследственной и старалась забрать какъ можно болѣе матеріальныхъ средствъ для государственнаго строительства. Король сдѣлался верховнымъ собственникомъ, онъ раздавалъ земли во временное пользованіе своимъ воинамъ, чиновникамъ и любимцамъ; онъ бралъ себѣ всѣ безхозійныя земли, огораживалъ для себя общественныя лѣса и угодыя, заводилъ себѣ обширныя помѣстья. Народъ постепенно лишался и земель и свободы, его выборные чиновники, его крестьянскіе герцоги и графы замѣнялись королевскими; слагавшееся государство требовало все новыхъ и новыхъ дани; войны междоусобицы, и насилія королевскихъ правителей: разоряли все большее и большее количество земледѣльцевъ, которые по неволѣ селились на владѣльческихъ земляхъ и должны были пользоваться ими за извѣстныя повинности, требуемыя собственникомъ. Свободное и воинственное крестьянство, понятно, не могло сразу покориться слишкомъ тяжелымъ для него требованіямъ государства, но въ распоряженіи королей была масса вооруженныхъ и сильныхъ людей, для которыхъ военное ремесло сдѣлалось спеціальностью, и съ помощью ихъ королевская власть могла держать народъ въ покорности. Крупныя землевладѣльцы, получали-ли они свои имѣнія въ даръ отъ короля, или пріобрѣтали другимъ образомъ, совершенно выдѣлялись изъ общины, огораживали свое помѣстье, дѣлались его полными наследственными собственниками. Они получали право эунитета, т. е. независимости не только отъ общинныхъ, но и отъ государственныхъ чиновниковъ. Эти сильные эунитетные владѣльцы поднялись еще выше съ тѣхъ поръ, какъ короли стали назначать ихъ окружными графами, власть которыхъ дала имъ возможность приумножать свои эунитетныя земли и права. Народъ болѣе и болѣе становился въ зависимаыя отношенія къ землевладѣльцамъ. Уже Тацитъ упоминаетъ о вольныхъ поселенцахъ (колонахъ), обрабатывавшихъ землю для своихъ господъ. Они, очевидно, происходили отъ покоренныхъ народовъ, которые были принуждены уступить часть своихъ земель побѣдителямъ. Со времени великаго переселенія народовъ, это положеніе стало, повидимому, общимъ правиломъ не только при водвореніи германцевъ въ римскихъ провинціяхъ.

но мало-по-малу и по всей остальной Германіи. Побѣжденные должны были подѣлить завоеванную у нихъ землю съ побѣдителями, и, сверхъ того, обрабатывать ее. Это относится столько же къ оставшимся на землѣ римлянамъ, сколько къ вендамъ, славянамъ и другимъ покореннымъ племенамъ. Когда, ко всему этому, еще и свободное землевладѣніе стало все болѣе и болѣе скопляться въ рукахъ немногихъ, путемъ добровольной уступки земель, тогда свободное крестьянство почти совсѣмъ погибло въ Германіи. Эта переиѣна должна была оказать величайшее вліяніе на самихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и въ особенности на помѣщиковъ, пользовавшихся эунитетомъ. Свободный человекъ, который и послѣ завоеванія не получилъ ничего, кромѣ своего жеребьеваго надѣла, еще могъ по прежнему одинъ обрабатывать свою землю, хотя и онъ все болѣе и болѣе предавался охотѣ, войнѣ и праздности, предоставляя семьѣ и колонамъ заботу о домѣ и полѣ. Запряганіе быковъ и ихъ сопровожденіе, постройка изгородей и косьба сѣна, жнитво и уборка хлѣбнаго зерна, отнынѣ уже считались рабскою работою (*opus servile*), которая, хотя и могла быть исполняема полноправными людьми, но которой избѣгалъ всякій, кто только могъ, какъ предосудительной—мнѣніе, которое привело впоследствии къ праздности въ городахъ и къ дворянскому образу жизни въ деревнѣ. Заурядно-свободные люди еще могли, однакоже, сами обрабатывать свою землю, и многіе дѣйствительно дѣлали это. Но пользовавшіеся эунитетомъ помѣщики и другіе крупные землевладѣльческіе роды, пріобрѣвшіе весьма обширныя, частью еще впускъ лежавшія земли, даже и при наилучшихъ намѣреніяхъ, уже совсѣмъ не были въ состояніи обрабатывать ихъ сами.

Войны и налоги Карла Великаго и наступившія по смерти его междоусобицы доводили народную массу до полнаго разоренія, государственные порядки были окончательно распатаны и беззащитный народъ порабощался болѣе и болѣе. Королевскіе чиновники, герцоги, графы, епископы становились независимыми владѣльцами, и въ то же время въ странѣ развивалась масса хищнаго рыцарства, выходившаго изъ той же крестьянской среды, въ которой принадлежали первоначально и графы и герцоги. Рыцари состояли главнымъ образомъ изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которымъ удалось при порабощеніи массы сохранить свои прежнія права. Они не входили въ составъ общины и не отбывали никакихъ повинностей ни ей, ни помѣщику, но свобода отъ повинностей въ пользу помѣщика не мѣшала существованію другихъ обязанностей: почетной службы, службы въ замкѣ и еще ленной службы, за которую должны были принятись многіе дворяне, чтобы въ остальномъ спасти свою сво-

боду или, по крайней мѣрѣ, свое почетное положеніе. Такъ, напр., «семь свободныхъ людей» въ Лисдорфѣ должны были постоянно являться на службу къ своему помѣщику, вооруженными по-рыцарски, чтобы оказывать ему извѣстныя почетныя услуги, напр., одинъ поставлялъ ему экипажъ, другой прислугу къ экипажу, третій долженъ былъ, при выѣздѣ помѣщика верхомъ, держать ему стремя и исполнять еще другія послуги, такъ точно четвертый, пятый, шестой и седьмой. Такихъ рыцарей было множество и въ городахъ, и въ деревняхъ. Большинство этихъ рыцарей вымерло или погибло во время крестовыхъ походовъ и позднѣе, отъ остальныхъ же произошли дворянство и городскій патриціатъ. Высшее дворянство состояло изъ духовныхъ и свѣтскихъ князей, графовъ и свободныхъ господъ (Freiherren), которые владѣли обширными имѣніями и держали у себя массу зависимыхъ людей. Еще ранѣе среднихъ вѣковъ, какъ общинныя деревни, такъ и отдѣльные дворы обносились крѣпкимъ заборомъ, даже каменною стѣною и рвомъ, и чѣмъ болѣе развивалась частная собственность, тѣмъ сильнѣе старались владѣльцы защитить ее укрѣпленіями. Несмотря на существовавшее съ давнихъ поръ запрещеніе, въ башняхъ, валахъ и рвахъ стали прибавлять еще и другія укрѣпленія, то самовольно, то съ разрѣшенія имперской или земской верховной власти, и такимъ образомъ превратили дворы, обнесенные прежде простыми оградами, въ настоящія крѣпостцы, или бургы, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Вслѣдствіе усилія средневѣковой анархіи и междоусобицъ, вмѣсто укрѣпленныхъ дворовъ среди городовъ и деревень, стали воздвигать укрѣпленные замки въ неприступныхъ мѣстахъ, болѣею частью на горахъ, откуда легче было и наблюдать за окрестностями, и внезапно нападать на врага, и отбивать нападеніе. Это были настоящіе разбойничьи притоны, и сами владѣльцы ихъ давали имъ такія названія, которыя, сдѣлавшись ихъ семейными прозвищами, вполне опредѣляли хищническую профессію бароновъ: **Львиный камень** (Löwenstein), **Соколиная гора** (Falkenberg), **Орлиный утесъ**, **Медвѣжья скала**, **Волчья яма** и т. д. Эти первоклассные хищники составляли себѣ дворню, свиту и вооруженную шайбу изъ многочисленныхъ сельскихъ рыцарей и всякаго бродячаго люда, искавшаго занятій и желавшаго ловить рыбу въ мутной водѣ. Сначала рыцари, служившіе барону въ качествѣ **министріаловъ**,—прикащиковъ, управляющихъ, дворовыхъ, воиновъ,—вовсе не составляли привилегированнаго дворянскаго класса, а были такими же крѣпостными, какъ и остальные крестьяне. Наравнѣ съ обыкновеннымъ мужикомъ, министріалъ вполне зависѣлъ отъ помѣщика, который могъ продать его, подарить, промѣнять да-

же безъ земли, которою онъ пользовался. Министеріалы не могли ни начинать процесса противъ своихъ господъ, ни жениться безъ ихъ дозволенія, но все это были только остатки прежняго рабства, отъ которыхъ постепенно освобождались эти пособники и прихвостни всесильныхъ магнатовъ. Уже въ началѣ XIII в. эти дворовые слуги составляли вліятельный классъ рыцарей, во главѣ которыхъ стояли тѣ министеріалы, которые занимали высшія должности при княжескихъ и графскихъ дворахъ, напр., столъниковъ (Truchsess), подававшихъ за столомъ кушанья, шенковъ, завѣдывавшихъ винными погребами и прислуживавшихъ на господскихъ попойкахъ, маршалковъ, или конюшнихъ, камергеровъ, или постельничихъ. Эти лица очень рано получили всѣ права свободныхъ людей и сдѣлались вліятельными землевладѣльцами. Всѣ прочіе дворовые слуги тоже постепенно достигали привилегированнаго положенія, такъ какъ каждый помѣщикъ, каждый графъ, каждый свободный человѣкъ тянулись за королями и магнатами и составляли себѣ дворъ, свиту, лейбъ-стражу, помогавшую имъ грабить и разбойничать. Рыцари такимъ образомъ постепенно входили въ составъ того верховнаго класса, во главѣ котораго стояли князья, маркграфы и графы, а въ хвостѣ «благородные слуги» (edle Knechte). Рыцари составляли свиту дворянина и конное войско, участвовали въ его войнахъ, охотахъ, играхъ, кутежахъ и турнирахъ. Пользуясь благопріятными условіями своего положенія, рыцари наживали себѣ богатые имѣнія, получали разныя привилегіи и уже около 1200 г. имѣли право посвящать себя на служеніе супругѣ повелителя страны и на турнирахъ могли выбивать королей изъ сѣдла. Рыцари жили частью въ собственныхъ помѣстьяхъ и, кромѣ того, значительное число ихъ разъѣзжало по всей странѣ въ ожиданіи подачи, службы или случая вого нибудь ограбить. На большіе праздники, на войну, на княжескіе охоты и турниры они стекались во множествѣ со всѣхъ сторонъ, какъ стаи хищныхъ птицъ.

Когда въ 1184 г. Фридрихъ Барбаросса посвящалъ въ рыцари своего сына, то по этому случаю собралось въ Майнцѣ 70 крупныхъ князей и около 70,000 дворянъ и рыцарей. Въ 1222 г. на свадьбу дочери Леопольда австрійскаго съѣхалось, кромѣ князей, маркграфовъ и графовъ, 5,000 рыцарей. На турниры собиралось нерѣдко по 1,000, по 3,000, по 4,000 рыцарей. Рыцарская профессія была въ тѣ времена очень заманчива; молодой крестьянинъ только того и смотрѣлъ, какъ-бы сдѣлаться рыцаремъ, а каждый рыцарь старался попасть въ дворяне. Отцы, желавшіе сдѣлать изъ своихъ сыновей рыцарей, отдавали ихъ на воспитаніе ко дворамъ знатныхъ феодаловъ, гдѣ они учились служить дамамъ, пѣть, играть, танцовать, фехтовать,

стрѣлять, рубиться, гарцовать на конѣ. Въ XIII в. уже каждый дворянинъ могъ посвящать въ рыцари, и многие крестьяне покупали рыцарское достоинство для своихъ сыновей. Считалось за особую честь быть возведеннымъ въ рыцари какиъ нибудь магнатомъ, но и магнаты съ своей стороны старались щегольнуть числомъ лицъ, возведенныхъ имъ въ рыцарство на какомъ нибудь своемъ придворномъ праздникѣ. На упомянутой уже австрійской свадьбѣ въ 1222 г. рыцарское достоинство получили 225 воиновъ и оруженосцевъ. Также много было пожалованій рыцарствомъ передъ битвами, послѣ чего возведенные должны были сражаться въ первыхъ рядахъ. Въ 1278 г. напр., Рудольфъ Габсбургскій передъ мархфельдскою битвою возвелъ въ рыцари, между прочимъ, 100 сыновей цюрихскихъ бюргеровъ, объявивъ, что считаетъ цюрихцевъ своими лучшими воинами. Уже въ началѣ XIII в. происхожденіе отъ рыцаря считалось благороднымъ; рыцарю говорили *вы*, а простому слугѣ, рабочему, мужику *ты*. Рыцарь носилъ свой гербъ на щитѣ и имѣлъ привилегію одеваться въ дорогія украшенія и особое дворянское платье, отдѣлявшее его даже по наружности отъ крестьянской массы.

Въ то время, какъ съ одной стороны налегало на народъ это воинственное дворянство, съ другой стороны его забирало въ руки не менѣе хищное духовенство. Епископы, аббаты, патеры и монахи, считаясь проповѣдниками мира и братства, на дѣлѣ были сплошь и рядомъ такими же воинами, какъ свѣтскіе рыцари, и самое распространеніе христіанства въ балтійскомъ поморьѣ и славянскихъ земляхъ нѣмецкіе миссіонеры совершали съ помощью огня и меча. Духовные сеньоры имѣли свои дворы, свои замки и укрѣпленные монастыри, своихъ министериаловъ и свои войска, съ помощью которыхъ они защищали свои владѣнія, воевали съ сосѣдями, а иногда и съ королями. Вотъ что писалъ, напр., въ своей автобіографіи Маркардъ, бывшій аббатомъ въ Фульдѣ въ 1150—1165 г. Разсказавъ, какъ до него монастырь страдалъ отъ грабежей сосѣднихъ владѣльцевъ, аббатъ продолжаетъ: «Я же, Маркардъ, началъ строить замокъ Биберштейнъ. Конечно, монахамъ подобаетъ жить только въ монастырѣ и вести духовную борьбу, но міръ лежитъ во грѣхѣ и не воздерживается отъ зла, если его не принуждать къ тому силою. Вотъ я и подумалъ: здѣсь мѣсто для замка, и если оно будетъ занято врагами церкви, то они нанесутъ намъ много вреда и причинятъ большой ущербъ какъ имуществу, такъ и людямъ. Поэтому я и началъ жить въ замкѣ и пользоваться имъ для блага церкви, и охранять его вѣрными воинами, готовыми защитить честь монастыря. Они присягнули никогда не сдаваться и не ронять чести монастыря и аббата. Затѣмъ я занялъ и

сосѣдную гору Газельштейнъ съ большою опасностью и издержками, такъ какъ она служила притономъ воровъ и разбойниковъ, которые жили тамъ съ своимъ господиномъ Герлахомъ, и я поставилъ на защиту ея вѣрныхъ людей и возвелъ укрѣпленія, а при подножіи ея основалъ деревню съ ярмаркой. Далѣе, въ королевскомъ замкѣ Бауменбургѣ я построилъ стѣны и сильныя укрѣпленія, и на эти постройки въ честь и на защиту св. церкви потратилъ много трудовъ, чтобы вступить въ тѣснѣйшій союзъ съ императоромъ и слугами государства, и имѣть возможность бѣжать къ нимъ, если разразится война. Затѣмъ, дабы въ окрестностяхъ Фульды недостойные люди не нарушали мира, какъ они часто дѣлаютъ, скрываясь въ замкахъ и дѣлая изъ нихъ набѣги на долину, я принялъ на службу мужественныхъ и храбрыхъ людей, и занялъ этимъ гарнизономъ замки. А чтобы доставить городу и нашему народу безопасность во время войнъ, я обнесъ всю Фульду вѣрною стѣною, тыномъ и рвомъ, поставилъ сторожевыя башни и обитыя желѣзомъ ворота, и этими сооруженіями, равно какъ и раздачею жителямъ оружія, обезопасилъ ихъ отъ несправедливыхъ угнетеній фохтами». Но замки и войска сеньоровъ служили имъ не для одной защиты отъ постороннихъ враговъ, а также и для того, чтобы держать жителей въ рукахъ, успѣшнѣе собирать съ нихъ дань, умножать свои имуществы. Не всѣ духовные сеньоры походили на Маркарда своею заботливостью о развитіи культуры въ странѣ; монахамъ жертвовались уже воздѣланныя и населенныя имѣнія, такъ что имъ оставалось только обирать крестьянъ. Лишь только въ извѣстной мѣстности возникалъ монастырь, какъ всѣ окрестныя земли быстро переходили въ его собственность, и уже Карлъ В. въ 811 г. писалъ, что аббаты пользуются всякимъ случаемъ, чтобы отнимать у людей небогатыхъ ихъ земельныя участки, и если они не отдадутъ добровольно, то ихъ принуждаютъ къ тому разными притѣвленіями. «Не могутъ-ли епископы и аббаты объяснить значеніе часто употребляемыхъ ими словъ отреченіе отъ міра и то, чѣмъ отличаются люди, отрекшіеся отъ міра, отъ неотрекшихся? Не тѣмъ-ли, что отрекшіеся постоянно хлопочетъ въ мірѣ, увеличивая свое имущество всевозможными средствами, то общаіемъ вѣчнаго блаженства, то угрозою адскихъ мученій? Или это отреченіе состоитъ въ томъ, чтобы во имя Бога и извѣстнаго святаго грабить людей простыхъ и недалекихъ? Земли жертвовались монастырямъ сплошь и рядомъ вмѣстѣ съ крестьянами, и очень часто сами жертвователи, особенно женщины и малолѣтніе добровольно дѣлались монастырскими крѣпостными. Въ рукахъ епископовъ и аббатовъ, такимъ образомъ, сосредоточивались громадныя имѣнія. Швейцарскій монастырь

С. Галленъ, напр., уже въ VIII в владѣлъ обширными помѣстьями въ Швейцаріи, Эльзасѣ и Швабіи, и велъ обширное хозяйство посредствомъ своихъ управляющихъ, мейеровъ и фохтовъ. Какъ въ Германіи, такъ и въ Швейцаріи, монастыри строили замки, содержали войско, вмѣшивались въ политику, вели войны. Въ XIII в., аббаты С. Галлена, напр., часто воевали съ сосѣдними феодалами и съ епископами констанцскими, имѣвшими притязаніе на ихъ земли. Въ 1249 г. графъ Токкенбургеръ съ епископомъ опустошилъ монастырскую область, сожигалъ церкви, взялъ С. Галленъ, овладѣлъ казной, разбилъ колокола. Аббатъ Бертольдъ, въ союзѣ съ графами Кобургомъ и Рапельсвилемъ, набралъ войско и, идя на Констанць, выжегъ всѣ владѣнія епископа въ Тургау. Былъ заключенъ миръ, но графу Токкенбургеру не понравилось, что монастырскій рыцарь Ибертъ построилъ себѣ въ Ватвилѣ замокъ; графъ овладѣлъ замкомъ и посадилъ Иберга и его сына въ тюрьму, въ которой послѣдній умеръ. Отцу удалось бѣжать, и въ 1259 г. аббатъ Бертольдъ началъ новую войну съ Токкенбургеромъ и взялъ спорный замокъ. Въ то же время у аббата началась новая ссора съ констанцскимъ епископомъ, который вздумалъ было судить одного монаха, соблазвившаго женщину; аббатъ же это счелъ вмѣшательствомъ въ свои права и готовъ былъ начать войну, но епископъ уступилъ.

Эти усобицы и войны свѣтскихъ и духовныхъ сеньоровъ не переставали опустошать страну. Каждое имѣніе, каждый монастырь, каждый разбойничій притонъ были независимыми государствами, распорядители которыхъ то и дѣло воевали между собою. Страна раздѣлялась на безчисленное множество мелкихъ владѣній, княжескихъ, графскихъ, рыцарскихъ, епископскихъ, городскихъ, сельскихъ, и жители каждаго изъ нихъ смотрѣли враждебно на жителей другихъ и всегда были рады случаю поживиться на ихъ счетъ. Это была настоящая война всѣхъ со всѣми; воевали феодалы между собою и съ городами, воевали и города другъ съ другомъ и съ деревнями, и среди всей этой общей сумятицы хищные бароны и рыцари поддерживали безусловное господство своего кулачнаго права. Они грабили плывшія по рѣкѣ суда, грабили купца, проѣзжавшаго съ товарами, жгли и грабили деревни, обирали церкви, истязали и убивали мужиковъ, захватывали ихъ въ свои замки и, муча ихъ въ своихъ тюрьмахъ, вымогали выкупъ, насилывали женщинъ, похищали дѣвицъ, захватывали чужія земли, порабощали свободныхъ крестьянъ. Тогдашній баронъ или воинственный аббатъ въ сущности ничѣмъ не отличались отъ множества современныхъ имъ разбойничьихъ атамановъ, тоже имѣвшихъ и свои замки, и свое войско, и свой дворъ. Самъ народъ исполнъ отча-

дѣствлялъ тогда рыцаря съ разбойникомъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго, записаннаго въ XIII в. сказанія, которое я изложу здѣсь сокращенно. «У стараго крестьянина Гельмбрехта былъ одинъ сынъ. Русыя кудри молодаго Гельмбрехта спускались по плечамъ, а на головѣ онъ носилъ шелковую шапочку, на которой были вышиты голуби, попугаи и другія изображенія. Вышивала эту шапочку монахиня, бѣжавшая изъ монастыря, какъ это часто бываетъ, вслѣдствіе любовной исторіи. Сестра Гельмбрехта, Готелинда выучилась у нея шить и вышивать, и за это мать дала монахинѣ корову, сыру и яицъ. Сестра и мать сшили мальчику тонкое платье, жилетъ съ карманами и прекрасный кастанъ изъ голубаго сукна, съ золотыми, серебряными и хрустальными пуговицами; дали ему шпагу. Молодой Гельмбрехтъ сталъ просить, чтобы его отпустили ко двору и настоялъ на своемъ, не смотря на всѣ увѣщанія отца не бросать крестьянской жизни. Отецъ далъ ему жеребца, и юноша поѣхалъ въ замокъ, владѣлецъ котораго жилъ войной и охотно принималъ всѣхъ желающихъ въ число своихъ рыцарей. Скоро парень усвоилъ себѣ новое ремесло и сдѣлался отчаяннымъ разбойникомъ. Онъ не брезгалъ ничѣмъ, захватывалъ лошадей, коровъ, рухлядь, всякую мелочь. Черезъ годъ онъ вернулся домой, гдѣ съ трудомъ узнали его съ его придворными манерами и разговорами, въ которые онъ то и дѣло ввертывалъ разныя иностранныя словечки. Родные радостно приняли его и угостили на славу, а онъ осыпалъ ихъ богатыми подарками. Узнавъ изъ разговоровъ съ нимъ кое-что объ его разбойничьихъ подвигахъ, отецъ спросилъ его: кто научилъ его жить грабежемъ? Гельмбрехтъ назвалъ ему своихъ товарищерицарей: «Адскій мѣшокъ, Горлорѣза, Коровоѣда, Волчью Кишку» и т. д. Все это были придворныя прозвища, и отецъ спросилъ, какъ же звали при дворѣ его самого? «Я прозываюсь висѣльникомъ, отвѣчалъ Гельмбрехтъ, и живу не на радость мужикамъ; все, что есть у крестьянъ—мое: однимъ изъ нихъ я вырываю глаза, другимъ переламываю спину, третьихъ бросаю связанными въ муравьиныя кучи или вѣшаю за ноги на деревьяхъ». Отецъ упрекаетъ сына за его преступленія, но Гельмбрехтъ возражаетъ, что вмѣсто попрековъ онъ долженъ былъ бы благодарить его за то, что онъ не давалъ своимъ товарищамъ воровать его скотъ, гусей и курицъ. Разказы разбойника до того увлекли его сестру, что онъ уговорилъ ее бѣжать съ нимъ и выйти замужъ за его друга, рыцаря Овцекрада. Послѣдній устроилъ свадебный пиръ,—припасы для котораго были награблены,—въ домъ своего отца, безъ всякаго церковнаго обряда, какъ это обыкновенно бывало въ Германіи въ XIII в. Не успѣли еще разбойники кончить своего торжества,

какъ крестьяне съ судьею окружили домъ и переловили ихъ. Но это можно было сдѣлать съ какимъ нибудь Овцекрадомъ, пировавшимъ въ крестьянской избѣ своего отца, а не съ барономъ или аббатомъ, окруженными сильною свитою и жившими въ укрѣпленныхъ замкахъ. Съ этими разбойниками ничего не могли подѣлать сами императоры. Правда, въ 1290 г. Рудольфъ Габсбургскій учредилъ для преслѣдованія ихъ особый судъ и однажды разомъ сжегъ живыми 30 рыцарей, разрушивъ ихъ замки, но такая строгость была явленіемъ исключительнымъ, и феодальные разбойники находили себѣ въ высшемъ классѣ союзниковъ, покровителей и защитниковъ, что продолжалось вплоть до реформаціи.

Господство кулачнаго права прямо вело къ порабощенію крестьянъ, которыхъ феодалы захватывали вмѣстѣ съ ихъ землями и заставляли работать на себѣ. Порабощая свободныхъ мужиковъ, захватывали также земли другихъ помѣщиковъ и обращали ихъ крестьянъ въ своихъ подданныхъ. Такъ было, напр. въ XII в. въ окрестностяхъ Фульды, и упомянутый выше аббатъ Маргардъ писалъ въ своей автобіографіи, что до него «князья разныхъ имѣній захватывали монастырскія земли и преспокойно владѣли ими, какъ своей бенефиціей». Даже менѣе значительные люди распахивали новины и ставили деревни въ лѣсахъ св. Бонифація. Нечего и говорить, что церковные крѣпостные при этомъ всюду подвергались грабежамъ; каждый хваталъ ихъ и кричалъ: «ты мой, ты мой, я получилъ тебя въ бенефицію!» Это насильственное порабощеніе народа было особенно ужасно тамъ, гдѣ рыцари имѣли дѣло съ иноплеменнымъ крестьянствомъ, какъ въ Балтійскомъ краѣ и славянскихъ земляхъ. На востокъ стремились и крестьяне и ремесленники, но вмѣстѣ съ ними шли и шайки рыцарей, покорявшіе туземныхъ крестьянъ и воздвигавшіе на ихъ земляхъ свои замки. Въ Силезіи такимъ образомъ появилось многочисленное нѣмецкое дворянство и еще болѣе многочисленное духовенство, захватывавшее себѣ и земли, и народъ, и феодальныя привилегіи. Около 1000 г. на Одерѣ, на песчаномъ островѣ, противъ большой славянской ярмарки, превратившейся потомъ въ нѣмецкій городъ Бреславль, поселились августинскіе монахи, а въ 1200 г. бреславское епископство получило уже по наслѣдству княжескую власть надъ всѣмъ герцогствомъ Нейсе. Около того же времени, цистерціенскіе монахи основали богатый монастырь Лейбусъ и живо забрали въ свои руки всѣ окрестности. Св. Гедвига, графиня меронская, вызвала монахинь того же ордена изъ Бамберга, а мужъ ея построилъ для нихъ огромный монастырь съ каменными стѣнами и свинцовою крышею, подъ которою жило болѣе 100 монахинь. Съ необыкновенною быстротою вся область была

устьяна монастырями, и посланникъ польскаго короля, проѣхавшій изъ Кракова черезъ весь край до его сѣверной границы, то и дѣло видѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дороги, на опушкѣ лѣса или на берегу рыбной рѣки, новыя зданія церквей и монастырей. Нѣмецкіе патріоты-историки обыкновенно съ восторгомъ говорятъ объ этомъ проникновеніи на востокъ германской культуры и о зажиточности тамошнихъ крестьянъ подъ властью рыцарей, пришедшихъ съ запада. Но если въ Силезіи и лучше жилось мужику, чѣмъ въ коренной Германіи, то это зависѣло вовсе не отъ того, что нѣмецкіе рыцари были гуманнѣе и развитѣе славянскихъ пановъ, а оттого, что въ мало населенныхъ и пограничныхъ краяхъ помѣщикамъ невозможно было такъ поработать народъ, какъ въ областяхъ центральныхъ и густонаселенныхъ. Край необходимо было заселять, а притѣсненіями можно было только разгонять мужиковъ, которымъ нетрудно было бѣжать за границу; поэтому нѣмецкіе помѣщики, основывая слободы, старались привлекать въ нихъ колонистовъ разными льготами и на нѣсколько первыхъ лѣтъ освобождали ихъ отъ всякихъ повинностей. Помѣщикъ, желавшій основать городъ или деревню, обыкновенно поручалъ это дѣло подрядчику, который дѣлался фохтомъ или старшиною новой колоніи и получалъ земельный надѣлъ въ наследственную собственность. Повинности крестьянъ, пока страна заселялась, были довольно умѣренны, но мало-по-малу помѣщики лишали земледѣльцевъ всѣхъ ихъ прежнихъ правъ и обратили въ полную крѣпостную зависимость. Гуситскія войны въ конецъ разорили Силезію, пашни не воздѣлывались, деревни лежали въ развалинахъ, большіе города были выжжены, крестьяне погибали въ нищетѣ, а помѣщики и рыцари даже въ XVI в. промышляли грабежемъ и разбоемъ.

Кромѣ насильственнаго захвата земель и порабощенія крестьянъ вооруженною рукою, было другое, не менѣе дѣйствительное средство забирать ихъ въ неволю. Уже при Карлѣ V. государственныя повинности, грабежи и произволъ чиновниковъ доводили крестьянина до того, что онъ отдавалъ свой дворъ и землю какому нибудь богатому и сильному человѣку, чтобы жить подъ его защитою и отбывать за это покровительство извѣстныя повинности. Въ слѣдовавшіе затѣмъ вѣка кулачнаго права, еще большая масса крестьянъ искала себѣ защиты подъ стѣнами монастырей и феодальныхъ замковъ. Легкіе платежи и повинности, которыми сначала облагали крестьянъ выбранные ими себѣ помѣщики, постепенно увеличивались, власть помѣщиковъ расширялась, и изъ защитниковъ народа (Schirmherren) они превращались въ рабовладѣльцевъ. Не безъ сопротивленія подчинялись крестьяне захватамъ и насиліямъ помѣщиковъ, но у по-

слѣднихъ были шайки министеріаловъ и рыцарей, съ помощью которыхъ нетрудно было обуздывать «бунтующихъ мужиковъ». Наконецъ, въ тѣ времена войны, междоусобій, насилій, неврожаевъ, опустошительныхъ эпидемій, массы крестьянства то и дѣло подвергались конечному разоренію, лишались скота, сѣмянъ, земледѣльческихъ орудій, и, будучи принуждены дѣлать займы у богатыхъ землевладѣльцевъ, попадали къ нимъ въ кабалу, которая потомъ превращалась въ крѣпостную зависимость. Въ эпоху средневѣковой анархіи, нѣмецкій крѣпостной вполне завсѣлъ отъ произвола барина, который могъ сколько хотѣлъ избирать его, судить, пытать, истязать, штрафовать, казнить, насиловать женщинъ и дѣвицъ. Слстолюбивые бароны широко пользовались «правомъ первой ночи», которое даже впоследствии, когда оно было замѣнено налогомъ, имѣло крайне грубыя формы, направленные къ тому, чтобы оскорблять новобрачныхъ. Такъ, напр., швабскій монастырь Адельбергъ въ XV в. бралъ съ новобрачной 1 фунтъ 7 шиллинговъ «или сковороду такой величины, чтобы на ней могла умѣститься вся задняя часть ея». Во многихъ мѣстахъ помѣщикъ требовалъ съ невѣсты сыру и масла «объемомъ и всѣмъ съ ея заднюю часть». Свободная женщина, вышедшая за крѣпостнаго, дѣлалась крѣпостною со всѣмъ своимъ потомствомъ. Каждый землевладѣлецъ имѣлъ право («Wildfangsrecht») обращать въ рабство каждаго чужаго крѣпостнаго, убѣжавшаго отъ своего барина. Что же касается хозяйственнаго положенія крѣпостныхъ до XV в., то для характеристики его можетъ служить бытъ крестьянъ богатаго швейцарскаго монастыря С. Галлена. Часть этихъ крѣпостныхъ жила въ самомъ монастырѣ, работая на него въ качествѣ портныхъ, сапожниковъ, мельниковъ, хлѣбопеконъ, пивоваровъ, пастуховъ и т. д.; другіе строили суда, и на нихъ, по Боденскому озеру, возили въ монастырь оброки съ его имѣній въ Швабіи. Третьи жили на монастырскихъ мызахъ и работали здѣсь съ помощью крѣпостныхъ батраковъ или держали свой надѣлъ, съ котораго въ IX в. они платили монастырю по 1 ведру пива, по 2 хлѣба, по 1 свиньѣ, 5 пѣтуховъ, 20 яицъ и отбывали барщину по 3 дня въ недѣлю, мужчины на полевой работѣ, женщины же шитьемъ, тканьемъ, визаньемъ. Монастырь могъ продать крѣпостнаго, промѣнять его, подарить. Послѣ смерти крѣпостнаго, все его имущество могло быть взято монастыремъ, какъ законнымъ наследникомъ. Судебная власть по всѣмъ дѣламъ принадлежала аббату, но неважные случаи разбирались его чиновниками, мейерами и фохтами, выгодныя должности которыхъ съ теченіемъ времени сдѣлались наследственными. Въ XIII в. положеніе крѣпостныхъ нѣсколько облегчилось. Барщина попрежнему составляла 3 дня въ недѣлю, оброки платились большею частію

продуктами хлѣбопашества, скотоводства и рыболовства; аппенцельскіе крестьяне, напр., платили монастырю 2044 сыра, 12 коровъ и 12 фунтовъ 6 шиллинговъ деньгами. Въсто прежняго права на все имущество умершаго, монастырь довольствовался тѣмъ, что бралъ лучшее платье тѣхъ покойниковъ, у которыхъ не оставалось дѣтей. Дѣти наследовали родителямъ только съ дозволенія монастыря, причемъ платили ему особый налогъ. Отпущенники обыкновенно оставались на монастырской службѣ, многіе изъ нихъ превратились въ самостоятельныхъ помѣщиковъ и строили себѣ богатые замки.

Какъ ни многочисленно и ни сильно было рыцарство, но ему понадобились вѣна, чтобы забрать въ свои руки народъ, и въ теченіе XII, XIII, XIV и XV вѣковъ большинство нѣмецкихъ крестьянъ еще сохраняло свою свободу и успѣшно боролось съ поработителями. Подобно рыцарю, свободный крестьянинъ ходилъ вооруженнымъ и носилъ у себя на боку, по крайней мѣрѣ, большой ножъ, съ которымъ онъ умѣлъ постоять за себя. Даже крѣпостные крестьяне часто имѣли оружіе и хорошо владѣли имъ; принимали участіе въ распряхъ своихъ господъ, образуя пѣхоту ихъ ополченій, то съ луками и стрѣлами, то съ желѣзными цѣпами, а позднѣе—и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Большая часть нѣмецкихъ деревень, въ которыхъ постройки были расположены улицами, были не только обнесены тыномъ, но часто защищались стѣною, башнями и рвомъ, а посреди села высокая церковная ограда тоже имѣла башни и была прировнена къ защитѣ; въ случаѣ нападенія, въ ней запирали женщинъ, дѣтей, скотъ и пожитки, а крестьяне въ броняхъ и желѣзныхъ шапкахъ защищали стѣны, звуки же набатнаго колокола разносили вѣсть о нападеніи по полямъ и сосѣднимъ поселеніямъ. Многія изъ этихъ селъ, благодаря предприимчивости жителей, превращались въ города и сохраняли традиціи самоуправленія общины. «Городское устройство,—говоритъ Мауреръ,—произошло совершенно естественно изъ устройства марки. Подобно природѣ, исторія не дѣлаетъ прыжковъ, если только не стѣсняется ея движеніе. Подобно тому, какъ въ природѣ все развилось самопроизвольно изъ существующихъ зародышей, точно также и городская жизнь совершенно естественно произошла изъ существующаго зародыша. И этотъ зародышъ есть ничто иное, какъ устройство марки, которая сама возникла изъ первыхъ германскихъ поселеній и тогда же сдѣлалась основою для позднѣйшихъ публичныхъ и общественныхъ образованій права. Изъ первоначально большихъ марокъ произошли, путемъ размельченія ихъ, меньшія деревенскія марки, а чрезъ обведеніе открытыхъ деревенскихъ марокъ городскими стѣнами, т. е. изъ общества деревенской марки возникли общества городской марки.

И столь же естественно, впервые возникшая въ городахъ свобода сношеній превратила общины городскихъ марокъ въ политическія общины, и такимъ образомъ постепенно привела къ тѣмъ городскимъ общинамъ, какія мы видимъ въ настоящее время. Но возникшая въ городахъ свобода сношеній важна не только для возникновенія и развитія своеобразнаго городского устройства. Она еще болѣе важна для исторіи развитія государства. Ибо въ этой свободѣ сношеній лежалъ съ самаго начала зародышъ новаго времени. Прежде всего, свобода сношеній повела къ личной и вещной свободѣ, а эта послѣдняя повлекла за собою разрывъ всѣхъ оковъ, лежавшихъ въ средневѣковомъ устройствѣ и стѣснявшихъ свободное движеніе. Послѣ этого, свобода сношеній повела еще дальше и дальше къ гражданской и къ религиозной свободѣ. Поэтому, города должны разсматриваться, какъ предшественники новаго времени. То, что въ теченіе столѣтій образовалось въ городахъ и было достигнуто борьбою, приводитъ въ движеніе и въ настоящее время, только въ расширенномъ и увеличенномъ объемѣ, всѣ наши государства. Ибо стремленія новаго времени суть ничто иное, какъ продолженіе начатой уже въ городахъ борьбы противъ средневѣковыхъ идей, обычаевъ и учрежденій. Развитію городовъ содѣйствовало много обстоятельствъ. Мѣсто, гдѣ основывалъ свою резиденцію епископъ, быстро заселялось и обносилось стѣной. Епископъ или аббатъ обзаводился крѣпостною дворнею и всякаго рода ремесленниками, а святой, мощи котораго въ церкви творили чудеса, по праздникамъ привлекалъ въ городъ толпы народа. Въ виду этого стеченія богомольцевъ, купцы строили на свободныхъ мѣстахъ свои лавки и открывали ярмарку, покровительствуя которой, мѣстный сеньоръ выхлопывалъ ей свободу отъ королевскихъ пошлинъ. Такъ возникли Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Наумбургъ, Фульда и многіе другіе города. То же самое происходило тамъ, гдѣ строили себѣ дворцы или замки короли и значительные феодалы. Въѣсть съ дворомъ и войскомъ, въ резиденціи появлялись купцы и ремесленники, пріѣзжали съ своими свитами окрестные земледѣльцы, кутили и пировали, покупали товары, узнавали новости, наслаждались игрою странствующихъ комедіантовъ. Такъ развились Ахенъ, Франкфуртъ, Ульмъ, Нюрнбергъ, Магдебургъ и др. Въ XII и XIII в. города еще имѣли земледѣльческій характеръ, были окружены садами и пашнями, а большинство ихъ жителей состояло изъ крестьянъ. Купцы, земледѣльцы, лица, состоявшія на службѣ у владѣльца, были свободны, ремесленники же и крестьяне находились въ крѣпостной зависимости, но чѣмъ быстрѣ развивался городъ, тѣмъ болѣе они имѣли возможности наживаться и выходить изъ зависимаго положенія. А

многіе города росли и развивались очень быстро. Въ X и XI вв. крестьяне толпами спѣшили поселиться подъ защитою городскихъ стѣнъ; развивалась промышленность, расширялась торговля, и вскорѣ горожане начинали уже чувствовать, что они въ силахъ страхнуть съ себя крѣпостное иго. Когда при императорѣ Генрихѣ IV (1050—1081) большая часть епископовъ и бароновъ съ оружіемъ въ рукахъ противилась императорской власти, города внутренней Германіи выставили новое пѣхотное войско, сражавшееся съ вассальною конницею аристократіи. За это Генрихъ постарался облегчить крѣпостную зависимость горожанъ, а вскорѣ они и совсѣмъ освободились отъ нея, и въ XII в. уже дѣйствовало городовое право, въ силу котораго крѣпостной, прожившій годъ въ городѣ, становился свободнымъ.

Освободившись отъ крѣпостной зависимости, горожане, посредствомъ покупки и залога, начали пріобрѣтать большое количество земель. Городъ Ульмъ, напр., имѣлъ 15 кв. миль и на нихъ до 40,000 крестьянъ; Нюрнбергъ 20 кв. миль; даже маленькій Ротенбургъ, имѣвшій въ средніе вѣка всего 6,000 ж., владѣлъ территоріей въ 6 миль съ 14,000 жителей. Какъ ни тяжело бывало иногда этимъ городскимъ «поданнымъ», но они жили все-таки лучше другихъ крѣпостныхъ, меньше ихъ платили налоговъ, легче могли выкупаться на волю, и въ то время, какъ крестьяне въ дворянскихъ и церковныхъ имѣніяхъ то и дѣло бунтовали, вслѣдствіе грабежей и притѣсненій, крѣпостные нѣмецкихъ городовъ были доводимы до возстаній очень рѣдко. Всѣ они были въ сущности наследственными фермерами. Города, находившіеся въ зависимости отъ феодальныхъ владѣльцевъ и мелкихъ государей, тоже имѣли вліяніе на смягченіе крѣпостнаго права, такъ какъ собственники, желая содѣйствовать ихъ скорѣйшему развитію, давали жителямъ ихъ привилегіи и принимали, какъ людей свободныхъ, крѣпостныхъ, бѣжавшихъ на городскую территорію. Въ 1120 г. герцогъ церингенскій возвелъ на степень города деревню Фрейбургъ и постановилъ, что если бѣжавшаго туда крѣпостнаго будетъ требовать его баринъ, то въ подтвержденіе своихъ правъ на него, онъ долженъ представить семь свидѣтелей изъ числа ближайшихъ родственниковъ мужика. Генрихъ гомбургскій тоже не выдавалъ бѣжавшаго къ нему крѣпостнаго, если онъ, въ отвѣтъ на требованіе его помѣщикомъ, присягалъ, что не принадлежитъ ему. На улучшеніе земледѣльческаго быта имѣли еще вліяніе нидерландскіе колонисты, которые, начиная съ XII в., селились во многихъ мѣстахъ, опустошенныхъ войнами славянъ съ нѣмцами. Нѣмецкіе землевладѣльцы очень дорожили этими трудолюбивыми колонистами и старались привлекать ихъ широкими льготами. Фридрихъ, епископъ бременскій (1104—1123) бралъ съ нихъ всего по

2 серебряныхъ марки за 100 хуфъ, или 1 кв. милю, а между тѣмъ они пользовались и личною свободою, и полнымъ правомъ наследственной собственности на данную имъ землю, и самоуправленіемъ. Много подобныхъ колоній было основано въ Голштейнѣ, Мекленбургѣ, Бранденбургѣ, Саксоніи и Тюрингенѣ. Всѣ они пользовались такими же льготами, какъ бременскія, и жили свободными общинами «по голландскому праву». Колонисты не только сами были зажиточны, но и помѣщикамъ давали болѣе доходовъ, чѣмъ крѣпостные, управители которыхъ, министріалы, обыкновенно много воровали и грабили въ свою пользу. Многіе помѣщики, поэтому, начали заводить въ своихъ деревняхъ льготные порядки, подобные тѣмъ, какіе существовали въ колоніяхъ, и права послѣднихъ распространялись и на чисто нѣмецкія общины. Наконецъ, свобода нѣмецкаго крестьянина значительно поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что ему было куда бѣжать, и онъ легко могъ найти землю во вновь заселяемыхъ областяхъ востока. Переселившіеся туда крестьяне обыкновенно принимались помѣщиками на льготныхъ условіяхъ, а оставшихся въ Германіи землевладѣльцы остерегались сильно притѣснять, чтобы не давать поводовъ къ побѣгамъ. Мужиковъ приходилось дорожить, такъ какъ деревни страшно пусты и отъ побѣговъ, и отъ непрерывныхъ войнъ, и отъ эпидемій; цѣны на крѣпостныхъ стояли очень высокія, и въ 1237 г., напр., архіепископъ магдебургскій промѣнялъ у кведлинбургскаго аббата двухъ своихъ министріаловъ на одного мужика. Что же касается земель, куда выселялись нѣмецкіе крестьяне, то въ Силезіи, Пруссіи, Венгріи, Моравіи, Чехіи землевладѣльцы до того нуждались въ нихъ, что принимали ихъ на упомянутомъ голландскомъ правѣ или, по крайней мѣрѣ, предоставляли имъ личную свободу, самоуправленіе, право собственности на надѣлы и облагали ихъ строго опредѣленными, умеренными повинностями. Только впослѣдствіи крестьяне были лишены этихъ льготъ и поработены аристократіей. Вообще, въ Германіи свободные крестьяне, составившіе большинство населенія, отличались зажиточностью и независимымъ характеромъ. Многіе крестьяне дѣлались рыцарями, многіе рыцари были должниками мужиковъ и нерѣдко женились на богатыхъ крестьянкахъ. Въ Рюгенѣ, даже во времена Лютера, крестьяне ничѣмъ не отличались отъ дворянства и вели одинаковый съ нимъ образъ жизни. Свободные крестьяне были по всей Германіи, но далеко не въ равной пропорціи относительно остальнаго населенія. Въ области франковъ, отнятой при Меровингахъ, у тюрингенцевъ, швабовъ, бургундовъ и аллемановъ, побѣжденное населеніе было подавлено игою множества мелкихъ тирановъ, и свободныхъ крестьянъ было немного; зато въ Австріи, Зальцбургѣ, Силезіи, Бо-

гемии и Каринтіи они составляли до XV в. огромное большинство. Въ завоеванныхъ областяхъ, на нижнемъ Одерѣ,—Бранденбургѣ, Мекленбургѣ и Помераніи—гнѣздилося хищное рыцарство и держало крестьянъ въ рабствѣ. Вдоль Альповъ, по берегамъ моря, крестьянинъ былъ свободнымъ собственникомъ, гордился тѣмъ, что и его предки участвовали въ крестовомъ походѣ, и держалъ на крышѣ своего дома такой же родовой знакъ, какъ гербъ дворянина. Эти богатые мужики ничѣмъ не отличались отъ рыцарей, лихо ѣздили на своихъ коняхъ, грабили и разбойничали. «Вообще же свободный крестьянинъ, говоритъ Фрейтагъ,—даже въ XV в. сохранялъ многое изъ старыхъ правъ и прежней силы. Онъ все еще высоко ставилъ въ своихъ пѣсняхъ свое занятіе и смѣялся надъ невѣрностью другихъ промысловъ. Въ известной народной пѣснѣ три сестры выходятъ замужъ, одна за дворянина, другая за музыканта, третья за мужика; первыя двѣ съ мужьями приходятъ въ гости къ послѣдней: «потѣшный музыкантъ играетъ, голодный дворянинъ пляшетъ, а крестьянинъ сидитъ и смѣется». Въ концѣ XV в. одно стихотвореніе рисуетъ такую сцену деревенскаго веселья: развязные парни, вооруженные алебардами и копьями, сходятся изъ разныхъ деревень танцовать подъ липами; изъ одной деревни всѣ 24 парня одѣты въ красные суконные кафтаны, желтые жилеты и штаны. Нарядная дѣвушка, любимая плясунья молодежи, отказывается танцовать съ парнемъ; начинается перебранка, дѣло доходитъ до оружія; чиновникъ, пришедшій изъ города, спасается бѣгствомъ. Когда пляска и ссора кончены, мужчины садятся на траву, а женщины стоятъ. Затѣмъ начинаются игры и пѣсни. Музыкантъ, забредшій въ деревню съ своею скрипкою или поселившійся между крестьянами, учитъ ихъ новымъ пѣснямъ и мелодіямъ; неисчерпаемый запасъ народныхъ пѣсенъ, послѣднихъ остатковъ древняго язычества, дополнялся тѣмъ, что пѣлъ бродячій ландскнехтъ о новой войнѣ или битвѣ». Старинная любовь къ природѣ еще не ослабѣла, пѣніе птицъ въ клѣткахъ, уходъ за животными были обыкновенными домашними удовольствіями, и еще при Лютерѣ, передъ самымъ началомъ крестьянской войны, одинъ крестьянинъ цѣловалъ въ шею своего красиваго жеребенка; это подсматрѣлъ монахъ, мужика притянули къ духовному суду и взыскали съ него за такой соблазнъ большой штрафъ *).

С. Шашковъ.

*) Когда статья эта уже была сдана въ типографію, къ намъ пришло печальное извѣстіе о кончинѣ автора, С е р а ф и м а С е р а ф и м о в и ч а Ш а ш к о в а. Почтимъ добрымъ словомъ память честнаго и даровитаго труженика, такъ много поработавшаго для русской литературы и такъ много пострадавшаго на своемъ недолгомъ вѣку... Годы ссылки сломили его здоровье, и онъ умеръ, не достигши сорока лѣтъ, въ полномъ разцвѣтѣ умственныхъ силъ.

Ред.

7*

ДРУЗЬЯМЪ.

Много насъ, и много слышно звуковъ.

Хоръ великъ; но кто-же править имъ?

Что-же мы въ поэзи для внуковъ,

Для своихъ потомковъ создадимъ?

Чѣмъ они съ любовью насъ помянутъ,

Двинувъ Русь родиную впередъ?

Чьи-же лавры долго не увянутъ,

Чье-же имя долго не умретъ?

Нѣтъ у насъ давно пѣвцовъ великихъ.

Въ грозный вѣкъ мы слабы безъ вожда.

Мы въ степяхъ томительныхъ и дикихъ—

Словно капли мелкаго дождя.

Если нива жадно просить влаги,

Мелкій дождь не напоитъ её.

Если мы развѣсимъ наши флаги,—

Примутъ ихъ за жалкое тряпье!

Что на нихъ пророчески напишемъ,

Поучая внуковъ дорогихъ?—

Мы едва и сами робко дышемъ,

Такъ ужъ гдѣ намъ оживить другихъ!

Суждено проселочной дорогой

Намъ плестись на маленькій «Парнасъ»,—

И страдалецъ истинный, убогій—

Нашъ народъ не вѣдаетъ о насъ.

Да и знать о насъ ему не нужно.
 Всѣ мы мертвы. Онъ одинъ—живой.
 И безъ насъ споетъ онъ пѣсню дружно
 Надъ Днѣпромъ, надъ Волгой и Невой.

Не придутъ отъ насъ въ восторгъ потомки,
 Видя въ насъ лишь стонущихъ рабовъ,
 И растопчутъ жалкіе обломки
 Нашихъ лиръ и тлѣющихъ гробовъ.

И тогда пусть встанутъ наши кости,
 Потѣшая дѣтокъ и внучатъ;
 Пусть онѣ спокойно и безъ злости
 Изъ своей могилы прозвучатъ:

— «Растоптали насъ вы—и забыли;
 «Мы лежимъ, повержены въ пыли.
 «Но народъ мы истинно любили,
 «Хоть его воспѣть и не могли.

«Пойте сами громче и чудеснѣй!
 «Вамъ иная доля суждена.
 «Мы себя не услаждали пѣсней,—
 «Насъ лишь только мучила она.

«Мы ее болѣзненно слагали,
 «Предъ своимъ кумиромъ павши ницъ...
 «Пѣть ее намъ только помогали
 «Голоса изъ склеповъ и темницъ...»

Леонидъ Трефолевъ.

О преступленіяхъ противъ вѣры.

I.

Всякому криминалисту и даже каждому образованному человеку вѣдомо, что общая постановка преступленій противъ вѣры въ Уложеніи о наказаніяхъ принадлежитъ къ самымъ несовершеннымъ и отсталымъ отдѣламъ нашего законодательства.

Въ основаніе этого отдѣла положены начала, которыя созданы были въ отдаленные вѣка, — начала нетерпимости, исключительнаго прозелитизма господствующей церкви, начала давно отмѣненныя въ западно-европейскихъ законодательствахъ, но тормозящія развитіе русскаго народа какъ въ гражданскомъ такъ и въ религіозномъ отношеніи.

Мыслящій умъ не можетъ не поразиться тою многосложностью и запутанностью положеній, которыми регламентируются въ нашемъ законодательствѣ преступленія противъ вѣры и нарушенія правилъ, предписанныхъ къ соблюденію, какъ для охраны господствующей вѣры, такъ и для взаимныхъ отношеній ея къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ этомъ отдѣлѣ замѣчается непоследовательность, невыдержанность началъ, господство въ нѣкоторыхъ пунктахъ не только суроваго закона, но и полнаго произвола властей, руководствующихся въ своей дѣятельности секретными инструкціями и неизвѣстными народонаселенію предписаніями.

Законы, относящіеся до преступленій противъ вѣры и нарушеній религіознаго порядка, отличаются замѣчательнымъ обиліемъ. Въ общей суммѣ они одни равняются половинѣ статей любаго европейскаго уголовнаго кодекса.

Въ Уложеніи (1857 г.) преступленія противъ вѣры изложены

были въ 82 статьяхъ, отъ 192 по 274-ю. Въ новой редакціи мы получили 65 статей въ Уложеніи (отъ 176 до 240) и 2 статьи въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (35 и 36).

Но это далеко не всѣ статьи, содержащія карательныя мѣры за дѣйствія, относящіяся къ вѣрѣ или соприкасающіяся съ ней. Въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, раздѣлъ первый, обнимающій 135 статей (3—138) исключительно посвященъ этимъ дѣйствіямъ. Статьи этого раздѣла (т. XIV Св. Зак. изд. 1857 г.) имѣютъ тѣснѣйшую связь со 2-мъ раздѣломъ Уложенія о наказаніяхъ: О преступленіяхъ противъ вѣры и о нарушеніяхъ ограждающихъ оную постановленій. Тамъ, главнымъ образомъ, изложены общія начала законодательства о предметахъ вѣры и опредѣлительная часть преступленій и нарушеній правилъ вѣры; здѣсь, въ уложеніи, содержится уголовный законъ объ этихъ преступленіяхъ въ его чистомъ видѣ. Кто хочетъ уразумѣть постановленія нашего уголовного законодательства о преступленіяхъ этого рода, тотъ не можетъ обойтись безъ изученія перваго раздѣла Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. И наоборотъ: начала, велѣнія и запрещенія этого послѣдняго Устава явятся въ неоконченномъ и неполнѣ досказанномъ видѣ для того, кто, при изученіи ихъ, опуститъ бы безъ вниманія постановленія Уложенія о наказаніяхъ. Началамъ, изложеннымъ въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи по вопросамъ вѣры, болѣе приличное мѣсто не здѣсь, а въ основныхъ законахъ. Семь статей основныхъ законовъ о вѣрѣ (40—46 т. I Св. Зак. изд. 1857 г.) даютъ неполное и даже смутное понятіе о правахъ и обязанностяхъ русскихъ подданныхъ въ дѣлахъ ихъ вѣры,—этой свѣтѣйшей области интимной жизни человѣка,—и становятся вполне ясными только при сопоставленіи съ положеніями, изложенными въ раздѣлѣ «о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій противъ вѣры», занимающемъ фронтъ Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій вообще.

II.

Въ ходѣ отношеній человѣка къ вѣрѣ вообще и формули-

ровѣ этихъ отношеній, какъ въ видѣ опредѣленія основныхъ началъ, такъ и въ видѣ уголовныхъ законовъ по предметамъ вѣры, легко отличить два строя, двѣ системы, или двѣ формации. Характеристика, опредѣленіе и изображеніе ихъ поставитъ насъ въ возможность рѣшить вопросъ: къ какой формации относится наше уголовное законодательство, какой строй оно изъ себя представляетъ, какой системы оно держится.

Не можетъ быть и рѣчи о преступленіяхъ противъ вѣры у первобытнаго человѣка, какъ не существуетъ у него и государственныхъ преступленій. Пока племена живутъ разсѣянно, пока ихъ вѣрованія представляютъ обрывки темныхъ, неопредѣленныхъ суевѣрій, пока вѣрованія не сложились въ твердые догматы, пока религія не организовалась, пока не сложился извѣстный культъ съ духовною іерархіею, съ организованною кастою, или сословіемъ жрецовъ, вѣдающихъ дѣла религіи,—до тѣхъ поръ у разсѣянныхъ племенъ, живущихъ въ дикой, неорганизованной жизни, мы не находимъ преступленій противъ религіи. Послѣднія, какъ и государственныя преступленія, появляются вмѣстѣ съ объединеніемъ племенъ, съ организаціею обществъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніи. Въ древнихъ государствахъ, существовавшихъ какъ въ Азій и Африкѣ, такъ и въ Европѣ, вмѣстѣ съ ихъ организаціею и сложениемъ религій въ національный культъ, возникаютъ и преступленія противъ вѣры. Въ законахъ египетскихъ, индійскихъ, еврейскихъ, вавилоно-ассирійскихъ, персидскихъ, китайскихъ, греческихъ и римскихъ, мы встрѣчаемъ постановленія о преступленіяхъ противъ вѣры. Оскорбленіе божества, неуваженіе и оскверненіе святыни, клятвопреступленіе, святотатство, неисполненіе обрядовъ или приверженность къ отжившимъ обрядамъ стараго, первобытнаго культа—вотъ тѣ дѣйствія, которыя въ законахъ этихъ народовъ объявлены были преступленіями противъ вѣры, обложенными тяжкими казнями. Но вслѣдствіе того, что религіи этихъ народовъ были вполнѣ національны и не заключали въ себѣ идей объединенія, они лишены были стремленія къ прозелитизму и не считали себя за единственно истинныя, за такія, которыя должны быть приняты каждымъ человекомъ, принадлежащимъ къ данному государству. Вотъ почему исторія такъ мало знаетъ дѣйствій, объявленныхъ въ за-

конахъ этихъ народовъ уголовными преступленіями, дѣйствій, вытекавшихъ съ одной стороны изъ прозелитизма, съ другой— изъ духа нетерпимости.

Вопросъ о преступленіяхъ противъ вѣры дѣлаетъ рѣшительный шагъ съ возникновеніемъ религій, не національныхъ только, но, если можно такъ выразиться, общенародныхъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ христіанская религія.

Утвержденіе и торжество христіанской религіи среди древнихъ и новыхъ народовъ, восточныхъ и западныхъ, поставило вопросъ о преступленіяхъ противъ вѣры на ту почву, на которой она до сихъ поръ стоитъ. Новая постановка этого вопроса въ новѣйшихъ европейскихъ законодательствахъ возникла изъ прежней постановки, безъ уразумѣнія которой нельзя понять и ее.

При своемъ возникновеніи, религія христіанская была религіею гонимую. Она должна была выдержать борьбу какъ за свое существованіе, такъ и за свое распространеніе. Притѣсненія, гоненія и казни то расширились, то суживались. И хотя существуетъ мнѣніе въ наукѣ, что гоненія и казни эти не были въ такой мѣрѣ обширны, какъ ихъ представляютъ христіанскіе историки, однакожъ не подлежитъ сомнѣнію, что религія христіанская, при своемъ возникновеніи и распространеніи, возбудила противъ себя ненависть народныхъ массъ, чему слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать и казни, совершонныя римскимъ правительствомъ надъ послѣдователями христіанской религіи.

Христіанская религія, по самому существу своему, содержала въ себѣ пачала религіи общенародной, а по той средѣ, въ которой она дѣйствовала, ей легко было и сдѣлаться общенародной.

Провозгласивъ идею единого Бога, общаго отца всѣхъ народовъ и покровителя всѣхъ труждающихся, обремененныхъ и угнетенныхъ, она по одному этому должна была распространиться среди самыхъ различныхъ народовъ, которые постепенно ее воспринимали. Территоріею ея распространенія сдѣлалась римская имперія, обнимавшая большую часть тогдашняго цивилизованнаго міра и часть полуварварскихъ народовъ, принадлежавшихъ къ одному государству; въ самыхъ сношеніяхъ правительственныхъ и въ естественныхъ отношеніяхъ между народами, входившими въ составъ этого государства, христіанская религія почерпала средства къ своему распространенію. Она явилась

началомъ, объединяющимъ народы римской имперіи въ сферѣ религиозной, подобно тому, какъ императорство явилось объединяющимъ началомъ въ сферѣ политической. Наконецъ, усвоивъ идеи и положенія греческой и римской философіи и литературы, она сумѣла воспользоваться ими для организаціи религиознаго культа и церковной іерархіи.

Еще будучи гонимомъ, христіанская религія стала твердо держаться ученія абсолютной ортодоксіи, т. е., что она только есть единая истинная религія, а всѣ прочія суть плодъ заблужденій человѣческихъ, что существуетъ единый истинный Богъ, что боги языческіе суть злые духи и демоны, что внѣ христіанской религіи нѣтъ и не можетъ быть спасенія, что о семъ спасеніи долженъ заботиться каждый, и что спасти душу человѣческую, путемъ хотя бы насильственнаго присоединенія къ христіанской религіи, есть обязанность каждаго вѣрующаго.

Отсюда духъ прозелитизма, замѣтный въ христіанствѣ при самомъ его возникновеніи. Но пока христіанская церковь сама была гонима, она всѣ силы свои обращала на то, чтобы отстаивать свое существованіе защитой своихъ истинъ, отстаиваніемъ началъ вѣротерпимости, изложеніемъ доказательствъ того, что исповѣдующіе христіанскую вѣру суть люди мирные, добрые, и полезные государству граждане. Къ этому періоду относится организація церковной іерархіи. Когда христіанская религія объявлена была господствующею въ римской имперіи, первоначальная іерархія явилась уже вполне сложившимся учрежденіемъ. Съ этихъ поръ образъ дѣйствія церковной іерархіи измѣняется. Воспитанное въ гоненіяхъ, оно усвоило себѣ не идеи вѣротерпимости, которыя во время гоненія были ему благопріятны, а идеи противоположныя, идеи абсолютной ортодоксіи, идеи исключительнаго, монополярнаго прозелитизма. Нетерпимость римскаго языческаго правительства не только была усвоена христіанскою церквю, но и доведена до послѣднихъ крайнихъ выводовъ, дальше которыхъ нельзя идти.

Признавая христіанскую вѣру единою истинною религіею, угодною Богу, а всѣ остальные—тяжкимъ, богопротивнымъ заблужденіемъ, христіанская церковь признала себя вправѣ, въ качествѣ служителя этой религіи, всячески противодействовать всему тому, что являлось отступленіемъ отъ ея дог-

жатовъ, и содѣйствовать разными средствами всему, что способствовало къ ея распространенію въ массахъ. На этихъ началахъ построена была система преступленій противъ вѣры въ законодательствахъ христіанскихъ народовъ.

Съ признаніемъ христіанства господствующей вѣрою въ римской имперіи, усвоены были римскимъ свѣтскимъ законодательствомъ слѣдующія доктрины, вытекавшія изъ ученія, что христіанская религія есть единственно истинная, и что другія религіи, какъ ложныя, не должны быть терпимы:

1) Язычники и евреи, какъ не вѣрующіе въ истиннаго Бога и держашіеся своихъ заблужденій, должны быть обращаемы всѣми мѣрами въ христіанство. Впослѣдствіи къ нимъ причислены были и магометане. Варварскіе народы съ своими національными религіями были отнесены сюда же. Государи при коронаціи давали обязательство, что они въ своихъ государствахъ не будутъ терпѣть другой религіи, кромѣ католической. Изъ такого ученія объ абсолютной ортодоксіи христіанства и невѣротерпимости вытекла послѣдующая законодательная практика.

2) Едва христіанская церковь почувствовала свое могущество, какъ началось преслѣдованіе послѣдователей древнихъ культовъ; языческіе храмы были разрушены, и язычники лишены права свободнаго богослуженія.

3) Евреи объявлены были народомъ, отверженнымъ Богомъ и людьми: всякое общеніе христіанъ съ ними было запрещено. Они лишены были свободы вѣроисповѣданія и подвергались въ разныхъ странахъ жестокимъ гоненіямъ. По законамъ визиготовъ, имъ запрещены были: браки, празднованіе субботы, пасхи, обрѣзаніе, подъ страхомъ побіенія камнями или сожженія живыми; было предписано, чтобы они крестили своихъ дѣтей и воспитывали ихъ въ монастыряхъ; браки ихъ съ христіанами объявлены были ничтожными; запрещено было имъ читать книги, направленные противъ христіанства, и запрещено также спасаться бѣгствомъ отъ принятія христіанства; не дозволено было христіанамъ покровительствовать евреямъ; духовенству предоставлена была власть надзирать за исполненіемъ этихъ законовъ. Эти законы служили моделью для законовъ другихъ

странъ; они дали въ результатъ большую сумму преслѣдованій и казней евреевъ изъ-за вопросовъ вѣры.

4) Уже законы первыхъ христіанскихъ императоровъ римской имперіи и законы варварскихъ народовъ, принявшихъ христіанство, проникнуты были тѣмъ же духомъ невѣротерпимости по отношенію къ религіозному разномыслию, или ересямъ, и отступленію отъ христіанской вѣры. Эти законы продиктованы были церковью и ея представителями, и составлены въ соотвѣтствіе съ постановленіями соборовъ и сочиненіями церковныхъ авторитетовъ. Уже Константинъ, провозгласившій христіанство господствующею религіею, за отступленіе отъ христіанства и принятіе іудейства и всякой другой вѣры, опредѣлилъ конфискацію имущества. Императоръ Феодосій и Валентинъ пошли дальше: они обложили смертною казнью отступленіе отъ вѣры, отягченное духомъ прозелитизма. Въ силу этихъ законовъ, донатисты и манихеи платились жизнью за свои мнѣнія, несогласныя съ ортодоксіею. Эти законы послужили фундаментомъ для будущаго законодательства христіанскихъ народовъ. Святой Тома училъ, что ересь есть грѣхъ, который долженъ быть искорененъ не только изъ церкви отлученіемъ, но изъ міра смертію. Ибо гораздо преступнѣе повредить вѣру, которая есть жизнь души, чѣмъ дѣлать фальшивую монету, такъ какъ настоящая монета служитъ только для временной жизни. Это ученіе сдѣлалось общимъ для всѣхъ теологовъ, даже самыхъ умѣренныхъ, самыхъ разсудительныхъ по своему времени. Смертная казнь сдѣлалась въ теченіе многихъ вѣковъ обыкновеннымъ наказаніемъ за ересь. Въ силу духа нетерпимости, которымъ прониклась христіанская церковь со времени ея торжества, произведены были религіозныя войны, которыя, по исчисленію Вольтера, истребили около 9.000,000 народонаселенія. Во имя долга истребленія ересей совершены были многочисленныя казни еретиковъ и диссидентовъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Испанія, первая, отырла практику казни еретиковъ; за нею слѣдовала Франція въ своихъ преслѣдованіяхъ вальденцевъ и альбигойцевъ, и затѣмъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкѣ—протестантовъ; Нидерланды долго были позорищемъ казней, которыя совершались надъ

еретиками по волю Карла V и Филиппа II; въ Германіи распространение идей реформаціи породило рядъ казней; Италія не избѣжала той же участи; въ Англіи долго подвергались преслѣдованію католики; религіозная борьба въ Женевѣ и другихъ кантонахъ Швейцаріи не обошлась безъ казней такъ называемыхъ еретиковъ.

Такимъ образомъ, къ преступленіямъ противъ вѣры, какъ напр. богохульство, оскорбленіе и оскверненіе святыни, клятвopреступленіе, святотатство, которые извѣстны были всѣмъ организованнымъ культамъ, въ томъ числѣ и древнихъ классическихкихъ народовъ,—христіанская церковь присоединила неизвѣстныя до тѣхъ поръ преступленія: отступленіе отъ вѣры, разновѣріе и ересь, которые у новыхъ народовъ получили преобладающее значеніе въ системѣ преступленій противъ вѣры. Человѣкъ христіанскаго культа поставилъ себѣ задачею считать дѣло вѣры, эту таинственную моральную связь человѣка съ Богомъ, своимъ собственнымъ дѣломъ, не только по отношенію къ себѣ, но и къ другимъ. Онъ возвелъ иновѣріе и разновѣріе на степень тяжкихъ преступленій. Онъ объявилъ эти преступленія тяжкими оскорбленіями величества Божія. Онъ принялъ на себя миссію истить за оскорбленное божество. Онъ призналъ, что только онъ и правовѣренъ и угоденъ Богу. Онъ былъ убѣжденъ, что всякое разновѣріе есть преступленіе, а слѣдовательно его слѣдуетъ искоренять всѣми средствами принужденія, насилія и жестокости. Онъ присвоилъ одному себѣ право и возвелъ въ обязанность—распространять свои религіозныя убѣжденія, возвѣстивъ прещенія и кары послѣдователямъ всѣхъ другихъ исповѣданій за малѣйшее покушеніе къ проповѣди и распространенію своихъ ученій. Все это явилось прямымъ выводомъ изъ ученія объ ортодоксіи, невѣротерпимости и монополярнаго прозелитизма.

Чтобы представить образецъ законодательной практики, основанной на изложенныхъ началахъ, я приведу краткое изложеніе системы религіозныхъ преступленій во Франціи во второй половинѣ XVIII в. Источникомъ для меня служитъ сочиненіе Мюуръ-де-Вуглана: «Les lois criminelles de France, 1780». Первый титулъ третьей книги этого сочиненія, обнимающій всѣ преступленія противъ вѣры, озаглавивается такъ: «О преступленіяхъ

противъ религіи, или о преступленіяхъ—оскорбленіяхъ величія Божія». (*Lèse—Majesté Divine*). Въ общихъ положеніяхъ авторъ говоритъ: «Мы называемъ преступленіями противъ религіи всѣ тѣ, которыя оскорбляютъ святость или истину религіи». «Мы называемъ ихъ также преступленіями оскорбленія величія Божія (*Lèse—Majesté Divine*), потому что здѣсь прямо оскорбляется величіе Божіе».

Вслѣдъ за изложеніемъ общихъ понятій о преступленіяхъ противъ религіи, авторъ разсматриваетъ отдѣльные виды преступленій этого рода въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ главѣ первой: преступленія, которыя содержатъ въ себѣ нападеніе на религію въ самомъ ея существѣ, или о богохульствѣ, атеизмѣ, магіи и колдовствѣ. Въ частности, наряду съ атеизмомъ онъ трактуетъ о деизмѣ, политеизмѣ и толерантизмѣ; о послѣднемъ онъ говоритъ по поводу книги Бакваріи: «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», которую считаетъ опасною и заразительною, потому что она пронизана духомъ вѣротерпимости. Во второй главѣ авторъ разсматриваетъ преступленія, которыя содержатъ въ себѣ нападенія на религію въ авторитетѣ ея главы, или трактуетъ о ереси, отступленіи отъ вѣры и схизмѣ.

Въ третьей главѣ онъ трактуетъ о тѣхъ преступленіяхъ, которыя содержатъ въ себѣ нападеніе на религію въ предметахъ или лицахъ, посвященныхъ Богу; въ частности онъ разсматриваетъ слѣдующія преступленія: а) оскверненіе священныхъ вещей; б) оскверненіе вещей, посвященныхъ Богу; в) оскверненіе церквей; г) скрытіе мертвыхъ тѣлъ тѣхъ лицъ, которыя владѣли бенефиціями; д) раскрытіе могилъ и оскверненіе кладбищъ; е) симонія; ж) обиды, наносимыя священникамъ; з) похищеніе и обольщеніе монахинь, взломъ монастырскихъ оградъ (*Lois criminelles. 91—131*).

Другой французскій писатель того-же времени, Пасторъ, исчисляя преступленія, за которыя положена была во Франціи смертная казнь, именуется въ числѣ ихъ слѣдующія преступленія противъ религіи: 1) богохульство; 2) составленіе сочиненій противъ религіи; 3) подстрекательство въ тому; 4) печатаніе ихъ; 5) святотатство, соединенное съ суевѣріемъ и нечестіемъ; 6) святотатство, соединенное съ оскверненіемъ священныхъ ве-

щей; 7) постыженіе и разрушеніе крестовъ и изображеній; 8) всякій актъ церковнаго скандала и противорелигіознаго мятежа; 9) собраніе еретиковъ съ оружіемъ; 10) исполненіе ихъ проповѣдниками своихъ обязанностей; 11) магія и колдовство (*Les lois pénales* Т. II, ч. 4, стр. 120 121).

Въ 1685 г. отмѣненъ былъ знаменитый «нантскій эдиктъ» Генриха IV, которымъ прекращены были во Франціи гоненія протестантовъ. Вслѣдъ за этою отмѣною, изданъ былъ Людовикомъ XIV рядъ декларацій, 1686, 1687, 1693, 1713, 1724 гг., которыми восстановлено было гоненіе на протестантовъ, воскресенъ былъ и духъ невѣротерпимости, начавшій опять опустошать Францію. Въ этихъ деклараціяхъ объявлены были преступленіями слѣдующія дѣйствія: 1) религіозныя собранія протестантовъ; 2) проповѣдь ихъ; 3) дача помѣщенія и убѣжища для религіозныхъ сходокъ; 4) возвращеніе умирающаго къ своей вѣрѣ, повинутый, можетъ быть, по слабодушію и легкомыслію; 5) тайное присутствіе при больныхъ съ цѣлю поддержать и укрѣпить ихъ въ своей вѣрѣ; 6) бракъ, заключенный по обычаямъ протестантовъ; 7) такой же бракъ, заключенный внѣ королевства; 8) крещеніе, совершенное другою рукою, кромѣ руки католическаго священника; 9) молчаніе повивальной бабки, не донесшей о намѣреніи родителей воспитывать ихъ новорожденнаго въ своихъ вѣрованіяхъ; 10) молчаніе врачей, хирурговъ, аптекарей съ цѣлю покровительствовать сохраненію вѣрованій умирающаго; 11) вѣрность слугъ, защищавшихъ неприкосновенность жилищъ ихъ господъ. Такимъ образомъ, узы семьи были разрушены; бракъ протестантовъ былъ объявленъ конгубинатомъ, законнорожденные дѣти признаны были плодомъ любодѣянія. Всѣ эти мнимыя преступленія карались жестоко: мужчины были осуждаемы на вѣчныя каторжныя работы на галерахъ; женщины—на бритые головы, конфискацію имущества и пожизненное заключеніе въ монастырь; смертная казнь опредѣлена была для пасторовъ. (*Tissot, Le droit pénal*. Т. II, 283).

По типу французскаго законодательства были составлены законы и другихъ европейскіхъ народовъ. Въ виду ихъ сходства, излишне ихъ излагать. Всѣ европейскія законодательства, какъ и вышеизложенное французское, въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ вѣры держались слѣдующихъ четырехъ началъ: а) абсо-

лютной ортодоксіи господствующей религіи; б) монополярнаго прозелитизма; в) невѣротерпимости, г) убѣжденія, что то или другое дѣйствіе, возводимое ими въ преступленіе, прямо и непосредственно оскорбляетъ Божество.

Изъ этихъ-то началъ и вытекали постановленія о такихъ преступленіяхъ, какъ отступленія отъ вѣры, ереси, распространеніе иновѣрческихъ и еретическихъ религій, и, наконецъ, все ученіе объ оскорбленіи божескаго величія.

III.

Въ прошедшемъ столѣтіи, въ западно-европейскихъ обществахъ мало-по-малу получили господство совершенно противоположныя начала: вѣротерпимости, свободы вѣроисповѣданія и сознанія недосягаемой высоты Божественнаго существа, за оскорбленіе котораго человѣкъ, не находясь въ непосредственномъ съ нимъ соприкосновеніи, не можетъ и являться мстителемъ.

Вотъ вкратцѣ развитіе этихъ началъ:

Вѣротерпимость есть требованіе разума, которое необходимо осуществить для спокойствія и безопасности государствъ: она есть велѣніе справедливости; она предписывается совѣстью современнаго человѣка и его христіанскимъ братолюбіемъ.

Всякій законодатель, исповѣдующій извѣстную вѣру, долженъ знать, что всѣ другія религіи опираются на историческихъ фактахъ, что онѣ подкрѣпляются одними и тѣми же доказательствами, что онѣ имѣютъ за себя извѣстныя книги и преданія, которыя признаются за священные ихъ послѣдователями, что онѣ покоятся на идеѣ недостаточности разума человѣческаго, что всѣ онѣ имѣютъ среди своихъ поклонниковъ людей просвѣщенныхъ и честныхъ, что противорѣчивыя религіозныя мнѣнія исповѣдуются по доброй совѣсти тѣми людьми, которые цѣлую жизнь размышляли о предметахъ вѣры; и потому законодатель долженъ быть вѣротерпимъ.

Всеобщій интересъ человѣчества требуетъ допущенія и утвержденія свободы мнѣній, совѣсти и богослуженія. Это есть единственное средство установить между людьми братство, такъ какъ, при абсолютной невозможности достигнуть соединенія всѣхъ въ

однихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, братство и согласіе возможны только подъ условіемъ оказанія уваженія тѣмъ, которые держатся противоположныхъ религіозныхъ мнѣній.

Вѣротерпимость въ большихъ государствахъ необходима для стойкости правительства: при господствѣ вѣротерпимости, ему нечего опасаться, такъ какъ она, способствуя спокойствію умовъ и умиротворенію страстей, отнимаетъ всякій предлогъ для недовольства. При преслѣдованіи религіознаго разномыслія, малыя силы, отдѣльныя группы соединяются и образуютъ опасную силу. При господствѣ же противоположнаго режима въ странѣ, раздѣленной на великое число сестъ, ни одна не можетъ претендовать на господство; и слѣдовательно всѣ пребываютъ въ спокойствіи.

Люди, которые считаютъ исповѣдуемую ими вѣру истинною, должны стоять за вѣротерпимость. И прежде всего потому, чтобы имѣть право быть терпимыми въ той странѣ, въ которой ихъ вѣра не есть господствующая; потому для того, чтобы ихъ религія могла кротостью покорить всѣ умы. Всякій разъ, когда людямъ предоставлена была свобода обсужденія, въ концѣ концовъ одна истина торжествовала. Не много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ позволено разуму заговорить о колдовствѣ, и это заблужденіе, столь недавно всеобщее, столь застарѣлое, почти абсолютно исчезло. Уже ли можно серьезно думать, что нужны палачи и убійцы, чтобы отучить отъ того или другаго вѣрованія?

Нѣкоторые сдѣлаются доказать слѣдующія положенія: свобода мысли—естественное слѣдствіе вѣротерпимости—влечетъ за собою разрушеніе морали; поэтому невѣротерпимость необходима для счастья людей. Такое мнѣніе есть клевета на природу человѣческую. Она не согласна съ фактами. Между тѣми людьми, которые совершаютъ преступленія, больше людей суевѣрныхъ, чѣмъ инаго рода. Не должно смѣшивать свободы мысли, протекающей изъ употребленія разума, съ тѣми безнравственными правилами, которыя во всѣ времена составляли принадлежность подонковъ общества: эти правила суть плодъ грубыхъ инстинктовъ, а не разума; напротивъ, они исчезаютъ отъ дѣйствія послѣдняго.

Что такое ересь, какъ не мнѣніе о догматѣ, различное отъ

того, которое принято въ известной странѣ? Лютеранство есть ересь въ Римѣ, католичество въ Лондонѣ, Али считается въ Испани святымъ, а въ Константинополѣ еретикомъ. Всѣ народы должны относиться съ терпимостью къ различію религіозныхъ мнѣній; одна національность не можетъ преслѣдовать другую подъ предлогомъ ереси, не подвергаясь опасности испытать тотъ-же самый способъ обращенія надъ собою. Умы не просвѣщаются кострами, и не можетъ быть преступленія въ томъ, что не вѣруютъ въ то, чего не повимаютъ.

Великій интересъ для монарха и народа состоитъ въ томъ, чтобы имѣть вѣрныхъ гражданъ, храбрыхъ солдатъ; но отъ того, что подданные ихъ будутъ имѣть мнѣнія, отличныя отъ мнѣній монарха и остальныхъ жителей націи, должны-ли они обладать въ меньшей степени указанными качествами? Не христіане-ли были лучшими солдатами въ арміи Діоклетіана? Не были-ли протестанты во Франціи, при Людовикѣ XIV, преданными подданными, промышленно - образцовыми мануфактуристами и мужественными солдатами? Ересь не можетъ быть гражданскимъ преступленіемъ, ибо, въ противномъ случаѣ, всѣ люди, одинъ по отношенію къ другому, суть еретики и преступники подлежащіе наказанію. Возмущеніе гражданскаго порядка есть единственное мѣрило преступности, но можетъ ли ересь, то есть различіе мнѣній, считаться возмущеніемъ порядка? Глубоко ошибочно то мнѣніе, что будто можно оскорбить религію въ ея существѣ. Религія не есть реальность, или существо; это есть чистая идея, имѣющая бытіе только въ чувствахъ. Поэтому невозможно оскорбить религію: она не существуетъ внѣ человѣка. Неосновательно мнѣніе, что въ разномыслии, въ неуваженіи къ чужой святынь заключается оскорбленіе тѣхъ, которые держатся другаго мнѣнія, которые поклоняются этой святынь. Религіозная воспримчивость не имѣетъ права этимъ раздражаться и заставлять огонь и мечемъ, тюрьмою и ссылкой, уважать свои обряды и символы. Какъ разномысліе, такъ и равнодушіе къ вашей святынь, какъ не содержащія въ себѣ нападенія на ваши права, не служатъ препятствіемъ для свободнаго отпращиванія вашего богослуженія. Кто можетъ претендовать, чтобы другіе люди, или еще больше всѣ люди, чувствовали, думали и поступали какъ мы? Если вы потребуете этого отъ нихъ, то отчего имъ

не потребовать того же отъ васъ? Если вы считаете противъ нихъ насиліе законнымъ, отчего имъ не считать его дозволеннымъ противъ васъ? Итакъ, насиліе на насиліе, царство грубой силы въ дѣлахъ религіи — естественный результатъ невѣротерпимости.

Абсолютная ортодоксія, монополюный прозелитизмъ и невѣротерпимость были источникомъ величайшихъ бѣдствій въ исторіи новыхъ европейскихъ народовъ: они порождали религіозныя войны одного народа противъ другаго; они возбуждали междоусобныя войны внутри государствъ; они поддерживали смуту, замятательства и волненія среди управляемыхъ; они вооружали руку правителей на преслѣдованіе своихъ подданныхъ; они питали ненависть среди населенія въ правительству отечественной страны; они поддерживали полицейскія, административныя и уголовныя преслѣдованія цѣлыхъ массъ населенія; они дали въ результатъ огромное количество каръ и наказаній, въ видѣ лишенія правъ, изгнанія, тюрьмы и ссылки, мученій и тѣлесныхъ наказаній, и, наконецъ, въ видѣ смертныхъ казней самыхъ извѣстныхъ родовъ. Кровь, пролитая вслѣдствіе религіознаго фанатизма, въ религіозныхъ войнахъ и путяхъ уголовной юстиціи, едва-ли не обильнѣе была всей пролитой въ Европѣ по другимъ побужденіямъ.

Уголовные кодексы новѣйшаго времени въ Европѣ составлены были въ соотвѣтствіе съ вышеизложенными началами и соображеніями.

1) Они отказались отъ абсолютной ортодоксіи. Они провозгласили, что каждая религіозная община, признавая внутри себя и для себя свое вѣроученіе истиннымъ, должна считать однакожъ своею обязанностью не препятствовать и общинамъ другихъ вѣроисповѣданій держаться того же мнѣнія относительно своей религіи. Дорожа святостью своей вѣры, каждая религіозная община должна уважать ненарушимость таковой святости и другихъ. 2) Они отказались отъ ученія невѣротерпимости, предоставивъ каждому вѣроученію, каждой сектѣ безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру, публично отправлять богослуженіе и всенародно его проповѣдывать, подъ охраною общихъ законовъ. 3) Они отказались отъ монополюнаго прозелитизма, предоставивъ каждому вѣроисповѣданію принимать въ свои нѣдра

иновѣрцевъ и конкурировать въ привлеченіи своихъ послѣдователей. И замѣчательно, что со времени признанія вѣротерпимости, духъ прозелитизма во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ исникъ, каждое вѣроисповѣданіе сѣумѣло, одними моральными средствами и внутреннею дисциплиною, охранить свою неприкосновенность и противодѣйствовать вторженію вліянія другихъ. 4) Они, наконецъ, отказались отъ миссіи мстить за оскорбленіе Бога, поставивъ подъ защиту закона вѣрованія каждаго признаннаго культа отъ обиды и оскорбленія, отъ стѣсненія и матеріальнаго нападенія. Въ силу этого, исчезло богохульство, въ смыслѣ непосредственнаго оскорбленія Бога христіанскаго культа, а явилось публичное оскорбленіе вѣрующаго, производимое посредствомъ поносныхъ словъ, относящихся до Божества, будутъ ли поносныя слова относиться къ христіанскому культу всѣхъ вѣроисповѣданій, или магометанскому, еврейскому, или языческому. 5) Такимъ образомъ, въ новѣйшихъ уголовныхъ кодексахъ мы не встрѣчаемъ преступленій прежняго времени: богохульства, въ его прежней формѣ, ересей, отступленія отъ вѣры, колдовства, святотатства, въ смыслѣ религіознаго преступленія, и лжеприсяги.

Французскій кодексъ 1810 г. есть типическій кодексъ этой системы, этой формации понятій о преступленіяхъ противъ вѣры. Онъ послужилъ болѣе или менѣе образцомъ и для остальныхъ европейскихъ кодексовъ.

Чтобы дать наглядное понятіе о новѣйшемъ типѣ уголовныхъ законодательствъ, въ отношеніи преступленій противъ вѣры, я приведу положенія кодексовъ: французскаго, общегерманскаго, венгерскаго и голландскаго.

Французскій кодексъ содержитъ пять статей, касающихся преступленій разсматриваемаго рода. Онѣ помѣщены подъ заглавіемъ: «Препятствованіе свободному отправленію богослуженія».

Подъ богослуженіемъ разумѣется богослуженіе всякой религіозной общины, получившей историческое признаніе.

Въ этихъ статьяхъ караются слѣдующія дѣянія, препятствующія отправленію какаго бы то ни было богослуженія: а) воспрепятствованіе кому нибудь, насиліями и угрозами, свободаго отправленія богослуженія, религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ

всѣхъ видовъ (ст. 260). б) Прерваніе богослуженія въ храмахъ и молитвенныхъ домахъ, посредствомъ произведенія смятеній и беспорядковъ (ст. 261). в) Оскорбленіе словами или жестами въ мѣстахъ, предназначенныхъ для богослуженія, предметовъ богослуженія и духовныхъ пастырей, при отправленіи богослуженія (ст. 262). г) Нанесеніе побоевъ отправителю богослуженія, при исполненіи имъ своей обязанности (ст. 264).

Постановленія бельгійскаго и итальянскаго кодексовъ представляютъ буквальное повтореніе французскаго. Въ общегерманскомъ кодексѣ 1871 г. содержится три статьи, посвященныя разсматриваемымъ нами преступленіямъ; онѣ помѣщены подъ заглавіемъ: «Проступки, касающіеся религіи».

Здѣсь обложены наказаніемъ слѣдующія дѣянія: а) Соблазнъ, произведенный публичнымъ богохуленіемъ или поношеніемъ христіанской церкви и всякаго другаго религіознаго общества, а также ихъ учрежденій и обрядовъ, и безчинство въ мѣстѣ, предназначенномъ для богослуженія (§ 166). б) Воспрепятствованіе, посредствомъ насилія, свободному отправленію богослуженія и прерваніе, шумомъ или произведеніемъ беспорядка, въ молитвенномъ домѣ богослуженія или отдѣльнаго религіознаго обряда, или службы существующаго въ государствѣ религіознаго общества (§ 167). в) Похищеніе трупа, поврежденіе и разрушеніе могилъ, или совершеніе оскорбительнаго на могилѣ безчинства (§ 168).

Эти преступленія наказываются тюремнымъ заключеніемъ до 3-хъ лѣтъ.

Въ венгерскомъ уголовномъ кодексѣ, изданномъ въ 1879 г., разсматриваемыя преступленія помѣщены подъ титуломъ «преступленій и проступковъ противъ свободы религіознаго культа».

Они изложены въ трехъ §§, въ которыхъ опредѣляется кара за слѣдующія дѣянія: а) Произведеніе публичнаго соблазна посредствомъ поносительныхъ выраженій противъ Бога (§ 190). б) Воспрепятствованіе и прерваніе богослуженія какого бы то ни было, допущеннаго въ государствѣ, вѣроисповѣданія (§ 190). в) Совершеніе публичнаго соблазна въ молитвенномъ домѣ, или поруганіе какъ въ этихъ мѣстахъ, такъ и внѣ ихъ, во время совершенія религіозныхъ обрядовъ, дѣйствіемъ или словами,

предметовъ богослуженія или предметовъ, предназначенныхъ для религіозной службы (§ 191). г) Публичное оскорбленіе, побой и тѣлесныя поврежденія, нанесенныя и причиненныя служителю всякаго допущеннаго въ государствѣ богослуженія, во время отправленія имъ службы (§ 192).

Наказанія положены: за первое—максимумъ годъ тюремнаго заключенія и штрафъ въ 1,000 гульденовъ; за второе—максимумъ тюремное заключеніе и 200 гульденовъ; за оскорбленіе пастыря—максимумъ годъ тюремнаго заключенія и штрафъ до 500 гульденовъ; за тѣлесныя поврежденія пастырю—максимумъ до 2-хъ лѣтъ заключенія въ исправительномъ домѣ.

Въ самомъ новѣйшемъ изъ европейскихкихъ уголовныхъ кодексовъ, голландскомъ, изданномъ въ 1881 г., нѣтъ особеннаго отдѣла для разсматриваемыхъ преступленій; они помѣщены въ числѣ преступленій, носящихъ общее заглавіе: «Преступленія противъ общественнаго порядка».

Здѣсь обложены наказаніями слѣдующія дѣйствія: а) Воспрепятствованіе, силою или угрозой насилія, дозволенному публичному богослуженію, религіозному торжеству или погребальной процессіи (§ 145). б) Нарушеніе порядка публичнаго богослуженія посредствомъ умышленнаго совершенія замѣзательства или шума (§ 146). в) Насмѣшки надъ служителемъ извѣстнаго вульты во время исполненія имъ обязанностей службы (§ 147). г) Поруганіе предметовъ, посвященныхъ богослуженію, въ мѣстѣ и во время отправленія богослуженія (§ 147). д) Оскверненіе могилъ и порча могильныхъ памятниковъ (§ 149). е) Разрытіе могилъ, уносъ и перемѣщеніе труповъ изъ могилъ въ другое мѣсто (§ 150). ж). Похищеніе и скрытіе труповъ (§ 151). з) Воспрепятствованіе свободнаго доступа на кладбище и перенесенія туда труповъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ преступленій наказываются тюремнымъ заключеніемъ до одного мѣсяца, высшее же наказаніе определено не больше одного года.

IV.

Перейдемъ къ обзорѣнью дѣйствующаго отечественнаго законодательства относительно преступленій противъ вѣры.

Прежде всего, укажемъ на общія начала, положенныя въ

основаніе этого отдѣла нашего уголовного законодательства. При этомъ считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на то, что нужно относиться съ большою осторожностію къ постановкѣ этихъ началъ въ нашихъ законахъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ, будучи высказаны въ абсолютной формѣ въ одномъ мѣстѣ, вслѣдъ за тѣмъ, въ частныхъ положеніяхъ, терпятъ рядъ ограниченій и видоизмѣненій, подрывающихъ и уничтожающихъ силу и дѣйствіе общихъ началъ, по своему существу правильныхъ и основательныхъ.

Вотъ общія начала и ихъ ограниченія:

1) Первенствующая и господствующая въ російской имперіи вѣра есть христіанская православная, восточнаго исповѣданія (ст. 40 Основ. зак. т. I). 2) Всѣ не принадлежащія къ господствующей церкви подданные и иностранцы, живущіе въ Россіи, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по своимъ обрядамъ (ст. 44 Основ. зак.). 3) Свобода вѣры присвоивается не только христіанамъ иностранныхъ вѣроисповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ (ст. 45, Основ. зак.). 4) Раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ (ст. 60 Уст. о предупр. и пресѣч. преступл., т. XIV).

Таковы общія начала, которыя заслуживаютъ полнаго одобренія, какъ согласныя съ общепринятыми въ наукѣ ученіями.

Но затѣмъ слѣдуютъ ограниченія, которыя сокращаютъ, видоизмѣняютъ, а иногда и вовсе парализируютъ изложенныя выше начала.

Первое ограниченіе:

Какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ, такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ, запрещается отступать отъ нея и принимать иную вѣру, хотя бы христіанскую (ст. 47 Уст. о пред. и пресѣч. прест.).

Второе ограниченіе:

Одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать не принадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ученія о вѣрѣ (ст. 97 того-же Устава).

Третье ограниченіе.

Всякое отвлеченіе не только отъ вѣры православной, но и

отъ другихъ терпимыхъ вѣръ строжайше иновѣрцамъ запрещается (ст. 104 того же Устава).

Четвертое ограниченіе:

Раскольникамъ запрещается совращать и склонять кого либо въ расколъ свой (ст. 60 того же Устава).

Пятое ограниченіе.

Совращенные и отступившіе отъ вѣры православной подвергаются ограниченіямъ правъ и ответственности по полицейскому и духовному вѣдомству (ст. 47—54 того же Уст.)

Шестое ограниченіе.

Раскольники не пользуются свободою публичнаго богослуженія; ихъ религіозныя общины и ихъ пастыри не пользуются признаніемъ (ст. 60—91 того же Уст.)

Седьмое ограниченіе.

Евреи и магометане подлежатъ ограниченіямъ въ своихъ отношеніяхъ къ православнымъ въ дѣлахъ брачныхъ; кромѣ того, евреи подлежатъ и ограниченіямъ своихъ правъ въ другихъ отношеніяхъ (ст. 111, 112, 113 того же Уст.)

Выходя изъ этихъ общихъ началъ, полицейское и уголовное законодательство нашего отечества установило сложную систему законовъ по предметамъ вѣры, изложенную какъ въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, такъ и въ Уложеніи о наказаніяхъ, и въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій содержатся слѣдующія прещенія:

1) О предупрежденіи и пресѣченіи нарушенія благочинія въ церквахъ православныхъ и внѣ во время богослуженія (ст. 3—14); 2) о предупрежденіи и пресѣченіи уклоненія отъ исповѣди и св. причастія (ст. 23—33); 3) о предупрежденіи и пресѣченіи суевѣрія (ст. 34—46); 4) о предупрежденіи и пресѣченіи отступленія лицъ православнаго исповѣданія и обратившихся язычниковъ, магометанъ и евреевъ отъ православія (ст. 47—59); 5) о предупрежденіи и пресѣченіи распространенія расколовъ и ересей между православными (ст. 60—91); 6) о предупрежденіи и пресѣченіи нарушенія правилъ о свободѣ иностранныхъ христіанскихъ и иновѣрныхъ вѣроисповѣданій (ст. 92—103); 7) о предупрежденіи и пресѣченіи привлеченія въ иновѣріе (ст. 104—

122); 8) о предупрежденіи и пресѣченіи кощунства (ст. 123—133); 9) о пресѣченіи богохульства, святотатства и ограбленія могилъ (ст. 134—138).

Въ Уложеніи о наказаніяхъ, во 2-мъ раздѣлѣ, преступленія противъ вѣры уложены въ слѣдующую систему:

- 1) О наказаніи богохуленія и порицанія вѣры (ст. 176—183).
- 2) Объ отвлеченіи и отступленіи отъ вѣры (ст. 184—195).
- 3) О ересяхъ и расколахъ (ст. 196—206).
- 4) Объ уклоненіи отъ исполненія постановленій церкви (ст. 207—209).
- 5) Объ оскорбленіи святыни и нарушеніи церковнаго благочинія (ст. 210—218).
- 6) О святотатствѣ, разрытіи могилъ и ограбленіи мертвыхъ тѣлъ (ст. 219—235).
- 7) О лжеприсягѣ (ст. 236—240).

Изъ обозрѣнія постановленій нашего полицейскаго и уголовнаго законодательства о запрещенныхъ дѣяніяхъ, касающихся вѣры, легко убѣдиться, что оно принадлежитъ къ старой формации и по типу своему вполне сходно съ тѣми системами права, которыя во всей Европѣ существовали до конца XVIII ст. и которыя были отмѣнены въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій.

Этотъ типъ, какъ мы уже сказали выше, характеризуется господствомъ ученія объ абсолютной ортодоксіи, монопольномъ прозелитизмѣ, невѣротерпимости, и ученія о возможности непосредственно оскорбить божество и объ обязанности человѣка мстить за это.

Выходя изъ ученія объ абсолютной ортодоксіи и превосходствѣ одного вѣроученія предъ другимъ, нашъ законодатель обложилъ карами не только отвлеченіе и отступленіе отъ православія, но и отъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Карается даже отвлеченіе магометаниномъ, евреемъ или язычникомъ инородца изъ одной нехристіанской вѣры въ другую, также нехристіанскую.

Сила и степень наказуемости дѣйствій, причисляемыхъ уложеніемъ къ преступленіямъ противъ вѣры, напоминаетъ наказуемость нынѣ отмѣненныхъ европейскихъ законодательствъ,

обязанныхъ своимъ происхожденіемъ временамъ, когда господствовалъ духъ фанатизма и нетерпимости.

Такъ, высшая степень и мѣра наказуемости за богохульство опредѣлена въ 15 лѣтъ каторжныхъ работъ (ст. 176 Улож.). Отвлеченіе, путемъ увѣщанія, отъ какой бы то ни было христіанской вѣры въ вѣру нехристіанскую влечетъ за собою десятилѣтнюю каторжную работу (ст. 184 Ул.). За распространеніе ересей и расколовъ опредѣлена ссылка на поселеніе съ лишеніемъ правъ (ст. 196), причемъ это наказаніе полагается иногда за одну принадлежность къ ереси и расколу, при извѣстныхъ условіяхъ (ст. 198 Улож.). Къ преступленіямъ противъ вѣры причислены церковное воровство и лжеприсяга, т. е. такіа преступленія, которые въ европейскихъ законодательствахъ, еще прежде реформы уголовного права въ концѣ XVIII стол., были вычеркнуты изъ разряда преступленій противъ вѣры.

Нужно ли доказывать, какъ настоятельно необходимо измѣнить въ нашемъ законодательствѣ общую постановку преступленій противъ вѣры и уподобить въ этомъ отношеніи наше уголовное законодательство западно-европейскимъ? Того требуетъ справедливость, того требуетъ человеколюбіе. Того требуютъ: необходимость умиротворенія страстей, просвѣтительныя и прогрессивныя идеи вѣка, при помощи которыхъ только и возможно развитіе благосостоянія и безопасности въ обществѣ. Того требуетъ народная честь, несущая до сихъ поръ обвиненіе въ невѣротерпимости. Но этого достигнуть невозможно безъ отреченія отъ давно осужденныхъ исторіею доктринъ абсолютной ортодоксіи, монополярнаго прозелитизма, невѣротерпимости, и ученія о возможности непосредственнаго оскорбленія Божества и обязанности человѣка мстить за него.

А. Кистяковскій.

БРАТЯ РАМУЛТЫ.

Современная повѣсть І. Крашевскаго.

ХІІІ.

(Продолженіе).

Прошло нѣсколько дней безъ особенной перемѣны. Сильванъ сидѣлъ дома, Лелія ежедневно навѣщала его. Отъ нея онъ узналъ, что Германъ въ этотъ короткій промежутокъ времени былъ нѣсколько разъ въ домѣ Юноши, и что въ городѣ уже начинали поговаривать о частыхъ его посѣщеніяхъ.

— Ганна удивляетъ меня, — произнесла однажды Матуская. — Правда, она всегда разспрашиваетъ о тебѣ; но мнѣ кажется, что она слишкомъ ужь подружилась съ Германомъ...

— Ну, что тамъ опять? спросилъ Сильванъ, смѣясь: — Меня только удивляетъ то, что Германъ ни разу не пришелъ ко мнѣ; но я сегодня буду у него непременно.

Разсчитавъ время, когда Германъ бываетъ дома, Сильванъ отправился къ нему. Онъ засталъ его погруженнымъ въ глубокую думу, и съ сигарою во рту. При видѣ вошедшаго брата, Германъ встрѣтилъ его съ открытыми объятіями.

— Ну, исповѣдывайся, произнесъ, шутя, Сильванъ: — я слышалъ, что тебѣ везетъ...

Смутившійся Германъ началъ принужденно смѣяться...

— Ты засталъ меня въ озабоченномъ видѣ, сказалъ Германъ, не отвѣчая прямо на вопросъ Сильвана: — не удивляйся, братъ, я имѣю большія непріятности, и потому не могъ завернуть къ тебѣ.

— Что случилось?

— Колеблюсь даже сказать тебѣ, но это, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть тайной: — моя мать выходитъ замужъ. Это хуже, чѣмъ ошибка съ ея стороны, потому что слишкомъ курьезно.

— Какъ, замужъ? За кого?

— Не спрашивай лучше. Этотъ человекъ немногимъ старше насъ и годится ей въ сыновья.

Германъ упалъ въ кресло.

— Ты воображаешь, продолжалъ онъ,—что я не могу промолвить слова съ матерью... сердце вотъ такъ и рвется вонь... Этотъ бездѣльникъ, готовый ради куска хлѣба на всякую пакость, притворяется влюбленнымъ и разыгрываетъ роль страстного обожателя; хоть ты его тресни по рожѣ—ничто не поможетъ!—Оботрется платкомъ и начнетъ цитировать изъ св. писанія, ну, а мать... станетъ проклинать меня...

Начатый такимъ образомъ разговоръ не могъ быть направленъ на тему, близко касающуюся сердца Сильвана. Но Германъ, въ заключеніе своего сѣтованія, выручилъ брата.

— Единственная теперь моя отрада—это дружеская бесѣда съ Ганной. Я завидую тебѣ, братъ! Кромѣ нѣжной, выхоленной женственности, въ ней столько пониманія, столько здраваго смысла и идеальности!...

— Однако, ты не слишкомъ увлекайся ею!... оборвалъ его Сильванъ.

— Ты лучше можешь чувствовать это—возразилъ Германъ:—сблизиться съ нею и не оцѣнить ея достоинствъ могъ бы только слѣпой...

Разговоръ прервался на этомъ. Германъ возвратился опять къ своей болячкѣ—домашнему несчастью... Онъ сѣтовалъ на людей, способствовавшихъ этой чудовищной партіи.

— Неужели нельзя предупредить этого несчастья! отозвался Сильванъ.

— Ну, какъ здѣсь предупредишь, когда дѣла поставлены на такую точку, что, возставъ противъ матери—вооружишь ее противъ себя и ничего все-таки не выйдетъ изъ этого... Меня удивляетъ только одно, что Любичъ не боится быть моимъ отчимомъ: онъ можетъ быть увѣреннымъ que je lui ferai la vie dure.

Германъ началъ разспрашивать Сильвана о его занятіяхъ и видѣлъ-ли онъ Віолу... Последній, чтобы избавиться отъ разспросовъ, отвѣтилъ ему что-то несовсѣмъ понятно.

— Удивительно! сказалъ Германъ, послѣ нѣкотораго молчанія:—я видѣлъ ее дня два тому назадъ, въ театрѣ, и нахожу ее совершенно измѣнившейся. Она похудѣла, поблѣднѣла и даже кашляла на сценѣ. На этотъ разъ—не могу понять—она показалась мнѣ

совершенно обыкновенной дѣвушкой... Правда, она производит на меня пріятное впечатлѣніе... хороша, нѣтъ словъ, восхитительна, -- но не та...

Сильванъ не возражалъ и началъ прощаться съ нимъ; подавая ему руку, Германъ сознался, что вечеромъ будетъ у старостины.

Матуская, обращавшая особенное вниманіе на Ганну, не находила въ ней до сихъ поръ другой перемѣны, кромѣ той, что она очень симпатизировала Герману и отзывалась о немъ съ видимымъ расположеніемъ. Она не выговаривала ей, но смотрѣла и .. молчала, смутно сознавая, что Германъ становился на заднемъ планѣ Женщина, быть можетъ, лучше чувствовала опасность, угрожавшую брату. Иногда приходила ей въ голову горькая мысль, которая невыносимо мучила ея душу: «А ну, если любовь ея къ Сильвану ослабнетъ!.. Можетъ быть, Германъ больше нравится ей?.. Къ чѣму же тогда послужить жертва моя для брата?..»

Не смотря на свою скрытность, Матуская, въ сущности, приносила себя въ жертву старику Юношѣ, съ которымъ, какъ говорится, могла жить, но не быть счастливой... Судьба, какъ бы въ насмѣшку надъ нею, представляла ей все неблагоразуміе подобной жертвы. Ей хотѣлось отдѣлаться отъ этой мысли, и она насильно заставляла себя думать наоборотъ: «Такъ худо не можетъ быть, какъ я представляю себѣ... Ганна—дѣвушка разсудительная, она не измѣнитъ ему... они влюблены съ дѣтства... онъ хорошо знаетъ ее и потому спокоенъ... нѣтъ, не можетъ быть»...

Съ своей стороны, Юноша съ каждымъ днемъ дѣлался навязчивѣе, избѣгалъ друзей, уходилъ изъ дому и, сторожа свою обожаемую Лелію, нерѣдко нападалъ на ея домъ; онъ, какъ нареченный, настоятельно требовалъ своихъ правъ на невѣсту, обществомъ которой желалъ пользоваться ежедневно два—три часа. Необыкновенная заботливость его въ отношеніи своей нареченной дѣлала его положительно несноснымъ, общая ей въ будущемъ нескончаемое продолженіе того-же; нерѣдко она запиралась въ комнатѣ и плакала. Юноша почти штурмомъ входилъ въ ея квартиру, подкупая прислугу, и помѣщался у ногъ своей повелительницы. Поэтому она должна же была вознаградить себя чѣмъ нибудь и извлечь изъ него, по крайней мѣрѣ, ту пользу, которая была главною ея цѣлью.

Однажды, послѣ обѣда, Матуская приняла Юношу любезнѣе

обыкновеннаго; она, въ своемъ присутствіи, разрѣшила ему выкурить сигару и даже угостила содовой водою. Придвинувъ къ нему свое кресло, она отдала ему свою руку на истязаніе, и, среди горячихъ объясненій и любезностей, вставила нѣсколько словъ въ пользу брата.

— Наше счастье не было бы полнымъ, м-г Юноша...

— Говори, пожалуйста: Олесь, прошамкаль старикъ.

— Ну, мой дорогой Олесь — если тебѣ нравится — наше счастье, говорю, не было бы полнымъ, продолжала она — если бы съ любовью твоею къ дочери, ея счастье не было упрочено.

Юноша завертѣлся на стулѣ, выплюнулъ сигару и вперилъ въ нее свои глаза, точно не понимая ея.

— Ганна любить Смывана съ дѣтства — тебѣ это хорошо извѣстно...

— Серьезно! Она любитъ его? А я думаю, что они давно позабыли другъ друга.

— Нисколько!..

— Ну, а это препровожденіе времени съ Германомъ и нѣ веселая болтовня?..

— Это ни болѣе, ни менѣе, какъ одна только фикція, комедія, все это дѣлается ради того, чтобы избавиться отъ другихъ.

— Не можетъ быть!.. воскликнулъ Юноша: — Помилуй!.. что будутъ говорить люди, если мы перешлемся такимъ родствомъ?.. Я даже не знаю, дозволяетъ ли это наша церковь... во всякомъ случаѣ, намъ торопиться съ этимъ нечего, оставимъ это времени... прежде мы... а они могутъ и подождать...

Лелія украдкой взглянула на него.

— Подождать — пустяки! но ожиданія должны быть обеспечены твоимъ согласіемъ на ихъ бракъ...

— Моимъ!.. быстро прервалъ Юноша: — но это до меня вовсе не касается. Я совершенно отказался отъ моихъ правъ на дочь. Это дѣло старостины — я здѣсь совершенно нейтральный человѣкъ.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ поддержать.

— О! конечно, конечно — если только пожелаетъ Ганна... если это будетъ ея непремѣннымъ желаніемъ... если... На последнемъ словѣ онъ запнулся и перемѣнилъ тактику. — Но, дорогая Лелі! вскричалъ онъ: — прошу тебя, оставимъ это времени. Я... я не знаю, можетъ ли быть соответственна эта связь!.. По многимъ, очень многимъ взглядамъ, отношеніямъ, обстоятельствамъ... не знаю! положительно не знаю... не угрожаетъ ли опасность ихъ будущности?..

— Я увѣрена въ томъ, что Сильванъ и Ганна лучше могутъ судить о томъ. Они влюблены и... предоставимъ имъ свободу...

— Да, да... оставимъ это времени... пусть лучше узнаютъ другъ друга... я не возражаю... Но, богиня моя!.. повторяю, что это зависитъ болѣе отъ бабушки и самой Ганны... я не буду мѣшаться въ ихъ дѣло... я... я совершенно отрекся отъ отцовской власти...

Напрасно Матуская хотѣла выжать изъ него что нибудь положительное: Юноша весьма искусно прятался за спину старостины.

— Прекрасно, сказала Матуская:—въ такомъ случаѣ будемъ общими силами ухаживать около старушки, чтобы она измѣнила свое мнѣнiе относительно Сильвана. Что же касается Ганны—я вполне увѣрена въ ней... но ты дай мнѣ слово и руку, что согласишься на ихъ бракъ...

Растерявшійся Юноша хотѣлъ отдѣлаться отъ Леліи общими фразами, но Лелія не позволяла ему объясняться и понуждала его:

— Слово и руку! повторяла она.

Протянутую руку Матуской нельзя было оттолкнуть; слова же, произносимыя ею, отъ которыхъ, впрочемъ, неловко было бы отзаться, казались ему простою формальностью. Наболтавши вдоволь неопытныхъ фразъ, Юноша принужденъ былъ протянуть ей свою руку и дать хотя какой нибудь отвѣтъ, что и успокоило Лелію.

— Это дѣло Ганны, прибавилъ онъ шопотомъ:—она должна заботиться сама о себѣ... я не буду препятствовать ей вождь.

Пришелъ и Сильванъ. Юноша встрѣтилъ его очень любезно и, чтобы расположить его въ свою пользу, откровенно былъ вѣжливъ, боясь, впрочемъ, чтобы онъ не поставилъ ему во зло посѣщеніе его сестры. Находясь еще подъ сомнѣніемъ: былъ ли предупрежденъ Сильванъ объ ихъ обрученіи, или же нѣтъ,—онъ слегка началъ заговаривать о совершенно отвлеченныхъ дѣлахъ, и затѣмъ произнесъ:

— На стариковъ пришла пора молодечества!.. Знаете, вѣдь... графиня, мать Германа, выходитъ замужъ!

— Ха! ха! ха!.. За кого? спросила Лелія, смѣясь.

— Но вы, пожалуйста, не смѣйтесь!.. За очень молодого и умнаго человѣка... за г-на Любича...

— Не можетъ быть! продолжала смѣяться Лелія. Сильванъ былъ серьезенъ и молчалъ, не подтверждая извѣстной ему правды и не возражая противъ нея. Лелія, взглянувъ на брата, угадала по его лицу, что ему была уже извѣстна эта исторія.

— Легко представить себя, говорил Юноша, как часто встрѣтять ее въ обществѣ вопросовъ: не сыномъ-ли ей приходится этотъ мужъ?

Подшучивая надъ графиней, Юноша, конечно, не хотѣлъ знать о томъ, что и самъ недалеко ушелъ отъ нея, такъ какъ Лелія, въ свою очередь, могла быть ему дочерью...

XIV.

Бенефисъ директора театра наконецъ-то наступилъ. Роль Жюльеты съ раннего утра беспокоила Виолу и подняла хаотическій безпорядокъ въ ея комнатѣ: весь гардеробъ, приготовленный къ спектаклю, лежалъ разбросанный по стульямъ... Старуха приводила комнату въ порядокъ; собирая всѣ принадлежности артистки къ одному мѣсту, она осматрѣлась вокругъ, не позабыть бы чего захватить въ театръ. Шершень, и тотъ былъ у дѣла: онъ посланъ былъ въ магазинъ за перчатками, о которыхъ Виола вспоминала только въ послѣдній день.

Виола ходила по комнатѣ, то перечитывая роль, то останавливаясь у окна; смотрѣла въ задумчивости въ глубину сада на деревья, на небо, куда-то вдаль, и при всемъ ея усилии увидѣть что нибудь, глаза ея заволакивались какимъ-то туманомъ, препятствовавшимъ ей различать предметы. Какая-то непонятная тревога овладѣвала ею, что впрочемъ всегда бывало передъ выступленіемъ ея на сцену. Но не желаніе аплодисментовъ восторженной публики беспокоило ее; — нѣтъ, — глубокое уваженіе къ роли, созданной великимъ маэстро, приводило ее въ трепеть; она сознавала достоинства роли и боялась исказить ее... Репетиціи пугали ее... отъ Ромео, дѣйствительно несло, какъ изъ бочки, анисовкой, а переселенная декламация въ роли Ромео способна была вызвать въ публикѣ скорѣе хохотъ, чѣмъ состраданіе. Видѣть себя окаррикатуренной съ подобнымъ Ромео, подвергаясь необходимости выносить пьесу на своихъ плечахъ, бороться собственными силами противъ артистовъ, уничтожавшихъ впечатлѣніе роли, было не по силамъ дѣвушкѣ; она дрожала при одномъ представленіи о могущемъ постигнуть ее взрывѣ смѣха въ публикѣ. Даже убогий нарядъ Жюльеты, собранный изъ разныхъ лохмотьевъ, въ которыхъ она должна была изображать, по бѣдности своей, пышный нарядъ дочери патриціи, оклаждалъ ее...

Театръ былъ полонъ зрителей. Виола боялась даже подойти къ отверстію, продѣланному въ занавѣси, чтобы посмотреть на со-

бравшуюся публику, которая уже стучала съ нетерпѣніемъ, въ ожиданіи начала спектакля.

Директоръ, замѣтивъ, что Віола падала духомъ, подошелъ къ ней, и, предложивъ ей руку, подвелъ къ отверстію, чтобы нѣсколько ободрить ее при взглядѣ на цвѣтъ молодежи... Всѣ ложи на этотъ разъ были переполнены; кресла, партеръ, даже раевъ были биткомъ набиты; казалось, что ни одному челоуѣку не нашлось бы болѣе мѣста даже въ приставныхъ стульяхъ. Въ первыхъ рядахъ креселъ, Віола съ біеніемъ сердца замѣтила Сильвана, совершенно одинокаго среди собравшейся публики, какъ бы не принадлежавшаго къ этому обществу. Направо, въ ложѣ, сидѣла старушка съ красавицей - дѣвушкой, — хорошо уже извѣстной Віолѣ, — воалѣ которой находился Германъ. Рядомъ, въ другой ложѣ, сидѣла молодая женщина; при ней находились плѣшивый старикъ и еще нѣсколько персонъ мужскаго пола, помоложе его. Віола узнала въ ней сестру Сильвана, которую однажды видѣла съ нимъ въ театрѣ. Почему Сильванъ сидѣлъ особнякомъ отъ нихъ, Віола не умѣла себѣ объяснить этого... Все извѣстное намъ общество собралось въ театръ, чтобы посмотрѣть на пародію Шекспира и потомъ раскрикивать ее по-французски... Многіе изъ этихъ дамъ и мужчинъ, бывшихъ въ большихъ городахъ за границею и видѣвшихъ эту пьесу на лондонской, парижской и вѣнской сценахъ, иронически улыались и перебрасывались между собой разными остротами начетъ артистовъ.

Въ ложѣ графини находился Любичъ и еще двое высокопоставленныхъ лицъ, протежировавшихъ ему. Глаза Сильвана невольно бращались въ сторону Ганны, но ни разу не встрѣтились съ ея взглядомъ. Она оживленно разговаривала съ Германомъ, обращая къ себѣ вниманіе всего театра. Если только это было одно приорство, то роль свою она играла отлѣнно хорошо; посматривая на эту пару, у Сильвана по кожѣ мурашки пробѣгали. Лелія съ каждымъ днемъ приходила въ болѣе безпокойство, хотя и скрывала это; она видѣла, что Ганна съ каждымъ днемъ дѣлалась внодушнѣе къ Сильвану и внимательнѣе къ Герману.

Не смотря на объясненіе Любича съ графиней, Германъ былъ самомъ веселомъ настроеніи, и хотя подшучивалъ надъ нимъ, сарказмъ его былъ очень слабъ; изъ этого видно было, въ немъ произошла перемѣна; Сильвану казалось, что онъ ггалъ его. Лелія, хорошо умѣвшая читать по лицу брата, вѣла въ немъ глубокую грусть и, вонечно, зная въ чемъ дѣло,

въ ожиданіи поднятiя занавѣса, пошла въ ложу Ганны. Онъ сѣлъ обѣ въ отдаленномъ уголкѣ.

— Бога ради, дорогая Ганна, шепнула она ей на ушко: взгляни на бѣднаго Сильвана; мнѣ, право, жаль его; онъ ситъ совершенно убитый... и... всему ты виновата.

— Я? удивилась Ганна:—О, ты, вѣроятно, ошибаешься. Сильванъ, какъ говорятъ, очень занятъ актрисой, сегодняшней Жюльеттой, и вотъ это-то и дѣлаетъ его пасмурнымъ...

— Это твое собственное мнѣніе или чужія слова, дорогая Ганна, возмущилась Матуская:—Сильванъ занятъ актрисой!!

— Это фактъ, сказала Ганна: но я вовсе не думаю стать ему этого въ вину... Онъ долго былъ одинокимъ... къ тому же очаровательность, присущая всѣмъ артистамъ... Говорятъ, онъ очень мила, горда, развита...

— Ганна!.. остановила Лелія, пожимая плечами.

— Очень любопытно посмотрѣть на свою соперницу... безъ вѣдь соперница мнѣ...

Тонъ, съ какимъ сказаны были эти слова, возмущилъ не на шутку Лелію:

— Я вижу, милая Ганна, что ты вовсе не знаешь Сильвана или ужъ позабыла его... мнѣ больно за него...

Матуская ушла изъ ложи. Ганна спокойно возвратилась въ прежнее мѣсто и продолжала разговоръ съ Германомъ, прерванный приходомъ Леліи... Почти во всѣхъ ложахъ разыгрывались собственныя драмы; перекрестный огонь глазъ, насмѣшливыя улыбки, безъ вида не имѣющія значенія, въ сущности были слишкомъ тяжеловѣсны и невыносимы. Задумчиво-взволнованная Лелія и Сильванъ, спокойный, какъ казалось съ виду, но проникнутый до глубины сердца грустнымъ предчувствіемъ, переглядывались между собою. Чуждое, оживленно бесѣдовавшее общество, между которыми онъ сидѣлъ одиноко, казалось ему какимъ-то холоднымъ призракомъ, къ которому онъ питалъ нѣкоторое сожалѣніе.

Среди оживленнаго шушуканья публики, похлопыванія и постукиванія ногами, взвился занавѣсъ. Первый актъ, до появленія Жюльеты на сцену, не возбудилъ въ зрителяхъ никакого впечатлѣнія. Одна только Виола имѣла неоспоримый талантъ приводить публику въ восторгъ своимъ появленіемъ на сценѣ. Но другіе артисты обращались тогда въ необходимые аксесуары пьесы: мало обращавшіе на себя вниманіе публики, что возбуждало сильное пресипирательство и зависть между артистами, хотя Виола была здѣсь положительно не причемъ, такъ какъ никогда не стѣ-

лась нарочно вызывать аплодисменты зрителей. Ромео скорѣе былъ похожъ на лакея, чѣмъ на изображаемую личность. Заинтересованный участію пьесы, Сильванъ дрожалъ за Віолу. По счастью, роль графини Капулетти играла не молодая, но опытная артистка, которая и поддерживала пьесу до появленія Віолы, сглаживая дурное впечатлѣніе публики.

Віола счумѣла представить изъ себя настоящее барское дитя, хотя съ нѣкоторою недостаточностью внѣшнихъ деталей, которыя могли бы произвести еще большій фуроръ: манеры, движенія были такъ деликатны, благородны и пріятны, что публика пришла въ неподдѣльный восторгъ и, увлекаясь, встрѣтила ее громкими аплодисментами. Это дитя человечества, эта неизвѣстная сиротка-цыганочка, которую вскормила и вспоила нужда, а слезы ознакомили съ жизнью, инстинктомъ угадала обращеніе и манеры большаго свѣта, хотя никогда и не видала его... Простителенъ ей былъ ея талантъ, но такое присвоеніе аристократической монополіи было для публики большою неожиданностью, сюрпризомъ. Она кусала себѣ губы, дамы удивленно пожимали плечами, а Папржица уже объяснялъ на ухо графинѣ, что, по дошедшему до него слуху, Віола происходила отъ княжескаго рода. Такимъ только образомъ публика могла объяснить себѣ ея благородныя манеры и граціозныя движенія.

Ганна съ большимъ любопытствомъ лорнировала артистку, понижывая ее насквозь и переводя взглядъ на Сильвана, который, казалось, всѣмъ существомъ находился на сценѣ. Искра гнѣва промелькнула по ея лицу, и она обратилась къ Герману, тоже поживавшему Віолу.

— Не удивительно, что возлюбленная Ромео производитъ такой фуроръ между мужчинами: она, дѣйствительно, рѣдкое явленіе... хотя не такъ хороша, какъ симпатична. Лицо и вся ея фигура исполнены какою-то грустной привлекательности... голосъ симпатичный... да, очень, очень мила...

Она вторично бросила взглядъ на Сильвана и покраснѣла до ушей, увидавъ, что онъ не сводитъ глазъ съ Віолы.

Послѣднія слова Жюльеты въ концѣ акта, относившіяся къ Ромео, Віола, казалось, говорила тому свѣту, дѣтище котораго она любила... свѣту, который ея убогому рожденію былъ вѣчнымъ врагомъ, какъ Монтеки враждовали съ Капулетти. Выговаривая послѣднія слова, она смотрѣла на Сильвана, и этотъ взглядъ ея подхватила стоокая публика.

Занавѣсъ упалъ; мнѣнія раздѣлились, но ни о комъ, кромѣ Віолы, не было и рѣчи... всѣ хвалили, хотя и не обошлось безъ

критики, которая жужжитъ и кусаетъ, какъ комаръ, и хотя не съѣсть, но кусаетъ больно. Папржица находилъ, что это дитя пролетаріата убавило себѣ много прелести тѣмъ, что какою то бантикъ былъ приволокъ не на своемъ мѣстѣ; всѣ согласились съ нимъ, такъ какъ считали его большимъ знатокомъ по части дамскаго туалета.

Въ концѣ перваго акта, Віола съ несравненною прелестью выразила всю чувствительность дѣвичьяго сердца, распускающагося, какъ первый весенній цвѣтокъ.

Вторая сцена 2-го акта, въ саду Капулетти, была настоящей побѣдой артистки, хотя Ромео, желая быть страстнымъ, былъ невыразимо пошлъ и карикатуренъ, но, впрочемъ, зрители не обращали на него никакого вниманія. Глубокая тишина водарилась въ театрѣ; всѣ съ жадностью прислушивались къ звукамъ голоса Жюльетты, которая придавала ему какую-то волшебную гармонию. Публика съ избалованнымъ вкусомъ должна была признать за Віолой гигантскій талантъ, нечаянно появившійся въ захоластьѣ. О, сколько старыхъ, истлѣвшихъ сердецъ она заставила забиться въ этотъ вечеръ, сколько молодежи влюбилось въ эту идеальную дѣвушку, сколько финансистовъ подумало о приобрѣтеніи этой драгоценности! — Статистика, къ несчастью, не упоминаетъ объ этомъ числѣ на страницахъ исторіи театра.

Не столько, впрочемъ, удивлялись тому, что роль Жюльетты была прочувствована артисткой, сколько тому, что она сумѣла быть графиней Капулетти, будучи, въ сущности, дочерью бѣдняка-пролетарія. Это болѣе всего возбуждало въ ложахъ злобныя улыбки.

Не смотря на безталантность артистовъ, пьеса прошла довольно сносно. Въ продолженіе всего спектакля, Ганна бросала косвенныя взгляды на Сильвана и каждый разъ находила его увлеченнымъ пьесой. На этотъ счетъ она что-то даже шепнула Герману, который съ неменьшимъ увлеченіемъ пожиралъ глазами артистку, но улыбнулся и перевелъ взглядъ на брата.

Въ пятомъ актѣ артистка играла съ неподдѣльнымъ чувствомъ; даже самые серьезные люди были проникнуты ея игрою до глубины души. Занавѣсъ упалъ среди громкихъ аплодисментовъ и вызвоновъ артистки; долго не выходила она и, наконецъ, послѣ многократныхъ настаиваній публики, занавѣсъ взвился и, вмѣсто Віолы, вышелъ директоръ труппы съ анонсомъ, что, молъ, по случаю ввезенной болѣзни артистки, при которой уже находится докторъ, она не можетъ выйти.

Взглядъ Ганны невольно упалъ на Сильвана, который тотчасъ

же началъ пробираться между публикой и быстро исчезъ въ театральномъ корридорѣ, ведущемъ за кулисы...

Германъ сопровождалъ Ганну въ каретѣ; лицо ея было серьезно. Публика, приготовившая сюрпризы Виолѣ, въ видѣ разныхъ букетовъ, должна была возвратиться съ ними домой. Напрасно Матуская у выхода ждала Сильвана... раздосадованная на него, она сѣла въ прометку и уѣхала домой одна. Директоръ, котораго встрѣтилъ Сильванъ за кулисами, былъ въ большомъ отчаяніи.

— Вообразите себѣ! воскликнулъ онъ, ломая руки:—эта несчастная, Богъ вѣсть почему, рѣшилась принять слишкомъ большую дозу яда... кажется, ей не такъ худо было жить на свѣтѣ и могло бы быть еще лучше, еслибы... Слава Богу, что докторъ подоспѣлъ въ-время. Теперь, кажется, она въ безопасности, но я долженъ былъ сію минуту отвезти ее домой...

Сильванъ мигомъ выбѣжалъ изъ театра и, взявъ извозчика, приказалъ везти себя по адресу квартиры Виолы. Онъ засталъ обоихъ Шершеней суетившимися у постели больной и доктора, который равнодушно распоряжался ими. Виола лежала въ постели въ платьѣ Жюльеты, которое одѣто было въ гробу; она безпокойными глазами смотрѣла вокругъ, какъ бы не узнавая, гдѣ она. Остатокъ яда, повидимому, еще не успѣлъ испариться: она бредила. Увидѣвъ передъ собою Сильвана, она приподнялась на локоть и, протянувъ къ нему руку, воскликнула:

— Ромео!..

Но ослабѣвъ,—тотчасъ упала опять на подушки. Докторъ стоялъ въ раздумьѣ и насмѣшливо улыбался. Виола спазматически схватила руку Сильвана, усиливаясь удержать его при себѣ. Наступило минутное молчаніе.

— Есть-ли опасность? шопотомъ спросилъ Сильванъ у доктора.

— Теперь ужъ нѣтъ. Еслибы не случай, открывшій склянку, въ которой былъ опиумъ, прекрасная Жюльета уснула бы навѣки въ пещерахъ Капулетти, отвѣчалъ докторъ также тихо. Теперь ей нужны спокойствіе и отдыхъ, какъ по нравственному, такъ и по физическому ея состоянію... Въ настоящую минуту можно обойтись и безъ меня, прибавилъ онъ иронически:—останьтесь здѣсь, нустъ старушка своевременно даетъ ей лѣкарство.

Виола, во время ихъ шептанія, повернулась лицомъ къ Сильвану и пристально смотрѣла на него...

— Докторъ! произнесъ Сильванъ:—кажется, я не имѣю нужды напоминать вамъ, что тайна у одра больного должна оставаться

навсегда тайной и сохраняться свято... а то, о чемъ вы имѣете поводъ догадываться—ошибка, ложь.

Молодой докторъ поклонился и вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты. Сильванъ, волей-неволей, долженъ былъ остаться у постели больной... Віола, казалось, ждала заслуженнаго удара суроваго судьи.

— Не порицайте и не обвиняйте меня, бѣдную... О! вы не знаете, сколько я перенесла въ жизни! Самъ Господь простить уже меня!.. Сегодня ли, завтра умереть... не все ли равно?... въ будущемъ не предвидится ничего лучшаго... человекъ дѣлается самому себѣ ненавистнымъ, тяжелымъ, и для другихъ равнодушнымъ... Жить такъ—тяжело...

— Это слова слабаго дитяти—возразилъ Сильванъ. — Но сегодня не время порицать или осуждать... Вамъ нужны отдыхъ и покойствие; благодарите Бога за свое спасеніе. Никто не знаетъ своего будущаго, но каждый, рожденный на свѣтъ, дѣлается нужнымъ для него; никто не имѣетъ права посягать на жизнь, которая временно дана ему въ пользованіе Богомъ, а следовательно не можетъ составлять собственности человека.

Віола слушала его; слезы градомъ катились по ея лицу и обливали подушку.

— Да, правда!—Но есть такія жизни, что проходятъ безъ малѣйшей надежды на лучшее. Кому бы могло помѣшать, еслибы я спокойно заснула навѣки... Вы только одинъ такой добрый, что, не обращая вниманія ни на кого и ни на что, пришли навѣстить меня... Последнимъ желаніемъ моимъ было, когда казалось мнѣ, что я засыпаю навѣки,—чтобы рука охлаждающей Жюльеты чувствовала въ себѣ вашу руку...

— Не будемъ больше говорить о томъ—произнесъ Сильванъ:—Вамъ нужно успокоиться и отдохнуть, поправиться здоровьемъ.

Віола глубоко вздохнула. Сильванъ хотѣлъ освободить свою руку, но больная крѣпко держала ее.

— Минутку еще, проговорила она тихо:—Кто знаетъ, быть можетъ, до завтра я умру... быть можетъ, завтра вы не захотите видѣть меня... одну, одну только минуту.

Тоскливыя слова больной вызвали слезы на глаза Сильвана... Въ ту же минуту, около квартиры Віолы и на лѣстницѣ послышался глухой шумъ, потомъ голосъ Шершеня, который, казалось, отставивъ дверь... Старушка пошла узнать о происшедшемъ... До двадцати человекъ молодежи, узнавъ о трагическомъ случаѣ, осаждали квартиру Віолы, чтобы лично убѣдиться въ со-

стояніи ея здоровья. Они нанесли цѣлую гору букетовъ, которые старушка должна была захватить съ собою. Во главѣ осаждавшихъ стоялъ Германъ, который, хотя и не показалъ виду Ганнѣ, но сильно былъ озадаченъ внезапною болѣзнью Віолы; находясь еще подъ впечатлѣніемъ игры артистки, Германъ во что бы то ни стало хотѣлъ видѣть ее. Посадивъ Ганну въ карету, онъ быстро направился къ ея квартирѣ и здѣсь хотѣлъ подкупить старика, чтобы онъ пропустилъ его въ комнату; но суфлеръ былъ неподкупенъ, и, стоя у дверей въ положеніи вызывающаго бойца, поклялся сломать голову тому, кто осмѣлится подойти къ нему.

Узнавъ голосъ брата, Сильванъ, не желая встрѣчаться ни съ нимъ, ни съ прочими, остался на мѣстѣ... Віола, слышавъ шумъ, схватилась за этотъ предлогъ, чтобы дольше удержать его у себя. Сильванъ сѣлъ въ кресло у кровати больной, а Віола, оживляясь, приподнялась опять на локоть и, съ блѣдной улыбкой, гѣшилась своимъ счастьемъ. \

На Шершеня можно было положиться, что онъ ни за что не допуститъ кого бы то ни было въ комнату Віолы. Едва только удалось ему пропустить свою старушку съ букетами, онъ быстро захлопнулъ дверь и щелкнулъ замкомъ.

— Будьте увѣрены, г. артистъ, сказалъ Германъ, что я ни за что не уступлю позиціи и буду бодрствовать цѣлую ночь на лѣстницѣ.

— Можете сидѣть, графъ, хоть цѣлую недѣлю — возразилъ суфлеръ: — хотя бы вы были дважды графомъ, я все-таки не пушу васъ... не трудитесь напрасно!

Сильвану, волей-неволей, чтобы избѣжать встрѣчи съ братомъ, приходилось остаться при больной, которая такъ рада была своему счастью. Шершень, входя въ комнату, положилъ палецъ за уста въ знакъ молчанія, и, приблизясь къ Сильвану, тихонько сказалъ:

— Я подкараулю вашего брата; ужъ всё разошлись: не будетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть до утра... Не безпокойтесь, я скоро спроважу его; посидите немного.

Шершень опять ушелъ къ своему посту и, открывъ тихонько дверь, убѣдился еще разъ, что Германъ не уходилъ и, сидя на ступенькахъ, спиною къ дверямъ, курилъ сигару... Нечего дѣлать, онъ опять притворилъ дверь.

Вылазка эта продолжалась нѣсколько разъ въ продолженіе аса. Германъ, повидимому, и не думалъ уходить. Наконецъ со-кучившійся Шершень, взявъ свѣчку, вышелъ на лѣстницу въ ва-

чествъ парламентаря, чтобы окончательно поговорить съ Германомъ и, въ случаѣ безсилія своихъ словъ, удалить послѣдняго болѣе аргументальнымъ образомъ.

— Какой вы упрямый, графъ, сказали Шершень, — неужели-же вы хотите насильно войти въ комнату больной дѣвушки въ полночь!

— Я хочу знать, что съ нею... и съ моимъ братомъ; я убѣжденъ, что мой братъ здѣсь.

— Странное убѣжденіе и очень ошибочное. Кромѣ доктора, у насъ никого нѣтъ.

— Я требую сію минуту видѣться съ братомъ, повторилъ Германъ: — Мой братъ навѣрное здѣсь! онъ долженъ быть здѣсь.

Шершень замолчалъ и озабоченно началъ придумывать, какъ бы спровадить непрошеннаго гостя. Наконецъ ему мелькнула блестящая мысль. Съ другой стороны квартиры находился черныи ходъ, по которому онъ могъ выпустить Сильвана незамѣченнымъ... Въ отвѣтъ Герману, онъ что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и возвратился въ комнату. Заперевъ дверь, Шершень пошелъ къ Сильвану, котораго едва могъ освободить отъ Віолы, погрозивъ ей при этомъ пальцемъ.

Выйдя изъ комнаты Віолы, Сильванъ, въ сопровожденіи Шершени, потихоньку спустился по черной лѣстницѣ въ садъ, откуда легко ужь было выйти и на улицу.

XV.

На слѣдующее утро, когда Сильванъ только что проснулся и лежалъ еще въ постели, у калитки раздался сильный звонокъ. Поднявшійся на ноги мальчикъ быстро побѣжалъ открывать ее. Быстрыми шагами и не снимая шляпы, Германъ вошелъ въ комнату и прямо подступилъ къ постели брата, бросая на него какой-то странный взглядъ.

— Былъ вчера у Віолы? спросилъ Германъ: — что съ нею?

Сильванъ не любилъ лгать, и на вопросъ брата отвѣтилъ легкимъ движеніемъ головы.

— Я такъ и думалъ? Ты одинъ, счастливецъ, имѣешь свободный доступъ къ ней... Хотя бы эта болѣзнь излѣчила ее отъ болѣзни сердца, прибавилъ онъ, садясь. — Ея любовь къ тебѣ и твои слишкомъ большое попеченіе о ней могутъ вовлечь тебя въ пренепріятную исторію. Я искалъ тебя со вчерашняго вечера, чтобы сообщить неутѣшительную вѣсть. Ганна очень обижается на тебя.

ревнуетъ, и Богъ вѣсть еще что... Изъ этого можетъ выйти, повторяю, неприятная исторія... Нужно непременно объясниться съ нею... Плохо, очень плохо, братъ!

— Не можетъ быть!

— Честное слово. Недаромъ же я гонялся за тобою со вчерашняго вечера. Ганна вынесла изъ театра убѣжденіе, что ты влюбленъ въ Віолу... Вотъ ты сколько разъ говорилъ мнѣ, что не понимаешь меня; теперь я въ свою очередь скажу, что не понимаю тебя. Это ужъ черезчуръ героично посвящать себя и жертвовать своимъ счастьемъ, изъ состраданія къ какой нибудь сироткѣ; я, право, начинаю сомнѣваться въ твоей любви къ Ганнѣ.

— Сомнѣваешься! воскликнулъ Сильванъ, вскакивая съ постели. — О, я люблю ее безгранично и буду любить, но въ то же время буду человѣкомъ, тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти.

— А здѣсь дѣло идетъ о твоёмъ счастьѣ—возразилъ Германъ, прохаживаясь по комнатѣ.—Я дѣлалъ все, чтобы вывести ее изъ этого заблужденія, чтобы успокоить ее; она, кажется, въ раздраженіи наговорила твоей сестрѣ дерзостей... Я догадался по ея лицу...

Сильванъ вздохнулъ

— Этого я не ожидалъ отъ нея.

— Каждый твой взглядъ, брошенный на сцену, каждый блескъ въ глазахъ Віолы подхватывался ею, и она, блѣднѣя и дрожа, жадно слѣдила за вами; наконецъ бросилась съ гнѣвомъ въ ложу Леліи, гдѣ и осталась до конца спектакля.

— Сію минуту я пойду къ сестрѣ, сказалъ, пораженный извѣстіемъ, Сильванъ:—я постараюсь увидѣться съ Ганной, объясниться съ нею, хотя, сказать правду, нисколько не чувствую себя виновнымъ.

— Я почти цѣлую ночь просидѣлъ на лѣстницѣ Віолы, и хотѣлъ какъ нибудь вытащить тебя оттуда. Я былъ убѣжденъ, что ты у нея. Но когда и съ кѣмъ ты вышелъ оттуда?

— Оставь, пожалуйста, меня въ покоѣ съ твоими разспросами, грубо отвѣтилъ братъ:—Благодарю за твою заботливость обо мнѣ; теперь я самъ знаю, какъ помочь себѣ и обдумаю, что дѣлать.

Герману хотѣлось сказать еще что-то, но, видя неудовольствіе брата, онъ воздержался, и лишь на прощаніе прибавилъ:

— Вѣрь мнѣ, дорогой братъ, что я дѣлаю это изъ участія къ тебѣ и къ бѣдной Віолѣ... жаль мнѣ ее, очень жаль...

Они молча пожали другъ другу руки. Сильванъ одѣлся съ горячечною торопливостью и побѣжалъ къ сестрѣ. Онъ всталъ выходящею изъ дому съ блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ.

— Я собралась идти къ тебѣ, сказала Матуская съ нѣкоторою досадою:—Я ждала тебя со вчерашняго вечера и очень безпокоилась... Ганна очень сердита на тебя... вчера она была раздражена и окончательно измѣнилась къ тебѣ... Ее возмущаютъ твои непонятныя отношенія къ дѣвушкѣ, за которою и безъ тебя нашлось бы много ухаживателей... Повидимому, ей кто-то сообщилъ о твоихъ отношеніяхъ къ артисткѣ. Ради нея, ты можешь потерять Ганну! Признаться, я тоже не понимаю твоей цѣли!.. Эхъ, вы... мужчины!.. всѣ вы на одинъ покрой... Я думала, что хотя ты можешь быть исключеніемъ...

— Леля! милая моя! неужели и ты подозрѣваешь меня? воскликнулъ Сильванъ съ досадою:—неужели ты можешь несправедливо обвинять меня? Поэтому, стало быть, нельзя имѣть сочувствія къ бѣдной сиротѣ, помочь ей, чтобы не увидѣли въ этомъ эгоизма и гнуснаго разчета!.. Я теперь, дѣйствительно, не могу понять ни Ганны, ни тебя... Ну, можно ли несправедливо обвинять такого человека, какъ я!

Возмущенный Сильванъ прохаживался въ волненіи по комнатѣ и пожималъ плечами. Душа его боролась съ гнѣвомъ и огорченіемъ.

— Этого нельзя оставить безъ разъясненія; я долженъ непременно видѣться съ Ганной. Германъ мнѣ то же сообщилъ, ты подтверждаетъ—просто съ ума сойдеешь! Нужно, наконецъ, хотя одинъ разъ поговорить съ нею откровенно и покончить недоразумѣнія. Я, повторяю, долженъ видѣться съ нею; не можетъ же она отказать мнѣ въ этомъ. Я прошу, умоляю ее о томъ!

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Пойти, развѣ, попросить ее прійти сюда: вѣдь тебѣ неловко идти туда... нельзя... Я попробую—пойду.

Указавъ глазами на кресло, она пожала брату руку и съ трепетомъ сердца вышла изъ дому. Сильванъ упалъ въ кресло и оставался въ немъ, какъ прикованный. Противъ него висѣли стѣнные часы; минуты казались ему нескончаемою вѣчностью. Въ головѣ мелькали мысли, рисуя всевозможные случаи, наступленіе которыхъ приводило его въ содроганіе. Грустно было ему. Съ устремленными на часовыя стрѣлки глазами, онъ ждалъ съ біеніемъ сердца и колебаніемъ: прійдетъ ли она, или нѣтъ. Наконецъ, по лѣстницѣ послышались чьи-то торопливые шаги; онъ наострилъ уши: шаги были двухъ особъ; зашумѣли платья и дверь быстро распахнулась. Въ комнату первой вошла Ганна, блѣдная, взволнованная. Сильванъ встрепенулся и сталъ передъ нею, какъ обвиняемый передъ судьей.

— Я къ вашимъ услугамъ, явилась по вашему приказанію, сказала дѣвушка трогательнымъ, полнымъ смиренія, голосомъ.

— Смѣю-ль я приказывать—возразилъ Сильванъ:—я просилъ, умолялъ, потому что не могъ выдержать пытки. Явиться самому... я не осмѣлился. Германъ испугалъ меня... Вы сердитесь на меня!..

Оборвавъ слова, онъ подошелъ ближе и, перемѣнивъ голосъ и тонъ, продолжалъ:

— Не можетъ быть, m-lle Ганна, чтобы вы обвиняли меня въ измѣнѣ и въ какихъ-то интимныхъ отношеніяхъ и интригахъ. Умоляю васъ сказать, изъ какого источника возникло это недоверіе ко мнѣ... какой поводъ имѣли вы заподозрить меня?

— Поводъ!? разсмѣялась Ганна, бросаясь въ кресло:—и вы спрашиваете еще. Да вѣдь весь городъ говоритъ только о томъ... о вашей любви къ актрисѣ, которая съ отчаянія хотѣла вчера отравиться. Вы сами хорошо помните, что въ теченіе цѣлаго вечера въ театрѣ вы не сводили глазъ со сцены.

— M-lle Ганна! произнесъ Сильванъ, съ мольбою складывая руки:—кто-же въ состояніи отравляться, будучи любимымъ и любящимъ взаимно?.. Неужели вы ставите мнѣ въ вину то, что я считалъ долгомъ избавить васъ отъ непріятностей, которыя могли бы произойти отъ моихъ взглядовъ, и смотрѣлъ на сцену?

— Какъ смотрѣть! съ какимъ выраженіемъ лица, съ какою чувствительностью!.. я тоже смотрѣла... видѣла все... и возмущалась...

— Неужели вы, m-lle Ганна, знаете меня такъ мало, что можете равнодушно обвинять и осуждать?

— Я должна...

— Но хорошо ли это?.. мнѣ больно слышать это отъ васъ... Я не узнаю васъ!..

— А я васъ, возразила Ганна:—Вы можете любить кого вамъ угодно, но зачѣмъ скрывать чувства и притворяться?

— Ганна! помилуй, душа моя! прервала Лелія.

— Ну, можно ли такую гнусную ложь приписывать мнѣ? воскликнулъ Сильванъ:—есть ли въ ней смыслъ, и въ моемъ ли это характерѣ. Какая причина могла быть къ этому—не понимаю. Можно ли, повторяю, обвинять меня въ такомъ гнусномъ развѣтѣ? Помилосердуйте, m-lle Ганна!..

Ганна поблѣднѣла.

— Я ни въ чемъ особенно не обвиняю васъ и говорю лишь то, что вы скрываете и стыдитесь своихъ чувствъ, которымъ вы

незамѣтно поддались. Я хочу, чтобы вы были откровенны со мною, и вы должны сказать мнѣ всю правду...

— Извольте. Правда есть и будетъ: я люблю, обожаю, боготворю васъ—но не понимаю. Виола же возбуждаетъ во мнѣ только состраданіе.

— И, повидимому, черезчуръ большое. Можетъ быть, вы и сами не замѣчаете, какія чувства питаете къ ней; но глаза постороннихъ, и тѣмъ болѣе собственные мои, не могутъ меня обманывать... Вы заняты ею...

Сильванъ схватился обѣими руками за голову и не могъ возражать противъ обвиненія...

— Имѣйте-жь состраданіе ко мнѣ! воскликнулъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія... Это выдумка, призракъ!.. О, m-lle Ганна, какъ я невинно страдаю... Неужели вы не читаете въ моемъ сердцѣ?

— Можетъ быть, больше, чѣмъ вы сами, грустно сказала она:—но къ чему всѣ эти объясненія и обоюдные выговоры? Можно объяснять вамъ свои поступки, какъ угодно, но впечатлѣніе вчерашняго вечера глубоко врѣзалось въ мою душу и врядъ ли покинетъ меня... глаза видѣли и сердце чувствовало... Слова—рутина... Я знаю!.. я чувствую, m-g Сильванъ, что она вамъ нравится больше, чѣмъ я... Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего предосудительнаго.

— Вы уничтожаете меня, убиваете, и безвинно убиваете! простоналъ Сильванъ.

— Милая Ганна, приступила къ ней Лелія:—своими ли ты только глазами смотрѣла на него? Остановись, дорогая моя: ты поддаешься чувству, внушенному тебѣ посторонними.

— Я поддаюсь? Нѣтъ—возразила Ганна:—мнѣ не хотѣлось бы вѣрить, но, къ несчастью, я вынуждена. Что слова, когда улики говорятъ сами за себя. Мнѣ тоже больно, и больно наконецъ потому, что весь городъ только и говоритъ о томъ. Сегодня, съ ранняго утра, едва ли не всѣ знакомые перебывали у насъ и говорили, что видѣли вчера Сильвана бѣгущимъ изъ театра къ актрисѣ, куда потомъ собрались многіе, но ихъ не пустили къ ней... Всѣмъ хорошо извѣстно, что вы провели ночь у постели больной.

— Развѣ это преступленіе? Развѣ я не имѣю права быть съ сострадательнымъ къ несчастью ближняго?—спросилъ съ грустью Сильванъ.

— Если вамъ все возможно, тогда и людямъ нельзя запретитъ

говорить, что это не состраданіе, а просто любовь... Сердца нельзя раздѣлять на части, а кто отдастъ его вамъ въ цѣлости, тотъ имѣетъ право требовать взаимно цѣлымъ... М-г Сильванъ, я... я... освобождаю васъ, хотя это мнѣ и очень больно... но... я должна.

— Богъ съ тобою, дорогая Ганна! воскликнула Лелія:—это мечта! фантазія! что съ тобой? Опомнись! Ты хочешь убить чело-вѣка!.. Къ чему мучить себя и его?

Сильванъ протянулъ дрожащую руку къ лежавшей на полу шляпѣ.

— Клянусь Богомъ и всѣмъ, что для меня свято, что я невиненъ во взводимой на меня клеветѣ. Я никогда не измѣнялъ своимъ чувствамъ и останусь вѣрнымъ имъ до гроба. Но чему быть, того не миновать... Я не имѣю права насильно навязывать себя... больше я не сважу ни слова въ свое оправданіе.

Онъ молча поклонился и направился къ двери. Ганна сидѣла съ опущенной головой, не замѣчая даже поклона Сильвана. Лелія была рада, что, наконецъ, осталась наединѣ съ Ганной... Она видѣла ее взволнованной и надѣялась успокоить и поправить дѣло. Ганна закрыла платкомъ глаза; слезы душили ея грудь... Обѣ молчали.

— Милая Лелія, отозвалась Ганна:—не ставь мнѣ этого въ вину: я не легкомысленна; но оскорбленное самолюбіе возстаеъ и сердце замираетъ во мнѣ... Собственная любовь моя отталкиваетъ меня отъ того, кого я такъ сильно любила. Я и рада бы превозмочь себя; но, признаться, никакъ не могу... Между нами все кончено.

Съ этими словами она встала и хотѣла уйти, но Лелія преградила ей путь и спокойно сказала:

— Еще одно слово, дорогая Ганна! Ты, конечно, свободна вѣдать все, что хочешь; я ни заступаться, ни просить за брата не гану... Потерянную вѣру трудно возвратить; но скажи мнѣ, Бога ради, что поколебало твое довѣріе къ нему?

Ганна отерла платкомъ заплаканные глаза и, поднявъ ихъ на Лелію, сказала:

— Со времени нашего пріѣзда сюда не проходило ни одного дня, чтобы не слышать разговора, гдѣ фигурировалъ Сильванъ; самыхъ мрачныхъ краскахъ.—Меня, конечно, всегда возмущала подобная несправедливость и не производила никакого вліянія на ни убѣжденія. Германъ, нужно отдать ему справедливость, всегда ржалъ сторону Сильвана, я—тоже, и вдругъ онъ самъ, въ при-

сутствии тысячи зрителей, какъ нарочно, пришелъ убѣдить меня въ противномъ... поэтому я и не могу больше рассчитывать на его любовь. Не я, а онъ виновать, и, конечно, между нами должно быть все кончено!..

Лелія отступила назадъ... Ганна хотѣла еще что-то сказать, но тотчасъ же приблизилась къ дверямъ. Между тѣмъ Лелія спокойно сняла кольцо съ руки и, останавливая ее, сказала:

— Милая Ганна, въ доказательство нашей бывшей дружбы, окажи мнѣ послѣднюю услугу: будь, пожалуйста, посредницею между мною и твоимъ отцомъ, возврати ему этотъ знакъ его расположенія ко мнѣ. Теперь я должна раздѣлить судьбу моего брата. Растрогнувъ связь съ братомъ, ты этимъ вынуждаешь меня расторгнуть связь съ твоимъ отцемъ... Быть женою твоего отца, это—сдѣлаться орудіемъ недоразумѣній и несправедливостей между твоими родными... Благодарю за дружбу и любовь, за тѣ счастливыя минуты, которыми пользовалась я до сего времени. Не сердись на меня, дорогая Ганна, но я всегда люблю говорить правду: ты поддалась влиянію враговъ Сильвана, сама того не замѣчая; но это, впрочемъ, было неизбѣжно... Можетъ быть, и къ лучшему.

Лелія положила въ руку Ганны кольцо ея отца. Настала минута колебанія, рѣшающая вопросъ, какъ разстаться между собою: врагами или друзьями. Ганна вздохнула и растроганнымъ голосомъ сказала:

— Прощай... Это дѣло отца; пусть дѣлаетъ, какъ ему угодно.

Едва только закрылась дверь за Ганной, какъ Лелія опустилась въ кресло... Отдыхъ этотъ однако продолжался недолго: она позволила и спросила вошедшую прислугу: здѣсь-ли Сильванъ. Отвѣтъ былъ отрицательный. Боясь оставлять его наединѣ, Лелія тотчасъ побѣжала къ нему въ квартиру, но, не заставъ его, возвратилась обратно. Она чувствовала себя усталой и потому рѣшилась не выходить въ этотъ день изъ дому. Она убѣждена была, что какъ Сильванъ, такъ и Юноша, получивъ кольцо обратно, не замедлятъ прійти, и, конечно, не ошиблась въ расчетѣ. Сильванъ пришелъ, рассчитавъ по времени, что Ганна уже ушла отъ нея. Онъ былъ очень скученъ, но, повидимому, покоряясь судьбѣ, совершенно спокоенъ; даже, быть можетъ, послѣ столь жестокаго пораженія, слишкомъ спокоенъ... Лелія начала сѣтовать на людей, оклеветавшихъ его, но Сильванъ тотчасъ остановилъ ее.

— Умоляю тебя, сестра, сказалъ онъ:—ни слова больше объ этомъ. Довольно страданій.

— Что же ты думаешь дѣлать теперь?

— Пока не знаю... будь что будет... даже для собственного счастья не могу навязывать себя, а умолять—больше не намѣренъ. Случилось—и кончено! Виноваты обстоятельства, виновата Ганна... быть можетъ, я самъ... Иначе я поступать не могъ... не умѣлъ.

— Ну, а любовь твоя къ Ганнѣ?

— Ничего съ ней не сдѣлалось—все та-же.

Видя, что братъ неохотно объясняется, Лелія замолчала и только посматривала на него, точно не понимая его безропотнаго страданья. Въ ней, наоборотъ, волновалась, кипѣла и возмущалась кровь...

Въ передней послышался голосъ запыхавшагося Юноши. Со дня ихъ обрученія, онъ часто подвергался противоположному настроенію, которое колебало его рѣшимость: онъ чувствовалъ себя попережѣнно то счастливымъ, то обезкураженнымъ. По утрамъ, онъ вставалъ огорченнымъ и озлобленнымъ на свою поспѣшность относительно объясненія со вдовушкой, которая поработила его; то опять мечталъ объ ожидающемъ его счастьи и наслажденіи, и намѣревался поскорѣе сознаться въ этомъ старостинѣ.

Тихія, но волкія шуточки Доленги то лѣстили его самолюбію, то раздражали его, но Доленга былъ вѣренъ своему слову и держалъ въ секретѣ его обрученіе. По нѣскольку разъ въ день Юноша приходилъ въ отчаяніе и проникался страхомъ, но любовь къ Леліи всюду преслѣдовала его; онъ подходилъ къ зеркалу, присанивалъ, разглаживалъ плѣшь, считалъ свои лѣта, боялся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ поспѣшить со свадьбой. Въ одну изъ такихъ ужасныхъ для него минутъ, которыя по большей части онъ проводилъ съ трепетомъ сердца и сигарой въ зубахъ, вошла Ганна съ измѣнившимся, серьезнымъ лицомъ. Отецъ испугался ея блѣдности и поспѣшилъ на встрѣчу.

Отношенія отца къ ней были всегда чувствительны, однако онъ какъ-то боялся ее, сознавая ея превосходство надъ собою; онъ боготворилъ дочь и старался скрыть отъ нея свои мелкія слабости.

— Что съ тобою, душа моя? Ты такъ блѣдна и особенно странно смотришь сегодня?

Дочь помолчала минутку, точно не зная, какъ приступить къ щекотливому порученію; однако, находя лишнимъ откладывать дѣло, она протянула руку съ кольцомъ. Юноша поблѣднѣлъ...

— Что это значитъ? спросилъ онъ изумленно.

— Лелія поручила мнѣ отдать его вамъ.

— Почему, что за причина?

— Право... не знаю... минутный каприз... впрочемъ, папа, вы сами переговорите съ нею.

Взявъ кольцо изъ рукъ дочери, Юноша стоялъ въ вопросительномъ недоумѣніи.

— Что же она говорила?..

— Она сама объяснить вамъ это. Я ничего не знаю.

На лицѣ плѣшиваго старикашки появилась страдальческая улыбка; какія-то бурныя чувства начали овладѣвать имъ. Онъ былъ очень недоволенъ, что Ганна ничего не сказала ему.

— Что ты скажешь на это?.. шепталъ онъ, глядя на дочь.

— Могу ли я имѣть какое нибудь рѣшающее мнѣніе въ дѣлахъ отца? возразила дочь.—Я исполняю только порученіе, а остальное—не мое дѣло.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты.

Юноша тотчасъ же одѣлся и стремглавъ бросился къ Леліи. Идя къ Матуской, онъ рѣшилъ не спѣшить со вторичнымъ обрученіемъ и только, въ случаѣ наставанія съ ея стороны, отдать ей кольцо. «Я убѣжденъ, что если обстоятельства измѣнятся, она не откажетъ мнѣ и послѣ въ своей рукѣ,—бормоталъ онъ по дорогѣ:—лучше подождать?» Но какъ только онъ переступилъ порогъ ея квартиры, мысли его приняли совершенно иной оборотъ. Войдя въ комнату, онъ ужъ не зналъ, какъ поступить и съ чего начать: страсть опять заговорила въ немъ.

Едва только вошелъ Юноша въ комнату, Спльванъ незамѣтно вышелъ въ другую, чтобы не встрѣтиться съ нимъ.

— Царица моя! воскликнулъ Юноша, входя въ комнату:—Богиня моя!.. Ганна принесла мнѣ кольцо!.. Что это значить?.. я не понимаю.

— Ганна должна была объяснить вамъ, я просила ее о томъ, возразила Матуская.

— Она ни слова не сказала мнѣ! Бога ради объясните мнѣ, что это значить?..

— Хорошо; я передамъ вамъ все въ краткихъ словахъ. М-ше Ганна, столько лѣтъ оказывавшая расположеніе и благоволеніе къ моему брату, вдругъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ, и болѣе по капризу, отняла у него надежду на будущее... Поговоривъ съ нею, я пришла къ тому заключенію, что положеніе мое въ вашемъ домѣ было бы ужасно неприятнымъ... братъ и я... не можемъ быть раздѣлены другъ отъ друга... и поэтому мы должны разстаться съ вами, господинъ Юноша... Благодарю васъ за честь и дружбу, которыми вы до сихъ поръ награждали меня, но женою вашею, при такихъ обстоятельствахъ, я быть не могу...

Юноша стоялъ, какъ огорошенный... Изъ этого онъ могъ только понять, что между Ганной и Сильваномъ произошла размолвка, и онъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ Леліи, для восстановленія прежнихъ отношеній. Теперь онъ думалъ уже, что если ему удастся уломать Лелію, — то нужно торопиться со свадьбой, такъ какъ, по его мнѣнію, именно то, что было причиной размолвки Ганны съ Сильваномъ, то для него и устраняло главное препятствіе къ браку. Онъ рѣшился безъ борьбы не уступать своей позиціи, и бросился передъ Лелією на колѣни, конечно, съ извѣстными приемами, сопровождающими стариковъ, и съ самоувѣренною эксцентричностью вскричалъ:

— Но я имѣю слово ваше и... ни за что не уступлю.

— Обстоятельства измѣнились, г. Юноша... Раньше мы жили одной душою, однимъ сердцемъ, одной мыслью съ Ганной... сегодня же наши отношенія поколебались. Войти въ вашу домъ семейной я теперь ни въ какомъ случаѣ не могу...

— Какая же перемена произошла? въ чемъ дѣло? я не вижу въ этомъ никакой уважительной причины.

— Даже очень уважительная причина. Ганна... Впрочемъ, обвинять я никого не желаю... видно, судьбѣ такъ заблагодарасудилось и, можетъ быть, къ лучшему.

— Но, богиня моя! разъ я уже заручился вашимъ словомъ, ни за что на свѣтѣ не уступлю васъ.

Юноша протянулъ къ ней руку съ кольцомъ, Лелія отступила назадъ.

— Извините меня, г. Юноша, я чувствую себя совершенно свободной отъ обязательства... заставить же меня силой никто не можетъ.

Сцена эта становилась ей въ тягость, и она взглянула на дверь, въ которую скрылся Сильванъ, точно ожидая помощи отъ него. Но онъ стоялъ уже на порогѣ и вошелъ въ комнату. Появленіе Сильвана поразило старика, смотрѣвшаго на него въ глупомъ недоумѣніи. Блуждающимъ взоромъ Юноша оглянулся вокругъ.

— Я пришелъ на помощь моей сестрѣ, произнесъ Сильванъ: — и просилъ бы не дѣлать несправедливостей ни ей, ни себѣ напраснымъ вынужденіемъ согласія. Связь эта могла бы причинить намъ много страданья. Вы и сами хорошо можете понять это.

Вѣжливый, но строгій тонъ Сильвана не вызвалъ никакого отвѣта изъ устъ Юноши; онъ растерялся и не зналъ, что дѣлать. Неожиданное появленіе брата привело мысли его въ такое хаотическое настроеніе, что языкъ его, казалось, прилипъ къ гортани.

Онъ безсвязно пробормоталъ какія-то слова и, глядя на Лелю, удалявшуюся въ глубину комнаты, быстро положилъ кольцо на столъ, затѣмъ поклонился и ушелъ.

Какъ пьяный, пошатываясь, сошелъ онъ съ лѣстницы; выйдя на улицу, онъ остановился у подъѣзда, и не зная, куда направить стопы и что дѣлать, стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ. Доленга, шедшій въ это время по улицѣ, вывелъ его изъ задумчивости.

— Никакъ ты сторожишь свою прелестную барыньку? произнесъ онъ, подходя къ нему:—или ужь занялъ у нея мѣсто охранителя дверей?..

Взглянувъ попристальнѣе на исказившееся, блѣдное лицо Юноши, Доленга перемѣнилъ шутливый тонъ и съ участіемъ спросилъ:

— Что съ тобою, дружище?

— Ничего, ничего особеннаго!.. Размолвка! все кончено! разбитымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Размолвка!.. Тогда скажи: слава Богу! и... тсс... ни гу-гу, произнесъ Доленга, хватая его подъ руку. Конечно, я понимаю, что это, можетъ быть, для тебя нѣсколько и непріятно, но повторяю, благодари Бога, что наконецъ это случилось. Ты, мой милый, сдѣлалъ бы непростительную ошибку, скомпрометировалъ бы какъ себя, такъ и всю свою фамилію. Я только не хотѣлъ дѣлать тебѣ позднихъ предостереженій, но теперь, когда все кончилось благополучно, отъ души поздравляю тебя... Ну, что бы ты дѣлалъ тогда съ своимъ шуриномъ? Вѣдь трудно было бы захлопнуть дверь у него подъ носомъ. Очень, очень радъ, что все идетъ къ лучшему.

Юноша все еще стоялъ, какъ статуя, не понимая ни его словъ, ни того, что съ нимъ произошло.

— Послушай! имѣй рассудокъ... поободришь немного... ты глядишь мертвецомъ... Пойдемъ-ка лучше, пожуемъ что-нибудь повкуснѣе, да запьемъ горе хорошенькимъ винцомъ... все какъ рубль сниметь... Пойдемъ же, пойдёмъ; неловко вѣдь такъ стоять, точно на часахъ.

Доленга подхватилъ подъ руку совершенно развинченнаго пріятеля и почти насильно потащилъ его въ лучший ресторанъ, зная хорошо, что запахъ хорошаго жаркаго подѣйствуетъ на него лучше всякаго лѣкарствъ.

(Окончаніе будетъ).

ЯЗВЫ ПЕТЕРБУРГА.

Опыт нравственной статистики столичнаго населенія.

ІХ.

Въ мірѣ преступниковъ и преступленій.

До сихъ поръ мы старались, по возможности, точно опредѣлить и изслѣдовать, съ одной стороны, социальна-экономическія и нравственно-бытовыя условія, создающія въ массѣ столичнаго населенія опасный «неблагонадежный классъ», и съ другой—самый этотъ классъ, въ его главныхъ видовыхъ группахъ, какъ специфическую среду, выдѣляющую положительныхъ преступниковъ и, вообще, служащую наиболѣе плодородной почвой для зарожденія всякаго рода дѣяній, нарушающихъ правовой порядокъ въ смыслѣ уголовномъ. Теперь мы перейдемъ непосредственно къ самимъ преступникамъ и преступнымъ дѣяніямъ, по скольку они приведены въ извѣстность и сосчитаны полиціей и судомъ. При этомъ, однако-же, необходимо постоянно имѣть въ виду, — о чемъ мы уже въ своемъ мѣстѣ упоминали, — что отъ вѣдѣній существующихъ органовъ законности и справедливости скользяетъ очень много дѣйствій безнравственныхъ и даже преступныхъ, совершаемыхъ скрытно или безнаказанно, подъ разными благовидными масками легальности, привилегированнаго оложенія, авторизированнаго въ своихъ рѣшеніяхъ произвола и под. Чуткая къ справедливости совѣсть не можетъ, конечно, покоиваться на дешевыхъ успѣхахъ юстиціи по престѣченію и зранію, по всей строгости законовъ, пойманныхъ лишь, цементарныхъ воровъ, грабителей и убійцъ, въ то время, когда сравненно болѣе, быть можетъ, преступные, но пока «непойманные» нарушители человѣческихъ правъ, хищники и расточи-

тели народнаго благосостоянія и завѣдомые злодѣи бщства не только остаются безнаказанными, но кичливо фигурируютъ въ «красномъ углу», въ качествѣ избранной «соли земли»... Требованія такой гражданской совѣсти мы вполне сознаемъ, но отвѣтить на нихъ достоудолжно не можемъ, помимо разныхъ стороннихъ причинъ, потому, главнымъ образомъ, что задача наша, строго очерчиваемая наличнымъ статистическимъ матеріаломъ, состоитъ по преимуществу въ изслѣдованіи только тѣхъ явленій нравственной патологіи общества, которыя приведены въ категорическую извѣстность и сосчитаны. Къ нимъ мы и обратимся сейчасъ безъ дальнѣйшихъ околичностей.

Чтобы опредѣлить численно весь объемъ уголовной преступности столичнаго населенія и все количество выдѣляемыхъ изъ его среды и судимыхъ преступниковъ, всего проще, повидимому, привести въ извѣстность среднія годовыя данныя, представляемыя статистикой тюремъ, полицейскихъ домовъ и судовъ. Даныя эти за обозрѣваемый періодъ (съ 1868 по 1877 г.) представляются въ такомъ видѣ:

Содержалось подъ арестомъ:

- а) въ городскихъ тюрьмахъ. . . 16,288 чел.
- б) въ полиц. домахъ (по подозрѣнію въ уголовн. и друг. преступленіяхъ). 13,469 »

Дѣлъ уголовныхъ производилось:

- а) въ окружномъ судѣ. . . . 4,456.
- б) въ мировомъ судѣ около . . . 25,000

Табличка эта требуетъ, однако, оговорки. Во-первыхъ, нужно принять во вниманіе, что многіе изъ арестованныхъ полицею, по подозрѣнію въ уголовныхъ преступленіяхъ, впоследствии перешли въ тюрьмы, слѣдовательно, они записаны здѣсь дважды: во-вторыхъ, немало заподозрѣнныхъ и судившихся по уголовнымъ дѣламъ и вовсе могли избѣжать ареста или подвергались такъ называемому, домашнему аресту. По этимъ соображеніямъ остается руководиться лишь статистикой суда, для точнаго численнаго опредѣленія уголовной судимости въ средѣ столичнаго населенія. По вышеприведеннымъ даннымъ, можно положить въ 30,000 случаевъ такой судимости въ годъ, и—только лишь случаевъ, такъ какъ число лицъ, бывшихъ причастными къ этимъ случаямъ, намъ неизвѣстно, какъ не можемъ мы сказать такъ:

съ опредѣленностью, какой процентъ изъ всей суммы уголовныхъ дѣлъ кончался оправданіемъ подсудимыхъ. Примемъ во всякомъ случаѣ приведенную огульную цифру—30,000 случаевъ уголовной судимости, какъ приблизительное, среднее мѣрило выплачиваемой столичнымъ населеніемъ годичной «подати преступленію», уже непосредственно, по прямому адресу, записываемой на приходъ торжествующей вицмундирной Θεмиды. Хотя мы и не очень полагаемся на бдительность и всеобъемлемость послѣдней, но нельзя не сказать, судя по цифрѣ ея прихода, что она очень дѣятельно хлопочетъ объ исправленіи нравовъ и о возмездіи грѣховностямъ столичнаго населенія. Тридцать тысячъ уголовныхъ преслѣдованій на 670 т. жителей—пропорція весьма внушительная, почти потрясающая, ибо это выходитъ, что почти одинъ изъ 22 обывателей ежегодно привлекается къ суду по обвиненію въ криминальномъ дѣяніи! И это еще по самой малой мѣрѣ, предполагая только по одному подсудимому на каждый случай, тогда какъ извѣстно, что во многихъ дѣлахъ подсудимыхъ бываетъ по нѣскольку человекъ. Правда, въ нашъ счетъ, по практикѣ окружнаго суда, вошла вся сумма производимыхъ въ немъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ есть немало дѣлъ, возбуждаемыхъ ввѣ Петербурга—въ районѣ его судебного округа, но число послѣднихъ не можетъ быть велико, и изыятіе ихъ изъ нашей валовой цифры весьма немногимъ облегчило-бы тяжесть грѣхопаденія, лежащаго на совѣсти исключительно петербуржцевъ въ такомъ ужасающемъ размѣрѣ. Можно утѣшаться развѣ только тѣмъ, что почти три четверти общей суммы производимыхъ петербургскими судами уголовныхъ дѣлъ—дѣла мелкія и неважныя, не выходящія изъ вѣдѣнія мирового суда, на долю котораго и приходится ихъ до 25 т. Но Богъ вѣсть еще—утѣшеніе-ли это? Мелкія преступления не всегда знаменуютъ меньшую степень нравственной испорченности преступника. Бываетъ часто совершенно напротивъ, какъ увидимъ дальше. Крупныя и тяжкія преступления требуютъ извѣстной, несовсѣмъ обыкновенной напряженности воли и сопровождаются слишкомъ большимъ рискомъ, на который опытный, искусившійся въ темномъ промыслѣ, преступникъ идетъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и крайне неохотно, предпочитая лиходѣйствовать по мелочамъ, гдѣ безопасно и гдѣ, въ случаѣ «пресѣченія», ему можно отдѣлаться

болѣе или менѣе легкимъ наказаніемъ. Слѣдовательно, незначительностью законопреступныхъ дѣяній никакъ не слѣдуетъ обольщаться, при оцѣнкѣ уровня нравственности плательщиковъ «подати» преступленію... Обыкновенно, профессиональные мелкіе ворипшки, плуты и мошенники, титулуемые улицей собирательною кличкой «мазуриковъ» и «жуликовъ», представляютъ собою самыхъ безнравственныхъ, неисправимо-испорченныхъ субъектовъ въ населеніи тюремъ, не выключая убійць, что подтверждаютъ и наблюденія тюремновѣдovъ. Такимъ образомъ, предложенное нами, въ интересъ доброй славы Петербурга, утѣшеніе оказывается весьма призрачнымъ; но всмотримся ближе въ раскрывающійся передъ нами мрачный міръ человеческихъ паденій и преступленій, вражды и хищности, неосторожно преступившихъ предѣлы, гарантированные для ихъ проявленія закономъ, столь покладистымъ для «нѣмнѣющихъ предъ нимъ», по выраженію Чичицова, хищниковъ и живодеровъ, съ лойальными минами на фивіономіяхъ и съ форменными патентами въ кармаля.

Чтобы ознакомиться ближе съ этимъ міромъ статистически, намъ должно прежде всего обратиться къ полицейской дѣятельности по пресѣченію преступленій и проступковъ, обнаруживаемыхъ въ средѣ столичнаго населенія. Выше мы привели валовую цифру арестовъ, производимыхъ полиціей спеціально по подозрѣнію въ уголовныхъ преступленіяхъ и по нарушенію порядка и благочинія. Всѣхъ ихъ, въ среднемъ годовомъ разсчетѣ, производилось 13,469 (или по 2 на каждые сто жителей); въ томъ числѣ: по уголовнымъ преступленіямъ—7,330, по нарушеніямъ порядка и благочинія—6,116, дезертировъ—23. Но, кромѣ счета арестованныхъ преступниковъ, полиція ведетъ довольно подробную и весьма любопытную вѣдомость самихъ преступленій. Приводимъ ее въ сводкѣ за девятилѣтіе (съ 1869 по 1877 г.) по среднему годовому разсчету, а именно:

	Число случаевъ.
Святотатства	8.
Убійства	12.
Поджоги	9.
Изнасилованіе женщинъ	12.
Кражи	2,858.

Дѣланіе и распространеніе фальшивыхъ денегъ 23 *)

Всѣхъ случаевъ—2,924, обозначающихъ собою наиболѣе важныхъ преступленія, обнаруживаемыя полиціею; но, надо полагать, они далеко не всѣ, судя, во-первыхъ, по значительно превосходящей выведенное здѣсь число цифръ арестовъ по уголовнымъ преступленіямъ, а, во-вторыхъ, по цифрѣ протоколовъ, составляемыхъ полиціею по тѣмъ-же преступленіямъ. Такъ, въ девятилѣтней сложности, полиція ежегодно составляла такихъ протоколовъ—6,164. Къ сожалѣнію, подробнаго обозначенія и классификаціи случаевъ, вызывавшихъ эти протоколы, не имѣется; но приведенную здѣсь валовую цифру послѣднихъ необходимо запомнить для наиболѣе близкаго опредѣленія дѣйствительнаго размѣра уголовной преступности столичнаго населенія. Характеризовать ее могутъ еще отчеты слѣдующія данныя. Во-первыхъ, изъ полицейской статистики узнаемъ, что, при изслѣдованіи и разбѣсканіи преступленій, было произведено полиціею ежегодно 2,352 «обысковъ и вымоговъ» (въ эту цифру не входятъ акты специальной дѣятельности сысвной, тайной полиціи, о чемъ будетъ говорено ниже); во-вторыхъ, въ отчетности о движеніи составляемыхъ полиціею протоколовъ по преступленіямъ, показано, что такихъ протоколовъ было передаваемо полиціею судебнымъ слѣдователямъ по 2,114 ежегодно. Зная юридическое значеніе обысковъ въ уголовномъ процессѣ, а также мотивы передачи дѣлъ судебнымъ слѣдователямъ, мы можемъ найти въ этихъ данныхъ нѣкоторое указаніе на численный объемъ совершаемыхъ въ столицѣ криминаловъ первостепенной важности. Замѣтимъ, что цифры такихъ обысковъ и передачъ близко совпадаютъ съ выше показаннымъ числомъ преступленій, приведенныхъ въ извѣстность полицейской статистикой.

Приведенная выше сводка случаевъ важѣйшихъ преступленій, совершавшихся въ столицѣ за обозрѣваемый періодъ, хотя интересна сама по себѣ, но съ точки зрѣнія нравственной статистики—каждый фактъ и каждая цифра имѣютъ по столько лишь значенія, по сколько могутъ служить дѣйствительнымъ мѣриломъ

*) Последняя цифра выведена только за восемь лѣтъ.

степени нравственности даннаго населенія. Что-же выражают собою приведенныя цифры уголовной преступности въ Петербургъ? Значать-ли онѣ, что эта преступность сильно развита, или—наоборотъ? Имѣемъ-ли мы здѣсь какое нибудь мѣрило для опредѣленія уровня нравственности столичнаго населенія за данное время, чтобы сказать — высокъ онъ или низокъ? Сколько нибудь точный отвѣтъ на эти вопросы можно дать только путемъ сравнительнымъ, потому что, какъ правильно замѣтилъ г. Карновичъ, въ своемъ статистическомъ описаніи Петербурга, «перечень преступленій безъ характеристики послѣднихъ не можетъ имѣть никакого значенія для опредѣленія народной нравственности, такъ какъ въ цифрахъ, изъ которыхъ мы узнаемъ о числѣ преступленій, не заключается никакой ихъ нравственной оцѣнки, и по тому самому подобныя числовыя свѣдѣнія, лишеныя, такъ сказать, внутренняго содержанія, никакъ не позволяютъ сдѣлать общій выводъ ни объ успѣхахъ, ни объ упадкѣ народной нравственности...». Позволяютъ-же это сдѣлать только сравнительные выводы, которые мы имѣемъ возможность произвести, благодаря именно книгѣ г. Карновича. Въ ней мы находимъ свѣдѣнія о главнѣйшихъ преступленіяхъ въ Петербургѣ за пятилѣтіе съ 1853 по 1857 годы. Въ теченіе этого періода было совершено 33 убійства или, по среднему разсчету, немного болѣе 6-ти въ годъ, 18 святотатствъ или около 4-хъ въ годъ, 97 грабежей или почти 20 въ годъ, 3 «зажигательства» — менѣе 1 въ годъ и ежегодно по 265 «значительныхъ кражъ». Всѣхъ жителей тогда въ Петербургѣ считалось 523,721. Сдѣлаемъ теперь параллельную раскладку числа преступленій на общее число жителей за два періода — сосчитанный г. Карновичемъ и нами (грабежи въ рубрикѣ г. Карновича мы присоединимъ къ кражамъ, такъ какъ въ новѣйшей полицейской статистикѣ этотъ родъ преступленій не обозначается особо). При этомъ разсчетѣ окажется, что на каждыя сто тысячъ жителей было совершаемо:

Въ 1853—1857 гг. Въ 1869—1877 гг.

Убійствъ	1,2	2,3
Святотатствъ	0,7	1,2
Поджоговъ	0,01	1,3
Кражъ	55	426

Поверхностный взглядъ на эту параллель убѣждаетъ въ той

грустной истинѣ, что, сравнительно, на разстояніи съ небольшимъ десяти лѣтъ, преступность въ Петербургѣ значительно, частью даже въ ужасающей прогрессіи, возросла и, слѣдовательно, нравственность его населенія въ равномерной степени понизилась. Это говорятъ намъ нелицемѣрные цифры. Вопросъ можетъ быть только, въ какой степени онѣ достовѣрны и насколько можно на нихъ положиться? И г. Карновичъ, и мы взяли ихъ изъ официальныхъ источниковъ, и хотя авторитетъ официальной статистики не изъ числа неоспоримыхъ, хотя въ нашемъ случаѣ сравнительный выводъ относительно кражъ, напримеръ, можетъ подлежать сомнѣнію, потому что г. Карновичъ сосчиталъ только «значительныя» кражи; но во всякомъ случаѣ такія цифры, какъ объ убійствахъ, въ счетѣ которыхъ, по его незначительности, немислимо допустить ошибки и пропуски, можно, кажется, принять за вполне достовѣрныя. А въ такомъ случаѣ, сравнительная параллель однихъ только убійствъ, какъ преступленій величайшей важности, можетъ уже послужить достаточнымъ элементарнымъ мѣриломъ нравственнаго уровня даннаго населенія. И предъ нами краснорѣчивый фактъ, что, сравнительно съ пятидесятью годами, число убійствъ въ Петербургѣ въ семидесятихъ годахъ почти удвоилось!.. Не станемъ вдаваться въ какія нибудь дальнѣйшія заключенія, по поводу этого неблагоприятнаго для репутаціи современнаго Петербурга вывода, и обратимся къ прерванной нити нашего изслѣдованія.

Въ предупрежденіи и пресѣченіи преступленій въ столицѣ весьма важную роль играетъ сыскная полиція, цѣль учрежденія которой и состоитъ, главнымъ образомъ, въ открытіи и поимкѣ преступниковъ и интимномъ разслѣдованіи ихъ темныхъ дѣяній. Мы не знаемъ, слѣдуетъ-ли считать результаты дѣятельности, такъ называемаго, «сыскаго отдѣленія» петербургской полиціи независимо отъ общей полицейской статистики по данному предмету, или-же они вошли въ ея рубрики и только повторены въ отчетахъ «отдѣленія», какъ специальный объектъ его розысковъ «по особымъ порученіямъ». Во всякомъ случаѣ, дѣятельность сыскной полиціи, весьма любопытная сама по себѣ, знакомить насъ, такъ сказать, съ черной, подготовительной работой по открытію, штудированію и препарированію преступленій къ

услугамъ правосудія, и мы на ней здѣсь остановимся, по сколько намъ могутъ для этого дать матеріалъ печатные официальные отчеты. Кромѣ этихъ отчетовъ, мы воспользуемся еще статьей нѣкаго г. И. Т., напечатанной не очень давно въ «Нов. Времени» и представляющей едва-ли не единственный въ нашей печати, сколько нибудь обстоятельный рефератъ о столичной сыскной полиціи, организація и дѣятельность которой оставляются, почему-то, подъ непроницаемой завѣсой канцелярской тайны, и мы о нихъ ровно ничего не знаемъ.

Г. И. Т., которому «доводилось просматривать годовые отчеты» сыскной полиціи, «поражался громадной цифрой перечня разныхъ бумагъ и дѣлъ, прошедшихъ чрезъ ея руки». Дѣйствительно, бумажное дѣлопроизводство сыскаго отдѣленія изумительно плодovито, какъ можно судить по слѣдующимъ, по истинѣ, ужасающимъ цифрамъ. Такъ, въ теченіе девяти лѣтъ (съ 1869 по 1877 г.) въ сыскомъ отдѣленіи обернулось «входящихъ» и «исходящихъ» бумагъ 407,193, или по 40,243 ежегодно, въ среднемъ выводѣ! Кромѣ того, за тотъ-же періодъ выпущено имъ и получено 22,609 депешъ, или по 2,512 ежегодно; въ находящейся при немъ фотографіи снято 32,923 фотографическихъ карточекъ съ разныхъ достопамятныхъ въ криминальномъ отношеніи лицъ; и, наконецъ, въ немъ велъсь алфавитная вѣдомость свѣдѣній ежегодно, по среднему расчету, о 49,082 разнаго рода подозрительныхъ лицахъ.

Это громадное бумажное производство любопытно, кажется, только по своему гомерическому объему, такъ какъ оно состояло, вѣроятно, главнымъ образомъ въ отпискахъ и отношеніяхъ для соблюденія канцелярской проформы. Судя по указаніямъ полицейскихъ отчетовъ, казенной бумаги расходовалось сыснымъ отдѣленіемъ немного или, по крайней мѣрѣ, ея расходъ далеко не соответствовалъ объему исконной практики. Такъ, изъ всей массы бумагъ, обращавшихся въ отдѣленіи, только 4,505 номеровъ ежегодно представляли собою исполнительныя «распоряженія по производству разысканій». Да и изъ этого числа бумагъ, такъ называемаго, «общаго наряда», по компетентному свидѣтельству г. И. Т., «чуть ли не девять десятыхъ» номеровъ падали на предписанія о скрывавшихся разныхъ лицахъ, вовсе иногда не совершившихъ никакого пре-

ступленія, о сбѣжавшихъ домашнихъ животныхъ и объ утерян-ныхъ вещахъ, и развѣ только осталъная одна десятая часть относилась собственно къ розыскамъ по уголовнымъ дѣламъ».

Въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ сыскной полиціи не можетъ не поражать огромная цифра заинтересовавшихся ея вниманіемъ обывателей, о которыхъ она собираетъ и регистрируетъ «свѣдѣнія въ алфавитномъ порядкѣ», на чтѣ мы уже указывали мелькомъ въ своемъ мѣстѣ. Этихъ «знакомыхъ незнакомцевъ» сыскной полиціи состоитъ въ ея спискахъ 49,082, которые, *compte de raison*, должны представлять собою, такъ сказать, сливки «неблагонадежнаго класса» въ средѣ столичнаго населенія. Оно такъ почти и есть, если полагаться на точность цифръ и свѣдѣній сыскной статистики, къ сожалѣнію, весьма неполныхъ въ обзорѣваемыхъ отчетахъ и приведенныхъ подробно только за два года (1869 и 1870-й). Воспользуемся тѣмъ, чтѣ есть, такъ какъ это все таки дастъ намъ приблизительное представленіе о составѣ вѣдаемаго сыскной полиціей ультра-неблагонадежнаго, какъ надо думать, класса. Въ сложности, за означенные два года, состояло ежегодно «подъ сомнѣніемъ» у сыскаго отдѣленія, въ его алфавитныхъ спискахъ, — 29,338 лицъ, въ томъ числѣ:

Содержавшихся въ мѣстахъ заключенія . . .	19,935
Разыскиваемыхъ по требованіямъ присутствен- ныхъ мѣстъ	4,983
Подозрительныхъ	1,436
Евреевъ, прибывшихъ въ столицу	1,897
» выбывшихъ изъ столицы	1,086

При обзорѣннн этихъ «свѣдѣній», вась, быть можетъ, нѣ-сколько озадачитъ весьма неопредѣленная категорія—«подозри-тельныхъ», которыхъ слѣдовало бы ужъ назвать сугубо-подо-зрительными, что-ли, потому что, вѣдь, и всѣ остальные кате-горіи списковъ сыскной полиціи равно состоятъ у нея подъ подо-зрѣніемъ? — Объяснить досконально эту номенклатурную тон-кость сыскныхъ статистиковъ мы не умѣемъ; но, быть можетъ, нѣкоторое разъясненіе ей дастъ намъ цифра «задержанныхъ и высланныхъ изъ столицы» сыскной полиціей неблагонадежныхъ лицъ, на основаніи ея собственнаго безапелляціоннаго усмотрѣ-нія и «подозрѣнія»,—«за праздношатательство», какъ пзъяснено

законически въ одномъ изъ ея отчетовъ, хотя «бродягамъ» и безпаспортнымъ одновременно велся тамъ же особый отчетъ. Такихъ изгнанниковъ адресовалось сыскной полиціей изъ столицы въ пространство по 540 чел. ежегодно, а въ 1875 г., почему-то, она вдругъ вытурила ихъ 1,600 чел. «Праздношата-тельство» ли въ этомъ году чрезмѣрно развилось въ столицѣ, или подозрительность сыскаго отдѣленія испытала пароксизмъ чрезмѣрнаго напряженія—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, въ этомъ деликатномъ вопросѣ у нея, какъ говорится, «своя рука—владыка»...

Весьма интересна также внимательность сыскаго отдѣленія къ представителямъ израильскаго племени — внимательность, какой не удостоивается ни одинъ другой «языкъ» изъ обрѣтающихся въ Петербургѣ. По однодневной переписи 1869 г., всѣхъ евреевъ въ Петербургѣ было насчитано 5,027. А въ томъ же году состояло ихъ на лицо въ алфавитномъ спискѣ отдѣленія 2,651; слѣдовательно, изъ двухъ израильтянъ болѣе чѣмъ одинъ пользовался теплой, интимной заботливостью сыскной полиціи..

Какъ обозначено выше, біографическія свѣдѣнія о представителяхъ неблагонадежнаго класса столицы сыскная полиція иллюстрируетъ еще портретами, снимаемыми въ ея спеціальной фотографіи. Судя по числу этихъ портретовъ, богатство альбомовъ полиціи баснословное; но, кажется, попасть въ нихъ удостоиваются только такіе субъекты, выразительныя фізіономіи которыхъ, почему-либо, особенно приглянулись чинамъ сыскаго отдѣленія и они желали бы покрѣпче запечатлѣть ихъ въ своей памяти. Это, по большей части, важные преступники и, вообще, представители *classe dangereuse* вполне упроченной, солидной репутаціи, которые нерѣдко, въ случаяхъ преступленій, и открываются сыщиками, благодаря ихъ карточкамъ. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что начиная съ 1874 г., производительность сыскной фотографіи, почему-то, значительно сократилась. Въ то время, какъ въ прежніе годы она воспроизводила отъ 6 до 8,000 въ годъ портретныхъ карточекъ, въ послѣдніе—число ея снимковъ упало до нѣсколькихъ сотъ—не болѣе.

Любознательность сыскной полиціи находитъ себѣ довольно существенное и цѣнное подспорье въ особаго рода любительской корреспонденціи, которую въ просторѣчій называютъ до-

носами. Такихъ доносозъ, «секретныхъ» и «анонимныхъ», сыскное отдѣленіе получило въ теченіе девяти лѣтъ 4,786, или по 531 въ годъ. Поучительно и любопытно, при этомъ, что интимная литература эта ощутительно развивается и число дилетантовъ-сотрудниковъ у сыскной полиціи примѣтно возрастаетъ. Въ 1868 г. такого рода корреспонденцій было получено всего 173 и, вообще, до 70-хъ годовъ число ихъ было ниже средней ежегодной цифры за все обозрѣваемое девятилѣтіе; между тѣмъ, въ послѣдніе годы, анонимныхъ «заявленій» стало прибывать въ почтовомъ ящикѣ отдѣленія по нѣскольку сотъ, а напр., въ 1871 году число ихъ вдругъ возросло до 1586... Содержаніе и значеніе этой переписки составляетъ, конечно, секретъ отдѣленія; но уже одно ея существованіе и прогрессивное процвѣтаніе опровергаютъ, кажется, мрачное мнѣніе г. И. Т., будто бы сыскная полиція такъ-таки во всемъ обществѣ и «не пользуется симпатіей, и сыщикъ—лицо нетерпимое въ немъ; отъ него всѣ отворачиваются, его избѣгаютъ, какъ соглядатая, какъ Іуду-предателя... Совершенно напрасно! — говоритъ со скорбью г. И. Т.—Сыщикъ страшенъ только для преступниковъ; для честныхъ гражданъ—это вѣрный другъ, это неподкупный стражъ, охрана ихъ домашняго очага, спокойствія цѣлой семьи... Существованіе названной анонимной корреспонденціи и ея объемъ наглядно показываютъ, что въ обществѣ очень многіе смотрятъ на сыщиковъ такъ именно, какъ желаетъ г. И. Т.

Опозитизированіе сыскной профессіи и идеализація сыщиковъ, какъ неусыпно-добродѣтельныхъ друзей человѣчества, не разъ были предметомъ вдохновеннаго краснорѣчія на газетныхъ страницахъ въ послѣднее, по преимуществу, сыскное время. И отчего-бы не плѣниться отрадной картиной, что надъ вашимъ благомъ и безопасностью, надъ «вашимъ домашнимъ очагомъ и спокойствіемъ вашей семьи» неусыпно бдитъ незримый ангель-хранитель, въ образѣ «неподкупнаго стража»—сыщика, «страшнаго только для преступниковъ»? Чего-бы лучше; но остановка лишь затѣмъ, что для видренія въ васъ такой безмятежной, теплой вѣры въ сыскную часть, непременно нужно, чтобы «истинный сыщикъ, какъ говоритъ тотъ-же г. И. Т., былъ высокой честности человѣкъ, неспособный поддаться соблазну, представляющемуся ему чуть не на каждомъ шагу». Въ этомъ лишь

и остановка, что люди «высокой чести», по какому-то нелѣпому предрасудку, не идутъ въ сыщики, и въ то время, какъ «для занятія должности прокурора или судебного слѣдователя установленъ извѣстный цензъ, для поступленія въ чины сыскной полиціи—нивакого ценза не полагается», съ сожалѣніемъ замѣчаетъ г. И. Т. Въ какой степени вѣроятно, чтобы установленіе ценза, равнаго съ цензомъ для прокуроровъ, могло привлечь въ ряды сыщиковъ просвѣщенныхъ джентльменовъ «высокой чести»—разбирать не будемъ, такъ какъ предметъ этотъ относится уже къ области канцелярскихъ мечтаній; для насъ достаточно знать только, что самъ г. И. Т., столь идеализирующій сыскную часть, вовсе не доволенъ ни умственнымъ, ни нравственнымъ уровнемъ существующихъ сыщиковъ и признаетъ справедливость раздающихся противъ нихъ «нареканій»... Свѣтлый образъ ангела-хранителя, такимъ образомъ, самъ собою испаряется въ нашемъ представленіи.

И то сказать, профессія сыщика настолько трудна и сложна, работа его настолько «черна», неопытна и требуетъ такой вышколенной игры притворства, лукавства, подхалимства и на все готоваго предательства, что тутъ съ ангельскими добродѣтелями и приѣмами шагу ступить-бы нельзя. Нужно помнить при этомъ, что для того, чтобы добраться до настоящаго преступника, сыскная полиція часто вынуждается налагать свою руку на множество совершенно невинныхъ лицъ, и вѣдь надобно, чтобы тутъ ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ не дрогнула искусившаяся въ «задержаніи» рука... Дѣло это тяжелое и ужь никакъ не ангельское!

Процедура розысковъ, всегда требующая, разумѣется, извѣстной находчивости, остроумія и изобрѣтательности отъ сыщиковъ, производится однакожъ по разъ выработанной системѣ, построенной на практикѣ сыскаго дѣла. Главнымъ основаніемъ этой системы служить изученіе міра преступниковъ, къ чему и служатъ всѣ эти алфавитные списки и фотографическіе альбомы сыскной полиціи, которая знаетъ или, по крайней мѣрѣ, должна знать всѣхъ «подозрительныхъ лицъ» въ городѣ, т. е. рецидивистовъ, не разъ судившихся за преступленія, людей неопредѣленныхъ занятій или занятій темныхъ, болѣе или менѣе опасныхъ бродягъ и т. под. Когда обнаруживается какое нибудь

преступленіе и начинается розыскъ скрывшихся виновныхъ, то сыскная полиція прежде всего ищетъ ихъ слѣды въ этомъ отпѣтомъ мірѣ своихъ близкихъ знакомыхъ и часто безошибочно. Здѣсь у нея всегда есть свои друзья, агенты и пособники, а верѣдко и agents provocateurs, какъ это не однажды было обнаруживаемо и на судѣ, къ ея великому скандалу. Основной принципъ сыскаго дѣла—цѣль оправдываетъ средства; поэтому сыщикъ, вдохновленный благой цѣлью—раскрытія преступленія и преступниковъ, не стѣсняется въ выборѣ средствъ для этого. «Однимъ изъ сильныхъ нареканій,—говоритъ г. И. Т.,—чаще всего раздающихся въ обществѣ—это пристрастные допросы, чинимые подсудимымъ и прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ чинами сыскной полиціи. Эти пристрастные допросы, къ несчастью, подтверждающіеся во время судебного слѣдствія въ окружномъ судѣ, иногда до основанія расшатываютъ стройное зданіе обвиненія»... Кромѣ допросовъ «съ пристрастіемъ», въ формѣ разнаго рода легкихъ моральныхъ и физическихъ истязаній, пускаются въ ходъ соблазны, подкупы и всяческія искушенія. Напр., во время знаменитаго процесса объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ, подсудимая Дарья Соколова показала на судѣ, что вымогавшій отъ нея сознаніе сыщикъ—полицейскій офицеръ—послѣ всяческихъ угрозъ и искушеній, дошелъ наконецъ до такого самоотверженія, что сталъ изъясняться ей въ любви и клялся, что женится на ней, если только она сознается. Мастера по сыскной части, выслѣживая подозрѣваемое въ преступленіи лицо, стараются обыкновенно изучить его привычки, слабости и страсти, и потомъ поддѣлаться подъ нихъ. Съ пьяницей онъ начнетъ пьянствовать, съ развратникомъ развратничать, съ шулеромъ заведетъ игру, съ фальшивымъ монетчикомъ самъ прикинется знаткомъ и любителемъ фальшивыхъ денегъ, съ воромъ сговорится по душѣ, какъ свой братъ, и пойдетъ даже съ нимъ на промыселъ. Въ этомъ комедіанствѣ главная сила сыщика, и тутъ идутъ въ дѣло и переодѣванье, и фальшивые волосы, и фальшивыя имена, и сочиненіе всевозможныхъ небылицъ въ лицахъ. Для характеристики «находчивости» сыщиковъ, г. И. Т. рассказываетъ одинъ интересный, хотя и «заурядный» случай изъ ихъ практики. Мы приведемъ здѣсь этотъ случай, такъ какъ онъ, кромѣ «находчивости» сыщиковъ, на-

глядно рисуетъ самую процедуру ихъ ремесла, чего нѣтъ, къ сожалѣнію, въ утилизируемыхъ нами официальныхъ полицейскихъ отчетахъ, гдѣ просто размазаны только результаты наиболѣе ловкихъ розысковъ чиновъ сыскаго отдѣленія.

Разъ, зимнимъ утромъ, былъ усмотрѣнъ на одной изъ петербургскихъ площадей трупъ челоуѣка, по виду чернорабочаго, съ явными признаками насильственной смерти. Убитый оказался безъ паспорта, никому неизвѣстной личностью и—всякіе слѣды преступленія были утеряны. Съ него сняли фотографическую карточку и веденіе слѣдствія о его смерти передали въ сыскную полицію, которая поручила его одному изъ своихъ чиновниковъ. «Задумался сыщикъ надъ задачей. Просматривая чуть ли не въ десятый разъ акты осмотровъ полицейскаго и медицинскаго, онъ остановился на послѣднемъ. Въ медицинскомъ осмотрѣ вниманіе сыщика обратило на себя содержимое въ желудкѣ убитаго. Содержимое это—обыкновенный картофель. Въ актѣ было сказано: «непереварившійся картофель». Отсюда въ умѣ сыщика проходить слѣдующій рядъ соображеній: убитый ѣлъ картофель. ѣлъ онъ его незадолго до убійства. Трупъ найденъ въ 7 часовъ утра. По мнѣнію врачей, видѣвшихъ состояніе трупа, нанесеніе смертельныхъ ранъ предшествовало не болѣе, какъ за одинъ часъ, въ 6 часовъ; стало быть картофель онъ ѣлъ раньше, а, можетъ быть, и наканунѣ вечеромъ. За разъясненіемъ этихъ вопросовъ, сыщикъ обратился къ врачу, производившему вскрытіе трупа. Врачъ объяснилъ ему, что остатки картофеля свидѣтельствовали, что убитый ѣлъ не жареный картофель, а похлебку изъ него, что закусывалъ онъ не съ вечера, ибо тогда пища успѣла бы перевариться, а очевидно не болѣе, какъ за часъ до убійства. Стало быть, въ 5 часовъ утра. У сыщика уже были въ рукахъ драгоценныя нити. Оставалось только узнать, гдѣ именно послѣдній разъ закусывалъ убитый. Мѣстами таковыя очевидно могли служить разныя харчевни, постоянные дворы и съѣстные лавки, гдѣ бѣдному рабочему люду подаютъ завтракъ передъ работой. Для этой цѣли сыщикъ приобретаетъ себѣ костюмъ чернорабочаго и рано на зорькѣ сталъ бродить возлѣ того мѣста, гдѣ поднять трупъ, отыскивая такую харчевню. «Гдѣ бы ему, идя на работу, часовъ въ 5 утра, можно было по

клебать горячихъ щей или картофельной похлебки. Не сразу попадаетъ онъ на искомое».

Наконецъ, ему удается найти такую харчевню, но ихъ, оказывается, не одна, а нѣсколько однородныхъ. Сыщикъ начинаетъ чередовать свои посѣщенія утреннихъ завтраковъ, вездѣ «разъ-искивая своего товарища-земляка, съ которымъ они вмѣстѣ пришли въ городъ на работы и который ушелъ разъ въ одно утро, да ужъ больше и не возвращался»; при этомъ характерно описывалъ портретъ своего земляка, изучивъ наизусть фотографическую карточку покойнаго. Въ одномъ мѣстѣ завсегдатаи заведения сказали, что точно былъ одинъ мужичекъ, похожій по приметамъ, захаживалъ по утрамъ закусывать, и точно вотъ съ гѣхъ поръ и «сюды глазъ не кажетъ, да только тотъ иначе прозывался». За болѣе подробными свѣдѣнiями совѣтовали обратиться къ Ванькѣ Майдану, «свойному прiятелю», общали даже указать на него, когда придетъ въ заведенiе. «Двѣ недѣли путешествовалъ нашъ сыщикъ, одѣтый чуть не въ рубище, ѣлъ отвратительную картофельную похлебку, яштался и братался со всякимъ людомъ и къ концу этого срока уже держалъ въ своихъ рукахъ преступника... Подобныхъ примѣровъ не одинъ, ихъ гѣлая масса въ сыскной практикѣ нашихъ доморощенныхъ Тевкоковъ».

Что «подобныхъ примѣровъ» находчивости сыщиковъ дѣйствительно масса—этому можно повѣрить, судя уже по цифрамъ дѣятельности сыскаго отдѣленiя по раскрытiю преступленiй. Правда, эти цифры теряются, по своей сравнительной ничтожности, въ сугробахъ бумажнаго дѣлопроизводства отдѣленiя, но однакожъ и онѣ имѣютъ свою цѣну и свой интересъ для насъ, въ изученiи статистики уголовщины, совершаемой въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, узнаемъ, что, въ теченiе оборѣвимаго девятилѣтiя, сыскной полицией производилось «по особымъ порученiямъ» розысковъ, среднимъ счетомъ, въ годъ—1056, изъ которыхъ «оканчивалось съ успѣхомъ»—1037, или безъ галаго половина только, что, разумѣется, не даетъ права назвать «успѣхи» сыскной полиции особенно блестящими. Пучемъ успѣшныхъ розысковъ было открываемо ея чинами спеціально, по среднему выводу, въ годъ:

Убийствъ	2*)
Кражъ	268
Поддѣлокъ документовъ и денежных знаковъ	2
При этомъ задерживалось:	
Убийцъ	6
Воровъ	389
Дѣлателей фальшивыхъ документовъ	4
Бродягъ и лицъ, «укрывшихся безъ прописки»	2023

Эти цифры выражаютъ собою весь объемъ дѣятельнаго, исполнительнаго участія сыскной полиціи въ общей суммѣ полицейской дѣятельности въ столицѣ, по предупрежденію и пресѣченію преступленій. Въ нашу задачу не входитъ критика этой дѣятельности, но не можемъ не отмѣтить, кстати, разъ указаннаго уже нами факта, что бѣльшая часть полицейскихъ «задержаній», т. е. арестовъ, падаетъ не на явныхъ преступниковъ, даже не на подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ, а на лицъ, провинившихся лишь противъ разнородныхъ паспортныхъ правилъ. Какъ въ общей статистической вѣдомости объ арестахъ, производимыхъ наружной полиціей, преобладаютъ этой категоріи мнѣемые «преступники», такъ и въ статистикѣ «задержаній» сыскной полиціи они-же составляютъ огромное большинство, судя по вышеприведеннымъ цифрамъ. Что касается послѣдней, то въ ней именно подавляющее число арестовъ падало не на «бродягъ» даже, а просто—на «лицъ, укрывшихся безъ прописки», то есть, стало быть, такихъ лицъ, которые, еслибы прежде чѣмъ «укрыться», соблюли «прописку», то и задержанію не подверглись-бы.

Эти легкомысленные нарушители требованій «прописки» и тому подобныхъ паспортныхъ правилъ составляютъ самый тяжеловѣсный балластъ въ судебно-полицейской статистикѣ Петербурга, вообще увеличивая безъ нужды до громадной цифры и безъ того большую «подать преступленію». Мы въ этомъ сейчасъ

*) На самомъ дѣлѣ больше 2, потому что въ теченіе 9-ти лѣтъ было открыто 23 убійцы, слѣд. по 2, 5 ежегодно.

лишній разъ убѣдимся, разсмотрѣвъ, для полноты картины судимости столичнаго населенія, обширную область пресѣченныхъ полиціей закононарушеній не уголовнаго характера. Это тѣ нарушенія различныхъ требованій, правилъ и постановленій по благоустройству, благочинію и пр., о которыхъ полиція составляетъ протоколы и чинитъ взысканія либо административнымъ порядкомъ, по собственному усмотрѣнію, либо чрезъ судебныя учрежденія. Протоколовъ такихъ составлялось полиціей ежегодно 19,759, въ томъ числѣ по уголовнымъ преступленіямъ 6,164, о которыхъ было говорено раньше и которые здѣсь у насъ не идутъ въ счетъ. За изъятіемъ сихъ послѣднихъ, изъ 13,595 протоколовъ было составлено «за нарушение правилъ»:

Общественнаго спокойствія и благо-	
чинія	3402
Санитарныхъ	992
Паспортныхъ	3649
Адреснаго сбора	782
Адреснаго стола	644
Питейныхъ	85
За сопротивленіе законнымъ требо-	
ваніямъ полиціи	831
За оскорбленіе чиновъ полиціи . . .	513

Какъ видно изъ перваго-же обзора этой таблички, наибольшее число протоколовъ составлялось за нарушение именно паспортныхъ правилъ. Отнеся къ нимъ также нарушенія правилъ адреснаго сбора и адреснаго стола, какъ имѣющія непосредственную близость съ паспортнымъ дѣломъ, получимъ—5075 протоколовъ (или до 40% общаго ихъ числа), падающихъ на случаи такой преступности, совершенно мнимой, которая сама собой пресѣкалась бы съ отмѣной нынѣшней тягостной и устарѣлой паспортной системы. Въ настоящее-же время, по всѣмъ этимъ, отмѣчаемымъ полицейскими протоколами, нарушеніямъ паспортныхъ правилъ чинятся неослабно судебныя разбирательства и взысканія. Вообще полиція ежегодно передавала за обозрѣваемый періодъ судебному вѣдомству, для дальнѣйшаго движенія, 16,968 протоколовъ, въ томъ числѣ—2114 судебнымъ слѣдователямъ и 14,854 мировымъ судьямъ, то есть, слишкомъ 80% общаго числа (19,759) протоколовъ, составлявшихся ею по разнымъ

случаямъ. Конечно, въ число переданныхъ судебному вѣдомству полицейскихъ протоколовъ вошли прежде всего тѣ изъ нихъ, которые составлялись по уголовнымъ преступленіямъ, а затѣмъ значительнѣйшая часть, если не всѣ, по нарушеніямъ разныхъ правилъ. Здѣсь кстати будетъ отмѣтить одно не лишнее важности и довольно характеристическое указаніе.

Выше, приводя общій сводъ статистики судимости столичнаго населенія, мы констатировали, что у столичныхъ мировыхъ судей ежегодно разбирается, кромѣ гражданскихъ исковъ, до 25,000 уголовныхъ дѣлъ. Мы не знаемъ содержанія этихъ дѣлъ и ихъ классификаціи, но изъ статистики полицейскихъ протоколовъ и вѣдомости объ ихъ движеніи можемъ заключить, что большая половина этихъ дѣлъ возбуждается у мировыхъ судей именно полиціей. Такъ оно, конечно, и должно быть по логикѣ вещей; но, зная амбиціозность и претенціозность нашей полиціи, ея наклонность къ произволу; зная, наконецъ, что значительная часть ея обвинительныхъ протоколовъ составляется по мнимымъ преступленіямъ (каковы, напр., нарушенія паспортныхъ правилъ), мы не можемъ не прійти къ заключенію, что у насъ пропасть народа попадаетъ подъ судъ изъ за пустяковъ, и, будучи внесенной въ судебно-полицейскую статистику, ложится напраснымъ и ненужнымъ бременемъ на совѣсть столичнаго населенія, искусственно сгущая тѣни его «дурнаго поведенія».

Намъ остается, въ заключеніе этого очерка, представить еще наглядную картину территоріальнаго распредѣленія преступниковъ и преступленій по частямъ города. Для изслѣдованія этой интересной и, надѣмся, назидательной стороны занимающаго насъ предмета мы воспользовались статистическими таблицами за шесть лѣтъ (съ 1869 по 1874 г.). Въ нашъ счетъ вошли одни уголовныя, важныя преступленія и ихъ виновники, т. е. убійства, кражи, поджоги и т. д. Въ результатъ получилась такая цифровая картина:

Части:	Преступленій.	Преступниковъ.	Одинъ пре- ступникъ на число жителей.
Спасская.	691	1657	52
Московская.	318	2021	44
Казанская.	298	435	116
Александро-Невская.	276	422	82
Рождественская. . .	194	429	108
Васильевская. . . .	188	486	136
Литейная	170	209	367
Коломенская. . . .	158	365	117
Нарвская	155	625	83
Петербургская. . .	142	325	131
Выборгская.	140	269	120
Адмиралтейская. . .	119	142	295

Если хотите, табличкой этой можно въ известной степени руководствоваться для опредѣленія степени безопасности жизни и имущества въ той или другой части города; но, тѣмъ не менѣе, было-бы рискованно дѣлать на этомъ основаніи рѣшительные выводы о степени нравственности жителей каждой отдѣльно взятой части, по проценту совершаемыхъ въ ея районѣ преступленій и числу задерживаемыхъ преступниковъ. Последніе въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ могли совершить преступленіе, зайдя изъ другой части, гдѣ они имѣли постоянное мѣсто-жительство. Впрочемъ, совпаденіе нѣкоторыхъ цифръ съ сложившейся, общезвѣстной репутаціей данныхъ частей города позволяетъ сдѣлать на этотъ счетъ нѣсколько опредѣленныхъ заключеній. Напр., бросающіяся въ глаза, по абсолютной и относительной многочисленности преступниковъ и преступленій, Спасская и Московская части и въ дѣйствительности не пользуются доброй славой со стороны своей нравственности, благодаря разнымъ специфическимъ условіямъ: центральности положенія, сосредоточенію массы торгово-промышленныхъ, а также публичныхъ заведеній—кабаковъ, трактировъ и пр., скучности и подвижности населенія и преобладанія въ немъ жителей низшихъ, недостаточныхъ классовъ, рядомъ съ неблагонадежными подонками общества, и т. д. Все это можетъ естественно вліять на увеличеніе преступленій. Отсюда также понятнымъ стано-

вится, что Адмиралтейская и Литейная части, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточиваются сливки столичнаго населенія, по положенію, умственному развитію и по степени обладанія земными благами, являются въ нашей табличкѣ самыми благоправными сравнительно.

Затѣмъ, мы переходимъ къ болѣе подробному, иллюстрированному живыми фактами, обзору каждой категоріи преступленій въ частности.

Вл. Михневичъ.

(Продолженіе будетъ).

ПАМЯТИ „СВЯТАГО СТАРИКА“.

Передъ прахомъ Джузеппе склоните колѣни!
Не монархъ, не вельможа скончался,—о, нѣтъ!
Въ немъ угасъ не могучаго знанія геній,
Въ немъ замолкъ не артистъ, не поэтъ:
Этихъ яркихъ свѣтилъ остается не мало,
Хоть и много ихъ меркнетъ кругомъ;—
Онъ, храня чистоту своего идеала,
Былъ насилью открытымъ врагомъ!
Поднялъ братства и равенства дивное знамя,
Поднялъ знамя свободы—герой—
И, въ сердца заронивъ лучезарное пламя,
Грянулъ страшной небесной грозой!
Произвола презрѣнная, грубая сила
Задрожала, смутясь, передъ нимъ:
Угрожали ему и тюрьма, и могила,—
Какъ апостоламъ Бога святымъ!
Но впередъ, не склоняясь гордой главою,
На тирановъ онъ прямо пошелъ;
Увлекалъ онъ Италию всю за собою
Противъ нагло-ликующихъ золь...
Покоряется тьма удручающей ночи
Золотому сіянію дня:
Съ нимъ бороться не хватить у сумрака мѣчи,—
И смирится онъ, солнце кляня!
Также точно и гнета стремленіе злое
Часто силы теряетъ свои,—
Побѣждаютъ апостоловъ лжи и застоя
Въ битвахъ—воины правды, любви!..

Всюду дышать вольнѣе народныхъ груди
Послѣ этихъ желанныхъ побѣдъ, —
Торжествуютъ недавно забитые люди,
Сгладивъ рабства позорнаго слѣдъ!
А воздю ихъ готовится вѣчная слава
И роскошный, нетлѣнный вѣнецъ,
Если всталъ онъ отважно за общее право,
Миръ суля миллионамъ сердець!..
Горе! гдѣ-же—онъ, гдѣ-же онъ—рыцарь послѣдній?
Умеръ честный и мощный старикъ!
Не считалъ блага братьевъ онъ жалкою бредней,
Безграничнымъ упорствомъ великъ!
И при жизни достигъ онъ намѣченной цѣли:
Спасъ отъ гнусныхъ злодѣевъ страну, —
Грязныхъ дѣлъ совершить они бездну успѣли,
Но зато проиграли войну...
Итальянцы стремятся къ могилѣ священной,
Гдѣ покоится прахъ дорогій,
Почитаемый искренно цѣлой вселенной), —
Проливаютъ слезу за слезой!..

С. Бердяевъ

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ

въ 1877—79 гг.

(Окончаніе).

IV.

Органическій уставъ Болгарскаго княжества. Собраніе именитыхъ людей Болгаріи для разсмотрѣнія устава. Избраніе князя.

Къ началу 1879 года, совѣтомъ управленія російскаго комиссара, при участіи наиболѣе интеллигентныхъ и почетныхъ лицъ мѣстнаго населенія, былъ выработанъ органическій уставъ государственнаго устройства Болгарскаго княжества. Уставъ этотъ, основанный на началахъ, указанныхъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ и въ Берлинскомъ трактатѣ, и подлежавшій еще разсмотрѣнію и утвержденію великаго народнаго собранія, заключалъ въ себѣ, въ главныхъ чертахъ, слѣдующія положенія.

Отчужденіе территоріи княжества или увеличеніе ея можетъ быть произведено не иначе, какъ съ согласія народнаго собранія. Княжество Болгарія есть монархія наследственная и конституціонная, съ народнымъ представительствомъ, находящаяся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ. Князь есть верховный представитель и глава государства. Безъ согласія народнаго собранія князь не можетъ быть правителемъ другаго государства. Власть законодательная принадлежитъ князю совместно съ народнымъ представительствомъ. Князь утверждаетъ и обнародываетъ принятыя народнымъ собраніемъ законы; онъ есть верховный начальникъ военныхъ силъ края; онъ даетъ военные чины сообразно закону. Князю принадлежитъ власть исполнительная, всѣ органы которой дѣйствуютъ его именемъ и подъ его верховнымъ надзоромъ. Власть судебная при-

надлежитъ судебнымъ мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ именемъ князя, но ему принадлежитъ право смятенія наказаній или помилованія въ дѣлахъ уголовныхъ, не распространяющееся, впрочемъ, на приговоры, которыми осуждены министры за нарушеніе органическаго устава. Во всѣхъ сношеніяхъ съ иностранными государствами князь есть представитель страны; постановленія и распоряженія его дѣйствительны лишь тогда, когда они скрѣплены подлежащими министрами, принимающими на себя всю за нихъ отвѣтственность. Князь долженъ постоянно пребывать въ краѣ; въ случаѣ временнаго своего отсутствія онъ назначаетъ намѣстника, о чемъ объявляетъ прокламаціею народу. Княжеское достоинство наследственно въ потомствѣ перваго избраннаго князя. Совершеннолѣтіе царствующему князю или царствующей княгинѣ и наследнику престола полагается въ 18 лѣтъ; до совершеннолѣтія народнымъ собраніемъ учреждается регентство, въ лицѣ трехъ регентовъ, избираемыхъ народнымъ собраніемъ. Членами регентства могутъ быть назначаемы ближайшіе родственники князя, пребывающіе въ Болгаріи, за симъ министры, члены государственнаго совѣта, предсѣдатель и члены суда высшей инстанціи, или же лица, занимавшія безупречно эти должности. Члены регентства, при своемъ назначеніи въ должность, приносятъ въ народномъ собраніи присягу на вѣрность князю и конституціи, и въ прокламаціяхъ къ народу дѣйствуютъ въ предѣлахъ княжеской власти и во имя князя. Народное собраніе опредѣляетъ на личное содержаніе князя и на содержаніе его двора одинъ милліонъ франковъ въ годъ. Количество этой суммы не можетъ быть ни увеличено безъ согласія народнаго собранія, ни уменьшено безъ соизволенія князя. Содержаніе наследника престола, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, опредѣляется народнымъ собраніемъ. Народному собранію предоставляется опредѣлять дотацію князя изъ государственныхъ имуществъ княжества. Господствующая вѣра въ княжествѣ есть христіанская православная, восточнаго исповѣданія. Болгарскій князь и его потомство не могутъ исповѣдывать никакой другой вѣры, кромѣ православной; только первый избранный князь, еслибы онъ принадлежалъ къ иной вѣрѣ, можетъ неизмѣнно въ ней пребывать. Всѣ вѣроисповѣданія пользуются полною свободой, но съ

тѣмъ, чтобы исполненіе обрядовъ не нарушало существующихъ законовъ. Никто не можетъ, по причинѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій, уклоняться отъ исполненія дѣйствующихъ и обязательныхъ для всѣхъ законовъ. Ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ, дополненъ, измѣненъ или отмѣненъ безъ обсужденія и принятія его народнымъ собраніемъ; принятый законъ представляется на утвержденіе князя. Государственныя имущества составляютъ достояніе княжества и не могутъ быть предоставлены въ частное пользованіе ни князю, ни членамъ его рода. Всѣ уроженцы Болгаріи, не принявшіе инаго подданства, считаются подданными княжества; иностранцы могутъ быть приняты въ болгарское подданство только съ утвержденія народного собранія. Отказаться отъ подданства княжества можетъ всякій, отбывши предварительно воинскую повинность. Всѣ болгарскіе подданные равны передъ закономъ; раздѣленіе на сословія не допускается. Только болгарскіе подданные могутъ занимать должности по государственной, общественной и военной службѣ; иностранцы допускаются къ службѣ лишь съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, народного собранія. Каждый подданный Болгаріи, безъ всякаго изъятія, обязанъ платить установленные закономъ налоги и государственные сборы и исполнять воинскую повинность. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ по приговору суда; аресты и обыски въ домахъ могутъ быть производимы лишь по правиламъ, изложеннымъ въ законѣ. Печать свободна, подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія на основаніи особаго закона; проступки по дѣламъ печати вѣдаются судомъ. Первоначальное обученіе обязательно для всѣхъ подданныхъ княжества. Жителямъ Болгаріи предоставляется право собираться мирно и безъ оружія для своихъ дѣлъ, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія; собранія въ зданіяхъ, на открытомъ воздухѣ, подчиняются полицейскимъ правиламъ. Представительство страны заключается въ народномъ собраніи, которое бываетъ обыкновенное и чрезвычайное (великое). Въ составъ обыкновеннаго собранія входятъ: эвзархъ Болгарскій и половинное число итрополитовъ по очереди, предсѣдатели и члены суда высшей инстанціи и судовъ окружныхъ и губернскихъ, тоже въ половинномъ числѣ и по очереди; депутаты, избранные на 3 года,

прямою подачей голосовъ, по одному на 20,000 жителей обоого пола, и лица, назначаемыя княземъ въ количествѣ одного на двухъ народныхъ представителей, и на тотъ же срокъ. Депутаты почитаются представителями не только своихъ избирателей, но всего народа, а потому они не могутъ принимать отъ своихъ избирателей никакихъ «обязательныхъ инструкцій»; они судятъ о нуждахъ края по собственному убѣжденію и совѣсти. Министры могутъ присутствовать въ собраніи и принимать участіе въ преніяхъ, причемъ собраніе обязано выслушивать ихъ всякій разъ, когда оны просятъ слова. Народное собраніе избираетъ изъ своей среды шесть лицъ и представляетъ ихъ князю, который изъ числа ихъ назначаетъ предсѣдателя и вице-предсѣдателя. Засѣданія собранія происходятъ при открытыхъ дверяхъ; предметы его вѣдѣнія составляютъ: обсужденіе законопроектовъ, вносимыхъ чрезъ министровъ княземъ, предложеній о государственныхъ займахъ. объ увеличеніи, уменьшеніи или установленіи налоговъ и всякаго рода сборовъ, а равно о ихъ распредѣленіи и порядкѣ взиманія; обсужденіе ежегоднаго бюджета доходовъ и расходовъ; разсмотрѣніе отчетовъ о расходованіи суммъ, назначенныхъ по бюджету, и возбужденіе вопросовъ объ отвѣтственности министровъ. Члены собранія имѣютъ право дѣлать правительству—запросы, а подлежащіе министры обязаны отвѣчать на нихъ. Проекты законовъ могутъ быть вносимы въ собраніе исключительно по распоряженію князя; если собраніе отвергнетъ проектъ закона, то высшая власть не можетъ внести его въ той же формѣ въ собраніе, его отвергнувшее, но лишь въ будущее очередное собраніе. Рѣшенія собранія постановляются большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ проектъ или предложеніе считается отвергнутымъ; по каждому постановленію, состоявшемуся и представленному князю, рѣшеніе его должно послѣдовать въ теченіе сессіи. Ни одинъ заемъ не можетъ быть заключенъ безъ согласія народнаго собранія; еслибы для созванія собранія встрѣтились препятствія, то князь, по представленію совѣта министровъ и по соглашенію съ государственнымъ совѣтомъ, можетъ разрѣшить заемъ до такой суммы, разрѣшъ которой имѣетъ быть опредѣленъ первымъ народнымъ собраніемъ. Народное собраніе созывается княземъ въ известное время, и не въ очередь, если важныя обстоятельства того потребу-

ютъ; онъ же открываетъ и закрываетъ собраніе лично или чрезъ своего уполномоченнаго. Предъ открытіемъ собранія, всѣ члены его одновременно, по обрядамъ ихъ исповѣданій, приносятъ присягу. При самомъ открытіи собранія, въ княжеской рѣчи излагается положеніе края и указываются проекты и предположенія, имѣющіе быть внесенными на разсмотрѣніе собранія; въ княжескую рѣчь собраніе представляетъ князю отвѣтный адресъ. Князь можетъ распустить собраніе и назначить новые выборы представителей. Члены собранія, мѣсто жительства которыхъ находится не въ той мѣстности, гдѣ засѣдаетъ собраніе, получаютъ суточные деньги, равно и прогонныя въ оба пути; размѣръ этихъ денегъ будетъ опредѣленъ особымъ закономъ. Великое народное собраніе созывается княземъ или регентствомъ, или совѣтомъ министровъ, для обсужденія вопросовъ объ отчужденіи или обмѣнѣ части территоріи княжества и для измѣненія или пересмотра органическаго устава. Въ составу народнаго собранія въ этомъ случаѣ присоединяются неочередные митрополиты, предсѣдатели и члены всѣхъ судовъ, и депутаты въ двойномъ числѣ, избираемые дополнительно. Высшія правительственныя учрежденія составляютъ: государственный совѣтъ, совѣтъ министровъ и министерства. Государственный совѣтъ состоитъ изъ лицъ, назначаемыхъ княземъ (отъ 7 до 11-ти) и изъ лицъ, избираемыхъ народнымъ собраніемъ изъ своей среды, по 2 отъ каждой губерніи; лица эти избираются на два года; предсѣдателя и вице-предсѣдателя назначаетъ князь изъ лицъ, имъ самимъ введенныхъ въ составъ государственнаго совѣта. Предметы вѣдомства государственнаго совѣта составляютъ: представленіе мнѣній по всѣмъ вопросамъ, предлагаемымъ правительствомъ; предварительное обсужденіе всѣхъ законопроектовъ; разсмотрѣніе пререканій между правительственными мѣстами и должностными лицами; преданію суду лицъ судебного вѣдомства; разрѣшеніе государственныхъ займовъ и сверхбюджетныхъ расходовъ до созванія народнаго собранія, а также займовъ для губерній, округовъ, общинъ и городовъ; сложеніе недоимокъ и недоборовъ, взысканіе которыхъ будетъ признано невозможнымъ; разсмотрѣніе отчетовъ объ исполненіи бюджета княжества, и представленіе князю о нарушеніяхъ органическаго устава. Совѣтъ министровъ состоитъ изъ всѣхъ министровъ; одинъ изъ нихъ, по выбору князя, назначается предсѣдателемъ

совѣта; министрамъ и ихъ совѣту принадлежитъ исполнительная власть подъ высшимъ надзоромъ и руководствомъ князя. Министры назначаются и увольняются княземъ; они отвѣтственны и предъ народнымъ собраніемъ. Министры могутъ быть преданы суду народнымъ собраніемъ за измѣну отечеству или князю, за нарушеніе органическаго устава, за предательство или вредъ, нанесенный странѣ съ цѣлью личнаго интереса. Министерствъ семь: 1) иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій, 2) внутреннихъ дѣлъ, 3) народнаго просвѣщенія, 4) финансовъ, 5) общественныхъ работъ и земледѣлія, 6) юстиціи и 7) военное. Назначеніе на всѣ государственныя должности принадлежитъ князю; лица эти приносятъ присягу на вѣрность князю и органическому уставу; они отвѣчаютъ за свои служебныя дѣйствія, и имѣютъ право на пенсію, основаніе и размѣръ которой будутъ опредѣлены особымъ закономъ. Настоящій органическій уставъ сохрываетъ силу и дѣйствіе въ теченіе 5 лѣтъ, по прошествіи которыхъ онъ имѣетъ быть пересмотрѣнъ народнымъ собраніемъ.

10 февраля 1879 г. созвано было російскимъ комиссаромъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, въ Тырновъ, первое народное собраніе для разсмотрѣнія вышеприведеннаго органическаго устава. Собраніе это составляли: 1) Члены по ихъ званію, т. е. высшее православное духовенство въ числѣ 11 митрополитовъ, иновѣрческое духовенство въ числѣ 2 лицъ (муфтіи и раввинъ), члены суда высшей инстанціи (2) предсѣдатели судовъ и управительныхъ совѣтовъ всѣхъ 5-ти губерній, — Софійской, Тырновской, Виддинской, Руссукской и Варненской, — въ числѣ 103 лицъ; 2) депутаты по выборамъ отъ округовъ, въ числѣ 89 лицъ; 3) депутаты отъ учреждений и обществъ (3), и 4) члены по назначенію російскаго комиссара (21).

При открытіи собранія, князь Дондуковъ-Корсаковъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Достопочтеннѣйшее собраніе представителей болгарскаго княжества!

«По волѣ и предначертаніямъ Всемилостивѣйшаго моего Государя, привѣтствую васъ съ открытіемъ перваго въ освобожденной странѣ вашей народнаго собранія, долженствующаго положить прочное основаніе государственному устройству новаго

княжества. По званію императорскаго російскаго комиссара и въ силу данныхъ мнѣ высочайшихъ полномочій, представляю на ваше обсужденіе проектъ органическаго устава, опредѣляющаго, въ общихъ основаніяхъ, права будущаго болгарскаго князя и права болгарскаго народа въ дѣлѣ управленія страной. Въ связи съ проектомъ органическаго устава, сообщаю также записку, заключающую въ себѣ общій сводъ правилъ и положеній, послужившихъ основаніемъ настоящаго устройства страны по всѣмъ отраслямъ управленія. Увѣренъ, что одушевляемые чувствами святаго долга и любовью къ возрождающейся дорогой родинѣ, вы глубоко вдумаетесь и вполнѣ оцѣните все величіе вашей исторической задачи и всю почесть выпавшаго на вашу долю призванія. Вамъ предстоитъ съ полнымъ безпристрастіемъ, прямою, правдивостію и преданностію святому дѣлу обсудить представляемый проектъ органическаго устава, устранивъ всякія личныя, случайныя побужденія и предвзятія цѣли. Вамъ слѣдуетъ имѣть въ виду единственно благо страны и ея прочное государственное устройство, составляющее залогъ будущаго матеріальнаго и нравственнаго преуспѣванія, и, согласно съ симъ, сказать откровенное, добросовѣстное и послѣднее слово. Предлагаемый на обсужденіе ваше проектъ есть не болѣе, какъ программа для облегченія трудовъ вашихъ: поставленнымъ въ немъ вопросамъ дано такое направленіе, которое казалося наиболѣе прочнымъ и наиболѣе устойчивымъ для вашего блага и счастья. Но программа не должна стѣснять и связывать вашихъ убѣжденій. Съ полною свободою и независимостію, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ и общихъ преніяхъ, да выскажется каждый изъ васъ, по совѣсти и убѣжденію, намятуя, что въ вашихъ рукахъ находится счастье, благоденствіе и будущая судьба отечества, призваннаго къ новой политической жизни. Представляемая вамъ настоящемъ временномъ устройствѣ края записка, — прочитавъ которую въ первыхъ же засѣданіяхъ поручаю управляющему отдѣломъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, профессору Дринову, — ознакомитъ васъ ближе съ дѣятельностію русскаго временнаго правленія, имѣвшаго цѣлью призвать къ участію въ общественныхъ дѣлахъ всѣ лучшія силы болгарскаго народа и поднять, по возможности, матеріальный и моральный уровень страны, только что вышедшей изъ продолжительной кровавой борьбы.

Турецкое управленіе вездѣ замѣнилось нынѣ національнымъ, а временныя правила, какъ указываетъ самое ихъ названіе, составляютъ лишь первый, переходный шагъ къ гражданскому устройству и введенію возможнаго порядка въ край. Они несомнѣнно должны подвергнуться измѣненіямъ и дополненіямъ, по указаніямъ времени, опыта и новыхъ общественныхъ потребностей, но эту задачу слѣдуетъ предоставить будущему правительству страны и конституціоннымъ ея органамъ; въ настоящее же время я полагаю бы необходимымъ оставить ихъ въ дѣйстви, дабы не колебать только что установленнаго гражданского строя. Мнѣ остается напомнить вамъ, что русская администраціи должна была дѣйствовать при обстоятельствахъ, крайне неблагопріятныхъ. Эти обстоятельства, надѣюсь, оправдаютъ въ глазахъ вашихъ незаконченность изданныхъ мною правилъ и положеній: имѣлъ я единственную цѣль замѣнить существовавшую въ странѣ смуту возможнымъ порядкомъ и подготовить населеніе къ болѣе стройной и нормальной политической жизни. Для разъясненія вопросовъ, могущихъ возникнуть при обсужденіи органическаго устава, и для представленія вамъ необходимыхъ объясненій и справокъ, назначаю моимъ уполномоченнымъ, на время настоящаго собранія, управляющаго судебнымъ отдѣломъ Лукьянова. Чисто совѣщательный голосъ его, полагаю, будетъ вамъ полезенъ во всѣхъ могущихъ возникнуть недоразумѣніяхъ, при обсужденіи предложеннаго вашему вниманію проекта. Но послѣднее рѣшительное слово принадлежитъ вамъ, и единственно вамъ. Да поможетъ вамъ Всевышній при исполненіи святаго долга; да благословитъ ваши начинанія и труды на счастье и благоденствіе страны, столь близкой намъ, русскимъ, по крови, по принесеннымъ Россією жертвамъ и по великодушнымъ къ вамъ чувствамъ нашего царя, освободителя болгарскаго народа. Объявляю первое собраніе представителей Болгарскаго княжества открытымъ и приглашаю васъ, господа, по подписаніи протокола, вмѣстѣ со мною, въ древнемъ тырновскомъ соборѣ, вознести Господу Богу наши молитвы объ успѣшномъ окончаніи предстоящихъ вамъ трудовъ и принести благодареніе Царю-Царей, сподобившему насъ присутствовать великой исторической минутѣ возрожденія вашего многострадальнаго отечества».

Первыя засѣданія собранія были посвящены разъясненію различныхъ правъ и обязанностей его членовъ, установленныхъ «Правильникомъ» народнаго собранія. Во время преній, членъ по выбору російскаго комиссара, Славейковъ, между прочимъ, замѣтилъ, что въ то время, какъ въ собраніи обсуждались и произносились рѣшенія относительно какого либо вопроса, то случались безпорядки вслѣдствіе того, что лица, не уполномоченныя быть представителями, занимали мѣста послѣднихъ и, вмѣстѣ съ ними, вставали и сидѣли (при подачѣ голосовъ), чѣмъ выражали и свое мнѣніе по обсуждаемому вопросу (Дневникъ народ. собранія, I, стр. 15). Другой членъ собранія, Михайловскій, выразилъ желаніе исключить изъ «Правильника» 5-й пунктъ уполномочій предсѣдателя собранія, по которому онъ имѣлъ право удалять изъ залы засѣданія депутатовъ, позволившихъ себѣ нарушить порядокъ. Онъ полагалъ, что право это въ рукахъ предсѣдателя будетъ весьма опаснымъ оружіемъ противъ депутатовъ. (Дневникъ IV, стр. 20). Членъ Станчевъ заявилъ, что разъ предполагается, что такое наказаніе нужно, то необходимо вытекаетъ, что въ собраніи есть лица, способныя вызвать противъ себя такія крутыя мѣры; но онъ, Станчевъ, никакъ не можетъ допустить что либо подобное для собранія, въ которомъ онъ состоитъ членомъ, и отвергаетъ 5-й пунктъ, какъ неумѣстный и постыдный для высокаго положенія собранія. Депутатъ Стоиловъ находилъ нужнымъ оставить 5-й пунктъ, потому что при преніяхъ могутъ быть личныя нападки и оскорбленія, а потому было бы не излишне и не неумѣстно наказывать обидчика удаленіемъ изъ собранія. На это Станчевъ возразилъ, что болгары не на столько безумны, чтобы ругаться и драться въ собраніи; они—народъ благоразумный и терпѣливый; они не позволяютъ себѣ насилій и въ болѣе непріятныхъ обстоятельствахъ. Къ этому Славейковъ добавилъ, что обиды и драки могутъ случиться именно тогда, когда попытаются выводить какого либо депутата изъ собранія, и потому онъ проситъ собраніе принять это во вниманіе и освободить себя отъ такой крайней мѣры. Это предложеніе было голосовано, причемъ, согласно мнѣніямъ Станчева и Славейкова, 5-й пунктъ изъ «Правильника» былъ исключенъ (ibidem, стр. 21).

По поводу того, что двое изъ делегатовъ, австро-венгерскій и турецкій, не подписали протокола объ открытіи перваго народнаго собранія, было высказано членомъ суда высшей инстанціи Балабановымъ слѣдующее: «Мы, господа, полагаемъ основу нашему политическому бытію, а это бытіе основывается на международномъ актѣ; гг. комиссары пришли сюда съ самыми благими намѣреніями, они представляютъ свои правительства, которые много сдѣлали и могутъ еще сдѣлать для насъ. При всей великой и живой нашей благодарности къ освободительницѣ нашего отечества—Россіи, мы не должны забывать нашего долга и къ Европѣ; поэтому я предлагаю просить г. предсѣдателя, который, согласно «Правильнику», сносится съ официальными и неофициальными лицами,—или самолично отправиться къ неподписавшимъ протоколъ делегатамъ и откровенно спросить ихъ, по какимъ причинамъ они его не подписали, или же попросить его сіятельство г. російскаго комиссара объяснить, почему нѣкоторыми изъ гг. делегатовъ не былъ подписанъ протоколъ. Народное собраніе можетъ сдѣлать это и чрезъ спеціальную депутацію, которая отъ его имени представится неподписавшимъ протоколъ делегатамъ и попросить ихъ объяснить причину неподписанія; но вышеупомянутый способъ мнѣ представляется болѣе умѣстнымъ и приличнымъ. Намъ очень интересуется знать, гдѣ мы стоимъ, какъ стоимъ и что дѣлаемъ; въ сознаніи, что мы не сдѣлали никому никакого зла, при самомъ глубокомъ уваженіи къ Европѣ, для насъ весьма важно узнать эти причины, потому что безъ этого мы не знаемъ, куда идемъ». (Дневникъ VI, стр. 25—26). Впослѣдствіи, благодаря настояніямъ народнаго собранія, делегаты австро-венгерскій и турецкій подписали протоколъ объ открытіи собранія.

Въ первыхъ же засѣданіяхъ, собраніе составило и отправило благодарственные адреса русскому правительству и делегатамъ европейскихъ державъ, составлявшимъ международную комиссію по устройству Восточной Румелии и прибывшимъ на время въ Тырновъ, для присутствованія на первомъ народномъ собраніи княжества.

Въ седьмомъ засѣданіи, членъ суда высшей инстанціи и въ то же время депутатъ Систовскаго округа Балабановъ произ-

несъ прекрасную, глубоко прочувствованную рѣчь, въ которой, искусно очертивъ то, чѣмъ была до сихъ поръ Болгарія и чѣмъ стала теперь, призывалъ, прежде всего, воздать должную признательность и благодарность Царю-Освободителю, и затѣмъ приступить къ разсмотрѣнію будущаго устройства болгарскаго княжества. Рѣчь эта покрыта была громкими и продолжительными рукоплесканіями. На нее, растроганнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ, отвѣчалъ предсѣдатель собранія А н е и м ъ, митрополитъ видинскій, словами пророка Іереміи: «Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть плача и рыданія и вопля: Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшиться, яко не суть. Да почіетъ гласъ отъ плача и очи твои отъ слезъ, яко есть изда дѣломъ твоимъ». (Іерем. 31, ст. 15—17, невин. VII, стр. 32). Много и другихъ прекрасныхъ рѣчей было произнесено ораторами, прежде чѣмъ собраніе приступило къ разсмотрѣнію органическаго устава. Между этими рѣчами были и такія, которыя затрогивали вопросъ о «цѣлокупности» болгарскаго народа, о не входящихъ въ составъ нынѣшняго Болгарскаго княжества Македоніи и Восточной Румелии. Въ отвѣтъ на это раздались голоса, что вопросъ о границахъ не входитъ въ кругъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію народнаго собранія. Такъ, депутатъ Цанковъ весьма удачно выразилъ настроеніе собранія относительно этого вопроса словами: «мы знаемъ одно только княжество, но границъ его не знаемъ; кромѣ того, намъ запрещено говорить о дѣлахъ, не вошедшихъ въ программу». (Дневн. IX, стр. 45).

Послѣ бурныхъ преній о правахъ собранія, въ этомъ же засѣданіи былъ выслушанъ проектъ органическаго устава. По прочтеніи его, депутатъ Стоиловъ сказалъ слѣдующую рѣчь: «Во всѣхъ парламентахъ засѣданія бываютъ бурны, но мнѣ жаль, что и наше сегодняшнее засѣданіе было тоже до нѣкоторой степени бурно. Въ Европѣ существуютъ разныя партіи, и каждая изъ нихъ стремится къ власти; у насъ не то, и потому я сказалъ: жаль, что и наши засѣданія становятся бурными. У насъ нѣтъ частныхъ интересовъ, нашъ интересъ — общій. Что каждый изъ насъ высказывается, — это утѣшительно, но разныя мнѣнія не должны вести насъ къ раздѣленію. Итакъ, выражая еще разъ сожалѣніе о происшедшемъ пренирательствѣ,

я не могу не пожелать, чтобы между нами вновь водворилось единство, и чтобы мы единодушно приступили къ разсмотрѣнiю органическаго устава. Наши друзья, старѣйшіе насъ въ политической жизни и болѣе свѣдущіе въ народныхъ дѣлахъ, говорятъ, что у болгаръ есть дурная привычка—не относиться серьезно къ своимъ обязанностямъ. Но мнѣ не вѣрится этому. Разсмотрѣніе устава—дѣло очень трудное, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ политической опытности; мы не знаемъ, что малыя дѣла имѣютъ иногда большія послѣдствія. Это заставляетъ меня сказать, что наша обязанность тяжела, поэтому я прежде всего прошу васъ: забудемъ происшедшее здѣсь, оставимъ страсти. Дѣло, которое намъ предстоитъ совершить, есть дѣло науки, дѣло ученыхъ. Много профессоровъ пожелали бы быть на нашемъ мѣстѣ, чтобы имѣть возможность приложить къ дѣлу то, что они написали въ своихъ сочиненіяхъ. Короче сказать, я предлагаю не разсматривать въ собраніи уставъ почленно, такъ какъ мы должны прежде всего составить себѣ точное понятіе о главныхъ идеяхъ, которыя легли въ его основу; по моему мнѣнію, нужно избрать комиссію изъ 15 лицъ, которая выставила бы намъ на видъ эти идеи, освѣтила ихъ наукой и опытомъ изъ нашей жизни. Сдѣлавъ это, комиссія можетъ раздѣлиться на части, чтобы разсмотрѣть уставъ подробно, затѣмъ эти подкомиссіи составили бы докладъ для собранія. Само собою разумѣется, что комиссіи долженъ быть назначенъ срокъ, когда она обязана представить свой докладъ въ собраніе».

На эту рѣчь С л а в е й к о в ъ отвѣчалъ слѣдующее: «Большая часть мыслей, которыя я имѣлъ намѣреніе высказать, уже выражены здѣсь, и краснорѣчивѣе, чѣмъ я бы ихъ высказалъ,—я желаю ихъ повторить. Требуется оживить прошедшее, и говоря это, я вспоминаю неволью русскую поговорку: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Г. Стоиловъ не вѣритъ, что болгары легко относятся къ своимъ дѣламъ, но я, какъ болѣе старый и, можетъ быть, болѣе опытный въ народныхъ дѣлахъ, знаю, что дѣйствительно болгары легко относятся къ своимъ обязанностямъ. По этой причинѣ я не могу согласиться на выборъ комиссіи для обсужденія органическаго устава, такъ какъ наши комиссіи всегда скоро «разкомиссииваются» (разстраиваются). Мы спѣшимъ окончить, но не дѣло дѣлать».

съ нетерпѣніемъ ждемъ времени отправиться по домамъ ѣсть красныя яйца (разгавливаться,—дѣло было на св. Пасхѣ). Я предлагаю: комиссіи не избирать, а разсматривать уставъ здѣсь, въ собраніи».

Нужно замѣтить, что многіе изъ депутатовъ всячески, подъ разными предлогами, уклонялись отъ специальныхъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ народнымъ собраніемъ: многіе уходили изъ засѣданій и вовсе не являлись по разнымъ семейнымъ причинамъ, напримѣръ, по случаю родовъ жены, болѣзни ребенка, по торговымъ дѣламъ, и т. п. Такъ, и при выборѣ членовъ комиссіи для разсмотрѣнія органическаго устава, нѣкоторые изъ предложенныхъ собраніемъ кандидатовъ въ эту комиссію не только отказывались отъ принятія въ ней участія, но отвергали и самую комиссію на томъ, между прочимъ, основаніи, что у нихъ будутъ связаны руки при обсужденіи уставовъ въ собраніи, такъ какъ они въ качествѣ членовъ комиссіи сами предлагали этотъ уставъ. На это имъ были сдѣланы возраженія въ томъ смыслѣ, что каждый членъ комиссіи имѣетъ право высказывать свои мнѣнія объ уставѣ и въ собраніи; а съ другой стороны самый «Правильникъ» не дозволяетъ депутатамъ отказываться отъ возлагаемыхъ на нихъ собраніемъ обязанностей. Софійскій митрополитъ Мелегій при этомъ замѣтилъ, что «Правильникъ» есть первый законъ, выработанный болгарскимъ собраніемъ. «Если эти господа,—сказалъ онъ,—теперь отказываются отъ подчиненія этому закону, то не значитъ ли это, что мы даемъ худой примѣръ и другимъ не почитать законовъ, которые предстоитъ выработать въ будущемъ; они отвѣтственны, если откажутся отъ комиссіи, и собраніе не должно обращать вниманія на ихъ отказъ». (Дневн. X. стр. 48). Предложеніе Стоилова о составленіи комиссіи было голосовано и принято 117-ти голосами. Комиссіа была избрана, и ей поручено собраніемъ разсмотрѣть органическій уставъ и представить докладъ о немъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. (Дневн. IX, стр. 44 и 45).

Во время засѣданій народнаго собранія, имъ были получены изъ разныхъ мѣстъ Болгаріи телеграммы и адреса съ выраженіемъ народныхъ нуждъ и, кромѣ того, отъ нѣкоторыхъ лицъ письма и поздравительныя телеграммы съ пожеланіями добраго.

успѣха на всѣхъ поприщахъ дѣятельности. Наибольше выдающимся изъ нихъ было письмо 63-хъ вдовъ изъ м. Карлова (въ сѣверовосточной части Восточной Румелии), заключавшее въ себѣ жалобы и сѣтованія на безсердечныя отношенія Европы къ болгарамъ, такъ много пострадавшимъ отъ турокъ. «Послѣ столькихъ дорогихъ для насъ жертвъ» — писали онѣ — «послѣ неслыханныхъ, ужасныхъ сценъ, произведенныхъ кровожадными и свирѣпыми турками, христіанская Европа немилостиво и безчеловѣчно хочетъ опять взять и бросить насъ въ звѣрскую пасть азіатской гіенны. Позвольте, уважаемые господа, высказать вамъ, что только на васъ мы надѣемся и подъ вашу защиту оставляемъ своихъ дѣтей: съ этого времени вы будете ихъ отцами и родней, поэтому отъ всего сердца и души мы васъ умоляемъ, чтобы все то, что вы имѣете совершить въ народномъ собраніи, было совершено въ пользу всѣхъ болгаръ, чтобы вы не отдѣляли насъ отъ себя и не оставляли насъ, вопреки желаніямъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ европейскихъ личностей, въ рукахъ мерзкихъ варваровъ — турокъ. Единственное утѣшеніе сокрушенныхъ нашихъ душъ состоитъ въ надеждѣ, что вы употребите всевозможныя средства для освобожденія всѣхъ болгаръ».

Телеграмма отъ жителей г. Татаръ-Базарджика (въ Восточной Румелии) привѣтствовала депутатовъ народнаго собранія за выраженное ими сочувствіе къ болгарамъ и высказывала глубокую скорбь о томъ, что европейцы поставили болгаръ въ такое тяжелое положеніе.

Отъ населенія Филиппопольскаго округа выражалось желаніе, чтобы собраніе не приступало къ обсужденію органическаго устава, прежде чѣмъ не будетъ обсужденъ общенародный вопросъ о цѣлости Болгаріи. Вообще, изъ Восточной Румелии собранію заявлялись желанія о цѣлости и объединеніи болгарскаго народа. (Дневн. XI, стр. 52 и 53).

Отъ И. С. Аксакова была получена собраніемъ телеграмма, въ которой онъ благодарилъ за память и присоединялся къ надеждамъ болгаръ, вѣруя въ будущность и «цѣлокупность» Болгаріи (ibidem).

Митрополитъ охридскій Наѳаналъ, пребывающій нынѣ въ Ловчѣ, замѣчательный дѣятель на пользу болгарской церкви

во время греко-болгарской церковной распри и горячий патриотъ, прислалъ въ собраніе письмо слѣдующаго содержанія: «Почтенные господа! Въ то время, когда вы одобрите органическій уставъ и выберете князя для одной части нашего многострадальнаго народа, другая, не менѣе значительная часть того же народа останется въ положеніи болѣе безвыходномъ и несчастномъ, чѣмъ въ то время, когда весь болгарскій народъ находился подъ турецкимъ игомъ. Когда вы будете праздновать великое торжество открытія вашего собранія, вы забудете нашихъ братьевъ, тонущихъ въ слезахъ и въ крови, и съ простертыми руками обращающихся къ вамъ, съ мольбою дать имъ время и средства для послѣдней отчаянной борьбы съ нашимъ вѣковымъ притѣснителемъ и мучителемъ. Отвернете ли свои глаза отъ нихъ, и оставите ли ихъ совершенно погибнуть? 500 лѣтъ нашъ народъ въ совокупной цѣлости носилъ на своихъ плечахъ тяжелое бремя турецкаго ига; 500 лѣтъ онъ жилъ съ единственною надеждой, что въ одинъ прекрасный день увидитъ себя всецѣло свободнымъ и независимымъ, и вотъ теперь къ приготовленной трапезѣ не приглашена часть народа, чтобы насладиться благами и сладостью свободы. Справедливо ли и полезно ли это,—сами разсудите, и для предотвращенія этого несчастнаго положенія сдѣлайте все, чего требуетъ долгъ отъ всякаго патриота и брата по крови. Вотъ между вами находятся представители отъ македонскихъ бѣженцевъ и повстанцевъ; ихъ скорбныя души и задумчивыя лица въ состояніи показать вамъ, что нужно теперь вамъ дѣлать; а я умоляю васъ во имя Бога, во имя человечества и во имя нашей народной будущности и благосостоянія: примите потребныя мѣры для достиженія нашего единства по Санъ-Стефанскому договору, иначе большая отвѣтственность падетъ на тѣхъ, которые могли быть полезными своему отечеству и не сдѣлали этого. Всепреумудрый Господь да умудритъ васъ и научитъ всему, что полезно для нашей вѣры и для нашего народа! Съ такимъ желаніемъ я и остаюсь въ надеждѣ, что мы всѣ вмѣстѣ порадуемся, какъ и плавали вмѣстѣ пять вѣковъ» (ibid., стр. 53).

Послѣ этого, собраніе выслушало письмо рущукскаго депутата Станчева, который писалъ, что «такъ какъ онъ убѣдился, что, приступая къ разсмотрѣнію органическаго устава,

онъ тѣмъ фактически доказываетъ, что болгары соглашаются на раздѣленіе своего отечества, не сдѣлавъ предварительно протеста, то совѣсть и убѣжденія, страшно мучившія его душу и предвѣщавшія ему вѣчное осужденіе и муку, заставляють его сложить съ себя званіе депутата и считать себя свободнымъ отъ всякой отвѣтственности».

Это письмо Станчева возбудило негодованіе въ собраніи, и тутъ же были высказаны мнѣнія противъ его отставки, на томъ основаніи, что это есть неуваженіе къ собранію и можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ. По этому поводу заявлено было, между прочимъ, что одинъ представитель изъ Силистріи оставилъ собраніе безъ всякаго о томъ заявленія и возвратился домой къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Депутатъ, заявившій объ этомъ, прибавилъ: «Это очень прискорбно, потому что въ эти важныя минуты мы лишаемся одного голоса, а такое обстоятельство не маловажно; если мы до сихъ поръ молчали, то впредь этого не будетъ». Смыслъ этихъ словъ тотъ, что многіе депутаты дозволяли себѣ тайкомъ и безнаказанно уходить изъ собранія, которое не могло принять никакихъ мѣръ противъ этого злоупотребленія.

Затѣмъ собраніе слушало заявленіе депутата г. Варны о томъ, что «жители этого города, не зная оффиціального болгарскаго языка, просятъ, чтобы имъ дозволено было высказывать свои нужды и права на турецкомъ языкѣ, когда имъ случится являться къ мѣстнымъ властямъ и въ разныя присутственныя мѣста». Собраніе, въ виду того, что оно имѣетъ характеръ учредительный, но не законодательный, не дало удовлетворительнаго отвѣта депутату (ibid. стр. 56).

Когда избранная собраніемъ для разсмотрѣнія органическаго устава комиссія окончила свои занятія и представила о нихъ свой рапортъ, то, по поводу этого рапорта, въ собраніи были высказаны весьма нелестныя мнѣнія о трудахъ комиссіи. Такъ, между прочимъ, товарищъ предсѣдателя собранія Каравеловъ заявилъ слѣдующее:

«Я былъ однимъ изъ тѣхъ, которые желали избранія комиссіи. Она, какъ комиссія, избранная для разработки проекта законовъ, должна была руководиться однимъ только принципомъ, которымъ руководятся всѣ законодатели, а именно:

1) Учрежденія и законы должны приносить какъ можно меньше зла и какъ можно больше пользы:—вѣдь законы иногда приносятъ и вредъ.

2) Она должна была поставить тезисы, подъ которыми я разумѣю самыя главныя положенія нашего будущаго устава; эти тезисы должны быть мотивированы, что и составляло самую главную задачу комиссіи,—привести аргументы за и противъ того или другаго тезиса. Что же мы видимъ въ этомъ рапортѣ комиссіи?!.. Вмѣсто принципа,—какія-то четыре начала, подбитыя консервативнымъ вѣтромъ, вмѣсто тезисовъ,—пустую болтовню, вмѣсто мотивовъ... о мотивахъ я не буду говорить, приведу только слова Данта: «а на этихъ посмотри, и уходи»... Однимъ словомъ, въ этомъ рапортѣ нѣтъ ни политики, ни логики, ни грамматики. Поэтому я предлагаю: во-первыхъ,—замѣтить комиссіи, что она не оправдала довѣрія народнаго собранія; во-вторыхъ,—считать наше положеніе *statu quo ante commissionem*, и въ третьихъ,—приступить въ собраніи къ разсмотрѣнію устава по главамъ, какъ это предложено было центральнымъ правительствомъ. Что же касается до рапорта, то это—литературная собственность комиссіи, которая можетъ съ нимъ дѣлать, что угодно, а мы здѣсь будемъ дѣлать свое дѣло». (Дневн. XII, стр. 58, 59).

Мнѣніе Каравелова было поддержано Славейковымъ, и народное собраніе рѣшило, оставивъ труды комиссіи безъ послѣдствій, разсмотрѣть уставъ вторично въ самомъ собраніи (*ibid.* стр. 59).

Послѣ довольно продолжительныхъ преній, органическій уставъ наконецъ былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ собраніемъ, но съ нѣкоторыми довольно значительными измѣненіями. Унажемъ на болѣе существенныя изъ нихъ. Въ опредѣленіи, что «княжество Болгарія есть монархія наследственная и конституціонная, съ народнымъ представительствомъ», слова: «находящаяся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ» были исключены. Въ статьѣ о томъ, что «княжеское достоинство наследственно въ потомствѣ перваго избраннаго князя» сдѣлано добавленіе словъ: «въ прямомъ нисходящемъ мужскомъ потомствѣ»; равнымъ образомъ, въ опредѣленіи совершенновѣтія царствующаго князя или «царствующей княгини», послѣднія два слова исклю-

ченны. Очевидно, собраніе не допускало на княжескій тронъ особу женскаго пола. Изъ членовъ регенства собраніе исключило «ближайшихъ родственниковъ князя, въ Болгаріи пребывающихъ» и «членовъ государственнаго совѣта». Последнихъ — потому что самое учрежденіе государственнаго совѣта было исключено изъ органическаго устава. Далѣе, собраніе уменьшило предполагаемое содержаніе князя и его двора съ одного милліона на 600,000 франковъ, а статью о дотациі князя изъ государственныхъ имуществъ вовсе исключило. Въ положеніе о гражданахъ Болгарскаго княжества включены собраніемъ слѣдующія три статьи: 1) «Титулы благородства и другія отличія, а равно и ордена, въ болгарскомъ княжествѣ не допускаются». 2) «Князю предоставляется право учредить одинъ знакъ отличія, исключительно для военныхъ, за дѣйствительно совершенные ими подвиги во время войны», и 3) «Торговля людьми не допускается въ Болгарскомъ княжествѣ. Всякій рабъ, каковаго бы ни былъ вѣроисповѣданія, пола, рода, племени, вступая на территорію Болгарскаго княжества, становится свободнымъ». Въ отдѣлѣ о личной неприкосновенности включена новая статья: «Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, не установленному въ законахъ. Пытки и конфискаціи имуществъ воспрещаются». Статьи о свободѣ печати измѣнены и редактированы такъ: 1) «Печать свободна. Никакой цензуры не допускается и никакого залога не требуется отъ авторовъ, издателей и типографщиковъ. Если авторъ извѣстенъ и находится въ княжествѣ, то издатель, типографщикъ и распространитель не могутъ быть подвергаемы преслѣдованію». 2) «Священное писаніе, богослужебныя книги и сочиненія догматическаго содержанія, назначенныя для употребленія въ православныхъ церквахъ, а также и учебники по Закону Божію для православныхъ подлежатъ предварительному одобренію Св. Синода», и 3) «Преступленія по дѣламъ печати судятся по закону, въ общихъ судебныхъ установленіяхъ». Въ отдѣлѣ о свободѣ собраній добавлена новая статья: «Болгарскіе граждане имѣютъ право составлять дружества безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія, если только цѣль и средства этихъ друществъ не приносятъ вреда государственному и общественному порядку, религіи и добрымъ правамъ». Изъ состава народнаго собранія исключены всѣ члены по занимаемымъ

ими должностямъ (въ томъ числѣ и высшее духовенство) и лица, по назначенію князя, а статья о депутатахъ по выборамъ редактирована слѣдующимъ образомъ: «Обыкновенное народное собраніе состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачею голосовъ по одному на 10,000 жителей обоого пола (вмѣсто 20,000). Депутаты избираются на три года. Право быть избирателями принадлежитъ всѣмъ болгарскимъ гражданамъ, достигшимъ 21 года и пользующимся гражданскими и политическими правами. Въ депутаты могутъ быть избираемы всѣ болгарскіе граждане, пользующіеся гражданскими и политическими правами; они должны быть грамотны и не моложе 30 лѣтъ отъ роду. Порядокъ выборовъ долженъ быть опредѣленъ особымъ избирательнымъ закономъ». Статьи о порядкѣ внесенія въ народное собраніе законопроектовъ и предложеній измѣнены и выражены слѣдующимъ образомъ: 1) «Законодательная инициатива принадлежитъ князю и народному собранію». 2) «Законопроекты и предложенія правительства вносятся въ народное собраніе подлежащими министрами по распоряженію князя. Каждый депутатъ также можетъ внести въ народное собраніе законопроектъ или предложеніе, если они подписаны одною четвертью присутствующихъ депутатовъ», и 3) «Каждый законопроектъ или предложеніе, внесенные въ собраніе, могутъ быть взяты обратно, если не было еще окончательной подачи голосовъ». Къ предметамъ вѣдѣнія народнаго собранія добавлены: а) дѣла о сложеніи недоимокъ и всякаго рода недоборовъ, взысканіе которыхъ будетъ признано невозможнымъ; б) разсмотрѣніе отчетовъ высшей счетной палаты, которая должна представлять собранію подробные доклады объ исполненіи росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, и в) право назначать слѣдственные коммиссіи по управленію. Всѣ эти предметы подлежали, по органическому уставу, вѣдѣнію государственнаго совѣта, у п р а з д н е н н а г о народнымъ собраніемъ. Статьи о составѣ чрезвычайнаго, или великаго народнаго собранія измѣнены и редактированы такъ: 1) «Великое народное собраніе состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачею голосовъ. Число депутатовъ равно двойному числу членовъ обыкновеннаго народнаго собранія, считая по два на каждые 10,000 жителей обоого пола», и 2) «Предсѣдатель, вице-предсѣдатели и необходимое число секретарей из-

бираются самимъ собраніемъ изъ своей собственной среды. До избранія же ихъ, предсѣдательствуетъ старшій по возрасту депутатъ». Въ отдѣлѣ о государственныхъ займахъ сумма расхода, который въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ произвести князь изъ средствъ казны, опредѣлена не свыше 300,000 франковъ. Наконецъ, изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій народное собраніе исключило, какъ выше было сказано, государственный совѣтъ и одно министерство, а именно министерство общественныхъ работъ и земледѣлія.

Вышеозначенными измѣненіями ограничилась дѣятельность народнаго собранія по разсмотрѣнію органическаго устава, который затѣмъ въ новомъ своемъ видѣ былъ изданъ подъ названіемъ «Конституція княжества Болгарскаго». Конституція эта была подписана предсѣдателемъ народнаго собранія, видинскимъ митрополитомъ Анеимомъ, уполномоченнымъ російскаго комиссара, сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ С. И. Лукьяновымъ и всѣми 208 членами собранія.

Послѣ этого акта, первое народное собраніе было закрыто російскимъ комиссаромъ, который при этомъ произнесъ слѣдующую рѣчь: «Достопочтеннѣйшее собраніе представителей Болгарскаго княжества! Два мѣсяца тому назадъ, по волю и предначертаніямъ Всемилоствѣннѣшаго моего Государя, въ званіи комиссара Его Величества, съ чувствомъ безпредѣльной радости и, сознаюсь, не безъ справедливой гордости, привѣтствовалъ я васъ съ открытіемъ перваго народнаго собранія въ освобожденной странѣ нашей. Именемъ вашего Освободителя приглашалъ я васъ, съ полною свободою и безпристрастіемъ, обсудить предложенный вамъ проектъ органическаго устава, долженствующаго положить прочное основаніе государственному устройству Болгарскаго княжества, согласно съ желаніями и истинными нуждами народа. Сей великій и первый національный трудъ вами нынѣ оконченъ. Неизбѣжныя недоразумѣнія, весьма впрочемъ естественныя при послѣдственности новаго дѣла и важности задачи, на васъ возложенной,—ни на одну минуту не поколебали однако постояннаго моего къ вамъ довѣрія и той вѣры, которую всегда питалъ я въ нравственный и политическій смыслъ роднаго намъ болгарскаго народа. Послѣднія и окончательныя рѣшенія ваши по вопросамъ органическаго уста-

ва, подавшія среди самаго собранія поводъ къ недора зумѣніямъ должны были окончательно разъяснить сомнѣнія недоброжелателей вашихъ и устранить всѣ поводы къ обвиненію, васъ въ незрѣлости и неподготовкѣ къ представленной вамъ свободной политической жизни. Счастливое, правильное и законное довершеніе вами возложеннаго на васъ законодательнаго труда, торжественно оправдываетъ довѣріе къ вамъ великаго моего Государя. Будущее покажетъ, насколько составленная вами конституція соответствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны и служить выраженіемъ истинныхъ стремленій болгарскаго народа, что горячее и искреннее побужденіе, руководившее патріотизмомъ вашимъ, я увѣренъ, въ томъ состоитъ, чтобы новая конституція послужила оплотомъ благоразумной свободы и законности, а слѣдовательно залогомъ счастія, благоденствія и нравственнаго успѣхія дорогой родины вашей. Да блюдетъ же и охраняетъ каждый изъ васъ основные законы вашей самобытности, радуясь о настоящемъ и съ полною надеждою и вѣрою взирая на предстоящую вамъ новую свѣтлую будущность. Счастливъ, господа, что по волѣ возлюбленнаго нашего монарха, былъ я хотя слабымъ орудіемъ и отраженіемъ великихъ его намѣреній въ торжественную минуту возрожденія Болгарскаго отечества, столь близкаго намъ, русскимъ, по крови и историческимъ событіямъ, связующимъ отнынѣ два братскихъ народа еще болѣе неразрывными, новыми взаимными узами. Объявляю первое собраніе представителей болгарскаго народа закрытымъ и приглашаю васъ, господа, возвратиться къ прежнимъ обыкновеннымъ вашимъ занятіямъ, предоставивъ, согласно постановленію вашему, — новымъ избранныкамъ народа довершить дѣло устроенія вашей будущности избраніемъ перваго болгарскаго князя, видимаго представителя вашей свободы и независимости. Да здравствуетъ Александръ II, освободитель болгарскаго народа!!! да здравствуютъ Россія и Болгарія»!!!

Вопросъ о выборѣ перваго князя на болгарскій престолъ представлялся еще тотчасъ по заключеніи берлинскаго трактата однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію при устройствѣ будущаго политическаго и гражданскаго по-

доженія княжества. Вопросомъ этимъ интересовались и волновались не одни только болгары: иностранные консулы и комиссары, прибывшіе въ Софію для участія въ международной комиссії по устройству Восточной Румелии, и между ними особенно турецкіи комиссаръ и англійскій консулъ, очевидно, по указаніямъ своихъ правительствъ, всѣми средствами стремились ослабить русское вліяніе какъ на установленіе принциповъ государственнаго устройства въ Болгаріи, такъ и на избраніе того или другаго кандидата въ князя. Для достиженія этого, представители европейскихъ державъ, подъ разными благовидными предлогами, домогались принять участіе не только въ обсужденіи организаціоннаго устава, но и въ выборѣ князя. Однако, на основаніи прямаго смысла берлинскаго трактата, въ которомъ нигдѣ не упоминается о названныхъ выше правахъ, они не были допущены до оффиціальнаго вмѣшательства въ дѣла, прямо касающіяся государственныхъ правъ болгарскаго народа.

Что касается до Россіи, то она твердо рѣшилась, не выставляя никого своимъ кандидатомъ, предоставить избраніе князя совершенно свободной волѣ самихъ болгаръ. Тѣмъ не менѣе, она не могла въ то же время не слѣдить за настроеніемъ умовъ мѣстнаго населенія по этому важному вопросу. Въ первое время послѣ берлинскаго конгресса, трудно было назвать лицо, которое могло бы быть выставлено народнымъ кандидатомъ на болгарскій престолъ. Господствующее настроеніе умовъ въ краѣ въ то время было обращено въ другую сторону; всѣ еще находились подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ рѣшеній берлинскаго конгресса, и вызванное ими какъ въ сѣверной, такъ и въ южной Болгаріи возбужденіе далеко еще не улеглось. При крѣпкомъ національномъ единствѣ болгаръ, голосъ народныхъ представителей Восточной Румелии въ вопросѣ о кандидатурѣ князя долженъ былъ имѣть самое вѣское нравственное значеніе, благодаря болѣе интеллигентной и политически-развитой массѣ населенія по южную сторону Балканъ. Между тѣмъ населеніе это находилось подъ гнетомъ тревожныхъ опасеній за свою участь, по случаю перехода его подъ управленіе Порты и удаленія нашей арміи изъ Адрианопольской губерніи, гдѣ въ то время, дѣйствительно, можно было ожидать серьезныхъ замѣшательствъ отъ возстановленія прежняго турецкаго правленія. Понятно, что по всѣмъ

этимъ причинамъ вопросъ о будущемъ князѣ отодвинулся на второй планъ.

Впослѣдствіи, когда вызванныя берлинскимъ конгрессомъ волненія мало-по-малу улеглись, вопросъ о кандидатурѣ князя выдвинулся впередъ. Кандидатами на княжескій престолъ Болгаріи выставлялись весьма многія лица; между ними первое мѣсто занималъ двоюродный братъ черногорскаго князя Николая, Божидаръ Петровичъ, наиболѣе соотвѣтствовавшій условіямъ и интересамъ болгарскаго народа; но выборъ его не могъ быть принятъ сочувственно европейскими дворами. Вторымъ кандидатомъ выставляли принца Александра Баттенберга, имѣвшаго большую и сильную партію, избраніе котораго несомнѣнно было бы пріятно бѣльшей части европейскихъ дворовъ. Кромѣ двухъ названныхъ кандидатовъ, нѣкоторое время производилась агитація въ пользу сербскаго князя Милана, имѣвшая мало шансовъ на успѣхъ въ виду непріязненныхъ чувствъ, которыя болгары вообще питаютъ къ сосѣдямъ своимъ сербамъ, хотя въ то же время агитація эта не была лишена извѣстнаго политическаго смысла и значенія, если принять во вниманіе, что болгары желали усилить свое будущее княжество и придать ему какъ можно болѣе политическаго авторитета. Но агитація эта, къ счастью, скоро прекратилась, такъ какъ дальнѣйшее ея развитіе повело бы къ большимъ усложненіямъ, потому что ни одна изъ европейскихъ державъ не допустила бы сліянія болгарскаго княжества съ какимъ либо другимъ изъ независимыхъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ. Еще менѣе могъ рассчитывать на успѣхъ князь румынскій Карлъ, который, какъ слышно было, чрезъ своего константинопольскаго посланника, испрашивалъ предварительнаго согласія на избраніе его княземъ болгарскимъ, какъ у султана, такъ и у пословъ англійскаго, французскаго и австрійскаго, причемъ послѣдовало согласіе всѣхъ ихъ, кромѣ австрійскаго посла. Но можно было напередъ сказать, что онъ не будетъ избранъ народнымъ собраніемъ, такъ какъ не пользовался никакимъ сочувствіемъ въ Болгаріи. Справедливость требуетъ сказать, что въ числѣ выставленныхъ кандидатовъ были и такіе, которые въ своей личности не представляли никакихъ задатковъ для успѣшнаго и прочнаго созда-

ніа новаго княжества, такъ что, въ случаѣ ихъ выбора, пришлось бы неизбежно приставить къ нимъ дядьку...

17-го апрѣля 1879 г. російскій комиссаръ, князь Дюдаковъ-Корсаковъ, открывая второе народное собраніе, созванное для выбора князя Болгаріа, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Достопочтеннѣйшее собраніе представителей болгарскаго народа! Привѣтствую васъ, избранники болгарскаго народа, съ торжественнымъ и свѣтлымъ призваніемъ, выпавшимъ на вашу долю. Вамъ предстоитъ окончательно упрочить судьбу болгарскаго народа, искупленнаго цѣною столькихъ жертвъ и крови роднаго вамъ народа русскаго, положившаго, по волѣ Освободителя вашего, начало будущей политической самобытности Болгаріа. Не допускаю съ своей стороны какого либо вліянія на предстоящій вамъ, совершенно свободный выборъ будущаго правителя Болгаріа; но считаю однако долгомъ торжественно заявить собранію, что вслѣдствіе политическихъ соображеній ни одинъ кандидатъ изъ русскихъ подданныхъ (рѣчь шла, между прочимъ, и о кандидатурѣ самого кн. Дондукова) не можетъ быть допущенъ Государемъ на княжескій болгарскій престолъ. Въ виду приближенія срока, назначеннаго европейскими державами для устройства вашего края, я считаю полезнымъ, дабы не терять времени, просить васъ предоставить предсѣдательство въ настоящемъ собраніи старѣйшему, достопочтеннѣйшему и многострадальному труженику болгарскаго дѣла — блаженнѣйшему Анеиму Видинскому, который съ своей стороны назначитъ вице-предсѣдателя и секретарей. Въ повѣркѣ полномочій депутатовъ надобности не предстоитъ, такъ какъ депутаты эти избраны, на основаніи временныхъ правилъ, по которымъ (статья 42) протоколы выборовъ утверждаются мною по званію Императорскаго Російскаго Коммиссара. Для большей свободы и самостоятельности вашихъ преній, по столь важному, предстоящему вамъ вопросу о выборѣ князя, отъ досточимаго предсѣдателя вашего зависѣть будетъ—сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы засѣданіе происходило при закрытыхъ дверяхъ и пригласить всѣхъ постороннихъ лицъ оставить залу засѣданія. Протоколы преній, ради свободы вашей, могли бы не составляться, а можно было бы ограничиться лишь однимъ протоколомъ или актомъ избранія. Для сокращенія времени и скорѣйшаго рѣшенія дѣла, позволяю

себѣ предложить вамъ произвести избраніе князя въ настоящемъ же засѣданіи, и о рѣшеніи вашемъ, съ актомъ избранія, немедленно сообщить мнѣ, для всеподданнѣйшаго увѣдомленія всемилоостивѣйшаго моего Государя Императора объ исполненіи завѣтнаго его желанія видѣть, къ положенному сроку, зданіе вашего государственнаго устройства оконченнымъ. Да внушить вамъ Всемогущій Богъ рѣшеніе, которое могло бы поставить дорогую родину вашу на ту степень самостоятельности и благоденствія, которыя составляютъ единственную цѣль вашего Освободителя, цѣль, къ которой такъ сердечно и искренно, всегда и вездѣ относится и нынѣ отвоислся единокровный, братскій болгарскому народу—народъ русскій».

Собраніе въ тотъ же день единогласно избрало княземъ Александра Баттенберга, и отправило къ нему въ Вѣну, для поздравленія, избранную изъ своей среды депутацію.

На другой день, російскій комиссаръ, закрывая собраніе, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Достопочтеннѣйшее собраніе народныхъ представителей болгарскаго княжества! Вчера, единогласнымъ избраніемъ князя, вы торжественно и благополучно завершили устроеніе самостоятельной и независимой политической жизни страны вашей. Да благословитъ Всемогущій Богъ вашъ выборъ столь близкаго русской царской семьѣ лица,—на счастье и благоденствіе болгарскаго народа, и да послужитъ выборъ сей еще новою тѣсною связью освобожденной Болгаріи съ Царемъ-Освободителемъ и съ великимъ русскимъ народомъ, запечатлѣвшимъ своею кровью великое дѣло освобожденія вашего. Всеобщій восторгъ, которымъ встрѣчено было сіе счастливое избраніе, есть наилучшее свидѣтельство, что избранникъ вашъ есть истинный и дѣйствительный избранникъ народа болгарскаго. Съ своей стороны, я, глубоко тронутый выраженіемъ неподдѣльнаго сочувствія, выраженнаго мнѣ населеніемъ, по случаю счастливаго для Болгаріи событія, приписываю сочувствіе это не моимъ личнымъ слабымъ трудамъ по устройству вашей родины, прічемъ я, въ качествѣ представителя всемилоостивѣйшаго моего государя, былъ лишь слабымъ орудіемъ и малымъ отраженіемъ великихъ его намѣреній и предначертаній; но вижу въ семъ сочувствіи единственно отголосокъ той безграничной преданности и благоговѣнія, которыя питаетъ болгарскій

народъ къ своему Освободителю и великому братскому народу русскому. Отъ всей души и отъ всего сердца поздравляю всѣхъ болгаръ съ торжественнымъ и великимъ днемъ созданія независимаго Болгарскаго княжества. Да здравствуетъ новозбранный первый Князь Болгарскій!»

Такъ совершился призывъ къ новой гражданской жизни цѣлаго народа. Подводя итоги этому историческому событію, прежде всего останавливаешься предъ тѣмъ фактомъ, что русскіе люди совершили громадный трудъ для удовлетворенія нуждъ болгаръ, и дали имъ все, что было въ ихъ власти, не опасаясь упрековъ въ излишнемъ великодушіи и не останавливаясь предъ небывалою по своей трудности и сложности задачей. Управлять народомъ почти неизвѣстнымъ и въ то же время изучать его бытовые свойства, создавать сообразно съ ними всѣ отрасли гражданского строя, и вести этотъ народъ такъ, чтобы по первому же призыву можно было передать въ его руки управление страной,—дѣло далеко не легкое. И все это нужно было дѣлать въ самый короткій срокъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, при полномъ разгарѣ внутренней неурядицы, вызванной войною, и при явной враждебности европейской дипломатіи. Водвореніе въ Болгаріи полного административнаго строя съ европейскою формою правленія, созданіе 25-ти тысячъ національнаго войска, накопленіе 14-ти милліоновъ франковъ запаснаго фонда и бюджетъ съ 28-ю милліонами франковъ государственныхъ доходовъ, при облегченіи населенія въ податяхъ,—вотъ скромные, но весьма краснорѣчивые трофеи русскаго управленія этою страной; вотъ доказательства того, что русскіе люди пригодны ко всякому сложному и трудному государственному дѣлу, если только умѣло направить ихъ къ ясно сознаваемой и опредѣленно поставленной цѣли. Въ данномъ случаѣ, имъ служила руководствомъ державная воля покойнаго Государя, высказанная въ извѣстномъ воззваніи къ жителямъ Болгаріи и въ указаціяхъ, данныхъ представителямъ русскаго управленія—россійскимъ комиссарамъ. Покойный князь Черкасскій и замѣнившій его князь Дондуковъ-Корсаковъ поняли всю важность своего призванія; они съ полнымъ гражданскимъ мужествомъ и энергіей вели порученное имъ дѣло честно, смѣло и безъ всякихъ предвѣдныхъ колебаній. Примѣръ ихъ дѣйствовалъ

увлекательно и на избранныхъ ими сотрудниковъ, которые не жалѣли своихъ силъ для того, чтобы сохранить добрую славу русскаго имени на чужбинѣ. Болгары навсегда сохранятъ самое лучшее воспоминаніе о тѣхъ русскихъ, которые, съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ освобожденному народу, устроили его политическій и гражданскій бытъ на благотворныхъ началахъ, предначертанныхъ волею Царя-Освободителя.

Дмитрій Георгіевскій.

ДИПЛОМАТІЯ И ЛЮБОВЬ.

Романъ Юганна фонъ-Деваля.

XXX.

«Тройка» ликовала: герцогъ вернулся изъ Вѣны, вернулся ранѣе, чѣмъ его ждали, и превзошелъ даже всякія ожиданія. Онъ снова подышалъ вѣнскимъ воздухомъ, послушалъ вѣнскаго нарѣчія, повидалъ старыхъ друзей и поговорилъ съ ними. Вернулся онъ домой въ совершенномъ восторгѣ.

Со вчерашняго вечера, при дворѣ только и говорили, что о сближеніи съ Австріей, а сегодня офицеры разгуливали уже по городу въ австрійскихъ кеши.

Герцогъ хотя и связалъ себя обѣщаніемъ по рукамъ и по ногамъ, но все-таки чувствовалъ потребность побесѣдовать съ какимъ нибудь безпристрастнымъ и знающимъ положеніе Европы человекомъ. Онъ сознавалъ, что наступили серьезныя, крайне серьезныя времена. Если Пруссія не уступитъ, то разрывъ неизбеженъ, а разрывъ можетъ имѣть для него и для страны крайне серьезные послѣдствія, такъ какъ ему не безызвѣстно было, что многіе изъ его подданныхъ—истые сторонники Пруссіи.

Долго раздумывалъ герцогъ Францъ, къ кому обратиться. И наконецъ выборъ его палъ на барона фонъ-Гримменштейна. Не говоря никому ни слова, вышелъ онъ въ боковую дверь, въ паркъ, и направился къ барону, страдавшему подагрой и не выходившему уже нѣсколько дней.

— Пришелъ навѣстить больного, сказалъ онъ, прямо входя въ комнату, — пожалуйста, безъ церемоній.

Долго герцогъ говорилъ о постороннихъ предметахъ, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Баронъ, видя это, явился къ нему на помощь.

— Горизонтъ, кажется, покрывается тучами и въ воздухѣ появляется такая духота, что никто не можетъ ручаться за будущее.

Герцогъ взялъ больного за руку и проговорилъ:

— Вы слишкомъ мрачно смотрите на это. Буря несется—это вѣрно. Но она пронесется мимо насъ, и мы оставемся невредимы.

— Я не понимаю, ваше высочество! Вы, впрочемъ, пріѣхали изъ Вѣны...

— Да, я пріѣхалъ изъ Вѣны! гдѣ я многое увидалъ и услышалъ. Теперь я могу сказать, что задорные пруссаки напрасно угрожаютъ намъ своей мобилизаціей.

— Читали-ли вы, ваше высочество, сегодняшнія берлинскія газеты? серьезно спросилъ старикъ.

Герцогъ вспыхнулъ, такъ какъ этотъ вопросъ нѣсколько охладилъ его энтузіазмъ, напомнивъ ему, что онъ находится подъ игломъ, то есть, что читать онъ можетъ только то, что ему даютъ.

— Я пустяковъ не читаю, рѣзко, но въ смущеніи отвѣчалъ онъ.

— А мнѣ думается, что въ такое время слѣдовало бы все читать и обсуживать вопросъ и съ той, и съ другой стороны.

— Вѣдь я пріѣхалъ изъ Вѣны! съ особеннымъ удареніемъ повторилъ герцогъ.

— Въ Вѣнѣ не знаютъ, какъ серьезно смотреть въ Берлинѣ на желаніе Австріи подавить Пруссію, какъ серьезно относится къ этому весь прусскій народъ. Я согласенъ, что сильная Пруссія—сосѣдка неудобная, но своя рубашка ближе къ тѣлу, и потому сильную сосѣдку задирать не для чего. У моей дорогой Австріи нѣтъ болѣе злѣйшаго врага, какъ шовинисты, разжигающіе ея слѣпую ненависть къ Пруссіи.

— Вы удивляете меня, баронъ! раздражительно вскричалъ герцогъ... Вы говорите, точно пруссакъ.

— Нѣтъ, я южный германецъ, но это не мѣшаетъ мнѣ уважать Пруссію и считать графа Бисмарка умнымъ человекомъ.

— Но Австріи надоѣло выслушивать берлинскія предписанія! Да и намъ, маленькимъ владѣльцамъ, это тоже надоѣло; но дѣло въ томъ, прибавилъ герцогъ, пододвигаясь къ больному, — что при борьбѣ крупныхъ владѣтелей, намъ, маленькимъ, слѣдуетъ благо-разумно применить къ болѣе сильной сторонѣ, въ особенности, если находишься на самой дорогѣ, какъ напримѣръ, я.

— Совершенно вѣрно, ваше высочество, отвѣчалъ герцогъ, — но въ томъ-то и весь вопросъ: кто въ настоящемъ случаѣ сильнѣйшій?

— Вѣдь я пріѣхалъ изъ Вѣны! снова, многозначительно, проговорилъ герцогъ. — Я самъ видѣлъ эти войска, я самъ говорилъ съ ихъ храбрыми вождями, и могу сказать, что это нѣчто по-лучше хваленыхъ игольчатыхъ ружей!.. Я применилъ къ своимъ друзьямъ... применилъ къ Австріи!

— Въ случаѣ войны, такое рѣшеніе имѣетъ громадное значеніе, помолчавъ, отвѣчалъ баронъ. — Конечно, вы можете и ошибиться, и судьба...

— Могу васъ увѣрить, баронъ, что я не ошибаюсь, вставая, сказалъ герцогъ.

— Ваше высочество видѣли австрійскія войска, но не видали прусскихъ...

Герцогъ вспыхнулъ и нахмурилъ брови.

— Если ваше высочество ошибетесь... то послѣдствія для васъ будутъ печальны...

— Могу васъ увѣрить, баронъ, что я не ошибаюсь, повторилъ герцогъ съ раздраженіемъ и сильно возвысивъ голосъ: — и императоръ возьметъ отъ Пруссіи Шлезвигъ!

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ и говорить нечего, сказала больной, опускаясь на спинку кресла.

Герцогъ, въ волненіи, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и затѣмъ, улыбаясь, остановился передъ барономъ.

— Вы хотите сказать, что мнѣ слѣдуетъ быть осторожнымъ. какъ ближайшему сосѣду Пруссіи? Полно-те, любезный другъ! могу

вамъ сказать по секрету, что всѣ мѣры приняты, и если Пруссія запуститъ лапу, то вся Германія сразу возстанетъ противъ нея. Ну, а затѣмъ счастливо оставаться, баронъ! Выздоровливайте поскорѣе! Съ этими словами герцогъ простился и ушелъ.

XXXI.

Герцогъ, пріѣхавъ изъ Вѣны, совсѣмъ лишился сна. Его тревожила мысль, что, приказавъ посить офицерамъ австрійскія кени; онъ слишкомъ мало сдѣлалъ и недостаточно выразилъ Австріи благодарность за хорошій пріемъ.

За разговоръ свой съ барономъ герцогъ не сердился на старика, но зато тотчасъ же забылъ его благоразумные совѣты. Теперь его занималъ вопросъ: какъ бы ему устроить демонстрацію въ пользу Австріи? и онъ рѣшился назначить торжественный парадъ, хотя въ зимнее время, изъ экономіи, войска распускались, и изъ нихъ оставлялось только необходимое для карауловъ количество. Но воинственное настроеніе герцога было такъ сильно, что онъ забылъ обо всемъ этомъ, и въ одно раннее утро позвалъ къ себѣ генерала фонъ-Зандревскаго.

Генераль Зандревскій отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ желанію герцога, и обсудилъ съ нимъ всѣ мельчайшія подробности.

Городъ и офицеры были вѣрнее удивлены такой прихотью: парадъ зимою, когда все войско состоитъ только изъ нѣсколькихъ сотъ рекрутъ! Офицеры хохотали, начальство сердилось на предстоящія хлопоты и на неизбежный позоръ. Пришлось второпяхъ нанимать лошадей, и нанимать нѣсколько прежнихъ солдатъ, чтобы хотя мало-мальски придать войску воинственный характеръ.

Генераль Бодманъ тотчасъ же отпраповался больнымъ. Въ утро высокоторжественнаго дня, герцогъ сидѣлъ у себя въ спальнѣ, въ широкомъ халатѣ и въ бѣломъ шелковомъ колпакѣ. Передъ нимъ стоялъ его любимецъ Кюкопфъ, съ разложенными тутъ же инструментами.

Его высочество, какъ самый простой смертный, всю жизнь страдалъ мозолями, и никто не умѣлъ срѣзать ихъ такъ ловко и безъ

боли, какъ Жанъ Бюкопфъ. Голова и ноги вполнѣ отдавались въ вѣдѣніе искуснаго мастера, а вслѣдствіе этого парикмахеръ былъ такимъ важнымъ лицомъ въ спальнѣ герцога. Кромѣ того, онъ говорилъ на чистѣйшемъ вѣнскомъ нарѣчій, и потому ему прощались безцеремонность обращенія съ герцогомъ.

— Бюкопфъ! больно! крикнулъ герцогъ, скорчивъ гримасу.

— Ну, что за нѣжности, высококонькій! возразилъ рыжій маленькій Бюкопфъ, съ умными подвижными глазами, не трогаясь заботами герцога. Вотъ, когда начнется война, такъ и не такъ еще заносете... Это вѣрно.

Бюкопфъ взглянулъ на герцога, желая узнать, что тотъ ему отвѣтитъ.

— Когда начнется война, такъ мнѣ придется ѣздить, а не сидеть.

— Не все ли равно, тономъ проповѣдника отвѣчалъ Бюкопфъ и взялъ склянку съ укусной кислотой. — Вы, высококонькій, побѣдите праздновать стрѣльбою и шампанскимъ. Но еслибы вамъ пришлось помучиться такъ, какъ мучатся рядовые, такъ войны вы бы и начинать не стали.

При этихъ словахъ, онъ сталъ рѣшительно мазать кислотой мозолямъ.

— Ну, ты этого, Бюкопфъ, не понимаешь, началъ было герцогъ, но вдругъ замолчалъ и хотѣлъ вырвать ногу отъ мучителя. — Бюкопфъ... чортъ бы тебя побралъ... да вѣдь это жжетъ, точно огонь... пусти же... оселъ!

— Полноте, высочайшенькій... Если ужъ отъ такихъ пустяковъ горитъ, то какъ же горитъ, когда фельдшеръ отпиливаетъ палецъ ноги, флегматически отвѣчалъ парикмахеръ, не выпуская ноги и продолжая мазать.

— Бюкопфъ... мучитель! я... я прикажу тебѣ отрѣзать уши! кричалъ герцогъ, энергически отбиваясь.

— Я не мучитель, и уши отрѣзать вы мнѣ не можете, я вашъ подданный, а императорскій... Ну можно ли такъ кричать отъ такой незначительной боли!

— Ты настоящий живодеръ! со стономъ проговорилъ старикъ, и въ изнеможеніи опрокинулся назадъ въ кресло.

— Отправляясь на парадъ, высоконоскій, лукаво улыбаясь, отвѣчалъ Кюкопфъ, — надо же вамъ твердо стоять на ногахъ, чтобы казаться бравымъ.

— Оселъ! проворчалъ герцогъ.

— Параду радуется весь городъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? живо спросилъ герцогъ.

— Нечего и спрашивать. Ко дню рожденія высочайшенькаго не дѣлалось такихъ приготовленій!.. Въ цѣломъ городѣ сегодня не найдешь ни единого фіакра, и путешественники, приѣзжающіе по желѣзной дорогѣ, могутъ справляться, какъ имъ угодно: идти пѣшкомъ или сидѣть на станціи.

— Вотъ какъ! сказалъ герцогъ, съ гордой улыбкой глядя на парикмахера.

— Майоръ Кольманъ забралъ всѣхъ лошадей для артиллеріи.

— Какъ!? вскричалъ герцогъ, нахмутивъ брови.

— Всѣ лошади отправляются сегодня въ военную службу, отвѣчалъ Кюкопфъ, глядя прямо на герцога. Онѣ наняты по талеру за штуку.

— Чортъ тебя возьми!.. дуракъ! оселъ! Что ты взбѣситъ меня хочешь что-ли?

Неизвѣстно, забранился ли герцогъ за то, что парикмахеръ говорилъ, или за то, что онъ снова началъ мазать кисточкой.

— И ваше высочество увидите много, много знакомыхъ лицъ, которыя будутъ маршировать какъ разъ впереди, продолжалъ парикмахеръ, не переставая при этомъ мазать мозоль: — такъ какъ сегодня очутились рядовыми всѣ посыльные, извозчики и фонарщики... и многіе другіе, и всѣ они будутъ кричать: «Здравія желаемъ, ваше высочество... ура»!.. Ну, вотъ мы и готовы, заключилъ онъ, лукаво улыбаясь и собирая свои вещи, и, повидимому, не обращая вниманія на воркотню и неудовольствие герцога. — Теперь мнѣ надо еще покрасить генералу Зандревскому волосы, брови и усы, чтобы придать ему воинственный видъ. А когда

кончу, то самъ отправлюсь на большой парадъ и посмотрю все самъ лично. Имѣю честь вѣнчаться, высоконовѣй.

— Чортъ бы тебя побралъ... Живо деръ!

— Покорнѣйше благодарю... желаю веселиться!

Жавъ Кюкопфъ ствѣсилъ низкій поклонъ и, съ почтительной улыбкой, вышелъ въ дверь.

— Сегодня ужъ вы его слишкомъ допекали, сказалъ ему за дверью камергеръ.

— Такихъ высокопоставленныхъ господъ не мѣщаютъ немного осадить, это имъ ядрово, ствѣчалъ Кюкопфъ, быстро уходя.

Парадъ дѣйствительно состоялся, и на слѣдующій день въ придворной газетѣ появилась длинная статья, восхвалявшая бойрѣй видъ солдатъ и восхищавшаяся новыми кепи господъ офицеровъ. Въ прибавленіи было сказано, что «каждый рядовой получилъ по пяти, а каждый унтеръ-офицеръ по десяти грошей... церемоніальный маршъ былъ превосходенъ: чудная погода благопріятствовала всему». Когда парадъ окончился, герцогъ охотно далъ бы всѣмъ вдвое, только бы парада не было. Шестьсотъ человекъ, по большей части рекрутъ, произвели самое жалкое впечатлѣніе не только на него, но и на цѣлое населеніе. Не смотря на весь энтузіазмъ, не замѣтитъ этого онъ не могъ. Какъ парикмахеръ сказалъ ему, въ первомъ ряду онъ увидѣлъ массу знакомыхъ фізіономій и массу уличныхъ мальчишекъ въ публикѣ, такъ какъ порядочные люди на этотъ парадъ не пошли. Многіе изъ абонированныхъ на этотъ день волонтеровъ, получивъ впередъ деньги, напились до того, что едва волочили ноги. Герцогъ вернулся съ парада въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа, недовольный болѣе всего равнодушіемъ горожанъ и взбѣшенный на генерала Зандревскаго за то, что тотъ не отговорилъ его отъ назначенія парада.

При такой обстановкѣ начался военный совѣтъ, кончившійся такимъ же фіаско, какъ и парадъ. По высочайшему повелѣнію, генералъ Бодманъ, не смотря на сильную простуду, долженъ былъ присутствовать на немъ. Совѣтъ назначенъ былъ въ покояхъ герцогини.

На возвратномъ пути герцогъ Францъ слова не сказалъ съ своимъ первымъ любимцемъ; но тотъ зналъ своего государя, и

потому сидѣлъ, надувшись, и обдумывалъ, какую пользу могъ онъ извлечь изъ этого фіаско.

Въ комнатахъ герцогини генералъ Бодманъ сидѣлъ, обвязавъ платкомъ горло.

— Вы имѣете способность захварывать не во-время, сказалъ герцогъ, увидѣвъ его.

Генералъ фонъ-Бодманъ съ презрительной улыбкой посмотрѣлъ на герцога. Тотъ замѣтилъ это, покраснѣлъ и сказалъ нѣсколько весьма рѣзкихъ словъ.

Такимъ образомъ начался военный совѣтъ. Не успѣли члены его собраться, какъ началась настоящая ругань.

Герцогъ, раздраженный парадомъ, осыпалъ всѣхъ справедливыми и несправедливыми упреками, и когда генералъ хотѣлъ что-то возразить, то онъ крикнулъ самымъ грубымъ образомъ: молчать!

По мнѣнію герцога, даже музыка была отвратительна и походила на рожокъ свинопаса, прогонявшего свиней.

Такимъ сердитымъ герцога никогда еще никто не видывалъ. Когда же первая вспышка гнѣва прошла, то началось настоящее военное совѣщаніе. Герцогъ началъ говорить о безпкойныхъ временахъ, о своей побѣдѣ въ Вѣну и о кепи, которыя онъ привезъ. Чело его нѣсколько прояснилось и онъ началъ потирать руки, что всегда было у него хорошимъ признакомъ. Онъ началъ ораторствовать, что въ такія времена, какъ нынче, надо быть во всему готовымъ и силы свои содержать въ образцовомъ порядкѣ. По бумагѣ, привезенной имъ изъ Вѣны, онъ началъ предлагать всевозможные вопросы. Вопросы эти касались преимущественно положенія военныхъ силъ.

Тутъ оказалось, что изъ всѣхъ его офицеровъ генералъ Бодманъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ отвѣчать ему; другіе же, съ генераломъ Зандревскимъ во главѣ, выказали такое полное незнаніе, что зачастую не знали даже по названіямъ тѣхъ вещей, о которыхъ ихъ спрашивалъ герцогъ.

Существуютъ ли лазаретные... амбулаторные фургоны, и гдѣ они находятся?.. Его превосходительство генералъ Зандревскій понятія

объ этомъ не имѣлъ, и по обыкновенію, придавъ себѣ важности, свалилъ на другихъ.

— Это ваша спеціальность, майоръ, обратился онъ къ майору Больману.

— Прошу извиненія, эта отрасль находится въ вѣдѣніи военнаго департамента, ваше превосходительство, коротко отвѣчалъ майоръ.

Генералъ въ ярости провелъ рукой по усамъ, слѣдовательно это было въ вѣдѣніи его.

— Милостивый государь!.. Прошу васъ безъ увертокъ; онѣ не умѣстны, майоръ Кольманъ!.. Ваше высочество, четырехфунтовые батареи находятся у насъ въ цейхгаузѣ.

Вслѣдъ за этимъ, его превосходительство ловко свернулъ разговоръ на другой предметъ, а генералъ фонъ-Бодманъ приподнялся и громко сказалъ:

— Шестифунтовые, ваше высочество.

Превосходительный покраснѣлъ, какъ ракъ, и буквально задрожалъ отъ ярости.

— Четырехфунтовые, сударь, крикнулъ онъ, сверкая глазами.

— Ваше высочество, шестифунтовые, твердо и спокойно сказалъ генералъ герцогу, на челѣ котораго собиралась новая буря.

— Шестифунтовые, подтвердилъ майоръ Кольманъ.

Генералъ Бодманъ, видя приближеніе грозы, скорѣе постарался отратить ее. Взглянувъ на обличеннаго паразита, онъ началъ:

— Если ваше высочество позволите, то я представлю вамъ общую картину военныхъ силъ страны.

Сначала онъ говорилъ нѣсколько хриплымъ голосомъ, а затѣмъ все громче и громче, и представилъ истинно ужасную картину какъ герцогу, такъ и всѣмъ присутствующимъ. Вслѣдствіе излюбленной системы, въ странѣ не было никакихъ резервовъ; вслѣдствіе недостатка въ людяхъ и незначительности арміи, былъ недостатокъ въ свѣдущихъ офицерахъ; военныхъ же припасовъ или вовсе не было, а если же они и были, то никуда не годились. Слѣдствіе, можетъ быть, могло бы открыть, куда дѣвались суммы, выдаваемые за это государствомъ. Фургоны для патроновъ, напримѣръ, были сдѣ-

ланы еще для войны пятнадцатаго года и теперь, вѣроятно, сгнили и, конечно, куда не годны. Полевого лазарета вовсе не существуетъ, что бы тамъ его превосходительство ни говорило, точно также не существуетъ и понтоновъ и полевого телеграфа, а у знаменитыхъ шестифунтовыхъ пушекъ не достаетъ ни лафетовъ, ни другихъ принадлежностей.

Во время этой рѣчи герцогъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Вполнѣ увѣренный въ своихъ войскахъ, онъ хвастался въ Вѣнѣ... и жестокая рука сняла завѣсу съ его глазъ.

За этимъ разоблаченіемъ послѣдовала ужасная сцена: гдѣ же были суммы, выдаваемые на военные расходы, и зачѣмъ держали ихъ въ такомъ невѣдѣніи? Генераль Зандревскій чуть не задыхался отъ гнѣва. Онъ отвѣчать не могъ... а только бормоталъ что-то: — все это онъ уже такъ принялъ, суммы этихъ никогда не доставало, и ихъ употребляли на другія цѣли, на кепи... ливреи, тайную полицію и прессу...

Тутъ заговорилъ и герцогъ: то что сказалъ теперь генераль, было уловкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и истинной правдой; генераль деньги воровалъ, а самъ герцогъ отвлекалъ ихъ отъ нужныхъ цѣлей. Онъ приказалъ генералу молчать, какъ приказалъ молчать и всему собранію. Генераль же Бодманъ въ заключеніе сказалъ: нужны деньги, и много денегъ, чтобы все это приобрести; кромѣ того, невозможно дѣлать всѣ эти приготовленія втайнѣ, — и закончилъ такъ: «Вашему высочеству, въ рукахъ котораго находится судьба цѣлаго народа, слѣдуетъ, кромѣ того, тщательно обсудить, прежде чѣмъ чать готовиться, надо ли это дѣлать, и для чего дѣлать: — а того, чтобы дать возможность арміи одержать побѣду, а странѣ «впечатлѣть миръ».

Этотъ военный совѣтъ кончился только въ три часа. Генераль Зандревскій тотчасъ же бросился за помощью къ графинѣ, потому что чувствовалъ, что почва ускользаетъ у него изъ подъ ногъ. Сговоръ между ними былъ до такой степени горячъ, что содержаніе его не осталось тайною для прислуги, и потому Бессингъ тотъ же день узналъ все о знаменитомъ парадѣ и о тайномъ вѣтѣ, и подробно написалъ обо всемъ въ Берлинъ.

XXXII.

Всѣ эти тайно собираемыя свѣдѣнія очень не нравились посланнику, хотя среди массы сплетенъ къ нему нерѣдко доходили весьма интересныя извѣстія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ дочери герцога, ему было въ высшей степени тяжело отзываться дурно объ ея отцѣ и о дворѣ.

Окончивъ отчетъ въ Берлинъ, онъ открылъ потайной ящикъ у себя въ письменномъ столѣ и, вынувъ оттуда фотографическій портретъ, поставилъ его передъ собою на столѣ, такъ что свѣтъ отъ лампы падалъ прямо на него. Онъ долго, нѣжно смотрѣлъ на этотъ портретъ, а потомъ вынулъ изъ кармана письмо и сталъ читать его. Богъ знаетъ въ который разъ.

Все лицо его озарилось счастьемъ, глаза заблестали, а сердце билось отъ радости въ то время, какъ онъ читалъ слѣдующее:

«Рука Господа соединила насъ, и потому о будущемъ тревожиться тебѣ нечего, дорогой мой. Надѣйся, какъ надѣюсь я, что и впредь намъ поможетъ Господь. Ты не ошибся, взоръ твой и все въ тебѣ, съ перваго же взгляда, пробудили во мнѣ любовь. Мнѣ было горько, что всѣ тебя ненавидѣли. Я люблю тебя со всѣмъ пыломъ моей первой любви, дорогой мой Гуго! Безъ тебя міръ показался бы мнѣ пустымъ; я вѣрю твоимъ глазамъ; звукъ твоего голоса затрогиваетъ меня за живое, а мысли твои вызываютъ полнѣйшее сочувствіе всего моего существа. Я приписываю тебѣ все хорошее, высокое и благородное, и большаго счастья я себѣ и представить не могу, какъ счастье принадлежать тебѣ и быть твоей поборной женой! Если ты точно также сильно меня любишь, то Господь услышитъ наши общія молитвы, и все кончится благополучно».

Съ блаженствомъ, сіяющимъ во взорѣ, поцѣловалъ Бессингъ это письмо. Затѣмъ, простоявъ нѣсколько минутъ въ задумчивости, онъ посмотрѣлъ на часы и, взявъ шляпу, вышелъ. Въ концѣ письма было написано, чтобы около восьми часовъ онъ пришелъ въ паркъ, съ задней стороны дворца. Въ этотъ день не было спектакля и приема, поэтому, оставалась у себя въ покояхъ.

Какъ въ короткое время все переѣнилось! Нѣсколько недѣль тому назадъ, жизнь въ X. казалась ему невыносимой, а теперь онъ былъ бы совершенно несчастливъ, еслибы его перевели отсюда не только куда нибудь въ другое мѣсто, но даже въ его возлюбленный Берлинъ.

Онъ прошелъ черезъ дворцовую площадь, направо отъ которой стояло темное зданіе «Рыцарь». Въ окнахъ Валеріи видѣлся свѣтъ. Надъ дворцомъ же красовался мѣсяцъ и освѣщала ему путь къ возлюбленной. Посланика—пруссакъ страстно ждала прелестная принцесса. Какое странное стеченіе обстоятельствъ! Онъ прошелъ безлюдный паркъ, закутавшись въ плащъ, и остановился между деревьями, глядя на верхнія окна, какъ вдругъ почувствовалъ, что его охватили двѣ мягкія ручки, и среди горячихъ поцѣлуевъ онъ услышалъ свое имя.

Сначала онъ испугался, а потомъ въ блаженномъ восторгѣ завернулъ дѣвушку своимъ плащемъ и вошелъ въ тѣнь зданія.

— Откуда это ты? Какъ ты рѣшилась? пробормоталъ онъ.

— Я хотѣла тебя видѣть, хоть минуту побыть съ тобой. Я не могла болѣе утерпѣть, говорила она, страстно глядя на него.

Послѣ новыхъ поцѣлуевъ, объятій и новыхъ увѣреній въ любви, принцесса Гильда вырвалась и бросилась къ маленькой дверцѣ, ведущей прямо въ ея коридоръ.

— Теперь мнѣ пора, сказала она.

Свиданіе это продолжалось не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Точно въ бреду простоялъ герой нашъ на мѣстѣ; затѣмъ, увидавъ тѣнь своей возлюбленной въ окнѣ, отправился домой.

Проходя черезъ площадь, Бессингу пришло въ голову, что онъ можетъ зайти теперь къ Сеппи, такъ какъ ему надо было еще купить кое-что. Онъ не зналъ, какъ бы отнеслась къ его визиту Гильда, но онъ ненавидѣлъ неблагодарность, и никакъ не хотѣлъ быть самъ неблагодарнымъ. Путь въ магазинъ былъ такъ коротокъ, что Бессингъ не успѣлъ еще одуматься, какъ стоялъ уже передъ освѣщенными его окнами.

Когда онъ вошелъ, въ магазинѣ никого не было; но тѣмъ не менѣе, дойдя до середины, онъ услышалъ какой-то таинствен-

ный шопоть, и изъ-за перегородки вышла Сеппи. Увидавъ Бессинга, она обрадовалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и испугалась, а затѣмъ покраснѣла. Изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ, она бросила быстрый и смущенный взоръ на голубую перегородку.

— Господинъ фонъ-Бессингъ, пробормотала она, съ изумленіемъ глядя на него, — какое рѣдкое счастье!

— Здравствуйте, фрейленъ Жозефина, вѣжливо сказалъ Бессингъ, дружески пожимая руку дѣвушки, нерѣшительно ему протянутую. Я пришелъ сдѣлать кое-какія покупки и, вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы имѣть счастье видѣть васъ.

— Вы пришли нѣсколько поздно, съ упрекомъ проговорила Сеппи, снова быстро взглянувъ на перегородку.

Она была по обыкновенію въ черномъ обтянутомъ платьѣ, съ свѣжей розой у пояса. На прилавкѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, стоялъ прелестный букетъ, но Бессингъ его не замѣтилъ.

— Мнѣ надо выбрать подарокъ ко дню рожденія; къ сожалѣнію, я слишкомъ поздно узналъ, что мнѣ предстоитъ сдѣлать подарокъ, продолжалъ онъ, дружески глядя на Сеппи. — Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Я вполне довѣряю вашему вкусу, и потому прошу васъ помочь мнѣ выбрать его.

Сеппи то блѣднѣла, то краснѣла; затѣмъ совершенно обидѣлась и, стиснувъ зубы и скрестивъ на груди руки, отвѣчала:

— Запоздалый подарокъ—все равно, что послѣ ужина горчица, лучше ужъ ее не подавать.

Бессингъ, покупая подарокъ для невѣсты Саннова, конечно, не могъ знать, что Сеппи праздновала свое рожденіе; она же вообразила, что Бессингъ настолько безтактенъ, что хочетъ купить ей подарокъ изъ ея же товара. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и сказалъ:

— Ну, нѣтъ; лучше поздно, чѣмъ никогда. Подарокъ мнѣ надо купить невѣстѣ моего пріятели, и поэтому мнѣ хотѣлось бы купить что нибудь хорошее.

На этотъ разъ онъ опять немало удивился, отчего это Сеппи такъ вспыхнула? «Неужели изъ ревности?» подумалъ онъ.

— Вы на меня сердитесь, фрейленъ Жозефина? спросилъ наконецъ Бессингъ.

Дѣвушка въ одинъ мигъ остановила его, приложивъ палецъ къ губамъ, и глазами указавъ на перегородку.

— Я думаю, что имѣю на это нѣкоторое право, отвѣчала Сеппи, притворно надуваясь:—потому что сегодня день моего рожденія, а вы, господинъ тайный совѣтникъ, не пожелали мнѣ даже счастья.

На этотъ разъ смутился Бессингъ, такъ какъ онъ понялъ теперь, чѣмъ Сеппи обидѣлась.

Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Бессингъ, горячо пожимая ей руку; прошу меня извинить; но, право, я не зналъ! Еслибы я зналъ, то, конечно, не пришелъ бы такъ поздно, такъ какъ я человѣкъ понимающій благодарность. Но хотя и поздно, а я все-таки отъ души желаю вамъ счастья и отъ всего сердца поздравляю васъ!

Какой этотъ посланникъ былъ неловкій человѣкъ! Къ чему это онъ говорилъ Сеппи о благодарности, да еще къ тому же въ присутствіи фонъ-Ротвейля, сидѣвшаго за перегородкой и не проронившаго ни единого слова изъ того, что говорилось за прилавкомъ.

Конечно, знать этого онъ не могъ!

— Благодарю васъ, въ смущеніи проговорила дѣвушка.

Онъ купилъ массу бездѣлушекъ и просилъ все это завтра прислать ему.

Лишь только онъ вышелъ изъ магазина, какъ плацмайоръ взглянулъ изъ-за перегородки.

— Такъ вотъ какъ! Онъ за что-то благодаренъ? съ насмѣшкою проговорилъ онъ.

Сеппи обернулась и посмотрѣла Ротвейлю прямо въ глаза, затѣмъ повелительно указала на дверь и рѣзко проговорила:

— Сейчасъ же убирайтесь вонъ, господинъ фонъ-Ротвейль, а иначе я позову отца.

— Вотъ какъ!.. Дѣлать глазки и всякія гримаски пруссаку, отлично! отлично! продолжалъ онъ.

Не отвѣчая ни слова, Сеппи прошла прямо къ себѣ въ комнату, и не успѣла еще затворить за собою дверь, какъ Ротвейль

вышелъ изъ-за перегородки, посмотрѣлся въ зеркало и ушелъ изъ магазина. Когда Сеппи снова вернулась съ отцомъ, его уже не было.

Бессингъ, вернувшись домой и взглянувъ на счетъ, поданный ему въ магазинъ рыжей Сеппи, немало удивился, прочитавъ на немъ: «Противъ васъ опять замышляется что-то очень дурное... будьте осторожны.

Бессингъ встревожился и спряталъ счетъ въ столъ.

XXXIII.

Погода перемѣнилась; прудъ, блестявшій нѣсколько дней тому назадъ, какъ зеркало, своей ледяной поверхностью, покрылся водою, и вмѣсто бойкихъ, веселыхъ конькобѣжцевъ, на немъ сидѣли вороны и къ вечеру съ крикомъ поднимались на деревья. Съ сѣверо-запада неслись туманы и дожди, и возвѣщали о приближеніи весны. Политическое небо затуманилось и будущее представлялось въ тучахъ.

Темный горизонтъ радовалъ только людей нехорошихъ, старавшихся въ мутной водѣ ловить рыбу; такъ, напримѣръ, радовалась Феличита и ея сторонники. Къ ней каждый вечеръ собирались всѣ ненавидѣвшіе Пруссію и желавшіе войны съ нею.

При дворѣ же было тихо. Увѣренность герцога была поколеблена неожиданными разоблаченіями на военномъ совѣтѣ. Генералъ Бодманъ получилъ приказъ представить записку, что и было сдѣлано. Изъ вывода записки ясно слѣдовало, что герцогство было лишено всякихъ военныхъ средствъ и что только на самыя крайнія необходимости потребуется полмилліона талеровъ и много времени.

Денегъ!.. откуда же взять денегъ?

Генералъ Бодманъ далъ совѣтъ обратиться въ Вѣну за займомъ. Но такой совѣтъ можно было назвать насмѣшкой. Обратиться за займомъ въ страну, гдѣ въ бюджетѣ ежегодно оказывается дефицитъ и гдѣ сами готовились къ войнѣ! Герцогъ былъ въ отвратительномъ расположеніи духа въ послѣднее время: какъ онъ ни

былъ доверчивъ и слѣпъ, но все-таки не могъ же на все закрывать глаза: любимецъ его былъ полнѣйшимъ невѣждой и поворнѣйшимъ образомъ обкрадывалъ и казну, и его; это было несомнѣнно. Онъ готовъ былъ отдать его подъ военный судъ, но боялся, чтобы на судѣ не разоблачились разныя весьма непріятныя вещи.

Въ палатѣ и безъ того пронюхали объ этой исторіи, и ему пришлось прибѣгнуть къ своему авторитету, чтобы заставить молчать злые языки. Въ сущности онъ не читалъ рѣчей, которыя тамъ произносились, а ему передавали ихъ вкратцѣ. Въ руки ему попадалась только придворная газета—такъ какъ его не желали напрасно волновать.

Вмѣсто того, чтобы отставить генерала, онъ надулся на него, но онъ такъ привыкъ къ его присутствію, что огорчился тѣмъ, что генераль тоже дулся на него. Онъ такъ страстно желалъ быть любимымъ.

Въ первую минуту, конечно, онъ чуть было совершенно не сорвался съ нимъ, но графиня подоспѣла во-время и успокоила герцога.

Страхъ передъ тѣмъ, что скажетъ Австрія, и передъ общественнымъ мнѣніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ угрызенія совѣсти, что доходы страны употреблялись на другія цѣли, спасли генерала. Слѣдствіе по другимъ дѣламъ, начатое генераломъ Бодманомъ, разоблачило удивительныя вещи. Оберштадтмейстеръ во всемъ былъ страшно скомпрометированъ; и не смотря на сотни тысячъ, проходившія ежегодно черезъ его руки, у герцога не было даже своихъ порядочныхъ лошадей и ему приходилось брать почтовыхъ.

Многіе люди положительно не любятъ видѣть правды, потому что она имъ не пріятна; къ такимъ людямъ принадлежалъ и герцогъ Францъ. Послѣ того, что онъ накричалъ на виновныхъ, грозилъ ихъ посадить въ крѣпость и такъ далѣе, — онъ же замилъ это дѣло.

Мысль о займѣ не давала покоя бѣдному герцогу, и ему наконецъ удалось достать денегъ у банкировъ, но объ этомъ займѣ не подозрѣвали ни герцогство, ни палаты, а зналъ только

гофратъ Фоглеръ, который и поспѣшилъ передать объ этомъ прусскому посланнику.—Такимъ образомъ работы могли начаться.

Всѣ рабочіе были заняты, и всякій могъ видѣть, что тутъ готовятся къ войнѣ, такъ какъ на дворахъ и на площадяхъ стояли лафеты, только что выкрашенные зеленой краской, и лежали колеса.

Положеніе становилось все серьезнѣе и серьезнѣе, тѣмъ болѣе, что въ Берлинѣ былъ созванъ военный совѣтъ и въ военныхъ кружкахъ говорилось о возможности разрыва съ Австріей.

На масляницѣ вернулся вдругъ изъ Италіи принцъ Александръ. Онъ пріѣхалъ въ городъ, явился къ герцогу и затѣмъ его омытъ не стало видно, такъ какъ онъ поселился въ Шенау. Почему онъ не хотѣлъ жить съ женою и дѣтьми? Злые языки говорили, что жена его избилла щипцами, потому онъ и не хотѣлъ жить съ семьей. «Страстное желаніе видѣть жену заставило его пріѣхать въ городъ», подшучивала графиня Вольфскеленъ.

Въ сущности это было дѣйствительно такъ: графиня угадала. Этотъ человѣкъ по своему любилъ свою жену, и не могъ быть безъ нея. Тщетно старался онъ подчинить ее себѣ, но съ перваго же дня брака замѣтилъ, что его юная прелестная жена не любила и не боялась его. Это-то сознаніе и заставило его сдѣлаться тираномъ. До сихъ поръ она, по крайней мѣрѣ, подчинялась ему, но теперь вдругъ подняла голову и уничтожила его. Онъ уѣхалъ и получалъ разъ въ недѣлю письма, въ которыхъ даже не освѣдомлялись о его здоровьѣ. Такихъ отношеній принцъ выдержать не могъ и вернулся. Она не испугалась, когда онъ вдругъ явился къ ней, а только встала, выпрямилась во всю ростъ и гордо откинула назадъ голову.

— Ваше высочество? холодно проговорила она, взглянувъ на него.

Кровь у него закипѣла, губы задрожали... принцесса Геаргетта осталась прежней; его отсутствіе, очевидно, не произвело на ней ни малѣйшаго впечатлѣнія, она стала только свѣжѣе и гораздо красивѣе.

— Такъ вотъ какъ?... вотъ какъ вы встрѣчаете меня? проворилъ онъ, едва сдерживая гнѣвъ свой.

— Ваше возвращеніе удивляетъ меня, отвѣчала она:—Графиня Дингельшtedтъ, приведите принца и принцессу.

Принцъ Александръ знакомъ удержалъ ее.

— Я прѣхалъ, чтобы повидаться съ вами, чтобы спросить у васъ, не имѣете ли вы что либо сказать мнѣ? проговорилъ принцъ, чувствуя присутствіемъ графини.

— Ничего, ваше высочество, кромѣ того, что я надѣюсь, что оровье ваше поправилось отъ теплаго климата?

Все лицо принца исказилось злобой. Принцесса со страхомъ мала, что онъ выйдетъ изъ себя, но онъ только махнулъ рукой и вышелъ. Послѣ его ухода, къ принцессѣ явился его адъютантъ съ просьбой никому не рассказывать о посѣщеніи принца. Съ тѣхъ поръ принцесса не видала болѣе своего мужа.

Принцъ Александръ возвратился? Какъ извѣстіе это поразило фмаршалшу фонъ-Боденштейнъ!.. Съ души этой честолюбивой женщины точно камень свалился! Его отношенія къ ней и къ чери были, конечно, очень странны; онѣ были брошены, и принцъ халъ, не простившись даже съ ними; когда же наконецъ гофмаршалша рѣшилась написать ему, то письмо ея самымъ униженнымъ образомъ осталось безъ отвѣта. Теперь онъ вернулся, вдовательно что нибудь должно рѣшиться. Отношенія супруговъ ли невыносимы, и потому она ждала развода и утѣшала себя тѣмъ, что принцъ Александръ изъ деликатности не желалъ комметировать ея дочери, а потому не простился и не писалъ. жду матерью и дочерью въ первый разъ произошелъ открытый споръ. Въ крупномъ разговорѣ, весьма тягостномъ для той и другой стороны, упоминалось имя Бессинга.

Съ тѣхъ поръ, между Валеріей и гофмаршалшей шла внутренняя борьба, и онѣ находились въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ, но тщетно ждали появленія принца.

Посланникъ и баронъ Гримменштейнъ тоже не являлись къ нимъ. Почему у нихъ не бывалъ посланникъ, Валерія подозрѣвала, старикъ былъ боленъ подагрой.

Вслѣдъ за возвращеніемъ принца, въ горахъ начались беспорядки, немало встревожившіе герцога.

У принца Александра было тамъ нѣсколько стеклянныхъ заводовъ. Мѣстность была бѣдная и суровая; давно уже положеніе рабочихъ было тамъ тяжелое, а въ этомъ году оно сдѣлалось невыносимымъ, потому что задѣльная плата оставалась все прежняя, а жизненные припасы вздорожали; всѣ просьбы о прибавкѣ до сихъ поръ оставались тщетными, и даже вмѣшательство палаты ни къ чему не привело.

Рабочихъ успокоивали надеждою на возвращеніе принца, и они терпѣливо ждали его, но вмѣсто ожидаемаго улучшенія ихъ положенія, на заводахъ было получено распоряженіе расчислать и выгнать зачинщиковъ, вслѣдствіе чего вспыхнуло возстаніе.

Рабочіе напали на чиновниковъ и начали даже разрушать заводы. Возстаніе это было, впрочемъ, самаго невиннаго свойства, такъ какъ одной женщиной, женой рабочаго, удалось уговорить волнующихся, посоветовавъ имъ послать кого нибудь къ герцогу. Рабочіе успокоились и послали депутацію къ герцогу, чтобы она подала ему просьбу. Но депутацію герцогъ не принялъ, а послалъ сказать «мятежникамъ», чтобы они принимались за работу и ждали заслуженнаго наказанія, вообще же, чтобы они обращались съ своими просьбами къ своему хозяину, принцу Александру.

Вслѣдствіе этого, несчастная депутація направилась къ принцу, за пять миль. Принцъ Александръ накричалъ на пришедшихъ и сказалъ, что всѣ убытки вычтетъ съ нихъ. Въ горѣ и злобѣ вернулись рабочіе домой и открыто возстали, грозя увлечь за собою всю недовольную страну. Рабочіе обратились съ письмомъ къ прусскому королю, и письмо это было напечатано въ газетахъ.

Это было двѣнадцатаго марта. Бессингъ сидѣлъ у окошка и читалъ газеты, какъ вдругъ услышалъ барабанный бой и увидалъ проходившую мимо роту солдатъ, одѣтую по походному. За ротою бѣжала цѣлая толпа любопытныхъ.

Не дѣлая никакихъ предположеній. Бессингъ подошелъ къ письменному столу и заперъ бумаги, затѣмъ сталъ одѣваться. Вечеромъ онъ намѣревался отправиться въ театръ, на «Лоэнгринъ», сво-

любимую оперу. Въ театрѣ онъ уже давно не былъ, потому что получилъ отъ Сеппи записочку, въ которой та предостерегала его. Бессингъ отправился къ парикмахеру, но ничего не могъ добиться отъ дѣвушки. Она отвѣчала ему только, чтобы онъ не слишкомъ высоко поднималъ взоры, хотя бы во время спектакля. Не смотря на испугъ, онъ все-таки отвѣчалъ ей, что если онъ и высоко поднимаетъ взоры, то только для того, чтобы глядѣть на нее, и надѣется, что этимъ онъ ея не компрометируетъ.

Она отвѣчала ему, какъ-то странно улыбаясь: что, конечно, онъ ее очень хорошо понимаетъ.

Разумѣется, въ такомъ маленькомъ городишкѣ ничто не могло остаться тайной, и онъ, въ наказаніе себѣ за неумѣнье скрывать свои чувства, въ продолженіе нѣсколькихъ дней не ходилъ въ театръ. Въ паркъ онъ тоже пересталъ ходить, и только проходилъ по вечерамъ мимо дворца, чтобы взглянуть на окна милой.

Въ то время, какъ, онъ одѣвался, къ нему вошелъ его лакей и съ испугомъ спросилъ:

— Слышали вы, господинъ тайный совѣтникъ?

Бессингъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что слышалъ ли? спросилъ онъ.

— О несчастіи? отвѣчалъ Фридрихъ, подходя къ нему и понижая голосъ:—вѣдь въ народъ... стрѣляли!

Бессингъ тотчасъ же вспомнилъ о солдатахъ, шедшихъ подъ предводительствомъ плац-майора фонъ-Ротвейля. Солдаты были въ грязи и пыли.

— Говорите, Фридрихъ... что случилось? быстро и съ удивленіемъ, спросилъ посланникъ.

— Солдаты стрѣляли въ рабочихъ на стеклянныхъ заводахъ, въ волненіи продолжалъ Фридрихъ:—двое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ. Между ранеными есть и женщина.

— Откуда вы это знаете? спросилъ Бессингъ.

— Одинъ изъ солдатъ, бывшихъ тамъ, только что рассказывалъ это вниву кучеру.

Бессингъ быстро одѣлся и взялъ шляпу.

— Капитанъ велѣлъ стрѣлять, потому что рабочіе не расходились. Многіе, конечно, палили на воздухъ...

— Какой капитанъ?

— Капитанъ фонъ-Ротвейль.

Бессингъ остановился отъ изумленія; при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ врядъ ли онъ могъ надѣяться увидать сегодня въ театрѣ Гильду.

— Все это приказано еще хранить втайнѣ, продолжалъ словоохотливый Фридрихъ:—и хотя телеграфъ и почтовая контора заняты солдатами, но слухъ все-таки уже разнесся повсюду... При этомъ, какъ говорятъ, были будто бы и прусскіе агенты, и одного поймали на дѣлѣ.

Не отвѣчая ни слова, посланникъ вышелъ. Связка съ прусскими агентами, конечно, была выдумана злонамѣренными людьми. Волненіе произвели не агенты, а голодъ и дурное обращеніе... и если это печальное событіе хотѣли хранить втайнѣ, то очень можетъ быть, что дворъ нарочно будетъ въ театрѣ. Съ этой надеждой онъ вышелъ со двора.

На улицѣ, не смотря на темноту, замѣтно было сильное волненіе; гдѣ въ такое время дня обыкновенно бывало пусто, теперь стояли люди и разговаривали, махая руками. Изъ словъ, долетавшихъ до Бессинга, онъ заключилъ, что всё толкуютъ о несчастномъ событіи этого дня.

Въ театрѣ это волненіе было еще замѣтнѣе: на лѣстницѣ стояла мрачная публика и всюду слышался шопотъ, точно жужжаніе пчелъ. Въ партерѣ и въ ложахъ верхнихъ ярусовъ, не переставая, шелъ говоръ.

Не смотря на такое волненіе, дворъ уже сидѣлъ въ своихъ ложахъ. Бессингъ, войдя въ ложу, тотчасъ же увидѣлъ свою милую, и на этотъ разъ пожалѣлъ, что она тутъ.

Взоры всей публики были обращены на придворную ложу. Рядомъ съ гордо сидѣвшей герцогиней, сидѣла, безсовѣстно декольтированная, графиня Вольфскеленъ и разговаривала съ стоявшимъ сзади нея господиномъ фонъ-Гесницемъ. Что ей было за дѣло до другихъ! Нѣсколько поодаль, сидѣла съ сіяющимъ лицомъ принцесса

Агнеса. Бессингъ не могъ не замѣтить ея тревожной радости, что замѣтили и другіе... Возлюбленный ея вернулся невредимымъ и увѣнчаннымъ славой... чего же могло не доставать для счастья глупой влюбленной дѣвушки!

У самого барьера сидѣла блѣдная и убитая Гильда; замѣтивъ Бессинга, она вся вспыхнула, и затѣмъ тотчасъ же опять опустила глаза. Она сердилась на Бессинга за то, что онъ столько дней не показывался въ театрѣ.

Герцогъ не могъ видѣть Бессинга, но изъ воровъ публики заключилъ, что онъ тутъ. вмѣсто Бессинга, зато онъ увидалъ Валерію. Сени тоже была въ театрѣ и сидѣла наверху, въ ложѣ. Глаза у нея были нѣсколько красны, точно она плакала.

Бессингъ вышелъ впередъ, поклонился герцогской фамиліи, и затѣмъ снова сѣлъ сзади. Онъ очень хорошо замѣтилъ насмѣшливую улыбку графини. Говоръ и шумъ въ театрѣ не превращались и во время спектакля, вслѣдствіе чего герцогиня нѣсколько разъ обмѣнивалась взглядами съ графиней.

Влюбленный дипломатъ сидѣлъ и глазъ не спускалъ съ своей милой дѣвушки. Какъ хотѣлось ему сказать ей ласковое слово, сдѣлать какой нибудь знакъ!

Дворъ не могъ не замѣтить, что слухъ о печальномъ событіи проникъ въ публику. Многіе выходили изъ партера и изъ ложъ, безцеремонно хлопая за собою дверьми.

Такъ прошелъ первый актъ и первый антрактъ. Посреди втораго акта отворилась дверь большой придворной ложи, почти пустой, и къ самой эстрадѣ подошелъ побѣдитель рабочихъ, капитанъ фонъ-Ротвейль. Онъ былъ въ блестящемъ мундирѣ, припомаженный, нафабранный, съ каской подъ мышкой, точно онъ явился съ бала, точно ничего не случилось и кровь не была пролита. Лишь только подошелъ онъ къ барьеру и публика замѣтила его, какъ по всему партеру пронесся свистъ, и всѣ въ театрѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.

Свистъ этотъ точно послужилъ сигналомъ къ полнѣйшему безпорядку; по всему театру раздались крики и публика злобно поднимала кулаки.

— Ротвейль!.. убійца!.. живодерь!.. слышалось по всему театру.

Музыка замолкла, актеры нерѣшительно остановились на сценѣ... занавѣсъ упалъ.

Множество перепуганныхъ лицъ выбѣжали изъ театра, дамы растерялись и убѣгали. Но дворъ остался на мѣстѣ.

Плацмайоръ, противъ котораго была направлена эта демонстрація, побѣднѣлъ и стоялъ въ недоумѣніи, не зная, что ему дѣлать; затѣмъ покрутилъ усы, точно хотѣлъ вступить въ борьбу, и посмотрѣлъ на герцогскую ложу. Но вслѣдъ затѣмъ, онъ быстро отступилъ и исчезъ... онъ ушелъ изъ театра. Герцогъ только что осыпалъ его похвалами, генералъ похлопалъ по плечу... и онъ никакъ не ожидалъ такого приѣма отъ публики. Какъ потомъ оказалось, онъ, по знаку герцога, скрылся въ частной квартирѣ одного изъ театральнхъ чиновниковъ, и только поздно ночью пробрался во дворецъ, переодѣвшись въ статское платье. Эту ночь онъ ночевалъ не у себя въ квартирѣ, а въ своей канцеляріи.

Во время демонстраціи, какъ обыкновенно бываетъ, явились сторонники двора, и начали тоже кричать, вслѣдствіе чего гамъ произошелъ страшнѣйшій.

Какой-то долговязый паренъ наверху, въ райкѣ, кричалъ болѣе всѣхъ и задавалъ тонъ.

— Вонъ этого Ротвейля!.. вонъ живодера! кричалъ онъ, стоя на скамейкѣ и махая руками, какъ изступленный.

— Вольфскеленъ долой, раздавалось ему въ отвѣтъ, — Барденштейна долой! губителей долой!

Графиню и Барденштейна народъ терпѣть не могъ. Графиня побѣднѣла, услыжавъ свою фамилію, затѣмъ глаза ея заметали искры, а толстыя губы сжались. Еслибы была возможность, она дерзко подошла бы къ барьеру ложи, и жестами и словами выразила бы публикѣ свое презрѣніе, теперь же все это она могла выразать только глазами. Оберштадтмейстеръ же началъ дрожать и отошелъ назадъ; онъ перетрусилъ.

Въ ту минуту, какъ въ герцогской ложѣ принцесса Агнеса упала въ обморокъ, въ залу вошла полиція для возстановленія

порядка. Это на время еще болѣе усилило гвалтъ, крики стали энергичнѣе и только, когда въ залъ вошло еще двадцать человѣкъ солдатъ и произведено было нѣсколько арестовъ, наступило спокойствіе. Долговязый парень былъ арестованъ однимъ изъ первыхъ.

Смертельно перепуганный герцогъ, съ самаго начала демонстраціи, удалился въ комнату за ложей, какъ удалились и дамы. Тамъ всѣ старались привести въ чувство принцессу Агнесу, которая лежала, какъ мертвая. Страхъ за Ротвейля лишилъ ее чувствъ.

При первомъ же свисткѣ, и Бессингъ вскочилъ съ своего мѣста; съ минуту онъ простоялъ у барьера ложи и смотрѣлъ на волнующуюся толпу, затѣмъ, обмѣнявшись быстрымъ взглядомъ съ Гильдой, онъ направился въ ложу герцогини. Мимо него пробѣжалъ плацмайоръ, шагая черезъ двѣ ступени.

Графъ Зальцка, только что пріѣхавшій въ театръ, маркизъ (онъ же и графъ) Балабрегъ, бельгійскій посланникъ и еще нѣсколько мужчинъ тоже шли въ герцогскую ложу, и заняли, на всякій случай, мѣста у входа. Только графъ Зальцка вошелъ, чтобы успокоить дамъ. Вслѣдъ за ними, туда пришло еще нѣсколько офицеровъ и придворныхъ. Герцогиня, тронутая такой вѣрностью, вышла на минуту къ дверямъ и высказала свою благодарность. Она была болѣе огорчена, чѣмъ встревожена.

Только когда театръ совершенно опустѣлъ по распоряженію полиціи, и принцесса Агнеса пришла въ себя, дворъ отправился домой.

Бессингъ, направляясь тоже домой, замѣтилъ въ швейцарской закутанную даму. Посмотрѣвъ на нее попристальнѣе, онъ тотчасъ же узналъ Валерію и поспѣшилъ предложить ей свои услуги. Лакея ея тутъ не оказалось, а послѣ такой демонстраціи она не рѣшалась пойти одна по улицѣ. Онъ предложилъ ей руку и довелъ ее до дому.

По возвращеніи домой, посланника ожидала очень непріятная вещь: когда онъ хотѣлъ открыть столъ, то замокъ оказался испорченнымъ. Онъ сталъ звать лакея, но не могъ дозваться. Его не было дома, онъ уходилъ куда-то въ гости или на улицу. Въ чест-

ности своего лакея Бессингъ не сомнѣвался. Призванный слесарь заявилъ, что замокъ отворяли отмычкой, и отворяли неумѣло.

Бумаги свои Бессингъ нашелъ въ полнѣйшемъ порядкѣ и очень былъ доволенъ, что частныя его письма и портретъ принцессы спрятаны у него въ потайномъ ящикѣ, который трудно было открыть. Очевидно, что, во время отсутствія лакея, у него кто-то былъ. Но кто?

Бессингъ, въ страшномъ волненіи, отправился въ дворцовый паркъ, но тамъ не видѣлъ даже тѣни своей возлюбленной. Въ окнахъ нигдѣ не было видно огня.

Бумаги, лежавшія у Бессинга въ столѣ, къ счастью, были все неважныя, и потому онъ былъ совершенно покоенъ. Всѣ же важныя документы онъ имѣлъ обыкновеніе запирать въ канцеляріи въ желѣзный шкафъ. Очевидно, что, роясь у него въ бумагахъ, желали узнать: писалъ ли онъ о безпорядкахъ на заводахъ и о способѣ усмиренія ихъ.

XXXIV.

Театральная демонстрація не осталась безъ послѣдствій. Народъ собрался на улицахъ, перебилъ окна у графини, плацмайора и шталмейстера, задалъ имъ кошачьи концерты и разошелся только послѣ нѣсколькихъ арестовъ.

Газеты много говорили объ этихъ событіяхъ. Придворная газета ратовала о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ на заводахъ, какъ о необходимыхъ мѣрахъ, вызванныхъ обстоятельствами. Говорила, что принцъ только что хотѣлъ исполнить желаніе рабочихъ, а тѣ своимъ необдуманномъ поведеніемъ помѣшали ему. Принцъ пожертвовалъ въ пользу вдовъ и раненыхъ двѣсти пятьдесятъ талеровъ.

Независимыя газеты выражались совершенно иначе: каждый выстрѣлъ называли они ненужной жестокостью, походившей скорѣе на месть, чѣмъ на справедливость или необходимость. Кроме того, залпъ былъ произведенъ такъ скоро послѣ приглашенія разойтись, что многіе, желавшіе уйти, не успѣли и опомниться. Преступники, конечно, за это злодѣйство отвѣтять передъ Богомъ.

Чѣмъ болѣе узнавалось подробностей, тѣмъ болѣе волновался народъ, и въ палатѣ говорились рѣчи далеко не лестныя для двора. Почти отовсюду высказывалось требованіе отдать капитана фонъ-Ротвейля подъ военный судъ.

Герцогъ былъ страшно не въ духѣ, Ротвейль боялся показываться на свѣтъ Божій, а Феличита бѣсновалась и требовала того, что она называла справедливостью. Вся полиція была на ногахъ и патруль постоянно ходилъ по городу. Говорили, что герцогиня совершенно спокойна, а принцесса Агнеса больна. ослѣдствіемъ волненія на заводѣ было то, что принцъ Александръ, подъ видомъ желанія разобратъ, на основаніи актовъ, требованія рабочихъ, а въ сущности изъ боязни быть убитымъ въ Шенау, вернулся въ городъ, и на слѣдующій вечеръ явился въ театрѣ съ своей, сильно поблѣднѣвшей, супругой. Онъ былъ встрѣченъ гробовымъ молчаніемъ.

Герцогъ отдалъ распоряженіе, чтобы всѣ бывали въ театрѣ, для того, чтобы не выказать своего страха. Въ душѣ же добрый старикъ былъ глубоко огорченъ; онъ сѣтовалъ на несчастныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ государь можетъ невольнo возбудить неудовольствіе народа, и выдалъ значительную сумму въ пользу пострадавшихъ рабочихъ.

Бессингъ отправился по утру къ барону Гримменштейну, и встрѣтилъ тамъ графа Зальцка, по обыкновенію, прямо высказавшаго свое негодованіе насчетъ заводскихъ событій. Старый рейнвейнгъ, поданный у барона, еще болѣе разгорячилъ головы. Оттуда оба посланника отправились обѣдать.

— Милѣйшій другъ, говорилъ дорогою графъ:—право, я боюсь, что намъ грозитъ разрывъ. Богъ знаетъ, что изъ этого произойдетъ.

— Къ сожалѣнію, кажется, что такъ! вздохнувъ, отвѣчалъ Бессингъ.

— Я очень полюбилъ васъ, продолжалъ Зальцка:—общайте мнѣ, что мы останемся друзьями, что бы тамъ ни случилось.

— Даю вамъ слово, вотъ вамъ рука моя, живо сказалъ Бессингъ.—Если политика и поведетъ насъ въ разныя стороны, то

сердце мое все-таки будет стремиться къ вамъ, потому что я васъ люблю и уважаю.

Они взглянули другъ на друга и вѣско пожали другъ другу руки.

Зальца снова тихо, но съ волненіемъ началъ говорить о заводскихъ событіяхъ. Онъ особенно негодовалъ на принца Александра, на Ротвейля и на графиню, которую, не стѣняясь, обзывалъ разными неестными эпитетами.

Къ обѣду они немного опоздали, и застали уже другихъ за вторымъ кушаньемъ. Войдя, графъ Зальца невольно нахмурился, увидавъ Барденштейна. Разговоръ австрійца, разгоряченнаго рейнвейномъ, безпрестанно выводилъ изъ себя оберштадмейстера, но онъ продолжалъ себя и молчалъ; когда же Зальца началъ подшучивать надъ тѣмъ, съ какою быстротою попрятались нѣкоторые господа, и когда бельгійскій посланникъ, не подозрѣвая или забывая, что случилось съ Барденштейномъ, прибавилъ: «какъ должно быть непріятно, когда въ окошкѣ видаютъ каменьями», то буря разразилась.

— Будь я на мѣстѣ герцога, я зналъ бы, что дѣлать, злобно вскричалъ оберштадмейстеръ, ударивъ по столу кулакомъ.

— А что же вы сдѣлали? лукаво спросилъ графъ.

— Я повѣсилъ бы негодяевъ!

— Ну, зачѣмъ же такъ жестоко, милѣйшій другъ, съ улыбкой возразилъ Зальца, съ упрекомъ глядя на оберштадмейстера:—Повѣсите?.. А знаете ли вы, что я вамъ скажу? Какъ ни жестоко наказывайте, а самые-то главные негодяи всегда сухими выйдутъ изъ воды.

Барденштейнъ не сразу понялъ намекъ, но когда раскусилъ его, то вдругъ поблѣднѣлъ, и готовъ былъ уже вскочить съ своего мѣста; но Бессингъ, отбросивъ въ сторону свою привычную осторожность, вмѣшался въ разговоръ.

— Дѣйствительно, мнѣ кажется, что эти люди вовсе не желали производить революцію, а просто хотѣли только жить, и въ такомъ случаѣ наказаніе было бы, по меньшей мѣрѣ, несправедливо, сказалъ онъ совершенно спокойно.

Онъ смотрѣлъ, говоря это, на графа; а затѣмъ взглянулъ на оберштадтмейстера, отъ злости кусавшаго свои усы. Страхъ передъ графомъ Зальцка заставлялъ Барденштейна молчать, но когда ему стало уже не въ моготу, то онъ всталъ и проговорилъ:

— Если здѣсь критикуютъ распоряженія моего государя, то я, къ сожалѣнiю своему, принужденъ оставить это мѣсто.

Вслѣдъ за этимъ, поднялся слегка покраснѣвшій Балабрегъ.

— Поступайте, какъ вамъ угодно, но позвольте мнѣ констатировать фактъ, что если здѣсь зашла рѣчь о политикѣ, и было высказано порицанiе—совершенно противъ нашей воли—то все это начали вы, а никакъ не мы.

Барденштейнъ въ смущенiи пробормоталъ какое-то извиненiе, что онъ не желалъ говорить ничего подобнаго, и выбѣжалъ вонъ.

— Теперь онъ пойдетъ жаловаться на меня графинѣ Вольфскеленъ, сказалъ Зальцка; затѣмъ онъ сердито махнулъ рукой и продолжалъ:—Извините меня, господа, я немного увлекся, но кто можетъ за себя ручаться?

— Еслибы вы только знали! обратился онъ потомъ, къ Бессингу, какъ бы продолжая разговоръ.

— Я знаю, отвѣчалъ Бессингъ.

— Конечно, не все!..

— Нѣтъ все!

— Ну, въ такомъ случаѣ вы меня извиняете и оправдываете. Если когда нибудь будетъ судъ... то онъ не долженъ щадить эту голову.

— А такія-то головы и умѣютъ вывертываться, пожимая плечами, отвѣчалъ Бессингъ.

Вернувшись домой, онъ нашелъ тамъ письмо незнакомаго почерка. Пробѣжавъ его, онъ покраснѣлъ и лицо его озарилось радостью; письмо было отъ Гильды, которая, изъ предосторожности, измѣнила почеркъ и написала на простой бумагѣ. Это была маленькая записочка, въ нѣсколько фразъ: сначала упреки, что его совсѣмъ не видно, а затѣмъ и просьба, чтобы въ десять часовъ онъ ждалъ ее у маленькаго крыльца, что ей необходимо съ нимъ поговорить. Какъ ни страстно желалъ Бессингъ видѣть ми-

люю и прижать ее къ своему сердцу, но онъ чувствовалъ очень хорошо, что не долженъ уступать влеченію своей любви. Онъ упрекалъ себя и долго колебался, совершенно забывая, что въ этомъ дѣлѣ онъ не одинъ, и что другая сторона имѣеть также право, какъ и онъ, на рѣшеніе вопроса. Наконецъ онъ рѣшилъ все-таки идти на свиданіе, поговорить съ Гильдой, и принять ее разъ навсегда отказаться отъ свиданій въ паркѣ.

Въ ожиданіи вечера ему не сидѣлось болѣе дома, и потому онъ приказалъ запретъ лошадей и поѣхалъ кататься за городъ. За городомъ онъ вышелъ прогуляться и встрѣтился съ невѣсткой Саннова и его родителями. Онъ любезно подошелъ къ дамкам, но былъ встрѣченъ не только холодно, но даже невѣжливо.

— Можетъ быть, я невольно чѣмъ нибудь задѣлъ ваши дамы? спросилъ Бессингъ у камеррата, отца невѣсты.

Старикъ сконфузился.

— Не обращайтесь на это вниманія, отвѣчалъ онъ: — эти водскія происшествія совершенно сбили ихъ съ толку; онѣ самыя не знаютъ, что дѣлають. Онѣ вѣдь были въ театрѣ во время демонстраціи.

— Да я то какое имѣю къ ней отношеніе? съ удивленіемъ спросилъ Бессингъ.

— Извините, все болѣе и болѣе конфузаясь, отвѣчалъ камерратъ: — но вы, вѣроятно, знаете же, что говорятъ въ городѣ? Кромѣ того, всѣмъ уже извѣстно, что вы провожали домой въ руку фрейленъ фонъ-Боденштейнъ...

Онъ въ смущеніи не смѣлъ взглянуть на Бессинга.

— Могу васъ увѣрить, продолжалъ старикъ; — что я не рѣдѣлаю этихъ взглядовъ... что я только не спорю съ бабьемъ и молчу... что же тутъ подѣлаешь?..

Бессингъ не зналъ, сердиться ли ему, или смѣяться.

— Вотъ что я вамъ скажу, сказалъ онъ, помолчавъ нѣсколько: — зять вашъ совершенно правъ, говоря, что въ Х. надо жить умѣючи. Я, должно быть, не умѣю. Мнѣ только жаль Саннова. Жаль, что дамы ваши такъ настроены противъ меня, вообще же...

— Никакъ не противъ васъ лично... нѣтъ, перебилъ его аристъ:—будьте въ этомъ совершенно увѣрены...

— Слѣдовательно, онѣ настроены враждебно противъ прусса... Извините, господинъ каммерратъ, но я и пруссака такъ изки другъ къ другу, что никакъ не можемъ отдѣлиться. Мотъ быть, впоследствии къ намъ будутъ справедливыѣ, а теперь звольте откланяться...

Бессингъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ. Онъ, чуть ли не въ первый разъ, наконецъ разозлился, что всякая мерзость приписывалась пруссакамъ! Невыносимо.

XXXV.

День былъ ясный и, можно сказать, теплый. Весна начала свое торжественное шествіе. Вечеръ былъ мягкій и дѣйствительно местный, такъ что на душѣ становилось какъ-то особенно отрадно. Съ того, показалась полная луна и облила все своимъ серебрянымъ свѣтомъ.

Когда Бессингъ вышелъ изъ дому, закутавшись въ плащъ, пошелъ, не смотря на поздній часъ, стоялъ у каменнаго городского родца и болталъ. По улицамъ всюду ходили парочки и тихо шптались. Кое-гдѣ слышался громкій смѣхъ и говоръ. На дворной площади было особенно оживленно, точно готовилась новая онстрація, а, мѣстами, стояли таинственныя черныя тѣни и одили на заговорщиковъ.

Бессингъ осторожно обходилъ всѣхъ гуляющихъ и въ тѣни брался до рѣшетки парка, предчувствуя, что и въ паркѣ сеи вѣроятно оживленнѣе, чѣмъ онъ того желалъ. Онъ ходилъ и впередъ, пока не пробило десять часовъ, затѣмъ онъ еще гнѣе закутался въ плащъ и скрылся между деревьями... Тутъ темно, такъ какъ лучи мѣсяца едва проникали сквозь густыя кии. Влюбленный дипломатъ съ удовольствіемъ увидалъ, что въ дальше онъ заходилъ, тѣмъ меньше было народу по отъннымъ дорожкамъ.

Онъ ясно сознавалъ все, что хотѣлъ сказать, и на ходу

обдумывалъ, какъ бы ему лучше выразить свою мысль. Замокъ темной массой возвышался у него съ лѣвой руки, отражая на желѣзной крышѣ своей мѣсячные лучи. Поднявъ глаза, Бессингъ увидалъ, что окна въ помѣщеніи графини Вольфскеленъ освѣщены, и изъ за опущенныхъ шторъ виднѣлись двѣ тѣни, о чемъ-то съ жаромъ разговаривавшія и махавшія руками. Онъ подошелъ съ задней стороны въ самому замку. На углу караульный солдатъ ходилъ взадъ и впередъ. Бессингъ отсчиталъ четырнадцать оконъ перваго этажа, затѣмъ шли пять оконъ комнатъ, занимаемыхъ его милой, а рядомъ съ ея помѣщеніемъ были комнаты фрейленъ Рошъ. Все это онъ зналъ отъ самой Гильды. Тутъ въ кустахъ было такъ темно, что его не было видно. Можно было только слышать шаги, но видѣть проходившихъ не было никакой возможности. Осторожно, чуть не ощупью, пробирался Бессингъ впередъ, какъ вдругъ остановился, замѣтивъ какую-то фигуру, вышедшую изъ кустовъ на ярко освѣщенное мѣсто и поднимавшую что-то съ земли; вслѣдъ затѣмъ онъ услышалъ звукъ затворяшагося окна и увидалъ въ окнѣ женскую фигуру. Онъ остановился, какъ вкопанный, не смѣя вдохнуть. Окно это было изъ комнаты придворной дамы, но фигура, тотчасъ же исчезнувшая въ тѣни, не напоминала фигуру поручика фонъ-Рейхерта.

Это могъ быть только плацмайоръ въ штатскомъ платьѣ. Бессингъ улыбнулся: плацмайоръ трусилъ; но вслѣдъ за этимъ ему мелькнула еще мысль: если плацмайоръ тутъ будетъ ходить взадъ и впередъ, то легко можетъ встрѣтить Гильду. Какія ужасныя послѣдствія можетъ имѣть такая встрѣча! Какъ ни стремился Бессингъ видѣть свою милую, но теперь началъ желать, чтобы она не приходила.

Въ эту самую минуту, мимо него прошелъ человекъ, въ которомъ онъ, не смотря на костюмъ, тотчасъ же узналъ плацмайора. Только что онъ, обрадовавшись, хотѣлъ двинуться впередъ, какъ изъ кустовъ выдѣлилась еще фигура и, сдѣлавъ какіе-то знаки женщицѣ, стоявшей въ окнѣ, исчезла.

— Да тутъ цѣлое общество! подумалъ огорченный Бессингъ и вдохнулъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ услышалъ звонъ шпоръ, и

поручикъ фонъ Рейхертъ пошелъ въ ту же сторону, куда направился плацмайоръ.

Неужели тутъ былъ кто нибудь, кромѣ него? А женская фигура стояла, не шевелясь, въ окнѣ и, конечно, могла открыть тайну Гильды, — тѣмъ болѣе, что было уже четверть одиннадцатаго.

Кровь бросилась ему въ голову; Гильда, ничего не подозревая, могла сейчасъ прийти!.. Еслибы онъ могъ предупредить ее?.. Вдругъ въ окнѣ появилась еще тѣнь... это была тѣнь его 'миллой'... она отдернула занавѣску и стала смотрѣть въ паркъ... Съ какимъ бы удовольствіемъ показался онъ теперь... Но показаться безъ того, чтобы не быть замѣченнымъ фрейленъ Рошъ было невозможно, и ему не оставалось ничего болѣе, какъ только выждать спокойно. Тѣнь Гильды исчезла, а съ нею исчезла и другая тѣнь. У Бессинга точно камень свалился съ сердца.

Онъ сталъ тихонько ходить взадъ и впередъ, безпрестанно оставаясь. Прошло еще полчаса, вдругъ мелькнула чья - то тѣнь, — и влюбленные лежали въ объятіяхъ другъ друга. Счастье увидаться было такъ велико, что заглушило на время всѣ другія чувства.

Въ тѣни густыхъ деревьевъ стояла влюбленная чета, вѣриво прижавшись другъ къ другу, и долгимъ поцѣлуемъ вознаграждала себя за долговременное тяжелое лишеніе.

Когда же первый порывъ страсти прошелъ, герцогская кровь Гильды заговорила; она вдругъ откинулась назадъ, и, стараясь рассмотреть его лицо, назвала его по имени. Бессингъ хотѣлъ снова прижать ее къ своему сердцу, но она уперлась рукой о его грудь и отстранила его.

— Ты, можетъ быть, не знаешь, сколько я имѣю причинъ сердиться на тебя, проговорила она, тяжело дыша, и съ горькимъ упрекомъ. — Гдѣ ты былъ все это время?.. Отчего тебя не было видно въ театрѣ?.. отчего ты не искалъ случая меня видѣть? Я не нахожу это любезнымъ!

— Не сердись на меня... мнѣ лишеніе это вовсе не легко далось, съ жаромъ отвѣчалъ Бессингъ. — Одинъ Богъ знаетъ, какъ

я борюсь съ собой и какъ скучно мнѣ было безъ тебя... но видишь, милая...

Принцесса Гильда еще больше откинулась, глаза ея сверкали во мракѣ, а рука еще тверже уперлась въ грудь. Она пристально и вопросительно смотрѣла ему въ лицо, хотя не могла рассмотреть его выраженія. Не смотря на всю свою гордость, она ревновала его. Чувство ревности было въ ней наследственнымъ.

— Я не вижу никакихъ причинъ для такого геройскаго самоотреченія и старанія избѣгать меня, перебила она Бессинга, въ руку котораго дрожала ея рука. — Конечно, при такихъ занятіяхъ и развлеченіяхъ...

Она вдругъ остановилась, потому что ей сдѣлалось совѣстно.

— Гильда! съ нѣжнымъ упрекомъ перебилъ ее Бессингъ, причемъ ей удалось рассмотреть его хорошіе, честные глаза: — неужели ты говоришь серьезно?

Онъ сказалъ это такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ задумчиво, что Гильда наклонила голову и заплакала отъ стыда и досады.

— Когда любишь такъ, какъ люблю я... когда любить тебя Гильда... то желаешь только одного... быть съ нею, продолжалъ онъ.

Рука ея перестала дрожать, а голова тихо опустилась къ нему на плечо.

— Но я былъ бы гадкимъ эгоистомъ, продолжалъ Бессингъ, обнимая Гильду, — еслибы думалъ только о себѣ!.. Мы находимся въ странномъ и тяжеломъ положеніи, Гильда.

Онъ началъ высказывать ей свои опасенія, и она слушала его, почти не шевелясь. Когда же онъ сообщилъ ей о томъ, что видѣлъ на этомъ самомъ мѣстѣ, то она испугалась и затѣмъ обняла своего милаго.

— Прости меня, дорогой Гуго, нѣжно проговорила она, — прости, что я несправедлива къ тебѣ. Все это я говорила сгоряча. Но, право... ждать напрасно такъ тяжело, и при этомъ скрывать, что чувствуешь... а кромѣ того, прибавила она снова, отстраняясь отъ

него;—зачѣмъ провожалъ ты фрейленъ Боденштейнъ домой?... да еще подь руку?... этого ты не долженъ былъ дѣлать, Гуго.

— Я исполнилъ долгъ вѣжливости, нарушать который мужчина никогда не долженъ, отвѣчалъ Бессингъ съ нѣкоторой досадою, но и съ улыбкой, такъ какъ ревностью она доказывала ему всю свою любовь.—Здѣсь скрыть ничего нельзя, слѣдовательно ты знаешь, что въ этотъ вечеръ улица была полна народа, возбужденнаго народа, и для безопасности я предложилъ руку фрейленъ фонъ-Боденштейнъ.

— Милый, милый Гуго! говорила принцесса, глядя его по щекамъ.

— Ты не должна сомнѣваться въ моей любви, съ жаромъ сказалъ Бессингъ, прижимая прелестную дѣвушку къ своей груди.

Онъ отошелъ съ ней дальше въ тѣнь и тихо, нѣжно говорилъ въ то время, какъ она крѣпко, крѣпко прижималась къ нему. Онъ говорилъ ей о необходимости быть крайне осторожнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣщалъ ей постоянно бывать въ театрѣ, а она обѣщала возобновить свои занятія живописью, которыя давали бы ей возможность на улицѣ встрѣчаться съ нимъ.

Послѣ многихъ нѣжныхъ словъ и поцѣлуевъ, они наконецъ разстались, и Бессингъ, дождавшись появленія Гильды въ окнѣ, тихо и задумчиво побрелъ домой.

XXXVI.

Въ дверяхъ, Бессинга встрѣтилъ Фридрихъ и, снимая съ него плащъ, съ таинственнымъ видомъ сообщилъ ему, что у него былъ совѣтникъ Фоглеръ и обѣщалъ прійти опять.

— Такъ поздно? разсѣянно и съ досадою спросилъ Бессингъ.

— Да. Совѣтникъ говорилъ, что если мы еще не заявляли полиціи о взломѣ замка, то онъ просилъ, чтобы обождали до завтрашняго утра.

— Откуда онъ могъ узнать о сломанномъ замкѣ? спросилъ Бессингъ, взглянувъ на лакея.

— Мнѣ это тоже показалось страннымъ, съ лукавой улыбкой

отвѣчалъ Фридрихъ: — и я едва удержался, чтобы не спросить его; но потомъ подумалъ, что онъ вѣрно вамъ скажетъ.

Бессингъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, тщательно осмотрѣлъ конторку и легъ въ постель. Онъ заснулъ съ мыслью о Гильдѣ.

Когда онъ проснулся на слѣдующее утро, весь Х. находился въ волненіи: въ полночь загорѣлся цейхгаузъ; но пожаръ, къ счастью, тотчасъ же былъ потушенъ. Случайно, вблизи у ректора Магнифיקуса было много гостей, а въ числѣ ихъ масса студентовъ, съ особеннымъ рвеніемъ бросившихся спасать старые лафеты и фургоны и знаменитыя шестифунтовыя пушки — насмѣшка судьбы, какъ писали утреннія газеты, или слишкомъ благородная месть.

Нѣкоторые изъ военныхъ фургоновъ сломались, когда ихъ тронули съ мѣста, старыя деревянныя оси не выдержали непривычнаго имъ движенія.

Бессингъ не слышалъ ночнаго шума, но, проснувшись, тотчасъ же отправился на пожарище. Передній фасадъ зданія остался невредимымъ, а сгорѣла только задняя его часть.

Обгорѣлыя остатки военного передвижнаго матеріала поспѣшно убирались солдатами. На пожарищѣ Бессингъ встрѣтился кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ, узналъ, что цейхгаузъ загорѣлся сразу съ двухъ концовъ, и что караульнаго солдата не оказалось на мѣстѣ. Кое-кто изъ присутствующихъ подсмѣивался надъ тѣмъ, что плац-майоръ, въ полной парадной формѣ, безъ нужды тушилъ и хлопоталъ.

Бессингъ, вернувшись домой, засталъ у себя, ожидавшагося его совѣтника Фоглера. Какъ Фоглеръ вошелъ незамѣченнымъ въ домъ, казалось непонятнымъ, и только, когда онъ исчезъ черезъ заднюю часть дома, Фридрихъ увидалъ, что дворъ ихъ сообщается съ дворомъ Фоглера.

— Я вчера имѣлъ уже честь... сказалъ совѣтнику, вскочивъ со стула и низко поклонившись, причемъ очки его сверкнули.

— Очень сожалѣю, что вы напрасно потрудились, съ холодной вѣжливостью отвѣчалъ Бессингъ. — А теперь я былъ на пожарѣ.

— Ахъ! ужъ этотъ пожаръ!.. Желательно было похерить счетъ!.. живо возразилъ Фоглеръ, лукаво улыбаясь и потирая руки.

— Большихъ убытковъ отъ пожара не случилось... вещей сгорѣло немного. Только зданіе попортилось.

— Все равно, этотъ пожаръ можетъ послужить предлогомъ требовать у парламента неограниченнаго кредита за погорѣвшій военный матеріалъ!

— Вы думаете, что пожаръ начался не случайно? спросилъ Бессингъ, приглашая гостя сѣсть.

— Гласъ народа!.. Пожаръ случился что-то ужъ очень кстати, многозначительно улыбаясь, отвѣчалъ гость, садясь на кончикъ стула.

— Къ сожалѣнію, умыселъ не удался...

— Частію, по крайней мѣрѣ. Вы плохо знаете здѣшнихъ господъ, если думаете, что они не съумѣютъ воспользоваться и такимъ пожаромъ.

— Да вѣдь тамъ, кромѣ хлама, ничего не было, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣсколькихъ новыхъ орудій?

— Именно поэтому-то и необходимо возобновленіе военнаго матеріала.

— Ничего я тутъ не понимаю. У насъ назначено было бы слѣдствіе и виновные были бы наказаны.

— И здѣсь падеть какаянибудь жертва. Такъ какъ не было караула, то или смотритель арсенала, или какойнибудь унтеръ-офицеръ будутъ отставлены или посажены подъ арестъ за грѣхи цѣлаго поколѣнія; главное дѣло заключается въ займѣ... Я же пришелъ къ вамъ, чтобы поздравить васъ, продолжалъ совѣтникъ, украдкой взглянувъ на Бессинга.

— Съ чѣмъ? съ удивленіемъ спросилъ Бессингъ.

— Съ тѣмъ результатомъ, какое имѣло непрошенное посѣщеніе къ вамъ.

— Ахъ, очень радъ, что вы напомнили мнѣ объ этомъ, живо проговорилъ посланникъ.— Не знаете ли вы, кому обязана я этой честью?

— Можетъ быть... я только подозрѣваю. Лишь только я буду въ этомъ убѣжденъ, я не премину сообщить вамъ, а до тѣхъ поръ позвольте мнѣ помолчать, для того чтобы не обвинить какъ нибудь невиновнаго... Вы можете быть вполнѣ довольны бывшимъ у васъ обыскомъ, потому что замѣтки ваши произвели поразительное впечатлѣніе.

— Не понимаю... Какимъ образомъ вамъ это извѣстно?

— Да, поразительное, хотя безпристрастный тонъ не всѣмъ понравился.

— Очень радъ, но все-таки болѣе обысковъ дѣлать у себя я не позволю.

— Объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ вами. Будьте такъ добры, не благовѣстите объ этомъ посѣщеніи, потому что могутъ наказать невиннаго, а виновнаго отпустить, а впередъ будьте только осторожныѣе. Теперь ходитъ слухъ, что вы изъ предосторожности спрятали все, что поважнѣе, и подложили пустяки.

Говоря это, Фоглеръ украдкой взглянулъ на Бессинга.

— Пусть говорятъ, что хотятъ, махнувъ рукой, сказалъ Бессингъ.—Во всякомъ случаѣ, я желалъ бы избавиться навсегда отъ подобныхъ обысковъ, и для этого заказалъ ужь особенный шкафъ.

— Это самое благоразумное. Позвольте мнѣ узнать, не полученъ ли какой нибудь отвѣтъ относительно моего предложенія вступить на прусскую службу?

— Я виноватъ передъ вами. Отвѣтъ полученъ, вы можете прочесть его дома, отвѣчалъ Бессингъ, вручая неприятному посѣтителю бумагу.

XXXVII.

Освободившись отъ непрошеннаго гостя, Бессингъ отправился къ барону фонъ-Гримменштейну.

— Вашъ канцлеръ, вѣжета, хочетъ поджечь весь свѣтъ, вмѣсто привѣтствія сказалъ ему взволнованный баронъ. Я только что прочелъ въ «Кельнской газетѣ» о вашемъ союзѣ съ Италіей.

— Это васъ удивляетъ? спокойно спросилъ Бессингъ, пожимаю ему руку.—Впрочемъ, что бы онъ ни сдѣлалъ, онъ ничѣмъ не

угодить сосѣду, прибавилъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему тутъ же бельгійскому посланнику.

— Пруссакъ не любитъ стѣсненій, прибавилъ баронъ.

— А вы развѣ не боитесь, что императоръ Наполеонъ выкинетъ такую штуку, какой вы вовсе и не ожидаете? въ волненіи продолжалъ бельгіецъ.

— Что же дѣлать, вѣдь не мы начали, сказалъ Бессингъ.—Говоря откровенно, меня это безпокоитъ, но что же дѣлать, мы только защищаемся, и развѣ, что Австрія вступаетъ въ союзъ со всей Германіей, то и намъ приходится искать себѣ союзника.

— Ахъ, этотъ Наполеонъ! вскричалъ баронъ:— онъ просто влюбленъ въ Бисмарка, и въ восторгѣ отъ него. Если Австрія лишится Венеціи и та отойдетъ къ Италіи, то онъ будетъ смотрѣть на это сложа руки, потому что уважаетъ принципъ національности и исполнитъ, частью, данное друзьямъ своимъ обѣщаніе относительно единства Италіи. Вообще, борьба двухъ соперниковъ можетъ быть ему только полезна, а когда ему надо будетъ остановить драку, такъ онъ однимъ словомъ остановить ее.

— Что бы ни было, но при настоящемъ положеніи дѣлъ, Пруссія не можетъ дѣйствовать иначе, не унижаясь. Въ такомъ бурномъ морѣ найти настоящій путь можетъ только опытный рулевой. Пруссія надо идти впередъ, такъ какъ вернуться ей было бы позорно и опасно!

— Графъ Бисмаркъ постоянно говоритъ о военныхъ приготовленіяхъ, а самъ, подъ шумокъ, тоже готовится.

— Увѣрю васъ, господинъ де-Малинесъ, сказалъ Бессингъ бельгійскому посланнику:— что вы несправедливы къ графу. Милосердное настроеніе короля должно было бы служить ручательствомъ, что только крайность можетъ заставить его рѣшиться на войну.

— Я вамъ говорилъ это, вмѣшался баронъ.

— Но вѣдь графъ Зальцка положительно это отрицаетъ.

— Официально, конечно, онъ долженъ отрицать.

— Позвольте мнѣ цифрами доказать вамъ, какъ въ настоящемъ случаѣ права Пруссія, сказалъ Бессингъ, доставая изъ кармана записную книжку.— Вотъ цифры: въ мартѣ у австрійцевъ на прус-

ской границѣ стояли стянутыми 42 батальона пѣхоты, 18 батальоновъ резерва, 34 эскадрона и 33 конныя батареи. Не считая полковъ, находившихся въ движеніи, къ концу марта они увеличили эти цифры на Силезской границѣ до 71 полка и 44 эскадроновъ, и 240 орудій, то есть Пруссіи грозила армія въ 80,000 человекъ, противъ которой она могла выставить только 25,000 человекъ, то есть 38 батальоновъ, 29 эскадроновъ и 18 батарей, находившихся, кромѣ того, на мирномъ положеніи. Только вслѣдствіе этого начали мы усиливать наши войска.

— Ахъ, да! въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ, въ высшей степени удивленный, бельгійскій посланникъ.

Баронъ глядѣлъ на Бессинга своими умными голубыми глазами.

— А еврейское движеніе, а поджигательство? спросилъ посланникъ, пропитанный австрійскими идеями.

— Согласитесь, что поводъ всегда найти не трудно, но изъ-за такого повода врядъ ли Австрія рѣшилась бы на эти затраты. Готовясь къ войнѣ, наше правительство въ настоящемъ случаѣ только исполняетъ свою обязанность.

— En effet... en effet! прошепталъ де-Малинесъ.

— Кромѣ того, примите во вниманіе, что половина остальной Германіи вооружается противъ насъ, что Саксонія покупаетъ лошадей...

— Да и здѣсь тоже готовятся, прибавилъ баронъ, вслѣдствіе чего разговоръ перешелъ на пожаръ. Бельгійскій посланникъ слышалъ, что поджигатель-солдатъ изловленъ на границѣ.

— Пожалуй, причину пожара опять взвалить на насъ, сказалъ Бессингъ.

— Не безъ того, отвѣчалъ фонъ Гримменштейнъ, тѣмъ болѣе что солдатъ этотъ, какъ говорятъ, поджегъ зданіе изъ какой-то странной мести къ своему офицеру.

— Странно, что здѣсь парламентъ молчитъ, когда дѣло идетъ о деньгахъ, наивно проговорилъ де-Малинесъ.

Баронъ фонъ Гримменштейнъ громко захохоталъ, а Бессингъ улынулся.

— Парламентъ молчитъ, потому что не можетъ не молчать,

какъ молчать и всё здѣсь до поры до времени. А теперь, господа, позвольте мнѣ проститься съ вами. Мнѣ надо собрать кое-какія свѣдѣнія о пожарѣ.

— Не преувеличиваетъ ли онъ цифръ? недоувѣрчиво спросилъ бельгійскій посланникъ, по уходѣ Бессинга.

— Не думаю, отвѣчалъ баронъ;—цифры эти вѣрны, и для того, чтобы онѣ не разглашались, австрійское правительство запретило говорить въ газетахъ о передвиженіи войскъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Хотя я и рѣдко выѣзжаю изъ дому, но все-таки вижу, что и здѣсь готовятся къ войнѣ. Всякій, кто любитъ Австрію, долженъ былъ бы отговаривать ее отъ войны, за которую она когда нибудь горько поплатится.

XXXVIII.

Бессингъ, придя домой, засталъ у себя Фрица Саннова. Друзья крѣпко обнялись.

— У насъ праздники, сказалъ Санновъ, какъ бы въ оправданіе того, что онъ такъ часто пріѣзжаетъ въ Х.

— Счастливецъ! счастливецъ! усаживая его, говорилъ Бессингъ.—Отъ одного слова «праздники» человекъ молодеетъ.

— Это совершенно вѣрно.

— Ты сегодня совершенно сідешь, Фрицъ. Сегодня у тебя видъ настоящаго жениха.

— Не сглазь, пожалуйста, махнувъ рукой, сказалъ Санновъ.

— Слѣдовательно все обстоитъ благополучно?

— Да, и надѣюсь, что навсегда будетъ обстоять благополучно. Мои дамы нѣсколько смущены тѣмъ, что были съ тобой несовсѣмъ вѣжливы.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ Бессингъ, роясь въ сигарномъ ящикѣ.

— Вѣрно, вѣрно, повѣрь мнѣ. Что же дѣлать: волосъ много, да умъ коротокъ, говоритъ пословица. Моя будущая теща влюблена въ тебя, какъ въ человека, но не какъ въ пруссака.

— Ну, что же, я и тѣмъ доволенъ.

— Значить миръ заключенъ?

— Заключенъ.

— Что это у васъ тутъ происходитъ! Революція, демонстрація, поджогъ. Но на этотъ разъ мои дамы твердо вѣрятъ, что пруссаки не принимали участія въ безпорядкахъ на Борнскихъ заводахъ.

— Ну и за это спасибо, улыбаясь, отвѣчалъ Бессингъ: — теперь остается только поджогъ.

— По поводу поджога, какъ я слышалъ, готовится цѣлая буря въ палатѣ.

— Буря бывала нерѣдко и прежде, но всегда успокаивалась очень скоро.

— Это вѣрно, но на этотъ разъ дѣло касается кармана, и война никому не по душѣ. На этотъ разъ палата не скоро успокоится. Завтра въ газетахъ появится очень смѣлая статья. Особенно здѣсь всѣмъ насолили генералъ Зандревскій и Барденштейнъ.

— Ну, они застрахованы, сидятъ за герцогомъ и держатся за графиню. Буря пронесется мимо нихъ.

— Ну, нѣтъ, на этотъ разъ не пронесется. На этотъ разъ противъ нихъ являются люди съ документами въ рукахъ. Противъ нихъ выступитъ мой дядюшка, ректоръ Магнификусъ, который не можетъ забыть, что деньги, назначенныя на ремонтъ университета, ушли на знаменитыя шестифунтовыя пушки. Вся образованная часть населенія стоитъ на его сторонѣ. Кромѣ того, человекъ его познаній не можетъ чего либо бояться, онъ всюду найдетъ себѣ хлѣбъ.

— Дай Богъ, чтобы это помогло.

— И надъ головой плацмайора собираются тучи, продолжалъ Санновъ. — Его противники напали на слѣдъ курьезныхъ вещей.

— Какихъ? живо спросилъ Бессингъ.

— Дядя не хотѣлъ связать мнѣ, но мнѣ думается, что герой Борны переживетъ тяжелый часочекъ. Ну, мнѣ пора. Приходи же когда нибудь къ моимъ дамамъ.

XXXIX.

Весна началась въ полной красѣ. Луга покрылись первыми весенними цвѣтами, а деревья одѣлись въ яркую зелень. Птички весело порхали и громко распѣвали.

Но жители X. тревожились, а въ замкѣ всѣ ходили на цыпочкахъ.

Въ палатѣ буря разразилась, и ректоръ Магнифивусъ высказался; онъ привелъ факты, подтверждаемые документами и буквально поразившіе всѣхъ. Онъ показалъ недостойное, многолѣтнее управление страню и обрисовалъ положеніе палаты, на заявленія которой правительство никогда не обращало вниманія, а слушало только паразитовъ-чужестранцевъ.

Тутъ ораторъ былъ въ первый разъ остановленъ.

Послѣ этого онъ подробно коснулся пожара и безпорядковъ въ Борнѣ, особенно упирая на заемъ, для пополненія сгорѣвшаго военного матеріала. Чего же смотрѣлъ генералъ Зандревскій? (Отъ рѣзкихъ словъ, упрековъ и неоспоримыхъ доказательствъ генералъ блѣднѣлъ, и не смѣлъ рта разинуть). Куда же уходили деньги, предназначаемыя на армію и на многое другое?—ректоромъ рассказанъ тутъ же и, вынувъ изъ кармана бумажку, прочелъ цифры, которыми съ математической вѣрностью доказалъ, что деньги, приобретаемыя потомъ и кровью народа, бросались на вѣтеръ и попадали въ карманъ извѣстныхъ лицъ, соединявшихъ въ себѣ болѣе чѣмъ по пяти должностей каждый, хотя въ то же время ничего не дѣлавшихъ.

Затѣмъ дошелъ чередъ до злой графини, гофмаршала и благороднаго Барденштейна, съ его придворными конюшнями, на которыхъ шло по полтора ста тысячъ талеровъ въ годъ. Какими пріѣхали они въ X. ничтожными, жалкими, и какъ они отѣлись теперь и походили на вздувшіеся блины!—Тутъ ораторъ, за такое непарламентское выраженіе, былъ призванъ къ порядку. Какое вредное вліяніе имѣли эти люди на правительство, было доказано, какъ дважды два четыре.

Заявивъ о своей любви и уваженіи къ Австріи и къ императорскому дому, ораторъ показалъ, что по топографическому положенію страны, и въ силу самыхъ ближайшихъ интересовъ, Х. необходимо примкнуть къ Пруссіи; вслѣдъ зачѣмъ онъ привелъ тѣя цифры, отъ которыхъ у всѣхъ самыхъ рьяныхъ противниковъ Пруссіи волосы стали дыбомъ.

Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ о займѣ, по случаю пожара, и при этомъ были открыты подробности, вслѣдствіе которыхъ въ займъ было отказано почти единогласно.

Генераль, сверкая взорами, вышелъ изъ залы и не слыжалъ, что говорилось объ исторіи на заводахъ и о героѣ того дня; не слыжалъ, какъ почти всѣ въ одинъ голосъ закричали, что цейгаузъ подожженъ, и потому на караулѣ тамъ не оказалось солдата. Солдатъ этотъ былъ потомъ арестованъ и бѣжалъ изъ-подъ ареста. Буря въ палатѣ встрѣтила отголосокъ во всей странѣ. Конечно, палата была распущена, а заемъ сдѣланъ безъ ея согласія подъ личною отвѣтственностью герцога.

Министръ и генераль, подавшіе въ отставку, остались на своихъ мѣстахъ, но зато его высочество сильно вознегодовалъ на своихъ любимцевъ. Онъ оставилъ ихъ только по духу противорѣчія и изъ нежеланія сдѣлать уступку палатѣ. Въ душѣ онъ сильно страдалъ отъ признанія, что генераль воровалъ казенныя деньги.

Глаза стараго герцога открылись: онъ увидалъ, что его обманывали, и, кромѣ того, увидалъ, что вовсе не любимъ подданными.

Герцогъ Францъ прочелъ всѣ рѣчи и заперся у себя въ комнатѣ, чтобы обдумать, что ему дѣлать. Поздно вечеромъ призвалъ онъ къ себѣ генерала Бодмана, который вышелъ отъ него уже послѣ полуночи.

На другой день, онъ долго работалъ съ министромъ фонъ Кенигсбахомъ: результатомъ этихъ занятій было распущеніе палаты и отставка ректора. Послѣ этого герцогъ сидѣлъ все одинъ, и только младшая дочь была у него на нѣсколько минутъ. Въ полдень къ герцогу пріѣхалъ принцъ Александръ. Между братьями происходилъ продолжительный и очень горячій разговоръ, вслѣдствіе котораго былъ призванъ дежурный адъютантъ, которому и было дано нѣсколько

порученій. Принцъ Александръ непремѣнно хотѣлъ изслѣдовать, справедливы ли слухи о поджогѣ, и, кромѣ того, онъ сообщилъ герцогу извѣстіе, что капитанъ фонъ - Ротвейль послалъ ректорѣ вызовъ. Ректоръ вызовъ этотъ принялъ и поручилъ племяннику своему, доценту Саннову, переговорить о подробностяхъ дуэли.

Герцогъ остался въ высшей степени недоволенъ этимъ извѣстіемъ; когда же принцъ Александръ прямо заявилъ ему, что цейхаувъ подожгли люди, наиболѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, то онъ даже поблѣднѣлъ.

— На кого ты намекаешь? въ страшномъ волненіи и съ ужасомъ, спросилъ герцогъ.

— Прежде всего, на генерала Зандревскаго, сухо отвѣчалъ принцъ.

— Доказательство!.. доказательство! въ ярости вскричалъ герцогъ, по старой привычкѣ вступаясь за своего любимца.

— Еслибы у меня были положительныя доказательства въ рукахъ, то я потребовалъ бы назначить военный судъ надъ виновнымъ, твердо возразилъ принцъ.—Въ палатѣ на капитана Ротвейля положительно указывали пальцами. Онъ вынесъ нравственные шпицрутены.

Герцогъ стоялъ пораженный, и бормоталъ какія-то несвязныя слова.

— И ты говоришь, что Ротвейль послалъ вызовъ? тихо спросилъ онъ.

— Да. По моему мнѣнію, плацмайоръ страшно скомпрометированъ: вѣдь онъ производилъ первое слѣдствіе. Развѣ не подозрительно, что солдатъ, бывший на караулѣ, бѣжалъ изъ подъ ареста?

Герцогъ, между тѣмъ, уже позвонилъ и послалъ дежурнаго адъютанта за плацмайоромъ. При объясненіи съ Ротвейлемъ, ясно выказалось, что принцъ не очень - то благодаренъ Борнскому герцогу за его усмиреніе рабочихъ, а герцогъ, по обыкновенію, принялъ любимца подъ свою защиту. Капитанъ не только съумѣлъ оправдаться, но даже разыгралъ роль обиженнаго неблагодарнымъ принцемъ. Онъ былъ милостиво отпущенъ герцогомъ, котораго приказалъ ему тотчасъ же взять обратно свой вызовъ.

Братья снова остались вдвоемъ. Герцогъ досадовалъ на брата, считая высказанныя имъ подозрѣнія неблагородной местию. Они заговорили о внѣшней политикѣ, и принцъ Александръ умолялъ брата хранить нейтралитетъ. Герцогъ, въ отвѣтъ на это, сталъ доказывать, что Австрія, въ соединеніи со всей Германіей, много сильнѣе Пруссіи. Разговоръ этотъ кончился тѣмъ, что принцъ Александръ, внѣ себя отъ ярости, сказалъ нѣсколько дерзостей и уѣхалъ домой.

Плацмайоръ прямо отъ герцога отправился къ генералу въ его роскошную казенную квартиру за паркомъ. Они стояли въ оконной нишѣ и говорили съ большимъ жаромъ, но не очень громко. Плотныя занавѣски скрывали ихъ отъ взоровъ прохожихъ.

Капитанъ фонъ-Ротвейль, очевидно, находился въ странныхъ отношеніяхъ къ своему начальнику, потому что, говоря съ нимъ, не всегда выражалъ должное почтеніе.

Онъ горько и не совсѣмъ въ приличныхъ выраженіяхъ жаловался на принца Александра и его подозрѣнія, на что генералъ только пожималъ плечами, а затѣмъ передалъ, что герцогъ приказалъ ему взять обратно его вызовъ.

— Гм! гм! бормоталъ генералъ:—я такъ и думалъ; оно будетъ благоразумнѣе, да и драться то съ ректоромъ честь не велика.

Ротвейль сердито крутилъ свои черные усы.

— Чортъ бы его побралъ!... Я хотѣлъ только попутать, во противъ подозрѣній принца я прошу васъ защитить меня.

— Очень надо принимать все такъ горячо въ сердце, мой другъ, съ гримасою отвѣчалъ генералъ, тоже крутя усы. Когда несется вихрь, надо наклониться и переждать, пока не пролетитъ. Вѣдь теперь и всѣ мы не въ блестящемъ положеніи. Куда дѣвались деньги? спрашиваютъ... Куда?... это всего лучше знать самому герцогу.

При этомъ отвѣтѣ, плацмайоръ съ особенной наглостью посмотрѣлъ на генерала.

— Вы, кажется, сомнѣваетесь? Такъ вотъ тутъ у меня въ шкафу лежатъ записки... Парады, маневры, экстренная выдача

солдатамъ пива и вина стоятъ денегъ. А каски, а кепи, а ливреи и другія вещи... Я все переношу терпѣливо, и являюсь козломъ отпущенія. Можетъ быть, потомъ меня за это поблагодарятъ.

— Не у всѣхъ такой характеръ, ваше превосходительство, проворчалъ Ротвейль.

— Ну, полноте! полноте, дружокъ! дружески улыбаясь, перебилъ его генералъ.— Въ свое время и вы научитесь терпѣнью. Вѣдь я вотъ сейчасъ же сказалъ, что вы тогда въ горахъ погорячились и раздражили всѣхъ.

— Ну, это разберетъ военный судъ! вспыхнувъ, вскричалъ Ротвейль.

— Ну, лучше обдѣлать все безъ суда; не изъ-за чего пыль поднимать... ее и безъ того довольно. Что же касается другихъ дѣлъ...

— Сами вы, ваше превосходительство, сказали мнѣ тогда, что вамъ будетъ приятно, если эта исторія будетъ забыта, съ досадою перебилъ его Ротвейль.

— Развѣ я отпираюсь? Я желаю только, чтобы вы по пустякамъ не шумѣли. Палата распущена, деньги будутъ получены помимо ея, такъ чего же вамъ еще? Что народъ-то толкуетъ кое о чемъ... но вѣдь на чужой ротокъ—не накинуть платокъ... Пусть болтаютъ, только бы все осталось по старому.

— А моя честь? мрачно проговорилъ плацмайоръ.

— Да плюньте вы! вскричалъ генералъ, тоже начинавшій раздражаться.— У меня и безъ того голова кругомъ идетъ! Ну, можно ли претендовать, чтобы съ вами постоянно обращались по салонному? Кто хочетъ сдѣлать себѣ карьеру, тотъ долженъ знать свое мѣсто, другъ мой. На меня вы можете вполне рассчитывать, чего же вамъ больше? Доказать противъ васъ никто ничего не можетъ... и это главное...

Капитанъ стоялъ, опустивъ голову, и по прежнему вращалъ усы.

— Ну, хорошо, проговорилъ онъ тихо, поднимая свой злоб-

ный взоръ.—Я буду молчать и все переносить, надѣясь на ваше слово, а принцу, принцу я насолю какъ нибудь.

— Сошлите, да только осторожно, любезный другъ.... знайте это, на всякій случай. А теперь, прежде всего, улаживайте вопросъ о дуэли. Возьмите на нѣсколько дней отпускъ, и когда вернетесь, то все найдете по старому. Дайте только дѣйствовать намъ съ графиней, а если мы ничего не сдѣлаемъ, то явится небольшая статейка, и та образумитъ кого слѣдуетъ.

— Нашъ государь настоящая жемчужина.

Генераль улыбнулся широкой многозначительной улыбкой, пожалъ мрачному Ротвейлю руку и проводилъ его до дверей.

XL.

Послѣ продолжительнаго разговора съ государственнымъ министромъ фонъ-Кенигсбахомъ, Бессингъ на слѣдующее же утро поѣхалъ въ замокъ. Улицы приняли свой прежній видъ, взволнованный народъ разошелся, и всѣ принялись за свои дѣла. Палата была распушена, газетамъ строго велѣно перемѣнить тонъ подѣ страхомъ наказанія, и, дѣйствительно, можно было предположить, что все пойдетъ по старому.

На площади Бессингъ встрѣтилъ карету, изъ окна которой на него, съ наглой насмѣшкой, посмотрѣли черные глаза графини Феличиты.

— Будь я суевѣренъ, я повернулъ бы назадъ, подумалъ Бессингъ, и въ ту же минуту улыбнулся, потому что въ окнѣ дворца стояла его возлюбленная, которая знала, что онъ пріѣдетъ, и потому ожидала его.

Она, въ знакъ пріветствія, вивнула ему, а онъ приложилъ руку въ сердце.

Герцогъ принялъ посланника въ присутствіи генерала Зандревскаго и своего министра; онъ заговорилъ съ нимъ совѣтъ по дружески, освѣдомился о его здоровьѣ и привыкаетъ ли онъ къ ихъ столицѣ; потомъ спросилъ о здоровьѣ короля, что слышно новаго, и отпустилъ даже нѣсколько шутовъ.

Бессингъ надѣялся имѣть возможность говорить съ герцогомъ наединѣ, и теперь увидалъ его окруженнымъ людьми, взгляды которыхъ ему были хорошо извѣстны. Пока герцогъ отпускалъ шуточки, Бессингъ поборолъ въ себѣ досаду. Ему, конечно, было бы гораздо удобнѣе говорить только съ герцогомъ, но не съ отцомъ Гильды.

Наконецъ разговоръ коснулся дѣла. Прусскій посланникъ коротко и ясно объяснилъ положеніе Германіи, и изложилъ тѣ цѣли, къ которымъ стремится Пруссія. Затѣмъ онъ заговорилъ объ образѣ дѣйствій Австріи и объ ея военныхъ приготовленіяхъ, и въ заключеніе съ жаромъ сталъ убѣждать герцога явиться союзникомъ Пруссіи, какъ ближайшей своей сосѣдки, которой сочувствуетъ все его герцогство.

Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что герцогъ видимо былъ тронутъ. Бессингъ замѣтилъ это, и уже началъ надѣяться на счастливый результатъ своей миссіи. Но тутъ генералъ наклонился къ герцогу и прошепталъ ему что-то на ухо.

Черты герцога измѣнились точно по волшебству; онъ выпрямился, и съ упрекомъ, отрицательно покачавъ головой, сказалъ:

— А союзъ-то съ Италіей, съ кореннымъ врагомъ австрійскаго императорскаго дома?

— Ваше высочество... да противъ насъ вооружается вся Германія, пора же и намъ наконецъ поискать себѣ союзника.

— Какъ разъ Италію... ай! ай!... Италію! Гм... гм.! говорилъ герцогъ, въ смущеніи потирая себѣ руки, и не зная, что сказать, пока генералъ не подсказалъ ему.—Да, да, къ чему же служить германскій союзъ, если мы, господинъ посланникъ, не придерживаемся его?..

Выйдя на этотъ путь, герцогъ началъ толковать безъ умолку, и Бессингъ ясно увидѣлъ, что дѣло его проиграно, что убѣдить этихъ людей словами—нельзя, и что тутъ можно только дѣйствовать.

Глубоко огорченный поѣхалъ онъ домой, сопровождаемый сочувственными взорами Гильды и злорадными взорами всѣхъ остальныхъ.

Еслибы всё эти господа подозрѣвали, какъ все измѣнило черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то, конечно, не либовали бы такъ образомъ.

XLI.

Насколько омрачался политическій горизонтъ, настолько омрачалась и душа Бессинга: положеніе свое онъ находилъ все болѣе и болѣе невыносимымъ. Любя Гильду, онъ еще болѣе страдалъ, видя, какъ отецъ ея губить и себя, и страну свою.

Жизнь въ X., которая еще такъ недавно казалась ему блаженствомъ, начала теперь тяготить его, и перестала даже забавлять. Что ему было за дѣло, напримѣръ, что принцъ Александръ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался къ своей женѣ, не отходилъ отъ нея ни на шагъ, и, не смотря на то, что она оставалась ему чуждой, онъ ничего не дѣлалъ безъ ея совѣта?

Принцъ, повидимому, и не думалъ, что разрушаетъ чье-то мѣсто. Валерія онъ прислалъ съ своихъ заводовъ цѣлые сервизы, но не написалъ ни строчки. Яснѣе и лучше бывший поклонникъ Валеріи не могъ напомнить ей о непрочности всего земнаго.

Можетъ быть, объ этомъ подаркѣ никто бы и не узналъ, еслибы гофмаршалша съ досады не пожертвовала его въ какое-то благотворительное общество.

Такимъ образомъ, исторія подарка сдѣлалась всѣмъ известна. Вслѣдствіе этого, Валерія не рѣшалась даже выходить изъ дому. Осыпаемая насмѣшками «любовница», брошенная принцомъ, въ сущности никогда не бывшая его любовницей, Валерія сидѣла дома и горевала о далекомъ прошломъ.

Гостинная ея опустѣла съ тѣхъ поръ, какъ всѣмъ стало вѣстно, что она не любовница принца; на улицѣ на нее смотрѣли съ усмѣшкой, а въ театрѣ—она сидѣла напротивъ загадочной принца и серьезной жены его, и чувствовала, что на нее обращены тысячи глазъ. Она страдала невыразимо, и только гордость не позволяла ей выказывать этихъ страданій.

Слѣдствіе вполне оправдало плацмайора, и всё сильно сви-

рометированныя лица сохранили свои прежнія мѣста и содержаніе; заемъ былъ полученъ; графиня Вольфскеленъ, повидимому, была могущественнѣе прежняго... Только герцогъ и герцогиня были мрачны.

Такъ наступилъ май мѣсяцъ, и Бессингъ видѣлся съ своей озлобленной только въ театрѣ, или же мимолетно на улицѣ.

Однажды вечеромъ, Бессингъ, съ грустью и тяжестью на душѣ, пошелъ по улицѣ, направляясь къ замку, и раздумывалъ, что ему дѣлать.

По всему было совершенно очевидно, что Австрія желала войны и готовилась къ ней, какъ готовилась и остальная часть ермани. При подобныхъ обстоятельствахъ, не лучше ли для него было проситься на другое мѣсто? Будущее казалось ему мрачнымъ, онъ боялся, что въ X. онъ совсѣмъ захвораетъ, потому что тутъ ему дышать было нечѣмъ.

Невольно прошелся онъ въ дворцовый паркъ. Ночь была чудная, и на темномъ небесномъ сводѣ ярко свѣтила луна. Кое-гдѣ вѣлкали влюбленные парочки, или же стояли, обнявшись, въ куцахъ... Гдѣ-то соловей страстно заливался. Всѣ, кромѣ него, были растливы.

Бессингъ почувствовалъ острую боль въ груди. Невольно остановился онъ на дорожкѣ и посмотрѣлъ на окна милой... Въ окнахъ было темно!.. Ему стало еще тяжелѣе. Чего бы онъ не далъ, чтобы увидеть хоть только тѣнь ея, только свѣтъ, освѣщающій комнату!

Онъ сжалъ губы и пошелъ домой, гдѣ долго, долго ходилъ назадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ сѣлъ и сталъ писать:—онъ исполнилъ другаго назначенія.

Безъ малѣйшаго колебанія, не смотря на поздній часъ, сошелъ внизъ и опустилъ письмо въ почтовый ящикъ.

Герой нашъ былъ боленъ, совсѣмъ боленъ душой.

И въ такую же майскую ночь, въ концѣ мѣсяца, вся Германія не стояла подъ ружьемъ. Высокая фигура прусскаго посланника ова тихо двигалась по дворцовой площади. День былъ для него полонъ тревогъ: онъ былъ на прощальной аудіенціи у герцога и

откланивался. Герцогъ былъ необыкновенно къ нему милостивъ и выразилъ ему, что сожалѣеть объ его отъѣздѣ; вслѣдъ затѣмъ генераль фонъ-Бодманъ привезъ ему отъ герцога орденъ. Герцогиня простилась съ нимъ тоже очень милостиво и пожалѣла, что онъ уѣзжаетъ.

Послѣ этого онъ отправился съ прощальными визитами. Былъ у принцессы Амаліи и у различныхъ придворныхъ, между прочимъ, и у графини Вольфскеленъ. Валерія и ея мать не приняли его. Онъ не забылъ даже побывать и у Сеппи.

Коллеги его, въ особенности графъ Зальцка, разставались съ нимъ очень неохотно. Баронъ же фонъ-Гримменштейнъ далъ ему прощальный обѣдъ, на которомъ, съ стаканомъ въ рукѣ, высказалъ ему свое сожалѣніе. Графъ Зальцка снова повторилъ, что, не смотря ни на какія національныя распри, онъ останется его другомъ. Послѣ обѣда, друзья проводили его до дому, гдѣ, его вещи всѣ уже были уложены, и теперь оставалось только самое трудное: проститься съ возлюбленной. Онъ тихо пошелъ къ парку.

Самъ онъ просилъ своего перевода, и причины, побудившія его просить объ этомъ, не измѣнились; но теперь, когда дѣло дошло до разлуки, она показалась ему невыразимо тяжелой.

Онъ забылъ всѣ непріятности, и видѣлъ только, что въ Х. онъ былъ счастливъ, и что теперь ему приходится разставаться и съ этимъ стариннымъ замкомъ, и съ паркомъ. Какъ будетъ онъ жить безъ нихъ? Если ему приходилось тутъ и нехорошо, зато у него было утѣшеніе въ сознаніи, что онъ близко отъ своей милой.

Мысли его были прерваны парочкой, прошедшей мимо него, причемъ онъ услышалъ знакомый голосъ и знакомое имя: «Бодо».

— Глупости, Бодо! говорила дама, закутанная въ шелковую мантильку и опирающаяся на руку мужчины въ штатскомъ платьѣ.— Что тебѣ за дѣло?

— Счастливицы! прошепталъ Бессингъ, глядя имъ вслѣдъ.

Бессингъ продолжалъ ходить по парку, и, вскорѣ послѣ одиннадцати часовъ, къ нему на шею бросилась Гильда. Онъ быстро провелъ ее въ глухую улицу и посадилъ трепещущую дѣвушку къ себѣ въ карету.

Она одобрила его намѣреніе уѣхать изъ X., но теперь, когда приходилось разставаться, у нея не доставало силъ. Заливаясь слезами, лежала Гильда въ объятіяхъ Бессинга. И только успокоившись немного, стали они говорить о будущемъ. Развѣ не бывало примѣровъ, чтобы герцогини выходили за простыхъ смертныхъ, отчего же не могли они поступить также? Отчего же ихъ любви не восторжествовать надъ предрасудками?

Цѣлуя и лаская другъ друга, влялись они въ вѣчной любви и дружбѣ. Когда прояснится политическій горизонтъ, тогда и для нихъ взойдетъ солнышко.

Последнее прощаніе было для нихъ до крайности тяжело. Бессингъ скорѣе принесъ, чѣмъ привелъ Гильду къ маленькому подъѣзду, и постоялъ внизу, чтобы взглянуть еще разъ, въ послѣдній разъ, на дорогой образъ въ окнѣ.

На слѣдующее утро, прусскій посланникъ, сопровождаемый всѣми своими знакомыми, уѣхалъ на станцію, а оттуда въ Берлинъ.

Взглянувъ въ послѣдній разъ на зданія X., онъ вытеръ покотившуюся изъ глазъ слезу, и, откинувшись на спинку дивана, глубоко задумался. Когда увидитъ онъ опять маленькую резиденцію и дорогую обитательницу ея... когда увидитъ онъ Гильду? Можетъ быть, только черезъ нѣсколько лѣтъ!

Въ тотъ же день онъ пріѣхалъ въ свой родной городъ, и на завтра же узналъ, что, въ ожиданіи новаго мѣста, онъ можетъ воспользоваться отпускомъ.

XLII.

Можно было подумать, что при дворѣ X. акредитована графиня Вольфскеленъ, а не графъ Зальца: такъ ревностно занималась она австрійскими дѣлами. Даже neodѣтой переходила она въ покои герцогини, и сидѣла въ ея маленькой голубой гостиной, гдѣ читала ей вѣнскую корреспонденцію, сверкая глазами и безпрестанно краснѣя. Черные съ простѣью локоны въ безпорядкѣ спускались ей на лицо.

«Письма изъ Вѣны!» были слова, дававшія ей право во всякое время дня и ночи являться въ комнаты ея друга, герцогини,

которая изъ слѣпой ненависти къ Пруссіи не могла дожидаться начала войны. Ей даже и въ голову не приходило, что война могла принять вовсе не тотъ оборотъ, котораго она ждала.

Графиня получила изъ Вѣны толстый пакетъ; ея кузенъ, фельдмаршалъ, увѣдомлялъ ее подробно о положеніи дѣлъ и о громадномъ количествѣ австрійскихъ военныхъ силъ.

Герцогиня громко ликовала, слушая, что въ Вѣнѣ рѣшено было не положить меча до тѣхъ поръ, пока Пруссія не будетъ унижена и не поставлена на ея прежнее, скромное мѣсто. Южная Германія уже готова къ битвѣ, какъ готова и Баварія и Саксонія.

Сигналъ къ битвѣ, вѣроятно, будетъ данъ въ Шлезвигѣ. Трудно передать, съ какимъ напряженіемъ герцогиня слушала эти слова, вылетавшія изъ устъ графини, и съ какимъ восторгомъ ахала и охала.

Въ то время, какъ пріятельницы занимались политикой, въ соседнюю комнату пришли принцессы. Гильда, заглянувъ въ голубую гостиную, нахмурила брови и вышла на веранду, гдѣ, съ тоскою по миломъ, стала глядѣть въ даль.

Старшая ея сестра плотнѣе закуталась въ платокъ и, подойдя къ двери, стала прислушиваться, о чемъ говорили въ гостинной.

Влюбленная Агнеса на все смотрѣла глазами Ротвейля, и блѣдныя уста ея радостно улыбнулись, когда она услышала, что рѣчь шла объ униженіи Пруссіи, которой предвѣщалась гибель. Ей даже не приходило въ голову, что борьба могла стоить жизни ея возлюбленному. Она была увлечена и ослѣплена всеобщей ненавистью.

А герцогинѣ, вмѣсто того, чтобы заниматься политикой, лучше было бы обратить вниманіе на своихъ дочерей. Она давно знала, что Агнеса находилась въ недозволенной связи съ плацмайоромъ. Какъ женщина благоразумная, она утѣшала себя тѣмъ, что старшая дочь ея мало имѣетъ надежды выйти замужъ, и что опасно возстать противъ ея страсти. Главное, надо было стараться скрыть ее отъ мужа, который могъ погорячиться и все испортить. Она всегда съ болью въ сердцѣ смотрѣла на блѣдное, изнуренное лицо Агнесы, и на ея лихорадочно горѣвшіе глаза. А Гильда?...

Ну, та молода и перенесетъ все. Предметъ ея глупости уѣхалъ и, слѣдовательно, она скорешенько все забудетъ.

Это была старая, вѣчная борьба царствующихъ особъ: борьба между долгомъ и кровью... Долгъ, конечно, долженъ былъ взятъ перевѣсъ, а главное, и самое важное: все слѣдовало сохранить въ величайшей тайнѣ. Все это она сама испытала въ молодости, и все это она пережила.

Герцогъ же, напротивъ, съ грустью смотрѣлъ на страдальческій видъ своихъ дочерей и даже обращался къ доктору, который прописалъ имъ движеніе и желѣзные пилюли. Въ то время, какъ герцогиня занималась политикой, мужъ ея въ волненіи ходилъ у себя по комнатѣ.

Жанъ Кюкопфъ только что ушелъ. •

На столѣ, сбоку, лежала большая карта Германіи и множество листовъ бумаги, исписанныхъ цифрами. Маленькія знамена съ булавками были натканы въ разныхъ углахъ карты. Герцогъ иногда останавливался передъ картою, затѣмъ подходилъ къ окну и въ волненіи барабанилъ по стеклу. Чѣмъ ближе былъ онъ къ рѣшенію, тѣмъ болѣе сомнѣвался и думалъ о невѣдомомъ будущемъ.

Онъ начиналъ понимать, что Пруссія сильнѣе другихъ государствъ, но слово уже было дано, и измѣнить ему онъ не могъ.

Онъ останавливался и рассчитывалъ, сколько гдѣ стоитъ войскъ, никакъ не соображая, что цифры почерпнуты имъ изъ австрійскихъ газетъ, и, слѣдовательно, могутъ быть невѣрны. Онъ надѣялся все-таки, что Австрія одержитъ верхъ, и герцогство его будетъ увеличено кускомъ Пруссіи. Въ это время ему доложили о приходѣ генерала Зандревскаго.

Лицо герцога нахмурилось. Довѣріе его къ приближеннымъ было поколеблено послѣдними событіями, пренія въ палатѣ открыли наконецъ глаза добродушному старику... Онъ зналъ, что всѣ вкругомъ обирали его, и у всѣхъ руки были замараны.

Только одинъ оказался чистымъ и знающимъ,—это былъ

Бодманъ, тотъ самый Бодманъ, котораго онъ не любилъ и противъ котораго его постоянно раздражали.

Все это онъ теперь зналъ и все-таки оставлялъ все по старому, только потому, что боялся сердитыхъ взоровъ жены и графини Феличиты. Онъ оставилъ всѣхъ на прежнихъ мѣстахъ, но постоянно теперь высказывалъ имъ свое неудовольствіе.

Генераль, принявъ видъ обиженнаго человѣка, вытянувшись, остановился въ дверяхъ; герцогъ холодно поклонился ему и спросилъ:

— Что новаго, ваше превосходительство?

Это былъ его обычный вопросъ, такъ какъ всѣ новости Зандревскій зналъ гораздо лучше другихъ.

Не успѣлъ генераль отвѣтить, какъ камердинеръ доложилъ о приходѣ министра фонъ-Кенигсбаха, и всѣ сѣли за работу.

Въ сущности, работа эта теперь должна бы быть серьезной, такъ какъ Пруссія подняла перчатку, брошенную ей всей Германіей; но она кончилась черезъ полчаса, и герцогъ уже собрался отправиться на дамскую половину, какъ вдругъ пережѣнилъ намѣреніе и позвонилъ.

— Пошлите къ генералу Бодману и велите сказать, что мнѣ надо поговорить съ нимъ, приказалъ онъ, и снова обратился къ своей картѣ, на которую внимательно сталъ смотрѣть.

Въ эту минуту, герцогу подали письмо изъ Вѣны, отъ котораго лицо его просіяло и онъ обрадовался, какъ ребенокъ.

— Что за милые люди! шепталъ онъ, читая письмо и совершенно смягчаясь.

Въ такомъ-то блаженномъ состояніи засталъ герцога генераль Бодманъ, котораго старикъ встрѣтилъ, потирая руки.

— А, вотъ и вы! вотъ и вы! мой милѣйшій генераль! заговорилъ онъ:—ну, что хорошаго... что новаго?... преместная погода... какъ разъ для лагерей.

— Да, конечно, ваше высочество, отвѣчалъ генераль, хорошо знавшій манеру герцога говорить. Затѣмъ умные глаза его увидали карту. Герцогъ, замѣтивъ это, прямо приступилъ къ дѣлу.

— Идите-ка... посмотрите, милѣйшій генераль... вѣдь вы

знатокъ этого дѣла, живо заговорилъ онъ, подводя генерала къ столу... Вотъ взгляните, вотъ тутъ ганноверцы, а вотъ тутъ пруссы... пруссаки съ своимъ Мантейфелемъ!..

— Точно такъ, ваше высочество!

— Я получилъ добрыя вѣсти изъ Вѣны... Все идетъ à merveille.

— Но тамъ, въ Голштиніи, ваше высочество...

— А вотъ видите... дня черезъ два, черезъ три, желтые укажутъ путь пруссакамъ.

— Этому вѣрить нельзя, ваше высочество, твердо отвѣчалъ генералъ.

— Вѣрить нельзя?.. какъ такъ?.. отчего? съ удивленіемъ и даже съ досадою спросилъ герцогъ.

— Позвольте, ваше высочество... у фельдмаршала Габленца только 4,800 человѣкъ, а у Мантейфеля 12,000 и тутъ же вблизи еще 5,000 человѣкъ.

— Это откуда вы знаете?.. а ганноверцы -то! ганноверцы! развѣ вы ихъ ни за что считаете?

— Они еще не готовы и не стянуты въ одинъ пунктъ. И поэтому я не думаю...

— Ахъ!.. да откуда вы это знаете?.. Какъ можете вы это говорить?

— Ваше высочество, я читаю берлинскія газеты!

— Ахъ!.. такъ вы... берлинскія газеты!.. вотъ какъ!.. вскричалъ герцогъ, отступая и сердито глядя на генерала.

— Кто хочетъ знать, что дѣлается на свѣтѣ, тотъ долженъ смотрѣть и слушать...

— Ну, конечно! конечно!.. Тутъ есть частичка правды, это я на себѣ испыталъ, прошепталъ герцогъ, и затѣмъ, помолчавъ, снова обратился къ генералу.—Вотъ видите, я не очень-то долюбиваю эти газеты... Ну, а что же въ нихъ говорится?

— Тамъ на настоящія событія смотрятъ очень серьезно, но надѣются, что дѣло до войны не дойдетъ, серьезно отвѣчалъ Бодманъ.

— Вотъ какъ! въ самомъ дѣлѣ?.. такъ онѣ надѣются?

Герцогъ потеръ себѣ руки.

— Ну, посмотримъ-ка, какъ-то онѣ спохватятся въ послѣднюю минуту... Да... да... Что, бишь, я хотѣлъ сказать!.. да, четырнадцатаго, милѣйшій генераль, четырнадцатаго во Франкфуртѣ будутъ отбираться голоса союза.

Генераль фонъ-Бодманъ серьезно и вопросительно посмотрѣлъ на герцога.

— А я подамъ голосъ противъ пруссаковъ! проговорилъ герцогъ, кивая головой.

Смуглое лицо генерала омрачилось. Онъ съ безпокойствомъ повернулся.

— Это, ваше высочество дѣйствительно порѣшили? мрачно спросилъ онъ.

— Ну, конечно, порѣшилъ!

— Слѣдовательно, ваше высочество уже выбрали себѣ другое мѣсто жительства?

Эти слова и энергія, съ которой они были произнесены, произвели необыкновенное дѣйствіе, и герцогъ, широко раскрывъ глаза и разинувъ ротъ, отпрыгнулъ отъ него.

— Что... что? въ недоумѣніи говорилъ онъ.—Генераль фонъ-Бодманъ... я просилъ бы васъ...

Но генераль мрачно продолжалъ, не обращая вниманія на герцога.

— Въ такое серьезное время, какъ то, которое мы переживаемъ, ваше высочество, каждый вѣрный подданный обязанъ говорить правду безъ прикрасъ...

— Именно безъ прикрасъ... потому то вы и сказали грубость! перебилъ его обиженный герцогъ, махая руками. На щекахъ у него показалось два красныхъ пятна.

Генераль поклонился и затѣмъ снова выпрямился.

— Ваше высочество... будьте снисходительны... я говорю изъ желанія добра, сказалъ онъ, приложивъ руку къ груди.

— Другое мѣсто жительства!.. неслыханно! сердито ворчалъ герцогъ.

Тутъ генераль подошелъ къ картѣ съ маленькими флагами, и, наклонившись надъ нею, продолжалъ:

— Прусская граница идетъ тутъ, около Борны, всего миль за двѣ отъ X. Король Вильгельмъ и князь Бисмаркъ шутить не любятъ, это мы видимъ изъ всего, и потому я твердо убѣжденъ, что если сегодня ваше высочество подадите голосъ противъ Пруссіи, то не позже, какъ завтра прусскія войска двинутся сюда.

— Ого! ну, позвольте, позвольте, генераль! Я этого и слышать не хочу! въ страшномъ гнѣвѣ вскричалъ герцогъ.—Двинутся сюда?.. А по какому это праву?.. Это было бы нарушеніемъ союза... Зачѣмъ же существуетъ союзъ и наши собственныя войска?

Генераль покачалъ головой; онъ твердо выдерживалъ бурю.

— Наши войска? отвѣчалъ онъ. — Ваше высочество, знаете сами, что они разсѣяны по всей странѣ.

— Ну, такъ я ихъ стяну... я... отдамъ приказъ...

— Очень хорошо... отдадите приказъ... и стянете, только не сюда, а на нижнюю границу, для того чтобы ихъ можно было, если вы подадите голосъ противъ Пруссіи, двинуть... на югъ.

— Его высочество, принцъ Александръ! доложилъ въ эту минуту камердинеръ.

— Братъ! вскричалъ герцогъ;—что ему надо?

Герцогъ строго посмотрѣлъ на генерала.

— Вы не въ заговорѣ ли ужь? подозрительно спросилъ онъ:— это условенная игра?.. Меня хотятъ принудить силой?

— Ваше высочество... я честный человѣкъ и вѣрный вамъ подданный, возразилъ генераль, не опуская глазъ...

Герцогъ же опустилъ глаза:—такое достоинство смущало его.

— Просите! сердито крикнулъ онъ камердинеру.

— Прошу меня милостиво уволить, ваше высочество, проговорилъ оскорбленный генераль.

— Уволить?.. это зачѣмъ?.. Ахъ, да... Ну, полноте, генераль... нечего сердиться... Мало ли какое вырвалось слово... вы знаете... я не злой... вы сами начали!.. вотъ вамъ моя рука... Я знаю,

что вы хорошій, умный человекъ... я докажу вамъ... Ахъ, братъ!.. останьтесь генераль.

Онъ холодно обернулся къ вошедшему.

Принцъ Александръ, вернувшись изъ Италіи, находился въ постоянно возбужденномъ состояніи, а въ этотъ день, повидимому, былъ разстроенъ больше обыкновеннаго. Онъ весь дрожалъ.

— Извините, если я помѣшалъ вамъ, проговорилъ онъ, добѣ до половины комнаты. — Важныя дѣла...

— Пожалуйте, холодно перебилъ его герцогъ.

— А! генераль фонъ-Бодманъ!

Принцъ Александръ привѣтствовалъ его гримасой, вмѣсто улыбки. Онъ, повидимому, былъ доволенъ, встрѣтивъ его тутъ. Генераль поклонился.

Герцогъ принялъ гордый видъ, и готовъ былъ на рѣшительный отпоръ. Но отпора никакого не потребовалось, потому что принцъ пришелъ вовсе не затѣмъ, чего ожидалъ герцогъ.

— Я пришелъ съ очень неприятнымъ извѣстіемъ, въ сильномъ волненіи началъ принцъ. — Въ публикѣ распространилось извѣстіе... я получилъ даже анонимное письмо...

— Въ публикѣ?.. Что же тамъ говорятъ? И что мнѣ до этого за дѣло? съ неудовольствіемъ перебилъ его герцогъ.

— Этотъ человекъ... этотъ плацмайоръ... господинъ фонъ-Ротвейль, отвѣчалъ принцъ, сильно размахивая правой рукой и дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

— Ахъ!.. опять плацмайоръ? сердито сказалъ герцогъ.

— Во-первыхъ, эта скандальная исторія подъ новый годъ, потомъ исторія въ Борнѣ...

— Въ этой исторіи судъ оправдалъ его, живо перебилъ герцогъ.

— Оправдалъ... ну еще бы!.. Но только что успѣли замѣть исторію съ пожаромъ цейхауза и онъ взялъ обратно свой смѣшной вызовъ, какъ онъ затѣялъ опять ссору... Этотъ господинъ просто...

— И ты для этого пришелъ сюда? нѣсколько наивно и насмѣшливо спросилъ герцогъ. — Генераль Бодманъ, извѣстно-ли

вамъ то, что говоритъ мой братъ, что говоритъ его высочество? прибавилъ онъ, почти съ нѣжностью, обращаясь къ генералу.

— Точно такъ, ваше высочество... я получилъ официальное донесеніе.

— А!.. такъ зачѣмъ же вы тотчасъ не сообщили мнѣ?

— Ваше высочество не дали мнѣ возможности сообщить.

— Да... да... это вѣрно!.. Благодарю тебя, любезный Алекс.... знаешь, что этотъ мятежникъ только что мнѣ сказалъ сейчасъ? продолжалъ онъ, вдругъ переходя въ дружескій, почти шуточный тонъ и кладя руку на руку принца.—Онъ спрашивалъ меня... подыскалъ ли я себѣ другое мѣсто жительства... слыхано-ли это?..

— Я что-то не понимаю, мрачно отвѣчалъ принцъ.

— Такъ какъ четырнадцатаго числа я подамъ голосъ противъ Пруссіи.

— Ты серьезно на это рѣшился? спросилъ принцъ Александръ, отступая на шагъ, и страшно покраснѣлъ, сверкнувъ глазами.

— Совершенно серьезно! Я далъ свое герцогское слово.

— Ну, такъ это другое дѣло... въ такомъ случаѣ и ты, и всѣ мы, и весь народъ должны будемъ отвѣчать за послѣдствія... Конечно, теперь пора уже выбрать другое мѣсто жительства, отвѣчалъ принцъ, въ ярости заскрежетавъ зубами.—Тебѣ слѣдовало бы слушать мнѣнія людей близкихъ тебѣ по крови, а не нанятыхъ обманщиковъ и льстецовъ.

— Молчите, ваше высочество!.. прошу васъ! Я не желаю слышать подобныхъ вещей!.. Здѣсь, у себя въ домѣ, я хозяинъ, такъ какъ государь—я. Когда я умру, тогда ты займешь мое мѣсто... а не ранѣе!

Принцъ, сильно поблѣднѣвъ отъ оскорбленія, отступилъ назадъ.

— Что это, генераль, за исторія съ плацмайоромъ? послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ герцогъ, обращаясь къ генералу.

— Ваше высочество, онъ началъ ссору съ поручикомъ фонъ-Рейхертомъ, отвѣчалъ генераль въ тяжеломъ смущеніи и съ полнымъ сочувствіемъ къ принцу.

— И больше ничего?.. я это разберу... превращу!..

— Ваше высочество... весь корпусъ офицеровъ возмущенъ этимъ, и на этотъ разъ дуэль неизбежна.

— Такъ и они хотятъ возстать противъ меня?.. Что они могутъ имѣть противъ Ротвейля?.. Иногда онъ заходилъ слишкомъ далеко, но онъ вѣрный, преданный слуга своего государя и полковника, и храбрый офицеръ.

Генераль поклонился и замолчалъ, а принцъ съ бѣшенствомъ щипалъ себѣ усы.

Герцогъ, крупными шагами, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Во всякомъ случаѣ все остается такъ, какъ мною рѣшено было раньше, громко вскричалъ онъ.— Я подаю голосъ, вмѣстѣ съ другими, противъ Пруссіи! И чтобы придать болѣе значенія моему рѣшенію, я... отдамъ приказъ стянуть мои вѣрныя войска... Я отдаю ихъ подъ главное командованіе генерала фонъ-Бодмана!.. Объ этомъ будетъ объявлено. Благодарю, господа!.. До свиданья!

Принцъ и совершенно сконфуженный генераль поклонились, и въ волненіи вышли изъ замка.

ЗАБЛУДИВШІЙСЯ.

(изъ зимнихъ думъ).

Увы! Ненастная, нерадостная ночь
Застала путника въ снѣгахъ степи безбрежной...
Куда идти, и какъ усталость превозмочь,
И гдѣ найти пріютъ сповойный, безмятежный?

Кругомъ все снѣгъ да снѣгъ, и застилаетъ онъ,
Вздыхаясь и вертясь, слѣпившіяся очи,
Сѣдыя облава ползутъ со всѣхъ сторонъ,
А вѣтеръ все слыбнѣй крѣпчаетъ въ полночь.

Темно. Ни звѣздочки въ нависшихъ облакахъ,
Не серебритъ луна бунтующаго снѣга...
Душою путника овладѣваетъ страхъ—
Замерзнуть на пути безъ крова и ночлега.

И жадно смотреть вдаль растерянный бѣднякъ,
Но тщетно: ни одной не видитъ онъ избушки...
Такъ мудрено-ль теперь, что сдѣлаетъ онъ шагъ
На чуть блеснувшій свѣтъ какой нибудь... гнилушки?!

М. Лачиновъ.

СРЕДИ ПРИРОДЫ.

Темнѣетъ день. Туманъ съдой
Одѣлъ прибрежныя лужайки
И всталъ, какъ призракъ, надъ водой,
Гдѣ рѣютъ стонуція чайки.

Градъ угрюмыхъ, дивныхъ свалъ
Заката заревомъ залита;
Свирѣпо плещетъ мутный валъ
Въ грудь богатырскую гранита.

Кидаясь словно на врага,
Онъ, отраженный, вдругъ отскочить—
И снова бьется въ берега,
Все побороть преграду хочетъ.

Непримиримая вражда
Впередъ, на приступъ, гонить волны;
Но свалъ громады, какъ всегда,
Несокрушимы и безмолвны...

И вырывается у волнъ
Стонъ продолжительный, могучій;
Безсиьной ярости онъ полнъ,
Въ немъ скрыто столько муки жгучей.

И длится страшная борьба,
Изъ года въ годъ, идетъ отъ вѣка...
Не такова ли и судьба
Мятежной жизни человѣка?

Какъ эти воды на просторъ
Стремятся жадно, неуклонно,
Такъ жаждетъ воли съ давнихъ поръ
И человѣкъ поработенный...

П. Быковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Раздвоеніе журнальнаго и газетнаго лагерей.—Значеніе этого факта.—„Московскія Вѣдомости“ въ прошломъ и настоящемъ.—„Мели Емеля—твоя недѣля“.—Причина вліянія „Московскихъ Вѣдомостей“.—„Голосъ“.—„Флюгеръ“ и „Чего изволите?“—въ роли либеральнаго органа.—Отношеніе „Голоса“ къ другимъ органамъ либеральной печати.—Замѣна литературныхъ обзорѣній системою выдачи одобрительныхъ или неодобрительныхъ аттестацій журналамъ.—Деморализующее вліяніе „Голоса“ въ печати.—Конгломератъ, разлагающій основы либерализма.—Злостная, преднамѣренная ложь о „Наблюдателѣ“.—Дѣйствительно либеральныя газеты.—Причина слабости ихъ вліянія.—Провинціальная печать.—Вина общества.

Рознь — исконный недугъ славянства. Главное, чего не достаетъ намъ, русскимъ, — это единства, нравственной сплоченности и солидарности. Даже наиболее образованные слои общества не могутъ сойтись между собою и договориться до чего нибудь опредѣленнаго по самымъ основнымъ вопросамъ. Даже люди однихъ и тѣхъ же либеральныхъ профессій зачастую безконечно вздорятъ и препираются между собою, въ сущности, изъ-за ломаннаго гроша и выѣденнаго яйца. Великое горе — эта славянская рознь! Даже и кровавые уроки исторіи, съ ихъ бѣдственными для славянства послѣдствіями, не могутъ научить и образумить враждующихъ!..

Съ этой точки зрѣнія, русская печать представляетъ весьма характерное явленіе. Не безъ основанія она такъ давно уже и такъ скорбно жалуется на судьбу, и въ то же время сама, собственными руками, весьма дѣятельно и неуклонно отягчаетъ да отягчаетъ свое положеніе. Чрезвычайно трудно, почти невозможно, найти два солидарныхъ между собою журнала, двѣ солидарныя между собою газеты. Всѣ идутъ въ одиночку, въ разбродъ. Чрезвычайно рѣдкими, единичными представляются такіе случаи, когда разные органы печати открыто опираются другъ на друга

Напротивъ: въ послѣдніе годы болѣе и болѣе опредѣляется довольно рѣзкая обособленность журнальнаго и газетнаго міровъ, т. е. раздвоеніе русской печати на два лагеря—журнальный и газетный. Трудно сказать, что лежитъ въ основаніи этого факта—мелочная-ли конкуренція, мелкое-ли самолюбіе, или просто необдуманность, отсутствіе сколько нибудь опредѣленныхъ, установившихся принциповъ въ русской печати. Но, во всякомъ случаѣ, явленіе это въ высшей степени уродливо и прискорбно. Этимъ ослабляется нравственное вліяніе печати, подрывается ея авторитетъ въ глазахъ общества.

Еще во время русско-турецкой войны, въ моментъ сильнаго возбужденія общественныхъ страстей, пушена была въ оборотъ, со страницъ нѣкоторыхъ газетъ, дикая мысль, что «газета убила журналъ». Въ свое время, эта неприличная и недостойная печати выходка встрѣчена была смѣхомъ. И понятно. При существующихъ условіяхъ русской печати, газета, на самый хорошій конецъ, можетъ только проложить въ жизни дорогу для журнала, но ни въ какомъ случаѣ—не «убить», т. е. не замѣнить его. Всѣ такъ называемые «скользкіе» и «щекотливые» вопросы, о которыхъ въ газетахъ говорится только намекомъ, разрабатываются именно на страницахъ журналовъ, насколько это позволяютъ обстоятельства. Худа-ли, хороша-ли эта разработка—другой вопросъ; но это, дѣйствительно, разработка, а не голословное высказываніе извѣстнаго рода мнѣній и взглядовъ. Значить, мало того, что газета не можетъ «убить журналъ», но, при существующихъ условіяхъ печати, газета ни въ какомъ случаѣ не можетъ даже нравственно удовлетворить читателя, только скользя по поверхности вопросовъ, а не разрабатывая ихъ. Она, такъ сказать, только будитъ вниманіе читателя въ извѣстномъ направленіи, но не даетъ ему положительной нравственной пищи въ этомъ направленіи. Мы говоримъ это вовсе не къ тому, чтобы умалить значеніе газеты: мы признаемъ и сердечно привѣтствуемъ фактъ постепенно увеличивающагося распространенія газетъ и приобретаемаго ими вліянія въ обществѣ. Лишь бы только вліяніе это было дѣйствительно полезное, лишь бы газета наводила на умъ читателя, а не сбивала его съ толку. Въ данномъ случаѣ, мы желаемъ указать причину, почему у той части читающей публики, для которой газета сдѣлалась потребностью, не меньшую нравственную потребность представляетъ и журналъ, дополняющій и разъясняющій то, о чемъ въ газетахъ говорится только вскользь, намекомъ.

Въ виду этого, раздвоеніе русской печати на журнальный и газетный лагерь и—что несравненно хуже—обособленность этихъ лагерей, все увеличивающагося съ теченіемъ времени, имѣетъ болѣе серьезное общественное значеніе, чѣмъ можетъ казаться

это съ перваго взгляда. Если нѣтъ единства и солидарности между органами печати, то по какому же праву мы будемъ искать его въ другихъ проявленіяхъ русской жизни!... «Если хотите безошибочно оцѣнить нравственное состояніе общества,—говоритъ одинъ изъ современныхъ французскихъ критиковъ,—степень его сплоченности, солидарности и ту энергію, которую оно способно проявлять въ борьбѣ со всевозможными невзгодами во внѣшней и внутренней государственной жизни,—опредѣлите состояніе печати, ея направленіе и распредѣленіе на партіи, а также и тѣ средства борьбы, къ которымъ прибѣгаетъ печать различныхъ политическихъ отѣнковъ... Не ждите ничего хорошаго отъ общества, если въ крупнѣйшихъ органахъ печати вы встрѣтите передѣрки, ложь, клевету, неуваженіе къ человѣческой личности—словомъ, безчестныя средства борьбы съ противникомъ... Тѣмъ меньше основаній ждать отъ общества чего либо путнаго, если органы печати одного направленія не умѣютъ сохранить между собою единства и солидарности во имя служенія дѣлу... Справедливо, что печать служитъ отраженіемъ общества; но, съ другой стороны, и общество даетъ жизнь тѣмъ или другимъ органамъ печати, тому или другому направленію ея во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ политическихъ фракцій».

Вотъ почему мы сочли необходимымъ остановиться на печати, какъ на крупнѣйшемъ и характернѣйшемъ проявленіи нашей общественной жизни. На этотъ разъ мы касаемся только газетъ. Читателямъ, полагаемъ, достаточно извѣстно, что «Наблюдатель», во имя журнальной солидарности, чуждается полемики съ тѣми органами печати, съ которыми онъ мало-мальски соприкасается въ направленіи. Но, съ другой стороны, «Наблюдателю» чужда также и поблажка заблужденіямъ и предразсудкамъ толпы относительно такъ-называемыхъ «большихъ» газетъ. Мы будемъ объективны, безпристрастны. Нами руководитъ общественный интересъ, общественное значеніе вопроса о ежедневной печати.

Начнемъ съ «Московскихъ Вѣдомостей». Давнымъ давно рѣшено и подписано, что это—только «Вѣдомости», но не газета въ общественномъ, европейскомъ смыслѣ слова, не органъ живыхъ стремленій развивающагося общества. Отъ нихъ вѣетъ духомъ застоя, мертвечины и старческой ненависти ко всякому жизнотворному началу. И все-таки, волей-неволей, приходится признать «Вѣдомости» политическимъ органомъ, благодаря ихъ особенному положенію и публицистическому дарованію главнаго редактора. Мало того: этотъ странный во всѣхъ отношеніяхъ органъ ренегатствующихъ ретроградовъ,—смѣсь оффиціозности съ московско-клубной оппозиціей временъ Фамусова,—отличается отъ всѣхъ другихъ органовъ ежедневной русской печати наибольшою

опредѣленностью и пользуется въ известномъ смыслѣ и въ известныхъ сферахъ вліяніемъ. Напрасно вы стали бы доискиваться причины этого вліянія въ прошлыхъ политическихъ заслугахъ газеты, или въ нынѣшнемъ ея походѣ противъ всѣхъ основъ цивилизованнаго быта. Въ самомъ дѣлѣ, что такое прошлое «Московскихъ Вѣдомостей»? Можно ли, безъ натяжки и передѣрки, указать хоть на одну заслугу ихъ передъ государствомъ и обществомъ? — Существуетъ совершенно ошибочный взглядъ, что во время польской смуты «Московскія Вѣдомости» оказали какую-то «услугу» разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ привислинскихъ губерніяхъ и юго-западномъ краѣ. Въ свое время, редакторъ «Наблюдателя» немало потрудился надъ опроверженіемъ этого ложнаго взгляда въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей. Интересующихся этимъ предметомъ мы отсылаемъ къ брошюрѣ: «Живые Вопросы» (критическіе очерки и этюды изъ современной жизни), изданной въ 1870 году. Но въ виду интереса предмета и закоренѣлости предразсудка о мнимой заслугѣ «Вѣдомостей», приведемъ небольшую выдержку изъ названной брошюры, чтобы показать, насколько далеки «Вѣдомости» отъ какой-то «заслуги» въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ сѣверо-и юго-западномъ краѣ.

«Въ началѣ польскаго возстанія, — говорится въ первомъ очеркѣ помянутой брошюры («По окраинамъ»), — когда наше правительство колебалось еще между разными мѣрами для противодѣйствія повстанцамъ, одинъ генералъ, командовавшій войсками въ сѣверо-западномъ краѣ, подмѣтилъ тамъ слѣдующій фактъ. «Положеніе здѣшнихъ крестьянъ, — писалъ онъ, — заслуживаетъ самаго глубокаго, самаго полнаго сочувствія... Подчиненные помѣщикамъ, чуждымъ имъ по происхожденію и по религіи, чуждымъ по традиціи и обычаямъ, по политическимъ привязанностямъ и по исторіи, они испытываютъ все, что только испытывалъ черный человѣкъ на плантаціяхъ устьевъ Миссиссипи. Въ настоящее время, въ силу манифеста 19-го февраля, освободившись отъ канонъ, они не чувствуютъ, кромѣ глубокой ненависти и недовѣрія, ничего къ полянамъ — господамъ западнаго края. Это два враждебные лагеря, разбитые рядомъ по необходимости». «Сказать крестьянамъ, — писалъ далѣе генералъ: сойдитесь съ помѣщиками — опасно. Сказать: уважайте ихъ и вѣрьте имъ — еще опаснѣе. Сказать: не слушайте — и того хуже. Что остается дѣлать? Какъ отличить справедливыя жалобы крестьянъ отъ ложныхъ доносовъ? Какъ сдѣлать, чтобы, начавъ отъ справедливаго участія къ судьбѣ тяжело угнетенныхъ людей, дѣйствуя такъ, какъ того требуютъ современные обстоятельства, не содѣйствовать поднятію пока дремлющихъ свирѣпыхъ инстинктовъ полудикихъ людей? Наплывомъ событій, условія общественной жизни и интересы въ Литвѣ перемѣнились и запутались въ одно нестройное цѣлое. Какой-то страхъ и смущеніе охватили все сословія. Среди такого положенія дѣлѣ, сколько-нибудь опытный глазъ видитъ въ крестьянахъ единственный оплотъ существующему порядку. Независимо отъ влч-

и антипатіи земледѣльческаго класса къ революціямъ, здѣсь существуетъ много причинъ, дающихъ крестьянамъ консервативное направленіе... Въ виду этого, что тутъ происходитъ, въ виду возможнаго будущаго, я считаю неразумно необходимымъ: дарованіе новыхъ правъ крестьянамъ въ ущербъ вѣчному дворянству, котораго пустая жизнь породила почти вездѣ рядъ тяжелыхъ затрудненій, которыя правительство приняло на себя. Эти льготы должны быть даны здѣшнимъ крестьянамъ, какъ польскимъ, такъ и русскимъ, къ кончившимъ уставныя грамоты, такъ и не кончившимъ: иначе возникнутъ новыя затрудненія. Онѣ должны облегчать крестьянамъ выкупную операцію, совершенно отстранить дворянъ отъ права вѣшателства въ политическія дѣла земщины и дать возможность крестьянамъ образовывать свою полицію. Можетъ показаться, что все это, пока, вовсе не безотлагательно необходимо. Но эти мѣры дѣйствительно нужны крайне, какъ единственное средство для образованія въ народѣ контръ-революціи, какъ непреодолимый нравственный редутъ для правительства... Безъ сомнѣнія, не одинъ авторъ приданнаго письма думалъ и предлагалъ дѣйствовать правительству такимъ образомъ: было, въ то время, много другихъ вліятельныхъ лицъ, которыми язу поняли слабую сторону мятежа и обратили вниманіе на то могущественное средство, которое находилось въ рукахъ правительства. Средство это состояло въ томъ, чтобы, независимо отъ вооруженной борьбы съ возстаніемъ, произвести социальную революцію въ самой средѣ возставшихъ и къ рабѣ и ослабить силы, дѣйствовавшія заодно. Нельзя не сказать, что средство это было очень дѣйствительное и къ тому же вовсе не новое, къ чему нечего было ломать голову надъ его изобрѣтеніемъ: оно практиковалось уже, въ широкихъ размѣрахъ, въ Галиціи, въ 1848 году. Графъ Муравьевъ, вступивъ въ 1863 году въ управленіе краемъ, только развилъ и энергически примѣнилъ къ дѣлу ту программу, которую мы находимъ въ сѣмѣ генерала. Ничего новаго и самостоятельнаго не внесъ онъ въ эту программу, въ чемъ легко убѣдиться, сличивъ содержаніе его официальныхъ пошеи съ вышеприведеннымъ письмомъ.

Тѣмъ болѣе, значитъ, не внесли и, по самой сущности дѣла, могли даже внести «Московскія Вѣдомости» чего либо новаго самостоятельнаго въ эту программу. Онѣ шли въ хвостъ вполне назрѣвшихъ и прочно установившихся правительственныхъ мѣропріятій въ борьбѣ съ возстаніемъ—и только. Но допустимъ же, что есть скрупулезная доля заслуги «Московскихъ Вѣдомостей» въ томъ, что онѣ поняли направленіе и смыслъ правительственныхъ мѣропріятій и, до нѣкоторой степени, содѣйствовали проведенію ихъ въ жизнь, хотя, по правдѣ сказать, обычный полицейско-сыскной тонъ «Вѣдомостей», ихъ манера обвинять во что бы то ни стало—вносили въ общество значительную дозу раздраженія по поводу мѣръ, вызываемыхъ политической необходимостью, и препятствовали спокойному, хладнокровному сужденію въ печати. Было-ли, однако, такое отношеніе «Московскихъ Вѣдомостей» къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса

въ западномъ край результатомъ убѣжденія?—Вовсе нѣтъ. «Вѣдомости» обвиняли и продолжаютъ обвинять въ государственной измѣнѣ всѣхъ тѣхъ, которые признають необходимымъ улучшение крестьянскаго быта во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, согласно программѣ, принятой для западнаго края. Обвиняя помѣщиковъ западнаго края въ пристрастномъ и недобросовѣстномъ отношеніи къ эмансипаціи крестьянъ, доказывая необходимость отстранить ихъ здѣсь отъ какаго бы то ни было отношенія къ крестьянскому дѣлу, «Вѣдомости» возвели помѣщиковъ остальной Россіи въ санъ «столповъ отечества», купно съ Колупаевыми и Разуваевыми, и выдали имъ патентъ на безусловную благонамѣренность, настойчиво рекомендуя поставить ихъ «на стражѣ отечества» и дѣятельно занимаясь, въ то же время, сыскомъ и заподозриваніями всѣхъ другихъ сословій и классовъ русскаго населенія. Доказывая необходимость поднятія народнаго образованія въ западномъ край, «Вѣдомости» впоследствии оказались ревностнѣйшими и отчаяннѣйшими гонителями просвѣщенія, и особенно начальнаго, въ остальной Россіи.

Словомъ, между тѣмъ, что высказывалось «Московскими Вѣдомостями» во время усмиренія мятежа, и тѣмъ, что проводилось ими впоследствии,—діаметральная противоположность, самое рѣзкое и рѣшительное противорѣчіе. Это ренегатство и измѣна основнымъ руководящимъ началамъ и принципамъ — грустный жребій «Вѣдомостей». Всѣмъ памятно еще то время, когда г. Катковъ казался безнадежно зараженнымъ англоманствомъ, когда онъ открыто бредилъ порядками англійскаго государственнаго управленія, такъ что попалъ даже на «замѣчаніе», какъ человѣкъ «опасный» въ нѣкоторомъ родѣ. Если хотите, г. Катковъ, дѣйствительно оказался опаснымъ, но только съ другой стороны и совершенно въ иномъ смыслѣ. Въ тотъ самый моментъ, когда бредъ «англоманствомъ», казался, достигъ своего кульминаціоннаго пункта, г. Катковъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, на главахъ почтеннѣйшей руссійской публики, спокойно, не торопясь, перерядился въ полицейскій мундиръ и теперь торжественно утверждаетъ, что во все время своей публицистической дѣятельности онъ только и дѣлалъ, что занимался доказательствомъ: « $A=A$, или $2 \times 2=4$ ». Вотъ, вѣдь, и «въ водѣ былъ, а сухъ вышелъ»; и «невинность сохранилъ» — и капиталъ приобрѣлъ». Всю свою жизнь, весь запасъ своей нравственной энергіи израсходовалъ человѣкъ на то, что вопреки реальной дѣйствительности, доказывалъ: « $2 \times 2=3$ », а теперь думаетъ обморочить публику, что его «3» — это и есть самое настоящее «4».

Мы назвали «Московскія Вѣдомости» политическимъ органомъ, но, разумѣется, не въ общепринятомъ европей-

скомъ смыслѣ слова, а въ смыслѣ грустной необходимости считаться съ тѣмъ, что говорятъ «Вѣдомости». Этотъ органъ отличается удивительнымъ упорствомъ, доходящимъ нередко до дерзости, но въ то же время онъ не имѣетъ никакой принципиальной программы:—руководящія начала его туманны, сбивчивы, а зачастую просто неуловимы. То онъ прикидывается славнофиломъ и народникомъ (сбивая съ толку г. Аксакова), то является отчаяннымъ бюрократомъ на прусскій людъ и топчетъ въ грязь всякое народничанье. Какъ пифія, изрыгаетъ онъ лже-истины, въ какомъ то болѣзненномъ гипнотическомъ состояніи. Но не всегда удобно бываетъ подступиться къ этимъ лже-истинамъ. То такъ называемыя «независящія обстоятельства» мѣшаютъ вступить въ ратоборство со жрецомъ политической лжи, то, наконецъ, изрыгаемая имъ премудрость слишкомъ ужъ претитъ своимъ явнымъ противорѣчіемъ исторической правдѣ и элементарнымъ истинамъ политической науки. Второй годъ уже, какъ «Московскія Вѣдомости» пользуются исключительною привилегіею говорить во всю ширь и мочь. Сегодня, напр., онѣ провозглашаютъ, что «Россія находится въ революціи»; что она «свободна отъ правительства, въ смыслѣ органа общественной пользы и общественной справедливости»; завтра, иллюстрируя свою мысль живыми примѣрами, онѣ говорятъ *en toutes lettres*, что министерство народного просвѣщенія два года (т. е. во время управленія г. Сабурова и бар. Николаи) «находилось въ воровскихъ рукахъ». Говорятъ, наконецъ, что въ Россіи необходимо прибѣгать къ суду Линча. Словомъ, свободой печати «Московскія Вѣдомости»—и только онѣ однѣ—пользуются въ полной мѣрѣ, и нѣкоторыя цитаты изъ этой газеты, освобожденныя отъ вѣчающаго ихъ государственнаго герба, могли бы служить украшеніемъ любой изъ подпольныхъ прокламацій... Только относительно самихъ «Московскихъ Вѣдомостей» справедливъ упрекъ, сдѣланный г. Катковымъ гр. Игнатьеву, что при немъ легальная печать, по рѣзкости тона, «сравнялась съ нелегальною». Казалось бы, тутъ-то «Моск. Вѣдомостямъ» и нужно высказать, чего они хотятъ, къ чему стремятся, какимъ путемъ, какими мѣрами думаютъ онѣ умиротворить Россію, замѣнить нынѣшній застой, нынѣшнее «отсутствіе правительства» энергическою дѣятельностію во всѣхъ сферахъ и проявленіяхъ народной жизни, какъ того настоятельнѣйшимъ образомъ требуютъ обстоятельства и условія внутренней нашей жизни. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи, ими сдѣлано даже менѣе, чѣмъ самой маленькой провинціальной газеткой. Онѣ не сказали ничего, сколько-нибудь опредѣленнаго и положительнаго ни о причинахъ внутреннихъ нашихъ затрудненій и бѣдствій, ни о средствахъ устрани-

нія ихъ. Въ погонѣ за крамолою, онѣ занимались уловленіемъ пустоты, дѣлая при этомъ комически-озабоченный видъ людей, якобы творящихъ дѣло. Буквально отъ нечего дѣлать, отъ отсутствія темъ на «охранительные» мотивы, набившіе, какъ видно, оскомину даже самимъ лже-охранителямъ, не говоря ужъ о русскомъ обществѣ, — «Вѣдомости» занимались изобличеніями либеральной печати, ни мало, ни много, въ государственной измѣнѣ. Это — тоже старая пѣсенка, которую «Московскія Вѣдомости» тянутъ уже почти 20-тъ лѣтъ. Но въ былое время мотивы этой пѣсенки отличались, по крайней мѣрѣ, новизною и нѣкотораго рода пикантною. А теперь это какое-то беззубое, старческое шампанье, внушающее жалость и отвращеніе!..

Въ концѣ концовъ, о публицистической дѣятельности «Московскихъ Вѣдомостей» приходится сказать словами народной поговорки: «мели Емеля — твоя недѣля». Ну, да и «мелятъ» же въ послѣднее время «Вѣдомости», — мелятъ, забывши совѣсть и стыдъ. Случилась кукуевская катастрофа, — онѣ изъ всѣхъ силъ обѣляютъ желѣзнодорожниковъ и даже самую катастрофу чуть-чуть не ставятъ имъ въ заслугу. Засудили интендантовъ за воровство, — «Вѣдомости» выступили съ цѣлымъ рядомъ статей самаго «жупельнаго» свойства. Чего только нѣтъ въ этихъ гнусныхъ статьяхъ! По истинѣ ума помраченіе! Такъ, напримѣръ, развитіе казнокрадства и хищничества «Вѣдомости» приписываютъ не чрезмѣрной силѣ бюрократизма, а «слабости» его, между тѣмъ какъ тамъ-то именно и гнѣздится казнокрадство и развиваются виды всевозможнаго хищничества, гдѣ мракъ бюрократизма не даетъ возможности проникнуть свѣту. Сопоставляя обвиненіе казнокрадцовъ судомъ короннымъ и оправданіе мелкихъ ворюшекъ судомъ присяжныхъ, «Московскія Вѣдомости» приходятъ въ неописанную ярость и трактуютъ о судѣ присяжныхъ такимъ тономъ и языкомъ, словно дѣло идетъ не о государственномъ учрежденіи первостепенной важности, а о какой-то подпольной шайкѣ заговорщиковъ, занимающихся ниспроверженіемъ существующаго порядка. Самый фактъ существованія суда присяжныхъ «Вѣдомости» приравниваютъ къ фактической «отмѣнѣ закона», къ отреченію правительства «отъ своихъ обязанностей», и говорятъ, что «правительство, аки темная сила, отступило». «Вѣдомости», въ концѣ концовъ, зарпортовываются до того, что утверждаютъ, будто бы у общества «совѣсти нѣтъ» и называютъ его «сборною толпою», т. е. прямо — стадомъ барановъ. Что же касается самаго факта преданія казнокрадцовъ-чиновниковъ суду, то «Вѣдомости» усматриваютъ въ этомъ подрывъ «основъ». Вдумываясь въ этотъ безсвязный бредъ старцевъ Страстнаго бульвара, стараюсь уяснить себѣ причины, вызвавшія такую адскую злобу,

невольно, логически приходишь къ выводу, что «сыръ - боръ» загорѣлся изъ-за того, что чиновникамъ мѣшаютъ воровать или, по крайней мѣрѣ, ловятъ, уличаютъ ихъ въ воровствѣ. Вотъ только предоставьте полный просторъ всевозможнымъ вазнокрадамъ и хищникамъ,—г. Катковъ моментально умиротворится: «основы» перестанутъ колебаться; возстановится значеніе «фактически отмѣняемаго закона»; прекратится «отреченіе правительства отъ своихъ обязанностей» и «отступленіе его, аки темной силы».

Такова логика публицистовъ Страстнаго бульвара, таковъ политическій ихъ тактъ и направленіе въ вопросахъ внутренней нашей жизни. Выкрикивая голую, безсодержательную формулу о необходимости «власти для власти», они просто рехнулись въ погоню за «неблагонамѣренностью» и, будто бы, во имя «власти», съ варварскою развязностью, гнутъ всѣхъ и вся подъ мѣрку «неблагонадежности». Ратуя, будто бы, противъ «деморализаціи», они вносятъ ее въ общество въ самой сильной степени. Къ какому бы внутреннему или вѣшнему вопросу ни прикоснулись злополучныя «Московскія Вѣдомости», онѣ непремѣнно вносятъ раздраженіе, будятъ вражду и рознь, ненависть и подозрительность. И понятно. То, что проповѣдывается «Вѣдомостями», исключаетъ значеніе исторіи, науки, обязательное руководство уроками нашего ближайшаго прошлаго и фактами текущей жизни. Неучъ, невѣжда, или человѣкъ, забывшій ровно столько, сколько онъ зналъ когда-то, можетъ спокойно читать разглагольствованія «Московскихъ Вѣдомостей»; но человѣкъ, уважающій науку, знающій, хотя бы въ общихъ чертахъ только, исторію человѣчества, привыкшій искать научныхъ основаній и критеріевъ въ сужденіяхъ о текущихъ дѣлахъ и событіяхъ, естественно приходитъ въ ужасъ и негодованіе при чтеніи писаній г. Каткова:—ему страшно становится за ч е л о в ѣ к а, страшно становится за то общество, среди котораго какіе-то завалившіеся люди такъ дерзко выступаютъ съ удушливо-затхлыми проповѣдями, не встрѣчая себѣ должнаго отпора...

Читатель видитъ, такимъ образомъ, что ни темное прошлое «Московскихъ Вѣдомостей», ни затхлое и нравственно-удручающее ихъ настоящее не даютъ имъ никакого права на вліяніе. Правда, въ глазахъ общества «Московскія Вѣдомости»—ничто, или точнѣе—в е л и ч и н а о т р и ц а т е л ь н а я. Но, какъ сказано выше, въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстныхъ сферахъ, «Московскія Вѣдомости»—с и л а. Что же это означаетъ? Гдѣ искать причину такого явленія? Почему, наконецъ, гнетъ «Вѣдомостей», ихъ деморализующаго вліянія, чувствуется теперь сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было? Почему распушенность ихъ

тона, наглость сыска и неприличіе обвиненій растутъ не по днямъ, а по часамъ?—По общепринятому обычаю, вина сваливается на такъ называемыя «особенныя, исключительныя обстоятельства и условія». Положимъ, «обстоятельства и условія» имѣютъ свою долю вліянія; но не въ нихъ же только вся суть дѣла. Перестанемъ закрывать глаза передъ дѣйствительностью и посмотримъ прямо въ глаза правдѣ. Причину вліянія «Московскихъ Вѣдомостей» нужно, прежде всего, искать въ тѣхъ органахъ ежедневной печати, которые противостоятъ «Вѣдомостямъ», которые лицемѣрно борются съ ними.

Вотъ, напримѣръ, «Голосъ». Онъ самъ себя величаетъ—«газетою либеральною». Довѣрчивые, простодушные россияне тоже повторяютъ со словъ «Голоса»: «органъ либеральной печати». Благодушнымъ россиянамъ, въ этомъ случаѣ, и въ умъ не приходитъ, что въ нравственно-опытныхъ литературныхъ кружкахъ «Голосъ», съ первыхъ моментовъ бытія своего и до нынѣ, имѣетъ репутацію «Флюгера» и газеты: «Чего изволите»? Согласитесь, что при такой репутаціи—и вдругъ... и либеральный флагъ... Нѣтъ!—это самозванство, и самозванство дерзкое. Чтобы не быть голословными,—оглянемся на прошлое «Голоса» и подведемъ итогъ нынѣшней его публицистической дѣятельности.

«Голосъ» появился на свѣтъ въ смутное время, въ моментъ сильнаго возбужденія общественныхъ страстей польскимъ мятежемъ. Во дни отрочества, газета обильно «ловила рыбу въ мутной водѣ» польскаго вопроса. «Голосъ» въ этомъ вопросѣ не былъ ни польскимъ, ни русскимъ органомъ, а, по обыкновенію, какъ говорится, «вильдъ хвостомъ», угождая и нашимъ, и вашимъ. Покладистость «Голоса», его хамелеонство, его удивительная способность къ самоотрицанію, самоопроверженіямъ—сразу создали ему прочное положеніе въ приказной средѣ. Затѣмъ, ставъ на ноги и оперившись немного, «Голосъ» съ увлеченіемъ принялся поддерживать и раздувать банковый ажіотажъ—и немало способствовалъ тому лихорадочному банковому возбужденію, въ которомъ Россія находилась болѣе 10-ти лѣтъ и которое, въ концѣ концовъ, причинило намъ столько финансовыхъ затрудненій и окончательно подорвало значеніе русскаго кредита за границу. Болѣе же всего «Голосъ» потрудился въ пользу желѣзнодорожниковъ, которымъ онъ и до сихъ поръ продолжаетъ служить съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, такъ что имѣетъ безусловное право на названіе «органа русскихъ желѣзнодорожниковъ», вообще, и г. Полякова въ частности. Никто такъ сладко не напѣвалъ, на тысячу разнообразныхъ вариантовъ, мелодіи о благодѣтельномъ значеніи желѣзнодорожныхъ концессій, какъ дѣлалъ это «Голосъ». А канцелярія, съ

замираніемъ сердца, прислушивались къ этимъ безстыжнмъ «мелодіямъ», и еще страстнѣе, еще нѣжнѣе прижимали къ сердцу «Голосъ», такъ чутко, такъ вѣрно понявшій ихъ затаенныя желанія и стремленія. Народилось и окрѣпло безобразнѣйшее, просто абсурднѣйшее изъ частныхъ обществъ—«главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ»;—«Голосъ» ликовалъ. Начались разоблаченія вопіющихъ желѣзнодорожныхъ безпорядковъ, злоупотребленій, систематическаго ограбленія казны,—«Голосъ» молчитъ, словно воды въ ротъ набралъ.

Всѣмъ памятно еще время Коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». «Голосъ», въ эту пору, былъ уже «большою газетою». Но какую газетою? Назвать въ то время «Голосъ» либеральнымъ органомъ—значило бы понести самое жестокое публичное поруганіе и осмѣяніе. Да, тогда былъ безупречный и неподдѣльный представитель либеральной партіи—«С.-Петербургскія Вѣдомости», сравнительно съ которыми «Голосъ» представлялъ такую же отрицательную величину, какъ и «Московскія Вѣдомости», но только нѣсколько инаго пошиба. «Вѣдомости» тянули нотку сыска и доноса, да брюзжали по поводу реформъ. А «Голосъ» не занимался сыскомъ и доносомъ, не брюзжалъ, а напротивъ—«славословилъ» и ликовалъ до самозабвенія, до умоизступленія, разбавляя однако обильное славословіе не менѣе обильными и слащавыми хвалебными гимнами въ честь банковской и желѣзнодорожной горячки и прочаго, неопрытнаго въ нравственномъ отношеніи, прожектерства. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, не помнитъ, съ какою неприличною, даже циничною увертливостью отнесся «Голосъ» къ «Десятилѣтію реформъ», А. А. Головачева и «Самоуправленію», князя А. И. Васильчикова—этимъ первымъ капитальнымъ литературнымъ трудамъ, призывавшимъ русское общество «къ самознанию» отрезвлявшимъ его отъ долгаго и безшабашнаго ликованія?... Тутъ-то и начались классическія, въ своемъ родѣ, писанія «Голоса»:—«съ одной стороны, нельзя не сознаться, а съ другой—надо признаться». Но у «Голоса», кромѣ того, была еще не менѣе классическая третья сторона—сторона чиновно-кулачская, въ пользу которой онъ работалъ, что называется, не щадя живота, не покладая рукъ. Вотъ почему, въ дни Коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», все, сколько-нибудь опрытное въ литературномъ отношеніи, не смѣло даже и помышлять о томъ, чтобы рискнуть на постоянное сотрудничество въ «Голосѣ»: это значило бы, говоря иначе, положить на себя нравственное пятно.

Но вотъ не стало прежнихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», какъ органа либеральной печати,—остались только «Вѣдомости», какъ вѣдомости. «Голосъ» бодрѣе поднялъ голову и началъ

именовать себя,— правда съ опаскою и оглядкою,— «либеральнымъ органомъ». Время шло. Нарождались и быстро сходили со сцены, одна за другою, истинно либеральныя газеты. Такъ, не стало умнаго и трезваго «Сѣвернаго Вѣстника», прямодушнаго и страстнаго «Русскаго Обозрѣнія», честной «Русской Правды», симпатичной «Молвы» и смѣлаго «Московского Телеграфа». «Голосъ», наглѣе и наглѣе, самозванно величалъ себя «представителемъ либеральной партіи». Почтеннѣйшая русская публика, вѣроятно, придерживаясь поговорки: «на безрыбѣ — и ракъ рыба; на безлюдѣ — и Ома дворянинъ», — вторила ему въ этомъ дерзкомъ самозванствѣ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, Богъ миловалъ еще пока отъ «безлюдья» и «безрыбья», такъ что не зачѣмъ было попусту торопиться возводить «рака — въ рыбу» и «Ому» — въ дворянина. Но объ этомъ — рѣчь ниже. Какъ бы то ни было, однако «возведеніе» — совершившійся фактъ.

Такъ произошло самоуправное похищеніе «Голосомъ» либеральнаго флага. Кому другому, быть можетъ, это похищеніе и пошло бы въ прокъ; но «Голосъ» и подъ этимъ почетнымъ флагомъ неизмѣнно остался тѣмъ же, чѣмъ былъ безъ флага, — съ тѣмъ лишь различіемъ, что всѣ несимпатичныя, отталкивающія стороны газеты выступили еще рѣзче, непригляднѣе. Онъ, по прежнему, занимается лакействомъ, угодничаньемъ, забганіемъ съ задняго крыльца и протезированіемъ всевозможнаго кулачества, до открытой защиты желѣзнодорожныхъ безобразій включительно, до прославленія даже уличной расправы, сопровождающейся убійствомъ. И вотъ такого-то рода писанія «Голосъ» уснащаетъ фразами, что онъ — «либеральный органъ». Можетъ ли быть большее поруганіе и посрамленіе горемычнаго русскаго либерализма?!.. Многіе задумаются стать въ ряды русскіхъ либераловъ, видя, что въ первой ихъ шеренгѣ помѣстился «Голосъ» — завѣдомый, доказанный органъ двоедушнаго кулачества — и никто не протестуетъ противъ этого! Нужно полное самозабвеніе или безнадежность до отчаянія, чтобы впустить кулаковъ въ компанію прогрессивистовъ и либераловъ, и дозволить имъ безнаказанно величаться чужимъ именемъ!..

«Голосу» никогда не доставало опрятнаго направленія, но прежде у него было, по крайней мѣрѣ, содержаніе. Независимо отъ общаго направленія газеты, нерѣдко даже прямо въ разрѣзъ съ нимъ, въ ней были талантливыя воскресныя и юридическія фельетоны Гаммы-Градовскаго, дѣльныя передовыя статьи по вопросамъ юридическимъ, экономическимъ, политическимъ, мѣстнаго управления и народнаго образованія. Но... все это было — и было — и быльемъ поросло. Что такое печатается нынѣ въ «Голосѣ» подъ видомъ передовыхъ статей и фельетоновъ? — Какія-то малограмотныя докладныя записки сенатскихъ регистраторовъ и повытчиковъ.

Разумѣется, не обходится и безъ того, чтобы изрѣдка не проскользнула сравнительно дѣльная статья, случайно попадающая въ газету со стороны; но мы говоримъ о регулярномъ веденіи газеты, объ обычныхъ ея передовицахъ и фельетонахъ, принадлежащихъ ядру редакціи. Господи, что за беззубое шампанье выдается здѣсь за остроуміе; какіе стертые пятналтынные подносятся публикѣ за новую монету либеральнѣйшаго чекана! Содержаніе газеты упало до такой степени, что, по совѣсти говоря, ее вчужѣ стыдно въ руки взять, и она живетъ пока тою репутаціею, которая ей создана трудами бывшихъ сотрудниковъ, давно уже отрясшихъ прахъ редакціи «Голоса» отъ ногъ своихъ. Газета видимо чахнетъ отъ нравственнаго своего худосочія и бездарности, и, по правдѣ говоря, дошла уже до такого состоянія, что мухи дохнутъ, ползая по страницамъ «Голоса», и особенно по четверговымъ его фельетонамъ, именуемымъ,—ради неприличной шутки редакціи,—якобы «Литературною лѣтописью», тогда какъ, въ сущности, это не только не литературныя, но даже и не вполне грамотныя упражненія на темы, случайно понадерганныя изъ разныхъ журнальныхъ книжекъ. Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ образчиковъ этихъ упражненій. «Идеализація народа и во всякой другой формѣ—читаемъ въ «Лѣтописи» (№ 223 «Голоса») — по нашему крайнему разумію, необычайно вредна для развитія общественной жизни: она успѣла уже принести недобрые плоды, вызвавъ реакцію противъ безтолковаго и вѣсмернаго захваливанія народа, поставивъ народный вопросъ на его надлежащую точку зрѣнія». Итакъ, «необычайный вредъ» и «недобрые плоды» приносятся «постановкой народнаго вопроса на надлежащую почву» (!?!). И «Голосъ», ничто же сумняшеся, печатаетъ эту дикую околесину!... Повторяемъ, это—только «образчикъ», а подобные образчики можно было бы приводить безъ конца, но мы предоставляемъ это охотникамъ до литературныхъ курьезовъ и «раритетовъ», и не желаемъ засорять подобнаго рода чепухою страницъ нашего журнала. И этотъ-то критиканъ, еле плетущій лапти въ «словосочиненіи» и спотыкающійся на элементарной логикѣ—критиканъ, лишенный всякихъ признаковъ изящнаго вкуса и публицистическаго такта,—порывается читать нотации Добролюбову, упрекая его въ томъ, что онъ-де, не разбирая, «валилъ все въ кучу». Добролюбовъ и Арс. Введенскій! Литературный орелъ и мелкій газетный клопъ, заявляющій о своемъ присутствіи только несноснымъ специфическимъ запахомъ. Но этотъ клопъ присасывается нынѣ къ крупному имени, въ полной надеждѣ, что ничья рука не посыплетъ его персидскимъ порошкомъ за это наглое покушеніе, ни подъ чей ноготь не по-

надеть онъ, надувшись отъ высосанной имъ капельки крови. Должно быть, Иваны Непомнящіе, съ легкой руки «Голоса», совсѣмъ заполонили у насъ и производителей, и потребителей газетной прессы!...

Неразборчивая, благодушная публика вѣнчаетъ въ особенную заслугу «Голосу», что онъ изрѣдка обмолвливается фразами на счетъ «вѣнчанія зданія». Положимъ, «вѣнчаніе зданія» — дѣло въ высшей степени важное. Но, во-первыхъ, «Голосъ» въ своихъ разглагольствованіяхъ о «вѣнчаніи зданія» плетется позади другихъ, — другіе говорятъ объ этомъ же предметѣ несравненно умнѣе, честнѣе и опредѣленнѣе «Голоса»; во-вторыхъ, «вѣнчаніе» — такого рода дѣло, что нужно чрезвычайно зорко слѣдить за тѣмъ, чьи и руками сплетается «вѣнецъ» и съ какою цѣлью. Между тѣмъ, на эту сторону дѣла, къ сожалѣнію, не обращается вниманія. Вотъ, для примѣра, одно изъ тѣхъ терній, которое традиціонно-неряшливыя руки гг. Билбасовыхъ и Краевскихъ вплетаютъ въ этотъ «вѣнецъ». Пять лѣтъ подъ рядъ, въ числѣ основныхъ недостатковъ существующихъ органовъ общественнаго управленія, «Голосъ» указывалъ на ненормальность представительства, основаннаго только на имущественномъ цензѣ и совершенно исключающаго образовательный цензъ. Но, какъ оказалось впоследствии, эти «указанія» «Голоса» принадлежали къ категоріи тѣхъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ основнымъ духомъ и направленіемъ газеты. Въ 1880 году, когда явилась нѣкоторая вѣроятность исправленія ненормальностей представительства и дополненія имущественнаго ценза цензомъ образовательнымъ, «Голосъ», совершенно неожиданно, оказался яримъ противникомъ образовательнаго ценза. Сказались, значитъ, низменные инстинкты гг. Билбасовыхъ и Краевскихъ! Заговорила, наконецъ, жилка любезнаго ихъ сердцу и единственно исповѣдываемаго ими, двоедушнаго кулацкаго либерализма!... Посыпались передовыя статьи и фельетоны противъ образовательнаго ценза, которые естественно разогнали всѣхъ наиболѣе опрятныхъ, въ нравственномъ отношеніи, сотрудниковъ «Голоса».

Въ настоящее время, въ составѣ редакціи «Голоса» нѣтъ болѣе гг. В. И. Модестова, В. П. Безобразова, Е. П. Карновича, Г. Б. Градовскаго, М. Л. Песковскаго, Е. Л. Маркова, В. О. Михневича и многихъ другихъ, трудами которыхъ «Голосъ» и добился было репутаціи газеты, хотя и не выдержанной по направленію, но сравнительно дѣльной, компетентно-трактующей по отдѣльнымъ вопросамъ. Теперь тамъ упражняются въ писаніи докладныхъ записокъ сенатскіе регистраторы, повытчики, биржевые зайцы и прочіе имъ подобные люди, какъ Репетилловъ, даже «не имѣющіе фамиліи». Нѣтъ ничего удивительнаго, что газета бо

лѣе и болѣе приобрѣтаетъ качества мухомора, притомъ же, съ такимъ острымъ специфически-кулацкимъ букетомъ, въ виду котораго люди, нравственно опятные, серьезно задумываются: можно ли, безъ упрека совѣсти, пустить въ себя на столъ нечистый «Голосъ?...» Безъ сомнѣнія, добрая часть журнальных работниковъ принимаются, по обязанностямъ профессіи, за просмотръ этой газеты съ такимъ же удрученнымъ сердцемъ, съ какимъ они берутъ въ руки и «Московскія Вѣдомости». Мало того: не въ рѣдкость примѣры, что «Голосъ» отпускаетъ такія штуки, передъ которыми пасуютъ даже и «Московскія Вѣдомости». Возьметъ онъ, напримѣръ, да ни съ того, ни съ сего, въ силу однихъ только врожденныхъ своихъ низменныхъ инстинктовъ, и покажетъ со страницъ газеты «обрывокъ веревки», такъ что даже и «Московскія Вѣдомости» приходятъ въ конфузъ. Или, вдругъ, начнетъ доказывать «разложеніе Франціи» и основываетъ свои доказательства на «республиканской формѣ правленія». Между тѣмъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, въ томъ же «Голосѣ» доказывалось, что Франція «поражена была разложеніемъ при наполеоновскомъ режимѣ», съ момента же возникновенія республики началось «о зд о р о в л е н і е, дѣлающее поразительные успѣхи». Словомъ, «Флюгеръ» и «Чего изволите?».

Необходимость заставила насъ остановиться такъ долго на «Голосѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Во-первыхъ, необходимо напомнить старую, какъ продолжительность существованія «Голоса», истину, что «Голосъ»—это тѣ же «Вѣдомости», но только съ другой стороны,—въ нѣсколько видоизмѣненномъ и обновленномъ видѣ, какъ рѣшено было о немъ во дни оны, въ лучшія, болѣе счастливыя времена русской журналистики. Ни исправиться, ни измѣниться «Голосъ» не могъ, потому что горбатаго исправить могила, потому что во главѣ газеты стоятъ люди съ очень сомнительнымъ и даже темнымъ прошлымъ... Газетѣ предстоитъ одинъ выходъ—ухудшаться, и она... дѣятельно идетъ въ послѣднее время по этому пути, болѣе и болѣе приближаясь къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Видимый разладъ между этими двумя газетами—именно только видимый. Одно изъ двухъ: или это казовая сторона дѣла, или разладъ по недоразумѣнію. Правда, эти газеты нерѣдко разладятъ довольно рѣзко въ частностяхъ; но зато въ вопросахъ чиновничьей сферы и кулацкихъ интересовъ между ними замѣчается самое трогательное единогласіе. Такъ, напримѣръ, онѣ совершенно совпали въ защитѣ желѣзнодорожниковъ, если не считать нѣкоторыхъ разногласій по вопросамъ третьестепеннаго свойства. И понятно: одинъ и тотъ же чиновничій и кулацкій міръ служить и н и т а т е л ь н ы м ѣ м а т е р і а л о м ѣ к а к ѣ для «Голоса», такъ и для «Московскихъ Вѣдомостей». Очень можетъ быть, что кое-

кто смутится нашимъ сближеніемъ «Голоса» съ «Московскими Вѣдомостями». Очень можетъ быть, что даже и послѣ тѣхъ разъясненій, которыя сдѣланы нами выше, найдутся суетвѣры, которые усомнятся въ дѣйствительности этого сближенія. «Голосъ» защищала, молъ, реформы прошлаго царствованія, а «Московскія Вѣдомости» нападали на нихъ»,—вотъ та формула защиты «Голоса», какъ либеральной, будто бы, газеты, которая встрѣчается чаще другихъ. Но кто же не знаетъ, что бываетъ иногда защита хуже обвиненія?... Какъ защищала онъ эти реформы? Въ чью пользу, кромѣ кулачества, направлялъ онъ эту защиту? Если онъ сколько-нибудь честно и искренно относился къ «защитѣ», — почему онъ всегда увертывался, а не то такъ и прямо двоедушничалъ относительно капитальѣйшихъ сочиненій, проливавшихъ свѣтъ на наши внутренніе порядки, какъ, напримѣръ, труды А. А. Головачева:—«Десятилѣтіе реформъ» и «Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи»; князя А. И. Васильчикова:—«Самоуправленіе» и «Землевладѣніе и земледѣліе», и Ю. Э. Янсона—«Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ?»—Попробуйте коннуть «Голосъ» за прежніе годы—и окажется, что онъ говорилъ объ этихъ трудахъ послѣднимъ; да и какъ говорилъ-то?—исключительно въ интересахъ кулачества! Иначе и быть не можетъ. Какимъ образомъ «Голосъ», по натурѣ своей, органъ двоедушнаго кулацкаго либерализма, можетъ быть представителемъ и выразителемъ истинныхъ либеральныхъ принциповъ!...

Во-вторыхъ, необходимо доказать, что опрометчивое возведеніе «Голоса» въ санъ «либеральнаго органа» нанесло самый чувствительный ударъ истинно либеральной, т. е., лучше сказать, прогрессивной русской партіи. Какъ посторонній, чуждый либерализму конгломератъ, «Голосъ», случайно попавъ въ его среду, дѣятельно разлагалъ самые основные, завѣтные, священные принципы и руководящія начала либерализма. Русское общество недоумѣвало, что діапазонъ «Московскихъ Вѣдомостей» растетъ и растетъ съ годами. Но развѣ могло быть иначе, если мнимый представитель либеральной партіи—«Голосъ»—въ сущности занимался тѣмъ-же, чѣмъ и «Московскія Вѣдомости», т. е. разлагалъ основы либерализма?... Какъ велико это сверное разложение «Голосъ», полагаемъ, достаточно ясно изъ выше изложеннаго очерка прежней и нынѣшней его дѣятельности. Но для большей рѣдкости вопроса, проанализируемъ отношеніе «Голоса» къ дѣйствительно либеральнымъ газетамъ за все время его дѣятельности. Не будемъ касаться времени существованія Коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»: тогда «Голосъ» былъ ничто, и его мнѣніями питались только канцеляріи да всевозможные прожектеры. Какъ только несчаст-

ное стеченіе обстоятельствъ помогло «Голосу» самоуправно захватить и присвоить себѣ либеральный флагъ, онъ началъ упорно и систематически игнорировать дѣйствительно либеральныя русскія газеты. Нѣтъ ни одного факта, ни одного случая, чтобы «Голосъ» шелъ объ руку съ такими честными газетами, какъ «Сѣверный Вѣстникъ», «Русскія Вѣдомости», «Молва» и «Московскій Телеграфъ». Какъ о бывшихъ прежде либеральныхъ газетахъ, такъ и о существующихъ теперь, онъ говоритъ обыкновенно безлично, выражаясь такъ: «одна газета», въ «одной газетѣ». Грубый и пошлый пріемъ, роняющій достоинство печати, но безусловно приличествующій тенденціямъ и литературнымъ манерамъ представителя двоедушнаго кулацкаго либерализма!.. Такимъ образомъ, за то гостепріимство, которое рѣшительно не по заслугамъ оказано было «Голосу» въ либеральномъ лагерѣ, онъ отплатилъ ему самою черною неблагодарностью. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы, посредствомъ замалчиванія и другихъ пошлыхъ и безчестныхъ пріемовъ, повредить распространенію наиболее порядочныхъ органовъ печати и, какъ газета сравнительно старая и распространенная, онъ достигалъ этой гнусной цѣли, т. е. заслонялъ собою лучшіе органы либеральной печати, оставаясь въ лестномъ единоборствѣ съ «Московскими Вѣдомостями», или иначе—своимъ двойникомъ по натурѣ, но не по даровитости и публицистической сметѣ, которыхъ, конечно, у г. Каткова въ одномъ мизинцѣ больше, чѣмъ въ головахъ у двадцати Билбасовыхъ (г. Краевскаго можно и совсѣмъ не брать въ расчетъ, такъ какъ, за долговѣтную промышленно-издательскую дѣятельностью, онъ совсѣмъ разучился брать перо въ руки... занятый исключительно счетомъ ассигнацій). Въ этомъ одна изъ причинъ преждевременной смерти такихъ симпатичныхъ газетъ, какъ «Молва», «Русская Правда» и «Московскій Телеграфъ». Эту смерть называютъ иногда «естественною». Нѣтъ: это насильственная смерть, — смерть подъ вліяніемъ такого вреднаго конгломерата либерализма, какъ «Голосъ»!.. Даже и теперь, когда такъ сильно оскудѣли ряды либеральной печати, когда такъ трудно живется и дышется этого рода газетамъ, — «Голосъ» все-таки придерживается своей гнусной тактики игнорированія, замалчиванія, все-таки долбитъ подсказанный ему кулачскимъ инстинктомъ терминъ—«одна газета», — терпитъ совершенно чуждый сколько-нибудь опрятнымъ литературнымъ пріемамъ. Но развѣ возможно отъ макалковъ въ литературѣ, во плоти и духу, ожидать опрятныхъ литературныхъ пріемовъ!?

Сравнивъ всѣ честныя газеты именемъ «одной газеты», т. е. совершенно обезличивъ ихъ передъ многочисленною аудиторіею своихъ читателей, «Голосъ» держится нѣсколько иной так-

тики въ отношеніи журналовъ. Чѣмъ труднѣе живетъ либеральной печати, тѣмъ безличнѣе становятся обзоры журналовъ въ «Голосѣ». Въ послѣднее же время, т. е. въ теченіе почти всего нынѣшняго года, журнальныя обзоры въ этой газетѣ дѣлкомъ замѣнены голословною раздачею одобрительныхъ или неодобрительныхъ аттестацій журналамъ. Чтобы эта газетная наглость не слишкомъ рѣзко бросалась въ глаза, голословная аттестація приправляется перечнемъ повѣстей, романовъ и разсказовъ, напечатанныхъ въ томъ или другомъ журналѣ, и безсвязнымъ, бездарнымъ пересказомъ ихъ содержанія, что, само собой разумѣется, вовсе не составляетъ журнальнаго обзора. Понятно, что за такую работу не возьмется человѣкъ, сколько-нибудь дорожающій своею литературною репутаціею, сколько-нибудь понимающій назначеніе журналистики. Но на этотъ случай въ «Голосѣ» имѣются сенатскіе регистраторы, которые съ «превеликимъ удовольствіемъ» занимаются составленіемъ голословныхъ одобрительныхъ и неодобрительныхъ аттестацій журналамъ вмѣсто литературныхъ обзоровъ, и даже, какъ видно, рисуютъ своею позорною журнальною профессіею. Читателямъ «Голоса» законически говорится: такой-то журналъ хорошъ, а такой-то — нехорошъ, а что именно печатается въ этомъ журналѣ, какого направленія журналъ, какъ онъ выполняетъ свое направленіе, какъ относится къ текущимъ внутреннимъ вопросамъ, съ какою отзывчивостію и компетентностью трактуетъ о нихъ, — это — секретъ, непроницаемая тайна для читателей «Голоса». Газета, сколько-нибудь уважающая себя и читающую публику, сколько-нибудь понимающая свое назначеніе и желающая честно выполнить его, никогда не унижится до низведенія журнальныхъ обзоровъ на степень простой, да притомъ еще голословной раздачи одобрительныхъ и неодобрительныхъ аттестацій. Дѣло газеты охватить и освѣтить весь матеріалъ, даваемый въ каждый моментъ журналами, оцѣнить значеніе этого матеріала съ точки зрѣнія научной, общественной и государственной, и указать читателю все, что появляется въ журналахъ наиболее важнаго, по условіямъ переживаемыхъ нами событій; а худъ-ли, хорошъ-ли журналъ, — объ этомъ надо предоставить догадаться самому читателю, на основаніи приподнесеннаго ему матеріала, оцѣненнаго съ честною объективностію. Само собою разумѣется, что такая серьезная работа не по плечу малограмотнымъ сенатскимъ стровулистамъ; съ другой же стороны, она и неудобна для «Голоса» съ его маклаческой точки зрѣнія, потому что, при сопоставленіи того, что даетъ эта большая «газетина», съ тѣмъ, что дается журналами, слишкомъ ужъ рельефно выступало бы ея ничтожество и нравственное убожество. Въ былые дни, когда «Голосъ» еще располагалъ серьезными журнальными силами,

онъ давалъ журнальныя обзорѣнія, подобныя тѣмъ, о которыхъ мы говоримъ. Само собою разумѣется, обзорѣнія эти велись не сенатскими регистраторами, а людьми съ серьезнымъ, систематическимъ литературнымъ образованіемъ, компетентными въ текущихъ журнальныхъ вопросахъ, какъ то: Г. К. Градовскимъ, Ларошемъ, В. И. Горленко и другими. Теперь же... теперь «Голосъ», какъ истый паразитъ либеральной прессы, какъ міровѣдь-кулакъ отъ журналистики, нахально занимается раздачею одобрительныхъ или неодобрительныхъ аттестацій журналамъ. Выхватить протоколистъ «Голоса» изъ какого-нибудь журнала повѣсть или разсказъ, понадергаетъ изъ нихъ нѣсколько фразъ—и, буквально только на одномъ этомъ основаніи, въ какихъ-нибудь 5—10 строкахъ фельетона, готовъ приговоръ о всемъ журналѣ. Да и какой еще приговоръ! «Журналъ избралъ ложную дорогу», журналъ не исполняетъ «своихъ обязанностей передъ родиной и передъ читателями», «журналъ ведется неумѣло» и т. п.—съ бурсацкою развязностью. совершенно голословно, вѣщають сенатскіе регистраторы «Голоса». Цинизмъ, позорѣйшій цинизмъ! До какихъ предѣловъ отупѣнія нужно дойти, чтобы позволить себѣ такимъ образомъ относиться къ журналамъ? Да за кого же принимаетъ «Голосъ» своихъ читателей, воображая, что если его регистраторы похвалятъ журналъ,—читатели такъ и ринутся на него опрометью; а не похвалятъ,—читатели отхлынуть отъ журнала? Гдѣ же, наконецъ, предѣлъ деморализаціи въ литературѣ!?

Само собою разумѣется, нашъ журналъ не былъ разобранъ въ «Голосѣ». Читателямъ этой газеты остается совершенно неизвѣстнымъ ни направленіе нашего журнала, ни то, какимъ образомъ мы выполняемъ нашу задачу,—остается неизвѣстнымъ весь тотъ матеріалъ по внутреннимъ вопросамъ, который данъ нами въ теченіе 9 мѣсяцевъ. Худъ ли, хорошъ ли этотъ матеріалъ,—объ этомъ не намъ судить: это мы отдаемъ на судъ публики. Но скрывъ отъ своихъ читателей то, что было дано нашимъ журналомъ за все время его существованія, «Голосъ», устами своихъ наемныхъ регистраторовъ, произносилъ совершенно голословныя обвиненія, въ родѣ того, наприимѣръ, что «журналъ «Наблюдатель»—очень плохой наблюдатель», что мы идемъ по какой-то «ложной дорогѣ» и т. д. Мы игнорировали эти завѣдомо недобросовѣстныя выходки газеты, не желая вдаваться въ полемику по личнымъ вопросамъ, да притомъ еще съ людьми, отъ которыхъ отдѣляетъ насъ цѣлая пропасть въ нравственномъ отношеніи. Мы имѣли даже право гордиться, что «Голосъ» не одобрилъ избранную «Наблюдателемъ» дорогу, что онъ не восторгается исполненіемъ нами «своихъ обязанностей». Изъ-за похвалъ такого рода со стороны представителей

двоедушнаго кулацкаго либерализма, намъ, разумѣется, пришлось бы извиняться передъ нашими читателями и разъяснять имъ, что эти непотребныя «похвалы» обрушиваются на насъ безъ всякихъ прегрѣшеній противъ избраннаго нами направленія. Стать на дорогу «Голоса», исполнять свои обязанности передъ родиной и передъ читателями, какъ дѣлаетъ это онъ, «вести журналъ», какъ ведется эта газета,—мы не желаемъ, не можемъ:—мы слишкомъ брезгливы для такого рода анти-литературныхъ приемовъ, и слишкомъ живо сохраняемъ въ нашей душѣ традицію лучшихъ временъ и лучшихъ нравовъ, когда Краевскіе и Билбасовы не посмѣли бы и думать о руководящей роли въ русской прессѣ. Но «Голосъ» слишкомъ злоупотребилъ нашимъ молчаніемъ; развязность его регистраторовъ доходитъ до того, что они, опять-таки голословно, игнорируя то, что дано журналомъ за время его существованія, утверждаютъ, будто бы, журналъ не развивается. Согласитесь сами, что въ такомъ голословно-поричательномъ отношеніи къ журналу есть злостная, преднамѣренная ложь, есть оскорбленіе для всего кружка почтенныхъ лицъ, работающихъ въ журналѣ, есть величайшая и наглѣйшая литературная и недобросовѣстность. Мы указываемъ на это явленіе вовсе не изъ полемическихъ видовъ, а какъ на характернѣйшій фактъ, для оцѣнки литературныхъ нравовъ «Голоса». Это общественный фактъ, общественное явленіе. Съ точки зрѣнія интересовъ журнала, для насъ совершенно безразлично, какъ относится къ нему «Голосъ». Журналъ, расходящійся въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, попадаетъ прямо и непосредственно въ руки читателей; значитъ будущее журнала должно обезпечиваться не тѣмъ, что скажетъ о немъ какой нибудь «Голосъ», а его содержаніемъ и направленіемъ. Съ другой стороны, журналъ нашъ никакъ не можетъ пожаловаться на недостатокъ добраго вниманія къ нему какъ со стороны публики, такъ и со стороны столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, которыя относятся къ своимъ обязанностямъ честиѣ «Голоса». Но какова же, повторяемъ, должна быть деморализація печати, если газета, имѣя приблизительное понятіе о распространеніи журнала, безцеремонно игнорируетъ его содержаніе и направленіе, и рискуетъ занимать многочисленную аудиторію своихъ читателей голословными «неодобреніями» журнала, на манеръ тургеневскаго Петра Зудотъшина: «сею рукопись читалъ и содержаніе онной не одобрилъ»... На какой умственный и нравственный уровень рассчитано такого рода недобросовѣстное отношеніе къ журналу?..

Разъ зашла рѣчь о содержаніи «Наблюдателя», освѣдимъ въ памяти читателей главнѣйшія статьи, представляющія наиболѣе крупный интересъ и помѣщенные въ нашемъ журна-

лѣ: «Университетскій вопросъ», В. И. Модестова, «Опытъ изслѣдованія обычнаго права», В. И. Сергѣевича, «Наблюденія надъ русскою народною школою», В. Я. Стоюнина, «Политика Москвы и русская народность», Е. П. Карновича, «Маркъ Аврелій и новая религія» (по поводу послѣдней книги Ренана) В. И. Модестова; «Чарльзъ Робертъ Дарвинъ» (очеркъ его ученія, вызванный кончиною знаменитаго натуралиста) Л. К. Попова, «Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи» (за 20 лѣтъ), М. Л. Песковскаго, «Бюрократизмъ и правовой порядокъ», Г. К. Градовскаго, «Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ?», Ѳ. И. Леонтовича, «Языкъ Петербурга», В. О. Михневича, «Народность во вѣншей политикѣ Москвы», Е. П. Карновича, «Парижъ въ 1881 г.», П. Д. Боборыкина, «Австрійскіе русскіе и Львовскій процессъ», В. И. Модестова. Изъ этого перечня, обнимающаго лишь нѣкоторую часть оригинальныхъ статей журнала, каждый можетъ составить приблизительное понятіе о степени отзывчивости журнала какъ на текущіе вопросы русской дѣйствительности, такъ и на серьезныя явленія въ политической и умственной жизни Западной Европы. Статьи подписаны не и к с а м и и и г р е к а м и, не людьми, «не имѣющими фамиліи», а лицами съ добрымъ именемъ, пользующимся уваженіемъ въ русской наукѣ и журналистикѣ. Большинство авторовъ названныхъ статей были, въ свое время, сотрудниками «Голоса», но, убоявшись гизи кулацкаго либерализма, окончателно порвали сношенія съ этой газетою. Не здѣсь ли коренится причина, почему «Голосъ» такъ упорно замалчивалъ всѣ названныя статьи, несмотря на то, что каждая изъ нихъ затрогивала одинъ изъ жгучихъ, по данному моменту, вопросовъ, заботившихъ или даже и удручавшихъ общество? Само собою разумѣется, что, замалчивая эти статьи, «Голосъ»; съ своей стороны, не только не далъ ничего, замѣняющаго ихъ, но даже вовсе прошелъ молчаніемъ большинство вопросовъ, разработанныхъ въ указанныхъ статьяхъ. Объ университетскомъ вопросѣ «Голосъ» отозвался лапачически, что говорить правду объ этомъ «не время» (не тогда ли наступитъ это время, когда университетскій уставъ будетъ совсѣмъ передѣланъ гг. Любимовыми?); о высшемъ женскомъ образованіи не далъ ничего обстоятельнаго; о еврейскомъ вопросѣ, въ одной передовой статейкѣ, безцеремонно выхватилъ нѣсколько данныхъ и соображеній у проф. Леонтовича, не указавъ, конечно, источника; о галиційскомъ вопросѣ перепечатывалъ, полъ впомѣхъ корреспонденцій, статьи изъ венгерскихъ газетъ; о народности въ политикѣ пережевывалъ избитыя рутинно либеральныя фразы и пр. Между тѣмъ, ни одна изъ названныхъ статей нашего журнала не пройдена молчаніемъ въ другихъ газетахъ, болѣе

чутких къ нуждамъ русской жизни, нежели «Голосъ». Всѣ оны были замѣчены и указаны, въ разное время, въ «Странѣ», въ «Моск. Телеграфѣ», «Русск. Вѣдомостяхъ», «Русск. Курьерѣ», «Новостяхъ», «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» и во всѣхъ выдающихся провинціальныхъ изданіяхъ. Даже «Новое Время», не отличающееся симпатіями къ органамъ прогрессивнаго направленія, отиѣтило статью О. И. Леонтовича и сдѣлало изъ нея подробное извлеченіе; даже «Новороссійскій Телеграфъ», устами сотрудника «Голоса», М. В. Неручева, счелъ нужнымъ отозваться на вопросъ, талантливо и объективно разработанный г. Леонтовичемъ. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, безусловное право отвѣтить посылающимъ намъ упрекъ: «А судъ и кто?» Вы что можете привести въ доказательство исполненія вами «своихъ обязанностей»? Кого можете вы назвать изъ исполнителей?..

Не говоря ничего о беллетристикѣ (такъ какъ здѣсь неумѣстно касаться очень многихъ вопросовъ, которые будутъ разсмотрѣны особо, въ цѣломъ рядѣ критическихъ статей), мы скажемъ еще нѣсколько словъ о внутреннемъ отдѣлѣ нашего журнала. Здѣсь, въ цѣльномъ, законченномъ видѣ, разработаны слѣдующіе вопросы: отхожій промыселъ, переселенческое движеніе, питейный вопросъ, сводъ заключеній земствъ по вопросу о переустройствѣ мѣстнаго управленія и разборъ плана работъ кахановской комиссіи, съ разъясненіемъ того направленія, въ которомъ единственно возможно переустройство управленія; система государственнаго образованія; направленіе внутренней государственной политики за три послѣдніе года; желѣзнодорожный вопросъ. Все это, какъ видитъ читатель, такіе вопросы, которыми дѣятельно занималась печать въ этомъ году, что и вызвало детальную разработку ихъ съ нашей стороны. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ эти вопросы прошли мимо «Голоса»,—онъ прохлопалъ ихъ ушами. Понятно, послѣ этого, какого ѣдваго, самоотверженнаго комизма исполнены разсужденія «Голоса» на тему—«тихо всюду, пусто всюду» (№ 219). Паразитствуя въ русской журналистикѣ, злобно игнорируя все, что есть наиболѣе дѣльнаго, отзывчиваго и энергическаго въ журналахъ и газетахъ, цинично издѣваясь надъ всею вообще русскою журналистикою, вдохновители «Голоса» естественно задыхаются отъ удручающей ихъ нравственной пустоты и оупѣнія, и обобщаютъ ощущаемую ими «пустоту» на всю остальную печать... Жалкіе люди!...

Итакъ, «Голосъ» не только не либеральный органъ, но, строго говоря, въ нынѣшнемъ его видѣ, это даже и не газета, а какое-то бездарное, безжизненное писаніе канцелярскихъ докладовъ изо-дня въ день, на какіе угодно мотивы и варианты,

съ неопратнымъ притомъ направленіемъ. Мы понимаемъ, что нашъ отзывъ удивитъ кружокъ (рѣдѣющихъ впрочемъ) читателей и почитателей «Голоса». Но долгъ и правда—прежде всего! Мы знаемъ, какіе глубокіе корни пустилъ «Голосъ» въ средѣ покладистыхъ русскихъ людей, нравственный кругозоръ которыхъ не выходитъ за предѣлы чиновничьихъ докладовъ, нравственныя догмы которыхъ ограничиваются умоарвнїями канцелярскихъ докладныхъ записокъ. Чиновникъ, нравственно-усыпленный или даже и притупленный «Голосомъ», успѣлъ уже подыскать ему ласкательное прозвище — «голосокъ». Онъ ничего не ждетъ, не требуетъ отъ своего «голоска»; быть можетъ, онъ и увѣренъ, что тамъ никогда не найдешь ничего нравственно-отрезвляющаго, но онъ привыкъ читать свой «голосокъ», ради самаго процесса чтенія. Да и полюбился ему «Голосъ» именно потому, что тамъ нѣтъ ничего будящаго, нравственно-освѣжающаго, не дающаго человѣку опуститься, заснуть, погрузиться въ апатію. Это, дѣйствительно, не голосъ, а только голосокъ, т. е. нѣчто мизерное, даже и по возрѣнїемъ чиновничьяго мірка. Лабазникъ же, не только усыпленный, но до нѣкоторой степени и облагодѣтельствованный «Голосомъ», ввелъ даже въ честь этого кулацкаго органа п а и р о с ы—«Голосъ». Совсе не нужно обладать даромъ пророчества, чтобы предвидѣть дальнѣйшіе успѣхи «Голоса» въ этомъ направленіи. Если онъ будетъ опускаться нравственно въ той же прогрессіи, съ тою же распущенностью и безстыдствомъ, съ тою же наглостью относительно всѣхъ другихъ порядочныхъ органовъ печати, какъ это продѣлывается имъ въ настоящее время, то въ самомъ недалекомъ будущемъ онъ достигнетъ, въ сродней ему сферѣ, величайшаго, небывалаго еще въ русской печати успѣха. Подъ фирмою «Голоса» явятся рестораны, трактиры, кабаки, постоянные дворы и т. д., и т. д. Желаетъ-ли «Голосъ» этого успѣха? Пойметъ-ли онъ ту «дорогу», по которой идетъ? Пойметъ-ли онъ причины, почему мы не желаемъ, не можемъ идти по этой «дорогѣ»—и никогда не пойдемъ?..

Несмотря на успѣхъ «Голоса» въ указанномъ направленіи, въ отношеніяхъ къ нему замѣчается какая-то удивительная ста д н о с т ь, просто и н е р т н о с т ь. При оцѣнкѣ газеты, каждый и всѣ механически повторяютъ разъ навсегда заученную фразу, лишенную нравственнаго значенія: «б о л ь ш а я г а з е т а». Но чѣмъ именно эта газета—«большая»? Только количествомъ, распространеніемъ своимъ, но, повторяемъ, ни въ какомъ случаѣ не к а ч е с т в о мъ; въ качественномъ отношеніи она меньше самой маленькой, самой скромной газетки изъ категорїи чистоплотныхъ. Въ качественномъ отношеніи, право на названіе «большихъ га-

зеть» того лагеря, къ которому, словно ради насмѣшки, пристегнулся «Голосъ», — имѣютъ «Русскія Вѣдомости», «Страна», «Русскій Курьеръ» и «Новости». У каждой изъ этихъ газетъ несравненно больше жизни, энергій, отзывчивости, газетнаго темперамента и послѣдовательности въ обсужденіи вопросовъ внутренней нашей жизни, чѣмъ въ «Голосѣ»; нравственная же ихъ опрятность и вѣрность тому флагу, который безчестно позорится органомъ двоедушнаго кулацкаго либерализма, такъ высока, что неприлично даже было бы и сравнивать, въ этомъ отношеніи, названныя газеты съ «Голосомъ». Наконецъ, если мы даже назовемъ подцензурныя провинціальныя изданія, какъ, напримѣръ, кievскую газету «Заря» и изъ одесскихъ—«Вѣстникъ» и «Листокъ», то и они, по нравственному воспитательному вліянію на общество, имѣютъ несравненно большее право на названіе «большихъ газетъ», чѣмъ «Голосъ».

Но, къ сожалѣнію и несчастію, смиреніе этихъ солидныхъ и почтенныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, газетъ доходитъ до самозабвенія и—что несравненно хуже—до забвенія о томъ, чему и какъ именно служить «Голосъ». Начнешь просматривать эти газеты,—только и видишь: «Голосъ», «Голосъ» и «Голосъ»: лишь изрѣдка, мелькомъ, вспомнить о существованіи другихъ органовъ и остановятся на ихъ взглядахъ и мнѣніяхъ. Между тѣмъ «Голосъ»—не только ничто, нуль въ публицистическомъ отношеніи, но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, прямо отрицательная величина, тогда какъ каждая изъ названныхъ выше газетъ представляетъ собою безусловно положительную величину, въ смыслѣ политическаго воспитанія общества. Мы понимаемъ добрыя, честныя побужденія печати, во имя которыхъ она, во чтобы то ни стало, старалась поддерживать «Голосъ», якобы, въ роли либеральнаго органа,—старалась, во чтобы то ни стало, ставить его превыше всѣхъ другихъ газетъ, игнорируя при этомъ не только его прегрѣшенія, но даже и злодѣянія въ отношеніи либеральнаго направленія лучшихъ представителей печати. Но нужно также понимать и то, какъ отнесся къ этому «Голосъ». Какъ опасный паразитъ либерализма, какъ маклакъ въ литературѣ, онъ воспользовался этимъ замѣчательно хорошимъ, — почти даже идеально хорошимъ,—отношеніемъ къ нему лучшихъ представителей печати для своихъ меркантильно-кулацескихъ цѣлей, и—прямо во вредъ самымъ дорогимъ традиціямъ и интересамъ печати. Дорого обошлась лучшей части русской печати ложная солидарность съ «Голосомъ», т. е. правильнѣе—стараніе создать солидарность тамъ, гдѣ ея не было, нѣтъ въ дѣйствительности, и даже быть не можетъ. «Голосъ» внесъ въ русскую печать деморализирующее вліяніе въ огромныхъ размѣрахъ. Ядъ этой де-

морализаціи тѣмъ болѣе убійственъ, что «Голосъ» распростра-
нилъ его на лучшую, наиболѣе чистоплотную часть русской пе-
чати. Онъ внесъ рознь въ либеральную печать, умышленно
разъединилъ ее и ослабилъ, вмѣсто того, чтобы сплотить и
усилить; его гнусная система игнорирования и замалчиванія, въ
силу человѣческой слабости, нашла подражателей и въ другихъ
органахъ печати. Наконецъ, выставивъ своимъ представителемъ
«Голосъ», у котораго въ каждомъ, сколько-нибудь крупномъ во-
просѣ непремѣнно «рыльце въ пушку», либеральная печать рѣ-
шительно проиграла въ глазахъ своихъ противниковъ.

Стоитъ только немножко объединиться между собою поря-
дочнымъ органамъ русской печати, стоитъ имъ только пере-
стать игнорировать другъ друга и построже относиться къ пре-
грѣшеніямъ и проступкамъ «Голоса» въ либеральномъ смыслѣ, —
и совершенно перемѣнится вся игра. Либеральный
флагъ, подъ которымъ такъ долго и, можно даже сказать, такъ
самоотверженно лучшіе органы печати помогали держаться «Го-
лосу», прикрывая собою, изъ хорошихъ побужденій, всѣ его ли-
тературныя неспристойности, — перейдетъ въ руки достойнѣйшихъ.
Тогда, естественно, самъ собою долженъ будетъ понизиться
диапазонъ противниковъ либеральнаго направленія; потому что
тогда они должны будутъ считаться съ честными, достойными,
серьезными, безупречными представителями прогрессивнаго на-
правленія; потому что тогда эти представители будутъ давать
отпоръ ревегагетствующимъ ретроgrадамъ, а не мирволить имъ
или даже и прямо помогать, сознательно или бессознательно,
какъ это дѣлалъ и дѣлаетъ «Голосъ», о которомъ уже и въ пуб-
ликѣ говорятъ, что онъ сталъ теперь «и тонокъ, и нечистъ». Ретроgrадамъ
не стоитъ особеннаго труда сводить счеты исключительно съ «Голосомъ». Поставленные въ возможность сводить
счеты только съ нимъ однимъ, какъ съ мнимымъ пред-
ставителемъ либеральнаго направленія, они естественно третируютъ
высока остальные органы либеральной печати, т. е., продол-
жаютъ дѣлать то же, что дѣлаетъ и «Голосъ». Въ этомъ случаѣ
всей либеральной русской партіи (а она, разумѣется, не только
существуетъ, но и представляетъ собою крупную величину) при-
ходится жестоко расплачиваться за ту необдуманность, за то
неуваженіе къ самимъ себѣ и къ основнымъ руководящимъ на-
чаламъ и принципамъ либерализма, вслѣдствіе которыхъ «Го-
лосъ» оказался возведеннымъ въ несвойственный его міровоззрѣ-
ніямъ санъ представителя русской либеральной партіи.

До какихъ же поръ мы собственными руками будемъ разру-
шать то дѣло, которому служимъ, и служить которому такъ труд-
но!?. Уже ли, въ самомъ дѣлѣ, такова горькая судьбина чело-
вѣка, что онъ непремѣнно долженъ быть въ какой-либо кабалѣ?

Нѣтъ, довольно! пора знать и мѣру!.. Нужно отдѣлаться отъ той позорной барщины, которую такъ долго и такъ эрпрѣливо несла прогрессивная печать въ личную пользу гг. Билбасовыхъ и Краевскихъ, съ огромнымъ ущербомъ для русскаго общества, для воспитанія общественнаго сознанія въ политическомъ отношеніи. Изъ чувства самосохраненія, истинно-либеральной партіи пора опомниться, одуматься; пора принять мѣры, чтобы окончательно выжить изъ либеральнаго лагеря незванно ворвавшійся туда духъ билбасовщины, духъ вранья, хлестаковщины, подхалимства и низменныхъ личныхъ расчетовъ!..

Мы обращаемся съ этимъ словомъ и къ русской печати, и къ русскому обществу. Какъ справедливо замѣчено было литературнымъ обозрѣвателемъ «Отечественныхъ Записокъ», печать одинаково могущественное орудіе, какъ на добро, такъ и на зло; если у печати вырвана изъ рукъ кошница съ хлѣбомъ, — она будетъ разсѣвать плевелы. Разумѣется, не печать виновата въ томъ, что у нея вырывается изъ рукъ кошница съ хлѣбомъ; но долгъ печати и общества позаботиться о томъ, чтобы не разсѣвались плевелы, и тѣмъ болѣе — не даваться въ обманъ и предостерегать другихъ отъ обмана со стороны тѣхъ маклаковъ и проходимцевъ отъ литературы, которые выдаютъ разсѣиваемые ими плевелы за самый питательный хлѣбъ. Объединеніе органовъ печати, совпадающихъ между собою по направленію, нравственная солидарность между ними — могущественнѣйшее средство въ этомъ случаѣ. Но и общество не должно оставаться бездѣятельнымъ. Отъ того, въ какую сторону, въ пользу какихъ именно органовъ печати, склоняются симпатіи общества, — исключительно зависитъ тонъ и направленіе печати. А это — основной жизненный вопросъ для общества въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. Если общество относится къ органамъ печати стадно, инертно, — оно стоитъ на самомъ скользкомъ нравственномъ пути въ отношеніи печати. Это — тотъ именно ужасный путь, на которомъ такъ недалеко отъ введенія «папиросъ» въ честь газетныхъ или журнальныхъ фирмъ до учрежденія позорныхъ домовъ въ честь тѣхъ же фирмъ. Общество, въ этомъ случаѣ, приваждается печатью до того, что ищетъ въ ней, требуетъ отъ нея побрякки и угодливости низменнымъ своимъ инстинктамъ, — и возводитъ въ излюбленные свои кумиры тѣ органы, которые наиболѣе циничны и безчестны въ такомъ разлагающемъ вліяніи на общество. Но лишь только общество начинаетъ искать въ печати нравственнаго свѣта и мира, нравственнаго удовлетворенія, — оно этимъ самымъ отерываетъ дорогу достойнѣйшимъ органамъ прессы. Тогда «большими» органами становятся не тѣ, которые расходятся въ наибольшемъ количествѣ взем-

пьяровъ, не тѣ, у которыхъ карманы трещатъ отъ пятаковъ, а тѣ, которые выше, достойнѣе другихъ въ нравственномъ отношеніи. Такого именно отношенія къ печати мы и пожелаемъ русскому обществу, во имя самыхъ священныхъ для него общественныхъ и государственныхъ интересовъ, во имя нравственнаго его роста и преуспѣянія въ матеріальномъ отношеніи. Оно, своею оплошностью, своею неразборчивостью въ выборѣ органовъ печати, создало первенствующее, главенствующее положеніе такимъ органамъ, которые имѣютъ и могутъ имѣть лишь отрицательное, разлагающее въ нравственномъ отношеніи вліяніе. И факты на лицо. Никогда общественные идеалы,—безъ которыхъ невозможна здоровая жизнь общества,—не были принижены въ русской жизни до такой низменности, какъ въ настоящее время. И эта приниженность чувствительно растетъ съ годами, по мѣрѣ того, какъ непотребные органы печати болѣе и болѣе заполняютъ собою общественное вниманіе. Это и значитъ, что происходитъ разсѣваніе злокачественныхъ «плевелъ», которыя общество, по ошибкамъ, оплошности или недосмотру, принимаетъ за доброкачественныя сѣмена. Но съ «плевелами» жить нельзя: нужны питательныя сѣмена, здоровая нравственная пища. Значитъ, обществу приходится съ презрѣніемъ отвернуться отъ тѣхъ, которые такъ дерзко злоупотребляли его прямодушіемъ и довѣрчивостію, и поискать истиннаго свѣта и нравственной правды,—поискать честнаго, убѣжденнаго и неподкупнаго руководства въ дѣлахъ внутренней государственной жизни. Да, это необходимо для общества, безотложно необходимо! Тогда, вмѣсто окутывающаго его теперь нравственнаго мрака, оно увидитъ просвѣтъ въ жизни и не замедлитъ выйти на торную дорогу. А теперь... оно путается въ этомъ мракѣ, топчется на одномъ мѣстѣ, воображая, что куда-то идетъ, довѣря обманнымъ «голосамъ» тѣхъ, которые самозванно очутились въ положеніи вожатыхъ, но знаютъ хорошо только одну дорогу—личнаго своего интереса, личной наживы.

политических партій, утративших изъ-за мелкаго соперничества истинное представленіе о дѣйствительныхъ нуждахъ государства. Палата депутатовъ, по собственному желанію урѣзавшая кругъ своей дѣятельности, послѣ паденія министерства Гамбетты, поставивъ внѣ своей компетенціи всѣ наиболее настоятельные и неотложные вопросы, тѣмъ самымъ обрекла себя на бездѣйствіе и породила ту безцѣльную и мелкую борьбу партій, которая является непремѣннымъ послѣдствіемъ отсутствія серьезныхъ интересовъ и которая, въ концѣ концовъ, поставила въ такое унижительное положеніе французскій народъ, какъ передъ лицомъ Европы, такъ и въ собственныхъ его глазахъ. «Мы нуждаемся въ правительствѣ и въ народѣ, восклицала, напр., газета «Temps», а у насъ нѣтъ ни того, ни другаго. Стоитъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, отречься отъ внѣшнихъ дѣлъ и все свое вниманіе и силы сосредоточивать на внутреннихъ интересахъ страны, если наши политическіе права останутся на томъ же уровнѣ, на какомъ они находятся теперь? Есть-ли какой-нибудь смыслъ въ разглагольствованіяхъ о развитіи нашихъ учреждений, объ удовлетвореніи народныхъ нуждъ и т. п., если парламентъ раздирается духомъ партій, уродующимъ всякій возникающій вопросъ, если на мѣсто общегосударственныхъ интересовъ въ немъ царятъ интересы мелкихъ избирательныхъ единицъ? Можно-ли, при такихъ условіяхъ, говорить объ общественной солидарности, о патриотизмѣ?... Многимъ оставалось утѣшать себя только тѣмъ, что кризисъ, по крайней мѣрѣ, выяснилъ положеніе. Министерство и палата, силою обстоятельствъ, двинуты были на тотъ путь, въ концѣ котораго все-таки приходилось наткнуться на роковые вопросы, заранѣе устраненные ими, какъ неосуществимые. Обѣ они попали въ такое безысходное положеніе, съ котораго нельзя было двинуться ни впередъ, ни назадъ. Министерство, выйдя въ отставку, показало, что нельзя управлять государствомъ, имѣя за собой неустойчивое, расплывчатое большинство или, вѣрнѣе, какой-то разбродъ партій. Это, положимъ,—отрицательная заслуга кризиса. Но она нимало не облегчаетъ положенія и ни на югу не расчищаетъ путь для того правительства, которому суждено будетъ наследовать Фрейсина; напротивъ того, оно оставило ему въ наследіе еще болѣе трудную, почти неразрѣшимую задачу. Франція совершила нѣчто въ родѣ нравственно-политическаго банкротства, выйти изъ котораго и правильно ликвидировать дѣла, не затрогивая породившихъ его условій,—трудъ неблагодарный и едва-ли выполнимый.

И дѣйствительно, на первыхъ порахъ никто не хотѣлъ явиться на

смѣну Фрейсина. Тщетно обращался Гревн то къ тому, то къ другому изъ наиболѣ видныхъ государственныхъ дѣятелей, — отъ всѣхъ получалъ онъ категорическій отказъ. Наконецъ, послѣ восьмидневныхъ усиленныхъ поисковъ, вице-президентъ сената, Дюклеркъ (Duclerc), откликнулся на призывъ главы республики и, при помощи разныхъ компромиссовъ, образовалъ сбродное министерство. Оно сформировалось окончательно 7-го августа н. с. Вотъ его составъ: президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ — Дюклеркъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, — Фальеръ, финансовъ — Тираръ, юстиціи — Девесъ, народнаго просвѣщенія, — Дюво, военный — Бильо, морской — Жорегиберри, почтъ и телеграфовъ — Кошри, земледѣлія — де-Маги, торговли и общественныхъ работъ — Пьеръ Легранъ. Такимъ образомъ, изъ состава предшествовавшаго министерства остались только пятеро: Бильо, Жорегиберри, Кошри, Маги и Тираръ, обмѣнявшій портфель министерства торговли на портфель министра финансовъ; остальные — все лица новыя. Изъ нихъ нѣкоторой извѣстностью пользуется одинъ только президентъ кабинета, Дюклеркъ. Онъ — человекъ ужъ очень не молодой; родился въ 1812 году и, слѣдовательно, смѣло можетъ считаться ветераномъ французскаго парламентаризма. Не имѣя средствъ къ существованію, Дюклеркъ, въ молодости, долгое время занимался сотрудничествомъ въ газетахъ. На политическую карьеру выступилъ онъ лишь въ 1848 году, но не надолго. 25 февраля означеннаго, приснопамятнаго во французской исторіи, года онъ назначенъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря при тогдашнемъ министрѣ финансовъ, Гарнье-Паже, потомъ избранъ былъ депутатомъ отъ ландскаго департамента въ учредительное собраніе, а 10-го мая того же года взялъ на себя портфель министерства финансовъ. Въ тяжелые июньскіе дни онъ выказалъ большую энергію и всѣми силами возставалъ противъ принятыхъ впослѣдствіи репрессивныхъ мѣръ: осаднаго положенія, административныхъ ссылокъ и т. п. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Убѣдившись въ тщетѣ всѣхъ своихъ усилій, Дюклеркъ удалился отъ дѣлъ и за все долгое время имперіи держалъ себя въ сторонѣ отъ политики, исключительно занимаясь частными экономическими и финансовыми предпріятіями. По возстановленіи республики, Дюклеркъ снова выступает на политическое поприще. Въ 1871 году онъ избирается двумя департаментами за разъ въ національное собраніе и затѣмъ вступаетъ депутатомъ въ палату, гдѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ руководилъ лѣвой республиканскою партіей и неоднократно участвовалъ въ бюджетныхъ коммиссіяхъ.

Въ декабрѣ 1875 года, Дюклеръ дѣлается пожизненнымъ сенаторомъ и съ тѣхъ поръ постоянно избираемъ былъ въ вице-президенты сената.

Остальные министры—все лица новыя и за предѣлами Франціи почти неизвѣстныя. Но замѣчательно, всѣ они являются представителями меньшинства, т. е. такъ называемаго республиканскаго союза,—партіи, исключительно состоящей изъ гамбеттистовъ, которыхъ за всѣ послѣднія шесть мѣсяцевъ палата старательно устраняла отъ малѣйшаго вліянія на дѣла. Фактъ, въ высшей степени, знаменательный. За спиной Дюклерка вдругъ, неожиданно—негаданно, является дѣйствующимъ лицомъ никто иной, какъ самъ Леонъ Гамбетта, это страшилище нынѣшней палаты депутатовъ. Такое внезапное и неожиданное появленіе гамбеттистовъ у кормила правленія только усугубило всеобщій разбродъ и довершило рядъ сюрризовъ, которыми такъ богата была за все послѣднее время французская парламентская жизнь.

Въ униженіи, которое испытала Франція, въ той общей несостоятельности, которая ощущается теперь во всѣхъ сферахъ политики, отчасти, конечно, виновато и министерство Фрейсинаэ, не обладавшее ни определенной программой, ни вѣрой въ самого себя. «Несправедливо требовать,—замѣчаетъ одна изъ французскихъ газетъ,—отъ пятисотъ пятидесяти семи депутатовъ, чтобы они вполне хорошо знали, чего они хотятъ, когда этого не знаетъ и само правительство». Замѣчаніе это, безусловно, весьма справедливо; но главная вина падаетъ все-таки не на министерство. Причину всѣхъ золъ слѣдуетъ искать въ нѣдрахъ самой же палаты депутатовъ, въ способахъ ихъ назначенія. Она кроется въ избирательной системѣ, въ системѣ выборовъ по мелкимъ округамъ, которая насаждастъ въ палату массу мелкихъ, другъ-другу враждебныхъ партій и производитъ депутатовъ, заботящихся не объ общемъ государственномъ благѣ, а лишь о своихъ домашнихъ интересахъ. Насколько Гамбетта былъ правъ, поставивъ въ основу программы своего министерства замѣну системы выборовъ по округамъ выборами по болѣе крупнымъ единицамъ, по департаментамъ,—наглядно показала вся послѣдующая дѣятельность палаты. Но она, опасаясь за прочность своихъ полномочій, не допустила тогда такой замѣны и тѣмъ самымъ только обрекла себя на бесплодное существованіе, а, въ концѣ концовъ, все-таки не избѣгнетъ преждевременной кончины. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли найти въ парламентскихъ лѣтописяхъ Европы что либо болѣе ничтожное во всѣхъ отношеніяхъ, какъ минувшая сессія французскаго законодательнаго собранія, етерывшаяся 11-го января (н. с.) нынѣшняго года и закрывши-

яся 8-го августа? Въ теченіе семи мѣсяцевъ, палата успѣла пережитьцѣлыхъ два министерства, Гамбетты и Фрейсина, и дала жизнь третьему, Дюллу; а между тѣмъ, что же она сдѣлала за это долгое и тревожное время? Какіхъ результатовъ достигла? Въ итогѣ, всѣ горячія разглагольствованія въ палатѣ и безконечныя пререканія ровно ни къ чему не привели. Не рѣшенъ ни одинъ изъ бывшихъ на очереди крупныхъ вопросовъ. Всѣ труды палаты сводятся лишь къ тому, что вотированы нѣкоторые изъ торговыхъ трактатовъ, утвержденъ законъ объ избраніи мэровъ, да законъ о репрессіяхъ противъ порнографическихъ изданій. Вотъ почти и всѣ ея заслуги. Не удивительно послѣ этого, если нынѣшняя палата депутатовъ сильно пала въ общественномъ мнѣніи страны, и теперь возстановить свою репутацію ей будетъ уже трудно. Вотъ, напримеръ, какъ отзывался о ней «Journal des Debats», газета умѣренно-либеральныхъ взглядовъ и крайне сдержанная въ своихъ приговорахъ: «Министерскій кризисъ, говоритъ она, его продолжительность и перипетія нанесли тяжелый ударъ авторитету палаты депутатовъ. Очевидно, она увѣрена лишь въ томъ, чего не хочетъ, но чего хочетъ, того сама не знаетъ. Въ виду вновь возникающаго восточнаго вопроса, въ виду новыхъ комбинацій, въ союзахъ, измѣняющихъ характеръ европейскаго равновѣсія, Франція нуждалась въ представительствѣ, которое стояло-бы на высотѣ современной задачи; а для того, чтобъ у себя дома начертать путь, по которому демократія могла-бы спокойно и увѣренно идти впередъ къ прогрессу и свободѣ, страна была въ правѣ надѣяться, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы обрѣтаемся,—найти въ своихъ руководителяхъ если не гениевъ, то хотя-бы людей прямыхъ и рѣшительныхъ. Разочарованіе оказалось полнѣйшее. Теперь всѣмъ стало ясно, какую услугу оказалъ способъ выборовъ по округамъ. Факты говорятъ сами за себя».

Такъ какъ послѣ министерскаго кризиса, на первый взглядъ, ничто существенно не измѣнилось: палата осталась та-же, а правительство, хотя явилось и новое, но при тѣхъ-же условіяхъ, при какихъ существовало старое, и съ тѣмъ-же неопредѣленнымъ характеромъ,—то вполне естественно, что это правительство не возбудило довѣрія къ себѣ и не вызвало особенно радужныхъ надеждъ въ странѣ. И сенатъ, и палата депутатовъ встрѣтили его холодно, видимо не рассчитывая ни на его долговѣчность, ни на его солидность. Его сейчасъ же окрестили «дѣловымъ», какимъ именовали и предшествовавшее, а пресса въ насмѣшку дала ему даже кличку «вакаціоннаго министерства», подразумѣвая подъ этимъ, что оно продержится только до оконча-

нiя парламентскихъ вакацiй, и съ наступленiемъ новой сессiи, уступить мѣсто уже другому, настоящему министерству. Такое, болѣе чѣмъ недовѣрчивое отношенiе къ министерству Дюклера до нѣкоторой степени нашло оправданiе и въ самомъ министерскомъ заявленiи, прочитанномъ въ обѣихъ палатахъ передъ закрытiемъ сессiи. Оно переполнено общихъ мѣстъ и неопредѣленныхъ обѣщанiй, и все достоинство его въ томъ, что оно кратко. Относительно внѣшнихъ дѣлъ, министерское заявленiе возвѣщаетъ, что правительство намѣрено держаться политики «наблюдательнаго воздержанiя и что оно не сдѣлаетъ ни шагу, не создавъ предварительно парламентъ». Что-же касается внутреннихъ дѣлъ, то въ заявленiи говорится, что министры предполагаютъ воспользоваться вакационныиъ временемъ, чтобы приготовить въ либеральномъ и прогрессивномъ духѣ дѣла, подлежащiя разсмотрѣнiю будущей сессiи. Главная же цѣль и задача, которыя поставило себѣ новое министерство, это—устроить, при содѣйствiи парламента, примиренiе и соглашенiе между различными фракцiями республиканскаго большинства. Заявленiе это, разумѣется, никого не удовлетворило, и только благодаря временной коалицiи между группами республиканскаго союза и союза демократическаго (умѣренныхъ республиканцевъ) удалось предупредить вотированiе недоверiя со стороны палаты и тѣмъ предохранить только что народившееся министерство отъ неминуемой смерти. Въ концѣ концовъ, министерское заявленiе было принято къ свѣдѣнiю и затѣмъ сессiя была закрыта.

Но французы, какъ извѣстно, народъ впечатлительный. Когда нѣсколько поулеглось первое острое чувство испытаннаго униженiя и обиды, стали мало-по-малу смотрѣть иными глазами на вещи; положенiе показалось далеко не столь критическимъ, какимъ представлялось въ моментъ самаго кризиса, а выходъ изъ него—возможнымъ. Уже одинъ фактъ неожиданнаго появленiя гамбеттистовъ въ ряду министровъ довольно краснорѣчиво говоритъ самъ за себя. Какiе бы грѣхи ни числились за гамбеттистами имъ нельзя бросить въ лицо упрекъ, что они не знаютъ, чего хотятъ. Они—чуть не единственная группа республиканцевъ, которая имѣетъ вполне определенную и осуществимую программу. Присутствiе гамбеттистовъ въ кабинетѣ невольно возбуждаетъ, поэтому, въ однихъ надежды, въ другихъ опасенiя, что министерство не останется только дѣловымъ, какимъ было при Фрейснэ, но попытается выйти за предѣлы обычныхъ текущихъ вопросовъ. Къ тому же глава нынѣшняго правительства, Дюклеръ—человѣкъ, посѣдѣвшiй на поприщѣ политическомъ и практически-дѣловомъ, а потому едва-ли рѣшатся упрекнуть его въ недостатокъ

опытности. Во всякомъ случаѣ, теперь уже перестали обзывать его министерство «вакаціоннымъ».

Дѣйствительно, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе развивается во Франціи подготовительная дѣятельность къ предстоящему въ октябрѣ открытію новой парламентской сессіи. И работы предстоитъ немало. По милости предшествующей сессіи, всѣ наиболѣе важныя статьи республиканской программы, выработанной еще къ началу нынѣшняго года, положены были подъ сукно; разумѣется, онѣ не были брошены окончательно, а только ждутъ своей очереди. Очередь для нихъ, повидимому, настанетъ. Положительно, не проходитъ дни, чтобы та или другая изъ республиканскихъ газетъ не подняла какого либо изъ этихъ отсроченныхъ вопросовъ и не требовала его разрѣшенія палатой. Какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ церковный, какъ наиболѣе наболѣвшій, стоитъ на первомъ планѣ. Уже теперь поговариваютъ въ газетахъ, что какъ только соберется парламентъ, немедленно же ему будетъ предъявлено требованіе объ уничтоженіи церковнаго бюджета, или, иными словами, объ отдѣленіи церкви отъ государства. Наряду съ этимъ, Поль Бэръ внесетъ свой законопроектъ, отъ имени комиссіи, разсматривавшей вопросъ о конкордатѣ. Само собой разумѣется, что если палата отмѣнитъ церковный бюджетъ, то вопросъ о конкордатѣ устранился самъ собой. Но, какъ мы уже неоднократно говорили прежде, мало вѣроятія, чтобы палата рѣшилась на отдѣленіе церкви отъ государства, а скорѣе всего она ограничится лишь нѣкоторыми, болѣе или менѣе крупными сокращеніями въ помянутомъ бюджетѣ, какъ это предлагается законопроектомъ комиссіи. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ ожидать, что такъ называемая культурная борьба разгорится съ новой силой. Наряду съ этимъ, все настоятельнѣе сказывается необходимость избирательной реформы, т. е. замѣны выборовъ по округамъ выборами по департаментскимъ спискамъ. Реформа эта, какъ извѣстно, составляла краеугольный камень всей программы гамбеттовскаго министерства, и цѣлесообразность его доказала теперь сама палата своей минувшей сессіей. Наконецъ, на очередь выступаетъ и тѣсно связанный съ избирательной реформой роковой вопросъ о пересмотрѣ конституціи, который въ началѣ нынѣшняго года вызвалъ паденіе Гамбетты, а теперь грозитъ, пожалуй, гибелью самой палатѣ депутатовъ.

Среди этой усмеленной подготовительной дѣятельности, тѣмъ знаменательнѣе стремленіе ко взаимному объединенію или, по крайней мѣрѣ, къ соглашенію, которое стало замѣтно проявляться между нѣкоторыми, доселѣ другъ другу враждебными республиканскими партіями. Въ газетахъ все-

сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса въ пользу болѣе тѣснаго сплоченія въ рядахъ республиканцевъ. Справедливо видя основную причину современной неурядицы въ постоянныхъ раздорахъ партій, въ преслѣдованіи ими чисто личныхъ интересовъ, въ неумѣніи, а подѣ часъ и въ нежеланіи сговориться между собой, республиканскія газеты почти всѣхъ оттѣнковъ настаиваютъ на необходимости возстановленія той строгой дисциплины, которая въ эпоху Макъ-Магона спасла республику отъ происковъ монархистовъ и бонапартистовъ. Вся задача заключается въ томъ, чтобы устроить если не полное объединеніе, то хоть сносный *modus vivendi* между двумя основными группами, составляющими, такъ сказать, фондъ республики: между умѣренной республиканской партіей и республиканскимъ союзомъ, или гамбеттистами. Но дѣло это не легкое. Первые не довѣряютъ послѣднимъ и противятся ихъ программѣ не столько изъ-за принципиальнаго разногласія, сколько изъ опасенія, что требуемая Гамбеттой реформы помогутъ ему забрать власть въ свои руки и послужать ему ступенью къ диктатурѣ. Гамбетта же никакъ не можетъ примириться съ политикой полу-мѣръ и недомолвокъ, съ помощью которой умѣренные республиканцы тщетно стараются упрочить республику. Кромѣ того, между тѣми и другими накопилось за послѣднее время немало и чисто личныхъ счетовъ, распутать которые довольно трудно. Покуда, вопросъ о примиреніи не выходитъ за предѣлы благихъ пожеланій. Говорятъ очень много и убѣдительно, но ни та, ни другая изъ названныхъ партій не хочетъ сдѣлать перваго шага, пойти первою на уступки. Очевидно, безъ посредника-примирителя дѣло не обойдется, и вотъ, въ глазахъ многихъ, такимъ посредникомъ является само правительство. По счастливой случайности, оно состоитъ именно изъ представителей отъ умѣренныхъ республиканцевъ и гамбеттистовъ, почти въ равномъ числѣ; другія группы въ немъ отсутствуютъ. Поэтому надѣются, что, войдя въ составъ одного и того же министерства, имъ удастся выработать общую программу и, рядомъ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ, привлечь на свою сторону и республиканское большинство въ палатѣ. Оправдаются-ли эти надежды Дюклеръ—другой вопросъ, который рѣшится только послѣ открытія новой парламентской сессіи. Разумѣется, успѣхъ его дѣла будетъ главнымъ образомъ зависеть отъ самой палаты, отъ ея желанія или умѣнія образовать прочное большинство въ пользу правительства; но, принимая во вниманіе все ея недавнее прошлое, рассчитывать на это довольно мудро. Безъ содѣйствія же палаты министерство Дюклеръ будетъ столь же непрочное, какъ и предшествовавшее, какъ и вообще вся-

кое другое, которое будетъ избрано при настоящихъ условіяхъ. Поэтому не удивительно, если мысль о настоятельной необходимости измѣнить эти условія находятъ все большее и большее число приверженцевъ. Измѣнить же ихъ можно не иначе, какъ распустивъ нынѣшнюю палату и назначивъ новые выборы, но уже на новыхъ началахъ, на тѣхъ самыхъ, которыя положены въ основу программы гамбеттистовъ; а тогда, само собой, на сцену выступить и министерство Гамбетты.

Тѣмъ временемъ событія въ Египтѣ шли своимъ чередомъ, только развязка ихъ оказалась ближе, чѣмъ можно было предполагать по началу. Никто, конечно, не сомнѣвался въ конечномъ благопріятномъ для англійскаго оружія исходѣ кампаніи; но думали, что она затянется на долгое время, по крайней мѣрѣ, будетъ продолжаться такъ-же медленно, какъ шла до сихъ поръ. Предположенія эти основывались, во-первыхъ, на неудовлетворительной организаціи великобританской арміи, а во-вторыхъ, на бывшихъ доселѣ прецедентахъ: на афганскомъ походѣ и на войнахъ въ южной Африкѣ, сначала противъ зулусовъ, а потомъ—противъ трансваальскихъ бозровъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, англійская военная организація оказалась далеко не въ блестящемъ видѣ. Наконецъ, рассчитывали на большую стойкость, на большую силу сопротивленія со стороны египетскихъ войскъ. Битва 1-го сентября, окончившаяся взятіемъ Тель-Эль-Кебира, показала всю ошибочность этихъ расчетовъ.

Нельзя не отдать полной справедливости англичанамъ, что они съ большимъ умѣніемъ и необыкновенной выдержкой вели свои дѣла въ Египтѣ. Успѣхомъ своимъ они обязаны не столько генералу Уольслэю, хотя и онъ показалъ себя весьма недурнымъ стратегомъ, сколько ловко и тонко веденной дипломатіи. Осилить такого слабого врага, какъ Араби-паша, еще заслуга невеликая; но обезпечить успѣхъ дипломатическимъ путемъ, въ видахъ недовѣрчиваго отношенія державъ, оградить себя отъ вмѣшательства Европы и отъ турецкаго содѣйствія, забрать все дѣло въ свои руки—была задача не легкая, и тѣмъ не менѣе она разрѣшена блистательно. Пресловутая конференція посланниковъ державъ въ Константинополѣ, на которую возлагалось столько надеждъ, оказалась на дѣлѣ, какъ и всѣ вообще подобнаго рода конференціи, весьма эффектной, но пустой *mise en scène*. Дѣйствуя, повидимому, вполне согласно съ нею, англійская дипломатія однако сумѣла обойти ее и, такъ сказать, поста-

вить не у дѣлъ. Лордъ Дэфферинъ съ величайшей предупредительностью и любезностью подписывалъ всѣ предложенія и всѣ ноты, исхлотившія отъ конференціи, но это нимало не препятствовало его правительству дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и исполнѣть независимо въ Египтѣ. Этими создано было такое положеніе, что конференція, силою вещей, вынуждена была отказаться отъ непосредственнаго вліянія на ходъ событій на берегахъ Нила, и нотой отъ 15-го (3-го) іюля возложила обязанность водворить тамъ порядокъ на Англію и Турцію. Дэфферинъ безпрекословно подписалъ эту ноту, оговоривъ только, что правительство его не станетъ выжидать рѣшеній Порты и приступить къ дѣйствіямъ даже и безъ ея соучастія. Итакъ, передавъ все дѣло на руки Англіи и Турціи, конференція по неволѣ устранила себя отъ всякаго дѣятельнаго участія. Въ сущности, ей оставалось одно—разойтись и умыть руки. Но тутъ ей на выручку подоспѣло предложеніе, выработанное французскимъ кабинетомъ, объ отдѣленіи египетскаго вопроса въ тѣсномъ смыслѣ отъ вопроса о Суэзскомъ каналѣ. Предложеніе это, какъ ни шатко было его основаніе, послужило обильной пищей для академическихъ разсужденій о томъ, что Англіи разрѣшено распорядиться въ Нильской долинѣ, но что Суэзскій каналъ, какъ общеевропейская собственность, долженъ остаться въ полной неприкосновенности; результатомъ этихъ разсужденій явился прозвъкъ объ учрежденіи международной охраны надъ каналомъ, который 2-го августа и былъ внесенъ на санцію конференціи итальянскимъ посланникомъ, графомъ Корти. Но на слѣдующій же день получено было неожиданное извѣстіе, что Суэзъ занятъ англійскимъ войскомъ, въ силу полномочій, данныхъ Сеймуру египетскимъ хедивомъ. Конференція оказалась не при чемъ, хотя она официально и не закрыта, но *de facto* болѣе какъ бы не существуетъ. До такого печальнаго конца, кажется, не доживала еще ни одна изъ бывшихъ въ послѣднее время многочисленныхъ конференцій.

Счастливо освободившись отъ европейскаго контроля, англичане задались цѣлью отдѣлаться и отъ турецкаго соучастія въ египетской экспедиціи. Они, понятно, не могли вѣрить въ искренность турецкой помощи. Всѣ бывшія доселѣ отношенія между Портой и Араби-пашей не могли не вселять опасенія, что турецкое войско, высадившись въ Египтѣ, послужитъ немалой помѣхой англичанамъ и будетъ скорѣе дѣйствовать на руку египетскому диктатору, чѣмъ помогать своимъ официальнымъ союзникамъ. Въ Англіи хорошо понимали, что султанъ поставленъ былъ въ крайне фальшивое положеніе, что, въ качествѣ верховнаго главы всѣхъ

правовѣрныхъ, онъ и не могъ, не роняя своего авторитета, дѣйствовать заодно съ гаурами противъ мусульманъ, лично передъ нимъ ничѣмъ не провинившихся. Въ виду этого, англійское правительство, въ принципѣ согласившись принять турецкое сообщничество, но виѣсть съ тѣмъ желая обезпечить себя на всякій случай, предложило съ своей стороны условія *sine qua non*, при которыхъ должна состояться турецкая экспедиція. Во-первыхъ, оно потребовало, чтобы численность снаряжаемаго турецкаго отряда была незначительна, во-вторыхъ, — чтобы отрядъ этотъ былъ поставленъ подъ прямое начальство англійскаго главнокомандующаго, и въ-третьихъ, — чтобы султанъ въ особой прокламаціи провозгласилъ Араби-пашу бунтовщикомъ. Ставя такія тяжкія и оскорбительныя условія, англійское правительство прочно рассчитывало на то, что они будутъ отвергнуты. Особенно тяжелымъ условіемъ должно было показаться Портъ третье, касающееся провозглашенія Араби бунтовщикомъ. Она, разумѣется, отлично понимала, что послѣдній, въ глазахъ заинтересованныхъ державъ, инымъ и быть не можетъ, такъ какъ возсталъ противъ преобладающей власти и нарушилъ существовавшій узаконенный порядокъ вещей; но для султана — Араби вовсе не бунтовщикъ. Онъ въ сущности не возставалъ противъ его державныхъ правъ, а скорѣе, наоборотъ, защищалъ ихъ отъ притязаній хедива и европейцевъ. Кромѣ того, мусульмане все время смотрѣли на смѣлаго диктатора, какъ на заступника вѣры, а потому султану, какъ калифу, было и неудобно, еслибы онъ даже и желалъ, принимать слишкомъ крутыя мѣры противъ Араби. Не взирая на все это, турки однако не рискнули прямо отринуть требованія англійскаго кабинета. Вѣрные себѣ, они и тутъ нашли удобнѣе для себя прибѣгнуть къ изворотамъ и проволочкамъ. Ихъ делегаты на конференціи объявили великобританскому представителю, лорду Дэфферину, что султанъ готовъ опубликовать требуемую прокламацію противъ Араби, но не иначе, какъ по высадкѣ турецкихъ войскъ въ Египтъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Дэфферинъ этой оговорки не принялъ и снова категорически потребовалъ, чтобы прокламація была опубликована до командировки войскъ.

Начался рядъ безконечныхъ, утомительныхъ переговоровъ, въ которыхъ пущены были въ ходъ всѣ тонкости и уловки дипломатической практики. Обѣ стороны, какъ-бы преднамѣренно, составляли предложенія, которымъ можно было-бы придать всяческое толкованіе; придирались къ словамъ, къ выраженіямъ, и каждая малѣйшая недомолвка давала желанную пищу новымъ пререканіямъ. Едва-ли когда либо доводилось видѣть Европѣ

такой необыкновенный дипломатический турнир. Не раз казалось, что вот-вот дѣло близко къ развязкѣ, и телеграфъ сейчасъ-же торопился извѣщать о благополучномъ исходѣ на цѣлые два мѣсяца затянувшихся переговоровъ между лордомъ Дэффериномъ и Саидомъ-пашей. Такихъ извѣщеній была масса, но всѣ они оказались преждевременными и немедленно же опровергались, а пресловутая военная конвенція остается въ формѣ проекта и по сіе время.

Наконецъ, почти накануне развязки событій въ Египтѣ, еще разъ облетѣли Европу телеграммы съ торжественнымъ и, повидимому, вполне категорическимъ заявленіемъ, что султанская прокламація, объявляющая Араби-пашу бунтовщикомъ, опубликована, а военная конвенція подписана окончательно. Дѣйствительно, текстъ прокламаціи появился въ печати, но сама конвенція все еще не могла состояться, такъ какъ обѣ стороны никакъ не могли согласиться въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Новое разногласіе возникло изъ-за выбора мѣста для высадки турецкихъ войскъ въ Египтѣ. Англичане, видя, что Порты готова принять всѣ тяжкія условія, лишь-бы дозволили ей принять участіе въ экспедиціи, стали хлопотать о томъ, чтобы, по возможности, удалить ея войска отъ театра военныхъ дѣйствій и, съ этой цѣлью, предложили мѣстомъ для десанта такіе второстепенные пункты, какъ Абукиръ, Даміетта или Розетта. Порты не приняла подобнаго предложенія, ссылаясь на то, что въ этихъ мѣстахъ сильный морской прибой опасенъ для благополучной высадки войскъ, и потребовала, чтобы ей дозволили это сдѣлать въ Александріи. Со стороны Англій послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Тогда зашла рѣчь о Портъ-Саидѣ, и, съ общаго согласія, послѣдній пунктъ былъ избранъ мѣстомъ высадки для турецкаго десанта. Казалось, дѣло было улажено; но англійскій уполномоченный и тутъ нашелъ возможнымъ прицѣпиться. Вопросъ этотъ былъ, должно быть, не совсѣмъ точно проредактированъ въ конвенціи, а редакціонной неточностью лордъ Дэфферинъ и не замедлилъ воспользоваться. Когда все уже было готово къ подписи, онъ, неожиданно-негаданно, заявляетъ Саиду-пашѣ, что, по смыслу употребленныхъ выраженій въ проектѣ конвенціи, Портъ-Саидъ вовсе не избранъ мѣстомъ высадки для турецкихъ войскъ, а что послѣднимъ предоставлено лишь право идти туда, и тамъ, на судахъ, ждать отъ англійскаго главнокомандующаго дальнѣйшихъ указаній. Смѣшная придирка эта не имѣла никакого смысла, но цѣли она достигла: конвенція все-таки не была подписана. Неизвѣстно, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ достигли-бы эти курьезные переговоры, еслибы на выручку Дэфферину не подоспѣло

съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ жданное въ Англіи извѣстіе, объ окончательномъ пораженіи Араби-паши, послѣ котораго сообщничество турецкихъ войскъ дѣлалось уже ненужнымъ, а значить, излишней становилась и самая военная конвенція.

Надо отдать справедливость англичанамъ, что они не дремали и употребили немовѣрные усилія, чтобы скорѣе и рѣшительнѣе довести дѣло до конца. Не взирая на плохую военную организацію, на неспособность англійскаго войска къ быстрой мобилизаціи и быстрымъ передвиженіямъ, не взирая даже на затруднительное положеніе у себя дома, на все еще нерѣшенный ирландскій вопросъ, англичане все-таки успѣли, въ сравнительно короткое время, достигнуть весьма многого. Какъ только войска изъ Великобританіи и Остъ-Индіи, назначенныя участвовать въ египетской экспедиціи, двинуты были въ путь, генералъ Уольслэй прибылъ въ Александрію и немедленно открылъ кампанію. Убѣдившись изъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе серьезныхъ рекогносцировокъ въ неудобствѣ движенія изъ Александріи и операций въ Нильской дельтѣ, а также въ безцѣльности и напрасномъ рискѣ атаковать Араби-пашу въ его сильныхъ Кафръ-эль-Доварскихъ позиціяхъ (къ югу отъ Александріи), онъ смѣлымъ и ловкимъ маневромъ, занимаетъ Портъ-Саидъ, а затѣмъ и весь Суэзскій каналъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на протесты Лессепа и крики негодованія, поднявшіеся въ Европѣ на столь дерзкое нарушеніе нейтралитета этого общеевропейскаго достоянія. Какъ извѣстно, съ совершившимся фактомъ не спорять, а англичане давно уже по достоинству оцѣнили старинное практическое правило *beati possidentes* и всегда съ успѣхомъ практиковали его. Араби-паша понялъ грозящую ему опасность и бросился изъ Кафръ-эль-Довара на встрѣчу англичанамъ, стягивавшимъ всѣ свои силы, по занятіи Суэзскаго канала, къ Измаиліи, откуда шла прямая дорога, черезъ Тель-Эль-Кебиръ, — гдѣ Араби возвелъ сильныя укрѣпленія, — въ Каиръ. Пользуясь временемъ, пока еще не всѣ англійскія войска успѣли подойти къ Измаиліи, онъ 15-го августа атаковалъ ихъ передовыя позиціи у Гассасина. Атака ведена была настолько энергично, что генералу Грегаму, командовавшему въ Гассасинѣ, пришлось бы плохо, еслибы въ-время не подоспѣла на выручку кавалерійская дивизія генерала Дрюри-Лоу. Благодаря этой помощи, атака была отражена, и Араби вынужденъ былъ отвести свои войска обратно въ Тель-Эль-Кебиръ.

Однако генералъ Уольслэй не бросился на рискъ преслѣдовать неприятеля. Цѣлыя двѣ недѣли провелъ онъ въ разъѣздахъ, выжидая, пока

подойдут тяжелыя на подъемъ войска и подоспѣютъ обозы съ продовольствіемъ. Эта кажущаяся бездѣятельность стала было порождать крайне неслестныя слухи объ англійскихъ генералахъ, солдатахъ и обо всей экспедиціи вообще. Увѣренность въ скоромъ окончаніи кампаніи значительно поколебалась. Тѣмъ большій эффектъ произвела неожиданная вѣсть, что Уольслей, 1-го сентября на разсвѣтъ, врасплохъ напалъ на египетское войско, выбилъ непріятеля штыками изъ его крѣпкихъ позицій и послѣ непродолжительнаго, но жаркаго боя овладѣлъ Тель-Эль-Кебиромъ. Побѣда одержана была полная; англичанамъ досталась масса плѣнныхъ и орудій, а непріятель, деморализованный въ конецъ, бѣжалъ въ разсыпную, оставивъ до 2,000 убитыхъ и раненыхъ на полѣ битвы. Вѣсть о такомъ блистательномъ успѣхѣ англійскаго оружія явилась настолько неожиданной въ Европѣ, что въ Германіи, напримѣръ, на первыхъ порахъ, она принята была за газетную утку и ей не хотѣли вѣрить. Фактъ побѣды однако былъ на лицо: Араби-пашѣ нанесено было такое жестокое пораженіе, подняться послѣ котораго ояъ уже былъ не въ силахъ. Пѣсня его была спѣта. И дѣйствительно, не прошло трехъ дней послѣ взятія Тель-Эль-Кебира, какъ получено было извѣстіе, что Каиръ занятъ англичанами, а самъ диктаторъ Араби-паша, со своимъ помощникомъ Тульбой-пашой и со всѣмъ имѣвшимся при немъ въ наличности войскомъ, положилъ оружіе и сдался въ плѣнъ.

Не трудно представить себѣ тотъ восторгъ, съ какимъ привѣтствована была въ Англійи вѣсть о побѣдѣ, а въ особенности о паденіи Араби-пашы. Со взятіемъ въ плѣнъ послѣдняго, война фактически прекращалась, а вмѣстѣ съ ней устранялся самъ собою и столь непопулярный въ Англійи вопросъ о турецкомъ десантѣ. Положимъ, Порта еще можетъ претендовать на соучастіе въ умиротвореніи края и водвореніи въ немъ порядка; но если турки казались англичанамъ опасными, какъ союзники въ войнѣ противъ Араби-пашы, то насколько болѣе опасными они должны показаться въ качествѣ умиротворителей. Разумѣется, англійское правительство употребить всѣ старанія, чтобы не допустить ихъ до этого. Лордъ Дэфферинъ, въ силу полученныхъ имъ отъ своего правительства инструкцій, уже словесно передалъ Портѣ, что, по мнѣнію великобританскаго кабинета, нѣтъ болѣе никакой надобности въ заключеніи англо-турецкой военной конвенціи.

Какъ-бы тамъ ни было, но въ сущности только теперь должны начаться настоящія затрудненія для Англійи, такъ какъ ей придется имѣть дѣло со всей Европой, — по неволѣ молчавшей, пока шли военныя дѣйствія, —

и затронуть весьма крупные интересы многих изъ государствъ. Какъ-бы ни былъ Араби-паша энергиченъ самъ по себѣ, онъ все же не могъ съ такими слабыми и плохо дисциплинированными силами, какія были у него, войти въ серьезное состязаніе съ арміей, вооруженной и руководимой по всѣмъ правиламъ и послѣднимъ даннымъ науки. Побѣда досталась слишкомъ легко, чтобъ особенно кичиться столь дешево добытыми военными лаврами. Впрочемъ, сами англичане, не смотря на минутное упоеніе военной славой, столь рѣдко выпадавшей на ихъ долю, отлично понимаютъ, что не здѣсь суть дѣла, но въ тѣхъ, несравненно болѣе существенныхъ результатахъ, которые неминуемо должны послѣдовать для Великобританіи отъ благополучно оконченной экспедиціи, а еще болѣе,—въ умѣннн воспользоваться ими, не слишкомъ возбудивъ противъ себя другіе заинтересованные въ египетскомъ вопросѣ кабинеты. De facto, англичане стали нынѣ полными и единственными хозяевами Египта, и вопросъ только въ томъ: распорядятся-ли они съ нимъ, какъ съ покоренной провинціей, или же водвореніе окончательнаго устройства тамъ предоставлятъ на усмотрѣніе «европейскаго концерта».

На первыхъ порахъ, судя по заносчивому тону нѣкоторой части англійской прессы,—и, надо правду сказать, наиболѣе солидной ея части,—можно было предположить, что рѣшеніе вопроса послѣдуетъ въ первомъ смыслѣ. «Times», напримѣръ, настаивая на необходимости продлить военное занятіе Египта до полного водворенія тамъ порядка—что, бесспорно, вполнѣ законно и естественно—въ то же время требовалъ, чтобы Европа была совершенно отстранена отъ участія въ окончательномъ разрѣшеніи египетскаго вопроса и чтобы дѣло это предоставлено было одной только Англій, цѣной своей крови и золота пріобрѣтшей, будто-бы, на то неотъемлемое право. Иначе говоря, органъ Сити находилъ нужнымъ водвореніе великобританскаго протектората надъ Египтомъ. Еще прямѣе и невоздержнѣе высказывался другой, тоже сильно распространенный органъ печати, органъ торійской партіи, «Standard». Тотъ, безъ всякихъ оговорокъ, выражалъ глубокое свое сожалѣніе, что англійское правительство обязалось повергнуть окончательное рѣшеніе египетскаго вопроса на усмотрѣніе европейскаго концерта, того самаго концерта, «который спитъ, пока дается бой, и просыпается, когда сраженіе кончено». Но такое неосмотрительное, по мнѣнію газеты, обѣщаніе не помѣшало однако торійской газетѣ высказать увѣренность, что Англія, не взирая на европейскій концертъ, сумѣетъ выполнить свой долгъ, какъ слѣдуетъ, т. е. «объявить себя покровительницей Египта, дабы, съ одной стороны, пре

дохранить хедива отъ новаго возстанія его подданныхъ, а съ другой, оградить великобританскіе интересы, какъ въ Нильской долині, такъ и на Суэзскомъ каналѣ». Таковъ былъ, въ первую минуту упоенія побѣдой, общественный голосъ въ Англіи, потому что объ названныя газеты могутъ, по всей справедливости, считаться представителями наиболее распространенныхъ мнѣній въ странѣ.

Эта заносчивость англійскихъ газетъ, нельзя сказать, чтобы произвела благопріятное для англичанъ впечатлѣніе въ Европѣ; но нигдѣ она не возбудила такого негодованія, какъ въ Германіи, гдѣ все время съ особеннымъ и вовсе нескрываемымъ недоброжелательствомъ относились къ политикѣ Гладстона вообще и къ дѣйствіямъ великобританскихъ войскъ въ Египтѣ, въ особенности. Хотя интересы Германіи въ этой части Средиземнаго побережья и крайне ничтожны, но нѣмцы, ставши «великимъ народомъ», начали выказывать какую-то до болѣзненности странную подозрительность ко всему, что происходило помимо нихъ. Во всякомъ дѣлѣ, въ которомъ не пускали ихъ хозяйничать, они усматривали нѣчто въ родѣ личнаго для себя оскорбленія. Разумѣется, съ этой же забавной точки зрѣнія они взглянули и на дѣйствія англичанъ въ Египтѣ. Все время нѣмцы съ какимъ-то злорадствомъ отзывались о дѣйствіяхъ англійской экспедиціи и сулили ей всяческія невзгоды. Поэтому, въ первую минуту, нѣмецкія газеты, какъ уже сказано было выше, не хотѣли даже вѣрить въ побѣду, одержанную Уольслэемъ у Тель-Эль-Кебира, принявъ извѣстіе о ней за газетную утку. Опѣ все надѣялись, что Араби-пашѣ удастся надолго задержать англичанъ въ Египтѣ, и что послѣдніе потерпятъ тамъ такое же фiasco, какое недавно еще понесли въ Южной Африкѣ, въ борьбѣ съ боэрами Трансваала. Когда же фактъ побѣды сталъ несомнѣннымъ, то нѣмцы принялись вымещать свою досаду не только на англичаныхъ, но и на несчастномъ Араби-пашѣ, разжаловавъ его изъ героевъ, изъ «египетскихъ Вашингтоновъ», въ самаго зауряднаго проходимца, а его доблестную армію, «защитниковъ свободы», въ сбродъ трусливыхъ и никуда негодныхъ феллаховъ. Вызывающій тонъ одной части англійской прессы только подлил масла въ огонь. Берлинская «National Zeitung», напримѣръ, чуть не съ пѣной у рта накинута на «Times», укоряя органъ Сити въ томъ, что онъ былъ совершенно другаго мнѣнія, когда русскіе стояли подъ Константинополемъ; а въ заключеніе пригрозила, что и Англіи не избѣжать того истязанія и униженія, какія вынесла Россія въ 1878 году отъ европейскаго концерта. Безспорно, «Times» иначе смотрѣлъ на вещи въ 1878 году.

чѣмъ теперь, — тогда того требовали обстоятельства и выгоды англійскаго народа; только едва ли угрозы, высказываемой берлинской газетой, суждено осуществиться. Во-первыхъ, Англія вела и ведетъ свои дѣла въ Египтѣ далеко не такъ, какъ дѣйствовала Россія въ минувшую турецкую войну, — боязливости и неувѣренности нѣтъ въ ней и слѣдовъ; во-вторыхъ, задорный тонъ, хотя бы и такихъ крупныхъ органовъ печати, какъ «Times» и «Standard», еще ровно ничего не доказываетъ, тѣмъ болѣе что «Times» вполнѣмъ значительно смягчилъ свои требованія. Англичане — слишкомъ практическій, слишкомъ опытный въ политикѣ народъ, чтобы опрометчиво идти наперекоръ обстоятельствамъ и напрасно рисковать своимъ могуществомъ и богатствомъ. Къ тому же газеты, стоящія близко къ правительству, говорятъ въ тонѣ несравненно болѣе сдержанномъ и не думаютъ заикаться о протекторатѣ. Такъ, «Daily News», считающаяся истолковательницей взглядовъ кабинета Гладстона, замѣчаетъ, что египетская экспедиція предпринималась не для расширенія великобританскихъ границъ, и что Англія претендуетъ лишь на право охранять Египетъ отъ пробужденія въ немъ анархіи; лучшее же средство для этого видятъ въ установленіи тамъ представительнаго правленія, безусловно независимаго отъ султана. «Наше вмѣшательство, добавляетъ газета, не имѣло бы смысла, еслибы въ результатѣ пришлося возстановить авторитетъ султана тамъ, гдѣ онъ давно ужъ пересталъ быть живою реальностью». Такого рода требованія настолько справедливы и умѣренны, что едва ли встрѣтять серьезное сопротивленіе со стороны пресловутаго «европейскаго концерта».

Во всякомъ случаѣ, судя по той неуклонной и прямо ведущей къ цѣли энергіи, съ какой дѣйствовало англійское правительство въ настоящемъ фазисѣ египетскаго вопроса, трудно ожидать, чтобы оно дозволило европейскому ареопагу, какъ бы ни было сильно противодѣйствіе съ его стороны, продѣлать надъ Англіей ту операцію, которая на берлинскомъ конгрессѣ такъ удачно совершена была надъ Россіей.

НОВЫЯ КНИГИ.

Нѣмецъ и іезуитъ въ Россіи. К. В. Трубниковъ. С.-Петербургъ. 1882 г.

Знаете-ли вы, читатель, господина Трубникова? О, конечно, вы знаете г. Трубникова! Это тотъ самый предприимчивый газетный содержатель, который поочередно и одновременно предпринималъ, издавалъ, продавалъ и превращалъ: «Журналъ для акціонеровъ», «Биржевыя Вѣдомости» (1861—1875 г.) «Вечернюю газету», «Новое Время» (1875—1876 г.) и «Телеграфъ». Объ этой своей предпринимательской дѣятельности г. Трубниковъ самъ, не безъ гордости, заявляетъ въ предисловіи къ разбираемой нами брошюрѣ. Казалось бы, лавровъ у г. Трубникова имѣется совершенно достаточно, чтобы опочить на нихъ вплоть до самаго переселенія въ надзвѣздный край; но газетная «бацилла», заразившая этого достойнаго мужа, не даетъ ему покою и побуждаетъ къ совершенію новыхъ и новыхъ публицистическихъ дѣяній, правда, не наказуемыхъ закономъ, но все же весьма предосудительныхъ съ точки зрѣнія общественной нравственности, человѣческаго смысла и даже... даже элементарной грамотности, которую авторъ брошюры рѣшительно попираетъ ногами, съ развязностью фонвизинскаго недоросля.

Въ наше плачевное время—седа и Саулъ во пророцѣхъ—г. Трубниковъ внезапно облачился въ мантию національной политики, внезапно объявилъ себя истымъ поборникомъ «общественнаго идеализма», составляющаго якобы отличительную, монопольную черту славянской расы, и внезапно выступилъ въ походъ противъ нѣмцевъ и іезуитовъ, противъ социалистовъ и прусскихъ юнкеровъ, противъ Бисмарка и Лассаля, противъ «чувственной вавилонской цивилизаціи» Западной Европы, противъ финансистовъ и пасторовъ, противъ «Международнаго телеграфнаго агенства» и, въ концѣ концовъ, противъ всякой логики и правилъ словосочиненія. Важнымъ поводомъ ко всему этому безсвязному, но претенціозному галдѣнью (иначе нельзя и назвать словесныя злукубраціи г. Трубникова) послужила знаменитая въ свое время рѣчь генерала Скобелева о «нашемъ исконномъ врагѣ—нѣмцѣ», который жаждетъ крови и «куетъ булатъ» въ своемъ Берлинѣ, и отъ котораго намъ можно избавиться только огнемъ и мечемъ. Къ этой-то рѣчи поспѣшилъ примазаться авторъ брошюры и, русифицируя еще больше запальчивую выходку генерала, началъ утверждать, что «кулаку нужно противопоставить кулакъ» (стр. 8) и что нѣмцевъ нужно

гнать по шеямъ изъ Россіи не только съ административныхъ и дипломатическихъ мѣстъ, но даже съ фабрикъ, заводовъ, изъ больницъ, учебныхъ заведеній и чернорабочихъ мастерскихъ. Съ дикостью совсѣмъ первобытнаго человѣка, г. Трубниковъ «отрицается» не только отъ политическихъ и религіозныхъ идей Западной Европы, но даже и отъ реальныхъ плодовъ европейской культуры, чуть-чуть не рекомендуя намъ поворотить назадъ, къ каменному періоду. Изъ всѣхъ ходячихъ обвиненій противъ нѣмцевъ г. Трубниковъ забылъ только одно, а именно, что «они дѣлаютъ въ Гамбургѣ луцу—и прескверно дѣлаютъ». («Записки сумашедшаго».)

Какъ оказывается по изслѣдованіямъ г. Трубникова, нѣмецъ— не только одинъ нѣмецъ, безъ всякаго участія природныхъ россіянъ—виновать во всѣхъ нестроеніяхъ, апомалияхъ и уродливостяхъ нашего гражданскаго быта:—онъ интригуетъ противъ насъ въ дипломатическомъ мірѣ, онъ пакоститъ намъ на биржѣ, онъ съ разрушительными цѣлями выѣдряется въ наши канцеляріи и департаменты, въ торговые дома и въ акціонерныя общества; а казанскій сирота, бѣдный россіянинъ—«отбитый отъ всякаго полезнаго труда нѣмцами... лишается заработка и бросается во все нелегкія, дѣлаясь или праздношатающимся, или анархистомъ». Въ своей неистощимой ненависти къ Россіи нѣмцы не отступаютъ ни передъ чѣмъ, даже передъ очевидной и ни съ чѣмъ несообразной глупостью. Такъ, напр., они одновременно посягаютъ въ Россіи и всеотрицающій социализмъ, и прусско-бюрократическія идеи, и безбожіе, и папистскій клерикализмъ. Зачѣмъ повнадобилось имъ разрушать одною рукою то, что сами создаютъ другою; съ какой стати они и отравляютъ, и исцѣляютъ насъ такими противоположными, по своимъ качествамъ, социальными-политическими снадобьями?—объ этомъ гонимые нѣмцы знаютъ, вѣроятно, не больше самого ихъ гонителя, который бросается «во все нелегкія» и готовъ наговорить сколько угодно абсурдовъ, чтобы доканать врага не мытьемъ, такъ катаньемъ. Понятно, что отъ такого сорта обвиненій («нѣмецкая клика»)—еслибы она и подлинно была такъ вредна въ русскомъ царствѣ,—можетъ только выиграть, а не проиграть.

«Самыя временныя правила о печати и цензурѣ составлены были—увѣряетъ насъ г. Трубниковъ—подъ влияніемъ реакціонныхъ идей, господствовавшихъ въ нѣмецкой партіи. Вопросъ о пересмотрѣ этихъ законовъ, поднятый двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, остался какъ бы забытымъ. Острый антагонизмъ, водворившійся, вслѣдствіе дѣйствовавшей нѣмецкой бюрократической системы, между административными и земскими инстанціями, замедлившій устраненіе

недостатковъ бюрократической и сословной организаціи посредствомъ развитія учреждений безсословнаго самоуправленія и подъ вліяніемъ этого направленія забытый вопросъ о пересмотрѣ системы мѣстнаго управленія, поднятый нынѣ уже и истинно-русскими людьми» (?!?).

Первую половину этой цитаты (до точки) можно, по крайней мѣрѣ, понять, хотя все это утверждение г. Трубникова о связи цензурныхъ строгостей съ господствомъ нѣмецкой партіи представляется лишеннымъ всякаго основанія. Гг. Тимашевъ и Маковъ были столько же русскими людьми, какъ и самъ гр. Игнатьевъ; но ни тотъ, ни другой, ни третій пальцемъ не пошевелили для того, чтобы улучшить положеніе нашей много-страдальной печати и сколько нибудь легализировать существованіе людей, дѣйствующихъ словомъ и мыслью на публичной аренѣ. Напротивъ, положеніе печати, во время торжества «національной политики», стало еще менѣе обеспеченнымъ, чѣмъ прежде,—что легко доказать ариѳметически, простою статистикою предостереженій и запретительныхъ циркуляровъ, послѣдовавшихъ за это время. Еслибы «истинно-русскіе» люди, столь восхваляемые г. Трубниковымъ, сочувствовали правильному и широкому развитію публичнаго слова въ Россіи, подъ защитою независимаго суда (условіе, безъ котораго немислимо существованіе серьезной и честной прессы, либеральнаго или консервативнаго характера—все равно); еслибы они болѣли русской душою за пригнетенное положеніе русской мысли, еле-еле продвигающейся съвозъ чащу административныхъ усмотрѣній и запрещеній,—то кто бы могъ помѣшать имъ составить въ этомъ смыслѣ новый проектъ и внести его на утвержденіе государственнаго совѣта, который никогда не переставалъ смотрѣть благосклонно на развитіе, путемъ прессы, политическаго разума въ нашемъ обществѣ и, даже вооружая министра внутреннихъ дѣлъ (въ 1873 г.) правомъ запрещать обсужденіе въ печати нѣкоторыхъ государственныхъ вопросовъ, мотивировалъ свое мнѣніе слѣдующимъ, выгоднымъ для литературы, образомъ: «Изданіемъ этого постановленія, создающаго законную основу для распоряженій, неизбежно вызываемыхъ иногда высшими интересами государства, нисколько не стѣсняется тѣ предѣлы, въ которыхъ донинѣ предоставлялось печати обсуждать политическіе и общественные вопросы. Новое постановленіе, по самому разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ и рѣдкихъ... Нѣтъ сомнѣнія, что органы печати, правильно понимающіе призваніе свое—служить пользамъ отечества—и сами собою, безъ всякаго принужденія, подчинялись бы въ сихъ обстоятельствахъ

приглашенію правительства». Ясно, что не наше высшее законодательное учрежденіе, такъ заботливо ограждавшее свободу обсужденія въ печати политическихъ вопросовъ, помѣшало бы «истинно-русскимъ» государственнымъ людямъ внять голосу справедливости и улучшить, по возможности, положеніе русской прессы. Но вышло какъ разъ наоборотъ,—и еще при гр. Игнатьевѣ былъ задуманъ проектъ новыхъ ограниченій для печати, о которомъ говорятъ теперь по слухамъ—и говорятъ одинаково не въ пользу его—какъ либеральные, такъ и консервативные органы.

Что же касается до второй половины вышеприведенной цитаты изъ брошюры г. Трубникова («Острый антагонизмъ, водворившійся» и пр.) то, за отсутствіемъ сказуемаго въ главномъ предложеніи, ея кабалистическій смыслъ остается непроницаемымъ для любознательнаго читателя. Какую именно бѣду натворилъ этотъ «острый антагонизмъ, водворившійся между административными и земскими инстанціями», будто бы, вслѣдствіе нѣмецкой опеки—сія тайна погребена въ пучинѣ безграмотности, черезъ которую нельзя перебраться даже и съ учебникомъ Антонова вмѣсто посоха. Заговоривъ о безграмотности, не можемъ удержаться, чтобы не привести еще двухъ цитатъ: «Г. Соловьевъ проповѣдуетъ для церкви доктрину, систему, учрежденіе, а (зачѣмъ тутъ а?) между тѣмъ какъ церковь—ни доктрина, ни система, ни учрежденіе» (ст. 19, примѣч.) и еще: «Между тѣмъ (Акакій Акакіевичъ любилъ частицы: «того», «этого» и пр., г. Трубниковъ обожаетъ «между тѣмъ») учрежденія оживляются духомъ отдѣльныхъ лицъ, которыя устанавливаютъ умственный и нравственный уровень и прочность націи (что за бессмысленный наборъ словъ!), и эти-то отдѣльныя лица оказались у насъ порочны, себялюбивы, неспособны, бездарны, безчестны, которыхъ (!) не связывали ни правда, ни законъ» (стр. 74). Слѣдуетъ прибавить, что эти «отдѣльныя лица», заявляющія дикую претензію на установленіе «умственного и нравственного уровня» своей націи, оказались и вопіюще-безграмотны, такъ что едва ли удостоились бы, при повѣрочномъ испытаніи, даже льготы по исполненію воинской повинности.

Однако, чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ судальскіе богомазы, и г. Трубниковъ, припугнувъ насъ букою нѣмецкаго нашествія, сейчасъ же проливаетъ бальзамъ утѣшенія въ наше истерзанное сердце. «Единственный и вѣрный путь къ спасенію Россіи отъ тлетворнаго вліянія нѣмцевъ и іезуитовъ на государственную дѣятельность и общественное развитіе заключается въ томъ, чтобы честно и откровенно держаться на почвѣ національной политики и гражданска-

го порядка... при этомъ совершенно необходимо, чтобы въ личномъ составѣ государственнаго управления и въ большихъ общественныхъ учрежденіяхъ (?) преобладалъ русскій элементъ православнаго исповѣданія» (стр. 77). Рецептъ ко спасенію очень простой, но едва ли дѣйствительный. Да и какимъ образомъ привести его въ исполненіе:—обращать, что-ли, насильственными мѣрами въ православіе всѣхъ басурманъ, находящихся у насъ на государственной службѣ? Но отъ такого конфессіональнаго радикализма отпрыгнули бы, пожалуй, и самъ верховный вождь національной политики—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Вѣдь мы живемъ, все-таки, не во времена варооломеевскихъ ночей и отмѣны нантскаго эдикта!!

Таково содержаніе брошюры г. Трубникова, бьющей на публицистическій эффектъ и своимъ тенденціознымъ заглавіемъ и приемами изложенія, но, въ сущности, напоминающей разныя рыночныя издѣлія въ родѣ: «Нѣтъ болѣе геморроя!» и газетныя рекламы Юганна Гоффа о своемъ «пользительномъ» мальцѣ-экстрактѣ.

Впрочемъ, мы должны отдать справедливость и г. Трубникову за одно его драгоценное показаніе, весьма близко подходящее къ самоотверженію. Въ теченіе 25-ти лѣтъ издательской дѣятельности—говоритъ онъ—«мы убѣдились, что демократизація мысли, посредствомъ періодическихъ изданій, имѣетъ свои невыгодныя стороны. Газеты не могутъ замѣнить книжной литературы, въ которой (къ которой?) писатели готовятся, болѣе или менѣе, глубокими изслѣдованіями и долгимъ размышленіемъ. Книга или брошюра обращаются къ разуму, а не къ страстямъ читателей; онѣ образуютъ ихъ мнѣнія посредствомъ умственной работы, а не привычки постоянно слышать повторенія одного и того-же... Общественное мнѣніе, воспитанное подъ исключительнымъ вліяніемъ газетъ, стоитъ обыкновенно на низкой степени, заимствуя отъ нихъ свойственныя такой лихорадочной дѣятельности шаткость, раздражительность, односторонность, неосновательность».

Что правда, то правда, и кому же, какъ не оставшему газетному содержателю, приличнѣе засвидѣтельствовать всю бездонную пустоту и пошлость, все лицемеріе и постыдное кулачество нашей расхожей газетчины съ ея Трубниковыми, Максимевыми, Пастуховыми, Комаровыми и Билбасовыми?!

Эмиль де Лавелз. Современный Соціализмъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. А. Антоновича. С. П. Б. 1883 годъ.

Интересъ, возбуждаемый этой книгою, вполне опредѣляется

уже ея заглавіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ на Западѣ вопросы политической эмансипаціи народовъ получили практическое разрѣшеніе, сама жизнь выдвинула новые вопросы экономического характера, представляющіеся болѣе трудными для разрѣшенія и угрожающіе всей современной цивилизаціи. Созданныя вѣкамъ экономическія формы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обнаруживаютъ свою несостоятельность и, постоянно обостряясь, порождаютъ явленія, полныя угрожающаго смысла и значенія. Надъ разрѣшеніемъ этихъ поставленныхъ на очередь «проклятыхъ вопросовъ» трудились и трудятся лучшіе умы человѣчества, но за всѣмъ тѣмъ дѣло впередъ не двигается и роковыя слова: «хлѣба и работы», по прежнему, остаются грознымъ фактомомъ, приводящимъ въ трепетъ правящіе и матеріально обеспеченные классы. Рабочій вопросъ и всѣ многочисленныя развѣтвленія современнаго социализма порождены самою жизнью и въ силу этого не могутъ быть разрѣшены никакими априорными и теоретическими положеніями, и въ этомъ, конечно, заключается вся жгучая и первостепенная ихъ важность. Въ Россіи, поставленной въ иныя естественныя условія, выступившей позднѣе другихъ народовъ на поле міроваго рынка, не доведшей до послѣдней крайности формы капиталистическаго производства и не имѣющей сильной и многочисленной буржуазіи, — вопросы западнаго социализма, казалось, должны бы быть почти неизвѣстными. Казалось бы, что при обширности пространствъ и рѣдкости населенія, рабочій вопросъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ на Западѣ, не можетъ имѣть мѣста у насъ, однако ежедневный опытъ показываетъ, что успокоиваться на такомъ опортюнистическомъ положеніи представляется по меньшей мѣрѣ рискованно. Ненормальная постановка рабочаго быта не стоитъ въ зависимости исключительно отъ условій естественной производительности страны и густоты населенія: на него въ несравненно большей степени вліяютъ условія социальнаго строя и сложившіяся экономическія отношенія. Безспорно, что тотъ фазисъ, въ которомъ находится рабочій вопросъ въ Россіи, далеко не представляетъ тѣхъ опасныхъ и жгучихъ симптомовъ, какъ на Западѣ, но при всемъ томъ считается съ нимъ необходимо; необходимо съ нимъ считаться и потому, что идейная сторона социальнаго вопроса уже давно знакома образованной части нашего общества и, при отсутствіи свободы изслѣдованія, нерѣдко принимаетъ форму уродливой пропаганды.

Во всякомъ случаѣ, появленіе на русскомъ языкѣ книгъ, посвященныхъ изслѣдованію современнаго положенія социализма, мы признаемъ весьма полезнымъ и даже необходимымъ. Обратимся теперь къ болѣе обстоятельному разбору и характеристикѣ переведеннаго Г. Антоновичемъ сочиненія Эмиля Лавеля.

Съ первыхъ же страницъ своего сочиненія авторъ указываетъ читателю на всю важность социальнаго вопроса и, ставя его въ зависимость отъ новыхъ направленій въ экономической наукѣ, характеризуетъ себя, какъ человѣка, смотрящаго на это грозное явленіе съ точки зрѣнія исключительно научной и общечеловѣческой.—Лавелъ, какъ мы увидимъ ниже, далеко не солидаренъ съ тѣми выводами и принципами, которые установлены лучшими представителями социализма, но въ отношеніяхъ его къ нимъ не замѣчается и признаковъ какой либо нетерпимости, озлобленія, не замѣчается никакого стремленія инкриминировать это ученіе, рассматривать, какъ продуктъ анархїи, какъ явленіе, вызывающее преслѣдованіе, но не изученіе. Упрека въ такомъ, къ несчастію, нерѣдко встрѣчающемся отношеніи къ сложному общественному вопросу—нашъ авторъ совершенно не заслуживаетъ и, благодаря этому, книга Лавелъ представляетъ дѣйствительный и несомнѣнный интересъ.

По принятой авторомъ системѣ, сочиненіе его распадается на двѣ части, которыя можно назвать исторической и дидактической. Въ первой части, представляющей наибольшій, если не единственный интересъ, авторъ рассматриваетъ ученіе социалистовъ въ томъ видѣ, какъ оно сложилось въ послѣднее время, во второй—имъ устанавливаются свои собственные взгляды и принципы, долженствующіе лечь въ основу человѣческаго существованія и группировки экономическихъ и правовыхъ отношеній. Можно быть вполне несогласнымъ съ личными взглядами Лавелъ, можно вообще игнорировать вторую часть его книги, но нельзя не придавать значенія исторической части его труда. Въ краткихъ, популярно изложенныхъ очеркахъ авторъ знакомитъ съ фактической стороной ученія современныхъ социалистовъ, чуждаясь при этомъ тенденціонной окраски и тѣхъ извращеній, которыя столь свойственны авторамъ, не согласнымъ съ сущностью излагаемаго ими ученія. Эта фактическая сторона книги Лавелъ имѣетъ особенное значеніе у насъ, гдѣ возможность непосредственнаго знакомства съ ученіями социалистовъ приводитъ на практикѣ къ бездеремонному искаженію ихъ конечныхъ выводовъ и принциповъ. Начиная съ характеристики новѣйшихъ теорій въ политической экономіи, Лавелъ рассматриваетъ сущность ученія Марло, Родбертуса, Карла Маркса, Лассалля, указывая при этомъ на существующую между ними преемственную связь и на степень практической осуществимости ихъ теорій.

Указывая слабыя, недоразвитыя стороны ученія социалистовъ, Лавелъ вступаетъ съ каждымъ изъ нихъ въ полемику, основанную на строго научныхъ пріемахъ. Убѣдительны ли доводы самаго Лавелъ, — это, конечно, вопросъ другой; но не подлежитъ

никакому сомнѣнію, что для облегченія своей задачи авторъ не грѣшитъ противъ истины, не искажаетъ фактовъ, не глумится, не передѣргиваетъ фактовъ, вообще не прибѣгаетъ ни къ одному изъ тѣхъ пріемовъ, которыми такъ щеголяетъ наша отечественная печать. Мы можемъ только замѣтить, что при подробномъ изложеніи ученія Лассалля авторъ отвелъ слишкомъ мало мѣста описанію практическаго осуществленія лассалевской теоріи. Покрывающіе Германію рабочіе союзы, на лассалевскомъ принципѣ построенныя коопераціи могли бы быть представлены болѣе основательно, въ особенности въ виду тѣхъ статистическихъ матеріаловъ, которыми могъ располагать Лавелэ. Эта поверхностность, съ которой обрисовано практическое положеніе рабочаго вопроса въ Германіи, представляется тѣмъ болѣе непонятной, что тотъ же Лавелэ весьма долго останавливается на интернаціональномъ союзѣ въ Италіи, гдѣ послѣдній имѣетъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ въ Германіи. Познакомивъ съ ученіемъ социалистовъ-теоретиковъ и агитаторовъ, авторъ останавливается на социализмъ въ томъ видѣ, какъ онъ пропагандируется клерикалами-католиками. Эта часть труда Лавелэ также весьма интересна, такъ какъ знакомитъ съ своеобразнымъ и новымъ фазисомъ, въ который вступила борьба съ существующимъ порядкомъ. Далѣе читатели найдутъ изложеніе современнаго состоянія интернаціональнаго союза и возникновеніе анархическихъ ученій, доведенныхъ до послѣдней крайности «апостоломъ разрушенія» Бакунинимъ. Вообще мы можемъ повторить, что вся первая часть книги Лавелэ добросовѣстно знакомитъ съ фактической стороной современнаго социализма и прочтется съ пользою и интересомъ.

Въ догматической части своей книги, авторъ высказываетъ свои собственные взгляды на существующій порядокъ, свои личные взгляды и принципы. Кто же самъ онъ, этотъ Лавелэ, такъ тщательно изучившій социальный вопросъ? Мы не ошибемся, охарактеризовавъ его социальнымъ моралистомъ, чуждымъ практической жизни и значенія. Стоя на почвѣ самаго чистаго идеализма, Лавелэ старается разрѣшить сложныя стороны социальнаго вопроса путемъ христіанской морали, путемъ тѣхъ великихъ началъ, которыя положены въ основу евангелія.— «Блаженъ, кто вѣруетъ»! можемъ мы воскликнуть по ознакомленіи съ идеями Лавелэ:—легко было бы управиться съ социальнымъ вопросомъ, еслибы онъ могъ быть разрѣшенъ не только путемъ идеальной морали, но и вообще на почвѣ теоріи. Въ томъ то и заключается вся жгучая и грозная сторона современнаго социализма, что онъ представляется явленіемъ, выдвинутымъ самою жизнью, исключительно—практическимъ, и не можетъ быть разрѣшенъ иначе, какъ путемъ упорной и продолжитель-

ной борьбы. Найти исходъ изъ этой борьбы, ослабить ея проявленія, вообще отыскать тотъ базисъ, на которомъ могли бы войти въ компромиссъ разнородные и враждебные другъ другу элементы существующаго общественнаго строя—такова задача современной экономической и социальной науки. Но для выполнения такой задачи проповѣдь морали, хотя бы и христіанской, представляется недостаточной. Вотъ почему доктрина самого Лавелэ является, по меньшей мѣрѣ, неосуществимой.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюателя»).

Гаданье.

Довольно, дяденька, брось карты...
Куда гадать тебѣ?! Ужъ старъ ты...
Давай я карты разложу
И все по правдѣ расскажу.

Твой Саша честенъ и уменъ;
Онъ юноша съ душкомъ, съ азартомъ...
Сейчасъ узнаемъ мы по картамъ,
Какъ вѣкъ свой скоротаеть онъ.
Смотри... вотъ бубны за горами...
Онъ страстно будетъ ихъ искать...
А это черви... Охъ, съ червями
Придется много воевать,
И будетъ кровь ему сосать
Тотъ червь свирѣпый, жадный, дикій...
А вотъ смотри... кругомъ все пики,
И поперегъ улегся тузъ,
Сановникъ, значить, важный, тонный...
Мотай же, дяденька на усь...
Смотри... вотъ здѣсь валеть червонный...
Какъ другъ, онъ Сашѣ въ душу влѣзъ...
Доносъ... а вотъ для эпилога,
Тамъ видишь, дальняя дорога
И... «пренечальный интересъ».

Что дядя?.. Скоро я гадаю?..
 Почти на карты не смотрю
 И все подробно говорю.
 Эхъ, дядя?.. И безъ картъ я знаю!
 Такой теперь ужъ странный вѣкъ...
 Будь только честный человѣкъ...
 Тогда ему и безъ гаданья
 Не трудно сдѣлать предсказанья.

Горесмѣховъ.

С л у ч а й.

Разъ собрался кружокъ молодой
 Въ одному изъ своихъ на пирושку.
 Все шумѣло, какъ моря прибой,
 Рѣчи гнали, какъ волны, другъ-другу.

— За свободу! воскликнулъ брונетъ
 Изъ евреевъ, наполнивъ стаканы.
 — По домамъ бы!... давали совѣтъ
 Люди опыта:—многіе пьяны.

— Господа! разсмѣялся одинъ
 Исключенный студентъ,—не рискую
 Я судить о причинѣ причинъ,
 Но всегда и во всемъ протестую.

— Идеалы! кричалъ новичекъ,
 Больше всѣхъ презентабельный малый:—
 Вотъ въ чемъ сила! Ужъ лучше скачекъ
 Неразумный, чѣмъ шагъ зашоздалый.

— А по мнѣ, раздалось изъ угла
 Чье-то мрачное, трезвое слово,—
 Лишь въ рукахъ бы синица была,
 Журавля я поймаю любого.

Вдругъ послышался рѣзвйй звонокъ—
И впорхнула нежданная птица...
Догадайтесь,—узнать я не могъ:—
Быль журавль это, или синица?

Омулевскій.

Сатирическимъ поэтамъ.

Посоль небеснаго чертога,—
И Онъ разъ гнѣвомъ воспылалъ,
И торгашей изъ храма Бога
Рукой карающей изгналъ.
Но вы же люди,—ваши чувства
Воспламеняются скорѣй.
Чего-жь молчите?—храмъ искусства
Забрызганъ грязью торгашей.
На алтаряхъ его, гдѣ прежде
Лучи поэзи всѣхъ жгли,—
Шуты въ пестрѣющей одеждѣ
Огарки смрадные зажгли.
Въ святой обители, гдѣ стройно
Глаголь божественный звучалъ,—
Тамъ брань заводитъ непристойно
Толпа ликующихъ мѣняль.
Гдѣ «непорочный стражъ» когда-то
Стоялъ у входа въ храмъ святой,
Теперь развратникъ мысли злато
Считаетъ жадною рукой.
Гдѣ звуки юмора живые
Лились когда то, какъ каскадь,
Тамъ скоморохи площадные
Съ кривляньемъ бубнами звенять.
И все, что въ храмѣ было свято,
Чѣмъ озарялася душа,—
Все опозорено, все смято
Иужой проклятой торгаша.

Чего-жъ вы ждете? или яду
 И желчи больше нѣтъ у васъ?
 Или неистовое стадо
 Не оскверняетъ ужь Парнасъ?..
 Настройте-жъ звонко ваши лиры,
 Карайте смѣло, какъ скотовъ,
 Торговцевъ мысли и шутовъ
 Вичемъ недремающимъ сатиры!

П. Сергай.

Недоумѣніе.

«Еслибъ пророки межъ нами
 Съ словомъ свободнымъ ходили,—
 Мы, не стыдясь-бы, камнями
 Ихъ отъ себя проводили!..»

«Еслибъ апостолы дѣла
 Насъ посѣтить захотѣли,
 Нива для нихъ не созрѣла—
 Мы бы и ихъ не стерпѣли!»

Слышится справа и слѣва,
 Спереди, сзади—все то же...
 Что-жъ это, Чистая Дѣва?
 Что-жъ это, Господи Боже?!

Н. Н—ій.

*
 * *

Ничего въ волнахъ не видно—
 Скажешь, родину любя,
 И вдругъ станетъ такъ обидно,
 Словно высѣкли тебя.

Словно въ карцерѣ, какъ шкельникъ,
 Отсидѣлъ ты долгій срокъ,
 Или въ острогѣ, какъ невольникъ,
 Отбываешь свой «урокъ»...

Лишь, съ веселостью великой,
Среди общей вутерьмы,
Ретроградовъ жалкихъ клика
Пляшетъ у дверей тюрьмы.

Н. М.

Въ альбомъ знаменитымъ современникамъ.

I.

Г. Евгению Львову-Кочетову.

Влетѣлъ онъ кочетомъ въ чужую штабъ-квартиру,
Въ чужой редакціи хотѣлъ поднять содомъ;
Но крылья подбравъ, и на смѣхъ всему міру,
Онъ мокрой в урицей поплелся въ отчій домъ.

II.

Князю В. Мещерскому.

Конечно, княже—гражданинъ,
Вамъ посрамленье—не наука...
Но даже въ гробъ Карамзинъ
Отыдятся эдакаго внука!!

Н. Мизантроповъ.

СОДЕРЖАНИЕ № 10-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	Стр.
I. Торжество правосудія. Романъ Д. И. Стахъева.	3
II. Ошибки и раскаяніе. (Изъ временъ Наполеона I-го). В. И. Модестова.	30
III. Къ вопросу о распространеніи грамотности въ русскомъ народѣ. В. Я. Стоюнина.	57
IV. Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи. С. С. Шашкова.	78
V. Друзьямъ. Стихотвореніе. Л. И. Трефолева.	100
VI. О преступленіяхъ противъ вѣры. А. Ф. Кистяковскаго.	102
VII. Братья Рамулты. Повѣсть І. Крашевскаго.	123
VIII. Язы Петербурга IX. (Въ міръ преступниковъ и преступленій). В. О. Михневича.	147
IX. Памяти «святаго старика». Стихотвореніе С. А. Бердяева.	167
X. Гражданское управленіе въ Болгаріи въ 1877—1879 гг. Д. И. Георгіевскаго.	169
XI. Дипломатія и любовь. Романъ Іоганна фонъ-Деваля.	195
XII. Заблудившійся. Стих. М. Лачинова.	257
XIII. Среди природы. Стих. П. В. Быкова.	258

Современное обозрѣніе.

XIV. Наши внутреннія дѣла.	1
XV. Политическая хроника	28
XVI. Новыя книги	46
XVII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): Стихотворенія: Горесмѣхова, Омуглевскаго, П. Сергая, Н. К-аго и Н. Мизантропова.	55

Объявление

ОТЪ РЕДАКЦИИ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ».

Въ настоящее время, въ распоряженіи редакціи находятся еще, въ небольшомъ количествѣ, полные экземпляры «Народной Школы» за 1878 и 1879, въ которыхъ были напечатаны нижеслѣдующія статьи: *А. И. Анастасіева*: 1) О возвышеніи педагогическаго уровня народныхъ учителей; 2) Воскресная ола при Порѣцкой учительской семинаріи. *В. И. Ассонова*: 1) Учительская семинарія и народныя школы въ Финляндіи въ 1875—76 учебномъ году; 2) Вопросъ о народномъ образованіи на Финляндскомъ сеймѣ 1877—78 г.; *Ф. фонъ-Боля*: рецензія на «Зимніе вечера» г-жи Анненской. *И. А. Итцеля*: Къ вопросу о преподаваніи географіи въ народной школѣ. *В. И. довозова*: Патріархъ Никонъ и Крижаничъ. *В. Я. Гербача*: критическіе сборы 9-ти книгъ по первоначальному обученію. *а. Г. Гуревича*: критическая статья о книгѣ г. Петрушевскаго: «Разскзы про Петра Великаго». *Домоховскаго*: Инородческія школы въ Россіи. *К. Ельницкаго*: Организація обученія въ школѣ съ однимъ учителемъ при ученикахъ различной подготовки. *Л. Д. Журавлева*: 1) Школа десятниковъ по строительному дѣлу, учрежденная императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ; 2) С.-Петербургская вресная школа. *Н. Н. Запольскаго*: 1) Къ вопросу объ обязательности воначального обученія. Сводъ мнѣній народныхъ учителей (двѣ статьи); 2) Остранная хроника по народному образованію (въ Пруссіи и Саксоніи). Двѣ главы. 3) Образецъ протокола при ревизіи народныхъ училищъ; 4) О преподаваніи Закона Божія. *Н. Зурскаго*: Уроки естествовѣдѣнія, три статьи (чертежами). *И. П. Золотницкаго*: Объ улучшеніи архитектуры школьныхъ зданій. *В. И. Зимницкаго*: Условія и приемы объяснительнаго чтенія (двѣ статей). *В. Э. Иверсена*: 1) О преподаваніи естественныхъ наукъ въ одной школѣ (три статьи); 2) Письма къ народнымъ учителямъ о вредѣ съ полевыхъ наѣжкомыхъ (три письма). *П. Ф. Каптерева*: 1) Методъ и примѣненіе; 2) Спенсеръ, какъ педагогъ, и его русскіе критики (4 статьи). *П. Курпотенко*: рецензія на книги г. Меліоранскаго: «Вопросникъ по логіи для элементарныхъ училищъ» и «Учебный матеріалъ къ вопроснику, обучающихъ». *Е. П. Карновича*: Повѣствованія изъ русской исторіи: великая княгиня Ольга; 2) русскія лѣтописи; 3) извѣстія русскихъ лѣтописей о чрезвычайныхъ явленіяхъ природы; 4) печенѣги, торки, половцы, ендеи и черныя клобуки; 5) войны русскихъ съ меченосцами; 6) хожденіе орду русскихъ князей; 7) псковское княжество; 8) великіе и удѣльные князья. *Барона Н. А. Корфа*: 1) Значеніе народной школы и педагогическихъ знаній для общества; 2) Парижская всемірная выставка (4 ст.) *А. Кочетова*: 1) Начальныя народныя училища Московскаго уѣзда; 2) Дѣятельность Мариупольскаго земства по народному образованію. *Всев. И. Миротвѣрскаго*: Историческій очеркъ народнаго просвѣщенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки (7 ст.). *Я. Т. Михайловскаго*: 1) двѣ рецензіи на книги: а) «Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополь», перев. съ чешскаго, *Б. П. Побѣдоносцева* и б) «Историч. хрестоматія по рус-

ской исторіи гг. Гуревича и Павловича; 2) Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы (двѣ статьи). *Н. Н. Островской*: Должно ли существовать наглядное обученіе, какъ отдѣльный предметъ? *Б. А. Павловича*: О подвижныхъ школахъ Швеція и Норвегія. *Б. Рейнбота*: О томъ, какъ человекъ выдѣлываетъ бумажную пряжу изъ хлопчатника и какъ червячокъ-шелкопрядъ самъ приговливаетъ шелковую пряжу. *И. С. Ремезова*: А. В. Ступинъ и его школа живописи. *А. Самуя*: Помощь при начальномъ обученіи ариметикѣ (двѣ статьи съ чертежами). *Д. Д. Семенова*: Основы педагогическаго образованія народныхъ учителей въ Кубанской учительской семинаріи. *О. К. Семеновой*; Первый шагъ дитяти въ школѣ. *А. Θ. Соколова*: 1) О сліяніи звуковъ въ обученіи грамотѣ; 2) Отчего много времени тратится на прохожденіе букваря? *Д. И. Тихомирова*: 1) отношеніе грамматики къ правописанію въ элементарномъ обученіи; 2) Экзамены на льготу при отбываніи воинской повинности. *В. И. Фармаковскаго*: 1) учитель-сельскій писарь; 2) Наканунѣ реформы (изъ жизни нашей народной школы). *И. О. Фесенко*: 1) Вліяніе антипедагогической школьной обстановки на здоровье дѣтей; 2) Германскія ремесленные школы (рядъ статей); 2) Бритическая статья о книгѣ г. Евстафіева: «Начальныя основанія педагогики, методики и дидактики». *И. И. Шалфьева*: Первое пятилѣтіе Курской земской учительской школы, и проч. Кромѣ того, въ каждой книжкѣ «Народной Школы» помещалась «Педагогическая хроника» (А. П. Пятковскаго), въ которой подробно разсматривались всѣ важнѣйшіе вопросы, возникшіе у насъ, за это время, въ сферѣ народнаго образованія, какъ напримѣръ: о дѣятельности разныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ на пользу начальной школы; объ обязанности обученія; объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго положенія народнаго учителя; о подвижныхъ школахъ; о совѣстномъ обученіи дѣтей обоего пола; объ устройствѣ библіотекъ при школахъ и о народныхъ читальняхъ; о чтеніяхъ для народа; о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи; о ремесленныхъ школахъ; о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ; объ образованіи инородцевъ и проч. и проч. Въ отдѣлѣ «Политическихъ извѣстій» разсказана была, въ связныхъ, послѣдовательныхъ очеркахъ, вся исторія русско-турецкой войны отъ паденія Плевны до занятія Санъ-Стефано и возстановленія автономнаго Болгарскаго княжества. Въ отдѣлѣ «Разныхъ Извѣстій» сообщались свѣдѣнія, любопытныя для народнаго учителя, по часамъ народнаго образованія, сельскаго хозяйства, общественной гигиены, а также крупныя факты изъ нашей внутренней политической жизни.

Имѣя возможность сдѣлать доступнымъ приобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ 1878—79 гг., и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редація предлагаетъ нынѣ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 руб. за оба года, по 6 руб. съ пересылкою. При подпискѣ же на текущій годъ, слѣдуетъ выслать, круглымъ счетомъ, 10 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
НАРОДНАЯ ШКОЛА
Въ 1883 ГОДУ.

(п я т н а д ц а т ы й г о д ь).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по реженіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ зотой медаліи отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1883 году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательво по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библиографія.** V) **Новости и жизнь.** Этотъ отдѣлъ вполне соответствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболее интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагаетъ по тремъ частямъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и особенно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) историческія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа политическихъ событій за границу; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

Въ текущемъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участіе своими трудами: *и. Акатовъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, В. П. Болѣксъ, Т. В. Кучаевъ, В. Э. Иверсенъ, д-ръ Ивинъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Фельдъ, П. Мочульскій, Я. Т. Михайловскій, П. Новицкій, С. Нурискій, Ѳ. Ѳ. Резнеръ, П. С. Ремезовъ, Н. Смирновъ, И. О. Фесенко* и др.

Для будущаго года, въ распоряженіи редакціи имѣется уже много новыхъ матеріаловъ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1883 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пять коп.** съ пересылкою или доставкою. Иногородные подписчики адресуются **исключительно:** въ главную контору «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», С.-Петербургъ, Поварской переулочъ, д. № 5.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакция предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: по 9 р. за оба года, по 6 руб. съ пересылкою. При подпискѣ же въ 1883 году, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. с.

Редакторъ-издатель А. Пятковскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ 1883-мъ году. (Годъ второй).

Журналъ будетъ выходить въ 1883 г. безъ предварительной цензуры, подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, кнѣгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ. Годовая цѣна журнала: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ доставкою въ С.-Петербургъ; 14 р. съ пересылкою; 16 р. съ перес. за границу.

Подписна принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (Новарской переулочъ, № д. 5, кв. 5) Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ.

Подписна на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ январьской.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

7

ATC
N33
1
JUL 0 1882
INDET 1.1-

DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

